Джордж Алек

ЭФФИНДЖЕР

Марид Одран

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Произведения Дж. Эффинджера создали ему репутацию писателя — фантаста, одаренного научным вымыслом. «Перекошенный, мрачный и жестокий… это нож позади каждой улыбки», — так характеризовал творчество писателя один из видных критиков Америки. Имя Эффинджера не сходит со страниц газет и журналов, его книги мгновенно раскупаются, о его персонажах спорят, равнодушных нет.

Марид Одран
«Когда под ногами бездна» (When Gravity Fails, 1987)
«Огонь на солнце» (A Fire in the Sun, 1989)
«Поцелуй изгнанья» (The Exile Kiss, 1991)

Самое знаменитое произведение Эффинджера, классика киберпанка. Действие происходит в XXII веке, когда финансовые неурядицы и экологические катастрофы привели к «балканизации» Запада и возвышению Востока. Повсюду царит тоталитаризм и беззаконие, широко доступны синтетические наркотики, люди активно модифицируют свои тела.

Герой цикла, частный детектив Марид Одран, расследует загадочные преступления с большим количеством убийств. Атмосфера романов — гибрид классического нуара в духе Рэймонда Чандлера и киберпанка «под Гибсона». Герой, в соответствии с законами жанра, активно употребляет наркотики, спит с транссексуалами, постоянно огребает по физиономии и другим частям тела. При этом Марид принципиально не использует «модики» — мозговые импланты, позволяющие проецировать на собственное сознание матрицу любой личности. Человек может стать кем угодно — хоть Наполеоном, хоть Ганнибалом Лектером. Естественно, когда любой способен примерить сознание Джека-потрошителя или Аль Капоне, самые изощрённые убийства происходят на каждом шагу.

- Джордж Эффинджер
  - КОГДА ПОД НОГАМИ БЕЗДНА
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7

- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20

○ ОГОНЬ НА СОЛНЦЕ

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19

○ ПОЦЕЛУЙ ИЗГНАНИЯ

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10

        - Глава 11
        - Глава 12
        - Глава 13
        - Глава 14
        - Глава 15
        - Глава 16
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25

Джордж Эффинджер
МАРИД ОДРАН

КОГДА ПОД НОГАМИ БЕЗДНА

Затерян в Хуаресе:
Пасха и дождь, как черная мгла,
Когда под ногами бездна и больше не держит Земля.
Не время строить крутого: ты забрел на МОРГ-авеню, —
Здесь бабам по вкусу свежее мясо, здесь никто не скажет "люблю".

Боб Дилан

…В своем мире ему не должно быть равных, да и в любом другом он окажется на высоте… Он одинок; он гордый человек, а это Значит, что с его самолюбием придется считаться, — иначе он заставит вас горько пожалеть, что повстречался на вашем пути. Его речь и манеры — взрослого мужчины нашего времени, то есть: грубоватый юмор, острое ощущение абсурдных сторон жизни, ненависть к притворству и обману, презрение ко всяческой мелочности.

Раймонд Чандлер. Описание частного детектива в книге "Простое искусство убийства"

Глава 1

Ночной клуб Чириги расположен в самом центре Будайина: восемь кварталов от Южных ворот и столько же от кладбища. Так что кладбище, можно сказать, под рукой, что очень кстати. Наша часть города — опасное место, это вам скажет любой. Приезжим всегда советуют держаться подальше отсюда, но туристы все равно набегают каждый день. Как же — они столько слышали о Будайине, а теперь должны уехать, так и не увидев? Ну нет!

В основном искатели приключений внедряются сюда через Южные ворота и начинают поход по Главной улице. С боязливым любопытством Озирая окрестности; миновав три-четыре квартала и приступ легкой паники, они обычно устраивают привал в одном из заведений, где можно выпить или заправиться пилюльками. Затем поспешно ретируются по Главной улице и, добравшись живыми до гостиницы, радуются своей удаче. Некоторым удача изменяет, и они остаются с нами навеки, украсив своим присутствием кладбище. Как я уже отметил, оно удивительно удобно расположено — большая экономия времени и сил.

Я вошел к Чириге довольный, что вырвался из душной, липкой ночной жары. У столика возле самой двери сидели две пожилые женщины: туристки, обремененные хозяйственными сумками, туго набитыми сувенирами для родных и знакомых. Одна держала камеру, делая снимки голограммы людей, собравшихся в клубе. Здешние завсегдатаи обычно такого безнаказанно не спускают, но на двух немолодых дам не обратили особого внимания. Мужчине никогда бы не позволили снимать у Чириги не заплатив; так или иначе туристок демонстративно игнорировали все присутствующие, кроме высокого, очень тощего мужчины в темном европейском костюме и галстуке. Странный наряд для наших мест, но нынешней ночью я видел и более нелепые одеяния. На чем специализируется этот тип, что он собирается предложить вниманию дам? Я заинтересовался и, остановившись у бара, стал подслушивать.

— Меня зовут Бонд, — представился мужчина дамам, — Джеймс Бонд. — Как будто это и без слов было непонятно.

Женщины были явно испуганы.

— О Господи, — прошептала одна из них. Так, теперь моя очередь. Я подошел сзади к модулю (уменьшительно-ласкательное — модик) и схватил за запястье.

Загнув большой палец внутрь ладони, резко нажал на ноготь. Модик вскрикнул от боли.

— Да ладно тебе, идем отсюда, Ноль-ноль-семь, старина, —

шепнул я ему на ухо. — Поиграем в эти игры в другом месте.

Проводив его до двери, я с удовольствием вытолкнул этого типа в мягкую, пахнущую болотной сыростью темноту.

Женщины воззрились на меня так, словно им явился сам Пророк, держа в каждой руке по конверту с персональным пропуском в райские кущи.

— Благодарю вас, — пролепетала владелица камеры по-французски. — Не могу найти слов, чтобы выразить нашу признательность…

— Пустяки, — ответил я. — Не люблю, когда эти типы с подключенными к мозгу личностными модулями пристают не к себе подобным. Вторая никак не могла взять в толк, о чем я говорю.

— Модули, молодой человек? — Как будто в их краях такого не водится. — Ну да. Парень носит личностный модуль Джеймса Бонда. Вообразил себя Бондом и будет исполнять этот номер всю ночь, пока кто-нибудь не стукнет его хорошенько и не выдернет модик из головы. Во всяком случае, он этого заслуживает. Однако Аллаху известно, какие он нацепил училки в придачу к своему модику. — Я снова заметил недоумение на их лицах и объяснил:

— Училка — это своего рода обучающая программа. На время подключения она дает знание определенного предмета.

Вставляешь, скажем, училку шведского языка, и, пока не выдернешь, шведский твой родной язык. Владельцы магазинов, законники — все члены этой воровской банды — пользуются училками.

Женщины растерянно моргали, не понимая, верить или нет услышанному.

— Вставлять такие устройства прямо в мозг? — произнесла вторая. — Но ведь это ужасно!

— Откуда вы приехали? — спросил я. Они переглянулись.

— Из Народной Республики Лоррейн, — ответила та, что с камерой.

Все понятно: им наверняка еще не приходилось сталкиваться с идиотами, слепо следовавшими прихотям собственного модика.

— Дорогие дамы, — сказал я, — хотите добрый совет? Я думаю, вы оказались в неподходящей части города. И уж наверняка выбрали не подходящий для себя бар.

— Спасибо-спасибо, молодой человек, — отозвалась вторая женщина.

Они пошептались друг с другом, засуетились, зашуршали своими сумками и пакетами и выскочили на улицу, оставив на столике недопитые стаканы. Надеюсь, им удастся выбраться из Будайина живыми и невредимыми.

Этой ночью Чирига (уменьшительно-ласкательное — Чири) работала за стойкой одна. Мне нравится Чири; мы давние друзья. Она высокая, грозная, прямо чернокожая амазонка, лицо сплошь покрыто выпуклыми шрамами — наподобие тех, какими щеголяли ее далекие предки. Когда Чири улыбалась — а это случалось не очень-то часто, — ее зубы грозно сверкали ослепительной белизной. Грозно, потому что она подпилила клыки, ставшие острыми, как у вампира. Общеизвестный обычай каннибалов. Когда в клуб заходил чужак, ее глаза становились пронзительными, пустыми и черными, как дырки от пуль в стене. Но мне она продемонстрировала традиционную приветственную ухмылку.

— Джамбо! — вскричала Чири. Я перегнулся через узкую стойку и быстро чмокнул ее в мозаичную щеку.

— Что у тебя делается, Чири? — спросил я. — Нджема, — ответила она на суахили, просто из вежливости. Потом потрясла головой. — Ничего, ни-че-го, все та же осточертевшая работа, и так каждый день.

Я кивнул. Никаких особых изменений на нашей улице, только новые лица. В клубе двенадцать клиентов и шесть девочек. Четырех Чиригиных красоток я знал, две были новенькими. Они могут остаться здесь надолго, как Чири, или быстро удариться в бега.

— Это кто? — спросил я и кивнул в сторону сцены, где работала новенькая.

— Пуалани. Просит, чтобы ее так называли. Говорит, это значит «райский цветок». Нравится? Не знаю, откуда она родом. Фема, настоящая девочка.

Я поднял брови.

— Значит, тебе наконец-то будет с кем поговорить.

Чири изобразила крайнюю степень сомнения.

— Да? Сам попробуй поговорить с ней. Увидишь.

— Такой тяжелый случай?

— Увидишь. Все равно никуда не денешься. Ну ладно, ты пришел сюда отнимать у меня время или закажешь что-нибудь?

Я бросил взгляд на часы за баром.

— Примерно через полчаса я встречаюсь с одним господином.

Теперь уже Чири подняла брови.

— М-м-м, бизнес? Мы снова трудимся, да?

— Черт, Чири, это уже вторая работа за месяц.

— Тогда закажи что-нибудь.

Перед деловой встречей я стараюсь воздерживаться от наркотиков, поэтому заказал свою обычную смесь: джин, бингара

со льдом и немного сока лайма.

Несмотря на то что клиент скоро заявится, я продолжал стоять у бара: как только сяду за столик, новенькие попытаются со мной поработать. Даже если Чири велит им отстать, они все равно попытаются. Еще успею занять столик, когда покажется этот самый господин Богатырев.

Я потягивал напиток и рассматривал девочку на сцене. Очень привлекательна, но они ведь все такие: профессиональный признак. Безупречное тело — маленькое, гибкое и такое неотразимо женственное, что чувствуешь непреодолимое желание прикоснуться, пробежать пальцами по этой прекрасной коже, сейчас покрытой сверкающими росинками пота. Смотришь на нее и испытываешь желание… — в этом вся суть. Вот почему здесь торчат девочки, вот почему здесь торчишь ты и Чири со своей кассой. Ты покупаешь девочкам выпивку, разглядываешь их безупречные телеса и ведешь себя так, будто нравишься им. Они тоже делают вид, что ты им нравишься. Как только перестаешь сорить деньгами, девочки встают и делают вид, что им нравится клиент за соседним столиком.

Не могу вспомнить, как зовут эту красотку. Она хорошо поработала над собой: скулы подняты с помощью силикона, выпрямлен и уменьшен нос, некогда квадратную челюсть «строгали» до. тех пор, пока она не приобрела симпатичную округлость. На диво крупные силиконовые груди; задик аппетитно выпуклый благодаря тому же силикону… Все это оставляет следы. Никто из клиентов их не заметит, но мне за последние десять лет приходилось наблюдать массу разных женщин, танцующих на разных сценах. Все они выглядят примерно одинаково.

Чири, обслужив гостей на другом конце стойки, вернулась ко мне. Мы посмотрели друг на друга.

— Она потратилась и на то, чтобы подправить мозги? — спросил я.

— По-моему, может принимать только училки, и все, — засмеялась Чири.

— Девочка столько извела денег на тело, что могла бы оборудовать себя полностью.

— Она гораздо моложе, чем выглядит, мой сладкий. Приходи сюда через полгода, и у нее уже будет розетка для модика. Дай только время; она сможет переключаться на любой тип, какой только пожелаешь: от похабной шлюхи до нежной загубленной голубки, плюс все варианты между ними.

Чири права. Просто непривычно, что девочка в таком вот ночном клубе полагается только на свой девственный мозг.

Интересно, хватит у этой новенькой выдержки, чтобы продолжать работать в таком качестве, или она бесславно вернется домой, приобретя идеально модифицированное тело и частично модифицированный мозг? Бар для модиков и потребителей училок — нелегкое место для работы. Пусть у тебя самое роскошное тело на свете, но если все клиенты подключены и заняты собственным внутримозговым развлечением, ты с таким же успехом можешь отправиться домой и тоже подключиться.

— Вы Марид Одран? — негромко произнес чей-то невозмутимо ровный голос.

Я медленно повернулся и взглянул на говорившего. Очевидно, это и есть Богатырев. Небольшого роста, уже лысеющий человек со слуховым аппаратом; никаких признаков модификации мозга. Видимых признаков, конечно. Он мог быть от уха до уха вооружен модиком и приставками-училками, не заметными для меня. Мне приходилось сталкиваться с такими пару раз. Это опасный тип людей.

— Да, — сказал я. — Господин Богатырев?

— Рад нашему знакомству.

— Взаимно, — отозвался я. — Вам придется заказать какой-нибудь напиток, иначе эта барменша начнет разжигать свой огромный страшный чугунный котел.

Чири окинула нас фирменным плотоядным, каннибальским взглядом.

— Мне очень жаль, — сказал Богатырев, — но я не употребляю алкоголь.

— Все в порядке, — объявил я, повернувшись к Чири. — Налей ему то же самое. — Я поднял свой стакан.

— Но… — протестующе начал Богатырев. — Все в порядке, — повторил я. — За мой счет, я плачу. Так будет честно: я ведь и выпью это зелье.

Богатырев кивнул; совершенно никакого выражения на лице. Полная невозмутимость. Считается, что абсолютной монополией на этот счет обладают азиаты, но у молодцев из Обновленной России тоже неплохо получается. Они работают над собой. Чири сделала мою смесь, я заплатил ей. Потом провел маленького Богатырева к одному из угловых столиков. Мой клиент ни разу не посмотрел по сторонам, ни на секунду не задержал взгляд на почти обнаженных женщинах вокруг. С такими типами мне тоже приходилось сталкиваться.

Чири любит, чтобы в ее клубе царил полумрак. В полумраке девочки выглядят презентабельнее: не такие хищные и алчные, как на самом деле. Колышущиеся тени смягчают их облик, придавая влекущую таинственность. По крайней мере, так обычно

кажется туристам. Чири просто не хочет выставлять на всеобщее обозрение всяческие торговые сделки, происходящие за столиками и в кабинках. Яркий свет, бьющий со сцены, едва рассеивал темноту, высвечивая только лица людей у столика, погруженных в созерцание, мечты или галлюцинации. Все остальное тонуло во мгле. Это мне нравилось.

Я опустошил свой первый стакан и отодвинул его в сторону; потянулся за вторым.

— Чем могу быть полезен, господин Богатырев?

— Почему вы предложили встретиться именно здесь?

Я пожал плечами.

— В нынешнем месяце у меня нет офиса. Люди вокруг — мои друзья. Я помогаю им, они мне. Закон взаимовыручки.

— Полагаете, вам потребуется их защита? — Я видел, что не убедил его в своей надежности. Пока не смог убедить. Он все еще оценивал меня. Но делал это очень тактично. Они работают над собой и в этом отношении.

— Нет, защита тут ни при чем.

— У вас ведь имеется оружие? Я улыбнулся:

— Как правило, я не таскаю с собой оружия, господин Богатырев. Ни разу не попадал в ситуацию, когда оно могло бы выручить. Одно из двух: или у парня пушка, и я делаю то, что он скажет, или у него нет таковой, и тогда приказываю я.

— Но если вы сначала продемонстрируете орудие, это поможет избежать ненужного риска, не так ли?

— И сбережет бесценное время. Но у меня много времени, господин Богатырев, и рискую я собственной задницей. Каждый волен поддерживать интерес к жизни по-своему. Кроме всего прочего, здесь, в Будайине, мы придерживаемся своеобразного кодекса чести. У меня нет оружия — у них нет оружия, и обе стороны знают это.

Каждый, кто нарушит правило, испытает последствия на своей шкуре. Мы все — одна большая дружная семья.

Не знаю, купился Богатырев или нет, но я этого и не добивался. Просто давил на него слегка, пытался понять, что русский из себя представляет.

Сквозь маску его невозмутимости чуть-чуть проглянуло разочарование.

Наверняка сейчас он решает, не переиграть ли все. В кодовой системе легко можно найти координаты целой армии наемных громил. Крупных, тренированных, готовых продемонстрировать самое разнообразное оружие, чтобы успокоить сердце такого клиента, как Богатырев. Там числятся агенты с блестящими новенькими парализаторами под пиджаками, принимающие

посетителей в просторных, удобных офисах в респектабельном квартале города, с секретаршами, компьютерами, имеющими доступ к базам данных в любой части света, с фотографиями в красивых рамках, где они обмениваются рукопожатием с особами, которых знаешь по газетным снимкам… Все это — не я. И мне очень жаль.

Я знал, о чем хочет спросить Богатырев, и опередил его:

— Вы не можете понять, почему лейтенант Оккинг рекомендовал меня, а не одну из городских организаций?

Ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Да.

— Лейтенант — часть нашей дружной семьи, — сказал я. — Он подыгрывает мне, я — ему. Слушайте: если вы пойдете к одному из наших хромированных агентов, он выполнит работу, но возьмет в пять раз больше, чем я, и будет возиться дольше даю гарантию. И еще: эти птички высокого полета имеют привычку громыхать повсюду своим дорогим оборудованием и оружием и привлекать всеобщее внимание. Я работаю без лишнего шума. Меньше риска, что объект вашего интереса, кто бы он ни был, получит украшение в виде ожогов от лазерной пушки.

— Понимаю. Раз уж вы сами затронули вопрос оплаты, могу я узнать, во сколько вы оцениваете свои услуги?

— Зависит от того, что требуется сделать. Есть работа, за которую я вообще не берусь. Можете считать это заскоком. Но если я откажусь, то порекомендую надежного парня, который наверняка согласится. Не лучше ли вам рассказать все с самого начала?

— Надо найти моего сына. Я молчал, ожидая продолжения, но Богатырев, кажется, уже высказался.

— О'кей, — произнес я.

— Вам понадобится его фотография. — Это было утверждение, а не вопрос.

— Конечно. И вся информация: давно ли он пропал, когда его видели в последний раз, что он говорил; сбежал мальчик или вы думаете, что его сманили.

Это большой город, Богатырев; при желании здесь легко найти укромный уголок и затаиться. Я должен знать, откуда начать поиски.

— Сколько вы берете?

— Хотите поторговаться?

Он начинал действовать мне на нервы. С трудом нахожу общий язык с новыми русскими. Я родился в 1550 году хидиры (2172 по летоисчислению неверных). За тридцать-сорок лет до моего появления на свет коммунизм и демократия как бы

скончались во сне, исчерпав ресурсы, от эпидемий и нищеты. Советский Союз и Соединенные Штаты раздробились на множество монархий и диктаторских государств.

Вскоре за ними последовали другие нации. Скажем, появились независимая Моравия, Тоскана, Содружество Западной Территории — все отгорожены от соседей и панически дрожат. Я не имел понятия, из какого именно государства Обновленной России прибыл сюда Богатырев. Пожалуй, особой разницы не было.

Он не отрывал от меня глаз; наконец я сообразил, что русский и рта не раскроет, пока я не назову свою цену.

— Тысяча киамов в день плюс расходы, — объявил я. — Заплатите сейчас за три дня вперед в качестве аванса. Когда найду вашего сына, иншалла, представлю список расходов.

Названная цифра в десять раз превышала мою обычную плату; я ждал, что он начнет торговаться и немного собьет.

— Вполне удовлетворительно. — Богатырев открыл литой пластиковый кейс и вынул небольшой пакет. — Здесь голографические кассеты и полное досье моего сына: увлечения, причуды, таланты, особенности психологии. Все, что вам потребуется.

Я уставился на него. Странный пакет. Кассеты — ладно, тут нет ничего необычного; меня насторожило остальное, например «особенности психологии».

Зачем он приготовил для меня эти сведения — разве что страдает маниакальной педантичностью или острой формой паранойи. Наконец меня осенило.

— Давно ли пропал ваш сын?

— Три года назад.

Я растерянно моргнул; спрашивать, почему папа так поздно взялся за поиски, было бы дурным тоном. Очевидно, Богатырев уже побывал у здешних «нужных людей», и они ничем не смогли помочь.

Я взял пакет.

— За три года песок заносит следы, господин Богатырев, — предупредил я.

— Буду весьма признателен, если вы уделите этому делу максимум внимания, сказал он. — Я понимаю, существуют определенные трудности, но готов платить до тех пор, пока вы не добьетесь успеха или не убедитесь, что всякая надежда потеряна.

Я улыбнулся:

— Надежда всегда остается, господин Богатырев.

— Иногда — нет. Приведу вашу арабскую пословицу: «Один час судьба за тебя, десять — против тебя». — Он вытащил из

кармана толстую пачку банкнот, отсчитал от нее три купюры. Быстро убрав пачку, чтобы хищные глаза Чиригиных акул не успели заметить поживу, протянул мне три тысячи аванса. — Вот за три дня вперед.

Раздался чей-то вопль.

Держа в руке деньги, я повернулся, чтобы посмотреть, что происходит. Две девочки распластались на полу; Джеймс Бонд стоял со старинным пистолетом в руке. Готов поручиться, что это была подлинная коллекционная «беретта» или «Вальтер-ППК». Он выстрелил всего один раз; в маленьком помещении ночного клуба словно разорвался артиллерийский снаряд. Я метнулся через островок между столиками и баром, но сразу сообразил, что Бонда мне не достать. Он уже повернулся и прокладывал путь к выходу. Позади него визжали девочки и клиенты, отталкивали и пихали друг друга, стараясь выбраться из опасной зоны. Мне не прорваться сквозь толпу этих охваченных паникой людей. Проклятый модик сегодня ночью вошел в свою роль до конца, исполнил заветное желание в ничтожной игре: выстрелил из настоящего пистолета в переполненном баре. Теперь, наверное, будет проигрывать эту сцену в памяти до конца жизни. Придется ему довольствоваться таким стимулятором, ибо, если его физиономию заметят на улице хоть раз, его так отметелят, что у парня останется только одно заветное желание — чтобы когда-нибудь люди смогли узнать в нем собрата по расе.

Возбуждение понемногу спадало. Будет о чем поговорить нынешней ночью.

Девочкам потребуется немало добавочных порций выпивки, а также сильное мужское плечо, чтобы успокоить расстроенные нервы. Они будут хныкать на груди намеченных жертв, а бедные жертвы обогатят хозяйку заведения.

Я поймал взгляд Чири.

— Бвана Марид, — негромко посоветовала мне она, — положи деньги в карман и возвращайся к своему столику.

Оказывается, я размахивал купюрами, как маленькими флажками. Засунув деньги в карман джинсов, я подошел к Богатыреву. Пока вокруг царила немыслимая паника, он и не пошевельнулся. Дурак с заряженным пистолетом — недостаточный повод для того, чтобы заставить подобных типов со стальными нервами выйти из себя.

Я опустился на стул:

— Извините, что вынужден был прервать наш разговор.

Подвинул к себе стакан с выпивкой и взглянул на Богатырева. Он молчал. На груди его, на шелковой белой традиционной крестьянской рубахе, медленно расползалось темное пятно.

Целую вечность я сидел и просто смотрел на него, машинально потягивая напиток, понимая, что следующие несколько дней превратятся в кошмар. Наконец поднялся и повернулся к бару. Но Чири уже стояла рядом с телефоном в руке. Не говоря ни слова, я взял его и пробормотал код лейтенанта Оккинга.

Глава 2

На рассвете меня разбудил звонок. Я едва разлепил веки, чувствуя, что за ночь состарился лет на сто. Лежал и слушал, надеясь, что телефон наконец заткнется, но тот все звонил и звонил. Тогда я повернулся на бок и постарался забыть о его существовании. Дзинь-дзинь-дзинь… десять, двадцать, тридцать раз! Я шепотом выругался, перегнулся через крепко спящую Ясмин и стал шарить в груде нашей одежды, разбросанной по полу.

— Да кто там еще? — прошипел я в трубку, выудив наконец телефон. Кто бы это ни был, я его уже не любил.

— Мне пришлось встать еще раньше, Одран, — раздался голос лейтенанта Оккинга. — Я у себя в кабинете.

— Мы все будем спать безмятежно, зная, что ты бережешь наш покой, о меч справедливости!

Я все еще не мог забыть, что он устроил мне этой ночью. После допроса по всем правилам мне пришлось выложить пакет, переданный Богатыревым перед смертью. Я не успел даже заглянуть в него.

— Когда будешь острить в следующий раз, напомни, чтобы я рассмеялся дважды, сейчас мне не до смеха, — сказал Оккинг. — Слушай, я в долгу перед тобой за твое хорошее поведение…

Одной рукой я прижал трубку к уху, другой потянулся к заветной коробочке с пилюльками. На ощупь открыл ее и вытащил два маленьких голубых треугольничка.

Они меня живо разбудят! Проглотил без воды и стал терпеливо ждать, когда Оккинг кинет мне кусочек информации за верную службу.

— Ну?

— Твоему другу Богатыреву следовало просто-напросто прийти к нам. Мы довольно быстро сопоставили его сведения с нашими старыми делами. Его пропавший сын погиб в результате несчастного случая почти три года назад. Тело так и не было опознано.

Несколько секунд я молчал, переваривая услышанное.

— Значит, наша встреча с самого начала была напрасной затеей. Если бы бедняга не пошел в клуб, не лежал бы сейчас с дыркой в рубахе.

— Как странно иногда складывается судьба, да, Одран?

— Угу. Когда состришь в следующий раз, напомни, чтобы я посмеялся дважды, — расквитался с ним я. — Расскажи, что ты знаешь о нем.

— О ком? О Богатыреве или о его отпрыске?

— Да все равно, можешь о том и о другом. Мне известно только, что какой-то коротышка попросил найти его сына. Сегодня просыпаюсь, а он сам и объект поисков — мертвы.

— Ему надо было обратиться к нам.

— Там, откуда он родом, есть вековая традиция — не ходить в полицию. Я имею в виду — добровольно.

Оккинг подумал над этим и решил не комментировать.

— Сочувствую: потерял возможность заработать, — сказал он, симулируя соболезнование. — Богатырев, похоже, был политическим представителем Вячеслава, царя Украины и Белоруссии. Его сынок ставил в неловкое положение белорусскую дипломатию. Все эти суетливые русы из кожи вон лезут, чтобы убедить мир в своей надежности, а сын Богатырева вечно попадал в скандальные истории. Папе следовало оставить его дома, и тогда оба были бы живы и здоровы.

— Возможно. Как умер парень? Оккинг замешкался; наверное, выводил данные на дисплей, чтобы ничего не пропустить.

— Тут только отмечено, что погиб в автокатастрофе. Повернул в неположенном месте, столкнулся с грузовиком, водителю которого обвинения не предъявлялось. У сынка не было удостоверения личности, и он сидел за рулем угнанной машины. Тело год продержали в нашем морге, но за ним Никто не пришел. Потом… — …потом его потроха продали за гроши.

— Я вижу, ты хочешь поучаствовать в расследовании, Марид. Напрасно. Найти этого маньяка Бонда — дело полиции.

— Ясно. — Я поморщился: во рту пахло паленой шерстью.

— Буду иметь тебя в виду, — пообещал Оккинг. — Может, найдется какое-нибудь дельце.

— Если увижу того модика, упакую его как следует и подкину к дверям твоего кабинета.

— Ну, конечно, крошка. — Резкий щелчок. Оккинг повесил трубку.

— Мы все — большая дружная семья, это ты верно сказал, — пробормотал я тихо. Потом осторожно опустил голову на подушку, хотя знал, что заснуть уже не смогу. Просто лежал и созерцал отслоившуюся краску на потолке. Надеюсь, хотя бы на этой неделе она не свалится мне на голову.

— Кто звонил? Оккинг? — прошептала Ясмин. Она все еще лежала спиной ко мне, свернувшись калачиком, зажав руки между колен.

— Ага. Спи.

Но она и так уже спала. Я раскинулся на кровати, время от

времени скреб в затылке, лелея надежду, что мои треугольные пилюльки подействуют раньше, чем я окончательно поддамся чувству, естественному после вчерашних событий. Я скатился с кровати и встал. В висках здорово стучало, несколько минут назад этого не было. После сеанса дружеской вивисекции, устроенного мне Оккингом прошедшей ночью, я принялся странствовать по улице, опустошая запасы спиртного во всех заведениях на своем пути. В процессе этого бродяжничества я, очевидно, натолкнулся на Ясмин, если она сегодня лежит рядом со мной. Убийственный факт.

Я направил свое исстрадавшееся тело в ванную. Стоял под душем, пока не иссякла горячая вода. Пилюльки еще не начали действовать. Потом наскоро вытерся, ломая голову, как лучше поступить: то ли проглотить еще один треугольничек, то ли смириться с потерянным днем, плюнуть на все и залечь в постель. Взглянул на свое отражение в зеркале: ужасный вид, но зеркало всегда искажает, ничего особенного. Меня поддерживала лишь тайная уверенность, что на самом деле моя физиономия гораздо симпатичнее. Я почистил зубы, и это избавило меня от отвратительного привкуса во рту. Ободренный, я начал было даже причесываться, но на это сил уже не хватило. В конце концов отправился в свою комнату, натянул джинсы и выбрал свежую рубашку.

На розыски ботинок ушло минут десять. Они почему-то валялись под одежками Ясмин. Так, теперь я экипирован. Если бы начали отрабатывать затраченные на них деньги проклятые треугольники, я готов был бы выйти в мир. Только не думать о еде, Я уже наелся досыта. Накануне.

Я оставил Ясмин записку, прося запереть дверь, когда будет уходить. Ясмин — одна из немногих, кому я доверял свое жилище. Нам всегда было хорошо вместе, и, по-моему, с самого начала нас соединила какая-то хрупкая, почти незримая ниточка, невысказанная потребность друг в друге. Мы оба старались не испытывать на прочность это чувство, зная, что оно существует. Думаю, причина в том, что Ясмин родилась не девочкой. Возможно, будучи полжизни существом одного пола, полжизни — другого, человек воспринимает все по-иному, приобретает особую чуткость. Правда, я знаю множество обрезков и первов, с которыми просто невозможно поладить. Что ж, когда принимаешься за обобщения, всегда так получается.

Ясмин модифицировала себя с ног до головы, и плоть, и мозг. У нее было одно из тех идеальных тел, которые заказывают по каталогу. Садишься рядом с дядей из клиники, и он начинает показывать тебе картинки. Спрашиваешь, скажем:

«А вот эти сиськи — во что обойдутся?» — и он говорит тебе, сколько они стоят; интересуешься: «А такая талия?» — и он подсчитывает, во сколько станет сначала сломать, а потом переконструировать тазовые кости. Тебе состругивают адамово яблоко; ты выбираешь новые черты лица, задницу, ноги. Иногда можно даже поменять цвет глаз. В клинике помогут с шевелюрой, а проблема бороды решается с помощью таблеток и одного-единственного сеанса медицинской магии. В результате получаешь себя в обновленном виде, вроде восстановленного газолинового авто.

Я посмотрел на Ясмин, раскинувшуюся на кровати на другом конце комнаты.

Длинные, прямые, роскошные черные волосы — вот что мне нравилось в ней больше всего, и они принадлежали ей от рождения. Органическая часть подлинной Ясмин.

Больше, наверное, ничего не сохранилось, даже характер и манера поведения становились иными, когда она подключала модик, но зато функционировало все очень, очень здорово, да и выглядело не хуже. И все же у тех, кто изменил свой пол, всегда было что-то, что выдавало их. Например, руки и ноги: в клинике избегали их оперировать, слишком много разных костей. Бывшие мужчины — обрезки — всегда отличались не по-женски большими ногами. И еще, почему-то они говорили слегка в нос. По этому признаку я всегда могу отличить обрезка от фемы, даже если все остальное — как на подбор.

Я мнил себя знатоком человеческих душ. А на самом деле… Вот почему я всегда выбирал самую ненадежную ветку, усаживался на нее и протягивал топор каждому, кто желал рубануть по этой ветке.

Когда я уже спускался в вестибюль, пилюльки вдруг взорвались во мне фейерверком волшебных ощущений. Окружающий мир сделал глубокий вдох и, словно воздушный шарик, раздулся, стал огромным и ярким. Я ухватился за перила и только так смог сохранить равновесие; потом, переведя дыхание, подошел к двери.

Не знаю, куда бы сейчас отправиться, но одно могу сказать точно: пора добывать хрустики. Скоро платить за квартиру, и мне очень не хотелось одолжаться у людей Бея. Я засунул руки в карманы и в одном из них обнаружил деньги. Ну конечно!

Русский успел дать мне три куска! Вытащил пачку банкнот и пересчитал: осталось примерно две тысячи восемьсот. На остальные двести мы с Ясмин прошлой ночью, судя по всему, устроили дикий загул. Хотелось бы воскресить в памяти хоть какие-то детали.

Снаружи меня едва не ослепило солнце. Плохо ориентируюсь днем. Прикрыв глаза ладонью, я осмотрелся. Никого: Будайин всегда прячется от яркого света.

Неторопливо зашагал вниз по улице, вдохновленный идеей, приобретавшей все большую четкость: надо нанести визиты кое-каким знакомым. Теперь я могу себе это позволить. Я радостно ухмыльнулся; наркотики усердно поднимали мое настроение, а соблазнительно хрустящие денежки помогали воспарить до самых райских врат. Три ближайших месяца, или даже больше, можно не беспокоиться о квартплате и прочих расходах. Пришло время копить жирок: восстановить запасы пилюлек в заветной коробочке, сделать себе подарок в виде нескольких таблеток экстракласса, вернуть парочку долгов, купить еды про запас. Остальное украсит мой счет в банке. Деньги имеют дурную привычку улетучиваться, оставаясь в моем кармане. Лучше убрать их подальше, превратить в крепкий кредит. Я не ношу с собой электронную кредитную карточку, иначе в один прекрасный вечер, в очередной раз нагрузившись до полной потери соображения, разорюсь вчистую.

Я повернул к Восточным воротам. Чем ближе к стене, тем больше людей вокруг: соседи по кварталу, идущие в город так же, как туристы, спешащие насладиться прелестями Будайина в «безопасное время». Они обманывают себя, конечно: у чужака одинаковые шансы попасть в беду как ночью, так и ясным днем.

На углу Четвертой улицы городские службы воздвигли небольшую баррикаду там что-то чинили. Я прислонился к загородке, стараясь не упустить детали переговоров уличных шлюх, вышедших на ранний промысел, а может быть, если ночь оказалась неудачной, все еще рыскающих в поисках подходящей добычи. Я слышал подобные диалоги несчетное число раз, но Джеймс Бонд заставил меня заново взглянуть на феномен модиков, гак что сейчас знакомый спектакль приобретал новое значение.

— Садам, йа бинт, — произнес коротконогий, тощий мужчина, потенциальная «добыча». Он был одет на европейский лад и говорил по-арабски так, словно выучил язык за три месяца в школе, где ни ученики, ни учитель никогда в жизни и близко не подходили к местности, где произрастают финиковые пальмы.

«Охотница» превосходила его ростом фута на полтора, учитывая длину острых каблуков ее черных сапожек. Скорее всего это не фема, а обрезок или предоперационный гетеросек. Но «добыча» либо ничего не заметил, либо ему было все равно. Так или иначе, она выглядела впечатляюще. Все уличные охотницы в Будайине просто должны так выглядеть, чтобы их заметили среди

прочих достопримечательностей. Тип скромненькой, бесцветной домохозяйки здесь не распространен. На шлюхе было короткое воздушное черное платье с оборками, с открытой спиной и откровенным вырезом спереди, без рукавов, опоясанное тяжелой серебряной цепочкой, с которой свисали католические четки. Ее лицо, раскрашенное в пурпурные и оранжевые тона, выделялось кричаще-ярким пятном на фоне прекрасных золотисто-каштановых волос, уложенных так искусно, что меркли все известные науке законы.

— Хочешь поразвлечься? — Как только она открыла рот, мне стало ясно, что в каждой клетке этого тела еще полно мужских хромосом, что бы там ни скрывалось под короткой юбкой.

— Может быть. — «Добыча» осторожничал.

— Ищешь что-нибудь особенное? Парень нервно облизнулся.

— Я надеялся найти Ашлу.

— Ой, деточка, извини. Что угодно — губки, ножки, ноготочки, но вот Ашлы нет. — Она на секунду отвернулась и сплюнула. — Вот, иди к той девочке. По-моему, у нее есть Ашла. — Фема указала на свою подругу, стоявшую неподалеку. Ту я знал.

Парень благодарно кивнул и направился к ней. Я случайно встретился взглядом с охотницей.

— Дерьмовые дела, милый, — произнесла шлюха с коротким смешком. Мгновение спустя она уже озирала окрестности в поисках типа, который обеспечит ей завтрак. Через несколько минут подвернулась очередная жертва, состоялся точно такой же разговор:

— Ищешь что-нибудь особенное?

Новый кавалер был выше и плотней первого.

— Бриджит? — произнес он извинительным тоном.

Она порылась в черной пластиковой сумочке и вытащила коробку с модиками.

Модуль немного больше, чем училка. Ее обычно вставляют в специальное гнездо, находящееся в модике, а если ничего больше не можешь принимать или хочешь для разнообразия побыть самим собой, — прямо в мозг. Зажав в руке пластмассовый модик розового цвета, охотница сунула коробку обратно.

— Вот она, женщина твоей мечты. Бриджит постоянно спрашивают, эта девочка с фантазией. Она стоит дороже. — Я знаю. Сколько?

— А ты сам как думаешь? — сказала шлюха, смутно подозревая, что парень легавый и хочет поймать ее на слове. Время от времени это происходило, когда обнаруживался дефицит неверных, и религиозным властям приходилось

переключаться на таких, как она.[1]

— Сколько можешь заплатить?

— Пятьдесят? — За Бриджит, паренек?!

— Сто?

— Плюс пятнадцать за помещение. Пошли, мой сладенький.

И они, рука об руку, зашагали по Четвертой улице. Как прекрасна любовь…

Я уже имел удовольствие познакомиться с «Ашлой» и «Бриджит»; интересно, что представляют собой другие модики в коробке шлюхи? Так или иначе подобное знание никак не стоит ста киамов (плюс пятнадцать за помещение). Теперь эта тициановская красотка приведет к себе своего милого, вставит модик Бриджит и превратится в нее: обретет сознание Бриджит, ее мысли, чувства, манеры; и так всякий раз с любым — мужчиной или первом, фемой, обрезком или гетеросеком, кто подключится к данному модику.

Я миновал Южные ворота. На полпути к банку, возле ювелирного магазина, вдруг остановился. Что-то не давало мне покоя, настойчиво вертелось в голове.

Очень неприятное чувство, словно тебе щекочут мозги, но избавиться от него нельзя. Может, побочное действие пилюлек: когда я в таком состоянии, как сегодня, на ум приходят всякие бессмысленные идеи. Но нет, это не обычное наркотическое «озарение». Что-то, связанное с убийством Богатырева или телефонным разговором с Оккингом… Какая-то мелочь насторожила меня.

Я прокрутил в памяти все, что мог вспомнить о событиях прошлой ночи. Вроде бы ничего необычного; что касается Оккинга, то он явно решил поставить меня на место, но это обычные штучки легавых: «Слушай, то, что произошло, — дело полиции, и мы не хотим, чтобы ты совал нос куда не следует; прошлой ночью у тебя наклевывалась работа, но все полетело к чертям, так что спасибо, в твоих услугах больше не нуждаемся». Я слышал подобное от Оккинга сотни раз. Почему же сегодня мне кажется, что дело нечисто?

Я покачал головой. Если есть какая-нибудь гниль, обязательно докопаюсь. Я загнал все мысли об этом в самый дальний уголок. Пусть отлежатся немножко, а потом либо испарятся, либо сконденсируются в ясный, четкий перечень фактов, который можно использовать. А сейчас не желаю ни о чем беспокоиться. Хочу, чтобы ничто не мешало мне наслаждаться ощущением собственной силы, уверенности, теплоты, разлившейся по телу, — всем, что дают наркотики. Позже, когда их действие закончится, придется заплатить за это блаженство

постнаркотическим «похмельем», так что надо взять свое за потраченные на них денежки.

Минут через десять, когда я подходил к кредитным автоматам, расположенным на улице, зазвонил телефон. Я снял его с пояса.

— Марид? Это Никки.

Никки — полоумный обрезок, шлюха, работающая на одного из шакалов Фридландер-Бея. Год назад мы с ней довольно близко сошлись, но уж слишком много хлопот доставляла эта особа. Когда ты с Никки, приходится все время следить, чтобы она не перебрала выпивки или пилюлек. Одна штучка сверх нормы, и Никки становится бешеной и совершенно неуправляемой. Каждый раз, когда мы отправлялись куда-нибудь, дело заканчивалось потасовкой. До того как Никки подверглась модификации, она, судя по всему, была высоким, мускулистым парнем намного сильней меня. Даже после изменения пола в драке она неудержима.

Пытаться отнять у нее несчастного, которого она заподозрила в намерении оскорбить ее честь и достоинство, — тяжелое испытание, а процедура успокоения и доставки домой отнимает последние силы. В конце концов я понял, что Никки здорово нравится мне трезвой, но все ее достоинства не окупают мучений, которые приходится терпеть из-за нее в остальное время. Мы встречаемся иногда, говорим «здрасте», болтаем, но я больше не хочу быть свидетелем ее бессмысленных пьяных драк, с воплями и визгом.

— А, Никки. Что хорошего скажешь?

— Марид, милый, мы можем сегодня встретиться? Мне очень нужна твоя помощь.

Ну вот, начинается!

— А что стряслось?

Несколько секунд она молчала, обдумывая, как лучше сформулировать свою проблему.

— Я не хочу больше работать на Абдуллу. Так звали одного из доверенных людей Фридландер-Бея. Абдулла держал на поводке около дюжины девочек и мальчиков, рассредоточенных по всему Будайину.

— Не вижу никаких трудностей.

Время от времени мне приходилось подрабатывать таким образом, получая киам-другой. Бей (весь квартал называл его Папа) неплохо относился ко мне.

Фридландер-Бей был фактическим хозяином Будайина, да и остальную часть города вполне мог засунуть в карман. Я всегда держал свое слово, что в глазах такого человека, как Бей, уже

было неплохой рекомендацией. Наш Папа — что-то вроде старейшины. Ходили слухи, что ему, ни много ни мало, две сотни лет, и иногда я верил этому. Бей отличался старомодными взглядами на честь и верность и на бизнес. Он раздавал награды и карал по собственному усмотрению, словно воплощал в себе древние представления о Всемогущем. Папе принадлежало множество ночных клубов, публичных домов и харчевен в Будайине, но он не душил здоровую конкуренцию. Если кто-нибудь желал попытать счастья и открывал свою лавочку рядом с его заведением, Бей не имел ничего против. Придерживался простого принципа: если не трогаешь его — он не трогает тебя, и предлагал весьма соблазнительные условия; в результате великое множество независимых дельцов становились его людьми, потому что никогда не смогли бы добиться самостоятельно того, что получали из его рук. У них просто не было нужных связей. А Папа олицетворял и это понятие.

Главный девиз Будайина — «бизнес есть бизнес». То, что вредило интересам независимых дельцов, в конечном итоге ударяло и по Фридландер-Бею. Будайин хорошее место, добычи хватает каждому, но все могло обернуться иначе, принадлежи Папа к ненасытному типу людей, ревнивых к чужой удаче. Однажды он признался мне, что когда-то испытывал подобную ревность, но, прожив сто пятьдесят (или сто шестьдесят) лет, обнаружил, что больше не способен ощущать радость обладания. Наверное, это самое грустное признание, которое мне когда-либо приходилось слышать.

…Никки облегченно вздохнула.

— Спасибо, Марид. Ты знаешь, у кого я сейчас квартирую?

Я уже давно перестал следить за ее перемещениями.

— Нет. У кого?

— Решила пожить у Тамико. Отлично, мне опять везет, подумал я грустно.

Тамико — одна из Сестер Черной Вдовы.

— Это на Тринадцатой улице?

— Ага.

— Тогда знаю где. Если приду, ну, скажем, в два, устроит?

Никки замялась:

— А ты не можешь пораньше… в час? У меня еще кое-какие дела.

Наглость с ее стороны, но сейчас я чувствовал себя щедрым, сильным и снисходительным — действие голубых треугольников. Ради старой дружбы я решил уважить ее.

— Ладно. Подойду к часу, иншалла — если пожелает Аллах.

— Ты лапочка, Марид. Салам. — Гудок. Я прицепил телефон

к поясу. Мне даже не приходило в голову, что я влезаю в дело, из которого не смогу выбраться. Так всегда бывает: ничего не чувствуешь, пока не увязнешь по уши.

Глава 3

Я отыскал дом на Тринадцатой улице только без пятнадцати час. Тамико (уменьшительно-ласкательное — Тами) обитала в старом двухэтажном особняке, теперь разгороженном на отдельные квартиры. Я бросил взгляд на ее балкон, нависавший над улицей. Железные перила высотой до пояса, по углам — кружевные чугунные колонны, увитые плющом, которые доставали до самой крыши. Из открытого окна доносились звуки ужасной синтезированной музыки в стиле кото.

Душераздирающе-визгливые вопли под мартовских котов, сопровождавшие электронную мелодию, заставляли меня инстинктивно вздрагивать. То ли голос тоже был синтезирован, то ли это пела сама Тами. Кажется, я упоминал, что Никки немного чокнутая? Так вот, по сравнению с Тами, Никки — ласковый плюшевый зайчик.

Тамико заменила одну из своих слюнных желез пластиковым контейнером, наполненным каким-то сильнодействующим токсином. Пластиковая трубочка выводила его в искусственный зуб. Яд был совершенно безвреден при глотании, но, попадая в кровь, вызывал страшную, мучительную смерть. Тамико могла пустить в ход свой убийственный зуб при малейшей необходимости — или просто когда ей взбредет в голову. Вот почему Тами и ее подружек прозвали Сестрами Черной Вдовы.

Я нажал на кнопку рядом с ее именем — безрезультатно. Постучал по небольшому окошечку из толстого плексигласа, вмонтированного в дверь. В конце концов, вышел на улицу и начал орать. Из окна высунулась белокурая головка. Сейчас спущусь, — крикнула Никки. Музыка кото заглушала все на свете. Ни разу не встречал никого, кроме Никки, кто смог бы вынести эту какофонию. Тами — не в счет, она абсолютная психопатка.

Дверь приоткрылась, выглянула Никки. У нее был довольно бледный вид.

— Послушай, — сказала она нервно, — Тами сегодня не в своей тарелке.

Поддала немного. Веди себя осторожно, чтобы не завести ее, ладно?

В конце концов, стоит ли влезать в это дело ради Никки и ее сотни киамов, подумал я. Мне ведь не так уж нужны сейчас деньги. Но обещание есть обещание: я кивнул и зашагал за ней вверх по лестнице.

Тами раскинулась на пестро расшитых подушках, уткнувшись головой в один из динамиков. На улице доносившиеся из окна

звуки показались мне оглушительными, но только сейчас я понял истинное значение этого слова. Музыка, наверное, пульсировала в висках Тами, словно самая ужасная в мире мигрень, но в душе ее, казалось, царила гармония. Очевидно, звуки совпадали с веселой пляской наркотиков в организме Тамико: она зажмурила глаза и медленно покачивала головой. Лицо одной из Черных Вдов было густо набелено, как у гейши, а губы и веки — иссиня-черные. Тамико-сан выглядела сейчас, как мстительный дух персонаж театра Кабуки.

— Никки, — произнес я. Та не услышала. Пришлось подойти и заорать ей прямо в ухо:

— Давай уберемся отсюда! Пойдем куда-нибудь, где можно нормально поговорить! — Тамико жгла какие-то благовония, и ноздри забивал тошнотворно-сладкий запах. Если сейчас не глотну свежего воздуха, мне станет плохо.

Никки отрицательно мотнула головой и показала на Тами.

— Она меня не выпустит.

— Почему?

— Тами думает, что она меня защищает.

— От кого? Никки пожала плечами:

— Спроси у нее.

Пока мы разговаривали, Тами повернулась и повисла на краю постели. Потом, как при замедленной съемке, плавно скатилась на пол и замерла, прижавшись щекой к покрытому темным лаком паркету.

— Слава Аллаху, что ты способна сама постоять за себя, Никки.

Она слабо рассмеялась:

— Да, наверное. Спасибо, что пришел, Марид. — Ерунда, никаких проблем, отшутился я. Опустился в кресло и посмотрел на нее.

Никки — экзотическое создание, даже для нашего Города Экзотики. Роскошные платиновые волосы до пояса, кожа прозрачная, молочно-белая, почти как грим на лице Тами. Потрясающие, словно нарисованные глаза василькового цвета, в которых синими сполохами сверкали безрассудно-безумные огоньки. Тонкое лицо, лицо беззащитного ребенка, не вязалось с крупным, мускулистым телом. Такое встречалось довольно часто: выбирая новую внешность, люди стремятся к твоему идеалу, не понимая, что он не соответствует их телосложению. Я взглянул на неподвижную тушу Тами. Ее можно было распознать даже издалека по фирменному признаку Сестер: гигантскому, невероятному искусственному бюсту. Объем груди Тами был никак не меньше полутора метров. Представляете выражение

лица какого-нибудь туриста, который случайно сталкивается с одной из Сестер? Но это перестает забавлять, как только сообразишь, что произойдет с несчастным потом.

— Я не хочу больше работать на Абдуллу, — повторила Никки, накручивая на палец белокурый локон.

— Можно понять. Я позвоню и организую встречу с Хасаном. Знаешь Хасана-Шиита? Человека Папы? Вот с ним и придется улаживать твое дело.

Никки потрясла головой. Обвела глазами комнату. Она сильно волновалась.

— Но ведь это может быть опасным, или… Я улыбнулся:

— Опасным? Да что ты! Мы сядем рядышком за стол, Абдулла — напротив, Хасан расположится посередине. Дальше происходит следующее: я излагаю твою точку зрения на проблему. Абдулла — свою. Хасан погружается в размышления и объявляет приговор. Скорее всего, заплатишь отступного Абдулле; Хасан скажет сколько.

Потом придется потратиться, чтобы подмазать Шиита за посредничество, и необходимо поднести какой-нибудь подарок Папе. Это важно.

Кажется, Никки не успокоили мои объяснения. Она встала, заправила черную майку в обтяжные джинсы такого же цвета.

— Ты не знаешь Абдуллу, — произнесла она. — Уж кого-кого, а этого типа знаю, можешь не сомневаться. — Полагаю, намного лучше, чем знает Никки. Я встал и подошел к Таминому «Телефункену», ткнул пальцем в кнопку и избавил мир от музыки кото. Комнату затопила волна покоя и умиротворения: мир сказал мне «спасибо».

Тами застонала во сне.

— А если он плюнет на свои обязательства?

Придет за мной и заставит снова работать на улице? Он любит бить своих девочек, Марид. По-настоящему любит, понимаешь? — Я все о нем знаю. Но Абдулла, точно так же, как и все мы, уважает Папу и не забывает про его влиятельность.

Он никогда не посмеет ослушаться Хасана. Кстати, ты тоже, Никки: не дай тебе Бог даже подумать об этом. Если попытаешься улизнуть, не заплатив, Папа пошлет за тобой своих громил. И тогда ты уж точно будешь работать на улице. После того, как сможешь подняться на ноги.

Никки содрогнулась:

— А кто-нибудь из твоих клиентов пробовал смотаться?

Я нахмурился. Да, однажды такое случилось. Отчетливо помнил все подробности: это произошло, когда я в последний раз влюбился. — И что сделали Папа и Хасан Ох, как мне не хотелось

ворошить эти воспоминания!

— Ну, раз я поручился за клиентку, деньги пришлось заплатить мне. Срочно занял две тысячи двести киамов. Чуть живот не надорвал от натуги, но поверь, хрустики я им выложил. Не хочу вспоминать, на какие сумасшедшие и опасные дела пришлось пойти: из-за того, что сделала та девочка, я числился у Папы в должниках. Бей любит, чтобы долги платили вовремя. В подобных случаях терпение Папы быстро истощается.

— Я знаю, — сказала Никки. — А что произошло с ней?

Я замешкался: потребовалось несколько секунд, чтобы заставить себя рассказывать дальше.

— Они выследили, куда убежала девочка. Для них это было нетрудно. Когда ее вернули в Будайин, каждая нога оказалась сломанной в трех местах, а лицо сплошное месиво. Ее послали работать в один из самых омерзительных и грязных притонов. Заработок в таком месте — сто-двести киамов в неделю, не больше, а оставляют они ей, скажем, десять или пятнадцать. До сих пор она копит на починку лица.

Никки долго не могла выдавить из себя ни слова. Я ей не мешал — пусть поразмыслит хорошенько над тем, что услышала. Это ей полезно.

— Ты прямо сейчас можешь договориться о встрече? — спросила она наконец.

— Конечно, — сказал я. — Следующий понедельник тебя устроит?

Никки широко распахнула глаза:

— А сегодня вечером никак нельзя? Мне надо покончить с этим делом немедленно.

— Эй, Никки, что за спешка? Собралась куда-нибудь?

Никки искоса посмотрела на меня, рот слегка приоткрылся, губы шевельнулись, словно она хотела что-то сказать, но передумала.

— Нет, — произнесла она наконец слегка вздрагивающим голосом.

— Нельзя запросто назначить Хасану встречу, когда тебе в голову взбредет.

— А ты попробуй, Марид. Позвони и попробуй, вдруг получится?

Я развел руками, показывая, что сдаюсь.

— Ладно, позвоню и спрошу его. Но Хасан назначит встречу, когда пожелает.

Никки кивнула.

Я отцепил от пояса телефон. Справляться в информсервисе не пришлось: я помнил код Шиита. Раздался гудок, потом трубку

поднял один из прихлебателей Хасана — шестерка. Я объяснил, кто звонит и по какому делу, мне важно велели подождать. Они всегда так отвечают, а ты всегда покорно ждешь, сколько надо…

Я сидел и смотрел, как Никки нервно накручивает на палец пряди волос, как медленно и равномерно вздымается Тамин макси-бюст; мой слух услаждал негромкий храп распластавшейся на полу Черной Вдовы. Тамико была в легком хлопчатобумажном кимоно матово-черного цвета. Она никогда не носила украшений.

В этом кимоно, с уложенными в мудреную прическу черными волосами Тами походила на гейшу — профессиональную убийцу. Наверняка так оно и есть. Для каждого, кто не был азиатом, Тамико со своими стильными складочками и прочим оборудованием выглядела очень убедительно.

Спустя двадцать пять минут, в течение которых Никки нервно металась по комнате, в трубке снова раздался голос шестерки Шиита. Встреча нам назначается на сегодня, сразу после вечерней молитвы. Я пристегнул телефон к поясу, не поблагодарив шестерку: какая-то гордость у меня еще осталась.

— Зайду за тобой в половине восьмого, — предупредил я Никки.

Снова этот странный взгляд исподлобья.

— А прямо там нельзя встретиться? Я утомленно опустил плечи.

— Почему же нет? Знаешь, где это?

— В магазине Хасана, да?

— Внутри зайди за занавес. Там будет склад. Пройдешь его, через заднюю дверь выйдешь в проулок. Напротив в стене увидишь стальную дверь. Она заперта, но нас будут ждать. Стучать тебе не придется. И еще, Никки, пожалуйста, не опаздывай, хорошо?

— Ну конечно. Марид… в общем, спасибо тебе за все!

— Какое там спасибо! Мне нужна моя сотня за работу, и прямо сейчас!

Ее явно ошарашил мой тон и то, что я потребовал денег. Может, я немного пересолил?

— А нельзя после…

— Прямо сейчас, Никки. Она вытащила из кармана джинсов небольшую пачку денег и отсчитала сотню киамов.

— Держи. — Между нами словно возникла ледяная стена: мы больше не были старыми приятелями.

Дай еще двадцатку на маленький презент Папе. И бакшиш Хасану тоже оплатишь ты. Увидимся вечером. — Я поспешил убраться из этого логова, чтобы бациллы психоза, кишащие в комнате, не проникли в мой мозг.

Отправился домой. Выспаться мне не удалось, и ужасно болела голова, а ощущение пьянящей бодрости, созданное пилюльками, незаметно испарилось под лучами полуденного солнца. Ясмин еще спала, и я устроился рядом. Наркотики не дадут мне заснуть, но я хотел немногого: всего-навсего полежать тихо и спокойно с закрытыми глазами. Как бы не так — стоило мне расслабиться, как отрава заставила пульсировать мозг еще сильней, чем раньше. Темнота за плотно закрытыми веками стала красной, ее пронизывали ослепительные вспышки, похожие на полицейскую мигалку. Я почувствовал дурноту и головокружение; потом в голове заплясали причудливые голубые и темно-зеленые пятна, словно какие-то микроскопические создания в капле воды. Пришлось открыть глаза, чтобы избавиться от проклятых вспышек. Мускулы лица, рук и бедер непроизвольно подергивались. Черт, треугольники завели меня гораздо сильнее, чем казалось вначале. Нет покоя для грешных душ…

Я снова встал и скомкал послание, которое оставил перед уходом для Ясмин.

Она сонно пробормотала:

— Ты же хотел сегодня сходить куда-то в город…

Я повернулся к ней:

— Уже ходил. Часа два назад.

— А сколько сейчас?

— Около трех.

— Йа салам! Мне нужно в три быть на работе!

Я вздохнул. Ясмин славилась на весь Будайин своей привычкой опаздывать везде и всюду. «Французик», Френчи Бенуа, хозяин клуба, где работала Ясмин, упорно штрафовал ее на пятьдесят киамов, даже если она опаздывала на минуту против положенного. Но Ясмин и не думала отрывать от постели свой красивый маленький задик из-за такой ерунды: она отсыпалась всласть, практически каждый день отдавала Френчи полтинник, и за первый час работы возмещала убыток, вытягивая деньги из клиентов. Я не встречал ни одной девочки, которая могла бы с такой быстротой избавить какого-нибудь придурка от лишних хрустиков. Ясмин трудилась в поте лица, ее нельзя было назвать лентяйкой. Просто обожала поспать. Из нее получилась бы замечательная ящерица, способная дремать целый день на раскаленном камне под палящим солнцем.

Пока она выбиралась из постели и одевалась, прошло не меньше пяти минут. Я удостоился рассеянно-формального поцелуйчика, попавшего куда-то в скулу; секунду спустя Ясмин уже торопливо шагала по улице, на ходу выкапывая из сумочки

модуль, нужный для работы. Она повернула голову и что-то сказала мне со своим варварским левантийским акцентом.

Наконец-то я остался один. В принципе мне нравилось, как идут дела. Такого не случалось уже много месяцев. Но когда я, разнежившись, соображал, не завалялось ли у меня какого-нибудь экстраординарного желания, чтобы можно было угрохать на его исполнение свалившееся с неба богатство, перед глазами, заслонив убогую обстановку комнатушки, вдруг возникла окровавленная рубаха Богатырева. Чувство вины? У меня — чувство вины? У парня, которого жестокий мир не смог заставить изменить свое естество, который не поддался на дешевые соблазны. Ни к чему не стремлюсь, ничего не боюсь. Вроде катализатора, усиливающего химическую реакцию: как и он, провоцирую изменения, но сам никогда не меняюсь. Я помогал тем, кто нуждался в помощи, и это — мои единственные друзья. Я играл активную роль в жизни, но меня она ни разу не задела. Я наблюдал за происходящим, но держал свое мнение при себе. Вот примерно такова моя персона. И вот почему я сам сделал все возможное, чтобы жизнь наконец стукнула меня хорошенько.

У нас в Будайине — да нет, черт возьми, наверное, везде и всюду, существует в основном два типа людей: уличные шлюхи и клиенты, охотники и добыча. Ты или одно, или другое. Нельзя ласково улыбнуться окружающим и объявить, что просто посидишь в сторонке. Охотник или добыча — а иногда немного от того, немного от другого. Войдя в Южные ворота, ты сразу же, не сделав и десяти шагов по Главной улице, навечно определяешься как первый или второй тип.

Охотник — добыча. Третьего не дано.

Ничего сложного, правда? Но мне еще предстояло дойти до такой простой истины, и я, конечно, выберу самый головоломный путь. Как всегда.

Я не чувствовал голода, однако заставил себя сварить пару яиц. Надо больше заботиться о питании. Прекрасно это понимаю, но уж больно хлопотное дело.

Бывают дни, когда мой организм. вынужден черпать калории из фруктового сока, добавленного в коктейль. Но сегодняшний вечер обещает быть долгим и трудным, и мне понадобятся все ресурсы. Три голубых треугольника выдохнутся до начала переговоров с Абдуллой и Хасаном; скорее всего, к тому времени у меня начнется наихудший период — депрессия, полное изнеможение и неспособность защищать интересы Никки. Что делать? Ответ тривиален: принять еще несколько треугольничков. Снова подстегнуть себя. Я стану действовать со сверхчеловеческой быстротой, с точностью компьютера,

согреваемый безмятежной уверенностью в мировой гармонии и порядке. Космическая взаимосвязь, ребята!

Общность бытия, пронизывающая каждый миг, каждое мгновение, каждое «сейчас»; конвергенция времени, пространства и жизни; всякие шекспировские «приливы и отливы в человеческих делах», чтоб их черт побрал, и какие там есть еще умные цитаты… Ладно, по крайней мере, такое у меня будет настроение, и, по-моему, если смогу держать себя достойно и произведу соответствующее впечатление на Абдуллу за столом переговоров, так какая разница, от пилюлек это или я такой способный от рождения. Я приобрету бодрость мысли и моральную чистоту, и проклятый сукин сын Абдулла сразу почувствует, что Марид Одран притащился не для того, чтобы он мог безнаказанно наплевать ему в физиономию! Вот какими убийственными аргументами я соблазнял себя, подбираясь к коробочке с пилюлями.

Еще два треугольничка? Или лучше, чтобы уж наверняка, три? А вдруг такое количество слишком взвинтит меня? Я ведь не хочу, чтобы меня бросало от стены к стене, как лопнувшую гитарную струну. Я проглотил две таблетки, а третью засунул в карман, на всякий случай.

Ох, не хочется даже думать, что меня ожидает завтра! «Курс на химизацию всей жизни» может прибавить своим верным последователям немного энергии, но, как любит говорить Чири, «страшное дело — платить по счетам!». Если я ухитрюсь выжить, когда на меня обрушится похмелье, впору отметить это всеобщим ликованием у трона Аллаха.

Примерно через полчаса наркотики заработали. Я принял душ, тщательно вымыл волосы, подровнял бороду, сбрил на щеках и шее щетину, чтобы не портила общий вид, почистил зубы, привел в порядок ванну и раковину, прошелся голым по всей комнате в поисках других объектов, нуждающихся в чистке, мытье или перестановке… и наконец сообразил, что внезапный взрыв энергии — результат того, что я все-таки пересолил с пилюльками.

— Не дергайся, парень, — пробормотал я сам себе. Слава Богу, что я так рано принял два треугольника, — когда надо будет выходить из дому, обрету норму.

Время мучительно тянулось. Может, позвонить Никки, напомнить о встрече; нет, незачем. Связаться с Ясмин или Чири? Но они сейчас на работе… Я сел, прислонился к стене и едва не завыл: Господи, у меня и вправду нет друзей! Была бы хоть топографическая система, как у Тамико, все какое-то развлечение. Мне приходилось видеть голопорнуху такого

качества, что секс в натуре по сравнению с ней казался отвратительным барахтаньем в грязной луже.

В семь тридцать я стал одеваться: выбрал старую выцветшую голубую рубашку, джинсы, ботинки. Старайся не старайся, Хасану я все равно не угожу, так что наряжаться нет смысла. Выходя за порог дома, услышал шипение и треск ожившего радио, потом раздался многократно усиленный голос муэдзина: «Ла-а-а иллаха иллал-ла-а-а-ху». Красивая штука этот призыв к молитве, неотразимо мелодичный, берущий за душу даже неверующего пса-отступника, вроде меня. Я торопливо зашагал по пустынным улицам. Шлюхи перестали шнырять в поисках клиентов, клиенты перестали шнырять в поисках подходящих шлюх: весь Будайин погрузился в молитву. Мои шаги по древним камням мостовой, одиноко отдающиеся эхом в царящем безмолвии, уличали меня в кощунстве. Но когда я дошел до магазина Шиита, город уже вернулся к прежней суматошной жизни. И пока не прозвучит призыв к очередной молитве, шлюхи и клиенты снова будут отплясывать свой сумасшедший рок-н-ролл мелкой коммерции и взаимной эксплуатации.

За прилавком в магазине стоял молоденький, хрупкий американский мальчик, которого все называли Абдул-Хасан. «Абдул» означает «раб такого-то», затем обычно следует одно из девяноста девяти имен Аллаха — Господь миров, Милосердный и так далее. В случае с американцем ирония заключалась в том, что он действительно принадлежал Хасану, был связан с ним всем, кроме, конечно, генетического родства. Поговаривали, что Абдул-Хасан не родился мальчиком, точно так же как, скажем, Ясмин — девочкой, но никто, насколько мне известно, еще не потрудился вникнуть в эти глубины.

Абдул-Хасан о чем-то спросил меня. Я не говорил по-английски, поэтому просто сделал жест большим пальцем в сторону грязного набивного занавеса.

Мальчик кивнул и снова погрузился в блаженное самосозерцание, от которого я оторвал его. Для любителей поглазеть на товар и поторговаться, время от времени забредавших сюда, магазин Хасана представлял собой настоящую загадку, потому что товар в нем попросту отсутствовал: Шиит торговал практически всем на свете, стало быть, и демонстрировать образцы покупателям незачем.

Я прошел за занавес, пересек склад, вышел в проулок. Приблизился к стальной двери, и она почти бесшумно распахнулась.

— Сезам, откройся! — не удержавшись, шепнул я.

Потом шагнул внутрь скудно освещенной комнаты и

осмотрелся. Наркотики заставили меня забыть страх. А также, к сожалению, осторожность и осмотрительность; но мое главное богатство и основное оружие — инстинкт исправно служило мне днем и ночью, одурманен я пилюльками или нет. Хасан возлежал на миниатюрной горе из подушек и не спеша курил кальян. Единственным звуком, нарушавшим тишину, было бульканье его кальяна — я уловил острый запах гашиша. На краю ковра в неудобной позе, с прямой как палка спиной, застыла до смерти перепуганная Никки. Абдулла покоился на подушках рядом с Хасаном и шептал ему что-то на ухо. Шиит сохранял абсолютное бесстрастие: его лицо казалось таким же пустым, как рука, поймавшая ветер. Сегодняшним приемом ведает он; я стоял и терпеливо ждал слов хозяина.

— Ахлан ва сахлан! — произнес наконец Хасан, коротко улыбнувшись. Это формальное приветствие, что-то вроде «добро пожаловать», а буквально: «ты пришел к своей родне и нашел ровное место», — должно было задать тон всей нашей встрече. Я ответил такой же формальной фразой, меня пригласили сесть. Я устроился рядом с Никки. В ее платиновых волосах, на самой макушке, я заметил одну-единственную училку. Наверняка языковая приставка: я знал, что без нее она ни слова не понимает по-арабски. Я принял маленькую чашечку кофе, щедро сдобренного кардамоном, поднял ее, приветствуя Хасана, сказав: «Да будет вечно изобильным ваш стол», — и поднес к губам.

Воздев руки, Хасан в ответ произнес:

— Да продлит Аллах вашу жизнь.

Мне вручили следующую чашечку. Я украдкой толкнул Никки, которая до сих пор не выпила своего чая. Нельзя деловой разговор начинать сразу, нужно отведать по крайней мере три порции угощения. Отказываться от добавки недопустимо — рискуешь обидеть хозяина. Смакуя маленькими глотками дымящийся напиток, мы с Хасаном обменивались вопросами о здоровье наших родных и друзей, периодически взывали к Аллаху, прося благословить такого-то и такого-то, а также охранить нас и весь мусульманский мир от козней неверных.

Я тихонько пробормотал Никки на ухо, чтобы она обязательно выпила свой чай, обладавший каким-то странным запахом, понимая, что присутствие Никки неприятно Хасану по двум причинам: во-первых, она проститутка, во-вторых, не настоящая женщина. Мусульмане так и не смогли понять статуса обрезков.

Обращаясь со своими женщинами как с существами второго сорта, они вставали в тупик, не зная, какого отношения заслуживают мужчины, добровольно изменившие свой

благородный пол на более «низкий». Естественно, Коран не содержит никаких указаний по этому поводу. То, что полномочный представитель Никки, Марид Одран, известен своим, мягко говоря, непостоянством в соблюдении заветов Несомненного Писания,[2] усугубляло положение.

Итак, мы с Хасаном пили чашку за чашкой, приветливо кивая друг другу и приятно улыбаясь, восхваляли Аллаха и обменивались комплиментами, словно мячиками на теннисном корте. Самое употребительное выражение у мусульман иншалла, «если Аллах пожелает». С людей снимается всякая вина за случившееся, за все отвечает Аллах. Вас застали в постели с женой вашего брата — так пожелал Аллах. Высыхает оазис и его заносит песком — тоже воля Аллаха. Отрубили руку, голову или член в наказание за несоблюдение Его воли — что ж, так Он пожелал…

Что бы ни случилось в Будайине, все сопровождается рассуждениями об отношении к этому событию Всемогущего и Всеведущего.

Прошел почти час, и было заметно, что обе стороны начинают испытывать нетерпение. У меня дела шли прекрасно, а улыбка Хасана становилась все шире и шире: с каждой могучей затяжкой он получал рекордное количество гашиша.

Наконец Абдулла решил, что его терпение истощилось. Он пожелал, чтобы разговор наконец затронул денежную проблему. То есть сколько должна будет заплатить Никки за свою свободу.

Хасану явно пришлась не по душе такая торопливость. Он воздел руки, удрученно оглядел потолок и продекламировал арабскую поговорку:

— *«Жадность умаляет накопленное».*

Слышать подобное заявление из уст Шиита, принимая во внимание его собственные повадки, было по меньшей мере удивительно.

Он посмотрел на Абдуллу и произнес:

— Эта молодая женщина находилась под вашей охраной и покровительством?

В моем древнем языке существует множество выражений, обозначающих понятие «молодая женщина», и каждое отличается своим оттенком и смыслом. Хасан мудро выбрал словосочетание «ил-махруса» — «ваша дочь», а в буквальном переводе «находящаяся под охраной, покровительством», — так что оно прекрасно подходило к нашей ситуации. Вот каким образом Шиит стал одной из козырных карт Папы, безошибочно находя выход из конфликта между требованиями обычая и необходимостью, возникающей при решении конкретной проблемы.

— Да, о мудрейший, — ответил Абдулла. — Уже более двух лет.

— И вы недовольны ею? Абдулла сморщил лоб:

— Нет, о мудрейший.

— И она не причиняла вам когда-либо неприятностей и ущерба?

— Нет.

Хасан повернулся ко мне: такая, как Никки, не заслуживала его внимания.

Хотя у арабов принято обращаться друг к другу на «ты», в определенных ситуациях можно употребить формы, соответствующие русскому «вы»

— Находящаяся под покровительством желает жить в мире? Она не затаила обиду и не замышляет злое по отношению к Абдулле абу-Зайду?

— Клянусь, что нет. Хасан прищурился:

— Твои клятвы ничего не значат здесь, неверный. Нам придется оставить в стороне честь достойных мужей и скрепить договор словами и серебром.

— Те, кто слышал твои слова, да живут в мире, — сказал я.

Хасан кивнул, довольный тем, что я по крайней мере умею себя вести.

— Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного, — возгласил Шиит, воздев руки ладонями вперед, — я объявляю свое решение. Те, что присутствуют здесь, пусть слушают и повинуются. Находящаяся под покровительством возвратит все драгоценности и иные украшения, полученные ею от Абдуллы. Она вернет все дары, имеющие ценность. Она вернет все дорогие одеяния, оставив себе лишь такую одежду, которая подходит для ежедневного пользования. Со своей стороны, Абдулла абу-Зайд должен дать обещание, что позволит находящейся под покровительством беспрепятственно заниматься своим делом. Если возникнет какой-либо спор, я рассужу его. — Нахмурившись, он посверлил взглядом обе стороны, убеждаясь, что никакого спора не возникает. Абдулла кивнул, Никки выглядела подавленной. Кроме этого, находящаяся под покровительством заплатит Абдулле абу-Зайду завтра до полуденной молитвы три тысячи киамов. Таково мое слово. Аллах велик.

Абдулла ухмыльнулся.

— Пусть не покидает тебя здоровье и счастье! — воскликнул он. Хасан вздохнул.

— Иншалла, — пробормотал он, снова сжимая в зубах кальян.

По обычаю я тоже должен был поблагодарить Шиита,

несмотря на то, что он здорово пощипал Никки.

— Я твой должник, — произнес я, встав, заставляя Никки подняться вместе со мной. Хасан рассеянно-брезгливо помахал рукой, словно отгоняя назойливую муху.

Когда мы уже проходили через стальную дверь, Никки вдруг обернулась и плюнула себе под ноги.

Она выкрикнула все худшие ругательства, которые могла ей подсказать арабская училка:

— Химмар у ибн-химмар! Ибн-вушка! Йилан абук! — Я крепче сжал ее руку, мы бросились бегать. За спиной раздался смех Абдуллы и Хасана. Охотники получили свою добычу, были удовлетворены вечерним промыслом и решили проявить снисходительность, позволив Никки избежать наказания за ее длинный язык.

Когда мы выбрались на улицу, я немного притормозил, чтобы перевести дыхание. — Мне срочно надо выпить, — объявил я, увлекая ее внутрь «Серебряной ладони». — Ублюдки, — прорычала Никки. — У тебя что, нет трех тысяч?

— Есть. Просто не хочется отдавать деньги им. Я думала потратить их на другое. Я пожал плечами:

— Если очень хочешь выбраться из-под туши Абдуллы…

— Ага, я знаю. — Но Никки все еще переживала потерю трех кусков.

— Все будет в порядке, — пообещал я ей, пробираясь по темному и прохладному помещению бара.

Никки вытаращила глаза и подняла руки, издеваясь над дешевой помпезностью Хасана.

— Все будет в порядке, — вскрикнула она, смеясь. — Иншалла! — Насмешка показалась мне какой-то вымученной и невеселой. Никки сорвала с себя училку арабского языка. Вот последнее, что сохранилось у меня в памяти от этого вечера.

Глава 4

Вы наверняка знаете, что такое похмелье. Голова раскалывается, беспрестанно ноет желудок, ужасно хочется потерять сознание и не приходить в себя до тех пор, пока все это не пройдет. Знакомо? Но известно ли вам, что испытывает человек после солидной порции гипнонаркотиков? Вы словно попали в чужой сон: не чувствуете себя настоящим, реально существующим; убеждаете себя:

«Сейчас ничего не происходит, я просто вспоминаю то, что случилось когда-то давно». Но время от времени сознаете, что вы — это вы, в определенном месте в определенное время, и диссонанс в ощущениях рождает новый цикл мучительного беспокойства и усиливает чувство полнейшей нереальности происходящего. Иногда трудно отыскать собственные руки и ноги; кажется, кто-то выстругал вас из куска дерева, и, если будете вести себя хорошо, когда-нибудь станете настоящим.

«Мысль» и «движение» — чуждые вам понятия, атрибуты живых людей. Соедините все это с вышеперечисленными симптомами обыкновенного алкогольного похмелья, прибавьте фантастическую депрессию, сокрушительное изнеможение, не забудьте озноб, тошноту, спазмы — остаточные явления после треугольников, проглоченных позавчера. Гамма этих ощущений расскажет вам, как чувствовал себя я, когда был насильственно разбужен на рассвете. Рассвет… Все живое радостно приветствует первые лучи солнца. Но, увы, я не чувствую себя живым.

Оглушительный стук в дверь вырвал меня из забытья как раз в тот момент, когда раздался призыв муэдзина: «Спешите на молитву! Спешите на молитву!

Молитва лучше сна! Аллах велик!» Если бы я сейчас мог соображать, меня наверняка рассмешила бы фраза насчет сна. Я перекатился на матрасе, уставился на покрытую трещинами зеленую стену и сразу же пожалел о том, что вообще пошевелился; это было похоже на замедленную съемку, причем часть кадров куда-то исчезла. Вселенная как бы запульсировала вокруг меня…

В дверь продолжали колотить. Через несколько секунд до меня дошло, что ее пытаются проломить сразу несколько могучих кулаков.

— Сейчас, подождите минуту, — откликнулся я и сполз с постели, стараясь не потревожить те части организма, которые еще сохраняли чувствительность.

Благополучно опустился на пол и очень осторожно, очень

медленно поднялся на ноги.

Постоял, немного покачиваясь, стараясь убедить себя в том, что я настоящий, но потерпел неудачу и решил все-таки двинуться к двери. Проковыляв добрую половину пути, сообразил, что я совершенно голый. Остановился. Черт, как же трудно постоянно принимать исторические решения в таком состоянии…

Возвратиться назад и накинуть что-нибудь на себя? К грохочущим ударам прибавились негодующие вопли. Тут не до одежды, решил я.

Открыл дверь и остолбенело воззрился на самую ужасную картину: мне, как некоему герою, пришлось столкнуться лицом к лицу с Медузой и двумя Горгонами в придачу. С тремя жуткими чудовищами, сектой Сестер Черной Вдовы в полном составе: Тамико, Деви и Селимой. Гигантские груди оттягивали одинаковые черные пуловеры; под ними — узкие черные юбки и черные туфли на шпильках. Это их рабочая одежда. Зачем наряжаться, словно идешь на дело, в такую рань, мелькнула в моей одурманенной голове нелепая мысль. Рассвет… Никогда не вижу рассветов, разве что время от времени встречаю их «наоборот»: ложусь спать после восхода солнца. Ну, надеюсь Сестры не…

Деви, беженка из Калькутты, втолкнула меня в комнату. Сестры последовали за ней, захлопнув дверь. Селима, чье имя по-арабски означает «спокойствие, мир», повернулась, вскинула правую руку и, рыча, воткнула твердый локоть прямо мне под дых. Удар вышиб весь воздух из легких; задыхаясь, как рыба на суше, я рухнул на колени. Чья-то нога жестоко врезала мне по челюсти, и я повалился навзничь. Одна из Сестер подхватила меня, а две другие неторопливо и методично били, не оставляя без внимания ни одной незащищенной чувствительной точки тела.

Я с трудом соображал и до начала избиения, а после первых безжалостных ударов утратил всякое представление о реальности. Висел мешком на чьих-то цепких руках и в своем бреду почти радовался, что на самом деле ничего не происходит и все это — кошмарный сон, воссоздавший пережитое в далеком-далеком прошлом, который я сейчас безмятежно наблюдаю…

Не знаю, долго ли они меня били. Когда пришел в себя, часы показывали одиннадцать утра. Я лежал на полу и старательно дышал. Наверняка сломаны ребра, потому что каждый вздох вызывал немыслимую боль. Сделал попытку собраться с мыслями: по крайней мере, наркотическое похмелье немного прошло. Коробочка с пилюлями! Я должен найти заветную коробочку! Ну

почему никак не удается отыскать проклятую коробочку? Со скоростью черепахи я пополз к кровати. Сестры поработали надо мной на совесть: с каждым движением я проникался все большим почтением к их профессиональному мастерству. На мне буквально не осталось живого места, но не пролито ни капли крови. Если бы Сестры хотели меня убить, довольно было бы одного игривого укуса. То, что они со мной сделали, предупреждение или наказание. За что? Не забыть бы спросить у милых девочек, когда снова увидимся.

Я свалился на постель и потянулся через матрас за одеждой. Коробка — в кармане джинсов, я всегда ее ношу там. Слава Аллаху! Я открыл ее в твердой уверенности, что найду парочку болеутолителей быстрого действия. Но весь запас «красоток», таблеток бутаквалида аш-си-ай, бесследно исчез. Они строжайше запрещены, так же как, например, порнуха, а стало быть, продаются на каждом углу. У меня оставалось по крайней мере восемь штук. Куда они девались?

Наверное, пригоршню я проглотил, чтобы заснуть назло бесновавшимся треугольникам, а остаток сожрала Никки. Но какая разница? Мне нужны любые опиаты. Я нашел семь пилюлек соннеина. Когда они засияют внутри меня, словно солнечные лучи, пронзающие угрюмо-серые облака, я смогу купаться в их теплом, ласкающем свете; иллюзия счастья и благополучия распространится по всему телу, окутает поврежденные Сестрами, нестерпимо болящие места. Одна мысль о том, чтобы попытаться доползти до кухни и налить стакан воды, заставила меня содрогнуться. Я набрался решимости, набрал побольше слюны и проглотил похожие по вкусу на мел таблетки-«солнышки», одну за другой. Минут через двадцать, не раньше, придет избавление от боли, но одно сознание близкого забытья уже заставило ее немного утихнуть. Однако еще до того, как заработали «солнышки», в дверь снова постучали. Помимо воли из моего горла вырвался тревожный полувскрик-полувсхлип. Я не двинулся с места. Стук повторился, негромкий, но настойчивый.

— Йа шабб, — раздалось за дверью. Хасан. Я закрыл глаза; если бы я только был способен верить во что-то, я облегчил бы душу, помолившись о спасении.

— Одну минуту, — прохрипел я. Кричать я не мог. — Позволь мне одеться.

Хасан только что использовал достаточно дружественную формулу приветствия, но это ничего не значило. Я доковылял до двери с той быстротой, на какую был способен; кроме джинсов, на мне ничего не было. Распахнул дверь. Рядом с Хасаном стоял Абдулла. Плохой признак…

— Бисмиллах! — пригласил я гостей войти во имя Аллаха. Пустая формальность, и Хасан никак не отреагировал на мои слова. — Абдулла должен получить три тысячи киамов, — просто сказал он, разводя руками. — Деньги причитаются с Никки. Ступай к ней. Мне сейчас не до твоих нудных поучений.

Наверное, не следовало так говорить. Лицо Хасана омрачилось, словно небо перед бурей.

— Находящаяся под покровительством сбежала, — ответил он резко. — Как ее представитель, ты отвечаешь за своевременную уплату долга.

Никки сбежала? Я не мог поверить, что она способна так поступить со мной.

— Полдень еще не наступил, — выдавил я наконец. Неуклюжая отговорка, но больше ничего в голову не приходило.

Хасан кивнул:

— Мы воспользуемся твоим гостеприимством и подождем.

Они уселись на матрас и пронзительно уставились на меня. Мне совсем не нравилось выжидательно-хищное выражение на лицах гостей.

Что делать? Попробовать связаться с Никки? Нет смысла: Хасан и Абдулла наверняка уже посетили дом на Тринадцатой улице. Неожиданно до меня дошло, что исчезновение Никки и физическая обработка, которой меня подвергли Сестры, связаны между собой. Никки была их приемной деточкой, чем-то вроде любимой зверюшки. Да, что-то здесь вырисовывается, но пока я ничего не мог сообразить.

Ладно, оставим это. Судя по всему, придется найти и выложить три куска Абдулле, а потом уже вытащить хрустики у Никки, когда поймаю ее.

— Слушай, Хасан, — сказал я хрипло, облизывая распухшие, разбитые губы, я могу сейчас дать, самое большее, две с половиной. Ровно столько лежит у меня на счету в банке. Остальные полтыщи заплачу завтра. Это все, на что я способен.

Хасан и Абдулла переглянулись.

— Ты заплатишь мне две с половиной тысячи сегодня, — произнес Абдулла, — и еще тысячу завтра. — Снова быстрый обмен взглядами. — Поправка: полторы тысячи завтра.

Я сообразил, в чем суть. Пятьсот законного долга плюс пятьсот навара Абдулле, а остальные пятьсот — доля Хасана.

Я молча кивнул. В любом случае, выбора мне никто не оставлял. Вся боль и злость, которую я испытывал, сфокусировалась на Никки. Я отвлекся от собственных проблем, предвкушая нашу встречу. Ах, что я с ней сделаю! Будь это даже рядом с мечетью, мне на это наплевать! Каждый унизительный

момент, каждый миг ада, через который прошел я по милости старой подружки, все, что мне пришлось претерпеть от Сестер, а теперь — от двух толстозадых ублюдков, испытает и она, поганая сука!

— Я вижу, ты не очень хорошо себя чувствуешь, — слащавым тоном сказал Хасан. — Мы поможем тебе добраться до кредитного автомата. Воспользуемся моим автомобилем.

Я долго не отрывал глаз от Шиита, страстно желая стереть тошнотворно-благостную улыбку с его лица; в конце концов просто сказал:

— Не нахожу слов, чтобы выразить свою благодарность.

Хасан снисходительно помахал рукой.

— Правоверный не ждет благодарности, когда исполняет долг милосердия.

Аллах велик.

— Хвала Аллаху! — отозвался Абдулла.

— Это точно, — буркнул я.

Мы вместе вышли на улицу: Хасан по-братски прижимался к моему правому плечу, Абдулла — к левому.

Абдулла устроился рядом с водителем, я сел сзади вместе с Хасаном, закрыв глаза, прильнув к обивке сиденья из настоящей кожи. Никогда в жизни не приходилось мне ездить в такой роскошной машине. Но сейчас мне было абсолютно наплевать на все, кроме боли. Она все росла и росла, сжимая тело тисками… Я почувствовал, как по лбу медленно текут капли пота.

Наверное, я застонал, потому что Хасан шепнул:

— Когда покончим с расчетами, обязательно позаботимся о твоем здоровье.

Остальную часть дороги я проехал молча, ни о чем не думая. Где-то на полпути к банку заработали «солнышки», и я обнаружил, что могу свободно дышать и даже немного двигаться. Возбуждение росло, мне показалось, что я вот-вот потеряю сознание, но потом все улеглось, оставив прочное ощущение приподнятости, предчувствие чего-то прекрасного. Я едва услышал Хасана, когда мы прибыли к банку. Засунул в автомат кредитную карточку, проверил, все ли в порядке, и снял со счета две с половиной тысячи пятьдесят киамов. Теперь в банке у меня лежала вдохновляющая сумма в шесть киамов. Протянул крупные банкноты Абдулле.

— Остальные полторы тысячи — завтра, — буркнул он.

— Иншалла! — сказал я насмешливо.

Абдулла занес руку, чтобы ударить меня, но Хасан удержал его и что-то пробормотал, — я не смог разобрать, что. Оставшиеся пятьдесят киамов я запихнул в карман джинсов и при

этом обнаружил, что больше денег там нет. Странно…

Хоть немного-то должно было остаться — хрустики, полученные от Богатырева, плюс сотня Никки, минус — потраченное прошлой ночью. Наверное, стянула моя сбежавшая клиентка или позарилась одна из Черных Вдов. Господи, какое это сейчас имеет значение? Хасан и Абдулла что-то оживленно обсуждали вполголоса. Наконец Абдулла приложил ладонь ко лбу, губам, сердцу и оставил нас вдвоем. Хасан крепко взял меня за локоть и помог дойти до своего роскошного сверкающего черного чуда техники. Я старался заговорить, но первая попытка провалилась.

Наконец пробормотал: «Куда?»

Голос показался мне чужим — хриплым, срывающимся, словно голосовые связки томились без работы уже многие годы.

— Я отвезу тебя в госпиталь, — ответил Хасан, — и там покину. Надеюсь, ты не обидишься. У меня масса неотложных дел. Увы, бизнес есть бизнес…

— А дело есть дело, — закончил я. Хасан улыбнулся. Не думаю, что у Шиита имелась какая-то личная неприязнь ко мне. — Салаамтак, — он пожелал мне мира. Аллах йисаллимак, — произнес я в ответ. Когда мы добрались до бесплатного госпиталя, я вывалился из машины и заковылял к отделению неотложной помощи.

Пришлось показать удостоверение личности и ждать, когда все данные обо мне извлекут из компьютера. Примостился на стальном сером стуле с распечаткой этих данных на коленях и терпеливо ждал, когда меня вызовут. Сидел так несколько часов. «Солнышки» перестали действовать через девяносто минут, потом начался ад… Полубред-полуявь: огромная комната, переполненная искалеченными, страдающими людьми, все — хронические бедняки, всех мучает боль. Нескончаемый стон, вопли младенцев. Воздух пропитан табачным дымом, вонью немытых тел, мочи, блевотины, сладковатым запахом крови. Наконец меня принял ошалевший от работы доктор; он долго бурчал что-то, осматривая меня, не задавал никаких вопросов, прощупал ребра, выписал рецепт и вызвал следующего.

Сегодня я уже не успею зайти в аптеку, но зато мне известно, где достать кое-какие дорогие пилюльки. Сейчас примерно два часа — самый разгар работы на Улице. Пришлось пешком добираться до Будайина. Меня подстегивала нестерпимая злость на Никки. Придется поквитаться и с Тами и ее подружками.

В клубе Чириги было необычно тихо и безлюдно. Девочки и гетеросеки казались безжизненными, словно куклы; клиенты мрачно разглядывали свои кружки с пивом. Но музыка, конечно,

как всегда, ревела, а пронзительный голос Чири, с ее неповторимым суахильским прононсом, перекрывал весь шум. И все же не слышалось смеха, отсутствовал привычный фон — негромкий гул деловых переговоров. Работа замерла… В баре царил застоявшийся запах пота, пролитого пива и виски, гашиша.

— Марид, — оторопела Чири, увидев меня. Она тоже выглядела осунувшейся.

Прошлая ночь, стало быть, для всех нас оказалась мучительно долгой и неудачной в смысле заработка.

— Можно я угощу тебя чем-нибудь? — спросил я. — Судя по тебе, выпивка явно не помешает.

Она с трудом растянула губы в улыбке:

— Когда-нибудь я отказывалась от подобного предложения?

— На моей памяти — никогда, — отозвался я.

— И не откажусь.

Она повернулась и налила себе зелья из специальной бутылки, которую держала под стойкой. — Это что? — поинтересовался я.

— Тэнде. Особый напиток из Восточной Африки.

После недолгих колебаний я решился:

— Налей и мне!

Чири изобразила беспокойство и утрированно-озабоченным тоном пробормотала:

— Тэнде плохо-плохо для белый бвана! Белый бвана выпить — и сразу бум-бум на свой белый мгонго.

— У меня был сегодня длинный и поганый день, Чири. — Я протянул ей бумажку в десять киамов.

Она сочувственно кивнула, налила мне и подняла свой стакан:

— Ква сихо яко!

— Сахтайн! — сказал я по-арабски, отпил немного тэнде и сразу вытаращил глаза и поднял брови. Питье обжигало, как огонь, и имело неприятный привкус, но я знал, что, если как следует постараюсь, смогу оценить его. И осушил свой стакан.

Чири покачала головой:

— Моя сильно-сильно бояться за белый бвана. Моя думать, что белый бвана вот-вот облюет чистый хороший бар.

— Еще раз, Чири. А когда выпью, сразу наливай следующую порцию.

— Такой плохой был, значит, день? Ну-ка, милый, подойди к свету.

Я обошел вокруг стойки и встал так, чтобы она могла разглядеть меня как следует. Лицо у меня, должно быть, выглядело жутко. Чири протянула руку, осторожно коснулась

ужасных ссадин на лбу, кроваво-синей вздувшейся кожи вокруг глаз, носа, разбитых вспухших губ.

— Хочу хорошенько напиться как можно быстрее, — сказал я. — Кстати, я остался без гроша.

— Ты разве не сорвал три тысячи с русского? Ты ведь, кажется, сам мне сказал. Или я слышала от кого-то другого? Может, от Ясмин? Знаешь, после того, как русский скушал пулю, мои новенькие сразу попросили расчет, и с ними ушла Джамиля. — Она налила мне следующую порцию зелья.

— Ну, Джамиля небольшая потеря. — Это был предоперационный гетеросек, который и не собирался делать операцию.

Я протянул руку к стакану. Кажется, сегодня я пью за счет заведения.

— Тебе легко говорить… Посмотрела бы я, как ты заманиваешь сюда туристов без баб, трясущих голыми сиськами на сцене. Ты мне расскажешь, что с тобой приключилось?

Я осторожно взболтал содержимое стакана.

— Как-нибудь в другой раз.

— Ищешь кого-нибудь?

— Никки.

Чири коротко рассмеялась:

— Да, кое-что это объясняет, но все-таки Никки не могла тебя так хорошо отделать?

— Сестры.

— Все три? Я поморщился:

— Да, все вместе и каждая в отдельности. Чири подняла глаза к потолку.

— Почему? Что ты им сделал? Я фыркнул:

— Пока еще не знаю.

Чири наклонила голову и искоса посмотрела на меня.

— Послушай, — произнесла она вполголоса, — я ведь видела сегодня Никки.

Она приходила сюда примерно в десять утра. Просила, чтобы я передала тебе ее благодарность. Не сказала за что, правда, но, думаю, ты сам знаешь. Потом отправилась искать Ясмин.

Я почувствовал, как во мне закипает злость.

— Не сказала, куда идет? — Нет.

Я снова расслабился. Если кто-нибудь в Будайине знает, где обретается моя бывшая подружка, это Тамико. Но меня никак не привлекала перспектива снова столкнуться с толстой рожей бешеной суки, а судя по всему, придется.

— Не знаешь, где мне достать немного пилюлек?

— Что именно тебе нужно, детка?

— Ну, скажем, полдюжины «солнышек», столько же треугольников и «красоток».

— И все это, учитывая, что ты сейчас без гроша? — Она снова запустила руку под стойку и вытащила свою сумочку. Порывшись в ней, извлекла черный пластмассовый цилиндрический контейнер. — Держи. Зайдешь сейчас в мужской туалет и отсчитаешь сколько нужно. Потом заплатишь. Что-нибудь придумаем например, что скажешь, если я приведу тебя сегодня ночью к себе?

Волнующая и вместе с тем страшноватая перспектива. Вообще-то меня не осаждают толпы жаждущих моих ласк фем, обрезков, гетеросеков или мальчиков, я не какой-нибудь гигант секса, машина любви, но в общем справляюсь, когда нужно… Однако от мысли о ночи с Чири мороз по коже подирает. Эти зловещие узоры из шрамов по всему телу, вампирские клыки…

— Скоро вернусь, — сказал я, нежно поглаживая контейнер с пилюльками.

— Я только что купила новый модик Хони Пилар, — крикнула Чири мне вслед. Не терпится испробовать его. Когда-нибудь хотел трахнуть Хони Пилар, Марид?

Соблазнительное предложение, но, увы, в ближайшее время у меня есть другие дела, никак не терпящие отлагательства. А потом… вставив личностный модуль непревзойденной секс-бомбы Хони Пилар, Чири станет ею. Чернокожая амазонка будет любить меня так, как делала это сама Пилар, когда записывала модуль.

Достаточно закрыть глаза, и в твоих объятьях — самая сексапильная женщина на свете, и из всех мужчин она жаждет лишь тебя одного, молит тебя о любви… Я пополнил свой лекарственный запас за счет хозяйки клуба и вернулся в бар. Чири рассеянно оглядывалась по сторонам. Я вложил контейнер в ее руку.

— Этой ночью никто не зашибает хрустики, — сказала она подавленно. — Еще по стаканчику?

— Надо бежать, Чири. Дело есть дело…

— А бизнес есть бизнес, — отозвалась Чири. — Любой. Лишь бы он вообще был.

Скажем, если дешевые ничтожества, собравшиеся здесь, начнут тратить хоть немного денег, это снова будет бизнес, а не бесцельное отсиживание задницы…

Не забывай, что я тебе сказала о моем новом модике, Марид.

— Слушай, Чири, если ты еще будешь здесь, когда я освобожусь, мы испробуем его вместе. Иншалла.

Она подарила мне свою замечательную улыбку, которую я

так любил.

— Ква кери, Марид.

— Ассалам алейкум, — ответил я и вышел из клуба.

Меня окутал теплый, влажный ночной воздух; я глубоко вдохнул аромат распустившихся цветов и поплелся по улице.

Тэнде здорово подстегнуло меня, кроме того, я проглотил треугольник и одно «солнышко». Когда ворвусь в крысиную нору псевдогейши Тамико, ей придется плохо. Я попытался бегом преодолеть расстояние до Тринадцатой улицы. Увы, обнаружилось, что это выше моих сил. Раньше я мог пробежать куда большую дистанцию. В конце концов я решил, что возраст тут ни при чем. Все дело в мучениях, которые пришлось претерпеть этим утром. Да, конечно.

Сейчас полтретьего или три часа ночи, а из окна Тами доносится громыхание музыки кото! Я барабанил в дверь, пока не отбил кулаки.

Она не слышала меня то ли из-за громкой музыки, то ли из-за наркотиков. Я налег плечом на дверь и обнаружил, что она не заперта. Медленно и осторожно поднялся по ступенькам. Практически каждый житель Будайина как-нибудь модифицировал себя. Ввинченные в мозг модики и приставки-училки дарят самые разные знания, навыки и целые библиотеки информации, или, как в случае с Хони Пилар, другое «я», совершенно новую личность. Я один оставался нетронуто-естественным, полагаясь на природные рефлексы, собственный опыт и осторожность.

Я превосходил других, используя дарованный Аллахом разум против их компьютеризированной натаски.

И вот сейчас дарованный Аллахом разум говорил мне, что здесь что-то не так. Тами не оставила бы дверь открытой, разве что ради Никки, забывшей дома ключи…

Она лежала примерно в той же позе, в какой я застал ее накануне. Лицо густо набелено, иссиня-черная краска на веках. Но сейчас Тамико была полностью обнажена, и ее странное созданное хирургами тело выделялось кричащим белым пятном на деревянном полу. Кожа имела болезненно-бледный синеватый оттенок, на ней ярко проступали темные следы ожогов и багрово-красные полосы вокруг запястий и шеи. Горло перерезано от уха до уха; белила смешались с кровью, растекшейся огромной лужей вокруг Тами. Эта Черная Вдова больше никого не сможет ужалить.

Я опустился на подушки рядом с безжизненным телом и попытался сообразить, что здесь произошло. Может быть, Тами выбрала не того клиента, и он нанес ей удар первым? Следы

ожогов и кровоподтеки говорили о том, что ее истязали; пытали долго, неторопливо, так, чтобы причинить максимальную боль. Тами с лихвой заплатила за то, что сделала со мной. Квадаа уквадар — правый суд Аллаха и судьбы.

Телефон на моем поясе зазвонил как раз в тот момент, когда я собрался связаться с лейтенантом Оккингом. Я настолько ушел в свои мысли, уставившись на труп Тами, что звонок ударил по нервам. Что ж, сидеть так в компании мертвой женщины, которая неотрывно глядит тебе в лицо, — довольно неприятное времяпрепровождение. Это кого угодно выведет из себя. Я взял трубку.

— Слушаю.

— Марид? Ты должен… — Связь прервалась. Трудно было сказать, кому принадлежит голос, но, кажется, я все-таки узнал его. Похоже на Никки.

Я посидел еще немного. Что хотела передать мне Никки — попросить о чем-то, предупредить? Тело сковал озноб, я не мог пошевелиться. Стали действовать наркотики, но сейчас я почти не почувствовал этого. Несколько раз глубоко вздохнул, собрался с силами и продиктовал код Оккинга в трубку. Сегодня ночью Хони Пилар мне не светит.

Глава 5

Я выяснил один интересный факт.

Правда, это знание никак не стоило мучений, перенесенных мною за сегодняшний ужасный день, но все же заслуживало того, чтобы поместить его в копилку моего замечательного мозга. Оказывается, лейтенанты полиции редко преисполняются энтузиазмом, когда им сообщают об убийстве за полчаса до конца их дежурства.

— Твой второй труп, а неделя еще не кончилась, — меланхолично отметил Оккинг, прибыв на место происшествия. — Учти, если ты добиваешься комиссионных, мы не собираемся выплачивать. Обычно мы стараемся отвратить граждан от подобной практики.

Я взглянул на вытянувшееся, усталое лицо Оккинга. Принимая во внимание, что сейчас глубокая ночь, сказанное можно было с натяжкой оценить как своеобразный полицейский юмор. Не знаю точно, откуда Оккинг родом — скорее всего из какого-нибудь прогнившего, выродившегося европейского государства или из Северо-Американских Федераций, — но он умудрялся прекрасно уживаться со всеми разношерстными группировками, находившимися под его юрисдикцией. Он говорил по-арабски, пожалуй, хуже всех, кого мне приходилось слышать (обычно мы беседуем с ним по-французски), и все же Оккинг находил общий язык со всеми жителями Будайина — представителями разных течений ислама, святошами и теми, кто пренебрегает религиозными обязанностями, арабами и людьми других национальностей, богатыми и бедными, добропорядочными и ступившими на путь порока. С каждым лейтенант обходился одинаково, элегантно и ненавязчиво создавая впечатление сочувствия и понимания. Поверьте, я по-настоящему ненавижу легавых. Масса жителей Будайина боится, не доверяет или попросту не любит фараонов; я их ненавижу. Когда я был еще совсем маленьким, матери пришлось заняться проституцией, чтобы получить пропитание и крышу над головой. Я до боли четко помню, в какие игры играли с. лей тогда полицейские. Это происходило в Алжире много лет назад, но для меня легавые всюду одинаковы. За одним-единственным исключением в лице лейтенанта Оккинга.

Медицинский эксперт, обычно демонстрировавший стоическую бесстрастность, на этот раз не удержался от еле уловимой гримасы отвращения, увидев Тамико. Ее убили примерно четыре часа назад, заявил он. Эксперт узнал кое-что о

преступнике по отпечаткам пальцев на шее и другим уликам. Убийца имел короткие толстые пальцы, а у меня они тонкие и длинные. Вдобавок, у меня было алиби: сохранилась выписка из госпиталя со штампом, где указано время, когда мне оказали первую помощь, а также рецепт.

— О'кей, дружок, — сказал Оккинг в своей обычной манере гробовщика-остроумца. — По-моему, тебе можно позволить разгуливать по нашему мирному кварталу: смертельной угрозы для жителей ты не представляешь.

— Что думаешь? — спросил я, указывая на распростертое тело. Оккинг пожал плечами:

— Что ж, кажется, у нас объявился какой-то маньяк. Сам знаешь, шлюхи сплошь и рядом заканчивают жизненный путь таким образом. Это как бы неотъемлемая часть их профессии, вместе с макияжем и тетрациклином. Подруги убитой стараются не думать об этом, поскорее выбросить из головы. А им бы лучше как раз не забывать, потому что тот, кто укокошил Тами, скорее всего убьет кого-нибудь еще; так мне подсказывает опыт. Прежде чем мы поймаем его, он может пришить двух, трех, пятерых, десятерых… Расскажи своим друзьям о том, что увидел. Сделай так, чтобы они прислушались. Пусть об этом узнают все.

Постарайся, чтобы представители шести или восьми разных полов, обитающие в стенах нашего квартала, четко уяснили, что им следует избегать интимных встреч с мужчиной плотного телосложения, ростом примерно пять с половиной футов, с короткими толстыми пальцами и явным пристрастием к садистским забавам. Да, чуть не забыл: эксперт обнаружил, что, когда наш таинственный незнакомец бил, прижигал и душил Тами, он познал высшую радость… Следы семени найдены во всех трех отверстиях.

Я добросовестно постарался разнести новость по всему Будайину. Каждый соглашался с моим тайным убеждением: человек, убивший одну из Сестер, теперь будет не охотником, а объектом охоты. Тот, кто изберет Черных Вдов в качестве жертвы, сам станет жертвой неутомимых дам. Селима и Деви сейчас начнут отлавливать всех, кто хоть немного подходит под описание убийцы, руководствуясь простым расчетом, что один из них окажется преступником. Мне почему-то показалось, что Вдовы не станут пускать в дело ядовитые клыки, по крайней мере сразу. Я на собственной шкуре почувствовал, как им нравятся… назовем это предварительными ласками.

Следующий день у Ясмин был свободным, и часа в два я позвонил ей. Ночью моей подруги дома не было; где она провела ее, разумеется, не мое дело, но с удивлением отметил, что меня

все-таки мучает ревность, ну совсем немного… Мы договорились в пять пообедать вместе в нашем любимом кафе. Там можно сидеть за столиком на террасе и наблюдать за происходящим на улице. В двух кварталах от ворот еще довольно спокойно и даже напоминает обычную городскую жизнь. Кафе было подходящим местом, чтобы стряхнуть с себя заботы, расслабиться. Я ничего не сказал Ясмин о событиях прошлого дня, иначе мы проговорили бы до обеда, а чтобы успеть вовремя, ей требовалось не меньше трех часов.

В ожидании Ясмин я успел выпить только дважды. Она появилась в четверть шестого, хотя обычно опаздывает минут на сорок — сорок пять; я ждал Ясмин не раньше шести и собирался влить в себя хотя бы еще две порции спиртного, потому что проспал всего четыре часа и все это время страдал от ужасных кошмаров. Мне нужна была выпивка, хороший сытный обед и добрая мамочка в лице Ясмин, которая подержит меня за руку, пока я буду плакаться ей в жилетку.

— Мархаба! — весело приветствовала меня подруга, плавно скользя между металлическими столиками.

Я махнул Ахмаду, обслуживавшему нас, он осведомился, что будет пить дама, и принес меню. Пока Ясмин изучала список блюд, я изучал ее. Волосы падали волной на плечи, словно черное облако; легкое хлопчатобумажное летнее платье было в европейском стиле — желтое с белыми бабочками. Вокруг загорелой смуглой шеи — серебряная цепочка, с которой свисал миниатюрный серебряный полумесяц.

Она выглядела такой волнующе-красивой… Очень не хотелось тревожить ее сейчас.

— Ну, как прошел день, Марид? — произнесла она, чуть улыбаясь.

— Тамико убита, — выпалил я, чувствуя себя ужасным недотепой. Наверное, можно было найти массу способов сказать об этом, не оглушая ее сразу страшным известием.

Ясмин широко раскрыла глаза и прошептала формулу, отвращающую зло.

Я сделал глубокий вдох. Потом поведал обо всем, начиная с утреннего визита Сестер ко мне и энергичной разминки, последствия которой ощущал и сегодня.

Описал, как прошел день, как меня отпустил Оккинг и, наконец, как я, заброшенный и измученный, добрался до дома.

По ее гладкой щеке, нарушив тщательно наложенный румянец, медленно сползла слезинка. Несколько секунд Ясмин сидела молча, не в силах произнести ни слова.

Не понимаю, что ее так расстроило; я проклинал себя за

неловкость.

— Мне так жаль, что я не была с тобой прошлой ночью, — сказала она наконец. Ясмин не сознавала, как крепко она сейчас сжимает мою руку. — Я встречалась с клиентом, Марид, каким-то парнем из клуба. Он несколько недель подряд приходил, чтобы увидеть меня, и в конце концов предложил мне две сотни за ночь. Вроде бы неплохой человек, но…

Я поднял руку. Не хочу слышать об этом. Мне нет дела до того, как девочка зарабатывает на жизнь. Но, конечно, я тоже хотел бы, чтобы прошлую ночь Ясмин провела со мной. Чтобы в перерывах между кошмарами утешаться в ее объятиях.

— Теперь все позади. Я хочу потратить остаток полтинника на обед, а потом давай хорошенько прогуляемся.

— Ты правда думаешь, что все кончилось? Я пожевал губу.

— Все, кроме дела с Никки. Хотел бы я знать, что означал этот телефонный звонок. Просто не могу понять, как она могла сбежать вот так, подставив меня из-за несчастных трех тысяч. Понимаешь, в Будайине никогда нельзя быть на сто процентов убежденным в верности друзей, но я в свое время вытащил эту девочку из нескольких очень неприятных ситуаций и думал, что такого она не забудет.

Ясмин еще шире раскрыла глаза и неожиданно рассмеялась. Я не понимал, что смешного можно найти в моем положении. Лицо еще было ужасным — распухшее, покрытое кровоподтеками и синяками; страшно болели ребра. Вчерашний день не содержал ничего забавного.

— Вчера утром я встречалась с Никки, — призналась Ясмин.

— Вот как?

Я вспомнил, что Чирига тоже видела Никки часов в десять утра, и та сказала, что идет искать Ясмин. Я не связывал этот визит к Чири с последовавшим исчезновением Никки.

— Она была очень взвинченной и испуганной, — сказала Ясмин. — Призналась мне, что бросила работу и вынуждена уйти от Тами. Только не объяснила почему.

Сказала, что беспрестанно названивает тебе, но никто не отвечает.

Ну, конечно: когда Никки пыталась связаться со мной, я лежал на полу своей комнаты, совершенно отключившись после избиения.

— Она отдала мне этот конверт и просила обязательно вручить тебе.

— А почему Никки не оставила его у Чири? Это избавило бы меня от массы физических и моральных страданий.

— Ты что, не помнишь? Никки работала у Чири Примерно

год, может, больше.

Чирига поймала ее на том, что она обсчитывает клиентов и крадет чаевые у девочек.

Я кивнул: действительно, Чири и Никки обычно избегала друг друга.

— Значит, она зашла к Чири только для того, чтобы узнать, где найти тебя?

Я стала ее расспрашивать, но Никки не ответила. Твердила только одно: «Обещай, что непременно передашь Мариду конверт».

Я надеялся, что таинственное послание окажется письмом, по которому можно найти Никки и вернуть свои деньги. Взяв конверт, я разорвал его. Внутри лежали три тысячи киамов и записка, написанная по-французски:

«Милый Марид!

Я так хотела сама отдать тебе эти деньги; много раз звонила, но никто не отвечал. Оставляю конверт у Ясмин, но если ты так и не получишь его, то никогда не узнаешь об этом и навеки меня возненавидишь. Не знаю, когда мы снова увидим друг друга… Я в таком смятении, все так переменилось!

Буду жить с одним старинным другом нашей семьи, богатым коммерсантом из Германии: помню, он всегда приносил мне подарки, когда я еще была застенчивым, погруженным в себя маленьким мальчиком. Теперь, после того, как я стала… в общем, тем, кем я стала, немецкий бизнесмен обнаружил еще большую склонность к разным подаркам. Мне он всегда был симпатичен, Марид, хотя я не могу полюбить его. Но жить у такого человека неизмеримо приятнее, чем терпеть общество Тамико.

Этого джентльмена зовут герр Люц Сейполт. Он владелец великолепного дома в пригороде; попроси водителя отвезти тебя (мне пришлось списать это) к Байт ил-Симсаар ил-Альмаани Сейполт, и он доставит тебя к нашей вилле.

Передай мою любовь Ясмин и всем остальным. Когда выдастся возможность, я навещу наш квартал, но, думаю, сначала какое-то время буду с наслаждением играть роль хозяйки имения. Уверена, что ты наверняка поймешь меня, Марид: в конце концов, бизнес есть бизнес, муш хайк? (А ты, могу поспорить на что хочешь, вообразил, что я так и не выучила ни слова по-арабски!)

С любовью и благодарностью, Никки».

Я вздохнул и протянул письмо Ясмин. Вспомнив, что она ни слова не понимает по-французски, перевел послание Никки.

— Надеюсь, девочка будет там счастлива, — произнесла она, когда я сложил бумагу.

— Быть игрушкой какого-то тупого немецкого денежного мешка? Никки?! Ей требуется свободная, бурная жизнь не меньше, чем мне и тебе. Она вернется.

Просто сейчас, очевидно, в шоу Принцессы Никки настало время поиграть «сладенького папочку». Ясмин улыбнулась:

— Согласна, Никки вернется, но только когда сама решит, что настало подходящее время. Эта девочка заставит престарелого немца заплатить за каждую минуту совместной жизни!

Мы оба рассмеялись, а потом официант принес выпивку для Ясмин, и мы заказали обед.

Завершив свой маленький пир, мы лениво болтали, потягивая шампанское.

— Каким адом казалась жизнь вчера, — воскликнул я, — а сегодня все стало на свои места. Я возвратил свои деньги, правда, потеряю тысячу. Как только уйдем отсюда, разыщу Абдуллу и отдам ему то, что должен.

— Да, конечно, — подхватила Ясмин. — Но даже тогда не все станет на свои места. Убита Тами, и этого уже не изменить.

Я нахмурился:

— Тами — проблема Оккинга. Если ему понадобится мудрый совет знатока, лейтенант знает, где меня найти.

— Ты и вправду хочешь спросить у Деви и Селимы, Почему они избили тебя?

— Еще бы! Можешь поспорить на свои пластиковые грудки, милая! А Сестры пусть приготовят убедительное объяснение!

— Это должно быть как-то связано с Никки. Я согласился с ней, хотя и не представлял, какая здесь может быть связь.

— Да, чуть не забыл. Давай заглянем по дороге к Чири. Я должен ей за пилюльки: прошлой ночью она разрешила попользоваться ее запасами.

Ясмин посмотрела на меня сквозь стекло бокала.

— Похоже на то, что мы вернемся домой очень поздно, — тихо произнесла она.

— А когда придем, не сможем найти постель. Ясмин широко взмахнула рукой утрированно-пьяный жест.

— Да на черта тебе постель? Трахать ее, что ли?

— Ну нет, — сказал я. — У меня есть более подходящий объект для этого.

Ясмин смущенно хихикнула, словно мы вернулись к самому

началу наших отношений и впереди первая ночь любви.

— Какой модик мне включить сегодня? Я с трудом перевел дыхание, завороженный ее красотой и неподдельным, спокойным обаянием. Я и в самом деле чувствовал себя так, словно заново переживал миг первой встречи.

— Не хочу, чтобы ты подключала модик, — тихо произнес я. — Хочу любить тебя.

— Ох, Марид. — Она сжала мне руку. Мы оба замерли, не отрываясь смотрели в глаза друг другу, вдыхали сладковатый аромат оливковых деревьев, слушали, как заливаются соловьи, щебечут дрозды. Казалось, так будет вечно… но неожиданно я вспомнил, что меня ждет Абдулла. Нельзя забывать о подобных вещах: арабы говорят, что одна ошибка умного человека равна ошибкам тысячи глупцов.

Однако перед тем, как уйти, Ясмин пожелала поискать какого-нибудь совета в книге. Я сказал, что Коран никогда не служил мне опорой в жизни.

— Да нет, — пояснила Ясмин, — я имела в виду не Книгу, то есть не Несомненное Писание.[3] Просто книгу. — Она вытащила миниатюрное устройство размером с пачку сигарет. Электронный аналог китайской книги предсказания судьбы, «Ицзин». Держи, — она протянула прибор мне, — включи эту штуку и нажми на букву «Г».

На китайскую мудрость я полагался еще меньше, чем на Коран, но моя подружка страстно верила в Судьбу, в Момент Бытия, в непознанную реальность и подобную ерунду. Я сделал все, как она сказала: после того, как нажал на белый кружочек, обозначенный буквой «Г», крошечный компьютер продребезжал мелодию, и тоненький женский голос пропищал:

> *«Гексограмма восемнадцать. Знак Ку.*
> *Восстановление того, что разрушено. Изменения в пятой и шестой линиях».*

— Теперь нажми «Т» — толкование, — сказала Ясмин.

Я нажал, устройство снова порадовало наш слух своей невзрачной песенкой, и электронный голосок объявил:

> *«Толкование:*
> *Восстановление того, что было разрушено Принесет огромный. успех.*
> *Пересечение великой воды подарит, удачу. Выждать три дня перед началом дела.*
> *Выждать три дня перед завершением дела.*
> *То, что разрушено, можно восстановить ценой*

огромных усилий. Не бойся опасности — пересечения великой воды. Успех зависит от предвидения; будь осторожен, приступая к делу. Следует опасаться повторного разрушения достигнутого; будь осторожен, завершая дело.

Сильнейший и мудрейший ведет за собой людей, окрыляет их, заставляя воспрянуть духом».

Я взглянул на Ясмин:

— Надеюсь, хоть ты что-то извлекла из всего этого, потому что для меня подобный набор слов — все равно что стеклянный глаз для верблюда.

— Ну еще бы, — полушепотом произнесла Ясмин; ее глаза горели. — Давай дальше. Нажми «Л» — линии.

Я молча повиновался. Адская машинка продолжила вещать:

«Шесть на пятом месте означает: Восстановление того, что разрушил отец.

Действия, заслуживающие восхищения.

Девятка наверху означает:

Он не служит королям и принцам. Ставит перед собой более высокие цели».

— О ком говорит машинка, Ясмин? — спросил я. — О тебе, милый, о ком же еще! — Что теперь мне делать?

— Выясни, во что изменяющиеся линии превращают гексограмму. Ага, еще одна гексограмма. Нажми на «И» — изменения.

«Гексограмма сорок семь. Знак К'ун. Подавление».

Я нажал на «Т» — толкование.

«Подавление. Успех. Упорство и стойкость.

Могучий муж приносит успех Здесь нет вины Когда объясняет, никто не верит.

Могучий муж сохраняет стойкость и уверенность при всех превратностях судьбы, и эта стойкость становится залогом грядущего успеха. Сила, которая поборет судьбу. Следует ожидать, что какое-то время власть ему не будет дана, а советы отвергаются. Во время тяжелых испытаний важно сохранять стойкость и уверенность в себе и не говорить много.

Если он слаб перед лицом тяжелых испытаний, останется под голым деревом и скорбь его многократно

увеличится. Это внутренняя болезнь, заблуждение, которое необходимо, преодолеть любой ценой».

Все: оракул сказал свое слово.

— Теперь мы можем идти? — брюзгливо осведомился я.

Ясмин завороженно разглядывала стол, очевидно проникая взором в какое-то иное измерение, где царствуют законы китайской премудрости.

— Тебе предназначен великий удел, Марид! — пробормотала она.

— Это точно, — согласился я. — Но самое интересное — может ли твоя говорящая книга, скажем, угадать мой вес? Какая польза от подобной игрушки? Я даже не пойму, если чертова машинка вздумает послать меня подальше.

— Нужно во что-то верить, Марид, — сказала Ясмин очень серьезно.

— Слушай, Ясмин, я стараюсь. Честное слово! Это было что-то вроде предсказания? Машинка сейчас говорила про мое будущее?

Она сдвинула брови:

— Нет, не совсем, Марид. Можно назвать это отголоском Момента, частью которого мы все являемся. Из-за того, каков ты по своей сути, по своим мыслям, чувствам, поступкам, из-за того, что уже сделал и собираешься сделать, ты мог получить только гексограмму восемнадцать, и никакую другую, с изменениями в тех двух линиях. Если сейчас попробуешь снова, будет совсем другой результат, потому что первая гексограмма изменила Момент и общая схема теперь иная.

Понимаешь?

— Наложение моментов, правильно? Она озадаченно посмотрела на меня.

— Да, что-то в этом роде.

Я рассчитался с Ахмадом. Стоял теплый, приятный вечер; предстоит замечательная ночь. Я встал, расправил плечи.

— Пойдем разыщем Абдуллу. Бизнес есть бизнес, черт бы его побрал?

— А потом? — Она улыбнулась.

— Дело есть дело, дорогая. — Я взял ее за руку; мы направились к магазину Хасана.

Смазливый мальчишка-американец все еще восседал на табуретке, уставившись куда-то в пространство. Интересно, он способен мыслить, или это некое электронное приспособление, пробуждающееся к жизни, когда слышит шаги или шуршание киамов? Мальчик поднял на нас глаза, улыбнулся и проворковал

что-то по-английски. Конечно, можно предположить, что большинство завсегдатаев магазина Хасана свободно изъясняются на этом языке, но я сильно сомневаюсь. Здешнее заведение не предназначалась для туристов; тут хранились отнюдь не обычные сувениры… Мальчик, должно быть, чувствовал себя совсем беспомощным: ни слова по-арабски, нет даже языковой училки. Конечно, он и был беззащитным, а следовательно, зависел от хозяина, то есть от Хасана. Зависел во многом, очень многом…

Я знаю несколько элементарных английских фраз; если бы мальчик говорил медленно, смог бы кое-что разобрать. Я способен сказать: «Как найти туалет?», «Биг Мак, пожалуйста» и «Пошел на…» — на этом мои познания исчерпываются. Я уставился на американца, тот уставился на меня. Потом по его лицу медленно расползлась улыбка. По-моему, я ему понравился.

— Где Абдулла? — спросил я по-английски. Парнишка моргнул и прощебетал что-то совершенно непонятное. Я помотал головой, показывая, что ни черта не разобрал. Абдул-Хасан горестно опустил плечи. Он попробовал объясниться по-испански, но я снова покачал головой.

— Где сахиб Хасан? — стоял я на своем. Мальчик ухмыльнулся и отстучал новую порцию резких отрывистых слов, но на этот раз догадался показать пальцем на занавес. Замечательно: наконец-то мы поняли друг друга!

— Шукран, — поблагодарил я его, вместе с Ясмин направляясь в конец магазина.

— You're welcome, — неожиданно отозвался мальчик.

Я поразился: Абдул-Хасан уже знал, как будет по-арабски «спасибо», но что сказать в ответ, не выучил. Тупой молокосос! В одну прекрасную ночь лейтенант Оккинг наткнется на его тело где-нибудь в глухом переулке. Или, принимая во внимание мое особое везение, его найду я.

Хасан в помещении склада проверял количество ящиков, сверяясь со счетом.

На ящиках стоял адрес магазина по-арабски, но другие надписи были сделаны на каком-то европейском языке. Внутри могло храниться все что угодно — от электрических пистолетов до засушенных человеческих голов. Хасана совершенно не заботило, что именно он покупает и продает, коль скоро это приносило доход. Он мог служить идеальным примером умелого торговца по Платону.

Шиит услышал шелест раздвигаемого занавеса и приветствовал меня, словно блудного сына. После отеческих объятий он заботливо спросил:

— Сегодня ты чувствуешь себя лучше?

— Да, хвала Аллаху.

Он переводил взгляд с Ясмин на меня. По-моему, Шиит знал ее как одну из девиц, работающих на Улице, но вряд ли был лично знаком с моей подругой. Я решил, что не стоит представлять ее Хасану. В принципе, это нарушение этикета, но при определенных обстоятельствах такое допускается. Хасан протянул руку:

— Прошу, выпей чашку кофе вместе со мной!

— Пусть стол твой будет вечно изобильным, Хасан, но мы только что пообедали, а я хочу побыстрее найти Абдуллу. Если помнишь, за мной числится долг.

Хасан сдвинул брови:

— Да, да, верно. Милый Марид, проницательный друг мой, я не видел Абдуллу уже несколько часов. Думаю, он предается развлечениям в другом месте. Неодобрительный тон Шиита показывал, что эти развлечения входят в число запретных для мусульман.

— Однако деньги у меня с собой, и я желал бы выполнить свои обязательства.

Хасан сделал вид, что погрузился в размышления о том, как помочь мне.

Наконец произнес:

— Ты, конечно, знаешь, что часть денег должна быть передана мне.

— Да, о мудрейший.

— Тогда можешь оставить у меня всю сумму, а я, как только увижу Абдуллу, отдам ему то, что причитается.

— Отличное предложение, о мой дядюшка, но я хотел бы получить от Абдуллы расписку. В тебе никто не смеет усомниться, но, в отличие от нас с тобой, Абдулла и я не связаны узами любви.

Хасану это не очень-то понравилось, но он не стал возражать.

— Думаю, ты найдешь Абдуллу за этой стальной дверью. — Шиит повернулся ко мне спиной и продолжил работу. Даже не глядя на нас, он произнес:

— Твоя спутница должна остаться здесь.

Я вопросительно посмотрел на Ясмин; она пожала плечами. Я быстро прошел помещение склада, пересек проулок и постучал в стальную дверь. Несколько секунд пришлось подождать, пока мою личность разглядывали в потайное отверстие, убеждаясь в том, что я свой. Наконец дверь распахнулась. Передо мной возник высокий, тощий, как скелет, бородатый старик по имени Карим.

— Что тебе здесь нужно? — спросил он ворчливо.

— Спокойствие, о шейх. Я пришел отдать долг Абдулле абу-

Зайду.

Дверь захлопнулась прямо перед носом. Спустя некоторое время ее снова открыл сам Абдулла.

— Давай их скорее сюда. Мне как раз нужны деньги.

Уважительное обращение к старшему или покровителю.

За его спиной я смог разглядеть несколько человек, с жаром предающихся какой-то азартной игре.

— Я принес все, что должен, Абдулла, — сказал я, — но ты выдашь мне расписку в получении долга. Не хочу, чтобы потом говорили, что я не заплатил причитающегося.

Он разъярился:

— Ты смеешь воображать, что я могу так поступить?

Я в ответ обжег его взглядом:

— Расписку. Потом получишь свои деньги. Абдулла пару раз обругал меня, потом нырнул в комнату, торопливо нацарапал расписку и показал мне.

— Давай сюда полторы тысячи киамов, — прорычал он.

— Сначала расписку.

— Давай сюда мои деньги, поганый кот, которого кормят девки!

В моем воображении возникла соблазнительная картина: я с размаху бью его ребром ладони по переносице, превращаю наглую жирную харю в кровавое месиво…

Какое прекрасное зрелище!

— О Господи, Абдулла! Позови сюда Карима. Эй, Карим! — Когда к двери снова подошел седобородый старик, я сказал ему:

— Сейчас я передам тебе деньги, Карим, а Абдулла бумажку, которую сжимает в руке. Ему отдашь деньги, мне бумагу, хорошо?

Карим заколебался, словно такая операция показалась ему немыслимо сложной.

Потом медленно кивнул. Обмен произошел в полной тишине. Я повернулся и, не говоря ни слова, зашагал к магазину Шиита.

— Сын шлюхи! — выкрикнул Абдулла мне вслед. Я улыбнулся. Вообще-то у мусульман это считается страшным оскорблением, но, поскольку, увы, сказанное было истиной, меня это по-настоящему не задело. И все же, из-за Ясмин и нежелания нарушать приятные планы на вечер, я позволил Абдулле перейти предел оскорблений. Обычно такое не проходит безнаказанно. Я твердо пообещал себе, что скоро и этот долг будет ликвидирован. У нас в Будайине очень вредно для здоровья заработать репутацию человека, покорно терпящего хамство и поношения.

Проходя мимо Хасана, я сказал:

— Ты можешь забрать свою долю у Абдуллы. Советую поторопиться, потому что сегодня ему, кажется, крупно не везет в

игре.

Шиит кивнул, но промолчал.

— Я рада, что это дело закрыто, — сказала Ясмин.

— Ну, не больше меня, наверное. — Я аккуратно сложил расписку и сунул ее в карман джинсов.

Мы отправились к Чири; я подождал, пока она закончит обслуживать трех молодцов в форме морских офицеров Калабрии.

— Чири, — произнес я, — мы спешим, но я хочу отдать тебе хрустики.

Отсчитал семьдесят пять киамов и положил деньги на стойку. Чири продолжала спокойно стоять.

— Ясмин, ты сегодня просто красавица, моя милая. Марид, это за что? За пилюльки, которые ты взял прошлой ночью? — Я кивнул. — Ты, я знаю, очень стараешься держать слово, всегда отдавать долги, соблюдать всю эту выспреннюю ерунду с кодексом чести, и так далее. Но возьми часть бумажек обратно: я не собираюсь обирать тебя по ценам улицы.

Я ухмыльнулся:

— Чири, ты рискуешь оскорбить правоверного.

Она рассмеялась:

— Ну и правоверный из тебя, клянусь своей чернокожей попкой! Хорошо, тогда выпейте за счет заведения. Нынче бизнес идет бойко, хрустики так и порхают.

Девочки в хорошем настроении, я тоже.

— У нас сегодня маленький праздник, Чири, — произнесла Ясмин.

Они обменялись каким-то таинственным жестом. Может быть, во время операции по перемене пола каким-то путем передается и специфически-женское, почти сверхъестественное умение говорить друг с другом без слов? Так или иначе, Чири все уловила. Мы взяли бесплатную выпивку и поднялись.

— Желаю вам хорошо провести эту ночь, — сказала Чири.

Семьдесят пять киамов давно исчезли. Честно говоря, я так и не увидел, как и когда хозяйка клуба взяла их.

— Ква кери, — произнес я, когда мы выходили на улицу.

— Ква керини йа квонана, — отозвалась Чири. Потом, на одном дыхании: О'кей, которая из вас, ленивых толстожопых шлюх, должна сейчас танцевать на сцене? Кэнди? Отлично, сбрасывай свои тряпки и за работу! — Чири казалась счастливой. С миром снова все было в порядке.

— Мы можем по дороге заскочить к Джо-Маме, — предложила Ясмин. — Я не видела ее уже несколько недель.

Джо-Мама — гигантская во всех отношениях женщина почти шести футов ростом, весом примерно три-четыре сотни фунтов,

обладательница уникальной шевелюры, периодически меняющей цвет. Повинуясь какому-то таинственному циклу, она становилась блондинкой, рыжей, темноволосой и жгучей брюнеткой, затем светлой шатенкой; далее цвет делался все темнее и темнее, пока в один прекрасный день Джо-Мама, словно по мановению волшебной палочки, снова не превращалась в блондинку. Она принадлежала к типу несгибаемых, сильных женщин: в ее баре никто не осмеливался затеять скандал, а там в основном сшивались греческие моряки торгового флота. Джо-Мама жила по собственным заповедям и могла со спокойной совестью вытащить пушку или золингеновский перфоратор и создать вокруг себя картину полного умиротворения в виде груды окровавленных тел. Я уверен, что такая, как она, справилась бы с двумя Чиригами сразу и одновременно, сохраняя полное спокойствие, готовила бы «Кровавую Мери» для посетителя. Либо Джо-Мама любила тебя всей душой, либо так же страстно ненавидела; ну, а люди обычно хотели, чтобы она выбрала первое. Мы зашли в ее заведение; хозяйка приветствовала нас в своей обычной манере, говорила очень громко, быстро, проглатывая слова, и постоянно отвлекалась.

— Марид! Ясмин!

Далее последовала какая-то фраза по-гречески: Джо-Мама забыла, что никто из нас не понимал этого языка. По-гречески я знаю еще меньше слов, чем по-английски, а их я выучил, ошиваясь в заведении Джо-Мамы. Могу, скажем, заказать узо и рецину, сказать «калимера» (привет) и обозвать кого-нибудь «малакой» (что-то вроде мудака).

Я старательно сжал Джо-Маму в объятиях. Она такая обильная, что наверняка мы вдвоем с Ясмин не смогли бы обхватить хозяйку бара. Мы сразу же стали слушателями истории, которую она рассказывала какому-то посетителю. «…И вот наш Фуад стремглав бежит ко мне и хнычет: „Эта черная сука меня обчистила!“ Мы с тобой прекрасно знаем, что ничто так не возбуждает Фуада, как возможность быть обворованным чернокожей девкой». Джо-Мама вопросительно посмотрела в мою сторону, я согласно кивнул. Фуад был невероятно худым парнем, который питал слабость к черным шлюхам. Никто не любил Фуада, но его использовали на о подхвате, а парень так хотел понравиться, что бегал по чужим делам всю ночь напролет, пока не натыкался на девицу, которую избирал объектом своей любви на текущую неделю. «Ну вот, я спрашиваю, как он умудрился опять позволить себя обчистить. Я была уверена, что теперь парень узнал все приемы на собственном горьком опыте. Господи, даже Фуад не может быть таким идиотом, как… как Фуад.

Ну, ты понимаешь, что я хочу сказать… Так вот, он отвечает: „Она работает официанткой в „Старом Чикаго Большого Ала“.[4] Я расплатился за выпивку, а когда девка принесла сдачу, она протерла поднос мокрой губкой и держала его высоко, так, что мне все было видно. Чтобы взять деньги, пришлось подвинуть их к краю подноса, нижняя банкнота прилипла к мокрой поверхности“. Тогда я схватила идиота за уши и стала трясти его. „Фуад, Фуад, — говорю я ему, — ведь это самый заезженный трюк! Ты, наверное, видел такое миллион раз, а может, и больше! По-моему, то же самое в прошлом году с тобой проделала Зейнаб“.

Несчастный скелетина кивает, а его адамове яблоко так и ходит вверх-вниз, вверх-вниз; только послушайте, что он ответил, только послушайте: „Да-а-а, но ведь все прошлые разы тибрили бумажки в один киам. Никто еще не проделывал такое с десяткой!“ Как будто это меняет дели!» Джо-Мама начала смеяться: так вулкан, перед тем как взорваться в полную силу, издает глухой рокот. Когда раздались первые раскаты убийственного смеха, весь бар задрожал, зазвенели бутылки и стаканы, и, сидя у стойки, мы ощутили вибрацию, как при землетрясении. Смех Джо-Мамы обладает большей разрушительной силой, чем стул в руках обычного смертного.

— Так что ты хочешь, Марид? Узо и рецина твоей даме? Или просто пиво?

Решайте быстрей, я не могу ждать всю ночь: у меня собралась целая толпа греков, только что прибывших со Скорпиоса. Их корабль перевозит ящики, полные взрывчатки, для революции в Голландии, парни проделали долгий трудный путь, и все, как один, трясутся, словно золотая рыбка на съезде котов. Морячки опустошили запасы спиртного в моем заведении! Говори наконец, что будешь пить, черт тебя дери! Вытягивать из тебя ответ все равно, что добиваться чаевых у китаезы!

На мгновение поток слов иссяк, и я воспользовался этим, чтобы сделать заказ. Мы получили выпивку, — я джин и бингару, Ясмин стакан «Джека Дэниелса» с кока-колой. Потом Джо-Мама принялась рассказывать новую историю, и я, как коршун, следил за ней, потому что иногда, заслушавшись ее, люди забывают, что им причитается сдача. Я никогда не забываю.

— Дай мне сдачу мелкими, Мама, — сказал я, тактично прервав ее, на тот случай, если хозяйка заведения слишком увлеклась и такой пустяк вылетел у нее из головы.

Джо-Мама выразительно посмотрела на меня и протянула деньги, а я отвалил ей целый киам. Могучая дама засунула чаевые в бюстгальтер. Там хватило бы места для всех денег,

которые я когда-либо видел в жизни. Выслушав три-четыре колоритных рассказа, мы опустошили свои стаканы, расцеловали Джо-Маму на прощанье и продолжили странствие вверх по Улице. Сделали привал в заведении Френчи, потом в паре других мест и, когда добрались домой, чувствовали, что набрались вполне удовлетворительно.

Не произнесли ни слова, даже не подумали, что нужно включить свет или зайти в ванную; не помню, когда успели сбросить одежду…

Лежали на матрасе, тесно прижавшись друг к другу. Я провел ногтями вдоль бедер Ясмин: ее это возбуждает. Ясмин легонько царапала мне спину и грудь: это возбуждает меня. Я осторожно, слегка щекоча, самыми кончиками пальцев гладил бархатистую кожу от подмышек до запястья, коснулся ладоней и длинных красивых пальцев. Затем проделал обратный путь; мои руки спустились ниже, добрались до ее потрясающих маленьких упругих ягодиц. Дотянулись до нежных складок между бедер. Ясмин негромко застонала; ее пальцы, словно обретя самостоятельное существование, сжимали матрас, потом стали ласкать груди. Я дотянулся до запястий и, прижав ее руки к матрасу, распял ее. Ясмин, как будто пробудившись от сладкого сна, изумленно раскрыла глаза. Я тихонько хмыкнул и нарочито грубо отбросил ее правую ногу в сторону, потом, надавив коленом, заставил отодвинуть левую, так что бедра широко распахнулись. Стон; легкая дрожь пробежала по телу.

Ясмин попыталась протянуть руку, чтобы дотронуться до меня, но я не отпускал запястья. Так она беспомощно лежала, распластанная подо мной, словно пленница, покорная воле повелителя… Меня охватило пьянящее, почти жестокое в своей первобытной силе ощущение полной власти над этим прекрасным телом; однако эта власть выражалась так нежно, с такой любовью и чуткостью! Звучит нелепо казалось бы, одно противоречит другому. Если вы никогда не испытывали подобного, я не смогу ничего объяснить. Ясмин безмолвно отдавала мне себя всю без остатка; в то же время я владел ею, потому что она хотела этого. Ясмин нравилось, чтобы время от времени я изображал необузданного жеребца; небольшая доля насилия, которую я себе позволял, еще больше возбуждала мою подругу… Я вошел в нее, и наши голоса слились в едином стоне наслаждения. Мы начали медленно двигаться; она так крепко охватила ногами мои бедра, словно хотела слиться со мной, а я старался проникнуть как можно глубже, чтобы слиться с ней… Мы не торопились, упиваясь каждым прикосновением, каждым нюансом, каждым возбуждающим уколом насилия. Это длилось долго, целую

вечность. Потом мы не разжимали объятий, чувствуя, как бешено колотится сердце, с трудом переводя дыхание. Мы не разжимали объятий, пока мускулы не расслабились, но и тогда продолжали ощущать себя единым целым, опьяненные новой уверенностью в том, что полностью доверяем, нужны и, главное, любим друг друга. Наверное, в один прекрасный момент мы все-таки перестали изображать зверя о двух головах и заснули. Но, когда я пробудился утром, наши ноги все еще были сплетены, а голова Ясмин покоилась на моем плече.

Итак, все устроилось, мир вокруг действительно стал прежним. Что еще нужно для счастья: у меня есть любовь — Ясмин, деньги, которые помогут продержаться несколько месяцев; а если станет скучно, всегда найдется масса дел. Уж чего-чего, а этого в Будайине навалом — стоит только захотеть. Я улыбнулся и снова погрузился в сладкую пучину сна.

Глава 6

Это был один из редчайших моментов абсолютной близости, общего счастья, довольства и умиротворения. Нас не покидало радостное ожидание: жизнь чудесна, но станет еще чудесней в будущем. Подобные моменты, пожалуй, самая редкая и хрупкая вещь в жизни. Надо использовать их на сто процентов. Перебери в памяти, словно кучу грязного белья, все мерзкое и унизительное, что пришлось пережить, чтобы получить в награду удивительное состояние полного покоя и душевного мира; не забывай, — хотя сейчас кажется, что так будет вечно, — у жизни другие планы на твой счет. Поэтому торопись насладиться каждой минутой, каждым часом. Люди должны благодарить судьбу, если она подарила им хотя бы мгновение чуда, но они просто неспособны на это. Увы, человеку по природе не дано умение жить полнокровной жизнью, использовать божественный дар сполна. Вы замечали, что, казалось бы, одинаково отмеренные порции радости и боли на самом деле длятся вовсе не одинаково. Боль тянется, пока не начинаешь сомневаться, что твоя жизнь когда-нибудь снова станет нормальной; а вот наслаждение, достигнув вершины, вянет быстрее, чем растоптанная гардения, и ты лихорадочно пытаешься воскресить в памяти ее томительный аромат.

Когда мы наконец полностью проснулись, опять занялись любовью; на этот раз я лежал На боку, прижавшись к ее спине, к упруго-податливому заду. Когда все кончилось, мы полежали обнявшись, но отдых продолжался всего несколько секунд, потому что Ясмин снова желала жить полнокровной жизнью… Я напомнил ей, что подобное умение не дано человеку по природе, — по крайней мере, применительно к данной ситуации. Мне хотелось еще немного насладиться ароматом все еще благоухавшей гардении; Ясмин же хотелось сорвать еще один цветок. Я сказал, что буду готов через минуту-другую.

— Ну да, конечно, — отозвалась она язвительно, — завтра, когда поспеют абрикосы! (Левантийский вариант «После дождичка в четверг».) Я бы с радостью продолжил ее трахать, пока она не взмолилась о пощаде, но плоть моя была еще слаба.

— Понимаешь, — сказал я проникновенно, — сейчас наступило состояние, которое называют моментом осмысления. Духовно богатые, разносторонние, чуткие люди вроде меня ценят его не меньше самого процесса траханья.

— Да пошел ты со своими моментами, — ответила Ясмин, — просто стал дряхлым!

Я знал, что она говорит в шутку, верней, пытается меня раззадорить. Вообще-то я почувствовал, что уставшая плоть вновь набралась сил, и собрался уже доказать, что вовсе не старею, но тут в дверь постучали.

— Ну вот, утренний сюрприз, — сказал я. — Что-то уж слишком много гостей в последнее время стучится в келью такого замкнутого человека, как я.

— Кто это может быть? Ты ведь никому ни киама не должен.

Я схватил джинсы и торопливо влез в них.

— Значит, кто-то попытается взять взаймы, — бросил я, направляясь к дверному глазку.

— У тебя-то? Да ты не одолжишь медный грош нищему, который может поведать великую тайну жизни!

— В жизни нет никаких тайн, великих или малых, — только ложь и ловкий обман. — Я посмотрел в глазок, и мое благодушное настроение сразу испарилось. Ах ты черт, — выдохнул я и вернулся к кровати. — Ясмин, — вполголоса попросил я, — дай сумочку.

— Зачем тебе? И кого ты там увидел? — Она протянула мне сумочку.

Я знал, что Ясмин всегда носит с собой парализатор, на всякий случай. Мне самому оружие казалось ненужным: один, вооружившись лишь своим природным интеллектом, я работал среди головорезов в самом опасном квартале города, потому что считал себя особенным. Да, я был гордым, как горный козел, и глупым, как ишак. Понимаете, меня все еще грели разные иллюзии, я жил в придуманном романтическом мире. Конечно, я вел себя не более эксцентрично, чем обычный средний… буйный идиот. Итак, я взял парализатор и возвратился к двери.

Встревоженная Ясмин молча наблюдала за моими Перемещениями.

Я открыл дверь и нацелил парализатор прямо между глаз одной из Сестричек, Селиме.

— Как приятно снова тебя увидеть, — воскликнул я злорадно. — Входи, входи, мне не терпится расспросить тебя об одном дельце.

— Тебе не понадобится оружие, Марид, — сказала Селима.

Она шагнула вперед, не обращая внимания на парализатор, протиснулась мимо меня, растерянно посмотрела на Ясмин и обвела глазами комнату в безнадежной попытке найти место, чтобы сесть. Черная Вдова вела себя, как потерянный ребенок, и была чем-то ужасно расстроена.

— Что, Сестричка, — разил я безжалостно, — хочешь напоследок отколошматить кого-нибудь, пока тебя саму не

располосовали, как Тами?

Селима обожгла меня взглядом, размахнулась и отвесила мне сильную пощечину. В принципе, я заслужил это.

— Садись на кровать, Селима, Ясмин немного подвинется. Что касается оружия, оно бы очень пригодилось, когда ты со своими подружками забежала ко мне позавчера утром и очень славно взбодрила. Или ты уже забыла, а?

— Марид, — протянула она, нервно облизывая багрово-красные губы, — мне очень жаль, что так получилось. Это была ошибка.

— Ну понятно, стало быть, все в порядке, не так ли?

Ясмин Торопливо, прикрылась простыней и старалась быть как можно дальше от Селимы, подобрав ноги и прижавшись к стене. Не считая весьма массивного бюста фирменного отличия Сестер, остальные части тела Селимы практически не подверглись модификации. Она от природы была намного привлекательней, чем большинство изменивших свой пол. Тамико превратила себя в нелепую карикатуру на скромную и сдержанную гейшу; Деви довела до гротеска образ уроженки Восточной Индии, включая даже кружочек на лбу, указывавший на касту, к которой она на самом деле не принадлежала, а в свободное время носила яркое шелковое сари, отделанное золотом. В отличие от них, Селима прятала лицо под легким покрывалом, носила накидку с капюшоном, употребляла духи с нежным пряным ароматом и вообще вела себя как мусульманская женщина-горожанка, принадлежащая к среднему классу. По-моему, она действительно была религиозным человеком; правда, не могу представить, как Селима умудрялась совмещать воровство и частые акты насилия с учением Пророка, да будет с ним мир и молитвы каждого! Как видно, я не единственный занимающийся самообманом идиот в Будайине…

— Пожалуйста, Марид, дай мне объяснить. — Никогда не видел Селиму — или ее Сестер — в подобном, почти паническом, состоянии. — Ты знаешь, что Никки ушла от Тами? — Я кивнул. — Думаю, она сделала это не по своей воле. Ее заставили.

— У меня другие сведения. Она написала мне письмо. Там говорилось о некоем немце, о том, какой замечательной жизнью она теперь заживет, и что на сей раз надежно подцепила крупную рыбку и собирается выжать из немца все, что только можно.

— Мы все получили одинаковые письма, Марид. Но неужели тебе ничего не показалось подозрительным? Возможно, ты не знаешь почерк Никки так, как я; возможно, не обратил внимания на необычный выбор слов. В письме рассыпаны намеки, которые

убедили нас, что она пыталась сообщить что-то между строк.

Думаю, когда Никки сочиняла его, кто-то стоял рядом и заставлял выводить буквы так, чтобы никто ничего не заподозрил после ее исчезновения. Наша девочка не была левшой, а письмо написано левой рукой и почерк ужасный — совсем не похож на тот, что я видела раньше. Записки были на французском языке, хотя она отлично знает, что мы ни слова не поймем. Никки объяснялась по-английски, Деви и Тами сумели бы прочитать письма без переводчика, они с ней говорили на английском. Никки раньше никогда не упоминала этого старинного друга семьи; конечно, такой человек мог и вправду существовать, но вот фраза Никки насчет «застенчивого маленького мальчика» подтвердила все наши подозрения. Девочка много рассказывала о своей жизни до перемены пола и в общем избегала касаться деталей — ну, скажем, откуда она родом на самом деле и так далее, — но много раз со смехом вспоминала, каким жутким была хулиганом — то есть он был в детстве. Понимаешь, она хотела выглядеть такой же, как мы, и подробно описывала бандитские подвиги юности. Так что эта девочка в бытность мальчиком отличалась чем угодно, только не застенчивостью и нелюдимостью. Марид, письмо — явная липа от начала до конца!

Я опустил парализатор. Все, что сказала Селима, казалось вполне логичным.

— Вот почему ты так трясешься, — произнес я задумчиво. — Считаешь, что Никки грозит опасность.

— Да, я считаю, что Никки грозит опасность, — ответила Селима, — но напугана не этим, Марид. Деви мертва. Ее убили.

Я закрыл глаза и застонал; Ясмин громко охнула и пробормотала еще одну ритуальную формулу — «далеко от тебя», — чтобы защитить нас всех от зла, которое только что упомянули. Я чувствовал себя разбитым и подавленным, словно принял слишком большую дозу жутких известий — и организм не способен справиться с перегрузкой.

— Не говори, я сейчас догадаюсь сам. С ней разделались так же, как с Тами.

Следы от ожогов, содранная кожа и кровоподтеки вокруг запястий; перед смертью ее трахали во все дыры, потом задушили и перерезали горло. Думаешь, кто-то решил убить вас всех, и ты будешь следующей жертвой. Правильно?

— Нет, неправильно, — с удивлением услышал я. — Я нашла ее лежащей в постели; все выглядело так, словно Деви безмятежно спит… Ее застрелили, Марид, с помощью старинного пистолета, который убивает маленькими кусочками металла. Пуля попала прямо в кастовую метку на лбу. Никаких признаков

насилия, в комнате ничего не тронуто. Все как обычно — только Деви, у которой снесено пол-лица, и кровь на кровати и стене… Господи, сколько крови! Меня стошнило.

Никогда не видела ничего подобного. Это старое оружие действует так примитивно-жестоко, так… грубо! — Удивительно слышать подобное от женщины, располосовавшей на своем веку немало физиономий несчастным жертвам. — Могу поспорить, за последние пятьдесят лет не случилось ни одного убийства с помощью пули.

Селима явно ничего не слышала о русском (забыл его имя); неудивительно, ведь в Будайине насильственная смерть обычно не вызывает особой сенсации, такое происходит слишком часто. Трупы здесь рассматривают, в основном, как неприятную помеху. Выводить большие кровавые пятна с дорогого шелка или кашмирского ковра — довольно-таки утомительное занятие.

— Ты уже позвонила Оккингу? — спросил я. Селима кивнула:

— Тогда было не его дежурство. Приехал сержант Хаджар и допросил меня.

Жаль, что так получилось.

Я хорошо понимал ее. Хаджар представлял из себя классический тип легавого; именно такой тип возникает в моем воображении, когда я думаю об этой проклятой породе. Он вышагивает по кварталу, словно в задницу засунут штопор, вынюхивая всякие мелкие происшествия, чтобы подвести их под солидную статью. С особым сладострастием Хаджар доводил арабов, которые пренебрегали своими религиозными обязанностями, то есть людей вроде меня, а такие в большинстве и жили в Будайине.

Я положил парализатор в сумочку Ясмин. Настроение полностью изменилось: впервые в жизни я сочувствовал Черной Вдове. Ясмин положила руку ей на плечо, чтобы как-то ободрить.

— Пойду принесу кофе, — сказал я, взглянув на последнюю из Сестер. — Или, может, ты предпочитаешь чай?

Селима была благодарна за доброту и участие, да и просто рада, что оказалась рядом с нами в такой трудный момент.

— Если можно, чай. — Она начала успокаиваться.

Я доставил воду кипятиться.

— Ладно, теперь объясни мне, почему вы трое позавчера так хорошо меня отделали?

— Да простит меня Аллах! — произнесла Селима. Она вынула из сумочки сложенный клочок бумаги и протянула мне. — Это обычный почерк Никки, но по всему видно, она страшно спешила.

Послание было нацарапано по-английски на обратной

стороне конверта.

— Что там написано? — спросил я. Селима бросила на меня взгляд и быстро опустила глаза.

— Только: *«На помощь. Быстрее. Марид».* Вот почему мы так поступили.

Обычная ошибка. Мы решили, что ты виновен в том, что с ней случилось, — что бы там ни произошло. Теперь я знаю, что ты помог ей, договорившись с этой скотиной Абдуллой, и она задолжала тебе деньги. Наша девочка хотела, чтобы мы сообщили тебе, что она нуждается в помощи, но времени хватило только на несколько слов.

Наверное, ей повезло, что вообще удалось их нацарапать.

Я подумал о кошмаре, который они мне устроили; о том, как несколько часов пролежал без сознания; о мучительной боли, которая до сих пор еще дает себя знать; о бесконечно долгом и страшном ожидании в госпитале; о бешеной злости на Никки и тысяче киамов, потерянных по ее вине. Я сложил все это и попытался разом выбросить из памяти. Нет, не получается. Внутри все так же кипела неведомая прежде ярость, но теперь, кажется, я лишился объекта ненависти… Я посмотрел на Селиму.

— Ладно, забудем об этом.

Нашу гостью никак не тронуло мое великодушие и благородство. Сначала было немного обидно: могла бы хоть как-то показать, что ценит подобный жест, — но потом я вспомнил, что имею дело с Черной Вдовой.

— Не все проблемы решены, Марид, — напомнила мне Селима. — Я все еще тревожусь за Никки.

— Но, в принципе, то, что написано в письме, вполне может оказаться правдой, — сказал я, разливая чай. — А улики, о которых ты говорила, объясняются вполне невинными причинами.

На самом деле, я не верил в это. Просто хотел немного успокоить Селиму.

Она взяла чашку и сжала ее в ладонях.

— Не знаю, что теперь делать.

— Возможно, какой-то тронутый тип решил всех вас укокошить, — предположила Ясмин, — и лучше на время спрятаться.

— Я думала об этом, — отозвалась Селима. Теория Ясмин казалась мне не очень убедительной. Тамико и Деви убиты совершенно разными способами. Конечно, здесь мог орудовать убийца, наделенный творческим воображением; несмотря на старые полицейские изречения насчет «неповторимого почерка», я не понимал, что запрещает нашему маньяку разнообразить

методы. Но свои соображения оставил при себе.

— Ты можешь пожить в моей квартире, — сказала Ясмин, — а я переберусь к Мариду.

Селима и я были одинаково ошарашены таким предложением.

— Спасибо, ты очень добра, — ответила Селима, — я подумаю об этом, моя сладенькая, но сначала хочу Попробовать несколько других вариантов. Я дам тебе знать.

— С тобой ничего не случится, если будешь просто все время настороже, предупредил я. — Несколько дней не занимайся своей работой, не связывайся с незнакомыми людьми…

Селима кивнула. Она протянула мне чай, который даже не пригубила.

— Я должна идти. Надеюсь, теперь между нами не осталось никаких обид.

— Сейчас у тебя есть заботы посерьезнее, Селима. Мы никогда не были в особо дружеских отношениях. Кто знает;, возможно, эти страшные события в конце концов сблизят нас.

— Слишком высокую цену пришлось заплатить, — ответила Селима.

Да, это точно. Она хотела что-то добавить, но передумала, повернулась и вышла, осторожно прикрыв за собой дверь.

Я стоял возле плиты с тремя непочатыми чашками.

— Ты будешь пить чай?

— Нет, — сказала Ясмин. — Я тоже, — и вылил чай в раковину.

— Одно из двух, — задумчиво пробормотала Ясмин, — либо где-то бродит один совершенно сдвинутый ублюдок, либо, что еще хуже, два разных поганца убивают людей почти одновременно. Знаешь, даже страшно идти на работу.

Я сел рядом и погладил благоухающие духами полосы.

— На работе бояться нечего. Главное, помни, что я сказал Селиме: не связывайся с клиентом, которого не встречала раньше. Оставайся здесь, со мной, вместо того чтобы в одиночку добираться до дома.

Ясмин слабо улыбнулась:

— Я не могу водить сюда клиентов.

— Да, это точно, — подхватил я значительно. — Вообще, забудь о таких вещах, пока убийцу не поймают. У меня хватит денег, чтобы какое-то время содержать нас обоих.

Она обняла меня за пояс и положила голову на плечо.

— Ты парень что надо.

— Да и ты ничего, когда не храпишь, как ифрит, — ответил я.

В наказание Ясмин провела своими длинными кроваво-

красными ногтями по моей спине. Потом мы плюхнулись на подушки и порезвились еще полчасика.

Я вытащил Ясмин из постели примерно в половине третьего, заставил немного перекусить в промежутке между душем и одеванием и чуть ли не силой выталкивал из дома, чтобы ее опять не оштрафовали за опоздание: полтинник есть полтинник, не уставал я повторять ей.

— Ну что ты дергаешься? Все бумажки в пятьдесят киамов совершенно одинаковы. Отберут одну, принесу домой другую, тебе-то какая разница?

Никак не могу растолковать своей подруге, что если она немного организует себя и перестанет опаздывать, то будет приносить в наше гнездышко две бумажки вместо одной.

Ясмин спросила, что я собираюсь делать вечером. Она немного завидовала тому, что я уже заработал достаточно хрустиков, чтобы протянуть несколько недель, и мог позволить себе целыми днями сидеть в какой-нибудь кофейне, болтая о том о сем, обмениваясь сплетнями с дружками разных танцовщиц и девочек. Я заверил Ясмин, что тоже займусь делом.

— Хочу выяснить, что это за история с Никки.

— Ты что, не поверил Селиме? — удивилась Ясмин.

— Я давно ее знаю. В подобных ситуациях она всегда преувеличивает. Могу поспорить, что Никки сейчас в полной безопасности нежится в роскошном доме парня по имени Сейполт. Селиме надо было выдумать эффектную историю, чтобы ее жизнь казалась необычной и насыщенной.

Ясмин окинула меня недоверчивым взглядом.

— Селиме не приходится выдумывать никаких историй. Ее жизнь и так достаточно необычна и полна опасностей. Нельзя ведь «преувеличить» простреленную насквозь башку? Убийство есть убийство» Марид.

С такими доводами трудно спорить, но мне не хотелось баловать ее подобным признанием.

— Иди работать, — сказал я ей, поцеловал, обнял и выпихнул за дверь.

Снова я остался один. Совсем один… Это слово сегодня звучало как-то неприятно; наступившая тишина не радовала. Кажется, я предпочел бы шумную толпу и суету вокруг. Плохой признак для отшельника, и уж совсем тревожный для агента-одиночки, крутого парня, живущего ради схваток и постоянной опасности, одним словом, для уверенного в себе профессионала, которым я себя воображал. Когда тишина начинает действовать на нервы, обнаруживаешь, что, оказывается, ты вовсе не супергерой. Конечно, я знал немало очень опасных типов и

провернул немало опасных дел. Я оставался в центре событий и был акулой, а не одним из пескарей, да и собратья-хищники признавали меня за своего. Проблема в том, что, когда ко мне переедет Ясмин, жизнь станет довольно приятной, что не очень соответствует образу одинокого волка.

Я повторял это себе, пока подбривал бороду, любуясь своей физиономией в зеркале ванной. Пытался. убедить себя в чем-то, но, когда наконец добился цели, вывод меня не обрадовал: я немногого добился за последние несколько дней; уже трое, совсем недалеко от меня, попали в наш морг. Одних я знал, других нет.

Если так будет продолжаться, жизнь Ясмин окажется в опасности.

Черт возьми, в опасности окажется моя жизнь!

Я заявил Ясмин, что у Селимы нет никаких оснований тревожиться. Ложь.

Когда Черная Вдова рассказывала нам свою историю, я вспомнил загадочный звонок, неожиданно кем-то прерванный, задыхающийся голос: «Марид? Ты должен…» Раньше у меня не было твердой уверенности, что звонила Никки, но сейчас я знал это и чувствовал себя виноватым, потому что тогда даже не попытался ничего сделать.

Если Никки хоть как-то пострадала, придется нести эту вину в своей душе до конца жизни.

Я облачился в белую галабийю,[5] надел традиционный арабский головной убор, белоснежную кафию, и закрепил ткань веревкой «укаль», сунул ноги в сандалии. Теперь я выглядел как типичный неотесанный феллах, приехавший в город из деревни, — таких здесь великое множество. Думаю, подобным образом я одевался всего раз десять за все годы жизни в Будайине. Всегда предпочитал европейский стиль, и в юности, в Алжире, и позже, когда отправился на Восток. Сейчас я не походил на алжирца: надо было, чтобы меня принимали за здешнего крестьянина-феллаха. Неплохо; разве что рыжеватая борода портила впечатление, но вряд ли немцу это что-то скажет.

Выход из дома, пробираясь к воротам по Улице, я ни разу не обратил на себя внимания знакомых, ни один меня не окликнул — никто не мог себе представить Марида Одрана в галабийе. Я чувствовал себя невидимкой, а это сразу создает иллюзию силы и власти над окружающими. Растерянность и подавленность испарились, вернулась прежняя уверенность, помноженная на самомнение. Я снова стал крутым профессионалом, с которым лучше не связываться.

Сразу за Восточными воротами тянулся широкий бульвар

Иль-Джамил, по обеим сторонам его высились пальмы. Два потока машин разделяла широкая полоса — на ней высажены цветущие кусты. Круглый год здесь полыхали все новые и новые краски, воздух был всегда напоен свежим ароматом, и каждый невольно поворачивал голову, привлеченный броскими пятнами соцветий в море зелени: нежно-розовым, огненно-пунцовым, роскошным лиловато-пурпурным, шафранно-желтым, девственно белоснежным, голубым, — бесконечным, как само небо, разнообразием оттенков…

Высоко над головами людей, спрятавшись среди листвы и на крышах домов, щебетали певчие птицы, жаворонки — целая пернатая армия. Глядя на всю эту красоту, хотелось вознести хвалу Аллаху за бесценный дар. Я на мгновение замедлил шаг.

Выйдя за пределы Будайина в своем истинном обличье, — араба с парой киамов за душой, неграмотного, почти без всяких возможностей и перспектив, — я не ожидал, что это вызовет у меня такой прилив эмоций. Глядя на феллахов, спешащих по своим делам, я чувствовал, что нас снова связывают нерушимые узы. Это включало — по крайней мере, в данный момент — и религиозные обязанности мусульманина, которыми я так долго пренебрегал. Я твердо пообещал себе, что исправлюсь и, как только смогу, займусь самоусовершенствованием. Сначала надо найти Никки.

Пройдя два квартала по направлению к мечети Шимаал, на север от Восточных ворот, я увидел Билла. Так и знал, что найду его рядом с огороженной частью города, сидящего за рулем своего такси и, как всегда, озирающего прохожих с любопытством и холодным страхом во взгляде. Билл — парень почти моего роста, но более мускулистый. Его плечи сплошь испещрены зелено-голубой татуировкой, такой старой, что линии расплылись, и разглядеть рисунок было трудно; не могу сказать даже, что там изображено. Он не брился, не стриг волос песочного цвета уже много лет и выглядел, словно какой-нибудь иудейский патриарх. Кожа в тех местах, где Билл подставлял ее солнцу, пока раскатывал по городу, загорела до ярко-красного цвета. На огненно-алом лице, как две лампочки, сверкали бледно-голубые глаза, с маниакальной настойчивостью буравящие взглядом собеседника, так что я обычно не выдерживал и отворачивался. Конечно, Билл был законченным психом, но сознательным: свое безумие он взлелеял сам, так же тщательно и продуманно, как, скажем, Ясмин перед пластической операцией подобрала себе высокие скулы, придающие ей такой сексуальный вид.

Я познакомился с Биллом, когда впервые приехал в город. Он

уже успел научиться жить среди изгоев, различных человеческих отбросов и трущобных головорезов Будайина и помог мне вписаться в это сомнительное общество. Билл родился в Соединенных Штатах Америки — да-да, лет ему было порядочно, — в области, ныне ставшей Суверенным Краем Великих Пустынь. Когда произошла балканизация США и они распались на несколько враждующих наций, Билл навеки покинул свою родину. Не представляю, как он умудрился продержаться, пока не усвоил здешний образ жизни; сам Билл не помнит этого. Каким-то немыслимым образом он наскреб денег на одну-единственную модификацию своего тела. Вместо того чтобы вделать розетку в мозг, как поступили многие потерянные души нашего квартала, Билл выбрал гораздо более изощренный и пугающий способ получить забвение: ему удалили одно легкое, заменив искусственной железой, периодически выбрасывающей в кровь порцию какого-то психоделического наркотика четвертого поколения. Билл не мог сказать, какой именно препарат он выбрал, но, судя по его бессвязно-напыщенной манере выражаться и интенсивности галлюцинаций, это был рибопропилметионин — РПМ, либо аксетилированный неокортицин.

И то, и другое нельзя запросто купить на улице: на них нет желающих. Оба вызывают необратимые изменения в организме: после длительного применения начинает разрушаться нервная система. Наркотик «выбивает» законного «связного» человеческого мозга — ацетилхлорин. Новые психоделические препараты атакуют и оккупируют эти участки, словно победоносные орды, напавшие на обреченный город; перед ними бессилен и организм, и любые методы лечения. Интенсивность, яркость и реальность галлюцинаций, вызываемых наркотиками, не сравнимы ни с чем другим в истории фармакологии, но организм платит за это слишком высокую цену.

Человек, применяющий их, буквально сжигает свой мозг, клетку за клеткой.

Последствия практически неотличимы от болезней Паркинсона или Альцхеймера.

Конечный результат постоянного употребления, когда зелье начинает воздействовать на работу центральной нервной системы, — чаще всего смерть.

Билл еще не дошел до подобного состояния. Он жил в призрачном мире нескончаемых грез. Помню, как-то раз я попробовал одно куда менее сильное психоделическое средство и чуть не загнулся от дикого страха, что «не смогу вернуться»: довольно обычный глюк, пытка, которой подвергает человека

собственное сознание. Чувствуешь, что на этот раз не будет привычного кайфа, сегодня ты наконец доигрался и капитально сломал что-то в башке; сжимаешься в дрожащий комок, не сознавая ничего, кроме всепоглощающего страха, пытаясь спрятаться от темного бреда, поднявшегося из глубины твоего «Я». Но в конце концов глюк проходит, сила наркотика иссякает, ты попросту забываешь, как плохо было в прошлый раз, и повторяешь все снова; может быть, во второй раз судьба тебе улыбнется…

Но для Билла улыбка судьбы ровным счетом ничего не значила. Ему уже не суждено «вернуться». И когда накатывали моменты абсолютного, непереносимого ужаса, он ничего не мог сделать, не мог даже сказать себе, что нужно только продержаться, а утром все пройдет и он снова почувствует себя нормально. Что ж, именно этого он и хотел. Что касается неминуемой гибели — клетка за клеткой нервной системы, Билл только пожимал плечами:

— Так ведь когда-нибудь она все равно умрет, не правда ли, старик?

— Да, — отозвался я, опасливо прижимаясь к спинке заднего сиденья такси, мчащегося с бешеной скоростью по узким петляющим улочкам.

— А если клеточки возьмут и сдохнут сразу, — блям! — все остальные могут участвовать в твоих похоронах, а ты ничего не можешь. Тебя в землю закапывают, все, конец. Ну, а я-то могу похоронить свои клетки, сказать каждой гуд-бай.

Ребята много чего для меня сделали. Гуд-бай, гуд-бай, прощайте навсегда, нам было хорошо вместе. Вот так, каждой трахнутой малявке — персональное гуд-бай!

Если подыхаешь как обычный человек, — блям! — и ты мертвяк: все механизмы внезапно отказали, вода в карбюраторе, смерть мотору, отвалились тормоза, дымятся шины, скрежет, стук, — стоп, отъездились, у тебя секунда, ну, от силы, две, чтобы проорать небесам: «Эй, Господи, я сейчас приду!» Ужасно так умирать… Бурной жизни — бурная смерть, старик. А я… я протягиваю бармену через стойку по одной клеточке, ага? И если придется уйти в этот добрый мрак,[6] отправлюсь туда покорно, спокойненько, ага? И плевать я хотел на парня, который писал, что так нельзя, понял? Он в земле лежит, давно уже сдох, откуда ему знать, как надо? Может, когда умру, ифриты наконец потеряют меня, если буду держать рот на замке. Оставят беднягу Билла в покое. Не желаю, чтобы меня продолжали трахать и после смерти, понял? Как ты себя защитишь в гробу? Подумай об этом, пораскинь мозгами! Хотел бы я добраться до того, кто

придумал демонов, старик. И они еще называют меня чокнутым!

Мне не хотелось продолжать обсуждение этой темы, хотя каждый раз, когда отправляюсь за чем-нибудь в город, сажусь в его машину. Безумие американца отвлекает от назойливой нормальности окружающего, железной упорядоченности жизни, в которой все расписано до мелочей. Ездить по этому раю для домохозяек вместе с Биллом — все равно что носить в кармане кусочек Будайина; он — как баллон с кислородом, который цепляешь на себя, спускаясь в океанские глубины.

Дом Сейполта оказался довольно далеко от центра, на южной окраине города, откуда можно было разглядеть границу, за которой простиралось вечное царство песков, где гигантские дюны терпеливо ждали своего часа, когда люди немного расслабятся и забудут о ненасытных соседях, чтобы похоронить всех нас под грудами пепла, под слоями пыли. Пески сгладят конфликты, сотрут плоды столетних усилий, съедят надежды. Как победоносная армия, обрушатся волна за волной и умиротворят навсегда. Когда-нибудь пески поглотят нас, похоронят в своих глубинах. Придет вечная ночь… Но все это в будущем, урочный час еще не настал.

Судя по всему, Сейполт следил за должным порядком в своих владениях, сдерживал наступление песков. Виллу окружали финиковые пальмы и сады — в этом негостеприимном, мало пригодном для жизни месте человек создал систему искусственного орошения. Крошечный оазис изобиловал зеленью и цветами, ветерок доносил пьянящее, пряное благоухание. Железные ворота, отлично смазанные, сверкали свежей краской; белоснежные стены здания сияли, словно дом только что был построек; длинные, изогнутые подъездные аллеи были разровнены и расчищены.

Грандиозное место, резиденция миллионера! Надежное убежище от моря песков, от вечного мрака, терпеливо ждущего своего часа.

Мотор нашей машины вульгарно тарахтел и булькал, а мой приятель Билл бормотал и время от времени посмеивался. Я казался себе маленьким нелепым человечком. Здешнее великолепие невольно, подавляло… Что я скажу Сейполту?

Этот человек обладал властью. Господи, да я и песок не смогу удержать в горсти, не то что власть, даже если буду возносить горячие молитвы Аллаху и стараться изо всех сил.

Я попросил Билла подождать и не отрывал от него взгляда до тех пор, пока не убедился, что одна из еще функционирующих клеток мозга удержала информацию.

Потом вышел из такси и направился через ворота по

усыпанной белой галькой подъездной аллее к парадному входу. Я давно знал, что Никки психопатка, а Билл совсем чокнутый; с каждым шагом во мне крепла уверенность, что сам я тоже явно не в порядке.

Галька скрипела под ногами. Уютный звук… Интересно, почему люди не желают просто возвратиться к своим истокам? Вот в чем истинное обретение, величайший дар: быть там, где тебе предназначено находиться. Если повезет, когда-нибудь я найду свое извечное место — иншалла!

Массивная дверь внушала почтение. Она была сделана из какого-то светлого дерева с гигантскими петлями и железной решеткой. Не успел я дотронуться до медного молотка, как дверь распахнулась. Сверху вниз на меня смотрел высокий, стройный светловолосый европеец. Голубые глаза, как у Билла (в отличие от безумного взора американца, взгляд, которым меня подарил незнакомец, принято называть «пронизывающим», и, клянусь бородой Пророка, я почувствовал себя пронзенным!), тонкий прямой нос с раздувающимися, как у жеребца, ноздрями, квадратная челюсть и тонкогубый рот, который, казалось, с рождения искажала гримаса едва сдерживаемого брезгливого отвращения. Европеец произнес какую-то фразу на языке истинных арийцев.

Я покачал головой и сказал: «Анаа ля афхам», — ухмыляясь, как тупой арабский крестьянин, за которого он явно меня принял.

Блондин потерял остатки терпения. Он попробовал заговорить по-английски; я снова покачал головой и, подобострастно улыбаясь и извиняясь, обрушил на него поток арабских фраз. Видно было, что европеец не понимает ни слова и вряд ли продолжит попытки найти способ объясниться со мной. Он уже собрался захлопнуть тяжелую дверь перед моим носом, но заметил такси Билла. Это заставило его заколебаться. Я выглядел как типичный араб, а для него все мы были примерно одинаковы. Одним из главных отличительных особенностей здешних недочеловеков являлась бедность. Однако грязный нищий дикарь в моем лице нанял такси, чтобы добраться до резиденции богатого и влиятельного белого господина. Подобное обстоятельство никак не укладывалось в обычную схему и повергло немца в легкое замешательство, что мешало ему сразу прогнать меня. Он ткнул пальцем в мою грудь и что-то пробормотал, очевидно: «Жди здесь». Я растянул рот до ушей, прикоснулся к сердцу и лбу и вознес хвалу Аллаху не менее четырех раз.

Через минуту блондинчик вернулся с пожилым арабом-слугой. Они коротко переговорили о чем-то, затем старик

повернулся ко мне, улыбнулся и приветствовал:

— Мир тебе!

— И тебе мир! — отозвался я. — О мой добрый сосед, скажи, этот человек рядом с тобой — известный своими достоинствами, почтенный Люц Сейполт-паша?

Старик коротко рассмеялся:

— Ты ошибся, о мой племянник. Он всего лишь привратник, такой же слуга, как и я.

Я сильно сомневался в их равном положении. Блондинчик явно принадлежал к свите Сейполта, вывезенной из Германии.

— Клянусь честью, я глупец! — воскликнул я. — Я приехал, чтобы задать важный вопрос Его Превосходительству.

Арабские правила приветствия допускали сложную многоступенчатую лесть.

Сейполт занимался каким-то не очень крупным бизнесом; я уже успел назвать его пашой (архаичный титул, используемый для восхвалений и приветствий) и Превосходительством (словно он был послом). Старый иссохший араб-слуга хорошо понял, чего я хочу. Он повернулся к немцу и перевел наш разговор.

Сейчас блондинчик выглядел еще менее радостно. Он пролаял короткую фразу.

Араб обратился ко мне:

— Привратник Рейнхарт желает услышать твой вопрос.

Я ухмыльнулся, глядя прямо в глаза немцу.

— Я только разыскиваю свою сестру Никки, господин.

Араб пожал плечами и перевел мои слова. Рейнхарт моргнул и поднял было руку, но спохватился. Он сказал что-то старику.

— Здесь нет никого с таким именем. В нашем доме вообще нет женщин.

— Я уверен, что моя сестра у вас. Речь идет о семейной чести. — Я говорил угрожающим тоном; глаза слуги-араба удивленно расширились.

Рейнхарт не знал, что предпринять: то ли расквасить мне нос дверью и избавиться от назойливого посетителя, то ли переложить решение проблемы на плечи начальства. Я решил, что блондинчик трус, и оказался прав. Он не захотел брать на себя ответственность и препроводил гостя внутрь, в прохладный, роскошно обставленный дом. Я был рад избавиться от палящих лучей солнца. Старик исчез для исполнения своих прямых обязанностей. Рейнхарт не удостоил меня ни словом, не взглядом; он просто шел впереди, а я следовал за ним. Мы добрались до еще одной массивной двери, вырезанной из прекрасного темного дерева.

Рейнхарт постучал, раздался резкий грубый голос,

привратник ответил. После небольшой паузы прозвучал приказ, Рейнхарт повернул ручку, приоткрыл дверь всего на несколько миллиметров и удалился. Я вошел в комнату, вновь преобразившись в тупого араба, сложил ладони и несколько раз поклонился, приветствуя большого белого пашу.

— Я имею честь разговаривать с Его Превосходительством? — спросил я по-арабски.

«Его Превосходительство» был грузным, лысым человеком с тяжелыми чертами лица; я дал бы ему лет шестьдесят. В гладкий череп, блестящий от пота, воткнут модик и две-три училки. Он сидел за столом, заваленным бумагами, сжимая в одной руке телефон, в другой — большой, сверкающий голубоватой сталью игломет. И улыбался.

— Окажи мне честь, пожалуйста, подойди поближе, — произнес он на безупречном арабском: очевидно, за него старалась языковая училка.

Я снова поклонился, надо было срочно что-то придумать, но мозг словно отключился. Иногда так на меня действует вид игломета, направленного в мой лоб.

— О почтенный, известный своими достоинствами господин мой, — начал я, молю, прости меня за то, что я отвлек от важных дел…

— Оставь всю эту шелуху. Зачем пришел? Ты знаешь, кто я. Тебе известно, что мое время дорого стоит.

Я вытащил из сумки записку Никки и протянул ее Сейполту; думаю, он сам разберется, что к чему.

Немец внимательно прочитал ее, потом опустил телефон, но, к сожалению, не игломет.

— Значит, ты Марид? — Он перестал улыбаться.

— Так меня назвала мама, — ответил я.

— Не надо играть в умника. Садись вот сюда. — Он махнул рукой, держащей оружие, в сторону стула. — Я кое-что слышал о тебе.

— От Никки?

Сейполт покачал головой:

— От разных людей в городе. Ведь арабы обожают сплетничать. Я улыбнулся:

— Не думал, что приобрел такую репутацию.

— Ну, радоваться тут особенно нечему, сынок. Теперь скажи мне, что дает тебе повод предполагать, что Никки, кто бы она ни была» находится здесь? Это письмо?

— Я решил, что логично начать поиски с вашего дома. Если ее здесь нет, почему вы играете такую важную роль в планах Никки?

Сейполт, казалось, искренне недоумевал.

— Не имею ни малейшего представления. Я говорю правду, Марид. Никогда не слышал о твоей Никки, и она меня нисколько не интересует. Прислуга подтвердит: уже много дет меня вообще не интересуют женщины.

— Никки — не совсем обычная женщина, — заметил я. — То, что связывает ее со слабым полом, создано хирургами на каркасе мальчика. Может, именно это поддерживало ваш интерес столько лет…

Сейполт начал терять терпение.

— Буду краток, Одран. У меня попросту отсутствуют физические возможности для того, чтобы чувствовать влечение к кому бы то ни было. Я больше не испытываю желания восстановить данные функции, так как обнаружил, что сейчас меня по-настоящему интересует лишь бизнес. Ферштеен?

Я кивнул:

— Думаю, вы не позволите мне осмотреть ваш прекрасный уютный дом? Я не помешаю вашей работе, буду тих, как тушканчик.

— Нет, — сказал Сейполт злорадно. — Арабы — известные воришки. — По лицу его расползлась очень неприятная улыбка.

Меня не так-то легко спровоцировать; я сделал вид, что ничего не случилось.

— Могу я получить свое письмо обратно? Сейполт безразлично пожал плечами.

Я подошел к столу, взял записку Никки и засунул ее обратно в сумку. Бросил взгляд на кипу документов.

— Импорт-экспорт? Сейполт удивился.

— Да, — произнес он и опустил глаза на стопку накладных.

— Что-нибудь конкретное, или, как обычно, всякая всячина?

— Какая тебе, к черту, разница, чем я за… — Я подождал, пока он дойдет до середины своей гневной тирады, затем внезапно стукнул левой рукой по внутренней стороне его кисти, отбив в сторону дуло игломета, а правой хлестнул по пухлой белой физиономии. Потом сильнее сжал руку, держащую оружие.

Мы безмолвно боролись какое-то время; Сейполт продолжал сидеть, я возвышался над ним. Выгодная позиция и неожиданность нападения дали мне преимущество. Я резко вывернул кисть немца. Он захрипел, игломет вывалился из онемевших пальцев и упал на стол; свободной правой рукой я отбросил его в дальний угол комнаты.

Сейполт не пытался вернуть игломет.

— У меня имеется и другое оружие, — сказал он тихо. — Есть сигнальное устройство, чтобы вызвать Рейнхарта и других.

— Не сомневаюсь, — произнес я, не ослабляя хватки. Маленький садистик, сидящий в темном уголке моей души, начал наслаждаться ситуацией. — Расскажи мне о Никки.

— Эта девка сюда никогда не приходила, я ни черта не знаю о ней, — сказал Сейполт. Ему уже было по-настоящему больно. — Пожалуйста, можешь приставить к моему виску пистолет, можешь драться со мной, с моими людьми, можешь обыскать дом. Но, черт тебя возьми, я не знаю никакой Никки! Если ты вбил себе в голову, что я вру, все равно не поверишь ни единому слову, что бы я ни сказал. Теперь проверим, умный ты или дурак.

— По меньшей мере, еще четыре человека получили такое же письмо, — сказал я, размышляя вслух. — Два уже стали трупами. Может быть, если мне не удастся найти здесь какие-нибудь улики, это сможет сделать полиция?

— Отпусти руку, — произнес он повелительным ледяным тоном. Я разжал пальцы: зачем бесполезно напрягаться? — Давай, вызывай свою полицию! Пусть ищут. Пусть они тебя убедят. А когда они уйдут ни с чем, я заставлю тебя пожалеть, что ты вообще появился здесь. Если сию же секунду не покинешь мой кабинет, ты, некультурный идиот, другого шанса покончить дело миром у тебя не будет. Ферштеен?

«Некультурный идиот» — популярное в Будайине ругательство. В переводе оно звучит довольно глупо. Сомневаюсь, что подобное выражение имелось в словарном запасе училки, из которой Сейполт черпал сейчас знания; удивительно, что такой человек за годы, проведенные среди нас, смог выучить именно эту фразу.

Я бросил взгляд на игломет, лежащий на ковре примерно в дюжине футов от меня. Я был бы не прочь забрать оружие с собой, но не хотел поступать «некультурно». Однако подбирать и услужливо подавать оружие Сейполту тоже не собирался; пусть блондинчик отрабатывает свои деньги.

— Спасибо вам за все, — произнес я тепло и дружелюбно. Затем снова превратился в тупого араба, потрясенного оказанной ему честью. — Я твой должник, о обладатель многих достоинств! Да будут твои дни счастливыми, да проснешься ты завтра сильным и здоровым!

Сейполт пронзил меня полным ненависти взглядом. Я, пятясь, стал отступать к двери, — не из-за боязни нападения, а просто утрируя традиционную манеру учтивого прощания, чтобы поиздеваться над ним. Я добрался до двери, тихонько приоткрыл ее, и передо мной снова возник Рейнхарт. Я ухмыльнулся и почтил его глубоким поклоном; он подтолкнул меня к выходу. По пути я замешкался, чтобы полюбоваться содержимым шкафов, где

красовались разные редкостные произведения искусства: ацтекские статуэтки, европейское стекло, хрусталь, русские иконы, обломки древнеегипетских и античных статуэток. Среди этого невероятного смешения стилей и эпох я заметил ничем не примечательное простенькое серебряное колечко с лазуритом. Когда Никки играла своими золотистыми волосами, оно было у нее на пальце. Я хотел стянуть кольцо, но не смог: Рейнхарт очень внимательно следил за мной.

На пороге я обернулся и начал произносить витиеватую формулу благодарности, но блондинчик не дал мне закончить: на сей раз этот арийский ублюдок с великим наслаждением захлопнул дверь так, что едва не расквасил мне нос. Я зашагал по гальке, погруженный в размышления; забрался в такси Билла.

— Поехали домой.

— Ха, — прорычал безумный американец. — Играй с болью, играй боль… Ему легко говорить, этому сукиному сыну, ему легко говорить. Вот она, лучшая в истории игр линия обороны, только и ждет, чтобы я схватил себя за маленькую розовую попку, понял? «Пожертвовать собой ради победы!» Я надеялся, что они попасуют немного и дадут мне отдохнуть; нет, ни фига! Квортербекто оказался ифритом, только прикинулся человеком. Я его раскрыл, понял? Когда он подавал, мяч всегда бывал раскаленным, как уголь в печке! Что мне стоило сразу догадаться, уже тогда все просечь? Огненные демоны! Понимаешь, немного горящей серы с дымом, и судья не замечает, что они пытаются сорвать лицевую маску.

Ифриты всегда обманывают. Ифриты хотят, чтобы ты знал, что будет после смерти, когда они смогут делать с тобой все, что им заблагорассудится. Им нравится так играть с мозгом. Ифриты… Весь вечер одни бланжировки. Печет, как в аду.

— Поедем домой, Билл, — произнес я погромче. Безумный американец повернулся, окинул меня взглядом.

— Тебе легко говорить, — пробормотал он; старенькое такси тронулось с места.

По пути в Будайин я позвонил лейтенанту Оккингу и рассказал все о Сейполте и записке Никки. По-моему, информация не очень заинтересовала его.

— Сейполт — ноль без палочки, пустышка, — сказал Оккинг. — Богатая пустышка из Нового Рейха.

— Никки была очень напугана, Оккинг:

— Скорее всего, она наврала о том, куда хочет уйти. Уж не знаю, зачем это понадобилось твоей подруге. А когда все пошло не так, как она планировала, попыталась рассказать тебе правду. Ну, а тот, с кем она связалась, прервал разговор.

Здесь Оккинг, наверное, пожал плечами. — Никки сделала большую глупость, Марид. Очевидно, ей пришлось плохо, но Сейполт тут ни при чем.

— Возможно, немец действительно богатая пустышка, — ответил я мрачно, — но он умеет очень хорошо врать при допросе с пристрастием. Что-нибудь прорисовывается с убийством Деви? Как думаешь, оно связано со смертью Тамико?

— Скорее всего, никакой связи нет, дружок, как бы ты с твоими блатными коллегами ни старался ее придумать. Сестры Черной Вдовы просто принадлежат к типу людей, которых, как правило, убивают. Они напрашиваются на это, и рано или поздно кто-нибудь решает уважить их настырность. То, что двух Сестер убили почти одновременно, — просто совпадение.

— Какие улики ты нашел в квартире Деви? Оккинг долго не отвечал. Потом сказал:

— Черт возьми, Одран, ни с того ни с сего у меня появился новый напарник?

Что ты о себе возомнил, мать твою? Ты что, допрашиваешь меня? Как будто не знаешь, что я не могу обсуждать с тобой результаты расследования, даже если бы захотел, а такое бредовое желание мне и в голову не приходило. Пошел к такой-то матери, Марид. Ты приносишь несчастье.

Я сунул телефон в сумку и закрыл глаза. Поездка была долгой, пыльной и душной. Я бы добавил — тихой и комфортабельной, если бы не бесконечное бормотание Билла и прединфарктное состояние его такси. Я размышлял о Сейполте и Рейнхарте; Никки и Сестрах; неизвестном убийце Деви; о маньяке, замучившем Тамико… Никакой логики, никакой связи.

Именно это пытался доказать мне только что Оккинг: события последних дней выглядят бессмысленными, потому что являются таковыми! Нельзя найти мотив для немотивированного убийства. Только сейчас я вдруг осознал, чту такое бессмысленное насилие, рядом с которым существовал, которое составляло неотъемлемую часть жизни. Я игнорировал все это, воображая, что у меня природный иммунитет. Мой разум пытался вопреки логике соединить никак не соединимые события, составить из них единую картину, — словно увидеть в рассыпанных по небу звездах очертания мифических животных и воинов.

Бессмысленное, дурацкое занятие; но человеческий мозг ищет всему объяснение. Он жаждет порядка во всем, и только сильнодействующее зелье типа РПМ или соннеина способно унять или, по крайней мере, немного отвлечь серые клетки.

Кстати, отличная идея! Я вытащил коробочку с пилюльками и

проглотил четыре «солнышка». Биллу я не стал предлагать: он получил за свое удовольствие авансом и не нуждался в дополнительных развлечениях.

Я велел безумному американцу остановить машину у Восточных ворот. Плата за проезд составила тридцать киамов, я дал ему сорок. Билл долго не отрывал взгляда от денег, пока я не засунул хрустики в карман его куртки. Билл поднял на меня взгляд, прищурился, словно увидел впервые.

— Тебе легко говорить, — прошептал он.

Я хотел выяснить еще кое-что и сразу отправился в магазин на Четвертой улице, торгующий модиками. Хозяйкой модишопа была чудная, вечно дергающаяся старуха, которая в свое время одной из первых вставила в свою башку розетку для модика. Думаю, хирурги, промахнулись на миллиметр-другой — она всегда возбуждала горячее желание поскорее убраться подальше от нее. Лайла не могла ни с кем говорить не скуля и не хныкая: пожилая дама склоняла голову набок и смотрела на собеседника так, словно она — маленькая улитка в саду, а он вот-вот на нее наступит. Иногда хотелось сделать это, но старуха была слишком шустрой… Выглядела Лайла соответственно своей профессии: длинные нечесаные седые волосы, густые седые брови, бескровные сморщенные губы; все зубы давно покинули насиженные места; кожа почти черная, сухая и словно покрытая коростой, а длинные скрюченные пальцы идеально соответствовали расхожим представлениям о ведьмах. Все двадцать четыре часа в сутки на башке у нее красовался какой-нибудь модик; но ее собственная яркая личность — не очень приятная, к слову сказать, — пробивалась через все искусственные преграды. То ли модик воздействовал не на те участки мозга, то ли влиял недостаточно сильно, то ли охватывал меньше серых клеточек, чем положено. Получалась нелепая, но по-своему забавная картина: Дженис Джоплин[7] с вкраплениями характера Лайлы, маркиза Жозефина Роза Кеннеди, то и дело разражавшаяся очень нехарактерными для изысканной леди гнусавыми взвизгами-всхлипами. Что ж, магазин принадлежал Лайле, и тот, кто не в силах был ее выносить, просто делал покупки в другом месте.

Я захаживал к Лайле, потому что хозяйка любезно позволяла мне проверять любые модики и училки, поступавшие в продажу, вставляя их в свою розетку. Когда мне надо было обогатиться знаниями, я всегда отправлялся к Лайле, надеясь, что, пройдя через мозг этой дамы, искомые сведения не исказятся настолько, чтобы стать причиной моей преждевременной смерти.

Сегодня вечером она решила побыть собой, вставив лишь

училки по ведению документации и учетно-хозяйственной работе. Боже мой, значит, прошел целый год: как незаметно летит время для усердных пользователей пилюлек вроде меня!

— Лайла, — окликнул я негромко. Она так походила на ведьму из «Белоснежки и семи гномов», что трудно было начать разговор;

Лайла принадлежит к тому типу людей, с которыми избегают вести задушевные беседы, даже если нуждаются в помощи.

Она оторвала взгляд от накладных, но губы все еще беззвучно шевелились, а мозг, стимулируемый училкой, продолжал подсчитывать, проверять, перепроверять… Наконец она кивнула.

— Что ты знаешь о Джеймсе Бонде? — спросил я.

Она отложила микрокалькулятор, выключила его и разглядывала меня несколько секунд. Глаза ее сначала расширились, затем превратились в узкие щелочки.

Наконец она с трудом проскулила:

— Марид!

— Что ты знаешь о Джеймсе Бонде? — Видео, книги; эскапистская литература двадцатого века, где находила выход жажда силы и власти. Шпионы, суперагенты, приключения подобного рода… Он был неотразим; ни одна женщина не могла устоять перед Бондом. Хочешь стать неотразимым, Марид? — призывно проскулила она.

— Спасибо, пытаюсь достичь этого собственными силами. Просто ответь мне, покупал кто-нибудь у тебя в последнее время модик Джеймса Бонда?

— Нет, могу сказать тебе совершенно точно. Я давненько не получала такого модика. Джеймс Бонд безнадежно устарел, Марид. Люди ищут чего-то новенького.

Рыцарь плаща и кинжала не очень подходящая личность для интересного времяпрепровождения. — Она умолкла. Губы снова стали беззвучно шевелиться, подсчитывая доходы и расходы.

Я знал Бонда, потому что читал книги Флеминга, — да, да, настоящие книги, сделанные из бумаги. Ну, по крайней мере, четыре-пять романов. Бонд принадлежал к евро-американской мифологической традиции, вроде Тарзана или Джонни Карсона.

Жаль, что у Лайлы не нашлось его модика: он помог бы мне понять ход мыслей убийцы. Я потряс головой: снова что-то не давало покоя, словно щекотало мозг…

Выходя из модишопа Лайлы, я невольно бросил взгляд на голографическую рекламу рядом с витриной ее лавочки. Невозможно просто пройти мимо — экран заполняла восьмифутовая ХОНИ ПИЛАР. Она была абсолютно обнаженной: для такой женщины это самый естественный способ показываться

на людях. Она скользила изящными нежными руками по самому сексуальному телу в мире. Гигантская Хони Пилар совсем как девочка потрясла головой, чтобы убрать пряди золотистых волос с прозрачных зеленых глаз, и пристально посмотрела на меня. Провела влажным розовым языком по неестественно пухлым, словно набухшим от страсти, губам.

Забыв обо всем на свете, я застыл на месте, задрав голову. На такую реакцию и рассчитана голопорнуха, и все шло как по маслу. Какая-то часть моего мозга сознавала, что другие мужчины и женщины тоже остановились, выбросив дела из головы, и не отрывают взгляд от экрана. И тут Хони заговорила. Ее голос, чью магию электроника многократно усилила, чтобы заставить дрожать в лихорадке страсти мое и так уже томимое желанием тело, воскресил все тайные мечты подростка, казалось, давным-давно забытые. Во рту пересохло, сердце колотилось как бешеное.

Голограмма рекламировала новый модик Хони, тот самый, который предложила мне обновить Чирига. Если я куплю его для Ясмин…

«Мой модик далеко-далеко…» — выдохнула Хони Пилар ласкающе-мягким голосом, а тем временем ее руки медленно скользили по упругим яблокам великолепных грудей…

«Мой модик уплыл за моря». — Она сжала соски, ущипнула их, пальцы опустились ниже, коснулись нежной кожи на склонах грудей и продолжали свой путь по телу…

«Вот кто-то ласкает мой модик», — доверительно сообщила она, и огненно-красные ногти коснулись гладкого живота, все еще не насытившись, все еще путешествуя в поисках центра наслаждения…

«Счастливец ласкает меня!» — Ее глаза полузакрыты в экстазе; слова перешли в мучительно-сладкий стон — мольбу о том, чтобы испытанное удовольствие повторилось, повторилось снова и снова… В миг, когда ее руки наконец-то нашли желанную цель, исчезнув между золотистых загорелых ляжек, она умоляла меня подарить ей счастье любви.

Изображение медленно погасло, затем энергичный женский голос перекрыл сообщавшиеся подробности о производителе и стоимости модика:

«Вы еще не испробовали личностные модули-стимуляторы? Вы все еще смотрите голопорнуху? Давайте прямо: если использовать резинку — все равно что целовать сестру, то смотреть голопорнуху — все равно что целовать изображение сестры! Зачем разглядывать картинку Хони Пилар, если, купив ее новый модик, можно затрахать до полусмерти живую богиню любви, и делать это снова и снова, пока есть желание! Смелее!

Подарите своей подружке или дружку новый модик Хони Пилар уже сегодня! Модули-стимуляторы продаются только по ценам новинок».

Голос замолк; я перевел дыхание и вернулся к реальности. Другие прохожие, также освобожденные от чар рекламного ролика, неуверенно оглядываясь, разошлись по своим делам. Я зашагал по направлению к Улице. Сначала мои мысли целиком поглотила Хони Пилар, потом модик, который, как только выдастся возможность, обязательно подарю Ясмин (повод найдется, а если нет, я его придумаю!). Наконец принялся размышлять о том, что давно уже не давало мне покоя. Эта мысль впервые посетила меня во время разговора с Оккингом об убийстве в Чиригином клубе; сегодня я снова вернулся к этому.

Человек, решивший просто устроить себе маленький праздник посредством парочки трупов, не использовал бы модик Бонда. Нет, личность) агента 007 чересчур специфична и стерильна, у него слишком узкая «специализация». Джеймс Бонд не получал удовольствия от убийства. Психопат, решивший использовать личностный модуль, чтобы тот помог ему получить максимальное удовлетворение от злодейства, выбрал бы кого-нибудь из доброй дюжины темных личностей, имевшихся в широкой продаже. Существовал также черный рынок, на котором продавались самоделки, недоступные посетителям модишопов; выложив приличную пачку хрустиков, можно раздобыть модик хоть Джека Потрошителя! Это были модули персонажей видео и книг, а также реальных личностей, записанные прямо с их мозга или искусно реконструированные специалистами. Когда я думал об извращенцах, желающих стать обладателями нелегальных модиков, и целом подпольном бизнесе, паразитировавшем на них, выпуская из своих зловещих тайных лабораторий Чарльзов Мэнсонов, вампиров Носферату[8] или, скажем, Гиммлеров, меня просто кидало в дрожь.

Уверен, что тот, кто использовал модуль Бонда, сделал это совсем с другой целью, отлично зная, что особого удовольствия от его применения не получит.

Нет, псевдо-Бонд вовсе не хотел испытать наслаждение, совершая убийство. Он не маньяк-извращенец, а, скорее, хладнокровный исполнитель, поразивший намеченный к уничтожению объект.

Смерть Деви — и, конечно, смерть русского! — не дело рук какого-нибудь нового Потрошителя, безумца, наводящего ужас на обитателей трущоб и притонов.

Оба преступления были заранее продуманными убийствами. Политическими убийствами.

Оккинг никогда не станет слушать подобные рассуждения без серьезных доказательств. Я и сам не до конца разобрался, что к чему. Какая связь может существовать между неким Богатыревым, мелким функционером небольшого слабого восточноевропейского царства, и Деви, одной из печально знаменитых в Будайине Черных Вдов? Их миры никак не пересекались.

Я нуждался в дополнительной информации, но не знал, где ее искать… И очнулся от напряженных размышлений. Куда же я шел? Ну конечно, в квартиру Деви.

Люди Оккинга наверное все еще прочесывают там каждый миллиметр в поисках следов. Всюду ограждения и надписи «Проход запрещен». Всюду расставлены…

Ни-че-го! Никаких ограждений, оцепления, вообще ни одного полицейского. Окно комнаты ярко освещено. Я подошел к зеленым ставням, закрывавшим смотровое окошко в двери. Теперь они были распахнуты; с того места, где я стоял, хорошо просматривалась комната Деви. Немолодой араб, стоя на коленях, красил стену. Мы приветствовали друг друга, и он пожелал узнать, не хочу ли я снять квартиру: дня через два ремонт закончится. Вот и все почести, которых посмертно удостоилась Деви; вот и все, что сделал Оккинг для того, чтобы найти убийцу.

Квазииндуска, как и квазияпонка до нее, не стоили того, чтобы ради них болела голова у власть предержащих. Они были плохими гражданками своей страны; они не заслужили правосудия.

Я оглядел улицу. Все здания на той стороне, где стоял дом Деви, были на одно лицо: низенькие, с побеленными стенами, плоскими крышами, зелеными дверьми и окнами с зелеными ставнями. Где тут укрыться Бонду? Он мог пробраться в квартиру жертвы, спрятаться там и ждать, когда она вернется с работы; мог подстерегать Деви где-то поблизости. Я пересек древнюю, вымощенную булыжником улицу. На противоположной стороне у некоторых домов были низкие крылечки с железными перилами. Подойдя к дому напротив жилища Деви, я сел на верхнюю ступеньку и огляделся. На земле, прямо под ногами, справа от лестницы валялось несколько сигаретных окурков. Кто-то сидел здесь до меня и курил; может быть, человек, живущий в этом доме, а может, и нет. Я опустился на корточки и стал разглядывать окурки. Вокруг фильтра каждого блестели три золотых ободка.

В книгах о Джеймсе Бонде говорилось, что он курил сигареты, сделанные специально по его заказу из табака какого-то

особого сорта… На эти сигареты были нанесены три золотых ободка. Убийца серьезно отнесся к делу: использовал древний пистолет небольшого калибра, очевидно «Вальтер-ППК», в точности как Бонд. Я вспомнил, что агент 007 держал свое курево в портсигаре из оружейной стали, куда вмещалось пятьдесят сигарет; интересно, сделал ли псевдо-Бонд себе такой же?

Сунул окурки в сумку. Оккинг требует доказательств. Теперь они у меня имеются. Конечно, это не значит, что лейтенант сразу согласится с ними Я взглянул на небо: уже поздно, сегодняшняя ночь будет безлунной. Тоненький, девственно-нежный серпик новой луны появится только завтра, возвестив начало священного месяца рамадан. Завтра, после наступления темноты, нараставшее за светлое время лихорадочное возбуждение жителей Будайина перейдет в настоящую истерику. Зато днем у нас будет царить тишина.[9] Мертвая тишина. Мертвая… Я тихонько рассмеялся, пробираясь по узкой улочке к бару Френчи Бенуа. Мертвецов я уже навидался вдоволь, и возможность побыть немного в тишине и спокойствии казалась неотразимо привлекательной.

Каким же я был глупцом…

Глава 7

Бисмиллях ар-Рахман ар-Рахим… Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного.

> *«Этот пост в месяц рамадан, когда ниспослан был Коран, указание правой стези для людей и ясное доказательство сей стези, различающее истину и ложь. И кто из вас у себя дома в месяц рамадан, пусть постится в этот месяц. А если кто болен или в пути, то пусть постится несколько дней иных. Желает Аллах для вас облегчения, а не затруднения. Соблюдите полное количество дней и скажите:*
>
> *„Аллах велик“ — за то, что он указал вам правую стезю. Может, будете вы благодарными».*

Это сто восемьдесят пятый аят «аль-Бакары» («Корова»), второй суры Благородного Корана. Посланец Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, указал нам блюсти пост в священный период рамадана, девятого лунного месяца по арабскому календарю, что является одним из пяти столпов веры.

В течение всего месяца правоверным запрещается есть, пить и курить от зари до захода солнца. Полиция и религиозные лидеры строго следят за тем, чтобы даже такие, как я, мягко говоря, пренебрегающие своими духовными обязанностями люди, не смели нарушать запрет. Ночные клубы и бары закрываются на весь день, вместе с кафе и ресторанами. Запрещено даже выпить глоток воды,[10] пока не наступит полночь. Когда же наконец на землю опускается темнота и приходит время дозволенной трапезы, мусульмане начинают пировать и веселиться. Атмосфера, царящая повсюду, такова, что даже добропорядочные жители других частей города, благоразумно избегающие заглядывать в наш квартал весь год, могут без опаски прийти в Будайин и расслабиться в уютном кафе.

В течение всего месяца в мусульманском мире ночь полностью заменит день: все перевернется с ног на голову, за исключением неизменной пятикратной молитвы. Молиться необходимо как обычно, поэтому правоверный встает на рассвете, дабы исполнить свой долг, но пост не прерывает. Его босс может разрешить ему сходить домой во второй половине дня и пару часов вздремнуть, чтобы хоть немного компенсировать ночное бдение, когда мусульмане наслаждаются до рассвета тем, что запрещено им после восхода солнца.

Во многих отношениях ислам — красивая и элегантная вера; но, увы, общая черта всех религий в том, что они уделяют куда больше внимания необходимости соблюдения всяческих ритуалов и предписаний, чем облегчению жизни верующих.

Рамадан часто крайне затрудняет существование грешникам и нечестивцам нашего квартала.

И все же некоторые проблемы в это время намного упрощаются. Я, например, изменил свое расписание, передвинув все на несколько часов вперед, и мои дела совершенно не пострадали. Точно так же поступили и владельцы ночных клубов.

Конечно, если бы я имел неотложные дела днем, например, и должен был регулярно поворачиваться лицом к Мекке и возносить молитву, мне пришлось бы намного труднее.

Итак, в первую среду рамадана, успешно адаптировавшись в новых условиях, я сидел за столиком маленького кафе на Двенадцатой улице с изящным названием «Кафе Солас». Уже почти наступила ночь; я играл в карты с тремя парнями, опустошая маленькие чашки густого кофе без сахара и лакомясь кусочками пахлавы.

Именно это и служило предметом злобной зависти Ясмин. Сама она сейчас должна была отрабатывать свои хрустики в заведении Френчи, повиливая хорошенькой маленькой попкой, и очаровывала клиентов, раскалывая их на шампанское. Моя девочка работала, а я вкушал сласти и играл в карты. Лично мне казалось вполне нормальным стремление облегчить себе жизнь, когда выдается возможность, даже если при этом Ясмин вынуждена отдавать своему ремеслу десять изматывающе-долгих часов молодой жизни. Я считаю это естественным порядком вещей.

Мои приятели составляли довольно разношерстную компанию. Махмуд — перв; он ниже меня, но шире в плечах и бедрах. Эта бывшая девочка стала мальчиком пять-шесть лет назад. Ей даже пришлось немного поработать у Джо-Мамы. Сейчас Махмуд жил с настоящей фемой, промышляющей в том же баре. Интересное совпадение…

Жак был марокканским христианином, убежденным гетеросеком, твердо верил в то, что, будучи на три четверти европейцем (тем самым переплюнув меня на целого предка!), имеет право на особое отношение окружающих, и вел себя соответственно. Он не пользовался всеобщим уважением и любовью: всякий раз, когда намечались всякие празднования или вечеринки, Жак узнавал об этом с небольшим опозданием. Однако его всегда приглашали поучаствовать в карточных играх: если уж кто-то должен проигрывать, пусть это будет гяур-

христианин.

Сайед Полу-Хадж — высокий, хорошо сложенный, довольно состоятельный парень и убежденный гомосек: он умер бы от стыда, показавшись на публике в обществе любой женщины, будь то фема или обрезок. Сайеда прозвали «Полу хаджем» неспроста. Он такой пустоголовый, что, приступая к какому-нибудь делу, обязательно забудет о нем, не дойдя и до середины, загоревшись парочкой других идей. Хадж — почетный титул, который человек получает, совершив паломничество в Мекку, составляющее один из столпов ислама. Несколько лет назад Сайед действительно решил отправиться в священный город, преодолел примерно полтысячи миль, но неожиданно повернул назад, ибо в голову ему вдруг пришла блестящая мысль о том, как провернуть беспроигрышную финансовую операцию; увы, суть ее он забыл по пути домой… Сайед немного старше меня, он щеголяет тщательно подстриженными усиками, которыми страшно гордится. Не могу понять, почему: никогда не считал такую вещь, как усы, большим достижением, если, конечно, вы не начинали свою жизнь так, как Махмуд. То есть девочкой.

Все трое моих приятелей вставили себе розетки в мозг. Сайед нацепил модик и две училки. Он носил абстрактно-личностный модуль, который содержал в себе запись не какой-то конкретной личности, а просто определенного человеческого типа. Сегодня Сайед решил побыть «крутым парнем» — сильным, немногословным, сдержанным и жестким. К счастью, ни одна из училок не наделила его умением играть в карты как следует. Они с Жако постепенно обогащали Махмуда и меня.

Эту колоритную троицу бездельников я считал своими лучшими друзьями (среди мужчин). Сколько времени мы приятно провели за картами; сколько дней (или — как сейчас — вечеров) просидели, болтая, попивая кофе за уютным столиком… У меня два главных источника информации в Будайине — девочки из ночных клубов и мои приятели, Махмуд, Сайед и Жак. Обычно одна версия происшествия разительно отличается от другой, другая от третьей и так далее… Поэтому я взял себе за правило выслушивать как можно больше разных вариантов, чтобы потом свести их в нечто единое. Зернышко правды прячется в каждом из них; важно извлечь его из словесной шелухи.

Большая часть выигрыша досталась мне, остальное — Махмуду. Жак отчаялся и был готов к тому, чтобы выйти из игры. Мне захотелось поесть более основательно, Полу-Хадж поддержал меня. Мы уже собрались оставить «Солас», чтобы подкрепиться где-нибудь в другом месте, но тут к нашему столику подлетел запыхавшийся Фуад. Это был кривоногий, нелепый отпрыск

верблюда, которого люди называли (кроме массы других эпитетов) «Фуад иль-Манхус», то есть Фуад-Вечный Неудачник». Я сразу почувствовал, что поход в ресторан придется отложить.

Выражение лица иль-Манхуса подсказывало, что вместо лакомых яств нас ожидает небольшое приключение.

— Хвала Аллаху, что я застал вас всех здесь, — выдохнул он, жадно ощупывая каждого глазами.

— Иди с Богом, брат мой, — брюзгливо посоветовал Жак. — Взгляни, вот Он шествует, направляясь к северной стене! Поспеши!

Фуад проигнорировал христианина.

— Мне нужна помощь, — сказал он жалобно. Пожалуй, даже жалобней, чем обычно. На голову Фуада постоянно сваливались небольшие злоключения, но на сей раз он казался по-настоящему расстроенным.

— Что стряслось, Фуад? — спросил я Он благодарно посмотрел на меня, словно потерявшийся ребенок, на которого обратили внимание.

— Одна черномазая сука стянула у меня тридцатку Я оглядел своих приятелей: Полу-Хадж красноречиво возвел очи к потолку;

Махмуд ухмылялся, как сытая гиена, Жак, казалось, вот-вот потеряет терпение.

— Эти черномазые суки, кажется, проделывают с тобой такое с завидной регулярностью, а, Фуад? — сказал Махмуд.

— Это ты так думаешь, — ответил тот, сделав жалкую попытку защититься.

— Что случилось сегодня? — спросил Жак презрительно. — Где? Мы ее знаем?

— Новенькая.

— Опять новенькая, Фуад! — заметил я.

— Она работает в «Красном фонаре», — продолжил Обиженный Богом.

— А я думал, тебе запретили там показываться, — сказал Махмуд.

— Да, было такое, и до сих пор Фатима не разрешает мне покупать выпивку, но теперь я работаю у нее уборщиком, так что постоянно торчу там. Я больше не живу в магазине Хасана: он пускал меня на ночь на склад, но у Фатимы я могу спать под стойкой!

— Стало быть, она не разрешает тебе пропустить стаканчик-другой в ее заведении, но зато позволяет выносить мусор, так? — Ну да! И еще подметать и чистить зеркала!

Махмуд с глубокомысленным видом кивнул:

— Я всегда говорил, что у Фатимы слишком доброе

сердце, — произнес он, сохраняя серьезное выражение на лице. — Вы все свидетели.

— Ну так что у тебя случилось? — спросил я, потеряв наконец терпение.

Ненавижу эту манеру Фуада полчаса ходить вокруг да около и мямлить всякую ерунду.

— Понимаешь, я был в «Красном фонаре», и Фатима велела принести еще пару бутылок «Джонни Уокера», ну я и вернулся сказать Насиру, и он выдал мне бутылки, и я принес их Фатиме, и она положила их под стойку. А потом я спросил:

«Что мне теперь делать?» — а она говорит: «Сядь, попей содовой», а я сказал: «Я просто посижу немного, хорошо?» — и она ответила:

«Хорошо»; и тогда я сел возле стойки и стал смотреть на людей, и тут подошла… подошла девушка, и села рядом…

— Чернокожая девушка? — уточнил Полу-Хадж.

— Ага…

Полу-Хадж значительно посмотрел на меня и сказал:

— В таких делах я всегда демонстрирую особую проницательность. — Я рассмеялся. Фуад продолжил:

— Ага. Ну так вот, чернокожая девушка была настоящей красоткой; я никогда ее не видел раньше, и она объяснила, что только первую ночь работает у Фатимы, а я ей рассказал, что тут довольно грубые люди, и лучше быть настороже из-за кучи народа, которая набивается в бар по вечерам, и она сказала, что очень-очень благодарна за мой совет, потому что люди в городе все бесчувственные и холодные и думают только о себе, а я не такой; и еще сказала, что ей очень приятно познакомиться с парнем вроде меня. Она меня поцеловала в щеку и позволила обнять за талию, а потом начала… начала…

— Начала тебя щупать, — помог ему Жак. Фуад сразу стал пунцовым.

— Она спросила: «Можно мне заказать что-нибудь выпить?», а я сказал, что денег у меня в обрез, — только чтобы протянуть две недели, и тогда она спросила: «Ну а сколько?», а я ответил, что не знаю точно. Тогда девушка сказала, что, дескать, она уверена, на одну выпивку для нее у меня точно хватит, а я ответил: «Давай так: если у меня сейчас окажется больше тридцатки, то куплю, а если меньше — нет», и она сказала, давай, так будет по-честному, и я вытащил деньги; угадайте-ка, что случилось? У меня оказалось тридцать киамов, ни больше, ни меньше, а мы не договаривались, что делать, если будет ровно тридцать! И тогда она сказала, что, дескать, все в порядке, я не должен ничего покупать для нее. Я подумал, что она поступила очень порядочно.

И все это время она продолжала меня целовать, обнимать и… и трогать, поэтому я подумал, что здорово ей понравился. Угадайте-ка, что случилось потом?

— Она стянула деньги, — сказал Махмуд. — Девка заставила тебя вытащить и пересчитать хрустики, чтобы узнать, где ты их держишь.

— Я понял, что произошло, только когда решил заказать что-нибудь покушать, но было уже поздно. Ни гроша не осталось, она залезла мне в карман и просто их вытащила.

— Тебя ведь обчищали и раньше, — сказал я. — Фуад, ты не мог не знать, что она собирается сделать. Я думаю, тебе нравится, когда тебя обкрадывают, Фуад.

Ты от этого тащишься.

— Неправда, — защищался Обиженный Богом. — Я просто решил, что понравился ей, и она мне тоже очень понравилась, я подумал, может, позднее приглашу ее, и все такое, ну, после работы… Потом увидел, что денег нет, и понял, что виновата девушка. Я не дурак: знаю, сколько будет дважды два!

Мы все кивнули, не говоря ни слова.

— Я сказал Фатиме, но она не стала ничего делать, и тогда я пошел к Жоа (так она себя называет, но это не ее настоящее имя, она сама мне сказала), и она здорово рассердилась; говорит: «Я в жизни ничего не украла!» Я сказал: «Но я знаю, что ты это сделала», а она сердилась все сильнее и сильнее, потом вдруг вытащила из сумочки бритву, и тогда Фатима ей сказала: «Ну-ка, положи обратно, этот ишак того не стоит, нашла с кем связываться!» Но Жоа все еще здорово сердилась и стала наступать на меня с этой бритвой, и тогда я убежал оттуда и стал всюду разыскивать вас, ребята.

Жак прикрыл глаза в изнеможении и потер веки.

— Сейчас угадаю: ты хочешь, чтобы мы вытащили из нее твои тридцать киамов.

Какого черта мы обязаны это делать, Фуад? Ты идиот, олигофрен. По-твоему, мы должны сейчас идти разбираться с какой-то психованной вопящей дикаркой, тычущей во все стороны бритвой, только потому, что ты не способен сам позаботиться о себе, так?

— Не пытайся объяснить ему, Жак, — сказал Махмуд. — Бесполезное дело: все равно, что стараться прошибить стену лбом! — На самом деле он употребил арабский эквивалент этого выражения «Ты говоришь повернувшись к востоку, он отвечает повернувшись к западу», что очень образно и точно выражает суть того, что происходило с Фуадом иль-Манхусом.

Однако Полу-Хадж сегодня нацепил модик, превративший

моего приятеля в героя пустынных улиц, человека действия, крутого и неустрашимого, как шериф в вестернах. Он покрутил усы и продемонстрировал потрясенному Фуаду ухмылку Одинокого Волка Сайеда.

— О'кей, парень, пошли. Покажешь мне эту Жоа.

— Ой, спасибо, спасибо тебе, Сайед. — Фуад суетился вокруг своего защитника и по-собачьи заглядывал в глаза. — Я хочу сказать… понимаешь, у меня не осталось ни гроша, она стянула все деньги, все, что я накопил на…

— О Господи, хватит, заткнись, — сказал Жак. Мы встали и последовали за Сайедом и Фуадом к «Красному фонарю». Я покачал головой: мне вовсе не хотелось быть втянутым в такое дело, но ничего другого не оставалось. Ненавижу обедать в одиночестве! Терпение: потом мы все вместе отправимся в «Кафе де ля Фи Бланш» и плотно перекусим. За исключением Обиженного Богом, конечно. А пока я подкрепился парой треугольников.

«Красный фонарь» имел дурную репутацию, и каждый, кто заходил в бар, не мог не знать, что пришел в опасное место; поэтому, если вас здесь ограбили или немного помяли, трудно было найти сочувствующих. Полиция даст понять, что только дурак мог вообще прийти сюда; фараоны просто рассмеются тебе в лицо, если обратишься к ним за помощью. Фатиму и Насира волнует только одно: сколько навара они получат с каждой проданной бутылки спиртного и как много их девочки вытянут из посетителей, выставив клиента на шампанское. Им совершенно наплевать, что делают шлюхи после того, как обогатили хозяев на несколько киамов. Это пример свободы предпринимательства и частной инициативы в чистейшем, не сдерживаемом никакими рамками виде.

Я очень не хотел появляться в баре, потому что плохо ладил и с Фатимой, и с Насиром, и зашел внутрь последним. Мы выбрали столик подальше от стойки.

Хозяевам заведения, как и Чири, нравился полумрак. Ноздри забивал резкий неприятный запах пролитого пива. На сцене извивалась рыжеволосая девица с топорным лицом и миниатюрным телом. Если сосредоточиться только на том, что расположено ниже шеи, танцовщица выглядела очень неплохо. Все, что девица сейчас проделывала, было призвано отвлечь внимание от ее недостатков и заставить созерцать лишь многочисленные достоинства. Да, вспомнил: это Фания.

Ее еще прозвали Фания Полотер, потому что девица обычно демонстрировала свои прелести на сцене в горизонтальном положении, а не стоя, как принято у большинства танцовщиц.

Ночь еще только начиналась, поэтому мы заказали по кружке пива, однако Полу-Хадж, подстрекаемый своим лихим модиком, потребовал еще и виски. Никто не потрудился спросить томящегося от жажды Фуада, хочет ли страдалец чего-нибудь выпить.

— Это она, вон там, — сообщил он очень громким шепотом, указывая на коротконогую, довольно простенькую шлюху, обрабатывающую клиента-европейца, облаченного в костюм.

— Но это не фема, — сказал Махмуд. — Фуад, это гетеросек.

— Ты думаешь, я не отличу мальчика от девочки? — взвился Фуад. Никто не захотел обсуждать подобный вопрос; что касалось меня, то здесь было слишком темно, чтобы сказать точно. Когда разгляжу Жоа получше, выясню, к какой разновидности — она относится.

Сайед не подождал даже, пока принесут выпивку. Он поднялся и подошел к девице особой походкой супермена. Такая походка напоминает ритуальный танец, где каждое движение что-то сообщает зрителям. Полу-Хадж как бы говорил окружающим: «Никто никогда не сможет со мной справиться, потому что на самом деле я не Сайед, а Аттила, неистовый гунн, а вы, черви несчастные, лучше не попадайтесь под ноги, а то раздавлю ненароком!» Полу-Хадж завязал разговор с Жоа; они стояли далеко, я не мог разобрать ни слова, да, честно говоря, и не хотел. Фуад плелся следом за своим защитником, как ягненок за пастухом, то и дело пронзительно пища что-то своим резким голосом, горячо поддерживая требования Сайеда и так же горячо отвергая версию шлюхи.

— Я в глаза не видела тридцатки этой макаки, — заявила Жоа.

— Деньги у нее, деньги у нее, посмотрите в сумочке, они там! — скрипел Обойденный Судьбой.

— Там намного больше тридцатки, несчастный ублюдок! — завопила шлюха. Попробуй докажи, какие из них твои!

Страсти быстро накалялись. Полу-Хадж сообразил отослать Фуада к нашему столику, но Жоа погналась за злосчастным, пихая в спину и выкрикивая всяческие ругательства. Мне показалось, что Фуад вот-вот расплачется. Сайед попытался оттолкнуть Жоа, но она яростно набросилась на него.

— Вот придет мой парень, он тебе из задницы дуршлаг сделает!

Полу-Хадж продемонстрировал ей свою коронную суперменскую усмешку.

— Когда придет, мы с ним разберемся, — произнес он спокойно. — А сейчас мы вернем моему другу украденные деньги,

и больше не смей его пихать, иначе заработаешь столько порезов на морде, что придется надевать мешок на голову, когда будешь выходить на промысел. Ясно?

Именно в этот ответственный момент, когда Сайед крепко зажал руки шлюхи, а Фуад, подойдя с другой стороны, пронзительно блеял ей в ухо, в бар вошел сутенер Жоа.

— Приехали, — пробормотал я. Жоа позвала его и быстро посвятила в суть конфликта.

— Эти ублюдки пытаются отнять мои деньги! — вскричала она.

Ее сутенер, здоровенный одноглазый араб по имени Тауфик, которого все звали Сонни, казалось, никого и ничего не слушал. Он играючи отбросил в сторону Фуада, даже не удостоив того взглядом. Потом обхватил кисть правой руки Сайеда и заставил отпустить Жоа. Сильный толчок в плечо — и Полу-Хадж, пошатнувшись, отпрянул.

— Тот, кто грязно пристает к моей девочке, может сильно порезаться, мой друг, — произнес Сонни негромким, обманчиво мягким голосом.

Сайед направился к нашему столику.

— Эта шлюха — гетеросек, — сказал он. — Просто мужик в женской одежде. Сонни и Полу-Хадж теперь сошлись лицом к лицу прямо над моей головой; я бы хотел, чтобы эти двое перенесли свои разборки на улицу. Ни Фатиму, ни Насира, кажется, нисколько не волновал скандал, разыгравшийся в их баре. Тем временем Фания отработала свое время на сцене, и ее заменил высокий стройный обрезок-американка.

— Твоя мерзкая, уродливая шлюха, сифилитичка и воровка, стянула тридцать киамов у моего друга, — сказал Сайед таким же мягким, спокойным голосом, как и Сонни.

— Ты позволишь этому ублюдку обзывать меня по-всякому, Сонни? — вскинулась Жоа. — Прямо здесь, перед всеми остальными девочками?

— Ну вот, хвала Аллаху, теперь речь идет уже об оскорбленной чести, грустно произнес Махмуд. — Когда разбиралась только кража, было гораздо проще.

— Я не позволю никому тебя оскорблять, девочка, — сказал Сонни. Он усилил угрожающие нотки в голосе и, повернувшись к Сайеду, сказал:

— Заткнись, мать твою.

— Заставь меня, — ответил Полу-Хадж улыбаясь.

Махмуд, Жак и я схватили свои кружки с пивом и почти одновременно привстали, желая поскорее убраться подальше; увы, слишком поздно… У Сонни на поясе был спрятан нож; он

потянулся за оружием, но Сайед его опередил. Я услышал Жоа, предупреждавшую своего кота об опасности, заметил, как сразу сузились глаза Сонни. Сутенер отступил. Сайед с силой выбросил левую руку, нацелившись Сонни в челюсть, но тот увернулся. Полу-Хадж шагнул вперед, блокировал правую руку Сонни, немного пригнулся и всадил нож в своего противника.

Я услышал негромкий всхлип, булькающий, удивленный стон. Сайед рассек кожу на груди Сонни и перерезал, видимо, крупные артерии. Кровь брызнула во все стороны; трудно поверить, что у одного человека может быть столько крови. Сонни шагнул влево, сделал два неуверенных шага вперед и рухнул на стол. Он захрипел, немного подергался, соскользнул на пол. Мы все, как загипнотизированные, смотрели на Сонни. Жоа не издала ни единого звука; Сайед застыл на месте, все еще выставив нож, которым рассек сердце одноглазого сутенера. Потом Полу-Хадж медленно выпрямился, бессильно опустив руку. Он дышал тяжело, словно после бега. Повернувшись к столу, он схватил свою кружку пива; глаза моего приятеля остекленели, взгляд казался бессмысленным. Он был покрыт кровью с ног до головы. Одежда, волосы, лицо, руки, ладони — все забрызгано кровью Сонни. Кровь на столе; кровавые пятна на всех нас — я сам прямо-таки пропитан кровью. Прошло несколько мгновений, прежде чем до меня дошло это: я ужаснулся и, вскочив, попытался стянуть с себя окровавленную рубашку. И тут Жоа завопила. Она заводилась снова и снова, пока кто-то не дал ей пару затрещин, после чего снова воцарилась полная тишина. Наконец Фатима позвала Насира, тот вышел из задней комнаты и позвонил в полицию. Мы втроем пересели за другой столик. Музыка оборвалась, девочки отправились в раздевалку, посетители быстренько исчезли за дверью, не дожидаясь прихода фараонов. Махмуд подошел к Фатиме и раздобыл нам всем еще по кружке пива.

Сержант Хаджар не торопился прибыть, чтобы полюбоваться трагическим финалом. Когда он наконец появился, я с удивлением отметил, что сержант никого не взял с собой.

— Это что? — спросил Хаджар, носком ботинка указывая на тело, распростертое на полу.

— Труп котяры, — объяснил Жак.

— По нему не скажешь; мертвые все на одно лицо… — Хаджар поглядел на кровавые лужи повсюду. — Здоровый парень, да?

— Сонни, — сказал Махмуд.

— А, этот ублюдок…

— Он умер из-за каких-то паршивых тридцати киамов, —

произнес Сайед, недоуменно покачивая головой.

Хаджар задумчиво осмотрел бар, остановил взгляд на мне.

— Марид, — сказал он, подавив зевок, — поедешь со мной. — С этими словами сержант повернулся к выходу.

— Я?! — вскричал я. — Да я в этом деле вообще не замешан!

— В каком деле? — озадаченно осведомился Хаджар.

— В смерти Сонни.

— Да черт с ним, с Сонни. Ты должен поехать со мной. — Он повел меня к патрульной машине. Хаджару было абсолютно наплевать на совершенное только что убийство. Если пристукнут какого-нибудь богатого туриста, полиция из кожи вон лезет, снимая повсюду отпечатки пальцев, бегая с линейками, допрашивая всех подряд по двадцать-тридцать раз. Но как только убьют одного из «вконец опустившихся дегенератов», например, этого гориллообразного повелителя ездовых лошадок, или Тами, или Деви, легавые сразу принимают равнодушно-утомленный вид, словно одинокий вол на горе. Хаджар не собирался никого допрашивать, фотографировать место преступления и так далее. Он не желал тратить время на таких, как Сонни; с точки зрения властей, сутенер получил то, на что сам напрашивался, избрав неправедный образ жизни; как говорит Чирига, «страшное дело — платить по счетам!». Полиция не возражала бы, если все жители Будайина перерезали бы друг друга.

Хаджар запер меня в машине, сел за руль.

— Ты меня арестовал? — спросил я.

— Заткнись, Одран.

— Ты арестовал меня, сукин сын?

— Нет.

Ничего не понимаю.

— Тогда какого черта ты меня задержал? Я ведь уже сказал, что никакого отношения к убийству в баре не имею.

Хаджар оглянулся:

— Когда ты, наконец, забудешь про этого кота? Сонни тут ни при чем.

— Куда ты меня везешь?

Хаджар снова повернул голову и посмотрел на меня с садистской усмешкой на лице.

— Папа хочет с тобой побеседовать. Мне вдруг стало холодно.

— Папа? — Время от времени я встречал Фридландер-Бея и, как все жители Будайина, знал, что это за человек, но никогда раньше не удостаивался личной беседы.

— И судя по тому, что я слышал, он зол, как шайтан, Марид. Думаю, ты предпочел бы, чтобы я и вправду арестовал тебя за

убийство.

— Зол? На меня? Да за что? Хаджар только пожал плечами:

— Понятия не имею. Мне просто приказано тебя доставить. А уж Папа тебе сам все растолкует.

Именно в этот момент, когда я испытывал все возрастающий панический страх, чуя приближающуюся смертельную опасность, начали действовать треугольники, принятые по дороге в бар Фатимы; сердце забилось, как бешеное. А ведь вечер начинался так хорошо! Я выиграл немного денег и предвкушал сытный ужин, а впереди меня ждала ночь с Ясмин. Вместо всего этого я сижу на заднем сиденье патрульной машины; рубашка и джинсы насквозь окровавлены, кожа лица и рук зудит под коркой засыхающей крови Сонни. Меня везут на какую-то зловещую встречу с Фридландер-Беем, человеком, который владеет здесь всем и всеми. Я не сомневался, что предстоит разборка, но не имел представления, в чем провинился.

Всегда был предельно осторожен, чтобы не наступить на Папину мозоль… Хаджар не собирался меня просвещать на этот счет: он только ухмыльнулся, как гиена, и сказал, что не хотел бы оказаться на моем месте. Я сам не хотел бы: в последнее время слишком часто испытываю подобное чувство.

— На все воля Аллаха, — прошептал я непослушными губами, изнывая от беспокойства. — Ближе к Тебе, Господи.

Глава 8

Фридландер-Бей жил в большом, увенчанном башней белоснежном здании, которое вполне могло сойти за дворец. Его апартаменты раскинулись в центре города; совсем недалеко от христианского квартала. Не думаю, чтобы кто-нибудь еще здесь обладал таким огромным участком, обнесенным высокой оградой. По сравнению со скромным убежищем Папы, дом Сейполта выглядел походным Шатром бедуина. Но сержант Хаджар вез меня не в том направлении. Я сказал об этом легавому ублюдку.

— Разреши мне самому вести машину, — ответил он сварливо. Хаджар назвал меня «ил-магриб». Магриб означает «закат»; а еще так называют огромный кусок Северной Африки, где живут «некультурные идиоты» — алжирцы, марокканцы, в общем, жалкие отбросы вроде меня. Многие друзья называют меня магрибцем, и я не обижаюсь, понимая, что это просто прозвище или добродушное подшучивание. Но в устах Хаджара оно превращается в оскорбление.

— Дом Папы в двух с половиной милях позади нас, — заметил я.

— Неужели ты думаешь, что я не знаю этого? Господи, как бы мне хотелось приковать тебя наручниками к столбу минут на пятнадцать где-нибудь без свидетелей.

— Хаджар, ради Аллаха, скажи, куда ты меня везешь? — Но он дал понять, что больше не станет отвечать на вопросы; в конце концов я сдался и молча рассматривал проносящиеся мимо дома. Ездить с Хаджаром было почти так же интересно, как с безумным американцем: ты ни черта не понимаешь, не вполне уверен, куда вы направляетесь и доберетесь ли целыми до места назначения.

Легавый остановил машину на заасфальтированной подъездной дорожке позади мотеля на восточной окраине города. Стены, сложенные из шлакобетонных блоков, были выкрашены в бледно-зеленый цвет; вместо неоновой рекламы с названием маленький щиток, где было написано от руки: «Мотель. Свободных мест нет».

Гостиница, на вывеске которой красуется объявление о перманентом отсутствии номеров, — довольно странное зрелище. Хаджар вылез из машины, открыл заднюю дверцу, и я почти вывалился наружу. Постоял, расправил плечи и попытался собраться; треугольники страшно взвинтили меня. Чувство страха плюс действие наркотиков привели к жутким резям в животе, головной боли и внутреннему напряжению, граничащему с

нервным срывом.

Я последовал за Хаджаром, мы остановились у двери девятнадцатого номера.

Сержант несколько раз постучал — вероятно, что-то вроде условного сигнала. Нам открыл человек, больше походивший на каменную глыбу, или, точнее, громадный булыжник. Камень не может думать или говорить, поэтому, когда он произнес что-то, я был ошеломлен. «Булыжник» кивнул Хаджару, который не ответил на приветствие, а молча повернулся и пошел к машине. Булыжник посмотрел на меня; очевидно до него никак не доходило, откуда я взялся. Потом громила все-таки сообразил, что этого человека, должно быть, привез Хаджар и его надо впустить в комнату.

— Проходи, — эти гулкие скрежещущие звуки походили на… на голос булыжника, который по воле Аллаха обрел дар речи.

Я внутренне содрогнулся, протискиваясь мимо него. В комнате находились еще один Говорящий Булыжник и Фридландер-Бей, сидящий у раскладного столика между огромной кроватью и комодом. Мебель была европейской, но довольно старой.

Увидев меня, Папа поднялся. Он был около пяти с лишним футов ростом, но весил почти двести фунтов. Бей предпочитал одеваться просто: беглая хлопчатобумажная рубашка, серые штаны и сандалии. Он не носил колец и каких-либо иных украшений. Несколько оставшихся прядей седеющих волос зачесаны назад; взор блестящих карих глаз казался кротким и ласковым. Глядя на Папу, с трудом верилось, что перед тобой — самый влиятельный человек в городе.

Наконец Папа поднял руку, почти заслонив лицо.

— Мир тебе, — сказал он.

Я прикоснулся к сердцу и губам.

— И с тобой да пребудет мир.

Он не очень-то рад видеть меня. Однако ритуал гостеприимства ненадолго обеспечит мою неприкосновенность и даст время собраться с мыслями. Но о чем я должен думать? Как победить парочку Говорящих Булыжников и выбраться из мотеля?

Папа снова сел.

— Пусть не покинет тебя благополучие, — сказал он, указав на стул напротив.

— Пусть не покинет тебя благополучие и благословение Божие, — ответил я.

Как только представится возможность, я попрошу стакан воды и заглотаю побольше таблеток паксиума. Я опустился на стул.

Он, не отрываясь, смотрел мне прямо в глаза.

— Как твое здоровье? — В голосе Папы не слышалось дружеской теплоты.

— Хвала Аллаху, хорошо, — ответил я. Страх снова начал сжимать сердце.

— Мы давно не видели тебя, — произнес Фридландер-Бей. — Ты заставил нас страдать от одиночества.

— Да оградит тебя Аллах от одиночества и тоски.

Второй Булыжник принес кофе. Папа поднял чашку и отхлебнул из нее, показывая, что питье не отравлено. Потом протянул чашку мне:

— Угощайся. — Но в голосе его не чувствовалось радушия. Я принял кофе:

— Пусть в твоем доме никогда не переведется кофе.

Мы выпили несколько чашек. Папа откинулся на стуле и несколько мгновений молча изучал меня.

— Ты оказал мне честь, — произнес он наконец.

— Да сохранит и оградит тебя Аллах. — На этом закончилась формальная часть, причем она прошла по явно укороченной программе. Теперь надо быть начеку… Но я начал с того, что вытащил коробку с пилюльками, выскреб оттуда все транквилизаторы и проглотил их, запивая кофе. Четырнадцать паксиумов.

Некоторые сочтут это довольно большой дозой; я — нет. Могу назвать многих людей, которые запросто меня перепьют, — например, Ясмин, — но что касается пилюлек, тут я чемпион из чемпионов, и за свой титул держусь крепко.

Четырнадцать десятимиллиграммовых таблеток только чуточку уменьшат напряжение, да и то если повезет. Мне понадобится дополнительное горючее для настоящего старта. Четырнадцати паксиумов хватит только для разогрева.

Фридландер-Бей протянул чашку слуге, который вновь наполнил ее дымящимся напитком. Он немного отхлебнул, не спуская с меня глаз, аккуратно опустил чашку на столик и произнес:

— Ты знаешь, что мне служит множество разных людей.

— Истинная правда, о шейх, — ответствовал я.

— Множество людей, которые видят во мне опору своего существования. Для них я не только «кормящая рука», но гораздо больше. В их суровом мире я гарантирую безопасность и спокойную жизнь. Мои люди знают, что могут рассчитывать на щедрое вознаграждение и иные милости, пока будут добросовестно работать на меня.

— Да, о шейх. — Кожа на лице и руках все больше зудела под

коркой запекшейся крови. Он кивнул:

— Поэтому, когда до меня доходит грустная весть о том, что еще один из моих Друзей призван Аллахом в рай, меня охватывает печаль, словно я потерял часть своей души. Я забочусь о том, чтобы достойно жили все, так или иначе связанные со мной, начиная с доверенных помощников и кончая беднейшим, ничтожнейшим нищим-попрошайкой, который в меру своих слабых сил служит мне.

— О шейх, ты щит, заслоняющий народ от бедствий!

Он отмахнулся, устав от восхвалений, с которыми я постоянно встревал в его речь.

— Люди уходят из жизни по-разному. Одно дело — естественная смерть, о мой племянник. Всех нас ожидает кончина, от могилы не спрятаться, не убежать. Увы, любой кувшин когда-нибудь разбивается. Мы должны научиться со смирением принимать неминуемость смерти; больше того, следует с надеждой ожидать, когда придет и твой черед пребывать в вечной радости и вкушать от райских плодов. Но бывает так, что нить жизни обрывается раньше отмеренного срока. Преждевременная смерть — совсем другое дело: это прямой вызов могуществу Аллаха. В таком случае необходимо восстановить справедливость. Нельзя воскресить к жизни убитого, но можно и нужно отомстить за него, покарав того, кто оборвал священную нить. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да, о шейх. — Как быстро до Папы долетело известие о смерти Сонни.

Наверное, Насир, перед тем как связаться с полицией, позвонил Фридландер-Бею.

— Что ж, тогда я задам тебе такой вопрос: как отплатить за убийство?

Наступило гнетущее молчание. Существовал только один. ответ, и я помедлил, обдумывая, как лучше обосновать свою защиту.

— О шейх, — произнес я наконец, — лишь смерть искупает смерть. Вот единственный способ расплаты. Сказано в Правой Стезе: *«О верующие, предписано вам мщение за убитых».* Оказано также: *«В отмщении — жизнь, и обладающие разумом…».*[11] Но в другом месте нам ниспослано: *«Душу за душу, око за око, нос за нос, ухо за ухо, зуб за зуб, и за увечье членов — отмщение, а если кто подал милостыню за это, то это ему искупление. И те, что не судят согласно тому, что ниспослал Аллах, — свершают злодеяние».*[12] Я невиновен в этом убийстве, о шейх, а неправедная месть преступление худшее, чем само убийство.

— Аллах велик, — прошептал Фридландер-Бей. Он смотрел

на меня с изумлением. — Я слышал, что ты неверующий, сын мой, и это причиняло мне боль. И все же ты демонстрируешь неплохое Знакомство с Благородным Кораном. — Он поднялся со своего места и потер лоб, затем подошел к просторной постели и лег на покрывало. Я хотел повернуться к нему, но огромная коричневая лапа, словно гиря, опустилась на плечо и заставила принять прежнее положение. Теперь я мог созерцать лишь стул, на котором только что сидел Папа, но, когда он заговорил, отчетливо слышал каждое слово. — Мне сказали, что из всех жителей Будайина только ты имел вескую причину для того, чтобы убить этого человека.

Я прокрутил в памяти события прошедших месяцев: честное слово, не могу вспомнить даже когда я в последний раз поздоровался с Сонни! Всегда старался держаться подальше от «Красного фонаря»; никаких дел с обрезками, гетеросеками и фемами, находившимися под опекой одноглазого, я не имел, общих друзей и даже знакомых у нас не было, если не считать Фуада иль-Манхуса, который никак не мог считаться моим приятелем. Кстати, он также не входил в число приятелей Сонни.

Но понятие мести у арабов такое же сложное и многостороннее, как у уроженцев Сицилии. Возможно, Папа знал о столкновении, случившемся многие месяцы или даже годы назад, о котором я успел начисто позабыть.

— У меня нет ни единой причины для убийства, — сказал я дрожащим голосом.

— Мне совсем не нравятся отговорки, о мой племянник. Часто, очень часто приходится задавать людям подобные трудные вопросы, и каждый раз они начинают с увиливаний и отговорок. Такое продолжается, пока один из моих слуг не убеждает их прекратить. Следующая стадия — ответы, которые уже нельзя назвать увиливанием, ибо, увы, они просто лживы. И снова гостей приходится вразумлять, дабы они не тратили понапрасну драгоценное время. — Он говорил негромко, голос казался усталым. Я снова попытался повернуться лицом к Папе, и снова могучая каменная десница сжала плечо; на этот раз было гораздо больнее. Папа продолжал:

— Рано или поздно человек с нашей помощью начинает понимать, что самое разумное — говорить правду, ничего не скрывая. Однако слишком часто я вижу с болью, во что превращаются к тому времени гости. Поэтому мой совет тебе: как можно быстрее и без нашей помощи перейди от увиливаний и лжи — а лучше вообще избежать их к правдивым ответам. От этого выиграем все мы.

Рука по-прежнему давила на плечо. Казалось, кости

постепенно расплющивают под прессом и скоро они превратятся в белую пыль… Я не издал ни звука.

— Ты был должен моему другу некую сумму денег, — произнес Фридландер-Бей.

— Сейчас ты уже ничего ему не должен, ибо он мертв. Я взыщу долг вместо него; и я сделаю то, что дозволено Книгой.

— Я ничего ему не должен! — выкрикнул я. — Ни единого гроша!

Страшная рука принялась расплющивать мое второе плечо.

— У собаки все еще опущен хвост, о повелитель, — пробормотал Говорящий Булыжник.

— Я не лгу, — произнес я, немного задыхаясь. — Если я говорю, что ничего не должен Сонни, значит это правда. Повсюду в городе меня знают, как человека, который никогда не лжет.

— Что ж, я действительно раньше не имел оснований сомневаться в тебе, о мой племянник.

— Может быть, теперь он нашел серьезную причину, чтобы стать лжецом, пробормотал Говорящий Булыжник.

— Сонни? — удивился Фридландер-Бей, возвращаясь к столу. — Никого не волнует судьба Сонни. Он не был ничьим другом, могу тебе в этом поручиться.

Если Сонни тоже мертв, от этого воздух Будайина станет хоть немного чище. Нет, мой племянник, я попросил тебя присоединиться ко мне, чтобы расспросить о смерти моего друга, Абдуллы абу-Зайда.

— Абдулла, — произнес я с трудом. Боль становилась почти невыносимой; перед глазами начали мелькать красные вспышки, голос стал хриплым и еле слышным. — Я не знал даже, что его убили.

Папа снова потер лоб:

— За последнее время многих моих друзей внезапно забрала смерть. Слишком многих, чтобы объяснить их гибель обычными обстоятельствами.

— Да, — сказал я.

— Ты должен доказать, что невиновен в убийстве Абдуллы. Больше ни у кого не было веских причин желать ему несчастья.

— Какая же у меня была причина?

— Долг, как я уже говорил. Да, Абдулла не пользовался всеобщей любовью; вполне допускаю, что многие не выносили или даже ненавидели его. Однако каждый житель квартала знал, что он находится под моей защитой, и причинить ему какой-либо вред — значит причинить вред мне. Его убийца умрет так же, как погибла жертва.

Я попытался поднять руку, но не смог.

— Как он умер?

Папа мрачно посмотрел на меня из-под полуопущенных век.

— Ты расскажешь мне, как он умер.

— Я… — Каменные лапы оставили в покое мои плечи, от чего боль стала еще сильнее. Потом я почувствовал, как стальные пальцы обвились вокруг горла.

— Отвечай быстрее, — мягко произнес Папа, — или очень скоро ты вообще никогда не сможешь ничего сказать.

— Застрелен, — прохрипел я. — Одним выстрелом. Маленькая свинцовая пуля.

Папа махнул рукой, и стальной обруч пальцев вокруг горла разжался.

— Нет, он не был застрелен. Однако два других человека убиты именно таким антикварным оружием. Интересно, что ты об этом знаешь. Одна из убитых находилась под моей защитой. — Он остановился, задумчиво обвел глазами комнату.

Дрожащие от старости сухие морщинистые пальцы вертели пустую чашку.

Боль быстро прошла, хотя плечи будут ныть еще несколько дней.

— Если его не застрелили, — спросил я, — то как же был убит Абдулла?

Его взгляд словно прожег меня.

— Я пока не уверен, что ты невиновен, — протянул он.

— Ты сказал, что только я был заинтересован в смерти Абдуллы, потому что задолжал ему. Этот долг я выплатил полностью несколько дней назад. Мы с ним в расчете.

Глаза Бея расширились:

— Ты можешь это как-то доказать? Я немного привстал, чтобы вытащить расписку, до сих пор лежавшую в кармане джинсов. Каменные лапы моментально опустились на плечи, но Папа махнул, и Булыжник оставил меня в покое.

— Хасан был при этом, — сказал я. — Он все подтвердит. — Я вынул клочок бумаги, развернул его и протянул Папе. Фидландер-Бей взглянул на расписку, потом внимательно изучил ее. Он поднял глаза на Булыжника, стоявшего за моей спиной, слегка наклонил голову. Я повернулся: мой мучитель уже вернулся на пост возле двери.

— О шейх, позволь спросить, — произнес я, — как зовут человека, сказавшего тебе об этом долге? Кто уверил тебя, что я — убийца Абдуллы? Это должен быть кто-то, не знавший о том, что я полностью расплатился с ним.

Старик медленно кивнул, приоткрыл рот, словно собираясь ответить, но затем, очевидно, передумал.

— Не задавай никаких вопросов.

Я судорожно вздохнул. Нельзя забывать: пока не выберусь из этой комнаты, жизнь моя остается в опасности. Паксиум еще не начал действовать. Черт, поганые транквилизаторы не стоили и половины потраченных на них хрустиков!

Фридландер-Бей посмотрел на свои пальцы, снова вертевшие чашку. Он знаком подозвал второго Булыжника, и тот налил ему кофе. Слуга вопросительно взглянул на меня; я кивнул, и он наполнил мою чашку дымящимся напитком.

— Где ты был сегодня, — спросил Папа, — в десять часов вечера?

— В «Кафе Солас», играл в карты.

— Так. Когда игра началась?

— Примерно в полдевятого.

— И ты оставался там до полуночи? Я постарался точно припомнить, как все происходило.

— Где-то в полпервого мы все отправились в «Красный фонарь». Сонни пырнули ножом Примерно в час — полвторого.

— Старик Ибрахим из «Соласа» подтвердит то, что ты сказал?

— Да.

Папа повернулся и кивнул Булыжнику, стоявшему за его спиной. Слуга подошел к телефону; вскоре вернулся к хозяину и что-то прошептал ему на ухо. Папа вздохнул:

— Я очень рад за тебя, мой племянник. Хорошо, что ты можешь доказать, где был. Абдулла умер между десятью и одиннадцатью вечера. Я верю, что ты невиновен в его гибели.

— Хвала Аллаху, Ограждающему от зла, — тихо произнес я.

— Поэтому я скажу тебе, как он умер. Тело обнаружил мой доверенный служитель, Хасан-Шиит. Смерть Абдуллы абу-Зайда была ужасной и унизительной, мой племянник. Я боюсь рассказать, как он погиб, дабы какой-нибудь злой дух не подслушал мои слова, чтобы затем приготовить и мне подобную участь.

Я произнес формулу, отвращающую зло, которую позаимствовал у Ясмин, что явно понравилось старцу.

— Да оградит тебя Аллах, мой дорогой племянник, — произнес он. — Абдулла лежал в переулке за магазином Хасана, весь залитый кровью, с перерезанным горлом. Однако на земле крови было немного, следовательно, его убили в другом месте, а затем перенесли труп туда, где его нашел Хасан. На теле обнаружены ужасные следы, говорящие о том, что его пытали огнем: на груди, руках, ногах, даже на детородных органах, мой племянник! Когда полиция осмотрела труп, Хасан выяснил, что презренный пес, убивший Абдуллу, перед этим поступил с ним,

как поступают с женщиной, осквернив ему рот и запретное место содомитов. Хасан был столь сильно ошеломлен увиденным, что ему пришлось дать успокоительное. — Папа казался глубоко потрясенным, излагая подробности убийства, словно впервые в жизни узнал о подобных невероятных вещах. На самом деле он хорошо представлял себе, что такое смерть. Многих казнили по его приказу; многие погибли из-за того, что работали на него. Несмотря на все это, случай с Абдуллой глубоко задел Папу. Дело тут не в самом факте убийства — преступник попрал элементарные моральные принципы, которые соблюдаются даже самыми ужасными злодеями. Руки Фридландер-Бея дрожали еще сильнее, чем раньше.

— Точно так же убили Тамико, — заметил я. Папа взглянул на меня; несколько мгновений он не мог найти слов.

— Откуда ты узнал об этом? — наконец спросил он.

Я почувствовал, что старца снова охватили сомнения. Действительно, где мог раздобыть такие сведения не замешанный в этом деле человек?

— Тело Тами обнаружил я. Я сообщил тогда об убийстве лейтенанту Оккингу.

Папа кивнул и снова опустил глаза.

— Не могу передать тебе, как сильны во мне ярость и ненависть, как они переполняют сейчас душу. Это тревожит и печалит меня, ибо я старался сдерживать подобные чувства, жить достойно, наслаждаясь богатством, коль скоро Аллах решил наделить им меня, и возносить Ему за это хвалу, не выказывая ни гнева, ни жадности либо зависти. Но, увы, судьба каждый раз вынуждает меня поднимать меч; снова и снова люди пытаются проверить, не ослаб ли я, дабы погубить. Я должен безжалостно пресекать их попытки, иначе потеряю все, что приобрел в результате тяжких трудов. Я желаю лишь мира и спокойствия, а награда за это — ненависть! Я заставлю негодяя испить кубок смерти, опущу карающий меч на голову этого мясника, о мой племянник! Безумец из безумцев, палач, оскверняющий мир, бросающий вызов священной воле Аллаха, умрет! Клянусь бородой Пророка, я исполню долг отмщения!

Я подождал, пока он немного успокоился.

— О шейх, — произнес я, — два человека были убиты свинцовыми пулями; двоих пытали, замучив одним и тем же способом. Скорее всего, будут новые жертвы. Я разыскиваю пропавшую подругу. Она жила у Тамико и послала мне записку, по которой видно, что она очень напугана. Я опасаюсь за ее жизнь.

Папа нахмурился:

— Мне сейчас не до твоих забот, — проворчал он. Фридландер-Бей все еще не мог оправиться от ужасного события. С точки зрения старика, содеянное с Абдуллой в чем-то гораздо страшнее, чем то, что убийца сделал с Тами. — Я был готов поверить, что виновен ты, мой племянник, не докажи ты сейчас свою непричастность; ты умер бы ужасной медленной смертью в этой комнате. Хвала Аллаху, который не дал свершиться подобной несправедливости. Ты казался самым подходящим объектом для моего мщения, но теперь я должен найти настоящего виновника, чтобы обрушить на него свой гнев. Это просто вопрос времени. — Его бескровные губы растянулись в безжалостной улыбке. — Ты сказал, что играл в карты с приятелями в «Кафе Солас». Значит те, кто были тогда с тобой, тоже имеют алиби. Назови их.

Я перечислил имена друзей, довольный, что избавил их от допроса с пристрастием, который пришлось претерпеть мне.

— Выпьешь еще кофе? — устало спросил Фридландер-Бей.

— Да направит нас Аллах, я утолил жажду.

— Пусть дни твои текут в богатстве и изобилии, — сказал Папа. Он тяжело вздохнул. — Иди с миром.

— С твоего позволения, — произнес я, вставая.

— Да проснешься ты утром в добром здравии. Я вспомнил Абдуллу.

— Иншалла. — Говорящий Булыжник уже распахнул дверь; покидая комнату, я почувствовал великое облегчение, словно приговоренный к смерти, с которого в последний момент сняли петлю. Снаружи, под ясным ночным небом, расшитым яркими блестками звезд, стоял сержант Хаджар, прислонившись к патрульной машине. Я удивился: он должен был давным-давно вернуться в город.

— Вижу, ты оказался чистым, — сказал он мне. — Залезай с той стороны.

— Что, сесть впереди?

— Ага. — Мы забрались внутрь. Никогда не сидел рядом с водителем полицейской машины. Если бы только сейчас меня могли видеть друзья…

— Закуришь? — спросил Хаджар, вытащив пачку французских сигарет.

— Нет, эту отраву не употребляю.

Он завел машину, объехал вокруг мотеля и направился к центру города, включив мигалки, распугивая всех местных котов завыванием сирен.

— Купишь немного «солнышек»? — снова спросил легавый. — Я знаю, эту отраву ты точно употребляешь.

Мне очень хотелось пополнить свой запас соннеина, но покупать наркотик у легавого казалось несколько необычным. На торговлю зельем в Будайине смотрели сквозь пальцы, как и на другие безвредные шалости обитателей здешних мест.

Немало легавых следило за исполнением далеко не всех законов; у многих можно было без опаски покупать пилюльки. Я просто не доверял сержанту.

— Почему ты вдруг воспылал ко мне такой симпатией, Хаджар? — спросил я.

Он повернул голову и ухмыльнулся:

— Я не ожидал, что ты выйдешь из мотеля живым, — сказал он. — Но ты выкарабкался, а значит, Папа поставил тебе на лбу печать: «С этим парнем все о'кей». Что хорошо для Папы, хорошо для меня. Дошло?

Да, теперь до меня дошло. Я думал, что Хаджар работает на лейтенанта Оккинга и охрану правопорядка, но сержант был собственностью Фридландер-Бея.

— Ты можешь подбросить меня к заведению Френчи? — спросил я.

— Френчи? А, там работает твоя девочка, правильно?

— Ты всегда в курсе событий.

Он повернул голову и снова ухмыльнулся:

— Шесть киамов за штуку, я говорю о «солнышках».

— Шесть? — отозвался я. — Таких цен не бывает! Я всегда могу достать их за две с половиной.

— Ты что, спятил? Нигде в городе не найдешь дешевле, чем за четыре, а ты такого места не знаешь!

— Ладно, — сказал я. — Даю три киама за каждую.

Хаджар закатил глаза.

— Не трать понапрасну слов, — сказал он презрительно. — С помощью Аллаха я сумею обеспечить себе пропитание и без твоих грошей.

— Какова минимальная цена? Самая минимальная, Хаджар, понимаешь?

— Называй любую, которую сам сочтешь справедливой.

— Три киама, — повторил я.

— Ну хорошо, только для тебя, — очень серьезно произнес Хаджар, — я отдам товар за бесценок: пять с половиной.

— Три с половиной. Не продашь ты, найду кого-нибудь другого.

— Аллах напитает меня. Желаю удачи.

— Что за черт, Хаджар? О'кей, четыре. — Ты, видно, решил, что я хочу их тебе подарить?

— Ничего себе подарок по такой цене! Четыре с половиной.

По рукам?

— Хорошо. Господь меня поддержит. Я ничего не выгадываю, но уж ладно, давай сюда деньги, и покончим с этим. — Вот так торгуются арабы в нашем городе, будь то базар или переднее сиденье патрульной машины.

Я дал ему сотню киамов, он мне — двадцать три «солнышка». Пока мы добирались до бара Френчи, он успел трижды напомнить, что одну пилюльку прибавил бесплатно, как подарок. Когда доехали до Будайина, машина не сбавила ход: пулей пролетев сквозь ворота, она помчалась по Улице. Водитель полагал, что все прохожие должны разбегаться в разные стороны, завидев его. Он оказался прав. Почти… Когда наконец доехали до заведения Френчи, я открыл дверцу, собираясь вылезти.

— Эй, — произнес легавый таким тоном, словно я оскорбил его в лучших чувствах, — ты не хочешь угостить меня стаканчиком?

Уже стоя на тротуаре, я захлопнул дверцу машины и наклонился, глядя на Хаджара через окошко.

— Я просто не могу тебя пригласить, как бы мне ни хотелось. Сам понимаешь, если друзья увидят, что я выпиваю с полицейским… Подумай, что будет с моей репутацией. Бизнес есть бизнес, Хаджар.

Он улыбнулся:

— А дело есть дело. Знаю, знаю, слышал это раз сто. Ладно, еще увидимся. Машина сорвалась с места и, гордо рыча, умчалась.

Я вспомнил про кровь на лице, руках и одежде, только когда устроился возле стойки. Слишком поздно: Ясмин уже меня заметила. Я застонал от досады. Мне срочно требовалось стимулирующее средство, чтобы выдержать предстоящую сцену. К счастью, я раздобыл массу «солнышек»…

Глава 9

Утром меня опять разбудил телефон. На сей раз найти его оказалось гораздо проще: я лишился джинсов, к которым он был пристегнут, а также рубашки. Ясмин решила, что гораздо легче просто выбросить их, чем попытаться отмыть кровавые пятна. Кроме того, заявила она, ей не хочется каждый раз, проводя своими холеными ногтями по моим бедрам, вспоминать о Сонни. Рубашек у меня было много, а вот с джинсами — проблема… В четверг нужно первым делом раздобыть новую пару.

Так, по крайней мере, я планировал начать день, но телефонный звонок внес свои коррективы.

— Да, я слушаю, — откликнулся я.

— Алло! Приветствую тебя! Как здоровье?

— Слава Аллаху, все нормально. Кто говорит?

— Прошу прощения, о проницательный друг мой, я думал, ты узнаешь мой голос. Это Хасан. Я зажмурил глаза, снова открыл их.

— Привет, Хасан. Я слышал о том, что произошло с Абдуллой прошлой ночью, от Фридландер-Бея. Слава Богу, с тобой все в порядке.

— Да благословит тебя Аллах, дорогой мой. Однако я должен передать тебе приглашение от Фридландер-Бея. Он желает, чтобы ты посетил его дом и разделил утреннюю трапезу. Он пришлет за тобой машину с водителем.

Мой любимый способ начинать день…

— Я думал, прошлой ночью сумел убедить его, что не виновен в убийстве.

Хасан рассмеялся:

— О, нет, тебе нечего бояться! Это просто дружеское приглашение, Фридландер-Бей хочет возместить беспокойство, которое ты, возможно, испытал вчера. Кроме того, он, очевидно, попросит оказать ему одну услугу. Ты можешь заработать деньги, Марид, сын мой. Большие деньги.

Мне вовсе не хотелось брать Папины сребренники, но отвергнуть приглашение было невозможно; в его городе такое не делается.

— Когда прибудет машина?

— Очень скоро. Приведи себя в порядок, а когда встретишься с Фридландер-Беем, хорошенько выслушай, что он тебе предложит. Если проявишь мудрость, получишь большую выгоду

— Спасибо, Хасан.

— Не стоит благодарности, — ответил он и прервал разговор

Я откинул голову на подушку и задумался Много лет назад я твердо обещал себе, что никогда не возьму денег из рук Папы, даже в виде законной платы за обычную работу, если в результате войду в число его «друзей и доверенных помощников». В общем, я свободный художник. Но, чтобы сохранить подобный статус, сегодня придется соблюдать предельную осторожность.

Ясмин, конечно, еще спала, и я не стал ее будить: пока не закончится пост.

Френчи будет открывать свое заведение после захода солнца Я отправился в ванную, вымыл лицо, почистил зубы. Для визита следует надеть галабийю: Папа сочтет это за желание угодить ему и останется доволен. Кстати, надо обязательно захватить с собой какой-нибудь небольшой подарок: нынешний визит будет разительно отличаться от предыдущего. Я быстро привел себя в порядок и оделся, вместо кафии натянув вязаную шапочку, которую принято носить у меня на родине.

Запихнув в сумку телефон, несколько банкнот, ключи, осмотрел свои апартаменты и, охваченный предчувствием надвигающейся беды, вышел на улицу. Вообще-то, надо было оставить записку, чтобы Ясмин знала, куда я пошел, но, если мне не суждено вернуться, такая бумажка ей просто не понадобится.

Воздух теплый, как парное молоко; близился вечер, и город нежился, омытый освежающе-ласковым дождиком Я зашел в ближайший магазин и купил корзинку с разными фруктами, потом вернулся к своему подъезду. С наслаждением втянул в себя свежий, чистый запах дождя, стучащего по мостовой. Длинный черный лимузин уже негромко рокотал у дома. Водитель, облаченный в форменную одежду, стоял на крыльце, чтобы не промокнуть. Он прикоснулся к фуражке, приветствуя меня, и открыл заднюю дверцу своей роскошной машины. Я залез внутрь, твердя про себя короткую молитву. Дверца захлопнулась, и мгновенье спустя машина уже мчалась по улицам к великолепному дому Фридландер-Бея.

Возле ворот в высокой, увитой плющом стене стоял охранник в форме. Он пропустил лимузин; мы поехали по посыпанной гравием дорожке, изящно опоясывавшей ухоженный сад. Изобилие ярких тропических цветов — настоящее буйство красок! Позади возвышаются финиковые пальмы и банановые деревья. В целом сад казался как-то естественней, радовал глаз и успокаивал душу гораздо больше, чем деревья и цветы, рассаженные вокруг жилища Сейполта согласно чуждому природе, жесткому плану. Мы двигались медленно; галька под шинами приятно поскрипывала. В этом оазисе, отгороженном от остального мира, все было тихо и безмятежно, словно стены

оберегали Папу не только от нежданных гостей, но и от городского шума и суеты. Сам дом состоял всего из двух этажей, но он высился на участке земли в самом центре города, который стоил целое состояние.

Над зданием возвышалось несколько башен — без сомнения, там находилась охрана; кроме того, Фридландер-Бей имел собственный минарет. Интересно, держит ли Папа еще и своего муэдзина, чтобы поднимал его на молитву…

Водитель остановил машину перед широкими мраморными ступенями парадного входа. Мало того что парень услужливо открыл дверцу лимузина, он еще проводил меня вверх по лестнице! Дабы не утруждать почетного гостя, сам постучал по высокой двери полированного красного дерева. Привратник, или кто-то из прислуги низшего ранга, открыл нам, и водитель торжественно объявил: «Гость нашего господина-». Потом он вернулся к машине, а слуга, поклонившись, пригласил меня войти.

И вот я в доме Фридландер-Бея! Великолепная дверь захлопнулась, и мое распаренное, потное лицо овеял ласковый прохладный воздух. По дому разносился легчайший аромат благовоний.

— Сюда, пожалуйста, — произнес служитель. — Хозяин сейчас погружен в молитву. Вы можете подождать в этих покоях.

Я поблагодарил слугу, который, в свою очередь, с самым искренним видом попросил Аллаха сделать для меня массу приятных вещей. Затем он испарился, оставив меня в одиночестве в небольшой комнате. Я бродил по ней, восхищенно разглядывая драгоценные безделушки, собранные Папой за свою долгую, полную приключений жизнь. Наконец открылась дверь, и один из Говорящих Булыжников знаком подозвал меня. Я увидел Папу, который аккуратно складывал молитвенный коврик, чтобы положить в ящик стола. В его кабинете был сделан михраб, имеющийся в любой мечети, который указывал, где находится Мекка.[13]

Папа повернулся ко мне, и его пухлое, серовато-бледное лицо сразу осветилось подкупающе-искренней улыбкой радости при виде дорогого гостя. Он быстро подошел ко мне и тепло приветствовал; на сей раз ритуал был соблюден полностью. Я предложил хозяину свой скромный дар и увидел, что угодил Папе.

— Плоды сочны, свежи и просто просятся, чтобы их отведали, — произнес он, поставив корзинку на низенький столик. — Я наслажусь ими после захода солнца, мой племянник; благодарю тебя за заботу. А сейчас чувствуй себя как дома. Мы

должны побеседовать, а когда наступит время дозволенной трапезы, прошу оказать мне честь, разделив скромный завтрак. — Он указал на антикварный диван, стоивший целое состояние. Сам Папа раскинулся на таком же бесценном произведении искусства; теперь мы могли созерцать друг друга, разделенные лишь несколькими футами драгоценного ковра, выдержанного в голубых и золотых тонах.

Я терпеливо ждал, когда он начнет разговор.

Папа погладил себя по щеке и стал буравить меня взглядом. Господи, неужели он не насмотрелся на мою физиономию в прошлую ночь?

— Цвет кожи выдает в тебе уроженца Магриба, — произнес он. — Ты родился в Тунисе?

— Нет, о шейх. Я родом из Алжира.

— В жилах одного из твоих родителей наверняка текла берберская кровь.

Слова Папы задели меня. Причины подобной чувствительности уходят корнями в глубь веков, но все это древняя история, сейчас она потеряла всякий смысл. Я решил обойти арабо-берберский вопрос и сказал просто:

— Я мусульманин, о шейх, а отец мой был французом.

— Есть пословица, — сказал Фридландер-Бей, — которая гласит, что, если спросишь мула о родословной, он скажет только, что один из его родителей был лошадью. — Я счел эти слова легким упреком; значение подобных упоминаний станет яснее, если учесть, что осел и собака для араба — в числе самых нечистых животных. Должно быть, Папа заметил, что лишь усилил мое смятение: тихонько рассмеявшись, он помахал рукой. — Прости меня, о племянник! Я просто подумал, что твоя речь выдает уроженца Магриба. Конечно, язык, на котором говорят здесь, в городе, — это смесь египетского, ливанского, магрибского диалектов и фарси.

Сомневаюсь, что сейчас кто-нибудь может говорить на чистом арабском языке, если подобная вещь вообще сохранилась где-либо, кроме Несомненного Писания.[14] Я не хотел обидеть тебя; и к этому извинению должен прибавить еще одно, о мой племянник, за все, что произошло прошлой ночью. Надеюсь, ты в силах понять, почему так получилось.

Я мрачно кивнул, но промолчал.

Фридландер-Бей продолжил:

— Нам придется вернуться к неприятному вопросу, который мы коротко успели обсудить в мотеле. Убийцу надо остановить. Выбора у нас нет. Пока что убиты четверо, из них трое связаны со мной. Я могу рассматривать это только как покушение на меня,

неважно, прямое оно или косвенное.

— Трое? — спросил я. — Абдулла абу-Зайд, разумеется, был одним из твоих людей. Но русский? Или Сестры Черной Вдовы? Ни один сутенер не осмелился бы даже сделать попытку заполучить их в свой гарем. Тамико и Деви больше всего на свете ценили независимость.

Папа брезгливо махнул рукой:

— Я никак не вмешивался в деятельность Сестер, связанную с проституцией.

Хотя многие из моих друзей считают дозволенным для себя извлекать доход из всевозможных видов порока, мои интересы не связаны со столь низменной сферой.

Сестры могли беспрепятственно заниматься постыдным делом, не отдавая никому ни киама из заработанных денег. Нет, для меня они выполняли совсем иные поручения; секретные, опасные, но крайне необходимые. Я застыл от изумления.

— Тами и Деви убивали по твоему приказу?

— Да. Селима будет и впредь исполнять мои решения подобного рода, принимаемые в случае, когда иного выхода нет. Мы хорошо платили Тамико и Деви, я полностью на них полагался и доверял, а они ни разу не подводили. Смерть Сестер причинила мне немалое беспокойство. Непросто найти замену таким знатокам своего дела, особенно если учесть, что у нас сложились прекрасные деловые отношения.

Мне понадобилось какое-то время, чтобы переварить услышанное; в принципе, принять это было нетрудно, хотя информация оказалась довольно неожиданной. На самом деле, время от времени я задавался вопросом, как Сестрам все сходит с рук, хотя они действуют открыто и вызывающе-нагло; то, что сказал Папа, все объясняло. Сестры работали как секретные агенты Фридландер-Бея, и их защищали от неприятностей. Точнее, должны были защищать… И все же две Сестры теперь лежат в морге.

— Если бы Тами и Деви умертвили одинаковым способом, — произнес я, просто размышляя вслух, — было бы проще понять, что произошло. Но Деви застрелили с помощью старинного оружия, а Тами пытали и перерезали горло бритвой.

— То же самое подумал и я, мой племянник, — сказал Папа. — Прошу тебя, продолжай. Может быть, ты прольешь свет на эту тайну.

Я пожал плечами:

— Вообще-то, даже эти факты ни о чем не говорили бы, если бы другие не были убиты таким же способом. Возможно, здесь действуют двое…

— Я найду их, — бесстрастно произнес старец. Он не угрожал, не клялся покарать негодяев — просто констатировал факт.

— Мне сейчас пришло в голову, о шейх, — сказал я, — что преступник, использующий пистолет, может иметь политические мотивы. Я видел, как он застрелил одного русского, служившего мелким функционером в представительстве Украино-Белорусского Царства; Убийца подключил личностный модуль Джеймса Бонда и использовал тот же тип оружия, что и персонаж, на основе которого создавался модуль. Мне кажется, что обычный преступник, убивающий в порыве ярости или, скажем, во время ограбления, нацепил бы другой модик или вообще оставался самим собой. Модуль Бонда может дать определенные знания, умение и навыки профессионального убийцы. Он пригодится лишь хладнокровному исполнителю, чьи действия — часть какой-то большой операции.

Фридландер-Бей нахмурился:

— Ты не убедил меня, о племянник. Между твоим дипломатом и моей Деви нет ни малейшей связи. Идея о политическом убийстве пришла тебе в голову только потому, что русский работал на дипломатической службе. Деви не знала и не хотела знать о том, что происходит за пределами Будайина. Она не служила помехой и не помогала никаким политическим движениям или партиям. Твои доводы относительно Джеймса Бонда заслуживают дальнейшего изучения, но сама идея неосновательна.

— О шейх, может быть, у тебя есть какие-то предположения?

— Пока нет, — ответил он, — но я только приступил к сбору сведений. Вот почему мне хотелось обсудить с тобой сложившуюся ситуацию. Ты не должен думать, что мной движет лишь жажда мести. Конечно, я хочу отплатить убийце, но это беспокоит меня неизмеримо меньше, чем личная безопасность. Говоря попросту, я должен защитить свои интересы. Должен продемонстрировать друзьям и доверенным помощникам, что не допущу, чтобы им в дальнейшем грозила гибель. В противном случае, я потеряю поддержку людей, на которых зиждется вся моя власть и могущество. Если рассматривать убийства вне связи с тем, что я сейчас сказал, в них нет ничего невероятного. Да, страшные, отвратительные деяния, однако подобные вещи происходят в любом большом городе каждый день. Но взятые вместе, они представляют вызов и угрожают моему существованию. Ты понимаешь меня, о племянник?

Что ж, он изложил все предельно ясно.

— Да, о шейх, — ответил я; мне хотелось услышать

обещанные Хасаном предложения.

Фридландер-Бей помолчал, внимательно рассматривая меня.

— Ты очень не похож на большинство моих друзей в Будайине, — сказал он наконец. — Почти все в нашем квартале хоть как-то модифицировали тело и мозг.

— Что ж, если им это по карману, — ответил я, — пусть делают со своей плотью, что пожелают. Что касается меня, о шейх, то я довольствуюсь тем, что даровал мне Аллах. Я обращался к хирургам лишь тогда, когда возникала прямая угроза здоровью. Ведь эта плоть — создание Господа Всех Миров.

Папа кивнул:

— А мозг?

— Иногда я соображаю не так быстро, как хотелось бы, но в целом он исправно служит мне. Никогда не испытывал желания вставить в голову розетку, если ты это имеешь в виду, шейх.

— Однако ты принимаешь в больших количествах наркотические вещества.

Прошлой ночью тебя не удержало даже мое присутствие. — На это мне нечего было ответить. — Ты гордый человек, о мой племянник. В досье, которое на тебя составили, особо выделена эта черта характера. Тебе нравится состязаться в силе воли, разума, физической выносливости с людьми, получившими преимущества благодаря различным приставкам и личностным модулям. Опасное занятие, но, как видно, тебя ни разу не задели противники.

Его слова воскресили в памяти несколько очень неприятных воспоминаний.

— Увы, задевали, и не раз, о шейх. Он засмеялся:

— Но даже это не заставило тебя подвергнуться модификации. Твоя гордость проявляется в стремлении — как говорят франки-христиане, правда по другому поводу, — *«жить в этом мире, но не принадлежать к нему».* [15]

— Ну да, «равнодушно взирать на его богатства и оставаться чистым от зла его». Ну прямо мой портрет! — Папа оценил иронию, сквозящую в моих словах.

— Я хочу, чтобы ты помог мне, Марид Одран, — произнес он.

Вот так, предельно четко и недвусмысленно: или «да», или «нет».

Папа поставил меня в крайне неприятное положение. Я мог сказать: «Конечно, сделаю все, что в моих силах» — и предать себя, потому что торжественно поклялся не поступать так ни при каких обстоятельствах. С другой стороны, если я откажусь, то оскорблю самого могущественного человека в моем мире. Я глубоко вздохнул, тщательно обдумывая ответ.

— О шейх, — сказал я наконец, — заботы, одолевающие тебя, это и наши заботы; их разделяют все жители Будайина, да и остального города тоже. И, конечно, каждый, кому дороги его собственное спокойствие и безопасность, с готовностью поможет тебе. Я сделаю все, что в моих силах, но боюсь, что не принесу большой пользы.

Фридландер-Бей провел ладонью по щеке и улыбнулся.

— Я понимаю: ты не испытываешь желания стать одним из моих «помощников».

Пусть будет так. Даю тебе слово, о мой племянник, что, если ты согласишься помочь мне в этом деле, на тебя не ляжет печать «человека Папы». Ты почитаешь за счастье свободу и независимость, и, поверь мне, я не отниму самое дорогое у человека, оказавшего мне великую услугу.

Не содержится ли здесь намек на то, что он может отнять «самое дорогое» у того, кто откажется оказать ему эту великую услугу? Папе ничего не стоит навсегда лишить меня свободы, попросту закопав глубоко на кладбище, под нежной зеленой травкой.

Барака. Это слово с трудом поддается переводу. В зависимости от контекста, оно означает магию, особую притягательную силу, харизму, или уникальный дар, ниспосланный Аллахом. Подобным качеством могут быть наделены определенные места; люди приходят к гробницам святых, стремятся коснуться холодного камня, надеясь, что немного «бараки» перейдет к ним. Баракой обладают люди: среди дервишей в особенности развита вера в то, что некоторых счастливчиков Аллах выделил как своих любимых сынов, и, следовательно, их надо всячески почитать. У Фридландер-Бея имелось больше бараки, чем у всех священных гробниц в Магрибе вместе взятых. Не знаю, стал ли он повелителем нашего квартала из-за этой бараки, или приобрел ее по мере роста богатства, влияния и власти. Как бы то ни было, очень трудно отвергать его «просьбы».

— Как я смогу помочь? — Я почувствовал себя опустошенным, вывернутым наизнанку, словно только что капитулировал после долгих лет ожесточенной борьбы.

— Я желаю, чтобы ты стал орудием моей мести, о племянник, — произнес Папа.

Я отпрянул, потрясенный до глубины души. Уж мне-то хорошо известно, какая это непосильная задача для моих слабых сил. Я уже пытался объяснить Папе, что не справлюсь, но он просто отбросил мои возражения, решив, что я прибедняюсь.

Во рту сразу пересохло.

— Я уже сказал, что помогу, но ты просишь слишком многого. На твоей службе состоят гораздо более компетентные люди.

— У меня есть крепкие бойцы, сильнее и выносливее, чем ты, — ответил Фридландер-Бей. — Слуги, с которыми ты встретился прошлой ночью, намного превосходят тебя в физическом отношении, но у них нет таких интеллектуальных способностей. Мой доверенный помощник Хасан-Шиит обладает проницательным умом, но его нельзя назвать мужественным, способным на решительные действия. О мой возлюбленный племянник, я перебрал своих друзей, подумал о достоинствах каждого, и вот мое решение: из всех, кого я знаю, только ты обладаешь всеми качествами, необходимыми для успеха нашего дела. Очень важно также то, что я доверяю тебе; увы, как ни печально, я не могу сказать этого о многих моих друзьях. Ты пользуешься полным доверием, ибо не стремишься возвыситься, как остальные. Ты не пытаешься использовать нашу дружбу для собственных целей; ты не вероломный льстец — видит Аллах, я устал от подобных червей! Для важной работы, которую нам надо выполнить, необходим человек, в котором я бы не сомневался: вот одна из причин, почему наша встреча вчера была для тебя такой тяжелой. Ты прошел испытание на стойкость и доказал, что достоин доверия. Когда ты покидал меня, я знал, что нашел нужного человека.

— Ты оказал мне честь, о шейх, но, боюсь, я не разделяю твою уверенность в успехе. Он воздел правую руку, сильно дрожащую.

— Я не закончил, о племянник. Есть еще причины, почему ты должен исполнить мою просьбу, и эти причины сулят большие выгоды тебе, а не мне. Прошлой ночью ты попытался рассказать о своей подруге Никки; я прервал твою речь. Я должен снова попросить у тебя прощения. Ты совершенно прав, беспокоясь о ее безопасности. Я уверен, что исчезновение девушки — дело рук одного из убийц; возможно, она тоже умерщвлена. Дай Бог, чтобы тревога оказалась напрасной: кто знает? Однако если есть надежда найти ее живой и невредимой, эта надежда зиждется лишь на тебе одном. Ты и я — вместе, опираясь на все мое могущество и богатство, — найдем убийц. Мы подыщем наказание, которое они заслужили, как указано в Правой Стезе. Если возможно, спасем Никки; кто знает, сколько жизней еще мы можем спасти? Разве то, что я сейчас сказал, — недостойные причины?

Неужели ты все еще колеблешься?

Слышать такое, конечно, очень приятно, но лучше бы Папа

расточал сейчас комплименты кому-нибудь другому. Сайед, например, отлично подойдет, особенно с этим его суперменским модиком. Но, как бы то ни было, у меня не оставалось выбора.

— Я сделаю все, что в моих силах, о шейх, — промолвил я нерешительно, — но все-таки не уверен, что оправдаю твои надежды.

— Что ж, это хорошо, — ответил Фридландер-Бей. — Неуверенность поможет тебе оставаться в живых подольше.

Зря он произнес последнюю фразу: получалось так, что шансов вообще выжить у меня практически никаких, но постоянные сомнения дадут возможность немножко продлить процесс умирания.

— Будет так, как пожелает Создатель Миров, — заключил я мрачно.

— Да благословит тебя Аллах, сынок. Теперь мы должны договориться об оплате. Новая неожиданность.

— Я не думал о плате, о шейх. Папа словно не услышал меня.

— Человек должен питаться, — сказал он коротко. — Тебе будут выдавать сто киамов в день до тех пор, пока мы не покончим с этим делом. — «Покончим»… Да, слово выбрано как нельзя более точно: либо мы покончим с двумя погаными псами, либо они покончат со мной.

— Я не просил столь высокой платы, — сказал я. Сотня в день… Что ж, как только что изящно выразился Папа, человек должен питаться. Только интересно, чем я, по мнению Папы, привык питаться…

Он снова проигнорировал мои слова, сделал знак Говорящему Булыжнику. Слуга приблизился и вложил в руку Фридландер-Бея конверт.

— Здесь семьсот киамов, — сказал мне Папа. — Плата за первую неделю. — Он передал конверт Булыжнику; тот подошел ко мне.

Если я сейчас возьму конверт, это послужит знаком полного подчинения воле Фридландер-Бея. Нельзя передумать, нельзя повернуться и уйти, нельзя отказаться: мои обязательства будут существовать, пока существуют поганцы, убившие Тами, Деви и Абдуллу, или пока существую я.

Я взглянул на белоснежный конверт, зажатый в огромной руке. У Булыжника даже кожа была как цвет камня, желтовато-серый. Я нерешительно протянул руку, отдернул ее; затем, собравшись с духом, принял конверт.

— Премного благодарен, — сказал я. Папа, казалось, был доволен.

— Надеюсь, они подарят тебе радость, — сказал он. Да уж,

пусть по крайней мере помогут расслабиться: ведь потом придется в поте лица отрабатывать каждый грошик.

— О шейх, что мне следует предпринять? — спросил я.

— Сначала, мой племянник, ты должен пойти к лейтенанту Оккингу и поступить так, как он скажет. Я сообщу ему, что мы собираемся сотрудничать с полицейским ведомством и окажем полное содействие в расследовании этого дела. Есть вещи, которые мой доверенный помощник сможет сделать гораздо эффективнее, чем полиция; не сомневаюсь, что лейтенант согласится. Я считаю, что временный союз наших организаций послужит интересам всех общин Будайина. Оккинг передаст тебе всю имеющуюся у него информацию об убийствах, возможно, примерное описание того, кто перерезал горло Тамико и Абдуллы абу-Зайда, и другие сведения, которые до сих пор считал конфиденциальными. В свою очередь, ты заверишь его, что будешь немедленно сообщать полиции все, что нам удастся обнаружить.

— Лейтенант Оккинг — хороший человек и отличный профессионал, — заметил я, — но он проявляет готовность к сотрудничеству только когда сам захочет, а это происходит, если ему это выгодно.

Папа коротко улыбнулся:

— Теперь он будет с тобой сотрудничать, я позабочусь об этом. Очень скоро Оккинг выяснит, Что подобный союз ему выгоден. — Раз Папа обещал, значит, так и будет: он единственный, кого может послушаться Оккинг.

— А потом, о шейх?

Он наклонил голову и снова улыбнулся. Сам не знаю почему, меня внезапно охватил озноб, словно ледяной порыв ветра прорвался из внешнего мира в неприступную крепость Фридландер-Бея.

— Ты можешь представить себе момент или какие-то особые обстоятельства, по которым решишься подвергнуться модификации, от чего так упорно отказывался до сих пор? Холод пробрал меня до костей.

— Нет, о шейх, — произнес я, — не представляю себе ни такого момента, ни таких обстоятельств; но это вовсе не значит, что это никогда не произойдет. Кто знает, может быть, когда-нибудь в будущем я почувствую потребность модифицировать себя…

Он кивнул:

— Завтра пятница, и я не могу заниматься делами.[16] Тебе тоже нужно время, чтобы хорошенько обдумать свои планы. Что ж, тогда понедельник. Да, понедельник подойдет.

— Подойдет? Для чего?

— Для встречи с моими личными хирургами, — коротко ответил он.

— Нет, — прошептал я в ужасе.

Неожиданно Фридландер-Бей преобразился. Он больше не был добрым дядюшкой.

Рядом со мной сидел повелитель, чьи приказы выполняются беспрекословно.

— Ты принял мои деньги, племянник, — сказал он резко, — и сделаешь так, как я скажу. Ты не сумеешь одолеть наших врагов, если не модифицируешь мозг. Мы знаем, что по крайней мере один из убийц может пользоваться электронными устройствами, стимулирующими работу рассудка. Ты должен иметь такую же возможность и даже приобрести способность пользоваться ею в гораздо большей степени, чем остальные. Мои хирурги дадут тебе серьезные преимущества перед убийцами.

На плечи, словно две гири, опустились каменные десницы, удерживая меня на стуле. Вот теперь действительно обратной дороги нет.

— Какие преимущества? — спросил я, ожидая услышать новые кошмары. Все тело покрылось противным липким холодным потом. Я запаниковал. Я не хотел вставлять в мозг розетку больше из животного, бессмысленного страха перед этой процедурой, чем в силу каких-то принципов. Сама мысль вызывала такой парализующий ужас, что мое состояние граничило с настоящей фобией.

— Хирурги все тебе объяснят, — сказал Папа.

— О шейх, — произнес я срывающимся голосом, — я не хочу…

— События повернулись так, что придется поступить вопреки твоим желаниям, — ответил он. — В понедельник ты изменишь мнение; ты будешь думать по-другому.

Да, я буду думать по-другому, но не потому, что изменится мое мнение об операции. Просто Фридландер-Бей и его хирурги изменят мой мозг.

Глава 10

— Лейтенанта Оккинга нет, — сообщил полицейский в форме. — Может быть, я смогу вам помочь?

— Скоро он вернется? — спросил я. Часы над рабочим столом, фараона показывали десять без нескольких минут. Интересно, до какого времени Оккинг собирается работать сегодня ночью? Мне очень не хотелось иметь дело с сержантом Хаджаром; как бы он ни был связан с Папой, я все равно ему не доверял.

— Лейтенант сказал, что сейчас вернется. Он спустился за какой-то надобностью на первый этаж.

Хорошие новости…

— Можно подождать в его кабинете? Мы с Оккингом старые приятели.

Фараон недоверчиво оглядел меня:

— Разрешите взглянуть на ваше удостоверение личности? — Я протянул свой алжирский паспорт: он, правда, просрочен, но больше никаких документов с фотографией у меня не имелось. Фараон ввел данные в компьютер, и почти сразу же на дисплее появилась история моей богатой приключениями жизни. Очевидно, полицейский все-таки решил, что перед ним добропорядочный гражданин: он вернул мне паспорт, несколько мгновений с любопытством разглядывал мою физиономию и наконец произнес:

— Вы с Оккингом побывали в разных переделках.

— Да, это долгая история, — ответил я скромно.

— Он будет минут через десять. Можете подождать в кабинете.

Я поблагодарил и вошел в кабинет, в котором действительно частенько бывал.

Мы с Оккингом выглядим довольно странно в качестве напарников, учитывая, что работаем по разные стороны закона… Я устроился рядом с рабочим столом лейтенанта и стал ждать. Скоро мне надоело сидеть без дела, и я принялся разглядывать бумаги, лежащие на столе, пытаясь прочитать надписи вверх ногами.

Ящик с исходящими бумагами был заполнен наполовину, но входящих документов и дел было несравненно больше. Оккинг сполна отрабатывал свое ничтожное жалованье. Я заметил большой конверт, адресованный торговцу ручным оружием из Федерации Ново-Английских Штатов Америки; послание к какому-то доктору в нашем городе, подписанное от руки;

элегантный конверт, адресованный фирме «Юниверсал Экспорте», офис которой расположен в районе порта, — может, это одна из компаний, с которой имеет дело Хасан, или она принадлежит Сейполту, — и толстенный пакет, который будет отправлен производителю канцелярских принадлежностей в протекторате Брабант.

Я успел уже рассмотреть практически каждую пылинку в кабинете Оккинга, когда, час спустя, появился хозяин.

— Надеюсь, я не заставил тебя долго ждать, — произнес он небрежно. Какого черта ты здесь делаешь, Одран?

— Рад вас видеть, господин лейтенант. Я только что имел встречу с Фридландер-Беем. Он сразу насторожился.

— Вот так, значит… Теперь ты мальчик-посыльный трущобного халифа, страдающего манией величия… Намекни, пожалуйста, как это считать — падением или, наоборот, возвышением для тебя, а, Одран? Как я понимаю, старый заклинатель змей хотел передать с тобой некое послание? Я кивнул:

— Да, насчет этих убийств. Оккинг уселся за стол и, широко распахнув глаза, изобразил невинного младенца.

— Каких убийств, Марид?

— У двоих дырки от пистолетных пуль, у второй парочки перерезано горло.

Неужели забыл? Или снова все силы уходят на героическую борьбу с уличными шлюхами?

Он злобно посмотрел на меня и поскреб свой квадратный подбородок, который давно бы следовало побрить.

— Нет, не забыл, — резко осадил он меня. — А почему все это вдруг стало волновать Бея?

— Трое из четырех выполняли кое-какую грязную работу для него, когда еще могли ходить без помощи некроманта. Он просто хочет быть уверенным, что больше никто из его… помощников не пострадает. Знаешь, в таких случаях Папа проникается неподдельной заботой о нуждах населения. По-моему, ты всегда недооценивал это его качество.

Оккинг фыркнул:

— Да, тут ты прав. Я всегда подозревал, что страшенные бабы работали на него. Они выглядели так, словно тайком проносили через таможню арбузы под свитером.

— Папа считает, что преступления направлены против него.

Оккинг пожал плечами:

— Что ж, если он прав, значит, убийцы подобрались никудышные. До сих пор даже не задели нашего Папу.

— Он думает иначе. Женщины, работающие на Бея, — его

глаза, а мужчины пальцы. Он сам так выразился, в своей обычной теплой, искрящейся любовью и добротой манере.

— Ну а Абдулла тогда кто? Дырка в его заднице?

Я знал, что мы с Оккингом можем перебрасываться подобными репликами всю ночь напролет. И коротко пересказал суть довольно необычного предложения Папы Как я и ожидал, Оккинг разделял мой пессимизм.

— Знаешь, Одран, — сказал он сухо, — органы охраны правопорядка очень заботятся о своей репутации. Нас и так постоянно пинают газеты и телевидение; не хватало еще взобраться на самое видное место, чтобы публично полизать задницу такого типа, как Фридландер-Бей, раз уж ни одна живая душа не верит, что мы способны разобраться с убийствами без его мудрого руководства!

Я примирительно помахал руками, чтобы немного разрядить атмосферу.

— Нет, нет. Все не так, как ты думаешь, Оккинг; ты неправильно понял мои слова и неправильно понял побуждения Папы. Никто не хочет сказать, что ты неспособен поймать убийц без посторонней помощи. Эти парни не намного хитрее и сообразительнее, или опаснее, чем обычные поганцы, которых ты тащишь за шиворот в тюрьму каждый день. Фридландер-Бей просто считает, что, поскольку данное дело впрямую затрагивает его интересы, сотрудничество сэкономит массу времени и сил и, кстати, поможет сохранить немало жизней. Разве наши усилия не окупятся, если благодаря им хотя бы один полицейский не наткнется на пулю?

— Или если какой-нибудь шлюхе Папы не вставят нож, вместо более привычного ей инструмента? Ага. Ладно, слушай: мне уже позвонил Папа, когда ты, наверное, только направлялся сюда. Мы с ним прошли через все стадии переговоров, и я дал согласие сотрудничать, но до определенной степени. До определенной степени, Марид. Я не потерплю ни от него, ни от тебя попыток диктовать мне, как вести расследование, вообще — любого вмешательства. Ясно?

Я кивнул. Мне были хорошо знакомы оба деятеля. Лейтенант мог возражать сколько угодно:

Папа в любом случае добьется своего.

— Вижу, мы поняли друг друга, — продолжил Оккинг. — Вообще, все это выглядит как-то неестественно: крысы и мыши спешат в церковь помолиться о скорейшем выздоровлении кота. Когда мы заполучим двух психопатов, учти: медовый месяц пройдет. Да, милый, продолжится старая игра в полицейских и воров…

Я пожал плечами:

— Бизнес есть бизнес.

— Как мне надоела эта идиотская поговорка! Ладно, теперь убирайся отсюда!

Я послушно убрался из кабинета, спустился на лифте и покинул негостеприимный казенный дом. Стоял приятный прохладный вечер; огромный шар луны то прятался за сверкающими металлическим блеском облаками, то представал во всей своей красе. Я шагал по улице, погруженный в мрачные мысли. Через три дня в мой мозг вставят розетку. До сих пор я старался отвлечь себя разными делами, но теперь будет масса времени поразмыслить над своей судьбой. Я не чувствовал возбуждения перед грядущей операцией — только голый животный ужас.

Ровно через трое суток Марид Одран перестанет существовать, и с операционного стола встанет другой человек, считающий себя Одраном, причем я сам никогда не смогу определить, что именно изменилось: сознание этого будет вечно мучить меня, не давать покоя, словно кусочек еды, застрявший между зубов. Все вокруг заметят разницу, но только не я, потому что нельзя посмотреть на себя со стороны.

Я отправился прямиком в клуб Френчи. Ясмин уже трудилась в поте лица, обрабатывая молодого тощего клиента, одетого в живописные просторные белые штаны с завязками вокруг щиколоток и желтовато-серую спортивную куртку. Наряд выглядел намного старше своего владельца и тянул лет на пятьдесят, не меньше.

Все это парень, наверное, приобрел за полтора киама в пыльном углу какого-нибудь магазина подержанных вещей; от его одежды несло нафталином и затхлостью.

Так пахнет платье вашей прабабушки, висящее в шкафу с незапамятных времен.

На сцене работал обрезок по имени Бланка;

Френчи взял себе за правило не принимать на работу гетеросеков. Фемы о'кей, послеоперационные гетеросеки — никаких проблем, но люди, как бы застрявшие между мужским и женским полом, возбуждали в нем инстинктивное подозрение, что они точно так же заморозят какое-нибудь важное дело, и он не хотел отвечать за последствия. Заходя к Френчи, можно всегда быть твердо уверенным, что не напорешься на кого-нибудь, чья штука окажется больше твоей, за исключением других клиентов и самого Френчи, конечно. Ну, а если обнаружишь эту ужасную истину — что ж, кроме себя, винить будет некого…

Бланка танцевала так, словно мысленно перенеслась куда-то

очень далеко; ее бренное тело двигалось с грацией неотлаженного автомата. Подобная манера распространена среди девочек, промышлявших в барах на Улице. Они нехотя дергались, едва попадая в такт музыки, измученные опостылевшей работой, думая лишь об одном — поскорее убраться от жары и слепящего света прожекторов.

Танцовщицы разглядывали свое отражение в мутных стеклах, установленных за сценой, либо упирались взглядом в зеркала на противоположной стене бара, за спинами посетителей; обычно они смотрели поверх голов зрителей, выбрав какую-нибудь точку, от которой во время всего выступления не отрывали глаз. Бланка старалась выглядеть «клевой телкой» (выражения вроде «обворожительная» или «сексапильная» в ее словарном запасе отсутствуют), но результат получался несколько иной: казалось, девочке только вкатили в челюсть заморозку, и она никак не может решить, приятно это или не. очень… Танцуя, Бланка продавала себя, как коммивояжер — одежду или обувь, то есть изображала нечто, совершенно отличное от обычного «рабочего» образа, который она сразу принимала, сходя со сцены. Ее движения — устало-неуклюжие, бездарные попытки имитации сексуальных поз — должны были, по идее, возбуждать мужчин, но производили нулевой эффект на всех, кроме основательно набравшихся посетителей и клиентов, уже положивших глаз на данную танцовщицу. Я видел Бланку на сцене сто раз. Удручающее впечатление: одна и та же музыка, притоптывания, жесты… Можно заранее предсказать каждое движение, даже неуклюжие «всплески страсти» — каждый раз в одном и том же месте песни.

Наконец Бланка отработала свое; раздались жиденькие аплодисменты, причем в основном старался клиент, который регулярно покупал ей выпивку и воображал, что нашел девушку, о которой мечтал (в плане удовлетворения сексуальных потребностей). На самом деле, в заведении Френчи, как и в остальных клубах, расположенных на Улице, требуется гораздо больше времени и усилий, чтобы завязать знакомство с длительными последствиями. Это может показаться невероятным, потому что девочки, как стайка саранчи, налетали на любого, решившего заглянуть в клуб. Диалог (и само знакомство) был обычно очень коротким:

— Привет, милый, как тебя зовут?

— Хуан-Ксавьер.

— Ой, как красиво! Ты откуда?

— Новый Техас.

— Ой, как интересно! Давно в нашем городе?

— Пару дней.

— Хочешь меня угостить?

Разговор закончен: знакомство состоялось. Даже суперагент экстра-класса не смог бы вытянуть столько информации за такой рекордно короткий отрезок времени.

Все это было пронизано подспудным ощущением безысходной тоски, словно девочки отчаялись когда-нибудь распрощаться с постылой работой, хотя внешне здесь царила обманчивая атмосфера абсолютной свободы и полной независимости. «Если придет в голову послать нас к черту, дорогуша, просто закрой за собой дверь и больше не возвращайся!» Но, покинув ночной клуб, девочка могла выбирать два пути: либо открыть дверь другого заведения подобного рода, либо спуститься еще на одну ступеньку лестницы, ведущей на Дно Жизни («Эй, миленький, скучно? Нужна компания? Ищешь чего-нибудь особенное?» Понимаете, что я имею в виду). Годы идут и цены становятся все ниже и ниже, доходы все меньше; вскоре начинаешь продавать себя за стакан белого вина, как одна моя знакомая, Мирабель.

Вслед за Бланкой на сцене появилась настоящая фема по имени Индихар.

Кстати, вполне возможно, это ее настоящее имя. Она пользовалась теми же нехитрыми приемами, что и Бланка: плавно покачивала бедрами и плечами, при этом практически не двигаясь по сцене. Танцуя, Индихар, сама этого не сознавая, шевелила губами, повторяя слова песни. В свое время я интересовался у девочек насчет этого; все они во время выступлений шевелили губами, и тоже бессознательно. Они тогда очень смутились и обещали следить за собой, но, когда снова поднялись на сцену, все повторилось. Наверное, так быстрее летело время, да и веселее все-таки, чем просто разглядывать посетителей. Танцовщицы извивались, бессмысленно двигали руками, их губы немо шевелились; повинуясь многолетней привычке, почти превратившейся в рефлекс, подсказывавшей, когда надо соблазнительно повилять задом, начинали энергично работать бедрами. Может быть, для новичка зрелище казалось сексуальным и возбуждающим, а качество исполнения вполне окупало расходы посетителей на выпивку — мне трудно об этом судить; я получал свою порцию бесплатно, во-первых, потому что здесь работала Ясмин, а во-вторых, Френчи нравилось со мной болтать. Но если бы пришлось платить, я нашел бы какой-нибудь более интересный способ провести время. Любое занятие интереснее этого, даже сидеть одному в абсолютной темноте в комнате со звуконепроницаемыми стенами.

Я подождал конца выступления Индихар; наконец из гримерной показалась Ясмин. Она подарила мне широкую улыбку, сразу заставив почувствовать себя особенным, не похожим на других. Раздались не очень энергичные аплодисменты: старались три-четыре человека у стойки. Моя девочка сегодня снова сумела заработать популярность, а стало быть, и деньги. Индихар закуталась в прозрачную накидку и отправилась добывать «чаевые». Я подбросил ей киам и получил легкий поцелуй в благодарность. Индихар — хорошая девчонка. Она всегда играет по правилам и никому не делает пакостей. Бланка — паскуда, а вот с Индихар можно просто дружить.

У самого края стойки я увидел Френчи. Он поманил меня к себе. Хозяин был массивным мужчиной — в его шкуру свободно влезла бы парочка отборных марсельских громил, — с потрясающей пышной черной бородой, по сравнению с которой моя выглядела как подростковый пушок. Френчи обжег меня взглядом, блеснув своими страстными черными глазами.

— Ну, что еще случилось, шеф?

— Нынешней ночью все тихо, — ответил я.

— Твоя девочка сегодня неплохо справляется…

— Приятно слышать, потому что недавно я потерял последний грошик; наверное, выпал из дырки в кармане.

Френчи нахмурился, окинул взглядом мою галабийю.

— Что-то не вижу карманов.

— Несчастье произошло пару дней назад. С тех пор нас питает только любовь.

— Ясмин прицепила какой-то невероятный модик, и ее танец был прямо-таки потрясающим зрелищем. Посетители забыли обо всем: о недопитых стаканах, о лапках девочек, лезущих в ширинки брюк, — и разинув рты уставились на Ясмин.

Френчи рассмеялся: он знал, что я никогда не оставался совсем без гроша, хотя постоянно твердил об этом.

— Да, бизнес идет паршиво, — пожаловался он в свою очередь, сплевывая в маленький пластиковый стаканчик. Он всегда так говорил. Никто не хвастается приличными заработками на нашей Улице: плохая примета.

— Слушай-ка, — сказал я, — мне нужно поговорить о важном деле с Ясмин, как только она кончит кривляться.

Френчи покачал головой:

— Твоя девочка обрабатывает вон того слюнявчика в феске. Подожди, пока она выдоит его досуха, а потом можешь беседовать сколько душе угодно. Если потерпишь до ухода клиента, я заменю ее кем-нибудь в очередном танце.

— Хвала Аллаху, — сказал я. — Что-нибудь выпьешь со

мной? Он улыбнулся:

— Возьми две порции, шеф. И сделай вид, что одна — для меня, другая — для тебя. Выпей их сам. Я уже давно не переношу это пойло. — Он похлопал себя по объемистому брюху, скорчил гримасу, потом встал и прошелся вдоль стойки, приветствуя завсегдатаев, нашептывая что-то на ушко девочкам. Я заказал две порции спиртного круглолицей, болтливой помощнице Френчи, Далии. Я знал ее уже много лет. Далия, Френчи и Чирига по праву считались кем-то вроде пионеров-первопроходцев: они обосновались здесь в Незапамятные времена, когда по Улице просто Гоняли овец из одного конца Будайина в другой, наш квартал еще не отгородили от остального города стеной и не облагодетельствовали собственным кладбищем.

Когда Ясмин кончила очаровывать посетителей, раздались аплодисменты.

Коробка для чаевых моментально наполнилась; покончив с этим, она поспешила к своей ослабевшей от страсти жертве, пока его не перехватила другая шлюха.

Пролетая мимо, Ясмин любовно ущипнула меня за зад.

Целых полчаса я вынужден был покорно смотреть, как она льстиво смеется, болтает и обжимает косоглазого ублюдка, сына желтомордой собаки… Наконец его бумажник постигла скоропостижная смерть от истощения; охотница и жертва казались одинаково грустными, обнаружив это. Романтическая любовь испарилась так же быстро, как и вспыхнула. Они очень трогательно попрощались, поклялись никогда не забывать сегодняшний вечер, который вечно будет сиять путеводной звездой в их памяти… Каждый раз, когда одна из этих вонючих жаб жмется к Ясмин, — да и к другим девочкам тоже, — перед глазами встают картинки из моего детства: десятки безликих мужчин, тянущих лапы к матери… Господи, с тех пор прошло черт знает сколько лет, но память почему-то безошибочно подсовывает это, и именно тогда, когда ее не просят! Я наблюдал за тем, что проделывала Ясмин, твердил себе, что это просто работа; но все равно возникало дурацкое чувство гадливости и обиды, словно меня предали. В такие моменты хочется схватить стул и начать крушить все вокруг.

Она пристроилась рядом со мной, вся взмыленная, словно пробежала не меньше километра, и выдохнула:

— Я боялась, что проклятый сын шлюхи никогда не уйдет!

— Все дело в твоем неотразимом обаянии, — сказал я кислым тоном, — в разных возбуждающих воображение словах. И еще в паршивом пиве Френчи.

— Ага, — неуверенно подтвердила Ясмин, озадаченная моим

раздраженным тоном. — Это точно.

— Мне с тобой надо поговорить.

Ясмин порывисто вздохнула и с тревогой посмотрела на меня. Потом быстро вытерла лицо чистым платком. Наверное, мои слова прозвучали слишком мрачно. Я рассказал обо всем, что случилось за прошедший вечер: о второй встрече с Папой, о решениях, к которым мы в итоге пришли (точнее, он пришел); о том, как мне не удалось произвести должное впечатление на Оккинга. Когда я закончил рассказ, вокруг царило ошеломленное молчание.

— И ты это сделаешь? — наконец спросил Френчи. Я не заметил, когда он успел вернуться и подслушать наш разговор. Что ж, заведение принадлежало ему, а кто знает все укромные местечки в доме лучше хозяина?

— Ты все-таки вставишь себе розетку? — ахнула Ясмин. Похоже, она возбудилась при мысли об этом. Сексуально возбудилась.

— Ты что, рехнулся, Марид? — сказала Далия. Она была одной из немногих настоящих консерваторов, обитающих в нашем квартале. — Подумай только, во что эта штука превращает людей!

— А во что она превращает людей?! — вскричала, разъярившись, Ясмин, постукивая по своему модику.

— Ой, извини-извини… — Далия торопливо отошла к самому дальнему концу стойки и стала энергично тереть ее тряпкой, делая вид, что ликвидирует несуществующую лужицу пролитого пива.

— Представь себе, какие штуки мы сможем проделывать, — мечтательно произнесла Ясмин.

— Значит, Для тебя я недостаточно хорош сам по себе… — Я был слегка задет. Ясмин опешила:

— Что ты, Марид, ты не так понял… Я просто хотела сказать…

— Ну ладно, это твои проблемы, — заключил Френчи. — Не мое дело. Пойду подсчитаю, сколько заработал за сегодняшнюю ночь. — Он исчез за ветхим занавесом золотистого цвета, скрывавшим за собой гримерную и его «кабинет».

— Ясмин, ведь это — на всю жизнь! — сказал я. — Обратной дороги нет. Каким меня сделают, таким я и останусь.

— Ты хоть раз слышал, чтобы я пожалела, что вставила розетку? — спросила Ясмин.

— Нет, — вынужден был признать я. В первую очередь, меня угнетало сознание необратимости того, что произойдет.

— Ни разу в жизни не пожалела об этом, и ни один из тех,

кого я знаю, тоже… Я нервно облизнул губы.

— Ты просто не понимаешь… — начал я и остановился. Нет, не могу выразить свои чувства; даже самый близкий человек не понимает меня.

— Ты просто трусишь, — объявила Ясмин.

— Ага. — Что ж, неплохое начало.

— Полу-Хадж спокойно живет с розеткой, а куда ему до тебя, Марид!

— И что это ему дало? Возможность забрызгать всех нас кровью Сонни? Мне не нужна помощь модика, чтобы превратиться в психа. Это я могу и сам, если захочу.

Неожиданно в ее глазах появился загадочный блеск — как у одного из бродячих пророков, охваченного очередным приступом озарения. Я понял, что мою Ясмин снова посетила гениальная идея насчет таинственных изгибов судьбы, предопределения и так далее… Плохой признак!

— Ах ты, Аллах с Непорочной Девой в комнатке мотеля! — выдохнула она. По-моему, это богохульство было любимым ругательством ее отца. — Все идет так, как предсказывалось в гексограммах!

— В гексограммах, — ошеломленно повторил я. В тот раз я выбросил всю китайскую белиберду из головы еще до того, как моя подружка закончила объяснять нюансы своего гадания.

— Помнишь фразу о том, что не надо бояться пересечь великую воду?

— Ага. Что еще за «великая вода», Ясмин?

— Это означает какую-то коренную перемену в твоей жизни. Модификацию мозга, например. Понял теперь?

— М-да… И еще там говорилось о встрече с великим человеком. Так оно и случилось. Дважды.

— Да, и насчет того, что надо подождать три дня до начала, и три — до завершения дела.

Я быстро прикинул: завтра пятница. До понедельника, когда все произойдет, оставалось три дня.

— Вот черт! — пробормотал я изумленно.

— И еще там сказано, что тебе никто не будет верить, и что надо сохранять твердость при тяжелых испытаниях, и что ты служишь не царям и принцам, а высшим целям. Вот какой он, мой Марид. — Она гордо чмокнула меня. Мне стало плохо…

Теперь уж никак не отвертеться от предстоящей операции, разве что сбежать в какую-нибудь другую страну и там начать новую жизнь: пасти баранов, поддерживать свое существование горсткой фиг через день, в общем, радоваться, что дожил до утра, как любой другой феллах.

— Да, я герой, Ясмин, — произнес я вздохнув, — а у нас, героев, часто бывают всякие тайные дела. Так что извини, мне надо идти. — Я поцеловал ее три-четыре раза, сжал ее правую силиконовую грудь (на счастье) и поднялся. Проходя мимо Индихар, похлопал ее по попке; она повернула голову и ласково улыбнулась.

Потом пожелал доброй ночи Далии, сделал вид, что в упор не вижу паскуду Бланку, и вышел наружу.

Направился вниз по Улице к «Серебряной ладони», просто посмотреть, что там делается. Махмуд и Жак сидели за столиком, пили кофе и поедали хлеб с хуммусом.

Полу-Хадж отсутствовал; наверное сейчас сражается с толпой ненавистных ему гетеросеков (все — гигантские здоровенные каменщики), просто чтобы поддержать форму… Я подсел к друзьям.

— Да будут дни твои, и так далее, и тому подобное, — пробурчал Махмуд. Его никогда не заботило соблюдение всяких формальностей.

— И тебе того же, — отозвался я.

— Слышал, ты собираешься приобрести розетку, — важно сказал Жак. — Весьма серьезный шаг с твоей стороны. Надеюсь, предварительно ты взвесил все «за» и «против»?

Я был слегка изумлен:

— Как быстро у нас разносятся сплетни, а, Жак? Махмуд поднял брови.

— На то они и сплетни, — уронил он флегматично и набил полный рот хуммусом с хлебом.

— Разреши угостить тебя кофе, — любезно предложил Жак.

— Хвала Аллаху, — ответил я, — честно говоря, предпочел бы что-нибудь покрепче.

— Что ж, как хочешь, тогда угощайся сам. — Жак повернулся к Махмуду. Ведь у Марида денег сейчас больше, чем у нас двоих вместе взятых. Он стал доверенным человеком Папы.

Вот эта сплетня мне очень не понравилась… Я подошел к бару и заказал свою обычную смесь. Хейди, сегодня работавшая за стойкой, скорчила гримаску, но промолчала. Эта девушка выглядела просто конфеткой — да нет, если серьезно, она самая красивая из всех фем, которых я когда-либо видел. Ее наряды (она всегда подбирает платья тщательно, со вкусом) сидят на ней так, что многим обрезкам и первам, потратившим массу денег на покупку наилучших искусственных форм, оставалось лишь умереть от черной зависти. У Хейди потрясающие голубые глаза и золотистая челочка до бровей. Бог знает почему, но я не могу равнодушно видеть молодую женщину с челкой. Подозреваю, что

во мне скрывается мизогинист; если когда-нибудь займусь самоанализом, наверняка обнаружу у себя все недостатки, приписываемые мужчинам. Мне всегда хотелось сойтись с Хейди поближе, но, увы, я был не в ее вкусе. Может быть, удастся найти модик личности, которая ей по душе, и, когда мне вставят розетку, кто знает…

Я все еще дожидался своей выпивки, когда неподалеку, возле собравшихся в кучу корейских туристов, которые очень скоро обнаружат, что попали в неподходящее место, раздался знакомый до боли голос: «Мартини, сухое. Довоенный „Вольфшмидт“. Не забудьте лимонную корочку, милая».

Так, так… Легок на помине. Я дождался своего заказа, заплатил Хейди и повертел стакан в руке. Барменша принесла сдачу, и я подарил ей целый киам.

Благодарная Хейди затеяла какой-то вежливый разговор, но я довольно грубо прервал ее: сейчас меня больше всего волновал мистер «Мартини-лимонная корочка».

Взяв стакан, я отошел от стойки, чтобы как следует рассмотреть Джеймса Бонда. Он в точности соответствовал описаниям из книг Яна Флеминга; таким он запомнился мне по эпизоду в Чиригином баре. Черные волосы с пробором, длинная прядь почти закрывает правый глаз, по правой щеке вьется полоска шрама. Черные прямые брови, довольно длинный прямой нос, коротковатая верхняя губа. Ничем не примечательный рот, но каким-то образом он придавал лицу выражение холодной жестокости. Стоящий рядом человек производил впечатление безжалостного, неумолимого, в общем, опасного субъекта. Что ж, он наверняка заплатил хирургам целое состояние за то, чтобы производить именно такое впечатление. Бонд поймал мой взгляд и улыбнулся. Возле глаз знаменитого стального цвета появились тонкие морщинки. Интересно, помнит он нашу предыдущую встречу? Я чувствовал, что за мной внимательно наблюдают… На нем была простая хлопчатобумажная рубашка; брюки, без сомнения, английского производства, предназначены для тропиков. На ногах — черные кожаные сандалии, тоже подходящие для нашего климата. Он расплатился за мартини и направился ко мне, протянув руку.

— Приятно снова встретить тебя, старина, — произнес Бонд.

Я обменялся с ним рукопожатием.

— Не помню, чтобы когда-нибудь имел честь познакомиться с уважаемым господином, — сказал я по-арабски.

Бонд ответил на безупречном французском:

— Другой бар, иные обстоятельства… Особого значения все это не имело. В конце концов, инцидент завершился

удовлетворительно. — Да, вполне удовлетворительно — с его точки зрения. Мертвый русский сейчас свою точку зрения высказать не мог.

— С вашего разрешения, меня ждут друзья, — произнес я извиняющимся тоном.

Бонд чуть приподнял уголок рта в своей знаменитой циничной усмешке. Он ответил мне на великолепном арабском, причем на распространенном здесь диалекте, процитировав нашу поговорку:

— «То, что умерло, навеки ушло», — и пожал плечами.

Я не очень понял, что хотел сказать Бонд: то ли нечто вроде «что было, то прошло, забудем об этом», то ли советовал, для моего же блага, забыть обо всех недавних убийствах. Потом вспомнил, что передо мной не настоящий Бонд, а человек, нацепивший модик, скорее всего, с приставкой — училкой арабского языка. Вернулся к столику, где по-прежнему сидели Махмуд и Жак, и выбрал место так, чтобы просматривался весь бар, особенно выход. Тем временем Бонд успел выпить свое мартини и собирался покинуть «Серебряную ладонь». Я неуверенно огляделся. Что делать? Сумею ли с ним справиться сейчас, без помощи модика и училок? К тому же я невооружен. Стоит ли вообще переходить к активным действиям без всякой подготовки? Однако Фридландер-Бей наверняка сочтет, что я упустил возможность нанести удар по противнику, а это значит, не предотвратил чью-то гибель, возможно, гибель близкого мне человека…

Я решил проследить за Бондом; оставил нетронутым свой стакан, ничего не объяснил друзьям, просто поднялся и вышел вслед за «агентом» из бара. Успел вовремя: Бонд как раз поворачивал в один из наших темных переулков. Я осторожно пересек улицу и заглянул за угол дома. Увы, моя осторожность оказалась явно недостаточной, потому что Бонд как сквозь землю провалился. Деваться ему было некуда; оставалось одно: «суперагент» зашел в один из низеньких белых домиков с плоскими крышами, выстроившихся по обе стороны переулка. По крайней мере, хоть что-то удалось выяснить… Немного разочарованный, я повернулся, чтобы возвратиться в бар, и вдруг затылок за левым ухом обожгла ослепительная вспышка боли. Я рухнул на колени. Сильная загорелая рука скомкала галабийю на груди и заставила меня вновь подняться. Бормоча проклятья, я занес кулак; нападавший рубанул ребром ладони по плечу, и моя рука бессильно повисла. Джеймс Бонд негромко рассмеялся:

— Каждый раз, когда в ваше невообразимо грязное, примитивное питейное заведение заходит прилично одетый

европеец, кому-то из аборигенов обязательно приходит в голову, что можно спокойно подойти сзади и избавить джентльмена от бумажника. Что ж, дружок, иногда вы натыкаетесь на европейца, которого непросто застать врасплох.

Он хлестнул меня ладонью по лицу, — не очень сильно, — отшвырнул к стене.

Я прижался к холодному шершавому камню; Бонд уставился на меня, словно ожидал каких-то объяснений или извинений. Я решил, что он вправе рассчитывать по крайней мере на последнее.

— Сто тысяч извинений, эффенди, — пробормотал я. В одурманенной болью голове мелькнула мысль, что сегодня Бонд в отличной форме; трудно поверить, что тот же человек две недели назад безропотно позволил вывести себя из бара Чириги. А сейчас он дышит ровно и даже не испортил свою поганую стильную прическу! Наверняка существует какое-то объяснение подобной загадке. Наплевать.

Пусть Папа, Жак или хоть китайские гадальщики пытаются понять, что к чему; лично у меня сейчас слишком болит голова и в ушах звенит.

— Не морочь мне голову всякими «эффенди», — угрюмо произнес Бонд. — Это турецкая форма лести, а у меня свои счеты с турками. Кстати, внешне ты никак на них не похож. — Он подарил мне на прощанье хищную ухмылку и не оглядываясь прошел мимо. Бонд явно решил, что такой мешок дерьма, как я, не представляет опасности. Самое неприятное, что он был прав. Таковы печальные итоги моего второго столкновения с неизвестным, носящим имя героя романов Флеминга. Пока что каждый из нас заработал по одному очку из двух возможных; судя по всему, он многому научился со времени нашей первой встречи или, по какой-то известной лишь ему причине, нарочно позволил тогда запросто выкинуть себя из бара. Как профессионал он был выше меня на две головы.

Пока я, постанывая от боли, плелся к бару, у меня созрело важное решение.

Я объявлю Папе, что ничем не могу помочь ему. Дело тут не просто в страхе перед операцией; черт возьми, пусть хирурги утыкают вею мою голову розетками, я все равно не справлюсь с убийцей. Если мне так наподдали по затылку, когда я просто попытался проследить за ним в собственном. квартале, где каждый закоулок знаком мне, как мои пять пальцев… Не сомневаюсь, что стоило Бонду только захотеть, и он обошелся бы со мной гораздо жестче. Модик просто принял Марида Одрана, местного суперсыщика и охотника за убийцами, за

обыкновенного арабского грязного воришку и поступил так, как привык поступать с грязными воришками.

Должно быть, упражнялся в этом каждый Божий день…

Нет, ничто не заставит меня передумать. И не нужны мне три дня «на размышление» — Папа вместе со своими великими планами может катиться ко всем чертям!

Я вернулся в «Серебряную ладонь» и осушил свой стакан в два глотка.

Несмотря на возражения Жака и Махмуда, объявил, что мне пора идти. Поцеловал в щечку красавицу Хейди и галантно сделал ей на ухо предложение весьма неприличного свойства (что делал всякий раз, уходя из бара), а она, как обычно, отказала с польщенным видом. Я направился обратно к Френчи, по дороге обдумывая, как лучше объяснить Ясмин, что не собираюсь быть героем, не хочу «служить не принцам и царям, но высшим целям», и что там еще напророчила электронная гадалка… Ясмин, конечно, страшно разочаруется во мне и неделю ничего мне не позволит, но даже это лучше, чем валяться в темном переулке с перерезанным горлом.

Да, оправдываться придется не только перед Ясмин, но практически перед всем кварталом. Каждый — от Селимы до Чири, сержанта Хаджара и самого Фридландер-Бея — пожелает лично оторвать предмет моей мужской гордости. Но, как бы то ни было, решение принято. В конце концов, я свободный человек, и никто не заставит меня безропотно согласиться с такой жуткой участью, сколько бы красивых слов о всеобщем благе и. моральном долге мне ни говорили. Все укрепляющие средства, которыми я сегодня обогатил организм: одна порция спиртного в «Серебряной ладони», две — в заведении Френчи, плюс парочка треугольников, четыре «солнышка» и восемь паксиумов, — поддерживали мою решимость.

Где-то на полпути к Френчи ночь уже казалась мне прекрасной, воздух ласкал кожу, страхи исчезли, а тех, кто подзуживал меня вставить в мозг розетку, я мысленно спустил в бездонный колодец, куда не собирался никогда заглядывать.

Пусть трахаются друг с другом до упаду, мне все равно. У меня своя жизнь и свои проблемы. Вот так.

Глава 11

Пятницу я назначил днем отдыха и восстановления сил. За последнее время мое бедное тело много претерпело от массы людей, включая друзей, знакомых, а также типов, с которыми я вскорости очень надеялся повстречаться где-нибудь в темном переулке. Главное достоинство Будайина — несметное множество темных переулков. Наверное, это сделано специально, по заранее намеченному плану.

Думаю, в одном из священных писаний есть примерно такое откровение: «И поистине, по этой причине устроены темные переулки, где насмешникам и неверным будут в свой черед раскалывать черепа и разбивать в кровь их толстые губы, и будет сие приятно взору Господа, царящего на небесах». Черт его знает, откуда я взял это изречение. Может быть, оно даже приснилось мне ранним утром в ту пятницу.

Итак, первыми за меня взялись Черные Вдовы; немало неприятностей причинили шестерки Сейполта, Фридландер-Бея и лейтенанта Оккинга, ничем не отличавшиеся от своих любезно улыбающихся лицемерных хозяев; ночью у меня состоялось короткое и не очень-то приятное свидание с психованным Джеймсом Бондом.

Коробочка, в которой я держал пилюльки, опустела; только горстка розово-голубого порошка на дне, который в принципе можно слизывать, окуная в него кончики пальцев, в надежде получить хоть на миллиграмм облегчения. Сначала я проглотил все таблетки, содержащие опиум; запас соннеина, приобретенного у Чириги и сержанта Хаджара, был исчерпан с неимоверной быстротой — я прибегал к нему каждый раз, когда какое-нибудь резкое движение истерзанного тела вызывало новые волны боли. Когда эти пилюльки кончились, я попробовал паксиум, маленькие сиреневые таблетки, которые многие считают высшим достижением органической химии, Бесценным Даром, Рецептом-От-Всех-Неприятностей; но вскоре они приносили не большее облегчение, чем если бы я глотал катышки верблюжьего помета. Так или иначе, я сожрал и их, запив шестью унциями наилучшего успокоительного под названием «Джек Дэниеле» (Ясмин принесла бутылочку с работы).

Ладно, хватит хныкать по крайней мере, оставались еще сильнодействующие голубые треугольники. Вообще-то я не знал, имеют они болеутоляющий эффект или нет. Придется добровольно выступить в роли подопытного кролика. Наука должна идти вперед! Я проглотил три штуки трифетамина.

Эффект был поразительным с фармакологической точки зрения: примерно через полчаса моей главной и единственной заботой стало фантастическое сердцебиение. Я в панике стал проверять пульс и насчитал примерно четыреста двадцать два удара в минуту, но тут мое внимание отвлекли призрачные ящерицы, ползающие где-то совсем рядом…

Наверняка в действительности сердце у меня билось вовсе не так быстро, как показалось.

Наркотики — твои друзья, обращайся с ними уважительно и бережно. Друзей, например, не выбрасывают в мусорную корзину, не спускают в унитаз. Если ты способен поступить так с друзьями (или с пилюльками), то просто недостоин иметь ни тех, ни других. Лучше отдай их мне! Наркотики — чудесная штука. Клянусь Аллахом, никогда в жизни не послушаю совета тех, кто будет уговаривать меня завязать. Лучше уж откажусь от еды и питья — по правде говоря, иногда я так и делаю.

Пока что все принятые пилюльки имели одинаковый эффект — отвлекали от реальности. В моем нынешнем состоянии реальная жизнь в любых ее проявлениях просто раздражала. Она представлялась чем-то мрачным, зловонным, бесцеремонно вторгающимся в душу, устрашающе огромным… в общем, была мне совершенно не по вкусу.

Тут я вспомнил, что недавно приобрел у Полу-Хаджа пару капсул РПМ — той самой отравы, которую Билл, безумный американец, пропускает через кровеносную систему постоянно, — постоянно! — не опасаясь за свою бессмертную душу. Не надо бы больше садиться в машину Билла. РПМ действительно страшная штука; хуже всего то, что я заплатил наличными за право едва не загнуться от нее. Иногда я крайне плохо веду себя, но каждый раз твердо обещаю исправиться и сам себя прощаю. Вот и теперь поклялся, что когда из меня выветрится РПМ (если это случится когда-нибудь), то, честное слово…

Пятница в Будайине — все равно что суббота у евреев: день полного отдыха для всех, кроме плохих мусульман, возвращающихся на работу после захода солнца.

Мы соблюдаем священный месяц рамадан, но городские фараоны и фанатики, окопавшиеся в мечетях, в пятницу относятся к нам немного снисходительней. Они рады любому проявлению доброй воли у заблудших.

Ясмин отправилась на работу, а я остался в постели, читая Сименона. Первую книгу его я взял в руки примерно в пятнадцать лет; вторую, кажется, в двадцать.

С тех пор. он попадался мне еще несколько раз. Когда речь идет о Сименоне, трудно сказать точно. Он пишет не меньше

дюжины вариаций одной и той же книги, но у старины Жоржа столько сочинений, которые он переписал по несколько раз, что проще прочесть их все, а затем рассортировать и расположить в более или менее рациональном порядке по темам, что всегда было мне не под силу. Я просто начинаю читать его с последней страницы (если они на арабском языке), или с первой (если они по-французски), либо, если спешу или слишком нагрузился своими друзьями-пилюльками, с середины.

Сименон. Почему я сейчас подумал о Сименоне? Эта мысль должна привести к чему-то важному, к какому-то озарению… Сименон — Ян Флеминг; оба писатели, оба извлекали из глубин творческого сознания триллер за триллером, каждый в своем роде; оба уже умерли, и никто из них так и не узнал, как приготовить приличный мартини («взбитый и не размешанный», — пишет Флеминг, — как же, черта с два!). А от мистера Флеминга мы прямиком попадаем в объятия его создания, Джеймса Бонда. Человек с модиком Бонда не оставил больше никаких следов пребывания агента 007 в городе: ни окурков с золотыми кольцами вокруг фильтра, ни высосанного ломтика лимона, ни дырки от пули, выпущенной из «беретты». Да, в случаях с Богатыревым и Деви он использовал именно «беретту» — излюбленное оружие Бонда в ранних романах Флеминга, пока какой-то дотошный читатель не указал ему, что это «дамское оружие», не обладающее большой убойной силой.

Поэтому Флеминг заставил Бонда перейти на «Вальтер-ППК», небольшой, но надежный автоматический револьвер. Если бы наш Джеймс Бонд применил «вальтер», то здорово разворотил бы лицо Деви; «беретта» проделала чистенькую дырочку, как в пивной банке. Взбучка, которую он мне задал, была последним подвигом 007 больше его не видели и не слышали. Думаю, парню очень быстро надоедает одно и то же место, — должно быть, не терпит скуки…

Да, скука… Но сейчас главное — найти противоядие от той дряни, которую я проглотил. Какая там скука, когда пульс выдает четыреста с лишним ударов в минуту! Клянусь жизнью своей бороды и могучими чреслами Посланца Божьего (мир им и благословение Аллаха), чего мне хотелось по-настоящему, так это заснуть!

Но каждый раз, как я прикрывал веки, перед глазами плясали черно-белые вспышки и проплывали гигантские пурпурные и зеленые существа. Я даже за плакал с досады, но они никак не хотели оставить меня в покое. Непостижимо, как Билл умудряется водить машину, когда с ним творится подобное.

Вот, вкратце, как прошла пятница. Ясмин принесла бутылку

«Джека Дэниелса», я покончил с остатками пилюлек, полностью отключился где-то около полудня, а когда проснулся, моя девушка уже ушла. Суббота, воскресенье… У меня есть еще полтора дня, в течение которых мои мозги остаются девственно-нетронутыми.

К вечеру я заметил, что деньги куда-то испарились. Должно было остаться еще несколько сотен киамов; конечно, кое-что я истратил, наверное, даже больше, чем мог себе позволить. Но по крайней мере у меня в сумке должно лежать куда больше хрустиков, чем девяносто киамов, которые я там нашел. Что можно сделать на девяносто киамов? Пара новых джинсов будет мне стоить сорок, или даже больше.

Ох, боюсь, Ясмин запускает руку в мой карман. Ненавижу эту черту в женщинах, даже в тех, которые раньше были мужчинами. Как постоянно повторяет Джо-Мама: «Если кошка держит своих котят в духовке, они от этого не становятся пирожками». Возьми хорошенького мальчишку, убери все, что топорщится у него между ногами, купи пару силиконовых сисек такой величины, чтобы под ними мог укрыться целый взвод, и не успеешь опомниться, как новоиспеченная дамочка уже роется в твоем бумажнике! Она горстями жрет твои пилюли и капсулы, тратит твои деньги, устраивает скандалы из-за того, что ты случайно во сне стянул с нее простыню или одеяло, целый день с неослабевающим интересом крутится перед зеркалом в ванной, созерцая с умным видом свое отражение; когда идешь с ней по улице, отпускает комплименты по адресу разных молодых пижонов, требует, чтобы ее сжимали в объятиях, когда ты уже выбился из сил, едва не расплющив ее о кровать, и после всех этих подвигов устраивает дикую истерику, если осмелишься высунуться из окна, увидев смазливую девчонку. Как быть с безупречно прекрасной юной богиней любви, которая вертится в комнате, украшая пол своим грязным нижним бельем? Захочешь немного поднять Настроение, а эта дрянь уже успела сожрать все пилюли.

Ладно… Мариду Одрану отпущено Аллахом еще целых полтора дня на то, чтобы побыть самим собой. Ясмин со мной не разговаривала: считала, что я трус и поганый эгоист, потому что не желаю считаться с планами Папы. То вдруг заявляла, что говорить не о чем: в понедельник утром я непременно встречусь с хирургами Фридландер-Бея, и они проведут «электрификацию» моих мозгов, то, буквально через минуту, начинала орать, что я проклятый сукин сын, которому наплевать, что будет с его друзьями. Бедная девочка никак не могла запомнить, какой версии придерживаться: согласился я на операцию или нет;

мысли ее сосредоточивались на настоящем, а через мгновение все вылетало из памяти, даже спор, из-за которого началась ссора (тогда я заявил: «Не позволю вставлять проводки мне в башку, и говорить не о чем»).

Всю пятницу (или это была суббота?) я провалялся в постели; смотрел, как тени удлинялись, укорачивались и снова становились длиннее; муэдзин звал правоверных на молитву; потом, хотя, казалось, прошло всего несколько минут, он повторил свой призыв. В субботу вечером, когда Ясмин стала собираться на работу, я уже перестал обращать внимание на смену ее настроений.

Она металась по комнате, как бешеная, осыпая меня разнообразными ругательствами, многие из которых я услышал впервые, несмотря на долгие годы жизни в самых злачных уголках нашего города. Это заставило меня преисполниться еще большей любовью к моей маленькой шлюхе. Я с огромным трудом выбрался из постели, когда Ясмин уже отправилась к Френчи. Тело сотрясал нестерпимый озноб, сменяющийся приступами изнурительного жара; я решил немного охладиться, приняв душ, но снова упал в постель, то дрожа, то обливаясь потом. От пота промокли и простыни, и одеяло, за которое я судорожно цеплялся, так что у меня побелели костяшки пальцев. Теперь призрачные ящерицы ползали уже по лицу и рукам, но зато боковым зрением я их не видел. Наконец я собрался с духом и осуществил то, о чем давно мечтал, — дошел до ванной. Есть не хотелось, но мучила жажда. Я выпил два стакана воды и на подгибающихся ногах вернулся в постель. Господи, как мне хотелось, чтобы Ясмин сейчас была дома!

Несмотря на то, что действие наркотиков постепенно слабело, а страх, соответственно, усиливался, я наконец решил, как мне поступить в понедельник.

Всю ночь я маялся то ознобом, то лихорадкой, лежал, уставившись на облупленный потолок, и не сомкнул глаз, даже когда явилась Ясмин, которая сразу рухнула на кровать и забылась пьяным сном. В воскресенье перед рассветом, когда она готовилась идти к Френчи, я выкарабкался из постели и, не одеваясь, встал у неб за спиной. Ясмин, хмурясь и гримасничая, подкрашивала глаза, нанося на веки дорогой грим, явно купленный в магазине для богатых шлюх в респектабельном квартале города. Она не хотела пользоваться базарной дешевкой; можно подумать, у Френчи, где всегда царит полумрак, кто-нибудь заметит разницу! В здешних лавчонках продавали точно такую же краску для век, но Ясмин платила раз в десять дороже на другом конце города. Моя красавица хотела выглядеть

сногсшибательной на сцене, хотя какой дурак будет рассматривать ее глаза! Она накладывала сложный узор голубых и зеленых линий под тонкими, подрисованными бровями. Потом принялась наклеивать изящные, сверкающие золотом блестки. Это самая трудная и деликатная задача — она прилепляла их по одной.

— Ложись спать пораньше, — повелительно скомандовала она.

— Почему? — спросил я с невинным видом.

— Потому что завтра у тебя будет трудный и ответственный день. Я пожал плечами.

— Твои мозги, Марид, — напомнила она. — Забыл?

— Нет, свои мозги я не забыл, — ответил я. — По-моему, с ними все в порядке. И я не собираюсь ничего менять.

— Тебе должны вставить розетку! Может быть, тогда твоя башка хоть на что-нибудь пригодится! — Она повернулась ко мне, как разъяренная орлица, защищающая своего птенца.

— В последний раз, когда мы говорили об этом, я отказался, — парировал я спокойно.

Ясмин в ярости схватила свою синюю сумку, где держала пижаму, зубную щетку и прочее барахло.

— Ну хорошо, сукин сын, кафир, сын неверной шлюхи! — взвизгнула она. Проклятие на твою голову и на головы всех твоих предков!

Никогда не думал, что одна женщина способна поднять столько шума, выходя из комнаты; в довершение ко всему она оглушительно хлопнула дверью. Наступила полная тишина. Теперь я мог размышлять без помех. Только о чем? Я прошелся по комнате, убрал в шкаф рубашку, ногой отшвырнул какие-то тряпки, валявшиеся на полу, потом пинком отфутболил их на прежнее место. Улегся в кровать. Увы, я столько провалялся под одеялом, что никакого удовольствия от этого не ощущал.

Но больше делать было нечего… Темнота осторожно, как черный кот, подкрадывалась все ближе и ближе. Наблюдение такого рода — тоже небольшое удовольствие.

Боль унялась; улеглась паника, вызванная чрезмерной дозой наркотиков.

Ясмин исчезла. Деньги — тоже. Вокруг царил покой. Тишина и покой, черт бы их побрал!

Освободившись от всех тревог и забот, от всей суетливой дребедени, которая так долго камнем висела на душе, я сделал одно великое открытие. Настоящее интуитивное озарение! Я тепло поздравил себя. Человек с модиком Бонда предпочитал использовать «беретту», а не «Вальтер-ППК». Мысль о Джеймсе

Бонде вызвала цепную реакцию в моей башке, и в результате прояснилось значение одной детали, которая накрепко застряла в памяти и не давала мне покоя уже несколько дней. Я вспомнил последний визит к лейтенанту Оккингу, его подчеркнуто прохладное отношение и к моим теориям, и к предложению Фридландер-Бея. На первый взгляд, в его поведении не было ничего необычного: Оккинг очень не любит, когда лезут в его дела. Ему не нравится, даже когда ему помогают по-настоящему. Но сейчас важны не особенности характера лейтенанта полиции, а то, что я увидел на столе в его кабинете.

На одном из конвертов значилось: *«Юниверсал Экспорте»,* Изнывая от скуки в ожидании прихода Оккинга, я пытался угадать, кто хозяин этой компании (например, Сейполт), получал ли когда-нибудь от нее товар для своего магазина Хасан-Шиит. Но название было настолько обычным, настолько распространенным — в мире, наверное, существует не меньше тысячи фирм с таким наименованием. Может, Оккинг просто-напросто отправил заказ на плетеную мебель для своего загородного домика, где ублажал гостей жареным на углях мясом?

Именно потрясающая ординарность названия заставила М. (таинственного начальника спецотдела МИ-5, которому подчинялся Джеймс Бонд в романах Флеминга) выбрать его как прикрытие для своей организации. Я никогда бы не обратил на это внимания, если бы название не упоминалось у Флеминга. А вдруг это шифр, обозначающий человека с модиком Бонда? Эх, жаль, что я не запомнил адрес…

Да, кстати… Я подскочил, охваченный новым приступом вдохновения. Если в моих дедуктивных изысканиях есть хоть зерно истины, то почему конверт лежал в ящике для исходящих бумаг? Ладно, не стоит так волноваться и прыгать, как кузнечик на раскаленной сковороде. Скорее всего, я ищу мед там, где не водятся пчелы. И все же стало страшно; я чуял, что меня, помимо моей воли, втягивают в какой-то извилистый лабиринт, где повсюду таится смерть.

Пора действовать. Из отпущенных мне трех дней два с половиной я провел, валяясь в постели, словно паралитик, закутавшись в провонявшие потом, рваные простыни. Надо поскорее встать, иначе я так и не стряхну с себя страх и оцепенение. У меня осталось девяносто киамов; на них можно купить приличное снотворное и хоть немного выспаться.

Я накинул на себя галабийю (которая уже потеряла свою девственную белизну), надел на ноги сандалии, на голову — либду, войлочную шапочку, взял сумку и быстро спустился по

лестнице. Страшно захотелось проглотить хоть парочку пилюлек. Захотелось так, что просто невмоготу. Невероятно! Я провел три ужасных дня и три страшных ночи, обливаясь потом, стараясь вывести из организма дрянь, которой наглотался сверх всякой меры — и уже не терпится достать новую отраву. Я мысленно сделал себе заметку быть поосторожнее, не принимать так много наркотиков, скомкал эту воображаемую заметку и бросил в воображаемую мусорную корзину.

Оказалось, что вожделенные пилюльки достать не так-то легко. Чирига сказала, что у нее сегодня ничего нет, но в утешение предложила мне бесплатную выпивку. Я потягивал ее фирменную отраву — тэнде, а она рассказывала, как трудно ей управляться с новой девицей, и призналась, что все еще хранит нетронутым (специально для меня!) модик Хони Пилар. У меня перед глазами сразу возникла голограмма, которая демонстрировалась у магазина старухи Лайлы.

— Чири, я только что перенес грипп или что-то в этом роде, но обещаю тебе, что на следующей неделе мы поужинаем вместе. А потом, иншалла, обновим твой модик.

Чири даже не улыбнулась; она просто посмотрела на меня так, словно я был полудохлой вонючей рыбой, барахтающейся в луже. — Марид, дорогуша, — печально произнесла она, — послушай, что я скажу: тебе надо бросить игры с пилюльками.

Ты себя губишь. Она была права, но кому же понравится слушать от других подобные советы? Я кивнул, быстро проглотил остаток тэнде и ушел, не попрощавшись.

В «Старом Чикаго Большого Ала» я набрел на Жака, Махмуда и Сайеда. Они заверили, что ни в финансовой, ни в фармакологической областях не могут мне помочь.

— Ну ладно, еще увидимся, — сказал я.

— Марид, — начал Жак, — может быть, это не мое…

— Точно, не твое, — ответил я резко. Заглянул в «Серебряную ладонь»: сонное царство… Заглянул к Хасану, но Шиита не было на месте, а его американское чудо бессмысленно глянуло на меня. Уже впадая в отчаяние, я заглянул в «Красный фонарь», и там Фатима сообщила мне, что один из друзей белой девушки, которая здесь работает, принес полный кейс с разным зельем, но сейчас его нет, а появится он разве что рано утром, часов в пять. Я обещал, что, если не подвернется ничего другого, вернусь к нему. У Фатимы я не удостоился бесплатной выпивки.

В логове Джо-Мамы мне наконец улыбнулась удача. Я купил шесть пилюлек у второй барменши Джо-Мамы, некоей Роки, здоровенной бабы с короткими, колючими черными волосами. Роки заломила несусветную цену, но мне уже было все едино, и я

ее обрадовал. Она предложила мне кружку пива за счет заведения, чтобы запить их, но я объявил, что отправляюсь домой, там проглочу пилюльку и сразу же в постель.

— Вот это правильно, — заметила Джо-Мама, — сразу в постельку! Утром надо встать пораньше, дорогуша, чтобы тебе наконец продырявили черепушку.

Я закрыл глаза.

— Откуда тебе это известно? — пробормотал я с трудом.

Джо-Мама посмотрела на меня с деланно обиженным, наивно-детским выражением.

— Да это все знают, Мадрид. Правда ведь, Роки? Только верят с трудом. Ну, сам понимаешь… Чтобы ты позволил всадить проволоку себе в мозги, — разве такое возможно, а? Все равно что поверить: Хасан бесплатно раздает ковры, или ружья, или что-то еще, своим первым двадцати посетителям.

— Давай-ка обещанное пиво, — сказал я устало. Роки нацедила мне кружку; непонятно только, даром меня поят; или, раз я отказался, придется платить.

— За счет заведения, — великодушно объявила Джо-Мама.

— Спасибо, Мама, — ответил я, — но не беспокойся, я не позволю всадить проволоку себе в мозги. — Я жадно хлебнул из кружки. — Мне наплевать, кто, что, кому сказал и от кого кто слышал. Это говорю тебе я, Марид Одран: никогда не позволю засадить проволоку себе в мозги. Компрене?

Джо-Мама пожала плечами. Наверное, не поверила: в конце концов, чего стоило мое слово против коллективного мнения Улицы? — Хочу рассказать тебе, что случилось здесь прошлой ночью. — Она приготовилась поведать мне одну из своих бесконечных, но захватывающих историй. В общем-то я бы с удовольствием послушал час-другой, — надо же быть в курсе последних событий. Но меня спасли.

— Ага, вот ты где! — завопила Ясмин, врываясь в бар и злобно замахиваясь на меня сумкой. Я наклонил голову, поэтому удар пришелся вскользь.

— Какого черта… — начал я.

— Ну-ка, ребятки, переносите свои разборки на улицу, — машинально отреагировала Джо-Мама. Эта фраза — первое предупреждение зачинщикам беспорядков. Она явно удивилась не меньше, чем я.

Ясмин была не расположена никого слушать. Схватила меня за руку, — сил у нее не меньше, чем у меня, — сдавила запястье, словно наручниками.

— Ну-ка, пошли, ты, недоносок, — прошипела она.

— Ясмин, ради Бога, заткнись и оставь меня в покое, —

сказал я. Джо-Мама медленно поднялась: второе вежливое предупреждение, но Ясмин Не обратила на хозяйку никакого внимания. Она все еще держала меня, как в клещах; потом потянула на улицу.

— Пойдешь со мной, — угрожающе произнесла она, — я должна тебе кое-что показать, паршивый пес.

На этот раз я по-настоящему разозлился. И это еще мягко сказано: никогда раньше не испытывал я такого бешенства. К тому же все еще не понимая, о чем она говорит.

— Дай девочке хорошенькую пощечину, чтобы она успокоилась, — крикнула из-за прилавка Роки.

В фильмах это всегда благотворно действует на истеричных героинь и нервных молодых полицейских. Но не думаю, чтобы такое средство успокоило Ясмин. Скорее всего, она просто даст мне сдачи (то есть изобьет хорошенько), после чего придется делать то, что скажет моя подружка. Я поднял руку, за которую она все еще цеплялась, неожиданно повернул, схватил ее запястье и вывернул за спину.

Ясмин вскрикнула от боли. Я нажал сильнее, и она завопила.

— Это за то, детка, что ты обзывала меня разными нехорошими словами, тихо прорычал я ей на ухо. — Если хочешь, можешь хулиганить дома, но только не при моих друзьях.

— Хочешь получить по-настоящему? — процедила она сквозь зубы.

— Попробуй.

— Потом, — сказала она и повторила:

— Мне надо что-то тебе показать.

Я отпустил ее; Ясмин помедлила, растирая руку. Потом, схватив сумку, ногой распахнула дверь. Я взглянул на Роки, красноречиво подняв брови; Джо-Мама довольно улыбалась. Еще бы, из этого эпизода (после соответствующей обработки) получится замечательная сплетня — лучшая в ее богатом репертуаре. Наконец-то Джо-Мама займет первое место во всем квартале!

Я вышел вслед за Ясмин. Она повернулась ко мне, но не успела ничего сказать — я крепко схватил ее правой рукой за горло и, приподняв, прижал к древней кирпичной стене. Девочке больно? Что ж, тем лучше!

— Ты никогда больше так не сделаешь, — произнес я обманчиво спокойным голосом. — Ясно? — Испытывая извращенное, садистское удовольствие. я сильно ударил ее головой о стену.

— Я тебе еще вставлю, сука поганая!

— Давай, урод, если воображаешь, что ты все еще

мужчина, — ответил я. И тут Ясмин зарыдала. У меня сразу упало сердце. Я осознал, что только что совершил самый позорный поступок в своей жизни, и не знал, как его исправить. Я мог проползти на коленях до самой Мекки, чтобы заслужить прощение, и Аллах, скорее всего, помиловал бы меня — но только не Ясмин! С удовольствием отдам все, что имею, все, что способен украсть, только бы как-то стереть из нашей памяти последний эпизод. Но сделать это невозможно, и нам обоим будет трудно забыть его, — Марид, — шептала она в промежутках между рыданиями.

Я обнял ее. Что тут сказать? Мы крепко прижались друг к другу; Ясмин заливалась слезами, да и мне тоже хотелось поплакать немного. Так мы стояли неподвижно целых пять (или десять, или пятнадцать?) минут… Мимо проходили люди, старательно делая вид, что нас не замечают. Джо-Мама приоткрыла дверь, высунула голову и сразу же нырнула обратно. Через минуту, словно случайно просто полюбоваться на прохожих, которых почти не было на этой темной улице, выглянула Роки. Мне было наплевать. Я ни о чем не думал, ничего не чувствовал; просто прижимал к себе Ясмин, а она обвивала меня руками…

— Я тебя люблю, — наконец пробормотал я. Самые лучшие слова, если, конечно, произнести их в подходящий момент.

Мы взялись за руки и медленно побрели через весь Будайин. Казалось, что мы прогуливаемся, но некоторое время спустя я понял, что Ясмин куда-то меня ведет.

Почему-то я был уверен, что мне не захочется смотреть на то, что она желает продемонстрировать.

Труп был засунут в большой пластиковый мешок для мусора. Кто-то разбросал мешки, и тот, в котором лежала Никки, разрезали, так что она раскинулась прямо на мокрых грязных камнях, вымостивших узкий тупичок.

— Это ты виноват в том, что ее убили, — всхлипнув, сказала Ясмин. — Не очень-то ты старался ее найти.

Держась за руки, мы постояли молча, глядя на мертвую Никки. Я давно знал, что когда-нибудь увижу ее вот так — мертвой, засунутой в мусорный мешок. Думаю, знал это еще в самом начале, когда была убита Тамико и Никки что-то пыталась сказать мне по телефону.

Выпустив руку Ясмин, я встал на колени возле трупа. Никки была вся залита кровью, пламеневшей на фоне темно-зеленого мешка и серых замшелых камней мостовой.

— Детка, — сказал я, взглянув на застывшее лицо Ясмин, — наверное, тебе не очень полезно смотреть на все это. Может быть,

позвонишь Оккингу, а потом отправишься домой? Я скоро вернусь.

Ясмин слабо махнула рукой.

— Я позвоню Оккингу, — мертвым голосом произнесла она, — но мне сегодня надо работать.

— Пошли Френчи ко всем чертям, — посоветовал я. — Мне хочется, чтобы ты провела ночь дома. Послушай, дорогая, побудь немного со мной.

— Ладно, — кивнула Ясмин, улыбнувшись сквозь слезы.

Главное, что мы не поссорились всерьез. Еще немного усилий — и наша любовь будет совсем как новенькая; может быть, станет даже крепче. По крайней мере, я на это надеялся.

— Как ты узнала, что она здесь? — спросил я нахмурившись.

— Тело нашла Бланка, — объяснила Ясмин. — Она ходит мимо, когда работает в баре. — Ясмин показала на дверь в глухой кирпичной стене, покрытой облупившейся серой краской.

Я кивнул и постоял немного, глядя, как Ясмин медленно бредет к ярким огням улицы. Потом снова повернулся к изуродованному телу Никки. У нее было перерезано горло, на запястьях и шее багровые отметины — следы ожогов, — порезы и колотые раны по всему телу. Убийца действовал с большим умением и затратил на Никки больше времени, чем на Тами или Абдуллу. Я уверен, что при осмотре судебный врач обнаружит также, что ее изнасиловали.

Одежда и сумка Никки тоже были засунуты в мешок. Я внимательно осмотрел все тряпки, но ничего не нашел. Достал сумку; для этого пришлось приподнять голову Никки. Ей нанесли страшный удар по черепу — волосы, кровь и мозг слиплись в единую отвратительную массу. Рассекли шею от уха до уха так глубоко, что голова едва держалась. В жизни не видел подобного зверства! Слегка очистив от мусора мостовую вокруг мешка, я осторожно уложил тело на растрескавшиеся камни. Потом отошел на несколько шагов, упал на колени и выблевал все, что съел за день. Я корчился, тело сводили спазмы, пока не заболели мышцы живота. Когда рвота немного унялась, я заставил себя снова подойти к телу и осмотрел сумку Никки. Два предмета, найденные там, заслуживали самого пристального внимания: медное изображение скарабея, которое я видел в доме Сейполта, и грубо сработанный модик, похожий на самоделку. Я положил находки в свою сумку, выбрал из наваленных вокруг мешков наименее вонючий и употребил его вместо молитвенного коврика, расположившись со всем возможным при данных обстоятельствах комфортом. Я вознес молитву Аллаху за душу Никки и стал ждать озарения.

— Ну ладно, — наконец тихо произнес я, оглядывая зловонный тупичок, где нашла упокоение и последний приют Никки. — Утром я подправлю себе мозги.

Мактуб. Пусть будет так. Решено.

Глава 12

Почти все мусульмане по природе своей подвержены суевериям. На пути к юдоли слез — земле, сотворенной Аллахом, — нас сопровождают всевозможные джинны, ифриты, чудища, ангелы и черти, шайтаны. Кроме того, существуют колдуны, обладающие очень опасным супероружием — таинственными силами, самая страшная из которых — сглаз. Люди с дурным глазом встречаются часто. Все это не значит, что мусульманская культура более иррациональна, чем какая-либо другая; каждая придумала свой фирменный набор невидимых враждебных сил, подстерегающих беззащитного человека. Обычно среди духов гораздо больше врагов, чем друзей или покровителей, хотя в различных Писаниях говорится о «несчетном ангельском воинстве» и тому подобном. Может быть, их всех посадили в кутузку с тех пор, как изгнали шайтана из рая. Не знаю.

Как бы то ни было, одно из суеверий, распространенных среди некоторых мусульман, особенно кочевых племен и прозябающих в дикости феллахов Магриба (родственников моей матери), — это обычай называть новорожденного младенца словом, обозначающим какое-нибудь несчастье или вообще что-то скверное, чтобы предохранить его от зависти злого духа или колдуньи. Мне однажды сказали, что так поступают во всем мире, даже в тех местах, где никогда не слышали о нашем пророке, да благословит его Аллах и да приветствует. Меня назвали Марид, что означает «больной», в надежде, что я не буду болеть. Вроде бы подействовало! У меня удалили воспаленный аппендикс несколько лет назад, но ведь это обычная, рутинная операция, и других проблем со здоровьем пока не было. Думаю, я обязан подобному везенью передовым методам лечения, применяющимся в наше время, изобилующее разнообразными чудесами, но кто знает? Хвала Аллаху, Милостивому, Милосердному, Повелителю миров… и так далее.

Я не был завсегдатаем больниц. Поэтому, когда очнулся, мне понадобилось немало времени, чтобы осознать, где я, а потом еще столько же, чтобы понять, как меня занесло в такое приятное место. Перед глазами расстилался лишь сероватый туман.

Я моргал и моргал, но глаза словно залепили песком, смешанным с медом.

Попытался поднять руку, прижатую к сердцу, чтобы потереть веки, но почувствовал страшную слабость: расстояние от груди до лица оказалось непреодолимым. Я снова моргнул и прищурился.

В конце концов удалось разглядеть двоих субъектов в белых халатах, стоящих в ногах моей кровати. Один из мужчин — совсем молодой, чернобородый, с приятным звучным голосом, — держал больничную карту и инструктировал своего коллегу:

— Господин Одран не доставит нам особого беспокойства.

Второй был намного старше, с седыми волосами и хриплым голосом. Он кивнул:

— Медикаменты? Чернобородый нахмурился:

— Это особый случай. Он может получать все, что пожелает, разумеется с разрешения врачей. Но, как я понимаю, врачи дадут разрешение сразу же, как только парень попросит. В любое время.

Седовласый возмущенно фыркнул:

— Он что, победитель какого-нибудь конкурса? Бесплатный отдых в больнице плюс любые, самые дорогие наркотики?

— Говори потише, Али. Он лежит неподвижно, но вполне может тебя услышать.

Не знаю, кто он такой, но с ним обращаются как с заморским принцем или кем-то в этом роде. Лекарства, затраченные на то, чтобы он не почувствовал ни малейшей боли, могли бы избавить от страданий дюжину несчастных в палате для бедных.

Я сразу почувствовал себя грязной свиньей. Какая-то совесть сохранилась и у меня. Я не просил, чтобы со мной цацкались подобным образом, по крайней мере не помнил этого. Надо положить всему конец, и чем скорее, тем лучше. Ну, по крайней мере, хотя бы ограничить… Мне не хотелось выступать в роли шейха.

Чернобородый продолжил, уставившись в карту:

— Господину Одрану сделали весьма сложную внутричерепную операцию.

Круговые имплантации, и, насколько я понимаю, экспериментальные. Поэтому он должен соблюдать длительный постельный режим. Могут быть неожиданные побочные эффекты.

У меня засосало под ложечкой. Какие еще побочные эффекты? Никто раньше даже не упоминал об этом.

— Сегодня же вечером посмотрю его карту, — отозвался седовласый.

— Большую часть времени он спит и вас особенно не побеспокоит. Господи, с эторпиновым пузырем и инъекциями он может проспать десять-пятнадцать лет!

Без всякого сомнения, костоправ недооценивал удивительную способность моей печени и энзимной системы выводить всякую гадость из организма. Все почему-то вечно думают, что я преувеличиваю возможности моего организма.

Они направились к выходу. Старший открыл дверь и вышел

из палаты. Я попытался заговорить — из горла не вылетело ни звука, словно я не пользовался голосовыми связками уже много месяцев. Попытался снова. Раздался хриплый шепот.

Я с трудом глотнул и пробормотал:

— Эй, брат.

Чернобородый положил мою карту на консоль какого-то сложного прибора, стоящего у кровати, и повернулся ко мне, стараясь сохранить бесстрастно-безразличный вид.

— Через секунду вернусь, господин Одран, — спокойно сказал он. Вышел и закрыл за собой дверь.

Палата была чистенькая, без излишеств, но довольно комфортабельная; никакого сравнения с палатами для бедных, где я лежал, когда мне удалили мой лопнувший аппендикс. Очень неприятный эпизод; хорошего в нем было только то, что мне все-таки спасли жизнь, хвала Аллаху, и я познакомился с соннеином (дважды восхвалим Аллаха). Лечение в палате для бедных нельзя назвать чистой филантропией. Конечно, феллахи, которые не могли заплатить врачу, лечились бесплатно, но больничное начальство взяло за правило предоставлять штатным врачам, практикантам и студентам-медикам, а также сестрам и фельдшерам возможность на практике ознакомиться с максимальным числом необычных и редких случаев. Каждый, кто тебя осматривает, берет кровь или мочу, накладывает повязки или делает небольшие хирургические операции, мало знаком со своей профессией. Нет, эти люди относились к своим обязанностям серьезно и добросовестно, беда в том, что у них не было никакого опыта: они могли превратить самую простую процедуру в изощренную пытку.

В моей чистенькой одиночной палате все было по-иному. Удобная постель, чистота, сравнительно просторное помещение и никакой боли. Полный отдых, абсолютный покой и идеальный уход, плюс квалифицированный персонал. Царский подарок Фридландер-Бея. Но скоро мне придется расплачиваться за его доброту. Уж он об этом позаботится.

Наверное, я задремал, потому что внезапно проснулся, разбуженный шумом открывшейся двери. Я ожидал увидеть чернобородого, но вместо него вошел молодой человек в зеленом хирургическом комбинезоне. Сильный загар, блестящие карие глаза и самые пышные черные усы, которые мне когда-нибудь доводилось видеть. Я представил себе, как доктор запихивает их под хирургическую маску перед операцией, и улыбнулся.

— Ну, как сегодня наши дела? — спросил он, не глядя на меня. Просмотрел карту, потом повернулся к приборам у кровати, нажал на какие-то клавиши, и на экранах замелькали

изображения. Врач словно воды в рот набрал: не цокал языком, что часто делают лекари, желая показать, как сильно их беспокоит здоровье пациента, не гудел себе под нос, чтобы вселить бодрость, что раздражает не меньше. Глядя на сменяющиеся ряды цифр на дисплее, он молча подкручивал кончики своих необыкновенных усов. Наконец обернулся ко мне и спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — бесцветным голосом проскрипел я.

Сталкиваясь с врачами, я всегда подозревал, что они хотят вытянуть из меня некую особую информацию, но никогда не спрашивая прямо: боятся, что больной соврет и скажет то, что, как ему кажется, им желательно услышать. Поэтому ходят вокруг да около, как будто трудно догадаться, что им нужно, и наврать с три короба.

— Боли?

— Немного. — Ложь: я был напичкан наркотиками по самую макушку, теперь, увы, выбритую.

Никогда не говорите врачам, что у вас нет болей, они тут же снизят полагающуюся вам дозу анонидов.

— Спали?

— Да.

— Что-нибудь поедите, а?

Я задумался. Хотя прямо в вену на тыльной стороне ладони по трубке капал раствор глюкозы, я умирал от голода.

— Нет, — отказался я.

— Утром сможем дать вам какое-нибудь легкое питье. Вставали с постели?

— Нет.

— Хорошо. Не вставайте еще несколько дней. Головокружение? Онемение рук или ног? Какие-нибудь необычные ощущения — яркий свет, громкие голоса, галлюцинации, что-нибудь вроде этого?

Галлюцинации? Я бы не признался в этом, даже если бы испытывал нечто подобное.

— Ну что ж, все в порядке, господин Одран. Все идет по плану.

Судя по всему, доктор был Турок: я с трудом разбирал его речь, когда он говорил по-арабски; врач тоже не сразу понимал меня.

— Хвала Аллаху. Сколько я уже здесь нахожусь?

Доктор искоса взглянул на меня, потом снова посмотрел в карту.

— Чуть больше двух недель.

— Когда мне сделали операцию?

— Пятнадцать дней назад. До этого вы двое суток находились в больнице; мы готовили вас к операции.

— Угу.

До конца рамадана осталось меньше недели. Интересно, что случилось в городе за мое отсутствие? Я искренне надеялся, что хотя бы несколько друзей и знакомых остались в живых. А если что-нибудь стряслось — убийство, например, виноват Папа. Обвинять Папу — все равно что хулить Бога: тот же эффект, те же результаты. Вряд ли найдется адвокат, который согласился бы вести дело против них.

— Скажите, господин Одран, вы помните, что произошло перед тем, как вас прооперировали?

Вопрос не из легких. Я задумался; это было все равно что нырнуть в скопление штормовых облаков, где таились страх, отчаяние, мрачные предчувствия… Смутно вспоминались резкие голоса, чьи-то руки перекатывали меня по кровати; вспышки резкой боли. Кто-то, кажется, произнес:

«Не тяните за ту сторону». Не знаю, чьи это были слова и что они значили.

Я старался воскресить в памяти хоть что-то реальное. Наконец понял, что не знаю, как очутился в операционной и даже как вышел из дому и попал в больницу.

Последнее, что стоит у меня перед глазами… Никки!

— Моя знакомая, — сказал я. Перехватило горло и пересохло во рту.

— Та, которую убили? — уточнил доктор.

— Да.

— Это было почти три недели назад. Больше ничего не помните с того времени?

— Ничего.

— А нашу первую встречу? Нашу беседу? В голове — непроницаемо-черные грозовые облака, нулевая видимость. Ненавижу провалы в памяти. Даже двенадцатичасовые, не говоря уже о трехнедельных. Ужасное ощущение, и в моем теперешнем состоянии я вряд ли смогу адекватно отреагировать на вопрос врача: не было сил на то, чтобы проявить подходящее к случаю беспокойство.

— Очень жаль, но я ничего не помню. Врач кивнул:

— Мое имя — Еникнани, доктор Еникнани. Я ассистировал вовремя операции вашему хирургу, доктору Лисану. За последние несколько дней к вам постепенно стала возвращаться память. Но если от вас еще ускользает смысл нашей беседы, очень важно, чтобы мы поговорили снова.

Мне хотелось спать. Я устало потер глаза:

— Если вы сейчас скажете что-нибудь, я наверное все забуду, и придется вам повторить лекцию завтра или послезавтра.

Доктор Еникнани пожал плечами:

— Возможно, но вам больше нечего делать, а мне достаточно хорошо платят, чтобы я добросовестно выполнял свой долг. — Он одарил меня широкой улыбкой, чтобы показать, что шутит (мрачные невозмутимые типы вроде него должны делать это время от времени, иначе собеседник сам ни за что не догадается). С такой внешностью доктору больше пристало лежать где-нибудь высоко в горах в засаде, прижимая к плечу автомат, чем подавать хирургу разные щипчики и зажимы; впрочем, мой неглубокий ум, возможно, просто жертва стереотипов. Все равно выглядел он очень забавно! Доктор продемонстрировал свои желтые кривые клыки и признался:

— Я испытываю неистребимую любовь к человечеству. По воле Аллаха мне предназначено облегчать людские страдания; в данном случае — проводя малоинтересные интервью каждый день, пока вы наконец не усвоите все до последнего слова. Наш удел — совершать праведные поступки, дело Аллаха оценивать их по достоинству. — Он снова пожал плечами. Для турка доктор оказался весьма красноречив.

В свою очередь вознеся хвалу Аллаху, я терпеливо ожидал начала душеспасительной беседы.

— Вы смотрели на себя в зеркало? — спросил он.

— Еще нет. — Никогда не спешу узнать, как выгляжу после того, как той или иной части тела нанесен урон; не очень-то люблю созерцать раны, особенно свои собственные. Когда у меня вырезали аппендикс, я не мог смотреть на свое тело ниже пупка целый месяц. А сейчас, когда мне залезли прямо в мозги и начисто обрили голову, смотреться в зеркало тем более не хотелось; соверши я такой неосмотрительный поступок — и буду думать только об одном: что со мной сотворили, зачем и к чему это приведет. Мудрый и осторожный человек мог бы валяться на больничной койке месяцы или даже годы, находясь в приятном полусонном состоянии. Не так уж это страшно. Лучше быть немым кататоником, чем немым трупом. Интересно, сколько они собираются держать меня здесь, перед тем как швырнуть прямо в стальные объятия Улицы? Можете быть уверены, я никуда не спешу!

Доктор Еникнани рассеянно кивнул.

— Ваш… патрон, — сказал он, тщательно выбирая слова, — да, ваш патрон особо настаивал на том, чтобы вам сделали возможно более полную внутричерепную ретикуляцию. Поэтому

операцию проводил сам доктор Лисан: он лучший нейрохирург города и заслужил широкое признание во всем мире. Многие приспособления, которые он применил в вашем случае, изобретены или усовершенствованы лично им; он также использовал несколько новых методов. Назовем их… экспериментальными.

Его слова нисколько меня не успокоили. Наплевать мне на то, какой великий хирург-новатор их знаменитый доктор Лисан! Я приверженец старой доброй школы:

«Лучше меньше, да безопаснее». Пусть мой мозг обладает чуточку меньшим количеством «экспериментальных» талантов, но не превратится в бесполезную серую массу или не взорвется от перенапряжения. Ах ты черт! Я горько улыбнулся, подумав, что в принципе засовывать раскаленные проволочки в потаенные уголки мозга, чтобы посмотреть, что произойдет, не намного опаснее, чем колесить на бешеной скорости по городу в такси Билла, безумного американца. Наверное, у меня все-таки проявляется фрейдистская жажда смерти. А может, я просто идиот.

Доктор поднял крышку столика на колесах, который стоял возле кровати; под крышкой оказалось зеркало. Он подкатил столик ко мне, чтобы я мог полюбоваться на свое отражение. Я Выглядел ужасно, словно уже умер, отправился прямиком в ад, но по дороге заблудился и застрял где-то в бесконечности: уже не живой, но еще не настоящий респектабельный покойник. Борода аккуратно подстрижена (по-видимому, я подбривался каждый день, или кто-то делал это за меня, хотя ничего в памяти не отложилось), лицо бледное, с неопрятным серым оттенком, словно кто-то измазал меня типографской краской, под глазами — темные круги. Сидя в постели, я долго смотрел на себя и не сразу заметил, что голова тщательно выбрита, и череп покрыт тонким пухом, похожим на сухой лишайник, прилипший к холодному камню. Розетку, которую мне вживили, я не увидел, — она была скрыта под повязкой. Я медленно поднял руку, чтобы пощупать свою макушку, но в конце концов так и не решился. Внезапно закружилась голова, засосало под ложечкой; я бросил взгляд на доктора, и моя рука бессильно упала на одеяло.

— Когда снимут все повязки, — сказал он, — вы увидите, что мы сделали вам два устройства для ввода модулей: одно спереди, другое сзади, ближе к затылку.

— Два? — Никогда раньше не слышал о подобном.

— Да. Доктор Лисан решил сделать вам двойную имплантацию.

Так жестоко нагружать мой слабый мозг — все равно, что

поставить на арбу ракету в качестве мотора; арба все равно не полетит. Я закрыл глаза. Никогда в жизни я не был так напуган. Начал читать про себя «Фатиху», первую суру Благородного Корана, которая приходит на ум в экстремальных ситуациях и обычно успокаивает и придает сил. Это мусульманский эквивалент христианского «Отче наш». Потом, открыв глаза, снова уставился на свое отражение. Страх все еще не отпускал меня, но, по крайней мере, теперь на небесах были в курсе моих бед, и с этого момента я собираюсь принимать все, что бы со мной ни случилось, как волю Аллаха.

— Значит, я смогу вставить два разных модика одновременно и чувствовать себя двумя разными людьми, так?

Доктор Еникнани нахмурился:

— Нет, господин Одран, ко второму устройству можно будет подключать различные обучающие приставки, но не модуль. Нельзя использовать одновременно два различных личностных модуля. Это может привести к тому, что оба полушария и мозжечок будут годны разве на то, чтобы высушить их и сделать из черепа пресс-папье. Мы вживили вам добавочный ввод, как просил нас… (тут он едва не проявил неосторожность, коснувшись имени Папы)… как указал нам ваш патрон.

Врач-терапевт проинструктирует вас о наиболее эффективном использовании вживленных в мозг устройств. Как вы будете применять их, выйдя из больницы, это, конечно, ваше личное дело. Помните только, что вы сейчас получили прямой контакт со своей центральной нервной системой и можете на нее непосредственно воздействовать. Это не то, что проглотить несколько пилюлек и бегать по городу до тех пор, пока их действие не кончится! Если используете вживленные устройства не так, как надо, ваши действия могут иметь необратимые последствия.

Повторяю: необратимые и ужасные последствия для вашего здоровья.

О'кей, все понятно, док! Я подчинился желаниям Папы и остальных доброжелателей: вставил розетку в мозг. Милый доктор-праведник Еникнани, однако, сумел нагнать на меня страху, и, лежа в своей палате, я решил, что по крайней мере никому не обещал использовать проклятые розетки. Как только поправлюсь, выйду из больницы, отправлюсь домой — забуду про дьявольские устройства, займусь своими обычными делами, буду жить так, словно ничего не произошло. Пусть кто-нибудь попробует заставить меня хоть на секунду вставить какой-нибудь модик! Розетки пусть торчат в голове, как украшения, но если речь зайдет об использовании уникальных новоприобретенных

способностей, я скажу:

«Стоп, ребята! Извините, но такой тип услуг клиентам не предоставляется и предоставляться в дальнейшем не будет!» Одно дело время от времени подстегивать свои ленивые серые клеточки пилюльками, причем без необратимых последствий, и совсем другое — поджаривать их в микроволновой печке! Я позволяю собой командовать лишь до определенной степени: в один прекрасный момент мое врожденное упрямство берет верх.

— Итак, — провозгласил доктор Еникнани уже в мажорной тональности, — после этого небольшого предупреждения вам, наверное, не терпится выяснить, на что способны ваши модифицированные тело и мозг?

— Еще бы, — отозвался я без особого энтузиазма.

— Что вы знаете о деятельности мозга и нервной системы? Я засмеялся:

— Ну, не больше, чем любой бездельник в Будайине, который с трудом может прочитать и написать свое имя. Я знаю, что мозг расположен в башке, и слыхал, что, если какой-нибудь громила расколет ее и серое вещество вывалится на мостовую, мне придется плохо. Вот и все, пожалуй. — На самом деле, я конечно прибеднялся: всегда стараюсь показать себя немного хуже, чем я есть. На всякий случай. Очень полезно быть чуть-чуть умнее, быстрее и сильнее, чем тебя считают окружающие.

— Итак, второе имплантированное вам в мозг устройство, расположенное сзади, будет работать самым обычным образом. Вы сможете подключать к нему личностные модули. Знаете, врачи до сих пор отнюдь не единодушны в вопросе о целесообразности использования модулей. Некоторые наши коллеги полагают, что потенциальная угроза здоровью намного превышает все плюсы таких возможностей. К слову сказать, положительные моменты в первые годы использования модулей можно пересчитать по пальцам: они создавались в весьма ограниченных количествах и с весьма ограниченными функциями, как средства для лечения пациентов, страдающих серьезными расстройствами деятельности мозга и нервной системы. Однако впоследствии идею подхватили и раздули, и теперь личностные модули применяются совершенно не так, как планировали их создатели. — Доктор снова пожал плечами.

— Слишком поздно пытаться что-либо изменить, а те единицы, которые ратуют за полное запрещение модулей, с трудом собирают даже небольшую аудиторию. Поэтому сегодня каждый может стать обладателем практически любого модуля; в открытой продаже имеются чрезвычайно удобные и полезные, экономящие массу времени и сил устройства; есть и такие,

которые многие сочтут оскорбительными для морали и нравственности. — Я сразу же подумал о Хони Пилар. — Стоит лишь зайти в любой магазин по продаже модулей, и вы станете, скажем, самим Садах ад-Дином, легендарным султаном и великим героем ислама;[17] или превратитесь в сказочного султана Шахрияра, чтобы сполна насладиться обществом прекрасной жены-рассказчицы и других персонажей «Тысячи и одной ночи». Имплантированное вам второе устройство для ввода модулей способно также принять до шести приставок.

— Но в этом нет ничего необычного или особенного, — сказал я.

— Как насчет экспериментальных штучек, которые дадут мне преимущества над другими? Насколько это опасно?

Доктор растянул губы в улыбке.

— Трудно сказать что-то определенное, господин Одран; в конце концов, эксперимент есть эксперимент. Их действие проверено на подопытных животных и нескольких людях-добровольцах. Результаты сочли удовлетворительными, но не все согласились с этим… Весьма многое будет зависеть от вас, господин Одран, если на то будет воля Аллаха. Прежде чем объяснить, что я имею в виду, давайте разберемся, какие именно «экспериментальные штучки» вы приобрели. Личностные модули изменяют сознание и, пока они подключены к мозгу, заставляют вообразить себя другим человеком. Обучающие программы-приставки вводят нужную информацию непосредственно в так называемую «кратковременную память», с их помощью можно мгновенно получить знания практически в любой области, причем, как только приставку вытаскивают из гнезда, все это исчезает. Но специальные приставки, которыми теперь получили возможность пользоваться вы, подключив их к первому устройству для ввода модулей, воздействуют на участки, отвечающие за другие важнейшие функции мозга. — Он взял черный фломастер и схематично изобразил на листке бумаги мозг. — Сначала мы ввели в ваш таламус сверхтонкую серебряную проволоку, покрытую пластиком. Она такая крошечная и хрупкая, — меньше одной тысячной инча[18] в диаметре, — что хирурги вынуждены применять манипулятор. Благодаря вживленной в таламус проволоке вы сможете подсоединять уникальную обучающую программу, которой мы вас снабдим, и с ее помощью «отключать» участки, принимающие сигналы от органов чувств. Если, например, требуется сконцентрировать внимание на чем-то одном, надо просто блокировать любые отвлекающие факторы: запах, звук, вкус, зрение…

Я восхищенно задрал брови.

— Да, нетрудно представить себе, какую пользу может принести эта штука…

Доктор Еникнани улыбнулся:

— «Эта штука» — лишь десятая часть способностей, которыми мы наделили вас, господин Одран. К другим участкам также проведены проводки. Возле таламуса, в самом центре мозга, расположен гипоталамус — маленький участок, который, однако, отвечает за множество жизненно важных функций организма. Вы сможете, если захотите, контролировать, изменять и полностью блокировать их. Например, пожелав «убрать» чувство голода, вы, используя наружную приставку, полностью избавитесь от него, даже если наступит истощение. То же самое — с ощущением жажды и с болью. Вы будете регулировать температуру тела, давление, а также степень сексуального возбуждения. И, наконец, на мой взгляд важнейшее преимущество, — способность «отключать» усталость.

Я, не шелохнувшись, сидел на койке, завороженно уставясь на него, словно чудо-доктор только что распаковал яркую коробку и вынул оттуда сказочное сокровище, скажем, настоящую лампу Алладина. Но доктор Еникнани никак не походил на джинна-раба волшебной лампы, а работа его не связана с магией, хотя, честно говоря, для меня все это было так же непостижимо, как заклинания. Я даже не решил еще, можно ли полностью поверить его словам. В общем, крутые турки с такой разбойничьей физиономией, от которых в той или иной степени зависит мое будущее, обычно сразу вызывают у меня доверие. Конечно, ничто не мешает мне на всякий случай относиться к ним с определенной долей сарказма. Так что пусть продолжает свою лекцию.

— Вам будет намного легче запоминать и осмысливать новую информацию, овладевать новыми знаниями. Разумеется, в вашем распоряжении электронные приставки; однако на случай, если появится желание закрепить факты в «долговременной памяти», мы поработали с вашим гипокампусом и близлежащими областями мозга. Если потребуется, сможете изменять свои биочасы: засыпать, когда пожелаете, и просыпаться точно в установленное время. Провод, вживленный в гипофиз, обеспечит непрямой контроль над эндокринной системой, надпочечниками, вырабатывающими адреналин, и щитовидной железой. Терапевт потом детально опишет вам, как с наибольшей эффективностью использовать преимущества подобного рода. Как видите, в целом мы предоставили вам возможность полностью сконцентрироваться на выполнении своих задач, не отвлекаясь на

удовлетворение тех или иных нужд организма. Разумеется, сказанное не означает, что вам теперь вообще не потребуется сон, вода или не придется отправлять естественные потребности. Просто при желании можно блокировать настойчивые и весьма неприятные сигналы-предупреждения организма.

— Мой шеф позаботился, чтобы ничто не отвлекало меня от выполнения поставленной им задачи, — подытожил я без особого восторга в голосе.

Доктор Еникнани тяжело вздохнул:

— Да, верно. Позаботился обо всем.

— Что-нибудь еще?

Он задумчиво пожевал губу:

— Да, но остальное вам подробно расскажет терапевт; кроме того, вам выдадут стандартный набор брошюр. Нужно еще, пожалуй, упомянуть вот о чем: вы сможете контролировать свою лимбическую систему, которая непосредственно влияет на эмоции. Это одна из новых разработок доктора Лисана.

— То есть смогу выбирать себе настроение? Как, скажем, одежду?

— В определенной степени, да. Кроме того, работая с определенными областями мозга, мы иногда могли затронуть сразу несколько функций. Например, ваш организм теперь будет гораздо быстрее избавляться от алкоголя. Если, конечно, когда-нибудь вам понадобится выпить. — Он укоризненно посмотрел на меня: хороший мусульманин, разумеется, не вправе употреблять спиртное. Доктору, наверное, было известно, что я, мягко говоря, не самый примерный последователь заветов ислама в нашем городе. Однако это довольно деликатный предмет, тем более для обсуждения его с незнакомым человеком.

— Я уверен, шеф будет доволен таким достижением. Отлично. С нетерпением жду выписки. Я буду рукой Аллаха, сеятелем добра среди неправедных и погрязших в разврате.

— Иншалла, — серьезно сказал доктор. — Если пожелает Аллах.

— Хвала Аллаху, — отозвался я, пристыженный искренней верой, прозвучавшей в его голосе.

— Остался еще один момент, а потом мне хотелось бы поделиться с вами соображениями, касающимися философии, которой придерживаюсь я. Во-первых, и вы наверняка об этом знаете, в мозгу — точнее, в гипоталамусе, — есть центр удовольствия, который можно стимулировать искусственным образом.

Я сделал глубокий вдох:

— Да, слышал об этом. Говорят, ощущение потрясающее…

— Подопытные животные и люди, которым дают возможность самим стимулировать «центр удовольствия», часто забывают обо всем на свете: о еде, питье, о других потребностях организма, — и продолжают возбуждать себя, пока не погибнут. — Его глаза сузились. — О нет, господин Одран, ваш центр удовольствия мы не трогали.

Ваш… шеф решил, что искушение будет слишком сильным, а у вас масса более важных дел, чем устраивать себе какой-то псевдорай.

Не знаю, хорошая это новость или плохая. Я, конечно, вовсе не хотел бы тихо зачахнуть, истощив свой организм бесконечным квазиоргазмом. Но с другой стороны, если придется выбирать между подобной перспективой и свиданием с парочкой озверевших психопатов-убийц, вполне возможно, в момент слабости я отдам предпочтение первому. Невероятное наслаждение, которое никогда не кончается, не теряет первоначальной остроты…

С непривычки придется нелегко, но со временем приноровлюсь.

— Рядом с центром удовольствия, — продолжал доктор Еникнани, — расположен участок, вызывающий необузданную ярость и агрессивность. Это также центр наказания. При его стимуляции человек испытывает страдание, по силе не уступающее экстазу во время воздействия на центр удовольствия. Так вот, данный участок мы обработали. Ваш шеф посчитал, что это может оказаться полезным при определенных обстоятельствах; кроме всего прочего, он получает возможность вас как-то контролировать. — Доктор говорил подчеркнуто неодобрительным тоном. Я, естественно, тоже не испытывал особой радости. — Если вы сами решите «включить» центр наказания, можете превратиться в ужасное существо, настоящего ангела-мстителя, которого невозможно остановить. — Он замолчал; доктор явно считал профанацией высокого искусства нейрохирургии то, что приказал сделать Фридландер-Бей.

— Мой… шеф обдумал все до последней детали, верно? — произнес я с горькой насмешкой в голосе.

— Да, очевидно. То же самое должны сделать и вы. — После этого доктор неожиданно наклонился и положил мне руку на плечо. Подобный жест сразу изменил тон разговора. — Мистер Од-ран, — произнес он очень серьезно, глядя мне прямо в глаза, — я знаю, почему вы решились на операцию.

— Ага, — промычал я, с любопытством ожидая продолжения.

— Во имя Пророка, да будет с ним мир и благословение Божие, вы не должны страшиться смерти.

Этого я не ожидал.

— Ну, вообще-то я не особенно размышляю на подобные темы… Но ведь электронные штуки, которыми вы напичкали мой мозг, не настолько опасны?

Если честно, я действительно боялся, что, произойди что-то не так, и я рискую стать идиотом, но уж никак не трупом. Нет, такое мне в голову не приходило.

— Вы не поняли меня! Я говорил совсем о другом. Когда вы покинете госпиталь и начнете деятельность, ради успеха которой претерпели все тяготы, изгоните из сердца страх. Великий английский мудрец Виллиам аль-Шейк Сабир в своей замечательной пьесе «Король Генрих Четвертый, часть первая» говорит:

«Жизнь — игрушка для времени, а время — страж вселенной — когда-нибудь придет к концу».[19] Как видите, смерть ожидает всех нас. От нее не скрыться, не убежать; смерть — благо, ибо это — врата, через которые человек попадает в рай, — да будет благословен его Создатель. Итак, исполняйте свой долг, господин Одран, и пусть не смущает вашу душу недостойный страх перед смертью!

Просто замечательно: мой врач оказался еще и мистиком-суфием! Я не знал, как отреагировать, и молча разглядывал его физиономию. Доктор сжал мое плечо и выпрямился. — С вашего разрешения, — произнес он. Я слабо взмахнул рукой:

— Пусть сопутствует тебе удача.

— Мир тебе, — произнес от традиционную фразу.

— И с тобой да пребудет мир, — ответил я. Доктор Еникнани покинул палату.

Джо-Маме наверняка страшно понравится эта история. Интересно будет услышать ее интерпретацию…

Сразу после ухода врача явился молодой санитар со шприцем. Я попытался объяснить, что вовсе не мечтал, чтобы меня накачали наркотиком; просто хотел задать пару вопросов. Но парень резко произнес:

— Повернитесь на живот. Куда колоть: слева, справа?

Я немного поворочался, и в конце концов решил, что мой бедный зад везде болит примерно одинаково.

— А еще куда-нибудь нельзя? В руку?

— В руку нельзя. Могу только пониже, в ногу. — Он довольно грубо стащил простыню, протер ваткой бедро и всадил шприц. Потом быстро протер место укола, повернулся и пошел, не сказав ни слова. Я явно не принадлежал к его любимым пациентам.

Мне захотелось остановить парня, объяснить, что я вовсе не самовлюбленный, сластолюбивый и порочный сын свиньи, каким

он меня считает. Но прежде чем он дошел до двери, прежде чем я успел открыть рот, голова сладко закружилась и знакомое, по-матерински теплое и ласковое забвение приняло меня в свои объятия, избавив от всех ощущений. Последняя мысль перед тем, как я полностью отключился: «Так здорово никогда в жизни не было…»

Глава 13

Я не ожидал наплыва посетителей; еще до конца не решившись на операцию, все-таки предупредил всех знакомых, что ценю их заботу, но предпочитаю, чтобы меня оставили в покое, пока не поправлюсь. В ответ мне тактично дали понять, что навещать меня никто и не собирается. Ну и пусть, гордо сказал я себе. На самом деле мне не хотелось никого видеть, потому что я примерно представлял себе эту процедуру. Посетители усаживаются на кровати у тебя в ногах и начинают притворно-бодро уверять, что ты прекрасно выглядишь, скоро почувствуешь себя лучше, что все по тебе ужасно скучают. А если ты не успеешь заснуть на данном этапе, в подробностях опишут все перенесенные когда-то ими операции. Все это мне не нужно. Я хотел в одиночестве насладиться последними молекулами эторфина, введенного в мой мозг, чтобы он постепенно рассасывался. Конечно, на всякий случай я приготовился играть роль стоика и мужественного страдальца в течение нескольких минут в день. Но репетиции оказались напрасными. Мои друзья были верны слову: ни единого чертова посетителя, вплоть до последнего дня перед выпиской! Никто не нашел времени позвонить, прислать открытку или хотя бы какой-нибудь трогательный цветочек. Ну погодите, я вам этого не забуду!

Я видел доктора Еникнани каждый Божий день, и каждый Божий день он напоминал, что есть многое, чего следует бояться больше смерти. Доктор любил творчески развивать эту оригинальную мысль: такого зануду я еще не встречал.

Его попытки успокоить встревоженную душу пациента приводили к обратному результату; доктору следовало бы ограничиться обычными медикаментозными средствами — пилюльками. Они, — я имею в виду больничные лекарства, изготовленные на фармацевтических фабриках, — действовали просто замечательно, заставляя забыть и о смерти, и о страданиях — вообще обо всех неприятностях.

По прошествии нескольких дней стало ясно, как сильно ценит мое благополучие родной Будайин: даже если бы я умер и был погребен в новенькой мечети в Мекке или в какой-нибудь египетской пирамиде, воздвигнутой в мою честь, никто об этом и не узнал бы! Вот так друзья! Вопрос: как мне вообще пришло в голову рисковать ради таких крыс своей шкурой! Я задавал его себе снова и снова, но ответ всегда был один: потому что кроме них у тебя никого нет. Печально, правда? Чем дольше я наблюдаю за поведением людей, тем больше радуюсь, что никогда не

принимал их поступки близко к сердцу. Иначе свихнулся бы или повесился с тоски…

Подошел конец рамадана, а с ним и праздник — пир, знаменующий завершение поста. Жалко пропустить его, потому что этот день — ид аль-фитр — для меня один из самых светлых в году. Я всегда праздновал конец поста, поглощая горы атаиф лепешек, пропитанных сиропом, с густым кремом наверху, обсыпанных тертым миндалем, сбрызнутых водой, настоянной на апельсиновых корках. Вместо них меня угостили на прощание парочкой уколов соннеина. И вот наконец некий религиозный лидер города объявил, что узрел молодой серпик луны, а стало быть, начался новый месяц, и жизни разрешается вернуться в обычное русло.

Я заснул безмятежным сном. На следующее утро проснулся рано: санитар пришел, как обычно, чтобы взять кровь на анализ. Жизнь остальных мусульман могла продолжить свое течение, но моя навсегда свернула в неведомом направлении… Все! Чресла мои опоясаны, меня ожидает поле брани… Разверните знамена, о братья мои, и ринемся на врага, как волки на овец. Я несу не мир, но меч. Во имя Аллаха, вперед!

Я расправился с завтраком; меня умыли. Я потребовал укольчик: приятно принять в себя соннеин после утренней работы челюстями и покайфовать перед вторым завтраком. Открыл глаза часа через два — поднос с едой: голубцы, хамуд; кюфта на шампуре, с приправой из лука, кориандра, специй, плюс рис. Молитва лучше сна, о правоверные, а еда лучше наркотиков… во всяком случае, иногда.

Потом еще один укол, и снова безмятежный сон. Меня разбудил Али, мрачный санитар. Он тряс меня за плечо, бормоча: «Господин Одран…»

Ох нет, подумал я, только не очередной анализ крови, и попытался снова уснуть.

— К вам посетитель, господин Одран! Посетитель? Тут какая-то ошибка. Я умер и похоронен на заоблачной вершине горы, и делать мне совершенно нечего разве что ждать визита ребят, грабящих могилы великих людей. Но я еще даже не успел окоченеть. Не могли подождать, пока я остыну в гробу, мерзавцы. Готов поспорить, к Рамзесу II проявляли больше почтения. Или, скажем, к Гаруну аль-Рашиду, или к принцу Саалиху ибн Абдул-Вахиду ибн Сауду… В общем, к кому угодно, кроме меня. Я с трудом сел.

— О мой проницательный друг, ты прекрасно выглядишь!

На мясистой физиономии Хасана красовалась плохо приклеенная неискренняя улыбка прожженного дельца,

придающая его лицу ханжески-елейное выражение. Она не обманет даже самого доверчивого и тупого туриста.

— Все в руках Всемогущего, — ответил я невпопад.

— Да, да, восхвалим Аллаха. Очень скоро ты совсем поправишься, иншалла.

Я не потрудился ответить. Хорошо уже, что он не уселся на моей кровати!

— Знай, о мой возлюбленный племянник: Будайин погружен в печаль без тебя, чье присутствие несет радость нашим уставшим душам.

— Я уже понял это, — сказал я, — из целого потока открыток и писем. И еще одно свидетельство — толпы друзей, сидящих в коридорах больницы днем и ночью, горя желанием увидеть меня или хотя бы услышать, как я себя чувствую. И тысячи маленьких знаков любви, облегчивших мое пребывание здесь. Не нахожу слов, чтобы выразить свою благодарность.

— Правоверный не ждет благодарности…

— …когда исполняет долг милосердия. Знаю, Хасан. Что еще?

Шиит выглядел слегка смущенным. Может быть, у него мелькнула мысль, что я издеваюсь над ним? — Но вообще-то Хасан просто неспособен воспринимать иронию.

Он снова улыбнулся.

— Я очень рад, что сегодня вечером ты будешь с нами.

Я вздрогнул.

— Неужели?

Он воздел жирную руку.

— Разве я когда-нибудь ошибаюсь? Тебя выписывают после полудня. Фридландер-Бей послал меня, чтобы известить: ты должен нанести ему визит, когда почувствуешь себя лучше.

— Я даже не знал, что меня собираются выписывать, и уж точно не ожидал встречи с Фридландер-Беем завтра; но он «не хочет торопить» меня. Полагаю, у входа ждет машина, чтобы отвезти меня домой?

Хасан изобразил страшное огорчение, но ему явно не понравились мои слова.

— О мой дорогой, как бы хотелось помочь тебе! Но, увы, меня ждут неотложные дела в другом месте.

— Иди с миром, — тихо сказал я, откинулся на подушки и попытался уснуть.

Но сон исчез.

— Аллах йисаллимак, — пробормотал Хасан и тоже исчез…

Безмятежный покой, царивший в моей душе последние дни, испарился с обескураживающей быстротой; его заменило какое-то

извращенное чувство омерзения к собственной персоне. Помню, года два назад я бегал за девушкой, работавшей в «Красном фонаре» и иногда появлявшейся в «Старом Чикаго Большого Ала». Моя жизнерадостная, заводная манера произвела на нее впечатление. В конце концов удалось пригласить ее пообедать вместе (не помню, где); потом отправились ко мне. Через пять минут после того, как я открыл дверь, мы уже были в постели, трахались минут десять-пятнадцать, и вдруг я почувствовал, что все прошло! Я лежал на спине и смотрел на нее. У моей возлюбленной были плохие зубы и выпирающие повсюду кости. От нее несло кунжутным маслом так, словно она использовала его вместо дезодоранта. «Боже мой, — подумал я, — как здесь очутилась эта девица? И как мне от нее избавиться?» После полового акта все животные становятся грустными; если быть точным, вообще после того, как испытают удовольствие любого рода. Мы не созданы для наслаждения. Мы созданы для бесконечно долгой агонии жизни, для того, чтобы видеть свое существование со всей беспощадной ясностью, что часто само по себе — нестерпимая мука. Я ненавидел себя тогда и сейчас испытываю такое же чувство. Раздался осторожный стук в дверь. Вошел доктор Еникнани; он рассеянно взглянул на пометки санитара.

— Меня выписывают? — спросил я. Он посмотрел на меня ясными черными глазами.

— Что, что? А, да, выписывают. Врач уже оформил нужные бумаги. Пусть кто-нибудь приедет и заберет вас. Таковы больничные правила. Вы можете покинуть нас в любое время, когда пожелаете.

— Хвала Аллаху, — заметил я совершенно искренне. Странно, но факт: я обрадовался.

— Хвала Аллаху, — отозвался доктор. Он посмотрел на пластмассовую коробку с училками, лежащую на столике возле кровати. — Вы уже опробовали их?

— Да, — ответил я.

Ложь. Я «примерил» лишь несколько штук под руководством терапевта; результаты в основном разочаровали. Не знаю, чего я ожидал. Когда вставляешь училку, знания, заложенные в ней, мгновенно поступают в память; чувство такое, словно они были там всю жизнь. Как будто выучил тексты, готовясь к экзамену, просидев за книгами всю ночь, с той разницей, что ничего не забудешь и хорошо выспался. Как только вытаскиваешь приставку, все уходит… Не впечатляет. Но я предвкушал возможность попробовать что-нибудь специфическое из магазинчика Лайлы. Иногда училки бывают очень полезны. По-

настоящему я боялся личностных модулей — зловещих устройств, с помощью которых что-то чужое овладевает разумом и телом, отпихивая твое «я» куда-то в дальний уголок. Подобная перспектива все еще смертельно пугала меня.

— Что ж, хорошо, — сказал доктор Еникнани. Он не пожелал мне удачи, поскольку судьба человека — в руках Аллаха. Всемогущий заранее знает, чем все кончится, поэтому проблема везения отпадает.

— Да пошлет тебе Аллах успешного завершения всех начинаний, — поэтому сказал он.

Прекрасное напутствие. Теперь, когда мы прощались, доктор определенно начал мне нравиться.

— Иншалла.

Мы пожали друг другу руки, и он ушел. Я подошел к шкафу, вытащил свою одежду и бросил на кровать: рубашку, ботинки, носки, нижнее белье и новые джинсы (не помню, когда я успел купить их!). Быстро одевшись, попробовал связаться с Ясмин. Длинные гудки… Тогда я позвонил домой: может, она у меня.

Опять никого… Пошла на работу?

Еще нет двух часов. Я позвонил Френчи — в баре ее пока не видели. Записку персоналу я оставлять не стал и вызвал такси.

Не знаю, что говорится на этот счет в больничных правилах, но меня, покидающего палату без сопровождающих, никто не остановил. Санитар отвез меня в кресле на колесиках вниз, и я пересел в такси, сжимая сумку с личными вещами в одной руке, а пакет с училками — в другой. В душе моей царило смятение, но я не чувствовал ни радости, ни горя…

Я отпер дверь и вошел, ожидая увидеть полный беспорядок. Возможно, Ясмин забегала сюда, пока я был в больнице, а за моей подружкой никогда не водилось привычки убирать после себя. Я думал, что на полу будут разбросаны ее вещи, в раковине — красоваться гора грязной посуды, на столе и плите — остатки еды, пустые банки и бутылки. Но в комнате царила такая же чистота и порядок, как и тогда, когда я вышел отсюда в последний раз. Да нет, пожалуй, стало даже чище никогда я так тщательно не подметал, не вытирал пыль и не мыл окон. Сразу закрались подозрения: искусный взломщик, страдающий манией чистоты, проник в мой дом. Возле матраса на полу лежали три туго набитых конверта. Я наклонился и поднял их. На всех напечатано мое имя, внутри каждого — по семь сотен киамов десятками: семьдесят новеньких купюр, перетянутых резинкой. Две тысячи сто киамов. Моя зарплата за недели, проведенные в больнице. Честно говоря, не ожидал, что мне засчитают это время. Вообще-то, я с удовольствием полежал бы в больнице и

задаром: соннеин, особенно когда он сочетается с эторфином, — весьма неплохой коктейль…

Я свалился на кровать и бросил деньги рядом, где часто спала Ясмин. Я все еще ощущал странную пустоту в голове, словно бессознательно ожидал появления чего-то, что придаст смысл моему существованию; по крайней мере намекнет, что делать. Часы показывали четыре без нескольких минут. Я решил не откладывать самое трудное на потом. Лучше покончить с этим сразу.

Встал, сунул пачку киамов в карман, нашел ключи и спустился вниз. Ага, сразу нечто зашевелилось… Правда, ощущение было не из приятных — холодный страх и предчувствие мрачных событий напоминали тринадцать ступеней к эшафоту и петлю, правда, пока невидимую. Я дошел до Восточных ворот и поискал Билла, безумного американца, но его, как назло, не было. Пришлось сесть в другую машину.

— К дому Фридландер-Бея. Водитель обернулся и внимательно посмотрел на меня.

— Нет, — отрезал он.

Я вылез и нашел не столь щепетильного таксиста, предусмотрительно договорившись о плате заранее.

Подъехав к логову Папы, я расплатился и вылез. Никто не знал, что я появлюсь здесь; возможно, Папа не ожидал увидеть меня раньше завтрашнего дня.

Тем не менее его лакей открыл полированную дверь красного дерева еще до того, как я успел одолеть белую мраморную лестницу.

— Господин Одран, — произнес он вполголоса.

— Удивляюсь, как ты меня запомнил. Лакей пожал плечами (возможно, улыбаясь про себя), поприветствовал меня:

— Салам алейкум, — и повернулся ко мне спиной.

— Алейкум ассалам, — ответил я и последовал за ним.

Он проводил меня к кабинету Папы, в ту самую комнату, где я ожидал хозяина во время первого визита. Я сел, но потом вскочил и принялся беспокойно ходить взад-вперед. Черт, зачем я сюда явился? Мне абсолютно нечего сказать Папе, кроме «здравствуйте, как поживаете?». Но Фридландер-Бей умеет быть хорошим хозяином (когда это служит его целям); он не позволит гостю почувствовать себя неловко.

Пока я прокручивал все это в голове, дверь кабинета открылась, и один из каменных истуканов жестом дал понять, что можно войти. Я протиснулся мимо него и очутился в обществе Папы. Он выглядел утомленным, словно занимался решением неотложных финансовых, политических, религиозных,

юридических, военных вопросов (и что там еще назвать?) без передышки много часов подряд. На белой рубашке проступили пятна пота, волосы растрепались, глаза покраснели от усталости.

Когда Папа поднял руку, обращаясь к Говорящему Булыжнику, она заметно дрожала.

— Кофе, — приказал он тихо, хрипловатым голосом. Потом повернулся ко мне:

— Подойди, подойди к нам, племянник, сядь. Как ты себя чувствуешь? Хвала Аллаху, операция прошла успешно. Я получил доклады доктора Лисана. Он вполне доволен результатами. В этом отношении я тоже доволен, но, разумеется, истинным доказательством эффективности устройств будет их правильное использование. Я молча кивнул.

Булыжник принес кофе, и это дало мне несколько минут передышки. Пока мы пили и перебрасывались пустыми фразами, я чувствовал на себе внимательный взгляд Папы; его брови сошлись в единую линию, на лице появилось слегка брюзгливое выражение. Я прикрыл глаза, кляня себя за глупость: как же меня угораздило явиться в такой одежде! Джинсы и ботинки выглядят нормально в клубе Чири или когда я слоняюсь по городу в компании Махмуда, Жака и Сайеда, но для визита к Папе нужна галабийя. Слишком поздно: раз уж сел в лужу, придется как-нибудь выбираться из нее.

После второй порции кофе я слегка покачал чашку, показывая этим, что больше не хочу. Кофе унесли; Папа прошептал что-то Булыжнику. Второй громила тоже вышел из комнаты. Впервые меня оставили с Папой наедине. Я терпеливо ждал.

Старец напряженно думал о чем-то, сжав губы.

— Меня радует, что ты настолько проникся моими заботами, что согласился на операцию, — произнес он наконец.

— О, шейх, — начал я. — Я…

Он сразу поднял руку, прервав меня.

— Однако это не может решить наши проблемы. Увы, мой племянник, никак не может. Мне передавали также, что ты медлишь, не решаясь использовать в полном объеме способности, которыми мы тебя одарили. Ты полагаешь, что выполнил наше соглашение, модифицировав мозг, но не заставляя устройство работать. Не обманывай себя. Наша общая проблема не может быть решена, пока ты не согласишься воспользоваться оружием, которое я тебе вручил, и не просто воспользоваться, а применить в полной мере. Сам я не обладаю такими… способностями, ибо считаю, что они противоречат основам веры, поэтому может возникнуть вопрос, вправе ли я давать советы. Думаю, все же я имею необходимые знания в этой области. Ты не хочешь обсудить

со мной, какой модуль выбрать?

Он читал мои мысли; что ж, ведь это Фридландер-Бей! Как ни странно, чем сильнее я запутывался в паутине, тем легче становилось общаться со старым пауком. Например, сейчас, отказываясь от его «предложения», я не трясся от страха перед последствиями.

— О шейх, мы еще даже не обговорили, кто наш враг. Разве без этого можно вычислить наилучший личностный модуль, чтобы он стал орудием мести?

Молчание. В моих ушах, словно удары колокола, отдавалось биение собственного сердца. Папа чуть приподнял брови, потом лоб его разгладился.

— Ты еще раз доказал, племянник, что мой выбор доверенного помощника правилен. Ты прав. С чего же ты предлагаешь начать?

— О шейх, начну с того, что укреплю сотрудничество с лейтенантом Оккингом и выужу все данные, собранные полицией. Я знаю кое-что о жертвах, неизвестное Оккингу, и не вижу веских причин делиться с ним этой информацией. Позднее он может получить ее. Затем опрошу наших общих друзей: наверняка отыщутся какие-то «ушки». Итак, первым делом я предлагаю тщательно, применяя научные методы, изучить все имеющиеся факты.

Фридландер-Бей задумчиво кивнул:

— Оккинг располагает сведениями, которых нет у тебя, ты — информацией, которой нет у него. Кто-то должен собрать все воедино, и я предпочитаю, чтобы это был ты, а не наш верный слуга закона. Да, я одобряю твое предложение.

— Те, кто видят тебя, живут в мире, о шейх.

— Пусть дарует тебе Аллах счастливое возвращение из похода.

Я не видел причин делиться с ним своими истинными планами: присмотреться как следует к герру Люцу Сейпрлту. То, что я знал о Никки и ее смерти, придавало делу гораздо более зловещий смысл, чем соглашались признать Папа или Оккинг. У меня еще был модик, найденный в сумочке Никки. Я никому о нем не говорил. Надо определить, что он собой представляет. Молчал я также о кольце и скарабее.

Мне потребовалось всего несколько минут, чтобы покинуть дом Фридландер-Бея, но я никак не мог найти такси и в конце концов пошел пешком. Такой поворот дела не слишком меня огорчил, потому что всю дорогу я вел мысленный спор с собой. Вот как выглядели позиции «сторон»:

Первый субъект (боится Папы). Что тебе мешает сделать все

так, как он хочет? Собери факты, а он пусть сам решает, что предпринять дальше. Смотри, пойдешь по другому пути — все кости переломают! А может, и убьют!

Второй субъект (боится смерти и прочих несчастий). Потому что каждый сделанный шаг неумолимо приближает меня к парочке — парочке, умник! психопатов, которым сто раз наплевать на то, живой я или мертвый. Вообще-то, если хорошенько подумать, любой из них не пожалеет усилий, чтобы всадить мне пулю между глаз или перерезать глотку. Вот почему!

У обоих субъектов имелся богатый арсенал вполне разумных, безупречно логичных доводов. Похоже на воображаемый турнир по теннису: первый — мощным ударом посылает свое умозаключение, словно мячик, через сетку; второй отбивает на сторону соперника, опровергая его. Силы игроков примерно равны, так что обмен ударами может продолжаться вечно… Спустя какое-то время я заскучал и перестал следить за ходом поединка. В конце концов, у меня была возможность стать аль-Сидом, или Хомейни, или другой великой личностью — так в чем же дело?

Почему я до сих пор терзаюсь сомнениями и страхами? Ни одного из тех, кого я знал, не мучили никакие сомнения! Трусом я тоже не был. Сколько еще потребуется копить в себе решимость, чтобы наконец вставить модик?

Я получил ответ этим же вечером. Проходя в ворота, услышал вечерний призыв муэдзина. В городе их голоса звучали почти по-ангельски; но стоит попасть в Будайин, и в них уже слышится упрек… Или у меня разыгралось воображение? Я забрел в ночной бар Чириги и сел у стойки. Ее самой не было видно. За стойкой стояла Джамиля, проработавшая здесь две недели. Она уволилась, когда подстрелили русского, а сейчас, значит, все-таки решила вернуться. Люди у нас часто бегают с места на место: торчат в каком-то клубе, затем их выгоняют или они уходят сами, повздорив из-за пустяка, идут работать еще куда-нибудь и в конце концов, завершая заколдованный круг, возвращаются к истокам своего трудового пути. Джамиля была одной из тех, кто завершает цикл быстрее других.

Если ей удавалось продержаться на одном месте целую неделю, это считалось выдающимся достижением.

— А где Чири? — спросил я.

— Придет в десять. Хочешь чего-нибудь выпить?

— Бингара и джин со льдом. Джамиля кивнула и повернулась, чтобы приготовить коктейль.

— Ой, — вспомнила она, — тебе звонили. Оставили записку. Сейчас найду.

Я удивился. Кто это мог быть, и откуда он знал, что я зайду сюда сегодня вечером?

Джамиля вернулась с коктейлем и бумажной салфеткой, на которой было нацарапано два слова: «Позвони Оккингу». Я заплатил, и Джамиля молча отошла.

Подходящее начало для новоиспеченного супермена: не, успел освоиться — и сразу таинственное задание! Нет покоя грешной душе… Кажется, это станет моим девизом. Я отцепил телефон, пробормотал код Оккинга и стал ждать ответа.

— Алло, — отозвался он наконец.

— Марид Одран.

— Отлично. В больнице сказали, что ты уже выписан. Я связался с твоей подружкой, но там тебя не было; позвонил в кафе «Солас», где ты обычно сшиваешься, и там тебя не видели. Поэтому я оставил записку в разных местах, где ты бываешь. Жду тебя через полчаса.

— Непременно приду, лейтенант. А где ты? Он продиктовал номер комнаты и адрес отеля, принадлежащего Содружеству Фландрии, расположенного в самом богатом квартале города. Никогда не бывал в этом отеле и даже поблизости от него. Там живет другой сорт людей.

— А что случилось? — спросил я.

— Убийство. Всплыло твое имя.

— Ничего себе! Я знаю убитого?

— Да. Странное дело, как только ты лег в больницу, убийства прекратились.

Ничего необычного уже почти три недели. И вот в день твоей выписки снова началось…

— Ладно, лейтенант, сознаюсь, ты меня поймал! Будь я поумнее, организовал бы парочку убийств, пока отлеживался в больнице, чтобы отвести от себя подозрения.

— Какой ты умник, Одран. Что ж, тем хуже для тебя.

— Ты так и не сказал, кто жертва. — Приезжай быстрее, — поторопил он и предавал разговор.

Я залпом допил коктейль, оставил Джамиле пол-киама чаевых и вышел наружу.

Билла все еще не было на обычном месте. Я сторговался с другим таксистом, и мы помчались к отелю. У дверей номера меня остановил полицейский, стоящий за желтым барьером, огораживающим «место преступления». Я сообщил, что лейтенант Оккинг ждет меня. Узнав мое имя, легавый пропустил меня.

Комната походила на бойню. Всюду кровь; целые лужи крови на полу, кровавые потеки на стенах, пятна на кровати, на стульях, бюро, кровь на ковре… Убийца не пожалел ни времени, ни сил,

чтобы, расправляясь с очередной жертвой, так здорово расписать все вокруг: прямо этюд в багровых тонах. Он, видимо, наносил несчастному ножом удар за ударом, как при ритуальных жертвоприношениях.

Дьявольски жестоко, нелепо, безумно. Ни Джеймс Бонд, ни неведомый второй убийца так не поступали. Либо появился третий маньяк, либо кто-то из наших знакомцев обзавелся новым модиком. В любом случае, все теории устарели. Только этого нам и не хватало.

Полицейские закончили упаковывать труп в пластиковой мешок, положили его на носилки и вынесли из комнаты. Я нашел лейтенанта.

— Так кого же, черт побери, прикончили сегодня?

Он впился в меня глазами, словно надеялся по реакции определить, виновен я или нет.

— Селиму.

Я сник; сразу нахлынула ужасная усталость…

— О Боже, Милостивый, Милосердный, — прошептал я. — Но зачем я здесь?

Какое это имеет ко мне отношение?

— Ты расследуешь убийства для Фридландер-Бея. И, кроме того, я хочу, чтобы ты заглянул в ванную.

— Зачем?

— Увидишь. Но предупреждаю, зрелище не из приятных.

После таких слов исчезло всякое желание войти в ванную. Но пришлось подчиниться. Первое, что я увидел, — сердце, вырезанное из груди Селимы. Оно лежало в раковине. Меня сразу же вывернуло. Раковина вся была в темной крови последней из Черных Вдов. Потом я. заметил размалеванное кровью зеркало над раковиной. Волнистые линии, геометрические узоры и плохо различимые символы. По-настоящему меня огорчили несколько слов в центре, выведенных расплывшимися буквами с потеками:

«Одран, ты будешь следующим».

Что знал обо мне безумный мясник, сотворивший это? Какая связь между моей скромной персоной и чудовищным убийством Селимы и других Сестер? До сих пор единственным моим желанием было защитить друзей, которым угрожали неведомые психопаты. Никаких личных мотивов, разве что решение отомстить за смерть Никки и остальных. Но после того как я увидел свое имя, начертанное на зеркале кровью, дело стало личным. На карту поставлена моя жизнь. а. Произошло единственное в мире событие, которое могло заставить меня полностью капитулировать и начать использовать модули. С этой минуты мне понадобится любая помощь. Таков облагороженный

цивилизацией инстинкт самосохранения. И я проклял гнусных палачей, вынудивших принять мучительное для меня решение.

Глава 14

Первое, что я предпринял на следующий день, — нанес визит в модишоп Лайлы на Четвертой улице. Как всегда, она выглядела жутко, но ее костюм претерпел некоторые изменения. Грязные седые волосы были спрятаны под шапкой золотистых кудряшек, больше походившей на прабабушкин чехол для тостера, чем на парик.

Лайла ничего не смогла сделать со своими желтушными глазами и черной кожей, но явно пыталась. Лицо покрывал такой толстый слой пудры, что казалось, она побывала на мельнице. Яркие светло-вишневые пятна на щеках, светло-вишневые губы; даже глаза подведены тем же тоном. Такое впечатление, что тени, помада и румяна взяты из у одной баночки. На засаленном шнурке висели роскошные, сверкающие пластиковые темные очки модели «глаз кошки»; видно, она тщательно выбирала их. О вставных зубах мадам не позаботилась, но зато сменила свою заношенную рубаху на неприлично обтягивающее ее сногсшибательные формы вечернее платье потрясающего одуванчикового цвета, с большим декольте и разрезом.

Казалось, новоиспеченная светская дама судорожно пытается просунуть голову и плечи в самую узкую в мире щелочку. В довершение всего на ногах у нее красовались дешевые голубые шлепанцы с мехом.

— Лайла! — приветствовал я ее.

— О, Марид! — Она попыталась сфокусировать на мне взгляд, но безуспешно.

Стало быть, сегодня Лайла решила покорить победителей собственным шармом; если она вставляла модик, ее реакции сразу обострялись. Жаль: с ней легче иметь дело, когда она воображает себя кем-то другим, но выбирать не приходилось.

— Вот, обзавелся своей розеткой.

— Слышала, слышала.

Она игриво захихикала; меня чуть не стошнило.

— Поможешь подобрать модик?

— Какой именно тебе нужен?

Я задумался. Насколько можно ей доверять? Конечно, Лайла разболтает все первому же посетителю — ведь сообщает же она мне то, что слышит от других. С другой стороны, никто не принимает ее всерьез.

— Я должен выполнить одно задание и обзавелся розетками, потому что работа может оказаться опасной. Мне нужен модик, способный максимально усилить способность к дедукции и

предохранить от опасности. Что посоветуешь?

Она поплелась по проходу между полками, заглядывая в коробки, что-то бормоча себе под нос. Я не мог разобрать, что она говорит, поэтому просто стоял и ждал. Наконец Лайла повернулась ко мне с таким удивленным видом, словно не могла взять в толк, почему я еще здесь. Похоже, она забыла, о чем ее просили, подумал я, но, к счастью, ошибся.

— А персонаж из романов подойдет?

— Конечно, если он действительно такой умник.

Она пожала плечами, промямлила что-то, сжимая в когтистых пальцах модик в прозрачном пластике, потом протянула его мне.

— Вот, держи.

Я заколебался. Как вы помните, она всегда напоминала мне ведьму из диснеевской «Белоснежки»; теперь старая злодейка хочет угостить меня отравленным яблоком!

— Кто это? — спросил я, с подозрением разглядывая модик.

— Ниро Вулф, — ответила она. — Гениальный детектив. Спец по убийствам. Не любил выходить из дома. Беготней и мордобоем занимался его помощник.

— Великолепно.

Вроде бы знакомая личность. Сомневаюсь, правда, что прочел хотя бы одну книгу про этого Вулфа.

— Тебе придется найти напарника, чтобы задавать людям всякие вопросы и собирать улики, — сказала она, вручая мне второй модик.

— Сайед подойдет. Я просто скажу ему, что можно будет, когда заблагорассудится, расшвыривать в стороны разных плохих парней, и он обязательно ухватится за такую возможность. Сколько с меня?

Она долго шевелила губами, пытаясь сложить в уме стоимость двух модиков.

— Семьдесят три, — проскулила наконец. — Забудем о налоге.

Я отсчитал восемьдесят киамов, забрал сдачу и два модика. Она смотрела на меня.

— Хочешь купить мои счастливые бобы? Я не хотел даже слышать о них.

Существовала еще одна вещица, которая могла вывести на убийцу Никки поганого садиста, до которого я просто обязан добраться. «Левый», самодельный модик, который мог быть подключен к Никки, когда она умирала; или его использовал убийца. С другой стороны, его, возможно, вообще никто не вставлял в розетку. Он мог случайно оказаться возле Никки. Но почему так щемило сердце при каждом взгляде на него? Просто

напоминание об увиденном в грязном переулке, об изуродованном теле Никки, засунутом в мешок для мусора?… Я глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Послушай, парень, у тебя есть все данные если не для настоящего героя, то по крайней мере для его добротной замены. Плюс целая куча первоклассных училок и модиков, готовых подсказывать, оборонять и лелеять тебя.

Я расправил плечи.

Разум уже в сороковой раз пытался убедить меня, что найденный на месте преступления модик — ерунда, случайность, такой же никчемный мусор, как, скажем, скомканная салфетка, которая тоже вполне могла заваляться в сумочке Никки. Оккинг был бы сильно недоволен, узнав, что я скрыл модик и другие улики от полиции, но теперь мне наплевать на лейтенанта. Я начал уставать от этого дела, однако все больше увязал в нем, как в болоте, и уже не оставалось сил, чтобы вырваться, попытаться спасти хотя бы свою шкуру.

Лайла вертела в руках какой-то модик, потом вставила его. Она никак не могла обойтись без своего второго призрачного «я».

— Марид, — проскулила она; на этот раз на ее собственный дивный тембр наложился прерывающийся от страсти голос Вивьен Ли-Скарлетт из «Унесенных ветром».[20]

— Лайла, у меня есть самодельный модик, хотелось бы узнать, что он из себя представляет.

— Ах, Боже, какая ерунда, милый! Просто дай мне этот маленький…

— Лайла! — воскликнул я. — У меня нет времени для флирта с твоей красавицей-южанкой, честное слово! Или вытащи свой модик, или попытайся сосредоточиться!

Предложение временно расстаться с героиней эпохи гражданской войны в Америке было для нее совершенно невыносимым. Лайла пристально вгляделась в мою физиономию, пытаясь выделить среди толпящихся в комнате призраков. Я безнадежно застрял где-то между Эшли, Реттом и дверью.

— Ну же, Марид! Что с тобой? Ты дрожишь как в лихорадке!

Я отвернулся и тихо выругался. Господи, как хотелось врезать ей хорошенько!

— Смотри, вот у меня модик, — сказал я сквозь стиснутые зубы. — Я хочу знать, что на нем записано.

— Ах, Боже, сэр, какой серьезный тон! — Она взяла у меня модик и небрежно повертела его в руках. — Он состоит из трех частей, милый.

— Но как узнать, что на нем записано? Лайла задорно улыбнулась:

— Нет ничего проще!

Она вытащила модик Скарлетт О'Хара и беззаботно, не глядя отбросила от себя. Он ударился о горку училок и закатился в угол. Лайла рисковала навсегда потерять свою Скарлетт. Она покрутила в руке мой таинственный модик и решительно вставила его. Мускулы ее лица слегка напряглись. Потом она рухнула на пол.

— Лайла? — крикнул я испуганно. Лайла корчилась, изгибалась, принимала самые неестественные позы. Вытаращенные глаза уставились в пустоту, язык вывалился. Она издавала низким голосом странные звуки — полувзвизги-полурыдания, как будто ее безжалостно мучили и избивали без передышки много часов и у нее не осталось сил даже кричать. Дыхание стало тяжелым, неглубоким, в горле хрипело. Пальцы, словно сухие черные скрюченные веточки, царапали голову в отчаянных попытках вытащить модик; но, похоже, она уже не контролировала работу собственных мускулов. Раздался ужасный вой, Лайла стала кататься по полу. Я не знал, как помочь ей. Если подойти поближе, она, как дикий зверь, вонзит в меня когти.

Да, страшная правда заключалась в том, что Лайла, вставив модик, перестала быть человеком. Тот, кто его создал, наверное, очень любил животных — как палач любит свою жертву… Лайла сейчас вела себя как какой-то крупный зверь, — не маленькая собачка или домашний кот, а разъяренный, доведенный до исступления, запертый в клетку, расчетливо истязаемый мучителями-людьми хищник. Она шипела, грызла ножки стульев, кидалась в мою сторону, угрожающе обнажив гнилые остатки зубов за неимением настоящих клыков. Я неосторожно наклонился, и старуха, с немыслимой для такой развалины быстротой, метнулась ко мне. Я попытался выдернуть модик, но отскочил с тремя рваными царапинами на руке. Наши взгляды встретились; она пригнулась, мускулы напряглись…

Испустив пронзительный вопль, Лайла прыгнула на меня, вытянув руки, чтобы вцепиться «когтями» в горло. Господи, меня чуть не вырвало от этого зрелища. На меня бросалась не уродливая старуха — телом Лайлы управлял неизвестный модик. В любое время я шутя справился бы с ней одной рукой; сегодня мне угрожала смертельная опасность. Зверь, сидящий в мозгу старухи, не успокоится, пока не отведает моей крови. Он жаждет смерти.

Я отпрянул, махая руками, чтобы отвлечь ее внимание, словно матадор. Она пролетела мимо, врезалась в ящик, где хранились использованные училки, шлепнулась на спину и сразу же поджала ноги, приготовившись, на манер тигра, разорвать мне

живот когтями. Я поднял сжатый кулак и изо всех сил ударил по лицу. Глухо хрустнула кость; Лайла обмякла и рухнула прямо в ящик. Я наклонился, выдернул самодельный модик, положил в коробку с моими училками.

Старуха быстро очнулась, но оставалась совершенно невменяемой: взгляд блуждал, она бормотала какую-то чушь. Когда Лайла придет в норму, то наверняка очень расстроится… Я решил, что лучше подключить ей какой-нибудь модик; оглядевшись, снял с полки первое, что попалось под руку, содрал упаковку. Это была какая-то учебная программа: к модику прилагалось три училки. Что-то насчет того, как устраивать торжественные приемы для анатолийских чиновников. Что ж, Лайле наверняка будет интересно…

Я отцепил телефон и позвонил в больницу, где меня оперировали. Попросил позвать доктора Еникнани и, когда он наконец взял трубку, все рассказал. Он пообещал, что пошлет машину через пять минут, и потребовал, чтобы я отдал опасный модик на исследование. Я предупредил, что все, что они выяснят, должно храниться в тайне, нельзя делиться этой информацией не только с властями, но и с Папой. После продолжительного молчания доктор Еникнани рискнул согласиться.

Он доверял мне больше, чем Оккингу и Фридландер-Бею вместе взятым.

«Скорая помощь» прибыла через двадцать минут. Я смотрел, как Лайлу осторожно укладывали на носилки и грузили в машину. Передал модик одному из врачей и предупредил: лично доктору Еникнани! Парень торопливо кивнул, влезая в машину. «Скорая помощь» выехала из нашего квартала, увозя несчастную Лайлу навстречу ее судьбе, теперь всецело зависящей от жрецов медицины. Я сжал в кулаке два купленных модика, запер дверь модишопа и постарался как можно быстрее убраться отсюда. Меня стала бить дрожь.

Черт знает, что именно мне удалось выяснить такой страшной ценой.

Допустим, самодельный модик действительно принадлежал убийце. Носил он его сам или вставлял жертвам, чтобы насладиться их страданиями? Будет ли волк или, скажем, уссурийский тигр прижигать тело беспомощных людей сигаретой? Вряд ли…

Правдоподобнее выглядит версия, что модик подключался к жертве — испуганной, разъяренной, но крепко связанной или скованной. Об этом говорят израненные запястья; у Тами, Абдуллы и Никки были розетки. Интересно, как поступал этот психопат, если их не имелось? Наверное, просто убивал

несчастного, недостойного стать полноценной жертвой, и считал, что день потерян впустую…

Значит, теперь выяснилось, что я ищу мерзавца с весьма специфическим извращением: чтобы по-настоящему возбудиться, ему надо созерцать разъяренного хищника, в панике мечущегося по клетке. На секунду в мозгу снова мелькнула соблазнительная мысль подать в отставку, плюнув на последствия. На сей раз я позволил себе роскошь проиграть эту сцену вплоть до того момента, когда ваш покорный слуга уже стоит посреди шоссе, ожидая древний, полуживой от перенесенных испытаний автобус, набитый крестьянами, который увезет Марида в родные края. Назад, в будущее… Нет, только не это!

Еще рано отправляться на поиски Полу-Хаджа, чтобы уговорить его стать моим напарником — этим самым Арчи Гудвином. Часа в три-четыре он, возможно, будет в «Соласе» в компании Махмуда и Жака; я не встречался с приятелями уже несколько недель, а Сайеда не видел с той памятной ночи, когда он заставил Сонни испить кубок смерти, одним взмахом ножа отправив его в рай, — или еще куда-нибудь, кто знает? Я шел домой, испытывая непреодолимый соблазн обновить свою покупку или, по крайней мере, повертеть модик в руках, может даже содрать обертку. Там видно будет, что надо сделать, чтобы решиться в первый раз в жизни вставить в мозг проклятую электронную игрушку: то ли наглотаться пилюлек, то ли опустошить пару бутылок…

Меня встретила Ясмин. Приятный сюрприз! Но моя подруга, казалось, пребывала в паршивом настроении.

— Ты вышел из больницы вчера и даже не позвонил мне! — крикнула она, сдвинув брови, и бросилась на постель.

— Ясмин…

— Ты не хотел, чтобы я приходила в больницу, и я не приходила. Но ждала, что ты сразу же придешь домой, как только выпишешься.

— Я хотел… но…

— О'кей, почему ты не позвонил мне? Лучше скажи, с кем ты провел все это время.

— Вчера вечером я был у Папы. Хасан передал, что он ожидает ответа…

Она недоверчиво посмотрела на меня.

— И ты провел там всю ночь?

— Нет, — признался я.

— Ну и кого ты еще навестил? Я тяжело вздохнул и пробормотал:

— Селиму.

Лицо Ясмин выражало презрение и гадливость.

— Так вот что задерживало тебя! Ну и как она? Реклама не обманула?

— Селима присоединилась к своим сестрам, Ясмин.

Она растерянно заморгала, но очень быстро пришла в себя.

— Скажи, почему это не удивило меня? Мы ведь предупреждали, чтобы она была осторожной.

— Никакая осторожность ей не помогла бы. Разве что закопаться в пещеру в ста милях от ближайшего жилья. А такое не в стиле Селимы.

— Да. — Ясмин замолчала.

Я догадывался, о чем она сейчас думает: это и не в ее стиле, и я намекаю на то, что ей угрожает такая же опасность. Очень надеюсь, что моя догадка близка к правде, потому что я действительно так считал. Всегда.

Я не рассказал ей о кровавом послании на зеркале в ванной, адресованном мне. Кто-то посчитал Марида Одрана легкой мишенью, поэтому сейчас надо быть предельно осторожным и держать язык за зубами. К тому же такие разговоры не поднимут настроение ни ей, ни мне.

— Купил модик и хочу испробовать его, — объявил я.

Она подняла брови.

— Я его когда-нибудь видела?

— Не думаю. Какой-то детектив из старых книг. По идее, эта личность поможет мне остановить убийства.

— Понятно… Папа посоветовал?

— Нет. Папа не знает, что я собираюсь предпринять на самом деле. Я сказал ему, что буду, как ищейка, ходить за Оккингом, след в след, и разглядывать в лупу улики.

— А мне кажется, это пустая трата времени, — заметила Ясмин.

— Так оно и есть, но Папа любит делать все по порядку. Он действует планомерно, четко, но без воображения и с быстротой улитки.

— И всегда добивается того, чего хочет.

— Да, это верно. Все равно не желаю, чтобы он без конца совал нос в мои дела, запрещая делать то, разрешая делать это… Раз уж я работаю на него, то по крайней мере буду действовать самостоятельно.

— Ты не просто работаешь на него, Марид. Ты делаешь это ради нас всех.

Ради Будайина. И, кроме того, помнишь Ицзин? Тебе никто не поверит; сейчас время испытаний и накопления сил. Тебя ждет слава!

— В самое яблочко, — усмехнулся я мрачно. — Надеюсь только, что она не придет ко мне посмертно.

— *«Господь мой щедро дает долю кому пожелает из рабов своих, и умаляет долю других, и все, что вы истратили на доброе дело. Господь возвратит вам. Поистине, Он — Лучший из одаряющих».*[21]

— Господи, теперь ты декламируешь мне суры Корана! У тебя что, приступ религиозности?

— Это у тебя приступ неверия! А я никогда не была безбожницей, просто забываю молиться…

— «Пост без молитвы подобен пастуху без посоха». Кстати, ты ведь пост тоже не соблюдаешь… — Да-а, но… — Какие тут могут быть «но», детка!

— Ты просто увиливаешь от разговора! Она была права, поэтому я сменил тактику.

— Быть или не быть, о любимая, вот в чем вопрос! — Я подбросил на ладони модик. — Господи, да подключи ты наконец эту чертову штуку!

Я набрал побольше воздуха в легкие, пробормотал: «Во имя Аллаха» и вставил модик Ниро Вулфа.

* * *

Первое впечатление чуть было не повергло его в панику: Одрана внезапно поглотила фантастическая гора плоти. Ниро Вулф весил одну седьмую тонны, двести восемьдесят фунтов или даже больше. Все органы чувств Одрана под воздействием модуля свидетельствовали, что он за какую-то долю секунды поправился на сто тридцать фунтов. Задыхаясь, Одран упал на пол. Его предупреждали, что, прежде чем мозг адаптируется к личностному модулю, будь это запись с живого человека либо искусственно созданный образ, должно пройти какое-то время. Возможно, этот модуль предназначался для организма, находящегося в гораздо лучшем состоянии, чем его собственный. Нервная система, мускулы Одрана не способны были адаптироваться в новых условиях сразу, им требовалось время, чтобы свыкнуться с этими условиями. Ниро Вулф намного толще Одрана и выше ростом. Теперь Мариду придется разгуливать походкой Вулфа, жестикулировать так же, как он, усаживать воображаемое дородное тело с осторожностью и заботой живущего в нем персонажа книги. Потрясение оказалось гораздо сильнее, чем ожидал Марид.

Минуту спустя Вулф услышал голос молодой женщины. Она,

казалось, чем-то обеспокоена. Одран все еще корчился на полу, пытаясь подняться и восстановить дыхание.

— С тобой все в порядке? — хотела знать женщина.

— О да, не беспокойтесь, пожалуйста, мисс Наблузи, — ответил он.

Вулф медленно сел, и она подошла, чтобы помочь ему подняться на ноги. Он нетерпеливо отмахнулся, но все же, вставая, оперся на нее.

Придуманные создателями модика в соответствии с романами Стаута воспоминания Вулфа смешались с как бы отодвинутыми на второй план приглушенными мыслями, ощущениями Одрана. Вулф свободно владел многими языками: английским, французским, испанским, итальянским, сербским, хорватским и другими. В модике не хватило места на такое количество языковых училок. Одран спросил себя, как будет по-французски пес, и сразу же вспомнил: «ле шьен». Но Марид и сам неплохо знал французский. Он захотел узнать английский и хорватский эквиваленты, но они словно забылись, вертелись на кончике языка — очень неприятное, раздражающее чувство, провал в памяти. Одран и Вулф не могли припомнить, что за люди говорят по-хорватски, где они живут, а Одран никогда раньше не слышал о существовании такого языка. Все это заставило его усомниться в глубине и прочности иллюзии.

Оставалось надеяться, что подобный провал не произойдет в критический момент, когда жизнь Одрана будет зависеть от способности Вулфа спасти его от смертельной опасности.

— Фу! — произнес Вулф.

Да, но ведь Ниро Вулф весьма редко попадал в опасные ситуации. Он любезно разрешал Арчи Гуд-вину рисковать за двоих. Вулф вычислил бы здешних убийц, сидя за добрым старым письменным столом (образно выражаясь, конечно) добрым старым дедуктивным методом. Мир и процветание вновь стали бы достоянием города, и все правоверные восславили бы имя Марида Одрана.

Вулф снова взглянул на мисс Наблузи. Часто, говоря о женщинах, он выражал неприязнь, граничащую с враждебностью. Интересно, как он относится к перемене пола? Секунду поразмышляв, детектив, похоже, решил, что испытывает к обрезкам то же самое брезгливое недоверие, что и к натуральным кремам, от природы наделенным легкомыслием и приверженностью к капризам. В целом он достаточно непредвзято и объективно судил о людях: иначе он не был бы гениальным детективом. Вулф вполне сможет опрашивать жителей Будайина и понять их специфический образ жизни, мотивы поступков.

По мере того как тело привыкало к модику, личность Одрана отступала все дальше и дальше в глубину разума; она теперь могла лишь предлагать, Вулф же все больше контролировал ситуацию. Стало очевидно, что это может привести, в частности, к непомерным, ненужным тратам. Подобно тому, как убийца, нацепив модуль Бонда, изменил как свой физический облик, так и гардероб в соответствии со вкусами и привычками нового хозяина тела, так и Одран с Вулфом внезапно захотели накупить массу желтых рубашек и пижам, нанять лучшего в мире шефповара и стать обладателем коллекции редких, экзотических орхидей. Но со всем этим придется подождать…

— Фу, — снова пробурчал Вулф.

Они подняли руку и вытащили модик.

* * *

Снова мгновенная потеря ориентации и, как следствие, приступ головокружения. Я стою посреди комнаты, тупо уставившись на свою руку, сжимающую модик. Я вернул свое тело и разум.

— Ну как? — спросила Ясмин. Я взглянул на нее — Вполне удовлетворительно, — так Ниро Вулф выражал свой восторг. — Может сработать, — вынужден был признать я. — Кажется, этот парень способен все расставить по полочками и в конце концов отыскать верное объяснение случившемуся. Если оно вообще существует.

— Отлично, Марид. И помни, если он не оправдает твоих надежд, существуют тысячи других! Я положил модик на пол возле кровати и лег. Может, давно уже надо было поправить мозги? Подозреваю, что все остальные оказались правы, а я ошибался и валял дурака. Что ж, я уже взрослый мальчик и умею признавать свои ошибки. Не вслух, конечно, и ни в коем случае не в присутствии личностей типа Ясмин: она никогда не позволит мне забыть момент моей слабости. Достаточно самому осознать, что лишь нелепая гордость и страх удерживали меня от операции, и еще дурацкое убеждение, что, вооруженный своими природными способностями, я дам сто очков вперед любому модику. Я позвонил Сайеду и успел застать его дома до ухода в бар. Полу-Хадж сказал, что заскочит через две минуты. Я пообещал ему небольшой подарок.

Ясмин растянулась рядышком, положила голову мне на плечо, погладила по груди.

— Марид, — сказала она нежно, — я так горжусь тобой…

— Ясмин, я чуть не загнулся от страха.

— Знаю, милый; я тоже боюсь. Но что же будет, если ты все бросишь? Если убьют людей, которых ты можешь спасти? Что я тогда подумаю о, тебе? Что ты сам о себе подумаешь?

— Мы ведь уже договорились, Ясмин, я сделаю все, что смогу, и, если другого выхода не останется, рискну своей шкурой. Только перестань постоянно твердить, что я поступил правильно и как ты рада, что меня могут пришить в любой момент. Наверное, такая болтовня поднимает тебе настроение, но мне она совсем не помогает и даже начинает утомлять, не говоря уж о том, что разговоры не заставят пулю и нож отскакивать от моей кожи, как от волшебной кольчуги.

Она, конечно, обиделась, но я должен был раз и навсегда положить конец этим идиотским воплям: «Давай, парень, покажи им, что почем!» Все же мне стало жаль Ясмин. Чтобы не показать, что раскаиваюсь в своей суровости, я встал, направился в ванную, закрыл дверь и налил себе стакан воды. Вода у меня почему-то всегда теплая, а лед в холодильнике заводится редко. Казалось бы со временем можно было привыкнуть пить тепловатую гадость, в которой плавают какие-то странные частицы, но я так и не привык, хотя и очень стараюсь. Мне до сих пор нравится вода, в которой ничего не плавает.

Я вытащил из кармана джинсов коробку с пилюльками и выудил соннеин. Мои первые «солнышки» после больницы. Как это бывает с наркоманами, я отметил свое воздержание, нарушив его. Бросил таблетки в рот, запил глотком теплой воды. Вот что поддерживает во мне веру! Пара «солнышек» и несколько треугольников стоят целых трибун, заполненных доброжелателями с подбадривающими лозунгами. Я тихонько, стараясь, чтобы не услышала Ясмин, закрыл коробочку (почему?) и спустил воду в унитазе. И вернулся в комнату.

Я почти дошел до кровати, когда раздался стук в дверь. Сайед.

— Бисмиллах, — воскликнул я, впустив его.

— Это ты верно сказал, — буркнул Полу-Хадж. Он плюхнулся на край матраса.

— Ну, что там у тебя?

— Он обзавелся розеткой, Сайед, — радостно сообщила Ясмин.

Полу-Хадж медленно повернул голову и окинул ее суровым взглядом крутого парня. Сайед снова был в боевом настроении. Место женщины — в определенных местах в доме; мужчины ее видят, но не слышат, а если она хорошо соображает, то и не видят…

Он снова повернулся ко мне и кивнул.

— Я обзавелся розеткой в тринадцать лет, — произнес он вызывающим тоном.

Я не собирался драться с ним, тем более по этой причине, и напомнил себе, что собираюсь просить Сайеда о помощи, чем навлекаю на него серьезную опасность. Я бросил ему модик Арчи Гудвина, он легко поймал его на лету.

— Это что за тип?

— Детектив из одной старой книги. Работал помощником величайшего сыщика в мире. Его босс ужасно толстый и никогда не покидает своей комнаты, поэтому Гудвин собирает для него сведения; он молод, прекрасно выглядит, умен и смел.

— Ага. Как я понимаю, этот модик просто запоздалый подарок к концу рамадана, верно?

— Нет.

— Ты принял денежки от Папы и взялся за его работу. Стало быть, ты начал охотиться за тем, кто пришил наших общих друзей и соседей. Теперь ты хочешь, чтобы я вставил модик сильного, надежного парня и отправился с тобой искать приключений или чего там еще, так?

— Мне нужен помощник, Сайед, — сказал я. — И первым в голову пришел именно ты.

Он был слегка польщен моими словами, но все еще далек от энтузиазма.

— Это не по моей части.

— Вставь модик, и все изменится. Он тщательно обдумал мои слова и понял, что я прав. Потом снял кафию, свернул ее, вытащил свой модик и стал Арчи Гудвином.

Я наблюдал, как внезапно обессмыслилось его лицо, а затем приобрело новое выражение, полностью преобразившись. Сайед выглядел теперь более раскованным, более образованным человеком. Рот искривился в снисходительной усмешке: Полу-Хадж, он же Гудвин, инспектировал свою новую память. Его глаза ощупали комнату, словно потом надо было составить подробный отчет. Я знал, что мой друг сейчас видит не Марида Одрана, а Ниро Вулфа.

Личность и жизненная позиция Гудвина должны прийтись Сайеду по вкусу. Он непременно сочтет привлекательной возможность постоянно подкалывать меня саркастическими замечаниями, как Гудвин поступал со своим шефом. Ему понравится быть неотразимым мужчиной; нося этот модик, он сможет даже преодолеть отвращение к женщинам.

— Нам надо обсудить вопрос о зарплате, — сказал он.

— Конечно. Как ты знаешь, Фридландер-Бей оплачивает все

мои расходы.

Он ухмыльнулся. Я представил себе, какие картины сейчас возникли в его голове: обеды при свечах в интимной обстановке, танцы в клубе «Фламинго» и другая экзотика, дорогие костюмы…

Внезапно ухмылка пропала. Он сверился с воспоминаниями Гудвина.

— Когда я работал на вас, шеф, мне не раз крепко доставалось, — произнес он задумчиво.

Я погрозил ему пальцем, как в таких случаях делал Ниро Вулф.

— Это часть работы, Арчи, и ты всегда это сознавал. Кстати, если я не ошибаюсь в своих догадках, как раз она доставляла тебе наибольшее удовольствие.

Улыбка вновь заиграла на его лице.

— А вы получали удовольствие, строя свои догадки обо мне и о том, какие догадки строю я. Что ж, поскольку это ваше единственное упражнение… Кроме того, вы, наверное, правы. Как бы то ни было, нам уже давно не приходилось работать вместе.

Может быть, мне надо вставить модик Ниро Вулфа; наблюдать, как Сайед разыгрывает свою роль соло, было как-то неловко. Я хмыкнул на манер Вулфа, потому что «Гудвин» ожидал такой реакции.

— Так ты поможешь мне? — спросил я после небольшой паузы.

— Минутку.

Сайед вытащил модик Гудвина и вставил прежний. Ему понадобилось намного меньше времени на адаптацию. Конечно, ведь он занимался этим с тринадцати лет; мои же мозги «утратили девственность» всего несколько минут назад. Сайед окинул меня суровым взглядом; когда он заговорил, я сразу понял, что настроение у него отвратительное. Лишившись модика, представлявшего грядущую жизнь как полную приключений и романтики, Полу-Хадж явно не желал совать голову в петлю. Он вплотную подошел ко мне и начал свою речь.

— Слушай. Мне, конечно, жалко Никки. Плохо и то, что какой-то псих прикончил Сестер Черной Вдовы, хотя я никогда с ними не дружил; все равно, такое убийство — паршивое дело. Что касается Абдуллы, он получил по заслугам, и, если хочешь знать мое мнение, следовало сделать это гораздо раньше. Так что все дело сводится к личным счетам между тобой и каким-то придурком из-за Никки.

Что ж, я тебя поддерживаю, весь Будайин, весь город, сам-Папа на твоей стороне.

Одного не понимаю: как ты набрался наглости, — тут он

больно ткнул меня в грудь пальцем, твердым, как железный прут, — предлагать мне роль прикрытия. Ты получишь награду, славу и почет, а мне решил оставить дырки от пуль и ножевые раны! Ну уж нет! Сайед прекрасно видит, что ты делаешь, Сайед не такой псих, как ты думаешь. — Он фыркнул, искренне удивленный моей дерзостью. — Даже если ты выберешься из этой истории живым, магрибец, даже если все в мире будут считать тебя героем, тебе придется рассчитаться со мной!

Лицо Полу-Хаджа покраснело, челюсти плотно сжались, несколько секунд он молча буравил меня взглядом, беззвучно шевеля губами, пытаясь немного успокоиться, чтобы связно выразить свою ярость. Увы, это ему не удалось. На мгновение показалось, что он сейчас изобьет меня до полусмерти. Я не сдвинулся с места ни на сантиметр; я молча ждал. Он занес сжатый кулак, помедлил, затем схватил пластиковую коробочку, швырнул ее, погнался за покатившимся по полу модиком, наконец настиг и с торжеством опустил на него здоровенный каблук кожаного сапога. Кусочки пластика и яркие разноцветные детали электроники полетели во все стороны.

Несколько мгновений Полу-Хадж молча созерцал останки модика.

— Ты знаешь, что этот парень пил? — крикнул он. — Молоко, черт бы его побрал!

Оскорбленный до глубины души, Сайед направился к двери.

— Куда ты? — робко спросила Ясмин. Он взглянул на нее.

— Заказать себе лучшую отбивную, лучшую выпивку; хочу закатить небольшой праздник в честь того, что сумел избежать ловушки, в которую меня чуть не загнал твой поганый дружок.

С этими словами он пинком распахнул дверь, вышел и с грохотом захлопнул ее за собой.

Я рассмеялся. Отличное представление: как раз то, что нужно для разрядки.

Правда, мне не понравились угрозы Сайеда, но даже если бы не маньяки-убийцы, по сравнению с которыми мой друг казался добрым маленьким мальчиком, уверен, что Полу-Хадж довольно быстро сменил бы гнев на милость. Если же я стану героем квартала, что маловероятно, ему придется присоединиться к небольшой, но злобной группе завистников. Уверен, Сайед никогда не задержится надолго среди тех, кто оказался в меньшинстве. Стало быть, моя задача — остаться в живых, и Полу-Хадж снова станет моим другом.

На самом деле своему оптимизму и способности воспринимать ситуацию спокойно и с юмором я был обязан работе «солнышек». Видишь, как они помогли, сказал я себе.

Только подумай, к чему могла привести драка с Сайедом?

— Ну и что теперь? — вопросила Ясмин. Лучше бы она не спрашивала… Найду другой модик, как ты сама предлагала. А пока буду собирать сведения, как желает Папа. Попытаюсь их систематизировать, чтобы посмотреть, вырисовывается там какая-то схема, закономерность или черт его знает что… — Ты ведь не трусил, а, Марид? Я имею в виду операцию.

— Конечно, трусил, и ты это знаешь. Хотя… И да, и нет. Скорее пытался избежать неизбежного. В последнее время я часто чувствую себя Гамлетом. Даже понимая, что того, чего ты боишься, никак не избежать, все равно не уверен, нужно ли это делать. Возможно, Гамлету удалось бы решить свои проблемы, не нагромождая столько трупов вокруг, если бы он действовал по-другому, не провоцируя дядю. Может, то, что я сделал с моими мозгами, только кажется правильным решением. Или, может, я сейчас пропускаю что-то очень важное…

— Если ты будешь попусту терять время, занимаясь самокопанием, убийцы выберут новые жертвы, возможно, тебя самого. Подумай сам, раз пол-Будайина знает, что ты идешь по следу, значит, они тоже в курсе…

Такая мысль мне еще не приходила в голову. После этого даже «солнышки» не могли обеспечить мне хорошее настроение. Через час я уже был в кабинете Оккинга. Как обычно, лейтенант не проявил должной радости, увидев старого друга.

— А, Одран… Ну, что там? Нашел мне еще один труп? Нет? Ну, раз в Будайине все спокойно, тогда чему обязан? Дай сообразить… Наверное так: ты, смертельно раненный, дополз сюда из последних сил, отчаянно жаждая перед смертью получить мое прощение. Правильно?

— Мне очень жаль, лейтенант…

— Что ж, каждый имеет право иногда помечтать, не так ли?

Видит Бог, он умеет шутить, как никто.

— По идее, я должен работать с тобой рука об руку, а ты — всей душой стремиться к сотрудничеству. Папа считает, что надо объединить наши усилия.

Оккинг поморщился, словно в нос ему ударила вонь, и пробормотал что-то неразборчивое.

— Мне не нравится бесцеремонное вмешательство в мою работу, Одран; можешь передать ему это. Он только затрудняет расследование и навлекает опасность на себя.

— Ему так не кажется. Оккинг мрачно кивнул:

— Хорошо, что тебе нужно? Я сел, стараясь не показать, что чувствую себя не в своей тарелке.

— Все, что ты знаешь о Люце Сейполте и русском, убитом в

клубе Чири.

Оккингу понадобилось несколько секунд, чтобы взять себя в руки.

— Одран, какая может быть связь между ними? Ну, это мы уже проходили: он просто увиливал от ответа.

— Должны существовать какие-то общие мотивы или широкий конфликт интересов, о которых мы не знаем; составная часть его — события, происходящие у нас.

— Не обязательно, — сказал лейтенант. — Русский вовсе не часть Будайина.

Он мелкая политическая букашка, залетевшая на нашу территорию только потому, что ты назначил ему здесь встречу.

— Ты прекрасно умеешь менять тему разговора, Оккинг. Ладно, откуда же взялся Сейполт и что он здесь делает?

— Сейполт приехал в город три или четыре года назад откуда-то из Четвертого Рейха, по-моему, из Франкфурта. Объявил себя агентом по импорту и экспорту. Сам понимаешь, под этим может скрываться все, что угодно. В основном имеет дело с продовольствием, специями, кофе, хлопком, тканями, восточными коврами, медью и бронзой, дешевыми украшениями, каирскими изделиями из стекла и другой мелочью. Похоже, среди здешних европейцев он имеет большой вес, заколачивает неплохие денежки. Ни разу не вызвал подозрения, что замешан в незаконной торговле, по крайней мере в серьезных масштабах. Вот практически все, что мне известно.

— А почему тогда он направил на меня пушку, стоило мне задать пару невинных вопросов насчет Никки?

Оккинг пожал плечами:

— Возможно, он просто не любит, когда нарушают его уединение. Послушай, Одран, по твоему виду не скажешь, что ты самый честный человек на свете и благородный искатель истины. Бедняга вполне мог подумать, что это ты явился, чтобы наставить на него пушку, ограбить и исчезнуть, прихватив коллекцию древних статуэток, скарабеев и всяких мумифицированных мышей.

— Значит, ты был у него? Оккинг покачал головой.

— Эх, Одран, Одран! Хочешь верь, хочешь нет — мне регулярно докладывают о том, что происходит. Разреши напомнить тебе: я довольно влиятельное лицо, глава правоохранительных органов.

— Извини, все время забываю. Итак, версия Никки-Сейполт тупиковая. А этот русский, Богатырев?

— Он ноль, мелкий чиновник, работающий на белорусов. Сначала пропал его сынишка, потом он поймал пулю

психованного Бонда. Этот тип еще меньше связан с убийствами, чем Сейполт.

Я улыбнулся:

— Спасибо, лейтенант. Фридландер-Бей хотел, чтобы я удостоверился, не появились ли у тебя новые улики за последнее время. Уверяю тебя, я действительно не хочу мешать расследованию. Только скажи, что мне делать дальше.

Он поморщился.

— Я бы, конечно, мог предложить, чтобы ты отправился добывать улики, скажем, в Терродель-Фуэго, или в Новую Зеландию, или еще куда-нибудь, лишь бы подальше от меня, но ты ведь только посмеешься… Поэтому, если хочешь, проверь тех, кто точит зубы на Абдуллу, или самых страстных ненавистников Сестер Черной Вдовы. Выясни, видел ли кто-нибудь Сестер с чужим или подозрительным человеком незадолго до их убийства.

— Ладно, — согласился я, поднимаясь. Меня только что послали… ну, скажем, подальше Новой Зеландии, но я хотел, чтобы у Оккинга сложилось впечатление, что я принял его слова за искренний совет. Возможно, у него были сведения, которыми он не желал делиться со мной, несмотря на настойчивые призывы Папы. Это объясняло его наглую ложь. В любом случае, я обязательно вернусь сюда, когда Оккинга не будет поблизости, залезу в полицейский компьютер и пороюсь в прошлом Сейполта и Богатырева.

Когда я вернулся домой, Ясмин указала на стол.

— Кто-то оставил тебе записку. — Записку?

— Ну да, засунул ее под дверь и постучал. Я подошла, но там никого не было; спустилась по лестнице, но на улице тоже не увидела ни души.

По моей спине пробежал холодок. Я разорвал конверт: короткая записка, напечатанная на компьютере.

«Одран, Ты следующий!
Джеймса Бонда больше нет.
Я стал кем-то другим. Угадай, кем?
Подумай о Селиме — и все поймешь.
Но это не принесет тебе пользы, потому что Скоро ты будешь мертв!»

— Что там написано? — спросила Ясмин.

— Ничего интересного, — ответил я. Руки у меня слегка дрожали. Я отвернулся от Ясмин, скомкал записку и сунул ее в карман.

Глава 15

С того самого вечера, как у Чириги пришили Богатырева, я познал всю гамму чувств, доступных человеческому существу: отвращение, ужас и ликование; любовь и ненависть, надежду и отчаяние, робость и смелость. Но ни одна из этих эмоций ни разу не захватила душу так, как черная ярость, овладевшая мной сейчас. Все, игры кончились; всякие соображения насчет справедливости, чести и долга вытеснялись одним простым императивом — остаться в живых. Время колебаний и сомнений прошло; сегодня угрожали мне. Анонимная записка расставила все на свои места.

Клокотавшая во мне ярость обратилась на Оккинга. Он скрывал информацию, может, прятал что-то, а стало быть, подвергал опасности мою жизнь. Поступи он так с Абдуллой или с Тами, я сказал бы: что ж, это дело полиции. Но когда речь идет о шкуре Одрана, это мое дело, и, как только доберусь до Оккинга, я заставлю его осознать данный факт, заставлю!

Кипя от злости, я шагал по Улице и репетировал монолог, который обрушу на лейтенанта. Много времени мне не потребовалось. Вот как рее будет: Оккинг удивится, увидев меня снова, после того как выпроводил из кабинета всего час назад. Я врываюсь внутрь, хлопаю дверью так, что у поганца заложит уши, а стекла едва не вылетят, сую ему под нос смертный приговор, вынесенный мне неизвестным автором записки, и потребую правду и ничего, кроме правды. В противном случае сволоку его вниз, запру в одной из камер для допросов и немного побью о стены его собственного участка. Готов поспорить, сержант Хаджар окажет мне любую помощь, если потребуется.

Подойдя к Восточным воротам, я невольно замедлил шаг. Еще одно внезапное озарение. Мои мозги пытались разродиться некоей идеей дважды: утром, когда разговаривал с лейтенантом, и позже, у трупа Селимы. Как всегда, я возложил функцию акушера на подсознание, и вот наконец-то на свет появился младенец!

Итак, вопрос: какая деталь головоломки отсутствует?

Ответ: взглянем на дело повнимательней. Первое: в нашем квартале за последние несколько недель совершено несколько убийств, до сих пор не раскрытых. Сколько? Богатырев, Тами, Деви, Абдулла, Никки, Селима. Второе: как ведут себя, расследуя убийства, легавые, когда упираются в стену или заходят в тупик? Суть полицейской работы — дотошность и методичность, прокручивание одних и тех же эпизодов по несколько раз:

скажем, всех свидетелей вызывают заново, заставляя повторять показания раз за разом на тот случай, если была упущена какая-то важная деталь. Легавые задают одни и те же вопросы пять, десять, двадцать, сто раз! Вас за шкирку тащат в участок или будят посреди ночи и все повторяется: вопрос — ответ, вопрос — ответ…

Почему полиция, имея шесть нераскрытых, совершенных подряд и явно связанных между собой убийств, демонстрирует нулевую активность? Мне не пришлось повторять свои показания, и очень сомневаюсь, что Ясмин, или кого-то еще, заставляли делать это. Такое впечатление, что Оккинг решил устроить себе и своим ребятам внеочередной отпуск. Почему легавые подонки ни черта не делают?

Шестеро уже убиты; уверен, трупов будет больше. Скажем, мне лично твердо обещали один — мой собственный.

Добравшись до полицейского участка, я молча прошел мимо дежурного сержанта. Мне было глубоко наплевать на правила и формальности, я жаждал крови… Наверное, от меня исходили флюиды такой жуткой злобы, а физиономия отражала такую гамму чувств, что никто не осмелился меня остановить. Я поднялся наверх, прошел сквозь лабиринт узких коридоров и наконец добрался до Хаджара, сидящего возле скромной ставки своего шефа. Сержант, должно быть, тоже оценил по достоинству мое состояние, потому что, не говоря ни слова, указал — пальцем на дверь. Он не собирался закрывать грудью вход к Оккингу и в то же время не хотел злить начальника. Хаджар не отличался глубоким умом, но зато обладал примитивной хитростью. Он отойдет в сторонку, с удовольствием наблюдая за нашей дракой. Не могу вспомнить, обменялись мы с Хаджаром двумя словами или нет. Не знаю, как очутился в кабинете. Помню только, что перегнулся через стол Оккинга, правой рукой вцепившись в ворот его рубашки. Мы оба кричали.

— Что это такое, что это значит, мать твою! — орал я, размахивая бумажкой перед его глазами.

Вот все, что я успел сделать, прежде чем меня развернули, повалили и прижали к полу два полицейских; еще трое направили на меня иглометы. Сердце частило, как бешеное, еще немного — и оно вырвется из груди. Я поднял голову, окинул взглядом одного из легавых и уставился прямо в крошечное черное отверстие игломета. Как мне хотелось заехать ногой в морду стражу порядка! Но, увы, моя подвижность была ограничена.

— Отпустите его, — скомандовал Оккинг. Он тоже тяжело дышал.

— Лейтенант, — возразил один из его людей, — если…

— Я сказал, отпустите!

Они молча повиновались. Я поднялся на ноги и наблюдал, как они неохотно убрали оружие и направились к выходу, недовольно бормоча что-то. Оккинг дождался, пока последний из них вышел за порог, затем медленно закрыл дверь, провел рукой по волосам и вернулся к столу. Он тянул время, чтобы успокоиться: лейтенанту не хотелось начинать разговор, пока он не возьмет себя в руки.

Наконец, опустившись в свое вращающееся кресло, он обратился ко мне.

— Что это значит?

Ни насмешки, ни сарказма, ни скрытой угрозы в голосе. Для меня кончилось время неопределенности и метаний; для Оккинга безвозвратно ушли дни, когда он мог играть снисходительно-презрительного профессионала.

Я положил записку на стол и дал ему возможность прочесть ее. Сел на жесткий пластмассовый стул и терпеливо ждал реакции.

Внимательно изучив записку, Оккинг закрыл глаза, устало потер веки:

— Господи.

— Кто бы ни был этот «Джеймс Бонд», он сменил модик. Тут написано: если как следует подумаю, догадаюсь, кто он теперь. Мне ничего не приходит в голову.

Оккинг уставился на стену, восстанавливая в памяти подробности убийства Селимы. Его глаза широко открылись, отвисла челюсть; он снова простонал:

— Боже мой!

— Что такое?

— Тебе что-нибудь говорит имя — Ксаргис Мохадхил Хан?

Где-то я слышал его, но в связи с чем? Не помню… Но могу сказать заранее — этот парень мне не понравится.

— Расскажи о нем, — попросил я.

— Лет пятнадцать назад он был довольно-таки известен. Этот психопат провозгласил себя новым Пророком то ли в Ассаме, то ли в Сиккиме, то ли еще где-нибудь на востоке. Сказал, что сияющий голубой металлический ангел спустился к нему, одарив откровением и священными заветами, основной из которых гласил: новоявленный посланец Аллаха должен начать джихад против белых женщин, убивая всех, встретившихся по дороге, а заодно уничтожать каждого, кто станет у него на пути. Он хвастался, что прикончил две или три сотни мужчин, женщин и детей, прежде чем его остановили. Перед казнью, сидя в тюрьме,

он убил еще четверых.

Парню нравилось вырезать из тела жертв различные органы в жертву голубому металлическому ангелу. Определенные органы для каждого дня недели, или фазы луны, или еще чего-нибудь.

Воцарилась напряженная тишина.

— Став Ханом, он будет гораздо опаснее, — заключил я.

Оккинг мрачно кивнул.

— По сравнению с Ксаргисом Мохадхил Ханом будайинские головорезы кажутся компанией невинных сорванцов, вроде Тома и Джерри.

Я закрыл глаза, чувствуя свою беспомощность.

— Надо выяснить: он просто чокнутый или работает на кого-то?

Лейтенант созерцал стену за моей спиной, напряженно раздумывая. В правой руке он вертел дешевую бронзовую статуэтку русалки, украшавшую стол. Наконец он перевел взгляд на меня и вполголоса произнес:

— Насчет этого я могу тебя просветить. — Я с самого начала был уверен, что ты чего-то недоговариваешь. Ты знал, на кого работает Бонд, ныне Хан. Ты знал, что я прав насчет политической окраски убийств, верно?

— Послушай, давай отложим раздачу орденов на потом? Сейчас нет времени.

— Выкладывай-ка лучше свою историю. Если Фридландер-Бей узнает, что ты утаивал от него сведения, ты полетишь с работы прежде, чем успеешь покаяться.

— Не уверен, Одран, — сказал Оккинг, — но пробовать не собираюсь.

— Ну хорошо; ты скажешь наконец, на кого работал Бонд?

Лейтенант отвернулся. Когда он снова взглянул на меня, лицо его было искажено, словно от физической боли.

— Он работал на меня, Одран. Честно говоря, этого я не ожидал. Не зная, как отреагировать, я промолчал.

— Ты наткнулся на нечто более серьезное, чем просто серия убийств, признался Оккинг. — Полагаю, ты об этом догадываешься, однако понятия не имеешь, насколько все серьезно. Ладно. Я получал деньги от одного европейского правительства за то, что взялся найти некоего субъекта, сбежавшего оттуда в наш город. Этот тип дожидался своей очереди управлять страной. Определенные политические силы хотели от него избавиться. Правительство, на которое работал я, хотело его отыскать и вернуть живым и здоровым на родину. Тебе ни к чему знать подробности интриги; я излагаю все в общих чертах. Я нанял Джеймса Бонда, чтобы он нашел этого человека и

помешал другой стороне убить его.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы это переварить. Трудно усвоить такое количество информации в один присест: можно заработать острое несварение мозга.

— Бонд убил Богатырева. Потом Деви. А после того, как превратился в Кеаргиса Хана, Селиму. Значит, я был на верном пути с самого начала — русского убили не просто так. Это вовсе не нелепая случайность, как ты. Папа, да и все остальные упорно пытались внушить нам. Вот почему ты не очень-то ревностно расследовал эти убийства. Ты и так знал, кто преступник.

— Если бы так, Одран. — Оккинг выглядел невероятно уставшим, почти изможденным. — Я не имею ни малейшего понятия, кто работает на другую сторону.

У меня хватает улик: одинаковые следы — кровоподтеки, отпечатки ладоней и пальцев нубийцы на истерзанных телах, довольно полные данные о габаритах и весе преступника. В общем, масса мелких деталей. Но я не знаю, кто он, и это меня пугает.

— Ах, пугает? Тогда ты просто образец смелости! Все в квартале неделями не высовывают носа из-под одеяла, молясь о том, чтобы нож убийцы располосовал кого-то другого, а ты напуган… Чего же ты боишься, Оккинг?

— Другая сторона выиграла; наследник престола уничтожен. Однако убийцы на этом не успокоились. Почему? Цель достигнута, операция завершена. Возможно, они уничтожают всех, кто может их опознать.

Я задумчиво прикусил губу:

— Вернемся немного назад, хорошо? Богатырев работал на посольство одного из русских царств. Что связывало его с Деви и Селимой?

— Я ведь говорил, что не хочу углубляться в детали. Это грязное дело, Одран. Может, хватит того, что я уже рассказал?

Я снова взорвался.

— Оккинг, твой поганый наемник наметил меня в качестве следующей жертвы!

Поэтому я имею полное право знать все подробности. Например, почему ты не прикажешь своему парню немного отдохнуть?

— Потому что он исчез. Когда принца убила другая сторона, Джеймс Бонд словно растворился в воздухе. Я не знаю, где он и как войти с ним в контакт.

Теперь он работает на самого себя.

— Или новый хозяин выдал ему другие инструкции.

Первый, о ком я подумал, был не Сейполт (что выглядело бы

вполне логично), а Фридландер-Бей. И не смог сдержать дрожи. Теперь я понимал, что обманывал себя, рассуждая о причинах участия Папы в данном деле — страх за собственную жизнь и похвальное желание защитить свою паству. Нет. Папа никогда ничего не делал так просто. Каждый его поступок имел как бы двойное дно. Что, если он стоял за ужасными событиями последних месяцев? Такую возможность больше нельзя отвергать…

Оккинг тоже пребывал в размышлении. В глазах его то и дело мелькал страх, руки нервно вертели статуэтку.

— Богатырев не был обычным чиновником из посольства. На самом деле он Великий Князь Василий Петрович Богатырев, младший брат Вячеслава, царя Белоруссии и Украины. Его племянник, наследный принц, столько всего натворил, что его выслали. Партия неофашистов в Германии вознамерилась вернуть его в Белоруссию, надеясь использовать в своих целях, чтобы сбросить папашу с трона И заменить монархию «протекторатом» под германским контролем. Возродившиеся после краха Союза коммунисты поддержали их, тоже мечтая разрушить монархию, но, естественно, планируя заменить ее своим собственным правительством.

— Стратегический союз красных и коричневых?

Оккинг слабо улыбнулся:

— Это случалось и раньше.

— И ты работал на немцев?

— Точно.

— Через Сейполта?

Оккинг кивнул. Весь этот разговор ему очень не нравился.

— Богатырев хотел, чтобы ты нашел принца. Как только тебе бы это удалось, человек князя убил бы парня.

Все, что было во мне арабского, возмутилось от мысли о подобном.

— Богатырев готовил убийство собственного племянника? Сына своего брата?

— Да, во имя сохранения монархии. Они сочли это печальной необходимостью.

Я предупреждал тебя, Одран, это грязное дело. На высшем уровне международных отношений почти всегда натыкаешься на непролазную грязь…

— Почему Богатыреву понадобился именно я? Оккинг пожал плечами:

— За последние три года изгнания принц ухитрился изменить облик и хорошо замаскировался. Очевидно, в один прекрасный день до парня дошло, что его жизнь в опасности.

— Значит, так называемый сын Богатырева не погиб во время аварии, ты наврал мне, когда объявил, что дело закрыто. Он был еще жив. Но ты только что сказал, что в конце концов принца убили?

— Принц — это твоя подружка-обрезок, Никки. До изменения пола она была наследным принцем Николаем Константиновичем.

— Никки? — пролепетал я севшим голосом. Груз страшной правды и горьких сожалений всей тяжестью рухнул на мои плечи. Что ж, сам напросился. Я вновь услышал голос смертельно напуганной Никки, три слова, которые она успела прокричать в трубку, прежде чем разговор оборвался… Мог ли я спасти ее?

Почему она не открыла мне правду, не поделилась своими подозрениями? — Потом убили Деви и остальных Сестер.

— Они слишком близко знали Никки. Неважно, обладали Сестры какой-нибудь опасной информацией или нет. Оба — немецкий убийца, сейчас ставший Ханом, и русский агент — не хотели рисковать. Вот почему ты, Одран, тоже занесен в черный список. Вот почему… вот почему я получил это.

Лейтенант выдвинул ящик стола и, вытащив что-то, перебросил через стол.

Еще одна записка, напечатанная на компьютере, по содержанию ничем не отличавшаяся от моей. Только адресована Оккингу.

— Я не покину полицейский участок, пока все не кончится, — сказал он. Останусь в кабинете, окруженный ста пятьюдесятью верными полицейскими.

— Надеюсь, среди них нет наемника Богатырева, — съязвил я.

Оккинг поморщился. Видно, такая мысль уже приходила ему в голову.

Сколько еще имен в списке намеченных жертв? Кто должен умереть после меня и Оккинга? Я с ужасом подумал, что Ясмин вполне может там оказаться. Она знает не меньше Селимы, даже больше, потому что я делился с ней всем, что знал и о чем догадывался. А Чирига? И как насчет Жака, Сайеда и Махмуда? Сколько еще моих знакомых должны погибнуть? Представив себе Никки, сначала превратившуюся из принца в принцессу, а затем — в труп, представив, что ждет меня в будущем, я новыми глазами посмотрел на Оккинга. Он тоже раздавлен тем, что случилось.

Причем его положение гораздо хуже моего. С карьерой лейтенанта полиции в нашем городе придется распроститься: он ведь признался, что работал иностранным агентом.

— Мне больше нечего тебе сказать, — заключил Оккинг.

— Если узнаешь что-нибудь, или мне надо будет с тобой связаться…

— Я буду здесь, — ответил он безжизненным голосом. — Иншалла.

Я встал и быстро вышел из убежища Оккинга. Мне казалось, что я бегу из тюрьмы.

Отстегнув телефон, позвонил в больницу доктору Еникнани.

— Здравствуйте, господин Одран, — ответил знакомый низкий голос.

— Я хотел бы узнать о состоянии пожилой женщины по имени Лайла.

— Честно говоря, ничего определенного пока сказать нельзя. Она может со временем оправиться, но шансов на это мало. Пациентке уже много лет, она слаба.

Приходится пичкать ее успокаивающими лекарствами и держать под наблюдением.

Боюсь, она может впасть в кому. Даже если этого не случится, велика вероятность, что мозг нормально функционировать уже не будет. Она теперь не сможет жить без присмотра, делать простейшие вещи.

Я с шумом втянул в себя воздух. Все это натворил я…

— Такова воля Аллаха, — выдавил я наконец.

— Да, Аллах велик.

— Я попрошу Фридландер-Бея оплатить лечение. То, что с ней случилось, произошло в результате расследования.

— Понимаю, — сказал доктор Еникнани. — Нет нужды обращаться к вашему покровителю. Эту женщину лечат бесплатно.

— У меня нет слов, чтобы отблагодарить вас за все. Я говорю от себя и от имени Фридландер-Бея.

— Мы исполним священный долг правоверного, — ответил он просто. — Да, наши специалисты выяснили, что записано на модуле, который вы передали. Хотите послушать?

— Да, конечно.

— Там три слоя. Первый, как вы уже догадываетесь, — запись поведения большого, сильного хищника, скорее всего бенгальского тигра, с которым скверно обращались, безжалостно дразнили, и мучили, и не кормили. Второй — мозг младенца. Последний слой — самый ужасающий — это запись затухающего сознания смертельно раненой женщины.

— Я знал, что имею дело с чудовищем, но все-таки не ожидал подобного ужаса.

Меня трясло от отвращения и ненависти. Этот несчастный преступил все границы нравственности!

— Разрешите дать вам небольшой совет, господин Одран. Никогда не пользуйтесь такими самодельными, кустарными модулями. Они плохо записаны, с большим уровнем вредного «шума». У них отсутствуют предохранители, встроенные в модули фирменного производства. Частое использование нелегальных модулей заканчивается повреждением центральной нервной системы, а следовательно — всего организма.

— Интересно, чем все это кончится?

— Ну, довольно просто предсказать: убийца добудет второй подобный модуль.

— Если Оккинг, или я, или кто-нибудь еще не доберется до него раньше.

— Будьте осторожны, господин Одран. Как вы сами только что заметили, он чудовище.

Я поблагодарил доктора и прицепил телефон к поясу. Меня терзало сознание собственной вины за то жалкое прозябание, на которое я обрек Лайлу. Еще я думал о неизвестном противнике, который использовал задание белорусских монархов как предлог для удовлетворения своей тайной страсти — мучить и убивать. Известия из больницы полностью изменили почти готовый план действий. Зато теперь я точно знал, что делать и как действовать.

Шагая по Улице, я наткнулся на беднягу Фуада.

— Мархаба, — объявил он, скосив на меня глаза, прикрываясь рукой от солнца, чтобы лучше видеть.

— Как дела, Фуад? — спросил я.

Мне не хотелось застрять на час посредине улицы; нет настроения слушать нашего местного дурачка, а кроме того, нужно кое-что приготовить…

— Хасан хочет тебя видеть по какому-то делу; это связано с Фридландер-Беем. Сказал, ты поймешь, что он имеет в виду.

— Спасибо, Фуад.

— Так ты понял, да? Ну, понял, что он имеет В виду? — Несчастный, моргая, смотрел на меня;

Фуад клянчил свежую порцию сплетен, как собака — кость.

— Да, все точно. Извини, мне надо бежать. — Я старался избавиться от его общества, но Фуад не отставал.

— Хасан сказал, что это и вправду очень важно. Что он имел в виду, Марид?

Скажи, а? Можешь со мной поделиться. Я умею хранить тайну.

Я промолчал; очень сомневаюсь, что Фуад умеет вообще что-то хранить, тем более тайну. Я по-товарищески похлопал беднягу по плечу и повернулся к нему спиной. Прежде чем отправиться домой, заглянул к Хасану. Юный американец по-прежнему

восседал на стуле в пустом помещении магазина и одарил меня призывной улыбкой. Черт побери, я определенно нравлюсь этому парню! Я молча нырнул за занавес, Хасан, как и всегда, проверял накладные, считал свои бесконечные ящики и коробки с товаром. Заменив меня, расплылся в улыбке. Как я понял, мы с Хасаном теперь — лучшие друзья. Вообще, за переменами в его отношении к людям так трудно уследить, что я перестал даже пытаться. Он убрал папку, положил руку мне на плечо и, как принято у арабов при встрече, поцеловал в щеку. — Добро пожаловать, мой дорогой племянник! — Фуад передал, у тебя есть сообщение для меня от Папы.

Лицо Хасана сразу стало серьезным.

— Я только сказал так Фуаду. Я очень обеспокоен, о мой друг, и даже более того — ужасно напуган. Не мог сомкнуть глаз целых четыре ночи подряд: эти ужасные кошмары… Когда я наткнулся на убитого Абдуллу, то думал, что хуже нет ничего… Да, когда я нашел его… — Его голос задрожал. — Абдуллу нельзя назвать достойным человеком, мы оба знаем это; и все же я был с ним тесно связан в течение нескольких лет. Ты в курсе, что он работал на меня, как я на Фридландер-Бея. А теперь Папа предупреждает, что… — Голос Хасана прервался, несколько секунд он не мог вымолвить ни слова.

Я испугался, что мне придется быть свидетелем истерического припадка этой раздувшейся свиньи. Мысль о том, что придется успокаивающе хлопать его по руке, приговаривая: «Ну, ну, маленький, успокойся, все будет хорошо», — вызвала тошноту. Но Шиит сумел взять себя в руки и продолжил:

— Фридландер-Бей предупреждает меня, что над его друзьями нависла такая же опасность. Это относится и к тебе, о мой проницательный друг, и ко мне. Я уверен, ты уже давно понял, на какой идешь риск, но я, увы, не отличаюсь храбростью. Фридландер-Бей не выбрал меня для этой работы, потому что знает — у меня нет ни мужества, ни стойкости, ни чести. Приходится быть безжалостным к себе, ибо так я лучше сознаю правду. Да, я бесчестен, думаю только о себе, дрожу при мысли об опасности, которая мне угрожает, о том, что, возможно, придется принять страдания и смерть, подобно… — На этом месте Хасан все-таки сорвался и зарыдал. Я терпеливо ждал, когда иссякнет ливень; тучи постепенно разошлись, но солнышко так и не показалось.

— Я принял все необходимые меры, Хасан. Нам просто следует соблюдать осторожность. Те, кого убили, поплатились жизнью за свою глупость или доверчивость, что, в общем-то, одно и то же.

— Я не доверяю никому, — объявил Хасан.

— Знаю. Это поможет тебе сохранить жизнь/ если что-то вообще может нам помочь.

— Что ж, наверное, ты прав, — произнес он с сомнением.

Интересно, чего он ждал от меня — письменного обязательства? «Дано настоящее в том, что я, Марид Одран, гарантирую сохранение паршивой жизни жирного ханжи по прозвищу Шиит»?

— Но если ты так боишься, почему не попросишь убежища у Папы, пока убийц не поймают?

— Ты думаешь, их двое?

— Не думаю — знаю!

— Тогда дело обстоит ровно в два раза хуже. Он несколько раз с размаху ударил себя кулаком в грудь, умоляя Аллаха о справедливости: чем заслужил его раб, правоверный и богобоязненный Хасан, такую напасть?

— Что ты собираешься делать? — обратился ко мне этот разжиревший торговец.

— Пока не знаю. Хасан задумчиво кивнул.

— Пусть тогда Аллах защитит тебя.

— Мир тебе, Хасан, — попрощался я.

— И с тобой да пребудет мир. Прими этот небольшой подарок от Фридландер-Бея.

«Подарком», естественно, оказался еще один конверт, туго набитый хрустящими банкнотами.

Я вышел на улицу, по пути не удостоив Абдул-Хасана взглядом. Надо навестить Чири: предупредить об опасности, дать несколько ценных советов… А если честно — просто укрыться в ее баре на полчаса от реального мира, в котором мне самому грозит смерть.

Чирига приветствовала меня с обычным энтузиазмом. «Хабари гани?» вскричала она;[22] затем, прищурившись, стала разглядывать мою обновленную голову.

— Я слышала, но, пока сама не увидела, не поверила. Неужели и правда две розетки?

— Правда.

Пожав плечами, она пробормотала:

— Сколько возможностей…

Интересно, что сейчас пришло в голову Чири? Она всегда безнадежно опережала меня, если надо было придумать, как обратить себе на пользу любые благонамеренные начинания.

— Как ты? — поинтересовался я. Она пожала плечами.

— Вроде бы все как обычно. Никаких доходов. Никаких событий. Ни-че-го; только та же старая нудная работа.

При этом Чири широко улыбнулась, продемонстрировав свои замечательные клыки. Она Давала понять, что, несмотря на хроническое отсутствие доходов, на жизнь она кое-как зарабатывает. И скучать ей на самом деле не приходится.

— Ох, Чири, — произнес я мрачно, — каждому из нас придется потрудиться, чтобы все действительно осталось как обычно.

Она нахмурилась.

— Ты имеешь в виду это дело… — Она описала рукой круг в воздухе.

— Да, Чири, «это дело». — Я повторил ее жест. — Никто из вас не желает понять, что убийства продолжатся, и практически любой — потенциальная жертва.

— Ты прав, Марид, — тихо согласилась Чири, — но что ты мне посоветуешь?

Черт, я сам загнал себя в ловушку. Для того, чтобы давать конкретные рекомендации в таком деле, надо по крайней мере понять, как действуют убийцы, на что я уже потратил впустую массу времени. Любого из нас, в любое время, по любой причине могли пришить — вот и все, что я знаю! Так что единственное, что я могу сказать:

«Будь осторожна». Есть два способа воплотить в жизнь этот тривиальный совет: вести себя как обычно, только утроить бдительность, или уехать на другой континент. В последнем случае надо убедиться, правильно ли выбрана новая родина. Иначе есть риск вляпаться в самый эпицентр неприятностей. Кроме того, существует опасность привезти свои проблемы на новое место, словно тараканов в чемодане.

Поэтому я, не ответив Чири, пожал плечами и заметил, что сегодня подходящий вечер для того, чтобы подкрепиться джином и бингарой. Она приготовила две порции: мне, двойную, за счет заведения, и себе; какое-то время мы просто сидели и грустно глядели друг на друга. Ни подшучиваний, ни ритуального легкого флирта; она даже не напомнила мне о модике Хони Пилар. Я даже не обратил внимания на новых девочек. Мы с Чири казались настолько поглощенными созерцанием друг друга, что никто не осмелился подойти, чтобы поздороваться. Прикончив свое пойло, я попросил налить фирменный напиток каннибалов. Теперь он казался мне вполне терпимым. Когда я отведал его впервые, ощущение было такое, словно во рту оказался кусок падали, пролежавший где-нибудь на свалке не меньше недели. Я поднялся, собираясь уйти, но, поддавшись внезапному приступу нежности, ласково провел пальцами по покрытой шрамами щеке, потом погладил руку Чириги. Она ответила мне своей фирменной

улыбкой, мгновенно преобразившись в прежнюю чернокожую амазонку. Еще немного, и мы решим начать новую жизнь вдвоем где-нибудь в Свободном Курдистане… Я торопливо вышел из бара.

Ясмин спала в моей постели; девочка весьма успешно опаздывала на работу в очередной раз. Сегодня утром она проснулась пораньше, дабы избавиться от накопившейся в душе горечи и боли, выплеснув их на меня. Потом, чтобы поддержать репутацию и, не дай Бог, не прийти к Френчи вовремя, бедняжке пришлось снова лечь и заснуть. Она сонно улыбнулась, пробормотала: «Привет».

Похоже, Ясмин, вкупе с Полу-Хаджем, была единственной во всем квартале идиоткой, демонстрирующей непробиваемую смелость, в то время как остальные разумные обитатели Будайина дрожали от страха. Мужество Сайеда регулярно подпитывал его суперменский модик, но у Ясмин единственной моральной опорой был я. Девочка ни минуты не сомневалась, что Марид Одран защитит ее, что делало мою подругу даже большей идиоткой, чем Полу-Хадж.

— Слушай, Ясмин, у меня миллион всяких дел… Тебе придется несколько дней пожить у себя. О'кей?

Ясмин сразу надулась:

— Ты не хочешь, чтобы я была с тобой? В переводе это означает: «Ты что, завел себе другую?»

— Нет, не хочу, потому что сейчас я под прицелом убийц. Оставаться здесь опасно, ты можешь угодить под пулю; я этого не переживу, любимая. Понятно?

Такое объяснение понравилось ей намного больше, потому что показывало, как я забочусь о ней. Вот паршивка… Если не повторять девочке каждые десять минут, как она дорога тебе, обязательно решит, что появилась соперница.

— О'кей, Марид. Ключи отдать?

Я немного подумал:

— Пожалуй. Тогда буду знать, где они, и никто не сможет вытащить их у тебя и проникнуть в мою квартиру.

Она вытащила ключи из сумочки и бросила мне. Потом Ясмин начала традиционный спектакль: «я спешу на работу». Я раз тридцать сообщил, как люблю ее, заверил, что буду беречь себя (совершенно искренне) и звонить ей, по меньшей мере, дважды в день, просто чтобы отметиться. Она поцеловала меня, бросила взгляд на часы, неискренне охнула и поспешила к двери. Придется ей и сегодня заплатить Френчи штраф.

Как только Ясмин вышла, я стал собирать вещи; свалив их в кучу, убедился, что имущества у меня немного. Верх глупости —

подставлять себя под пули, сидя в собственном доме. Стало быть, надо найти убежище; по этой же причине я захотел изменить свой облик. На счету у меня — масса Папиных денег, а только что полученная от Хасана порция наличных позволит обрести относительную свободу действий. Упаковал вещи я, как всегда, быстро, запихнув кое-какую одежду в черную пластиковую сумку на молнии. Сверху положил завернутую в футболку коробку с модиками; потом закрыл сумку и вышел на улицу. Интересно, запланировал ли для меня Аллах благополучное возвращение? Я сознавал, что напрасно накручиваю себя, но такова уж извращенная человеческая натура — всегда тянет нажать на больной зуб. Господи, сколько забот и переживаний появляется у человека, который ставит перед собой простую задачу — выжить.

Я вышел из ворот, пересек широкую улицу. Здесь, рядом с Будайином, расположились довольно дорогие магазины, совсем непохожие на лавчонки, которые ожидаешь увидеть возле нашего квартала. Туристы находили в них как раз то, что искали, и хотя абсолютное большинство сувениров сделано за тысячи миль отсюда (в нашем городе, насколько я знаю, вообще не занимаются народными промыслами), со счастливыми лицами рылись в куче ярко раскрашенных соломенных попугаев, made in Mexico, и пластмассовых складных вееров, made in Hong-Kong. Туристы были довольны, а стало быть, довольны все. Здесь, рядом с царством Пустыни, мы демонстрировали большую культуру.

Я зашел в магазин мужской одежды, торгующий европейскими костюмами. Как правило, у меня не набиралось денег и на один носок, но теперь, осчастливленный Папой, я решил наконец преобразиться. Это было настолько ново, что я даже не знал толком, что мне нужно, и объявил приказчику, что необходима его помощь.

Дал понять, что не шучу — иногда феллахи заходили в такие магазины, просто чтобы оросить своим трудовым потом все оксфордовские костюмы. Я сообщил, что хочу экипироваться полностью, назвал сумму, которую собираюсь истратить на это, и позволил ему поработать над моим гардеробом. Я понятия не имел, как подбирать галстук к рубашке, не знал даже, как завязывают эту проклятую штуку (меня снабдили брошюркой о разных узлах), так что действительно нуждался в помощи специалиста. Я решил, что он получает комиссионные, поэтому позволил включить в мои покупки на пару сотен лишних вещей. Парень не просто изображал дружелюбие, как большинство ему подобных, он даже не брезговал прикасаться ко мне, хотя в то время я был одним из самых неряшливых обитателей Будайина, а в нашем квартале существует очень много видов неряшливости.

Я заплатил за одежду и несколько кварталов до отеля «Палаццо ди Марко Аврелио» нес в руках пакет. Отель был частью целой международной империи, принадлежащей швейцарцам: все гостиницы выглядели одинаково, ни одна не обладала уютом и элегантностью оригинала. Впрочем, мне-то что до этого? Я искал просто надежный ночлег, где никто не потревожит мой сон. Меня даже не заинтересовало, почему в мусульманской стране отель назвали именем какого-то сына древнеримской шлюхи.

Портье, выдававший ключи, даже отдаленно не напоминал услужливого приказчика из магазина одежды; я сразу понял, что он сноб. Мало того что парень был таким от рождения, ему платили за снобизм и, наверное, специально тренировали, дабы этот естественный дар достиг космических высот. Ничто не могло пробить стену его высокомерия и презрения; он оставался твердым, как камень. Однако какую-то брешь мне все-таки удалось проделать. Я вытащил все свои хрустики, любовно разложил на розовом мраморе стойки и объяснил, что хочу снять номер на неделю-две и заплачу вперед наличными.

Выражение его лица не изменилось — парень с трудом выносил мое присутствие, — но он велел подыскать мне номер. Это не заняло много времени.

Никто не предложил отнести мой багаж наверх, я сам держал пакеты с одеждой, поднимаясь в лифте, и, войдя в комнату, бросил их на кровать. Должно быть, номер считался неплохим — с видом из окна на довольно унылые задворки делового квартала. Зато у меня был телевизор с видео, и не просто душ, а даже ванна! Я вывалил на кровать содержимое сумки и переоделся в галабийю. Настало время нанести еще один визит герру Люцу Сейполту. На этот раз я взял с собой несколько училок. Сам Сейполт показался мне неглупым человеком, но его секретарь Рейнхард вполне способен создать мне проблемы. Я вставил училку немецкого языка и прихватил с собой на всякий случай несколько специальных для контроля над чувствами. С этого часа я буду человеком-невидимкой. Не собираюсь маячить где бы то ни было, чтобы попасть под прицел. Ну нет, Марид Одран, супермен дюн, не таков!

Билл, безумный американец, как обычно, восседал в своем помятом стареньком такси. Я поместился рядом с ним, но Билл меня не заметил: он ожидал, когда пассажир подаст голос с заднего сиденья, как обычно. Почти минуту я звал его, тряс за плечо. Наконец он повернул голову и, часто моргая, уставился на меня.

— Чего?

— Билл, ты отвезешь меня к дому Люца Сейполта?

— Я тебя знаю?

— Ну конечно. Мы ездили туда несколько недель назад.

— Тебе легко говорить. Сейполт, значит? Немецкий парень, увлекается длинноногими блондинками. Скажу сразу, старик: ты не в его вкусе.

Сейполт клялся, что давно уже никем не увлекается. Великий Боже, значит, даже он мне лгал! Признаюсь, я был здорово потрясен; молча провалился в сиденье и стал смотреть на проносящиеся мимо дома. Билл всегда создавал массу дополнительных трудностей, но это естественно: ведь ему приходилось то и дело объезжать по дороге существа, которые абсолютное большинство людей не смогло бы даже увидеть, с чем Билл справлялся прекрасно. Думаю, он не задавил по пути к Сейполту ни одного из полчища окружающих его ифритов.

Я вылез из такси и медленно подошел к массивной двери, запомнившейся мне в первое посещение дома Сейполта. Долго стучал и звонил; никто не ответил. Тогда я обошел здание, надеясь найти старого араба — слугу. В саду зеленела сочная трава, цвели экзотические растения. Спрятавшись в густой листве деревьев, пели птицы. Довольно необычная гамма звуков для города, потому что никакого шума, выдававшего присутствие здесь людей, я не услышал. Может, Сейполт ушел на пляж?

Или отправился за покупками? Или, вместе со своим голубоглазым блондинчиком, решил провести вечер в злачных местах города, обедая и танцуя под луной и звездами?…

Справа, за углом дома, между двумя высокими пальмами, в выбеленной стене находилась небольшая дверь. Не думаю, что ею пользовался Сейполт, скорее, она предназначалась для тех, кто привозил продукты и увозил мусор. По эту сторону дома, в отличие от роскошных тропических джунглей перед фасадом виллы, росли алоэ, юкки и цветущие кактусы. Я взялся за дверную ручку, и она легко повернулась. Возможно, кто-то только что отправился в город за газетой. Я вошел и оказался у ступеней, ведущих вниз, в неприветливую темноту. Пролет лестницы рядом — путь наверх. Я выбрал второе, миновал кладовую, прекрасно оборудованную кухню и оказался в изысканно обставленной столовой. Никого не увидел, не услышал ни звука. Немного пошумел, чтобы Сейполт или Рейнхарт узнали о моем присутствии: пусть не думают, что я шпион или, скажем, подтверждаю слова старого немца об арабах.

Из столовой я прошел в гостиную и в коридор. Передо мной стояли шкафы с бездарно подобранной коллекцией. Здесь я уже мог ориентироваться. Так, посмотрим. Кабинет Сейполта должен быть…

…здесь! Дверь закрыта; я громко постучал. Тишина. Открыв дверь, я шагнул в кабинет. Полумрак; шторы плотно закрывали окна. Воздух затхлый, как будто кондиционер отключили и комнату давно не проветривали. Интересно, что будет, если я наберусь наглости и пороюсь немного в бумагах на рабочем столе немца? Я торопливо перелистал несколько отчетов, лежащих на самом верху кипы документов.

Сейполта я обнаружил между эркером и двумя стеллажами для деловых бумаг.

Он был скрыт письменным столом. Темный костюм немца стал почти черным от крови.

Сначала я принял его за черно-серый плед, упавший на бежевый ковер. Потом заметил светло-голубую рубашку и одну руку. Шагнул поближе, ожидая самого худшего, и, конечно, не ошибся…

Его распологосовали от горла до паха, внутренности вывалились на ковер.

Какой-то окровавленный комок был втиснут в окоченевшую руку.

Это сделал Ксаргис Мохадхил Хан. То есть экс-Джеймс Бонд, который до недавнего времени работал на Сейполта. Он убрал еще одного свидетеля.

Рейнхарта я нашел в его комнате наверху; он выглядел не лучше хозяина.

Старик-араб умер за домом, когда пропалывал прелестные цветы, выращенные им вопреки природе и климату. Всех убили быстро, затем расчленили. Хан крался от одной жертвы к другой, тихо и молниеносно отбирая жизнь. Он скользил бесшумно, как призрак. Прежде чем вернуться в дом, я вставил несколько училок, которые подавили страх, боль, гнев, голод и жажду; училка немецкого языка уже была подключена, но, похоже, она не пригодится мне сегодня.

Я направился к кабинету Сейполта, собираясь хорошенько обыскать стол. Но на пороге меня окликнули:

— Люц?

Я повернулся. Билл не соврал — покойный действительно любил длинноногих блондинок. — Люц? — повторила она. — Bist du noch beteit?[23]

— Ich heisse Marid Audra? Fraulein. Wissen Sie wo lutz ist?[24]

Моя училка работала на полную мощность: я не просто переводил с арабского на немецкий, но говорил на языке, который словно знал с самого детства.

— Разве его здесь нет? — спросила она.

— Нет, и Рейнхарта я тоже никак не могу найти.

— Должно быть, они уже уехали в город. За ленчем шел разговор о том, что неплохо прогуляться.

— Готов поспорить, они отправились ко мне в отель. Мы договорились пообедать вместе, и я решил, что должен встретиться с ними здесь. Нанял машину.

Господи, какая глупость! Сейчас позвоню в отель и оставлю Люцу записку, а затем вызову другое такси. Поедете со мной?

Она задумчиво покусала ноготь.

— Даже не знаю… — ответила она очень нерешительным тоном.

— Вы уже видели город? Она нахмурилась:

— Я не видела ничего, кроме этого дома, ни разу не вылезала на свет Божий с тех пор, как оказалась здесь, — сказала она жалобно.

Я кивнул:

— О, мой друг всегда чересчур серьезно относится к работе. Уверяет, что любит проводить время весело, наслаждаться жизнью, а на самом деле сохнет за делом сам и заставляет сохнуть окружающих. Не хочу осуждать его — в конце концов, он один из моих старейших партнеров по бизнесу и лучший друг, — но думаю, такой образ жизни вреден для здоровья.

— И я все время твержу ему об этом.

— Так почему бы нам не вернуться в отель? Может быть, мы вместе поможем ему расслабиться немного сегодня вечером? Обед, небольшое шоу. Будьте моей гостьей! Я настаиваю.

Она улыбнулась:

— Только позвольте мне…

— Мы должны спешить, — прервал я ее. — Если быстро не доберемся до отеля, Люц поедет домой. Он весьма нервный человек. Тогда придется возвращаться сюда.

Как вы знаете, дорога просто ужасная. Идемте, время не терпит.

— Но если мы собираемся обедать… Мне следовало бы догадаться!

— Ваш наряд вам очень к лицу, моя дорогая; но если вы так не считаете… то прошу позволения купить вам другой, по вашему выбору, со всеми необходимыми аксессуарами. Люц сделал мне множество подарков. Я с удовольствием отвечу на его щедрость подобным образом. Мы можем отправиться в магазины прямо перед обедом. Я знаю несколько очень изысканных английских, французских и итальянских заведений; уверен, вам понравится. Кстати, вы успеете выбрать вечерний наряд, пока мы с Люцем будем обсуждать наши проблемы. Все прекрасно устроится.

Я вывел ее через парадный вход. Мы зашагали по гравийной

дорожке к такси Билла. Открыв заднюю дверцу, я усадил ее в машину, затем обошел вокруг и сел с другой стороны.

— Билл, — обратился я к нему по-арабски, — назад в город. Отель «Палаццо ди Марко Аврелио».

Билл посмотрел на меня с раздражением.

— Знаешь, Марк Аврелий ведь тоже мертв, — сказал он и завел мотор.

Я похолодел, пытаясь сообразить, что значит это «тоже». Потом повернулся к красотке, сидящей рядом.

— Не обращай внимания на водителя, — сказал я ей по-немецки, решив, что сейчас самое время перейти на «ты». — Он безумен, как все американцы. Такова воля Аллаха.

— Ты не позвонил в отель, — сказала она, даря мне нежную улыбку.

Ей понравилась мысль приобрести новый наряд и украшения к нему просто по случаю совместного обеда. Я для нее был психованным арабом, лопающимся от богатства. Такие психованные арабы ей нравились.

— Да, не позвонил. Сделаю это, как только мы доберемся туда.

Она сморщила носик.

— Но если мы уже будем там…

— Ты не понимаешь, — прервал я ее. — Обычно клиенты улаживают подобные дела с портье. Но когда гости особые, — такие как герр Сейполт и я, — следует говорить лично с управляющим.

Ее глаза расширились.

— О!

Я оглянулся на сверкающий свежими красками парк, созданный богатством Сейполта на самой границе с наступающими дюнами. Через пару недель это место станет таким же сухим и мертвым, как сердцевина Великой Пустыни… Я повернулся к своей спутнице и непринужденно улыбнулся. Мы проболтали всю дорогу до города.

Глава 16

Добравшись до отеля, я оставил блондиночку в удобном кресле в холле. Ее звали Труди (просто Труди и все, никакой фамилии, заявила она с блаженной улыбкой). Близкая подруга Люца Сейполта; гостит в его доме больше недели. Их познакомил один общий приятель. М-да… Неразлучные друзья: Труди, самая милая и раскованная девушка в мире, и Сейполт, который, оказывается, в душе добрый и открытый парень, а все эти интриги и убийства — просто маска, чтобы дурачить окружающих.

Я отправился звонить, но не управляющему, а Оккингу. Он сказал, чтобы я покараулил Труди, пока он будет отрывать от стула свою толстую ленивую задницу.

Из всех училок я оставил только языковую: без нее мы с Труди вообще не сможем понять друг друга. Вот тогда-то мне и пришлось уяснить пункт номер сто пятьдесят четыре из перечня особо важных сведений о спецучилках, которыми одарил меня Папа. «За все приходится платить». Понимаете, на самом деле я знал это; выучил еще много-много лет назад, сидя на коленях у матушки. Просто такие истины почему-то постоянно забываются, и приходится каждый раз открывать их заново.

«Никому никогда ничего не достается даром». Во время визита на виллу Сейполта училки все время держали под контролем мои гормоны. Когда я вернулся, чтобы обыскать рабочий стол немца, я должен был пребывать в полувменяемом состоянии от страха и массы сопутствующих эмоций, зная, что изуродованные трупы, которые я обнаружил, стали таковыми совсем недавно, и ублюдок Хан вполне может еще сшиваться где-то поблизости. А когда Труди неожиданно воскликнула:

«Люц?» — любой нормальный человек получил бы инфаркт.

Так вот, когда я вытащил училки, обнаружилось, что я вовсе не избежал всего этого, а просто отложил удовольствие на некоторое время. И этот момент наступил! Мой мозг и нервы сразу как бы сжались, сплелись в тугой клубок.

Невозможно было отделить одну эмоциональную «нить» от другой: я испытывал дикий, бессмысленный, животный ужас, страстную ненависть к Хану за поистине дьявольский метод, с помощью которого он хотел остаться неуловимым, и за то, что этот подонок заставил меня созерцать плоды своей бесчеловечной жестокости.

Накатила волна страшной усталости и боли в работавших сверх всякой меры мускулах (училка «запрещала» мозгу и телу чувствовать утомление и физическую боль, и в результате я

сейчас получил и то, и другое); вдобавок я вдруг осознал, что ужасно голоден и умираю от жажды, а мой мочевой пузырь вот-вот лопнет. В кровь хлынул адреналин, и сердце забилось еще быстрее. Хотя опасность давно миновала, мой организм подготовился к смертельной схватке или к бегству.

В общем, я за несколько мгновений прошел через все, что должен был прочувствовать в течение трех-четырех часов, на тело и мозг обрушился страшный удар, пославший меня в нокаут.

Дрожащими руками я поскорее вернул училки на прежнее место, и через минуту почувствовал себя нормальным человеком. Сердцебиение, дыхание вернулись к норме, а голод, жажда, дикая злость, усталость и мучительные сигналы переполненного мочевого пузыря прекратили донимать меня. Я благодарил судьбу и хирургов, но сознавал, что просто еще раз оттянул час расплаты, а когда он наступит, самое ужасное постнаркотическое похмелье покажется мне легкой мгновенной встряской, словно мимолетный поцелуй в темноте. «Дас ист террибль платить по счетам; не спа, бвана мсье Марид-сан?» Это ты верно сказала, Чири.

Когда я возвращался в холл к Труди, кто-то окликнул меня: «Мсье Одран?»

Хорошо, что училки оказались на месте: терпеть не могу, когда мое имя выкрикивают, если вокруг полно народа и тем более если я маскируюсь.

Я повернулся и окинул одного из служащих, позвавших меня, безмятежно-холодным взглядом.

— Да?

— Для вас записка, мсье. Оставлена в вашем ящике. — Парня явно смущал мой простонародный наряд — галабийя и все прочее. Он твердо выучил, что в их замечательном отеле останавливаются только «культурные европейцы».

То, что он сказал, было просто невероятно по двум причинам: во-первых, никто не знал, что я здесь остановился, и, во-вторых, я зарегистрировался под чужим именем. Что ж, надо сделать вид, что мне просто стало интересно, что они там напутали, а потом возмущенно бросить бумажку в надутую физиономию парня.

Попробую угадать… Компьютерная распечатка, верно?

Я развернул записку.

«Одран, Видел тебя у Сейполта, но решил, что время и обстановка не подходят.

Извини.

Хочу заняться тобой спокойно, не торопясь, чтобы все было тихо и вокруг никого.

Не хочу, чтобы они потом решили, что ты просто одна из случайных жертв.

Хочу быть уверенным, что, когда найдут твое тело, они поймут:

Тебе уделили особое внимание

Хан».

Мои ноги подкашивались, упрямо игнорируя приказы училок. Я сложил послание и сунул его в сумку.

— Вы в порядке, мсье? — заботливо осведомился парень.

— Это все проклятая высота, — ответил, я, — каждый раз так трудно приспосабливаться…

— Высота? Но здесь ведь совсем невысоко, мсье! — изумился он.

— В том-то и дело. — Я оставил его стоять с открытым ртом и вернулся к Труди.

Она расплылась в лучезарной улыбке, словно с моим возвращением жизнь снова обрела свою прелесть. Интересно, что творилось в ее голове, пока она сидела одна в доме? «БЫЛО ТИХО, И ВОКРУГ НИКОГО!..» Я содрогнулся.

— Извини, что заставил тебя ждать, — сказал я вполголоса, слегка поклонился и сел рядом.

— Да ничего, я в порядке. — Она не спеша выпрямила свои красивые ноги и снова скрестила их. Наверное, все мужчины отсюда и до Осаки, не отрываясь, наблюдали, как она это делает. — Поговорил с Люцем?

— Да. Он был здесь, но отлучился по важному делу. Как я понял, поехал решать какой-то формальный вопрос с лейтенантом Оккингом.

— Лейтенантом?

— В обязанности Оккинга входит следить, чтобы в Будайине не происходило ничего необычного. Слышала о таком квартале?

Она кивнула:

— Никак не пойму, какие вопросы может решать Люц с лейтенантом? Он ведь никакого отношения к тому, что творится в этом Будайине, не имеет, разве не так?

Я улыбнулся:

— Прости, дорогая, но то, что ты говоришь, звучит немного наивно. Наш друг — очень многогранная и влиятельная личность. Думаю, ничего в городе не происходит без его ведома.

— Да, наверное…

Полная чепуха, конечно. В лучшем случае, Сейполт был средним звеном. И уж конечно, это не Фридландер-Бей.

— За нами пошлют машину, а потом мы, как и планировали,

сядем все вместе и подумаем, как провести вечер.

Ее лицо снова осветилось радостной улыбкой. В конце концов, она получит свою конфетку.

— Не хочешь заказать что-нибудь, пока мы ждем? — За этим приятным занятием мы с Труди коротали время, пока к нам не подошла парочка утомленных фараонов в штатском, неслышно ступая по толстому синему ковру. Я встал, вежливо представил их друг другу, и мы покинули холл отеля, приятно болтая, как компания старых приятелей. Так мы шли до самого участка; по пути на второй этаж меня остановил сержант Хаджар, а два полицейских проводили Труди в кабинет Оккинга.

— Что случилось? — хмуро спросил Хаджар. Сейчас он забыл о всех своих побочных занятиях и был настоящим легавым. Наверное, чтобы доказать: если он поднатужится, еще может исполнять прямые обязанности.

— А ты как думаешь? Ксаргис Хан, тот самый, что работал на Сейполта и твоего шефа, продолжает заметать следы. Только что убрал трех очередных свидетелей. Черт, парень жуткий педант: ничего не забывает. На месте Оккинга я бы просто взмок от страха. Ведь лейтенант сейчас — живая мишень.

— Он это понимает; никогда не видел Оккинга таким потрясенным и подарил ему тридцать-сорок пилюлек паксиума. Он проглотил целую горсть вместо завтрака.

— Хаджар недобро ухмыльнулся.

Из кабинета Оккинга вышел полицейский в форме.

— Одран, — сказал он громко и мотнул головой в сторону двери. Я стал членом их команды.

— Минуточку. — Я снова повернулся к Хаджару. — Слушай, я хочу посмотреть на то, что ты выудил из рабочего стола и сейфов Сейполта.

— Я так и подумал, — ответил Хаджар. — Лейтенант сейчас слишком занят, чтобы забивать этим голову, так что он наверняка свалит работу на меня. А я устрою, чтобы ты первым осмотрел улики.

— Отлично. Надеюсь, там будет что-то важное. — Входя в застекленный кабинет лейтенанта, я столкнулся с ребятами в штатском, эскортирующими Труди.

Она улыбнулась мне и сказала:

— Мархаба. — Только в этот момент до меня дошло, что она может говорить и по-арабски.

— Сядь, Одран, — сказал Оккинг. Его голос был хриплым, как будто лейтенант сорвал его или простудился.

Я уселся и посмотрел на него.

— Куда ее повели?

— Хотим допросить девочку поосновательней. Хорошенько покопаться в ее серых клеточках… Потом отпустим домой, не знаю, правда, где это.

Что ж, звучит очень профессионально; сомневаюсь, правда, что Труди будет в состоянии выйти отсюда, когда они закончат «копаться в ее серых клеточках».

Гипноз, наркотики, плюс электрическая стимуляция мозга; после этого человек обычно чувствует себя не в своей тарелке. По крайней мере, так мне говорили…

— Хан подбирается все ближе и ближе, — сказал Оккинг, — но второй после смерти Никки вообще не высовывается.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду. Послушай, лейтенант, а Труди случайно не Хан? Она ведь никак не могла раньше быть Бондом?

Оккинг посмотрел на меня как на чокнутого.

— Да откуда мне знать, Одран? Никогда не встречался с этим Бондом. Мы связывались по телефону или по почте. Насколько мне известно, ты — единственный человек, который когда-либо сталкивался с ним лицом к лицу. Вот почему я никак не могу избавиться от подозрительных мыслей. Что-то с тобой не в порядке, Одран, я просто чувствую это.

Со мной что-то не в порядке, вот как?! И это бросает мне в физиономию иностранный агент, получающий чеки от национал-социалистов? Ну ладно… Очень жаль, что лейтенант не сможет даже опознать Хана, если когда-нибудь нам посчастливится его поймать. Я не знал, говорит ли Оккинг правду. Скорее всего, да — какой ему смысл врать мне? Он знал, что занесен в черный список, а может, даже стоит там первым. Кроме того, когда лейтенант сказал мне, что не покинет свой кабинет, он явно не шутил: здесь стояла раскладушка, а на столе — поднос с остатками обеда.

— Единственное, что мы вроде бы знаем точно: оба используют свои модики не только для убийства, но. и чтобы посеять ужас и панику. Кстати, это у них пока получается неплохо, — подытожил я. — Твой наемный убийца… — Оккинг обжег меня взглядом, но, черт побери, правда есть правда! — Твой убийца превратился из Бонда в Хана. А второй, судя по всему, остался прежним. Очень надеюсь, что парень, работающий на русских, убрался домой. Хотелось бы знать точно, по крайней мере одной заботой станет меньше.

— Ага, — хмуро произнес Оккинг.

— Узнал что-нибудь интересное от Труди? Оккинг пожал плечами и взял с подноса кусок сандвича.

— Какое там… Имя, фамилия, прочие формальности.

— Я хочу знать, как она познакомилась с Сейполтом.

Оккинг поднял брови:

— Ну, ну, Одран. Сейполт на прошлой неделе был главной фигурой. Я устало вздохнул:

— До этого я и сам додумался, лейтенант. Труди сказала, что кто-то свел ее с немцем.

— Махмуд.

— Махмуд? Мой друг Махмуд? Тот, который промышлял у Джо-Мамы до перемены пола?

— Точно, он самый.

— Как он оказался замешан в этом деле?

— Пока ты лежал в госпитале, Махмуд получил повышение. Он занял место, оставшееся вакантным пост убийства Абдуллы.

Махмуд. Как быстро ты прошел путь от очаровательной шлюшки, работавшей в греческих клубах, от ничтожного полублатного паразита до современного работорговца, важного человека на службе у Папы… Единственное, что приходит в голову, когда узнаешь о таком повороте судьбы:

«Только у нас в Будайине возможно подобное!» Квартал равных возможностей, дамы и господа!

— Мне надо поговорить с Махмудом, — пробормотал я.

— Тогда встань в очередь. Он обязательно посетит мою обитель, как только ребята его выкурят из логова.

— Расскажешь мне потом, что ты из него вытряс?

Оккинг оскалился:

— Что за вопрос, друг! Разве я не обещал тебе? Разве не обещал Папе, что буду пай-мальчиком? Что-нибудь еще? Все, что угодно, — слушаю и повинуюсь!

Я встал и перегнулся через стол, уставясь ему прямо в глаза.

— Послушай, Оккинг, ты привык смотреть на куски человеческого мяса, разбросанные по квартирам разных приятных людей, а вот меня от такого зрелища сразу выворачивает. — Я показал ему последнюю весточку от нашего общего друга Хана. — Скажи, как мне получить оружие?

— Какое мне дело? — ответил он полушепотом, словно загипнотизированный уставившись на клочок бумаги. Потом поймал мой взгляд и тяжело вздохнул.

Выдвинул нижний ящик стола, извлек оттуда целую коллекцию орудий убийства. Что тебе больше нравится?

Два игломета, парочка статических пистолетов, мощный парализатор и даже здоровенное автоматическое чудовище, стреляющее пулями! Я выбрал маленький игломет «смит-и-вессон» и парализатор «дженерал электрик». Оккинг выбросил на стол коробку боеприпасов: двенадцать игл в обойме, сто обойм в

коробке. Я быстро убрал все это в сумку.

— Спасибо.

— Счастлив? Теперь ты чувствуешь себя неуязвимым, Одран?

— А ты чувствуешь себя неуязвимым, Оккинг? С его лица сползла усмешка.

— Как же, черта с два, — сказал он и небрежно махнул рукой, с присущей всем легавым тактичностью намекая, чтобы я убирался вон. Я подчинился, испытывая не больше благодарности, чем обычно.

Когда я выбрался наружу, небо на востоке уже начало темнеть. С минаретов, где были установлены динамики, раздались мелодичные вопли муэдзинов: их голоса, записанные на пленку, разносились по всему городу. Сегодня выдался тяжелый день, мне нужно выпить. Но прежде чем расслабиться за стаканом в каком-нибудь баре, необходимо еще кое-что сделать. Я вошел в отель, поднялся в свой номер, скинул одежду и встал под душ. Четверть часа горячие струи массировали мое тело; я просто ворочался под их яростным напором, словно ягненок на вертеле.

Два-три раза вымыл волосы и лицо. Увы, с бородой придется расстаться: это весьма печально, но необходимо. Я стал умнее и осторожнее, но записка Хана доказывает, что и того, и другого мне все еще явно недостает.

Сначала я коротко остриг свою рыжеватую шевелюру. Так, теперь борода и усы. В последний раз я созерцал свою верхнюю губу лет в четырнадцать-пятнадцать, поэтому, быстро орудуя бритвой, ощутил на мгновение жалость и боль потери. Правда, вскоре мне стало интересно, как я выгляжу без этого украшения мужчины. Спустя пятнадцать минут я полностью ликвидировал бороду, тщательно выскабливая по несколько раз каждый участок, пока лицо и шея не начали гореть и кровь не стала сочиться из порезов, выделявшихся яркими пятнами, на фоне бледной кожи.

Когда я понял, кого напоминаю, лишившись бороды, желание рассматривать себя в зеркало сразу пропало. Я омыл саднящую кожу холодной водой, вытерся. Как бы сейчас хотелось послать подальше Фридландер-Бея и остальную шайку респектабельных бандитов нашего квартала! После этого подвига придется быстро сматываться на свою далекую родину — Алжир, а там провести остаток жизни на пастбище, созерцая, как одно поколение овец сменяет другое…

Я тщательно причесался, потом отправился в спальню, где распаковал одежду из дорогого магазина. Медленно, обдуманно оделся, прокручивая в мозгу возможные варианты действий. Одно я знал точно: что бы ни случилось, я больше никогда не воспользуюсь модулями.

Если потребуется, вставлю любую училку — они просто обогащают меня, не угнетая искусственно созданной личностью мою собственную. Вообще, Великие Детективы, живые логические машины, будь это реальные люди или персонажи какой-нибудь книги, не в силах помочь мне: ни один из них не сталкивался с подобной ситуацией, ни один из них не жил в таком специфическом месте, как Будайин. Тут меня выручат только собственные знания, привычки, сноровка — одним словом, собственные серые клеточки.

Решив вопрос раз и навсегда, я почувствовал немалое облегчение. Наконец-то удалось придумать компромиссный вариант, который я тщетно пытался найти с того самого дня, когда Папа доходчиво объяснил, почему мне захочется вставить розетки в мозг. Я улыбнулся. Что ж, одной проблемой меньше. Пусть она не самая важная, все равно мне стало легче…

Не могу сказать, сколько времени прошло, прежде чем я сумел повязать галстук. Конечно, существовали модели, которые требовалось только застегнуть, но в чопорном магазине, где я приобрел одежду, подобное считали плебейством.

Я засунул рубашку в брюки, застегнул все пуговицы, надел туфли, набросил на плечи пиджак. Потом рискнул взглянуть на себя в зеркало, отмыл засохшие пятнышки крови с шеи и щек. Что ж, получилось совсем неплохо: современный городской тип, ловкий, стремительный человек действия с небольшим капиталом в бумажнике. На самом деле, конечно, ваш друг остался самим собой. Я просто хочу сказать, что костюм смотрелся первоклассно. Но, в принципе, другого и не требуется, большинство, так или иначе, обращает внимание именно на одежду.

Важнее другое: в первый раз за все время я поверил, что кошмарное дело, за которое взялся, близко к реальному завершению. Я прошел большую часть пути, и лишь парочка неясных, пока еще скрытых во мраке фигур мешает увидеть свет в конце тоннеля.

Я прицелил телефон к поясу, пиджак полностью скрыл его. Подумав немного, взял с собой маленький игломет. Он тоже почти не оттопыривал пиджака; я всегда считал, что лучше пистолет в кармане, чем пуля в башке. Мой зловредный рассудок подсказывал другой возможный вариант: пистолет в кармане и пуля в башке, — но я так устал за день от его советов, что просто не обратил внимания. Спущусь в бар и посижу там немного, только и всего…

Так или иначе, Хан знал, как я выгляжу, а для меня его облик пока оставался загадкой. Одно, пожалуй, ясно: он не будет

походить на Джеймса Бонда.

Я вспомнил, что сказал Хасан несколько часов назад: «Я никому не доверяю».

Итак, план действий вырисовывается, но вот осуществим ли он? Вообще, найдется хоть один человек, которого сразу можно заподозрить в дурных намерениях? Скольким я доверял безоглядно, ни разу не усомнившись в их лояльности, — а ведь реши они избавиться от меня в один прекрасный день, это не составило бы никакого труда. Ясмин, например. Или Полу-Хадж; я даже пригласил его к себе. Все, что ему требовалось, чтобы сыграть роль убийцы, — «плохой» модик. Даже Билл, безумный американец, мой любимый таксист; даже Чири, счастливая обладательница самой большой в Будайине коллекции модиков. Ладно, если продолжать в таком духе, можно свихнуться.

А если сам Оккинг и есть убийца, поиски которого он старательно имитирует?

Или Хаджар?

Или… Фридландер-Бей?

Вот теперь я рассуждаю, как попавший в город магрибский «некультурный крестьянин», каким все они меня считали. Я прогнал все эти мысли, вышел из номера и спустился в лифте на первый этаж, в интимный полумрак бара. Почти никого. Неудивительно: во-первых, туристы не очень-то жаловали город, а во-вторых, это дорогой и респектабельный отель. Я окинул взглядом стойку; за ней сидели трое, о чем-то оживленно беседующие вполголоса. Четыре столика справа были заняты посетителями, в основном, мужчинами. Тихо играла музыка: прокручивали мелодии в европейском или американском стиле. О замысле дизайнера можно было судить по оштукатуренным стенам, выкрашенным бледно-розовой и оранжевой красками, и расставленным всюду горшкам с папоротниками. Бармен вопросительно поднял брови, и я заказал свою обычную смесь: джин и бингара со льдом. Вышло просто великолепно, все ингредиенты в нужных пропорциях, именно так, как мне нравилось. Что ж, даже чопорный космополитизм имеет свои положительные стороны…

Я расплатился и не спеша, с наслаждением потягивал свой напиток. Но мрачные мысли меня не оставляли. Не пойму, почему я решил, что поход в бар поможет забыть обо всех проблемах? И тут ко мне плавно, словно плывя по воздуху, приблизилась ОНА. Вот и недостающий ингредиент! Труди двигалась так, словно спала на ходу или здорово накачалась наркотиками.

— Ты не будешь против, если я сяду рядышком?

— Ну конечно нет. — Я умильно улыбнулся, хотя в голове уже роились тысячи вопросов.

Труди заказала шнапс с мятой. Господи, я мог бы поспорить на полсотни, что она выберет именно это! Я заплатил за выпивку и в награду получил еще одну обворожительную улыбку.

— Ну, как ты себя чувствуешь после всех мытарств? — спросил я осторожно.

Она сморщила носик:

— Нормально, Марид! Что ты имеешь в виду? Какие мытарства?

— Ну, после того, как отвечала целый день на вопросы этих типов из полиции.

— О, они вели себя очень деликатно; такие милые!

На несколько секунд я потерял дар речи.

— А как ты нашла меня? — опомнился я наконец.

Она обвела рукой бар:

— Ну, я ведь знала, где ты остановился. Ты ведь сам привел меня сюда сегодня, помнишь? А потом твое имя…

— И ты сразу меня узнала? Несмотря на то, что никогда не видела одетым таким образом, без бороды?

Она ответила выразительной улыбкой, которую женщины обычно употребляют вместо фразы: «Мужчины такие недотепы!»

— А ты не рад меня видеть? — спросила она, излучая душевную боль и оскорбленные чувства; это так хорошо получается у милашек ее типа! Я снова потянулся за стаканом.

— Одна из главных причин, почему я спустился в бар, — надежда снова увидеть тебя. — И вот я здесь! — Мое сердце разрывается от счастья, — сообщил я. — С твоего разрешения, я ненадолго отлучусь. Я ведь опередил тебя на целых две порции…

— Конечно, все в порядке.

— Спасибо. — Я добрался до туалета, закрылся в кабинке и отцепил от пояса телефон. Назвал код Оккинга. Незнакомый голос сообщил, что он в своем кабинете, но уже заснул и разрешил будить его в самых экстренных случаях. У меня экстренный случай? Я ответил, что вряд ли, однако, если окажусь не прав, снова свяжусь с Оккингом. Попросил позвать Хаджара. Он на выезде, занят важным расследованием чего-то там. Я позвонил ему домой.

Ответа долго не было. Может, сержант и вправду занят, иди просто разминается?

— Ну, что там еще? — прорычал он наконец.

— Хаджар? Ты так тяжело дышишь… Накачиваешь мускулы, или что-то в этом роде, а?

— Кто говорит? Откуда у тебя мой…

— Одран. Оккинг уже отправился баиньки. Слушай, что интересного рассказала тебе блондиночка Сейполта?

Молчание. Когда голос сержанта снова прорезался, в нем было чуть-чуть больше дружелюбных ноток.

— Труди? Мы ее отключили, залезли в мозг поглубже, порылись там хорошенько, а потом привели в чувство. Она ничего не знает. Это нас насторожило, и мы повторили процедуру. Нельзя так мало знать, как она, и выжить. Но девочка чиста, Одран. Шесты для шатра — и те лучше разбираются в жизни, но все, что она знает о Сейполте, это как его зовут.

— Тогда почему она жива, а Сейполт и остальные стали трупами?

— Убийца не знал, что девочка находится в доме. Ксаргис Хан затрахал бы ее до белого каления, а потом, возможно, убил. Но ей повезло:

Труди была в своей комнате, решила вздремнуть после ленча. Не может вспомнить, заперла она дверь или нет. Осталась в живых, потому что не входила в число постоянных обитателей дома и гостила у Сейполта всего несколько недель.

— Как она приняла страшные новости? — Мы скормили ей все это, пока она была без сознания, и сняли эмоциональную реакцию. Получилось так, словно она прочитала о случившемся в газете.

— Хвала Аллаху, вы, ребята, проявили необычную для полицейских деликатность. Когда она ушла, вы приставили к ней «хвост»?

— А ты видишь «хвост», Одран? Это меня здорово задело.

— Почему ты так уверен, что я сейчас с Труди?

— Зачем же ты звонишь мне среди ночи? Ладно, лопух, насколько мы можем судить, она чиста. По крайней мере, перед законом. Что касается остального, извини, ничем помочь не могу, мы ей анализ крови не делали, так что решай сам, стоит рисковать или нет. — Хаджар повесил трубку.

Я скорчил гримасу, прицепил телефон к поясу, вышел из своего укрытия и вернулся к Труди; допивая свою смесь, я рыскал глазами по бару, стараясь найти легавого, следящего за девочкой, но подходящих кандидатов не увидел. К тому времени, когда стакан опустел, я решил, что, по всей вероятности, «хвост» к ней не приставили. Мы отправились к стойке, выпили по паре коктейлей, и это сблизило нас еще больше. Примерно к полуночи Труди наконец решила, что пора переходить от духовной близости к физической.

— Как здесь шумно, правда, Марид? — проворковала она.

Я молча кивнул. В баре, кроме нас, оставалось всего три

человека, включая кусок деревяшки, называвший себя барменом. Настало время, когда один из нас просто обязан был сказать какую-нибудь глупость, и Труди удалось меня опередить. В этот момент я принял два важных решения: послать подальше всякую осторожность и хорошенько проучить Ясмин. Слушайте, я здорово набрался, мне было грустно и одиноко, а Труди казалась такой лапочкой, и к тому же настоящей красоткой… Что еще нужно человеку?

Когда мы поднялись в номер, Труди сладко улыбнулась, поцеловала меня медленно, сочно, так, словно утро наступит тогда, когда мы ему разрешим…

Затем сообщила, что теперь ее очередь использовать ванную комнату. Я подождал, пока она закроет дверь, связался с дежурным и попросил, чтобы меня разбудили в семь утра. Потом вытащил маленький игломет, привел постель в порядок и быстро спрятал оружие. Показалась Труди: она расстегнула все пуговицы, все крючочки на одежде, как бы распахнулась передо мной. На лице ее играла уверенная хозяйская улыбка. Единственная мысль, промелькнувшая в мозгу в этот момент: первый раз в жизни придется спать с оружием под подушкой.

— О чем ты задумался? — спросила она.

— О том, что ты выглядишь очень неплохо для настоящей девочки.

— Тебе не нравятся настоящие девочки? — прошептала она, щекоча шелковыми губами мое ухо.

— Просто довольно давно не встречался с ними. Так уж получилось.

— Тебе больше нравятся мальчики? — шепнула она, но мне было уже не до разговоров…

Глава 17

Когда зазвонил телефон, мне снилось, что на меня кричит мать. Она орала так громко, что я уже не узнавал ее, просто понимал: это голос мамы. Спор начался из-за Ясмин, но потом мы перешли к другим темам: переезду в город, моей злосчастной судьбе. Я никогда ничему не научусь, кричала мама, потому что всегда и всюду думаю только о себе. Мое участие в беседе ограничивалось периодическими воплями: «Неправда!»; сердце учащенно билось от волнения, словно все происходило на самом деле.

Я в очередной раз дернулся, кипя от несправедливых упреков, и проснулся. С трудом разлепил глаза, с трудом сообразил что к чему; я чувствовал себя таким вялым, словно и не ложился спать. Уставился на надрывающийся телефон, снял трубку. «Доброе утро. Сейчас ровно семь часов». Короткие гудки. Я положил трубку и сел, сделав глубокий вдох, который чуть было не перешел в зевок. Хочу спать! Уж лучше кошмары, чем перспектива пережить еще один день, вроде вчерашнего!

Труди рядом не было. Я спустил ноги на пол и голым прошелся по комнате. В ванной ее тоже не было, но девочка оставила мне прощальную записку на столике.

> *«Дорогой Марид, Спасибо тебе за все! Ты очень хороший, добрый и милый. Надеюсь, когда-нибудь мы встретимся снова.*
>
> *А сейчас мне надо идти, так что ты, конечно, не будешь возражать, если я возьму, сколько мне причитается, из твоего бумажника.*
>
> *Я тебя люблю, милый.*
>
> *Труди.*
>
> *(Мое настоящее имя — Гюнтер Эрих фон С. Ты и вправду не знал, или просто притворялся, чтобы сделать мне приятное?)»*

Я полагал, что знаю все о сексе. Тут для меня не осталось ни единого белого пятна. Мои сокровенные фантазии давно уже направлены не на способ, а на объект… Так вот, единственное, чего еще никому не удавалось сымитировать (по крайней мере, до Труди!), бессознательная, чисто животная реакция женщин, по которой сразу понимаешь, что трахаешь фему, а не подделку, —

это полувскрик-полувсхлип, когда у нее перехватывает дыхание в момент первого контакта, еще до того, как ваши движения успевают обрести какую-то ритмичность. Да… Я снова бросил взгляд на записку Труди, вспомнил часы, проведенные в компании друзей:

Жак, Махмуд, Сайед и я сидим за столиком в «Соласе», оценивающими взглядами знатоков пронзая посетителей. «Вот эта? Перв-недоделок…» Я мог безошибочно определить, кто есть кто. Я ни разу не ошибся и был знаменит своим умением на весь Будайин.

Клянусь бородой Пророка, больше ни слова не скажу на этот счет! Неужели судьба никогда не устанет зло подшучивать надо мной? Нет, не стоит и надеяться… Она продолжит свое черное дело с упорством маньяка снова и снова, с каждым разом шутки будут все более и более зловещими. Если уж возраст и жизненный опыт не оградят от них, то, наверное, смерть тоже окажется бессильной, так что мои мучения продолжатся и в загробном мире.

Я бережно и тщательно сложил свою новую одежду и упаковал в сумку. Сегодня снова надену свою белоснежную галабийю и предстану перед людьми в новом облике: араб в традиционном костюме, но гладко выбритый, как европеец. Вот я какой человек с тысячью лиц! Я решил, что настало время поймать Хаджара на слове и воспользоваться информацией, хранящейся в памяти полицейского компьютера. Хочу узнать кое-что о самих легавых и о связи Оккинга с Бондом-Ханом.

Вместо того чтобы дойти до полицейского участка на своих двоих, я поймал такси. Нет, меня не начала развращать роскошь, оплаченная Папой; просто события развивались слишком быстро и не хотелось терять времени. Да, сейчас мы были с временем на равных: я торопил его, оно торопило меня. Училки старательно обновляли мою энергию: я не испытывал ни усталости, ни голода или жажды. А также страха или злости. Кстати, многие сочли бы это опасным. Наверное, страх все-таки полезная штука…

Хаджар куда-то ушел. Я сидел и ждал его, наблюдая, как Оккинг поглощает поздний завтрак, сидя в своей застекленной клетке, словно редкий зверь в зоопарке. Наконец появился сержант и недовольно взглянул на меня.

— Ты не единственный полудурок, доставляющий мне уйму беспокойства, Одран, — сказал он желчно. — У нас побывало не меньше, тридцати идиотов, жаждущих поделиться важнейшими сведениями, которые они откопали в своих снах, видениях и так далее.

— Я тебя обрадую, Хаджар: никакой информации у меня нет.

Наоборот, я пришел получить ее от тебя. Ты сказал, что разрешишь мне поработать с вашим компьютером.

— А, ну конечно; только не здесь. Если тебя засечет Оккинг, он мне сразу башку проломит. Я сейчас свяжусь с нижним этажом. Можешь использовать терминал там, хорошо?

— Мне все равно, — согласился я. Хаджар позвонил, напечатал мне пропуск и подписал его. Я поблагодарил и отправился вниз. Молодая женщина, черты лица которой свидетельствовали, что она родом из Юго-Восточной Азии, показала, как выбрать программу, вести поиск, и объяснила, что, если у меня возникнут вопроси, компьютер сам ответит на них. Она вовсе не была профессионалом-программистом или здешним библиотекарем: просто выполняла роль регулировщицы…

Сначала я проверил основные файлы: это было похоже на морг какого-нибудь агентства новостей. Когда я печатал чье-либо имя и фамилию, компьютер выдавал мне все имеющиеся в его памяти факты, так или иначе касающиеся данного человека. Первым делом я запросил информацию на Оккинга. Через несколько секунд по дисплею справа налево поползли бесконечные арабские фразы: имя, фамилия, возраст, место рождения, чем занимался до того, как поселился в нашем городе, то есть все, что заносят в любую анкету. Потом следует действительно ценная информация. В зависимости от места и цели заполнения, это может быть история болезни, данные об арестах, сведения о финансовом положении, занятиях политикой, сексуальных пристрастиях и что там еще есть важного?

Что касается Оккинга, кроме самых общих сведений, о нем не было ничего.

Абсолютно ничего. Альсифр — ноль!

Сначала я решил, что возникла неполадка в компьютере, снова залез в выбор программ, снова напечатал имя Оккинга и стал ждать. Ничего.

Ну конечно, это сделал наш лейтенант. Он замел следы точно так же, как его наемник Хан сейчас старался замести свои. Если не пожалею времени и денег, могу отправиться за нужной информацией в Европу, но там я узнаю, чем он занимался вплоть до отъезда в наш город. Дальше, если смотреть с формальной точки зрения, юн просто не существовал.

Я напечатал кодовое название шпионской группы Джеймса Бонда: «Юниверсал экспорте». Как-то раз я видел такой адрес на одном из конвертов в кабинете Оккинга. Снова ничего!

Ни на что особенно не надеясь, запросил данные о Джеймсе Бонде: ничего.

Тот же результат — с Ксаргисом Ханом. Подлинный Хан и

«настоящий» Бонд никогда не посещали наш город, поэтому информация о них отсутствовала.

Я перебрал в уме всех, сведения о которых стоит запросить: Ясмин, Фридландер-Бей, а может, сам Марид Одран? — но потом решил удовлетворить любопытство позднее, при более благоприятных обстоятельствах, и остановил выбор на Хаджаре. То, что я узнал, не было неожиданным. На два года моложе меня, выходец из Иордании, перед тем как поселиться в городе, неоднократно имел дело с полицией. Психологические характеристики дословно подтверждали мое мнение об этом субъекте: ему ни в коем случае нельзя доверять. Хаджар подозревался в том, что передавал заключенным деньги и наркотики. Однажды даже провели расследование в связи с пропажей большей части конфискованного имущества, но бравый сержант сумел выйти сухим из воды. В досье содержалось предположение, что Хаджар может использовать служебные возможности в личных целях, работать в интересах отдельных лиц, той или иной преступной организации. В досье отмечалось, что Хаджар, судя по всему, способен на такие противоправные действия, как лжесвидетельство, вымогательство, преступный сговор и многое другое.

Ах ты Боже мой! Да неужели! Хаджар? А мы и не знали!

Я грустно покачал головой. Легавых всех стран мира объединяют две вещи: во-первых, они жаждут разбить тебе дубинкой башку под любым, самым ничтожным предлогом, а то и вовсе без такового, а во-вторых, не способны, так сказать, познать правду, даже когда эта голая правда лежит у них перед носом, призывно расставив ноги. Полиция не следит за исполнением законов; фараон никогда не оторвет от стула свою толстую задницу, пока закон не будет нарушен. Они раскрывают ничтожное количество преступлений. По сути, полиция — просто что-то вроде статической службы, регистрирующей имена жертв и показания свидетелей.

После того как проходит определенное инструкциями время, они спокойно убирают эту информацию подальше, чтобы освободить место для новой.

Да, чуть не забыл: полицейские помогают беспомощным старушкам перейти улицу. По крайней мере, так принято думать…

Одно за другим я скормил компьютеру имена всех, кто хоть как-то был связан с Никки, начиная с ее(его) дяди Богатырева. Высветившиеся на дисплее данные в точности соответствовали тому, что рассказал мне лейтенант. Я решил, что, если Оккинг способен убрать все сведения о себе, он вполне мог

«откорректировать» и остальную информацию. Если мне что-нибудь удастся раскопать, то либо по чистой случайности, либо из-за того, что лейтенант допустил оплошность. Я продолжил работу, хотя надежда найти хоть какую-то зацепку таяла с каждой минутой.

Увы, мои опасения подтвердились. В конце концов, я все-таки решил заглянуть в досье на Ясмин, Папу, Чири, на Черных Вдов, Сейполта и Абдуллу.

Компьютер поведал мне, что Хасан, похоже, большой ханжа, потому что по религиозным соображениям не прибегает к помощи училок для вящего успеха своего бизнеса и в то же время не скрывает, что он педераст. Тоже мне, новости! Когда-нибудь я посоветую Хасану использовать мальчишку-американца, который, кстати, оборудовал себе мозги по последнему слову техники, в качестве администратора-бухгалтера, а не как живую статую на стуле вместо пьедестала, восседающую в пустом помещении.

Мое неуемное любопытство не распространялось лишь на одного жителя нашего квартала — Марида Одрана. Я решил, что не желаю знать, что они обо мне думают.

Зачем расстраивать себя понапрасну?

Прочитав досье на своих друзей и знакомых, я пожелал ознакомиться со счетами телефонной компании, представленными полицейскому участку. И тут ничего; но, конечно, Оккинг не такой дурак, чтобы звонить своему Бонду прямо из кабинета. Я стоял на перекрестке множества дорог, и все они заканчивались тупиком.

В результате, я получил пищу для размышлений, но не новые факты. На самом деле, мне было интересно узнать всю подноготную Хаджара и других жителей Будайина, а скудость данных об Оккинге — и, что вполне понятно, о Фридландер-Бее — давала почву для определенных предположений, а может, даже утверждений…

Я думал обо всем этом, шагая по улице, и не заметил, как оказался у себя дома.

Какого черта я сюда пришел? Ну, вообще-то меня вовсе не привлекала перспектива провести еще одну ночь в номере отеля. По крайней мере, один из убийц знал, что я остановился там; мне нужна новая ставка, по крайней мере, на день-два… Я все больше свыкался с училками, мои решения не зависели от всяких эмоций, и я принимал их намного быстрей, чем раньше. Меня не покидало чувство уверенности в своих силах и хладнокровие. Надо связаться с Папой, а затем подыскать себе другое место для ночлега.

В комнате все было так, как перед уходом. На самом деле я

недолго отсутствовал, но чувство такое, словно прошла целая вечность: я потерял ощущение времени. Бросив сумку на матрас, я сел и пробурчал код Хасана в трубку. Три долгих гудка; наконец Шиит отозвался.

— Мархаба, — произнес он устало.

— Привет, говорит Одран. Мне нужно встретиться с Фридландер-Беем; я надеюсь, ты сможешь организовать это.

— Он будет доволен тем, что ты высказываешь стремление действовать правильно, мой племянник. Разумеется, он захочет увидеть тебя и узнать, как обстоят дела, из твоих уст. Тебя устраивает сегодня вторая половина дня?

— Как можно раньше, Хасан.

— Я позабочусь об этом, о мой проницательный друг, и перезвоню, чтобы сообщить точное время.

— Спасибо. Подожди, я хочу задать тебе один вопрос. Скажи, существует ли какая-то связь между Папой и Сейполтом?

Хасан замолчал надолго, очевидно обдумывая, как лучше сформулировать ответ.

— Уже нет, о мой племянник. Ведь, если я не ошибаюсь, Сейполт мертв?

— Знаю, — нетерпеливо бросил я.

— Сейполт занимался только мелкими операциями по импорту и экспорту; такое не интересовало Папу.

— Значит, насколько ты можешь судить. Папа не пытался наложить руку на часть его бизнеса?

— О мой племянник, этот «бизнес» настолько незначителен, что даже недостоин называться бизнесом. Сейполт был просто мелким дельцом, таким же, как я.

— Но ведь он, так же как и ты, решил, что для сведения концов с концами нужно искать дополнительный заработок. Ты работаешь на Фридландер-Бея, он работал на немцев. — Клянусь светом моих глаз! Не может быть! Сейполт-шпион?

— Могу поспорить, это для тебя не новость;

Неважно. Ты когда-нибудь имел с ним дело?

— Что ты имеешь в виду? — Голос Шиита сразу приобрел жесткость.

— Бизнес. Импорт-экспорт. Здесь у вас общие интересы.

— О, понятно. Да, время от времени я покупал кое-что, если Сейполт предлагал хорошие европейские товары, но не припомню, чтобы он хоть раз делал закупки у меня.

Он не сказал мне ничего существенного. По просьбе Хасана я быстро ознакомил его с тем, что произошло с тех пор, как обнаружили убитого Сейполта.

Когда я закончил, Шиит был здорово напуган. Попутно я

рассказал об Оккинге и явно неполных досье полиции.

— Поэтому мне надо увидеть Фридландер-Бея.

— Ты подозреваешь кого-то? — спросил Хасан.

— Дело не только в исчезнувшей информации, или в том, что Оккинг иностранный агент. Я просто не могу поверить, что, бросив весь свой отдел на расследование этих убийств, он так и не нашел ни единой зацепки, чтобы поделиться со мной. Я уверен, лейтенанту известно намного больше, чем он мне говорит. Папа обещал, что заставит Оккинга выложить все. Мне необходима информация.

— Ну разумеется, мой племянник, об этом можешь не беспокоиться. Иншалла, все будет сделано. Как я понял, ты не можешь сказать точно, как много знает Оккинг?

— Таковы приемы полицейских, Хасан. То ли лейтенант распутал все дело до последней мелочи, то ли ему известно не больше, чем мне. Трудно сказать… Все они мастера пудрить мозги.

— Он не посмеет пудрить мозги Фридландер-Бею.

— Попытается, Хасан.

— Из этого ничего не выйдет. Тебе нужны еще деньги, о мой проницательный друг?

Черт, вообще-то хрустики никогда не помешают…

— Нет, Хасан, с этим все в порядке. Папа более чем щедр со мной.

— Если тебе понадобятся наличные, чтобы продвинуть вперед расследование, дай мне знать. Ты прекрасно справляешься, сын мой.

— Да, по крайней мере, до сих пор еще жив.

— Ты красноречив и остроумен, как поэт, дорогой мой! Но прости, сейчас я должен идти. Сам знаешь, бизнес есть бизнес…

— Это точно, Хасан. Позвони мне, как только переговоришь с Папой.

— Хвала Аллаху, пусть Он оградит тебя от бед.

— Аллах йисаллимак. — Я встал, спрятал телефон. Затем принялся рыскать по комнате в поисках маленькой вещицы, которую вынул из сумочки Никки: скарабея, украденного моей подругой из коллекции Сейполта. Этот кусочек меди, как и кольцо, увиденное мной во время первого посещения немца, напрямую связывал его с Никки. Конечно, теперь, когда Сейполт присоединился к бесконечному сонму усопших, ценность обеих улик довольно сомнительна. Кстати, у доктора Еникнани остался самодельный модик; он может оказаться важным вещественным доказательством. Пожалуй, настало время как-то обобщить все, что мне удалось узнать, чтобы со временем передать властям. Не

Оккингу, конечно, и не Хаджару.

Я смутно представлял себе, кого конкретно имею в виду, но был твердо уверен, что существуют честные представители закона и порядка. З европейском суде мало трех улик для вынесения обвинительного приговора, но по исламским законам и обычаям этого более чем достаточно, чтобы опустить карающий меч на шею убийцы.

В конце концов скарабей все-таки нашелся под матрасом; я засунул его поглубже в сумку. Неторопливо и тщательно собрал все, чтобы не оставить следов в квартире. Сгреб мусор на полу в несколько аккуратных кучек. На настоящую уборку не было ни времени, ни сил, ни желания. Теперь ничто не указывало на то, что в квартире жил некий Марид Одран. Сердце охватила щемящая боль: я провел здесь больше времени, чем в любом другом убежище, это единственное место, которое я мог назвать домом. Сейчас оно превратилось в обычное, покинутое жильцом помещение с грязными окнами и рваным матрасом на полу. Я тихонько вышел и запер дверь.

Ключи передал хозяину дома, Казему. Он был удивлен и искренне огорчен моим внезапным уходом.

— Мне нравилось жить здесь, — сказал я, — но Аллах пожелал, чтобы я покинул твой кров. Казем обнял меня, пожелал нам обоим благополучно пройти по дороге, указанной Аллахом, прямиком до райских кущей. Потом я отправился в банк и снял все деньги со счета. Купюры засунул в конверт, полученный от Фридландер-Бея. Когда найду новое жилье, вытащу хрустики и посмотрю, сколько их осталось: я как бы растягивал удовольствие, наслаждаясь сознанием, что обладаю целым состоянием.

Третья остановка — отель «Палаццо ди Марко Аврелио». На мне была галабийя, но волосы коротко острижены, а лицо гладко выбрито. Не думаю, что портье узнал меня. — Я заплатил за неделю вперед, — объяснил я ему, — но вынужден покинуть вас раньше, чем. собирался.

Портье пробормотал:

— Нам очень жаль терять такого постояльца, мсье. — Я кивнул и бросил ему свой жетон. — Разрешите взглянуть… — Он набрал номер комнаты на своем компьютере, увидел, что отель действительно должен мне немного денег, и стал печатать чек.

— Все были очень предупредительны и любезны, — польстил я ему.

— Всегда рады видеть вас в нашем отеле. — Он улыбнулся, протянул чек и махнул рукой в сторону кассы. Я еще раз поблагодарил его и, получив через несколько секунд деньги,

присоединил их к остальной сумме.

Бережно неся сумку, где лежали наличные, коробка с медиками и училками, а также одежда, я шел по городу в юго-западном направлении, с каждым шагом все больше удаляясь от Будайина и района дорогих фешенебельных магазинов у бульвара Иль-Джамил.

Вскоре я стоял в самом центре бедняцкого квартала, где живут одни нищие феллахи. Узкие петляющие улочки, маленькие низкие дома с плоскими крышами и облупившимися стенами; окна закрыты ставнями или тонкими деревянными решетками.

Некоторые здания кое-как отремонтированы, их обитатели пытались даже посадить кусты или еще что-то в иссохшей земле возле стен. Другие, казалось, давно уже пустуют: зияющие провалы окон, полусорванные ставни раскачиваются, едва держась на ржавых гвоздях, словно вывалившийся язык голодной, усталой собаки. Я выбрал довольно аккуратный домик и постучал в дверь. Несколько минут пришлось подождать. Наконец выглянул высоченный мускулистый мужчина с пышной черной бородой и уставился на меня, подозрительно прищурившись; изо рта торчала щепка, которую он использовал вместо жвачки. Хозяин ждал, когда пришелец скажет, что ему нужно.

Без всякой уверенности в успехе я приступил к изложению своей легенды:

— Я был брошен здесь, в незнакомом городе, подлыми компаньонами. Они похитили все товары и деньги. Во имя Всевышнего и его Пророка, да благословит его Аллах и да приветствует, прошу тебя оказать гостеприимство.

— Понятно, — мрачно произнес мужчина. — Этот дом закрыт для чужих.

— Я не доставлю никакого беспокойства. Я…

— Советую тебе просить о ночлеге тех, чье гостеприимство основано на благополучии. Люди говорят: здесь живут семьи, где всегда есть в избытке еда для домашних, для собак и гостей, подобных тебе. Что касается меня, то, заработав на хлеб и горсть бобов для жены и четырех детей, я считаю день удачным.

Я понял, на что он намекает.

— Конечно, ты не хочешь затруднений для своей семьи. Проклятые лжедрузья, ограбившие меня, не знали, что я всегда ношу в сумке немного денег. Они, урча от жадности, схватили то, что лежало на виду, но у меня осталось достаточно средств, чтобы прожить день-два в этом городе, пока я не смогу вернуться и потребовать законного возмещения убытков.

Хозяин молча смотрел на меня; словами его не убедишь, нужна маленькая демонстрация.

Я дернул молнию и открыл сумку; под его внимательным взглядом неторопливо порылся в одежде — рубашках, носках, штанах, засунул руку поглубже и извлек банкноту.

— Двадцать киамов, — произнес я душераздирающим тоном. — Это все, что они мне оставили.

На лиц» моего нового друга отразилась жестокая внутренняя борьба. Для жителей этого квартала двадцать киамов — серьезная сумма. Он мог питать сомнения на мой счет, но я сейчас читал его мысли.

— Если ты примешь меня как гостя под свое покровительство на два дня, объявил я, — все эти деньги будут твоими. — Я помахал бумажкой перед его расширившимися от жадности глазами.

Мужчина покачнулся, словно змея, зачарованная движениями факира. Если бы он был деревом с большими плоскими листьями, они бы сейчас громко зашелестели.

Хозяин дома не любил чужаков — а кто их любит? Ему вовсе не улыбалась идея поселить у себя незнакомца на несколько дней. С другой стороны, двадцать киамов равнялись заработку за несколько дней. Я снова оглядел его и убедился, что теперь его мысли приняли нужное направление: он уже не пытался угадать, кто я такой, а прикидывал один из сотни различных способов потратить двадцать хрустиков. Осталось лишь немного подождать.

О, мой господин, мы люди небогатые… Тогда двадцать киамов облегчат твою жизнь. О да, еще бы, господин, и я хочу получить их; но мне стыдно ввести в такое убогое жилище обладателя стольких достоинств! — Я видел роскошь и богатство, которые ты и вообразить не можешь, мой друг, но возвысился над всем этим, что доступно и тебе. Я не всегда был таким, каким предстал перед твоими глазами. Ибо Аллах подделал ввергнуть меня в нищету и страдания, дабы потом я мог вернуть все, что отнято обидчиками. Ты поможешь мне? Всевышний дарует удачу тем, кто поддержит скитальца.

Озадаченный хозяин дома долго, смотрел на меня; первой его мыслью было, что я просто псих, и лучше всего убежать от такого как можно дальше. Моя выспренняя речь как две капли воды походила на исповедь какого-нибудь похищенного принца из старых сказок. Но сказки хороши, когда, поужинав нехитрой снедью, их рассказывают вполголоса, собравшись у очага, перед тем как заснуть тревожным сном. Днем такие истории теряют большую часть убедительности.

Единственное, что способно вернуть доверие к рассказчику — банкнота в двадцать киамов, которая колыхалась в моей руке,

словно пальмовый лист под порывом ветра. Мой новый друг так впился в нее глазами, что вряд ли сможет потом припомнить лицо своего собеседника.

В конце концов, я стал гостем Исхака Джарира, достойного хозяина дома. Он поддерживал у себя строгий порядок, так что женщин я не увидел. На втором этаже находилась общая спальня, а на первом было несколько чуланчиков для хранения всякой снеди. Джарир распахнул деревянную дверь одного из них и невежливо впихнул меня внутрь.

— Здесь ты можешь чувствовать себя спокойно, — прошептал он. — Если твои негодяи-Друзья придут и начнут расспрашивать, мы никого не видели. Но ты останешься здесь только до завтра. После утренней молитвы придется покинуть наш дом.

— Хвала Аллаху за то, что направил меня к такому щедрому и великодушному человеку! Но мне еще надо завершить одно дело. Если все произойдет так, как я ожидаю, вернусь с двойником бумажки, которую ты сейчас сжимаешь в руке. Она также станет твоей.

Джарир не хотел ничего знать о подробностях моего «дела».

— Да будут успешными все твои начинания! — пожелал он. — Но знай, если не вернешься до последней молитвы, в дом тебя не пустят.

— Как скажешь, о достойнейший. — Я оглянулся на ворох тряпок, которые послужат мне постелью сегодня ночью, невинно улыбнулся Исхаку Джариру и, подавив невольную дрожь, вышел на улицу.

Я думал, что узкая, мощенная камнем улочка выведет меня на бульвар Иль-Джамил. Но, повернув по ней налево, понял, что ошибся. Направление все-таки было верное, и я последовал вперед. Однако за углом увидел лишь голые стены домов: тупик. Я вполголоса выругался и повернул. Придется идти обратно.

Путь преграждал какой-то человек, ужасно тощий, с растрепанной жиденькой неряшливой бородкой. На лице незнакомца расползалась заискивающая улыбка деревенского идиота. Одежда его состояла из желтой рубашки без воротника, потертого и сильно мятого коричневого костюма, белой в красную клетку кафии и поношенных коричневых английских ботинок. Его дурацкий вид напомнил мне Фуада, будайинского блаженного. Похоже, парень шел за мной до самого тупика, однако я не слышал его шагов.

Когда ко мне кто-то подкрадывается, я настораживаюсь; разглядывая незнакомца, я открыл сумку. Он продолжал торчать передо мной, переминаясь с ноги на ногу и ухмыляясь. Я вытащил несколько училок, снова задернул молнию и попытался

пройти мимо, но рука парня уперлась мне в грудь. Я остановился.

— Не люблю, когда до меня дотрагиваются, — произнес я.

Он сразу отпрянул, словно только что осквернил величайшую святыню.

— Тысяча извинений, — проблеял он дрожащим голосом.

— Зачем ты шел за мной? Тебе что-то нужно?

— Я подумал, что уважаемого господина заинтересует мой товар. — Он тряхнул своим портфелем из фальшивой кожи.

— Ты что, торговец?

— Я продаю модули, господин, а также набор самых полезных и интересных приставок, поступивших на рынок. Мне бы хотелось продемонстрировать их.

— Спасибо, не надо.

Он поднял брови, словно я не отказался, а попросил поскорее показать товар. Он уже не выглядел тупым и жалким.

— Это не займет много времени. Вполне возможно, у меня найдется как раз то, что ищет уважаемый господин.

— Я ничего не ищу.

— Наверняка ищете; иначе зачем было модифицировать мозг, не так ли?

Я пожал плечами. Он опустился на корточки и раскрыл портфель с образцами.

Я твердо решил, что ничего не куплю у такого парня. Я не имею дела с хорьками.

Он извлек модики и училки, выкладывая их аккуратным рядком возле портфеля.

Закончив, парень поднял на меня глаза. Он очень гордился своим товаром.

— Итак… — Он выжидающе уставился на меня.

— Что «итак»?

— Итак, что вы скажете о них?

— О модиках? По-моему, ничем не отличаются от любых других. Что они собой представляют?

Он схватил модик, лежащий в ряду первым, и бросил мне. Я поймал на лету.

Этикетка отсутствует; корпус сделан из гораздо более прочного пластика, чем у модулей в магазине Лайлы и других модишопах. Самоделка. — С этим ты уже познакомился, — произнес парень, снова расплывшись в жалкой, извиняющейся улыбке.

Я вздрогнул и пристально посмотрел на него.

Он сорвал с головы кафию. Пряди редеющих волос свисали до плеч. Похоже, парень не мылся, по крайней мере, месяц. Он протянул руку и выдернул модик из своей розетки. Маска

ничтожного торговца исчезла. Глаза незнакомца остекленели, челюсть отвисла, но он быстрым отработанным движением вставил другой самодельный модик и мгновенно преобразился. Глаза неожиданно сузились, а рот исказила садистская гримаса-усмешка. За считанные доли секунды он стал совершенно другим существом. Никакой маскировки: абсолютно иная манера говорить, двигаться, вести себя, иное выражение лица — все это действует гораздо эффективнее, чем фальшивые усы, парик и грим.

Я здорово влип. В руке у меня был зажат модик Джеймса Бонда, а смотрел я прямо в холодные безжалостные глаза Ксаргиса Мохадхил Хана. Глаза, горящие огнем безумия.

Я дотянулся до розетки и вставил две училки. Первая придаст особую силу мускулам, блокирует боль или усталость, пока моя плоть не начнет рваться в клочья. Вторая полностью «отключила» звук. Мне надо сконцентрировать внимание.

Хан, оскалившись, зарычал. Теперь его рука сжимала длинный, весьма зловещего вида кинжал; серебряную с золотом рукоятку украшали разноцветные камни. «Сесть, — прочитал я по губам Хана. — Сесть на землю».

Я не собирался облегчать ему задачу; вместо того чтобы подчиниться, осторожно опустил руку, пытаясь нащупать под складками галабийи игломет. И вспомнил: игломет все еще лежит под подушкой в номере отеля. Хотя нет, горничная уже наверняка нашла его. А парализатор в сумке, закрытой на молнию. Я медленно попятился.

«Я давно уже шел за вами, господин Одран. Я следил за вами, когда вы были в полицейском участке, у Фридландер-Бея, в доме Сейполта, в отеле. Я мог убить вас в ту ночь, когда притворился, что считаю вас просто обыкновенным воришкой.

Но я не хотел, чтобы нам мешали. Я ждал, когда наступит подходящий момент. И вот теперь, господин Одран, теперь вы умрете». — Читать по губам оказалось на удивление простым делом: жизнь замедлила свое течение, мир двигался в два раза медленнее, чем обычно. У нас было время, много времени. Столько, сколько потребуется…

Рот Хана подергивался, искажаясь гримасой торжества. Он от души наслаждался каждой секундой своего триумфа. Шаг за шагом оттеснял меня к стене.

Я, не отрываясь, смотрел на сверкающий клинок, которым Хан собирался не только лишить меня жизни, но и разрубить на кусочки. Он хотел украсить моими потрохами скользкие от грязи камни мостовой и кучи мусора, словно праздничной гирляндой!

Одних ужасает сама мысль о смерти; других гораздо больше

пугает перспектива предсмертных мук. Честно говоря, я принадлежу ко второму типу. Понимая, что когда-нибудь ко мне придет смерть, надеюсь, что она будет быстрой и безболезненной — например, если повезет, наступит во сне. Но отдать концы после страшных мучений, которые придется претерпеть от руки Хана — нет, это явно неподходящий способ расстаться с жизнью.

Училки не давали мне впасть в панику. Если сейчас мной овладеет страх, через каких-нибудь пять минут я превращусь в ромштекс. Я сделал еще шаг назад, оглядывая улочку, стараясь нащупать взглядом что-нибудь, способное дать мне хоть какой-то шанс одолеть этого маньяка с его проклятым кинжалом. Времени почти не осталось…

Издавая истошные крики, он бросился вперед, держа кинжал на уровне плеча, словно неистовая леди Макбет. Я дал ему приблизиться шага на три, потом отклонился влево и устремился навстречу противнику. Он ожидал, что я отступлю, и слегка опешил от неожиданности. Мои пальцы сомкнулись на запястье руки, сжимавшей нож; правой я надежно фиксировал ее, а левой резко вывернул. Обычно таким способом можно без особого труда обезоружить нападающего, но Хан оказался очень сильным человеком. Неестественно сильным для обладателя такого тела. безумие, модик и училки придали ему дополнительную мощь.

Свободной рукой Хан вцепился мне в горло, пытаясь запрокинуть голову. Мне удалось сделать подсечку, мы оба потеряли равновесие. Падая, я уперся в его лицо и постарался, чтобы он как можно сильнее стукнулся о каменную мостовую затылком. Мое колено уперлось в его запястье, и пальцы, сжимавшие кинжал, разжались. Я как можно дальше отбросил оружие, потом двумя руками охватил его голову и еще пару раз ударил о скользкие, зловонные камни. В результате Хан был выведен из строя, но, увы, ненадолго. Он смог вывернуться и опять набросился на меня, кусаясь, царапаясь, рыча… Какое-то время мы боролись, стараясь одолеть друг друга, но так тесно сплелись, что я не мог ударить его кулаком. Господи, я не мог даже высвободить руки! Тем временем он, как зверь, терзал мою плоть своими черными когтями, впиваясь в тело зубами, молотя коленями.

Наконец Хан с пронзительным воплем отбросил меня; прыжок — и, прежде чем я успел отпрянуть, он опять навалился на меня. Я лежал, словно распятый: одна рука прижата к земле коленом, другая — когтистой лапой маньяка. Он занес сжатый кулак, чтобы обрушить удар на мое незащищенное горло. Я вскрикнул, попробовал сбросить его, но не смог даже пошевелиться. Напрягая все силы в отчаянных попытках

освободиться, я увидел, как глаза Хана зажглись огнем ликования.

Нараспев он читал какую-то бессвязную молитву своему металлическому ангелу смерти. Наконец, дико вскрикнув, опустил кулак. Удар пришелся по лицу. Я едва не потерял сознание.

Хан вскочил и бросился за кинжалом. Я заставил себя сесть, лихорадочно шаря руками по мостовой. Надо найти сумку! Хан подобрал кинжал и метнулся ко мне. Я рванул молнию и вывалил содержимое сумки на землю. Хану осталось сделать всего несколько шагов — и тут я нажал кнопку парализатора и долго не отпускал ее. Раздался жуткий булькающий вопль, и противник как подкошенный свалился рядом со мной. Он очнется лишь через несколько часов.

Училки блокировали боль, правда не полностью, скорей, они ее приглушили. Я еще был не в состоянии двигаться, и смогу сделать что-нибудь толковое не раньше чем через несколько минут. На моих глазах кожа Хана приобретала синеватый оттенок, он задыхался, разевая рот, словно выброшенная на берег рыба. Потом начались судороги. Неожиданно он обмяк и замер. Убийца, наводивший страх на весь квартал, неподвижно лежал всего в нескольких сантиметрах от меня. Я с трудом сел, всхлипывая, будто маленький мальчик. Как только немного очухался, выдернул модик Хана из головы неизвестного. Потом нащупал телефон и позвонил Оккингу, чтобы сообщить потрясающую весть.

Глава 18

Взяв коробочку с пилюльками, я проглотил семь или восемь «солнышек». В чисто познавательных целях. После схватки с Ханом ныла каждая клеточка тела, но дело было не только и не столько в этом. Я хотел знать, как наркотики подействуют во время работы училок. И томясь в ожидании Оккинга, эмпирическим путем познал горькую истину: училка, очищающая организм от алкоголя, выбивает Также и «солнышки». На кой черт она тогда нужна? Я выдернул зловредную ханжу и. проглотил еще горсть пилюлек.

Появившийся Оккинг был на седьмом небе от радости. Он просто ликовал другого слова не подберешь. Первый раз в жизни я видел его таким счастливым и довольным. Оккинг выказал небывалую вежливость и предупредительность, трогательную заботу о моем самочувствии. Он так хорошо себя вел, что я решил: вместе с легавыми приехали ребята из программы городских новостей и снимают все это для передачи, но, как ни странно, ошибся.

— Что ж, с меня причитается, Одран, — сказал лейтенант.

По-моему, он должен мне гораздо больше.

— Я сделал за тебя всю паршивую работу, Оккинг.

Он не отреагировал даже на такой укол.

— Возможно, возможно… Теперь я, по крайней мере, смогу хоть выспаться. Я ведь даже есть не мог, не думая о Селиме, Сейполте и остальных.

Хан очнулся: однако, лишившись своего модика, он сразу же начал вопить. Я вспомнил, как ужасно себя чувствовал, когда выдернул училки, хотя носил их всего пару дней. Кто знает, сколько времени Хан — или как там его настоящее имя? — скрывался, пряча свое истинное «я» сначала под одним личностным модиком, потом под другим… Возможно, лишившись псевдоличности, руководившей его поступками, он осознал всю дикость совершенных им преступлений и был не в силах перенести это. Убийца лежал на мостовой, скованный по рукам и ногам, извиваясь и посылая страшные проклятия на наши головы. Оккинг молча наблюдал за ним несколько секунд.

— Унесите его отсюда, — приказал он наконец двум полицейским в форме.

Они не очень-то нежно сделали это, но я не испытывал никакого сочувствия.

— Теперь что? — спросил я Оккинга. Тот сразу стал намного серьезнее:

— Думаю, настало время уйти в отставку.

— Когда узнают, что ты получал деньги от иностранной державы, ты станешь не очень-то популярной фигурой в городе. Ты запятнал свою репутацию.

Он кивнул:

— Уже узнали, мой друг, по крайней мере те, чье мнение имеет здесь силу.

Мне предоставили выбор: либо поискать работу в другом месте, либо провести остаток жизни в одной из ваших типичных крысиных нор, которые почему-то называются тюрьмами. Не понимаю, как можно бросать людей в такие адские дыры, ведь это просто средневековье!

— Ты сам немало сделал для того, чтобы поддерживать прирост населения в наших тюрьмах.

Тамошние обитатели будут ждать тебя с бо-ольшим нетерпением… Он вздрогнул:

— Как только улажу все дела, просто упакую чемоданы и тихо исчезну в ночи… Но они могли бы, по крайней мере, как-нибудь отметить мою работу.

Понимаешь, неважно, был я иностранным агентом или нет, я сделал немало полезного для города и никогда не шел на сделку с совестью, за исключением одного-двух случаев.

— Многие ли осмелятся, положа руку на сердце, сказать подобное о себе? Да, ты редкий человек, Оккинг. — Он действительно принадлежал к уникальной породе людей, которые способны уйти от ответственности да еще и обратить все это себе на пользу. Он обязательно найдет где-нибудь работу.

— Тебе приятно видеть меня в беде, правда, Одран?

Если честно, мне это действительно было приятно. Но отвечать ему не хотелось; я молча отвернулся и стал запихивать в сумку разбросанные по мостовой вещи. Горький урок не прошел даром: я засунул парализатор под галабийю.

Насколько я понял, с формальностями было покончено и я мог идти.

— Ты дождешься, пока поймают убийцу Никки? Хоть это ты можешь сделать? спросил я. Он искренне удивился:

— Никки? Ты о чем, Марид? Мы схватили убийцу. Ты просто спятил со своими навязчивыми идеями. Никаких доказательств того, что существует второй убийца, у тебя нет. Успокойся и не морочь людям голову, иначе очень скоро убедишься в том, что герои зачастую превращаются в бывших героев. Ты начинаешь надоедать.

Вот слова настоящего легавого! Я поймал Хана и передал Оккингу; теперь проклятый сукин сын объявит, что парень,

арестованный полицией, убил всех, от Богатырева до Сейполта. Ну в том, что этих двух порешил Хан, сомнений нет, но я убежден, что Никки, Абдулла и Тами стали жертвами другого, неизвестного нам субъекта. Доказательства? Ни одной серьезной улики, но иначе произошедшее попросту не складывается в единую картину. Международная интрига: одни пытаются похитить Никки и вернуть на родину к отцу, другие стремятся убрать ее, чтобы предотвратить скандал при дворе. Если допустить, что Хан убивал агентов и той, и другой стороны, то объяснить его действия можно лишь тем, что парень психопат, которому просто нравилось играть в ангела-мстителя, и искать логику в его поступках бессмысленно. Чушь! Он был профессионалом, наемным убийцей, который уничтожал намеченные жертвы, чтобы защитить интересы хозяев и обеспечить свою безопасность, не оставив свидетелей. Человек, искромсавший Сейполта, — не сумасшедший, он только носил модик психа.

Этот человек не имел никакого отношения к смерти Никки.

Даже если лейтенант решил, что удобнее думать иначе, по нашему кварталу бродит второй убийца.

Спустя восемь-десять минут после разговора с Оккингом, раздался звонок телефона. Хасан. Он обещал сообщить мне о решении Папы насчет нашей встречи.

— У меня есть еще кое-какие новости, Хасан, — объявил я.

— Фридландер-Бей примет тебя незамедлительно. Он вышлет машину минут через пятнадцать. Надеюсь, ты дома?

— Нет, но я буду ждать у входа. Я встречался с довольно интересными людьми, однако мы уже разошлись по домам.

— Это хорошо, мой племянник. Ты заслужил отдых в компании добрых друзей.

Я уставился в затянутое облаками небо, вспоминая недавнюю смертельную схватку с Ханом; в принципе, слова Шиита должны были меня рассмешить, но смеяться не хотелось.

— Отдыхать мне не пришлось, Хасан — Я рассказал, что произошло, вплоть до того, как брыкающегося убийцу унесли легавые.

Хасан от удивления лепетал что-то неразборчивое.

— Одран, — объявил он, наконец взяв себя в руки, — Аллаху приятно, что ты, Его верный слуга, жив, маньяк схвачен, и мудрость Фридландер-Бея восторжествовала.

— Да, это точно, — подхватил я. — Правильно, Хасан, приписывай все заслуги нашему Папе.

Ничего не скажешь, он сильно поддерживал меня своей сверхъестественной мудростью! Если подумать, он помогал не

больше, чем Оккинг. Конечно, Папа загнал меня в угол и заставил покорно подставить, башку хирургам, но потом наш босс просто восседал в своем кабинете и подбрасывал своему верному слуге хрустики время от времени. Папе известно все, что происходит в Будайине, Хасан.

Ты хочешь сказать, что они с Оккингом ничего не видели, ничего не слышали и просто стояли с разинутыми ртами? Ерунда. Я выяснил, как участвовал в этом деле Оккинг; но еще больше хотел бы знать, какова истинная роль Папы.

— Молчи, отродье шелудивого пса! — Шиит сбросил маску сладкоречивого святоши и позволил увидеть свое истинное лицо, что случалось нечасто. — Тебе еще предстоит научиться разговаривать с теми, кто старше и выше тебя! — Затем, так же неожиданно, вернулся прежний смиренный слуга Аллаха:

— Ты все еще не пришел в себя после сражения со злодеем. Прости меня за то, что я на миг сорвался, сын мой, именно я должен проявить большее понимание и сочувствие. Все в руках Аллаха, все подвластно воле Его. Итак, о племянник, скоро приедет машина. Фридландер-Бей будет очень доволен.

— Я не успею купить ему маленький подарочек, Хасан. Он хмыкнул:

— Твой рассказ — лучший подарок. Ступай с миром, Одран.

Я ничего не ответил и убрал телефон. Потом поправил сумку на плече и поплелся к своему бывшему дому. Я встречусь с Папой, а потом спрячусь в пыльном чулане Исхака Джарира. Хорошие новости: из игры выбыл Хан. Именно он высказывал страстное желание убрать меня. Стало быть, второй убийца не жаждет моей смерти.

По крайней мере, я очень надеюсь на это.

Ожидая появления Папиного авто, я размышлял о своем поединке с Ханом. Я всей душой ненавидел его — стоило только воскресить в памяти изуродованное тело Селимы, ужас, испытанный в доме Сейполта, и гнев переполнял душу. Сначала убийца расправился с Богатыревым, пожелавшим смерти собственному племяннику.

Никки — главная фигура; остальные убийства лишь следствие лихорадочных попыток убрать следы, чтобы замять скандал в благородном семействе. Думаю, усилия увенчались успехом. Конечно, многие в городе знали подоплеку событий, но раз принц умер, в России скандал не состоялся. Царь Вячеслав управлял страной; партия монархистов выиграла. Более того, хорошенько поработав, они смогут даже использовать смерть Никки, чтобы усилить контроль над бурлящей державой.

Мне на все это было наплевать. Что касается Хана, я оставил

ему жизнь ненадолго, конечно. Его ждет свидание с палачом во дворе мечети Шимаал, где происходят казни. А в оставшееся время пусть перебирает в памяти свои зверства, с ужасом ожидая часа возмездия.

Появилась машина; мы быстро добрались до владений Фридландер-Бея. Лакей оставил меня в той же комнате, где я уже дважды ожидал приема. Папа молился.

Фридландер-Бей не выставлял напоказ свою набожность, что заставляло относиться к нему с особым уважением. Иногда, глядя на старца, я испытывал стыд за собственное поведение; в такие минуты я воскрешал в памяти все жестокости и преступления, в которых он был виновен. Я обманывал себя, конечно. Кто из нас безгрешен? Уверен, Фридландер-Бей не строил никаких иллюзий на этот счет. По крайней мере, он взывал к Господу, моля о прощении. Однажды Папа объяснил мне суть своей политики: он должен заботиться о благополучии огромной армии «друзей и помощников», и зачастую оградить их от беды можно лишь обходясь с беспощадной жестокостью с теми, кто не принадлежит к его клану. Если подходить к делу с подобной позиции, Папа представал величайшим лидером и строгим, но любящим и справедливым отцом для своих подопечных. Я же, напротив, выглядел ничтожным отщепенцем, в свою очередь нарушившим множество запретов, но, в отличие от Фридландер-Бея, делающим это из. голого эгоизма. Вдобавок, меня не хватало даже на то, чтобы хорошенько попросить у Аллаха прощения.

Наконец один из Булыжников, охраняющих Папу, сделал мне знак. Я вошел в кабинет;

Папа ожидал меня, сидя на антикварном диване.

— Ты снова оказываешь нам великую честь, — произнес он, показав, чтобы я располагался на втором таком же диване напротив.

— Ты оказал мне великую честь, позволив приветствовать тебя в твоем доме, — ответил я.

— Прошу, раздели со мной мой скромный обед.

— Ты — отец щедрости, о шейх! — Я не чувствовал страха или неловкости, как при прежних встречах с Папой. В конце концов, сегодня я совершил для него невозможное! Мне снова и снова приходилось напоминать себе, что теперь великий человек — мой должник.

Слуги внесли первую перемену блюд; Фридландер-Бей тем временем говорил о разных пустяках. Мы отведали понемногу от каждого яства: все удивительно вкусно приготовлено. Я решил избавиться от училки, подавляющей чувство голода, и сразу же осознал, что страшно хочу есть и с готовностью поучаствую в»

банкете, который устроил Папа. Но остальные училки вытаскивать пока не стал. Страшно.

Слуги внесли блюдо с мясом ягненка, курицей, говядиной, рыбой и гарниром рисом и овощами. В конце трапезы нам предложили несколько сортов сыра и свежие фрукты. Когда грязные тарелки унесли, Папа и я раскинулись на диванах, попивая крепкий кофе со специями.

— Да будет вечно обильным твой стол, о шейх, — произнес я. — Это была лучшая трапеза в моей жизни.

Ему явно пришлись по вкусу мои слова.

— Слава Аллаху, я рад, что сумел угодить тебе. Выпьешь еще кофе? — Да, благодарю, о шейх.

Все слуги, включая даже Говорящих Булыжников, удалились. Фридландер-Бей налил мне кофе сам — почет, который оказывают особо дорогому гостю.

— Теперь ты должен признать, что все мои планы относительно тебя были верными, — сказал он негромко.

— Да, о шейх, моя благодарность безгранична. Он отмахнулся.

— Не ты, а мы все, жители города, должны благодарить тебя, о сын мой.

Теперь надо поговорить о будущем.

— Прошу прощения, о шейх, но пока мы не обеспечили свою безопасность сегодня, рано строить планы на будущее. Один из угрожавших нам убийц пойман, но второй все еще на свободе. Возможно, этот злодей уже вернулся туда, откуда был послан, он уже давно не давал о себе знать. И все же не стоит отвергать напрочь вероятность того, что он до сих пор прячется где-то в городе. Мы поступим мудро, если постараемся выяснить, кто он и где его логово.

Старец нахмурился и потер щеку.

— О сын мой, лишь ты один веришь в существование второго убийцы. Не вижу, почему человек, который был сначала Бондом, а затем Ханом, не мог стать и палачом, так неслыханно надругавшимся над Абдуллой. Ты упоминал о том, что у Хана имелось множество личностных модулей. Разве нельзя допустить, что один из них сделал из Бонда-Хана демона, убившего принца Николая Константиновича?

Господи, как мне убедить этих людей?

— О шейх, по твоей теории выходит, что один и тот же человек работал и на коммуно-фашистов, и на белорусских монархистов. Если так, то он бы гасил собственные усилия на каждом шагу. Подобная позиция способна оттянуть развязку, что, очевидно, выгодно ему, хотя очень трудно понять, чем именно.

Вдобавок, он смог бы рапортовать о положительных результатах и той, и другой стороне. Но как он потом выпутается из создавшегося положения? В конце концов, один хозяин наградит, а другой — покарает нашего «слугу двух господ». Нелепо думать, что кто-то одновременно защищал и старался уничтожить Никки. Кроме всего прочего, экспертиза установила, что неизвестный, убивший Тами, Абдуллу и Никки, был ниже и массивнее, чем Хан. И имел короткие толстые пальцы.

По лицу Фридландер-Бея скользнула слабая улыбка.

— Твое видение событий, о достойный сын мой, остро, но, увы, страдает ограниченностью. Я сам иногда вынужден поддерживать обе стороны. Что еще остается делать, если ссорятся твои возлюбленные друзья?

— Прости меня, о шейх, но мы говорим о серии хладнокровных убийств, а не о ссорах. Кроме того, ни немцев, ни русских нельзя назвать нашими возлюбленными друзьями. Их ссоры не имеют никакого значения для нас, жителей города.

Папа покачал головой.

— Ограниченное видение, — тихо, словно про себя, повторил он. — Когда империи неверных рассыпаются, пред миром предстаем мы, обретая новую силу.

Когда два великих шайтана, Соединенные Штаты и Советский Союз, распались на множество государств-осколков, это был дар Аллаха.

— Дар? — Я никак не мог понять, при чем здесь Никки, мой модифицированный мозг и несчастные, заброшенные обитатели Будайина.

Брови Фридландер-Бея сошлись в единую линию; неожиданно он стал похож на великого воина пустынь, подобного могучим военачальникам, за многие сотни лет до него поднимавшим гигантские армии на битву. Причем каждый потрясал непобедимым мечом Пророка.

— Джихад, — прошептал он.

Джихад. Священная война. Один из пяти столпов ислама.

В ушах зашумело, кожа на мгновение покрылась мурашками. Теперь, когда бывшие великие державы становились все более и более беспомощными, истерзанными голодом и распадом всех связей, настало время для ислама завершить завоевание мира, начатое много столетий назад. В глазах Папы сейчас горел тот же огонь безумия, который я видел у Хана.

— Все свершится по воле Аллаха, — сказал я. Фридландер-Бей шумно вздохнул и одарил меня благосклонной улыбкой. Он не заметил иронии в моем тоне. Папа был гораздо опаснее, чем я когда-нибудь мог предполагать. В нашем городе он обладал

абсолютной властью; если прибавить еще сверхпочтенный возраст и эту идеюфикс… С ним надо держаться особо осторожно.

— Ты очень обяжешь меня, если примешь это. — Он протянул мне очередной конвертик. Люди его уровня полагают, что деньги — идеальный подарок для того, кто имеет все. Другие посчитали бы такое оскорбительным. Я взял конверт.

— Не могу выразить словами, как я благодарен…

— Не ты, а я твой должник, сын мой. Ты хорошо потрудился, а я всегда награждаю тех, кто претворяет в жизнь мои желания.

Я не заглянул в конверт: даже некультурный идиот вроде меня знает, что такой поступок везде и всюду считается неприличным.

— Ты отец щедрости! — сказал я.

Сегодняшний визит проходил просто замечательно. Я понравился ему намного больше, чем во время нашей первой встречи — кажется, с тех пор прошла целая вечность!

— Я быстро утомляюсь, ты должен простить меня, сын мой. Водитель доставит тебя обратно. Вскоре мы снова встретимся и тогда поговорим о твоем будущем.

— Клянусь зеницей своего ока, о властитель из властителей, моя жизнь в твоем распоряжении.

— Нет мощи и силы, кроме Аллаха, Великого, Могучего. — Его ответ напоминал формулу, завершавшую обмен любезностями, но на самом деле подобное восклицание обычно приберегают на случай внезапной опасности или перед каким-то серьезным испытанием. Я вгляделся в лицо старца, пытаясь найти разгадку, но он уже отослал меня. Попрощавшись, я покинул кабинет Папы и всю дорогу до Будайина размышлял над событиями последних дней.

Уже стемнело; у Френчи, как всегда по понедельникам, собралась порядочная толпа народу. В основном, моряки военного и торгового флота, пришедшие сюда из порта за пятьдесят миль; пять-шесть туристов мужского пола, которые жаждут развлечений, но обретут нечто совсем иное, и несколько путешествующих парочек, стремящихся услышать как можно больше удивительных, исполненных местного колорита историй, чтобы дома пересказывать их ахающим соседям. Были и бизнесмены из города, которые, скорее всего, знали здешние нравы, но все равно пришли, чтобы выпить и поглазеть на обнаженных девочек.

Ясмин сидела между двумя моряками. Они радостно гоготали и перемигивались поверх ее головы: ребята решили, что нашли то, за чем явились сюда. Ясмин тянула коктейль. На столике перед ней выстроились семь пустых бокалов. Ясно видно,

что это она нашла то, за чем приходила сюда. Френчи брал за каждый коктейль восемь киамов, и часть денег отдавал девочке, заказавшей выпивку. Моя милая уже нагрела веселых повелителей морей на тридцать два киама, и, судя по их виду, успешно продолжит потрошить их — ведь вечер только начинается… И это не считая чаевых! Ясмин замечательно умела вытягивать чаевые. На такую работу просто приятно смотреть: она могла извлечь хрустики у клиента быстрее всех, кого я знаю, за исключением разве что Чири.

Возле стойки оставалось несколько незанятых сидений: одно у двери и еще несколько в конце бара. Не люблю сидеть рядом с выходом, как какой-нибудь тупой турист. Я направился туда, где царил полумрак. На полпути передо мной выросла Индихар.

— Вам будет гораздо удобнее в кабинке, господин, — предложила она.

Я ухмыльнулся. Девочка не узнала завсегдатая без бороды, облаченного в галабийю. Она пригласила меня в кабинку, потому что за стойкой не сможет устроиться рядышком и избавить меня от лишней монеты. Как я уже говорил, Индихар — хорошая девочка, я никогда не ссорился с ней, но ответил:

— Сяду у стойки. Хочу поговорить с Френчи. Она слегка передернула плечами, отвернулась и орлиным взглядом окинула толпу; выделила из стада ягнят подходящую жертву — троих неплохо выглядевших купцов, сидящих с фемой и обрезком. Где устроились две, всегда найдется место для третьей. Индихар устремилась к ним.

Помощница Френчи, Далия, подошла к новому клиенту, волоча по стойке мокрую тряпку. Она раз-другой махнула передо мной тряпкой.

— Пиво?

— Джин и бингара со льдом. Она подозрительно прищурилась.

— Марид? Ты?

— Как тебе нравится мой новый облик? Она уронила тряпку и молча уставилась на меня. Так продолжалось, пока я не занервничал.

— Эй, Далия! Ты в порядке? Она открыла рот, захлопнула его, снова открыла.

Наконец обрела дар речи.

— Френчи! — завопила Далия. — Он пришел, Френчи!

Все вокруг обернулись, чтобы посмотреть на меня. Ничего не понимаю. Френчи поднялся со своего стула возле кассы и вразвалку подошел ко мне.

— Марид, — торжественно произнес он. — Я слышал, ты

вычислил и уделал парня, который кокнул Сестер.

До меня дошло, что я теперь герой квартала.

— А, ну да. Вообще-то, он меня вычислил и чуть было не уделал. Да, у него это здорово получалось, пока я не рассердился.

Френчи ухмыльнулся:

— Ты единственный, кто не наложил в штаны и выручил всех нас. Даже лучшие люди города плелись в десяти шагах позади тебя. Ты спас много жизней, Марид. С этого дня будешь получать бесплатную выпивку в моем заведении и по всей Улице.

И никаких чаевых. Я поговорю с девочками.

Это был единственный жест, на который способен Френчи, и я оценил его.

— Спасибо! — Не успев как следует освоиться с ролью героя, я уже знал, что иногда она может здорово раздражать.

Мы немного поговорили. Я попытался внушить Френчи, что на свободе остается второй убийца, но он не хотел об этом слышать. Френчи предпочитал верить, что все опасности позади. В конце концов, какие у меня доказательства? С тех пор, как погибла Никки, неизвестный ни разу не использовал сигареты в качестве орудия пытки.

— Кого именно ты ищешь? — спросил Френчи. Я перевел взгляд на сцену, где танцевала Бланка. Это она обнаружила тело Никки.

— У меня есть одна улица в качестве улики; кроме того, я примерно знаю, что ему нравится делать со своими жертвами. — Я рассказал о модике, который нашел в сумочке у Никки, и об ожогах, порезах и кровоподтеках на телах убитых.

Френчи задумался:

— Знаешь, — произнес он медленно, — я помню, кто-то говорил мне о подобном клиенте.

— Да ну? Клиент пытался прижечь девочку, или как?

Френчи покачал головой:

— Нет, нет. Какая-то девочка рассказывала, что, когда она стянула с клиента одежду, увидела ожоги и шрамы от порезов — точь-в-точь как ты говорил.

— Чей это клиент, Френчи? Мне надо с ней поговорить.

Он напряг память:

— Ага! Вспомнил! Мирабель.

— Мирабель?! — Я не верил своим ушам. Это била старуха, восседавшая сейчас в углу у стойки. Она всегда устраивалась там. Возраст дамы — где-то от шестидесяти до восьмидесяти лет; полвека назад, когда она еще обладала нормальным телом и личиком, Мирабель работала танцовщицей. Когда миновала первая молодость, бросила развлекать полупьяную публику и

сосредоточилась на тех аспектах индустрии развлечений, которые приносили хрустики гораздо быстрее.

Достигнув еще более почтенного возраста, вынуждена была уменьшить запросы, чтобы ее не вытеснила с рынка напористая молодежь. Теперь на голове у Мирабель красовался роскошный ярко-красный нейлоновый парик, сочный и упругий, как искусственные лужайки в европейском квартале города. Мирабель так и не накопила достаточно денег, чтобы модифицировать тело или мозг. По контрасту с окружающими ее великолепными телесами — лучшими, которые можно купить за хрустики, — ее лицо казалось даже более старым и сморщенным, чем на самом деле.

Мирабель явно проигрывала соперницам, но умудрялась возмещать недостатки особой методикой работы с клиентами, упирая на персональный подход и максимальное удовлетворение запросов: за сумму, равную стоимости одной порции коктейля, она предложит клиенту терапевтический сеанс мастурбации плюс свой многолетний опыт.

Прямо у стойки, не переставая болтать о разных пустяках, словно они с клиентом заперлись в номере мотеля. Мирабель подтверждала одну арабскую пословицу: наилучшее из благодеяний — то, которое совершают без промедления. Конечно, говорит при этом в основном она, но, если вы не разглядываете парочку пристально или не попадется несдержанный клиент, ни за что не догадаетесь, что происходит.

Как правило, девочки требовали, чтобы им заказали не меньше семи-восьми коктейлей, прежде чем вообще начать переговоры. Но время работало против Мирабель, она не могла себе такого позволить. Если сравнить Ясмин, скажем, с новенькой спортивной машиной, Мирабель тянула на полумертвое от старости искореженное такси Билла, безумного американца.

Вот почему в рассказ Френчи верилось с трудом. Мирабель не могла представиться возможность заметить шрамы на теле любого клиента. Как она подцепит его, сидя в темном уголке бара?

— Она отвела его к себе домой, — ухмыляясь, сообщил Френчи.

— Да кто согласится пойти с ней?!

— Тот, кому нужны деньги.

— Ах ты черт! Значит, она платит мужикам, чтобы ее трахнули?

— Если есть круговорот воды в природе, почему то же самое не может происходить с деньгами?

Я поблагодарил Френчи за ценную информацию и сказал, что

должен побеседовать с Мирабель. Он засмеялся и отправился к кассе. Я подсел к ветеранке древнейшей профессии.

— Привет, Мирабель.

Ей пришлось долго разглядывать мою физиономию. Наконец она радостно воскликнула:

— Марид! — Между первым и вторым слогом ее проворные пальчики принялись за работу. — Купишь мне выпивку, милый?

— Хорошо.

Я сделал знак Далии, и та сразу поставила перед престарелой красоткой порцию коктейля. Барменша ухмыльнулась мне; я с обреченным видом пожал плечами.

Девочки и обрезки в заведении Френчи всегда просили подать вместе с выпивкой высокий стального цвета стакан ледяной воды, объясняя, что не терпят спиртного и должны запивать его, чтобы избавиться от противного привкуса. Они отхлебывали немного коктейля, а потом припадали к стакану. Клиенты жалели бедных шлюх: как им тяжело каждый вечер вливать в себя по две-три дюжины порций ненавистного зелья! На самом деле девочки просто выплевывали коктейль в стакан. Время от времени Далия брала стаканы, якобы для наполнения их свежей водой, и выпивала содержимое. В отличие от своих коллег, Мирабель не нуждалась в подобной услуге: ей нравился вкус спиртного, даже очень!

Должен признать, Мирабель умела работать пальцами не хуже классного ювелира. Вот что значит практика. Я уже собрался прервать сеанс, но потом решил: «Почему бы и нет?» Любой опыт полезен.

— Мирабель, — шепнул я. — Френчи сказал, что ты видела какого-то парня с ожогами и шрамами по всему телу. Ты можешь вспомнить, кто это был?

— Я видела?

— Парень, которого ты отвела к себе домой.

— Когда?

— Не знаю. Если я найду его и хорошенько расспрошу, мы спасем много жизней.

— Правда? А мне выдадут какое-нибудь вознаграждение?

— Сотню киамов, если вспомнишь. Мои слова подействовали, как ведро холодной воды. Она не видела такой суммы со времен бурной юности, а эти годы казались далекими, как древние предания. Мирабель вся напряглась, пытаясь воссоздать облик своего ночного знакомца.

— Ты знаешь, — сказала она наконец, — что-то в таком роде произошло. Но, хоть убей. не могу вспомнить, кто это был. Марид, я обязательно вспомню. А награда…

— Как только вспомнишь, позвони мне или скажи Френчи.

— А мне не придется с ним делиться?

— Нет. — На сцене появилась Ясмин. Она увидела меня рядом с Мирабель, заметила ритмичные движения ее руки, окинула меня взглядом, исполненным презрения, и отвернулась. Я засмеялся:

— Спасибо, Мирабель, мне пора.

— Уже уходишь, Марид? — спросила Далия. — Не очень-то много времени у тебя это заняло.

— Куча дел, Далия. — Я покинул гостеприимный бар. Меня страшно угнетало сознание того, что мои лучшие друзья, вроде Оккинга, Хасана и Фридландер-Бея, пребывали в уверенности, что им больше ничто не угрожает. Я знал, что они ошибаются, но они не желали меня слушать. На мгновение даже захотелось, чтобы произошло что-нибудь ужасное, и все убедились в моей правоте, но, конечно, нести потом бремя вины я не желал.

В самый разгар ликования жителей Будайина, избавившихся с моей помощью от страха перед убийцей, я чувствовал себя более одиноким, чем всегда.

Глава 19

— На самом деле ты не хочешь этого. Одран взглянул на собеседника. Вулф восседал в кресле — воплощенное высокомерие и самодовольство: глаза полузакрыты, губы то выпячиваются, то сжимаются в тонкую линию. Он чуть повернул голову и посмотрел на меня.

— Ты не хочешь этого, — повторил великий детектив.

— Нет, хочу! — вскричал Одран. — Хочу, чтобы все поскорее закончилось!

— Тем не менее… — Тот поднял толстый палец и помахал им. — Ты продолжаешь надеяться на упрощенное решение проблемы, некий способ, который избавит тебя от опасности быть убитым или, что еще больше пугает тебя, изуродованным. Если бы Никки убили чисто, без изуверской жестокости, ты без колебаний преследовал бы преступника и нашел его. А теперь ситуация, в которой ты оказался, ужасает тебя все больше, и ты желаешь лишь одного: спрятаться от реальности. Подумай сам, где ты сейчас находишься: скорчился в вонючем чулане какого-то нечистоплотного феллаха. Фу! — Вулф осуждающе нахмурился.

Одран почувствовал, что обречен на поражение.

— Ты хочешь сказать, что я избрал неверный путь? Но ведь детектив ты, а не я! Я просто Од-ран, здешний черномазый, который сидит на куче тряпья рядом с пластиковыми стаканами и прочим мусором. Ты ведь сам постоянно твердишь, что любая спица приведет муравья к центру колеса.

Вулф пожал плечами (то есть чуть приподнял их).

— Да, я действительно так говорю. Но если муравей проползет три четверти пути по оси, прежде чем выбрать спицу, он рискует потерять не просто время гораздо более ценную вещь, мой друг!

Одран беспомощно развел руками.

— Я приближаюсь к цели своим некультурным и неуклюжим способом. В общем, как умею. Почему бы тебе, о эксцентричный гений, не использовать свои великие способности и не объяснить мне, где искать второго убийцу?

Вулф вцепился в ручки кресла и медленно поднял свое массивное тело. Он не удостоил меня вниманием, проходя мимо. На лице гения дедукции застыло весьма озабоченное выражение. Пора навестить орхидеи.

Вытащив из розетки модик и вставив вместо него свои суперучилки, я обнаружил, что сижу на полу чулана, опустив голову между колен. Я снова почувствовал себя непобедимым:

исчезли голод, усталость, жажда, страх, даже гнев. Сжав губы, пригладил растрепавшиеся волосы, принял героический вид. Нука, ребята, разойдись, это работа для…

Это работа для меня. Да, наверное. Тут уж ничего не поделаешь.

Я бросил взгляд на часы. Уже вечер. Тем лучше: все местные потрошители и их потенциальные жертвы как раз вышли на улицу.

Я хотел доказать этой раздувшейся от чванства жабе, Ниро Вулфу, что настоящие, из плоти и крови, а не придуманные люди тоже способны шевелить своими примитивными мозгами. А еще хотел прожить остаток жизни без подспудного страха, что через мгновение меня начнет выворачивать наизнанку. Следовательно, надо найти убийцу Никки. Вот и все.

Я вытащил конверт и пересчитал хрустики. Пятьдесят семь с лишним тысяч киамов. Я рассчитывал найти, самое большее, пять кусков. Я долго сидел, не отрывая глаз от толстой пачки банкнот.

Потом убрал деньги, вытащил коробочку с пилюльками, проглотил без воды двенадцать паксиумов. Покидая свое убежище, по пути столкнулся с Джариром и, не проронив ни слова, вышел из его дома.

Улицы в этом квартале уже были пустынны, но чем ближе я подходил к Будайину, тем больше встречалось прохожих. Я миновал Южные ворота и зашагал по Улице. Во рту пересохло, хотя училки по идее должны контролировать работу эндокринной системы. Хорошо еще, что я не чувствовал страха, потому что… потому что на самом деле напуган до смерти. Мне повстречался Полу-Хадж; он что-то бормотал, но я просто кивнул ему и прошел мимо, словно столкнулся с незнакомым человеком. Должно быть, сегодня в городе проходил какой-то съезд или к нам привезли группу туристов, потому что мне вспомнились небольшие скопления чужаков посреди Улицы, глазеющих на живописные бары и кафе. Я даже не удосуживался обойти их, просто расталкивал стоявших на пути.

Когда я добрался до магазина Шиита, дверь была заперта. Я стоял, тупо уставившись на нее. Не помню, чтобы заведение Хасана когда-нибудь закрывали.

Если бы такое увидел обычный человек по имени Марид Одран, он сообщил бы Оккингу; но сейчас здесь стояли Одран и его чудо-училки. Поэтому я вмазал несколько раз по замку. Наконец он не выдержал моего натиска, и я смог войти.

Абдул-Хасан, наш юный американец, естественно, не сидел на своем обычном месте. Я быстро пересек комнату, сорвал ткань, прикрывавшую вход на склад. Там тоже никого не оказалось.

Почти бегом преодолев неосвещенный проход между высокими рядами деревянных ящиков с товарами, я распахнул массивную стальную дверь и вышел в темный переулок. Напротив в стене красовалась еще одна дверь, а за ней — комната, в которой когда-то я выторговывал свободу для Никки (увы, она недолго наслаждалась ею). Я подошел к последнему препятствию и забарабанил по гулкому металлу. Нулевой результат. Я снова принялся отбивать кулаки. В конце концов послышался тонкий голос, сообщавший мне что-то по-английски.

— Хасан! — заорал я.

Новая порция загадочных отрывистых фраз; затем голос утих, а через несколько секунд его обладатель опять выкрикнул несколько слов на языке неверных янки. Я поклялся, что, если переживу сегодняшнюю ночь, обязательно куплю пареньку училку арабского языка. Вытащив конверт с деньгами, я стал размахивать им в воздухе, вопя как пароль:

— Хасан! Хасан!

Дверь чуть приоткрылась. Я вынул тысячную банкноту, сунул в руку юного американца, дал ему полюбоваться на остальные хрустики и повторил:

— Хасан! Хасан!

Дверь с грохотом захлопнулась; мои деньги бесследно исчезли.

Когда дверь снова приоткрылась, я был готов действовать: сразу же вцепился в нее, потянул изо всех сил, заставив мальчишку в конце концов отпустить ручку.

Он, пронзительно вскрикнув, навалился на дверь, но все-таки разжал пальцы. Я распахнул ее и сразу согнулся пополам: поганец стукнул меня изо всех сил. Из-за его маленького роста удар не попал в цель, но все равно было чувствительно. Я схватил его за рубашку, влепил пару хороших затрещин, стукнул головой о стену и отпустил. Абдул-Хасан мешком свалился на грязную мостовую. Я немного постоял, чтобы отдышаться. Училки работали отлично: сердце билось ровно, как будто я только что отплясывал на вечеринке, а не дрался. Перед тем как отправиться дальше, я нагнулся над мальчишкой и вытащил зажатую в кулаке тысячную банкноту.

Как часто говорила моя мамочка: «Никогда не бросай свои вещи где попало».

На первом этаже — ни души. Я решил запереть за собой стальную дверь, чтобы ни американец, ни другие злоумышленники не смогли подкрасться сзади, но потом передумал: возможно, придется быстро сматываться. Прижимаясь к стене, стараясь идти бесшумно, я медленно и осторожно

двинулся к лестнице, которая вела наверх.

Без моих училок я был бы сейчас далеко отсюда, нашептывая всякие красивые фразы на ушко незнакомке на каком-нибудь романтическом языке. Я вытащил коробку с приставками и задумался. Обе моих розетки загружены не полностью, можно нацепить еще штуки три, но я ведь, кажется, обзавелся всем, что пригодится в критической ситуации. Если честно, оставалась еще черная училка, воздействующая на центр наказания. Вряд ли когда-нибудь соглашусь подключить эту страшную штуку; с другой стороны, если придется столкнуться лицом к лицу с чудищем, вроде Хана, имея при себе только хлебный нож, я скорее стану разъяренным хищником, чем визжащим от бессилия, страха и боли царем природы.

В комнате второго этажа находилось два человека. В углу, рассеянно улыбаясь и сонно протирая глаза, стоял Хасан. Он выглядел так, словно его отвлекли от некоего приятного времяпрепровождения.

— А, Одран, мой племянник.

— Хасан…

— Тебя впустил мальчик?

— Я дал ему тысячу киамов и избавил от ответственности. Потом избавил и от денег. Хасан тихонько рассмеялся:

— Как ты знаешь, я привязан к мальчишке, но он американец.

Непонятно, что хотел сказать Шиит: то ли «он американец, значит, тупой», то ли «он американец, этого добра навалом, я всегда могу достать другого».

— Он нам не помешает.

— Очень хорошо, о обладатель многих достоинств, — согласился Хасан.

Он опустил глаза на Оккинга, распростертого на полу. Ноги и руки лейтенанта были привязаны нейлоновыми веревками к кольцам, вделанным в стены.

Совершенно очевидно, что Хасан так забавлялся и раньше. Причем довольно часто.

Тело, конечности и лицо Оккинга покрывали ожоги от сигарет и длинные порезы, из которых сочилась кровь. Не знаю, кричал он или нет, — училки заставили меня сосредоточить все внимание на Хасане. Но одно могу сказать точно: он был еще жив.

— В конце концов ты все-таки добрался до легавого, — констатировал я. Наверное, сейчас жалеешь, что у него нет розетки. Ты ведь любишь использовать свой особый модик, правда?

Хасан поднял брови.

— Да, тут уж ничего не поделаешь… Но зато у тебя их целых

две. Я предвкушаю удовольствие, которое ты скоро подаришь мне, о сынок. Кстати, должен поблагодарить тебя за то, что порекомендовал мне этого полицейского. Я, честно говоря, пребывал в уверенности, что мой сегодняшний гость и вправду тот безмозглый болван, за которого он себя выдавал. Но ты постоянно твердил, что он скрывает важную информацию. В конце концов я подумал, что не могу рисковать: а вдруг ты прав?

Я нахмурился, посмотрев на извивающееся тело Оккинга, и мысленно пообещал, что, когда снова стану самим собой, непременно ударюсь в истерику.

— С самого начала, — сказал я спокойно, словно обсуждая стоимость партии пилюлей, — я вбил себе в башку, что у нас орудуют два убийцы-модика. Я не мог даже представить себе, что вторым преступником может оказаться старый добрый маньяк. Какой же я болван: ломал голову, пытаясь перехитрить суперсовременного профессионала международного класса, а это был всего-навсего местный старикашка-пакостник! Господи, сколько времени потрачено впустую, Хасан! Стыдно мне было брать деньги у Папы за такую паршивую работу! — Естественно, произнося эту речь, я незаметно подбирался все ближе и ближе к нему, разглядывая тело, распростертое на полу, с печалью и укоризной покачивая головой — в общем, изображая из себя добросердечного, умудренного опытом сержанта полиции, который пытается урезонить слабонервного жлоба, собравшегося прыгнуть с энного этажа небоскреба. Можете поверить мне на слово: это гораздо труднее, чем кажется!

— Ты больше не получишь от Фридландер-Бея ни киама. — Казалось, Хасан искренне опечален моей судьбой.

— Может быть, да, а может, нет, кто знает? — Я медленно приближался к нему, не отрывая взгляда от пухлых коротких пальцев, сжимающих обычный дешевый кривой арабский нож. — Каким же я был слепцом! Ты работал на русских.

— Конечно, — раздраженно отрезал Хасан.

— Ты похитил Никки.

Он удивленно посмотрел на меня:

— Нет, мой племянник, ее забрал Абдулла, а не я.

— Но он действовал по твоему приказу.

— По приказу Богатырева.

— Абдулла похитил ее из виллы Сейполта:

Хасан молча кивнул.

— Значит, Никки еще была жива, когда я в первый раз разговаривал с немцем.

Она находилась где-то в доме. Сейполт не собирался убивать ее. Потом, когда я ворвался к нему, чтобы выведать правду, он

уже был трупом.

Хасан уставился на меня, то и дело пробуя пальцем лезвие.

— После смерти Богатырева ты убил ее и засунул тело в мешок для мусора.

Потом убил Абдуллу и Тами, чтобы обезопасить себя. Кто заставил Никки написать записку?

— Сейполт, о мой проницательный друг.

— Значит, единственный, кто может раскрыть твою причастность к убийствам, — Оккинг.

— Не считая тебя, конечно.

— Разумеется. Ты отличный актер, Хасан. Ты сумел полностью обдурить меня.

Если бы я не нашел случайно твой самодельный модик (Хасан оскалился, словно зверь, застигнутый врасплох), если бы не другие улики, которые выдавали связь Сейполта с исчезновением Никки, у меня не было бы ни единой зацепки. Вы с немецким наемником Ханом отлично сработались. Я и не подозревал ничего, пока не понял, что все мало-мальски важные сведения шли через тебя. Подумать только преступник был совсем рядом, требовалось только увидеть его. В конце концов, я просто не мог не сообразить — это ты, твои проклятые короткие, жирные, неуклюжие пальцы…

Я придвигался все ближе и ближе. Нас разделяло всего футов десять. Еще шаг… В это мгновение Шиит разрядил в меня обойму маленького белого пластикового игломета. Целая армада игл пронзила воздух. Последние два заряда вонзились мне в бок, чуть пониже левой подмышки. Я почти не почувствовал их, словно это произошло не со мной. Знал, что потом будет по-настоящему больно, а какая-то часть рассудка, неподконтрольная училкам, задалась вопросом: отравлены иглы, или это просто острые кусочки металла, которые рвут мышцы в клочья.

Впрочем, очень скоро я узнаю ответ на собственном опыте.

Меня охватило отчаяние. Я совсем забыл про свой парализатор и, в любом случае, не собирался состязаться в меткости с Шиитом… Уже падая, сумел выхватить черную училку и вогнал ее в розетку.

Как описать свои ощущения? Ты привязан к креслу, и зубной врач дрелью вгрызается тебе в небо; ты чувствуешь, что еще немного — и начнется припадок эпилепсии, а он все не начинается, и ты страстно желаешь, чтобы пришли долгожданные муки, потому что находиться на Грани их еще страшнее. Глаза слепит нестерпимо яркий свет, в уши бьет непереносимо громкий шум, тело раздирают наждаком шайтаны, в нос лезет непередаваемо мерзкая вонь, тошнотворная гадость забила рот…

Я был готов умереть, лишь бы избавиться от всего этого. Готов растерзать любое живое существо, оказавшееся рядом.

Я схватил Хасана за руки и вонзил зубы в его горло. В лицо брызнула горячая кровь; помню, я еще подумал, какой у нее замечательный вкус… Хасан дико взвыл от боли и страха; он стал бить меня по голове, но не в силах был оторвать от себя охваченное бессмысленной яростью, отчаянием и паническим ужасом животное, в которое я превратился. Его тело извивалось в моих руках, мы вместе свалились на пол. Шииту удалось отползти в сторону. Он вскочил, вставил новую обойму в игломет, нажал на спуск, вгоняя в мое тело заряд за зарядом. Я снова прыгнул, опять вцепился ему в горло, разрывая зубами плоть, выдавливая пальцами глаза. Теперь кровь заструилась по рукам, теплая кровь врага… Хасан издавал ужасные вопли, но их почти перекрывал мой надсадный животный вой.

Черная училка безжалостно терзала меня, словно едкой кислотой разъедая мозг.

Даже поединок, высвободивший всю звериную страсть и ненависть, не принес мне ни капли облегчения, не избавил от бесконечной, монотонной пытки. Я кусал, рвал, грыз окровавленную тушу, которую некогда называли Шиитом.

Очнулся я в госпитале, одиннадцать дней спустя, до предела накачанный транквилизаторами. Я узнал, что терзал Хасана, пока жизнь не покинула его, и продолжал калечить уже бездыханное тело. Хасан сполна заплатил за смерть Никки и остальных, но по сравнению с тем, что сделал я, все преступления Шиита казались невинными детскими играми. Я грыз и рвал труп, пока не превратил его в бесформенную груду мяса и костей, так что полиции с большим трудом удалось установить личность покойного. То же самое я сделал с Оккингом.

Глава 20

Перед выходом из госпиталя меня напутствовал доктор Еникнани, добродетельный турок. Мне здорово досталось от Хасана, но, к счастью, я не помнил, как это произошло. Порезы, ушибы, иглы, засевшие в теле, не представили особой проблемы для медиков. Доктора просто починили мое бренное тело и, словно мумию, запеленали с ног до головы. На сей раз никаких строгих неприветливых санитаров — за всем следил компьютер. Врач вводил программу: перечень наркотиков, дозировка, максимальное количество, которое мне разрешается. Чтобы получить очередную порцию, достаточно было нажать на кнопку. Если же я делал это слишком часто, попросту ничего не происходило. А если ухитрялся дождаться урочного часа, компьютер сам вводил соннеин прямо в капельницу. Я провалялся почти три месяца, а когда наконец вышел на волю, мой зад оставался гладким, как у младенца. Вот было бы здорово — раздобыть хотя бы один такой автоматический впрыскиватель! На рынке уличной торговли наркотиками произошла бы настоящая революция. Правда, кое-кто в результате потеряет работу, но такова уж цена прогресса.

Я провалялся так долго не из-за ран и прочих физических страданий, которые пришлось претерпеть, пока я делал из Хасана суповой набор. По правде говоря, подобными травмами занимаются в отделении неотложной помощи, и через несколько часов пациент спокойно обедает или танцует с какой-нибудь красоткой. Подлинную проблему для врачей представлял мой мозг. Я совершил и увидел слишком много жутких вещей, поэтому доктор Еникнани и его коллеги боялись избавить меня от черной училки и приставок, которые блокируют чувства, понимая, что в незащищенный рассудок хлынет поток информации о происшедшем, и я сразу чокнусь, как паук на роликовой доске.

Меня, то есть нас — два трупа и один полутруп, — обнаружил мальчишка-американец и тут же вызвал полицию. Меня доставили в госпиталь, а здесь никто из высокооплачиваемых, высококвалифицированных специалистов не пожелал рисковать репутацией и положением, взяв на себя ответственность. «Как поступим, коллеги? Вытащить обучающие приставки или оставить их? Если вытащим, пациент может навсегда потерять рассудок; если оставим, они все сожгут в его голове». А пока они совещались долгие часы, черная училка возбуждала центр наказания. Я снова и снова терял сознание, но,

как вы понимаете, в бреду мне мерещилась отнюдь не Хони Пилар…

Сначала они вытащили черную училку; остальные оставили, чтобы я как бы пребывал в эмоциональном вакууме. Врачи шаг за шагом, медленно и осторожно, возвращали меня к полноценной жизни; могу с гордостью заявить, что сейчас башка у меня работает так же, как прежде, а все училки я держу в коробочке на случай, если нахлынет тоска по прошлому.

И на сей раз посетители в больницу не приходили. Очевидно, мои приятели, в отличие от их героического друга, не страдали потерей памяти. Я воспользовался вынужденным бездельем, отрастив бороду и длинные волосы. Наконец однажды утром доктор Еникнани решил меня выписать.

— Дай Бог нам никогда больше не встречаться. Я пожал плечами:

— С этого дня я собираюсь посвятить себя какому-нибудь спокойному маленькому бизнесу, скажем, продаже поддельных древних монет туристам. Хватит с меня. Не хочу никаких забот и неприятностей.

Доктор Еникнани улыбнулся:

— Этого никто не хочет, однако неприятности подстерегают нас на каждом шагу. Нельзя просто спрятаться от них. Помните самую короткую суру в Благородном Коране? Одно из первых откровений, ниспосланных Аллахом своему Пророку: *«Скажи: „Прибегаю к Господу рода людского, от наущения сатанинского злого, что вселяет искушение в сердца рода людского, из джиннов и рода людского“*[25].

— От сатанинского наущения, ножей, парализаторов, иглометов и пистолетов, — уточнил я. Доктор Еникнани медленно покачал головой:

— Ищущий нож — найдет нож; ищущий Господа — найдет Господа.

— Ну что ж, — произнес я утомленно. — Когда выйду отсюда, начну новую жизнь. Надо будет всего-навсего изменить привычки, образ мыслей, отбросить к чертовой матери многолетний опыт.

— Вы смеетесь надо мной, — печально сказал он. — Но настанет день, и придется всерьез задуматься над тем, что сегодня кажется шуткой. Я молю Аллаха, чтобы это случилось не слишком поздно.

Доктор оформил бумаги на выписку. Итак, я снова стал самим собой, снова свободен как птица и могу идти куда пожелаю, хотя идти-то мне в принципе некуда.

Я отказался от своей квартиры; единственное, что у меня осталось, — сумка с целой кучей денег. Вызвав такси, я

отправился к Папе. Уже второй раз я приезжал без предварительной договоренности, но теперь, по крайней мере, была уважительная причина: Хасана не было и некому звонить насчет встречи. Лакей узнал меня; более того, его обычно невозмутимое лицо на мгновение оживилось. Я стал знаменитостью. Когда политики и секс-бомбы ласково треплют тебя по плечу, это ровно ничего не значит, но уж если тебя узнает лакей, то можно смело считать, что твое лестное мнение о себе хоть в чем-то справедливо.

Меня даже освободили от процедуры ожидания. В коридоре появился один из Булыжников, молча повернулся и зашагал впереди. Я последовал за ним. Так мы добрались до Папиного кабинета, и я подошел к его величественному столу.

Фридландер-Бей сразу встал; он так старательно улыбался, что, казалось, кожа вот-вот не выдержит и порвется. Папа поспешил навстречу мне, взял мое лицо в ладони и поцеловал.

— О сын, возлюбленный сын мой, — вскричал он. У него не хватало слов, чтобы выразить переполнявшую сердце радость.

Зато я был немного растерян. Как следует вести себя в подобной ситуации?

Кто я — неприступный супергерой или „парнишка с нашего двора“, который по воле случая стал защитником квартала? По правде говоря, я хотел поскорее получить разбухший от хрустиков конверт, убраться отсюда и навсегда забыть о старом негодяе. Папа сильно затруднял мою задачу: он чмокал меня снова и снова.

Наконец даже такой ярый приверженец арабских традиций, как Фридландер-Бей, понял, что Пора заканчивать. Он отпустил мою зацелованную физиономию и, словно за стенами крепости, укрылся за своим грандиозным столом, опять став неприступно далеким. Кажется, сегодня не будет совместной трапезы и приятных разговоров за чашкой кофе, когда я услаждал бы слух хозяина дома рассказами об истерзанных трупах, а он объяснял, какой я замечательный. Папа долго разглядывал меня, не говоря ни слова. Возникнув, как из-под земли, Говорящие Булыжники расположились за моей спиной: один слева, другой — справа. Это напоминало наше первое свидание, только сейчас мы находились в роскошном дворце, а не в грязном мотеле. Неожиданно из супергероя я превратился в ничтожного слизняка-неудачника: попался при попытке обчистить карманы прохожего и теперь томлюсь в ожидании приговора. Не знаю, каким образом Папа сумел внушить мне подобные чувства. Один из секретов магической силы, которой он обладает. Мне ведь до сих пор неизвестны его истинные планы, с ужасом подумал я.

— Ты хорошо поработал, достойный сын мой, — произнес Фридландер-Бей задумчиво. В его голосе слышались неодобрительные нотки.

— Благодаря могуществу Аллаха и твоей мудрости, дару предвидения, я преуспел в своем начинании, — сказал я.

Папа кивнул. Он привык к тому, что его упоминают наравне с Аллахом.

— Прими наш скромный дар в знак благодарности. — Один из Булыжников сунул мне конверт, и я взял его.

— Благодарю тебя, о шейх.

— Благодари не меня, но Аллаха в Его бесконечной щедрости.

— Святые слова. — Я положил деньги в карман. Ну что же, теперь я могу идти?

— Многие из моих друзей расстались с жизнью, — размышлял вслух Папа, — я потерял также немало доверенных помощников. Следует позаботиться, чтобы в будущем подобное не могло повториться.

— Да, о шейх.

— Мне нужны верные люди на ключевые посты, друзья, на которых можно положиться. Меня охватывает стыд, когда я вспоминаю, каким доверием облек Хасана.

— Он был шиитом, о шейх. Фридландер-Бей махнул рукой.

— Тем не менее… Настало время восстановить разрушенное. Твоя работа еще не закончена, сын мой. Ты должен помочь нам построить новую систему безопасности.

— Я сделаю все, что в моих силах, о шейх. — Мне совсем не нравилось, что разговор принял такое направление. Но я был бессилен что-либо изменить.

— Лейтенант Оккинг умер и отправился в свой рай, иншалла. Его место займет сержант Хаджар, человек, которого я хорошо знаю и могу не опасаться. Я хочу учредить новую важную должность посредника между моими будайинскими друзьями и городской администрацией, который будет наблюдать за действиями властей.

Никогда еще не чувствовал я себя таким маленьким и одиноким.

— На эту должность я избрал тебя.

— Меня, о шейх? — спросил я дрожащим голосом. — Но это невозможно! Не может быть, чтобы ты и вправду выбрал…

Он кивнул:

— Да будет так.

Я почувствовал такую ярость, что забыл обо всем на свете. Подскочив к нему, я заорал:

— Пошел ты со своими погаными планами! Ты сидишь за этим столом и играешь чужими судьбами, спокойно наблюдаешь, как убивают моих друзей, суешь свой „скромный дар“ одному, другому, третьему, и тебя ни капли не волнует, что потом станет с ними, лишь бы денежки, не переставая, текли в карманы! Ты… Не удивлюсь, если окажется, что за Оккингом, работавшим на немцев, и за Хасаном, работавшим на русских, стоял один и тот же человек — ты! — Губы Фридландер-Бея сжались в тонкую полоску, и я сразу заткнулся, сообразив, что совершенно случайно попал в точку. — Значит, так оно и было, да? — сказал я тихо. — На самом деле тебя совершенно не беспокоило, что здесь происходит. Ты играл за обе стороны, а не стоял в середине, потому что середины не существовало. Был только ты, поганый живой скелет. Да в тебе вообще нет ничего человеческого! Ты не способен любить, ненавидеть, сопереживать. Несмотря на все молитвы и поклоны, ты пуст, как глиняный истукан. В горсти песка больше чувств, чем в тебе!

Самое странное, что Булыжники никак не мешали мне — не оттащили от стола, не превратили лицо в кровавое месиво. Они вообще не двигались с места. Должно быть, Папа знаком приказал им не мешать моим излияниям. Я сделал шаг вперед, и уголки губ Папы чуть приподнялись. Трогательная гримаса-улыбка на морщинистом, иссохшем лице старца-патриарха. Я застыл на месте, словно натолкнулся на невидимую стену.

Барака… Особая аура, которая окружает усыпальницы, мечети святых и праведников. Я не смогу тронуть даже волоска на его голове, и Папа прекрасно понимал это.

Он неторопливо вытащил из ящика стола какое-то устройство из серого пластика, свободно уместившееся на ладони.

— Ты знаешь, что это такое, сын мой?

— Нет.

— Это часть тебя. — Он нажал на кнопку, и ужас, превративший меня в дикого зверя, заставивший разорвать в клочья Хасана и Оккинга, вновь, словно раскаленная лава, затопил мозг…

Я очнулся, лежа на ковре у ног Папы, свернувшись в клубок.

— Прошло всего пятнадцать секунд, — кротко отметил он.

Сжав зубы, я окинул его взглядом.

— Так ты будешь заставлять меня слушаться? Папа опять продемонстрировал свою улыбку-гримасу.

— Нет, сын мой. — Он бросил мне пластиковую коробочку, и я поймал ее на лету. — Возьми. Я хочу добиться любви и доверия, а не страха.

БАРАКА Я сунул коробочку в карман. Папа кивнул.

— Да будет так, — снова сказал он. Вот и все. Я превратился в легавого.

Говорящие Булыжники молча надвинулись на меня. Чтобы не задохнуться в их каменных объятиях, пришлось отступить. Так, шаг за шагом, они вытеснили меня из кабинета в приемную, из приемной в коридор, пока, наконец, я не оказался за дверью дома. Мне даже не дали ничего сказать.

В итоге я, во-первых, стал намного богаче, а во-вторых, превращаюсь в жалкую подделку охранника правопорядка под началом бравого Хаджара. Перед этим бледнели самые жуткие наркотические кошмары, когда-либо рожденные моим рассудком.

Каково главное свойство слухов? Правильно: быстрота их распространения.

Наверное, новости дошли до каждого жителя квартала еще когда я в счастливом неведении лежал на больничной койке, наслаждаясь общением со своим лучшим другом — соннеином. В „Серебряной ладони“ Хейди отказалась меня обслуживать. В „Кафе Солас“ Жак, Махмуд и Сайед упорно разглядывали пыльный воздух сантиметрах в десяти над моей головой и спорили о том, сколько чеснока нужно класть в приправу. Я заметил, что к Полу-Хаджу по наследству от покойного Хасана перешел его американский мальчишка. Надеюсь, они будут счастливы вместе…

В конце концов, я отправился к Френчи. Далия положила передо мной салфетку. Она чувствовала себя очень неуютно.

— Как дела, Марид?

— В порядке. А ты все еще разговариваешь со мной?

— Ну конечно, Марид, мы ведь старые друзья. — Однако она кинула напряженный взгляд в сторону кассы.

Я тоже повернул голову. Френчи медленно поднялся со своего стула и вразвалку подошел к нам.

— Я не хочу тебя здесь видеть, Одран, — сказал он мрачно.

— Послушай, Френчи, когда я поймал Хана, ты сказал, что будешь обслуживать меня бесплатно до конца жизни.

— Это было до того, как ты разодрал на куски Хасана и Оккинга. И тот, и другой — дерьмо собачье, но то, что ты сделал… — Он отвернулся и сплюнул.

— Но ведь Хасан убил…

Френчи оборвал меня. Повернувшись к Далии, он свирепо прорычал:

— Еще раз обслужишь этого ублюдка — вылетишь отсюда. Ясно?

— Ага. — Она переводила испуганный взгляд с меня на Френчи.

Он посмотрел на меня:

— Теперь вали отсюда.

— Можно мне поговорить с Ясмин?

— Говори и выметайся. — С этими словами он повернулся ко мне спиной и быстро зашагал прочь, словно спешил убраться подальше от какой-то дурно пахнущей мерзости.

Ясмин сидела в кабинке рядом с каким-то парнем. Я проигнорировал клиента и подошел к ней.

— Ясмин, — начал я, — мне надо…

— Лучше уходи отсюда, Марид, — заявила она ледяным тоном. — Я знаю о том, что ты сделал. И насчет твоей паршивой новой работы. Ты продался Папе. Поступи так другой, я бы ни капельки не удивилась, но ты, Марид… Сначала я не, могла поверить. Но ведь это правда? Все, что про тебя рассказывают?

— Меня заставила училка, Ясмин! Ты и представить себе не можешь, что она со мной сделала! В конце концов, ты ведь сама хотела, чтобы я вставил розетки…

— А стать легавым тебя тоже заставила училка, так я понимаю?

— Ясмин… — Господи, неужели это я, человек, который превыше всего ценит собственное достоинство, который ни в чем не нуждается и ничего не ждет от судьбы, одинокий странник, бесстрастно созерцающий мерзости жестокого мира, ибо видел столько, что утратил способность ужасаться… Сколько лет я тешил себя подобными сказками? И вот я стою здесь и, как мальчишка, умоляю ее…

— Уходи, Марид, или мне придется позвать Френчи. Я работаю.

— Можно потом позвонить тебе? Она поморщилась:

— Нет, Марид. Нет.

Пришлось уйти. Мне и раньше доводилось оставаться в одиночестве, но с подобной ситуацией я сталкивался впервые. Наверное, такого исхода следовало ожидать, и все же мне было гораздо труднее пережить это, чем все ужасы, через которые пришлось пройти. Мои собственные друзья — бывшие друзья — решили, что проще вычеркнуть имя Марида Одрана, выбросить его из своей жизни, чем посмотреть в глаза правде. Они отказывались признаться даже себе, что подвергались страшной опасности и что в один прекрасный день смерть снова может постучаться в их дверь. Они упрямо притворялись, что мир — средоточие радости и здоровых удовольствий, что на земле все происходит в соответствии с десятком-другим простых правил, которые перечислены в какой-то мудрой книге. Не надо даже учить их; достаточно просто сознавать, что они существуют, и

душевное спокойствие обеспечено. А я, как бельмо на глазу, постоянно напоминал, что никаких правил на самом деле нет и жизнь любого живого существа всегда и всюду подвергается смертельной опасности. Они не хотели знать об этом и в итоге пришли к нехитрому компромиссу. Я стал козлом отпущения, местным злодеем; я принял на себя и почести, и хулу. Пусть всем займется Одран, пусть Одран заплатит за все, да пошел он к такой-то матери, несчастный сукин сын!

О'кей, пусть будет так. Я ворвался к Чири, скинул со своего законного места у стойки какого-то молодого негра. Ко мне сразу подошла пьяненькая Мирабель.

— А я тебя всюду искала, Марид, — с трудом произнесла она.

— Только не сейчас, Мирабель! Я не в настроении.

Чирига переводила взгляд с меня на негра, который напряженно размышлял, стоит затевать со мной разборку или нет.

— Джин и бингара? — спросила она наконец, подняв брови. — Или тэнде?

Мирабель примостилась рядом.

— Ты должен выслушать меня, Марид. Я посмотрел на Чири: трудный выбор… В конце концов, заказал водку.

— Я вспомнила, кто это был, — объявила Мирабель. — Ну, парень, которого я привела тогда домой, весь в шрамах; помнишь, ты искал его? Абдул-Хасан, мальчишка-американец. Понял? Должно быть, Хасан его так изукрасил. Я же сказала тебе, что вспомню. Теперь с тебя причитается! — Она тщетно пыталась выпрямиться. Престарелая красотка ужасно гордилась собой.

Я взглянул на Чири; она ответила чуть заметной усмешкой.

— Перебьемся, — сказал я.

— Перебьемся, — сказала она.

Негр все еще торчал рядом. Он недоуменно оглядел нас и вышел из бара. Я сэкономил парню целую кучу денег.

ОГОНЬ НА СОЛНЦЕ

Поначалу дети любят своих родителей, через некоторое время — они принимаются судить их и только иногда, если это вообще происходят, прощают их.

Оскар Уайльд Портрет Дориана Грзя

Мой дед, Джордж Конрад Эффинджер, которого я никогда не видел, в годы Великой Депрессии служил полицейским в Кливленде. Ом был убит при исполнении служебных обязанностей. Эта книга посвящается его памяти, которая все больше тускнеет в сознании тех людей, которые знали его, — в отличие от полицейского значка № 374, который гордо сияет в здании вокзала Кливленда.

Глава 1

Много-много долгих дней тащились мы по шоссе вдоль побережья в сторону Мавритании — той самой части Алжира, где я родился. И в этот раз на очередном разваливающемся от ветхости автобусе, что, казалось, был погружен в летаргический сон, доползли мы до какого-то городишки, позабытого Аллахом еще прежде, чем он успел подобрать ему имя. Века приходят — века уходят: в арабском мире они будто бы оседают неподъемной тяжестью на облученных крышах тряских, скрипучих автобусов, поддерживать которые в рабочем состоянии гораздо труднее, чем в прежние времена — караваны верблюдов. В пору моего детства эти поездки на автобусах были точно такими же: тогда я сидел или стоял в проходе между креслами в числе других мальчуганов и взрослых мужчин, не считая прицепившейся на крыше дюжины-другой таких же, как я, пассажиров. Тогда, в прежние времена, автобусы проезжали возле самого моего дома. В окнах виднелись головы в тюрбанах и фесках, в вязаных шапчонках, в белых или клетчатых кеффиях. И почему-то всегда одни мужчины. Я обязательно спрошу об этом своего отца, если мне когда-нибудь еще доведется встретить его.

— Отец, — спрошу я, — скажи мне, почему все люди в автобусах — мужчины? Где же женщины?

И всякий раз я представлял себе, как отец воображение рисовало мне его высоким и жилистым, со свирепой черной бородой, с орлиным или ястребиным профилем; в моих фантазиях он был арабом, несмотря на то, что мать уверяла, будто он чистокровный француз, — итак, я представлял себе, как он задумчиво щурится от ослепительного солнца, старательно обдумывая, что ответить своему юному сыну.

— О, Марид, дорогой мой, — скажет отец, и голос его будет гортанным и хриплым, словно идущим из глубины горла, ибо губы его при этом почти не шевелились, хотя мать говорила, что у него вовсе не было такой привычки, — Марид, женщины приедут позже. Мужчины пришлют за ними потом.

— А-а… — только и смог я выдавить в ответ на такие слова.

Все, что для меня было темно и загадочно, для него было ясно и понятно. Не было вопроса, на который он не мог бы дать верный ответ. Он был

истинно мудр — куда мудрее нашего деревенского шейха и более сведущ в разных вещах, чем человек, чье лицо заполняло плакаты, расклеенные на стене, где мы остановились помочиться. — Отец, — спросил бы я его, — отчего мы мочимся

на лицо этого человека?

— Потому что это идолопоклонство — изображать лицо на плакате. Оттого и место этим наклейкам среди нечистот и смрада. Поэтому и сам Пророк — да будет с ним мир и благословение Аллаха — говорит нам: то, что мы делаем с этими изображениями, — совершенно законно и справедливо.

— А Отец Небесный? — У меня всегда имелся в запасе новый вопрос, но отец был необычайно терпелив. Он улыбнулся мне и покровительственно положил ладонь на затылок.

— Отец Небесный? А что ты делаешь, мой дорогой, когда твой мочевой пузырь, кажется, вот-вот лопнет, прежде чем ты успеешь облегчиться, и именно в этот момент муэдзин…

Саид огрел меня затрещиной слева.

— Ты что, спишь?

Я тупо посмотрел на него. В глазах моих стояло ослепительное сияние. Никак я не мог вспомнить, где, черт возьми, мы находились.

— Где, черт побери, мы находимся? — спросил я у него.

Сайд хмыкнул:

— Ты человек из Магриба, — с великого, дикого Запада, Ты веда» оттуда — ты сам говорил.

— Мы еще не добрались до Алжира? — Мне казалось, что еще нет.

— Нет, чудачина. Вот уже три часа я сижу в этой чертовой тесной кофейне, заговаривая бородавки жирному дураку. Его зовут Хишам.

— Где же мы?

— Только что миновали Карфаген. Сейчас мы на окраине старого Туниса. Теперь слушай меня; Как зовут старикана?

— А? Не помню. Он тут же отвесил мне оплеуху справа.

Я не спал две ночи. Я был слегка не в себе. Конечно, Сайду досталась самая легкая часть работы: посиживать в чайханах во время автобусных остановок, распивая мятный чай с местными шейхами, и сплетничать о мародерствующих христианах, мародерствующих евреях и о язычниках-неграх, тоже, кстати, мародерствующих. В общем, что и говорить, он не надрывался. Мне же достались пропахшие мочой улочки, наполненные тучами мух. Я не мог вспомнить, почему мы поделили работу таким образом. Помимо, прочего, это. ведь я должен был стать главой нашей экспедиции. У меня появилась идея найти эту женщину, путешествие устроил я, и, наконец, на все это тратились мои деньги. Но Сайд взял на себя мятный чай и болтовню, а мне оставил… Впрочем, молчу, не буду заводиться. Мы ждали подходящего момента. Солнце исчезло за западной стеной,

близилось время вечернего призыва к молитве. Я уставился на Саида, который уже клевал носом, и подумал: врежу-ка и я ему по башке. Но не успел я вскочить с места, как Саид поднял глаза.

— Думаю, нам пора, — произнес он, зевая.

Я кивнул, добавить было нечего. Я снова сел, и Саид Халф-Хадж приступил к делу.

Саид — прирожденный лжец. Наблюдать его в деле — одно удовольствие. Его любимым модификатором был модди Крутого Парня. Когда он его включал, никому не хотелось иметь с ним дело.

Там, в родном городе, Саид считал ниже своего достоинства зарабатывать на жизнь собственным хребтом. Весь день напролет он просиживал в кафе со мной, Махмудом и Жаком. Все делал за Саида мальчишка на побегушках, американец по имени Абдул-Хасан, которому были нужны деньги для оплаты жилья. Саид же только посмеивался, разгуливая в галлебейе, подпоясанной широким черным поясом с хромированными финтифлюшками. Халф-Хадж уделял много внимания внешнему виду. И то$_г$ чем приходилось заниматься в этих кишащих паразитами придорожных трущобах, он искренне считал забавой. Я подождал несколько минут и последовал за ним, обогнув угол, в кофейню. Я ввалился туда, весь в грязи и лохмотьях, и занял место в самом темном углу.

Хозяин едва взглянул на меня, нахмурился и Вновь обернулся к Саиду. На меня никогда не обращали внимания. Саид закачивал анекдот; со времени нашего отправления из города я слышал этот анекдот уже десятки раз в его исполнении. Когда Саид перешел к развязке, хозяин магазина и четверо мужчин у дальнего прилавка захохотали. Саид умел вызывать симпатию окружающих. Эта способность была запрограммирована. При правильно выбранном модификаторе поведение и дэдди не имело значения, где ты родился и в какой среде вырос. Ты мог общаться с любыми людьми, говорить на любом языке; в любой ситуации ты мог держать себя в руках. Информация поступала в кратковременную память. При этом можно было стать любой личностью: Рамзесом II или Баком Роджерсом в XXV столетии, стоило лишь вовремя отыскать нужные модди и дэдди.

Саид был грубым и коварным, но вместе с тем и обаятельным человеком, если вы можете вообразить себе подобную комбинацию. Я наблюдал, как хозяин заведения, все еще сотрясаясь от смеха, потянулся за чайником. Он наполнил пиалу Халф-Хаджа, пролив часть на деревянную стойку. Никто не двинулся, чтобы вытереть лужу. Саид поднес пиалу к губам, но вдруг ударил ею о стойку.

— Яа салаас! — взревел он, вскакивая. Мой перстень! — возопил Саид. Массивный золотой перстень, которым он махал перед носом старика добрых два часа, исчез. Перстень был с крупным бриллиантом. — Что с ним?

— Погляди сам! Камень — мой бриллиант — он пропал!

Хишам поймал руку Сайда и обнаружил, что бриллиант действительно исчез.

— Наверное, выпал, — изрек старик с той народной прозорливостью, какую вы найдете только в этих окаменевших от времени деревушках.

— Ясное дело, что выпал! — закричал Саид, ничуть этим не успокоенный. — Но где он?

— А что, не видать?

Саид пошарил вокруг своего места.

— Нет, я уверен, его здесь нет, — простонал он.

— Тогда, должно быть, выпал на улице. Ты, верно, потерял его, когда последний раз ходил отливать.

Саид стукнул по стойке тяжелым кулаком.

— Уже темнеет, а я должен успеть на автобус.

— У тебя еще есть время поискать, — сказал Хишам не слишком уверенно.

Халф-Хадж горестно рассмеялся:

— Камень ценой в четыре тысячи тунисских динаров, а видом — крошечная галька среди миллиона других. В сумерках мне никогда не найти его. Что же мне делать?

Старик пожевал губу и на мгновение задумался.

— Ты и правда решил успеть на автобус? — спросил он.

— Я должен, о брат мой. У меня неотложное дело.

— Я помогу тебе, если получится. Я попробую найти твой камень. Оставь мне свою фамилию и адрес; если что, я пришлю его тебе.

— Да благословит Аллах тебя и твою семью! — воскликнул Саид. — У меня мало надежды, что камень удастся найти, но приятно знать, что ты оказываешь мне услугу. Я твой должник. Давай определим подходящее для тебя вознаграждение.

Хишам посмотрел на Сайда, и глаза его сузились,

— Я не прошу награды, — медленно произнес он.

— Нет, конечно нет, но я настаиваю на ней.

— Мне не нужно награды. Я считаю своим долгом помочь тебе, как брату мусульманину.

— Хорошо, — продолжал Саид, — если ты найдешь потерянный камень, я дам тебе тысячу тунисских динаров, для пропитания твоих детей и ухода за твоими престарелыми родителями.

— Будь по-твоему, — сказал Хишам, слегка склонив голову.

— В таком случае, — торжественно изрек мой друг, — я запишу тебе мой адрес.

В то время как Саид выводил свое имя на клочке бумаги, я услышал громыхание автобуса, подъехавшего к остановке перед кофейней.

— Пусть Аллах дарует тебе хорошее путешествие, — сказал старик.

— А тебе пусть он дарует процветание и мир, — ответствовал Саид, вставая, будто бы торопясь на автобус.

Я выждал минуты три. Теперь была моя очередь. Я встал и, пошатываясь, сделал пару шагов, делая вид, что мне трудно идти по прямой. Хозяин посмотрел на меня с отвращением:

— Какого шайтана тебе надо, грязный бродяга?

— Воды, — выдавил я.

— Воды ему! Плати или проваливай!

— Однажды мусульманин спросил у Пророка — да будет на нем благословение Аллаха, — какое благороднейшее дело может сделать человек. Ответ был: «Дать воды тому, кто жаждет». Вот я и прошу этого у тебя.

— Попроси у Пророка. Я занят.

Я кивнул. Я и не ожидал от этого хама ничего хорошего. Опершись о стену, я налег локтем на прилавок. Со стороны казалось, мне никак не найти места, чтобы стоять прямо.

— Ну, что тебе еще? Я же сказал — убирайся.

— Вот дырявая голова, — проворчал я, будто бы вспоминая. — Ведь у меня есть для тебя кое-что. — Я полез в карман джинсов и вытащил блестящий круглый камень. — Это то, что искал тот человек? Я нашел его неподалеку. Это он?

Старик попытался выхватить камень из моей руки:

— Где ты взял? Верно, на улице? На *моей* улице. Значит, это — мое.

— Нет. Я нашел его. Он…

— Он просил меня найти этот камень. — Хозяин уже смотрел вдаль, высчитывая прибыль от награды.

— Тот человек сказал, что заплатит за камень.

— Это так. Слушай, у меня есть его адрес. Что толку тебе в камне без адреса?

Секунду-две я подумал.

— Ты прав, о шейх.

— А зачем мне адрес без камня? Итак, вот мое предложение: даю тебе за камень двести динаров.

— Две сотни? Но он сказал…

— Он сказал, он даст мне тысячу. Мне, а не тебе, пьяный

дурак. Понимаешь? Бери две сотни. Когда в последний раз у тебя было двести динаров?

— Давно.

— Да уж верно, давно.

— Дай мне сначала деньги.

— Дай мне сперва камень.

— Деньги.

Старик что-то проворчал и отошел. Достал из-под прилавка ржавую кофейницу. В ней была тонкая пачка денег; он отсчитал двести динаров старыми, потертыми купюрами.

— Вот, держи и убирайся к чертовой матери! Я взял деньги и сунул в карман. Затем отдал камень Хишаму.

— Если ты поторопишься, — сказал я, заплетающимся языком, несмотря на то, что сегодня не был пьян и наркотиками не баловался, — ты его догонишь. Автобус еще не ушел. Старик ухмыльнулся:

— Позволь мне преподать тебе урок дальновидного бизнеса. Уважаемый человек предложил мне тысячу динаров за камень ценой в четыре тысячи динаров. Что мне лучше — взять награду или продать камень за полную стоимость?

— Продажа камня вызовет осложнения, — сказал я.

— Об этом я сам позабочусь. А теперь проваливай. Чтоб духу твоего здесь не было.

Ему не пришлось повторять свои слова дважды. Уходя из старой кофейни, я отключил свой модификатор. Не знаю, где Халф-Хадж достал его: на нем был малаккский ярлык, но я не думаю, что подобная электроника редкость. Это был модуль-дебилизатор: когда я связался с ним, он съел половину моего интеллекта и сделал меня нескладным полудурком, едва способным даже на эту роль. Когда он отключался, мир внезапно возвращался в мое сознание, и это походило на пробуждение от смутного наркотического бреда. Я всякий раз досадовал на себя еще с полчаса после выключения модификатора. Я презирал себя за то, что согласился носить его, я ненавидел Сайда за то, что он уговорил меня это сделать. Сам-то он со своим драгоценным самомнением в жизни не стал бы носить его. Поэтому роль балбеса досталась мне, несмотря на то, что у меня было вдвое больше внутричерепных модификаций окружающих нас личностей и с избытком всяких задатков, делающих меня зверски талантливым сукиным сыном; меж тем как с этим модди мне приходилось опускаться до уровня овоща.

В автобусе я сел по соседству с Саидом, но не горя желанием разговаривать с ним: не хватало мне еще выслушивать его издевки.

— Что мы получили за этот кусок стекла? — спросил он. Он уже вставил настоящий бриллиант на место в свой перстень.

Я молча отдал ему деньги. Эта была его игра и его деньги. Впрочем, сейчас это меня занимало меньше всего. Я даже не знаю, почему я пошел с ним на это дело. Естественно, не из-за того, что он заявил о своем отказе ехать со мной в Алжир, если я не сделаю этого.

Саид пересчитал деньги:

— Две сотни? Всего-то? Последние два раза мы срывали больше. Ну, да и черт с ними, в Алжире мы сможем спустить на две сотни динаров больше. Слушай, поедем в Касбу? Местные мальчики с глазами газелей и не догадываются, что приближается к ним этой ночью, пахнущей лимоном.

— Старый вонючий автобус к ним приближается, Саид.

Саид посмотрел на меня своими большими глазами, потом засмеялся.

— Ты не романтик, Марид, — сказал он. — С тех пор как твои мозги опутаны проводами, ты стал скучен.

— Как насчет того, чтобы вздремнуть? — Мне не хотелось больше разговаривать, и я притворился, что собираюсь заснуть. Я закрыл глаза и слушал, как подскакивает и грохочет по разбитой мостовой автобус, как без конца спорят и смеются пассажиры вокруг меня. В провонявшем бензином салоне было тесно и душно, но старый автобус час за часом приближал меня к разгадке тайны. В моей жизни наступал момент, когда мне предстояло понять, кто же я такой на самом деле.

Автобус остановился в городе Барбара, Аннаба, и в салон залез старик с седой бородой, продающий абрикосовый нектар. Я взял нектар для себя и Халф-Хаджа. Абрикосы — гордость Мавритании, и этот сок был первым знаменованием моего приближения к дому. Я закрыл глаза, вдыхая нежный абрикосовый аромат, затем глотнул густой сладости. Саид залпом опрокинул свою порцию и ограничился кратким «спасибо». Похоже, он даже и не почувствовал вкуса.

Дорога извивалась к югу от темного невидимого побережья в сторону города Константины. Хотя было уже поздно — приближалась полночь, Я сказал Саиду, что хочу сойти с автобуса и поужинать. У меня с полудня во рту не побывало ни крошки.

Константина построена на высоком и крутом известковом уступе, это единственный древний город в Восточном Алжире, переживший столетия иностранных нашествий. Правда, меня сейчас занимало одно — еда. В Константине есть местное блюдо под названием «хорба бейда бел кефта» — суп с фрикадельками, который готовят с луком, перцем, куриными потрохами,

миндалем и корицей. Я не пробовал его лет, наверное, пятнадцать, и меня ничуть не заботило, что мы можем опоздать на автобус, после чего придется сутки ждать следующего; я был твердо намерен отведать этого супа. Саид решил, что я рехнулся.

Я съел свою порцию, и, должен признаться, это было объедение. Саид молча наблюдал за мной, потягивая чай. Мы успели на автобус. Я ощущал себя восхитительно, согретый чувством сытости, приправленным ностальгическим жаром. Я занял место у окна, надеясь, что увижу знакомый ландшафт, когда мы будем проезжать через Джиель и Мансурию. Конечно, за окном, как и в моем кармане, не было видно ни зги, кроме луны и пылко сверкающих звезд. Все же я притворялся, что могу отметить вехи, означавшие мое приближение к Алжиру, городу, где провел большую часть детства.

Когда вскоре после восхода солнца мы наконец доехали до Алжира, Халф-Хадж энергично затряс мое плечо и вывел из полудремы. Я и не заметил, как уснул, отчего чувствовал себя омерзительно.

В голове трещало битое стекло, а в шее был ущемлен какой-то нерв. Я вытащил аптечку и заглянул внутрь. В каком состоянии лучше въезжать в Алжир: галлюцинирующим, обдолбанным и в припадке сомнамбулизма или трезвым субъектом, но с тяжелой головой и ноющей шеей? Принятие решения было делом непростым. Я выбрал свободу от боли, но в ясном сознании, поэтому проглотил восемь таблеток соннеина. Таблетки стерли головную боль и все прочие неприятные ощущения, и я с грехом пополам перекантовался из автобуса в такси на остановке в Мустафе.

— Смотрю, ты уже под балдой, — заметил Саид, когда мы уселись на заднее сиденье. — Я велел шоферу подбросить нас к общественному инфоблоку.

— Я под балдой? Ты видел меня когда-нибудь под балдой в такую рань?

— Вчера. Позавчера. Позапозавчера.

— Я имею в виду любые «когда-нибудь», кроме трех последних. Да я с тонной опиатов в крови действую лучше, чем большая часть людей без них.

— Оно и видно.

Я уставился в окошко такси.

— Зато, — сказал я, — у меня еще осталась целая куча дэдди.

Такой электроники, как у меня в башке, не было ни у кого из арабов. Взять, к примеру, дэдди, контролирующие функции гипоталамуса, — с ними мне не были страшны ни усталость, ни голод, ни жажда, ни боль. Или дэдди, повышающие

восприимчивость пяти чувств.

Марид Одран, Силиконовый Супермен.

— Знаешь, — сказал я, задетый язвительностью Саида, — я долго боялся электроники, но теперь не могу себе представить, как я раньше обходился без нее.

— Тогда какого черта ты по-прежнему отравляешь свой мозг наркотиками? — спросил Халф-Хадж.

— Я от природы несколько консервативен. Кроме того, когда я убираю дэдди, я чувствую себя ужасно. На меня сразу обрушиваются боль и усталость.

— А от твоих соннеинок и «красоток» у тебя не бывает побочных синдромов?

— Заткнись, Саид. С чего это ты вдруг стал таким заботливым?

Он искоса посмотрел на меня и улыбнулся:

— Ты не хуже меня знаешь: религия запрещает алкоголь и сильнодействующие наркотики.

И это мне говорил Халф-Хадж, который если когда и заходил в мечеть, то лишь для того, чтобы прогулять школу!

Минут через десять — пятнадцать шофер такси высадил нас у библиотеки. Я чувствовал странное возбуждение, хотя и не понимал его причины. Я поднялся по гранитным ступеням лестницы к дверям библиотеки. Откуда такая нервозность?

В зале было несколько свободных терминалов. Я сел за серый экран старенького Бат-эль-Марифи. Он спросил меня, какого рода поиск я собираюсь вести. Синтезатор голоса этой машины был создан в одной из североамериканских республик, поэтому у нее были затруднения с арабским произношением.

— Человек, — сказал я, затем нажал кнопку ввода информации.

Когда появился курсор, я произнес в микрофон:

— Монро, запятая, Эйнджел.

Машина подумала над этим с минуту, затем по яркому экрану побежали белые буквы:

Эйнджел Монро
16, улица Сахары (Верхняя) Касба Алжир Мавритания 04-Б-28

Затем я заставил машину распечатать адрес. Халф-Хадж состроил вопросительную гримасу, и я кивнул:

— Кажется, у меня найдутся кое-какие ответы на вопросы.

— Иншаллах, — пробормотал Саид, — если это угодно Богу.

Мы снова вышли в жаркое влажное утро и поймали другое такси. От инфоблока библиотеки до Касбы оставалось рукой

подать. Движение было не таким оживленным, как во времена моего детства, — во всяком случае, в том, что касается автомобильного транспорта; однако длинные вереницы тяжело нагруженных осликов, ведомых по узким улицам, сохранились до сих пор.

Название «улица Сахары» — чистая ошибка. Помнится, кто-то давным-давно говорил мне, что настоящее название улицы — «Улица Н'сара», или «Улица христиан». Не знаю, каким образом это название исказилось. Очень немного в Алжире связано с Сахарой. От Средиземноморского побережья до Сахары в общем-то путь не близкий. Но сейчас все употребляют именно это название улицы, оно даже проникло в географические карты.

Дом номер 16 оказался старым обветшалым зданием из кирпича, два верхних этажа которого выступали из стены, нависая над булыжной мостовой. Жилой дом напротив был устроен точно так же, и оба здания почти сходились над моей головой, словно две чопорные старые матроны, разговаривающие через забор. В почтовом ящике я увидел открытку с именем Эйнджел Монро, чернила на ней уже выцвели. Я нажал кнопку звонка. На двери парадного не было замка, и я поднялся на второй этаж. Саид шел следом.

Ее квартира оказалась на третьем этаже, в конце коридора. Коридор был застелен ковровой дорожкой, если ее вообще можно было так назвать, эту насквозь пропесоченную ткань неопределенно-бурого цвета. Ноги бесчисленных посетителей протерли ее в некоторых местах насквозь, в дырах просвечивали сухие серые доски. На стенах лепились грязные коричневые обои, оборванные местами длинными лоскутьями. Воздух был пропитан странным кислым запахом, словно здесь доживали последние дни умирающие или смертельно больные, упрямо продолжавшие влачить свое жалкое существование. Из-за одной двери доносилась семейная склока с громкими угрозами и звоном разбитой посуды; из-за другой — истерический смех и звуки ударов по телу. Все это меня ничуть не интересовало.

Остановившись перед обшарпанной дверью Эйнджел Монро, я глубоко вздохнул и посмотрел на Халф-Хаджа, но он пожал плечами и намеренно отвернулся. Тоже мне, друг называется. Я был абсолютно одинок. Я попытался уверить себя, что ничего плохого не случится — ложь, необходимая для следующего шага, — и затем постучал в дверь. Ответа не было. Я подождал несколько секунд и постучал, снова, погромче. На этот раз послышался скрип пружин и медленное шарканье. Дверь отворилась. Выглянула Эйнджел Монро, всматриваясь в наши лица.

Она была на целую голову ниже меня, с обесцвеченными белыми волосами, туго стянутыми в прическу, которую я бы назвал «крысиные хвостики». Черные корни волос не испытывали заботы хозяина со дня рождения Пророка. Глаза были обведены темно-синим и черным, что наводило на мысль о ярких средиземноморских рыбках. Губная помада была нанесена не столь эффектно и к тому же неверной рукой, отчего вид у Эйнджел Монро был не столько сексапильным, сколько болезненным. Ее губная помада, по причинам, известным лишь Аллаху и ей самой, была пурпурного цвета; губы выглядели так, словно она приобрела их в первую очередь и забыла положить в холодильник, отправляясь за остальными покупками.

Ее фигура намекала на то, что ее обладательница давно уже не молода, чтобы носить какие-либо иные наряды, кроме длинного белого алжирского хайка с традиционно наброшенным покрывалом. Проблема заключалась в том, что ее тело никогда не знало хайка. Сейчас она была одета в узкие шорты, сквозь пояс которых свешивался кругленький животик. Полупрозрачная блузка не скрывала отвисшей груди. Если бы ей пришлось сесть, в углублении ее пупка можно было надежно спрятать самую большую жемчужину в мире. Ее ноги были посечены разбухшими венами, отчего походили на высохшие долины Мзаба. Широкие плоские ступни были прикрыты рваными шлепанцами с выщипанными помпонами.

По правде говоря, я испытал некоторое отвращение.

— Эйнджел Монро? — спросил я. Конечно, это было не настоящее ее имя. Она, как и я, была как минимум наполовину берберка. Ее кожа была темнее моей, а глаза черны, как горячий асфальт.

— Угу, — сказала она. — Не рановато ли? — Голос был резок и пронзителен. Она уже была очень пьяна. — Ты от кого? Тебя послал Халид? Я сказала этому ублюдку, что больна. Я сегодня не работаю, я еще вчера вечером предупреждала. Он был не против. И вот вы — да еще вдвоем. Черт возьми, за кого он меня принимает? У него же полно других девчонок. Он мог послать вас к Эфре, у нее врожденный талант проститутки. Я не против, если она меня заменит на время болезни. Между прочим, сколько вы ему заплатили?

Я стоял, безмолвно глядя на нее. Саид толкнул меня в бок.

— Мисс Монро, — начал я, но она продолжила свою болтовню:

— Ну и черт с ним. Заходите. Мне нужны деньги. Но скажите этому сукиному сыну Халиду, что… — Она глотнула виски из бутылки, которую держала в руке. — Скажите ему, что если ему

наплевать на мое здоровье, если он станет заставлять меня работать больной, то у меня найдется на кого работать и тогда, когда мне заблагорассудится, уж вы поверьте.

Дважды я пытался вставить слово, но безуспешно. Я подождал, пока она не замолчала сама. И в тот момент, когда глоток дешевого пойла приостановил этот поток словоизвержения, я сказал:

— Мама…

Она с минуту остолбенело смотрела на меня, широко раскрыв затуманенные глаза.

— Нет, — наконец тихо проговорила она. Потом вгляделась пристальнее и уронила стакан на пол.

Глава 2

Позднее, после возвращения из Алжира и Мавритании в места знакомые и родные, я сразу направился в Будайен. Когда-то я проживал в центре этого обнесенного стеной квартала, и течение событий, рок и Фридлендер Бей сделали мое пребывание там невозможным. У меня в Будайене было множество друзей, мне были рады всюду. Но теперь оставались только два человека, привечавшие меня: Саид Халф-Хадж и Чирига, владелица открытого клуба на улице между большой каменной аркой и кладбищем. Дом Чири всегда был моим вторым домом; там я мог спокойно посидеть и выпить, выслушать последние сплетни и не подвергаться нападкам девушек-работниц.

Однажды мне пришлось убить несколько человек, в основном в целях самозащиты. Некоторые владельцы клубов запретили мне появляться в их заведениях: многие из прежних друзей решили, что могут обойтись без моей компании, но Чири оказалась умнее их.

Она настоящая труженица, высокая черная негритянка, с ритуальными шрамами на лице и остро заточенными каннибальскими зубками. Если честно, я не знаю, являются ли ее юшки простым украшением, таким же, как узоры на лбу и на щеках, или же ненавязчиво намекают на то, что обед в ее доме был приготовлен из деликатесов, явно и неявно запрещенных Священным Кораном. Чири — личность с модди, но она считает себя умницей. На работе она всегда бывает самой собой. Свои фантазии она включает дома, где они никому не помешают. Я уважаю ее и за это.

Когда я вошел в дверь клуба, меня приветственно обдала волна прохладного воздуха. Видимо, ее кондиционер для разнообразия решил поработать, несмотря на свой независимый нрав, какой только может и быть у старой, произведенной в России электроники. Мне сразу же стало лучше. Чири была увлечена разговором с посетителем — лысым парнем, голым до пояса. На нем были черные виниловые брюки, искусная имитация настоящей кожи, а левая рука была прикована к поясу наручником. На макушке у него находился имплантат, похожий на цветок щитовидника, и бледно-зеленый пластиковый модуль делал его какой-то другой личностью. Если Чири посвящала ему свое дневное время, то он, возможно, не был таким опасным и противным типом, каким казался с виду.

Чири редко проявляет терпение при обслуживании посетителей. По ее мнению, если кто-то и должен продавать и

отпускать клиентам выпивку и наркотики, то это вовсе не обязывает его общаться с ними.

Я был ее старым другом и знал многих девочек, работавших на нее. Конечно, часто встречались и новые лица (я имею в виду действительно новые, изваянные из обычных некрасивых лиц умелой рукой хирурга, превращающего простую внешность в полную очарования искусственную красоту). Прежних служанок уволили или они уволились сами, рассерженные; однако, проработав некоторое время на Френчи Бенуа или Ио-Мама, они вернулись на прежнее место работы. Меня они оставили в покое, потому что я редко угощал их коктейлями и устойчиво сопротивлялся их профессиональным чарам. Новые девочки поначалу цеплялись ко мне, но Чири их быстро отваживала.

В их непрощающих глазах я стал Бездушной Тварью. Такие, как Бланка, Фаня и Ясмин, отводили взгляд, если я смотрел в их сторону. Другие девочки не знали, в чем я провинился, или же их это не отпугивало, и они спасали меня от ощущения полной изоляции. Однако в Будайене мне было гораздо спокойнее, чем прежде. Я старался не обращать на это внимания.

— Иамбо, бвана Марид! — крикнула Чирига, когда заметила меня поблизости. Она оставила парня с модди и наручником и медленно проплыла к своей стойке, брякнув передо мной спасительный поднос. — Ты пришел поделиться богатством с бедной дикаркой. На моей родине люди голодают и бредут много миль в поисках воды. Здесь я обрела мир и изобилие. Я узнала, что такое дружба. Я познала ужасных мужчин, которые трогали мое тело, скрытое под одеждой. Ты покупал мне выпивку и оставлял огромные чаевые. Ты рассказывал своим новым друзьям о моем заведении, и они приходили, чтобы потрогать мое тело. У меня есть много разных дешевых блестящих штучек. Все это угодно Богу.

Я смотрел на нее пару минут. Иногда бывает сложно понять, в каком настроении находится Чири.

— Большая черная девочка говорит глупости, — произнес я наконец.

Она усмехнулась и прекратила паясничать.

— Да, ты прав, — сказала она. — Что будешь пить?

— Джин, — ответил я. Я всегда наливаю сначала немного джина, затем — чуть бингары со льдом и лимонным соком. Этот напиток мое собственное изобретение, но я так и не удосужился дать ему название. Иногда я пропускаю стаканчик водки, потому что это налиток Филиппа Марлоу в «Долгих проводах». Когда же я хочу быстро окосеть, я пью из тайных запасов Чири, называемых «тенде», чудовищно отвратительный африканский ликер из

Судана или Конго или еще откуда-нибудь, где его делают, по-моему, из забродившего ямса или жаб. Если вам когда-нибудь предложат попробовать тенде, ни за что не соглашайтесь. Вы пожалеете об этом. Аллах свидетель — я говорю правду.

Египетская танцовщица по имени Индихар заканчивала свой последний номер. Я знал ее уже много лет, раньше она работала на Френчи Бенуа, а сейчас вертела задницей в клубе Чири. Спустившись со сцены, она подошла ко мне, завёрнутая в шаль бледно-персикового цвета, которая с трудом скрывала ее пышные формы.

— Не хочешь ли подкинуть мне на булавки? — спросила она.

— С огромным удовольствием, — ответил я. Вынув из сдачи бумажку достоинством в один киам, я сунул ее в вырез блузки. Если она обращается со мной как с фраером, мне придется его изображать. — Теперь, — сказал я, — мне не совестно будет пойти домой и всю ночь представлять в мыслях тебя.

— За это — дополнительная плата, — бросила она, направляясь от стойки к полуголому парню в пластиковых мотоциклетных штанах.

Я смотрел ей вслед.

— Мне нравится эта девочка, — сказал я Чириге,

— Это Индихар, наша смуглая радость, — отозвалась Чири.

Индихар была настоящим человеком с настоящей личностью, что было редкостью в клубе. Чири, казалось, предпочитала в своих служащих броскую привлекательность транссексуалов. Однажды Чири сказала мне, что транссексуалы лучше следят за своей внешностью. Искусственная красота — самое дорогое в их жизни. Аллах не потерпит, чтобы хотя бы один волосок из их бровей оказался не на месте.

По стандартам Чири, Индихар была к тому же примерной мусульманкой. В ее голове не было проводов, как у большинства танцовщиц. Наиболее консервативные имамы считали, что имплантаты подпадали под тот же запрет, что и наркотики, потому что некоторые люди подключали электроды к центрам удовольствия и проводили остаток своей короткой жизни в состоянии наркотического транса. Даже в моем случае, когда центр удовольствия не был затронут, использование модуля расценивалось как одурманенность. Надо ли говорить о том, что, испытывая в целом горячую любовь к Аллаху и Его Посланнику, в данном вопросе я крайний либерал. Тут я на стороне короля Сауда из XX столетия, который потребовал от исламских лидеров своей страны поспешить вслед за технологическим прогрессом. Я не вижу никаких существенных противоречий между современной наукой и разумным подходом к религии.

Чири бросила взгляд через стойку.

— Ну, — громко сказала она, — чья очередь сейчас? Жанель? Мадам, у меня нет никакого желания напоминать вам, что вы должны танцевать. А если мне придется напоминать еще раз, я оштрафую вас на пятьдесят киамов. Поднимите-ка вашу толстую задницу.

Она поглядела на меня и вздохнула.

— Такова жизнь, — сказал я.

Индихар подошла к бару после того, как собрала все, что смогла выцыганить у нескольких угрюмых посетителей, и села рядом со мной. Ей, как и Чири, после разговоров со мной по ночам кошмары не снились.

— Ну и как, — спросила она, — работа у Фридлендер Бея?

— Ничего, жить можно.

Все в Будайене так или иначе работают на Папочку.

Она пожала плечами:

— Я бы не взяла у него деньги, даже если бы умирала с голоду, сидела в тюрьме или была больна раком.

Здесь, кажется, таился намек, не слишком завуалированный, на то, что я совершил предательство, чтобы купить имплантаты. Я отхлебнул еще джина и бингары.

Может быть, одной из причин того, что я шел к Чири искать утешения, являлось то, что я сам вырос в подобном заведении. Когда я был совсем младенцем, моя мать вот так же танцевала на сцене. Потом мой отец сбежал от нее. Когда дела пошли хуже, матери пришлось подрабатывать. Одни девочки из ночных клубов поступают таким же образом, другие воздерживаются. Моя мать не воздержалась. В общем, когда дела пошли совсем из рук вон, она продала моего маленького брата. О чем она вспоминать не любит. Я об этом тоже не вспоминаю.

Сейчас дела у моей матери шли наилучшим образом. Арабский мир никогда не придавал значения женскому образованию. Все знают, как преданные традициям, то есть наиболее отсталые и непросвещенные, арабы обращаются со своими женами и дочерьми. Даже своих верблюдов они уважают больше. Впрочем, в больших городах, таких, как Дамаск и Каир, можно увидеть современных женщин в западной одежде, работающих вне дома, и даже тех, которые курят на улице.

В Мавритании я наблюдал примеры еще более консервативного отношения к женщинам. Там женщины носят длинные белые платья и накидки, а их волосы скрыты под капюшоном или платками. Двадцать пять лет назад у моей матери не было ни малейшего шанса на официальной бирже труда. Но рядом всегда есть заблудшие души — я имею в виду

людей, смеющихся над Священным Кораном, мужчин и женщин, которые поют, играют в азартные игры и предаются чувственным удовольствиям. Там всегда найдется место для молодой женщины, чьи моральные устои подточены голодом и отчаянием.

Когда я снова увидел ее в Алжире, внешность моей матери неприятно поразила меня. В своем воображении я рисовал ее респектабельной матроной, живущей в уютном окружении поклонников; Я не видел ее и не разговаривал с ней много лет, но предполагал, что ей удалось выбраться из бедности и унижений. Теперь же мне казалось, что она счастлива в своем нынешнем образе изможденной, крикливой старой шлюхи. Я провел битый час, пытаясь узнать от нее то, ради чего приехал, решая, как вести себя по отношению к ней, и стесняясь перед Халф-Хаджем. Она не желала, чтобы дети беспокоили ее. Мне казалось, она жалела, что не продала меня вместе с моим братом, Хусейном Абдул-Кахаром, так как не хотела, чтобы я после стольких лет еще раз возник на ее пути.

— Поверь мне, я не хотел тебя выслеживать. Я поступил так, потому что мне это было необходимо.

— Почему необходимо? — спросила она, откинувшись на спинку старого рваного дивана, в складках которого осела плесень и кошачья шерсть. Она налила себе еще стакан, забыв предложить вылить мне и Саиду.

— Для меня чрезвычайно важно, — сказал я и стал рассказывать ей о своей жизни в далеком городе, где я жил в бестолковой суете, пока Фридлендер Бей не избрал меня орудием своей воли.

— Ты сейчас живешь в городе? — спросила мать, и в голосе ее послышалась ностальгическая грусть, удивившая меня.

— Я снимал угол в Будайене, — ответил я, — но Фридлендер Бей поселил меня в своем дворце.

— Ты работаешь на него?

— У меня не было выбора. — Я пожал плечами. Мать понимающе кивнула. Меня удивило, что она знала Папочку.

— Для чего же ты приехал?

Объяснить это было непросто.

— Я хотел бы выяснить все об отце.

Она бросила угрюмый взгляд поверх стакана с виски.

— Ты же все знаешь о нем, — сказала она.

— Сомневаюсь, что все. Ты уверена, что этот французский матрос был моим отцом? Она тяжело вздохнула:

— Его звали Бернар Одран. Мы встретились в кофейне. Тогда я жила в Сиди-бель-Аббис. Он пригласил меня пообедать, и мы сразу понравились друг другу. Я переехала к нему. Потом мы

полтора года жили вместе в Алжире. Но однажды, вскоре после твоего рождения, он исчез. С тех пор я никогда больше не слышала о нем и понятия не имею, куда он смылся.

— Я навел о нем справки. Он умер. Мне потребовалась масса времени, чтобы проверить память алжирских компьютеров. В военно-морских силах Прованса числился некий Бернар Одран, появлялся он и в Мавритании, в те дни, когда Французский конфедеративный союз пытался возобновить над нами контроль. Проблема в том, что за год с лишним до того, как я родился, ему вышибли мозги каким-то неопознанным предметом. Может быть, ты вспомнишь и расскажешь мне подробнее о том времени?

Это разозлило ее не на шутку. Мать вскочила, швырнув в меня стаканом с остатками виски. Я услышал, как Саид рядом что-то бормочет себе под нос, вероятно молитву. Мать угрожающе надвинулась на меня. Ее лицо было искажено гневом.

— Ты назвал меня лгуньей? — возопила она. Правду сказать, у меня были для этого основания.

— Я только сказал, что архивные документы говорят другое.

— К черту документы!

— Они также говорят, что ты выходила замуж семь раз за два года, не говоря уже о разводах.

Гнев моей матери несколько поостыл.

— Как это попало в компьютеры? Я никогда не выходила замуж — официально. С регистрацией и прочей волокитой.

— Думаю, ты недооцениваешь способности государственной слежки. Все это там, в компьютерах, выставлено на всеобщее обозрение.

Сейчас стало видно, что она испугалась.

— А что еще ты выяснил?

Я отпустил ее с крючка, на который она попалась сама.

— Больше ничего там не было. Если ты что-то скрываешь, то можешь не беспокоиться. Это была ложь. Я узнал еще много интересного про. свою мамочку.

— Хорошо, — вздохнула она с облегчением. — Мне не нравится, что ты суешь нос в мои дела. Сын, уважающий своих родителей, так не поступает.

У меня было что ответить ей, но я решил пока об этом не говорить.

— Что легло в основу этого ностальгического расследования, — тихо сказал я, — одно дело, которым я занимаюсь для Папочки. Население Будайена с благоговейным страхом называет Фридлендер Бея Папочкой. Лейтенант полиции, управляющий Будайеном, умер, и Папочка решил, что нам нужен своего рода специалист по общественным связям, чтобы

обеспечивать контакт между ним и полицией. Он попросил меня заняться этой работой.

Ее рот скривился.

— Вот как? Значит, ты носишь оружие? И у тебя есть значок?

Отвращение и брезгливость к полицейским, видимо, была у меня наследственной.

— Да, — как можно небрежнее бросил я, — у меня есть оружие и значок.

— Твой значок недействителен в Алжире, свинья.

— Здесь мне всюду оказывают должное почтение. — Я не был уверен в том, что сказал. — Кстати, работая с полицейским компьютером, я не упустил случая ознакомиться со своим досье, так же как и с досье некоторых моих коллег. Занятно, мое имя и имя Фридлендер Бея появились вместе. И не только в записях последних лет. Я насчитал по крайней мере восемь записей — конечно, это лишь догадка, ничего определенного, но это предполагало некоторую степень кровного родства между нами.

Мое сообщение вызвало бурную реакцию Халф-Хаджа; мне бы следовало рассказать ему об этом раньше.

— Ну и что? — спросила мать.

— Как это «ну и что»? Что все это значит? Ты можешь сказать по-человечески: обнималась ты с Фридлендер Беем в дни твоей золотой юности или не обнималась?

Она взбесилась снова:

— Черт побери, я обнималась со многими парнями. Думаешь, я каждого запоминала? Я забывала, как они выглядят, еще не покинув их объятий.

— Ах, значит, ты не хотела влюбляться? «Останемся друзьями», не так ли? Друзьями, доверенными настолько, что им всегда можно открыть кредит. Или ты всегда просила плату вперед?

— Магреби! — закричал Саид. — Это же твоя мать!

Вот уж не думал, что Халф-Хаджа можно хоть чем-нибудь шокировать.

— Да, это моя мать. Посмотри на нее.

Она в три шага пересекла комнату и наотмашь влепила мне пощечину. Я чуть не упал.

— Убирайся к чертовой матери! — завопила она. Я приложил руку к щеке, не сводя с нее глаз.

— Сперва ответь мне: мог Фридлендер Бей стать моим отцом?

Она с трудом сдержалась, чтобы не влепить мне вторую пощечину.

— Да, мог, как и любой другой мужчина. Вернись в город и

вскарабкайся на папочкины колени, сыночек. Глаза б мои тебя не видели.

Я как раз собирался осуществить мамочкино желание. Тем более что можно было считать игру оконченной.

Повернувшись к ней спиной, я немедленно покинул эту отвратительную дыру, даже не побеспокоившись захлопнуть дверь. Это сделал Халф-Хадж, в то время как я что было духу мчался вниз по лестнице.

— Слушай, Марид, — закричал он мне вслед. Подобная реакция Саида на происшедшее удивила меня. — Кажется, случившееся сегодня большой сюрприз для тебя…

— Ты так считаешь? Поразительная догадливость, Саид, ты сегодня просто в ударе.

— Но ты не можешь так обращаться со своей матерью. Вспомни, что сказано…

— В Коране? Знаю. А что в Пути Истины сказано о проституции? Что там сказано об опустившейся женщине, в которую превратилась моя мать?

— Ты можешь говорить что угодно. Я никогда еще не встречал в Будайене карманника, который бы оказался такой дешевкой.

Я холодно улыбнулся:

— Большое спасибо, Саид, но я больше не живу в Будайене. Ты забыл? И с кражами я завязал. У меня постоянная работа.

Он плюнул мне под ноги.

— А еще недавно ты был готов на все ради заработка в несколько киамов.

— Во всяком случае, если я побывал на дне общества, то это не значит, что и моя мать должна быть там же.

— Прекрати осуждать свою мать.

— Почему ты не можешь помолчать о ней? Слышать об этом больше не хочу. Твоя жалость растет прямо на глазах, Саид, — сказал я. — Но ты всего еще не знаешь. Моя мать-кормилица пошла по рукам задолго до того, как стала в одиночку растить нас с братом. Она вовсе не была такой гордой матерью-одиночкой, какой себя выставляет. Слишком много в ее истории белил и румян.

Халф-Хадж пару секунд не сводил с меня безмолвного взора.

— Ну и что? — сказал он наконец. — Половина женщин, опытных и дилетанток, занимаются тем же, однако ты обращаешься с ними по-человечески.

У меня было что ответить ему: «Ты прав, Саид, но ни одна из них не была моей матерью», — однако я промолчал.

Он мог бы возразить на это, да и вообще наша перепалка мне

стала казаться глупой и бессмысленной. Злость моя уже порядком повыветрилась, несмотря на то что после стольких лет разлуки эти семейные новости меня здорово расстроили. Трудно было принять их спокойно. Я понимал, что теперь должен забыть свое фальшивое прошлое, а ведь я всегда гордился своим наполовину берберским — наполовину французским происхождением. Одевался я, как правило, в европейском стиле: ботинки, джинсы, клетчатые рубашки. Вероятно, я всегда чувствовал свое превосходство над арабами, среди которых мне выпало жить. Теперь мне предстояло свыкнуться с мыслью, что я всего лишь мог оказаться сосудом, в котором слилась кровь берберов и арабов.

В мои мысли ворвалась хриплая ритмичная музыка в стиле «рок» середины двадцать первого века. Какая-то забытая группа с жуткими подвываниями исполняла отвратную песню непонятно о чем. Я никогда не изучал испанских диалектов и не запасся испаноязычным дадди. Если же мне придется когда-нибудь общаться с колумбийскими промышленниками, то они вполне могут поговорить со мной и по-арабски. Я питаю к ним особо нежные чувства по той простой причине, что на сегодняшний день они являются самыми бойкими производителями наркотиков. А для чего еще нужна Южная Америка? Эта перенаселенная, голодающая, испаноязычная Индия в Западном полушарии. С тех пор как Испания, их страна-прародительница, примерила на себя ислам и вежливо отказалась от него, их национальный характер измельчал. Так их наказал Аллах.

— Терпеть не могу этой песни, — сказала Индихар.

Чири поставила перед ней стакан шараба, легкого напитка; его пьют девушки вроде Индихар, которые алкоголя не употребляют. По цвету он напоминает шампанское. Чири кладет в стакан лед и несколько унций соды, после чего стакан наполняется до краев, хотя — кто кладет лед в шампанское… Зато при этом экономится дорогостоящий напиток. Лед обходится в восемь киамов, идущих на чаевые для Чири. Клуб возвращает три киама девушке, заказавшей налиток. Поэтому они выпивают свои коктейли с космической скоростью. Причиной такой быстроты является работа, вызывающая жажду: попробуй-ка покрутись на эстраде, точно дервиш, забавляя публику.

Чири повернулась бросить взгляд на Жанель, исполняющую последнюю песню. Жанель по-настоящему не танцует, она только дергается, пройдя пять-шесть шагов в один конец сцены, она ждет, когда загрохочет большой барабан. Услышав его бас, Жанель встряхивает грудью, что, вероятно, считает очень эротичным. Насчет этого она, конечно, заблуждается. Затем

Жанель бросается в другой конец сцены и проделывает тот же номер еще раз. Все это время она шевелит губами, без слов подпевая мелодии. Жанель — человек-синтезатор. Жанель — синтезированный человек, что ближе к истине. Модди она носит ежедневно, но только поговорив с ней несколько минут, узнаешь, какой именно. Сегодня она может быть ласковой и сексуальной (Хани Пилар), завтра — холодной и вульгарной (Брижитт Сталхелм). Но какую бы личность она ни включила, она пребывает всегда в том же теле нигерийской беженки, считая его чрезвычайно сексуальным. И тут она также горько заблуждается. С ней почти не общаются другие девочки. Они уверены, что, когда они танцуют, она в раздевалке вытаскивает деньги из их сумочек. Когда-нибудь полицейские найдут Жанель в темном коридоре с кровавым пятном вместо лица и разрубленными костями. Тем временем она продолжает дергаться в такт нервным ритмам пианолы и электрогитары.

Я устал как черт. Я отодвинул недопитый стакан. Чири посмотрела на меня удивленно.

— Спасибо, Чири, но мне пора.

Индихар нагнулась и поцеловала меня в щеку.

— Не забывай, что мы остались твоими друзьями, хотя ты и стал грязным копом.

— Хорошо, — сказал я и встал.

— Передай привет Папочке, — попросила Чири.

— С чего это ты решила, что я иду к нему? Она улыбнулась, показав свои отточенные зубки:

— Ну как же — примерным мальчикам и девочкам давно пора по домам.

Утвердительно хмыкнув, я вышел через черный ход, оставив ей сдачу.

Я пошел по улице к восточной арке. За пределами Будайена на широком бульваре Иль-Жамель поджидали пассажиров несколько такси. Я увидел своего старого друга Билла и сел на заднее сиденье его машины.

— Отвези меня к Папочке, Билли.

— Что? Ты знаешь меня? Где же мы с тобой познакомились?

Билл не узнавал меня, потому что уже несколько лет не слезал с иглы. Вместо проводов внутри черепа и всяких косметических штучек одно легкое у него заменял большой мешок, постоянно выпускавший в кровь равномерные дозы быстродействующего галлюциногена. Иногда у Билла случались просветы, но он умело их игнорировал и продолжал работать до тех пор, пока не начинал видеть каких-нибудь красных ящериц или другую дрянь. Я попробовал препарат, что струился по его

сосудам день и ночь. Эта штука называется РПМ; больше в рот не возьму этого РПМ, хотя сам я в жизни перепробовал немало. Билл же, напротив, клялся, что именно эта дрянь открыла ему глаза на скрытую сущность реального мира. Билл прав: он видел огненных демонов, а я нет. У РПМ был лишь один недостаток (и Билл это признавал): он начисто отшибал память.

Поэтому неудивительно, что он не узнал меня. У меня с ним подобный разговор происходил, наверно, сотню раз.

— Это я, Билл, Марид. Я хочу, чтобы ты отвез меня к Фридлендер Бею.

Билл покосился на меня:

Странно, парень, не помню, встречались ли мы раньше.

— Встречались. Сто раз.

— Ишь ты — сто раз, — пробормотал он. Включив зажигание, он отъехал от обочины. Мы двинулись не в том направлении.

— Куда, ты сказал, тебе надо? — переспросил он.

— К Папочке!

— Да, верно. Этот африт достал меня: сидит весь день рядом и кидает мне на колени каленые угли. Ничего не могу с ним поделать. Африта невозможно выгнать. Они вечно крутятся в твоей голове. Я уже думаю добыть немного святой воды из Лурда. Может, он ее испугается. А где, кстати, находится этот чертов Лурд?

— В Гасконском халифате, — ответил я.

— Чертовски долго туда добираться! Интересно, высылают ли они заказы почтой?

Я сказал, что не имею ни малейшего представления об этом, и развалился на сиденье. Наблюдая проносящийся мимо ландшафт — езда Билла также безумна, как и он сам, — я обдумывал, что скажу Фридлендер Бею. Я размышлял, как приступить к разговору о своем открытии, о том, что мне рассказала мать, и о своих подозрениях. И все-таки я решил подождать. Вполне вероятно, что информация была внедрена самим Папочкой, дабы заинтересовать меня в сотрудничестве. В прошлом я старательно избегал всяких контактов с Папочкой, ведь принять от него помощь значило навсегда стать его слугой. Но заплатив за мои внутричерепные имплантаты, Папочка сделал взнос, который мне предстоит выплачивать всю оставшуюся жизнь.

Я не хотел на него работать, но выхода у меня не было. По крайней мере, пока. Я надеялся найти способ откупиться или вынудить его дать мне свободу. Между тем ему явно было по душе взваливать ответственность на мои слабые плечи, осыпая меня при этом щедрыми наградами.

Билл проехал через ворота в высокой белой стене, окружающей поместье Фридлендер Бея, и по длинной изогнутой дорожке подкатил к подножию широкой мраморной лестницы. Дворецкий Папочки открыл полированную входную дверь и замер на пороге, ожидая меня. Заплатив за проезд, я оставил Биллу десять киамов на чай. Его лунатические глаза сузились, и он перевел взгляд с денег на меня.

— Что это? — подозрительно спросил он.

— Чаевые. Держи, ты их заработал. — За что?

— За твою отличную езду.

— Это не взятка? Я вздохнул:

— Нет. Я восхищен, как ты ведешь машину с раскаленными углями в кальсонах. Думаю, я бы так не мог.

Он поерзал.

— Значит, это подарок, — озадаченно произнес Билл.

— Вот десять киамов.

Его глаза опять расширились.

— Ох, — сказал он, улыбаясь, — опять они!

— Ну конечно, куда же они денутся. До скорого, Билл!

— Пока, дружище! — Он рванул автомобиль с места так, что из-под колес выстрелил гравий. Я отвернулся и стал подниматься по лестнице.

— Добрый день, яа Сиди, — сказал дворецкий.

— Привет, Юсеф. Я хотел бы видеть Фридлендер Бея.

— Да, конечно. Хорошо, что вы дома, сэр.

— Да, спасибо.

К Папочкиным офисам мы пошли по коридору с тонким ковровым покрытием. Воздух был прохладен и сух, и я почувствовал нежное дуновение многочисленных вентиляторов. Вокруг тонко и маняще благоухало ладаном. Свет струился через жалюзи, сложенные из тонких деревянных реек. Мелодично звенели струйки воды; в одном из двориков бил фонтан. У самого входа в зал ожидания я увидел высокую, хорошо одетую женщину: она пересекла холл и поднялась на несколько ступенек. Женщина скромно улыбнулась мне И тут же отвернулась. Ее черные и блестящие, как обсидиан, волосы туго стянуты в узел. Руки были бледными, а пальцы длинными, тонкими, необычайно изящными. С первого взгляда было видно, что у этой женщины есть стиль и манеры. Но вместе с тем чувствовалось, что при необходимости она может стать коварной й жестокой.

— Кто это был, Юсеф? — спросил я. Он обернулся ко мне, нахмурившись:

— Это Умм Саад.

Я понял, что он ее недолюбливает, а мнению Юсефа я

доверял, мое первое впечатление от нее, по всей видимости, было верным.

Рассевшись в комнате секретаря, я стал убивать время, выискивая среди трещинок на потолке очертания лиц. Спустя некоторое время один из громадных телохранителей Папочки открыл дверь к нему. Всех огромных мужчин я называю Говорящими Камнями. Поверьте, я знаю, о чем говорю.

Заходи, — сказал один Камень. Эти парни не тратят лишних слов.

Я вошел в кабинет Фридлендер Бея. Ему уже было около двухсот лет, он перенес бессчетное множество модификаций тела, имел трансплантаты. Откинувшись на подушку, Бей пил черный кофе из золоченой чашки. Он улыбнулся мне.

— Мои глаза снова оживают — так рад я тебе, о мой племянник, — сказал Папочка. Я знал, что он не кривит душой.

— Мои дни в разлуке с тобой были полны печали, о шейх, — произнес я.

Он подвинулся, и я сел рядом. Он наклонился, наливая в мою чашку кофе из золоченого кофейника. Отпив глоток, я сказал:

— Да будет твой стол всегда полон яств.

— Пусть Аллах дарует тебе здоровье, — ответил он.

— Молюсь о твоем здоровье, о шейх. Он сжал мою руку.

— Я здоров и силен, как шестидесятилетний, но меня гнетет какая-то непонятная неодолимая усталость, о мой племянник…

— А твой врач…

— Это усталость души, — сказал он. Мой аппетит и мои желания умирают. Я живу только потому, что мысль о самоубийстве ужасает меня.

— Может быть, в будущем наука поможет тебе.

— Как, сынок? Вдохнет новый жар в мою утомленную душу?

— Технология разработана уже сейчас, сказал я. — Можно использовать модди и дэдди — имплантат, как у меня.

Он печально понурился:

— Аллах отправит меня в ад, если я сделаю это. — Интересно: значит, Папочка не возражал, если в ад отправлюсь я. — Расскажи мне о своем путешествии, — сменил он тему разговора.

Он был рядом, но я никак не решался задать ему главный вопрос: о нашем родстве.

— Вначале я должен услышать обо всем, что произошло за время моего отсутствия, о шейх. Я видел в коридоре женщину. Женщин никогда прежде не было в твоем доме. Можно узнать, кто она?

Лицо Папочки омрачилось. Он минуту помедлил с ответом:

— Самозванка и обманщица.

— Так прогони ее, — сказал я.

— Да, конечно, — согласился он.

Лицо его окаменело. Сейчас передо мной был не правитель огромной империи нелегального бизнеса, прибравший к рукам всю преступную деятельность в городе, а нечто похуже. Фридлендер бей вполне мог оказаться потомком королевской династии. Нечто властное и величественное было в его взгляде, в чертах лица.

— Я должен задать тебе вопрос, о мой племянник: чтишь ли ты меня настолько, чтобы вновь наполнить свои легкие огнем?

Я моргнул. Я понял, о чем говорит Фридлендер Бей.

— Разве я не доказал тебе свою преданность несколько месяцев назад, о шейх?

Он махнул рукой, видимо, начисто стерев из памяти ту боль, угрозу и тот ужас, которые мне довелось пережить. — Тогда ты защищал себя от опасности, — сказал он. Бей повернулся ко мне и положил высохшую от старости, похожую на птичью лапку руку мне на колено. — Сейчас ты должен защитить меня. Я хочу, чтобы ты узнал об этой женщине все, что сможешь, а потом уничтожил ее. И ее ребенка. Я должен быть уверен в твоей преданности.

Глаза Фридлендер Бея горели. Я и раньше видел его в таком состоянии. Я сидел рядом с человеком, который медленно, но верно терял рассудок. Дрожащей рукой я взял свою чашечку кофе и сделал большой глоток. Пока не допит кофе, можно не отвечать.

Глава 3

Перед имплантацией у меня был будильник. По утрам он звонил, но я вставал не сразу, я любил полежать в постели, позевывая и посматривая на мир туманными глазами — то ли подниматься, то ли еще чуть-чуть полежать. Впрочем, сейчас у меня выбора не было. Вчера вечером я включил в имплантат приставку. Теперь мои глаза открываются сами — и я просыпаюсь по решению дэдди. Этот быстрый переход из одного состояния в другое, нечто вроде холодного душа, заставляет меня невольно вздрагивать. Треклятая приставка разбудит и мертвого и ни за что не даст заснуть снова. Я ненавижу ее.

В воскресенье я проснулся в восемь утра. У моей постели стоял чернокожий человек, которого я прежде никогда не видел. Минуту я раздумывал над возможной причиной его появления. Он был высок, гораздо выше меня, и прекрасно сложен. Большинство чернокожих в городе похожи на Жанель — это беженцы из голодающих засушливых областей африканской пустыни. А этот парень выглядел так, словно ни разу в жизни не пропустил плотного и хорошо сбалансированного обеда. Его лицо было вытянутым и серьезным и как будто светилось изнутри. Суровые глаза и бритый череп дополняли мрачный облик.

— Кто ты? — спросил я, еще не выбравшись из-под одеяла.

— Доброе утро, яа Сиди, — сказал он. Голос у него был низкий и слегка хрипловатый. — Меня зовут Кмузу.

— Неплохое начало, — откликнулся я. — Скажи мне, во имя Аллаха, что ты тут делаешь?

— Я ваш раб. — Вот так дела…

Я всегда считал себя защитником униженных и порабощенных, так что отношение к рабству у меня резко отрицательное. Такую позицию не разделял весьма широкий крут моих друзей и знакомых.

— Хозяин дома приказал мне заботиться о вас. Он решил, что я смогу стать для вас лучшим слугой, яа Сиди, потому что на языке нгони мое имя означает «лекарство».

Мое собственное имя по-арабски означало «болезнь». Конечно, Фридлендер Бей знал, что мать назвала меня Маридом в суеверной надежде на крепкое здоровье ребенка в будущем.

— Я ничего не имею против камердинера, — сказал я, — но раб мне ни к чему.

Кмузу пожал плечами. Хотел я его называть рабом или нет, он все равно останется рабом: моим или Папочки.

— Хозяин дома подробно рассказал мне о ваших нуждах, —

сказал негр. Его глаза сузились. — Он обещал освободить меня, если я приму ислам, но я не могу предать веру своих отцов.

Должен сообщить вам, что я правоверный христианин.

Это означало, что мой новый слуга всей душой не был согласен с тем, что я буду говорить и делать.

— Все же надеюсь, что мы станем друзьями, — сказал я. И спустил ноги с кровати. Затем вынул контроллер сна и положил на тумбочку в коробку с дэдди. В былые времена по утрам я мог лежать долго, зевая и почесываясь, сейчас же, просыпаясь, я не мог позволить себе даже такое невинное удовольствие.

— Вам действительно нужно это устройство? — спросил Кмузу.

— Мой организм разучился засыпать и просыпаться сам по себе.

Он покачал головой:

— Эту проблему можно решить, яа Сиди. Если достаточно долго воздерживаться от сна, то со временем непременно заснешь.

Я понял, что если я хочу хоть немного покоя, то лучше избавиться как можно скорее от этого человека.

— Ты не понимаешь. Дело в том, что после трех бессонных ночей я наконец заснул и вместо отдыха просмотрел несколько серий отвратительных кошмаров. Зачем же мне мучиться, если достаточно протянуть руку к аптечке или несессеру с программным обеспечением?

— Хозяин велел мне ограничить вас в потреблении наркотических препаратов.

Я начинал выходить из себя,

— Прекрасно, — сказал я. — Попробуй, сукин сын, постарайся.

Вероятно, Фридлендер Бей подарил мне этого раба в надежде избавить своего слугу от наркотиков. В первое утро у Палочки я совершил непростительную ошибку: вышел к завтраку с тяжелой годовой после приема бутакалида, и к тому же опоздал. На два часа я был совершенно выбит из колеи, заслужив Папочки но неодобрение. Поэтому, как только я оказался рядом с магазином модификаторов, принадлежащим Лайле, на Четвертой улице Будайена, то немедленно приобрел контроллер сна.

Хотя вместо него я предпочел бы полдюжины таблеток, но в эти дни я все время поглядывал через плечо, опасаясь Папочкиных осведомителей. У него их тысячи. Скажу вам честно, я не хочу вызвать недовольство Папочки. Он никогда не забывал промахов. Если понадобится, он наймет людей, чтобы отомстить за них.

Правда, в моем нынешнем положении была масса преимуществ. Например, кровать. Раньше у меня никогда не было кровати, только матрас, брошенный на пол в углу комнаты. Теперь я могу запихнуть куда-нибудь грязное белье и носки, и если что-то упадет на пол и потеряется, я знаю, где его искать, хоть и не могу дотянуться.

Пару раз в неделю я продолжал падать с этой проклятой постели, но, благодаря контроллеру сна, не просыпался. До самого утра лежал на поду, свернувшись калачиком.

Как-то воскресным утром я выбрался из постели, принял горячий душ, помыл голову, подстриг бороду и почистил зубы. В девять утра мне надлежало быть на своем рабочем месте в полицейском участке, но, чтобы показать свою независимость, я всегда опаздывал. Оделся я не спеша; выбрал брюки цвета хаки, бледно-голубую рубашку, темно-синий галстук и белый льняной пиджак. Все штатские, служащие в полиции, так одеваются, и меня это радует. Арабская национальная одежда слишком напоминает о жизни, которую я вел до приезда в город.

— Значит, тебя приставили шпионить за мной? — спросил я Кмузу, пытаясь завязать галстук так, чтобы концы его были ровнее.

— Я здесь, чтобы стать вашим другом, яа Сиди, — ответил Кмузу.

Я улыбнулся. Перед переездом во дворец Фридлендер Бея я был очень одинок. Я жил в однокомнатной квартире с голыми стенами, и все мое имущество ограничивалось одной наволочкой. Конечно, оставались несколько товарищей, но они редко скучали по моему обществу. Была Ясмин, в которую я был немного влюблен. Иногда она проводила со мной ночь, но сейчас, когда мы так неожиданно встретились у Чири, она повела себя по-другому. Думаю, ей пришлось не по душе, что я убил несколько человек.

— А если я стану тебя бить, — спросил я Кмузу, — ты и тогда останешься моим другом?

Я хотел, чтобы мои слова прозвучали саркастически, но тут же понял, насколько неуместен подобный тон.

— Я отучу вас от такой привычки, — ответил Кмузу, и голос его прозвучал неожиданно сухо.

У меня отвисла челюсть.

— Это шутка, — поспешил я загладить сказанное. Кмузу ответил едва заметным кивком, и замешательство рассеялось, — Помоги мне, пожалуйста: кажется, сегодня этот галстук меня победил.

Выражение лица Кмузу смягчилось. Казалось, он был рад

оказать мне эту маленькую услугу.

Вот так лучше, — сказал он, закончив работу. — Я принесу ваш завтрак.

— Я не хочу завтракать.

— Яа Сиди, хозяин дома поручил мне с сегодняшнего дня прислуживать вам за завтраком. Завтрак — первое дело, так считает Фридлендер Бей.

Да хранит меня Аллах от таких сатрапов! — После плотного завтрака я весь день буду чувствовать себя мешком со свинцовой дробью. На Кмузу мои слова не подействовали.

— Сейчас принесу ваш завтрак, — сказал он.

— А ты не хочешь сходить в церковь или куда-нибудь еще?

Он спокойно посмотрел на меня.

— Я уже отстоял службу, — ответил Кмузу. — А сейчас завтрак.

Ну вот, теперь этот негр будет подсчитывать каждую съеденную мною калорию и составлять отчет для Фридлендер Бея. Очередной пример гибельного влияния Папочки на людей.

Отчасти я ощущал себя пленником, но в моем положении были несомненные преимущества. Мне принадлежала большая квартира на втором этаже в левом крыле огромного дома Фридлендер Бея, рядом с личными апартаментами Папочки. Мой шкаф был забит одеждой различного покроя и стиля — западного, арабского, одежды для дома и на выход. Папочка надарил мне сложнейшей электроники: от чиндварского информационного компьютера — AI до голографической системы с экраном фирмы «Либертал» и аргоновыми солипсайзерами Рея Челленджера. С деньгами у меня тоже не было проблем. Раз в неделю один из Говорящих Камней оставлял на моем столе толстый конверт с банкнотами.

Моя жизнь изменилась настолько, что дни бедности и неустроенности стали казаться ночным кошмаром тридцатилетнего, человека. Сейчас я полноценно питался, красиво одевался и был уважаем нужными людьми, но все это стоило мне потери самоуважения и большинства дружеских связей.

Кмузу оповестил меня, что завтрак готов.

— Бисмиллах («Во имя Аллаха»), — пробормотал я и сел. Я съел несколько яиц, жареные тосты и выпил чашку крепкого кофе.

— Чего-нибудь еще, яа Сиди? — спросил Кмузу.

— Нет, благодарю.

Я уставился взглядом в стену напротив, размышляя о свободе. Интересно, как отвертеться от этой службы в полиции? Деньги, конечно, здесь не помогут, уж в этом-то я уверен. Не

думаю, что у меня наберется денег на подкуп Папочки. Надо будет еще поразмыслить над этим на досуге. Иншаллах.

— Пойду вниз подгоню машину? — спросил Кмузу.

Я поежился, поняв, что пора идти. Ждал меня не черный лимузин Фридлендер Бея, а комфортабельный электромобиль последней модели, предоставленный Беем в мое распоряжение. В конце концов, я был его официальным представителем среди стражей порядка.

Кмузу, конечно, теперь будет моим шофером. Придется проявить чрезвычайную изобретательность, если понадобится отлучиться куда-нибудь без него.

— Да, сейчас спущусь, — сказал я.

Я провел рукой по голове: волосы уже отросли. Перед тем как выйти из дому, я сунул коробку с модди и дэдди в дипломат. Невозможно сказать заранее, какой личностью предстоит стать сегодня на службе, какие таланты и способности понадобятся. Проще было взять все модди, чтобы чувствовать себя во всеоружии.

На мраморных ступенях я ждал Кмузу. Стоял месяц раби-аль-Авваль, и серое небо сеяло теплый дождик. Хотя поместье Папочки находилось в самом центре города в районе густонаселенных кварталов, у меня было такое впечатление, будто я очутился в тихом цветущем оазисе, вдали от городской копоти и шума. Меня окружала буйная растительность, вся роскошь которой предназначалась исключительно для умиротворения одно-го-единственного дряхлого старика. Я слышал тихое ровное журчание прохладных фонтанов, оживленно чирикали птицы в листве ухоженных фруктовых деревьев. Тяжелый сладкий аромат экзотических цветов плыл в неподвижном воздухе. Однако притворившись равнодушным ко всей этой красоте, я забрался в кремовый вестфальский седан и выехал через ворота с охранниками. За стеной я сразу окунулся в городской шум, сутолоку, внезапно с досадой осознал, как мне не хотелось покидать Папочкин дом. Мне пришло в голову, что со временем я мог бы занять там его место.

Кмузу высадил меня на улице Валид-аль-Акбар у здания полицейского участка, курирующего Будайен. Он сказал, что вернется в половине пятого, чтобы отвезти меня домой. У меня появилось предчувствие, что Кмузу из породы людей, которые никогда не опаздывают. Я стоял на тротуаре и смотрел, как он разворачивается и уезжает.

У порога полицейского участка постоянно толпились люди. Они то ли надеялись увидеть, как ведут в наручниках какого-нибудь преступника, то ли ждали своих близких, освобождаемых

из-под ареста, то ли просто слонялись в надежде выпросить мелкую монетку. Не так давно в Алжире я сам был одним из них, и теперь без всякого стеснения подбросил в воздух несколько киамов и посмотрел, как ребятишки дерутся из-за них. Я полез в карман и вытащил пригоршню монет. Старшие рассовывали по лохмотьям дармовые деньги, а младшие прилипли к моим ногам с воплем:

— Бакшиш!

Каждый день я стряхивал с себя этих юных наездников и входил через вертушку в здание участка.

У меня был столик на третьем этаже, в небольшой кабинке, отделенной от соседей бледно-зелеными пластиковыми стенами чуть выше моего роста. Воздух здесь, видимо, насквозь пропах ароматом пота, сигарет и дезинфицирующих средств. Над моим столом висела полка с пластиковыми коробками, в которых содержалась информация на кобальтовых дискетах. На полу стояла большая картонная коробка, набитая свернутыми в рулоны распечатками. На столе пылился аннамезский компьютер, позволявший одновременно просматривать два-три текущих дела. Конечно, моя работа была не столь важной, как считал лейтенант Хайяр. Он знал, что я личный уполномоченный Фридлендер Бея. Только Папочка мог позволить себе собственный полицейский участок, защищавший его интересы в Будайене.

Хайяр влетел в мой бокс и грохнул на стол еще одну тяжелую коробку. Он был иорданцем и в прошлом имел достаточно длинный список арестов, которые случились еще до приезда в наш город. Десять лет назад он был спортсменом-профессионалом, но сейчас явно потерял форму. У Хайяра были редеющие темные волосы и недельная щетина, походившая на кожуру киви. Этот человек был подобен кошмарному сну своей мамочки, где он фигурировал как продавец наркотиков (кем, собственно, и был до того, как стал полицейским в соседнем квартале).

— Как дела, Одран? — спросил он.

— О'кей, — ответил я. — Что там?

— Нашел для тебя кое-что интересное.

Хайяр был года на два моложе, отчего ему нравилось понукать меня. Я заглянул в коробку, там было сотни две синих дискет из кобальтово-

го сплава. Кажется, предстояла утомительная и нудная работа.

— Ты хочешь, чтобы я их рассортировал?

— Я хочу, чтобы ты занес их в вахтенный журнал.

Я выругался про себя. Каждый полицейский носит с собой

вахтенный журнал для ежедневных записей: где он был, что видел, что сказал, что сделал. В конце дня он предъявляет дискету с этими записями своему сержанту. Сейчас Хайяр хотел, чтобы я сверил все дискеты по списку.

— Папочка назначал меня сюда не для такой работы, — сказал я.

— Еще чего! Если ты чем-то недоволен, все вопросы к Фридлендер Бею. А сейчас делай, что сказано.

— Хорошо, — сказал я, поглядев в спину уходящего Хайяра.

— Между прочим, — он снова обернулся ко мне, — у меня для тебя приятный сюрприз, но это потом. Кое-кто не прочь с тобой встретиться!

— Хм… — недоверчиво отреагировал я.

— Ну ладно, разбирайся скорее с дискетами. Они нужны мне к полудню.

Кивнув, я снова повернулся к столу. Поведение Хайяра выводило меня, и хуже всего, что он знал об этом. Однако я не хотел, чтобы он видел мое раздражение.

Забавно, ведь Хайяр работал на того же хозяина, что и я, но притворялся, что существует сам по себе. С тех пор как он получил повышение и стал начальником, с ним произошли разительные перемены. Он начал относиться к своей работе серьезно и прекратил интриги и незаконные поборы. Не надо думать, что в нем неожиданно проснулось чувство собственного достоинства; просто Хайяр решил подальше держаться от грязи, чтобы не вылететь с такого ответственного поста за обман и невежество.

Я выбрал в коробке модификатор продуктивности и вставил его в гнездо на затылке. Этот функционирующий имплантат позволял мне подключать один модди и шесть дэдди. Но переднее гнездо было предметом моей гордости. Оно соединялось с гипоталамусом и позволяло подключать к нему свои специальные дэдди. Насколько мне известно, никогда никому еще не вживлялся второй имплантат. Хорошо, что я ничего не знал о распоряжении Фридлендер Бея насчет этого рискованного эксперимента. Думаю, Папочка не хотел меня нервировать. Сейчас же, когда опасность миновала, я ощутил пользу от такого эксперимента. Он сделал меня более активным членом общества.

Вынужденно занимаясь утомительной ежедневной работой в участке, я подключал оранжевый модди, который дал мне Хайяр. На нем был ярлык с указанием страны-экспортера — Швейцария. Швейцарцы, вероятно, большие поборники эффективности. Их модификатором может воспользоваться самый энергичный и

одаренный человек в мире. В мгновение ока модификатор сделает его занудой. Не глупым занудой, в какого превратила меня оглупляющая программа Халф-Хаджа, но в упрямого работника, который не будет отвлекаться ничем посторонним, кроме того, что находится перед его глазами. Это один из самых бесценных подарков, о которых можно только мечтать, находясь на службе в полицейском участке. Я со вздохом достал модди и подключил его.

И в тот же миг возникло чувство, что весь мир накренился и тут же встал на место. Во рту Одрана появился странный металлический привкус и в ушах пронзительно зазвенело. Он почувствовал тошноту, но постарался не обращать на нее внимания — она не исчезнет до отключения модификатора. Модди моментально изменял его личность, причем настолько, что от его истинного «я» оставалась лишь слабая тень.

Сознание Одрана не прояснилось еще настолько, чтобы испытывать негодование. Он помнил лишь о работе, которую надо было выполнить, и поэтому извлек из коробки полные пригоршни кобальтовых дискет. Шесть штук он сунул в обойму дисковода под экран старенького компьютера. Нажав клавишу ввода, Одран произнес:

— Скопировать номера один, два, три, четыре, пять, шесть.

Затем ждал, пока машина переписывала содержание дискет, уставившись на экран пустыми глазами. Когда компьютер закончил работу, он вытащил дискеты, положил их на край стола, взял еще шесть штук и снова зарядил дисковод. За этим занятием он и не заметил, как пролетело утро.

— Одран, — позвал кто-то.

Он приостановил работу и бросил взгляд через плечо. У входа в его кабинку стояли лейтенант Хайяр и патрульный в униформе. Одран вновь медленно обернулся к экрану, шаря рукой в коробке, но она была пуста.

— Выдерни эту проклятую штуку.

Одран опять обернулся к Хайяру и кивнул. Пора было отключать модификатор.

Чувство дезориентации появилось вновь, и вот я снова сидел за своим столом, тупо уставясь на зажатый в руке швейцарский модди.

— Уф, — пробормотал я, испытывая несказанное облегчение.

— Сказать тебе, в чем секрет Одрана? — обратился Хайяр к полицейскому. — Не в его способностях, у него их на самом деле нет. Мы взяли его на работу, потому что он здорово шарит в компьютерной технике. К тому же у него есть модди.

Коп улыбнулся.

— Эй, это же ты всучил мне этот чертов модди, как я только пришел сюда, — подал я голос.

Хайяр пожал плечами.

— Одран, перед тобой офицер Шакнахай.

— Как поживаете? — спросил я. — О'кей, — ответил коп.

— Остерегайтесь Одрана, — предупредил копа Хайяр, — он увлекающаяся натура. Раньше он устраивал скандалы из-за того, что у него в мозгах не хватало проводов. А теперь его не увидишь без какого-нибудь модди, торчащего из башки.

Такая характеристика сразила меня просто наповал. Я и не думал, что использую модди так часто, и удивился, узнав, что это настолько заметно.

— Постарайся отнестись с пониманием к его слабостям, Иржи, вам предстоит работать вместе.

Шакнахай пристально посмотрел на него. Я тоже.

— Как это понимать — работать вместе? — спросил коп.

— Понимай, как сказано. У меня есть одно небольшое дельце для вас двоих. Некоторое время вам предстоит очень тесно сотрудничать.

— Ты снимаешь меня с работы на улице? — спросил Шакнахай.

Хайяр покачал головой:

— Я не это имел в виду. Вы вдвоем с Одран ом будете патрулировать улицы.

Шакнахай был взбешен. Казалось, он готов был разнести все вокруг.

— Пусть шайтан заберет моих детей, если я соглашусь на это! — закричал он. — Видно, ты рехнулся, что ставишь меня в пару с новичком.

Мне была не по душе идея работы на улице. Не хотелось становиться мишенью для каждого будайенского психа с дешевым иглометом.

— Я останусь здесь, в здании, — сказал я. — Фридлендер Бей никогда не говорил, что мне придется выполнять работу настоящего полицейского.

— Это пойдет тебе на пользу, Одран, — заговорил Хайяр. — Ты снова сможешь разъезжать и встречаться со старыми друзьями. На них твой значок произведет потрясающее впечатление.

— Они возненавидят меня всей душой, — возразил я.

— Вы оба упустили одну небольшую деталь, — встрял Шакнахай. — В качестве моего напарника он должен прикрывать меня в любой опасной ситуации. Честно говоря, я ему не доверяю. Нельзя работать с человеком, на которого трудно положиться.

— Ты тут ни при чем, — успокоил меня Хайяр.

Такое мнение слегка позабавило его. Мое первое впечатление от Шакнахая тоже было не ахти каким. В его мозгу отсутствовали провода, и это означало, что он либо из правоверных мусульман, либо один из парней, считающих, что их неприспособленный мозг в состоянии сам сладить со злоумышленником. Когда-то и я был таким, но со временем поумнел. В любом случае нам с ним не сработаться.

— А мне не улыбается отвечать за спину этого парня, — заметил я. — Зачем мне такая нервотрепка?

Хайяр сделал примиряющий жест:

— Забудьте о несогласии. Вам не придется ловить уличных правонарушителей. Вы будете вести частное расследование.

— Какое еще частное расследование? — спросил Шакнахай подозрительно.

Хайяр помахал темно-зеленой кобальтовой дискетой:

— У меня здесь большое дело на Реда Абу Адиля. Я хочу, чтобы вы вдвоем изучили его вдоль и поперек. Потом вы найдете этого человека и будете следовать за ним по пятам как тени.

— Его имя пару раз прозвучало в доме Папочки, — заметил я. — Кто он?

— Давнишний конкурент Фридлендер Бея. — Хайяр прислонился к бледно-зеленой стене. — Их соперничество длится сотню лет.

— Я знаю о нем, — хрипло выдавил коп.

— Одрану известны лишь молодые головорезы Будайена. Абу Адиль на пушечный выстрел не подходит к Будайену, и сфера его деятельности не касается Папочки. Его маленькое королевство врезается в северные и западные кварталы города. Но, несмотря на это, Фридлендер Бей попросил взять Абу Адиля под наблюдение.

— И ты сделаешь это только потому, что тебя попросил Фридлендер Бей? — спросил Шакнахай.

— Держу пари со своим ослом. Он подозревает, что Абу Адиль замышляет нарушить перемирие. Папочка хочет быть во всеоружии.

До тех пор, пока я не нашел средство давления на Фридлендер Бея, я оставался марионеткой в его руках. Приходилось делать то, что прикажут мне он и Хайяр.

Шакнахай, однако, не хотел принимать участия в этом деле.

— Я стал полицейским, чтобы помогать людям, — заявил он. — Зарабатываю гроши, недосыпаю и каждый день вмешиваюсь в какую-нибудь заваруху. Никогда не знаю, с какой стороны ждать выстрела. Но служу я для того, чтобы всем стало лучше. И не

собираюсь наниматься личным шпионом к какому-нибудь богатому ублюдку. Долго вы искали кандидата на эту должность? — Он остановил взгляд на Хайяре, и лейтенант был вынужден отвернуться.

— Послушай, — спросил я Шакнахая, — чем я тебя не устраиваю?

— Во-первых, ты не полицейский, — сказал? он. — Ты хуже новичка. Ты струсишь, а какой-нибудь негодяй пришьет меня, или же сорвешься с гаек и пристрелишь безобидную старушенцию. Я не хочу быть в команде с человеком, которому не доверяю. Я кивнул:

— Тут ты прав, но ведь у меня модди. Многие новички в полиции носят служебные модди, помогающие им в работе.

Шакнахай замахал руками:

— Чушь!

— Не стоит так волноваться, опасных поручений для вас не предвидится, — вступил в разговор Хайяр. — Обычное расследование. Работа в основном сидячая. Не понимаю, с чего ты так сдрейфил, Иржи?

Шакнахай потер лоб и вздохнул: — Ладно, ладно! Только пусть мои возражения внесут в протокол.

— О'кей, — кивнул Хайяр, — они учтены. Мне потребуются регулярные рапорта от вас, Фридлендер Бей должен быть в курсе. Хочу порадовать старика. А это не так просто, как кажется. — Он подвинул ко мне дискету с записью.

— Нам приступать к делу сейчас же? — спросил я. Хайяр искоса взглянул на меня:

— Если останется время от напряженной общественной деятельности.

— Сделай для меня копию, — попросил Шакнахай, — я сегодня изучу, а завтра съездим к Абу Адилю.

— Договорились. — Я вставил «дело» в дисковод и сделал распечатку.

— Чудесно, — сказал Шакнахай и вышел с распечаткой за дверь.

— Не очень-то вы поладили, — заметил Хайяр.

— Первый день совместной работы, — ответил я. — Не танцевать же мне с ним?

— Пожалуй, ты прав. Почему бы тебе не отправиться домой сейчас, чтобы заняться просмотром материалов? Если появятся вопросы, я уверен, Папочка даст на них ответ.

Он тоже ушел. Я связался с домом Фридлендер Бея по компьютеру. И услышал голос одного из Говорящих Камней.

— Да, — произнес он тупо и невыразительно.

— Говорит Одран. Передай Кмузу, чтобы в ближайшие двадцать минут заехал за мной в участок.

— Да, — откликнулся Камень. Затем послышались гудки. Отсутствие красноречия эти Камни восполняют лаконичностью.

Спустя двадцать минут Кмузу притормозил электрический седан на обочине. Я забрался на заднее сиденье, и мы поехали домой.

— Кмузу, — спросил я, — знаешь ли ты что-нибудь о бизнесмене по имени Реда Абу Адиль?

— Немного, яа Сиди, — сказал он, не отрывая взгляда от дороги. — А что бы вы хотели узнать о нем?

— Все, но не сейчас. — Закрыв глаза, я откинул голову на спинку сиденья. Если бы Фридлендер Бей рассказал мне столько же, сколько он поведал Кмузу и лейтенанту Хайяру… Мне не хотелось думать, что Папочка все еще не вполне доверяет мне.

— Вы, верно, захотите поговорить с Фридлендер Беем, когда приедем домой? — спросил Кмузу.

— Конечно.

— Должен предупредить: эта женщина только что испортила ему настроение.

Невероятно, подумал я. Ведь я совершенно забыл о ней. Папочка скорее всего спросит, почему она еще не убита. Весь оставшийся путь я придумывал правдоподобный предлог, извиняющий мою непредусмотрительность.

Знай я, в какую переделку попаду, велел бы Кмузу отвезти меня подальше за город и оставить там в каком-нибудь тихом и отдаленном уголке. Домой я попал — а я уже считал дворец Фридлендер Бея своим домом — около четырех часов дня. Я решил, что неплохо бы вздремнуть. После чего я собирался встретиться с Папочкой, а затем отправиться на часок в клуб Чириги. Но, к сожалению, у Кмузу были совсем другие планы.

— Мне там будет удобно, в маленькой комнатке, — объявил он.

— Извини, не понял? — переспросил я.

— В маленькой комнатке, где кладовая. Мне вполне хватит места. Я принесу кровать.

Я с минуту глядел на него в полном недоумении:

— Я думал, ты будешь спать в том крыле, где все слуги.

— Да, у меня там тоже есть комната, яа Сиди, но здесь мне будет удобнее заботиться о вас.

— На мой взгляд, вовсе нет необходимости присматривать за мной каждую секунду дня, Кмузу. Я ценю свою независимость.

Кмузу кивнул:

— Понимаю, но хозяин дома велел мне… Я слышал об этом

достаточно.

— Меня не интересует, что велел тебе хозяин дома! — закричал я. — Чей ты раб: мой или его?

Кмузу не ответил. Он только посмотрел на меня большими серьезными глазами.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Иди и устраивайся в кладовой. Сложи мои вещи в угол и принеси матрас, если хочешь. — Я отвернулся, глубоко раздосадованный.

— Фридлендер Бей пригласил тебя пообедать с ним после беседы, — сказал Кмузу.

— Видимо, мои планы ничего не значат, — заметил я. В ответ я получил все тот же молчаливый взгляд. У Кмузу это получалось жутко убедительно.

Я пошел в спальню, разделся. Затем влез под душ и задумался над разговором с Фридлендер Беем. Во-первых, я собирался ему сказать, что затея со шпионом-рабом Кмузу нелепая и недостойная. Во-вторых, я дам ему понять, что мне не улыбается работать с офицером Шакнахаем. В-третьих, я понял, что у меня не хватит духа изложить два первых пункта.

Я выбрался из ванной и насухо вытерся. Теплая вода улучшила мое самочувствие, и я подумал, что спать мне ни к чему. Вместо этого я заглянул в платяной шкаф. Папочке нравилось, когда я носил арабскую одежду. Не долго думая, я выбрал простую галлебейю каштанового цвета. Решил, что вязаная шапочка, какую носят у меня на родине, в данном случае не подойдет, а тюрбан мне не к лицу. Я остановился на простой белой кеффии и обвязал ее обычной черной верёвкой — акалем. Вокруг пояса я завязал веревку, на которой расположил церемониальный кинжал, подаренный мне Палочкой. Кроме того, у меня на поясе, за спиной, висел в кобуре мой рабочий револьвер. Я укрыл его под дорогим, золотистого цвета плащом, наброшенным на галлебейю. Я был готов ко всему: к пиру, спору или к вооруженному нападению.

— Почему ты не останешься здесь и не займешься обустройством? — спросил я Кмузу, но он не послушался меня и следовал за мной вниз. Чего я и ожидал.

Кабинет Папочки был на первом этаже центральной части дома, соединяющей два крыла. Когда мы пришли туда, один из Говорящих Камней стоял в коридоре возле двери. Увидев меня, он кивнул, но при взгляде на Кмузу выражение лица его изменилось. Его губы слегка покривились. Это было самым сильным проявлением эмоций, какое я когда-либо встречал у Говорящих Камней.

— Подождешь здесь, — сказал он.

— Я пойду с моим хозяином, — возразил Кмузу. Камень ударил его в грудь, отбросив на шаг назад.

— Подождешь, — повторил он.

— Успокойся, Кмузу, — сказал я.

Не хотелось, чтобы они подрались здесь, около кабинета Фридлендер Бея. Пусть выясняют отношения в другое время и в другом месте!

Кмузу холодно посмотрел в мою сторону, но ничего не ответил. Камень слегка кивнул и, когда я прошел в кабинет Папочки, закрыл за мной дверь. Если они с Кмузу подерутся в коридоре, я попаду в неловкое положение. Что говорит этикет о поведении человека, раб которого избит рабом его босса? Хотя, возможно, я недооценивал способностей Кмузу. Вдруг у него была припасена пара приемчиков, которыми он смог бы одолеть Говорящих Камней?

Фридлендер Бей находился в своем кабинете. Он сидел за огромным столом, и вид у него был неважнецкий. Уперев локти в стол, он потирал лоб, но поднялся при моем появлении.

— Я рад, — сказал он. Голос его при этом радости не выражал и был предельно усталым.

— Добрый вечер, о шейх! — сказал я.

На нем были белая рубашка с расстегнутым воротом и закатанными рукавами и мешковатые серые брюки. Он, вероятно, даже не заметил моих усилий, потраченных на переодевание в традиционную одежду. Не знаешь, когда попадешь в цель, а когда нет.

— Сейчас мы пообедаем, сын мой, а пока посиди со мной. Мне нужно посоветоваться с тобой.

Я расположился в удобном кресле рядом. Папочка снова сел и, нахмурившись, стал рыться в бумагах. Собирался ли он спросить меня о той женщине или сказать на худой конец, почему приставил ко мне Кмузу? Но я понимал, что сейчас не время задавать вопросы. Придет время — и он сам ответит на них.

Бей закрыл глаза и тут же, вздрогнув, открыл их. Его редкие седые волосы оставались всклокоченными после сна, и бритва не касалась его лица сегодня утром. Наверное, он много передумал за это время. Я немного побаивался предстоящей беседы и возможных новых поручений.

— Нам надо поговорить, — заговорил он, — о раздаче милостыни.

Должен признаться, раздача милостыни стояла в самом конце моего воображаемого списка возможных пунктов нашей беседы.

Хотя с моей стороны было глупо ожидать, что Бей захочет решать со мной более значительные проблемы, вроде заказного

убийства, к примеру.

— Я думал о более важных делах, о шейх, — сказал я.

Фридлендер Бей устало кивнул:

— Без сомнения, сынок, ты искренне веришь, что существуют другие дела, более важные и более значительные, но ты ошибаешься. Ты и я живем в роскоши и комфорте, а это накладывает на нас обязательства по отношению к нашим братьям.

Жак, мой неверный друг, не смог бы понять такого беспокойства. Правда, другие религии тоже покровительствуют благотворительности. Только здравый смысл охраняет нас от бедных и нуждающихся, ведь мы не знаем, не предстоит ли самим стать подобными им. Однако отношение мусульман к беднякам много снисходительнее, чем в других религиях. Раздача милостыни — один из пяти столпов мусульманской религии, столь же важное обстоятельство, как исповедание веры, ежедневная молитва, пост Рамазан и паломничество в Мекку.

Раздаче милостыни я придавал такое же значение, как и всем остальным обязательствам, то есть глубоко уважал все это умозрительно, и постоянно напоминал себе, что давно пора приступать к практике.

— Ты, конечно, уже давно думаешь над этим? — спросил я.

— Мы пренебрегали нашим долгом по отношению к беднякам и путникам, а также к вдовам и сиротам из соседей.

Некоторые из моих друзей — из старых друзей — считали Палочку всего-навсего убийцей и чудовищем, но как они заблуждались! Он проницательный деловой человек, связанный крепкими узами с религией, породившей нашу культуру. Прошу прощения, если это звучит противоречиво. Временами он бывает человеком жестким, даже жестоким, но никто из нас не предан Аллаху так искренне и никто с такой радостью не принимает на себя Заветов Священного Корана.

— Что ты велишь мне делать, о дядя? Фридлендер Бей пожал плечами:

— Я вознаграждаю тебя щедро за услуга, не так ли?

— Ты щедр всегда, о шейх, — сказал я.

— Значит, для тебя не трудно будет расстаться с пятой частью своей сущности, как предполагает следование по Пути Истины. Я хочу сделать тебе подарок, который пойдет на пользу твоему кошельку и в то же время предоставит побочный источник доходов.

Мое внимание обострилось. Каждую ночь, засыпая, я мечтал о свободе. Также я думал о ней, просыпаясь по утрам. А первым шагом к ней была материальная независимость.

— Ты щедрый из щедрейших, о шейх, — сказал я. — Но я не достоин твоих милостей. — В этот момент слух мой ловил каждое слово, слетавшее с его языка. Но этикет требовал другого, и я делал вид, что никак не могу принять его дар. — Мудрая политика, — заметил я.

Зная многих «сторонников» Папочки и источники их доходов, я был уверен, что он хочет втравить меня в какое-то темное дело. Не то чтобы я был особо щепетилен, вовсе нет! По большому счету, я сторонник оптовой торговли наркотиками. Но у меня никогда не было способностей к сбыту в розницу.

— До недавнего времени Будайен был твоим миром. Ты знаешь его неплохо, сынок, и понимаешь его обитателей. У меня там есть авторитет, и я подумал, что неплохо бы тебе основать небольшое коммерческое дело в этом квартале. — Он протянул мне упакованный в пластик документ.

Я подался вперед, рассматривая.

— Что это, о шейх? — спросил я.

— Это документ на право собственности. Теперь ты хозяин заведения. С сегодняшнего дня приступаешь. Это доходное предприятие, племянник. Управляй им разумно, и оно вознаградит тебя. Иншаллах.

Я вцепился в документ.

— Ты… — И тут у меня перехватило дыхание. Папочка купил клуб Чириги и дарил его мне. Я поднял на него глаза. — Но…

Бей махнул рукой.

— Не надо благодарностей, — сказал он, — ты мой послушный сын!

— Но ведь клуб — собственность Чири. Я не могу вступить в право владения этим клубом. Что она будет делать без него?

Фридлендер Бей пожал плечами.

— Бизнес есть бизнес, — лаконично ответил он.

Я не сводил с Папочки глаз. У него была замечательная способность дарить мне вещи, без которых я был бы гораздо счастливее: такого раба, как Кмузу, например, или работу полицейского. Но отказываться было нельзя.

— Я не в состоянии выразить вам свою благодарность, — начал я скучным голосом.

У меня оставалось только двое верных друзей: Саид Халф-Хадж и Чири. Она справедливо возненавидит меня. Я заранее боялся ее реакции.

— Ну, — сказал Фридлендер Бей, — пойдем обедать. — Он встал из-за стола и протянул мне руку. Все еще ошеломленный, я последовал за ним. И только потом сообразил, что не поговорил с ним о работе с Хайяром и о своем новом занятии — слежке за

Реда Абу Адилем. Когда находишься в обществе Папочки, приходится идти туда, куда идет он, делать то, чего хочет он, и говорить о том, о чем он хочет разговаривать.

Мы пошли в меньшую из двух столовых, в конце левого крыла, на первом этаже. Там мы с Папочкой обычно вместе обедали. Кмузу последовал за мной по коридору, а за Папочкой пошел Говорящий Камень. В американской мыльной опере было бы так: Кмузу и Говорящий Камень, подравшись, в итоге стали бы лучшими друзьями. Хэппи-энд.

Я остановился на пороге столовой и не поверил своим глазам. Нас поджидали Умм Саад и ее сын. Она была первой женщиной, попавшейся мне во дворце Фридлендер Бея, но никогда еще женщине не разрешалось садиться с нами за стол. Мальчик выглядел лет на пятнадцать, по канонам веры он находился уже в зрелом возрасте, достаточном для молитв и поста. При других обстоятельствах мы пригласили бы его разделить нашу трапезу.

— Кмузу, — сказал я, проводи женщину в ее комнату.

Фридлендер Бей взял меня за руку.

— Благодарю, сынок, но я пригласил эту женщину побеседовать с нами.

Я глядел на него открыв рот, не находя вразумительного ответа. Впрочем, если Папочка в столь зрелом возрасте решил произвести революционный переворот в отношениях с женщинами, то это было его право. Я закрыл рот и кивнул.

— Умм Саад пообедает в своей комнате после беседы, — сказал Фридлендер Бей, окинув ее суровым взглядом. — А сын ее может уйти с ней или остаться с нами, как он пожелает.

Умм Саад проявляла нетерпение.

— Думаю, я должна быть благодарна за любую минуту, уделенную мне, — сказала она.

Папочка направился к своему креслу, поддерживаемый Камнем, который помог ему усесться. Кмузу провел меня к моему месту за столом, напротив Фридлендер Бея. Умм Саад села слева от него, а ее сын — справа.

— Марид, — сказал Папочка, — знаком ли ты с молодым человеком?

— Нет, — ответил я. Он ни разу не попадался мне на глаза. Они с матерью вели незаметную жизнь в этом доме. Мальчик был рослым для своих лет, но худощавым и грустным подростком с кожей странного желтоватого оттенка, как и белки глаз. Все признаки нездоровья налицо. На нем были темно-синяя галлебейя с геометрическим рисунком и тюрбан молодого шейха — не головной убор вождя племени, а почетный тюрбан юноши,

знающего Коран наизусть.

— Яа Сиди, — подала голос женщина, — могу ли я представить вам своего сына, прекрасного Саада бен Салаха?

— Да умножится ваша слава, сэр, — сказал мальчик.

У ребенка были на удивление неплохие манеры.

— Да будет Аллах милостив к тебе, — откликнулся я.

— Умм Саад, — резким тоном заговорил фридлендер Бей. — Вы вошли в мой дом, предъявив странные претензии. Мое терпение на пределе. Верный законам гостеприимства, я выносил ваше присутствие, но теперь моя совесть чиста. Я требую, чтобы вы оставили меня в покое. Вы должны покинуть мой дом завтра утром, когда прозвучит призыв к молитве. Я дам моим слугам распоряжение о всяческом содействии вам.

Умм Саад слегка улыбнулась, словно находила гнев Папочки забавным.

— Похоже, что вы не успели уделить достаточного внимания нашей проблеме. Видимо, вы ещё не позаботились о будущем своего внука. — Она накрыла руку Саада своей рукой.

Слова женщины прозвучали как пощечина. Неслыханно: она пыталась претендовать на право считаться либо дочерью Фридлендер Бея, либо его невесткой. Так вот почему он хотел, чтобы я освободил его от этой особы, не желая самостоятельно разобраться с ней.

Бей смотрел на меня.

— Мой племянник, — сказал он, — эта женщина не моя дочь, а мальчик мне не родственник. И вдруг они приходят в мой дом и заявляют о родстве, претендуя на часть моего заработанного тяжким трудом состояния.

Бог мой, мне следовало принять меры сразу, когда Бей впервые попросил меня об этом, тогда я еще не был втянут в эту интригу. Со временем я еще научусь исправлять положение дел прежде, чем они успеют зайти слишком далеко. Конечно, убивать я бы ее не стал, но сейчас уже поздно. Она не пойдет на компромисс; она хочет съесть пирог целиком, не уронив ни крошки.

— Ты уверен, о шейх? — спросил я. — Она действительно не твоя дочь?

Секунду я ожидал оплеухи. Но Бей нарочито спокойным голосом произнес:

— Клянусь тебе в том жизнью Посланника Аллаха, да пребудет с ним мир и покой.

Для меня этого было достаточно. Фридлендер Бей мог пойти на небольшую хитрость, если она приближала его к выбранной цели, но он не был способен на клятвопреступление. Мы и

сработались с ним отчасти потому, что оба не лжем. Я посмотрел на Умм Саад.

— Есть ли у вас доказательства вашей правоты? — спросил я.

Ее глаза стали круглыми.

— Доказательства? — воскликнула она. — Какие доказательства понадобятся вам для того, чтобы узнать своего отца?

Умм Саад даже не догадывалась, насколько щекотливый вопрос затронула. Я не обратил на ее слова особого внимания.

— Папочка… — Я осекся. — Хозяин дома проявил к вам доброту и уважение. Сейчас он просит вас завершить визит. Как он и обещал, при отъезде вы можете воспользоваться помощью всех наших слуг. — Я обернулся к Говорящему Камню, и тот подтвердил кивком. Он проследит, чтобы Умм Саад и ее сын оказались за дверями с последним слогом утренней молитвы муэдзина.

— Тогда мы должны собраться, — сказала она, вставая. — Пойдем, Саад.

И они вдвоем покинули маленькую столовую с таким достоинством, словно это был их дворец, а мы — их лакеи.

Руки Фридлендер Бея прижаты к столу так, что костяшки пальцев побелели. Он испустил несколько глубоких и продолжительных вздохов.

— Что вы намерены делать, чтобы положить конец этому безобразию? — спросил он.

Я перевел взгляд с Кмузу на Говорящего Камня. Никто из них не проявлял ни малейшего интереса к случившемуся.

— Хотелось бы для начала кое-что выяснить, о шейх! — сказал я. — Например, так ли необходима ее смерть? А что, если я выберу другой, менее кровопролитный способ утихомирить ее?

— Ты сам видел и слышал ее. Ничто другое не заставит эту женщину отказаться от своих планов. И, кроме того, ее смерть удержит других вымогателей от подобной стратегии. Почему ты колеблешься, сынок? Это так просто и эффективно. Ведь ты убивал прежде. Неужели трудно еще раз сделать доброе дело? Тебе даже не придется изображать несчастный случай. Сержант Хайяр и так все поймет. Он не станет возбуждать уголовное дело.

— Хайяр уже лейтенант, — напомнил я. Папочка нетерпеливо отмахнулся:

— Да, конечно…

— Ты думаешь, что Хайяр сквозь пальцы посмотрит на убийство?

Хайяр был подкуплен, но это не значило, что он будет спокойно смотреть, как я делаю из него посмешище. Сейчас мне

было позволено многое, но при этом следовало вести себя осторожно и не задевать самолюбие Хайяра. Старик сморщил лоб.

— Сынок, — медленно заговорил он, чтобы я уловил каждое слово, — если лейтенант Хайяр заупрямится, его можно сместить. Тогда, может быть, с его преемником тебе повезет больше. И так продолжать смену начальства до тех пор, пока в участке не появится умный полицейский с богатым воображением.

— Да укажет нам путь Аллах, — пробормотал я. Последнее время Фридлендер Бей с завидной легкостью отфутболивал к другим решение жизненных затруднений. Я еще раз поразился тому, что Папочка не спешил самостоятельно нажать на спусковой крючок. Еще в раннем возрасте он научился перелагать ответственность на чужие плечи. А я стал его самым счастливым избранником.

— Пообедаем? — спросил он. У меня пропал аппетит.

— Ради Бога, прости меня, — сказал я, — но у меня еще много дел. Может, после обеда ты ответишь мне на несколько вопросов. Я бы хотел узнать что-нибудь о Реда Абу Адиле.

Фридлендер Бей развел руками.

— Не думаю, что знаю о нем больше твоего, — сказал он.

Так почему же Папочка настаивал, чтобы Хайяр приступил к официальному расследованию? И почему он молчал теперь? Или это было моим испытанием? И сколько таких испытаний я должен пройти?

Или же — в таком случае дело становилось еще занятнее — заинтересованность Хайяра к Абу Адилю исходила не от Папочки. Может быть, Хайяр продавал себя несколько раз: Фридлендер Бею, затем второму по величине покупателю, третьему, четвертому…

Я вспомнил, что пылким пятнадцатилетним юнцом пообещал своей подружке Нафиссе никогда даже не глядеть на других девушек. Потом я дал такое же обещание Файзе, у которой груди были гораздо больше. Затем Хануне, чей отец работал в пивоварне. Все было прекрасно до тех пор, пока Нафисса не узнала о Хануне, а отец Файзы не узнал о них обеих. Девушки охотно лишили бы меня мужских достоинств и выцарапали бы мне глаза, не ускользни я из Алжира, пока враг дремал. Таким образом началась моя одиссея, которая и привела меня в этот город.

— Это старая забытая история, к тому же неуместная в данной ситуации. Я просто хотел показать, на какую беду нарвется Хайяр, если Фридлендер Бей и Реда Абу Адиль уличат его в двурушничестве.

— Разве Абу Адиль не является твоим главным

конкурентом? — спросил я.

— Этот джентльмен, пожалуй, может решить, что мы конкурируем. Но не думаю, что между нами могла пробежать черная кошка. Аллах дает Абу Адилю право продавать кованую бронзу там, где я продаю свою. Если кто-то купит товара у Абу Адиля больше, чем у меня, я благословлю и покупателя, и продавца. Я получаю средства к существованию от Аллаха, и Абу Адиль не может мне ни помочь, ни помешать.

Я подумал о крупных суммах денег, проходивших через руки Фридлендер Бея: часть из них в толстых конвертах оседала на моем столе. К кованой бронзе они наверняка не имели отношения. Бронза была весьма благовидным эвфемизмом; я решил, что так оно и сойдет.

— По словам лейтенанта Хайяра, — сказал я, — Абу Адиль замышляет вытеснить тебя из мира бизнеса. И ты так думаешь?

— Только Вседержитель Мира может это сделать, сынок. — Папочка поглядел на меня с любовью. — Но мне нравится твое внимание. Не беспокойся насчет Абу Адиля.

— Я мог бы использовать свою должность полицейского для выяснения его замыслов.

Он встал и провел рукой по седым волосам.

— Если хочешь, узнай. Может, это развеет твои сомнения.

Кмузу потянул за спинку мой стул, и я тоже встал.

— Дядя, — сказал я. — Прошу простить меня. Да будет еда тебе по вкусу! Желаю приятной трапезы.

Фридлендер Бей приблизился ко мне и поцеловал в обе щеки.

— Да хранит тебя Бог, дорогой мой, — сказал он. — Я доволен тобой.

Выходя из столовой, я обернулся и увидел, что Папочка снова занял свое место. Его лицо было мрачно, и Говорящий Камень наклонился над ним, выслушивая. Странно: чем может поделиться Папочка со своим рабом, а не со мной?

— Ты должен переселиться в свою новую комнату? — спросил я Кмузу по дороге к себе.

— Я принесу матрас, яа Сиди. На сегодня хватит.

— Хорошо. Мне придется еще немножко поработать на компьютере.

— Доклад о Реда Абу Адиле?

Я пристально посмотрел на него.

— Да, — сказал я, — ты угадал.

— Может, я помогу вам получить более ясное представление об этом человеке и его побуждениях?

— Откуда ты о нем так много знаешь, Кмузу? — спросил я.

— Когда: меня впервые привезли в этот город, я служил

телохранителем одной из жен Абу Адиля.

Воистину чудесная новость. Вообразите: я начинаю расследование по делу совершенно незнакомого человека, а мой раб, оказывается, был некогда слугой этого типа. Однако странное получалось совпадение. Оставалось верить в себя и надеяться, что в итоге я распутаю клубок, оставшись живым и невредимым.

Я помедлил у двери своей комнаты.

— Принеси свою кровать и вещи, — сказал я Кмузу. — А я тем временем просмотрю дело Абу Адиля. Не бойся, ты не помешаешь. Когда я работаю, нужна как минимум пушка, чтобы меня отвлечь.

— Спасибо, яа Сиди. Я постараюсь потише.

Я начал поворачивать цветовой замок на двери. Кмузу отвесил легкий поклон и направился к комнатам слуг. Когда он завернул за угол, я поспешил в противоположном направлении. В гараже я отыскал свой автомобиль. Было несколько странно и неловко убегать от собственного слуги, но мне совершенно не хотелось таскать его за собой весь сегодняшний вечер.

Проехав христианский квартал и район шикарных магазинов в западной части Будайена, я припарковал машину на бульваре Иль-Жамель, неподалеку от места, где обычно стояло такси Билла. Прихватив коробочку с таблетками, я вышел из машины. Казалось, прошла целая вечность с того времени, когда я в последний раз лакомился дурью. У меня были хорошие поставщики, благодаря деньгам и новым знакомым, которых я повстречал у Папочки. Я выбрал парочку голубых таблеток и так спешил, что проглотил их тут же, без воды. Через несколько минут во мне закипит энергия, и я почувствую борцовский настрой. Мне нужна была такая поддержка, предстояла тяжелая сцена, которую надо было еще пережить.

Сначала я решил включить модди, но в последний момент передумал. Я слишком уважал Чири, чтобы разговаривать с ней от имени своего собственного «я». После беседы с ней все может оказаться иначе и я отправлюсь домой совершенно иной личностью.

В тот вечер в клубе Чири толпилось множество народу. Было душно и жарко, в воздухе витал сладкий аромат духов, кислый запах пота и пролитого пива. Транссексуалы и дебютантки болтали с посетителями с наигранной веселостью. Их смех пробивался сквозь пронзительную музыку, когда они заказывали шампанское за счет клиентов. Ярко-красные и голубые неоновые молнии скользили за стойкой сверху вниз, и сверкающие вспышки света от вращающихся зеркальных шариков отражались

на стенах и потолке. В одном углу светилось голографическое изображение Хани Пилар, распластавшейся на манто из светло-бежевой норки на каком-то романтическом побережье. Это была реклама ее нового модди под названием «Жутко медленный ожог». С минуту я смотрел на нее точно загипнотизированный.

Одран, — прозвучал мелодичный, с хрипотцой голос Чириги. Похоже, она не была особенно обрадована моим визитом. — Мистер босс!

— Послушай, Чири, — сказал я, — дай-ка мне…

— Лили, — позвала она одну из девушек, новенькую, — обслужи хозяина. Джин и бингара и немного лимонного сока. — Она посмотрела на меня с ненавистью. — Тенде — для меня, Одран. Личный запас. Он не относится к клубу, и я заберу его с собой.

Чири обостряла ситуацию. Я мог лишь представить себе, что она чувствовала.

— Подожди, Чири. Я не имею никакого отношения к…

— Вот ключи. Этот — от кассы. Деньги в ней — все твои. Девочки с сегодняшнего дня твои, и все их склоки тоже твои. Со своими проблемами теперь обращайся к Папочке. — Она выхватила свою бутылку тенде из-под стойки. — *Ква хери,* сукин сын, — прорычала она мне и вихрем вылетела на улицу.

И тогда наступила мертвая тишина. Все песни закончились, и никто не поставил пластинку. Новенькая плясунья по имени Кэнди смотрела на меня со сцены круглыми глазами, словно ожидая криков и распоряжений. Люди рядом со мной снялись с мест и тихонько удалились. В их лицах я прочитал лишь враждебность и презрение.

Фридлендер Бей хотел поссорить меня со всеми знакомыми в Будайене. Для начала он сделал меня полицейским, но даже тогда у меня оставалось еще несколько верных друзей. Второй грандиозной идеей стала покупка клуба Чири. Скоро я стану таким же одиноким и всеми покинутым, как и сам Папочка, только у меня не будет таких утешений, как его богатство и власть.

— Погодите, — сказал я, — тут просто ошибка. Я улажу с Чири это дело. Индихар, проконтролируй ситуацию, ладно? Я сейчас вернусь.

Индихар удостоила меня презрительным взглядом, ничего не ответив. Я не мог оставаться в клубе ни минуты. Схватив ключи, которые Чири бросила на стойку, я вышел. На улице ее не было. Видимо, она отправилась домой или в другой клуб.

Я пошел в «Феи Бланш», кафе старика Гарготье на Девятой улице. Саид, Махмуд, Жак и я частенько туда захаживали. По

вечерам мы любили сидеть во внутреннем дворике и играть в карты. Это было хорошее место для отдыха.

Тут уже собралась вся компания. Жак выделялся среди нас — он был христианином. К тому же на три четверти европейцем, и ни перед кем не скрывал этого факта. Жак был строго гетеросексуален и гордился этим. Никто не испытывал к нему особой приязни. Махмуд — транссексуал, в недалеком прошлом его можно было отыскать в уличных клубах в образе узкобедрой танцовщицы с глазами газели. Теперь он стал приземистым, толстым и слабосильным, точно злой джинн, охраняющий заколдованную принцессу. Я слышал, что сейчас он работал на Папочку, занимаясь организованной проституцией в Будайене. Саид Халф-Хадж бросил на меня взгляд из-за стакана «Джонни Уокера», своего любимого напитка. У него был модди Крутого Парня, и Саид уставился на меня, подыскивая предлог переломать мне кости.

— Как жизнь? — спросил я.

— Ты подонок, Одран, — ласково сказал Жак. — Просто дерьмо.

— Спасибо. Я только на минутку, — ответил я и занял свободное место.

Мсье Гарготье подошел осведомиться, собираюсь ли я сегодня транжирить свои денежки. Выражение его лица было нарочито безучастным, но я знал, что теперь он тоже ненавидит меня всей душой.

— Здесь не пробегала Чири пару минут назад? — спросил я.

Мсье Гарготье откашлялся. Я так и не удостоил его взором, и он удалился.

— Хочешь встряхнуть ее напоследок? — спросил Махмуд. — Думаешь, Чири прихватила что-нибудь твое? Оставь ее в покое, Одран.

С меня было достаточно. Я встал, напротив из-за стола поднялся Саид. Он быстро шагнул ко мне, сгреб одной рукой за ворот и занес кулак. Я двинул прямой в переносицу, упредив удар. Показалась кровь. Саид удивился, но рот его тут же скривился от ярости. Я ухватился за краешек модификатора, торчавшего из имплантата Саида и вытащил его. Глаза Саида затуманились, и мгновение он был совершенно растерян.

— Оставь меня в покое, идиот, — сказал я и толкнул его обратно на место, — и вы все тоже. — Я кинул модди Халф-Хаджу.

На улицу я вышел, кипя от негодования. Я не знал, что мне делать. В клубе Чири — теперь моем клубе — было полным-полно народу, и я не мог рассчитывать, что Индихар вполне могла

навести порядок. Я решил вернуться туда, и спокойно все обдумать. Я еще не успел уйти далеко, когда Саид догнал меня и положил руку на плечо.

— Ты становишься все непопулярнее, Магриби, — сказал он.

— Не моя вина.

Он покачал головой:

— Ты не противишься этому. Значит, ответственность на тебе.

— Спасибо, — сказал я, не останавливаясь. Он взял меня за руку и вложил в ладонь свой чертов модди.

— Возьми, — сказал он. — Думаю, он тебе пригодится.

Я нахмурился:

— Мои проблемы требуют ясной головы, Саид. Вопросы морали. Здесь не только Чири с ее клубом, но и другие дела.

Халф-Хадж хмыкнул.

— Никогда не понимал тебя, Марид, — сказал он. — Говоришь точно старая развалина. Ты прямо как Жак. Если умеешь выбирать модификаторы, дгет смысла беспокоиться о морали. Видит Бог, я никогда не тревожусь.

Я рад был это услышать.

— Пока, Саид, — сказал я.

— До скорого. — Он повернулся и поспешил обратно в «Феи Бланш».

Я пошел в клуб Чири, выгнал всех и закрыл его. Затем поехал домой к Фридлендер Бею. Усталый, поднялся я по лестнице в свою комнату, радуясь, что длинный, полный неожиданностей день закончен. Когда я был готов нырнуть в постель, в дверях неожиданно появился Кмузу.

— Не стоит водить меня за нос, яа Сиди.

— Ты обиделся, Кмузу?

— Я здесь для вашей защиты, и мне жаль, что вы отказались от нее. Может наступить время, когда вы будете рады позвать меня на помощь.

— Вполне вероятно, — согласился я. — А сейчас как насчет того, чтобы оставить меня в покое?

Он пожал плечами:

— Кое-кто хочет вас видеть, яа Сиди. Я смотрел на него, недоуменно моргая: — Кто?

— Женщина.

У меня сейчас не было сил разбираться с Умм Саад. К тому же это могла быть и Чири.

— Можно мне пригласить ее? — спросил Кмузу.

— Конечно, черт возьми! — Я еще не успел раздеться, хотя очень устал. Я пообещал себе, что это будет очень краткий

разговор.

— Марид?

Я оглянулся. В дверях, одетая в рваный коричневый плащ, с помятой пластиковой сумочкой в руках, стояла Эйнджел Монро. Мамочка.

— Я подумала, что могу провести несколько дней с тобой в городе, — сказала она с пьяной ухмылкой. — Эй, ты что, не рад меня видеть?

Глава 4

Когда мой чудесный будильник разбудил меня в понедельник утром, я некоторое время лежал в постели, размышляя. Я упрекал себя за то, что вчера вечером совершил несколько ошибок сразу. Как можно исправить ситуацию с Чири, я не знал; но предстояло предпринять что-то в этом направлении. Я был в огромном долгу перед Чири. К тому же, увидев мать в дверях, я не обрадовался ей. Проблему с ней я решил за пятьдесят киамов, выставив ее в ночь. На поиски дешевого отеля. Для охраны и сопровождения я послал с ней Кмузу. За завтраком Фридлендер Бей высказал свои замечания по поводу моей деятельности.

Он был в ярости. Его голос звучал грубо и хрипло, и я знал, что он делает колоссальные усилия, чтобы не закричать на меня. Он положил руки мне на плечи, и я чувствовал, как он дрожит от волнения. Его дыхание отдавало мятой, когда он цитировал Священный Коран:

— «Если один из твоих родителей или оба достигнут престарелого возраста, не стыдись и не отталкивай их, но скажи им слова утешения. Протяни им руку уважения и жалости и скажи: «Господи! Смилуйся над ними так же, как они надо мной, когда я был ребенком».

Я был потрясен. Испытать гнев Фридлендер Бея равносильно репетиции Судного Дня. Сам бы он счел такое сравнение святотатством.

— Ты имеешь в виду Эйнджел Монро? — произнес я, заикаясь.

Зря я это сказал, но уж больно потрясла меня Папочкина тирада.

— Я говорю о твоей матери, — сказал он. — Она пришла к тебе в нужде, а ты закрыл перед ней дверь.

— Я позаботился о ней самым лучшим образом, каким только мог. — И подумал: в какой форме Папочка получил информацию об этом инциденте?

— Не изгоняй свою мать к чужим людям! Теперь ты должен просить прощения у Аллаха.

От его слов я почувствовал облегчение. Это был тот случай, когда он говорил «Аллах», подразумевая «Фридлендер Бей». Я согрешил против его личных моральных убеждений, но если найду нужные слова и буду правильно действовать, то исправлю ошибку.

— О шейх! — медленно, выбирая слова, проговорил я. — Зная, как ты относишься к пребыванию женщин в своем доме, я

не мог пригласить ее провести ночь под твоей крышей, однако было уже позднее время, чтобы испросить твоего разрешения. На одной чаше весов была моя мать, а на другой — обычай, заведенный в твоем доме. Я сделал свой выбор. — В общем, это почти соответствовало истине.

Он бросил на меня пристальный взгляд, и я увидел, что гнев его поутих.

— Твой поступок стал для меня худшей обидой, чем пребывание твоей матери у меня в доме, — сказал он.

— Я понимаю, о шейх, и прошу простить меня. Я не хотел оскорбить тебя или же пренебречь учением Пророка.

— Да будет с ним благословение Аллаха, — машинально пробормотал Папочка. Он скорбно склонил голову, но с каждой секундой его мрачное лицо прояснялось. — Ты еще очень молод, сынок. И это не последняя твоя ошибка. Если ты хочешь стать праведным человеком и милосердным вождем, то должен учиться на моем примере. Когда тебя посетит сомнение, не бойся спросить моего совета, когда бы и где бы то ни было.

— Слушаюсь, о шейх, — тихо ответил я. Буря прошла.

— Ты должен разыскать свою мать, вернуть ее и разместить в подходящих апартаментах. У нас много свободных комнат, а этот дом настолько же твой, как и мой.

По его тону я понял, что разговор окончен, и был чертовски рад этому.

Наша беседа чем-то напоминала хождение по канату, натянутому между минаретами мечети Шималь.

— Ты — сама доброта, о шейх, — сказал я.

— Ступай с миром, племянник.

И я отправился в свою квартиру, позабыв о завтраке. Кмузу, как обычно, последовал за мной.

— Кмузу, — спросил я таким тоном, словно эта мысль только сейчас пришла мне в голову, — ты случайно не говорил Фридлендер Бею о том, что произошло прошлым вечером?

— Яа Сиди, — сказал он, не изменившись в лице, — воля хозяина дома такова, что я должен рассказывать ему обо всех событиях.

Я задумчиво пожевал губу. Говорить с Кмузу все равно что говорить с мифическим оракулом: нужно формулировать вопросы с абсолютной точностью, иначе можешь получить в ответ полную несуразицу. Я начал просто:

— Кмузу, ты мой раб, не так ли?

— Да, — ответил он.

— Ты подчиняешься мне?

— Подчиняюсь вам и хозяину дома, яа Сиди.

— Но не всегда именно в этом порядке, правда?

— Не всегда, — согласился Кмузу.

— Ну вот, я хочу дать тебе простой и ясный приказ. Ты можешь не обсуждать его с Папочкой, потому что он сам предложил мне это. Я хочу, чтобы ты нашел в доме пустую квартиру, желательно подальше от моей, и уютно разместил в ней мою мать. Я хочу, чтобы ты помогал ей в течение всего дня. Когда я вернусь домой с работы, я буду говорить с ней о планах на будущее, поэтому она не должна быть пьяной или под наркотиками.

Кмузу кивнул.

— Она не сможет найти в доме ничего такого, яа Сиди.

Я без труда мог пронести контрабандой свои препараты и был уверен, что у Эйнджел Монро тоже имелись свои заначки.

— Помоги ей распаковать вещи, — сказал я, — и воспользуйся случаем удостовериться, что она оставила все свои дурманящие вещества за дверью.

Кмузу посмотрел на меня глубокомысленно.

— Вы заставляете ее придерживаться более строгих правил, чем установили для себя, — тихо сказал он.

— Да, наверно, — отвечал я несколько раздраженно. — Но это не твое дело.

— Простите меня, яа Сиди.

— Ладно. Сегодня я поеду на работу один. Кмузу и это не понравилось.

— Если вы возьмете автомобиль, — сказал он, — то как я смогу забрать вашу мать из отеля?

Я хитро улыбнулся:

— Портшез, повозка, запряженная быками, верблюжий караван — на твой выбор. Ты слуга, тебе и думать. До вечера!

На моем столе лежал еще один толстый конверт с купюрами. Видимо, кто-то из маленьких помощников Фридлендер Бея заходил ко мне в квартиру, пока я находился внизу. Я взял конверт, дипломат и вышел, пока Кмузу не пристал ко мне с новыми возражениями.

В моем дипломате по-прежнему лежала дискета с делом Абу Адиля. Я собирался почитать дело вчера вечером, но так и не выкроил времени. Хайяру и Шакнахаю, вероятно, дадут нагоняй, но мне было до лампочки. Что могут они сделать — застрелить меня, что ли?

Сначала я поехал в Будайен, оставил автомобиль на бульваре и зашел на Четвертой улице в магазин модификаторов. Небольшой магазин Лайлы представлял собой нечто среднее между мрачным игорным притоном и шумным баром для

подростков-транссексуалов. Модди и дэдди в закромах Лайлы были покрыты слоем пыли и песка, там же нашли свою могилу многие поколения насекомых. Магазинчик непригляден, но товар в нем был добротным. В других можно было нарваться на бракованный, бесполезный и даже опасный товар. Я всегда чувствовал легкий выброс адреналина в кровь, когда подключал старинные и помятые Лайлины модди к своему мозгу.

Лайла была всегда (то есть постоянно!) «под напряжением», отчего поведение ее казалось весьма непривычным. Она здоровалась и прощалась с подвыванием, она взвывала от боли и от удовольствия, с завыванием обращалась к Аллаху. У Лайлы была высохшая черная кожа, вся, точно изюм, в морщинах, и растрепанные белые волосы. Долго я с ней не выдерживал. Тем утром она подключила модди, но я не мог угадать, какой именно. Иногда она казалась знаменитостью из европейско-американского фильма, иногда звездой голографии, иногда персонажем давно забытого романа или же самой Хани Пилар.

Но кем бы ни была Лайда, она всегда ныла. Больше от нее нечего было ожидать,

— Как дела, Лайла? — спросил я.

Тем утром в ее магазине стоял едкий запах аммиака. Она разбрызгивала по углам какую-то противную розовую жидкость из пластиковой бутыли. Не знаю зачем.

Лайла глянула на меня и улыбнулась загадочной чарующей улыбкой. Так смотрят, получив полное сексуальное удовлетворение либо порядочную дозу соннеина.

— Марид, — блаженно провыла она. Она подвывала, но это было безмятежное поскуливание.

— Я сегодня на работе и думал, что у тебя…

— Марид, сегодня утром ко мне пришла девочка и сказала: «Мама, нарциссы открыли глаза, и щеки роз зарделись! Почему ты не выйдешь и не посмотришь, как чудесно природа украсила все вокруг?»

— Лайла, не могла бы ты уделить мне минутку…

— А я ответила: «Дочка, то, что радует тебя, увянет в час, и что останется тебе? Лучше зайди ко мне, и мы вместе отправимся на поиски более совершенной красоты Аллаха, сотворившего эту весну». Лайла закончила свою маленькую проповедь и с упованием посмотрела на меня, выжидая, что я зааплодирую ей или упаду от просветления.

Я давно позабыл религиозный экстаз» Секс, наркотики и религиозный экстаз. В магазине Лайлы было много товара, и она лично определяла его качество. На каждом модди стояло ее персональное клеймо качества.

— Можно с тобой поговорить, Лайла?

Она посмотрела на меня, покачиваясь. Медленно подняла тощую руку и отключила модди. Пару минут моргала, и ее томная улыбка исчезла.

— Хочешь купить что-нибудь, Марид? — спросила она своим пронзительным голосом.

Лайла очень долго жила на свете; ходил слух, что она ребенком видела, как имамы закладывали основание стен Будайена. Но в модди она разбиралась больше, чем кто-либо, и особенно в своих, старых и давно снятых с производства. Думаю, у Лайлы был один из первых экспериментальных имплантатов, потому что с тех пор ее мозг ни разу не функционировал правильно. Беспорядочно пользуясь им, она, вероятно, лет сто назад сожгла всё свое серое вещество. Лайла выдержала пытку, которая превратила бы в бестолкового дурака любого другого. Вероятно, у нее была крепкая мозговая оболочка, которая защищала ее мозг от влияния извне. Любого влияния.

Я начал опять:

— Сегодня я на работе и хотел бы попросить у тебя основной модификатор полицейского.

— Пожалуйста. У меня есть все.

Она проковыляла к полке в глубине магазинчика и пошарила там. На полке была надпись: «Пруссия. Польша. Брюландия». Надпись не соответствовала содержимому полки; Лайла купила этот шкафчик вместе с потертыми ярлыками где-то в другом магазине, давно прекратившем свое существование.

Через несколько секунд она выпрямилась, протягивая мне два модди в помятой обертке.

— Вот то, что тебе нужно, — сказала Лайла. Один был бледно-голубой Полный Караульный

Набор модификаторов, его часто носили новички-полицейские. Это был неплохой поведенческий основательный комплекс, включавший в себя всевозможные ситуации. Я прикинул, что с модди Придирчивой Мамаши, который всучил мне Халф-Хадж, и с Полным Караульным я буду в полной безопасности.

— А что за штука второй модди? — спросил я.

— Подарок. Для тебя — за полцены. Черная Молния. Эта версия называется Мудрый Советник. Такой же был у меня, когда ты приходил.

Я заинтересовался. Черной Молнией назывался модди японского происхождения, популярный лет пятьдесят — шестьдесят назад. Вы садитесь в мягкое удобное кресло, и Черная Молния мгновенно погружает вас в транс ясновидения, после

чего вводит в светлый, восстанавливающий силы сон. В зависимости от эмоционального состояния Черная Молния дает совет, предостережение или мистическую загадку для вашего ума.

Высокая стоимость данного устройства делала его развлечением богачей. Дальневосточные беллетристические версии еще больше сузили круг его применения. Черная Молния обычно представляла вас или высокомерным японским императором в поисках мудрости, или старым дзэн-буддийским монахом, смиренно молящимся среди снегов. Однако позднее идеи Черной Молнии получили широкое распространение на рынке персональных модификаторов. А это, по-видимому, была арабская версия, названная Мудрым Советником.

Я купил оба модди, считая не вправе отвергать помощь друга или фантазию. Для человека, ранее не допускавшего даже мысли о вскрытии своего черепа, я собрал неплохую коллекцию человеческих душ.

Лайла снова включила Мудрого Советника и улыбнулась мне просветленно. Улыбка, разумеется, была беззубой, и меня передернуло.

— Иди с миром, — прохныкала она.

— Да хранит тебя Аллах. — Я поспешил из магазина на улицу, прошел через ворота к месту стоянки автомобиля. Оттуда было рукой подать до полицейского участка. Оказавшись в боксе третьего этажа за своим столом, я открыл дипломат, переложил оба приобретения — Полный Караульный Набор и Мудрого Советника — в коробку с другими модди. Затем я взял зеленую кобальтовую дискету, вставил ее в дисковод и задумался. Видимо, я не был еще готов к чтению дела Абу Адиля. Вынув из коробки Мудрого Советника, я развернул его и включил.

После легкого непродолжительного головокружения Одран увидел себя сидящим на возвышении со стаканом лимонного шербета в руках. Напротив — на другом возвышении — сидел красивый мужчина средних лет. С ужасом он понял, что этот человек — Посланник Бога. Одран спешно отключил модди.

Я сидел за столом с Мудрым Советником в руке и трепетал. Подобный опыт глубоко взволновал меня. Видение было абсолютно реальным, не похожим на сон или галлюцинацию. Словно я не вообразил все это, а действительно находился в одной комнате с Пророком Мухаммедом, да будет с ним мир и благословение Аллаха.

Внесу ясность: я не религиозный фанатик. Я изучал вопросы веры и испытываю огромное уважение к ее предписаниям и традициям, но у меня нет возможности придерживаться их самому. Вероятно, душа моя будет проклята на веки вечные, и в

аду у меня будет достаточно времени, чтобы раскаяться в своей нерадивости. Но, несмотря на это, даже я ужаснулся самоуверенности автора этого модди, рискнувшего изобразить Пророка в таком виде. Даже иллюстрации в религиозных книгах считаются идолопоклонством. Что скажет исламский суд о видении, только что пережитом мной?

Другой причиной моего потрясения в тот краткий момент перед отключением модди стало ясное ощущение того, что Пророк хочет мне сообщить нечто важное.

Я начал заталкивать модди обратно в дипломат, но тут меня осенило: автор на самом деле не описывал Пророка. Видения Мудрого Советника и Черной Молнии не были запрограммированными виньетками какого-то циничного борзописца. Модди был психоактивным. Он оценивал мое собственное интеллектуальное и эмоциональное состояние и давал мне возможность самостоятельно творить иллюзию.

Я решил, что в таком случае мое видение не является глумлением над религией. Оно было лишь средством проявления моих собственных, глубоко скрытых чувств. Я понял, что сделал великое открытие. И почувствовал себя намного лучше. Я снова включил модди.

После небольшого головокружения Одран увидел себя на возвышении со стаканом лимонного шербета. Напротив него — на другом возвышении — сидел красивый мужчина средних лет. С ужасом он понял, что этот человек — Посланник Бога.

— Ассалам алейкум, — сказал Пророк.

— Ваалейкум ассалам, яа Хазрат, — ответил Одран. Он подумал, до чего же жутко, должно быть, чувствовать себя так свободно в присутствии Посланника Бога.

— Знаешь ли ты, — сказал Пророк, — что есть источник радости, который заставит тебя забыть о смерти и приведет тебя к согласию с волей Аллаха?

— Поясни мне, что ты имеешь в виду? — попросил Одран.

Пророк Мухаммед улыбнулся:

— Ты слышал, что в моей жизни было много бед и опасностей.

— Люди не раз замышляли убить тебя за твое учение, о Посланник Аллаха. Ты выдержал много битв.

— Да. Но знаешь ли ты о самой большой опасности, которой я подвергался?

Одран замолкал в недоумении.

— Ты потерял своего отца, еще не родившись.

— Так же, как ты своего, — сказал Пророк.

— Ты потерял свою мать в детстве.

— Так же и ты остался без матери.

— Ты начал жизнь, не имея ничего.

Пророк кивнул.

— В тех же условиях начал жизнь и ты. Нет, все это были не самые большие невзгоды, равно как и попытки моих врагов уморить меня голодом, побить камнями, сжечь меня в собственном жилище или отравить мою пищу.

— Яа Хазрат, — благоговейно спросил Одран, — так что же было самой большой опасностью?

— В начале моей проповеднической деятельности жители Мекки не слушали меня. Я обратился к Сардару из Тайофы с просьбой разрешить мне проповедовать там. Сардар уступил моей просьбе, но я не знал, что вместе с тем он дал тайный приказ своим наемным убийцам уничтожить меня. Я был тяжело ранен и упал без сознания. Друг вынес меня из Тайофы и положил под тенистое дерево. Потом он вернулся в деревню за водой, но никто в Тайофе не дал ему ни капли.

— Над тобой нависла смертельная угроза? Пророк Мухаммед поднял руку.

— Но разве человек не всегда находится под угрозой смерти? Когда я пришел в себя, я обратил лицо к Небесам и взмолился: «Боже милостивый! Ты поручил мне нести твое слово людям, но они не слушают меня. Или мое несовершенство отвращает их от твоего благословения? О, дай же мне мужество начать все сначала!»

И я заметил на небе над Тайофой архангела Гавриила. Он ждал моего приказа, чтобы смести деревню с лица земли. В ужасе я закричал: «Нет, не надо! Аллах выбрал меня из многих, чтобы я был благословением для человечества. Я не хочу наказывать их, пусть живут. Если они не примут мое послание, может быть, их дети или дети их детей примут его». Именно то ужасное мгновение власти, когда я мановением руки мог уничтожить всю Тайофу и ее жителей, было самой большой опасностью в моей жизни. Одран был смущен.

— Воистину велик Аллах, — сказал он, поднял руку и отключил модди.

Бип! Мудрый Советник исследовал импульсы моего мозга, вызвал картину, связанную с моим нынешним смятенным состоянием, и предложил свое решение проблем. Но что именно Мудрый Советник пытался сообщить мне? Я был слишком глуп и понимал все слишком буквально, чтобы уразуметь истинный смысл этой картины. Видимо, я рассчитывал, что он посоветует мне пойти к Фридлендер Бею и сказать ему:

— Я могу уничтожить тебя, но из милости не сделаю этого.

И что тогда — Папочку охватит чувство раскаяния и он

освободит меня от всех обязательств?

Но потом я сообразил, что не все так просто. Во-первых, у меня нет власти, чтобы уничтожить его. Фридлендер Бей был защищен от низших существ вроде меня *баракой* — влиянием, сродни магическому, которым обладают некоторые, из великих людей. Чтобы поднять на него руку, требовалась личность куда более сильная, даже для того, чтобы подкрасться, когда он спит, и влить яд в его ухо.

О'кей, все это значило, что я не понял урока, но я и не думал беспокоиться на этот счет. В следующий раз, когда встречу на улице имама или святого, я попрошу растолковать мне увиденное. Сейчас меня ждали более важные дела. Я положил модди обратно в свой дипломат.

Затем я загрузил в компьютер дело Абу Адиля и минут десять просматривал его. Оно было невероятно скучным, как я и предполагал. Абу Адиля привезли в город в детстве более чем полвека назад. Его родители много лет скитались после катастрофы Субботней войны. Мальчиком Абу Адиль помогал отцу, продававшему лимонад и шербет в квартале Дубильщиков. Он играл на узких, извилистых улицах Медины, старой части города. Когда отец умер, Абу Адиль, чтобы прокормить себя и свою мать, стал профессиональным нищим. Каким-то образом, с помощью ли силы воли или своих способностей, он смог проститься с бедностью и унижением и стал уважаемым и влиятельным человеком в Медине. Дело Абу Адиля не содержало подробностей этого замечательного превращения, но, если Абу Адиль был серьезным конкурентом Фридлендер Бея, я без колебаний поверил в это. До сих пор его дом располагался в западной части города, недалеко от ворот Заходящего Солнца. Согласно сообщениям у него был такой же большой особняк, как у Папочки, окруженный ужасающими трущобами. К тому же у Абу Адиля оставалась армия друзей и сторонников в лачугах Медины, так же, как у Фридлендер Бея — в Будайене.

Вот что в общих чертах я узнал, когда офицер Шакнахай просунул голову в мой бокс.

— Время закругляться, — сказал он.

Я спросил себя, почему лейтенант Хайяр так беспокоится о Реда Абу Адиле. Я не нашел в его деле ничего, что бы указывало на него как на второго Фридлендер Бея: просто богатый влиятельный человек, чьи дела бывали и грязны в меру, и, случалось, чрезмерно. Если он сродни Папочке — а тому были очевидные доказательства, — в его намерения не входило тревожить невинных обывателей. Фридлендер Бей не был хозяином уголовного мира, как, видимо, и Абу Адиль. Такого

человека, как он, можно задеть лишь вторжением на его территорию или угрозами его близким.

Я последовал вниз, в гараж, за Шакнахаем.

— Это моя, — сказал он, указывая на патрульную машину, въезжавшую в гараж после смены. Он приветствовал двух усталых полицейских, выбравшихся из машины, и сел за руль.

— Ну? — сказал он, глядя на меня.

Я не торопился приступать к делу. Во-первых, мы с Шакнахаем в продолжение всей смены будем заключены в узкое пространство полицейской машины, и эта перспектива меня не воодушевляла. Во-вторых, лучше сидеть в участке и читать скучные дела, чем идти вместе с закаленным в боях ветераном на мрачные улицы. Но все-таки я сел на переднее сиденье. Иногда сопротивление бывает бесполезно.

— Что у тебя? — спросил он, глядя перед собой на дорогу. Его правая щека оттопыривалась из-за основательного куска жевательной резинки.

— Ты имеешь в виду это? — Я показал Полный Караульный модди, включить который еще не успел.

Он поглядел на меня и пробормотал что-то себе под нос.

— Я спрашиваю, чем ты будешь защищать меня от бандитов? — спросил он и снова недовольно покосился в мою сторону.

Под курткой у меня был револьвер. Я вынул его из кобуры и показал ему.

— Мне дал его лейтенант Оккинг в прошлом году, — пояснил я.

Шакнахай пожевал жвачку.

— Лейтенант всегда хорошо ко мне относился, — сказал он и вновь уставился на меня.

— Да… — протянул я, не зная, что сказать. Я был виноват в гибели Оккинга, и Шакнахай наверняка слышал об этом инциденте. Чтобы успешно сотрудничать с ним, мне предстояло преодолеть какую-то невидимую преграду между нами. В машине воцарилось неловкое молчание.

— Послушай, твоя игрушка только и годится, что путать птиц и мышей. Взгляни-ка на пол.

Я пошарил под сиденьем и вытащил небольшой арсенал. Там были гранатомет большого калибра, статический пистолет и игломет, чьи стрелы запросто могли отделить мясо от костей взрослого носорога.

— Что ты предлагаешь?

— Тебе нравится вид крови, заливающей все вокруг?

— В прошлом году насмотрелся, с меня хватит, — сказал я.

— Тогда забудь об игломете, хотя оружие это неплохое. Оно стреляет по выбору: тремя успокаивающими иглами, тремя нервно-паралитического действия и тремя разрывными. Гранатомет, верно, будет тяжеловат для тебя. Он втрое мощнее твоей свистульки. Остановит любого на расстоянии четверти мили, поражает цель на расстоянии ста ярдов. Тебе, скорее всего, подойдет статический пистолет.

— И какова эффективность попадания? Шакнахай пожал плечами:

— Если целить в голову, достаточно двух-трех выстрелов, чтобы сделать человека калекой на всю жизнь. Но в голову попасть трудно. Стреляй в грудь, это вызовет сердечный приступ. При попадании в другие части тела преступник теряет контроль над мышцами и через четверть часа окажется беспомощен. То, что тебе нужно.

Я кивнул и затолкал статический пистолет в карман куртки.

— Ты не считаешь, что я…

Но тут затрезвонил мой телефон, я снял его с пояса. Наверное, домогается одна из моих нерешенных проблем, подумал я и ответил:

— Слушаю.

— Марид? Это Индихар.

Казалось, что хороших новостей больше не существует. Я закрыл глаза.

— Ну, как твои дела? Что ты поделываешь?

— Ты знаешь, который час? Ты, хозяин клуба, Магреби. Ты несешь ответственность перед девочками, работающими днем. Не хочешь ли приехать на открытие?

Я совершенно позабыл про этот чертов клуб. Я действительно не желал о нем думать, но Индихар была права, когда говорила об ответственности.

— Я приеду сегодня, как только смогу. Все на работе?

— Здесь я, Пуалани, Жанель уходит, где Кэнди — неизвестно, а Ясмин не знает, чем бы заняться.

Еще и Ясмин. Боже!

— Сейчас приеду.

— *Иншаллах,* Марид.

— Пока. — Я снова прицепил телефон на пояс.

— Куда ты должен идти? У нас нет времени на личные дела.

Я попытался объяснить:

— Фридлендер Бей решил преподнести мне подарок и приобрел для меня клуб в Будайене. Ума не приложу, что с ним делать. Ладно, забудь об этом. Теперь надо ехать и открывать дело.

Шакнахай засмеялся.

— Опасайся двухсотлетних старцев у власти, дары приносящих, — сказал он. — Где же этот клуб?

— На Улице, — ответил я. — Клуб Чириги. Понял, о чем я говорю?

Он повернулся и некоторое время смотрел на меня в молчании.

— Да, я знаю этот клуб. — Шакнахай круто развернул автомобиль по направлению к Будайену.

Может, вам кажется, что газануть через восточные ворота в полицейском автомобиле и промчаться по главной улице, где запрещено движение транспорта — радостное и захватывающее событие. Мое же состояние было совсем противоположным. Я скрючился на сиденье в надежде, что никто из знакомых не узнает меня. Всю жизнь я ненавидел копов, а теперь оказался одним из них. Мои бывшие друзья уже смотрели на меня так, как я раньше смотрел на Хайяра и других полицейских в Будайене. Я был благодарен Шакнахаю за то, что он благоразумно не включил сирену.

Шакнахай остановил машину прямо у клуба Чириги, и на тротуаре я увидел Индихар рядом с Пуалани и Ясмин. Печальное зрелище предстало моим глазам: Ясмин остригла свои чудесные черные кудри, которые я так любил. Наверное, с тех пор как мы расстались, у нее появилась потребность что-то изменить. Я глубоко вздохнул, открыл дверцу машины и вылез.

— Как дела? — спросил я: Индихар сверкнула на меня глазами.

— Мы уже потеряли чаевые за час работы, — сказала она.

— Ты хочешь управлять клубом или нет, Марид? — спросила Пуалани. — Я ведь хоть сейчас могу перейти к Ио-Мама.

— Френчи готов забрать меня сию секунду, — бросила Ясмин. Ее лицо было холодным и надменным. Езда в полицейском автомобиле подрывала мой авторитет в ее глазах.

— Не волнуйся, Ясмин. Просто сегодня утром у меня было много хлопот. Индихар, не могла бы ты поработать пока вместо меня? Ты понимаешь в делах клуба гораздо больше моего.

Секунду или две она разглядывала меня.

— Если только у меня будет нормированный рабочий день, — наконец откликнулась Индихар. — Я не хочу приходить рано утром, а уходить поздно вечером. Чири все время заставляла нас так работать.

— Хорошо, договорились. Если будут еще идеи, дай мне знать.

— И плати мне столько, сколько получают другие

управляющие. Кроме того, я буду танцевать, только когда захочу.

Я нахмурился, но выхода у меня не было.

— Ладно. А кто будет замещать тебя ночью? Индихар пожала плечами.

— Я не доверяю этим неряхам. Поговори с Чири. Верни ее.

— Нанять Чири на работу в ее собственном клубе?

— Это больше не ее клуб, — заметила Ясмин.

— Да, верно, — сказал я. — Как ты думаешь, она согласится?

Индихар засмеялась:

— Она сдерет с тебя втрое большее жалованье, чем получает любой другой управляющий на Улице. Она тебе задаст жару, а если будешь смотреть сквозь пальцы, нагреет и с кассой. Но все равно она стоит этого. Никто не умеет делать деньги так, как Чири. Без нее ты через полгода сдашь свою собственность в аренду какому-нибудь лавочнику.

— Ты очень обидел ее, Марид, — сказала Пуалани.

— Знаю, но я же не виноват. Все это дело организовал Фридлендер Бей, не предупредив меня. Этот клуб свалился мне на голову,

— Чири не знает об этом, — сказала Ясмин.

Я услышал, как за спиной хлопнула дверца машины. Обернулся и увидел, что ко мне идет Шакнахай, на лице — широкая ухмылка. Мне нужна была его поддержка, а его все это забавляло.

Индихар и другие девочки презирали меня за мою связь с полицией, а полицейские — за то, что для них я по-прежнему был мелким воришкой. Арабы говорят: «Если снимешь одежду, замерзнешь». Это совет не отрываться от своей группы поддержки. Однако она не придет на помощь, если заявится толпа друзей и разденет тебя догола без твоего на то согласия.

Шакнахай не сказал мне ни слова. Он подошел к Индихар и, наклонившись, прошептал ей что-то на ухо. Многие девушки на улице питают слабость к полицейским. Я лично не понимаю этого. А некоторые копы пользуются ситуацией. Но меня удивило, что именно Индихар оказалась одной из таких девушек, а Шакнахай — таким копом.

Мне и в голову не пришло занести увиденное в список недавних странных совпадений: мой новый напарник имеет какие-то общие дела с новой управляющей клубом, подаренным мне Фридлендер Беем.

— Все уладилось, Одран? — спросил Шакнахай.

— Да, — ответил я. — Сегодня я должен переговорить с Чиригой.

— Индихар права, — сказала Ясмин. — Чири тебе покажет.

Я кивнул:

— Думаю, она имеет на это право, но я все равно хочу увидеть ее.

— Пойдем, — сказал Шакнахай.

— Если появится время, забегу вас проведать, — пообещал я.

— С нами-то все в порядке, — сказала Пуалани. — Мы свою работу знаем. Смотри сам в оба с этой Чири.

— Береги кое-что, — сказала Индихар, — если угадаешь, что я имею в виду.

Я помахал ими направился к патрульной машине. Шакнахай чмокнул Индихар в щеку и бросился вслед за мной. Он сел за руль.

— Ну как, поработаем? — спросил он. Мы все еще стояли на обочине.

— Давно ты знаком с Индихар? Я никогда не видел тебя в клубе Чири.

Шакнахай посмотрел на меня младенчески-невинным взглядом.

— Я знаю ее давно, — ответил он.

— Понятно, — сказал я и прекратил дальнейшие расспросы. Казалось, он не хотел разговаривать на эту тему.

Вдруг пронзительно взвыла тревога, и механический голос патрульного компьютера проскрипел:

«Номер 374 немедленно выезжайте. Угроза взрыва и захват заложников, кафе «Феи Бланш», Девятая Северная улица».

— Это у Гарготье, — сказал Шакнахай. — Поехали туда.

Компьютер замолчал.

А Хайяр заверил меня, что не стоит беспокоиться насчет подобных ситуаций…

— Бисмиллах ар-рахман ар-рахим, — пробормотал я. — Во имя Аллаха, великодушного и милостивого.

На этот раз, когда мы проезжали по Улице, Шакнахай включил сирену.

Глава 5

У низкой ограды дворика кафе «Феи Бланш» собралась толпа. За столиком, выкрашенным белой краской, сидел старик, отхлебывая какую-то жидкость из пластмассового стаканчика. Казалось, он понятия не имел о том, что происходит внутри кафе.

— Убери его оттуда, — прохрипел мне Шакнахай. — И остальных тоже. Не знаю, что там творится на самом деле, но придется действовать так, как если бы у парня была настоящая бомба. Как только все уйдут, залезай в машину.

— Но…

— Я не хочу беспокоиться еще и за твою шкуру. — Он побежал за угол кафе с северной стороны, к черному ходу.

Я колебался. Я знал, что скоро подоспеют спецподразделения, и решил предоставить проблемы с собирающейся толпой на их усмотрение. Сейчас меня ждали более важные дела. Я разорвал зубами обертку Полного Караульного и включил модди.

Одран сидел за столиком тускло освещенного кафе в Сан-Саберио, во Флоренции, и слушал Шуберта в исполнении квартета камерной музыки. Напротив него за столиком красовалась блондинка по имени Констанция. Она подняла чашку к губам, и ее небесно-голубые глаза остановились на нем — от нее исходил тонкий пленительный аромат, наводящий Одрана на мысли о романтических вечерах и нежных обещаниях.

— Это лучший кофе в Тоскане, — прошептала она. Голос у нее был нежный и мелодичный. Она ободряюще улыбнулась ему.

— Мы здесь не для того, чтобы пить кофе, дорогая, — сказал он, — сюда мы приехали взглянуть на новинки сезона.

Она махнула рукой.

— У нас еще уйма времени. А сейчас надо отдохнуть.

Одран ласково улыбнулся ей и взял хрупкую чашечку. Кофе был цвета превосходного полированного красного дерева. Тонкие струйки дыма, клубящиеся над чашкой, источали упоительный, небесный аромат. Первый глоток восхитил Одрана. Когда горячий, необычного вкуса кофе обжег ему горло, он понял, что Констанция была совершенно права. Никогда раньше он не получал такого удовольствия от чашки кофе.

— Я запомню этот кофе на всю жизнь, — заявил он.

— Дорогой, давай приедем сюда и в следующем году, — предложила Констанция.

Одран снисходительно засмеялся:

— Ради новинок Сан-Саберио? Констанция подняла свою чашечку и улыбнулась.

— Нет, ради кофе, — сказала она.

После рекламного ролика наступила темнота, во время которой Одран не мог ничего различить. На мгновение он задумался о том, кто такая Констанция, но вскоре позабыл о ней. Когда он уже начал паниковать, все опять прояснилось. Одран ощутил легкое головокружение, а потом почувствовал себя словно бы пробудившимся от сна. Он был холоден и рассудителен — предстояла работа. Включился Полный Караульный.

Он не мог ни увидеть, ни услышать того, что происходило в кафе, но предполагал, что Шакнахай тихо пробирается через подсобное помещение. Одран должен был оказать напарнику всевозможную поддержку. Он ловко перепрыгнул через железные перила во дворик.

Старик за столиком посмотрел на него.

— Вы, конечно же, хотите почитать мою рукопись, — произнес он.

Одран узнал в старике Эрнста Вейнтрауба, эмигранта из какой-то центрально-европейской страны. Вейнтрауб воображал себя писателем, но Одран никогда не видел его за работой, разве что над стаканчиком анисовой водки или бурбона.

— Сэр, — сказал он старику, — вы здесь в опасности. Попрошу вас выйти на улицу. Ради вашей же безопасности я прошу вас уйти отсюда.

— Но еще не полночь, — .возразил Вейнтрауб. — Дайте мне допить стаканчик.

У Одрана не было времени потакать старому алкоголику. Он решительно направился внутрь кафе.

На первый взгляд все смотрелось вовсе не так уж угрожающе. Мсье Гарготье стоял за стойкой под огромным разбитым зеркалом. Его дочка Мэдди сидела за столиком в дальнем углу, возле стены, увешанной выцветшими фотографиями марсианских колоний (личная коллекция Гарготье). Здесь же стоял молодой человек, державший в руках небольшой ящичек. Он оглянулся на Одрана.

— Убирайся к чертовой матери, — закричал он, — а не то все здесь взлетит на воздух!

— Я уверен, он сделает это, мсье, — сказал Гарготье. Голос его дрожал.

— Клянусь всеми чертями, я сделаю это! — воскликнул юноша.

Офицер полиции должен оценить ситуацию и вовремя принять верное решение… Полный Караульный рекомендовал Одрану в общении с душевнобольным сначала выяснить причину его волнения, а затем постараться успокоить. Полный Караульный

советовал Одрану не высмеивать душевнобольного, не выказывать недовольства и не дать привести угрозу, в исполнение. Одран поднял руки и спокойно заговорил:

— Я пришел с миром.

Юноша засмеялся. У него были грязные длинные волосы и редкая, клочковатая бородка; одет он был в полинялые джинсы и клетчатую рубашку с оторванными рукавами. Чем-то он напоминал самого Одрана — естественно, до встречи с Фридлендер Беем.

— Может, присядем поговорим? — спросил Одран.

— Что ж — поговорим, пока мне не надоест, — откликнулся юноша. — Садись, раз такой храбрый. Только руки держи на столе.

— Ладно. — Одран выдвинул стул и опустился на него. Он сидел спиной к бару, но боковым зрением видел Мэдди Гарготье. Она тихо всхлипывала.

— Ты все равно не переубедишь меня, — заявил юноша.

Одран пожал плечами:

— Я только хочу выяснить, из-за чего шум. Как тебя зовут?

— Черт! А тебе это зачем?

— Меня зовут Марид. Я родился в Мавритании.

— Ты можешь называть меня Аль-Мунтаким.

Мальчик с бомбой присвоил одно из девяноста девяти прекрасных имен Бога, Оно значило — Мститель.

— Ты всегда жил в городе? — спросил его Одран.

— Да нет же. В Миере.

— Это местное название Каира? — спросил Одран.

Аль-Мунтаким в ярости вскочил. Он ткнул пальцем в сторону Гарготье за стойкой и заорал:

— Видишь? Видишь это? Сейчас всем вам конец! — Он схватил коробку и сорвал с нее крышку.

Одран почувствовал сильную боль во всем теле, словно все его суставы растягивали и выкручивали в разные стороны. Каждый мускул в его теле ныл, а кожа горела, будто по ней прошлись наждаком. Агония длилась несколько секунд, после чего Одран потерял сознание.

— Ты в порядке?

Нет, я чувствовал себя совсем не в порядке. Кожа моя горела так, точно я дня два без передышки жарился на южном солнце. Все мои мышцы дрожали. Руки, ноги, все тело и даже лицо сводило судорогами. Моя голова трещала, а во рту был кислый привкус пороха. Я не мог разглядеть контуры предметов, казалось, кто-то накинул на них толстое вязаное покрывало.

Я делал невероятные усилия, чтобы понять, кто говорит со мной, и едва разбирал слова — мешал оглушительный звон в

ушах. Со мной говорил Шакнахай. Что означало мое присутствие на этом свете? За миг перед своим открытием я полагал, что уже давно в гостях у Аллаха, и оказаться в живых при данных обстоятельствах не было таким уж удовольствием.

— Что… — проскрипел я: во рту было так сухо, что я едва мог говорить.

— Держи. — Шакнахай протянул мне стакан холодной воды. Я понял, что лежу навзничь на полу, а Шакнахай и мсье Гарготье стоят надо мной, нахмурясь и сочувственно кивая.

Я взял стакан и выпил, благодаря людское милосердие, после чего попытался заговорить снова.

— Что произошло? — спросил я.

— Ты взлетел на воздух, — ответил Шакнахай. — Точно, — согласился я.

Широкая улыбка взрезала суровый лик Шакнахая. Он нагнулся и протянул мне руку:

— Вставай!

Я последовал его совету, нетвердо держась на ногах и покачиваясь, устремился к ближайшему стулу.

— Джин и бингара, — попросил я Гарготье. — И немного лимонного сока.

Бармен скривился, но мигом занялся приготовлением напитка. Я нашел свою коробочку с соннеином и вынул восемь или девять таблеток.

— Я слышал о твоем пристрастии к наркотикам, — сказал Шакнахай.

— Да, что есть — то есть, — ответил я.

Гарготье принес напиток, и я проглотил таблетки. На отдых времени у меня не было. А теперь через пару минут я снова приду в форму.

— Все вокруг были смертниками в те минуты, пока ты уговаривал парня, — сказал Шакнахай. Я чувствовал себя не настолько хорошо, чтобы выслушивать его лекцию. Однако он не отставал: — Чего, черт возьми, ты добивался? Права стать его адвокатом? Мы так не работаем, когда жизнь людей под угрозой.

— А как же вы работаете? — спросил я.

Он широко развел руками, словно удивляясь моей непроходимой тупости,

— Пробираемся туда, где он не может нас заметить, и замораживаем паршивца.

— А меня вы заморозили до или после того, как проделали это с Аль-Мунтакимом?

— Ах вот как он назвал себя? Извини, старина, но с этими статическими пистолетами частенько случается световая

диффузия. Я не хотел зацепить тебя; слава Аллаху, от них не бывает стойких повреждений. Когда он вскочил со своей коробкой, я не мог ждать, пока ты отойдешь в сторону. Пришлось стрелять.

— Ну да ладно, — сказал я. — Что было — то было. А где сейчас Мститель?

— Пока ты спал, подъехала машина-рефрижератор, и его увезли в тюремный госпиталь.

Это слегка вывело меня из себя:

— Террориста-сумасброда везут в госпиталь на чистые простыни, а я валяюсь на грязном полу в этом треклятом кабаке?

Шакнахай только пожал плечами:

— Ему пришлось гораздо хуже, парень. Тебя только зацепило, а он получил сполна.

Стало быть, Аль-Мунтаким сейчас чувствовал себя препаршиво. Так ему и надо.

— Вопросы морали с психом обсуждать бесполезно, — сказал Шакнахай. — Для успокоения сосунка нужно использовать любую возможность. — Он пошевелил указательным пальцем, будто нажимая спусковой крючок.

— А Полный Караульный говорит совсем другое, — заметил я. — Кстати, это ты отключил модди? Где он?

— Да, я, — сказал Шакнахай. — Вот он. — Он вынул модди из кармана рубашки и бросил его на пол рядом со мной. Потом наступил на него тяжелым черным ботинком и раздавил каблуком.

— Купишь другой — я сделаю то же самое с твоей физиономией, а то, что останется, выброшу в помойную яму.

Вот так-то, Марид Одран — идеальный офицер охраны правопорядка.

Я поднялся на ноги, чувствуя себя несравненно лучше, и направился следом за Шакнахаем из полумрака бара. Мсье Гарготье и его дочка Мэдди вышли вместе с нами. Бармен налетел на нас с благодарностями, но Шакнахай только отмахнулся:

— Не стоит благодарности, мы только выполняли свой долг.

— Заходите в любое время, вас я обслужу бесплатно, — .заверил нас Гарготье.

— Может, и заглянем как-нибудь. — Шакнахай обернулся ко мне: — Поехали.

Мы вышли из ворот кафе. Старый Вейнтрауб все еще сидел под зонтиком с рекламой «Чинзано», забыв, по-видимому, про все на свете.

На пути к автомобилю я сказал:

— Как здорово, что у меня снова появились друзья.

Шакнахай посмотрел на меня:

— Принять предложение бесплатной выпивки — одно из грубейших нарушений дисциплины.

— Вот уж не знал, что в Будайене существуют законы, — сказал я.

Шакнахай улыбнулся. Казалось, между нами начало устанавливаться взаимопонимание.

Не успел я забраться в машину, как муэдзин из ближайшей мечети огласил намаз. Шакнахай поднялся на заднем сиденье и вытащил свернутый коврик. Он расстелил его на асфальте и молился в течение нескольких минут, Я почувствовал себя неловко. Когда Шакнахай закончил, он свернул коврик и положил его на место, одарив меня при этом странным взором, словно упрекая в чем-то. Мы сели в автомобиль, но некоторое время никто из нас не произнес ни слова.

Шакнахай развернулся по улице в обратном направлении и выехал из Будайена. Странно, но я больше не боялся быть замеченным своими старыми друзьями. Ну и черт с ними, подумал я, если вспомнить, как они со мной обращались. Это во-первых. А во-вторых, я чувствовал себя несколько иначе, пострадав при выполнении служебного долга. Приключение в «Феи Бланш» вызвало сдвиг в моем сознании. Теперь я оценил риск, которому изо дня в день подвергается полицейский.

Шакнахай снова удивил меня.

— Ты не прочь остановиться перекусить где-нибудь? — спросил он.

— Отличная идея.

Слабость и головокружение все еще не оставляли меня, и поэтому я с радостью согласился.

— Рядом с полицейским участком есть одно распробованное местечко, куда мы ходим.

Он включил сирену и быстро пробился через автомобильную пробку.

— Полиции можно, — сказал он мне, ухмыльнувшись. — А больше никто не рискует.

Когда мы зашли в «местечко» Шакнахая, я был приятно удивлен. Закусочная принадлежала молодому мавританцу по имени Мелул, и меню представляло блюда национальной кухни. Шакнахай вполне искупил все доставленные мне неприятности. Я взглянул на него, оценивая заново: теперь он казался совсем не плохим парнем.

— Давай займем этот столик, — сказал он, указывая на угол подальше от двери, откуда он мог наблюдать за посетителями и

за тем, что происходит на улице.

— Спасибо, Шакнахай, — сказал я. Не часто приходится отведать домашнего.

— Мелул! — крикнул он. — Я привел тебе братишку.

Хозяин подошел к нам со сверкающим металлическим кувшином и тазиком. Шакнахай тщательно вымыл руки и вытер их белоснежным полотенцем. Затем я повторил этот ритуал, не ударив лицом в грязь. Мелул поглядел на меня и улыбнулся. Он был мне почти ровесником, только что ростом повыше и кожей потемнее.

— Я бербер, — сказал он. — А вы? Из Орана?

— Во мне есть берберская кровь, — сказал я. — Я родился в Сиди-бель-Аббис, но вырос в Алжире.

Мелул подошел ко мне, и я встал. Мы обменялись поцелуями.

— Я всю жизнь жил в Оране, — сказал он. — А теперь переселился в этот чудесный город. Устраивайтесь поудобнее, я принесу вам с Иржи отведать чрезвычайно вкусное блюдо.

— А вы очень похожи, — заметил Шакнахай. Я кивнул.

— Офицер Шакнахай, — сказал я, — мне хотелось бы…

— Называй меня просто Иржи, — Откликнулся мой напарник. — Ты вставил этот треклятый модди и пошел за мной в кафе. Глупо, конечно, но главное — ты не сдрейфил, а значит — прошел испытание.

Это подбодрило меня:

— Слушай, Иржи, я хотел спросить тебя. Ты считаешь себя религиозным человеком?

Он нахмурился:

— Я придерживаюсь традиций, но никогда бы не пошел на улицы убивать неверных из числа туристов, не исповедующих ислам.

— Тогда, может, объяснишь мне, что означает мой сон?

Он засмеялся:

— Какой сон? Ты с Брижитт Сталхелм в Туннеле Любви?

Я помотал головой:

— Нет, совсем не то. Мне снилось, что я встретил Пророка. Но никак не могу понять, что он мне сказал. — И я поведал ему остальную часть видения, созданного Мудрым Советником.

Щакнахай приподнял брови и в раздумье покрутил кончики усов.

— Сдается мне, — наконец сказал он, — что этот сон — об основных добродетелях. Ты должен помнить о смирении, уподобляясь Пророку Мухаммеду, да пребудет с ним мир и благодать. Сейчас не время для осуществления великих замыслов. Может быть, позже, если будет на то воля Аллаха. Ну, теперь для

тебя что-то прояснилось?

Я даже вздрогнул, тут же осознав, что он прав. Это было закамуфлированное предостережение: не решать сгоряча конфликты с матерью, Умм Саад и Абу Адилем. Торопиться не следовало. В конце концов они сойдутся вместе.

— Спасибо тебе, Иржи, — поблагодарил я. Он удивился:

— Да не за что.

— Вот превосходное блюдо, — весело сказал Мелул, устанавливая поднос на столик между мной и Шакнахаем. Возвышающийся на нем кускус благоухал корицей и шафраном, и только тут я понял, до чего же проголодался. В углублении в самом центре кружка кускуса Мелул разложил мелко нарезанные куски цыпленка с луком, поджаренные в масле и сдобренные медом. Еще он принес тарелку с лепешками и две чашки черного кофе.

— Вот это да, Мелул! — похвалил Шакнахай.

— На здоровье! — Мелул вытер руки чистым полотенцем, поклонился и оставил нас в покое.

— Во имя Аллаха любящего и милосердного, — пробормотал Шакнахай.

Я выказал необычайное проворство, схватив кусок цыпленка и немного кускуса. Блюдо оказалось еще вкуснее, чем я предполагал.

Когда мы поели, Шакнахай попросил счет. Мелул подошел к столу, так же улыбаясь.

— Платы не надо. Мои земляки угощаются бесплатно. Полицейские тоже.

— Это великодушно с твоей стороны, Мелуд, — сказал я, — но нам не разрешается…

Шакнахай допил свой кофе и поставил чашку.

— Не волнуйся, Марид, — сказал он. — Здесь можно. Мелул, пусть твой стол всегда изобилует яствами.

Мелул положил руку Шакнахаю на плечо.

— Да продлит Аллах твои годы, — сказал он. Ему не особенно нужно было наше покровительство, однако он все равно остался доволен.

Мы с Шакнахаем вышли из закусочной, сытые и довольные. Даже не хотелось портить остаток дня полицейской работой.

В нескольких метрах от закусочной на обочине мы увидели старуху-нищенку. Она была одета в черное, на голове повязан такой же платок. Ее темное от солнца лицо было изрезано морщинами, глаза ввалились, а один и вовсе был цвета скисшего молока; около правого уха разрослась черная уродливая опухоль. Я подошел к ней.

— Мир тебе, о женщина, — приветствовал я ее.

— Мир и тебе, о шейх, — отвечала, она. Ее голос прошуршал как песок.

Я вспомнил, что у меня в кармане все еще лежит конверт с деньгами. Я вытащил его, открыл и отсчитал сотню киамов. Они не пробьют брешь в моем бюджете.

— О уважаемая, — сказал я, — примите от меня этот дар.

Она взяла деньги, пораженная количеством купюр. Ее рот приоткрылся, потом закрылся. Наконец она произнесла:

— Клянусь жизнью моих детей, о шейх, ты более щедр, чем Хаатим! Пусть Аллах откроет тебе пути к нему. — Хаатим был олицетворением гостеприимства среди племен номадов.

От этих слов я немного смутился. — Мы благодарим Аллаха каждый час, — неловко пробормотал я и отошел.

Шакнахай заговорил со мной, когда мы снова оказались в машине.

— Ты часто так поступаешь? — спросил он. — Как?

— Даришь сотню киамов первому встречному? Я пожал плечами:

— Разве раздача милостыни не является одним из пяти столпов веры?

— Да, но ты не обращаешь внимания на остальные четыре. Это странно, ведь большинство людей с трудом расстается с деньгами.

Я и сам удивлялся, почему я сделал это. Может, потому, что чувствовал угрызения совести перед матерью.

— Мне стало жаль старуху, — признался я.

— Все в этом квартале жалеют ее и все о ней заботятся. Это Сафия, Леди с Ягненком. Она сумасшедшая. Постоянно таскает с собой ручного ягненка. Поит его из фонтана близ мечети Шималь.

— Что-то я не заметил никакого ягненка. Он засмеялся:

— Ее последний ягненок попал под колеса повозки две недели назад. А сейчас у нее воображаемый ягненок. Он всегда рядом с ней, но только Сафия может его видеть.

— Да-а… — вырвалось у меня. Я дал ей достаточно, чтобы купить пару ягнят. Внес скромную лепту в облегчение людских страданий.

Нам предстояло объехать Будайен. Хотя улица вела нас в нужном направлении, заканчивалась она тупиком у самых ворот кладбища. Там у меня покоилось множество друзей и знакомых. Знал я и многих живых, по крайней бедности отыскавших там себе пристанище.

Шакнахай свернул в южные кварталы, и мы поехали через

совершенно незнакомую мне часть города. Сначала дома были небольшие и не слишком ветхие; но через пару миль они стали значительно беднее. Аккуратные выбеленные мазанки с плоскими крышами сменились массивами довольно безобразных жилищ, в свою очередь вскоре вытесненных жуткими лачужками из обрезков фанеры и ржавых листов железа. Расположились они на выжженной пустынной земле.

Мы ехали дальше, и я видел праздных мужчин, прислонившихся к стене или сидящих на корточках вокруг бутылки, скорее всего, с ладби — вином, изготовленным из древесины финиковой пальмы. Из окон друг на друга кричали женщины. Воздух стал тяжелым от копоти и запаха человеческих экскрементов. Ребятишки в длинных разорванных рубашках играли в мусоре сточных канав. Много лет назад в Алжире и я был таким же голодным мальчуганом, потому-то и взволновал меня так вид этих детей.

Шакнахай, видимо, заметил, как подействовало на меня это зрелище.

— В городе есть кварталы еще хуже, чем Хамидийя, — сказал он. — А полицейский обязан входить в любое жилище и разговаривать с разными людьми.

— Похоже, — медленно произнес я, — здесь территория Абу Адиля. И похоже, его мало заботит судьба подданных. Почему же они его поддерживают?

Шакнахай ответил вопросом на вопрос:

— А ты с какой стати хранишь верность Фридлендер Бею?

Одна из причин моей преданности Фридлендер Бею заключалась в том, что после операции на головном мозге мне подключили электроды к центру наказания, и поэтому он в любую минуту мог причинить мне страдание. Но вместо этого я сказал другое:

— Жизнь моя теперь изменилась в лучшую сторону. Кроме того, я просто боюсь его.

— Вот и эти бедные *феллахи* тоже боятся. Они живут на территории Абу Адиля, и он бросает им подачки, позволяющие не умереть с голоду. Не понимаю, зачем таким людям, как Фридлендер Бей и Абу Адиль, необходимо подобное могущество.

Я наблюдал проносившиеся мимо трущобы. — Как ты думаешь, откуда Папочка гребет столько денег?

Шакнахай пожал плечами:

— На него работают сотни жуликов и карманников, и все отваливают ему порядочный кусок добычи в обмен на спокойную жизнь.

Я недоверчиво покачал головой:

— Это только наружная сторона жизни Будайена. Может показаться, что Фридлендер Бей всю свою деловую жизнь посвятил грабежу и коррупции. Я прожил в его доме долгое время, и мне лучше знать. Грязные деньги для Папочки — мелочь. Они составляют около пяти процентов его годового дохода. У него налажено более крупное дело, и Реда Абу Адиль также участвует в этом бизнесе. Они продают порядок.

— Чем же они торгуют?

— Порядком. Стабильностью. Властью.

— Как это?

— А вот так. Половина стран в мире распалась и снова объединилась: теперь невозможно узнать, что кому принадлежит, кто где живет и кто кому должен платить налоги.

— Как раз такая заваруха творится сейчас в Анатолии, — заметил Шакнахай.

— Точно, — отозвался я. — Предки людей, живущих в Анатолии, называли ее Турцией. Перед этим она была Оттоманской империей, еще раньше — опять же Анатолией. Сейчас Анатолия вторгается в Галацию, Лидию, Каппадокию, Никею и Азиатскую Византию. В одной из них — демократия, в другой — эмират, в третьей — народная республика, в четвертой — фашистская диктатура, а в пятой — конституционная монархия. Кто-то ведь должен присматривать за всем этим и наводить порядок.

— Наверно. Ну и работенка!

— Да, не позавидуешь; но тот, кто ею занимается, становится истинным правителем страны. У него в руках реальная власть: ведь все маленькие государства нуждаются в его поддержке, чтобы не исчезнуть.

— Грязное дело. Значит, Фридлендер Бей занимается рэкетом?

— Это просто услуги, — возразил я. — Но чрезвычайно важные услуги. И он может использовать ситуацию по-разному.

— Ты прав, — с восхищением сказал он.

Мы завернули за угол и тут же приметили длинную высокую стену из темно-бурого кирпича. Это было владение Реда Абу Адиля. На вид строение представлялось столь же огромным, как и Папочкино. Мы остановились у ворот с охраной, и великолепие главного корпуса засверкало еще ярче на фоне окружающих его жутких трущоб.

Шакнахай предъявил свои документы охране.

— Мы пришли повидаться с шейхом Реда, — сказал он.

Охранник снял трубку телефона и перебросился с кем-то парой фраз, после чего разрешил нам проехать,

— Лет сто назад или более того, — задумчиво произнес Шакнахай, — боссы криминального мира имели широко разветвленные схемы нелегальных доходов. Иногда им случалось владеть и небольшим вполне законным предприятием для «отмывания» денег.

— Ну и что? — спросил я.

— Получается, что Реда Абу Адиль и Фридлендер Бей — два самых могущественных человека в мире; они — «консультанты» иностранных государств. Это полностью узаконенное занятие. Их криминальные связи не столь значительны. На эти деньги они содержат лишь зависящих от них людей и своих союзников. Все встало с ног на голову.

— Уже прогресс, — сказал я. Шакнахай молча кивнул.

Мы вылезли из патрульной машины в теплый солнечный полдень. Земля перед домом Абу Адиля была заботливо ухожена. В воздухе плыл аромат роз, смешанный с пряным запахом лимонов. По обеим сторонам древнего каменного фонтана стояли клетки с певчими птицами; музыкальные трели наполняли воздух томной ленью. Мы пошли по выложенной керамической плиткой дорожке к двери, украшенной резным геометрическим рисунком. Слуга уже открыл ее и ждал, когда мы к нему обратимся.

— Я офицер Шакнахай, а это Марид Одран. Нам надо увидеться с шейхом Реда.

Слуга молча кивнул. Когда мы проследовали за ним в дом, он закрыл за нашими спинами тяжелую деревянную дверь. Солнечный свет лился из зарешеченных окон в высоком потолке. Я слышал отдаленные звуки пианино, и ощущал запахи жареного ягненка и свежего кофе. Грязь и нищета, царившие совсем неподалеку — на расстоянии брошенного камня отсюда, — теперь полностью позабылись. Этот дом был маленьким замкнутым миром, и, я думаю, именно таким он был задуман Абу Адилем.

Нас отвели прямо к Абу Адилю. Так быстро я не мог увидеть даже Фридлендер Бея.

Реда Абу Адиль оказался толстым грузным стариком. У него было Папочкино свойство — отсутствие возраста. Я знал, что ему было по меньшей мере сто двадцать пять лет. Меня не удивило бы даже известие о том, что он ровесник Фридлендер Бея. Абу Адиль носил свободное белое облачение и не пользовался никакими украшениями. Серебрились сединой аккуратно подстриженные борода и усы, а из густой белой шевелюры торчал серого цвета модди с двумя включенными дэдди. Я был профессионалом в этой области и обратил внимание, что у Абу Адиля не было выступающего гнезда, как у меня; его программное обеспечение подключалось к розетке в форме щитка.

Абу Адиль лежал на больничной кровати с приподнятым изголовьем и во время разговора мог наблюдать за нами. Он был укрыт роскошным одеялом ручной вышивки. Высохшие старческие руки он вытянул поверх одеяла. Веки были полузакрыты, словно он дремал или еще не вышел из наркотического транса. Пока мы стояли в ожидании, Абу Адиль морщился и часто стонал. Мы ждали, пока он заговорит.

Реда молчал. Вместо него заговорил человек помоложе, стоявший около его ложа.

— Шейх Реда приветствует вас в своем доме. Мое имя Умар Абдул-Кави. Вы можете обращаться ко мне как к представителю шейха Реда.

Умару с виду было лет пятьдесят. Проницательные недоверчивые глаза светились на лице, с которого, казалось, никогда не сползала кислая гримаса. Он был дороден и носил дорогое, шитое золотом облачение и голубой кафтан с металлическим отливом. В отличие от хозяина, его голова была не прикрыта. В редеющих волосах тоже виднелся модди. Мне Умар не понравился с первого взгляда.

Я понял, что встретил равнозначную мне фигуру. Умар Абдул-Кави выполнял для Абу Ад идя ту же работу, что и я для Фридлендер Бея, хотя — я был уверен в этом — он занимался ею дольше и лучше знал рычаги власти в империи своего хозяина.

— Если сейчас, мы не вовремя, — сказал я, — мы можем зайти попозже.

— Да, это не самое удачное время, — сказал Умар. — Шейх Реда страдает от рака в последней стадии. Но, сами понимаете, в другой раз его состояние может и не улучшиться.

— Мы молимся за его здоровье, — сказал я. Едва заметная улыбка скривила губы Абу

Адиля.

— Аллах изаллимак, — ответил Умар. — Да благословит вас Аллах. Что же привело вас сюда?

Это было сказано, непростительно прямолинейно. В мусульманском мире не принято спрашивать посетителя о деле. Обычай обязывает, чтобы сначала хотя бы минимально были соблюдены правила гостеприимства. Я ожидал, что нам предложат кофе или угощение. Я взглянул на Шакнахая.

Казалось, он ничуть не смутился.

— Какие общие дела могут быть у шейха Реда с Фридлендер Беем?

Вопрос этот не на шутку встревожил Умара.

— Нет никаких общих дел, — торопливо сказал он, разводя руками.

Абу Адиль издал долгий болезненный стон и зажмурился. Умар даже не обернулся к нему.

— Значит, шейх Реда никоим образом не общается с ним? — спросил Шакнахай.

— Никоим. Фридлендер Бей большой и влиятельный человек, но его интересы лежат в совсем иной части города. Оба шейха никогда не обсуждали деловых вопросов. Их интересы никак не пересекались.

— Значит, Фридлендер Бей — не помеха планам шейха Реда?

— Посмотрите на моего хозяина, — сказал Умар. — Как вы думаете, какие у него планы?

В самом деле, Абу Адиль выглядел совершенно беспомощным на своем одре. И зачем лейтенант Хайяр дал нам такое дурацкое поручение? — пронеслось у меня в голове.

— Поступила информация, которую мы обязаны проверить, — вкрадчиво произнес Шакнахай. — Так что прошу прощения за вторжение.

— Вы действовали правильно. Все в порядке. Камаль проводит вас.

Лицо Умара оставалось непроницаемым. Абу Адиль сделал попытку поднять руку, чтобы проститься или благословить нас, но она мягко упала на одеяло.

Мы последовали за слугой к двери. Когда мы снова оказались на улице, Шакнахай засмеялся.

Ну и представление! — сказал он. Какое представление?

— Если бы ты прочитал дело до конца, то зная бы, что у Абу Адиля нет рака. И никогда не было.

— Значит…

На лице Шакнахая появилась презрительная усмешка.

— Ты когда-нибудь слышал о Прокси Хелл? Это компания психов, они носят контрабандные подпольные модди, записанные в чужих спальнях. Это записи импульсов мозга обреченных людей.

Я был обескуражен.

— Так вот что сделал Абу Адиль! Включил модификатор человека в последней стадии рака?

Шакнахай кивнул, открывая дверцу автомобиля и забираясь внутрь.

— Он включил чужие боль и страдания. Ты можешь приобрести любую болезнь или недомогание на черном рынке. Таких мазохистов там пруд пруди.

Я сел рядом с ним.

— А я-то думал, что девушки и дебютантки на Улице просто неправильно употребляли модди. Это придает новый смысл слову

извращение.

Шакнахай завел машину и, обогнув фонтан, выехал в ворота.

— Сейчас вводят новые технологии, и, несмотря на то, что они приносят пользу многим людям, всегда найдется сукин сын, использующий их не по назначению.

Я думал об этом и о собственных проблемах, пока мы ехали в участок по жуткому району, населенному верноподданными Реда Абу Адиля.

Глава 6

На следующей неделе я провел в патрульной машине столько же времени, сколько прежде за компьютером на третьем этаже полицейского участка, После своего первого опыта дежурства в полицейском патруле я чувствовал себя гораздо лучше, хотя стало ясно, что мне предстояло еще многому научиться у Шакнахая. Мы разбирали домашние свары и расследовали ограбления, но таких Драматических происшествий, как нелепый террористический акт Аль-Мунтакима, не было.

Подождав несколько дней, Шакнахай решил повторить визит к Реда Абу Адилю. Он догадывался, что не кто иной, как Фридлендер Бей велел лейтенанту Хайяру поручить это дело нам, хотя Папочка по-прежнему притворялся, будто вовсе не заинтересован в расследовании. Наше начинание было бы куда успешнее, если бы мы знали конкретно, что нам надо раскрыть.

Кроме того, я думал и о других проблемах. Однажды утром, когда я оделся и Кмузу принес мне завтрак, я сел и задумался о том, что же мне предстоит сделать сегодня.

— Кмузу, — сказал я, — попробуй разбудить мою мать и узнай, не хочет ли она поговорить со мной. Я хочу кое о чем ее спросить перед отъездом в участок.

— Конечно, яа Сиди. — Он посмотрел на меня с опаской, словно я привел еще одну беспутную женщину. — Вы хотите видеть ее немедленно?

— Как только она приведет себя в порядок, если, конечно, сможет это сделать. — Я поймал неодобрительный взгляд Кмузу и умолк.

До возвращения Кмузу я успел сделать еще несколько глотков кофе.

— Умм Марид будет рада увидеться с вами, — сказал он.

Я был удивлен:

— Она же никогда не встает до полудня.

— Когда я постучал к ней, она уже была на ногах и одета.

Может, она решила начать новую жизнь, но я так и не дослушал Кмузу. Я схватил куртку, дипломат.

— Забегу к ней на минуту, — бросил я. Так лучше: узнаю сам.

Кмузу, не сказав ни слова, последовал за мной в другое крыло, где была предоставлена квартира Эйнджел Монро.

— У меня личное дело, — напомнил я Кмузу, когда мы подошли к ее двери. — Подожди в коридоре. — Я постучал в дверь и вошел.

Она полулежала на диване, одетая весьма странно:

бесформенное черное платье с длинными рукавами, какие носят самые консервативные мусульманки. Большой шарф скрывал ее волосы, но край паранджи, спадающей на лицо, приподнят и переброшен через плечо. Мама курила кальян. В нем был крепкий табак, но это не исключало возможности, что недавно там не побывал гашиш или не появится снова.

— Доброе утро, мама, — сказал я.

Похоже, мое вежливое приветствие застало ее врасплох.

— Светлое утро, о шейх, — ответила она, наморщив лоб.

Она смотрела на меня из дальнего утла комнаты, словно ждала объяснения причины моего визига.

— Тебе здесь удобно? — спросил я.

— Вполне. — Она затянулась, и кальян забулькал. — А ты преуспел. И как тебе привалила такая роскошь? Выполняешь личные поручения Папочки? — Она криво ухмыльнулась.

— Вовсе не то, что ты думаешь, мама. Я помощник Фридлендер Бея по административной части. Он принимает деловые решения, а я выполняю их. Вот так.

— И одним из его деловых решений было сделать тебя копом?

— Именно так.

Она пожала плечами:

— Что ж, пускай. Значит, ты решил поселить меня здесь? Забеспокоился о здоровье своей старой мамочки?

— Это была Папочкина идея. Она засмеялась:

— Ты никогда не был внимательным сыном, о шейх!

— Тебя тоже трудно назвать заботливой матерью. Вот я и подумал, почему это ты нагрянула сюда так внезапно.

Мать снова затянулась.

— В Алжире скучно. Я прожила там почти всю свою жизнь. После того как ты навестил меня, я поняла, что надо уезжать. Я снова захотела приехать сюда, в город.

— И повидаться со мной, мамочка? Она опять пожала плечами:

— Конечно.

— И с Абу Адилем? Ты у него впервые или уже навещала в его дворце?

У полицейских это называется «выстрел в темноте». Иногда попадаешь, иногда нет.

— Я больше не имею ничего общего с этим сукиным сыном! — почти прорычала она.

Шакнахай мог бы гордиться мной. Свои чувства и выражение лица я держал под контролем.

— Что сделал тебе Абу Адиль?

— Паршивый ублюдок. Не обращай внимания» тебя это не касается. — Несколько секунд она не отрываясь смотрела на свою трубку.

— Ладно, — сказал я. — Я уважаю твои чувства, мама. Я могу тебе чем-нибудь помочь?

— Все просто великолепно. Иди и разыгрывай свою роль защитника невинных. Рассказывай сказки какой-нибудь бедной девушке из рабочей семьи и вспоминай почаще обо мне.

Я открыл рот, чтобы сказать что-нибудь резкое в ответ, но вовремя опомнился.

— Когда проголодаешься или испытаешь другую нужду, обратись к Юсефу или Кмузу. Пусть дни твои будут радостны!

— Да сопутствует тебе удача, о шейх! — Всякий раз, когда она меня так называла, в ее голосе звучала злая ирония.

Я кивнул и вышел, тихо закрыв за собой дверь. Кмузу стоял в коридоре там, где я оставил его. Он был таким верным, что временами хотелось почесать его за ухом.

— Неплохо бы вам поздороваться с хозяином дома до ухода на работу! — сказал он.

— Не учи меня хорошим манерам, Кмузу. — Он опять начинал раздражать меня. — Ты хочешь сказать, что я забываю свои обязанности?

— Вовсе нет, яа Сиди. Вы меня неправильно поняли.

— Ладно. — Не мог же я в самом деле спорить с рабом.

Фридлендер Бей находился в своем рабочем кабинете. Он сидел за огромным столом и растирал виски. На нем было бледно-желтое шелковое облачение, поверх него — белая накрахмаленная рубашка с застегнутым воротником и без галстука. На рубашку был надет дорогой твидовый пиджак в елочку. Только старый и уважаемый шейх мог позволить себе подобный костюм. Я подумал, что шейх просто великолепен.

— Хабиб! Лабиб! — позвал он.

Хабиб и Лабиб — имена Говорящих Камней. Существует лишь один способ различить — назвать одним из этих имен. Вероятно, кто-нибудь из них моргнет в ответ, а если нет, то невелика разница. Тем более не уверен, что они вообще станут отзываться на имя.

Оба Говорящих Камня находились в кабинете, стоя по обе стороны стула с высокой прямой спинкой. Я был удивлен, увидев сидящего там юного сына Умм Саад. Руки Говорящих Камней лежали на плечах Саада, спина его сгибалась под огромной тяжестью. Его допрашивали. Я прошел такое же испытание. Смею вас уверить, ощущение не из приятных.

Папочка улыбнулся, когда я вошел. Он не поздоровался со

мной, поглядев на Саада.

— Где жили вы с матерью перед тем, как приехать в город? — спросил он у Саада.

— В разных местах, — был ответ. Голос Саада дрожал от страха.

Папочка снова потер лоб. Взгляд его был устремлен вниз, на стол, и лишь легкое движение пальцев подсказало Говорящим Камням, что делать дальше. Два великана еще крепче схватили мальчика за плечи. Лицо Саада побледнело, рот распахнулся.

— Перед тем как приехать в город, — ровным голосом повторил Фридлендер Бей, — где вы жили?

— Чаще всего в Париже, о шейх. — Голос Саада был жалобным и напряженным.

Услышав слово «Париж», Папочка вздрогнул.

— Твоей матери нравится жить среди французов?

— Наверное…

Фридлендер Бей искусно разыгрывал роль скучающего человека. Он взял серебряный ножичек для разрезания бумаги, меланхолично повертел его в руках.

— Хорошо вам жилось в Париже?

— Да, наверное.

Хабиб и Лабиб взялись под самые ключицы и таким образом выудили из Саада некоторые подробности.

— У нас была большая квартира по рю деПарадиз, о шейх. Моя мама любит хорошую кухню и званые вечера. Нам хорошо жилось в Париже. Я даже удивился, узнав, что мы едем сюда.

— А трудился ли ты, чтобы заработать денег на французскую еду и французскую одежду для своей матери?

— Нет, о шейх.

Папочка прищурился. — А как ты думаешь, откуда брались деньги на все эти удовольствия?

Саад колебался. Я услышал, как он застонал. Камни взялись за него еще круче.

— Она говорила, что деньги давал ее отец! — закричал он.

— Ее отец? — переспросил Фридлендер Бей, роняя ножичек и не спуская глаз с Саада.

— Она говорила, деньги давали ей вы, о шейх. Папочка сделал изумленное лицо и всплеснул руками. Камни отступили назад, оставив мальчика в покое. Саад согнулся, закрыв глаза. Лоб его блестел от пота.

— Разреши мне поведать тебе вот что, о проницательный отрок, — сказал Папочка, — знай: я не лгу. Я вовсе не отец твоей матери и даже не твой дедушка. Между нами нет кровного родства. Это — все. А теперь можешь идти.

Саад попытался встать, но снова упал на стул. В глазах его светились гнев и решимость, — он глядел на Фридлендер Бея, словно желая запомнить каждую черточку его лица. Палочка только что обвинил Умм Саад в обмане, и я был уверен, что мальчик продумывал какой-нибудь акт возмездия. Наконец ему удалось встать, и Он, ПОкачиваясь, направился к двери. Я преградил ему путь.

— Прими, — сказал я, вытряхнув из своей коробочки две таблетки соннеина. — Сразу почувствуешь себя лучше.

Он взял таблетки, посмотрел на меня с ненавистью и швырнул их на пол. Затем повернулся и вышел из кабинета. Я нагнулся и поднял соннеин. Перефразируя местную пословицу: белая таблетка про черный день.

После формальных приветствий Папочка пригласил меня устраиваться поудобнее. Пришлось сесть на тот самый стул, с которого встал Саад. Должен признаться, меня передернуло.

— Какое дело завело этого мальчика сюда, о шейх? — спросил я.

— Я пригласил его. Он и его мать — снова мои гости.

— Видимо, я чего-то не понял. Твоя доброта безгранична, о дядя, но зачем ты позволяешь Умм

Саад тревожить твой покой? Я знаю, она причиняет тебе немало хлопот.

Папочка откинулся на спинку стула и вздохнул. В этот момент он выглядел на свой возраст.

— Она пришла ко мне, смиренно просила прощения и принесла подарок. — Он указал на поднос с лакомством: финиками в сахаре, фаршированными мускатными орехами, — и грустно улыбнулся. — Не знаю, кто сказал ей, что я это люблю. Она была со мной почтительна и вновь просила пристанища. Я не смог ей отказать. — Он развел руками.

Фридлендер Бей соблюдал традиции гостеприимства и уважения, исчезнувшие в наши дни. Если он захотел пригреть змею на своей груди, я переубеждать его не собирался.

— Значит, твои указания относительно этой женщины изменились, о шейх? — спросила.

Ни один мускул не дрогнул На его лице. Он даже не моргнул.

— Нет, этого я не говорил. Пожалуйста, убей ее, как только представится возможность, но не надо спешить, сынок. Мне становится любопытно, чего хочет добиться Умм Саад.

— Я покончу с этим, — пообещал я. Фридлендер Бей нахмурился. — *Иншаллах,* — добавил я. — Ты думаешь, она на кого-то работает? На врага?

— Конечно. На Реда Абу Адиля, — сказал Папочка как бы

между делом, словно для беспокойства не было ни малейшего повода.

— Значит, это ты велел расследовать дело Абу Адиля?

Он поднял пухлую руку, останавливая меня.

— Нет, — убедительно произнес Фридлендер Бей. — Я к этому не имею никакого отношения. Узнаешь у лейтенанта Хайяра.

Так я и побежал его расспрашивать!

— О шейх, могу я задать тебе еще один вопрос? В твоих отношениях с Абу Адилем я не понимаю одного.

Он тут же опять принял скучающий вид. Это меня насторожило. Я с опаской оглянулся, ожидая увидеть позади себя Говорящих Камней.

— Твое состояние основано на продаже новейшей информации правительствам и главам государств?

— Если не вдаваться в подробности, то да, мой племянник.

— Абу Адиль тоже занимается этим бизнесом. И все-таки ты говорил мне, вы не конкурируете?

Много лет назад, еще до твоего рождения, даже до рождения твоей матери, мы с Абу Адилем пришли к соглашению. — Папочка открыл Священный Коран в простом матерчатом переплете и взглянул на страницу. — Мы избегали соперничества, оно могло кончиться насилием и нанесением ущерба себе и тем, кого мы любим. В тот давний день мы разделили мир от Марокко на западе до Индонезии на востоке — всюду, где прекрасный призыв муэдзина пробуждает правоверных ото сна.

— Точно так же Папа Александр провел демаркационную линию между Испанией и Португалией, — заметил я.

Папочке сравнение не понравилось.

— С этого момента Реда Абу Адиль и я не мешаем друг другу, хотя живем в одном городе. Между нами мир.

Да, Бей был прав. Однако по какой-то причине он не желал оказывать мне прямое содействие.

— О шейх, — сказал я, — мне пора идти. Молю Аллаха о твоем здоровье и процветании. — Я подошел к нему и поцеловал в щеку. — Без тебя я чувствую себя покинутым, — ответил он. — Иди с миром.

Я вышел из кабинета Фридлендер Бея. В коридоре Кмузу попытался взять мой чемоданчик-дипломат.

— Вам не пристало носить его самому, когда я вам прислуживаю, — сказал он.

— Ты хочешь порыться в нем в поисках наркотиков, — сказал я раздраженно. — Там ничего нет. Они у меня в кармане, и, чтобы

их получить, тебе придется побороться со мной.

— Это глупо, яа Сиди, — сказал он.

— Не думаю. Однако идти на работу я еще не готов.

— Вы уже опоздали.

— Черт побери, сам знаю! Мне надо сказать несколько слов Умм Саад, раз она опять живёт под этой, крышей. Она в той же квартире?

— Да. Сюда, яа Сиди.

Умм Саад, как и моя мать, жила в другом крыле дома. По пути, следуя за Кмузу по устланным коврами коридорам, я открыл дипломат и вынул модди Саида — жесткая, безжалостная личность. Когда я его вставил, эффект был потрясающий. Этот модуль был полной противоположностью дебильного модуля Халф-Хаджа, притуплявшего мое восприятие. Но этот модуль — недаром Саид называл его Королевским — концентрировал мое внимание. Я становился целеустремленным, и даже более того, я был готов идти к своей цели напролом, сметая с пути всякого, кто мне помешает.

Кмузу осторожно постучал в дверь Умм Саад. Я прислушался. Наступила долгая тишина — к двери никто не подходил.

— Отойди-ка, — сказал я Кмузу. Голос мой звучал грубо и хрипло. Я подошел к двери и громко заколотил в нее. — Вы впустите меня? — спросил я. — Или войти без разрешения?

Мои слова не остались без ответа. Мальчик распахнул дверь и растерянно уставился на незваного гостя.

— Моя мама не…

— Посторонись-ка, малыш, — сказал я, оттолкнув его в сторону.

Умм Саад сидела за столом и смотрела новости по небольшому голографическому телевизору. Она взглянула на меня.

— Здравствуйте, о шейх, — сказала она. Ее голос звучал невесело.

— Итак, — сказал я, присаживаясь на стул напротив. Я дотянулся до кнопки и выключил телевизор. — Вы давно знаете мою мать? — Еще один выстрел в темноте.

Умм Саад, казалось, была сбита с толку.

— Вашу мать?

— Иногда ее называют Эйнджел Монро. Она живет в другом конце коридора.

Умм Саад отрицательно покачала головой:

— Я видела ее раз или два и никогда с ней не разговаривала.

— Вы должны были знать ее прежде, еще до прибытия в этот дом. — Я только хотел убедиться в том, что она говорит правду.

— Вы что-то путаете, — сказала Умм Саад, глядя мне в глаза, и простодушно улыбнулась. Эта улыбка шла ей не больше, чем скорпиону.

Что ж, иногда выстрел в темноте не достигает цели.

— А как насчет Абу Адиля?

— А это кто? — Выражение ее лица было ангельски невинным.

Я начинал сердиться.

— Я хочу слышать правду. Или мне приняться за вашего парнишку?

Ее лицо стало серьезным. Сейчас Умм Саад играла в искренность.

— Простите, но я не знаю этих людей. Кто вам сказал, что я должна их знать? Фридлендер Бей?

Насчет Абу Адиля она, вероятно, лгала, но я понятия не имел, знакома ли она в самом деле с моей матерью. Если только можно доверять моей матери — это я выясню позже.

Тяжелая рука опустилась на мое плечо.

— Яа Сиди! — подал голос Кмузу, словно опасаясь, что я откручу Умм Саад голову.

— Хорошо. — Я чувствовал себя не на шутку разъяренным. Встав, я сверкнул на женщину глазами. — Если вы хотите остаться в этом доме, вам придется быть более сговорчивой. Я поговорю с вами позже. Подумайте получше о том, что вы захотите рассказать мне.

— Буду с нетерпением ждать нашей следующей встречи, — отозвалась Умм Саад, взмахнув своими длинными искусственными ресницами.

Остро захотелось дать ей оплеуху. Но вместо этого я развернулся и вышел в коридор. Кмузу поспешил следом.

— Теперь вы можете отключить модификатор, яа Сиди, — взволнованно сказал он.

— А он мне нравится, черт побери. Я, пожалуй, оставлю его.

Я и вправду наслаждался своими ощущениями. В моей крови постоянно присутствовал адреналин. Теперь я понял, почему Саид не расставался с этим модди. Правда, он не очень подходил для работы в полицейском участке; кроме того, Шакнахай пообещал, что уничтожит любой модди, который обнаружит у меня. Поэтому, чуть поразмыслив, я нехотя отключил модификатор.

И сразу же ощутил разницу. Правда, некоторое время меня била дрожь от остатков адреналина, но скоро и это прошло. Я бросил модди в дипломат и улыбнулся Кмузу.

— Крутым я парнем был? — спросил я. Кмузу ничего не

ответил, но по его взгляду я понял, что мое поведение его не устраивало.

Мы вышли во двор, где мне пришлось подождать, пока Кмузу подгонит машину. Он высадил меня у полицейского участка, после чего я велел ему ехать домой и присматривать за Эйнджел Монро.

— Понаблюдай, кстати, и за Умм Саад с мальчиком, присовокупил я. — Фридлендер Бей уверен, что она связана с Реда Абу Адилем, но она — хитрая бестия. Может, тебе удастся что-нибудь разузнать.

— Я буду вашим зрением и слухом, яа Сиди, — пообещал раб.

Перед зданием полицейского участка, как всегда, вертелись голодные мальчишки. Едва завидев подъезжающий к обочине седан, они замахали руками с криками:

— Хозяин! Добрый хозяин!

Я, как обычно, полез за мелочью, но, вспомнив Леди с Ягнёнком, которой помог на прошлой неделе, я достал свой солидный бумажник и вручил каждому мальчишке по купюре в пять киамов.

— Да хранит вас Бог, — сказал я и слегка смутился, увидев, что Кмузу наблюдает за мной.

Мальчишки были поражены. Один из ребят постарше взял меня за руку и потянул в сторону. Ему было лет пятнадцать, и на его узком лице уже пробивалась темная бородка.

— Моя сестра не прочь познакомиться с таким, щедрым господином, — сказал он.

— Но я не хочу знакомиться с твоей сестрой. Он усмехнулся. Среди его желтых зубов отсутствовали три, видимо выбитые в драке.

— Еще у меня есть брат… — продолжил он.

Я увернулся и вошел в здание участка. Позади мальчишки возносили хвалу в мой адрес. Я буду популярен до завтрашнего дня, когда мне снова придется завоевывать их уважение.

Шакнахай ждал меня у лифта.

— Где ты был? — спросил он. Шакнахай всегда приходил на работу раньше меня, независимо от того, как бы рано ни заявлялся туда я.

Меня тошнило от усталости. Я мог включить парочку дэдди, которые помогли бы мне, но опасался враждебных действий Шакнахая. В его присутствии я вынужденно обходился своими природными способностями, надеясь, что таковые еще сохранились.

Еще недавно как я гордился природной чистотой своего

мозга, по быстроте мыслительных процессов и изобретательности не уступавшего ни одному модификатору, который можно было отыскать в этом городе. А сейчас я доверял только электронике и без нее трусил в любой трудной ситуации.

— На днях мы должны застать Абу Адиля врасплох — без модификатора, — сказал Шакнахай. — Не следует особенно нажимать, чтобы не вызвать у него подозрений, но на несколько вопросов ему придется ответить.

— Каких вопросов? Шакнахай пожал плечами.

— Узнаешь на месте. — Видимо, как и у Папочки, у него были причины не доверять мне.

В коридоре нам встретился сержант Катавина. Я знал об этом человеке только одно — то, что он был правой рукой Хайяра.

Катавина был коротышкой весом около семидесяти фунтов. Его курчавые черные волосы разделяло гнездо модификатора, из которого всегда торчал по меньшей мере один дэдди: по-арабски он не понимал ни слова. Для меня оставалось неразрешимой загадкой, какими судьбами Катавину занесло в наш город.

— Наконец-то я вас нашел, — произнес он. Даже пропущенный через дэдди-переводчик, его голос имел металлический оттенок.

— В чем дело? — спросил я.

Катавина перевел свои хищные карие глазки с меня на Шакнахая.

— Только что меня предупредили о готовящемся покушении. — С этими словами он передал Шакнахаю листок бумаги с адресом. — Надо ехать.

— Это в Будайене, — сказал Шакнахай.

— Точно, — подтвердил Катавина.

— Кто звонил — голос не опознали?

— Зачем кому-то опознавать их? Шакнахай пожал плечами:

— За последние два месяца у нас было два или три анонимных звонка с подобными сообщениями — на этом дело кончалось.

Катавина поглядел на меня.

— Он один из осведомителей, ему известно все. — И ушел, неодобрительно покачивая головой.

Шакнахай еще раз посмотрел на адрес и запихнул бумажку в нагрудный карман.

— За Будайеном, неподалеку от кладбища, — пробормотал он.

— Если это не ложный вызов, — заметил я. — Если там в самом деле уже лежит труп.

— Думаю, что да.

Я пошел за ним в гараж. Мы сели в патрульный автомобиль и помчались по бульвару Иль-Жамель, нацелившись в большую арку городских ворот. На Улице этим утром было много пешеходов, и Шакнахай повернул на юг, на Первую улицу, а затем — на запад, и мы поехали по узким грязным улочкам, которые вились между глинобитными мазанками с плоскими крышами и старинными кирпичными строениями.

Шакнахай въехал на обочину. Мы выбрались из машины и внимательно осмотрели дом. Это было бледно-зеленое двухэтажное здание, требующее основательного ремонта. Парадная и коридор насквозь провоняли мочой и блевотиной. Судя по всему, деревянные решетки на окнах были сломаны не так давно. Жильцы здесь не появлялись уже многие месяцы, а может быть, годы.

В подъезде царила тишина, как во всех домах с отключенной электроэнергией, где не слышно даже слабого гудения счетчиков. Когда мы поднимались в комнаты на втором этаже, мне показалось, будто какой-то маленький зверек проворно пробежал перед нами по куче мусора. Мое сердце стучало так сильно, что я затосковал о спокойствии, даруемом Полным Караульным.

Мы с Шакнахаем заглянули в просторную спальню, когда-то принадлежавшую владельцу дома и его жене, затем — В детскую. Еще большее запустение. Угол дома полностью осыпался: зияла сквозная дыра. Непогода, жучки-древоточцы и находившие пристанище бродяги завершили разорение детской. Зато, по крайней мере, здесь отчасти выветрился кислый, затхлый смрад, наводнявший остальные помещения.

Мы нашли тело в соседней комнате. Это была молодая женщина, транссексуалка по имени Бланка, танцевавшая в клубе Френчи Бенуа. Наше знакомство было шапочным, не более. Она лежала на спине, согнутые в коленях ноги чуть вывернуты, а руки заброшены за голову. Ее темно-синие глаза глядели в потолок — как раз на мокрое пятно над моим плечом. На лице застыла гримаса ужаса. — Ты как?

— А что?

Он ткнул руку Бланки носком ботинка.

— Тебя не вырвет?

— Видел и пострашнее, — ответил я.

— Главное, чтобы тебя не стошнило. — Он наклонился над Б ланкой. — Кровь из носа и ушей. Зубы оскалены, пальцы скрючены. Держу пари, она была убита выстрелом с близкого расстояния, из статического ружья солидных размеров. Взгляни… Полчаса назад она еще была жива.

— Что?

Он поднял левую руку трупа и отпустил.

— Еще не окоченела. И кожа пока розовая. После смерти кровь под воздействием гравитации застаивается внизу. Врачам это известно, как никому другому.

Что-то в его словах показалось мне странным.

— Значит, тот, кто нам позвонил…

— Спорю на что угодно, звонил убийца. — Шакнахай вытащил радиотелефон и электронный журнал.

— А зачем убийце понадобилось звонить? Шакнахай посмотрел на меня в раздумье.

— Черт его знает, зачем, — сказал он наконец. Он вызвал Хайяра и попросил прислать команду криминалистов. Затем занес краткую запись в электронный журнал. — Ни к чему не прикасайся, — предупредил он вскользь, не отрываясь от дел.

Не нужно было напоминать мне о том, что известно любому профессионалу.

— Мы можем идти? — спросил я.

— Не раньше, чем появятся «золотые значки». Хочешь поскорее смотаться?

Я промолчал. Он засунул электронный журнал в карман и вытащил ручку и тетрадь в коричневом виниловом переплете. Понаблюдав за тем, как Шакнахай заносит, в нее новые записи, я, в конце концов, не выдержал:

— А это для чего?

— Так, небольшая заметка на память. Недавно произошло два сходных убийства. С таким же звонком.

Я тут же поклялся зеницей ока: если впереди нас ждет серия убийств, я немедленно собираю манатки и уезжаю отсюда навсегда. Шакнахай все еще сидел на корточках возле тела Бланки.

— Думаешь, маньяк? — спросил я. Он поглядел мимо, не замечая меня.

— Нет, — наконец произнес он. — Я думаю, это гораздо хуже.

Глава 7

В прежние времена любил меня гонять предшественник Хайяра лейтенант Оккинг. Но как ни было трудно с Оккингом, дело свое он знал. Он был если не блестящим, то, по крайней мере, проницательным полицейским и искренне сочувствовал жертвам, которых находил во время дневной работы. Хайяр был совершенно иного типа. Для него служба была лишь службой, но не более того.

Не удивительно, что от Хайяра и проку не было почти никакого. Мы с Шакнахаем наблюдали за тем, как он ведет расследование. Он нахмурился, уставившись на Бланку.

— Значит, говорите, мертвая? — спросил он. Шакнахая передернуло, однако он совладал с собой.

— У нас есть все основания предполагать это, лейтенант, — спокойно ответил он.

— Есть подозрения, кому она могла помешать? Шакнахай оглянулся на меня в поисках поддержки.

— Это мог быть кто угодно, — сказал я. — Может быть, ее модди не совпал с настроением клиента.

Хайяр заинтересовался:

— Ты думаешь?

— Посмотри, — ответил я. — В гнезде нет модификатора.

Лейтенант прищурился:

— И что из этого?

— Такие, как Бланка, не выходят из дому без модди. Естественно, у меня сразу возникли подозрения.

Хайяр погладил свои редкие усики.

— Думаю, вы в этом разберетесь. Для начала, правда, негусто.

— Иногда ребята-в штатском творят чудеса, — очень искренне произнес Шакнахай, в то же время подмигивая мне и тем самым показывая, насколько высоко оценивает этих ребят в действительности.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Хайяр.

— Между прочим, лейтенант, — сказал Шакнахай, — надо ли нам продолжать наблюдение за Абу Адилем? На прошлой неделе мы не особенно продвинулись.

— Хотите снова туда заглянуть? К нему домой?

— В его царские палаты, — уточнил я. Хайяр проигнорировал мое замечание.

— Я не приказывал заводить на него дело. Это слишком влиятельное лицо в нашем городе.

— Конечно, — отозвался Шакнахай, — мы и не заводили никакого дела.

— Зачем же вам вновь понадобилось побеспокоить его? — Хайяр уставился в меня вопросительным взором, но я не знал, что сказать.

— У меня есть подозрение, что Абу Адиль имеет отношение к этим нераскрытым убийствам, — заявил Шакнахай.

— *Каким* нераскрытым убийствам? — возмутился Хайяр.

Я расслышал, как Шакнахай скрипнул зубами.

— За последние два месяца зафиксировано три нераскрытых убийства. На сегодняшний день их уже четыре. — Он кивнул на тело Бланки, уже прикрытое простыней. — Их можно и должно связать с Реда Абу Адилем.

— Только, ради Аллаха, не называйте их нераскрытыми убийствами! — рассердился Хайяр. — Это всего лишь незавершенные дела.

— Незавершенные дела!.. — с горечью и отвращением проговорил Шакнахай. — Мы вам еще нужны, лейтенант?

— Нет. Можете приступать к работе.

И мы оставили Хайяра и криминалистов над телом Бланки в пыльных и затхлых руинах дома.

На улице Шакнахай схватил меня за руку и остановил неподалеку от патрульной машины.

— Какого черта ты проболтался об этом исчезнувшем модди? — спросил он.

— Да так, просто вырвалось. Хайяр все равно ничего не понял. Пусть поломает голову.

— Лейтенанту полезно время от времени ломать голову над чем-нибудь, — усмехнулся Шакнахай. — Его мозг явно нуждается в тренировке.

Мы оба имели право проклинать этот день. Небо нахмурилось, и сильный жаркий ветер дохнул нам в лицо песком и дымом. Издалека донеслись оглушительные раскаты грома. Шакнахай хотел вернуться в участок, но у меня еще были дела. Я снял с пояса телефон и назвал код Чири. Сигнал прозвучал восемь или девять раз, прежде чем она ответила.

— Я слушаю, — раздался ее раздраженный голос.

— Чири? Это Марид.

— Что тебе нужно, сукин ты сын?

— Послушай, Чири! Ты не даешь мне сказать ни слова. Тут не моя вина.

— Это я уже слышала. — Она презрительно засмеялась. — Знакомая песенка, дорогой: «не моя вина». Именно так сказал мой дядя, продав мою мать арабу-рабовладельцу.

— Я не знал…

— Ладно, проехали, я пошутила. Если хотел объяснить, валяй.

Наконец настал решительный момент. И тут у меня пропал дар речи.

— Мне правда очень жаль, Чири, — сказал я. Она снова засмеялась, и смех ее не был одобрительным.

Я ринулся в битву:

— Однажды утром я проснулся, и Папочка сообщил мне: ты новый владелец клуба Чириги. Правда, чудесная новость? Что ж, по-твоему, я должен был ему сказать?

— Я знаю тебя, дорогуша, ты же пай-мальчик и ни за что не стал бы возражать Папочке. Ему даже не пришлось пытать тебя.

Я мог бы рассказать ей о том, как Фридлендер Бей получил доступ к моему центру наказания, и что именно это явилось причиной моего послушания, но Чири все равно не поняла, бы. Я мог словами описать пытку, которой подверг меня Папочка одним нажатием кнопки. Но и это было ей безразлично. Она знала одно — что я ее предал.

— Чири, мы старые друзья. Ты должна меня понять. Папочке втемяшилась в голову мысль купить твой клуб и подарить его мне. Я ничего не знал об этом и вовсе не хотел такого подарка. Я попытался объяснить ему, но…

— Да уж! Представляю, как ты старался!

Я закрыл глаза и глубоко вздохнул. Видимо, ей нравилось меня мучить.

— Я сказал ему ровно столько, сколько сказал бы любой другой на моем месте.

— Но почему именно *мой* клуб, Марид? В Будайене полно дешевых клубов. Почему он выбрал мой?

Я знал ответ: потому что Фридлендер Бей хотел изолировать меня от тех немногих старых друзей, которые еще остались у меня в прежней жизни. Служба в полиции уже оттолкнула от меня многих дорогих мне людей. Папочкина покупка обошлась мне дорого — она восстановила Чириги против меня. Следующий Папочкин шаг настроит против меня Сайда Халф-Хаджа.

— Такие у него шуточки, Чири, — безнадежно сказал я. — Папочка просто хочет нам показать, что он всегда рядом, постоянно наблюдает за нами и может достать нас своей карающей дланью тогда, когда мы меньше всего этого ожидаем.

На другом конце провода последовало долгое молчание.

— И все равно ты — трус.

Я было открыл рот, чтобы возразить ей, но так ничего и не придумал.

— Что ты имеешь в виду?

— Я говорю, что ты трусливая *панья.*

Она вечно цепляла меня обидными словечками на суахили.

— Что такое *панья,* Чири? — спросил я.

— Это большая крыса, до ужаса глупая и безобразная. У тебя не хватает храбрости посмотреть мне в глаза, сукин ты сын! Ты предпочитаешь плакаться по телефону. Я хочу поглядеть на тебя. Больше мне ничего не надо.

Я зажмурился.

— Хорошо, Чири, как скажешь. Ты можешь зайти в клуб?

— Ты сказал: «в клуб»? Ты имеешь в виду *мой* бывший клуб?

— Да, — ответил я. — Твой клуб. Она хмыкнула:

— Да никогда в жизни, паршивый осел! Ноги моей в нем не будет, пока все не изменится. Но я могу увидеться с тобой в другом месте. Через полчаса я появлюсь у Курана. Это не в Будайене, дорогуша, но я уверена, что ты не заблудишься. Приходи, если не боишься. — Последовал резкий щелчок, а за ним гудки.

— Задала тебе жару, да? — спросил Шакнахай, которого забавляло мое замешательство. Мне нравился этот парень, но временами он был просто несносен.

Я повесил телефон на пояс,

— Ты слыхал когда-нибудь о баре Курана? Он фыркнул.

— Этот сумасброд-христианин появился в городе несколько лет назад. — Шакнахай вел автомобиль через Размийю, местность восточнее Будайена, где я никогда не бывал. — Его имя Куран: Он называет себя поэтом, но никто не видел его стихов. Однако он пользуется бешеной популярностью у европейской публики. И вот в один прекрасный день этот тип открывает так называемый салон. Обычный бар с интимной обстановкой, где все сделано из ивовых прутьев, стекла и стали. Множество пластиковых растений в кадках. Теперь этот салон вышел из моды, но до сих пор Куран там заправляет в качестве печального экспатрианта.

— Как Вейнтрауб у Гарготье, — заметил я.

— Точно, — сказал Шакнахай, — только у Курана свое собственное дело, и он никому не мешает. И на том спасибо. Значит, там у тебя свидание с Чири?

Я пожал плечами:

— Это она выбрала место. Он усмехнулся:

— Хочешь нарисоваться перед местной публикой?

— Нет уж, — пробормотал я. Шутник он, этот Иржи.

Через двадцать минут мы уже проезжали через район двух-трехэтажных домиков, принадлежащих среднему классу. Улицы были шире, чем в Будайене, и перед белыми домами

располагались газоны с зелеными насаждениями и цветущим кустарником. По обеим сторонам дороги клонились, словно в подпитии, высокие финиковые пальмы. Окрестности казались пустынными: здесь дети не бегали по тротуарам, гоняясь друг за дружкой вокруг домиков. Это была очень чинная, очень степенная часть города. Она производила впечатление настолько безмятежной, что мне стало не по себе.

— Бар Курана рядом, — сказал Шакнахай.

Он повернул на улицу поскромнее, более похожую на переулок. С одной стороны улицы теснились задние фасады зданий с плоскими крышами. На уровне второго этажа выступали балкончики; электрический свет едва пробивался сквозь узкие деревянные жалюзи. По другую сторону выстроились дощатые домики, среди которых расположилось несколько магазинчиков: изделия из кожи, булочная, ресторан, специализирующийся на блюдах из бобов, книжная лавка.

На этой же тесной улочке, совсем не к месту, обосновался бар Курана. Хозяин выставил на улицу несколько столиков, но никто не прельстился плетеными белыми стульями под зонтиками с рекламой «Чинзано». Шакнахай заглушил мотор, и мы вышли из машины. Я решил, что Чири еще не приехала или уже ждала меня внутри. Сердце у меня упало.

— Офицер Шакнахай! — К нам подошел человек средних лет, приветливо улыбаясь. Ростом он был с меня, но на пятнадцать — двадцать фунтов тяжелее, с редеющими, зачесанными назад темными волосами. Он обменялся рукопожатиями с Шакнахаем, после чего повернулся ко мне.

— Шандор, — произнес Шакнахай, — это мой напарник Марид Одран.

— Рад познакомиться, — отозвался Куран.

— Да будет с вами благословение Аллаха, — сказал я.

Во взгляде Курана промелькнуло любопытство:

— Спасибо. Принести вам чего-нибудь выпить? Я посмотрел на Шакнахая. — Мы сейчас как, на службе или нет? — спросил я.

— Нет, — решил Шакнахай.

Я заказал то, что обычно заказывал, а Шакнахай попросил что-нибудь не очень крепкое. Мы прошли за Кураном в его заведение. Все было так, как я себе, и представлял, и полностью соответствовало описанию Иржи: сверкающие хромированные со стеклом столики, белые плетеные стулья, великолепный бар в старинном стиле из полированного черного дерева, хромированные вентиляторы на потолке и, конечно же, множество пыльных искусственных растений по углам и в корзинках, свисающих с потолка.

Чирига сидела за столиком в глубине зала.

— Сюда, Иржи, Марид! — окликнула нас она.

— Вот и мы, — сказал я. — Могу я угостить тебя чем-нибудь?

— Не откажусь. — Она протянула свой стакан. — Сэнди! — Куран кивнул и пошел наполнять наши стаканы.

Я сел рядом с Чири.

— Знаешь, — неуверенно начал я, — я хотел обговорить с тобой одно дело. Не могла бы ты поработать в клубе?

— Ясмин говорила мне что-то, — сказала Чири. — Странная, однако, просьба!

— Послушай, я уже все рассказал. Долго ты собираешься на меня злиться?

Чири улыбнулась:

— Не знаю. Я получаю от этого огромное удовлетворение.

Мое терпение лопнуло.

— Чудесно, — сказал я. — Тогда поищи себе работу в другом месте. Я уверен, что такая большая, сильная каффрская женщина не останется безработной.

Чири это задело.

— Ладно, Марид, — произнесла она уже совсем другим тоном. — Замяли. — Она открыла сумочку, вытащила длинный белый конверт и подтолкнула его ко мне.

— Что это? — спросил я.

— Вчерашняя выручка из твоего идиотского клуба. Ведь ты должен каждый день приходить к закрытию, снимать кассу и расплачиваться с девочками. Или тебе и этим заниматься не хочется?

— Действительно, не хочется, — признался я, украдкой взглянув на конверт. В нем была куча денег. — Именно поэтому мне нужна ты.

— А для чего?

Я развел руками.

— Чтобы присматривать за девочками. И выбивать монету из клиентов. У тебя все это здорово получается.

Она наморщила лоб.

— Каждый день я приходила домой со всем этим в кармане. — Она похлопала по конверту. — А сейчас я буду получать от тебя несколько киамов за то, за се. Мне это не нравится.

Появился Куран с полными бокалами, я заплатил ему.

— Я предлагаю тебе больше, чем получают новенькие и недавно принятые на работу, — заявил я.

— Неплохо для начала, — поощрительно кивнула она. — Но, дорогуша, если ты хочешь, чтобы я занималась твоими делами,

плати вперед. Я хочу пятьдесят процентов.

— Как компаньон? — От Чири, конечно, можно было ожидать чего угодно. Она загадочно улыбалась, демонстрируя свои длинные острые зубы. Чири была мне дороже пятидесяти процентов. — Хорошо, — сказал я.

Она заволновалась, словно не ждала, что я сдамся так быстро.

— Эх, надо было просить больше, — огорченно произнесла она. — Но танцевать я буду, только когда захочу.

— Идет.

— И название клуба останется старое — «У Чириги».

— Ладно.

— И я буду сама нанимать и увольнять. Не хочу иметь дело с этой жуткой Фаней, вдруг она умаслит тебя и ты примешь ее на работу. Она так нагружается, что начинает бросаться на клиентов.

— Не многовато ли, Чири?

Она показала зубки, точно волчонок.

— Запойные друзья — это ведь не подарок, правда? — сказала она.

Чири извлекла из случившегося всю возможную выгоду.

— Хорошо, ты кадрами будешь заниматься сама.

Чири отхлебнула из своего стакана.

— Между прочим, — заметила она, — я буду иметь пятьдесят процентов от всей выручки, не так ли?

Кошмарная Чири!

— Ну ладно, По рукам, — рассмеялся я. — Подбросить тебя до Будайена? Можешь приступать к работе хоть сейчас.

— Я уже была там. Оставила присматривать Индихар.

Заметив, что стакан ее опустел, она взяла его и сделала знак Курану.

— Хочешь сыграть, Марид? — Чири махнула рукой в глубину бара, где у Курана стоят Транспекс.

В эту игру играют два человека с имплантатами. Они садятся друг против друга и подключаются к машине. Первый игрок придумывает причудливый сценарий, который становится вполне реальной картиной для второго игрока, набирающего очки в зависимости от его адаптации к сценарию и выживанию. Второй игрок в свою очередь делает то же самое для первого.

В эту игру хорошо играть на деньги. Сначала я здорово струсил, услышав такое предложение, ведь пока играешь, совершенно забываешь, что это игра. Она кажется абсолютно реальной. Игроки имеют почти божественную власть друг над другом. У Курана стояла потрепанная модель, предохранители в которой давно устарели. Ходили слухи, что у некоторых игроков

здесь случались кровоизлияния в мозг и спазм коронарных сосудов.

— Давай, Одран, — подбодрил меня Шакнахай. — Посмотрим, что у тебя получится.

— О'кей, Чири, — сказал я. — Сыграем.

Она встала и пошла к кабинке Транспекса. Я последовал за ней; Шакнахай и Куран присоединились к нам.

— Хочешь, сыграем на остальные пятьдесят процентов дохода от моего клуба? — Ее глаза заблестели над краем бокала.

— Я не могу. Папочка не одобрит этого. — В выигрыше я уверен не был, так как видел предыдущие результаты машинных игр. Наивысший результат в Транспексе был тысяча очков, а я от силы мог набрать восемьсот. На этой же машине наивысший результат составлял семьсот очков, вероятно потому, что бар Курана не привлекал таких заковыристых типов, как я.

— Лучше давай сыграем на содержимое этого конверта.

Идея ей понравилась.

— Меня это не разорит, — заявила Чири. Я не сомневался, что Чири может раздобыть денег, когда они ей понадобятся.

Куран принес всем лимонада. Шакнахай подвинул простенький стул поближе к экрану, чтобы лучше рассмотреть компьютерные образы иллюзий, создаваемых мной и Чири. Я опустил в машину пять киамов.

— Если хочешь, начинай первая, — сказал я Чири. — Хорошо, — согласилась Чири. — Забавно будет посмотреть, как ты попотеешь.

Она взяла модди Транспекса, подсоединила его к своему гнезду и нажала клавишу первого игрока. Я взял второй модди, пробормотал:

— *Висмиллах,* — и нажал клавишу второго игрока.

Сначала появился теплый искрящийся туман, местами радужный, переливающийся перламутровым блеском. Одран находился в середине облака, но оно его не тревожило. Было тихо и безветренно. Издалека веяло свежим морским воздухом. Затем все вокруг стало меняться.

Теперь он плыл в облаке. Он не сидел и не стоял, а легко и безмятежно дрейфовал сквозь пространство. Ничто его не волновало, ощущения были прекрасные. Постепенно туман стал рассеиваться. Вздрогнув, Одран понял, что он уже не в облаке, а в теплом, сверкающем солнечными зайчиками море.

Под ним колыхались длинные узкие водоросли, растущие среди ярких разноцветных кораллов. Анемоны разнообразных окрасок и форм тянули к нему свои жадные щупальца, но он умело проплывал между ними,

Одран плохо различал предметы, но с помощью остальных чувств мог понять, что творилось вокруг. Запах морского воздуха вытеснили разнообразные тонкие ароматы, увидеть которые он не мог, но все они были до боли знакомы ему. Он услышал звуки: шелест, шуршание, — откликающиеся долгим, гулким эхом.

Он был рыбой. Он чувствовал себя сильным и свободным. И голодным. Одран нырнул и опустился на дно, рядом со жгучим анемоном; здесь прятались мелкие рыбешки. Он молнией пронесся среди них, проглотив множество пурпурных и желтых обитателей морских глубин. На время он утолил свой голод. Течение приносило запахи других съедобных существ, и он повернулся по направлению к благословенному источнику.

Потом он долго плыл, пока не понял, что потерял след. Одран не мог сообразить, сколько прошло времени. Это не имело значения. В этих сверкающих солнечных морях ничто не имело значения. Он пощипал водоросли, растущие на великолепном рифе, потревожив нежные существа с пышными плавниками и обратив в бегство опоясанных красным креветок и фарфоровых крабов.

Вдруг вода над ним потемнела. В вышине пронеслась тень, и Одрану стало не по себе — он ощутил состояние тревоги. Он не мог посмотреть вверх, но давление водных масс говорило о том, что нечто огромное и опасное кружит поблизости. Одран вспомнил, что он не один в этом океане. Сейчас наступила его очередь убегать. Он бросился мимо рифа и прочертил зигзаг в нескольких дюймах от песчаного дна.

Хищная тень следовала по пятам. Одран метнул взгляд по сторонам в поисках убежища, но не нашел ничего подходящего: ни обломков кораблекрушения, ни подводных скал или пещер. Он резко развернулся и поплыл назад той же дорогой. Преследователь повторил его маневр, легко и лениво.

Внезапно хищник атаковал его: убийца с неподвижными черными глазами и зубами, сверкающими, как хромированная сталь. Одран стрелой метнулся вверх, ближе к поверхности, хотя и знал, что там тоже негде укрыться. Огромное существо неслось за ним по пятам. Прорезая толщу вод пенящимся следом, Одран вынырнул в незнакомый разреженный воздух и полетел. Он скользил над белыми гребешками волн, пока, наконец, измученный, не упал снова в родную стихию.

Там его ожидало все то же жуткое существо с раскрытой пастью, готовое разорвать его на клочки. Острые клыки сомкнулись, медленно и торжествующе, и для Одрана наступила темнота и ожидание неминуемой гибели.

— Уф, — пробормотал я, когда Транспекс вернул мне собственное «я».

— Ничего себе игра, — заметил Шакнахай.

— Сколько я набрала? — весело спросила Чири.

— Совсем неплохо, — подал голос Куран. — Шестьсот двадцать три. Сценарий был многообещающий, но ты не довела его до паники.

— Я старалась, черт подери, — отозвалась Чири. — Налейте мне еще стаканчик. — Она лукаво улыбнулась мне.

Я вынул коробочку с таблетками и проглотил восемь штук паксиума, протолкнув их в гордо глотком джина. Пока я был рыбой, я не мог ощущать страх так, как сейчас во всей его полноте и оцепенении.

— И мне тоже стаканчик, — пробормотал я. — Плачу за всех.

— Мне двойной, — попросил Шакнахай.

Мы с Чири немного обождали, приходя в себя для следующей игры. Куран-принес поднос со стаканами, и Чири опорожнила свою порцию двумя большими глотками. Она решила подкрепиться, прежде чем я подвергну ее мозг жестокому испытанию.

Чири нажала клавишу второго игрока, и веки ее медленно опустились. Казалось, она мирно дремлет. Все это закончится паникой, подумал я. На экране мерцала та же самая опаловая дымка, сквозь которую путешествовал я, пока Чири не решила, что это будет океан. Я протянул руку и нажал клавишу первого игрока.

Одран взирал сверху на клубящийся туман, как Аллах с высоты небес. Он сосредоточился, пытаясь сотворить яркую красочную иллюзию, и результат удовлетворил его. Вместо постепенного развертывания панорамы Одран выбросил сгусток сенсорной информации. Женщина, стоявшая там, внизу, была ошеломлена яркостью и чистотой красок воображаемого мира, его звуками, ощущениями, запахами. Она вскрикнула, и ее голос прозвенел в чистом прохладном воздухе, словно колокольчик. Она упала на колени, жмурясь и зажимая уши ладонями.

Одран помедлил. Он хотел, чтобы женщина привыкла к созданному им миру. Он не собирался прятаться за деревом, чтобы потом выскочить и напугать ее. Для этого время еще не настало.

Через некоторое время женщина отняла руки от ушей, встала и робко огляделась.

— Марид! — позвала она. В тишине ее голос прозвенел неестественно громко. Оглянувшись, она посмотрела в сторону туманно-пурпурных гор на западе. Потом снова повернулась на восток, к болотистым берегам озера, в котором отражалось невыносимо голубое небо. Одрану было безразлично, в каком направлений она пойдёт; конец все равно будет один.

Женщина решила пойти по болотистому берегу на юго-восток Она шла несколько часов, слушая плавные трели певчих птиц и вдыхая острый аромат незнакомых цветов. Через некоторое время солнце позади нее опустилось на склоны пурпурных холмов и закатилось за них, оставив иллюзорный мир Одрана в темноте. Он своевременно позаботился о полной луне, огромной и сияющей, как серебряный поднос. Устав, женщина решила прилечь на сладко пахнущую траву и заснуть.

Утром Одран разбудил ее проливным дождем.

— Марид! — снова позвала она. Он ничего не ответил. Она задрожала. — И долго ты собираешься держать меня тут?!

Золотистое солнце поднималось все выше, и, несмотря на теплое утро, жара не становилась изнуряющей. После полудня, когда женщина прошла около половины пути вокруг озера, она набрела на шатер, покрытый вишневым и светло-голубым шелком.

— Что это такое, Марид?! — закричала женщина. — Может, хватит, а?

Она неуверенно подошла к шатру.

— Эй! — позвала она.

Тотчас же из шатра вышла девушка в белом платье, босая, ее светлые волосы были небрежно переброшены через плечо. Улыбаясь, она несла деревянный поднос.

— Проголодалась? — приветливо спросила она.

— Да, — ответила женщина.

— Меня зовут Мариам. Я ждала тебя. Прошу прощения, но у меня есть только хлеб и молоко. — Она налила молока из серебряного кувшина в серебряный кубок.

— Спасибо. — Женщина с жадностью съела хлеб и выпила молоко.

Мариам рукой заслоняла глаза от солнца.

— Ты идешь на ярмарку? Женщина отрицательно покачала головой:

— Я и не слыхала о ярмарке. Мариам засмеялась:

— Все идут на ярмарку. Пойдем со мной, я покажу тебе дорогу.

Женщина подождала, пока Мариам отнесет в шатер-подносе посудой. Вскоре она появилась опять.

— Я готова, — сказала она весело. — Поговорим по дороге.

Они продолжили путь вокруг озера уже вдвоем, пока женщина не увидала множество островерхих шатров из полосатой ткани. Над ними ветер развевал яркие цветные вымпелы. Она услышала смех, крики, удары топора по дереву и звон металла о металл. Пахло свежим хлебом, булочками с корицей и жаренным ягненком на вертеле, над пышущими жаром углями,

У нее потекли слюнки. Аппетит разыгрался помимо ее воли.

— У меня нет денег, — сказала она.

— Денег? — со смехом спросила Мариам. — А что это такое?

Женщина весь день ходила из шатра в шатер, рассматривая разнообразные диковины. Она пробовала экзотические блюда и незнакомые напитки. Временами ей становилось не по себе. Она оглянулась через плечо, с минуты на минуту ожидая конца приятной части этой фантазии.

— Марид, — позвала она, — где ты?

— Кого ты зовешь? — спросила Мариам.

— Я… не знаю… — ответила женщина. Мариам засмеялась.

— Посмотри лучше сюда. — Она потянула женщину за рукав в шатер, где атлетически сложенная художница составляла занимательную мозаику из когтей, зубов и глаз ящериц.

Они послушали, как дети наигрывают странную мелодию на музыкальных инструментах, вырезанных из костей и целых скелетов животных, и посмотрели, как несколько старух прядут из своих седых волос нити, из которых вяжут салфетки и шарфы.

Одна беззубая карга искоса взглянула на Мариам и женщину.

— Бери что хочешь, — проскрипела она,

— Спасибо, бабушка, — поблагодарила Мариам, Она выбрала два носовых платка.

Время шло, и вскоре солнце вновь начало клониться к горизонту. Как в прошлую ночь, взошла полная луна.

— Ярмарка будет продолжаться всю ночь? — спросила женщина.

— Всю ночь и весь завтрашний день, — ответила Мариам. — Всегда.

Женщина содрогнулась.

С этого момента она не могла избавиться от ужасного предчувствия, что ее сюда заманили и бросили на произвол судьбы. Она не помнила, кем была раньше, до того, как проснулась на берегу озера, но чувствовала, что с ней сыграли злую шутку. Она могла только молиться кому-то, чье имя — Марид. Она думала: может быть, он Бог?

— Марид, — бормотала женщина в страхе, — пожалуйста, прекрати все это.

Но Одран не хотел заканчивать игру. Он наблюдал за тем, как женщина и Мариам стали устраиваться на ночлег: они нашли большой шатер со множеством удобных подушек, с простынями из сатина и тонкого полотна. Там они улеглись и вскоре заснули.

Утром женщина проснулась и тут же ужаснулась при одной мысли об этой нескончаемой ярмарке, что ждала ее впереди. Мариам принесла на завтрак колбасу, печеные хлебцы с помидорами и дымящийся чай. Она была по-прежнему полна

радостного энтузиазма и повела женщину навстречу новым, более опасным развлечениям. Постепенно женщину охватывало чувство ужаса, неуклонно нарастающее.

— Я здесь уже два дня, Марид, — взмолилась она. — Убей меня или отпусти.

Одран ничего не отвечал ей.

На третий день они занялись рассматриванием разнообразных чудес; они видели девочку-подростка, у которой вместо грудей были цветущие розы; свечи, не желающие гореть в присутствии неверных; балаган, представлявший сражение слепого с двумя разъяренными драконами; семью, из поколения в поколение собиравшую из железа макет ярмарки, который, по-видимому, никогда не будет завершен; клетку со сверчками, свидетелями Шахады, исламского завета веры.

День клонился к вечеру, снова наступила ночь. Мужчины зажгли факелы на длинных шестах. Мариам водила женщину из шатра в шатер, но та уже не восхищалась зрелищами. Ее переполняло ощущение надвигающейся катастрофы. Она хотела бежать, но знала, что дороги назад ей не найти. И вдруг раздался пронзительный вопль толпы.

— Что это? — со страхом спросила она; люди, находившиеся рядом с ней, рассыпались по сторонам.

— О Аллах! — воскликнула Мариам; в лице ее были ужас и растерянность. — Беги! Спасайся!

— Что это? — закричала женщина. — Скажи мне, что это?

Мариам скорчилась на земле, плача и причитая.

— Во имя Аллаха благого и милосердного, — снова и снова бормотала она.

Так и не получив от Мариам вразумительного ответа, женщина оставила ее и побежала между шатрами, в толпе, охваченной ужасом. И вскоре она увидела их: двух огромных великанов, невероятного роста, сотни и сотни футов в высоту. Они шли, сокрушая на своем пути все. Они брели среди далеких холмов; и от их шагов вода в озере вышла из берегов. Под ногами их дрожала земля. Они приближались. Прижав руки к груди, женщина попятилась.

Один из великанов медленно повернул голову и посмотрел на нее. Он был жутко безобразен: наискосок через его лицо шел страшный шрам; одна глазница была пуста, из пасти торчали кривые желтые клыки. Он поднял руку, указывая на нее.

— Нет, — сказала она голосом, охрипшим от страха, — талька не меня! — Она хотела бежать, но не могла даже двинуться с места.

Великан наклонился, свирепо глянул на нее и протянул

огромную лапу.

— Марид! — возопила женщина. — Ради Бога! Помощь не приходила. Гигантская ладонь начала

сжиматься вокруг ее тела.

Женщина попыталась поднять руку, чтобы выдернуть модди из гнезда, но руки ее онемели. Она поняла, что ей не убежать. Женщина завизжала от ужаса.

Безобразный гигант оторвал ее от земли и поднес к своему единственному глазу. Его пасть расплылась в усмешке: ее страх забавлял его. Она снова шевельнулась, пытаясь отключить модди, но ее руки были крепко прижаты к телу. Она кричала не переставая, пока не потеряла сознание.

Мои глаза на мгновение затуманились, но я слышал рядом прерывистое дыхание Чири. Вот уж не думал, что она так расстроится. Ведь это всего-навсего игра Транспекс, в которой она была отнюдь не новичок: она знала, на что идет.

— Ну и подонок же ты, Марид, — наконец выдавила она.

— Чири, это ведь только… Она отмахнулась от меня:

— Знаю, знаю! Ты выиграл. Я жалкая трусиха. Все денежки твои.

— Забудь о них, Чири. Я… Напрасно я так сказал.

— Послушай, сукин сын, — прошипела Чири. — Когда я проигрываю, я плачу. Если не возьмешь деньги, я запихну их в твою глотку. Однако, черт возьми, ну и воображение у тебя!

— Особенно в последней части, — с одобрением заметил Куран, — там, где она не могла поднять руку, чтобы отключить модди.

— Садист! — сказала, тряхнув головой, Чири. — Никогда больше не сяду с тобой за Транспекс.

— Мне нужно было преимущество, Чири. И только. Я не смотрел, сколько набрал. Может, всего на пару очков больше.

— Ты набрал девятьсот сорок одно, — сказал Шакнахай. Он поглядывал на меня как-то странно, с уважением и вместе с тем словно бы осуждающе. — Нам пора. — Он поднялся и выплеснул остатки из своего стакана.

Я тоже встал.

— Ты в порядке, Чири? — Я положил руку ей на плечо.

— Нормально. Я все еще под впечатлением. Прямо ночной кошмар. — Она еще раз прерывисто вздохнула, приходя в себя. — Я должна поехать в клуб и отпустить Индихар домой.

— Подбросить тебя? — спросил Шакнахай.

— Спасибо, — отказалась Чири, — у меня своя машина.

— Значит, увидимся позже, — сказал я.

— *Ква хери,* ты, подонок. — Однако она улыбалась. Я

подумал, что, наверное, между нами все будет о'кей. И был искренне рад этому.

Уже в машине Шакнахай покачал головой и усмехнулся:

— А знаешь, она права. Ты вел себя как настоящий садист. Терзал ее без всякой, надобности. Сукин ты сын.

— Наверно.

— А я тут разъезжаю с тобой по городу… Разговор этот мне сразу наскучил.

— Не пора ли заканчивать смену? — спросил я.

— Пора. Давай-ка проедем мимо участка, а потом — ко мне, пообедать, если у тебя нет других планов. Я думаю, Фридлендер Бей перебьется без тебя одну ночь.

Я не слишком общителен и всегда чувствую себя неловко в чужих домах. Но идея провести вечер вне Папочкиного круга показалась мне чрезвычайно привлекательной.

— Конечно, — согласился я.

— Я только звякну жене и предупрежу.

— Не знал, что ты женат, Иржи.

Удивленно приподняв брови, он набрал свой номер. Перебросившись с женой парой фраз, Шакнахай повесил телефон на пояс.

— Все в порядке, — сказал он. — Сейчас жена займется уборкой и готовкой. Она всегда готовится к приходу гостей.

— Ну, для меня нет необходимости суетиться, — сказал я.

Шакнахай покачал головой:

— Да это вовсе не для тебя: Просто она из очень ортодоксальной семьи и каждый раз хочет доказать, что образцовая мусульманка.

Мы остановились у здания участка, передали автомобиль следующей смене, отметились в журнале и после всех формальностей службы устремились вниз по лестнице.

— Я всегда хожу домой пешком, если нет дождя, — сказал Шакнахай.

— Далеко идти? — спросил я. Вечер был чудесный, но я не был расположен к дальней прогулке.

— Три — три с половиной мили.

— Погоди, — остановил его я. — Сейчас возьму такси.

На бульваре Иль-Жамедь около восточных ворот всегда стоят семь-восемь свободных машин. Я поискал своего дружка Билла, но его не было. Пришлось сесть в другое такси, и Шакнахай назвал шоферу свой адрес.

Мы подъехали к жилому дому в части города, которая называлась Хаф-аль-Хала, Край пустыни. Шакнахай с семьей жили в самой южной оконечности города, рядом с пустыней,

песчаными дюнами подступающей к стенам домов. На улицах не было ни деревьев, ни цветов. Самое голое, пустынное безжизненное и тихое место, какое я только видел.

Шакнахай, похоже, угадал направление моих мыслей.

— Это самое дорогое жилье, какое я могу себе позволить, — проворчал он. — Ну заходи.

Я вошел за ним в подъезд дома, и мы Поднялись на третий этаж. Он открыл ключами дверь, за которой его сразу же атаковали двое малышей. Они прилипли к его ногам, и так, вместе с ними, он проследовал в прихожую. Смеясь, он наклонился и погладил ребятишек по головам.

— Мои сыновья, — гордо заявил он. — Это малыш Иржи, ему восемь, а Хакиму — четыре. Захре — шесть, она, наверно, мешает мамочке на кухне.

Честно говоря, с малышами я общаться не умею: не хватает терпения. Это удовольствие не для меня; и вообще, я никогда не понимал, зачем люди заводят детей. Правда, это не помешало мне вежливо заметить:

— Симпатичные мальчуганы. Они делают тебе честь.

— Такова была воля Аллаха, — ответил Шакнахай. Он сиял точно прожектор.

Он отцепил малыша Иржи и Хакима и вышел посмотреть, скоро ли будет готов ужин. Оставив меня, к моему ужасу, наедине с детьми. Я не желал детям зла, но моя теория воспитания была несколько радикальной. Я искренне считал, что ребенка после рождения имеет смысл подержать дома в течение нескольких дней, пока его новизна не приестся, после чего следует запаковать его в большой картонный ящик с лучшими книгами, созданными западной и восточной цивилизациями. Открыть ящик можно по прошествии восемнадцати лет.

Я со страхом наблюдал, как сначала малыш Иржи, а затем Хаким обращают на меня внимание. Хаким подошел ко мне с двумя ярко-красными игрушками: одна в руке, а другая — в зубах.

— И что теперь? — задумчиво и растерянно пробормотал я.

— Ну, как вы тут? — раздался голос Шакнахая. Я был спасен. Он вошёл в гостиную и сел рядом со мной в старое расшатанное кресло.

— Чудесно, — ответил я и взнес благодарственную молитву Аллаху. Казалось, со времени отсутствия Шакнахая пролетела целая вечность.

Симпатичная и очень серьезная девочка вошла в комнату, неся фарфоровое блюдо с хумусом и хлебом. Шакнахай взял блюдо и расцеловал ее в обе щеки.

— Это моя маленькая принцесса Захра, — сказал он. — Захра, это дядя Марид.

Дядя Марид! Никогда я еще не оказывался в столь курьезном положении.

Захра взглянула на меня, покраснела до ушей и убежала обратно на кухню. Шакнахай засмеялся. Я всегда производил незабываемое впечатление на женщин.

Шакнахай подвинул ко мне тарелку с хумусом.

— Угощайся, — произнес он.

— Да снизойдет на твой дом процветание, Иржи, — сказал я.

— Да продлит Аллах твои дни! Пойду принесу чай. — Он поднялся и вновь удалился на кухню.

Лучше бы он не суетился, это нервировало меня; кроме того, в его отсутствие я ощущал численный перевес детей. Отщипнув хлеба, я окунул его в хумус, украдкой покосившись на Иржи и Хакима. Они мирно играли друг с другом, не обращая на меня никакого внимания. Но я не терял бдительности.

Через несколько минут Шакнахай вернулся.

— Я думаю, с моей женой вы знакомы, — сказал он. Рядом с ним стояла Индихар. Он улыбался своей идиотской усмешкой, а она казалась совершенно ошеломленной.

Я стоял, не веря своим глазам.

— Привет, Индихар, — выдавил я, чувствуя себя дураком. — Я и не знал, что ты замужем.

— Никто не знает, — сказала она, посмотрев на мужа, а затем на меня.

— Все в порядке, дорогая, — успокоил ее Шакнахай. — Марид никому не расскажет, верно?

— Марид… — начала Индихар, но, вспомнив, что я гость в ее доме, скромно опустила глаза. — Это большая честь для нашего дома, Марид.

Я не знал, что еще сказать. Для меня это было большой новостью. Индихар — днем прекрасная танцовщица, а ночью — степенная жена-мусульманка.

— Пожалуйста, — смущенно сказал я, — не беспокойтесь на мой счет.

Индихар плутовски стрельнула глазами, уводя Захру из комнаты.

— Наливай себе чаю, — сказал Шакнахай. — И еще хумуса.

Хаким наконец до меня добрался. Вцепившись в мою ногу, он надул мне на брюки. Это превзошло все мои опасения.

Глава 8

Я смотрел на маленькую тетрадь Шакнахая в коричневом переплете, ту самую, которую он носил на бедре, в кармане джинсов. Впервые я увидал ее при расследовании убийства Бланки. Сейчас я разглядывал обложку с кровавыми отпечатками пальцев и думал, какой шифр придумал Шакнахай для своих записей. Когда-нибудь я их расшифрую,

Миновала неделя со дня моего визита к Иржи и Индихар. День начался неудачно, и ничто не предвещало перемен к лучшему. Проснувшись, я увидел у кровати Кмузу с подносом, на котором стояли стакан апельсинового сока, блюдо с жареными хлебцами к чашечка кофе. Наверное, он выжидал, пока сработает мой дэдди с будильником. Вид у него был настолько усталым, что я чуть было не пожалел его.

— Доброе утро, яа Сиди! — тихо произнес раб. Я чувствовал себя препаршиво.

— Где моя одежда? Кмузу вздрогнул.

— Не знаю, яа Сиди. Я не помню, куда вы ее положили вчера вечером.

Я тоже не помнил. С того момента, как я вошел в квартиру, и до этой минуты я не помнил ничего й ощущал только легкий приступ тошноты. Я вылез из постели в чем мать родила, и к тошноте прибавилась головная боль.

— Помоги мне найти джинсы, попросил я. — У меня там таблетки.

— Вот почему Бог воспрещает пьянство, — пробормотал Кмузу.

Я взглянул на него. Глаза у него слипались — поднос опасно накренился. Сейчас кофе и апельсиновый сок разольются по моей постели. Но в тот момент вовсе не это было для меня главным.

Под кроватью одежды не оказалось, хотя там было наиболее вероятное местонахождение. Ее не было ни в кладовой, ни в прихожей, ни в ванной, Я осмотрел обеденный стол в кухне. Безрезультатно. Наконец я нашел ботинки и скомканную рубашку в книжном шкафу, между детективными романами Лутфи Года, палестинского писателя середины двадцать первого века. Джинсы были аккуратно сложены на письменном столе между несколькими толстыми пачками компьютерных распечаток.

Еще не натянув штаны, я выхватил коробочку таблетками и поспешил обратно в спальню. Я хотел тайком проглотить десяток соннеинок и успеть запить их апельсиновым соком.

Но я опоздал. Кмузу стоял, с ужасом наблюдая сладкую

липкую лужу желтого цвета, расползавшуюся по простыне. Он поднял глаза.

— Я сейчас все уберу, — сказал он, проглотив слюну. В его лице читался страх, вызванный боязнью потерять теплое местечко в Большом Доме и отправиться в изгнание на уборку урожая — в поля, вместе с остальным рабочим быдлом, без протекции и квалификации.

— Не переживай, Кмузу. Дай-ка лучше мне эту чашечку…

Раздалось шуршание, и кофейная чашечка с блюдцем соскользнули с подноса следом за соком. Ну что ж, по крайней мере, кофе прикрыл собой ядовито-желтое апельсиновое пятно.

— Яа Сиди…

— Принеси мне стакан воды, Кмузу. Побыстрее. Ну и ночка была! Сперва у меня появилась блестящая идея направиться после работы в Будайен.

— Давно я никуда не выходил по вечерам, — сказал я Кмузу, приехавшему за мной в участок в конце рабочего дня.

— Хозяину дома было бы приятно знать, что вы целиком заняты порученной вам работой.

— Конечно, ты прав, но разве мне запрещено время от времени встречаться с друзьями? — И я велел ему двигать в Греческий клуб Ио-Мама.

— Если вы поедете туда, вы поздно вернетесь домой, яа Сиди!

— Знаю. А что, лучше, если я напьюсь с утра? Сейчас у нас масса времени.

— Но хозяин дома…

— Здесь поверни налево, Кмузу. Немедленно. Вот так.

Я не собирался спорить с ним. Я просто приказал ему повернуть на север и ехать по извилистым городским улочкам. Мы оставили автомобиль на бульваре и вошли в ворота Будайена.

Клуб Ио-Мама на Третьей улице тесно связан с северной стеной квартала. Роки нахмурилась, увидев, что я сел поближе к бару. Она была плотно сбитой коротышкой с черными жесткими волосами и к тому же, как помощник бармена, не особенно радовалась моему визиту.

— Вы хотите проверить лицензию, офицер? — хмуро спросила она.

— Полегче, Роки. Я хочу только джина и бингары. — Я повернулся к Кмузу, который стоял рядом. — Подваливай, — кивнул я ему.

— Кто это? — спросила Роки. — Твой слуга или как?

Я кивнул еще раз.

— Принеси ему то же самое. Кмузу протестующе поднял руку.

— Пожалуйста, содовой.

Роки взглянула на меня: я едва заметно помотал головой.

Ио-Мама вышла из своего кабинета и улыбнулась мне:

— Марид, как дела? Давно тебя не было видно.

— Все дела… — ответил я.

Роки поставила стаканы передо мной и Кмузу.

Ио-Мама похлопала его по плечу.

— А твой хозяин — не промах, — с восхищением сказала она.

— Знаю, — согласился Кмузу.

— Мы все это знаем, не правда ли? — сказала Роки, слегка скривив губы.

Кмузу отхлебнул джина с бингарой и поморщился.

— У этой содовой странный привкус, — заметил он.

— Это от лимонного сока, — поспешил объяснить я.

— А-а-а… — протянул Кмузу и еще раз снял пробу.

Ио-Мама хмыкнула. Она была самой большой женщиной, которую я когда-либо встречал, — крупной, сильной и почти неизменно дружелюбной. У нее был громкий, но хриплый голос и замечательная память на тех, кто задолжал ей или сделал какую-нибудь пакость. Когда она смеялась, у всех окружающих выплескивалось из стаканов пиво, а когда бывала сердитой, не многим хотелось оказаться поблизости, чтобы узнать, чем кончится дело.

— Твои друзья вон за тем столиком, — указала она в глубину бара.

— Кто?

— Махмуд, Халф-Хадж и этот сопливый христианин.

— Мои бывшие друзья, — сказал я. Ио-Мама пожала плечами. Я прихватил свой стакан и направился к ним. Кмузу последовал за мной.

Махмуд, Жак и парнишка-американец Абдул-Хасан, любовник Саида, сидели за столом у края сцены. Сначала они не заметили меня, занятые какой-то незнакомой мне танцовщицей. Я подвинул к их столику еще пару стульев, и мы с Кмузу сели.

— Как жизнь, Марид? — спросил Махмуд. — Приехал проверять допуск-пропуск?

— Я уже слышал это от Роки, — ответил я. Махмуду было наплевать. В свою бытность девушкой он был достаточно строен и красив, чтобы работать здесь, в клубе Ио-Мама. Но после перемены пола он потолстел и нарастил мускулатуру. Я не хотел бы с ним связываться, чтобы узнать, кто из нас двоих сильнее.

— И что это мы пялимся на эту вертихвостку? — спросил Саид. Абдул-Хасан смотрел на танцующую девушку с ненавистью. Урок Халф-Хаджа не прошел даром.

— Она неплоха, — заметил Жак, обнаруживая в себе воинствующую оппозицию. — Она прехорошенькая, разве нет?

Саид плюнул на пол.

— Дебютантки на улице ничуть не хуже.

— Дебютантки на улице насквозь искусственные, — отрезал Жак, — а эта девочка хороша от природы.

— Да просто ее синтетика натуральнее, — отрезал Махмуд. — Я лучше понаблюдаю за телкой, которой не лень истратить на себя больше времени и денег, чтобы навести глянец.

— Ты хочешь сказать — которой посчастливилось обзавестись модди? — вставил Жак.

— Как ее зовут? — спросил я.

Они пропустили мой вопрос мимо ушей.

— Ты слышал, что Бланку убили? — спросил Махмуда Жак.

— Наверно, во время полицейского налета, — ответил Махмуд, сверкнув глазами в мою сторону.

Больше я не желал терпеть его выходки. Я выдвинул свой стул из-за стола.

— Допивай свою… содовую, — приказал я Кмузу.

Саид встал и подошел ко мне.

— Марид, — прошептал он, — не обращай на них внимания. Они просто хотят разозлить тебя.

— Они добились своего! — заметил я.

— Скоро им надоест, и все будет по-прежнему. Я допил свой бокал.

— Да уж, — ответил я, поражаясь наивности Саида. Абдул-Хасан посмотрел на меня, кокетливо взмахнув длинными ресницами. Я подумал: кем он захочет стать, когда повзрослеет, — мужчиной или женщиной?

Ио-Мама снова ушла в свой кабинет, но Роки с ней не попрощалась. Кмузу повел меня к выходу.

— Ну как, — спросил я его, — повеселился? Он тупо взглянул на меня, и вид у него был невеселый.

— Пошли к Чири, — предложил я. — Если кто-нибудь там посмеет косо взглянуть на меня, я его просто вышвырну. Это мой клуб. — Мне эта фраза жутко понравилась.

Мы проследовали в южном направлении и вскоре свернули на Улицу. Кмузу шел за мной с серьезным и подобострастным видом. Он был плохим компаньоном в выпивке, но в верности его я не сомневался. Я знал, что он не бросит меня, если даже повстречает какую-нибудь сговорчивую девицу.

— Почему ты не расслабишься? — спросил я его.

— Это не входит в мои обязанности, — ответил он.

— Ты раб и должен слушаться. Смотри на все проще.

В клубе я встретил радушный прием.

— Вот и он, леди! — воскликнула Чири. Наш хозяин. — На этот раз ее слова прозвучали жизнерадостно. В тот вечер в клубе работали три транссексуалки и две дебютантки. Остальные девочки вместе с Индихар выходили в дневное время.

Как это было чудесно: почувствовать себя в клубе как дома.

— Как наши дела, Чири? — спросил я.

— Паршивый вечер, — сказала она с отвращением. — Ничего не заработали!

— Ты всегда так говоришь.

Я прошел на свое обычное место в глубине рядом со сценой. Оттуда я мог видеть весь бар и каждого, кто в него входил. Кмузу сел рядом.

Чири брякнула рядом со мной пробковый поднос. Я постучал по столу перед носом Кмузу.

— Кто этот красавчик? — спросила Чири.

— Его зовут Кмузу, — сказал я. — Он не очень общителен.

Чири усмехнулась.

— Я займусь им. Откуда ты, дорогуша? — спросила она.

Он заговорил с Чири на каком-то африканском диалекте, но ни она, ни я не поняли ни слова.

— Я раб Сиди Марида, — заявил он.

Чири была обескуражена. Она чуть не потеряла дар речи.

— Раб? Извини меня, дорогуша, но нечем похвастаться. Какое же в этом достижение?

Кмузу покачал головой:

— Длинная история.

— Бьюсь об заклад… — Чири вопросительно взглянула на меня.

— Я ничего не знал об этом, — сказал я.

— Папочка просто взял и подарил его тебе, да? Как этот клуб?

Я кивнул. Чири поставила джин с бингарой на мой поднос и еще один — перед Кмузу.

— На твоем месте я бы опасалась разворачивать рождественские подарочки.

Ясмин добрых полчаса поглядывала на меня, прежде чем подойти поздороваться. Она решилась на это лишь потому, что две транссексуалки целовали меня и увивались вокруг, стараясь завоевать мое расположение. Кажется, они добились своего.

— Ты стал большим человеком, Марид, — заметила Ясмин.

Я пожал плечами:

— Я чувствую себя по-прежнему простым норафом.

— Но ты же знаешь, что это не так.

— И всем этим я обязан тебе. Ты воодушевила меня на операцию, которую предложил Папочка.

Ясмин опустила глаза.

— Да, конечно. Послушай, Марид, мне очень жаль, если… — Она снова посмотрела на меня.

Я взял ее за руку.

— Не жалей ни о чем, Ясмин. Что было, то было.

Она с благодарностью взглянула на меня.

— Спасибо, Марид. — Наклонилась, поцеловала в щеку и поспешила к столику, где сидели темнокожие моряки с торгового судна.

Остаток ночи пролетел мгновенно. Я опрокидывал стакан за стаканом и следил, чтобы Кмузу не отставал от меня. Он все еще полагал, что пьет содовую со странным лимонным соком…

Скоро я был пьян в стельку. Кмузу, вероятно, был тоже хорош. Помнится, Чири закрыла бар в три ночи. Она сняла кассу и выдала мне деньги. Я вручил ей половину купюр, как мы договорились, выдал Ясмин и остальным девочкам их жалованье. Но у меня все равно осталась толстая пачка.

Транссексуалка по имени Лили наградила меня пылким поцелуем, а другая, Рири — номером своего телефона. Кажется, она дала телефончик и Кмузу, очевидно, на спор. И тут я полностью отключился. Не знаю, как мы с Кмузу добрались домой, по крайней мере не в своем автомобиле. Думаю, Чири посадила нас в такси. Пришел я в себя в постели, увидев дремавшего стоя Кмузу, собиравшегося опрокинуть на меня апельсиновый сок е горячим кофе.

— Ну, и где же вода? — спросил я, спотыкаясь, с таблетками соннеина в одной руке и ботинками в другой.

— Вот она, яа Сиди.

Я взял стакан и проглотил таблетки.

— Еще и тебе осталась парочка… — предложил ему я.

Он испугался:

— Я не могу…

— Это не наркотики, это лекарство.

Кмузу долго боролся со своим предубеждением против лекарств, прежде чем взял одну соннеинку.

Но я все еще был далек от трезвого состояния, и слабо помогали соннеинки. Конкретно ничего не болело, но голова не прояснялась. Я быстро оделся, не глядя, что надеваю. Кмузу предложил мне позавтракать, но от одной мысли о еде затошнило. Хорошо еще, что на этот раз Кмузу не докучал мне. Думаю, в такой тяжелый день ему не улыбалось заниматься приготовлением завтрака.

Мы, пошатываясь, спустились по лестнице. Я вызвал такси, чтобы доехать до работы, а Кмузу поехал тем же рейсом за нашим седаном. Я откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и прислушался к тому, что творилось у меня в голове. В ушах у меня гудело, как в машинном отделении старинного теплохода.

— Да сбудет твой день удачным, — пожелал мне Кмузу, когда мы подъехали к зданию участка.

— Ты имеешь в виду, чтобы я дожил до ленча, — ответил я ему, выбрался из такси и протолкался сквозь толпу своих юных почитателей, бросив им несколько монеток.

Когда я вошел в свой бокс, сержант Катавина бросил на меня завистливый взгляд.

— Ты неважно выглядишь, — сказал он.

— Неважно себя чувствую. Катавина прищелкнул языком.

— Могу открыть секрет, что я делаю, когда у меня похмелье.

— Ты не приходишь на работу, — сказал я, падая на пластиковый стул. У меня не было желания с ним разговаривать.

— Это тоже помогает, — ответил он и, повернувшись, вышел из бокса. Он меня недолюбливал, но мне было на это наплевать.

Минут через пятнадцать вошел Шакнахай. Я все еще смотрел на экран компьютера, не в силах вгрызться в гору бумаг на столе, ожидавших меня.

— Где ты там? — позвал он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Хайяр хочет видеть нас обоих.

— От меня мало пользы, — мрачно буркнул я.

— Так и передам. Ну же, пошевеливайся.

Я нехотя последовал за ним по коридору в стеклянный кабинет Хайяра. Некоторое время мы стояли в дверях, пока Хайяр перебирал бумаги. Затем он поднял глаза от бумаг и внимательно посмотрел на нас. Это было предисловие. Он должен был сообщить нам что-то неприятное и вел себя так, чтобы мы знали, как неохотно он это делает.

— Мне не хотелось бы сообщать вам… — начал он, печально оглядывая нас.

— Может, тогда и не надо, лейтенант? — предложил я. — Пойдем, Иржи, оставим его в покое.

— Заткнись, Одран, — прервал меня Хайяр. — У нас официальная жалоба от Реда Абу Адиля. Помнится, я говорил вам прекратить расследование его дела. Вы так и не встретились с ним в тот раз, зато успели поговорить со множеством его подчиненных.

— О'кей, — бросил Шакнахай, — мы закрываем дело.

— Расследование закончено. Мы собрали всю нужную информацию.

— О'кей, — повторил Шакнахай.

— Все понятно. С этой минуты оставьте Абу Адиля в покое. У нас нет ничего против него. Никаких подозрений.

— Хорошо, — сказал Шакнахай. Хайяр взглянул на меня.

— Ладно, — сказал я. Хайяр кивнул.

— О'кей. А сейчас у меня для вас есть еще кое-что. — Он передал Шакнахаю листок бледно-голубой бумаги. Шакнахай мельком взглянул на него.

— Это рядом.

— Точно, — кивнул Хайяр. — Были жалобы от соседей. Похоже, очередной торговец детьми, но у этого парня скверные манеры. Если это Ой Чонг, хватайте его и везите сюда. Не беспокойтесь об уликах, их мы найдем позже, даже если вы ничего не обнаружите. Если его там нет, займитесь расследованием и представьте мне подробный отчет.

— А какое обвинение мы ему предъявим? — спросил я.

Хайяр пожал плечами:

— Да никакого. Он услышит обвинение во время следствия.

Я поглядел на Шакнахая. Тот тоже пожал плечами. Такие методы полиция использовала несколько лет назад. Лейтенант Хайяр, похоже, испытывал ностальгию по добрым старым временам.

Мы с Шакнахаем вышли из кабинета Хайяра и направились к лифту. Он засунул бумажку в нагрудный карман.

— Мы там не задержимся, — сказал он. — А потом пойдем перекусим.

При мысли о еде я испытал очередной приступ. Я понимал, что алкоголь по-прежнему бродит в моей крови, и молился Аллаху, чтобы мое состояние не навлекло на меня беды.

Мы проехали кварталов шесть и остановились у ветхих зданий из красного кирпича. На улице дети гоняли футбольный мяч, толкая друг друга и громко крича.

— Яа Сиди! Яа Сиди! — завопили они, когда я вылез из машины. Я понял, что среди них есть и те мальчишки, которым я каждое утро кидал монетки.

— Ты пользуешься бешеной популярностью в этом квартале, — заметил с любопытством Шакнахай.

Группы мужчин сидели на старых кухонных стульях перед своими домами, попивая чай, перебрасываясь словами и глазея на несущиеся мимо автомобили. При нашем появлении разговоры тут же смолкли. Нас встречали полные ненависти взгляды и злобный приглушенный шепот.

Шакнахай бросил взгляд на голубой листок и сверил с ним номер одного из домов.

— Этот, — сказал он.

На первом этаже находился магазин, в неосвещенной витрине которого громоздились картонные коробки…

— Похоже, он не работает, — сказал я. Шакнахай кивнул и подошел к группе мужчин, наблюдавших за нами.

— Кто-нибудь знает Он Чонта? — спросил он. Мужчины молча переглянулись.

— Этот подонок торгует детьми. Вы не видали его?

Вот уж не думал, что кто-нибудь из этого сборища небритых мужчин с хмурыми лицами нам поможет, однако в итоге один из них вызвался.

— Я хочу поговорить с вами, — заявил он. Остальные издевательски высмеяли его и плюнули вслед, когда он последовал за мной и Шакнахаем.

— Что ты знаешь о нем? — спросил Шакнахай.

— Этот Он Чонг появился здесь несколько месяцев назад, — сказал мужчина, нервно озираясь. — Каждый день в его магазин приходят женщины с детьми. Через некоторое время они выходят, но уже без детей.

— А что он делает с детьми? — спросил я.

— Он ломает им ноги, — с жаром сказал человек, — отрезает руки, вырывает язык, чтобы люди жалели их и давали деньги. А потом продает их мошенникам, которые выпускают калек на улицу просить милостыню. Иногда он продает девочек-подростков сводникам.

— Он Чонг не доживет до вечера, если Фридлендер Бей узнает об этом, — заявил я.

Шакнахай посмотрел на меня так, точно увидел перед собой законченного идиота, а затем вновь повернулся к мужчине:

— Сколько он платит за ребенка?

— Не знаю, — ответил тот. — Может, триста, а может, и все пятьсот киамов. Мальчишки дороже девочек. Иногда с другого конца города к нему приходят беременные женщины. Они остаются у него на неделю или на месяц. Потом возвращаются домой и говорят, что ребенок умер. — При этих словах мужчина поежился и затем затряс головой.

Шакнахай подошел к магазину и подергал дверь. Она загремела, но не открылась. Он вынул игломет и разбил стекло над замком, просунул руку и открыл его. Я последовал за ним в затхлое темное помещение.

Там было полно мусора, битых бутылок, картонок из-под продуктов, обрывков газет и упаковочного материала. Воздух был пропитан ананасовым запахом дезинфицирующего раствора. У одной из стен стоял искалеченный столик, с потолка свисала

проводка, в углу виднелась грязная раковина с одним подтекающим краном. Другой мебели я не заметил. По всей видимости, Чонга предупредили, что полиция заинтересовалась его делами. Мы обошли комнату, ступая по битому стеклу и обломкам пластика. Мы явно опоздали.

— Ничего не попишешь, — вздохнул Шакнахай. — На службе приходится тратить впустую уйму времени.

Мы вышли на улицу. Мужчины, сидевшие на кухонных табуретах, кричали на нашего добровольного осведомителя. Разумеется, никто из них не хотел оказать услугу Он Чонгу, но любой разговаривающий с полицией нарушал неписаный закон этих мест.

Мы поспешили к автомобилю. Он Чонг внушал мне отвращение, и руки у меня, конечно, чесались, я негодовал, но в конце концов был даже рад, что не удалось застать его врасплох: вид изувеченных им детей был бы слишком сильным зрелищем для меня.

— Что будем делать? — спросил я.

— С Он Чонгом? Напишем отчет. Может, он переехал в другую часть города или вообще смотался отсюда. Может, в один прекрасный день кто-нибудь поймает его и отрежет ему руки-ноги. Пусть тогда сидит на углу и клянчит милостыню — посмотрим, придется ли ему по вкусу такое занятие.

Женщина в длинном черном одеянии и сером платке перешла улицу. Она несла младенца, завернутого в клетчатую — красную с белым — каффию.

— Яа Сиди? — обратилась она ко мне. Шакнахай удивленно отошел в сторонку.

— Чем я могу помочь тебе, сестра? — спросил я. Обычно женщины не разговаривают на улице с незнакомыми мужчинами. Но я был для нее всего лишь полицейским:

— Дети сказали мне, что вы добрый человек, — сказала она. — Хозяин много запросил за квартиру — ведь у меня родился еще один ребенок. Он говорит…

Я вздохнул:

— Сколько тебе нужно?

— Двести пятьдесят киамов, яа Сиди.

Я дал ей пятьсот, отсчитав от суммы, выданной мне вчера вечером Чири. Мне оставалось еще достаточно.

— Значит, дети сказали правду, о достойнейший! — сказала она. В ее глазах блестели слезы.

— Не надо похвал, — возразил я. — Заплати хозяину за квартиру и купи еды себе и детям.

— Пусть Аллах дарует тебе новые силы, яа Сиди!

— Да будет с тобою Его благословение, сестра! Она поспешила по улице домой.

— Добрые дела согревают тебя? — спросил Шакнахай. Я не мог понять, шутит он или говорит всерьез.

— Я всегда рад хоть немного помочь людям, — ответил я.

— Трущобный Робин Гуд.

— Меня можно обозвать и похуже.

— Если бы Индихар знала эту сторону твоей личности, она бы относилась к тебе теплее.

Я взглянул на него: Шакнахай усмехался. Когда мы сели в машину, заговорил компьютер: «Номер 374, немедленно отвечайте. Совершил побег Пол Яварски. Его видели в кафе Мелула на улице Нур-Ад-Дин. Он вооружен и очень опасен. Будет стрелять на поражение. Туда же выехали другие подразделения».

— Мы выезжаем, — ответил Шакнахай. Треск компьютера прекратился.

— Кафе Мелула — это где мы ели в тот раз? — спросил я.

Шакнахай кивнул.

— Попробуем вытащить оттуда этого ублюдка, пока он еще не успел наделать дырок в котле для кускуса.

— Дырок? — переспросил я.

Шакнахай обернулся ко мне с широкой улыбкой:

— Он обожает старинные пистолеты. У него автоматическое оружие сорок пятого калибра. Пробивает в теле дырку, через которую запросто можно просунуть баранью ногу.

— Ты уже слышал об этом Яварски?

Шакнахай свернул на улицу Нур-Ад-Дин.

— Все уличные патрули уже несколько недель не сводят глаз с его фотографии. Говорят, он застрелил двадцать шесть человек. Он главарь Флэтхедской банды. За его голову обещана тысяча киамов.

Очевидно, эта информация предназначалась и для меня.

— Похоже, ты не очень-то заинтересован в его поимке, — заметил я.

Шакнахай махнул рукой:

— Я не уверен, что он там. Может, это очередной розыгрыш. Из этого квартала к нам поступает много ложных вызовов.

К Мелулу мы прибыли первыми. Шакнахай открыл дверцу и выбрался из машины. Я за ним.

— Что делать мне? — спросил я.

— Постарайся изолировать людей, — сказал он, — в случае, если…

В этот момент из кафе послышались выстрелы. Огнестрельное оружие всегда производит оглушительный шум.

Оно словно специально придумано для того, чтобы привлекать внимание, не то что треск статического ружья и шипение револьвера. Я бросился на землю и попытался достать из кармана статическое ружье. Вновь прозвучали выстрелы, донесся звон разбитого стекла. Окно, сообразил я.

Шакнахай лег на землю под стеной здания, где было безопасно. Он тоже вытаскивал свое оружие.

— Иржи, — окликнул я его.

Он махнул рукой в сторону; черного хода. Не успел я подняться и пробежать несколько ярдов, как Яварски показался в дверях кафе. Я обернулся и увидел, что Шакнахай преследует его по улице Нур-Ад-Дин, стреляя вдогонку из игломета. Шакнахай выстрелил четыре раза, и Яварски обернулся. Я смотрел на него и думал только о том, до чего же черное и огромное дуло у его револьвера. Казалось, оно было направлено прямо мне в сердце. Он выстрелил несколько раз, и кровь заледенела в моих жилах. Потом я понял, что он промахнулся.

Яварски вбежал во двор через несколько домов от заведения Мелула, и Шакнахай последовал за ним. Но, видимо, преступник сообразил, что не сможет выбраться оттуда на соседнюю улицу; он развернулся, бросаясь навстречу Шакнахаю. Я подбежал к ним, когда они стояли друг против друга и паля напропалую. У Яварски кончились патроны, и он попытался скрыться за угол двухэтажного дома.

Мы бросились за ним через двор. Шакнахай взбежал по лестнице черного хода, распахнул дверь и оказался внутри. Ноги мои тряслись от страха, но долг вынуждал меня последовать за ним. Открыв дверь, я сразу увидел Шакнахая. Прислонившись к стене, он перезаряжал игломет. Казалось, сержант не замечал большого темного пятна, расплывавшегося у него по рубашке.

— Иржи, ты ранен, — сказал я, облизывая пересохшие губы. Сердце у меня колотилось.

— Вижу. — Он глубоко вздохнул. — Пошли. Он медленно направился к дверям, вышел на улицу и остановил небольшой автомобиль.

— До нашей машины слишком далеко, — объяснил он мне, задыхаясь. Он взглянул на водителя. — Я ранен, — сказал он, садясь в машину.

Я сел рядом с ним.

— В больницу, — приказал я человеку за рулем. Водитель был похож на затравленного мышонка. Шакнахай выругался:

— К черту больницу! За ним, — указал он на фигуру, перебегающую от дома, в котором прятался Яварски, к следующему.

Яварски увидел нас и выстрелил на бегу. Пуля пробила ветровое стекло, но наш лысый водитель продолжал вести машину, а Яварски — перебегать от дома к дому. Между делом он оборачивался и успел сделать несколько выстрелов. Наш автомобиль выдержал еще пять попаданий.

Наконец Яварски добрался до последнего дома в этом квартале и взбежал на крыльцо. Шакнахай старательно прицелился и выстрелил. Яварски пошатнулся.

— Пошли, — сказал Шакнахай, хватая ртом воздух, — кажется, я попал.

Он распахнул дверцу автомобиля и упал на мостовую. Я выпрыгнул и помог ему встать.

— Где же они? — пробормотал Шакнахай.

Я оглянулся. Группа полицейских уже бежала по лестнице дома, в котором скрылся Яварски, а на улице я увидел три патрульные машины.

— Они тут, Иржи, — сказал я. Его лицо стало серым.

Шакнахай прислонился к простреленному автомобилю и судорожно вздохнул.

— Черт, больно, — выдавил он еле слышно.

— Ничего, Иржи. Сейчас отвезем тебя в больницу.

— Тут не просто совпадение — звонок по поводу Он Чонга, а затем этот Яварски.

— О чем ты говоришь? — спросил я.

Ему было очень плохо, но в машину он не садился.

— «Дело Феникса», — сказал он, глядя мне в глаза, словно хотел, чтобы я запомнил все, что он сообщит мне сейчас. — Хайяр спустил его на тормозах, но я сделал для себя все необходимые записи. Им это не понравилось. Возьми на заметку, кому передадут мои дела. Но ничего не говори об этом, иначе до тебя тоже доберутся.

К дьяволу «Дело Феникса», Иржи. — Я правда здорово волновался за него.

— Возьми это. — Он вытащил из кармана тетрадь в коричневой виниловой обложке. Потом глаза его закрылись, и он сполз на землю около машины. Я посмотрел на водителя. — Вы заберете его в больницу.

Маленький лысый человечек сначала уставился на меня, затем перевел взгляд на Иржи. — Он перепачкает мне все чехлы, — сказал этот мышонок.

Я схватил ублюдка за шиворот и выбросил из машины.

Потом я со всей осторожностью устроил Шакнахая на заднем сиденье и помчался в госпиталь. В жизни я никогда не ездил с такой скоростью.

Но это уже не имело никакого значения. Я опоздал.

Глава 9

Я вспоминаю рубаи Хайяма, нечто на тему раскаяния:

Смертный, думать не надо о завтрашнем дне,
Станем думать о счастье, о светлом вине,
Мне раскаянья Бог никогда не дарует,
Ну, а если дарует — зачем оно мне?

Будь добра, Чири, сказал я, протягивая опустевший стакан.

В клубе почти никого не осталось. Было уже поздно, я устало закрыл глаза и прислушался к музыке, пронзительной и гремящей: Кэнди обычно эту какофонию включала, когда подходила ее очередь танцевать. Мне становилось не по себе от одних и тех же песен.

— Почему бы тебе не пойти домой? — спросила меня Чири. — Я прекрасно справлюсь одна. В чем дело? Или ты не доверяешь мне?

Я открыл глаза. Она поставила передо мной стакан водки. Никакая выпивка не могла излечить мою глубокую апатию. Я мог пить ночи напролет, не пьянея. Оставалась только резь в желудке и головная боль, но желанное облегчение не приходило.

— Да нет, Чири, — ответил я. Я могу остаться. Занимайся своими делами, закрывай клуб. Скоро уже час, как никто не заходит.

— Что с тобой? — забеспокоилась Чири.

Я ничего не сказал ей о Шакнахае. Я никому не говорил о нем.

— Чири, у тебя нет никого, кому можно пору-чип» кое-какую грязную работу?

Она даже глазом не моргнула: Вот за что она мне нравилась, невозмутимая моя Чири.

— Разве ты не можешь найти профессионала? С твоими-то связями? Или у Палочки мало головорезов?

Я мотнул головой:

— Мне нужен человек, которому я доверял бы И на чью скромность мог бы рассчитывать впоследствии.

Чири усмехнулась:

— В общем, такой человек, каким был ты, пока тебе не выпал счастливый номер. А что ты скажешь о Моргане? Он умеет подчиняться и, думаю, не продаст тебя.

— Не знаю, — сказал я.

Морган был широкоплечим блондином, американцем из Федеративной Новой Англии. Мы вращались в разных кругах, но если его рекомендовала Чири, с ним было все о'кей.

— Зачем он тебе нужен? — спросила она.

Я почесал щеку. В глубине зала я видел свое отражение в зеркале: моя рыжая борода заметно поседела.

— Я хочу, чтобы он выследил для меня одного человека. Другого американца.

— Кстати, Морган — настоящий американец. Из Америки.

— Угу, — кисло ответил я. — Если они разорвут друг друга на части, никто о них не заплачет. Можешь ли ты связаться с ним прямо сейчас?

Она с сомнением покачала головой:

— Сейчас два ночи.

— Скажи ему, что здесь его ждет сотня киамов. Пусть придет поговорить со мной.

— Он придет, — сказала Чири. Она выудила из сумочки телефонную книжку и сняла трубку.

Я залпом опрокинул полстакана водки и уставился на входную дверь. Я ждал двоих.

— Ты выдашь нам жалованье? — спросила Чири минуту спустя.

Я смотрел на дверь и не слышал, что замолкла музыка, не видел, что все пять танцовщиц уже были одеты. Я встряхнул головой, прогоняя туман, но это не помогло.

— Ну, как у нас дела? — спросил я.

— Как всегда, — ответила Чири. — Паршиво.

Я разделил с ней пачку купюр и начал отсчитывать деньги девочкам. У Чири был список напитков, заказанных для них клиентами. Я подсчитал комиссионные и приплюсовал их к жалованью.

— Пусть завтра вечером никто не приходит, — сказал я.

— Правильно, — согласилась Кэнди, схватив свои деньги и устремляясь к выходу. Лили, Рани и Жамиль ждали своей очереди.

— С тобой все в порядке, Марид? — спросила Ясмин. Я взглянул на нее с благодарностью.

— Нормально, — сказал я. — Потом расскажу.

— Не хочешь ли позавтракать со мной?

Это было бы здорово. Я не выходил никуда с Ясмин целую вечность. Да и с любой другой девчонкой тоже. Но сегодня у меня было неотложное дело.

— Давай перенесем встречу на завтра, Ясмин, — предложил я.

— Хорошо, Марид, — сказала она, уходя.

— Тебе кто-то перешел дорогу? — спросила Чири.

Я помотал головой.

— Иди домой, Чири.

— А ты останешься сидеть один в темноте? Я помахал ей рукой. Чири пожала плечами и ушла. Я допил водку и плеснул еще. Через двадцать минут в клуб вошел тот самый блондин, американец. Он кивнул мне и что-то сказал по-английски.

Я ответил жестом непонимания, открыл свой дипломат, вынул англоязычный дэдди и включил его. Всего одну секунду мой мозг расшифровывал только что услышанную фразу, а затем дэдди заработал так, будто я всю жизнь говорил по-английски.

— Прости, что побеспокоил тебя в столь поздний час, Морган, — сказал я.

Он провел своей могучей рукой по волосам. — Так что же у тебя случилось?

— Хочешь выпить?

— Если за счет заведения, не откажусь от стаканчика пива.

— Наливай сам.

Он перегнулся через стойку и поставил чистый стакан под один из кранов.

— Чири говорила мне что-то насчет сотни киамов.

Я вытащил деньги. Толщина пачки приводила меня в ужас. Либо мне следовало почаще посещать банк, либо меня должен был охранять с утре до ночи Кмузу. Я отсчитал пять двадцатикиамовых банкнотов и подтолкнул их Моргану.

Он вытер губы тыльной стороной руки и придвинул деньги к себе. Морган взглянул на банкноты, потом опять на меня.

— А теперь — можно идти? — спросил он.

— Конечно, — кивнул я, — если не хочешь заработать еще тысячу.

Он пристроил на нос очки в железной оправе и улыбнулся. Интересно, эти очки он носил во необходимости или же как дань моде? Если бы у Моргана было плохое зрение, он мог бы довольно дешево восстановить его.

— Это будет поинтереснее моей нынешней работы, — сказал он.

— Вот и хорошо. Мне нужно разыскать одного человека, — И я рассказал ему про Пола Яварски.

Когда я упомянул Флэтхедскую банду, Морган понимающе кивнул.

— Это тот самый парень, который сегодня убил полицейского? — поинтересовался он.

— Да. Он сбежал.

— Но в таком случае полиция до него рано или поздно доберется — спорю на что угодно.

На моем лице не дрогнул ни один мускул.

— Я не хочу слышать насчет «рано» или «поздно». Я сейчас хочу знать, где он, и задать ему пару вопросов перед тем, как он попадет в руки правосудия. Вероятно, он где-то затаился, раненный из игломета.

— И ты платишь тысячу киамов за этого парня? Я плеснул себе в стакан лимонного сока и отпил немного.

— Да.

— Ты хочешь, чтобы я его поучил?

— Просто разыщи его — надо опередить Хайяра.

— А-а, — догадался Морган, — начинаю тебя понимать. После того как в него запустит когти лейтенант, Яварски уже ничего никому не расскажет.

— Точно. А мы этого не хотим.

— Не хотим, верно. А ты дашь мне аванс?

— Пятьсот сейчас и столько же — после. — Я отсчитал ему пятьсот киамов. — О результатах я узнаю завтра?

Морган сграбастал деньги и хищно усмехнулся:

— Спокойной ночи. Завтра на рассвете адрес и телефон Яварски будет у тебя в руках.

Я встал.

— Допивай свое пиво и пошли. Здесь мне становится тоскливо.

Морган оглядел темное кафе.

— Без девочек и зеркальных шаров действительно скучновато. — Он залпом допил стакан и поставил его на стойку.

Я проводил его до двери.

— Разыщи мне Яварски, — еще раз сказал я.

— Считай, он у тебя в кармане. — Морган махнул рукой и вышел.

Я снова сел за свой столик. Для меня ночь еще не закончилась.

Перед приходом Индихар я успел опорожнить еще пару стаканчиков. Я ждал ее.

На ней было свободное голубое пальто, а волосы повязаны каштаново-золотистым шарфом. Лицо напряженное и бледное, губы плотно сжаты. Она подошла к столику и поглядела на меня сухими глазами. Я не мог представить себе плачущую Индихар.

— Мне надо поговорить с тобой, — сказала она холодно и спокойно.

— Именно для этого я здесь, — сказал я. Индихар отвернулась и посмотрела на свое отражение в зеркале за сценой.

— Сержант Катавина говорил, что ты был не в форме сегодня утром. Это правда? — Она снова перевела взгляд на меня, ее лицо оставалось абсолютно спокойным.

— Правда ли это? — повторил я. — Что я плохо себя чувствовал?

— Что ты был под балдой или с похмелья, когда вышел на работу вместе с моим мужем?

Я вздохнул.

— Мы накануне погуляли… Правда, не очень сильно.

Она сжимала и разжимала руки. Ее рот скривился.

— Ты не думаешь, что у тебя была замедленная реакция?

— Нет, Индихар, — ответил я. — Не думаю, что это как-то на меня повлияло. Ты хочешь обвинить меня в том, что случилось? Ты пришла сюда для этого?

Она медленно повернулась ко мне лицом и посмотрела мне прямо в глаза.

— Да, я хочу обвинить тебя. Ты не спешил к нему на помощь и вовремя не прикрыл его. Если бы ты сделал это, он остался бы жив.

— Ты не можешь обвинить меня. — Я ощущал дурноту, а отвратительная пустота где-то внутри усиливала это ощущение в несколько раз. Чувство вины крепло во мне с той минуты, когда я оставил Шакнахая на больничной койке под пропитанной кровью простыней на лице.

— Мой муж был бы жив, и у моих детей был бы отец. А сейчас у них нет отца. Я еще не сказала им. Я не могу признаться в этом даже себе. Может быть, только завтра я пойму, что Иржи больше нет, и буду решать, как мне прожить без него день, неделю, всю оставшуюся жизнь.

Подкатила внезапная тошнота, и я закрыл глаза. Может, мне все это кажется? Должно быть, это ночной кошмар. Когда я открыл глаза, Индихар все еще глядела на меня. Что ж, как бы там ни было, нам предстоит доиграть эту жуткую сцену.

— Я…

— Не говори мне, что сожалеешь об этом, сукин ты сын, — сказала она, не повышая голоса. — Я не хочу, чтобы кто-нибудь говорил мне об этом.

Я сидел и слушал все, что она хотела мне высказать. Все эти обвинения я уже давно предъявил себе. Если б я не напился накануне, если бы утром не глотал соннеин…

Наконец она замолчала, глядя на меня с выражением отчаяния. Всем своим видом, самим фактом своего присутствия она обвиняла меня. Мы оба думали об одном, и этого было достаточно. Потом она повернулась и твердой, уверенной

походкой вышла из клуба.

Я чувствовал себя полностью уничтоженным. Я нашел телефон, по которому звонила Чири, и назвал свой домашний код. Раздалось три гудка, прежде чем Кмузу ответил.

— Ты приедешь за мной? — спросил я, еле ворочая языком.

— Ты у Чириги? — спросил он.

— Да. Приезжай быстрее, пока я не покончил с собой. — Я брякнул аппарат на стойку и налил себе еще стакан, чтобы убить время до появления Кмузу.

Когда он приехал, у меня уже был готов для него подарочек. — Протяни руку, — приказал я. — Что это, яа Сиди?

Я высыпал в его ладонь все таблетки из коробочки, захлопнул ее и убрал в карман..

— С этим покончено, — сказал я. Выражение его лица не изменилось. Он сжал таблетки в кулаке.

— Вы поступили мудро, — произнес Кмузу.

— Я немного запоздал.

Я поднялся и вышел за ним в ночную прохладу; запер кафе, и мы поехали домой. Я долго стоял под душем, подставив тело под обжигающие струи, пока горячая вода не сняла с меня часть напряжения. Затем вытерся и направился в спальню. Кмузу принес мне чашечку горячего шоколада. Я пригубил ее с благодарностью. — Вам понадобится что-нибудь еще, яа Сиди? — спросил он.

— Послушай, Кмузу. Завтра я не пойду на работу. Дай мне поспать, ладно? Я не хочу, чтобы мне мешали, не хочу подходить к телефону и разбираться с чужими проблемами.

— Если только хозяин дома не потребует вас к себе, — напомнил Кмузу.

Я вздохнул:

— Разумеется. Но в любом другом случае…

— Я позабочусь, чтобы вас не беспокоили.

Я не включил дэдди-будильник и спад всю ночь беспокойно. Несколько раз я просыпался от ночных кошмаров, пока наконец на рассвете не уснул глубоким сном измученного человека. Я выбрался из постели лишь к полудню. Надел старенькие джинсы и клетчатую рубашку, которые я не часто носил в доме Фридлендер Бея.

— Вы не хотите позавтракать, яа Сиди? — спросил Кмузу.

— Нет, я хочу сегодня отдохнуть от еды. Он нахмурился:

— Вас сегодня ожидает одно важное дело.

— Попозже, — согласился я.

Я подошел к столу, на который бросил вечером дипломат, и выбрал из коробки модди Мудрого Советника. Решив, что мой

утомленный мозг нуждается в срочной терапии, я сел в удобное кресло, обтянутое черной кожей, и включил модди.

Когда-то в Мавритании жил-был (а может, никогда и не жил) знаменитый дурак, обманщик и мошенник по имени Марид Одран. Однажды, когда Одран вел свой кремовый вестфальский седан, направляясь по важному делу, с ним столкнулась другая машина — старая, требующая ремонта. И хотя водитель этой развалины сам был виноват во всем случившемся, он выскочил из груды обломков и заорал на Одрана:

— Посмотри, что ты сделал с моей прекрасной машиной!

Этот водитель был лейтенант полиции Хайяр. За ним из машины вылезли Реда Абу Адиль, шиит Хасам и Пол Яварски. Все четверо стали угрожать Одрану и оскорблять его, хотя он повторял, что не совершил никакого нарушения.

Яварски пнул ногой искореженное крыло автомобиля.

— Ему концы, — сказал он. — По совести, ты должен отдать нам свою машину.

Одран был один против четверых, враждебно настроенных людей. Он вынужден был согласиться.

— А ты не собираешься вознаградить нас за то, что мы наставили тебя на истинный путь? — спросил Хайяр.

— Если бы мы не настояли на своем, — сказал Хасан, — твои действия привели бы тебя к вражде с Аллахом.

— Вероятно, — ответил Одран. — И сколько же я вам должен за эту услугу?

Реда Абу Адиль развел руками, словно говорил об очевидном.

— Плата чисто символическая, как должно быть между братьями по вере, — сказал он. — Ты можешь дать каждому из нас по сотне киамов.

Одран передал ключи от кремового седана лейтенанту Хайяру и заплатил каждому по сотне.

Весь жаркий солнечный день Одран толкал разбитый автомобиль Хайяра в направлении города. Он припарковал его в. середине рыночной площади и пошел искать Саида Халф-Хаджа.

— Ты должен помочь мне рассчитаться с Хайяром, Абу Адилем, Хасаном и Яварски, — сказал он ему, и тот согласился.

Одран прорезал дыру в полу автомобиля, а Саид лег на пол с небольшим мешочком золотых монет, закрыв дыру одеялом так, что его не стало видно. Одран завел мотор и стал ждать.

Некоторое время спустя появились четверо негодяев. Они застали Одрана сидящим в тени разбитого автомобиля и засмеялись.

— Он не проедет и двух дюймов! — засмеялся Яварски. — Для чего ты разогреваешь мотор?

Одран взглянул на него.

— У меня свои причины, — сказал он. и улыбнулся, словно скрывал чудесную тайну.

— Какие причины? — потребовал Абу Адиль. — Наверно, у тебя спеклись мозги на солнышке?

Одран встал и потянулся.

— Думаю, мне нужно вам рассказать, — с легкомысленным видом произнес он. — Ведь именно вам я обязан своей удачей.

— Удачей? — подозрительно переспросил Хайяр.

— Вот, — указал Одран, — смотрите. — И подвел четверых мерзавцев к открытому капоту автомобиля.

— Писайте туда! — велел он.

— Нет, ты точно спятил, — сказал Яварски.

— Тогда я сделаю это сам, — сказал Одран и подкрепил свои слова делом. — Момент!.. Вот! Слышите?

— Ничего не слышу! — ответил Хасан.

— Слушайте! — приказал Одран.

Из-под машины послышался нежный звон: «дзинь!», «дзинь!».

— Взгляните!

Реда Абу Адиль опустился на четвереньки и, несмотря на пыль и унизительную позу, заглянул под автомобиль.

— Будь я проклят! — закричал он. — Золото! — Он распластался на земле и протянул руку. Когда он выпрямился, в руке его были золотые монеты. Он показал их изумленным дружкам.

— Слушайте, — вновь призвал Одран.

И все снова услышали («дзинь!», «дзинь!») звон падающих золотых монет.

— Он мочится в автомобиль, — пробормотал Хасан, — а из автомобиля падает золото.

— Пусть Аллах дарует тебе процветание, если ты отдашь мне обратно мою машину! — закричал лейтенант Хайяр.

— Нет, я не могу этого сделать, — ответил Одран.

— Забирай свой кремовый вестфальский седан, и по рукам, — предложил Яварски.

— Нет, — повторил Одран.

— Каждый из нас даст тебе в придачу по сотне киамов, — г сказал Абу Адиль.

— Нет, — сказал Одран.

Они все просили и просили без устали, а Одран отказывался и отказывался. В итоге они предложили возвращение седана и по пятьсот киамов с носа. Только тогда он согласился.

— Приходите через час, — сказал Одран. — Ведь я владелец имущества, оставшегося в машине.

Когда они ушли, Одрам, и Саид разделили между собой полученные деньги.

Я зевнул и отключил Мудрого Советника. Мне пришлось по душе увиденное, за исключением шиита Хасана, давно умершего, который при всем своем желании никак не мог ездить на автомобиле. Я прикинул, что могла бы для меня значить эта забавная история. И понял, что подсознание мое все это время работало над задачей, поставленной передо мной врагами. Догадка меня порадовала. Я уже понял, что силой ничего не добьешься. Тем более у меня ее и не было.

И тут я почувствовал себя несколько иным человеком: более решительным, что ли. Я был свободен, голова моя была ясной. Свирепо стиснув челюсти, я ощутил, что никто никогда больше не сможет мной командовать. Смерть Шакнахая сде-

лала меня другим, вдохнула в меня новые силы. Я словно находился в беспримесном кислороде: светлом, чистом и взрывоопасном.

— Яа Сиди, — тихо сказал Кмузу. — Что такое?

— Хозяин дома сегодня болен и просит вас заменить его в одном небольшом деле.

Я снова зевнул: — А-а, хорошо. В каком же?

— Я не знаю.

Новое чувство свободы заставило меня забыть о том, что подумает Фридлендер Бей о моей одежде. Теперь это больше не имело значения. Папочка держал меня на привязи, но довольно, теперь я не намерен мириться с этим. Я даже хотел прямо намекнуть ему об этом, но его болезненный вид заставил меня отложить свое решение.

Он сидел в постели, обложившись высокими подушками. В ногах у Фридлендер Бея был столик на колесиках с большой стопкой деловых папок, отчетов, разноцветных дискет и крошечный микрокомпьютер. В одной руке он держал чашку горячего ароматного чая, а в другой — один из подаренных Умм Саад фиников. Вероятно, Умм Саад думала своим подарком задобрить Папочку, надеясь, что он забудет свое последнее приказание. Если честно, проблемы Фридлендер Бея с Умм Саад казались мне сейчас мелкими и банальными; в разговоре с Папочкой я даже не упомянул о ней.

— Я молюсь о твоём здоровье, — подал я голос. Папочка поднял на меня глаза и поморщился:

— Ничего серьезного, о мой племянник. Просто тошнота и головокружение.

Я наклонился и поцеловал его в щеку. Он что-то невнятно пробормотал.

Я ждал, что Папочка объяснит, по какому делу позвал меня.

— Юсеф доложил мне, что внизу в приемной сидит толстая сердитая женщина, — сказал он, нахмурившись. — Ее имя Тема Оквит. Она пришла издалека с просьбой ко мне и ждет, призвав на помощь Аллаха и меру терпения. — С какой просьбой? — спросил я.

Папочка пожал плечами:

— Она представляет новое правительство Республики Сонгей.

— Никогда не слыхал о ней.

— Месяц назад эта страна называлась Славное Королевство Сегу. Перед этим была Магистратом Тимбукту, еще раньше — Мали, а еще прежде частью французских владений в Западной Африке.

—. Значит, женщина по фамилии Оквит — эмиссар нового режима?

Фридлендер Бей кивнул. Он хотел. сказать что-то еще, но его глаза закрылись, а голова упала на подушки. Фридлендер Бей провел рукой по лбу.

— Прости меня, племянник, — простонал он. — Я не очень хорошо себя чувствую.

— Тогда не думай сейчас ни об этой женщине, ни о ее просьбе.

— Проблема такова: король Сегу, потеряв свое королевство, бежал. С собой он прихватил королевскую сокровищницу. Это уж само собой разумеется, короли всегда так поступают. Его приближенные уничтожили в столичных компьютерах все документы. Республика Сонгей начала свое существование без каких бы то ни было сведений о численности своего населения и даже о государственных границах. Не было баз налогообложения, не было списка государственных служащих и их обязанностей, а также точной информации о вооруженных силах. Сонгей в преддверии катастрофы.

Я понял все.

— Итак, они посылают к нам человека. Хотят, чтобы в их стране навели порядок.

— Без системы налогообложения новое государство не сможет платить своим служащим и, стало быть, не сможет нормально функционировать. Сонгей скоро ожидает всеобщая забастовка. Военнослужащие дезертируют, и страна окажется беззащитной перед любым соседним государством.

— Но что нужно этой женщине от тебя? Папочка развел руками.

— Проблемы Сонгей не в моей компетенции, — сказал он. — Я говорил тебе, что мы с Реда Абу Адилем поделили

мусульманский мир на сферы влияния. Эта страна находится в его юрисдикции. Я не имею дела с государствами, прилегающими к Сахаре.

— Оквит должна была сначала обратиться к Абу Адилю.

— Совершенно верно. Юсеф передал ей записку, но она накричала на него и ударила беднягу. Она думает, что мы хотим вынудить ее государство заплатить нам огромную сумму.

Папочка поставил чашку, порылся в бумагах, разбросанных в беспорядке по его одеялу, и дрожащей рукой протянул мне толстый конверт:

— Вот материалы и контракт, которые она мне предложила. Скажи, чтобы она передала все это Абу Адилю.

Я испустил тяжелый вздох. Встреча с Оквит быть приятной не обещала.

— Я поговорю с ней, — сказал я.

Папочка задумчиво кивнул. Он сбросил с плеч одно неприятное дело и уже начал обдумывать другое. Пробормотав несколько учтивых фраз, я вышел из комнаты. Он даже не заметил моего исчезновения.

Кмузу ожидал меня в коридоре, ведущем из Папочкиной квартиры.

Я передал ему свой разговор с Фридлендер Беем.

— Я иду на встречу с этой женщиной, — сказал я, — после чего мы вместе поедем к Абу Адилю.

— Хорошо, яа Сиди, но, может быть, мне стоит подождать вас в машине, ведь Реда Абу Адиль, без сомнения, считает меня предателем.

— Хм… Это потому, что ты раньше был телохранителем его жены, а теперь служишь у меня?

— Потому, что он хотел, чтобы я стал шпионом а доме Фридлендер Бея, а я больше себя таковым не считаю.

С самого начала я догадывался о том, что Кмузу — осведомитель, но считал его шпионом Папочки, а не Абу Адиля. — Значит, ты не передаешь ему сведений?

— Кому, яа Сиди?

— Абу Адилю.

Кмузу улыбнулся честно и открыто:

— Я уверяю вас, что нет. Но хозяину дома я, конечно, передаю все.

— Ладно, с этим разобрались.

Мы спустились по лестнице и остановились на пороге приемной. Говорящие Камни стояли по обеим сторонам двери. Они угрожающе поглядели на Кмузу. Кмузу сверкнул глазами в ответ. Я проигнорировал их всех и вошел в дом.

Как только я ступил на порог, чернокожая женщина вскочила с места.

— Я требую объяснений! — закричала она. — Предупреждаю вас, что я законный посол правительства Республики Сонгей.

Я прервал ее речь, остановив женщину строгим взглядом.

— Мадам Оквит, — сказал я, — я подтверждаю информацию, полученную вами ранее. Вы действительно обратились не по адресу. Но я берусь устроить ваше дело, передав документы из этого конверта шейху Реда Абу Адилю — человеку, принимавшему участие в основании Королевства Сету. Он окажет вам необходимую помощь.

— А какую плату вы просите за посреднические, услуги? — выпалила Оквит.

— Платы не надо, — пожал я плечами. — Это жест дружбы по отношению к новой исламской республике.

— Наша страна очень молода. Мы не верим в дружбу на словах.

— Ваше право. — Я снова пожал плечами. — Неудивительно, что король Сегу не доверял вам. — Я повернулся и вышел из комнаты.

Мы с Кмузу быстро зашагали по коридору к большой деревянной входной двери. За нами по выложенному плиткой полу раздавались торопливые шаги Оквит.

— Подождите! — закричала она. В ее голосе я расслышал примирительные интонации.

Я остановился и повернулся к ней.

— Да» мадам? — отозвадся я.

— Этот шейх… он действительно мне поможет? Или он просто какой-нибудь особенно изворотливый мошенник?

Я холодно улыбнулся ей: — Не понимаю причин вашего недоверия. Ситуация ваша безнадежна, и Абу Адиль ухудшить ее не может. Терять вам нечего. Вы можете только приобрести.

— Мы не богаты, — сказала Оквит. — После того как король Олуйими довел народ до нищеты и промотал наше небольшое национальное достояние, у нас еще осталось немного золота…

Кмузу поднял руку. Должен заметить, что он редко вмешивается в чужие разговоры.

— Шейх Реда заинтересован не столько в вашем богатстве, сколько в могуществе, — заявил он.

— Могуществе? — переспросила Оквит. — Какое могущество ему нужно?

— Он упрочит ваше положение, — объяснил Кмузу, — и попутно воспользуется кое-какой информацией.

Я почувствовал, что она заколебалась.

— Тогда я настаиваю на том, чтобы именно вы отвезли меня к этому человеку. Это мое право.

Мы с Кмузу переглянулись. Каждый из нас знал, что в ее положении наивно думать о каких бы то ни было правах.

— Хорошо, — сказал я. — Но я первым переговорю с Абу Адилем.

Она поглядела на меня с подозрением:

— Это зачем?

— Затем, что так надо.

Мы с Кмузу вышли. Он направился к машине, а я тем временем грелся на солнышке. Через минуту ко мне присоединилась мадам Оквит. Вид у нее был разгневанный, но она молчала.

На заднем сиденье седана я открыл дипломат и, выбрав из коробки модди Крутого Парня, подаренный Саидом, подключил его. Модди внушил мне правдоподобную иллюзию — теперь никто не мог помешать мне: ни Абу Адиль, ни Хайяр, ни Кмузу, ни Фридлендер Бей.

Оквит села рядом со мной, отодвинувшись как можно дальше, сцепив руки на коленях и глядя в окно. Ее мнение на мой счет было мне глубоко безразлично. Я снова открыл тетрадь Шакнахая в коричневой виниловой обложке. На первой странице было крупно выведено: «Дело Феникса». Ниже следовало несколько записей:

> «Исхак Абдул-Хади Бухатта — Элво Чами (сердце, легкие)
>
> Андреа Свобик — Фатима Хамдан (желудок, кишечник, печень)
>
> Аббас Карами — Набил Абу Халиф (почки, печень)
>
> Бланко Матаро».

Шакнахай бью уверен, что между четверкой имен в левой половине листа была какая-то связь, но, по словам Хайяра, это были всего лишь «незавершенные дела». Под именами Шакнахай написал три арабские буквы: «Алиф», «Лами», «Мим», соответствующие латинским «А», «Эль», «Эм».

Что бы это значило? Может, акроним? Я мог бы найти сотню организаций, сокращенное название которых было бы «А.Л.М.». Или же «А» и «Л» означали определенный артикль, а «М» — первую букву фамилии какого-нибудь аль-Манура или аль-Магреби. А может быть, Шакнахай использовал сокращение: Альмани (немецкий), или алмаз (бриллиант), или еще что-нибудь в этом роде. Я призадумался, смогу ли я вообще без знания шифра Шакнахая понять обозначение этих трех букв.

Я вставил кассету в аудиосистему автомобиля, положил тетрадь и конверт Темы Оквит в дипломат и закрыл его. И пока Умм Халтум, леди двадцатого века, пела свои погребальные песни, я представил себе, что она оплакивает Иржи Шакнахая, разделяя печаль Индихар и ее детей. Оквит все еще смотрела в окно, игнорируя меня. Тем временем Кмузу вел автомобиль по узким извилистым улочкам Хамидийи, кварталу трущоб, охраняющих подступы к особняку Реда Абу Адиля.

После получаса езды мы въехали в поместье. Кмузу остался в машине, прикидываясь задремавшим шофером. Мы с Оквит выбрались из автомобиля и направились по выложенной плиткой дорожке к дому. В прошлый раз, когда мы были здесь с Шакнахаем, меня потрясли роскошный сад и красота дома. Сегодня я не замечал ничего. Я постучал в резнуто деревянную дверь, и слуга немедленно открыл мне, высокомерно оглядев, но не проронив ни слова.

— У нас дело к шейху Реда, — произнес я, протискиваясь мимо него. — От Фридлендер Бея.

Благодаря модди Саида, я вел себя напористо и бесцеремонно, но, казалось, слугу это ничуть не задевало. Он закрыл дверь за Темой Оквит и, обогнав меня, пошел дальше, по коридору с высокими потолками, возглавляя шествие. Мы шли за ним. Он остановился перед закрытой дверью в конце длинного прохладного коридора. Как и в прошлый раз, в доме Абу Адиля пахло розами. Слуга, так ничего и не сказав, ушел, наградив меня напоследок еще одним высокомерным взглядом.

— Подождите здесь, — сказал я, повернувшись к Оквит.

Она заспорила:

— Не нравится мне все это.

— Плохо, что не нравится. — Я не знал, что меня ожидает за дверью, но, чтобы не стоять в томительном ожидании с ней в коридоре, взялся за дверную ручку и вошел в комнату.

Ни Реда Абу Адиль, ни его секретарь Умар Аб-дул-Кави не слышали, как я вошел. Абу Адиль, как и в прошлый раз, возлежал на своем ложе. Над больным склонился Умар. Я не мог разобрать, чем он там занят.

— Пусть Аллах дарует вам здоровье, — громко произнес я, привлекая к себе внимание.

Умар быстро выпрямился и обернулся ко мне: — Как вы сюда попали?

— Ваш слуга проводил меня сюда. Умар кивнул:

— Это Камаль. Я поговорю с ним. — Он подошел ко мне поближе. — Извините, не припомню вашего имени.

— Марид Одран. Я работаю на Фридлендер Бея. — Ах да! —

сказал Умар. Выражение его лица немного смягчилось. — В прошлый раз вы приходили как полицейский.

— Я не полицейский в полном смысле этого слова. Я только представляю интересы Фридлендер Бея в полиции.

Чуть заметная усмешка мелькнула на губах Умара:

— Как вам будет угодно. Вы и в данный момент представляете его интересы?

— Его и ваши интересы.

Слабой рукой Абу Адиль тронул рукав Умара. Умар наклонился, чтобы выслушать еле слышный шепот старика, затем снова выпрямился.

— Шейх Реда просит вас чувствовать себя как дома, — сказал Умар. — Если бы вы предупредили нас о своем визите, мы сделали бы все необходимые приготовления.

Я поискал взглядом стул и сел.

— Сегодня в дом Фридлендер Бея пришла очень расстроенная женщина, — начал я. — Она представляет революционное правительство славного Королевства Сегу. — Я открыл дипломат, достал конверт Республики Сонгей и передал его Умару.

Умар взглянул на конверт с любопытством.

— Так быстро? Я думал, Олуйими продержится дольше. После того как переведешь весь государственный капитал в иностранные банки, нет смысла больше держаться за трон.

— Я пришел поговорить о другом. — Модди Халф-Хаджа мешал мне быть вежливым с Умаром. — По вашему соглашению с Фридлендер Беем эта страна подпадает под вашу юрисдикцию. Всю необходимую информацию вы обнаружите в конверте. Дама ждет в коридоре. По-моему, это настоящий головорез в женском обличье. Я рад, что иметь с ней дело предстоит вам, а не мне.

Умар покачал головой:

— Вечно они стараются навязать нам что-нибудь. А ведь как много могли бы мы для них сделать, если бы нас не беспокоили по пустякам.

Я смотрел, как он вертит конверт в руках над столом. Слабый сдавленный стон раздался из постели Абу Адиля, но слишком много настоящих страданий видел я в жизни, чтобы жалеть человека, страдающего от причуд Прокси Хелл. Я снова поглядел на Умара.

— Не можете ли вы немного растормошить вашего хозяина? — спросил я. — Мадам Оквит хочет поговорить с ним. Она полагает, что в ее руках находится судьба исламского мира.

Умар иронично улыбнулся.

— Республика Сонгей, — произнес он, недоверчиво покачав

головой. — Завтра она снова станет королевством или завоеванной провинцией, а может, и фашистской диктатурой. И никому не будет до нее дела.

— Это-то и тревожит мадам Оквит. Умар еще больше развеселился:

— Мадам Оквит попадет в первую же волну чисток. Но хватит о ней. Нам еще предстоит обсудить вопрос о вашем вознаграждении. Я пристально посмотрел на него.

— У меня и мысли не было о нем, — сказал я.

— Разумеется. Вы всего лишь выполняли условия соглашения между вашим хозяином и мною. Но отблагодарить за дружескую помощь — решение безусловно мудрое. Ведь тот, кто помог тебе однажды, вероятнее всего, поможет и в другой раз. Может, и я смогу оказать вам небольшую услугу.

В этом и состояла цель моего визита к Абу Адилю. Я развел руками, стараясь выглядеть как можно непринужденней.

— Мне ничего не надо, — отвечал я. — Разве что…

— Что же, мой друг?

Я притворился, что рассматриваю стертый каблук своего ботинка.

— Разве что… мне хотелось бы знать, зачем вы заслали к нам Умм Саад.

Умар ответил столь же непринужденно:

— Вы уже, вероятно, поняли, что Умм Саад очень умная женщина, но она все же не так умна, как думает. Мы просили ее только информировать нас о планах Фридлендер Бея. И никоим образом не рекомендовали вступать в прямую конфронтацию с ним или платить черной неблагодарностью за его гостеприимство. Она по собственной воле вступила в конфликт с вашим хозяином и тем самым потеряла для нас ценность. Вы можете распоряжаться ею, как вам угодно.

— Так я и думал, — кивнул я. — Фридлендер Бей не считает вас и шейха Реда ответственными за ее действия.

Умар поднял руку в притворном сожалении

— Аллах дарует нам орудия для достижения цели, — сказал он. — Иногда они ломаются, и нам приходится их выбрасывать.

— Да славится имя Аллаха! — пробормотал я.

— Славится имя Аллаха! — эхом отозвался Умар. Кажется, мы нашли общий язык.

— Я хочу попросить вас еще кое о чем, — сказал я. — Вчера застрелили моего напарника, офицера Шакнахая.

Умар все еще улыбался, но лоб его прорезали морщины.

— Мы слышали об этом и скорбим вместе с его вдовой и детьми. Пусть Аллах дарует им покой.

— Да, пусть. Но в любом случае я хочу найти человека, виновного в его гибели. Его имя Пол Яварски.

Я посмотрел на Абу Адиля, который беспокойно заворочался на постели. Толстый старикашка издал несколько низких невнятных звуков, но Умар не обратил на него никакого внимания.

Разумеется, — произнес визирь Абу Адиля, — мы будем рады оказать вам всю возможную помощь. Если кто-нибудь из наших друзей узнает что-либо об этом Яварски, мы немедленно сообщим вам.

Слова его мне не понравились. Он произнес все это уж слишком бойко, но выглядел при этом весьма озабоченным. Я поблагодарил его и собрался уходить.

— Минутку, шейх Марид, — тихо произнес Умар. Он взял меня за руку и повел к другому выходу. — Пару слов наедине. Не окажете ли любезность пройти в библиотеку?

Я был заинтригован. Я нашел, что приглашение исходит лично от Умара Абдул-Кави, а не от секретаря шейха Реда Абу Адиля.

— Хорошо, — отвечал я, следуя за ним.

Он поднял руку и отключил свой модди, даже не взглянув на Абу Адиля.

Умар гостеприимно распахнул мне дверь, и я вошел в библиотеку. Я сел за большой овальный стол из полированного черного дерева. Сам Умар, однако, не сел. Он расхаживал вдоль огромного, во всю стену книжного шкафа, задумчиво вращая в пальцах свой модди.

— Я думаю, вы осознаете свое положение, — сказал он наконец.

— Какое положение?

Он недовольно отмахнулся:

— Вы знаете, о чем я говорю. Сколько вы еще собираетесь бегать по делам этого выжившего из ума старика, не сознающего того, что он уже умер?

— Вы имеете в виду Папочку или шейха Реда? — спросил я.

Умар остановился и нахмурился:

— Я говорю о них обоих и думаю, что вы, со своей стороны, это понимаете, черт подери!

Я посмотрел на Умара, прислушиваясь к пению птиц в многочисленных клетках, расставленных по владениям Абу Адиля. Они сообщали ясному солнечному дню несколько искусственную безмятежность и жизнерадостность. Воздух в библиотеке был затхлым и сырым, и я почувствовал себя точно запертым в клетке. Может быть, сегодняшним визитом я

совершил ошибку?

— Что же вы предлагаете, Умар? — спросил я.

— Я предлагаю подумать о будущем. В будущем — и притом в самом ближайшем будущем — империи этих стариков станут нашими. Да я и сейчас один управляю делами шейха Реда. Он весь день подключен к…

— Я знаю, к чему он подключен, — сказал я. Умар кивнул:

— Хорошо. А этот модди — недавняя запись его мыслей. Он дал ее мне, потому что страдает сексуальным извращением. Это тиражирование — какая мерзость не правда ли?

— Вы шутите. — В свое время доводилось мне слышать и об извращениях более жутких.

— Тогда забудьте об этом. Он не понимает, с этим своим модди, что я равен ему, когда веду его дела. Я — истинный Абу Адиль, обладающий к тому же своими личными талантами. Он, шейх Реда, великий человек, но с этим модди я шейх Реда и Умар Абдул-Кави, вместе взятые. Тогда зачем мне нужен этот старикашка?

Мне все это показалось ужасно забавным.

— Так вы предлагаете устранить Абу Адиля и Фридлендер Бея?

Умар нервно оглянулся.

— Нет, этого я не предлагаю, — тихо сказал он. — Слишком многие люди зависят от них и слишком многие имеют свою точку зрения на этот предмет.

— Когда придет время отстранить их от дел, — заговорил я, — нужные люди об этом узнают. И Фридлендер Бей не станет упрекать их.

— А что, если это время уже пришло? — Голос Умара стал хриплым.

— Может, вы и готовы, но я еще не готов принять на себя Папочкины дела.

— Проблема, которая легко решается… — настаивал Умар.

— Возможно, — отвечал я, пытаясь оставаться невозмутимым. Во-первых, наш разговор мог прослушиваться. К тому же я не хотел портить отношения с Умаром. Сейчас я был уверен в одном — Умар человек очень опасный.

— Скоро вы увидите, как я прав, — сказал он. Он еще разок крутанул в руке свой модди, и его лоб снова пошел морщинами.

— А сейчас возвращайтесь к Фридлендер Бею и подумайте о том, что я сказал. Наш разговор еще не окончен. Но если во второй раз не придем к общему мнению, вам придется отойти в сторону вместе с нашими хозяевами. — Я попытался встать, но он жестом остановил меня. — Это не угроза, мой друг, — спокойно

проговорил Умар. — Это мой взгляд на будущее.

— Будущее ведомо одному Аллаху. Он саркастически рассмеялся:

— Если вы придаете такое значение религии, то знайте: в моих руках может сосредоточиться власть, какая даже не снилась шейху Реда. — И он указал мне другую дверь, в южной стене библиотеки. — Вы можете выйти этим путем. Налево по коридору будет главный выход. А я должен вернуться и обсудить дела Республики Сонгей с этой женщиной. Не беспокойтесь о ней. Мой шофер отвезет ее в отель.

— Благодарю вас за участие, — сказал я.

— Ступайте с миром, — сказал он.

Я вышел из библиотеки, руководствуясь указаниями Умара. Слуга Камаль встретил меня по пути и проводил до дверей. Пока мы шли, он по-прежнему хранил молчание. Я спустился вниз по ступенькам к автомобилю и обернулся. Камаль все еще стоял в дверях и смотрел мне вслед, словно я прятал под одеждой столовое серебро.

Я забрался в седан. Кмузу завел мотор и рванул машину с места. Мы выехали через главные ворота. Я не переставал думать о предложении Умара. Абу Адиль находился у власти почти двести лет. За это время на должности Умара перебывало множество людей, и у многих из них наверняка были те же амбиции. Абу Адиль по-прежнему оставался на своем месте, но что случилось с этой молодежью? Может быть, Умар никогда не задумывался над этим вопросом. Видимо, он был вовсе не столь проницательным, каким считал себя.

Глава 10

Иржи Шакнахай был убит во вторник. Я смог выйти на работу только в пятницу. Была священная суббота, и по пути я собирался зайти в мечеть. Правда, было в этом что-то ханжеское. Подумав немного, я сообразил, что такой ничтожный человек, как я, никакой набожностью не сможет завоевать милость Аллаха. Конечно, это был самообман — ведь в молитве больше всего нуждаются как раз грешники, а не святые, — но я чувствовал себя человеком, слишком испорченным для посещения храма. К тому же Шакнахай явил мне пример истинной веры, а я подвел его. Сначала я должен был оправдаться перед ним в своих собственных глазах, а уже затем — в глазах Аллаха.

Жизнь моя напоминала океан: штиль и покой сменялись бурными волнениями. Не важно, что сейчас было относительно тихо; я знал, что вскоре попаду в очередную переделку. Всех я старался убедить в том, что предпочитаю одиночество и нести ответственность хочу только перед самим собой. Я хотел бы, чтобы это было похоже на правду.

Нужны были сила и уверенность — для борьбы с враждебными мне силами. Я не ждал помощи ни от лейтенанта Хайяра, ни от Фридлендер Бея, ни от кого на свете. В это утро пятницы никому не было до меня дела. По священным субботам работали в основном христиане, заменявшие религиозных мусульман. Конечно, присутствовал лейтенант Хайяр: в списке его любимых занятий посещение мечети занимало место после дантиста и налоговой инспекции. Я сразу же направился в его квадратную остекленную кабинку.

Вскоре он поднял глаза на субъекта, назойливо маячившего перед его столом.

— Что еще, Одран? — рявкнул он. Хайяр не видел меня трое суток, но сказал это так, словно я надоедал ему все это время с утра до ночи.

— Хотел узнать, какую работу вы мне приготовили на этот раз.

Хайяр оторвался от экрана компьютера. Он довольно долго смотрел на меня, кривя рот, словно разжевал гнилой финик.

— Ты льстишь себе, — тихо произнес он. — Ты вообще не входил в мои планы.

— Я только хотел предложить свою помощь в расследовании убийства Иржи Шакнахая.

Хайяр поднял брови, откинувшись на спинку стула.

— Каком расследовании? — недоверчиво спросил он. —

Шакнахай был застрелен Полом Яварски. Большего знать не требуется.

Я с трудом удержался, чтобы не наорать на него.

— Разве Яварски у нас в руках?

— У нас? — переспросил Хайяр. — А кто это «мы»? Ты имеешь в виду — Яварски не обнаружен полицейским управлением? Действительно, это так. Но не волнуйся, Одран, он не ускользнет. Еще немного, и мы его сцапаем.

— Каким же образом? Город большой. Вы думаете, он сидит где-нибудь в комнате, ожидая, когда вы заявитесь с ордером на арест? Наверняка он уже в Америке.

— Добросовестная розыскная работа в том и заключается, что рано или поздно мы найдем его, Одран. А у тебя мало веры в нас. Я уверен, что он в городе. Мы уже стягиваем кольцо вокруг него, дело только за временем.

Мне не нравился его тон.

— Скажите это жене и детям Шакнахая, — сказал я. — Их воодушевит ваша уверенность.

Хайяр встал. Я вывел его из себя.

— Ты, кажется, в чем-то обвиняешь меня, Одран? — спросил он, тыча мне в грудь указательным пальцем. — Намекаешь, что я недостаточно добросовестно занимаюсь этим делом?

— Я не говорил этого, Хайяр. Я просто хотел узнать твои планы.

Он зло усмехнулся:

— Думаешь, у меня нет других занятий, кроме как выдумывать, как использовать твои выдающиеся способности? Мы прекрасно обходились без тебя последние дни, Одран. Но раз уж ты здесь, тебе надо чем-то заниматься.

Он снова сел за стол и пролистал кипу бумаг.

— Ага, вот. Я хочу, чтобы ты продолжил расследование, начатое вместе с Шакнахаем.

Меня не обрадовало это задание. Я хотел лично заняться поисками Яварски.

— Но ведь ты велел нам прекратить дело Абу Адиля?

Хайяр прищурился:

— Я ничего не говорил про Абу Адиля. Я велел закрыть дело. Я говорю об этом мерзавце Он Чонге, торговце детьми. Нельзя допустить, чтобы он ушел от ответственности.

Меня пробрал озноб.

— Но ведь Он Чонгом может заняться любой другой, — возразил я. — К тому же у меня есть особые причины интересоваться поимкой Яварски.

— Марид Одран — человек с особой миссией, да? Забудь об

этом. Нет смысла шастать по городу в поисках убийцы Шакнахая. Тем более ты еще не доказал, что отдаешь себе отчет в своих действиях. Поэтому я даю тебе нового напарника, очень крутого парня. У нас не женский добровольнический клуб. Выполняй приказ. Или ты считаешь, что Он Чонг не стоит твоего драгоценного времени?

Я скрипнул зубами. Мне не хотелось заниматься Он Чонгом, но Хайяр был прав насчет важности этого дела.

— Слушаюсь, лейтенант.

Хайяр усмехнулся еще раз. Я снова едва удержался, чтобы не дать ему по морде.

— С этого дня ты работаешь в паре с сержантом Катавиной. Он тебя многому научит.

У меня перехватило дыхание. Из всех людей в участке Катавина я бы выбрал в последнюю очередь. Он был отменный брехун и лентяй. Если мы поймаем Он Чонга, то только благодаря мне, а не выдающимся способностям Катавины.

Лейтенант, казалось, прочел мои мысли.

— В чем дело, Одран? — спросил он.

— Если я скажу, в чем дело, ты изменишь свое решение?

— Нет, — ответил Хайяр.

— Так я и думал.

Хайяр вновь уставился в экран компьютера.

— Передай мой приказ Катавине. Жду в скором времени от вас хороших новостей. Вы с Шакнахаем уже здорово вспугнули этого негодяя, большое вам за это спасибо.

— Я сейчас же займусь этим делом, лейтенант, — пообещал я.

Меня поразила изобретательность Хайяра. Он умело отстранил меня от дел Абу Адиля и Яварски, поручив вместо этого непростое, но в то же время необычайно важное расследование. Я должен был выполнить два официальных поручения и наряду с этим вести свое собственное расследование.

Хайяр больше не обращал на меня внимания, и я, покинув его кабинет, направился на поиски Катавины. Я с радостью обошелся бы и без него, но такой ход событий не представлялся возможным.

Катавина также не обрадовался предстоящему сотрудничеству.

— Хайяр уже поставил меня в известность, — бубнил он мне по пути в гараж к патрульной машине. Катавина попытался уместить большой опыт своей работы в одну бессвязную лекцию. — Ты плохой коп, Одран, — сурово произнес он. — Наверно, из тебя никогда не выйдет полицейского. Я не хочу,

чтобы ты подставил меня, как Шакнахая.

— Что ты имеешь в виду, Катавина? — спросил я.

Он повернулся и посмотрел на меня круглыми глазами:

— Догадайся сам. Будь ты тогда в ясном рассудке, Шакнахай остался бы жив, а я не шел бы сейчас рядом с тобой. Поэтому не мешай мне и делай только то, о чем тебя просят.

Я рвал и метал, но возразить ничего не мог. Чтобы добиться успеха, я должен был расстаться с Катавиной.

Мы сели в патрульную машину, и он долго хранил молчание. Я тоже особой разговорчивости не проявлял. Я решил, что мы вновь направлялись туда, где недавно орудовал Он Чонг. Может, на этот раз нам удастся вытянуть из тех хмурых типов что-нибудь полезное?

Однако у Катавины были другие планы. Он взял курс на запад, совершенно в противоположном направлении. Мы проехали мили полторы по узким извилистым улочкам и переулкам, пока наконец он не остановился перед ветхим жилым домом, самым высоким в квартале. Окна первого этажа были забиты фанерой, а дверь подъезда снята с петель. На стенах внутри и снаружи краской из пульверизатора были выведены имена и лозунги. В подъезде невыносимо воняло: долгое время им пользовались как уборной. Когда мы шли к лифту, под ногами хрустело битое стекло. Все покрывал толстый слой пыли и песка.

— Зачем мы здесь? — поинтересовался я.

— Увидишь, — отрезал Катавина. Он нажал кнопку вызова. Когда спустился лифт, я засомневался, стоит ли входить в него. Состояние дома не внушало мне уверенности, что тросы выдержат наш вес. Когда лифт спросил, какой нам нужен этаж, Катавина ответил: — Восьмой.

Мы ехали молча, не глядя друг на друга; слышалось только поскрипывание тросов.

На восьмом этаже мы вышли, и Катавина повел меня по темному коридору к комнате с номером 814. Он вынул из кармана ключ и открыл дверь.

— Что это? — спросил я, входя за ним в довольно грязное помещение.

— Полицейская комната отдыха, — сказал Катавина.

В квартире была большая гостиная, маленькая кухня и ванная комната. Мебели немного: дешевый журнальный столик, шесть стульев и кожаная кушетка в гостиной, небольшой голографический телевизор и четыре складные койки. На двух из них спали двое полицейских в форме. Я знал их в лицо, но не помнил фамилий. Катавина тяжело упал на кушетку и уставился на меня.

— Выпить хочешь? — спросил он.

— Нет, — ответил я.

— Тогда принеси мне виски — на кухне, там найдешь и лед.

Я отправился на кухню и обнаружил целую коллекцию бутылок. Бросив в стакан несколько кубиков льда, я налил на два пальца японской водки и поспешил в гостиную, где вручил стакан Катавине.

— Итак, чем мы займемся? — спросил я, вспомнив полицейский девиз «защита и служба».

— Ты займешься службой, — сказал он, хмыкнув, — а я защитой.

— Защитой чего? — спросил я. Катавина презрительно усмехнулся:

— Собственной задницы. Я не хочу, чтобы меня пристрелили. Пока я тут, меня не достанут.

Я взглянул на двух спящих колов.

— И как долго ты тут пробудешь?

— До конца смены, — сказал он.

— Не возражаешь, если я возьму машину и поработаю?

Сержант взглянул на меня поверх стакана:

— Зачем, черт возьми, тебе это нужно? Я пожал плечами:

— Шакнахай никогда не давал мне водить машину.

Катавина посмотрел на меня, словно я спятил.

— Бери, но смотри не разбей. — Он порылся в кармане, выудил ключи и бросил их мне; — Приезжай за мной в пять.

— Есть, сержант, — сказал я и оставил его перед выключенным телевизором. Спускаясь на лифте в вонючий подъезд, я спросил себя, что же, собственно, собираюсь делать. Я был обязан разыскать нити, ведущие к Он Чонгу, но все чаще на ум мне приходил Шакнахай.

Вчера состоялись похороны, на которые я сначала не хотел идти. Я не знал, смогу ли выдержать это зрелище. К тому же, чувствуя вину, я понимал, что мне там не место. Предстоящая встреча с Индихар и ребятишками тоже не радовала меня.

Тем не менее в четверг утром я, собравшись с духом, отправился в небольшую мечеть, неподалеку от участка.

На церемонии было разрешено присутствовать только мужчинам. Я снял обувь и совершил ритуальное омовение, затем вошел в мечеть и занял место в задних рядах. Другие полицейские, как мне казалось, смотрели на меня с осуждением. Для них я был по-прежнему чужаком, на котором теперь к тому же лежала вина за смерть Шакнахая.

После совместной молитвы пожилой седобородый имам прочел проповедь и хвалебную речь, полную скучных расхожих

фраз о долге, службе и отваге. От этих слов мне легче не стало, и я искренне пожалел, что пошел в мечеть.

Потом мы все встали и гуськом вышли из мечети. В природе была необычайная тишина, нарушаемая лишь щебетом редких птиц и лаем собаки. На высоком ясном небе сияло жаркое солнце. Легкий ветерок шевелил листву деревьев, но воздух все равно был горячим. Над мощеными переулками, неотвязный как туман, витал запах прокисшего молока. День был слишком тяжелым для всякого рода дел. У Шакнахая было много друзей, но сейчас, казалось, все хотели одного — поскорее попасть на кладбище и предать мертвеца земле.

Индихар возглавляла процессию, потянувшуюся из мечети к кладбищу. Она была одета в черное, лицо закрывала темная вуаль, на голове — такой же платок. Вероятно, и она задыхалась от жары. С испуганными и растерянными лицами шли рядом ее трое детей. Чири сказала мне, что у Индихар недоставало денег, чтобы уплатить за место на кладбище Хаф-аль-Хала, где были похоронены родители Шакнахая, и что Индихар не захотела занять ни у меня, ни у нее. Поэтому Шакнахай должен был покоиться на кладбище для бедняков, на западной окраине Будайена. Я шел довольно далеко от нее; Индихар уже перешла бульвар Иль-Жамель и выходила из западных ворот. Жители квартала и случайные иностранные туристы стояли на тротуарах, глядя на процессию. Многие плакали и бормотали молитвы. Скорее всего, они даже не знали, кого хоронят, им это было безразлично.

Нести тело вызвались все бывшие товарищи Шакнахая, поэтому вместо шести человек под гробом копошилась толкающаяся толпа в полицейской форме. Те, кто не мог дотянуться до гроба, маршировали позади и по сторонам, ударяя себя кулаками в грудь и выкрикивая цитаты из Священного Писания, люди пели их, перебирая четки. Я тоже шевелил губами, бормоча древние молитвы, с детства запечатлевшиеся в моей памяти. Через некоторое время меня, как и остальных, охватило странное чувство: смесь отчаяния и праздничного веселья. К своему удивлению, я искренне благодарил Аллаха за то, что он обрушил столько несправедливости и ужаса на наши беззащитные души.

На кладбище я издалека наблюдал, как опускают в землю простой, неказистый гроб. Несколько полицейских, самых близких друзей Шакнахая, по очереди бросили лопатой в могилу землю. Плакальщики произнесли еще несколько молитв, хотя имам отказался сопровождать шествие до самого кладбища. Индихар стояла рядом, мужественно сжимая руки Хакима и

Захры, а восьмилетний малыш Иржи крепко вцепился в другую руку Хакима. Представитель городских властей подошел к Индихар и что-то тихо сказал ей. Она степенно кивнула. После этого перед вдовой продефилировали все офицеры полиции, и каждый произнес слова соболезнования. И только тогда я увидел, как вздрогнули плечи Индихар, и понял, что она плачет. А малыш Иржи безмятежно смотрел на осыпающиеся надгробья и заросшие травой таблички.

Когда церемония похорон закончилась и все разошлись, я решил остаться. Полицейское управление выделило сумму на скромные поминки, устраиваемые в здании участка, у Индихар не было денег даже на это. Индихар скорбела о муже, но еще больше страдала от того, что ее бедность стала известна всем друзьям и знакомым. Для многих мусульман недостойные похороны близких — беда не меньшая, чем сама смерть.

Я не пошел на поминки в участке, и в смятенных чувствах остался рядом со свежей могилой Иржи. Я помолился и процитировал несколько мест из Корана.

— Я обещаю тебе, Иржи, — прошептал я, — что Яварски от меня не уйдет.

Я не питал иллюзий насчет того, что расплата с Яварски успокоит душу Шакнахая или облегчит горе и лишения Индихар с детьми: малышом Иржи, Хакимом и Захрой. Просто я не знал, что еще сказать. Я обвинял себя за тогдашнюю свою медлительность и молился, чтобы никогда больше мне не пришлось стать причиной чужих страданий.

По дороге в участок я продолжал размышлять о похоронах Шакнахая, когда услышал отдаленные раскаты грома. Это удивило меня — грозы редко собираются над нашим городом. Я посмотрел на небо сквозь лобовое стекло, но не увидел ни тучки. По спине у меня поползли мурашки: я подумал, что гром — небесное знамение. Впервые после гибели Шакнахая я ощутил горе в полную силу.

Я начал осознавать, что месть ничего не даст мне. Поимка Яварски и торжество закона не поднимет Шакнахая из гроба и не разрешит для меня загадку, в которой каким-то образом связаны имена Яварски, Реда Абу Адиля, Фридлендер Бея и лейтенанта Хайяра. На меня внезапно снизошло озарение: я понял, что пора мне перестать думать об этой загадке как об одной проблеме с одним простым решением. Наверняка никто из действующих лиц этого спектакля не знает замысла целиком. Я должен преследовать их по отдельности, а затем свести все нити воедино, надеясь в итоге выйти на что-нибудь противозаконное. Если подозрения Шакнахая не оправдаются и окажется, что я

занимался ерундой, мне грозит кое-что похуже, чем позор. Мне грозит гибель.

Я поставил машину в гараж и поднялся в свой бокс на третьем этаже полицейского участка. Хайяр редко выходил из своего стеклянного кабинета, и я не думал, что ему удастся меня поймать. Поймать! Черт возьми, я ведь собирался работать!

С тех пор как я последний раз серьезно работал за компьютером, прошло недели две. Я сел за стол и вставил в дисковод кобальтовую дискету.

— Новый файл, — сказал я.

— Название файла, — подсказал механический голос компьютера.

— «Дело Феникса», — четко произнес я. Информации у меня было немного. Сначала выписал имена из тетради Шакнахая и посмотрел на экран. Не пришло ли время вплотную заняться делом Шакнахая?

Все компьютеры в здании были связаны с центральной базой данных полиции. Проблема заключалась в том, что Хайяр не доверял мне, и я имел доступ к информации самого низкого уровня секретности. Используя свой шифр, я мог получить лишь те данные, какие выдавались любому штатскому, обратившемуся в бюро информации. Правда, за несколько месяцев работы в участке я понемногу разузнал все кодовые слова от вышестоящих сотрудников. Остальные, не имеющие доступа к секретной информации, так или иначе получали ее нелегальным способом. Выбора у них не было — иначе они просто не смогли бы работать.

— Поиск! — сказал я.

— Вхожу в информационный массив, — пробормотал аннамезский компьютер с забавным американским акцентом.

— Бухатта, — Исхак Абдул-Хади Бухатта был записан первым в тетради Шакнахая, — жертва, убийца которой еще не обнаружен.

— Шифр, — потребовал компьютер.

В справочнике у меня был спрятан листок бумаги с кодовыми словами. К тому же шифр самого высокого уровня секретности я держал в памяти. Он представлял собой смесь алфавитно-цифрового и стандартного арабского шифра для информационных символов. Я нажал нужные клавиши.

— Принято, — ответил компьютер. — Поиск задан.

Через тридцать секунд на моем мониторе появилось все дело Бухатты. Я пробежал его биографию и обстоятельства смерти: он был убит выстрелом в упор из статического ружья точно так же, как и Бланка. Я поинтересовался, куда отвезли тело, и в конце файла нашел необходимую информацию в рубрике «Заключение

медэкспертизы». Вскрытия не было, тело Бухатты отправили в больницу Абу Эмир на площади Аль-Ислам.

— Новый поиск? — спросила машина.

— Нет, — ответил я. — Ввод информации.

— База данных?

— Больница Абу Эмир. Компьютер на мгновение замешкался.

— Настоящий шифр действителен, — решил он наконец. После долгой паузы появились данные.

Когда я увидел оглавление больничного файла, я заказал поиск файла Бухатты. Скоро я нашел то, что искал. Точное совпадение с записями Шакнахая. Сердце Бухатты и его легкие были удалены почти немедленно после смерти и пересажены с последующим вживлением в тело Элво Чами. Я полагал, что информация Шакнахая так же точна и в отношении прочих жертв неразгаданных убийств. Через несколько секунд я увидел список из пяти имен, начиная с Чами, Али Масуд и кончая Чами, Зайд.

— Ваш выбор, — спросил компьютер.

— Чами Элва.

Когда файл развернулся на экране, я внимательно изучил его. Чами был средний, абсолютно незапоминающийся человек, не богач и не бедняк. Женат. Семеро детей: пять сыновей и две дочери. Проживал в довольно зажиточном районе на северо-востоке Будайена. Медицинские записи ничего не могли поведать о его разногласиях с законом, но в многочисленных анкетах и справках содержался весьма важный факт: Элво Чами владел небольшим магазинчиком в Будайене, на Одиннадцатой улице, что находится севернее Улицы. Я хорошо знал этот магазинчик. Чами продавал дешевые восточные ковры в одной части магазина, а другую сдавал пожилой чете пакистанцев, торговавших медными украшениями для туристов. Самым интересным было то, что здание магазинчика принадлежало Фридлендер Бею. Чами, скорее всего, служил у него привратником: на втором этаже находился игорный дом, в котором делались крупные ставки.

Следующим номером я разыскал Бланку Матаро, транссексуалку, чей труп обнаружили мы с Шакнахаем. Ее тело было увезено в другую больницу, где произвели трансплантацию почек и печени для тяжело больной женщины, с которой Бланка никогда не встречалась. В этом тоже на первый взгляд не было ничего необычного — многие завещали свои органы в случае внезапной смерчи, — если не одно обстоятельство: реципиентка, видимо, по странному совпадению оказалась племянницей Умара Абдул-Кави.

Полтора часа я читал досье других лиц из списка Шакнахая.

Кроме Чами, двое убитых — Бланка и Андреа Свобик — были так или иначе связаны с Папочкой. Зато я смог доказать, к своему удовольствию, что остальные четверо явно имели отношение к Реда Абу Адилю. Я готов был биться об заклад на крупную сумму, что все упомянутые в списке также имели к нему отношение, но больше это меня не интересовало. Ни Абу Адиль, ни Фридлендер Бей никогда не предстанут перед судом.

Итак, что же я выяснил? Первое: в городе за последние несколько недель произошло по крайней мере четыре нераскрытых убийства. Второе: все жертвы были убиты одинаково — выстрелом из статического ружья с близкого расстояния. Третье: у всех жертв были изъяты здоровые органы и все они значились в списке добровольных доноров после своей смерти. Четвертое: четыре жертвы и четыре реципиента имели прямое отношение либо к Абу Адилю, либо к Папочке.

Я убедился, что предположения Шакнахая подтвердились, хотя Хайяр все равно будет отрицать взаимосвязь этих убийств. Я могу обратить его внимание на тот факт, что все жертвы были застрелены из статического ружья, не повреждавшего внутренние органы, но Хайяр, конечно же, отмахнется от этого. Кроме того, я был уверен, что Хайяр давно знал об этом, именно поэтому он и поручил мне расследовать дело Он Чонга вместо обстоятельств гибели Шакнахая. Моими противниками были люди влиятельные. Но Бог всегда на стороне правого дела, и следовательно, сейчас он был на моей стороне.

— Снова поиск? — спросила машина.

Я заколебался. Мне следовало проверить еще одно имя, но вникать в подробности я уже не хотел. Шакнахай просил меня выяснить, куда его органы отправят после смерти. Кажется, я уже догадывался куда. Частица тела Иржи Шакнахая жила в каком-нибудь служащем, друге или родственнике Абу Адиля или Фридлендер Бея. Мне была неприятна сама мысль об этом, и поэтому я ответил компьютеру:

— Работа закончена. — Уставясь в погасший экран монитора, я задумался, что делать дальше. Я уже боролся с искушением купить у кого-нибудь в участке пару сонниенок, когда у меня на полке зазвонил телефон. Сняв трубку, я откинулся на спинку стула. — Алло.

— Мархаба, — услышал я хриплый голос Моргана.

Это было единственное знакомое ему арабское слово. Я выхватил из коробки англоязычный дэдди и быстренько вставил его.

— Как жизнь, парень? — спросил Морган.

— Нормально, хвала Аллаху. Какие новости?

— Помнишь, я обещал тебе, что в среду узнаю, где прячется Яварски?

— Да, а я еще тогда подивился твоей расторопности.

— Похоже, я действительно переоценил свои силы. — Голос его упал.

— Я был уверен, что Яварски хорошо заметет свои следы.

— Думаю, ему помогли. Я подскочил на стуле.

— Что ты имеешь в виду?

Последовала пауза, прежде чем Морган заговорил снова:

— На улицах идут разговоры о смерти Шакнахая. Многим было бы наплевать, что убили какого-то копа, но нет ни одного человека, который имел бы зуб на Шакнахая. А Яварски кровожаден, как клоп, и никто из тех, кого я знаю, не шевельнул бы пальцем, чтобы помочь ему.

Я зажмурился и потер лоб.

— Тогда почему же мы его до сих пор не поймали?

— Я уже близок к тому. Сдается мне, что полицейские сами прячут эту сволочь.

— Где? И зачем? — Чири ручалась за Моргана, но тут я просто не мог ему поверить.

— Спроси лейтенанта Хайяра. Он пил с Яварски в «Серебряной пальме» пару недель назад.

Говоря словами великого юмориста христианского времени Марка Твена, это было выше моих умственных способностей.

— Как же мог Хайяр, высокий полицейский чин, променять своего коллегу на маньяка и беглого каторжника?

Я почувствовал, как Морган пожал плечами.

— А ты не допускаешь, что Хайяр тоже замешан в этом деле?

Я грустно усмехнулся и услышал в ответ невеселый смех Моргана.

— Не смешно, — заметил я. — Я все время подозревал, что Хайяр темнит, но никогда не видел его вместе с Яварски. Эта новость проливает свет на кое-какие вопросы.

— На какие же?

— На «Дело Феникса». Я сам еще не все выяснил. Постарайся достать Яварски, ладно? Ты узнал о нем хоть что-нибудь?

— Есть кое-что, — откликнулся Морган. — Он ждал приведения смертного приговора к исполнению в камере хартумской тюрьмы. Кто-то тайком принес ему револьвер. И вот однажды Яварски запросто вышел в коридор и наткнулся на двух невооруженных охранников. Застрелив их, он ворвался в тюремную канцелярию и стал палить во все стороны как ненормальный, пока кто-то не передал ему ключи. Так он преспокойно вышел на улицу через парадные двери, где уже

собралась толпа людей, слышавших выстрелы. Он протолкался сквозь толпу и прошел полквартала до ждавшей его машины. Так Яварски слинял, и о нем не было слышно, пока он снова не появился в городе.

— И когда это случилось?

— Он гулял по городу месяц с небольшим. Ну, может, полтора. За это время он совершил два налета и два убийства. Его кто-то узнал в кабаке Мелула и вызвал полицию. Хайяр послал тебя с Шакнахаем. Остальное тебе известно.

— Интересно, — сказал я, — в самом деле его кто-то узнал или Хайяр просто подставил нас?

— Все может быть, парень. Когда мы поймаем Яварски, мы спросим его об этом.

— Верно, — мрачно согласился я. — Спасибо, Морган. Продолжай в том же духе.

— Я достану его, парень. Мне охота заработать остальные деньжата. Позаботься о своей безопасности.

— Заметано. — И я снова повесил телефон на пояс.

Мне помогало то, что я знал больше моих противников. Мои глаза были открыты, и хотя я еще не видел, в каком направлении продвигаюсь, но уже понимал, к каким секретным делам получил доступ. Не надо только быть идиотом, доверяющим всякому встречному-поперечному. Остается надеяться только на самого себя.

Смена закончилась. Я пригнал машину к «комнате отдыха полиции» и забрал сержанта Каталину, который к тому времени был пьян в стельку. Я высадил его у дверей участка, передал автомобиль ночной смене и стал ждать Кмузу. Рабочий день был окончен, но у меня на сегодня оставалось еще немало дел.

Глава 11

Фуад Иль-Манхус был не самым умным среди известных мне людей. Более того, достаточно было взглянуть на Фуада, чтобы утвердиться в мысли: этот парень — идиот. Он был похож на сказочного героя, которому джинн обещал исполнить три желания; и вот сперва он пожелал тарелку бобов, затем ложку, а третьим желанием было помыть тарелку с ложкой.

Он был высоким, но таким худым и изможденным, что смахивал на беженца из концентрационных лагерей Бенгази. Один мой приятель мог обхватить предплечье Фуада большим и указательным пальцами. Суставы Фуада были огромными, распухшими, словно от какой-то ужасной болезни костей или авитаминоза. Он был шатен с длинными пыльными волосами, собранними в высокую прическу типа «помпадур», и носил очки с толстыми стеклами в массивной пластмассовой оправе. Наверно, Фуаду никогда не удавалось скопить денег на покупку себе новых глаз, даже дешевых гватемальских, с поддельными линзами фирмы «Никон». Выражение его лица было вечно растерянным и смущенным, точно у музыканта, отставшего от оркестра на полтора такта.

Иль-Манхус означает что-то вроде «вечно невезучий», но Фуад никогда не возражал даже против такого прозвища. Он был счастлив, когда на него обращали хоть какое-то внимание, и с радостью играл роль дурака. Это у него получалось замечательно. Исключительно талантливо.

Мы с Кмузу сидели за столиком в клубе Чириги, в глубине зала, и вели разговор о моей матери. Фуад Иль-Манхус подошел к нам с картонной коробкой в руках и остановился рядом.

— Индихар разрешает мне приходить сюда днем, Марид, — произнес он своим гнусавым дребезжащим голосом.

— С этим проблем у меня нет, — сказал я, тут же теряя нить разговора. Уловив мой взгляд, он осклабился и потряс картонку. В ней что-то загремело.

— Что у тебя там? — спросил я.

Фуад принял мои слова за приглашение и сел за наш столик. Он потянул свободный стул от соседнего стола, и ножки стула пронзительно заскрипели по полу.

— Индихар сказала, что, если никто не будет жаловаться, я могу здесь посидеть, если все правильно.

— Что это значит — «все правильно»? — нетерпеливо спросил я. Терпеть не могу вытягивать из людей секреты. — Так что у тебя в коробке?

Фуад провел костлявой рукой по волосам и подозрительно покосился на Кмузу. Потом он поставил коробку на стол и открыл крышку. Внутри было около дюжины дешевых позолоченных цепочек. Фуад сунул в коробку длинный указательный палец и поворошил им внутри.

— Видишь? — спросил он.

— Угу, — пробормотал я.

Подняв глаза от коробки, я встретился взглядом с Кмузу. Он допивал свой чай со льдом (мне было стыдно, что я заставил его пить такое количество жидкости в это время дня — я уважал его чувства). Кмузу осторожно опустил стакан на салфетку. Его лицо ничего не выражало, но я чувствовал, что он не одобряет поведение Фуада. Кмузу вообще ничего не одобрял в клубе Чири.

— Где ты взял это, Фуад? — спросил я.

— Смотри, — оскалился он. С зубами ему тоже не повезло.

Я выудил из коробки одну цепочку и попытался рассмотреть ее повнимательнее, но в клубе было слишком темно. Я перевернул ценник, на нем были проставлены цифры — двести пятьдесят киамов.

— Послушай, Фуад, — сказал я с сомнением, — туристы и местные жители жалуются, что приходится платить восемь киамов за стакан. Ты, наверно, сделаешь скидку на свой товар?

— Конечно.

— И сколько же ты за них просишь? Иль-Манхус прикрыл глаза, притворившись, что задумался. Затем он взглянул на меня так, словно просил милостыню.

— Пятьдесят киамов.

Я снова посмотрел в коробку и поворошил пальцем ее содержимое.

— Нет, — покачал я головой.

— Ладно, — сказал Фуад. — Девять киамов, но яа латиф! Я же так ничего не заработаю!

— Может, за десять ты их и продашь, — сказал я. — Ведь ценники из лучших магазинов города.

Фуад выхватил у меня коробку.

— Значит, они стоят больше десяти? Я засмеялся.

— Взгляни, — сказал я Кмузу. — Металл с позолотой. Наверно, не стоит и пятидесяти. Видимо, Фуад украл в шикарном магазине несколько ценников с трехзначной цифрой, привязал ценники к дешевой бижутерии и загоняет их пьяным туристам, рассчитывая, что они не заметят подделки, особенно в темном помещении бара.

— Потому-то я и спросил, можно ли прийти вечером, — сказал Фуад. — Вечером здесь еще темнее. Будет еще лучше.

— Нет, — отказал я. — Если Индихар разрешает тебе обманывать туристов, это ее дело. Но я не позволю тебе этим заниматься, а вечерами я здесь бываю часто.

— Яа Сиди, зловещим тоном произнес Кмузу, — если его поймают за пределами Будайена, ему отрежут руки.

Фуад переполошился не на шутку:

— Ты же не позволишь им сделать со мной такое, Марид?

Я пожал плечами:

— Что касается вора, то руки ему отрезают независимо от того, мужчина это или женщина. Это итог его деяний — наказание, исходящее от самого Аллаха. Всемогущего и Мудрого. Так написано в Священном Коране. Можешь прочитать сам.

Фуад прижал коробку к своей впалой груди.

— Когда-нибудь ты тоже приедешь ко мне с просьбой, Марид! — проблеял он и заковылял к двери, перевернув стул и по пути врезавшись в Пуалани.

— Ничего, переживет, — сказал я Кмузу. — Завтра он будет здесь снова, забыв обо всем.

— Плохо, — помрачнел Кмузу. — Когда-нибудь он нарвется не на того человека, о чем будет жалеть всю оставшуюся жизнь.

— Это верно. Но Фуад останется Фуадом. В любом случае до конца смены мне надо поговорить с Индихар. Не возражаешь, если я оставлю тебя на пару минут?

— Конечно, яа Сиди. — Он посмотрел на меня отсутствующим взглядом; меня это всегда раздражало.

— Я скажу, чтобы тебе принесли еще чаю со льдом, — сказал я, направляясь к стойке.

Индихар мыла стаканы. Я намекнул ей, что она может не выходить на работу, пока не почувствует себя лучше, но она сказала, что лучше работать, чем сидеть дома с детьми и киснуть. Ей были нужны деньги, чтобы платить беби-ситтеру, и у нее остались долги от похорон. Девочки ходили вокруг нее на цыпочках, не зная, что ей сказать. Атмосфера в клубе создалась невеселая.

— Что-нибудь нужно, Марид? — спросила она. Ее глаза были заплаканы, под ними чернели круги. Склонившись над раковиной, она не смотрела на меня, не желая встречаться со мной взглядом.

— Еще стаканчик чаю со льдом для Кмузу, больше ничего, — обронил я.

— Хорошо.

Она наклонилась и вытащила из холодильника под стойкой кувшин холодного чая. Наливая в бокал, она так и не взглянула в мою сторону.

Я поискал глазами кого-нибудь из девушек. Сегодня днем работали три новенькие. Я вспомнил имя одной из них.

— Брэнди, — позвал я, — отнеси стакан долговязому парню вот за тем столиком.

— Тому каффру? — переспросила она, коренастая блондинка с толстыми руками, массивными бедрами, большой искусственной грудью и взлохмаченной крашеной шевелюрой. У нее были татуировки на обеих руках, правой груди, левой лопатке, видневшейся в вырезе платья, на щиколотках и даже на попке. Видимо, она стеснялась своих татуировок, потому что в присутствии клиентов накидывала черную шаль, а танцевала в белых гольфах и ярко-красных туфлях на платформе.

— Хочешь, я выбью из него чаевые? Я помотал головой:

— Это мой шофер. Для него бесплатно. Брэнди кивнула и понесла бокал в зал. Я сидел у стойки и от нечего делать вертел на ней круглый пробковый поднос.

— Индихар, — наконец позвал я. Она устало взглянула на меня:

— Я же говорила: не жалей меня. Я поднял руку.

— Я помню. Сейчас я хочу предложить тебе помощь. Прими ее хотя бы ради детей, если не ради себя. Я буду рад оплатить могилу на кладбище, где похоронены твои сват и свекровь. Чири охотно одолжит тебе денег…

Индихар с раздраженным вздохом вытерла руки о полотенце.

— Об этом я тоже не хочу слышать. Мы с Иржи никогда не одалживали денег.

— Разумеется, но сейчас у тебя другая ситуация. Какую пенсию тебе платит полицейское управление?

Она с отвращением отбросила полотенце.

— Треть жалованья Иржи, всего-навсего. И еще с поклонами толкуют мне что-то об отсрочке. Скорее всего, я смогу получать пенсию не раньше чем через полгода. Последнее время мы еле держались на плаву. А теперь я вообще не представляю, как свести концы с концами. Придется подыскивать жилье подешевле.

Я знал, что более дешевого места растить детей, чем Хаф-аль-Хала, быть не может.

— Хм… — пробормотал я. — Послушай, Индихар, ты ведь уже заслужила оплачиваемый отпуск. Давай я заплачу тебе за две-три недели вперед, и ты сможешь посидеть дома с Захрой, Хакимом и малышом Иржи. Или используешь это время, чтобы подработать где-то на стороне…

Брэнди вернулась к стойке и негодующе плюхнулась рядом со мной.

— Сукин сын, не дал мне чаевых.

Я посмотрел на нее. Видимо, по уму она могла бы составить прекрасную пару Фуаду.

— Я тебе говорил, для Кмузу — бесплатно. Я не хочу его надувать.

— Он что, твой любимчик? — язвительно поинтересовалась Брэнди.

Я посмотрел на Индихар.

— Тебе очень нужна здесь эта сучка? — спросил я.

Брэнди соскочила со стула и направилась в гримерную со словами:

— Ладно, замяли.

— Марид, — с восхитительным самообладанием отвечала Индихар, — оставь меня в покое. Не надо денег, отпусков, подарков. Хорошо? Дай мне только делать то, что я считаю нужным.

Спорить с ней я больше не мог.

— Как хочешь, — сказал я и вернулся к столику, за которым сидел Кмузу.

Я искренне хотел помочь Индихар, все более проникаясь к ней уважением. Пропустив пару стаканчиков, чтобы убить время, я просидел в клубе до восьми вечера. Пришла Чири с ночной сменой, и Индихар сняла кассу, заплатила девочкам и ушла, никому не сказав ни слова. Я подошел к стойке поприветствовать Чири.

— Индихар держится молодцом, — заметил я ей.

Она сидела за стойкой и наблюдала за посетителями, которых было общим числом семь-восемь.

— Вчера Индихар исполнилось двадцать, — проговорила Чири каким-то чужим голосом. — Индихар знала Иржи всю свою жизнь. Они вместе выросли в одной небольшой деревеньке. Иржи ей всегда нравился, и, когда родители сказали, что выдадут ее за Шакнахая, она очень обрадовалась.

Чири нагнулась и вытащила свою бутылочку тенде, плеснула с полстакана и отхлебнула.

— Детство Индихар было ничем не примечательным, — продолжала юна. — Ее родители были людьми старомодными, со свойственными возрасту предрассудками. Она выросла в Египте, где согласно словам старцев девушки, пьющие воду из Нила, вырастают чересчур страстными. Они утомляют своих бедных мужей. Поэтому там девушки перед свадьбой подвергаются ритуальному обрезанию.

— Так же, как и во многих мусульманских провинциях?

Чири кивнула.

— Деревенская повитуха совершила обрезание Индихар и

приложила к ране луковицу и соль. После этого Индихар неделю лежала в постели, и мать кормила ее цыплятами и плодами граната. Когда она встала, мать дала ей новое, только что сшитое платье. В подкладку его был зашит клитор Индихар. Они пошли на берег Нила и бросили платье в реку. Меня передернуло:

— Зачем ты мне все это рассказываешь? Чири отхлебнула еще глоточек тенде.

— Чтобы ты понял, как много значил Иржи для Индихар. Она говорила, как болезненно обрезание, но она радовалась, что прошла через него. Это значило, что она наконец стала взрослой женщиной и могла выйти замуж за Иржи с благоволения родителей и друзей.

— Кажется, меня это не касается, — сказал я.

— Тебя действительно не касается ее финансовое положение. Оставь ее в покое, Марид. У тебя добрые намерения, и после смерти Иржи благородный поступок — предложить помощь вдове, но Индихар не нужны наши деньги, и не стоит донимать ее предложениями о помощи.

Я поник.

— Кажется, теперь я понял, — пробормотал я. — Спасибо, что вразумила.

— С ней все будет в порядке. Если ей случится попасть в беду, обратится к нам. А сейчас познакомь меня с Кмузу. Мне нравится этот парень.

Я удивился:

— Ты хочешь разбудить мою ревность? Кмузу — не компанейский парень, ты проглотишь его с потрохами.

— Я только попробую, — сказала она, сверкнув своей великолепной каннибальской улыбкой. Еще один выстрел в темноте.

— Чири, — сказал я, — как ты думаешь, что значат буквы «А.Л. М.»?

Она на минуту задумалась.

— Ассоциация лесбиянок-матерей. Эта девочка Ханина, что танцевала у Френчи, выписывала их газету. А почему ты спрашиваешь?

Я прикусил губу.

— Нет, не то. Если придет на память что-нибудь другое, дай мне знать.

— О'кей, дорогуша. Это загадка?

— Загадка.

— Подумаю. — Она отхлебнула тенде и оценила свое отражение в зеркальной стенке над моей головой. — А я слышала, ты выбросил все свои лекарства? Вот уж не ожидала,

что ты решишься. Хочешь найти средство поэффективнее?

— Да. Я выкинул таблетки после гибели Иржи. Лицо Чири стало серьезным.

— А-а-а…

Несколько минут прошло в неловком молчании. Наконец я заговорил:

— Временами сильно тянет, но пока я смог удержаться.

— Снизить дозу — одно, но бросить совсем — это уж слишком. Может, это и к лучшему, но я всегда придерживалась умеренности во всем. Кроме того, существует такая гадость, как «абстинентный синдром». Я улыбнулся:

— Ценю твое участие. Но я знаю, что делаю. Чири печально покачала головой:

— Надеюсь, ты не шутишь. Ты даже не представляешь, что это такое — жизнь в трезвом состоянии. Будет очень непривычно.

— Мне будет чудесно, Чири.

— Может, завтра ты будешь проходить мимо Лайлы. У нее есть модди, которые дают ощущение, словно ты принял пригоршню таблеток. У нее полный комплект: соннеинки, «красотки», трифетки, РПМ, — все, что пожелаешь. Включаешь модди и, если потом хочешь иметь ясную голову, выключаешь его и — пожалуйста.

— Хм, что-то не хочется. Чири пожала плечами:

— Как знаешь.

— Сделаешь мне джин с бингарой?

Не хотелось продолжать этот разговор о наркотиках, чтобы не тревожить старых ран.

Чири наполняла мне очередной стаканчик, а я тем временем смотрел на танцующую Ясмин. Ясмин была самой лучшей из коллекции в пятнадцать хромосом, какую я когда-нибудь встречал. Когда мы с ней помирились, она сказала, что жалеет о своих длинных черных волосах, и решила отпустить их снова. Исполняя чувственный танец, она время от времени стреляла в меня глазами и всякий раз при этом улыбалась. Я тоже улыбался в ответ.

— Пожалуйста, босс. — Чири поставила бокал передо мной на поднос.

— Спасибо. — Метнув напоследок в Ясмин пламенный взгляд, я направился с бокалом за столик Кмузу.

— Знаешь, — сказал я своему рабу, — у тебя, оказывается, появилась тайная поклонница. Сказать, кто она?

Кмузу растерялся:

— Что вы имеете в виду, яа Сиди?

Я усмехнулся:

— Кажется, Чирига надеется воспламенить твое сердце.

— Но это невозможно, — ответил он. Вид у него был встревоженный.

— Она тебе не по вкусу? Чири чудесная женщина. Пусть тебя не пугают ее манеры.

— Они меня не пугают, яа Сиди. Просто я не хочу жениться, пока не получу свободы.

Я засмеялся:

— Это совпадает с планами Чири. Не думаю, чтобы она собиралась выходить замуж.

— Я же говорил вам, что я христианин. Чири подошла к столику, прежде чем я успел ответить.

— Как дела, Кмузу? — обратилась она к моему рабу.

— Прекрасно, мисс Чирига, — отвечал Кмузу ледяным тоном.

— Послушай, ты занимался любовью с девушкой, которая носит последний модди Хани Пилар — Медленный, Медленный Ожог? Самый отлетный модди. Так меня изматывает, что еле выползаю из постели.

— Я бы хотел, мисс Чирига…

— Можешь называть меня Чири, дорогуша.

— Я бы хотел, чтобы впредь вы не делали мне подобных предложений.

Чири удивленно посмотрела на меня:

— Разве я делаю ему какое-то предложение? Я просто спросила, занимался ли он любовью…

— Я слышала — Хани Пилар снова разводится? — приблизившись к нашему столику, спросила Рани, одна из ночных дебютанток.

Сегодня никто из посетителей не давал чаевых и не угощал девочек коктейлями. Это был скучный вечер, так что мы с Кмузу оказались самыми интересными посетителями клуба.

Чири загрустила.

— Эй, кто-нибудь, черт возьми, быстро на сцену! — крикнула она, направляясь к стойке.

Лилм, хорошенькая транссексуалка бельгийского происхождения, сняла блузку и отправилась танцевать.

— Кажется, с меня развлечений хватит, — зевая, обронил я Кмузу. — Пойдем домой.

Подошла Ясмин и взяла меня за руку.

— Ты придешь завтра? — спросила она. — Мне надо поговорить с тобой на очень личную тему.

— Может, поговорим сейчас? Она, смутившись, отвела взгляд.

— Нет, — сказала Ясмин. — Не сейчас… Хочу сделать тебе

подарок. — Она вынула свой карманный компьютер Ай Чинг. Ясмин свято верила в него и считала, что он точно предсказал все ужасные события последних месяцев. — Может, он тебе снова понадобится.

— Не думаю, — отозвался я. — Не лучше ли тебе оставить его у себя?

Вложив компьютер в мою ладонь, она поцеловала меня в губы долгим и нежным поцелуем. Странно — этот поцелуй взволновал меня.

Пожелав спокойной ночи Чири и девочкам, мы с Кмузу вышли на улицу в теплую, полную шорохов ночь и направились к воротам, где стоял наш автомобиль. Всю дорогу домой Кмузу доказывал мне, что Чири чрезвычайно наглая и бесстыжая особа.

— Но ты же не станешь отрицать, что она сексапильная?

— Уж этого у нее хватает, яа Сиди, — ответил он и сосредоточился на управлении автомобилем.

Как только мы добрались до поместья Фридлендер Бея, я немедленно поднялся в свою комнату, где попытался расслабиться. Взяв тетрадь Шакнахая, я вытянулся на постели, стараясь привести в порядок свои мысли. Я посмотрел на электронный оракул Ай Чинг — подарок Ясмин и тихо рассмеялся. Непонятно зачем я нажал белую кнопку с буквой «Эйч». Миниатюрное устройство зазвенело, точно колокольчик, и механический женский голос проговорил:

«Гексаграмма Шестая. Ожог. Конфликт. Изменения в первой, второй и шестой строках».

Я выслушал приговор вместе с комментарием, а затем нажал клавишу «Эль», обозначавшую строки. Предостережение сводилось к тому, что у меня сейчас трудный жизненный период, и, если я буду прелагать свой путь к цели силой, то рано или поздно вступлю в конфликт. Все это я знал и без карманного компьютера.

Мне посоветовали не удаляться от дома. Но совет несколько запоздал.

«Если вы решите преодолевать трудности, — предостерегала механическая женщина, — вы добьетесь немногого, но вскоре потеряете и это, оказавшись в положении еще более худшем. Лишь возделывая свой сад и игнорируя могущественных противников, можно избежать беды».

Черт подери, как же мне хотелось возделывать свой сад! Я бы напрочь позабыл про Абу Адиля, Яварски, счел бы смерть Шакнахая нелепой случайностью и позволил бы Папочке свернуть повинную голову Умм Саад руками Говорящих Камней! Я бы оставил своей матери толстый конверт с наличностью,

распрощался бы с клубом Чириги и умчался бы из города на автобусе со скоростью ветра.

Но, к несчастью, все это было несбыточно. Я печально посмотрел на игрушку Ай Чинг и вспомнил о других строках, дающих Вторую гексаграмму: она указывала на благоприятные события. Я нажал клавишу «Си-Эйч»:

«Гексаграмма Семнадцатая. Погоня. Гроза на озере».

Что бы это значило? Меня предупреждали о позитивных переменах в жизни. Все, что нужно было делать, — это Создавать гармоничные отношения с окружающими. Итак, придется приспосабливаться к веяниям времени.

— Предсказание будущего — богохульство, — заявил Кмузу, напомнив о своем существовании. — Любая ортодоксальная религия запрещает гадание.

Я не слышал, как он вошел в комнату.

— Идея синхронизации имеет свою логику, — пожал я плечами. На самом деле мое отношение К Ай Чингу почти не отличалось от отношения к нему Кмузу, но я чувствовал, что моя задача — хоть немного остудить его религиозный пыл.

— Вы имеете дело с опасными людьми, яа Сиди, — сказал он. — Вашими действиями должен руководить здравый смысл, а не эта игрушка.

Я бросил ему маленький электронный оракул Ясмин.

— Ты прав, Кмузу. В руках доверчивого простака она может стать опасной.

— Завтра я верну ее мисс Ясмин.

— Чудесно, Кмузу, — сказал я.

— Вам сегодня еще что-нибудь понадобится?

— Нет, Кмузу, сейчас я запишу для себя кое-что и лягу.

— Тогда спокойной ночи, яа Сиди.

— Спокойной ночи, Кмузу.

Раб вышел из спальни и закрыл за собой дверь.

Я разделся, разобрал постель, снова лег и стал перечитывать имена в тетради: Фридлендер Бей, Реда Абу Адиль, Умар Абдул-Кави, Пол Яварски, Умм Саад, лейтенант Хайяр. Плохие ребята. Затем я составил список хороших ребят: я.

И вспомнил пословицу времен своего алжирского детства: лучше дать деру зазря, чем зазря не дать деру. Спешное отбытие в Шанхай или Венецию было бы в данной ситуации самым разумным выходом.

Кажется, я уснул, размышляя, не стоит ли заблаговременно набить чемоданы деньгами и одеждой и не бежать ли в те края, где ноги благоухают жимолостью. А потом я увидел странный сон про клуб Чириги. Мне снилось, что теперь клубом заправляет

лейтенант Хайяр, а я пришел к нему в поисках Ясмин или Файзы, — словом, какой-то своей юношеской любви. Затем я спорил со своей матерью по поводу того, приносил ли я домой бутылку шербета или нет. А потом я оказался в школе совершенно голым и к тому же совершенно не подготовленным к очень важному экзамену.

А проснулся я от того, что кто-то тряс меня за плечи с криком:

— Проснитесь, яа Сиди!

— В чем дело, Кмузу? — не понял я спросонок. — Что случилось?

— В доме пожар, — сказал он и стал тянуть меня за руку, пока не вытащил из постели.

— Но я не вижу огня. — Зато я почувствовал запах дыма.

— Подвал в огне. У нас мало времени. Надо выбираться из дома.

Я уже совершенно проснулся. Сквозь зарешеченные окна в ярком лунном свете был виден густой столб дыма.

— Со мной все в порядке, Кмузу, — сказал я. — Я разбужу Фридлендер Бея. Весь дом горит или только наше крыло?

— Не знаю, яа Сиди.

— Тогда беги в восточное крыло и разбуди мою мать. Проверь, благополучно ли она выбралась.

— Надо бы еще предупредить Умм Саад.

— Да, верно.

И он выбежал из комнаты. Перед тем как выйти в коридор, я ощупью добрался до телефона на столе и набрал номер городской аварийной службы. Линия оказалась занята, я чертыхнулся и набрал номер еще раз. Снова занято. Я звонил и звонил. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем мне ответил женский голос.

— Пожар! — закричал я в трубку. К этому времени я уже пребывал в полном отчаянии. — Горит поместье Фридлендер Бея, то что неподалеку от христианского квартала.

— Спасибо, сэр, — отозвалась женщина. — Пожарная бригада выезжает.

Стало не хватать воздуха. Кислый смрад обжигал ноздри и горло, и я пригнулся, чтобы перевести дыхание. Языков пламени я пока не видел, так что реальной опасности не ощущал. И оказался не прав: когда я надевал джинсы, меня уже обжигала горячая зола, носившаяся в воздухе. В тот момент я еще не почувствовал, что получил ожоги второй степени в области головы, шеи и плеч, которые не были защищены. Волосы на голове сгорели, но борода уберегла лицо от ожогов. С тех пор я поклялся никогда не бриться.

В коридоре я увидел языки пламени. Жар был нестерпимый. Я ринулся, обхватив руками голову, пряча лицо и глаза. Я поджарил себе пятки, не пробежав и десяти футов. Я забарабанил в Папочкину дверь, рискуя погибнуть на пороге его комнаты, что было поступком смелым, но глупым: спасать старика, наверняка уже мертвого.

В голову пришла шальная мысль: вспомнилось, как Фридлендер Бей спрашивал меня, готов ли я вновь наполнить легкие огнем.

Ответа не было, и я заколотил еще сильнее. Огонь лизал мне руки и спину, и я начал задыхаться. Я отступил назад и правой ногой что есть силы ударил в дверь. Ничего не произошло. Она была заперта изнутри, и щеколда, вероятно, расплавилась. Я повторил удар, и дерево затрещало. Стукнул еще раз — дверь упала, ударившись о противоположную стену Папочкиной прихожей.

— О шейх! — закричал я.

Здесь дым был еще плотнее. В воздухе стоял острый запах горелого пластика, и я понял, что Папочку надо выводить как можно быстрее, пока мы не задохнулись в ядовитом дыму. Однако было у меня опасение, что я не застану Фридлендер Бея в живых. Его спальня находилась левее в глубине, и дверь ее тоже была на замке. Я и ее лягнул, ощутив резь в лодыжке и голени. Придется залечивать свои раны потом, если останусь жив.

Папочка не спал, раскинувшись навзничь в своей постели и вцепившись в покрывало. Он следил глазами за каждым моим движением, рот его был открыт, но он не смог издать ни звука. У меня не было времени слушать, что он хочет сказать мне. Я откинул одеяло и взял Фридлендер Бея на руки, как ребенка. Роста он был небольшого, однако значительно потолстел со времен былой спортивной молодости. Несмотря на это, я вынес его из спальни, ощущая невероятную силу, которая, как я понимал, скоро покинет меня.

— Пожар! — кричал я, пересекая прихожую. — Пожар! Пожар!

Говорящие Камни должны были спать в соседних комнатах. Однако разбудить их действием я не мог: для этого мне пришлось бы выпустить Папочку из рук. Оставалось одно: пробиваться сквозь пламя к спасению.

Когда я уже дошел до конца коридора, оба великана подоспели мне на помощь. Оба были в чем мать родила, что ничуть не смущало их. Один из Камней молча принял из моих рук Фридлендер Бея, так же молча взял на руки меня и понес вниз по лестнице на свежий воздух.

Вероятно, один из Говорящих Камней понял, до чего я измучен огнем и усталостью. Находясь в состоянии, близком к обмороку, я был необычайно признателен ему, но в тот момент у меня не нашлось сил даже поблагодарить его. Я пообещал себе, что как только у меня появится возможность, я обязательно отблагодарю Говорящих Камней — может, подарю им парочку неверных на съедение. А как еще можно отблагодарить Гога и Магога, у которых есть все?

Пожарные уже устанавливали свои приспособления, когда ко мне подскочил Кмузу.

— Ваша мать в безопасности, — залопотал он. — В восточном крыле не было пожара.

— Спасибо тебе, Кмузу, — искренне произнес я, еле ворочая языком. Горло по-прежнему жгло едким дымом.

Один из пожарных окатил меня струей чистой воды, завернул в какую-то простыню и снова облил. Затем протянул мне стакан воды:

— Возьми, будет легче дышать. Сейчас поедешь в больницу.

— Зачем? — спросил я, еще не сознавая ущерба, который нанес мне огонь.

— Я поеду с вами, яа Сиди, — подал голос Кмузу.

— А Папочка? — простонал я.

— Ему тоже понадобится медицинская помощь.

— Тогда мы поедем вместе.

Пожарные отвели меня к машине «Скорой помощи». Фридлендер Бей уже лежал там на носилках. Кмузу помог мне влезть в машину. Он наклонился ко мне, а я к нему.

— Пока вы поправитесь, — тихо произнес он, — я постараюсь узнать, кто устроил поджог.

Некоторое время я глядел на него, соображая. Я моргнул и понял, что ресницы у меня сгорели.

— Так ты думаешь — это поджог? — спросил я. Водитель уже захлопнул одну створку задних дверей.

— У меня есть доказательства, — сказал Кмузу, и водитель закрыл вторую створку.

Минуту спустя мы с Палочкой под вой сирены помчались по узким улочкам города. Папочка на носилках не шевелился. Он выглядел беззащитным и жалким. Мне тоже было муторно. Наверно, в наказание за то, что смеялся над Шестой гексаграммой.

Глава 12

Мать принесла мне фисташковых орехов и инжира, но глотать было все еще трудно.

— Тогда лучше отведай вот этого, — сказала она. — Я даже ложку принесла. — Она сняла крышку с пластиковой банки и поставила ее на тумбочку. В продолжение своего визита она была на редкость робкой и застенчивой.

Мне кололи обезболивающее, но сейчас Я не был в таком опьянении, Как случалось раньше. Небольшая доза соннеина из шприца-распылителя куда лучше, чем укол в глаз острой иголкой. У меня, разумеется, заблаговременно был припасен экспериментальный дэдди, блокирующий боль. Я мог включить его и оставаться при этом с абсолютно ясной и трезвой головой. Но включать его я не хотел. И своим заботливым докторам и сестрам я тоже ничего не сказал, потому что не получил бы наркотиков, узнай они… Короче, больница — слишком скучное место для трезвого человека.

Я приподнял голову с подушки.

— Что это? — хрипло спросил я, протягивая руку и принимая банку.

— Кислое верблюжье молоко. — сказала мать. — Тебе оно нравилось, когда ты болел. Когда ты был еще маленький. — В голосе матери мне послышалась совсем не свойственная ей нежность.

Кислое верблюжье молоко вовсе не такое блюдо, при виде которого вы бы подпрыгнули от радости. Я тоже не подпрыгнул. Но я ложку все-таки взял и притворился, что смакую эту кислятину, чтобы доставить радость маме. Может быть, она этим удовлетворится и уйдет. И тогда я вызову сестру и попрошу еще укольчик соннеина, чтобы хорошенько выспаться. В больницах хуже всего то, что приходится уверять всех окружающих в своем хорошем самочувствии и выслушивать посетителей, чьи истории болезней всегда оказываются драматичнее вашей собственной.

— Ты действительно переживал за меня, Марид? — спросила мать.

— Конечно, — сказал я, опять откидываясь на подушки. — Именно поэтому я и послал Кмузу узнать, не грозит ли тебе опасность.

Она грустно улыбнулась и покачала головой: — Наверное, было бы лучше, если бы я сгорела. Тогда тебе некого было бы стыдиться!

— Ну что ты говоришь, мам!

— Ладно, милый. — Она долго глядела на меня, не говоря ни слова. — Как твои ожоги?

Я пожал плечами и тут же вздрогнул от боли.

— Еще напоминают о себе. Сестры мажут меня какой-то белой гадостью два раза в день.

— Наверное, так надо. Пусть мажут.

— Хорошо, мам. Пусть. Молчание опять затягивалось.

— Знаешь, я должна тебе кое-что сказать, — заговорила она наконец. — Я была с тобой не совсем откровенной.

— Да? — Для меня это не было новостью, но я предпочел удержаться от скептических замечаний и выслушать сначала ее объяснения.

Мать опустила взор на свои руки, нервно мнущие льняной платок.

— Я знаю про Фридлендер Бея и Реда Абу Адиля гораздо больше, чем сказала тебе тогда.

— А-а-а…

Она взглянула на меня.

— Я знала их гораздо раньше. Еще до твоего рождения, совсем молодой. Тогда я была хорошенькой. Я хотела уехать из Сиди-бель-Аббис в какой-нибудь большой город, вроде Каира или Иерусалима, чтобы стать звездой голографии. Для этого я была готова носить модди, не такие, как у Хани Пилар, секс-бомбы, а что-нибудь вполне респектабельное.

— И Папочка или Абу Адиль пообещали помочь тебе пробиться?

Она снова посмотрела на свои руки.

— Я приехала сюда, в этот город. У меня не было денег, и поначалу я голодала. Потом встретила одного человека, который позаботился обо мне. Он-то и познакомил меня с Абу Адилем.

— И чем же помог тебе Абу Адиль?

Она взглянула на меня — теперь по ее щекам катились слезы.

— А ты как думаешь? — с горечью спросила она.

— Он обещал жениться на тебе? Она молча кивнула.

— И ты забеременела от него?

— Нет. В конце концов он просто посмеялся надо мной и купил мне обратный автобусный билет до Сиди-бель-Аббис. — Лицо ее исказилось от ярости. — Я ненавижу его, Марид!

Я кивнул, уже сожалея о том, что дал ей начать свою исповедь.

— Значит, Абу Адиль — не мой отец, да? А как насчет Фридлендер Бея?

— Папочка хорошо относился ко мне, когда я приехала в город. Поэтому я была рада услышать, что ты принят в его доме.

Хотя ты и вправду разозлил меня тогда, в Алжире.

— Есть люди, которые ненавидят Фридлендер Бея, — сказал я.

Она вновь окинула меня взором и продолжила:

— В конце концов я вернулась в Сиди-бель-Аббис, где несколько лет спустя встретила твоего отца.

Годы летели. Потом родился ты. Когда ты немного подрос, мы уехали из Алжира. Прошло еще несколько лет. И вот однажды, уже после твоего приезда, я получила от Абу Адиля письмо. Он писал, что не забывает обо мне и хочет вновь увидеть меня.

Она опять замолчала, видимо, остановленная волнением.

— Я поверила ему, — сказала она наконец. — Не знаю почему. Может быть, я надеялась начать жизнь сначала, перечеркнув все потерянные годы, исправить ошибки. И вот — снова влипла.

Я зажмурился, потер глаза и снова заглянул в искаженное горем лицо.

— И что же ты сделала на этот раз?

— Я снова приехала к Абу Адилю в тот большой дворец среди трущоб. Поэтому-то я знаю все о нем и Умм Саад. Остерегайся этой женщины, мальчик. Она работает на Абу Адиля и замышляет погубить Папочку.

— Я знаю. Мать растерялась:

— Ты уже знаешь? Откуда? Я улыбнулся:

— Приятель Абу Адиля рассказал мне. Они уже списали эту даму в утиль. Она вычеркнута из их планов.

— Все равно, — предостерегающе подняв палец, сказала мать, — берегись ее. У нее теперь свои планы. Пожар — ее рук дело.

— Да, ж так думаю.

Ты знаешь что-нибудь о модди Абу Адиля? О его теперешнем модди?

— Да. Этот сукин сын Умар мне все рассказал. Я мог бы заполучить его на несколько минут.

Она глубокомысленно пожевала губами.

— Может быть, я для тебя могу что-нибудь сделать? Из нашей беседы я почерпнул немало важного для себя. Она, можно сказать, ответила на все мои вопросы.

— Ладно, мама, все это — пустяки, — постарался я успокоить ее.

Она опять заплакала.

— Я так виновата, Марид. Виновата во всем, что наделала, и еще в том, что была тебе плохой матерью.

О Боже, где мне было взять силы, чтобы перенести этот

приступ раскаяния?

— Мне тоже очень жаль, мама, что я никогда не оказывал тебе должного уважения, — пробормотал я, удивляясь тому, что слова мои были совершенно искренними.

— Уважения, которого я никогда и не заслуживала.

Я замахал руками.

— Давай не будем выяснять, кто виноват больше. Помиримся — и все.

— Быть может, мы сможем начать новую жизнь? — робко предположила она.

В чем лично я сильно сомневался. Трудно начинать все заново после всего, что произошло между нами. Но я должен был дать ей такую возможность.

— Я готов, — откликнулся я. — Ты же знаешь, я не люблю вспоминать прошлое.

Она криво улыбнулась:

— Мне нравится жить у Папочки вместе с тобой, мой мальчик. Временами мне кажется, что я больше не вернусь в Алжир и… ну, ты понимаешь…

Я глубоко вздохнул.

— Мама, я обещаю тебе, — произнес я, — что ты никогда не вернешься к старой жизни. С сегодняшнего дня о тебе будет заботится твой сын.

Она встала и направилась ко мне с распростертыми объятиями, но я пока еще не был готов к проявлению сыновних чувств. У меня вообще с этим проблемы: я всегда был очень сдержан. Конечно, я позволил ей поцеловать меня в щеку и обнять. При этом она что-то пробормотала. Я слегка похлопал ее по спине. Это все, на что я был способен. После этого Эйнджел Монро снова села на свое место.

Она вздохнула:

— Я очень счастлива, Марид. Я не заслужила такого счастья. Мне не надо ничего, кроме обыкновенной, нормальной жизни.

Что бы ей стоило сказать мне об этом раньше?

— И чем бы ты хотела заниматься? — спросил я. Мать нахмурилась.

— Я даже не знаю. Чем-нибудь полезным. Каким-нибудь настоящим делом.

Я представил себе Эйнджел Монро в должности больничной разносчицы передач и немедленно отогнал это нелепое видение.

— Абу Адиль пригласил тебя в город шпионить за Палочкой, да?

— Да, я была полной идиоткой, поверив ему.

— И в каких же отношениях вы расстались? А шпионить за

ним в нашу пользу тебе не будет в тягость?

— Я дала ему понять, что его идея мне не по душе, — задумчиво произнесла она. — Если я сейчас вернусь к нему, он может не поверить в мое раскаяние. А может, и поверит. У него большое самомнение. Все мужчины таковы: думают, что женщины ради них готовы броситься в огонь. Наверно, я смогу убедить его. — Она хитро улыбнулась. — Ведь я была хорошей актрисой. Халид даже говорил, что очень хорошей.

Я вспомнил Халида — он был ее сутенером.

— Я подумаю об этом, мама. Не хочу втягивать тебя в опасную игру, но мне хотелось бы иметь оружие, о котором не знает Абу Адиль.

— Во всяком случае, я многим обязана Папочке. Я должна расплатиться с Абу Адилем за то, что он так обошелся со мной, и отблагодарить Папочку за его доброту. К тому же он приютил меня под своим кровом…

Я был не настолько безумен, чтобы дать ей возможность принять участие в развитии событий, но для меня она могла стать незаменимым источником информации.

— Мам, — как бы между прочим спросил я, — ты не знаешь, что означают буквы «АЛ.М»?

— «А.Л.М.»? Понятия не имею. «Ассоциация льняных моделей»? Это профсоюз жуликов, но я даже не знаю, есть ли у них отделение в нашем городе.

— Не ломай голову. А «Дело Феникса» что-нибудь говорит тебе?

Она вздрогнула едва заметно.

— Нет, — выдавила она, — я никогда об этом не слышала.

Однако что-то в ее голосе убедило меня в обратном. Что же скрывала она на этот раз? Оптимизм, внушенный мне предшествующим разговором, иссяк, и я засомневался, в какой мере могу доверять ей. Сейчас еще не пришло время заниматься «Делом Феникса», но когда я выйду из больницы, час истины наконец пробьет.

— Мам, — пробормотал я сквозь зевоту, — кажется, я засыпаю.

— Ну, тогда я пошла, мальчик мой. — Она встала и засуетилась вокруг меня, поправляя простыни. — Я оставлю тебе верблюжье молоко.

— Чудесно!

Она наклонилась и снова поцеловала меня.

— Приду завтра. А сейчас я навещу Папочку.

— Передай ему привет и скажи, что я молюсь о его здоровье.

Мать направилась к выходу, в дверях обернулась и помахала

рукой. После чего исчезла окончательно.

Едва она ушла, в голове моей промелькнула мысль, внезапная, как озарение: ведь единственным человеком, знавшим о том, что я поехал в Алжир навестить мать, был Саид Халф-Хадж. Это он познакомил мамочку с Реда Абу Адилем. Это он привез ее в город шпионить за Папочкой и мной. Саид, вне всяких сомнений, работал на Абу Адиля. Он продал меня с потрохами.

Я пообещал себе еще один час истины, который Халф-Хадж запомнит по гроб жизни.

Какова бы ни была цель конспирации и значение слов «Дело Феникса», все это должно иметь огромное значение для Абу Адиля. Вот уже несколько месяцев он засылал к нам шпионов в лице Сайда, Кмузу и Умм Саад. Я подумал, сколько еще может оказаться невыделенных соглядатаев, кроме уже известных мне.

В конце дня, перед ужином, зашел Кмузу. Одет он был в черный костюм с белой рубашкой, без галстука. В таком наряде Кмузу походил на агента похоронного бюро. Выражение его лица было торжественно-суровым, словно одна из сестер в коридоре только что ему шепнула о том, что положение мое безнадежно, или что на голове у меня никогда больше не отрастут волосы, или что мне придется всю оставшуюся жизнь ходить обмазанным этой жуткой белой дрянью.

— Как вы себя чувствуете, яа Сиди? — спросил раб.

— Страдаю от затяжного синдрома послепожарного стресса, — отвечал я. — Кстати, не разбуди ты меня тогда среди ночи, мне бы сейчас и вовсе не пришлось страдать.

— Если бы вы не пользовались приставкой для улучшения сна, пожар непременно разбудил бы и вас.

Об этом я как-то не подумал..

— Может быть, — пробормотал я. — В любом случае я обязан тебе жизнью.

— Вы спасли хозяина дома, яа Сиди. Он дает мне убежище и защищает меня от Реда Абу Адиля. Мы квиты.

— Все равно я чувствую себя в долгу перед тобой. — Тут я кстати задумался, во сколько я в самом деле оцениваю свою жизнь. Могу ли я вознаградить его по достоинству чем-нибудь равноценным? — Ты не возражаешь, если я подарю тебе свободу? — спросил я.

Брови Кмузу сошлись в одну линию.

— Вы же знаете, что больше всего на свете мне нужна свобода. Но, как вам должно быть известно, только хозяин дома может решить этот вопрос.

— Я попрошу Папочку, — пожав плечами, отвечал я. — Может, у меня что-нибудь получится.

— Я буду вам чрезвычайно признателен, яа Сиди. — Лицо Кмузу почти ничего не выражало, но я знал, что в душе он был взволнован донельзя.

Мы поговорили еще немного, и вскоре Кмузу собрался уходить. Он успокоил меня, заверив, что моя мать и все наши слуги в безопасности, иншаллах. Дом сторожили два десятка вооруженных охранников. Конечно, они не заметили злоумышленников и не смогли предотвратить поджог. Заговор, шпионаж, поджог, покушение на жизнь — столь недвусмысленным образом Папочкины враги выражали свое недовольство.

Когда Кмузу удалился, я в скором времени заскучал и включил голографический телевизор, Привинченный к тумбочке неподалеку от кровати. Телевизор был плохонький, что сказывалось на изображении: оно вытянулось по вертикали. Актеры, разыгрывающие современную центральноевропейскую пьесу, по колено утопали в тумбочке. Изображение шло с субтитрами, которые, к сожалению, были утрачены, как и нижние конечности актеров. Когда лица показывали крупным планом, я видел лишь их верхнюю часть.

Вначале я подумал, что сойдет и так. Дома я редко смотрел экран. Но в больнице, где царит скука и тишина, я с удивлением обнаружил, что включаю его снова и снова. Перебрав сотню международных каналов, я не нашел ничего интересного. Либо причиной был я сам, напичканный наркотиками до одурения, либо укороченные фигурки с ампутированными ногами, бродившие по тумбочке и лопотавшие на десятке разных языков, но сосредоточить внимание мне так и не удалось.

Поэтому, спешно покинув тюрингскую трагедию, я дал телевизору приказ на отключение, после чего выбрался из постели и оделся, испытав определенные неудобства: больничный халат прилипал к местам ожогов, измазанным белой вонючей дрянью. Я сунул ноги в зеленые бумажные шлепанцы — казенное достояние — и направился к дверям. Там я повстречал санитара, несущего поднос с моим завтраком. И слюнки у меня потекли еще до того, как я разглядел, что в тарелках.

— Ну, что там у нас сегодня? — поинтересовался я.

Санитар поставил поднос на тумбочку.

— Чудесная жареная печенка, — объявил он. По тону санитара я понял, что ожидать особых деликатесов не приходится,

— Позавтракаю попозже. — Я вышел из комнаты в коридор. У дверей лифта меня спросили, какой этаж мне нужен. Я попросил назвать номер палаты Фридлендер Бея.

— Палата номер один, — последовал ответ.

— На каком этаже она находится? — спросил я.

— Этаж двадцатый.

Самый верхний. Наша больница одна из трех в городе, оборудованных ВИП-квартирами. Примерно год назад в этой самой больнице мне делали операцию на головном мозге. Тогда мне нравилось лежать в отдельной палате, но необходимости в целой квартире из нескольких комнат я не чувствовал. Мне было не до развлечений.

— Вам нужен двадцатый этаж? — спросил лифт.

— Да, — ответил я.

Мне попался умственно-отсталый лифт. Я стоял, представляя собой затейливую фигуру для всякого постороннего наблюдателя, а лифт тем временем не спеша дрейфовал с пятнадцатого этажа на двадцатый. Я тщетно искал положение, в котором одежда не прилипала бы к телу. Кроме того, меня уже начинало тошнить от сильного мятного запаха белой мази.

Я вышел на двадцатом этаже и первое, что увидел, была дородная женщина с толстой шеей, выглядывающей из белого халата. Она сидела в кабинете передвижного дежурного поста сестры-сиделки. Рядом с ней возвышался мускулистый мужчина в форме сил безопасности Евроармии. На бедре у него висел огромный револьвер в кобуре; мужчина посмотрел на меня, словно решая, застрелить меня сразу или на время оставить в покое.

— Вы — пациент этой больницы, — сказала медсестра не то спрашивая, не то утверждая. Она была: не умнее лифта.

— Палата 1540, — честно сказал я.

— А это двадцатый этаж. Что вы здесь делаете?

— Хочу навестить Фридлендер Бея.

— Минутку. — Она нахмурилась и сверилась с экраном компьютера. Ясное дело — такой проходимец, как я, не числился в списке ее фаворитов.

— Ваше имя?

— Марид Одран.

— Вот, нашла. — Она взглянула на меня. Ну теперь-то, когда меня опознали, она же должна была проявить ко мне хоть толику уважения! Ничуть не бывало. — Заин, проводи мистера Одрана в палату номер один, — велела она охраннику.

Заин кивнул.

— Сюда, сэр! — указал он.

Я последовал за охранником по паркету коридора, свернул направо за угол и остановился у дверей квартиры номер один.

Я не удивился, увидев там стоявшего на страже одного из

Камней.

— Хабиб? — спросил я, надеясь, что хоть один мускул дрогнет на его лице. Я проскользнул мимо него, опасаясь, как бы он ненароком не ухватил меня своей могучей дланью, однако, похоже, все двери передо мной были раскрыты. Наверное, сейчас Говорящие Камни видели во мне заместителя Фридлендер Бея.

Шторы в квартире были задернуты, свет — выключен. Повсюду благоухали цветы в вазах и изысканных горшках. В воздухе стоял одуряющий сладкий запах. Если бы это были мои апартаменты, я бы непременно попросил сестру отнести часть цветов другим больным.

Папочка неподвижно лежал в кровати. Выглядел он скверно. Я знал, что ожоги у него были те же, что и у меня: лицо и руки покрывала такая же белая мазь. Волосы Фридлендер Бея были аккуратно причесаны, однако, судя по щетине, его не брили несколько дней, очевидно, из-за ожогов на лице. Он дремал с полуоткрытыми глазами. Соннеин одолел его: видно, ему приходилось терпеть побольше моего.

Бросив взгляд в приоткрытую дверь соседней комнаты, я заметил Юсефа, дворецкого Папочки, и его камердинера Тарика. Они перебрасывались в карты за столом. Заметив меня, они было встали, но я приветливо махнул им рукой, поощряя продолжать игру. Я сел на стул возле Папочки.

— Как твое самочувствие, о шейх? — спросил я. Фридлендер Бей открыл глаза, и я понял, что он борется с дремотой.

— Обо мне тут хорошо заботятся, мой племянник, простонал он.

В его словах не содержалось ответа на мой вопрос, но я не стал повторяться.

— Ежечасно я молюсь о твоем выздоровлении. Он сделал попытку улыбнуться.

— Хорошо, что молишься, — с трудом переводя дыхание, отвечал он. — Ведь ты рисковал своей жизнью, чтобы спасти меня.

Я развел руками:

— Я только выполнял свой долг.

— И пострадал из-за меня.

— Это пустяки. Главное — что ты жив.

— Я в неоплатном долгу перед тобой, — устало проговорил Фридлендер Бей.

Я покачал головой:

— Я выполнял волю Аллаха и был лишь орудием в Его руках.

Папочка нахмурился. Видимо, несмотря на уколы соннеина, он испытывал неприятные ощущения.

— Как только я встану на ноги и мы вернемся домой, ты позволишь мне вознаградить тебя должным образом.

Ну нет, подумал я, не хватало мне еще одного Папочкиного подарочка!

— А сейчас, — спросил я, — не потребуется ли тебе моя помощь?

— Скажи мне, как начался пожар?

— Грубая работа, о шейх! — возмущенно воскликнул я. — Сразу же после того, как нас увезли, Кмузу нашел спички и обгоревшие тряпки, пропитанные горючей жидкостью.

Папочкино лицо стало мрачным, в глазах засветилось пламя.

— Этого я и боялся. Какие у вас есть еще улики? Кого ты подозреваешь, племянник?

— Пока никого, но как только выйду из больницы, займусь этим.

Казалось, Папочка остался доволен моим ответом.

— Ты должен пообещать мне, — сказал он.

— Что, о шейх?

— Когда узнаешь, кто совершил поджог, ты убьешь его. Пусть знают: нас не напугаешь.

Я заранее знал, что Папочка попросит об этом. Скоро мне придется заводить тетрадь, чтобы записывать имена и адреса тех, кого я должен убить по его просьбе.

— Да, — пообещал я, — он умрет.

Я вовсе не обещал, что убью сукиного сына собственноручно. Скорее я имел в виду, что все мы смертны. Может быть, я препоручу это дело Говорящим Камням. Они напоминали ручных леопардов. Время от времени их надо было спускать с привязи — поохотиться.

— Хорошо, — согласился Фридлендер Бей, закрывая глаза.

— Я хотел бы обсудить еще два вопроса, о шейх, — нерешительно заговорил я.

Он снова открыл глаза. Сейчас Фридлендер Бей как никогда походил на умирающего.

— Прости меня; племянник, что-то я неважно себя чувствую. Еще до пожара мне было скверно. А сейчас стало еще хуже.

— Здешние доктора разобрались, в чем дело?

— Они ничего не смыслят. Назначают все новые и новые анализы. Я страдаю от их невежества и неуважительного отношения.

— Доверься им, о шейх, — посоветовал я. — Меня здесь лечат совсем неплохо.

— Да, но ты же не дряхлый старик, который тщетно цепляется за жизнь. Каждая из их варварских процедур отнимает

у меня год жизни.

Я улыбнулся:

— Ты преувеличиваешь, о шейх. Они должны найти причину твоего недомогания и устранить ее. К тебе вернутся прежние силы.

Палочка нетерпеливо махнул рукой, показывая, что не хочет продолжать разговор на эту тему.

— И что же ты хотел спросить у меня?

Я медлил, думая, как бы поделикатнее задать ему два весьма щекотливых вопроса.

— Первая просьба касается моего слуги Кмузу, — сказал я. — Ты утверждаешь, что я спас тебя из огня, но Кмузу точно так же спас меня. Я обещал ему, что попрошу у тебя награды за это.

— Конечно, сынок. Он заслужил ее.

— Я тут додумал… не подаришь ли ты ему свободу?

Папочка молча осмотрел меня. Лицо его не выражало никаких эмоций.

— Нет, — медленно проговорил он, — еще не время. Я придумаю для него какую-нибудь другую заслуженную награду.

— Но…

Тут Фридлендер Бей жестом прервал меня. Даже болезнь не сломила его воли, и я не осмелился настаивать.

— Конечно, о шейх, — смиренно произнес я. — А вторая просьба касается вдовы и детей Иржи Шакнахая, офицера полиции, с которым мне довелось работать. У его семьи сейчас серьезные финансовые затруднения, и мне хотелось бы сделать для них что-нибудь большее, чем просто предложить денег. Я прошу твоего разрешения пожить им в нашем доме, хотя бы некоторое время.

Папочка ясно давал мне понять, что разговор окончен.

— Мой милый мальчик, — еле слышно прошептал он, — пусть будет так, как ты хочешь. Это хорошее решение. Я поклонился.

— Больше не смею беспокоить тебя. Пусть Аллах дарует тебе мир и благополучие.

— Я буду скучать без тебя, сынок.

Я встал и заглянул в другую комнату. Юсеф и Тарик, казалось, целиком ушли в карточную игру, но я был уверен, что они не пропустили ни единого слова из нашего разговора. Когда я был у дверей, Папочка уже вовсю храпел. Я постарался прикрыть за собой дверь как можно тише.

Лифт доставил меня на мой этаж, и я снова улегся в постель. С удовлетворением отметив, что завтрак из печени уже унесен, я снова включил телевизор, но тут в палату вошел доктор

Йеникнани — в прошлом ассистент нейрохирурга, проводившего операцию на моем мозге. Доктор Йеникнани был смуглым, свирепого вида турком, изучавшим философию и суфийский мистицизм. Мы подружились с ним в период моего первого пребывания здесь, и я был рад видеть его снова. Взглядом отключив телевизор, я обернулся к доктору.

— Как себя чувствуете, мистер Одран? — спросил доктор Йеникнани.

Он подошел к моей постели и улыбнулся. Его зубы едва ли можно было назвать белыми даже на фоне смуглого лица и пышных черных усов.

— Можно присесть?

— Будьте как дома, — пригласил я. — Итак, вы пришли сообщить мне, что мои мозги окончательно испеклись на пожаре, или же это просто дружеский визит?

— У вас там особенно нечему испекаться, — оптимистически начал доктор Йеникнани. — Нет, я просто хотел поинтересоваться, как вы себя чувствуете и не смогу ли я быть вам чем-нибудь полезен?

— Благодарю. Мне ничего не нужно. Поскорее бы выбраться отсюда.

— Все говорят то же самое. Можно подумать, мы находимся здесь специально для того, чтобы мучить людей.

— Раньше я проводил отпуск в более приятных местах.

— У меня к вам предложение, мистер Одран, — перебил мой поток красноречия доктор Йеникнани. — Не желаете ли вы приостановить процессы старения в вашем организме? Предотвратить угасание функций мозга, ухудшения памяти? Есть возможность.

— Ага, — задумчиво кивнул я. — Снова какая-нибудь ловушка?

— Никоим образом. Доктор Лизан разработал технологию, которая позволяет добиться всего вышеперечисленного. Представьте, что вам никогда не придется беспокоиться насчет возрастного старения вашего мозга. Ваши мыслительные процессы в двести лет останутся теми же, что и сейчас.

— Звучит заманчиво, доктор Йеникнани. Вы, конечно, имеете в виду не витаминные добавки, а нечто другое?

Доктор ответил с печальной улыбкой:

— Нет, не совсем. Доктор Лизан работает с дополнением функций коры головного мозга. Он окутывает мозг сетью микроскопических проводов. Они выполнены из золота и присоединены к тем самым органическим волокнам, которые соединяют ваш имплантат с центральной нервной системой.

— Угу. — Все это звучало для меня достаточно дико.

— Органические нити передают электрические импульсы коры головного мозга золотой сети и затем — в обратном направлении. Сеть выполняет функцию своеобразного искусственного хранилища информации. Первые экспериментальные результаты показали, что она увеличивает в три-четыре раза число нейронных связей головного мозга.

— Вроде встроенного блока дополнительной памяти в компьютере, — догадался я.

— Слишком поверхностная аналогия, — не согласился доктор Йеникнани. От моих глаз не укрылось, что он даже несколько разнервничался, рекламируя свое изобретение. — Природа памяти, как вам известно, голографична, и мы предлагаем вам не просто множество пустых ячеек для хранения мыслей и воспоминаний, но более совершенную множественную систему. Ваш мозг и так хранит каждое воспоминание одновременно в нескольких местах, но поскольку клетки мозга старятся и умирают, стираются и эти воспоминания и приобретенные навыки. А с дополнением функций коры головного мозга появляется возможность в несколько раз повысить число таких информативных участков. Ваш разум будет защищен от склероза и деградации, правда, это не исключает травматических повреждений.

— Итак, все, что от меня требуется, — заговорил я по-прежнему с некоторым сомнением, — это разрешить вам и доктору Лизану запихнуть мои мозги в авоську, точно капусту на рынке.

— Да. При этом вы ничего не почувствуете, — усмехнулся моему сравнению доктор Йеникнани. — В дополнение к этому могу вам обещать, что операция во много раз ускорит ваши мыслительные процессы. У вас будет реакция супермена. Вы станете…

— А сколько людей уже подверглись подобной операции и как они чувствуют себя сейчас?

Он пошевелил перед глазами своими длинными пальцами хирурга.

— Мы пока еще не проводили операций на людях, — проговорил он. — Но работа с крысами дала многообещающие результаты.

Я вздохнул с облегчением:

— А я было подумал, что вы хотите меня надуть.

— Я хочу, чтобы вы помнили, мистер Одран, — внушительно сказал доктор Йеникнани, — что ближайшие два года нам придется искать отважных добровольцев, которые помогут нам

раздвинуть границы возможного в медицине. Я похлопал по своим имплантатам.

— Только на этот раз меня не окажется в их рядах. Я и так уже много сделал для медицины.

Доктор Йеникнани пожал плечами, откинулся на спинку стула и внимательно оглядел меня.

— Я понимаю, почему вы спасли жизнь вашего патрона, — сказал он. — Когда-то я объяснял вам, что смерть — лишь преддверие рая, и поэтому ее не нужно бояться. Такой же истиной является утверждение, что жизнь как средство примирения с Аллахом предпочтительнее смерти, если, конечно, мы хотим следовать по пути истины. Вы мужественный человек.

— Не говорите мне, что я совершил подвиг, — с решительным жестом отвечал я. — В то время я даже не думал об этом.

— Конечно, вы не столь щепетильно следуете заветам Пророка, — заметил доктор Йеникнани, — но по-своему вы весьма религиозный человек. Двести лет назад один философ заметил, что религии мира похожи на фонарь с разноцветными гранями, а Бог — это пламя внутри фонаря. — Он встал и пожал мне руку. — Я откланиваюсь, с вашего разрешения.

Всякий раз в разговоре со мной доктор Йеникнани цитировал суфийских мудрецов, видимо, чтобы оставить больному пищу для размышлений на досуге.

— Мир вам, — ответил я.

— И вам того же, — сказал он, покидая палату.

Позже я поужинал печеным ягненком, горохом с куриной подливкой и бобами с луком и помидорами, которые были бы совсем хороши, если бы кто-нибудь напомнил поварам о существовании соли и лимонного сока. После ужина меня снова одолела скука. Я включил телевизор, выключил его, некоторое время тупо смотрел на стену и опять включил. Наконец, к моему величайшему облегчению, около моей постели зазвонил телефон. Я снял трубку, вознося хвалу Аллаху.

Я узнал голос Моргана. Со мной не было англоязычного дэдди, а Морган даже не мог спросить по-арабски, где здесь туалет. Поэтому единственными словами, которые я понял, были «Яварски» и «Абу Адиль». Я пообещал, что немедленно поговорю с ним, как только выйду из больницы, и, сообразив, что все равно не смогу понять его ответа, повесил трубку.

Я лег на кровать и уставился в потолок. По правде говоря, меня не удивило, что между Абу Адилем и сумасшедшим американским киллером существовала связь. Сейчас я не удивился бы, даже узнав, что Яварски — мой некогда проданный брат.

Глава 13

В больнице я провел почти целую неделю. Там я смотрел телевизор, много читал, и, несмотря на мое нежелание кого-либо видеть, меня навестили Чири, Ясмин и Лили, влюбленная в меня транссексуалка. Меня также ожидало два сюрприза: корзина фруктов от Умара Абдул-Кави и визит шести абсолютно неизвестных мне людей, жителей Будайена и кварталов, прилегающих к полицейскому участку. Среди них я узнал молодую женщину с ребенком, которой я дал денег в тот день, когда мы с Шакнахаем были отправлены на поиски Он Чонга.

Она оказалась такой же робкой и нерешительной, как тогда, на улице.

— О шейх! — произнесла женщина дрожащим голосом, ставя на мою тумбочку накрытую платком корзину. — Мы все молим Аллаха о вашем здоровье!

— Мне помогли ваши молитвы, — улыбаясь отвечал я, — потому что меня сегодня выписывают из больницы.

— Хвала Аллаху, — сказала женщина. Она обернулась к сопровождавшим ее людям. — Это родители детей, которых вы ежедневно одариваете деньгами на улицах и у полицейского участка. Они благодарят вас за щедрость.

Эти мужчины и женщины жили в такой же бедности, в какой прожил и я большую часть своей жизни. Казалось странным, что они не испытывали ко мне никакой зависти. Ведь мы иногда бываем так неблагодарны к нашим благодетелям. Еще в молодости я узнал, какое унижение принимать милостыню, особенно в таких стесненных обстоятельствах, когда гордость представляется излишней роскошью.

Конечно, все зависит от того, каким образом подают милостыню. Никогда не забуду, как я в детстве встречал Рождество. Местные алжирские христиане собирали корзинки с едой для меня, моей матери и моего маленького брата. Они входили в нашу жалкую развалюху и радушно улыбались, явно гордясь своим благородным поступком. Они смотрели сначала на маму, потом на меня и Хусейна, ожидая благодарности. Сколько раз я мечтал швырнуть эти проклятые консервы им в лицо.

Я опасался, что родители этих детей испытывают ко мне подобные чувства. Хорошо бы напомнить им, что они вовсе не обязаны выражать мне благодарность за добрые дела.

— Рад был помочь вам, друзья мои, — сказал я. — Но мною на самом деле двигали эгоистические побуждения. В Священном Коране сказано: «Те деньги, которые вы пустите на ветер, должны

быть отданы родителям, ближайшим родственникам, сиротам, нищим и странникам. Горе вам, ибо что вы делаете с вашими деньгами! Аллах видит все!» Поэтому если я и трачу несколько киамов на добрые дела, то этим только облегчаю свою совесть после ночной пирушки с двумя белокурыми близнецами из Гамбурга.

Я заметил, что кое-кто из моих визитеров заулыбался. Это внушило мне уверенности.

— Даже если это так, — сказала молодая мать, — мы все равно благодарны вам.

— Меньше года назад я сам был беден. Иногда мне приходилось есть через день. Порой мне было негде ночевать, и я спал в парках и заброшенных домах. Теперь удача улыбнулась мне, и я всего-навсего возвращаю долг. Вспоминаю, с какой добротой все относились ко мне, когда я был в беде. — Все это было далеко от истины, но с моей стороны звучало чертовски благородно.

— А теперь мы покинем вас, о шейх, — сказала женщина. — Вам, наверное, пора отдохнуть. Мы просто хотели узнать, не нуждаетесь ли вы в чем-нибудь… Мы были бы рады помочь вам.

Я внимательно посмотрел на нее, оценивая искренность ее намерений.

— Я тут разыскиваю двух молодцов, — заговорил я, — Он Чонга, торговца детьми, и убийцу Пола Яварски. Если вы что-нибудь узнаете о них, я буду весьма благодарен за информацию.

— Пусть Аллах дарует тебе мир и благополучие, шейх Марид Аль-Амин, — пробормотала женщина, пятясь к дверям.

Я заслужил эпитет! Она назвала меня Маридом Правдолюбивым.

— Аллах Йизалимак, — ответил я. И был искренне рад, что они наконец ушли.

Через час заявилась сестра и сообщила, что мой лечащий врач подписал распоряжение о выписке из больницы. Прекрасно! Я позвал Кмузу, и он принес мне чистую одежду. Новая кожа оставалась чрезвычайно чувствительной и уязвимой, отчего процесс одевания стал сущим мучением. Но я все равно был счастлив возможности вернуться домой.

— Этот американец Морган хочет видеть вас, яа Сиди, — сказал Кмузу. — Он должен что-то сообщить вам.

— Кажется, меня ждут хорошие новости, — заметил я, забираясь в автомобиль. Кмузу закрыл за мной дверцу, обошел автомобиль и сел на сиденье водителя.

— Вас еще ждут некоторые деловые вопросы. У вас на столе лежит большая сумма денег.

— Догадываюсь. Там должно быть два пухлых конверта, один от Фридлендер Бея, второй — моя доля выручки от клуба Чири.

Кмузу покосился на меня.

— У вас уже есть план, как потратить эти деньги, яа Сиди? — спросил он.

Я улыбнулся:

— Держишь темную лошадку?

Кмузу нахмурился. Я вспомнил, что он начисто лишен чувства юмора.

— Вы теперь очень богаты, яа Сиди. С этими деньгами у вас более ста тысяч киамов. С таким богатством можно совершить много добрых дел.

— А я и не знал, Кмузу, что ты ведешь такой строгий учет моих финансов. — Я уже подумывал о добрых делах. Бесплатная клиника для бедных в Будайене или благотворительная столовая были на мой взгляд самыми подходящими ориентирами. Моя реакция не на шутку растрогала Кмузу.

— Ах, как неожиданно, как замечательно! — воскликнул он. — Я всей душой одобряю ваше решение!

— Вот и хорошо, — кисло выдавил я, обдумывая, как построить дальнейшую речь новоявленного филантропа. — Не хочешь ли ты сам заняться этим? Все мое время отнимают дела Абу Адиля и Яварски.

— Я буду чрезвычайно рад. Не думаю, что у вас хватит денег на клинику, яа Сиди, но обеды для бедных — благородный жест.

— Хочется, чтобы это стало не просто жестом. Когда у тебя будут готовы планы и смета, дашь взглянуть.

Самым замечательным в этом разговоре было то, что наконец мне удастся направить энергию Кмузу в другое русло и держать его на некотором расстоянии.

Когда я вошел в дом, Юсеф осклабился и ответил мне поклоном.

— Приветствую вас у себя дома, о шейх! — торжественно возгласил он. После некоторой борьбы он отнял у Кмузу мой чемодан, и вдвоем они проследовали за мной по коридору.

— Вашу квартиру еще ремонтируют, яа Сиди, — тараторил по пути Кмузу. — Я перенес вещи в западное крыло. Квартирка на первом этаже, подальше от вашей матери и Умм Саад.

— Спасибо, Кмузу. — Я уже целиком ушел в мысли о предстоящей работе. Тратить драгоценное время на выздоровление я больше не мог. — Морган все еще там или мне позвонить ему?

— Он в приемной офиса, — встрял Юсеф. — Все в порядке?

— Да. Юсеф, отдай чемодан Кмузу. Он отнесет его в нашу

временную квартиру. И открой кабинет Фридлендер Бея. Не думаю, что шейх станет возражать.

Юсеф размышлял с минуту.

— Конечно, — выдавил он наконец. Я улыбнулся:

— Вот и хорошо. Пока он выздоравливает, его делами займусь я.

— Ну, а я тем временем пойду, яа Сиди, — сказал Кмузу. — Можно мне приступать к работе над нашим проектом благотворительности?

— Еще бы. И как можно скорее, — поощрил я. — Ступай с миром.

— Да будет с вами Аллах, — ответил Кмузу и направился к крылу, где жили слуги. Мы же. с Юсефом проследовали в Папочкин кабинет.

Юсеф на пороге замялся.

— Можно мне впустить американца? — спросил он.

— Нет, пусть подождет пару минут, — ответил я. — Мне нужно включить англоязычную приставку, иначе я не пойму ни слова. Не окажешь ли такую любезность? — Я объяснил Юсефу, где она лежит. — Когда вернешься, впусти Моргана.

— Слушаюсь, о шейх. — И Юсеф поспешил выполнять мои распоряжения.

Сев в кресло Фридлендер Бея, я почувствовал неприятное волнение, словно бы занял место нечистой силы. Во всяком случае, ощущение не из приятных. У меня не было желания играть роль визиря Владыки криминального мира или законного представителя международной власти. Сейчас я был «шестеркой» у Папочки, но не приведи Бог, если с ним что-нибудь случится: я всегда оставался под рукой, чтобы стать его преемником. Но у меня-то были другие планы на будущее!

Несколько минут я просматривал бумаги на Папочкином столе, но не нашел ничего «жареного» и компрометирующего. Я уже собирался порыться в ящиках стола, когда вернулся Юсеф.

— Я принес всю коробку, яа Сиди.

— Спасибо, Юсеф. Позови Моргана.

— Слушаюсь, о шейх. — Мне начинало нравиться раболепие слуг, что тоже было плохим знаком.

Я подключил англоязычный дэдди как раз в тот момент, когда в кабинет вошел огромный блондин американец.

— Как дела, парень? — спросил он, усмехаясь. — Я не бывал здесь раньше. У тебя тут ничего — уютно!

— У Фридлендер Бея уютненько, — уточнил я, приглашая Моргана располагаться поудобнее. — Я всего-навсего мальчик на побегушках.

— Как скажешь. Хочешь услышать новости? Я откинулся на спинку стула.

— Где Яварски? — спросил я напрямик. Лицо Моргана вытянулось.

— Пока не знаю, парень. Я поговорил со всеми, но так ничего и не выяснил. Не думаю, чтобы он сбежал из города. Видимо, он где-то здесь, но уж больно хорошо спрятался.

— Это на него похоже. Ну, и какие же у тебя новости?

Морган поскреб небритый подбородок.

— Я нашел человека, который знает типа, работающего на Реда Абу Адиля. Этот человек занимается контрабандой. Во всяком случае, мой друг утверждает, что его знакомый слышал, как Пол Яварски грозился его обчистить. Похоже на то, что твой дружок Абу Адиль помог Яварски испариться.

— Из-за него погибли двое полицейских, но это Абу Адиля мало волнует.

— Точно. Абу Адиль нанял Яварски через эту контрабандную фирму и организовал его приезд в город. Не знаю, чего добивался Абу Адиль, но ты же знаешь профессию Яварски. Мой друг называет Яварски выпускником на тот свет.

— И сейчас Абу Адиль прилагает все усилия, чтобы Яварски не засекли?

— Вот именно.

Я закрыл глаза, обдумывая сказанное Морганом. Теперь все встало на свои места. У меня не было прямых доказательств, что именно Абу Адиль нанял Яварски для убийства Шакнахая, но в глубине души я был твердо убежден, что это его рук дело. К тому же я знал, что Яварски убил Бланку и остальных из черного списка в тетради Шакнахая. И я понимал, что двурушничество лейтенанта Хайяра помешает полиции найти Яварски. Даже если Яварски будет пойман, до суда дело не дойдет.

Я открыл глаза и посмотрел на Моргана.

— Продолжай поиск, парень, — напутствовал я его, — не думаю, что кто-нибудь еще этим занимается.

— А деньжата?

Я остолбенело уставился на него:

— Что?

— Мне что-нибудь причитается? Разозлившись, я вскочил с места.

— Ни черта тебе не причитается! Я обещал тебе остальные пять сотен, когда ты найдешь Яварски. Таковы были условия.

Морган встал.

— Ну ладно, парень, успокойся. Я не в претензии.

Я тоже смутился.

— Извини, Морган, — пробормотал я, — все эти дела просто сводят меня с ума. Ты тут ни при чем.

— Понимаю. Ведь вы с Шакнахаем были друзья. Хорошо, я продолжу поиски.

— Спасибо, Морган. — Я вышел с американцем из кабинета и проводил его до выхода. — Мы не дадим им легко отделаться.

— Их ждет расплата, верно, парень? — Морган, усмехаясь, опустил свою лапу на мое обожженное плечо. Я вздрогнул.

— Верно.

Я дошел с ним до поворота. Мне хотелось как можно скорей улизнуть из дома: если я сделаю это сейчас, то Кмузу не потащится за мной.

— Ты, случаем, не в Будайен? — спросил я.

— Нет, у меня другие планы. До скорого, парень!

Я вернулся и вывел машину из гаража. Самое время навестить свое заведение и посмотреть, на месте ли оно.

В клубе еще дежурила дневная смена и было пять или шесть посетителей. Индихар нахмурилась и отвела взгляд, когда я посмотрел в ее сторону. Я решил сесть за столик, а ие на свое обычное место за стойкой. Ко мне подошла Пуалани.

— Стаканчик «Белой смерти»? — спросила она.

— «Белой смерти»? А что это? Она пожала худыми плечами.

— Так Чири называет эту жуткую смесь джина и бингары, которую ты пьешь. — И она состроила гримасу отвращения.

— Да, принеси «Белой смерти». — Название мне понравилось.

На сцене Брэнди танцевала под пропагандистскую музыку сикхов, по необъяснимой прихоти моды эти ритмы стали пользоваться бешеной популярностью. Я же просто ненавидел эту музыку, как ненавидел и политические лозунги, даже самые ритмичные и удобно укладывающиеся в два музыкальных такта.

— Пожалуйста, босс, — сказала Пуалани, бросив передо мной салфетку пришлепнув ее стаканом. — Ты не против, если я присяду?

— Садись.

— Я хотела тебя о чем-то спросить. Я давно думала сделать себе имплантат, чтобы пользоваться модди… — Склонив голову, она посмотрела на меня выжидательно, словно я мог не понять сказанного.

— Хм… — произнес я. С Пуалани можно общаться только односложно, иначе разговор будет продолжаться всю оставшуюся жизнь.

— Все говорят, что ты знаешь об этом больше других. Не можешь ли ты рекомендовать мне кого-нибудь?

— Врача?

— Ну да.

— Врачей, делающих такую операцию, много. И. почти на всех можно положиться.

Пуалани капризно надулась:

— Я-то думала, ты посоветуешь мне врача, к которому я могу пойти по твоей рекомендации.

— Доктор Лизан не занимается частной практикой, но его ассистент доктор Йеникнани вполне надежный человек.

Пуалани бросила на меня быстрый взгляд: — Ты запишешь для меня его фамилию?

— Конечно. — Я нацарапал фамилию и телефон на салфетке.

— А ты не знаешь, — спросила она, — искусственной грудью он не занимается?

— Не знаю, лапочка.

Пуалани уже истратила небольшое состояние на телесные трансформации. У нее была очаровательная попка, округленная посредством силикона, подчеркнутые с его же помощью скулы, форму носа и подбородка она также изменила. Кроме того, у нее имелись имплантированные груди. Пуалани обладала потрясающей фигурой, и. увеличивать грудь с ее стороны было бы ошибкой. Но я уже давно убедился, что спорить с танцовщицами по поводу размеров их бюста бесполезно.

— Спасибо тебе, — вздохнула она, явно разочарованная.

Я отхлебнул «Белой Смерти». Пуалани и не собиралась уходить. Я ждал, что она скажет еще:

— Ты знаешь Индихар? — спросила Пуалани.

— Конечно.

— Она в беде. У нее отчаянное положение.

— Я пытался дать ей взаймы, но она не берет. Пуалани покачала головой:

— Она не возьмет, но, может быть, ты найдешь другой способ помочь ей? — Она встала и побрела к столику, за которым сидели два азиата в матросских шапочках.

Временами так хочется уйти из реального мира с его проблемами! Я пригубил еще из своего стакана, затем встал и направился к бару. Индихар меня заметила и приблизилась.

— Принести тебе чего-нибудь, Марид? — спросила она.

— Скажи, пенсия Иржи тебя не очень спасает? Она раздраженно взглянула на меня, отвернулась и отошла к другому концу стойки.

— Мне не нужны твои деньги, — сказала она. Я подошел поближе.

— Речь не о деньгах. Как бы ты посмотрела на предложение

надомной работы, которой можно заниматься, когда захочешь, и попутно присматривать за детьми. Не надо будет платить бебиситтеру.

Индихар обернулась.

— О чем ты? — недоверчиво спросила она. Я улыбнулся:

— У меня идея поселить тебя вместе с малышами Иржи, Захрой и Хакимом в пустующей квартире Папочкиного дома, сэкономите кучу денег.

Она задумалась.

— Даже не знаю… А на что я там?

Мне необходимо было срочно придумать какую-нибудь вескую причину:

— Это из-за моей матери. Нужно, чтобы кто-нибудь присматривал за ней. Я буду платить тебе, сколько скажешь.

Индихар хлопнула по стойке рукой.

— У меня уже есть работа, забыл?

— Ну, — откликнулся я, — если дело за этим, ты уволена.

Ее лицо побелело.

— О чем ты говоришь, черт возьми?

— Подумай, Индихар. Я предлагаю тебе прекрасную бесплатную квартиру с питанием плюс еженедельно солидную сумму денег и сокращенный рабочий день, учитывая, что моя мамочка не способна на сумасшедшие поступки. Ты сможешь присматривать за детьми, тебе не надо будет раздеваться и танцевать и к тому же иметь дело с пьяными придурками и ленивыми коровами вроде Брэнди.

Ее брови поползли вверх.

— Марид, я смогу дать тебе окончательный ответ, — сказала Индихар, — когда разберусь, в какую авантюру ты хочешь меня втянуть. Все это слишком заманчиво, дорогой, чтобы быть правдой, если, конечно, у тебя сейчас нет модди Санта-Клауса.

— Ладно, подумай, поговори с Чири. Ты ей доверяешь. Послушай, что скажет она.

Индихар кивнула. Она все еще смотрела на меня с недоверием.

— И запомни: даже если я соглашусь, — заявила она, — я не стану с тобой трахаться.

Я вздохнул:

— Хорошо, — и вернулся за свой столик. Минуту спустя рядом со мной сел Фуад Иль-Манхус.

— Однажды утром я проснулся, — проблеял он своим гнусавым голосом, — а моя мама говорит мне: «Фуад, у нас кончились деньги, поймай одного цыпленка и продай его».

Он завел одну из своих старых сказок. Фуаду так недоставало

внимания, что он готов был сделать из себя посмешище, лишь бы развеселить меня. Самое грустное заключалось в том, что даже самые фантастические истории Фуада имели вполне реальную основу.

Он не сводил с меня глаз, пока не убедился, что я все понял.

— Так я и сделал. Пошел в мамочкин курятник и стал гоняться за цыплятами, пока не поймал одного. Я нес его под гору, потом в гору, потом через мост, потом по улице, пока не пришел на птичий рынок. Раньше я никогда не продавал цыплят, поэтому не знал, как мне быть дальше. Весь день я простоял на площади, пока торговцы не стали сгребать деньги и ящики и грузить непроданный товар на телеги. Я уже слышал вечерний призыв к молитве и понял, что времени осталось немного.

Я подошел к одному человеку и сказал, что хочу продать цыпленка. Он посмотрел на него и покачал головой:

— У этого цыпленка совсем нет зубов.

Я тоже осмотрел цыпленка, и, клянусь Аллахом, покупатель был прав. У цыпленка не было ни единого зуба. Поэтому я спросил:

— Сколько же вы мне за него дадите? И человек дал мне горсть медяков.

И я отправился домой; одну руку я держал в кармане, а в другой нес медяки. Когда переходил по мосту через канал, огромная туча комаров собралась над моей головой. Я замахал руками, чтобы разогнать их, и так перебежал через мост. На другой стороне я увидел, что денег у меня больше нет. Я уронил все медяки в воду.

Фуад осторожно кашлянул.

— Эх, стаканчик бы пива, Марид, — намекнул он. — Так пить охота!

Я махнул рукой Индихар,

— Платишь ты? — спросил я. Его длинное лицо еще больше вытянулось. Вид у него был как у щенка, которому вот-вот зададут трепку. — Шутка, — сказал я. — Сегодня я угощаю. Хочу послушать, чем кончилась эта история.

Индихар поставила перед сказочником кружку пива и осталась, чтобы дослушать историю.

— Бисмиллах, — пробормотал Фуад и сделал большой глоток. Он поставил кружку, взглянув на меня с благодарностью. — Когда я пришел домой, моя мама была в ярости. У меня не было ни цыпленка, ни денег.

— В следующий раз, — сказала она, — клади выручку в карман.

— Ах, как же я сам не догадался!

На следующее утро мама разбудила меня и велела отнести на базар другого цыпленка. Я оделся и отправился в курятник, поймал одного и понес сначала под гору, потом в гору, потом через мост, потом по улице на базар. На этот раз я не стоял целый день на солнцепеке, а сразу пошел к торговцу и показал ему второго цыпленка.

— Этот такой же, как вчерашний, — сказал он. — И к тому же он весь день будет занимать у меня место на телеге. Но знаешь, что я сделаю? Я дам тебе взамен цыпленка большой кувшин меда.

Сделка была удачной, потому что у моей мамы оставалось еще четыре цыпленка, но совсем не было меда. Поэтому я взял кувшин и пошел домой. Но только я перешел через мост, как вспомнил, что говорила моя мама. Я открыл кувшин и вылил мед в карман. И у самого дома я обнаружил, что весь мед вытек.

Моя мама рассердилась пуще прежнего.

— В следующий раз, — сказала она, — неси его на голове.

— Ах, как же я сам не догадался!

На третье утро я поймал другого цыпленка, понес его на базар и показал торговцу.

— У вас что — все цыплята такие плохие? — спросил он. — Ну, так и быть, во имя Аллаха, я отдам тебе свой ужин за этого цыпленка. — И торговец дал мне творога.

Я вспомнил, что говорила мне мама, и положил творог на голову. Я пошел сначала по улице, потом через Мост, потом под гору, потом в гору. Когда я пришел домой, моя мама спросила, что мне дали за цыпленка.

— Творог на ужин, — сказал я.

— Где же он? — спросила она.

— На голове, — сказал я.

Она посмотрела на меня и потащила мыться. Она вылила на мою голову целый кувшин холодной воды и стала скрести ее жесткой щеткой. Все это время она кричала на меня и ругала за то, что я положил творог на голову.

— Ах, как же я сам не догадался!

И вот на следующее утро я пошел в курятник и поймал самого хорошего, жирного цыпленка. Я вышел из дома, тюка моя мама еще спала, и понес цыпленка под гору, потом по улице, на птичий рынок.

— Доброе утро, друг мой! — встретил меня торговец. — Я вижу, ты принес еще одного старого беззубого цыпленка.

— Это очень хороший цыпленок, — возразил я, — и я хочу получить за него хорошую цену.

Торговец внимательно осмотрел цыпленка, что-то пробормотал себе под нос.

— Знаешь, — сказал он наконец, — у него слишком часто натыканы перья.

— А разве так не должно быть? — спросил я. Торговец указал на груду ощипанных цыплят без головы:

— Видишь, они без перьев?

— Вижу, — отвечал я.

— Ты когда-нибудь жарил цыпленка с перьями?

— Никогда, — сказал я.

— Тогда послушай меня. Чтобы выдернуть перья, требуется много времени и сил. Я могу предложить тебе за маленького цыпленка вот этого большого сильного кота.

Я подумал, что это неплохая сделка, потому что кот будет ловить мышей и крыс, которые бегают в курятник и воруют у цыплят корм. Я вспомнил, что говорила мне мама, и осторожно взял кота в руки. Когда дорога шла под гору, кот начал рычать, плеваться, извиваться и царапаться. Я не смог удержать его в руках, он вырвался и убежал.

Я знал, что моя мама снова рассердится.

— В следующий раз, — сказала она, — привяжи его на веревку и тащи за собой.

— Ах, как же я сам не догадался!

У нас оставались только два цыпленка, и на следующее утро мне пришлось долго ловить одного, хотя мне было все равно, какого поймать. Когда я добрался до базара, торговец был очень рад меня видеть.

— Хвала Аллаху, сегодня утром мы оба в добром здравии, — улыбаясь, сказал он. — Я вижу, у тебя цыпленок.

— Да, — сказал я и положил цыпленка на покосившуюся доску, служившую ему прилавком.

Торговец взял цыпленка, взвесил его в руках и постучал по Нему пальцем, как по спелой дыне.

— Эта курочка несет яйца? — спросил он.

— Конечно! Это лучшая несушка у моей мамочки.

Торговец покачал головой и нахмурился:

— Видишь ли, это плохо. От каждого снесенного яйца курочка худеет. Она была бы хороша, если бы не несла яиц. Ты вовремя принес ее мне, пока она не растаяла, как дым.

— Но яйца тоже стоят денег, — сказал я.

— Яиц я пока не вижу. Знаешь, я предложу тебе этого убитого ощипанного цыпленка, готового к жарке, взамен твоей несушки. Другие торговцы птицей не дадут тебе больше. Когда они услышат, что твоя курочка — хорошая несушка, ты не получишь за нее даже двух медяков.

Мне повезло, что я так понравился этому человеку, иначе он

не открыл бы мне столько секретов. Поэтому я обменял свою дешевую несушку на ощипанного цыпленка, хотя, на мой взгляд, он выглядел тощим, был какого-то необычного цвета и даже имел странный залах.

Я вспомнил, что говорила мне мама, обвязал цыпленка веревкой и потащил домой.

Вы бы только слышали, как кричала на меня мама, когда я пришел. От бедного ощипанного цыпленка остались одни косточки.

— Клянусь зеницей ока, — кричала она, — ты глупее всех на земле ислама! В следующий раз неси его на плече.

Ах, как же я сам не догадался!

И вот остался только один цыпленок, и я пообещал себе, что завтра окажусь удачливее. На этот раз я не ждал, пока моя мама разбудит меня. Я встал пораньше, умылся, надел свою лучшую одежду и пошел в курятник. Целый час я гонялся за лучшим мамочкиным цыпленком. Его звали Муна. Наконец я схватил бьющуюся птицу, вынес ее из курятника и понес под гору, потом в гору, потом через мост по улице на рынок.

Но в то утро торговца птицей не оказалось на месте. Я постоял несколько минут, удивляясь, куда мог подеваться мой друг. Наконец ко мне вышла девушка. Она была скромно одета, как подобает истинной мусульманке, лицо ее было спрятано под покрывалом. Когда девушка заговорила, по ее голосу я понял, что Она, вероятно, самая прекрасная из всех женщин, которых я когда-либо встречал.

— Так можно нажить себе кучу неприятностей, — заметил я Фуаду. — Я уже совершил много подобных ошибок, влюбляясь по телефону.

Фуад нахмурился, недовольный тем, что я перебил его, и после моих слов продолжил свой рассказ:

— Она была, вероятно, самой прекрасной из всех женщин, которых я когда-либо встречал. И тут девушка сказала мне:

— Вы — тот самый джентльмен, который каждое утро продавал моему отцу цыпленка?

— Наверно, — сказал я. — Но я не знаю, кто ваш отец. Это его лавка? — Девушка ответила, что его. — Тогда я тот самый джентльмен, а это — мой последний цыпленок. И где же ваш отец сегодня?

В ее глазах заблестели слезы. Она грустно посмотрела на меня (я мог видеть лишь нижнюю часть ее лица) и сказала:

— Мой отец серьезно заболел. Доктор говорит, что он не доживет до вечера.

Я был очень расстроен.

— Да помилует Аллах твоего отца и дарует ему здоровье. Ведь если он умрет, мне сегодня придется продавать своего цыпленка кому-нибудь другому.

Девушка ничего не ответила, ей, вероятно, было безразлично, куда я дену своего цыпленка. Помолчав, она сказала:

— Мой отец велел мне разыскать вас. Его мучают угрызения совести. Он говорит, что обманывал вас, и хочет загладить свою вину, прежде чем предстанет перед Аллахом. Он просит вас принять в подарок осла, который верно служил ему десять лет.

Я отнесся к этому предложению с недоверием, ведь я не был знаком с девушкой так долго, как с ее отцом.

— Если я правильно вас понял, вы предлагаете своего чудесного осла взамен моего цыпленка?

— Да, — отвечала она.

— Я должен подумать. Ведь я уже говорил, что это наш последний цыпленок.

Я думал о ее предложении, думал еще и еще и решил, наконец, что на этот раз моя мама не рассердится. Я уверился, что уж эта сделка наверняка обрадует ее.

— Ладно. — Я взял осла за повод. — Забирайте цыпленка и скажите своему отцу, что я буду молиться о его здоровье, чтобы завтра он вернулся в свою лавку, иншаллах.

— Иншаллах, — сказала девушка и потупилась. Она ушла с последним цыпленком моей мамочки, и больше я ее никогда не видел. Я часто думаю о ней. Наверное, она — единственная женщина, которую я любил.

— Да, наверно, — рассмеялся я. Фуад был неважным шутником: юмор у него всегда плавал на поверхности. Каждый вечер Фуада можно было увидеть в квартале красных фонарей, у Фатимы и Насира. Никто из моих знакомых не рискнул бы пойти туда в одиночку, Фуад же проводил там значительную часть своего досуга, то и дело влюбляясь и вырывая с корнем свою очередную любовь.

— И вот, — продолжал он, — я уже было повел осла домой, как вдруг вспомнил, что говорила мама. Поднатужившись, я с большими усилиями поднял осла на плечи. Честно говоря, я никак не мог понять, почему моя мама пожелала, чтобы я доставил товар таким образом.

Шатаясь, я брел домой с ослом на плечах, и по дороге под гору я проходил мимо прекрасного дворца шейха Салмана Мубарака. Должен вам сказать, что шейх Салман жил в этом огромном дворце вместе со своей красавицей дочкой, ей было шестнадцать лет, и со дня своего появления на свет она ни разу не засмеялась. Она даже не умела улыбаться и, хотя говорить

умела не хуже нас с вами, не произнесла ни единого слова со дня смерти своей матери, почившей, когда дочери исполнилось три года. Доктора сказали, что, если ее рассмешить, она заговорит снова, или же, наоборот — если заставить ее заговорить, она опять сможет смеяться. Шейх Салман сулил много денег тому, кто поможет его дочери. Вдобавок он обещал отдать ее замуж за этого человека. Один за другим юноши пытались совершить чудо, но прекрасная девушка по-прежнему сидела у окна, с печалью глядя на происходившее вокруг.

Как раз в это время я проходил с ослом на плечах. Должно быть, он выглядел забавно, брюхом кверху, с барахтающимися в воздухе копытами. Мне сказали, что сначала дочка шейха в недоумении смотрела на меня и на осла, а потом от души, рассмеялась, немедленно обрела дар речи и стала громким голосом звать своего отца. Шейх был так благодарен мне, что сам выбежал мне навстречу.

— И он выдал за тебя свою дочь? — спросила Индихар.

— Разумеется, — ответил Фуад.

— Какая романтическая история, — сказала она.

— Женившись на ней, я стал самым богатым человеком в городе после самого шейха. И моя мама наконец осталась довольна и не жалела о том, что у нее не осталось ни одного цыпленка. Она поселилась во дворце со мной и моей женой.

Я вздохнул.

— Насколько правдива эта история, Фуад? — спросил я.

— Ох, — сказал он, — я совсем позабыл. Шейх почему-то торговал каждый день на рынке битой птицей. Не знаю, для чего он это делал. А его дочка действительно оказалась красавицей.

Индихар наклонилась, выхватила у Фуада недопитую кружку пива и опорожнила её.

— Я думала, торговец птицей умер, — сказала она.

Фуад нахмурился:

— Да, он был при смерти, но когда услышал, что его дочь смеется и называет его по имени, произошло чудо, и шейх выздоровел.

— Хвала Аллаху, источнику благодати, — произнес я.

— Я все это придумал — про шейха Салмана и его прекрасную дочь, — сказал Фуад с улыбкой.

— Хм… — задумчиво отозвалась Индихар. — А твоя мать действительно разводит цыплят?

— Да, конечно! — воскликнул он. — Правда, сейчас у нас не осталось ни одного.

— Ты их продал?

— Я сказал маме, что пришло время завести цыплят

помоложе, у которых еще не выпали зубы.

— Ну, я иду вытирать столы, — изрекла Индихар и удалилась.

Я влил в себя остатки «Белой смерти». После рассказа Фуада мне захотелось пропустить еще стаканчика три-четыре.

— Еще пива? — предложил я. Он встал.

— Спасибо, Марид, но я должен идти зарабатывать деньги. Хочу купить своей девушке золотую цепочку.

— А почему ты не подаришь ей одну из тех, которые продаешь туристам?

Фуад взглянул на меня с ужасом.

— Она выцарапает мне глаза! — Видимо, ему попалась красотка с характером. — Между прочим, Халф-Хадж просил меня показать тебе вот что. — Вытащив из кармана, Фуад положил передо мной блестящую стальную штуковину около шести дюймов длиной. Пустая обойма от автоматического пистолета.

Сейчас немногие пользуются старинным оружием, но у Пола Яварски был пистолет сорок пятого калибра. И эта обойма вполне могла принадлежать ему.

— Где ты раздобыл это, Фуад? — спросил я небрежно, поигрывая обоймой.

— В переулке за клубом Веселого Че. Я там иногда находил монеты. Они выкатываются из карманов публики, когда она идет по переулку. Сперва я показал эту штуку Саиду, а он велел отдать ее тебе.

— Я никогда не слыхал о Веселом Че.

— Тебе он не понравится. Жуткое место. Я туда и не захожу, а просто прогуливаюсь по переулку.

— Ясно. Где это?

Фуад закрыл один глаз и задумался:

— Хамидийя. Улица Акнули.

Хамидийя. Маленькое королевство Реда Абу. Адиля.

— А почему Саид решил, что я заинтересуюсь этой штукой? — спросил я.

Фуад пожал плечами:

— Он не сказал мне. Ну и как? Ты заинтересовался?

— Да, спасибо тебе, Фуад. С меня еще стаканчик.

— Правда? Тогда, может быть…

— В другой раз, Фуад! — Я рассеянно махнул рукой. Думаю, он понял намек и вскоре ушел.

Мне предстояло о многом подумать. Был ли это ключ к тайне? Действительно ли Пол Яварски спрятался у Абу Адиля? Или же Саид Халф-Хадж заманивал меня в ловушку, не зная, что я уже раскусил его?

Выбора у меня не оставалось. Ловушка это или нет, я должен туда идти. Но не сейчас.

Глава 14

Я подождал до утра и пошел. У меня было неприятное чувство, что мне брошен вызов, но в то же время я не испытывал страха. Я был уверен, что не найду Яварски, используя традиционные методы сыска. А если я сам положу голову на плаху, палач обязательно появится.

Может, эта обойма вовсе не от пистолета Яварски, и у Веселого Че меня ожидает компания молодчиков в идеально сшитых кафтанах.

Я размышлял об этом, идя по Улице мимо клуба Френчи Бенуа по направлению к кладбищу. Я чувствовал, что события стремительно близятся к завершению, но не мог предугадать, будет их исход счастливым для меня или нет. Я пожалел, что со мной нет Шакнахая, он бы дал мне совет, — и вообще мне следовало бы побольше у него учиться, пока он был жив. Первое, что я собирался сделать, — это навестить его могилу.

У входа на кладбище среди неровных бетонных плит на корточках сидели несколько человек. Заметив меня, они тут же вскочили: старики, продающие кока-колу и шараб из помятых холодильников на багажниках велосипедов, беззубые старухи, с улыбкой сующие мне в лицо букеты поникших, цветов, ребятишки, орущие: «О щедрый, о милосердный!» — бросаясь мне прямо под ноги. Порой я игнорирую хорошо организованное, шумное попрошайничество — в такие минуты все мое сочувствие пропадает.

Я протолкался сквозь толпу, остановившись лишь для того, чтобы купить букетик увядших цветов за пару киамов, и через кирпичную арку вошел на территорию кладбища.

Могила Шакнахая находилась через аллею, у стены в западной части кладбища. Земля на могиле была еще свежей, но кое-где уже начала пробиваться трава. Я нагнулся и положил букетик в изголовье, обращенное по мусульманской традиции в сторону Мекки.

Выпрямившись, я бросил взгляд на Шестнадцатую улицу поверх могил, по воле случая оказавшихся по соседству. Могилы мусульман были отмечены звездой и полумесяцем, христиан — крестом, виднелись там и несколько щитов Давида. Многие могилы не имели ни того, ни другого. Шакнахай покоился под высокой плоской плитой, на которой были выбиты его имя, дата рождения и смерти. Когда-нибудь плита перевернется или ее украдет бедняк, у которого не найдется денег на памятник. Имя Шакнахая сотрут наждаком или стекловатой, и плита послужит

надгробием кому-то другому, пока ее не украдут снова. Я подумал, что надо бы заказать хорошо укрепленное надгробие — Шакнахай заслужил его.

Мальчик в длинном одеянии и тюрбане потянул меня за рукав.

— О брат печали, — тонким голосом протянул он, — я могу почитать Коран.

Это был один из юных шейхов, знающих наизусть весь Коран. Наверное, он кормил своих родителей чтением священной книги на кладбище.

— Я дам тебе десять киамов. Помолись за моего друга.

Мальчик поймал меня в мгновение слабости.

— Десять киамов, эфенди! Вы хотите, чтобы я прочитал всю Книгу целиком?

Я положил руку на его тощее плечо.

— Нет. Только что-нибудь утешительное о загробной жизни.

Мальчик нахмурился. — Там очень много про Ад и вечное пламя, — пробормотал он.

— Знаю, но об этом не надо.

— Хорошо, эфенди. — И он начал нараспев читать старинные слова. Я оставил его у могилы Шакнахая и побрел к выходу.

Под низкой белой плитой, которая уже начала крошиться, покоилась моя подруга и возлюбленная Никки. Ее семья могла бы перевезти тело для погребения домой, но близкие предпочли оставить ее тут. Никки была транссексуалкой, и ее семья не хотела лишних толков. Эта одинокая могила странным образом соответствовала ее тяжелой безрадостной жизни. На моем столе в участке лежал маленький медный жук скарабей, некогда принадлежавший Никки, Не проходило дня, чтобы я не вспомнил о ней.

Я миновал могилы Тамико, Деви и Селимы, черных сестер — вдов шиита Хасана, сукиного сына, который чуть было не убил и меня. Расхаживая по узким, мощенным кирпичом дорожкам в столь горестном расположении духа, я вспомнил, что вовсе не собирался провести остаток дня таким образом. Стряхнув с себя нарастающее уныние, я направился на Улицу. Когда я, уходя, обернулся, юный шейх все еще стоял у могилы Шакнахая, нашептывая священные слова. Я был уверен, что, даже если я уйду, он останется там, пока не наговорит на десять киамов.

Мне пришлось снова пробиваться сквозь толпу попрошаек, но на этот раз я бросил им пригоршню монет. Пока они дрались за милостыню, мне удалось улизнуть. Сняв с пояса телефон, я назвал код Саида Халф-Хаджа. Я уже был готов отключить аппарат, когда он наконец отозвался:

— Мархаба, — сказал он.
— Это Марид. Как дела?
— Прекрасно. Что случилось?
— Ничего особенного. Меня выписали из больницы.
— Рад слышать.
— Ну и скучища там! Ты сейчас с Жаком и Махмудом?
— Да. Сидим у Курана. Заходи.
— Зайду. Ты мне нужен.
— Зачем?
— Потом расскажу. Буду через полчаса. Ма-ассалаама.
— Аллах Йизалимак.

Я повесил телефон на ремень. Весь путь до клуба Чириги я проделал пешком и внезапно почувствовал, что ужасно хочу зайти туда и попросить у Индихар и девочек несколько соннеинок или трифеток. Это чувство ничуть не напоминало похмелье, оно было сродни чудовищному голоду. Требовалась сильная воля, чтобы его победить. Гораздо проще было бы сдаться и признать свою слабость. Я поступил бы так, если бы позже мне не потребовалась ясная голова.

Не доходя до Пятой улицы, я остановился, пораженный необычным зрелищем. Лайла, старая ведьма, владелица магазина модификаторов, стояла посреди Улицы и пронзительным голосом выкрикивала проклятия в адрес Сафии, Леди с Ягненком, которая стояла неподалеку и орала не менее громко. Они напоминали двух героев американского фильма, кричащих, рычащих и угрожающих друг другу. По улице прошла группа туристов; они остановились и некоторое время растерянно наблюдали эту сцену, а затем повернули назад к восточным воротам. Я хотел последовать их примеру. Я буквально кожей ощущал зеленые лучи, исходившие из глаз женщин.

Мне не удалось разобрать, что именно они кричали с таким надрывом в голосе; должно быть, они вопили не по-арабски. Не знаю, был ли трансплантат у Леди с Ягненком, но Лайла никогда не выходила без модди и целой пригоршни дэдди. Насколько мне известно, она запросто могла поболтать даже на языке древних этрусков.

Однако вскоре обе устали. Сафия ушла первой, сделав напоследок непристойный жест и направившись по Улице к бульвару Иль-Жамель. Лайла поглядела ей вслед, выкрикнув несколько заключительных ругательств. Потом, продолжая ворчать, она свернула на Четвертую улицу. Я пошел за ней, надеясь найти в ее магазине необходимые модди.

Когда я вошел, Лайла уже сидела за кассой, мурлыкая под нос и разбирая накладные. Увидев меня, она улыбнулась.

— Марид, с печалью в голосе произнесла она, — знаешь ли ты, как утомительно быть женой сельского врача?

— Если честно, нет. — По всей вероятности, она включила другой модди, как только вернулась к себе, и сейчас вела себя так, словно никогда и не видела Леди с Ягненком.

— Знаешь, — продолжала она с хитрой улыбкой, — если бы ты представлял себе все это, то не стал бы винить меня в том, что я захотела завести любовника.

— Мадам Бовари?

Она подмигнула. Зрелище было довольно неприятное.

Я начал рыться в пыльных коробках, сам еще не представляя, что мне нужно.

— Лайла, — крикнул я через плечо, — ты не знаешь, что означают буквы «А.Л.М.»?

— L'Association des Larves Moboules? — Что означало Ассоциация сумасшедших личинок.

— Кто они? — спросил я.

— Сам знаешь. Такие, как Фуад.

— Никогда не слышал об этой ассоциации.

— Я сама только что ее придумала, cheri.

— Ах вот как…

Я вытащил упаковку модификаторов, привлекших мое внимание. Это была антология литературных героев, преимущественно европейско-американских защитников слабых, хотя среди них находились и поэт, бывший император в древнем Китае, полубог племени банту и скандинавский шутник. Единственным знакомым мне именем был Майк Хаммер. Кроме того, у меня оставался модди Ниро Вулфа, хотя Арчи Гудвин из этого комплекта трагически погиб под каблуком Саида Халф-Хаджа.

Решив приобрести антологию, которая даст мне широкий спектр навыков и личностных особенностей, я отнес модди Лайде.

— Сегодня я беру только эту, — предупредил я.

— У меня есть еще…

— Заверни, Лайла.

С обиженным видом она взяла протянутый десятикиамовый банкнот. Я призадумался, какой бы модди мне выбрать для визита к Веселому Че.

У меня еще оставался Королевский, этот чертов модди, подаренный мне Саидом. В конце концов я решил, что возьму его, а новый оставлю про запас.

— Вот сдача, Марид.

Я взял сверток, а сдачу оставил старухе:

— Купи себе что-нибудь, Лайла. Она снова улыбнулась:

— Знаешь, сегодня вечером Леон устроит мне романтический сюрприз.

— Конечно. — И я вышел с несколько жутковатым чувством — оно всегда и надолго оставалось у меня от встречи с Лайлой.

Едва успев шагнуть на улицу, я услышал выстрелы. Осколок штукатурки больно царапнул под самым глазом. Я бросился в дверной проем игорного дома, соседнего с магазином Лайлы. Снова загремели выстрелы, и совсем рядом я увидел клубы кирпичной пыли. Что было сил я вжался в дверь. Еще два выстрела. Кто-то стрелял в меня восемь раз из длинноствольного, судя по точности попаданий, пистолета.

Никто не прибежал на эти звуки. Никому даже в голову не пришло посмотреть, что со мной, не требуется ли медицинская помощь. Я подождал, раздумывая, когда можно будет снова высунуться наружу. Может быть, Яварски спрятался на той стороне улицы с новой обоймой в пистолете 45-го калибра? Или это было только предостережение? Ведь если он хотел убить меня, он бы мог сделать это без особого труда: я был как на ладони.

Мне надоело прятаться, и через несколько минут я покинул свое убежище. Должен признаться, у меня зудело между лопатками, когда я заворачивал за угол. Видимо, Яварски послал мне вызов. Но я и не думал уклоняться, просто хотелось явиться перед врагом во всеоружии.

Правда, перед тем, как посвятить все свое внимание американцу, предстояло завершить еще одно дело. Я подошел к своему автомобилю и бросил новые модди под заднее сиденье, где лежал мой дипломат, а затем неторопливо повел машину к Курану по улицам Размийи. Прибыв на место, я припарковал машину в переулке и вынул из дипломата модди Сайда. Повертев его в руках, включил, добавив дэдди, блокирующее усталость и боль. После этого я вошел в тускло освещенный бар Курана.

— Мсье Одран! — воскликнул экспатриант, шагнув мне навстречу с распростертыми объятиями. — Ваши друзья сказали, что вы к нам едете. Рад снова видеть вас!

— Я тоже! — сказал я, увидев за столиком в глубине бара Халф-Хаджа, Махмуда и Жака.

Куран шел за мной, говоря вполголоса:

— Не правда ли, какой ужас — вся эта история с офицером Шакнахаем?

Я повернулся к нему:

— Вот именно, Куран. Ужас.

— Искренне сожалею. — Он опустил голову, подтверждая

правдивость своих чувств.

— Водку-джимлет, пожалуйста, — попросил я. Это вынудило его удалиться.

Я приволок стул и подсел к компании. Взглянув на них, я не произнес ни слова. Последнее время я не пользовался в этой компании популярностью, но и не вызывал откровенной неприязни. Интересно, изменилось ли их отношение ко мне?

Жак был из христиан, питающих симпатии к тем, в чьих жилах европейской крови меньше, чем у них самих. Сейчас он, подмигнув, одобряюще кивнул мне:

— Я слышал, ты вынес Папочку из горящего дома.

Подошел Куран с моим бокалом! Вместо ответа я сделал глоток.

— Однажды я присутствовал на пожаре, — заговорил Халф-Хадж. — Вернее, был в доме, который сгорел через час после моего ухода. Я мог погибнуть.

Транссексуал Махмуд фыркнул.

— Марид, — произнес он с кокетливым удивлением, — я поражен.

— Да… — ответил я. — Как раз этого мне и хотелось больше всего — поразить вас, ублюдков. —

Я выдавил в свой бокал ломтик лимона. — Витамин С, сами понимаете…

— Да нет же, правда, — продолжал Махмуд. — Все только и говорят об этом. Ты был на высоте.

Жак пожал плечами:

— Особенно если ты думал о том, что мог бы легко покончить с Фридлендер Беем. Стоило только дать старикану как следует поджариться.

— А ты думал об этом? — спросил Махмуд, — В тот момент?

Наступил подходящий момент для глотка водки, — я был уже достаточно взбешен. Поставив стакан, я оглядел их всех по очереди.

— Вы знаете Индихар, верно? Так вот, с тех пор как погиб Иржи, у нее финансовые затруднения. Она не хочет брать в долг у меня или Чири и не может взвалить на себя еще больше работы в клубе.

Брови Махмуда поползли вверх.

— Может, она хочет поработать на меня? У девочки красивая задница — я бы платил ей хорошие деньги.

Я помотал головой.

— Ей этого не надо, — отрезал я. — Она просит меня найти новых родителей для одного из своих малышей. У нее два мальчика и девочка. Она согласна отдать одного мальчика.

Это заставило их прикусить языки.

— Может быть, — наконец произнес Жак, — я что-нибудь придумаю.

— Будь так любезен, — охотно откликнулся я. — Индихар сказала, что могла бы расстаться и с девочкой, если их возьмут вместе и цена будет сходной.

— Как скоро все это тебе нужно? — спросил Махмуд.

— Чем скорее, тем лучше. А сейчас я ухожу. Саид, ты не выйдешь со мной?

Халф-Хадж посмотрел сначала на Махмуда, затем на Жака, но никто из них так и не произнес ни слова.

— Пожалуй, нет, — ответил он.

Я вынул из кармана двадцать киамов и положил на стол:

— Угощаю.

Махмуд внимательно посмотрел на меня.

— Последнее время мы были не совсем справедливы к тебе, — сказал он.

— Я не заметил.

— Знаешь, я рад, что мы снова друзья. Нет причин ссориться.

— Конечно, — ответил я. — Я тоже рад.

Я хлопнул Саида по плечу, и мы вышли на залитую солнцем улицу. Я остановил его, когда он уже собирался влезть в машину.

— Послушай, ты не знаешь, где находится заведение Веселого Че? — спросил я.

Внезапно он побледнел.

— Какого черта тебе туда понадобилось?

— Просто я слышал о нем, вот и все.

— Я бы не советовал. Не хочется даже говорить об этом месте.

— Захочешь, парень, — угрожающе произнес я. — Ведь тебе прекрасно известно все.

Саид не любил и не умел подчиняться. Он приосанился, стараясь казаться выше.

— Думаешь, что заставишь меня пойти вместе с тобой?

Я смерил его взглядом, стараясь казаться решительным и бесстрастным. Затем медленно приблизил правую ладонь ко рту и, выгрыз небольшой кусочек мяса, после чего выплюнул его в лицо Халф-Хаджу. Из уголков рта у меня текла кровь.

— Смотри, сволочь, — хрипло прорычал я, что я могу сделать с собой. А сейчас ты увидишь, что я сделаю с тобой!

Саид вздрогнул и попятился.

— Ты рехнулся, Марид, — сказал он. — У тебя крыша поехала.

— В машину! Он помедлил.

— Ты включил Королевский модди? Мой тебе совет: избавься от него как можно скорее. Мне не нравится, как он на тебя действует.

Смеясь, я запрокинул лицо к небу. Я вел себя точно так же, Как он сам, когда подключал этот модди. А он частенько носил его. Я понимал Сайда: мне самому начал нравиться Королевский.

Подождав, пока он усядется на заднем сиденье, я обошел машину и занял место водителя.

— Куда? — спросил я.

— Южное направление. — В его голосе слышались усталость и отчаяние.

Некоторое время я вел машину молча, не говоря ни слова о том, что мне известно.

— Ну и что это за место? — наконец спросил я.

— Ничего особенного. — Халф-Хадж был мрачен. — Там веселится эта банда молодчиков в сапогах, Джейни.

— Да? — Судя по названию, клиентура у Веселого Че была вроде того парня в пластиковых штанах с рукой, прикованной за спину, — тип, которого я встречал несколько недель назад у Чири.

— Гражданская Армия. Они носят серую униформу, маршируют на парадах и разбрасывают листовки. Кажется, они хотят выгнать из города всех иностранцев. Сам знаешь их лозунги: «Долой язычников!»

— Знаю. Иль-Манхус сказал мне, что ты тоже участвовал в их движении.

Саиду это не понравилось.

— Послушай, Марид… — начал он, но осекся. — Ты что, веришь всему, что тебе говорит Фуад?

Я рассмеялся:

— Как ты думаешь, что он мне рассказал?

— Не знаю. — Он отодвинулся от меня подальше к дверце.

Временами мне даже было жаль его. Больше мы не разговаривали, Саид только показывал дорогу.

Наконец мы туда приехали; я пошарил под сиденьем оружие. Вскоре я выбрал небольшой револьвер, когда-то принадлежавший лейтенанту Оккиигу, и статический пистолет, подаренный мне Шакнахаем. Я задумчиво посмотрел на оружие.

— Это ловушка, Саид? Ты должен был привезти меня сюда, к головорезам Абу Адиля?

Халф-Хадж вздрогнул:

— О чем ты, Марид?

— Объясни, зачем ты велел Фуаду показать мне обойму сорок пятого калибра?

Он так и осел, виновато понурясь, на сиденье. — Я пошел к шейху Реда, потому что другого пути у меня не было. Вот и все, Марид. Наверно, сейчас уже поздно, но знай: я очень сожалею о том, что случилось. Мне не хотелось оставаться в стороне, когда ты стал героем и любимчиком Фридлендер Бея. Ведь про меня все забыли.

Я усмехнулся:

— И ты из зависти решил убрать меня?

— Я ничего не устраивал.

Достав пустую обойму, я сунул ему в лицо.

— Час назад среди бела дня на Четвертой улице Яварски разрядил в меня другую такую же.

Саид потер глаза и едва слышно пробормотал:

— Я не думал, что все так случится.

— А чего же ты ожидал?

— Я думал, что Абу Адиль поступит со мной так же, как с тобой — Папочка.

Я изумленно посмотрел на него:

— Ты что — в самом деле продался Абу Адилю? Я думал, ты только рассказал ему о матери. Так, значит, теперь ты служишь ему?

— Да, и скорбь моя не знает границ, — произнес он сдавленным голосом. — Я искуплю свою вину перед тобой.

— Что ж, попробуй. — Я протянул ему револьвер. — Возьми вот это. Мы войдем и поищем там Яварски.

Халф-Хадж нерешительно взял оружие.

— Если бы у меня был Королевский… — грустно произнес он.

— Нет, с этим модди я тебе не доверяю. Он останется у меня. — Я выбрался из машины и подождал Саида.

— Убери револьвер и не вытаскивай, пока не понадобится. Там есть пароль или что-нибудь в этом роде?

— Нет. Только не забывай, что там не любят иностранцев.

— Хорошо. А теперь — пошли. — И я первым шагнул и помещение. Внутри было шумно и многолюдно. В основном посетителями были мужчины в серой униформе Гражданской Армии, примыкавшие к правым. Все было залито ярким светом; музыка не звучала. Бар Веселого Че не был ординарным баром. Здесь встречались те, кто любил одежду бравых солдат и бодрые марши по улицам, когда на них не стреляли. Подобные шутники напоминали мне гитлеровских эсэсовцев, отличавшихся извращенной и бессмысленной жестокостью.

Мы с Саидом протолкались сквозь толпу к стойке.

— Что будете пить? — спросил угрюмый бармен.

— Два пива! — заорал я, чтобы он расслышал. Здесь было

неуместно заказывать что-нибудь необычное.

— Ладно.

— Мы ищем одного парня. Бармен оторвал взгляд от крана.

— Но его здесь не видно.

— Да? — Он поставил перед нами по кружке пива. Я заплатил.

Он американец, и сейчас, наверное, выздоравливает от…

Бармен схватил банкнот в десять киамов, который я положил на стойку. Сдачи он не предложил.

— Послушай, парень, я не справочное бюро, я всего лишь торгую пивом. А если сюда зайдет какой-нибудь американец, эти молодцы разорвут его на части.

Я отхлебнул холодного пива и оглядел помещение. Может быть, Яварски и не приходил сюда. Может, он прятался на чердаке или в соседнем здании.

— Ладно, — сказал я бармену. — Здесь Яварски не было. А ты не видел американцев где-нибудь поблизости?

— Ты что, плохо слышишь? Я не даю интервью. Пришло время действовать более решительно.

Я извлек из кармана сотенный банкнот и помахал им перед носом бармена. Это был красноречивый жест.

Он так и вцепился в него взором. Бармена явно раздирали противоречия. Наконец он выдавил:

— Дай-ка сюда эту бумажку… Я изобразил улыбку:

— Посмотри на нее еще немного. Может, она освежит твою память.

— Перестань размахивать деньгами, парень, не то нам обоим не поздоровится!

Я положил банкнот на стойку и прикрыл его ладонью. Я ждал. Бармен вышел, но тут же вернулся. Он незаметно бросил на стойку передо мной обрывок картона.

Я осмотрел его: на клочке картона был написан адрес. Я показал его Саиду.

— Где это?

— В двух кварталах от поместья Абу Адиля, — невеселым голосом отвечал он.

— Похоже на правду. — Я вручил бармену сотню киамов, которая немедленно исчезла. Затем вынул статический пистолет и показал ему. — Если ты надул меня — вернусь, и тогда тебе несдобровать. Понял?

— Он там, — сказал бармен. — Только убирайтесь отсюда и больше не возвращайтесь.

Я спрятал оружие и протолкался к дверям. Когда мы снова оказались на улице, я взглянул на Халф-Хаджа.

— Ну, как? — спросил я. — Неплохо? Он обреченно посмотрел на меня:

— Ты хочешь, чтобы я отправился с тобой? Я пожал плечами.

— Нет, — сказал я. — Я уже заплатил кое-кому за эту работу. Моя бы воля, я бы и близко не подошел к Яварски.

Саид пришел в ярость:

— Ты хочешь сказать, что угрожал мне, а потом потащил с собой в этот бар — просто так?

Я открыл дверцу машины.

— Нет, не просто так, — улыбаясь, сказал я. — Клянусь Аллахом, я делал это для спасения твоей души.

Глава 15

Из Хамидийи мой вестфальский седан устремился к северу. Включив англоязычный дэдди, я говорил с Морганом по телефону.

— Я нашел его.

— Ну ты даешь, парень, — разочарованно протянул американец. — Значит, я не получу оставшиеся денежки?

— Давай сделаем так: получаешь оставшиеся пять сотен, если несколько часов попасешь Яварски. Оружие у тебя есть?

— Да. Оно мне понадобится? Искушение было велико.

— Нет. Только присмотри, чтобы он не сбежал. — Я зачитал ему адрес, написанный на обрывке картона. — Задержи его до моего приезда.

— Будет сделано, парень, — сказал Морган. — Только двигай поскорее. Мне не улыбается провести весь день с молодцом, пристрелившим двадцать с лишком человек.

— Я верю в тебя. Позвоню еще раз — попозже. — И отключил телефон.

— Что ты задумал? — спросил Саид.

Не хотелось ему ничего рассказывать: несмотря на искреннее раскаяние вероломного друга, я все-таки не доверял ему.

— Я отвезу тебя обратно к Курану. Или, если хочешь, высажу где-нибудь в Будайене.

— А нельзя мне поехать с тобой? Я презрительно усмехнулся:

— Мне предстоит нанести визит твоему благодетелю, Абу Адилю. Ты все еще в хороших отношениях с ним?

— Не знаю, — нервно отвечал Халф-Хадж. — Наверно, я поеду к Курану. Надо поговорить с Жаком и Махмудом.

— Это уж точно.

— К тому же я больше не хочу встречаться с этим ублюдком Химаром. — Саид произнес это имя с придыханием, поменяв гласную. Арабский каламбур: Химар по-арабски «осел», а осла арабы считают самым грязным животным. Подобным каламбуром Халф-Хадж мог смертельно оскорбить Умара, а с Королевским модди он бы высказал это Абдул-Кави в лицо. Наверно, злой язык Саида стал причиной его непопулярности в Хамидийе.

Он помолчал.

— Марид, — сказал наконец он. — Я сказал тебе чистую правду. Я сделал большую ошибку. Но я не совершал никаких сделок с Фридлендер Беем или с кем-то ему подобным. Я не думал, что из-за меня кто-нибудь пострадает.

— Я дважды чуть не погиб, дружище. Сначала пожар, потом

этот Яварски.

Я остановил машину рядом с баром Курана. Саид сидел со страдальческим видом.

— Ну, что еще ты хочешь услышать от меня? — взмолился он.

— Тебе нечего больше сказать. Увидимся позже. Он кивнул и вылез из машины. Я посмотрел ему вслед, включил модди Крутого Парня и повел машину на северо-запад, к Папочке. Перед встречей с Абу Адилем мне нужно было уладить еще кое-что.

Кмузу я обнаружил в нашей временной квартире за экраном чиндварского компьютера. Услышав мои шаги, он обернулся ко мне.

— Яа Сиди! — воскликнул он с чрезвычайно довольным видом. — У меня хорошие новости. На организацию благотворительной кухни потребуется гораздо меньше средств, чем я предполагал. Простите меня за самовольную оценку ваших финансовых возможностей, но я узнал, что у вас вдвое больше, чем нам может понадобиться.

— Это намек, Кмузу? Я хочу открыть всего лишь кухню для бедных, — одну, а не две. Ты уже прикинул наши расходы?

— Кухня может работать целую неделю на деньги, которые вы получаете от клуба Чириги за один вечер.

— Чудесно. Да, Кмузу, я вот думаю, отчего это тебя так воодушевляет? Этот проект много значит для тебя?

Кмузу снова потупился и с деланым равнодушием отвечал:

— Просто я чувствую ответственность за ваши христианские добродетели.

— Но я не хочу покупать их. Он отвел глаза.

— Кроме того, это долгая история, яа Сиди, — сказал он. — Мне не хотелось бы рассказывать ее сейчас.

— Хорошо, Кмузу. В другой раз. Он снова посмотрел на меня:

— Я собрал кое-какую информацию о пожаре. У меня есть доказательства поджога. Той ночью в коридоре, соединяющем вашу квартиру и квартиру хозяина дома, я нашел тряпки, пропитанные горючей жидкостью. — Он выдвинул ящик стола и достал оттуда обгоревшие лохмотья. Ткань сгорела не полностью. Можно было различить декоративный рисунок из розовых и коричневых восьмиконечных звезд. Кмузу вытащил другой кусок материи. — Сегодня я обнаружил это. По всей вероятности, отсюда были оторваны обгоревшие куски.

— Где ты нашел ее? — спросил я. Кмузу убрал ветошь в ящик стола.

— В комнате юного Саада бен Салаха, — ответил он.

— А как случилось, что ты там оказался? — полюбопытствовал я.

Кмузу пожал плечами:

— Я искал доказательства, яа Сиди. И, по-моему, нашел достаточно, чтобы уличить поджигателя.

— Это мальчик? Не сама Умм Саад?

— Наверняка она велела своему сыну поджечь дом.

— Она вполне способна на это, но пожар не входил в ее планы. Да и зачем ей поджигать дом? Ведь она хотела, чтобы Фридлендер Бей признал Саада своим внуком, чтобы тот стал наследником Папочкиного имения. В случае смерти старика весь ее план рухнул бы.

— Разве поймешь, о чем она думала, яа Сиди? Может, она отказалась от своего плана и решила отомстить.

— В таком случае кто знает, что еще она может выкинуть? Ты уже следишь за ней, Кмузу? — спросил я.

— Да, яа Сиди.

— Будь предельно осторожен. — Я уже собрался уходить, но в дверях обернулся. — Кмузу, для тебя что-нибудь значат буквы «А.Л.М.»?

Он подумал.

— Только Африканское либеральное движение приходит на память, — Честно признался Кмузу.

— Может быть, — с сомнением отвечал я. — А что ты знаешь о «Деле Феникса»?

— Знаю такое, яа Сиди, я слышал о нем, когда работал в доме шейха Реда.

Я столько раз испытывал неудачу в разгадке этих наименований, что уже отчаялся и начал думать, что «Дело Феникса» — плод фантазии Иржи Шакнахая и что отгадка умерла вместе с ним.

— А почему Абу Адиль обсуждал с тобой это дело? — спросил я.

Кмузу отрицательно покачал головой:

— Абу Адиль никогда ничего не обсуждал со мной, яа Сиди. Я был всего лишь телохранителем. Но о нас, телохранителях, часто забывают: мы становимся в комнате предметом обстановки. Несколько раз я слышал разговор шейха Реда и Умара о тех, кого они хотели добавить к списку в «Деле Феникса».

— Ну и что же это за дело, будь оно неладно?

— Список людей, — сказал Кмузу, — которые так или иначе работают на шейха Реда и Фридлендер Бея, и всех тех, кто чем-то очень обязан им двоим.

— Похоже на реестр, — озадачился я. — Но почему этот список так важен? Ведь полицейские могут составить точно такой же список в любой момент, когда им понадобится. Зачем же Иржи

Шакнахай лез на рожон, расследуя это дело?

— Рядом с каждой фамилией в списке проставлено закодированное описание состояния его здоровья, совместимости тканей и органов, годных для трансплантации и других целей.

— Таким образом Абу Адиль и Папочка заботятся о здоровье своих подчиненных? Замечательно. Вот уж не думал, что они будут вникать в такие детали.

Кмузу нахмурился:

— Вы не поняли меня, яа Сиди. Это список возможных доноров, а не тех, кому может понадобиться трансплантация.

— Возможных доноров? Но эти люди живы, они еще не… — Я ошарашенно уставился на Кмузу.

По выражению его лица я понял, что моя ужасная догадка подтверждается.

— Все в списке идут по рангам, — сказал он, — от самого низшего подчиненного до самого Умара. Если человеку из этого списка вследствие увечья или болезни понадобится трансплантация органа, Абу Адиль или Фридлендер Бей могут пожертвовать человеком, имеющим низший ранг. Правда, так поступают не всегда, но чем выше ранг человека, тем больше вероятность того, что для него будет найден подходящий донор.

— Да разрушатся их дома! Сыновья мошенников! — прошептал я.

Теперь я понял, что означали записи в тетради Шакнахая: слева — люди, которых убили, чтобы сделать их донорами для людей в правой части списка. Бланка имела слишком низкий ранг, потому и пошла на запчасти.

Я почувствовал, как ярость вскипает во мне.

— Где он хранится, Кмузу? Я затолкаю его Абу Адилю в глотку.

Кмузу поднял руку.

— Вы должны помнить, яа Сиди, что шейх Реда — не единственный вдохновитель этих замыслов. Он только сотрудничает с нашим хозяином. Они обмениваются друг с другом информацией и совместно распоряжаются жизнью своих подчиненных. Сердце фаворита шейха Реда может попасть в грудную клетку одного из лейтенантов Фридлендер Бея. Оба шейха ведут отчаянную борьбу конкурентов, но в «Деле Феникса» они сотрудничают очень тесно.

— И как давно продолжается такое сотрудничество? — поинтересовался я.

— Много лет. Они начали его, чтобы никогда не умереть из-за отсутствия подходящих органов.

Я стукнул кулаком по столу.

— Так вот каким образом они дожили до старческого маразма! Трясущиеся старые развалины!

— Они действительно выжили из ума, яа Сиди, — сказал Кмузу.

— Ты не сказал мне, где найти «Дело Феникса». Где его хранят?

Кмузу опустил голову.

— Не знаю. Его прячет шейх Реда.

Ладно, решил я. Все равно завтра днем поеду в те края.

— Спасибо, Кмузу. Ты здорово помог мне.

— Яа Сиди, не собираетесь ли вы поехать к шейху Реда за этим? — обеспокоено спросил Кмузу.

— Нет, конечно, — ответил я. У меня есть вариант получше, я не стану бросать вызов сразу двум старикам. А ты продолжай работать над проектом кухни для бедняков. Думаю, пора Фридлендер Бею возвращать долги бедным.

— Хорошо.

Я оставил Кмузу за работой у компьютера и направился к своему автомобилю, попутно вспоминая дела, намеченные на сегодняшний день, с поправками на то, о чем только что узнал. Я приехал в Будайен, припарковал машину и пошел по Улице к клубу Чири.

Мой телефон зазвонил.

— Марзаб, — сказал я в трубку.

— Это я, Морган. — К счастью, англоязычный дэдди был еще со мной. — Яварски по-прежнему еще здесь. Все в порядке. Он устроил себе нору в аварийном доме среди настоящих трущоб. Я здесь, на лестнице, веду наблюдение за дверью. Может, взять его тепленьким?

— Нет, — сказал я. — Только смотри, чтобы он не сбежал. Он должен быть в квартире, когда я приеду. Если он захочет выйти, тебе придется задержать его. Пусти в ход оружие и загони его обратно. Делай все, что считаешь нужным, только не выпускай его оттуда.

— Будет сделано, парень! Не задерживайся! Это не так просто, как я думал.

Я повесил телефон на пояс и вошел в клуб Чири, где было довольно многолюдно для конца дня. На сцене я приметил новую чернокожую девушку по имени Муна. Внезапно я вспомнил, что в длинной истории, рассказанной Фуадом, любимого цыпленка его мамочки звали Муной. Вероятно, он был влюблен в эту девушку, а она не отвечала ему взаимностью. Мне надо было смотреть в оба.

Другие девочки обхаживали клиентов, что создавало

атмосферу чувственности. Я бы сказал, чертовски задушевную атмосферу.

Я сел на свое обычное место и подождал, пока подойдет Индихар.

— «Белую смерть»? — спросила она.

— Попозже. Ты не обдумала мое предложение?

— О том, чтобы переехать к Фридлендер Бею? Если бы не дети, я отказалась бы сразу. Я не хочу быть у него в долгу, быть одной из Папочкиных наложниц.

Не так давно я сам испытывал подобные чувства, а сейчас, узнав правду о «Деле Феникса», понял, что у нее тоже есть причины не доверять Папочке.

— Ты права, не доверяя Папочке, — сказал я. — Но я обещаю тебе, что с тобой ничего плохого не случится. Все это делаю для тебя я, и только я.

— Разве есть разница?

— Да, и очень большая. Что же ты решила? Она вздохнула:

— Я согласна, Марид, но я не собираюсь становиться и твоей любовницей. Ты понял, о чем я?

— Конечно, ты не собираешься трахаться со мной. Ты дала мне это понять достаточно ясно.

Индихар кивнула:

— Ты правильно понял. Я ношу траур по мужу, и, может быть, буду носить его вечно.

— Сколько угодно, детка. У тебя впереди долгая жизнь, — сказал я. — В один прекрасный день найдешь себе другого избранника.

— Не хочу об этом даже думать. Пора было переменить тему.

— Ты можешь переехать в любое время, только закончи эту смену. Мне еще предстоит подыскать другую буфетчицу на дневное время.

Индихар оглянулась, а затем подвинулась ко мне поближе.

— Если бы я была на твоем месте, — тихо сказала она, — то поискала бы кого-нибудь на стороне. Я не доверяю ни одной из наших девушек. Такие, только зазевайся, обчистят, особенно Брэнди. А Пуалани не может даже салфетку положить на стол, прежде чем ставить бокал.

— И что же ты мне посоветуешь? Она на минуту задумалась.

— Я бы наняла Дэлию, которая сейчас у Френчи Бенуа. Или увела бы Хейди из «Серебряной пальмы».

— Попробую, — сказал я. — Позвони мне, если что понадобится.

Сейчас же все мои мысли были сосредоточены на этой проклятой местности в западной части города. Я вышел на улицу,

залитую жарким предвечерним солнцем. Тут же закапал дождь и от влажного асфальта повеяло приятной свежестью.

Через несколько минут я уже был в магазине модификаторов на Четвертой улице. Двух свиданий с Лайлой иному хватило бы на год.

Я услышал ее разговор с клиентом. Ему понадобился модификатор, позволяющий заниматься армадонтией — наукой о превращении человеческих зубов в самое современное оружие. Лайла все еще была в образе Эммы: мадам Бовари, дантист завтрашнего дня.

Когда клиент ушел, Лайла нашла то, что он искал. Я попробовал выпросить нужный мне модди, не затевая с ней долгих разговоров.

— У тебя есть модди Прокси Хелл?

Она уже было собиралась поприветствовать меня очередной затасканной сентенцией из Флобера, как я шокировал ее своим вопросом.

— Тебе это не нужно, Марид, — с каким-то подвыванием произнесла она.

— Это не для меня. Для друга.

— Твоим друзьям это тоже не нужно.

Я с трудом удержался от искушения вцепиться ей в горло.

— Тогда это не для друга, а для моего злейшего врага

Лайла улыбнулась:

— В таком случае тебе нужно что-нибудь очень плохое, верно?

— Самое ужасное! — выпалил я.

Она выпорхнула из-за прилавка и направилась к запертой двери в глубине магазина.

— Такой товар у меня не выставлен для всех, — объяснила она, пытаясь выудить из кармана ключи, которые висели у нее на шее — на длинном пластиковом шнурке. — Я не продаю модди Прокси Хелл детям.

— Ключи у тебя на шее.

— Спасибо, милый. — Она открыла дверь и обернулась ко мне. — Минуточку. — Отсутствовала она недолго и вскоре вышла с небольшой коричневой коробочкой.

В коробочке находились три модди из серого пластика, без ярлыков изготовителя. Это были самопальные модди, чрезвычайно опасные для потребителя. Промышленные модди тщательно запрограммировались и записывались, все посторонние сигналы отфильтровывались. Использование же подпольных модди напоминало лотерею. Иногда они были сделаны настолько грубо, что даже после отключения оставляли

тяжелые психические расстройства.

Лайла приклеила написанные от руки ярлычки на модди в коробке.

— Как насчет инфекционной гранулёмы? — спросила она.

Поразмыслив, я решил, что это будет слишком, — вроде того модди, который был у Абу Адиля в нашу первую встречу с ним.

— Нет, не стоит.

— О'кей, — сказала Лайла, вороша модди длинным кривым указательным пальцем. — Холецистит?

— А это что?

— Понятия не имею.

— А третий?

Лайла вытащила его и прочла на ярлыке:

— «Синдром Д».

У меня по спине побежали мурашки. Я слыхал об этом заболевании. Медленное разрушение нервной системы, вызванное какими-то жуткими вирусами. Сначала у пациента возникают провалы в долговременной и краткосрочной памяти. Потом, когда вирусы съедают нервную систему, пациент умирает в полном маразме и в ужасной агонии, прикованный к постели. На последних стадиях болезни организм человека просто забывает, как надо дышать и поддерживать сердечный ритм.

— Сколько он стоит? — спросил я.

— Шестьдесят киамов, — осклабилась она. Во рту вместо зубов у нее чернело несколько гнилых обломков, и улыбка производила на покупателя потрясающий эффект. — Наценка за редкий товар.

— Ладно, — сказал я и, заплатив ей требуемую сумму, засунул «Синдром Д» в карман, после чего направился к выходу.

— Знаешь, — сказала она, положив мне на плечо свою когтистую лапку, — мой возлюбленный сегодня вечером поведет меня в оперу. Весь Руан увидит нас вместе.

Я собрался с силами и рванулся к дверям, бормоча:

— Во имя Аллаха, милостивого и справедливого.

По дороге в поместье Абу Адиля я размышлял о недавних событиях. Если Кмузу прав, виновником пожара был сын Умм Саад. Я и не предполагал, что юный Саад действовал по собственной инициативе. Тем не менее Умар уверял меня, что ни он, ни Абу Адиль больше не давали Умм Саад никаких указаний. Но если Умм Саад не получала директив от Абу Адиля, почему она вдруг решила проявить инициативу?

А Яварски? Он стрелял в меня потому, что ему не понравился мой вид, или потому, что Хайяр доложил Абу Адилю, что я сую нос в «Дело Феникса»? Или же был более серьезный повод, о

котором я еще не подозревал? В этом деле я не доверял ни Саиду, ни Кмузу. Я полагался только на Моргана, хотя, надо признать, у меня не было веских причин доверять и ему. Просто он напоминал мне мое прошлое — каким оно было, пока я не уничтожил его Собственными руками.

Я постоянно придумывал себе оправдания, почему я веду столь легкомысленный образ жизни.

Горькая правда состояла в том, что у меня не хватало духу противостоять разгневанному Фридлендер Бею и отказаться от его денег. Я утешал себя тем, что использую свое унизительное положение, помогая обездоленным. Но и эта мысль не заглушала угрызений совести.

По мере того как я приближался к дому Абу Адиля, чувство вины и одиночества перерастало в самое настоящее отчаяние, которое, возможно, и явилось причиной неверного шага. Наверное, мне надо было больше доверять Сайду или Кмузу. На худой конец, я мог взять с собой одного из Говорящих Камней. Однако в конфликте с Абу Адилем я полагался только на свою находчивость. У меня было два плана действий. Первый заключался в том, чтобы подкупить Абу Адиля модификатором «Синдрома Д», а второй — если он будет неподкупен, — поставить его перед фактом, что мне все известно. Тогда эти планы казались мне верхом совершенства.

Охранник у ворот узнал и пропустил меня, дворецкий Камаль потребовал назвать цель визита.

— Я принес подарок для шейха Реда, — сказал я. — И еще мне надо срочно поговорить с ним.

Он не пустил меня дальше прихожей.

— Подождите здесь, — сказал он, криво ухмыляясь. — Я спрошу, можно ли вам пройти.

— Не думаю, чтобы хозяин дома стал возражать, — сказал я, но дворецкий не понял намека.

Он проследовал по коридору в кабинет Абу Адиля и обратно с неизменно презрительным выражением на лице.

— Я провожу вас к моему хозяину, — объявил он с такими интонациями, словно сожалел об этом.

Он провел меня в один из кабинетов Абу Адиля — совсем не в тот, куда мы в первый раз приходили с Шакнахаем. В воздухе пахло чем-то сладким, похожим на ладан. По стенам были развешаны репродукции картин европейских мастеров, где-то тихо играла музыка и слышалось пение Умм Халтум.

Сам великий человек сидел в уютном кресле. Его ноги были укутаны искусно вышитым покрывалом. Он откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза, а его дрожащие руки лежали на

коленях.

Тут же находился и Умар Абдул-Кави. Он явно не был рад моему визиту. Он кивнул мне и незаметно приложил палец к губам. Я понял: это знак не упоминать о том, что говорилось между нами в Последний раз. Но я пришел сюда вовсе не за этим. Меня волновали вещи более важные, чем борьба Умара за власть.

— Я прошу позволения пожелать шейху Реда доброго здоровья, — сказал я.

— Пусть Аллах дарует тебе благополучие, — ответил Умар.

Сейчас посмотрим, удастся ли мне выполнить план номер один.

— Разрешите вручить благородному шейху этот небольшой подарок?

Умар царственным жестом разрешил мне приблизиться. Мне захотелось затолкать модди в его жирную глотку.

— Что это? — спросил он.

Я молча протянул ему модди. Умар повертел его в руке, затем взглянул мне в глаза.

— Ты умнее, чем я думал, — сказал он. — Мой хозяин будет очень доволен.

— Думаю, такого у него еще нет.

— Нет, такого — нет… — Он положил его на колени Абу Адиля, но старик даже не взглянул на него. Умар задумчиво наблюдал за мной. — Я хотел бы предложить тебе кое-что взамен, но уверен, что ты из вежливости станешь отказываться.

— Почему же, — ответил я. — Хорошо бы узнать, что это такое.

Умар нахмурился:

— Твои манеры…

— Мои манеры оставляют желать лучшего? Но что я могу поделать? Я всего лишь невежественный провинциал из Магриба. Кажется, я набрел на интересную информацию, касающуюся тебя и шейха Реда, и, если быть честным до конца, Фридлендер Бея тоже. Я говорю об этом проклятом «Деле Феникса». — Я не спускал глаз с Умара, ожидая, как он отреагирует на мое заявление. Он не заставил меня долго ждать.

— Боюсь, мсье Одран, что я не понял, о чем вы говорите. Видимо, ваш хозяин вовлечен в преступную деятельность и хочет свалить вину…

— Замолчите.

Умар и я оглянулись и уставились на Реда Абу Адиля, отключившего модди Прокси Хелл. Он весь трясся. Впервые Абу Адиль изъявил желание участвовать в разговоре. Судя по всему, он не был дряхлым и беспомощным «свадебным генералом». Без

ракового модди его лицо стало волевым, а глаза проницательно заблестели.

Абу Адиль отбросил покрывало и встал со стула.

— Разве Фридлендер Бей не рассказывал вам о «Деле Феникса»? — спросил он:

— Нет, о шейх, — ответил я. — Я узнал об этом деле только сегодня. Он скрывал его от меня.

— Но вы вмешиваетесь в дела, которые вас не касаются.

Я был напуган страстной тирадой Абу Адиля. Умар никогда не выказывал такой силы характера. У меня создалось впечатление, что я вижу *бараку* шейха Реда, магию его личности, несколько иного рода, чем у Папочки. Модди Абу Адиля, которым пользовался Умар, не предполагал такой глубины характера. Вероятно, никакое электронное устройство не в состоянии уловить природу бараки. Претензии Умара на равенство с Абу Адилем при помощи модди были самообманом.

— Думаю, эти дела имеют ко мне прямое отношение, — сказал я. — Разве моего имени нет в списке?

— Думаю, что есть, — сказал Абу Адиль. — Но ты стоишь в начале списка, тебе бояться нечего.

— Я помню о своих друзьях, которым не так повезло, как мне.

Умар невесело засмеялся:

— Ты опять проявляешь слабость и плачешь о грязи под своими ногами.

— У солнца есть восход, но есть и закат, — напомнил я ему. — В один прекрасный день ты тоже попадешь в конец списка. Тогда ты пожалеешь о том, что не уничтожил его раньше.

— О хозяин! — рассерженно встрепенулся Умар. Довольно терпеть вам речи этого безумца.

Абу Адиль устало махнул рукой:

— Ты прав, Умар. Я не испытываю большой любви к Фридлендер Бею, так же как и к его слугам. Отведи его в студию.

Умар подошел ко мне с иглометом в руках. Я попятился, не зная, что он замышляет. Наверняка что-то недоброе.

— Пошли, — сказал он.

Я подчинился — у меня не было выбора. Мы вышли из кабинета, прошли по коридору и поднялись по лестнице на второй этаж. В этом

доме всегда витал дух спокойствия и безмятежности. Свет проникал сквозь деревянные решетки из высоких окон, пушистые ковры заглушали шаги. Но я знал, что все это обманчиво, что сейчас я увижу истинную сущность Абу Адиля.

— Сюда, — приказал он, открывая толстую железную дверь. На лице его застыло странное выражение, и оно мне совсем не

нравилось.

Я последовал за ним в большую звуконепроницаемую камеру. Там стояли кровать, стул и столик на колесиках с каким-то электронным оборудованием. Я понял, что это за камера. У Абу Адиля была своя домашняя студия записи модификаторов. Предел мечтаний приверженцев модди.

— Дай мне ружье, — сказал Абу Адиль.

Умар передал игломет хозяину и вышел из комнаты. Дальняя стена комнаты была прозрачной, за ней находилась небольшая контрольная будка со щитом, на котором размещались различные выключатели, счетчики и шкалы.

— Я вижу, ты хочешь включить меня в свою коллекцию, — сказал я. — Не вижу причин. Ожоги второй степени — не самое приятное развлечение. — Абу Адиль молча смотрел на меня с такой окоченелой улыбкой, что у меня по спине побежали мурашки.

Немного погодя вернулся Умар. Он принес тон-кий металлический прут, пару наручников и веревку с крючком на конце.

— Господи, — вырвалось у меня. Меня затошнило при одной мысли о том, что они хотят записать нечто большее, чем страдания от ожогов.

— Выпрямись, — сказал Умар, обойдя вокруг меня. Он протянул руку и отключил мой модди и несколько дэдди. — И держи голову прямо, для твоей же пользы.

— Спасибо за участие, — ответил я. — Я очень ценю…

Не успел я договорить, как Умар поднял металлический прут и резко опустил его на мою правую ключицу. Я вскрикнул от острой боли, пронзившей тело. Затем он ударил меня по левой ключице. Я почувствовал, как хрустнула кость, и упал на колени.

— Будет немного больно, — сказал Абу Адиль участливым тоном пожилого и опытного доктора.

Умар принялся колотить меня прутом по спине, — раз, другой, третий… Я закричал — но это не остановило его. Он ударил еще несколько раз.

— Теперь попытайся встать, — сказал он.

— Псих ненормальный, — выдохнул я.

— Если ты не встанешь, я примусь за твою физиономию.

Шатаясь, я с трудом поднялся; Моя левая рука безжизненно повисла, спина, по-видимому, представляла собой кровавое месиво. Я всхлипывал.

Умар снова обошел вокруг меня, очевидно, оценивая мое состояние.

— Теперь ноги, — сказал Абу Адиль.

— Слушаюсь, о шейх. — Сукин сын стал хлестать меня по ногам, и я снова упал. — Встать! — прокричал Умар. — Встать!

Он продолжал бить, пока мои ноги не покрылись сплошными рубцами.

— Я отплачу тебе! — прохрипел я. — Клянусь Пророком, я тебя из-под земли достану.

Истязание продолжалось до тех пор, пока на мне не осталось живого места. Умар пощадил только голову, так как Абу Адиль не хотел испортить качество записи. Когда старик решил, что с меня довольно, он велел Умару остановиться.

— Привяжи его, — велел Абу Адиль.

Я смотрел, приподняв голову. Казалось, что это не я, а кто-то совсем посторонний издалека наблюдает за происходящим в комнате. Мои мускулы подергивались болезненными судорогами, многочисленные раны посылали в мозг сигналы боли. Боль создала преграду между моим сознанием и бренной оболочкой. Мой разум осознавал невыносимое страдание, достаточное для наступления шока. Я осыпал своих мучителей мольбами и проклятиями, умоляя вернуть мне дэдди, блокирующие боль.

Умар только посмеивался. Он подошел к столику на колесиках и стал возиться с оборудованием. Затем приблизился ко мне с большим блестящим модди, вроде того, что я использовал, играя в

Транспекс. Умар опустился на колени рядом со мной и показал его мне.

— А теперь я подключу его к тебе, — сказал он. — И запишу твои ощущения.

Я еле дышал.

— Сволочи, — задыхаясь, прошептал я.

Умар включил хромированный модди в одно гнездо.

— Это совсем не больно, — сказал он.

— Я убью тебя, — пробормотал я. — Ты умрешь, как собака.

Абу Адиль все еще не выпускал игломет из рук, но сейчас я не был способен на героические действия. Умар наклонился и, заломив мне руки за спину, защелкнул на моих запястьях наручники. Я чувствовал, что теряю сознание, и мотал головой из стороны в сторону, чтобы этого не случилось. Я не хотел отключаться, чтобы не оказаться полностью в их власти, хотя, кажется, они и так могли сделать со мной все, что угодно.

После этого Умар прицепил наручники к крючку и потянул за веревку. Шатаясь, я поднялся на ноги. Он перебросил веревку через железный брус, торчащий из стены высоко над моей головой. Кажется, я понял, что он замышляет.

— Аллах! — закричал я.

Умар потянул за веревку, и я встал на цыпочки, с руками, поднятыми за спиной. Он потянул еще, и я повис в воздухе. От тяжести тела мои суставы затрещали.

Боль была такой невыносимой, что я боялся дышать полной грудью. Я попытался отключиться, потом запросил пощады и, наконец, смерти.

— Включай модди, — произнес Абу Адиль. Его голос, казалось, доносился издалека, словно с вершины горы или из глубины океана.

— Я нашел спасение у Повелителя Закатов, — бормотал я, повторяя эту фразу как заклинание.

Умар забрался на стул, держа в руке серый модди с «Синдромом Д», который я принес в подарок, и включил его во второе гнездо.

Он свисал с потолка, но не знал почему. Его мучения были ужасны.

— Во имя Аллаха, помогите! — закричал он, но понял, что от этого боль усиливается. Как он попал сюда? Он не помнил. Кто его мучители?

Время шло, и казалось, он потерял сознание. Ощущение было такое, словно он проснулся от яркого сновидения, и тут, искажая друг друга, внезапно совместились реальность и вымысел, требовалось усилие, чтобы отделить одно от другого во временной последовательности.

Почему он оказался один и в такой ситуации? Он боялся страданий, но еще больше страшился того, что ничего не помнит. Над его головой раздавалось негромкое гудение вентилятора. В воздухе стоял пряный запах. Его тело слегка дернулось, и он ощутил новый прилив боли. Но больше всего его путало то, что он не понимал значения страшной драмы, в которую оказался вовлечен.

— Хвала Аллаху, Повелителю Мира, — шептал он, — милостивому и справедливому, Судии Судного Дня. Тебя мы славим, у Тебя ищем защиты.

Время шло. Боль усиливалась. В итоге он даже забыл, как вздрагивают и корчатся от боли. Образы и звуки проходили мимо его онемевших чувств и спящего разума. Он потерял способность их различать и реагировать на них. Но он еще не умер. Кто-то позвал его, но он не ответил.

— Как ты?

Надо признаться, чувствовал я себя прескверно. Мое сознание внезапно прояснилось. Боль, оставившая меня, вернулась с новой силой. Видимо, я застонал, потому что он успокоил меня:

— Все хорошо, все в порядке.

Я поглядел на него. Это был Саид. Я не знал, можно ли доверять ему. Вид у него был встревоженный.

Я лежал в каком-то переулке с пустыми полуразрушенными домами. Я не помнил, как попал сюда, да и, правду сказать, мне было наплевать на это.

— Твое? — спросил он, протягивая мне на ладони три модди и несколько дэдди.

Один из модификаторов был Королевский, другой — «Синдром Д», а когда я разглядел дэдди, блокирующий боль, то чуть не зарыдал от радости.

— Дай сюда! — воскликнул я, Схватил его дрожащими руками и включил. Почти сразу мое самочувствие улучшилось, хотя я знал, что я весь в страшных рубцах и по меньшей мере одна ключица у меня сломана. Дэдди подействовал быстрее, чем тонна соннеина.

— Рассказывай, что ты тут делаешь, — сказал я, садясь на корточки. У меня была полная иллюзия здоровья и прекрасного самочувствия.

— Я шел за тобой. Хотел подстраховать тебя на всякий случай. Охранник у ворот знает меня. И Камаль тоже. Я вошел в дом и увидел, что они с тобой делают. Я решил подождать, пока они тебя не отпустят. Наверно, они подумали, что ты умер, или им было все равно. Я взял эти штуки и последовал за ними. Они бросили тебя в этом грязном переулке, а я прятался за углом, пока они не ушли.

Я обнял его за плечи:

— Спасибо тебе, Саид.

— Не стоит благодарности, — широко улыбаясь, ответил Халф-Хадж. — Мы ведь братья по вере, правда?

Я не стал с ним спорить, взял третий модди из тех, которые мне дал Халф-Хадж.

— Что это? — спросил я.

— Разве ты не знаешь? Это не твой?

Я помотал головой. Саид взял у меня модди и включил. Через минуту его лицо изменилось. На нем появилось выражение страха и благоговения.

— Пусть мой папаша изжарится в аду, если это не Абу Адиль, — сказал он.

Глава 16

Халф-Хадж настоял на том, что отправится, со мной в логово Пола Яварски.

— Ты же едва держишься на ногах, — уговаривал он меня. — Отключи этот дэдди, и ты поймешь, в каком ты состоянии. Тебе надо в больницу.

— Я только что оттуда, — сказал я.

— Не получилось, друг. Придется вернуться.

— Я согласен, но только когда улажу это дело с Яварски. Я не отключу свой дэдди, пока не поймаю его. И еще мне, наверное, понадобится Королевский модди.

Саид покосился на меня:

— Тебе нужно что-то еще, кроме Королевского. Например, десяток твоих коллег-полицейских.

Я невесело рассмеялся:

— Не думаю, что они подоспеют. Хайяр не станет торопиться.

Мы медленно шли по главной улице, пересекающей Хамидийю с севера на юг.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Саид. — Что Хайяр хочет приберечь Яварски для себя? Чтобы заслужить награду и благодарность?

Мы свернули в узкий и необычайно грязный переулок и вышли к заднему фасаду нужного нам дома.

— Шакнахай сказал мне, что его подставили, — ответил я. — Он предполагал, что Яварски работает на Хайяра.

— А я думал, Яварски работает на шейха Реда. Я пожал плечами, без блокирующего боль дэдди это было бы не особенно приятно.

— Все, кого мы знаем, двурушники. Почему Яварски должен быть другим?

— Да, ты прав, — сказал Халф-Хадж. — Хочешь, я и к дверям пойду с тобой?

— Спасибо, Сади. Не надо. Останься здесь и посторожи черный ход. Я поднимусь наверх с Морганом. Мне надо поговорить с Яварски наедине. Я пошлю Моргана к парадному входу.

Саид заволновался:

— Не лучшее решение, Марид. Яварски слишком умен, и на его счету много трупов. А ты не в состоянии с ним драться.

— А я и не собираюсь. — Я включил Королевский и достал из кармана статический пистолет.

— Что ты намерен делать? Если Хайяр отпустил Яварски на

свободу…

— Я действую независимо от Хайяра, — заявил я. Я твердо решил, что Яварски не уйдет от возмездия. — Я доложу высшему начальству и в полицейскую инспекцию. Не всех же их купили.

— Ты думаешь? — скептически хмыкнул Халф-Хадж. — И все-таки ты выбрал правильный путь. Если тебе понадобится помощь, мы тут. На этот раз Яварски не уйти.

Я усмехнулся:

— Держу пари на что угодно — он не уйдёт.

И я вошел в дом. Я оказался в темном прохладном коридоре, ведущем к лестнице. Пахло плесенью, как всегда в заброшенных домах. На третьем этаже у меня под ногами захрустела щебенка.

— Морган! — позвал я. У него было оружие, и я боялся, что как бы он от неожиданности не выстрелил.

— Это ты, парень? Долго же ты добирался! Наконец я поднялся на площадку, где он сидел.

— Извини, — сказал я. — Я попал в небольшую переделку.

Когда Морган увидел меня, глаза его полезли на лоб.

— Похоже, сегодня с тебя хватит переделок, парень.

— Я в полном порядке, Морган. — Вытащив из кармана джинсов остальные пятьсот киамов, я отдал их ему. — Наблюдай за главным входом. В случае чего позову тебя.

Блондин побежал вниз.

— Тебе нужна помощь, — с сомнением обернулся он. — Потом может быть поздно.

Дэдди помогал мне забыть о боли, а Королевский модди вселял уверенность, что я легко справлюсь и с Яварски. Я проверил пистолет и постучал в дверь.

— Яварски! — закричал я. — Это Марид Одран. Иржи Шакнахай был моим другом. Я пришел отомстить за него.

Мне не пришлось долго ждать. Со смехом Яварски открыл дверь. В руке у него был автоматический пистолет сорок пятого калибра.

— У тебя с головой все в порядке? — спросил он и посторонился, пропуская меня в квартиру.

Проходя мимо него, я не прятал оружия, но, видимо, ему было наплевать.

Я сел на драную кушетку напротив двери. Яварски облюбовал кресло с обивкой в цветочек и в пятнах крови. Я поразился тому, что он так молод: по крайней мере лет на пять моложе меня.

— Слыхал, что по закону ислама делают с убийцами? — спросил я.

Мы держали оружие нацеленным друг на друга, но Яварски, казалось, это ничуть не волновало.

— Нет. И что с того? — сказал он. — Я не боюсь смерти. — У Яварски была странная манера кривить губы во время разговора: может, он считал, что это придает его лицу мужественное выражение? Вероятно, у него были серьезные проблемы с психикой, но вряд ли он сможет когда-нибудь разрешить их. — Кто сказал тебе, что я здесь? Я всегда убираю стукачей. Кто он? Я замочу суку!

— Не выйдет, приятель. Ты не купишь весь город.

— Короче, дружище, — сказал он, стараясь взять инициативу в свои руки. — Сегодня вечером я забираю свои денежки и смываюсь. — Он говорил так, словно мой статический пистолет не был серьезным препятствием для этого.

Он покосился на что-то справа *от* меня. Я метнул взгляд туда же, на покрытый газетой небольшой деревянный столик рядом с кушеткой. На газете лежали три обоймы.

— Тебе Хайяр приказал убрать Шакнахая, — спросил я, — или это дерьмо Абу Адиля — Умар?

— Я не стукач, — процедил Яварски, криво усмехаясь.

— А те — Бланка Матаро и другие… Ты стрелял не из сорок пятого калибра. Почему?

Яварски пожал плечами:

— Так было заказано. Видимо, боялись, что тело окажется испорчено. Они называли человека, и я делал свою работу. А потом сам вызывал полицию, чтобы труп скорей увозили. Видно, они боялись, что мясо протухнет. — Он довольно захохотал, отчего у меня руки зачесались пристрелить его.

Я бросил взгляд на столик, подумав, что Яварски, наверно, не потрудился вставить обойму в свой пистолет перед тем, как пустить меня в комнату. Казалось, он любил блефовать.

— Сколько человек ты убил? — спросил я.

— Всего? — Яварски посмотрел в потолок. — По моим подсчетам, где-то двадцать шесть. По крайней мере тех, кого я помню. По одному в год. Скоро у меня день рождения. Хочешь стать номером двадцать семь?

Я ощутил приступ ярости.

— Ты дождешься, Яварски, — сквозь зубы сказал я.

— Давай попробуй! Достань меня из своего дамского пистолетика, если не трусишь. — Ему нравилось поддразнивать меня. — Смотри, что написано, — кивнул он на газету. — «Злодей Яварски, легендарная личность». Ну как?

— А ты когда-нибудь думал о тех, кого застрелил? — спросил я.

— Я помню этого полицейского, твоего дружка. Я ранил его в грудь. Он даже не пошатнулся и сделал ответный выстрел. Но он

промахнулся, и я смылсяза угол дома. Когда я выглянул из-за утла, то увидел, что этот парень догоняет меня. Я перебежал к другому дому, но он не отставал. У него вся грудь была в крови. Вот это настоящий мужчина!

— А ты не подумал о его семье? Ведь у него осталась жена и трое детей.

Яварски посмотрел на меня, и лицо его исказилось усмешкой безумия:

— Провались они все…

Я шагнул к нему. Яварски только приподнял брови, словно приглашая меня подойти поближе. Я бросил ему статический пистолет. Он поймал его, прижав к груди левой рукой. В это время я ударил его в угол рта и изо всей силы вывернул ему правую руку. Охнув, он выронил пистолет.

— Я не Хайяр, — прорычал я, — и не этот идиот Катавина. Ты не купишь меня, и плевал я на твои гражданские права. Понял? — Я нагнулся, чтобы поднять его оружие, и правильно сделал. Оно было заряжено.

Яварски потрогал разбитые губы.

— Ты насмотрелся дурацких фильмов, дружище, — сказал он, усмехаясь, словно ничего не произошло. — Ты не лучше Хайяра и, если по правде, не лучше меня. Ты бы давно прикончил меня, будь ты уверен, что это дело сойдет тебе с рук.

— Насчет этого не беспокойся, — многообещающе произнес я.

— Таких, как Хайяр, становится все больше. И он не из худших, просто он как все и делает то, что от него ждут. Я предупреждаю тебя заранее. Ты кончишь как Шакнахай. До самой пенсии ты будешь переводить через дорогу старушек, а потом какой-нибудь сукин сын вроде меня поможет тебе отправиться на тот свет. — Он поковырял пальцем в ухе. — А после этого, — задумчиво произнес он, — какой-нибудь сукин сын трахнет твою жену.

Мое лицо словно окаменело. Я тихо поднял ствол пистолета и нацелил его Яварски прямо в лоб.

— Осторожно, — усмехаясь, прохрипел он, — это не игрушка.

Я сунул свой пистолет в карман, жестом указал Яварски сесть и вернулся на кушетку. Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Я тяжело дышал, а у Яварски был вид человека, страшно довольного собой.

— Спорю, ты сейчас — первый утешитель вдовы Шакнахая, — сказал он. — Ты ее еще не трахнул?

Я снова пришел в отчаянную ярость. Я с трудом выносил его циничные выпады, его гнусные откровения. Самым худшим из

услышанного было то, что Шакнахай умер глупо и бесцельно.

— Заткнись, — срывая голос, прохрипел я, наставив на него ствол пистолета.

— Ну и что? Ты все равно не сможешь выстрелить. А надо было бы. Иначе я смоюсь — меня не удержишь под замком. Я исчезну. Шейх Реда об этом позаботится. Я никогда не предстану перед судом в этом городе.

— Не предстанешь. — Я знал, что это правда. Я выстрелил. Звук получился очень громким, он несколько раз отозвался эхом от стен, словно раскат грома. Яварски медленно упал на спину, пол-лица у него снесло напрочь. Все вокруг было забрызгано кровью. Я уронил пистолет на пол. Никогда прежде мне не приходилось пользоваться огнестрельным оружием. Я попятился и упал на кушетку, не в силах перевести дыхание.

Когда я входил сюда, я и не думал убивать этого человека. Сознательно приняв решение, я взял на себя ответственность за убийство во имя правосудия. Я знал, что в любом другом случае справедливость не восторжествует. Я взглянул на свои руки: они были в крови.

Вдруг грохнула дверь, и вбежал Морган. За ним по пятам следовал Саид. Они немо застыли на пороге, глядя на Яварски.

— Все правильно, — тихо сказал Халф-Хадж: — Одно дело сделано.

— Послушай, парень, — сказал Морган, — я пошел. Ведь больше я тебе не нужен?

Я молча смотрел на них, не понимая, почему они так спокойны.

— Пошли, парень, — сказал Морган. — Кто-нибудь мог услышать выстрел.

— Кто-нибудь, конечно, услышал, — сказал Саид, — но в этом квартале никому не придет в голову позвонить в полицию.

Я протянул руку и отключил модди Крутого Парня. Теперь мне долго еще не понадобится Королевский. Мы вышли из квартиры и спустились по лестнице. На улице Морган повернул в одну сторону, а мы в другую.

— Куда теперь? — спросил Саид.

— Нам нужно вернуть автомобиль, — сказал я. Эта идея вовсе не улыбалась мне. Седан все еще был у Абу Адиля. Мне совсем не хотелось возвращаться туда, где гнусный ублюдок насиловал мой разум. Я сведу с ним счеты, но не сейчас. Время еще не пришло.

Саид словно угадал мои мысли. — Знаешь что, — сказал он, — я пойду за машиной, а ты подождешь здесь. Я быстро.

— Хорошо, — согласился я, отдавая ему ключи. Я был

чрезвычайно признателен ему, что он был со мной и я мог рассчитывать на его помощь. Теперь у меня не оставалось сомнений в искренности Саида. Его присутствие было необходимо: несмотря на то что боли я не чувствовал, мое тело было на пределе. Надо было скорее добираться до врача.

Я не стал опускаться на ступеньки, потому что не был уверен, что смогу потом встать. Вместо этого я прислонился к белому оштукатуренному фасаду небольшого ветхого домика.

Сверху, над крышей дома, пронзительно кричали стрижи, охотясь за насекомыми. Я смотрел на дом на противоположной стороне улицы, поросший папоротником и травой, буйно разросшимися на всех горизонтальных его поверхностях и в самых неподходящих местах. Из открытых окон плыли запахи съестного: вареной капусты, жареного мяса и свежевыпеченного хлеба. Я был окружен кипением жизни, но никак не мог забыть о том, что пролил кровь убийцы. В руке моей все еще был зажат автоматический пистолет. Я не знал, как от него избавиться. Мой разум был словно в тумане.

Через некоторое время у обочины рядом со мной остановился кремовый седан. Из него вышел Саид и помог мне забраться на сиденье. Он закрыл дверцу машины и спросил:

— Куда?

— В больницу.

— Хорошая идея.

Я закрыл глаза, ощущая покачивание автомобиля, и вскоре задремал. Когда мы прибыли на место, Саид разбудил меня. Я запихнул статический пистолет и оружие Яварски под сиденье, после чего мы выбрались из машины.

— Послушай, — сказал я, — сейчас меня заштопают в приемном отделении, а потом я съезжу навестить кое-кого. Ты свободен.

Халф-Хадж нахмурился:

— Ты все еще не доверяешь мне? Я отмахнулся:

— Да нет, не в этом дело, Саид. Просто некоторые вещи удаются мне лучше без свидетелей.

— Ладно. Сломанной ключицы тебе недостаточно. Ты успокоишься только тогда, когда тебя похоронят в пяти разных контейнерах.

— Саид!

Он поднял обе руки, как бы сдаваясь.

— Ладно, ладно. Если ты хочешь отомстить шейху Реда и Химару, это твое личное дело.

— Я не хочу их видеть, — сказал я. — Пока что.

— Когда захочешь, дай мне знать.

— Еще бы, — сказал я, вручая ему двадцать киамов. — Ты можешь найти здесь такси?

— Угу. Позвони мне. — И он отдал мне ключи от машины.

Я кивнул и направился по асфальтированной дорожке к зданию. В этой больнице я побывал уже дважды и чувствовал себя здесь как дома.

Я заполнил их дурацкие бланки и полчаса ждал прихода врача. Он всадил мне в плечо инъекцию какого-то лекарства и занялся сломанной ключицей.

— Может быть больно, — предупредил он.

Он не знал о моем дэдди-глушителе. Я был, вероятно, единственным человеком в мире с таким широким программным обеспечением, но при этом не был мировой знаменитостью. В нужные моменты я добросовестно изображал соответствующие стоны и гримасы, но в целом держался мужественно. Врач зафиксировал мою левую руку необычно жестким эластичным бинтом.

— Вы смелый человек, — сказал он.

— Я занимался эзотерическим учением, — сказал я. — Контролировать боль можно с помощью разума. — Это в какой-то мере соответствовало истине: в мой мозг был вживлен кончик длинной серебряной нити, изолированной пластиком.

— Возможно, возможно, — бубнил врач. Закончив возиться с ключицей, он занялся моими ранами. После этого нацарапал рецепт. — Все же я выпишу вам анальгетик, он может понадобиться. Если нет, прекрасно. — Он оторвал листочек и дал его мне.

Я взглянул на рецепт. Он выписал мне двадцать таблеток нофека, анальгетика настолько слабого, что в Будайене за десяток таких таблеток не дали бы и одной соннеинки.

— Спасибо, — тупо пробормотал я.

— Не надо геройствовать там, где может помочь медицина. — Врач рассеянно поглядел перед собой, решив, что прием окончен. — Вы поправитесь через шесть недель, мистер Одран. Советую вам через несколько дней обратиться к вашему хирургу.

— Спасибо, — еще раз поблагодарил я.

Он вручил мне какие-то бумаги. Я подошел с ними к окошечку и заплатил. Потом я пошел к главному входу и поднялся в лифте на двадцатый этаж. Там дежурила новая сестра, но охранник Заин узнал меня. Я прошел по коридору к первой палате.

У Папочкиной кровати стояли врач с медсестрой. Когда я вошел, они обернулись ко мне с озабоченными лицами.

— Что-нибудь случилось? — заволновался я. Врач погладил

свою седую бородку.

— Дело очень серьезное, — сказал он.

— Что, черт возьми, случилось? — потребовал я. — Он жалуется на слабость, головную боль и боли в животе. Мы долго ничего не находили.

— Да, — сказал я, — он заболел еще перед тем, как случился пожар. Он даже не мог самостоятельно выйти из дома.

— Мы провели новые, более сложные и комплексные исследования и выявили, что в организм пациента на протяжении длительного времени попадал один малоизвестный нейротоксин. Возможно, в течение нескольких недель.

Я похолодел. Фридлендер Бея пытались отравить! Вероятно, это был кто-то из домашних. У него наверняка есть враги. Мой недавний опыт с Халф-Хаджем показал, что я никого не могу оставлять вне подозрения. Потом мой взгляд нечаянно упал на Папочкин столик: на нем стояла жестянка с откинутой крышкой, в жестянке лежали финики в сахаре, фаршированные мускатными орехами.

— Умм Саад… — прошептал я. Она угощала его этими финиками с самого начала своего пребывания в доме. Я подошел к столику. — Возьмите их на анализ, — обратился я к врачу, — и вы обнаружите источник отравления.

— Но кто…

— На этот счет не беспокойтесь, — сказал я. — Займитесь пока его лечением.

Целиком поглощенный своей вендеттой, я совсем упустил из виду Умм Саад. Направляясь к двери, я вспомнил, что именно так отравила Августа Цезаря его жена — инжиром из его собственного сада, добиваясь того, чтобы ее сын стал наследником. Немудрено, что я запамятовал этот случай. Опыт истории в данной области чрезвычайно обширен.

Я спустился по лестнице и вывел автомобиль со стоянки, собираясь заехать ненадолго в полицейский участок.

Пока лифт поднимался на третий этаж, я обрел душевное равновесие и сразу направился в кабинет Хайяра. Сержант Катавина попытался остановить меня, но я оттолкнул его и прошел мимо. Распахнув дверь кабинета, я воскликнул:

— Хайяр! — В эти два слога я вложил весь свой гнев и презрение.

Он оторвал взгляд от бумаг и, увидев мое лицо, испугался.

— Одран, — произнес он, — в чем дело?

Я бросил на стол Хайяра пистолет сорок пятого калибра.

— Помнишь американца, которого мы искали? Убийцу Иржи? Его нашли мертвым на полу какой-то крысиной каморки. Кто-то

застрелил его из его же оружия.

Хайяр посмотрел на пистолет без особой радости.

— Кто-то застрелил, говоришь? Не знаешь, кто бы это мог быть?

— К сожалению, нет, — ухмыльнулся я. — Я не взял с собой ни микроскопа, ничего… Но, по-моему, кто бы он ни был, он стер свои отпечатки. Мы никогда не раскроем этого убийства. Хайяр откинулся на спинку стула.

— Вероятно. Ну что же, по крайней мере, жители нашего города с радостью воспримут это известие. Хвалю, Одран!

— Спасибо, — ответил я, направляясь к двери. У дверей я обернулся: — С номером первым покончено. На очереди номер второй.

— Кого ты имеешь в виду, черт возьми?

— На очереди Умм Саад. Кстати, о тебе мне тоже известно многое. Чем ты занимаешься, например. Держи ушки на макушке. Парень, успокоивший Яварски, может добраться и до тебя. — Я с удовольствием наблюдал, как с лица Хайяра сползала самодовольная усмешка. Выходя из кабинета, я слышал, как он что-то бормочет себе под нос и хватается за телефонную трубку. Катавина стоял в коридоре возле лифта.

— Что ты сказал ему? — озабоченно поинтересовался он.

— Не волнуйся, друг, — ответил я. — Твой дневной сон вне подозрений. По крайней мере, пока. Но я не удивлюсь, если в скором времени полицейский участок расформируют. Для разнообразия ты бы мог и поработать, чтобы немного похудеть. — Я нажал кнопку лифта.

На первом этаже настроение мое улучшилось. На улице, залитой последними лучами солнца, я почувствовал себя почти нормально.

Почти. Я до сих пор оставался пленником своей вины. Я хотел поехать домой и выяснить еще кое-какие подробности отношений Кмузу с Абу Адилем, но неожиданно для себя выбрал иной маршрут. Когда прозвучал вечерний призыв к молитве, я оставил машину на улице Сук-эль-Хемис, где находилась небольшая мечеть. Впервые за многие годы я молился со всей искренностью.

Чувство общности с теми, кто пришел вместе со мной в этот храм, не избавило меня от сомнений и угрызений совести. Я и не думал, что они исчезнут здесь. Тем не менее, как в детстве, я ощущал тепло причастности к тайне. Первый раз за все время своего пребывания в городе я приблизился к Аллаху в смирении, и мои молитвы, полные искреннего раскаяния, могли достигнуть Его слуха.

После службы я подошел к имаму. Мы разговорились, и он сказал, что я хорошо сделал, что пришел сюда помолиться. Я был благодарен ему, он не отчитал меня, а позволил чувствовать себя здесь как дома.

— Я хотел спросить еще об одной вещи, о уважаемый.

— Слушаю.

— Сегодня я убил человека.

Он не выказал особого удивления. Несколько секунд он поглаживал свою длинную бороду.

— Расскажи мне, почему ты это сделал, — наконец произнес он.

Я рассказал ему о Яварски, о том, скольких он застрелил до приезда в город, об убийстве Шакнахая.

— Он был подлецом, — сказал я наконец, — но теперь я все равно чувствую себя преступником.

Имам положил руку на мое плечо.

— В суре о корове, — заговорил он, — говорится о возмездии за убийство. То, что ты сделал, в глазах Аллаха не преступление, а похвальное деяние.

Я поглядел старику в глаза. Он не просто старался меня успокоить и освободить от угрызений совести. Он цитировал священную Книгу в том виде, как она была явлена Пророку. Я знал упомянутую имамом суру Корана, но мне нужно было услышать это из уст уважаемого человека. Тут я почувствовал, что прощен, и едва не заплакал от благодарности.

Я вышел из мечети в противоречивом настроении: во мне все еще бушевала жажда мести Абу Адилю и Умм Саад, но в то же время я ощущал неописуемую радость и умиротворение. Перед тем как отправиться домой, я решил сделать еще одно дело.

Когда я вошел в клуб, Чири работала в вечернюю смену. Я сел на свое обычное место за стойкой.

— «Белую смерть»? — спросила она.

— Нет, — сказал я. — Я ненадолго, Чири. У тебя найдется соннеин?

Она удивленно поглядела на меня:

— Кажется, нет. Что это с твоей рукой?

— А паксиум есть? Или «красотки»? Она подперла подбородок ладонью.

— Дорогуша, а я думала, ты завязал с таблетками.

— Что за черт, Чири! — сказал я. — Не томи меня.

Она пошарила под прилавком и вытащила свою маленькую черную коробочку.

— Возьми, сколько нужно, Марид, — сказала она. — Наверное, ты знаешь, что делаешь.

— Конечно, — ответил я и взял полдюжины капсул й таблеток. Налив стакан воды, я проглотил все, даже не обратив внимания на их название.

Глава 17

Почти неделю я не занимался ничем серьезным, но мой ум опережал события, мчась, точно борзая на охоте. Я рисовал себе сотни способов отмщения Абу Адилю и Умару: я варил их в чане с едкой щелочью, я насылал на них чуму, по сравнению с которой их модди показались бы легким насморком; я нанимал отряды воинов ниндзя, которые, прокравшись бы в дом, медленно резали их на кусочки. Тем временем мое тело приобретало прежнюю силу, хотя никакие электронные ухищрения в мире не заставили бы сломанные кости срастаться быстрее.

Вынужденное безделье было бы мучительным, если бы не чудесная сиделка. Ясмин сжалилась надо мной. На совести Саида был рассказ о моих геройских приключениях. Теперь все в Будайене знали, как я в одиночку пошел арестовывать Яварски. Кроме этого им стало известно, что убийца был. настолько поражен моим моральным примером, что сразу принял ислам, и, пока мы вместе молились, Абу Адиль и Умар прокрались в дом и хотели убить меня, но Яварски заслонил меня собой и умер, спасая жизнь брата по вере.

У этой истории было продолжение, в котором Умару и Абу Адилю удалось взять меня в плен и отвезти в свой дворец, где они пытали меня, сделав запись модди без моего согласия, и заставляли подписывать пустые чеки и ложные контракты, пока Саид Халф-Хадж не ворвался и не освободил меня.

В любом случае, Ясмин была такой нежной и заботливой. Кажется, Кмузу ревновал меня к ней. Я не мог этого понять, ведь многие знаки внимания, оказываемые мне Ясмин, не входили в компетенцию Кмузу. Однажды утром я проснулся и увидел, что она сидит на мне верхом, поглаживая мне грудь. На ней абсолютно ничего не было, даже трусиков.

— Эй, — сонным голосом произнес я, — там, в больнице, медсестры никогда не раздевались.

— Просто у них больше опыта, — сказала Ясмин. — А я новичок в этом деле. Я до сих пор не уверена, правильно ли все делаю.

— Правильно, правильно, — ободрил я ее, и рука Ясмин переместилась ниже. Я уже почти проснулся.

— Поскольку тебе нельзя напрягаться, за тебя это буду делать я.

— Чудесно, — ответил я. Поглядел на нее и вспомнил, как я любил ее и какой замечательной была она в постели. Но перед тем как отдаться чувственным утехам, я предусмотрительно

поинтересовался: — А что, если войдет Кмузу?

— Он отправился в церковь. Кроме того, — озорно сказала Ясмин, — даже христианин должен рано или поздно узнать о сексе. Иначе откуда же возьмутся новые христиане?

— Видимо, миссионеры обратят в христианство язычников, — предположил я.

Но Ясмин не желала вести религиозную дискуссию. Она приподнялась и оседлала меня.

— Как давно мы не занимались с тобой любовью… — счастливо вздохнула моя подруга.

— Да… — ответил я и замолчал, мое внимание уже сосредоточилось на другом.

— Когда мои волосы отрастут, я снова смогу щекотать тебя ими, как тогда.

— Знаешь, — сказал я, тяжело дыша, — мне всегда хотелось попробовать…

Глаза Ясмин расширились.

— Только не мои волосы! — закричала она. Что ж, у каждого из нас свои предрассудки. Я просто не предполагал, что смогу изобрести нечто такое заковыристое, что шокировало бы Ясмин.

Не осмелюсь утверждать, что мы трахались все утро до тех пор, пока не пришел Кмузу. Надо сказать, что я довольно долгое время вообще ни с кем этим не занимался, и мы с Ясмин набросились друг на другу с новым пылом. Наши ощущения были недолгими, но очень интенсивными. После этого Мы молча лежали в объятиях друг друга. Я чуть было не заснул, но спохватился, вспомнив, что Ясмин не любит, когда я засыпаю рядом с ней.

— Ты бы хотел, чтобы я была высокой стройной блондинкой? — спросила она.

— У меня никогда не складывались отношения с настоящими женщинами.

— Тебе нравится Индихар, я знаю. Я видела, как ты на нее смотрел.

— Ты чокнутая. Она ничем не лучше других. Ясмин пожала плечами:

— Но ты же хотел, чтобы я была высокой блондинкой?

— Ты могла бы стать ею. Еще в бытность мальчиком ты могла бы попросить хирургов… Она зарылась лицом в мое плечо.

— Они сказали, что у меня не те данные, — тихо ответила Ясмин.

— Ты нравишься мне такой, какая ты сейчас, — ласково прошептал я. И добавил: — Даже с такими большими ступнями, каких я не видал ни у одной женщины.

Ясмин быстро вскочила. Ее не позабавила моя шутка:

— Ты хочешь, чтобы я сломала тебе вторую ключицу, бахим?

Понадобилось полчаса совместного пребывания под теплым душем, чтобы успокоить Ясмин. Я оделся и смотрел, как одевается и красится Ясмин. Сегодня она не опаздывала. На работу ей надо было не раньше восьми вечера.

— Потом зайдешь в клуб? — спросила она, поглядывая на мое отражение в зеркале над туалетным столиком.

— Конечно, — ответил я. — Нужно показаться там, чтобы мои служащие не чувствовали себя как на курорте.

Ясмин усмехнулась:

— У тебя нет служащих, дорогуша. Это у Чири есть. И всегда были.

— Знаю. — Мне уже хотелось быть хозяином. Вначале я стремился как можно скорее вернуть клуб Чири, но потом решил оставить на время все как есть, — мне нравилось, что передо мной заискивают Брэнди, Кэнди, Пуалани и другие девочки. С ними я чувствовал себя боссом.

Ясмин ушла, и я сел к столу. Мою старую квартиру отремонтировали и покрасили, и я опять жил в западном крыле на втором этаже. Жить несколько дней по соседству с матерью было довольно неприятно, даже после нашего неожиданного примирения. Я ощущал себя достаточно бодрым, чтобы снова заняться незавершенным делом Умм Саад и Абу Адиля.

Когда больше не оставалось причин откладывать дело в долгий ящик, я взял золотистый модди с записью Абу Адиля.

— Бисмиллах, — прошептал я и нерешительно включил его.

Можно поклясться жизнью Пророка, это было сумасшествие! У Одрана было чувство, словно он смотрит на мир из узкого туннеля ожесточенным и эгоистичным взглядом Абу Адиля. Абу Адиль сам решал, что хорошо, а что плохо. Остального для него просто не существовало.

Еще Одран почувствовал себя в состоянии сексуального возбуждения. Еще бы! Абу Адиль получал сек-

суальное удовлетворение мазохистским способом и от тиражирования собственной личности. Для этого существовал Умар, слишком глупый, чтобы понимать, что происходит. Когда Абу Адиль рассердится на визиря или он ему наскучит, Умара заменят другим, как это происходило много раз.

Но где же «Дело Феникса»? Что значат буквы «А.Л.М.»?

Электронная память услужливо подсказала: «Алиф», «Лам», «Мим».

Это не были начальные буквы каких-то слов. Это не был акроним. Они были взяты из корана. Многие суры Корана начинаются буквами алфавита. Никто не знает их значения.

Может быть, они служат указателями каких-то мистических фраз? Пли же они — инициалы переписчика? Теперь никто ничего не скажет.

Буквами «Алиф», «Лам, «Мим» начинались несколько сур. Одран сразу догадался, какая из них имеется в виду. Это была Тридцатая сура, называемая Римской, смысл которой заключался в следующем: «Аллах — это тот, кто создал и взрастил тебя, кто затем дарует тебе смерть и новую жизнь». Мне стало ясно, что, как и Фридлендер Бей, шейх Реда представлял себя на месте Господа Бога.

Кроме того, Одрану стало известно, что «Дело Феникса» с его списком ничего не подозревающих о своей возможной участи, записано на кобальтовой дискете, спрятанной в спальне Абу Адиля.

Одрану открылось еще многое. Когда он вспомнил про Умм Саад, память Абу Адиля подсказала ему, что она — не родственница Фридлендер Бея, а шпионка, согласившаяся следить за ним. В награду за это ей было обещано, что ее имя и имя ее сына будут вычеркнуты из списка в «Деле Феникса», у нее и ее сына больше не останется причин волноваться, что кому-то могут понадобиться их почки или легкие.

Еще Одран узнал, что Яварски наняла Умм Саад, а Абу Адиль принял американского киллера под свою защиту, Умм Саад привезла Яварски в город и передала ему приказ шейха Реда убить несколько человек из списка в «Деле Феникса». Таким образом, Умм Саад была отчасти виновна в смерти этих людей, а также в поджоге и в попытке отравления Фридлендер Бея.

Одрана затошнило, жуткое ощущение надвигавшегося безумия переполнило его. Он поднял руку и выдернул модди.

Я впервые попробовал модди, записанный с живого человека. Это было отвратительно, словно я прикоснулся к чему-то личному и грязному, только с той разницей, что с тела грязь можно смыть, сознание же — материя более уязвимая. И я поклялся, что с сегодняшнего дня буду пользоваться только литературными и вымышленными характерами.

Абу Адиль оказался более ненормальным, чем я предполагал. Кроме того, я кое-что выяснил, и мои подозрения подтвердились. К своему удивлению, я обнаружил, что мотивы Умм Саад мне вполне понятны. Будь я в этом списке, я бы пошел на все, лишь бы меня оттуда вычеркнули.

Хотелось предварительно поговорить с Кмузу, но он еще не вернулся из церкви. Тогда я решил навестить мать. Может, она расскажет мне еще что-нибудь напоследок.

Я пересек двор и вошел в левое крыло. Постучав в дверь, услышал:

— Иду! — Звякнул стакан, выдвинулся и вновь задвинулся ящик стола. — Иду!

Она открыла дверь, и сразу повеяло запахом Ирландского виски. В доме Папочки она была чрезвычайно осмотрительна, однако наверняка пила и принимала наркотики в тех же количествах, что и раньше. Просто она очень следила за собой и не появлялась в нетрезвом виде. — Мир тебе, о мать моя, — сказал я.

— И тебе того же, — ответила она, покачиваясь и прислоняясь к дверному косяку. — Решил навестить меня, о шейх?

— Да, мне надо поговорить с тобой. — Я подождал, пока она открыла дверь пошире, чтобы впустить меня. Войдя, я сел на кушетку, она разместилась напротив в уютном кресле.

— Извини, — сказала Эйнджел Монро, — мне нечем тебя угостить.

— Ничего страшного.

Выглядела она неплохо. Отказавшись от экзотических одеяний и диковинного макияжа, она сейчас больше походила на ту мать, чей образ я хранил в памяти. Волосы ее были гладко причесаны, одежда — в строгом стиле. Она скромно сидела в кресле, сложив руки на коленях. Я вспомнил слова Кмузу о том, что свою мать я судил строже, чем себя, но я простил ей все. Ведь она не причинила никому зла.

— Мама, — сказал я, — ты говорила, что, вернувшись в город, сделала ошибку, вновь поверив Абу Адилю. Я знаю — тебя сюда привез мой друг Саид.

— Тебе известно об этом? — забеспокоилась она.

— Я знаю и о «Деле Феникса». Почему ты согласилась шпионить за Фридлендер Беем?

Выражение ее лица удивило меня.

— А если бы тебе за это предложили вычеркнуть твою фамилию из этого проклятого списка, ты бы не шпионил? Кроме того, я не рассказала Абу Адилю ничего такого, что он мог бы использовать против Папочки. Я никому не причиняла вреда.

Именно это я и надеялся услышать. Абу Адиль использовал Умм Саад в тех же целях, что и мою мать. Только Умм Саад пыталась убить всех в доме, а моя мать стала искать у Фридлендер Бея защиты.

Я сделал вид, что не придаю ее признанию особого значения.

— Еще ты говорила, что хотела бы заниматься чем-нибудь полезным. Ты по-прежнему этого хочешь?

— Разумеется! — ответила она, недоверчиво глядя на меня, словно я уготовил ей ужасную участь замаливания грехов.

— Мне удалось накопить некоторую сумму, начал я, — и я решил поручить Кмузу разработать проект благотворительной кухни в Будайене. Я подумал, не захочешь ли ты помочь нам…

— Конечно же. — Она нахмурилась. С тем же энтузиазмом она отреагировала бы на предложение отрезать себе язык.

— Какие-нибудь проблемы? — спросил я.

И тут был поражен, увидев на ее глазах слезы.

— Знаешь, я не думала, что опущусь до такого. Я ведь еще достаточно привлекательна как женщина, как ты считаешь? Твой отец находил меня красивой, он все время твердил мне об этом. Я считаю, что, если бы у меня было что надеть — не это тряпье, которое я привезла из Алжира, — я могла бы еще кому-нибудь вскружить голову. Я же не должна оставаться до конца жизни одинокой, правда?

Мне не хотелось обсуждать с ней вопросы ее личной жизни.

— Ты еще вполне привлекательная женщина, мама.

— Вот возьму, — снова улыбнулась она, — и куплю себе мини-юбку и сапоги. Не смотри на меня так, я имею в виду очень изящную мини-юбку. Пятьдесят семь лет для нынешних времен не так уж много. Посмотри на Папочку.

Да уж, подумал я. Папочка сейчас лежал пластом на больничной койке, не в состоянии натянуть на себя одеяло.

— Сказать, чего я хочу еще? — мечтательно спросила она.

Я боялся и спрашивать.

— Да, а что?

— На рынке я видела портрет Умм Халтум, выполненный из сотен шляпок от гвоздей. Художник вбил их в большую доску и окрасил шляпки в разные цвета. Если подойти близко, ничего не разберешь, но отойдешь подальше и увидишь грандиозный портрет этой леди.

— Да, верно… — Я только что видел его на стене над изысканной и дорогой мебелью Фридлендер Бея.

— У меня тоже есть кое-какие денежки, — с таинственным видом произнесла она. Видимо, заметив мой удивленный взгляд, она добавила: — У меня есть свои секреты. Я много пожила, много повидала в жизни. Обзавелась и друзьями, и собственными капиталами. И не думай, что ты можешь распоряжаться моей жизнью только потому, что приютил меня. Захочу — и в любой момент соберусь и уеду.

— Мама, — заговорил я, — я вовсе не собираюсь помыкать тобою. Я просто подумал, что, может, ты не прочь заняться благотворительностью в Будайене. Вспомни, какими нищими были мы в прежние времена.

Она почти не слушала меня.

— Мы были бедными, Марид, — продолжала она, предаваясь весьма приукрашенным воспоминаниям о тех далеких временах, — но это были счастливые времена. — Она снова взглянула на меня, ее лицо стало грустным. — А теперь посмотри, какой я стала.

— Ну, мне пора, — сказал я, поднимаясь и направляясь к дверям. — Пусть тебе всегда сопутствует бодрость духа, мама.

— Ступай с миром, — напутствовала она, провожая меня до дверей. — И помни о том, что я сказала тебе.

Я не совсем понял, что она имела в виду. Даже в наши лучшие времена разговоры с матерью мало что мне давали. Они напоминали продвижение изощренным способом: шаг вперед и два назад. Но, по крайней мере, я был рад, что она отказалась от мысли вернуться в Алжир и заняться своей прежней работой. Видимо, я правильно ее понял. Насчет же ее желания вскружить кому-нибудь голову, я решил, что это скорее относится к сердечному влечению, а не к коммерческим планам. Обо всем этом я размышлял по дороге в свои апартаменты в левом крыле.

Кмузу уже вернулся и собирал грязное белье в стирку.

— Вам звонили, яа Сиди, — известил он меня.

— Сюда? — Меня удивило, почему не позвонили по моему личному номеру, ведь телефон я всегда носил на поясе.

— Да. Сообщения не оставили, но просили позвонить Махмуду. Номер телефона на вашем столе.

Возможно, меня ждали утешительные новости. Вначале я собирался заняться вторым из трех неотложных дел — Умм Саад, но решил, что она подождет. Я подошел к столу и назвал номер Махмуда. Он тут же ответил.

— Привет, Махмуд. Это я, Марид.

— Привет, у меня к тебе дело.

— Подожди, я сяду. — Придвинув стул, я уселся у телефона. На моем лице появилась злорадная усмешка, но с этим я ничего не мог поделать. — Итак, что у тебя?

После непродолжительной паузы Махмуд сказал:

— Насколько тебе известно, я был очень опечален смертью Иржи Шакнахая, да будет с ним благословение Аллаха.

В чем лично я сильно сомневался. Если даже я не предполагал, что Индихар замужем, то сомневаюсь, что об этом было известно Жаку, Махмуду и остальным. Кроме Чириги. Чири всегда была в курсе подобных дел.

— Это была трагедия всего города, — уклончиво сказал я.

— Это трагедия и для Индихар. Представляю себе ее горе. А бедность только усугубила ее положение. Я искренне сожалею, что предложил ей работать у себя. С моей стороны это было

бессердечным поступком.

— Индихар — истинная мусульманка, — ответил я ледяным тоном. — И потому вовсе не расположена развлекать тебя или кого-либо другого.

— Я знаю, Марид. Не надо так горячо за нее вступаться. Главное — она поняла, что всех своих детей прокормить не сможет. Ты упоминал о том, что Индихар хочет отдать одного ребенка приемным родителям.

Я ненавидел себя за это.

— Видимо, ты не знаешь, что в свое время моя мать была вынуждена продать моего младшего брата.

— Брось, Магреби! — сказал Махмуд. — Это не купля-продажа. Ведь торговля детьми запрещена. Мы не можем продолжать разговор в таком духе.

— Ладно. Назови это как хочешь. Ты нашел людей, готовых усыновить ребенка?

Махмуд помедлил с ответом.

— Не совсем, — выдавил он наконец. — Но я нашел посредника. Я знаю его давно и ручаюсь за его честность и молчание. Ведь такие дела требуют любви к людям и большого такта.

— Разумеется, — откликнулся я. — Все это чрезвычайно важно. Не стоит лишний раз тревожить сердце вдовы.

— Так вот, именно поэтому я его и рекомендую. Он немедленно подыщет ребенку любящих родителей, а вдове вручит солидную сумму, причем таким образом, что на них не падет и тени подозрения. Вот так он работает. Думаю, мистер Он — идеальное решение проблемы Индихар.

— Мистер Он?

— Его имя Он Чонг. Он китайский бизнесмен из Кансу. Когда-то я работал его агентом.

— Понятно. — Кровь ударила мне в виски, и я закрыл глаза. — Теперь о деньгах. Сколько платит мистер Он и получаешь ли ты проценты от сделки?

— За старшего он заплатит пятьсот киамов, за младшего триста. За девочку двести пятьдесят. За двух сразу он выплатит надбавку в двести киамов, а за трех — пятьсот. Мне положены десять процентов от сделки. Если ты договоришься с ней об оплате твоих услуг, бери процент от оставшейся суммы.

— Что ж, все справедливо. Большего Индихар и не ожидает.

— Я же говорил, что мистер Он — щедрый человек.

— В таком случае — что дальше? Встретимся где-нибудь или как?

Похоже, Махмуд, клюнул на удочку.

— Сначала мы должны осмотреть детей, чтобы убедиться в их пригодности для передачи приемным родителям. Ты не мог бы завести их через полчаса на Рафи-Бен-Гарсиа, семь?

— Хорошо Махмуд. До встречи. Передай Он Чонгу, чтобы захватил деньги, — Я отключил телефон. — Кмузу, — окликнул я раба, — закругляйся с бельем. Мы едем.

— Слушаюсь, яа Сиди. Подогнать машину?

— Да.

Поверх джинсов я накинул галлебейю, а в карман засунул статический пистолет. Я не доверял ни Махмуду, ни торговцу детьми.

Улица находилась в еврейском квартале, и дом сильно напоминал тот, который мы обследовали вместе с Шакнахаем. Стеклянная витрина была залеплена газетами.

— Подожди здесь, — бросил я Кмузу, вылез из машины и пошел к дому. Я постучал по стеклу; и через некоторое время из щели приоткрытой двери сверкнули глаза Махмуда.

— Это ты, Марид? — раздался его хриплый голос. — А где Индихар с детьми?

— Они в машине. Сначала мне надо поговорить.

— Входи. — Махмуд открыл дверь пошире, и я протиснулся мимо него. — Марид, познакомься: мистер Он.

Торговец детьми оказался низкорослым человечком со смугло-коричневой кожей и зубами такого же цвета. Он сидел на складном металлическом стуле за карточным столиком. На столике перед ним находился железный ящичек. Он взглянул на меня сквозь стекла очков в железной оправе. И этот тип не может позволить себе глаза фирмы «Никон»!

Я шагнул ему навстречу и протянул руку. Он Чонг, прищурясь, посмотрел на меня, но руки не подал. Через пару секунд я почувствовал себя идиотом и опустил руку.

— Ну как, — спросил Махмуд, — все в порядке?

Скажи ему, чтобы он открыл ящик.

— Я ничего не могу сказать мистеру Ону, — ответил Махмуд. — Он очень…

— Ничего, — сказал Он Чонг. — Взгляните. — И откинул металлическую крышку. В ящичке была такая увесистая пачка стокиамовых купюр, что на эти деньги, верно, можно было купить всех ребятишек в Будайене.

— Отлично, — сказал я, вынимая из кармана пистолет. — Руки за голову.

— Сволочь! — заорал Махмуд. — Это ограбление? Ты так просто не отделаешься. Мистер Он достанет тебя. Деньги не принесут тебе счастья: ты станешь трупом, не успев потратить ни

одного киама.

— Я полицейский, Махмуд, — с грустью произнес я. Закрыв ящичек, я передал его Махмуду. Я не мог одновременно нести деньги и держать пистолет. — Хайяр уже давно ищет Он Чонга. Даже продажный полицейский должен время от времени ловить парочку-другую настоящих преступников. Теперь его очередь.

Я повел их к машине. Пока Кмузу вел автомобиль, я держал этих мерзавцев на мушке. Вчетвером мы поднялись на третий этаж. Хайяр даже подскочил, увидев нашу компанию на пороге своего стеклянного кабинета.

— Лейтенант, — заявил я, — это Он Чонг, торговец детьми. Махмуд, поставь ящик с деньгами. Это вещественное доказательство, хотя не думаю, что оно доживет до завтрашнего дня.

— Ты не перестаешь удивлять меня, — сказал Хайяр. Он нажал кнопку на своем столе, вызывая дежурных.

— Эти двое — нечто вроде премии, — заметил я. Хайяр удивился донельзя. — Я же говорил, что у меня несколько дел. Остаются еще два: Умм Саад и Абу Адиль. А это — подарочек.

— Благодарю. Махмуд, ты свободен. — Лейтенант еще раз смерил меня взглядом, неодобрительно пожав плечами. — Думаешь, Папочка разрешит мне задержать его?

На сей раз Хайяр проявлял недюжинную следовательскую смекалку.

Махмуд испустил вздох облегчения.

— Я тебе это припомню, Магреби, — процедил он, проходя мимо. Его угрозы меня мало волновали.

— Между прочим, — сказал я Хайяру, — я ухожу из полиции. Если тебе нужен человек для регистрации дорожных происшествий, можешь поискать другого. И для раскрытия «зависших» дел тоже. Пусть другие копаются в вашей грязи, покрывая чужую халатность. Я здесь больше не работаю.

Хайяр ответил циничной усмешкой:

— Да, многие новички так реагируют на настоящую работу. Я думал, ты протянешь дольше, Одран.

Я отвесил ему звонкую пощечину. И еще одну — для равновесия. Хайяр изумленно уставился на меня, потирая пылающие щеки. Я повернулся и вышел из кабинета, Кмузу последовал за мной. Вокруг стояли копы, они все видели. И все они ухмылялись. Я тоже.

Глава 18

Кмузу, сказал я по дороге домой, — не пригласишь ли ты Умм Саад с нами пообедать?

Он покосился на меня. Вероятно, Кмузу решил, что я окончательно спятил, но предусмотрительно держал свое мнение при себе.

— Конечно, яа Сиди, — ответил он. — Накрыть в маленькой столовой?

— Ага. — Я смотрел, как за окном машины проплывают улицы христианского квартала, еще не зная в точности плана дальнейших действий.

— Надеюсь, вы правильно оцениваете силы этой женщины, — сказал Кмузу.

— Наверное. Она способна на многое. Однако, как мне кажется, психических отклонений у нее нет. Если я расскажу ей, что мне известно о «Деле Феникса» и о причинах ее появления в нашем доме, она поймет, что игра проиграна.

Кмузу постучал указательным пальцем по рулю.

— Если вам понадобится помощь, яа Сиди, я буду рядом. Вам нельзя действовать в одиночку, как тогда у шейха Реда.

Я улыбнулся:

— Спасибо, Кмузу, но не думаю, что Умм Саад настолько безумна, как выживший из ума Абу Адиль. И к тому же у нее нет такой власти, как у него. Мы просто пообедаем вдвоем. За себя я ручаюсь, иншаллах.

Кмузу еще раз задумчиво взглянул на меня, продолжая сосредоточенно вести автомобиль.

Мы подъехали к дому Фридлендер Бея, я поднялся наверх и переоделся. Надев белое длинное одеяние и белый кафтан, в карман которого переложил статический пистолет, я отключил дэдди, блокирующий боль. Особой надобности в нем уже не было, кроме того, на всякий случай у меня оставалась куча соннеинок. После отключения блокиратора, я немедленно ощутил пульсирующую боль во всем теле, особенно неприятно дергало плечевые суставы. Решив, что геройство в данном случае неуместно, я вытащил коробочку с таблетками.

Ожидая ответа Умм Саад на приглашение к обеду, я услышал призыв Папочкиного муэдзина к молитве. Со времени своего разговора в мечети на улице Сук-эль-Хемис я молился более или менее регулярно. Может, на принятые пять раз в день меня и не хватало, но зато я делал это более осмысленно, чем прежде. Я спустился в Папочкин кабинет. Там у него были коврик для

молитвы и вырубленный в стене михраб. Михраб — это полукруглое углубление в стене, обращенное в сторону Мекки; оно есть в каждой мечети. После омовения я развернул коврик, отстранил разум от суетных мыслей и обратился к Аллаху.

Когда я закончил молитву; вернулся Кмузу.

— Умм Саад ожидает в маленькой столовой.

— Спасибо.

Я скатал и убрал Папочкин коврик. Я был бодр и исполнен решимости. Прежде я считал, что подобные ощущения — временная иллюзия, вызываемая молитвенным состоянием. Но сейчас я был уверен, что моя прошлая теория ошибочна. Состояние было реальным.

— Благо, что вы вновь обрели веру, яа Сиди, — сказал Кмузу. — Когда-нибудь, если захотите, я расскажу вам о чуде Иисуса Христа.

— Мусульмане знают об Иисусе, — ответил я, — и чудеса, сотворенные им, для них не секрет.

Мы вошли в столовую, и я увидел Умм Саад и ее сына за столом на своих местах. Мальчика я не приглашал, но его присутствие не остановило бы меня от того, что я намеревался сделать.

— Приветствую вас, — объявил я, — и пусть Аллах сделает эти яства полезными для вашего здоровья.

— Спасибо, о шейх, — ответила Умм Саад. А как ваше здоровье?

— Слава Аллаху, превосходно.

Я сел, а Кмузу встал за спинкой моего стула. Я заметил, что в комнату вошел Хабиб (а может, это был Лабиб), в общем, один из Камней, свободный от дежурства в больнице. Мы с Умм Саад продолжили обмен любезностями, и вскоре служанка внесла поднос с тахини и соленой рыбой.

— У вас замечательный повар, — одобрила Умм Саад. — Я наслаждаюсь здешней пищей.

— Я рад, — сдержанно откликнулся я.

Появились новые блюда: холодный фаршированный виноград, тушеные артишоки, баклажаны, фаршированные сыром. Жестом я пригласил гостей угощаться.

Умм Саад навалила своему сыну с каждого блюда полную тарелку, а затем обратилась ко мне:

— Могу я поднести вам кофе, о шейх?

— Минутку, — ответил я. — Мне не хотелось бы, чтобы юный Саад бен Салах услышал то, что я собираюсь вам сказать, но, к сожалению, время для этого наступило. Я знаю о ваших делах с шейхом Реда и о том, что вы пытались убить Фридлендер Бея.

Знаю также, что вы приказали вашему сыну поджечь дом. Знаю об отравленных финиках.

Лицо Умм Саад побелело от ужаса. Только что положив в рот фаршированную виноградину, она выплюнула ее на тарелку.

— И что же вы сделали? — хрипло спросила она.

Я тоже взял виноградину и сунул ее в рот. Проглотив, я обронил:

— Вовсе не то, что вы подумали.

Саад бен Салах встал и двинулся ко мне. Его юное лицо было искажено ненавистью.

— Клянусь бородой Пророка! — закричал он. — Я не позволю вам в таком тоне говорить с моей матерью!

— Все что я сказал — правда. Разве не там, Умм Саад?

Глаза мальчика сверкнули гневом.

— Моя мать не имеет никакого отношения к пожару. Это была моя идея. Я ненавижу вас и Фридлендер Бея. Он мой дед и отрицает это. Он обрекает свою дочь страдать в нищете. Он заслуживает смерти.

Спокойно отхлебнув кофе, я отвечал:

— Не верю. Похвально с вашей стороны, Саад, взять вину на себя, но виновата здесь ваша мать, а не вы.

— Лжец! — завопила женщина.

Мальчик набросился на меня, но Кмузу встал на его пути. А сложением он был намного крепче Саада.

Я снова повернулся к Умм Саад:

— Чего я никак не могу понять, так это зачем вам понадобилось убивать Папочку. Вам-то какая выгода?

— Значит, вы не знаете всего, — вздохнула она с облегчением. Взгляд Умм Саад переметнулся с меня на Кмузу, который мертвой хваткой вцепился в ее чадо. — Шейх Реда обещал мне, что если я разузнаю планы Фридлендер Бея или устраню его единственного соперника, то он сделает меня законной наследницей шейха. Я стану хозяйкой поместья Фридлендер Бея и его капиталов, а политические дела предоставлю вести шейху Реда.

— Да уж, — сказал я. — И всего-то для этого надо: полностью положиться на Абу Адиля. А как долго вы намереваетесь прожить после того, как устраните Папочку? Ведь Абу Адиль хочет объединить под своим влиянием два самых могущественных дома в этом городе.

— Вы лжете! — Она встала и обернулась к Кмузу: — Отпусти моего сына!

Кмузу посмотрел на меня. Я отрицательно покачал головой.

Умм Саад вынула из сумки небольшой ручной игломет.

— Я сказала — отпусти моего сына!

— Леди, — вмешался я, поднимая обе руки и показывая, что оружия у меня нет, — вы проиграли. Уберите ствол. Если вы будете продолжать в том же духе, то никакой шейх Реда не спасет вас от мести Фридлендер Бея. Абу Адиль потерял всякий интерес к вам. Ваше положение безнадежно.

Она выстрелила несколько раз в потолок, чтобы доказать серьезность своих намерений.

— Освободите мальчика, — хрипло сказала она, — и дайте нам уйти.

— Не могу вам этого позволить, — отрезал я, — думаю, что Фридлендер Бей захочет…

Услышав близкое шипение, я понял, что на этот раз Умм Саад выстрелила в меня. Я глубоко вздохнул, ожидая почувствовать боль, которая укажет место ранения, но ничего не последовало. Умм Саад была настолько взволнована, что промахнулась даже на столь близком расстоянии.

Затем она вскинула было ствол на Кмузу, который не двигался с места, защищенный телом юного Саада, — и вновь повернулась ко мне. Но тут подоспел Говорящий Камень и резко ударил ее по запястью. Игломет выпал из руки Умм Саад. Говорящий Камень занес над ней тяжелый кулак.

— Нет! — закричал я, но было слишком поздно. Мощным ударом он сбил ее с ног. Умм Саад лежала на спине, шея ее была неестественно вывернута набок. Из уголка рта вытекла струйка крови. Я понял, что Камень убил ее одним ударом.

— Вот и номер второй, — прошептал я. Теперь я мог полностью переключиться на Абу Адиля и Умара, эту наивную игрушку в руках старика.

— Сын шакала! — вскричал мальчик. Он стал вырываться, и Кмузу выпустил его. Он наклонился над матерью и обнял ее. — Мама, мама… — безутешно рыдая, повторял он.

Мы с Кмузу подождали некоторое время. Наконец я вмешался:

— Саад, вставай.

Он поглядел на меня. В жизни в глазах человека я не видел столько злобы.

— Я убью тебя, — прошипел он. — Обещаю тебе. И всем вам.

— Вставай, Саад, — повторил я, — Жаль, что все так случилось, но сделанного уже не поправишь.

Кмузу положил руку ему на плечо, но мальчик стряхнул ее.

— Слушай, что тебе говорит мой хозяин, — посоветовал Кмузу.

— Нет, — ответил Саад, и его рука молниеносно метнулась к

игломету. Камень наступил ему на руку. Саад скорчился рядом с матерью, со стоном схватившись за запястье.

Кмузу наклонился и поднял оружие. Выпрямившись, он передал его мне.

— Что делать дальше, яа Сиди? — спросил он.

— С мальчиком? — Я задумчиво посмотрел на Саада. Я знал, что от него нельзя ждать ничего хорошего, но жалел его. Он был лишь заложником в сделке его матери с Абу Адилем, доверчивым простаком в его честолюбивых замыслах. Вряд ли сам Саад понимал это. Для него мать навсегда останется мученицей и жертвой несправедливости.

— Что с ним сделать? — спросил Кмузу, вторгаясь в мои мысли.

— Отпустите его. Он и так достаточно натерпелся.

Кмузу отступил, и Саад поднялся на ноги, прижимая к груди почерневшую руку.

— Я позабочусь обо всем необходимом для погребального обряда, — пообещал я.

Еще. раз его лицо исказила ненависть.

— Не трогайте ее! — закричал он. — Я похороню ее сам. — Спотыкаясь, он пятился к двери.

У самого выхода он обернулся. — Если проклятия сбываются, — срывающимся голосом проговорил он, — призываю их на вас и весь ваш дом. Я отплачу вам стократ за то, что вы сделали. Я клянусь троекратно жизнью Пророка Мухаммеда! — И он выбежал из столовой.

— Вы приобрели заклятого врага, яа Сиди! — заметил Кмузу.

— Знаю, — сказал я, покачав головой. — Но что я могу поделать?

На столике зазвонил телефон, и Камень взял трубку.

— Да? — сказал он. Послушав немного, он передал ее мне.

Я взял трубку.

Это был второй из Камней.

— Приезжайте, — лаконично сказал он. Я похолодел.

— Мы едем в больницу, — объявил я. Поглядев на тело Умм Саад, я заколебался.

Кмузу верно истолковал мое замешательство.

— Если вы считаете нужным, яа Сиди, Юсеф займется необходимыми приготовлениями.

— Да, конечно, — сказал я. — А вас обоих я беру с собой.

Кмузу кивнул, и мы вышли из столовой в сопровождении Лабиба — или Хабиба. Кмузу подогнал седан к крыльцу. Я забрался на заднее сиденье, предоставив Камню втискиваться на место рядом с водителем.

Кмузу мчался по улицам с такой же быстротой, как в свое время мой знакомый таксист Билл. Мы были у дверей палаты номер один как раз в тот момент, когда оттуда выходила медсестра.

— Ках состояние Фридлендер Бея? — спросил я, ожидая самого худшего.

— Он еще жив, — отвечала она. — Он в сознании, но не задерживайтесь у него долго. Его готовят к операции. В палате доктор.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Подождите меня здесь, — обернулся я к своим попутчикам.

— Хорошо, яа Сиди, — отозвался Кмузу. Камень не издал ни звука, бросив враждебный взгляд на раба.

Я вошел в палату. Там санитар брил Папочке голову, готовя его к операции. Рядом, волнуясь, стоял Тарик, Папочкин камердинер. Доктор Йеникнани и еще один врач сидели за столиком, что-то обсуждая вполголоса.

— Хвала Аллаху, вы пришли, — сказал камердинер. — Хозяин спрашивал вас.

— Что случилось, Тарик? — спросил я. Он хмурился, с трудом сдерживая слезы.

— Не знаю. Врачи, наверно, скажут. Идите поскорее к хозяину, пусть он видит, что вы здесь.

Я подошел к Папочке и посмотрел на него. Казалось, он дремлет. Лицо его стало неестественно серым; веки и губы почернели. Дыхание еле слышалось. Медбрат закончил бритье, и голый череп Папочки еще больше усилил его сходство с покойником.

Он открыл глаза и посмотрел на меня.

— Мы скучали по тебе, мой племянник, — сказал он. Его голос звучал еле слышно, как будто из-за спины.

— Пусть Аллах никогда не покинет тебя, о шейх, — сказал я, наклоняясь, чтобы поцеловать его в щеку.

— Ты должен сказать мне, — начал он, но задохнулся, не в силах закончить фразу.

— Слава Аллаху, все благополучно, — сказал я. — Умм Саад устранена. Мне осталось только поговорить с Абу Адилем по поводу заговора против тебя.

Его рот искривился:

— Ты будешь вознагражден за это. Как тебе удалось избавиться от женщины?

Хорошо бы он перестал, наконец, делить людей на должников и вознаграждаемых, подумал я.

— Я достал модификатор личности шейха Реда, — сказал

я. — Из него я почерпнул много полезных сведений.

Папочка перевел дыхание и с грустью проговорил:

— Значит, ты уже знаешь…

— О «Деле Феникса»? Конечно, о шейх. Мне известно, что ты творишь это недоброе дело вместе с Абу Адилем.

— Да. И теперь тебе известно, что я дед твоей матери. Что ты мой внук. Но знаешь ли ты, почему мы держали это в тайне?

Нет! До сего момента я не знал об этом, хотя и пользовался модди Абу Адиля. Меня давно уже перестал интересовать вопрос об отце и о нашем с Папочкой возможном родстве.

Значит, когда я спрашивал об этом мать, она вела себя дальновидно и осмотрительно. Конечно, она знала правду. Вот почему Папочка был так расстроен, когда я в тот раз выставил ее из дома! Вот почему его так раздражало присутствие Умм Саад: все, кроме меня, понимали, что с помощью Абу Адиля она пытается устранить законных наследников. Вдобавок Умм Саад использовала «Дело Феникса», шантажируя им Папочку. Сейчас я понимал, почему он так долго терпел ее в своем доме и поручил мне избавиться от нее.

С тех пор как указующий перст Фридлендер Бея избрал меня для своих целей, у меня появилось высокое предназначение. Был ли я избран для того, чтобы стать подневольным помощником и правой рукой Папочки? Или же для того, чтобы унаследовать богатство и власть, неотделимые от принимаемых им ежедневно страшных решений о чужой жизни и смерти?

Каким же я был идиотом, когда думал, что смогу так просто сбежать! Я стал не просто правой рукой Фридлендер Бея — я полностью принадлежал ему, его клеймо было намертво впечатано в мой генетический код. Я сник, осознав свою вечную зависимость от шейха, навсегда потеряв надежду на освобождение.

— Почему вы с матерью не сказали мне всей правды? — спросил я.

— Потому что ты у меня не один, сынок. В юности я успел стать отцом многих детей. Когда умер мой старший сын, ему было куда больше лет, чем тебе сейчас, а умер он в прошлом веке. У меня много внуков, и твоя мать — лишь из многих. А в твоем поколении потомков и вовсе невозможно сосчитать. Я не хотел, чтобы ты чувствовал себя единственным избранником и использовал родство со мной в личных целях. Я хотел убедиться, что ты достоин стать моим наследником.

Я воспринял его слова без должного энтузиазма. Мне он казался сумасшедшим, возомнившим себя Божеством. Он дарил мне свое благословение, словно подарок на именины. Папочка не

хотел, чтобы я использовал родство с ним «в личных целях»! Бог мой, что за ирония!

— Да, о шейх, — отозвался я наконец. Мне ничего не стойло казаться послушным. Ведь через несколько минут он будет лежать на операционном столе со вскрытым черепом. Тем не менее я не давал ему никаких обещаний.

— Ты должен помнить, — еле слышно прошептал он, — что у тебя много соперников — двоюродных братьев, которые могут навредить тебе.

Великолепно. Хоть какая-то перспектива:

— Значит, компьютерные записи, которые я искал…

— Часто менялись в течение многих лет. — Он слабо улыбнулся. — Не стоит доверять одной электронике. В конце концов, не наше дело доводить истину до народов мира. Разве ты не знаешь, сколь многолика бывает истина?

Чем дальше, тем больше вопросов у меня возникало.

— Значит, моим отцом был действительно Бернар Одран?

— Да. Матрос из Прованса. Хорошо, хоть это я знал наверняка.

— Прости меня, дорогой мой, — пробормотал Папочка. — Я не хотел открывать тебе правду о «Деле Феникса», и тебе нелегко пришлось с Умм Саад и Абу Адилем.

Я взял его за руку, она дрожала. — Не волнуйся, о шейх. Почти все неприятности позади.

— Мистер Одран… Я почувствовал на своем плече жесткую ладонь доктора Йеникнани. — Мы должны везти вашего патрона в операционную.

— Что с ним? Что вы собираетесь делать? Однако я понимал, что сейчас не время для дискуссий.

— Ваше предложение насчет отравленных фиников подтвердилось. В течение некоторого времени кто-то постоянно давал ему яд, основательно повредивший часть мозга, которая отвечает за дыхание, сердечный ритм и бодрствование. Если не принять срочных мер, вашего патрона ожидает необратимое коматозное состояние.

Во рту у меня пересохло, сердце бешено колотилось.

— Что вы намерены предпринять? — произнес я, задыхаясь.

Доктор Йеникнани посмотрел на свои руки.

— Доктор Лизан верит в возможность частичной трансплантации продолговатого мозга. Дело лишь за здоровой тканью от подходящего донора.

— И вы нашли такого донора? — Интересно» кого на этот раз выбрали из проклятого списка?

— Я не могу заранее обещать успешный исход, мистер Одран.

До нас эту операцию производили всего три или четыре раза, и то не в нашей части света. Но доктор Лизан верит в успех. Я ему буду ассистировать. На стороне вашего патрона — все наше профессиональное умение и молитвы преданных друзей.

Я молча кивнул, глядя, как два санитара перекладывают Фридлендер Бея с больничной постели на каталку.

— Еще кое-что… — послышался его хриплый шепот. — Ты дал приют в нашем доме вдове полицейского. Когда истекут четыре месяца траура, ты должен жениться на ней.

— Жениться на ней? — Я был так удивлен, что забыл о приличиях.

— А когда я поправлюсь, — он зевнул, с трудом удерживаясь от дремоты, вызванной воздействием лекарств, — как только я встану на ноги, мы отправимся в Мекку.

Этого я также не ожидал. Кажется, я даже застонал.

— В Мекку…

— Паломничество. — Папочка открыл глаза, словно что-то его встревожило — не предстоящая операция, нет! но невыполненные обязательства перед Аллахом. — Давно пора, — сказал шейх, и его увезли в операционную.

Глава 19

Я решил, что до встречи с Абу Адилем будет весьма предусмотрительно подождать, пока с моей руки снимут гипс. Ведь даже великий Салах Ад-Дин не смог отвоевать Иерусалим и изгнать франкских завоевателей с половиной своего войска. Я вовсе не хотел вступать в рукопашный бой с шейхом Реда и Умаром, но мне уже порядком досталось, чтобы впредь вести себя поосторожнее.

Постепенно все утряслось. Сначала были волнения из-за здоровья Фридлендер Бея, мы все за него молились. Он выжил. По словам доктора Лизана, операция прошла успешно, но Папочка все время спал, несколько суток подряд. Время от времени он просыпался и разговаривал с нами, хотя не совсем ясно представляя себе, кто мы и какой сейчас век.

Без Умм Саад и ее сына атмосфера в доме стала более жизнерадостной. Я занимался делами Папочки, улаживал городские споры. Махмуду я дал понять, что буду суров, но справедлив, и, кажется, он признал это. По крайней мере, не протестовал. Правда, его смирение могло быть показным — Махмуда трудно понять.

Пришлось мне заниматься и крупным международным скандалом. Новый диктатор Эритреи прибыл к нам с вопросом: что происходит в его собственной стране? Я занялся этим делом, и весьма успешно, благодаря Папочкиной электронной картотеке и знаниям Тарика и Юсефа о местонахождении архивных записей.

Поведение моей матери было то ли чрезмерно сдержанным, то ли откровенно глупым. Во время наших бесед мы искренне сожалели о том, что наши отношения столь неудачно сложились в прошлом, ведь мы чуть не перерезали друг другу глотки. Кмузу объяснил мне, что у детей нередко складываются такие взаимоотношения с родителями, особенно в некоторые возрастные периоды. Я принял его слова к сведению и больше по этому поводу не переживал.

Чирига получала неплохую прибыль, и мы оба остались довольны. Думаю, она радовалась бы еще больше, если бы я передал ей обратно клуб, но мне слишком понравилась роль босса. Я решил, что побуду в этой роли еще немного, — точно так же мне захотелось в прошлый раз побыть хозяином Кмузу.

Когда муэдзин призывал всех к молитве, я основательно молился, а по пятницам посещал мечеть. Репутация щедрого человека укрепилась за мной не только в Будайене, но и во всем городе. Где бы я ни появлялся, люди называли меня Марид Аль-

Амином. Я еще не совсем отвык от наркотиков: самочувствие мое еще не пришло в норму, и поэтому я не видел причины для лишних страданий.

Целый месяц после моего прощания с полицейским участком мне удалось наслаждаться тишиной и покоем. Но однажды утром, во вторник, как раз перед ленчем, раздался телефонный звонок.

— Мархаба, — ответил я.

— Да будет славен Аллах вовеки. Это Умар Абдул-Кави.

Несколько секунд я не мог произнести ни слова, борясь с приступом ярости.

— Какого черта тебе надо? — выдавил я наконец.

— Мой хозяин справляется о здоровье Фридлендер Бея. Я звоню, чтобы узнать, каково его состояние…

Я вскипел и даже не сразу сообразил, что ответить.

— Он себя чувствует прекрасно. Он отдыхает.

— А когда он вновь приступит к своим обязанностям? — Как же я ненавидел этот самодовольный голос!

— Я сказал, что он здоров. Ясно? А сейчас мне некогда, меня ждут дела.

— Минуточку, мистер Одран. — Его голос стал ханжески-льстивым. — Нам стало известно, что у вас находится нечто, принадлежащее шейху Реда…

Зная, о чем он ведет речь, я улыбнулся. Мне нравилось быть хозяином положения.

— Не знаю, о чем ты, Химар. — Что заставило меня оскорбить его? Вероятно, для него это слово прозвучало как пощечина.

— Модди, — ответил он. — Тот модди, будь он неладен.

Я помедлил, чтобы насладиться его унижением.

— Что за черт, — произнес я с притворным удивлением. — Ты все перепутал. Насколько я помню, тот модди у вас. Вспоминаешь, Химар? Ты надел на меня наручники и зверски избил, а после этого подключил ко мне модди и сделал запись. Она все еще нужна вам?

На другом конце провода повисло молчание. Верно, Умар не ожидал, что я заговорю про тот модди. Он не хотел о нем вспоминать. Однако на его чувства мне было наплевать. Я был на коне.

— Ну и как ты его использовал, ублюдок? — поинтересовался я. — Включаешь, когда твой полоумный старикашка ласкает тебя? Или как-ни-

будь иначе? Ну и как я, Химар? Не сравнить с Хани Пилар?

Я понял, что Он пытается совладать с собой.

— Может, мы сможем договориться об обмене? — наконец

спросил он. — Шейх Реда искренне желает уладить это дело. Он хочет вернуть свой модификатор личности. Я уверен, он отдаст вам вашу запись с солидным денежным вознаграждением в придачу.

— Деньги? — снова удивился я. — И сколько же?

— Не могу сказать точно, но думаю, что шейх Реда будет очень щедр. Он понимает, что причинил вам большие неприятности.

— Да, ты прав. Но сделка есть сделка. Сколько?

— Десять тысяч киамов, — сказал Умар.

Я знал, что, если не соглашусь, он. назовет более крупную сумму, но меня интересовали не деньги.

— Десять тысяч? — переспросил я таким тоном, словно цифра поразила меня.

— Да, — в голосе Умара вновь зазвучали самодовольные нотки. Он был готов заплатить за все. — Можем ли мы встретиться через час на нашей территории? Шейх Реда поручил передать вам, что в вашу честь устроен обед. Мы надеемся, что вы забудете прежние разногласия, шейх Марид. Шейх Реда и Фридлендер Бей должны наконец объединиться. А мы с вами станем друзьями. Вы согласны со мной?

— Нет Бога кроме Аллаха, — торжественно провозгласил я.

— Именем господина Каабы, — поклялся Умар. — Этот день станет памятным в нашей истории.

Я отключил телефон.

— Теперь все прояснилось, — пробормотал я, откидываясь на спинку стула. Трудно было предполагать, кто возьмет верх к концу этого дня, но, по крайней мере, обманчивое затишье миновало. Я еще не совсем спятил и поэтому захватил с собой во дворец Абу Адиля одного из Говорящих Камней, а также Кмузу и Саида. Что касается двух последних, то оба они в свое время служили у шейха Реда, и у них были с ним старые счеты. Мое приглашение разделить компанию они приняли весьма охотно.

— Я хочу загладить свою вину перед тобой, — добавил при этом Халф-Хадж.

Я оторвался от оружия, которым был занят в данный момент.

— Но ты уже сделал это.

— Нет, — сказал он. — Нет, я все еще чувствую себя твоим должником.

— У арабов есть пословица, — задумчиво произнес Кмузу. — Когда обещаешь — выполняй обещание, когда угрожаешь — не выполняй угрозы, но прощай. То же самое, что у христиан подставить другую щеку.

— Это верно, — отозвался я, — но люди, строящие свою

жизнь по пословицам, теряют массу времени на всякую ерунду.

— Расквитаться — вот лучшее завершение дела, — вот мой лозунг.

— Я не советовал вам отступать, яа Сиди. Я просто высказал чисто филологическое наблюдение.

Саид раздраженно взглянул на Кмузу.

— Ты еще должен отплатить Абу Адилю за того большого лысого парня, — напомнил он.

Дорога во дворец Абу Адиля в Хамидийе оказалась неожиданно приятной. Мы болтали и смеялись, будто на пикнике. Я не чувствовал страха, несмотря на то, что у меня не было ни модификатора, ни дэдди. Саид говорил без умолку, в обычной легкомысленной манере, за которую и получил свое прозвище.

Кмузу вел машину, но время от времени тоже вставлял словечко-другое в общий разговор. Хабиб (или Лабиб, не знаю) сидел рядом с Саидом на заднем сиденье и, как всегда, молчал.

Охрана немедленно пропустила нас, и мы поехали по незабываемому ландшафту поместья Абу Адиля.

— Один момент, — сказал я, пока привратник Камаль отпирал тяжелую резную дверь. Я еще раз проверил, заряжен ли мой статический пистолет, и заодно передал небольшой револьвер Халф-Хаджу. У Кмузу была винтовка-игломет, некогда принадлежавшая Умм Саад. Камень же не нуждался ни в каком оружии, кроме собственных рук. Я в нетерпении прищелкнул языком.

— В чем дело, яа Сиди? — спросил Кмузу.

— Решаю, что бы такой мне включить сегодня… — Я покопался в коробочке с модди и дэдди и решил, наконец, остановиться на Королевском, а модди Абу Адиля захватить с собой. Еще я включил добавочные дэдди, блокирующие боль и страх.

— Когда все это закончится, — задумчиво произнес Саид, — ты вернешь мне Королевский? Мне его очень не хватает.

— Конечно, — согласился я, хотя сам получал ни с чем не сравнимое удовольствие от этого модификатора. Без него Саид не походил на самого себя. На этот раз я дал ему антологию. Интересно было посмотреть, как Майк Хаммер врежет Абу Адилю.

— Мы должны быть настороже, — предупредил Кмузу, — и не дать им усыпить нашу бдительность. Предательство в традициях шейха Реда.

— Спасибо, — сказал я. — Твоего предостережения не забуду по гроб жизни.

Мы вчетвером выбрались из машины и направились по

выложенной плиткой дорожке к дому. Был теплый денек, и солнце ласково согревало мое лицо. Я был одет в белую галлебейю, а голову мне обтягивала вязаная алжирская шапочка. Это была весьма скромная одежда.

Мы проследовали за Камнем в зал на втором этаже. Когда мы проходили студию записи Абу Адиля, меня передернуло. Чтобы снять напряжение, я несколько раз глубоко вдохнул. Когда дворецкий впустил нас к хозяину дома, я уже обрел прежнюю уверенность в себе.

Абу Адиль и Умар сидели на больших подушках, расположенных полукрутом в центре комнаты. В середине на возвышении уже стояли несколько больших чаш с едой, кофейники и чайники.

Хозяева встали поприветствовать нас. Я сразу же заметил, что ни у одного из них не было встроенной электроники. Ко мне с широкой улыбкой подошел Абу Адиль. Он обнял меня и радостно сказал:

— Ахлан ва сахлан! — Что значило: «Приветствую тебя, угощайся!»

— Рад снова видеть тебя, о шейх. Пусть Аллах укажет тебе истинный путь.

Абу Адиль был доволен уже тем, что в поведении моем не было открытого вызова. Однако его встревожило то обстоятельство, что я взял с собой Кмузу, Сайда и Камня.

— Прошу тебя омыть пыль и грязь с твоих рук, — сказал он. — Разреши предложить тебе воды. И твоим рабам, разумеется.

— Осторожнее, дружище, — прорычал Саид под воздействием модди Майка Хаммера. — Я не раб.

— Конечно, конечно, — проговорил Абу Адиль, не теряя своей расположенности.

Мы устроились на подушках и обменялись еще несколькими традиционными комплиментами. Умар налил мне чашку кофе, и, принимая ее, я пожелал:

— Пусть стол твой всегда будет полон яств.

— Да продлит Аллах твою жизнь, — ответил Умар. Он не был в столь же радушном настроении, как и его босс.

Мы отведали ото всех блюд понемногу и мирно побеседовали. Единственным диссонансом прозвучало замечание Халф-Хаджа, выплюнувшего косточку оливки со словами:

— И это все, что у вас припасено?

Лицо шейха Реда вытянулось. Я с трудом удержался от смеха.

— Итак, — через некоторое время произнес Абу Адиль, — если не возражаете, перейдем к делу.

— Разумеется, о шейх, — охотно откликнулся я. — Горю

желанием завершить нашу сделку.

— В таком случае верни модификатор личности, который ты унес из этого дома. — Умар передал ему небольшую виниловую сумочку, Абу Адиль открыл ее. Там лежали толстые пачки десятикиамовых банкнотов.

— Я хочу попросить еще кое-что, — сказал я.

Лицо Умара помрачнело.

— Ты идиот, если думаешь, что сейчас можешь расторгнуть сделку. Мы уговорились на десяти тысячах киамов.

Я проигнорировал это невежливое замечание и повернулся к Абу Адилю:

— Я хочу, чтобы ты уничтожил «Дело Феникса». Абу Адиль довольно захохотал:

— Ты удивительной человек. Я это знал заранее, потому что никогда не расставался с этим. — И он показал мне модди, записанный в тот злосчастный день. — «Дело Феникса» — мое спасение. Только благодаря ему я дожил до столь преклонного возраста. Вне всякого сомнения, оно мне снова понадобится. С ним я могу прожить еще сотню лет.

— Мне очень жаль, шейх Реда, — сказал я, доставая статический пистолет, — но я настроен решительно. — Я взглянул на своих друзей. В их руках тоже было оружие.

— Хватит глупостей, — переполошился Умар. — Вы пришли сюда, чтобы обменяться модификаторами. Давайте покончим с этим, а все остальное — в руках Аллаха.

Я целился в Абу Адиля, не забывая при этом пить кофе из чашечки.

— У тебя превосходная еда, о шейх, — сказал я, отставив чашку. — Я хочу, чтобы ты уничтожил «Дело Феникса». Я включал твой модди и знаю,

где оно находится. Кмузу и Саид присмотрят за тобой, а я тем временем пойду и достану его. Абу Адиль и глазом не моргнул.

— Ты блефуешь, — уверенно сказал он, разводя руки в стороны. — Если ты включал мой модди, то должен знать, что существуют копии. Модди может подсказать, где находится одна или две копии, но только Умар знает об остальных. Тебе не найти их.

— Черт, — воскликнул Халф-Хадж, — спорю, что смогу заставить его заговорить!

— Не стоит, Саид, — сказал я, понимая, что Абу Адиль прав.

Мы зашли в тупик. Уничтожить копию здесь, распечатку там ни к чему не приведет. Нам не уничтожить саму идею «Деда Феникса», ведь Абу Адиль никогда не согласится от нее отказаться.

Кмузу наклонился ко мне:

— Вы должны убедить его отказаться от этой идеи, яа Сиди.

— А как?

— Не знаю.

У меня оставался последний козырь. Не хотелось, правда, его использовать. Если он не поможет, Абу Адиль выиграет, и я никогда не смогу защитить свои интересы и интересы Фридлендер Бея. Но делать было нечего.

— Шейх Реда! — медленно и отчетливо проговорил я. — В твоем модди было много всякого.

Я узнал потрясающие вещи о твоих делах и о том, что ты замышляешь.

Абу Адиль впервые за все время выказал беспокойство.

— О чем ты говоришь? — неуверенно спросил он.

— Тебе, конечно, известно, что ортодоксальные религиозные лидеры не одобряют внутричерепные имплантаты. Я не знаю ни одного имама, который подвергся бы подобной операции. Поэтому ни один из них не сможет включить твой модди и узнать все непосредственно. Но я разговаривал с шейхом Аль Хаем Мухаммадом ибн Абдурахманом, из мечети Шималь.

Абу Адиль уставился на меня широко раскрытыми глазами. Мечеть Шималь была одной из самых больших в городе. Суждения, высказанные ее авторитетами, часто обретали силу закона.

Конечно, я блефовал. Я даже не переступал порога мечети Шималь. Имя имама, разумеется, я только что придумал.

— Что же ты рассказал ему? — Голос шейха Реда дрогнул.

Я усмехнулся:

— Подррбно описал все твои старые грехи и преступления, которые ты собираешься совершить. В этом деле есть одна тонкость. Трудно сказать, сможет ли модификатор реально существующей личности служить доказательством в суде Шариата. Мы-то знаем, что может. Ведь он надежнее любого детектора лжи. Однако имамы, да благословит Аллах их праведные души, до сих пор ведут дебаты. Может пройти еще немало времени, прежде чем они примут закон. Но тогда уже может быть поздно, и ты окажешься в большой беде.

Я подождал, пока до него дойдет смысл сказанного. Всю эту вполне правдоподобную историю я придумал только что. Ведь ислам вполне мог растеряться перед подобным вопросом, как и перед любым другим, имеющим отношение к какому-нибудь техническому новшеству. К примеру, как соотносится наука о дополнительных возможностях человеческого мозга с учением Пророка Мухаммеда, да будет с ним мир и благословение Аллаха.

Абу Адиль беспокойно заерзал на своей подушке. Вероятно, он выбирал из двух зол меньшее: уничтожить ли «Дело Феникса» или предстать перед суровыми представителями Посланника Бога. Наконец он облегченно вздохнул.

— Вот мое решение, — сказал он. — Предлагаю вместо себя Умара Абдул-Кави.

Я засмеялся. Умар издал отчаянный вопль.

— Он-то нам на что сдался? — недоуменно вопросил Халф-Хадж.

Ты, верно, уже знаешь, что Умар лично занимался многими неблаговидными делами, — продолжал Абу Адиль. — Его вина не меньше моей. Но у меня есть власть и влияние. Конечно, этого недостаточно, чтобы сдержать гнев исламской городской общины, но, может быть, достаточно, чтобы переключить этот гнев на кого-нибудь другого.

Я сделал вид, что обдумываю его предложение.

— Да, — задумчиво проговорил я. — Им было бы трудно осудить тебя.

— Но совсем не трудно осудить Умара. — Шейх Реда посмотрел на своего помощника. — Мне очень жаль, мой мальчик, но ты сам виноват. Мне все известно о твоих замыслах. Из модди шейха Марида я узнал о твоем разговоре с ним, в котором ты предложил ему избавиться от меня и Фридлендер Бея, и о том, как он отверг твое предложение.

Лицо Умара смертельно побледнело.

— Но я не собирался…

Абу Адиль не сердился; казалось, он был искренне опечален.

— Думаешь, ты первый попал в такую пеpeг делку? Где все твои предшественники, Умар? Где они, честолюбивые юноши, занимавшие твою должность на протяжении полутора веков? Почти все они что-нибудь замышляли против меня. Это случалось всегда: рано или поздно. А теперь их нет, и имена их позабыты. То же самое ждет и тебя. — Абу Адиль скорбно склонил голову.

— Видишь, Химар, — засмеялся Саид. — Не рой другому яму — сам в нее попадешь.

Абу Адиль, казалось, расстроился:

— Мне будет не хватать тебя, Умар. Я любил тебя, как сына.

Было жутко интересно наблюдать происходящее. Я радовался, что все получилось так, как я хотел. На ум пришла строчка из американского романа: «Если ты потерял сына — есть надежда, что у тебя будет другой сын, но мальтийский сокол бывает раз в жизни».

Умар думал иначе. Он подскочил к Абу Адилю и закричал:

— Прежде я убью тебя! Всех вас!

Саид выстрелил, прежде чем Умар успел схватиться за свое оружие. Умар свалился, содрогаясь в конвульсиях, с лицом, искаженным болью. Наконец он затих. Несколько часов он пролежит без сознания, а потом очнется, но еще долгое время самочувствие у него будет прескверное.

— Вот это да! — всплеснул руками Халф-Хадж. — Оказывается, с ним можно справиться.

Абу Адиль вздохнул:

— Не так я собирался провести сегодняшний день.

— В самом деле? — спросил я.

— Признаюсь, я недооценил тебя. Ты хочешь забрать его?

Я вовсе не хотел обременять себя Умаром, ведь на самом деле никакого разговора с имамом не было.

— Нет; — отказался я. — Оставь его себе.

— Ты можешь быть уверен, что правосудие свершится, — заверил меня шейх Реда. При этом он бросил на злоумышленника взгляд столь суровый, что я чуть было не пожалел Умара.

— Правосудие, — вспомнил я вторую арабскую пословицу, — это когда все возвращается на свое место. Я прошу отдать мне мой модди.

— Пожалуйста. — Он протянул мне модди, перегнувшись через безжизненное тело Умара Абдул-Кави. — И деньги.

— Денег не надо. Но я оставлю у себя твой модди, чтобы не сомневаться в твоей готовности сотрудничать со мной.

— Как знаешь, — грустно ответствовал он. — Но я не могу отказаться от «Дела Феникса».

И тут мне в голову пришла идея:

— Еще одна просьба, шейх.

— Да? — Он недоверчиво посмотрел на меня.

— Я хочу, чтобы из списка были вычеркнуты имена моих друзей и родственников.

— Конечно, конечно… — Абу Адиль был явно обрадован тем, что моя просьба легко выполнима. — Я буду рад помочь. Пришли мне список этих людей.

Позже, по пути к машине, Кмузу и Саид поздравляли меня.

— Полная победа! — воскликнул Халф-Хадж.

— Нет, — ответил я. — Если бы! Это проклятое «Дело» все еще у Папочки и Абу Адиля, даже если из него уберут несколько имен. У меня такое чувство, словно я обменял жизни невинных людей на жизни своих знакомых. Будто бы я сказал Абу Адилю: «Не трогай моих людей, а на других мне наплевать».

— Вы достигли почти всего возможного, яа Сиди, — сказал Кмузу. — Вы должны благодарить Бога за то, что вам удалось.

— Вероятно, это так. — Я отключил Королевский и бросил

его Саиду. Ухмыльнувшись, он поймал модди на лету.

Мы ехали домой; Кмузу с Саидом, обсуждали подробности случившегося. Я молчал, погруженный в невеселые мысли. Сам не знаю почему, я чувствовал себя побежденным. Словно бы я совершил неблаговидную сделку и знал, что она станет не последней в моей жизни.

Ночью я проснулся от того, что кто-то открыл дверь моей спальни. Я поднял голову и увидел женщину. На ней была лишь короткая шелковая комбинация.

Она откинула одеяло и легла рядом со мной, погладила меня по щеке и поцеловала. Но что это был за поцелуй!

С меня сразу слетел весь сон.

— Я подкупила Кмузу, чтобы он впустил меня, — прошептала она. С удивлением я узнал Индихар.

— Да? И чем же ты его подкупила?

— Я сказала ему, что отвлеку тебя от мрачных мыслей.

— Ему известно, что для этого у меня есть таблетки и электроника. — Я повернулся на бок, чтобы видеть ее лицо. — Индихар, зачем ты пришла? Ведь ты сказала, что не собираешься спать со мною.

— Я изменила свое решение. — В голосе ее не было радости. — И вот я здесь. Я долго думала, правильно ли я себя вела после… после смерти Иржи.

— Да смилуется над ним Аллах, — пробормотал я, обняв Индихар. Хотя она пыталась казаться мужественной, вскоре я понял, что она плачет.

— Ты сделал так много, для меня и моих детей.

— Так ты поэтому пришла? Чтобы поблагодарить?

— Да, — ответила она. — Я твоя должница.

— Ты ведь не влюблена в меня, Индихар?

— Марид, — сказала она, — не обижайся на меня. Ты мне нравишься, но…

— Но на этом все кончается. Послушай, я не думаю, что оставаться здесь вдвоем — отличная идея. Ты еще раньше говорила, что не собираешься со мной спать, и я понял твои чувства.

— Папочка хочет, чтобы мы поженились. — В голосе ее чувствовалось раздражение.

— Он считает, что иначе нам не пристало находиться вдвоем в его доме. Даже если мы не спим друг с другом.

— Я не выйду за тебя, Марид, несмотря на то, что моим детям нужен отец и ты им нравишься. И пусть Папочка говорит что угодно.

Я всегда считал, что женитьба — это то, что может случиться

с другим, но не со мной — как, например, автокатастрофа. У меня были обязанности по отношению к вдове и детям Шакнахая, и если уж мне суждено было жениться, жены лучше Индихар мне не сыскать. Но все же…

— Думаю, Папочка позабудет об этом, как только выйдет из больницы.

— Ты так считаешь? — сказала Индихар, поцеловала меня еще раз, как сестра, в щеку, неслышно выбралась из моей постели и удалилась к себе.

Я чувствовал себя предателем. Даже успокоив ее, в глубине души я не был уверен, что Фридлендер Бей забудет о своем решении. Тут же возникла мысль о Ясмин: захочет ли она встречаться со мной после моей женитьбы на Индихар?

Заснуть я уже не мог, ворочаясь с боку на бок, сбивая простыни В итоге я выбрался из постели и отправился в кабинет. Сел в уютное кожаное кресло и взял Мудрого Советника. Несколько секунд я смотрел на него, размышляя, смогу ли понять смысл всего происходящего.

— Бисмиллах, — прошептал я и включил модди.

Одран очутился в покинутом городе. Он бродил по узким улочкам — усталый, умирающий от голода и жажды. Спустя некоторое время он свернул за угол и оказался на большой рыночной площади. Палатки торговцев были пусты, на них не лежали товары. Одран понял, где он. Он снова оказался в Алжире.

— Эй! — закричал он, но ответа не было. Он вспомнил старинное присловье: «Я пришел туда, где родился, и спросил: где же друзья моих юных лет? Где они? И эхо повторило: «Где они?»

Одран заплакал от невыносимой печали и одиночества. И тогда он услышал человеческий голос. Он обернулся и увидел Посланника Бога.

— Шейх Марид, — сказал Пророк, да будет с ним мир и благословение Аллаха, — разве я не друг твоей юности?

И тогда Одран улыбнулся: — Яа Хазрат, разве найдется в мире такой человек, который не искал бы твоей дружбы? Но мое сердце так переполнено любовью к Аллаху, что в нем нет места для любви и ненависти.

— Если это так, — ответствовал Пророк Мухаммед, — тогда я благословляю тебя. Вспомни, о чем говорит этот стих: «Ты никогда не достигнешь врат святости, если не откажешься от того, что любишь больше всего на свете». Что же ты любишь больше всего, о шейх?

Я пришел в себя, но на этот раз со мной не было Иржи Шакнахая, чтобы растолковать мне увиденное. Я подумал: какой же ответ я дам на вопрос Пророка й что я в самом деле ценю

больше всего: комфорт, развлечения, свободу? Я не смог бы отказаться ни от того, ни от другого, ни от третьего. Правда, моя жизнь у Фридлендер Бея и так исключала понятие свободы.

Но до утра я мог ни о чем не думать. Сейчас у меня была одна задача — как скоротать эту ночь. И я полез за своей коробочкой с таблетками.

ПОЦЕЛУЙ ИЗГНАНИЯ

Глава 1

Твой поцелуй,
Как лишенье, сладок,
Как изгнанье, долог.
«Кориолан»

Пусть в чужих краях дождь падает серебром и золотом, а дома — кинжалами и камнями, и все же дома лучше.
Малайская поговорка

Я никогда не думал, что меня могут похитить. С чего бы меня похищать? Тот день начинался вполне невинно. Я резко проснулся перед самым рассветом, благодаря экспериментальному модулю, который вставлял в свою переднюю розетку. Эта штучка дает мне гораздо больше сил и способностей, чем имеется у простых смертных. Насколько я знаю, я единственный человек с двумя розетками.

Один из этих модиков будит меня в любое нужное мне время. Я научился использовать его вместе с другим, который более чем успешно удаляет из моего тела алкоголь и наркотики. Поэтому я никогда не просыпаюсь с похмелья или в дурном самочувствии. В прошлом от моего похмелья многим доставалось, и я поклялся, что больше не позволю такому случаться.

Я взял полотенце, подстриг свою рыжую бороду и оделся в дорогую джеллабу цвета песка. На дел на голову вязаную белую шапочку, какие носят у нас в Алжире. Я был голоден, и мой раб Кмузу, как обычно, приготовил мне поесть, но мы условились встретиться за завтраком с Фридландер-Беем. Это будет после утреннего призыва к молитве, стало быть, у меня около получаса свободного времени. Я прошел из западного крыла огромного дома Фридландер-Бея в восточное и тихонько постучал в покои жены.

Индихар открыла. На ней было белое атласное платье — мой подарок. Ее каштановые волосы были стянуты на затылке тугим узлом. Карие глаза Индихар сузились.

— Желаю тебе доброго утра, муж, — сказала она. Она не слишком-то мне обрадовалась.

Младший ребенок, четырехлетний Хаким, вцепился в ее подол и заплакал. Я слышал, как в другой комнате вопят друг на друга Джирджи и Захра. Сенальды, нанятой мной валенсианской служанки, нигде видно не было. Я взял на себя содержание этой семьи, поскольку чувствовал себя отчасти виноватым в смерти мужа Индихар. Папа — Фридландер-Бей — решил, что для достижения столь выгодной цели и во избежание слухов я должен

жениться на Индихар и формально усыновить трех ее детей. Но, честно говоря, я не помню, чтобы Папу когда-либо заботили слухи.

Несмотря на то что я отказался напрямую, а Индихар чувствовала себя оскорбленной, мы стали мужем и женой. Папа всегда добивается своего. Не так давно Фридландер-Бей взял меня за шкирку, стряхнул с меня пыль и превратил меня из мелкого жулика в воротилу городского преступного мира.

Итак, теперь Хаким официально считался моим сыном, как бы неприятно мне это ни было. Раньше мне никогда не приходилось иметь дела с детьми, я просто не знал, как себя вести. Но уж поверьте мне, они вам это сами скажут. Я поднял мальчишку и улыбнулся. Его физиономия была перемазана желе.

— Ну, и что же ты плачешь, о разумный? — спросил я. Хаким остановился — только для того, чтобы набрать в грудь побольше воздуха и зареветь еще громче.

Индихар нетерпеливо фыркнула.

— Прошу тебя, муж, — сказала она, — не пытайся вести себя как старший брат. У него уже есть один — Джирджи. — Она взяла Хакима и поставила его на пол.

— Я и не пытаюсь быть ему старшим братом.

— Тогда и не пытайся быть ему другом. Ему не нужен друг. Ему нужен отец.

— Верно, — ответил я. — Тогда скажи мне, что должен делать отец, и я сделаю.

Несколько недель я изо всех сил пытался ей угодить, но Индихар только усложняла мою задачу. Мне это начинало надоедать.

Она невесело рассмеялась и, цыкнув на Хакима, отправила его назад, в комнаты.

— Никак, для этого посещения имеется важная причина, муж? — спросила она.

— Индихар, если бы ты перестала на меня злиться, мы, может быть, смогли бы уладить дело. Я хочу сказать, неужели тебе так плохо?

— А почему ты не спросишь Кмузу, каково ему? — спросила она. Она так и не пригласила меня в комнаты.

Мне надоело стоять в холле, и я протиснулся мимо нее в гостиную. Сел на кушетку. Несколько мгновений Индихар в ярости смотрела на меня, затем вздохнула и села в кресло напротив.

— Я уже все объяснил тебе раньше, — сказал я. — Я не просил от Папы таких подарков, как мои имплантаты, бар Чириги и Кмузу.

— Я тоже, — сказала она.

— Да, и ты тоже. Он пытается лишить меня всех моих друзей. Он не хочет, чтобы у меня сохранились хоть какие-то привязанности.

— Ты мог бы просто воспротивиться этому, муж. Разве ты никогда не думал об этом?

Если бы это было так просто!

— Когда мне модифицировали мозг, — сказал я, — Фридландер-Бей заплатил врачам, чтобы мне вживили провод в центр наказаний.

— Наказаний? Не удовольствий?

Я печально улыбнулся:

— Если бы провод вживили в центр удовольствий, то я, вероятно, был бы уже мертв. Такое всегда случается. И я бы долго не протянул.

Индихар нахмурилась:

— Я что-то не поняла. Почему центр наказаний? С чего это тебе захотелось…

Я остановил ее, подняв руку.

— Эх, да не мне этого захотелось! Папа это сделал без моего ведома. У него куча маленьких электронных штучек, которые могут стимулировать мои болевые центры на расстоянии. Так он держит меня в повиновении. — Хотя я и узнал недавно, что он дед моей матери, но от этого не стал относиться к нему лучше, раз он отказывается говорить со мной о моей свободе.

Она вздрогнула:

— Я не знала об этом, муж.

— Я мало кому рассказывал. Но с тех пор Папа постоянно стоит у меня за спиной и в любой момент готов нажать кнопку боли, если что-нибудь придется ему не по нраву.

— Значит, и ты невольник, — сказала Индихар. — Ты его раб, так же как и все мы.

Я не счел нужным отвечать. Что касается меня, то тут случай был особый, поскольку во мне текла кровь Фридландер-Бея, и я чувствовал себя обязанным пытаться полюбить его. В этом я пока не преуспел. Мне трудно было сжиться в первую очередь именно с чувством, и Папа мне эту задачу не облегчал.

Индихар протянула мне руку, и я взял ее. Впервые со дня нашей свадьбы она хоть в чем-то посочувствовала мне. Я увидел, что ее ладони и пальцы до сих пор сохранили бледный желто-оранжевый цвет — в день свадьбы подруги окрасили ей руки хной. Это была очень необычная церемония, поскольку Папа заявил: жениться не на девушке — ниже моего достоинства. Но Индихар была вдовой с тремя детьми, и потому он объявил ее

почетной девственницей. Никто не смеялся.

Сама свадьба была смесью городских обычаев и традиций родной египетской деревушки Индихар. Она представляла собой потуги на бракосочетание юной девственницы и молодого многообещающего магрибинца. Фридландер-Бей заявил, что не обязательно звать на торжество семью Индихар, родственников могут заменить ее будайинские друзья.

— Конечно, нам придется обойтись без ритуального испытания, — сказала Индихар.

— Что это такое? — спросил я. Я все боялся, что в последнюю минуту мне придется пройти что-то вроде письменного теста, который я должен был знать еще со времени полового созревания.

— В некоторых отсталых мусульманских странах, — объяснил Фридландер-Бей, — в брачную ночь невесту уводят от гостей в опочивальню. Женщины из обоих семейств кладут ее на постель и держат. Муж оборачивает указательный палец белым полотном и вводит его для того, чтобы определить, девственна невеста или нет. Если на полотне остаются пятна крови, то муж передает его отцу невесты, который потом ходит среди гостей и размахивает им на палке, чтобы все видели.

— Но мы же живем в семнадцатом веке Хиджры! — ошеломленно сказал я.

Индихар пожала плечами:

— Но это миг великой гордости для родителей невесты. Это доказательство того, что они вырастили дочь девственную и ценную. Когда я в первый раз выходила замуж, я плакала от унижения, пока не услышала поздравления и радостные крики гостей. Тогда я поняла, что брак мой благословен и что в глазах жителей деревни я стала женщиной.

— Как ты и сказала, дочь моя, — сказал Фридландер-Бей, — в данном случае такое испытание не понадобится.

Папа мог рассуждать здраво, когда ничего от этого не терял.

Я купил для Индихар прекрасный свадебный обруч из золота и традиционное золотое украшение. Чири, моя не слишком молчаливая подружка, помогла мне выбрать подарок в одном из дорогих магазинов в восточной части бульвара аль-Джамаль, где делают покупки европейцы. Это была брошь — золотая ящерка, инкрустированная изумрудами, с рубиновыми глазками. Она обошлась мне в двенадцать тысяч киамов, и это была самая дорогая вещица из тех, что я когда-либо покупал. Я подарил ее Индихар в утро нашей свадьбы. Она открыла атласную коробочку, несколько мгновений рассматривала изумрудную ящерку, затем сказала:

— Благодарю тебя, Марид.

Больше она никогда о ней не вспоминала, и я не видел, чтобы она ее носила.

Индихар была небогата даже до того, как ее муж был убит. Она принесла мне в приданое только скромный набор домашней утвари и немногие личные вещи. Ее вклад не имел большого значения, поскольку, работая совместно с Папой, я разбогател. Сумма, которая была записана в нашем брачном контракте как дар невесте, была такой, какую Индихар не видела во всю свою жизнь. Две трети этой суммы я выдал ей наличными. Третья часть перейдет ей в руки в случае нашего развода.

Во время свадьбы я просто оделся в свою лучшую белую галабейю, но Индихар пришлось перенести гораздо больше. Чири, ее лучшая подруга, помогла ей подготовиться к торжеству. Рано утром они удалили волосы с рук и ног Индихар, покрыв ее кожу смесью лимонного сока с сахаром. Когда смесь подсохла, Чири ее счистила. Никогда не забуду, как волшебно свежо и сладко пахла в тот вечер Индихар. Я до сих пор ловлю себя на том, что аромат лимона возбуждает меня.

Когда Индихар закончила одеваться и наложила скромный макияж, мы с ней сели, чтобы сделать официальные свадебные голографии. Мы выглядели не слишком счастливыми. Оба мы понимали, что это только называется свадьбой и что наш брак продержится лишь до смерти Фридландер-Бея. Голограф сыпал вульгарными шуточками насчет свадебной ночи и медового месяца, но мы с Индихар смотрели на часы, считая минуты до того мгновения, когда кончится эта пытка.

Церемония проходила в большом зале дома Отца. Там были сотни гостей: одни были нашими друзьями, другие — мрачные, молчаливые люди — стояли, сдерживая толпу, и бдительно наблюдали. Моим шафером был Полу-Хадж, который ради этого случая прибыл без единого модика, что для него было просто невероятно. Здесь было большинство владельцев клубов Будайина, а также наши знакомые девушки, сексобмены и гетеросеки, равно как и такие известные всему Будайину личности, как Лайла, Фуад и водила Билл. Это мог бы быть по-настоящему веселый праздник, если бы мы с Индихар любили друг друга и больше всего на свете хотели бы пожениться.

Мы сидели перед шейхом в голубом тюрбане, который вел мусульманскую брачную церемонию. Индихар, в своем белом атласном платье и белой вуали, с благоухающим букетом, была прелестна. Сначала шейх призвал благословение Аллаха и прочел выдержку из первой суры благородного Корана. Затем он спросил Индихар, согласна ли она выйти замуж. Тут наступила короткая

пауза, и мне показалось, что ее глаза полны сожаления.

— Да, — спокойно ответила она.

Мы соединили наши правые руки, и шейх покрыл их белым платком. Индихар повторила вслед за шейхом слова, говорящие о том, что она выходит за меня замуж по доброй воле, за брачный дар в семьдесят пять тысяч киамов.

— Повторяй за мной, Марид Одран, — сказал шейх. — «Я принимаю твое согласие выйти за меня замуж и принимаю на себя заботу о тебе и обязуюсь защищать тебя. Да будут все присутствующие свидетелями сего».

Чтобы обряд считался совершенным, мне пришлось повторить это трижды. Шейх закончил обряд, прочитав еще немного из святого Корана. Он благословил нас и наш брак. В зале на миг воцарилось молчание, затем женщины издали пронзительный, возбужденный загарет.

Потом, конечно, была вечеринка, и я пил и делал вид, что счастлив. Было много угощения, много гостей, гости дарили нам деньги и подарки. Индихар ушла рано под предлогом того, что ей надо уложить детей, хотя для этого имелась Сенальда. Вскоре и я покинул торжество: вернулся в свои покои, заглотил семь таблеток соннеина и лег в постель, закрыв глаза.

Я был женат. Я стал мужем. Опиаты начали действовать, и я подумал, как прекрасна была Индихар. Мне захотелось хотя бы поцеловать ее.

Вот и все, что я помнил о нашей свадьбе. Теперь, когда я сидел в гостиной, я спрашивал себя о том, в чем же на самом деле состоят мои обязанности.

— Ты хорошо обходился со мной и с моими детьми, — сказала Индихар. — Ты был очень щедр, и мне следует быть тебе благодарной. Прости мое поведение, муж.

— Не за что, Индихар, — сказал я и встал. Она сказала о детях, и это напомнило мне, что они в любой момент могут влететь в гостиную с воплями и болтовней. Я хотел уйти, пока была такая возможность.

— Если тебе что-нибудь нужно, спроси Кмузу или Тарика.

— У нас все есть. — Она снизу вверх посмотрела на меня и отвернулась. Мне было трудно определить, что она чувствует.

Мне стало неловко.

— Тогда я ухожу. Доброго тебе утра.

— Да будет приятен твой день, муж.

Я пошел к двери, но, прежде чем уйти, обернулся, чтобы еще раз посмотреть на нее. Она казалась такой печальной и одинокой.

— Да ниспошлет тебе покой Аллах, — пробормотал я и закрыл дверь.

У меня еще оставалось достаточно времени, чтобы дойти до маленькой столовой рядом с кабинетом Фридландер-Бея, где мы завтракали всегда, когда он желал поговорить со мною о делах. Когда я вошел, он уже сидел на своем месте. За ним по обе стороны стояли два молчаливых гиганта — Хабиб и Лябиб. Они все еще смотрели на меня с подозрением, как будто спустя столько дней я все еще мог выхватить нож и броситься на Папу, чтобы перерезать ему глотку.

— Доброе утро, племянник, — торжественно сказал Фридландер-Бей. — Как самочувствие?

— Ежечасно благодарю Аллаха, — ответил я.

Я сел за стол напротив него и принялся накладывать еду себе в тарелку.

Папа был одет в бледно-голубую рубашку с длинными рукавами и в коричневые шерстяные брюки. На голове его была красная феска. Он два или три дня не брился, и его лицо покрыла серая щетина. Он недавно вышел из больницы несильно потерял в весе. Щеки его ввалились и руки дрожали. Однако это не повлияло на остроту его ума.

— У тебя нет никого на примете, кто мог бы помочь в осуществлении нашего проекта цифровой связи, дорогой мой? — спросил он, покончив с шутками и перейдя прямо к делу.

— Думаю, да, о шейх. Это мой друг Жак Дево.

— Этот марокканский юнец? Христианин?

— Да, — сказал я. — Хотя я не уверен, что могу доверять ему полностью.

Папа кивнул:

— Это хорошо, что ты так думаешь. Неразумно верить кому бы то ни было, пока тот не прошел проверку. Мы еще поговорим об этом, когда я услышу оценку компаний.

— Да, о шейх.

Я внимательно смотрел, как он очищает яблоко серебряным ножом.

— Тебе говорили, что сегодня вечером будет собрание, племянник? — спросил он.

Да, я был приглашен на прием во дворец шейха Махали, эмира города.

— Я испугался, узнав, что принц обратил на меня внимание, — сказал я. Папа коротко улыбнулся мне:

— Это приглашение больше, чем просто одобрение твоей недавней свадьбы. Эмир сказал, что не может допустить вражды между мной и шейхом Реда Абу Адилем.

— А, понимаю. И сегодняшний прием станет попыткой эмира примирить вас?

— Его тщетной попыткой. — Фридландер-Бей нахмурился, рассматривая яблоко, затем яростно проткнул его ножом и отодвинул. — Мира между мной и шейхом Реда никогда не будет. Это просто невозможно. Но я понимаю, что эмир в трудном положении — когда князья воюют, гибнут крестьяне.

Я улыбнулся:

— Вы хотите сказать, что вы и шейх Реда — князья, а принц города — крестьянин?

— Да разве ему сравниться с нами силой? Он правит только этим городом, а мы — всей нацией.

Я снова сел в кресло и уставился на него:

— Вы ожидаете нового нападения этой ночью, о дед мой?

Фридландер-Бей задумчиво потер верхнюю губу.

— Нет, — медленно ответил он, — не сегодня, пока мы под защитой принца. Шейх Реда не так глуп. Но это будет скоро, племянник мой. Очень скоро.

— Я буду настороже, — сказал я, вставая и прощаясь со стариком. Меньше всего на свете мне хотелось бы услышать, что мы замешаны в очередную интригу.

После обеда я принял делегацию из Каппадокии, которая хотела, чтобы Фридландер-Бей помог им объявить свою независимость от Анатолии и провозгласить народную республику. Большинство людей думали, что Папа и Абу Адиль сделали себе состояние, торгуя пороком, но это было не совсем так. Это правда, что они были ответственны почти за всю незаконную деятельность в городе, но в первую очередь она выражалась в том, что они давали работу своим бесчисленным родственникам, союзникам и друзьям. На самом деле источником богатства Папы было то, что он знал о малейших изменениях в расстановке национальных сил в нашей части мира. Во времена, когда средний срок жизни новой страны короче, чем жизнь одного поколения ее граждан, кто-то должен хранить порядок посреди политического хаоса. В этом и заключались Дорогостоящие услуги, которые оказывали Фридландер-Бей и шейх Реда. Один режим сменял другой, а они помнили, где раньше проходили границы, кто был там налогоплательщиком, где кто зарыт — буквально и фигурально. Когда одно правительство уступало место своему последователю, Папа или шейх Реда вмешивались, чтобы сделать переходный период более мягким, и отхватывали себе по большому куску.

Все это казалось мне заманчивым, и я был счастлив, что Папа заставил меня работать в этой области, а не курировать прибыльные, но в целом нудные криминальные предприятия. Мой прадед учил меня с бесконечным терпением и приказал Тарику и

Юссефу оказывать мне любую необходимую помощь. Когда я впервые пришел в дом Фридландер-Бея, я думал, что они всего лишь слуга и дворецкий, но теперь я понимал, что они знают о происходящем в верхах исламского мира больше, чем кто-либо, за исключением самого Фридландер-Бея.

Когда, наконец, каппадокийцы откланялись, я увидел, что до приема у эмира, где ожидали нас с Папой, оставалось немногим более полутора часов.

Кмузу помог мне выбрать подходящую одежду. Прошло уже некоторое время с тех пор, как я в последний раз надевал свои старые джинсы, ботинки и рабочую рубаху. Я успел привыкнуть к традиционной арабской одежде. Некоторые из жителей города одевались в деловые костюмы евроамериканского стиля, но я никогда не чувствовал себя в них удобно. В доме Отца я привык носить галабейю, поскольку я знал, что он предпочитает эту одежду. Кроме того, под свободным одеянием мне было проще прятать статический пистолет, а под кафией, арабским головным убором, я скрывал свои имплантаты, вид которых оскорблял некоторых консервативных мусульман. Потому я оделся в безупречно белую галабейю, подходящую для новобрачного, а сверху накинул царственно голубое, отделанное золотом одеяние. Я был обут в удобные сандалии, к поясу был привешен церемониальный кинжал, а на голове моей была простая белая кафия, перевязанная черным шнуром акаль.

— Ты очень хорошо смотришься, ***йа Сиди***, — сказал Кмузу.

— Надеюсь, — ответил я. — Прежде мне никогда не приходилось встречаться с принцами.

— Ты доказал, что ты человек достойный, и эта репутация уже наверняка известна эмиру. Тебе незачем смущаться в его присутствии.

Кмузу было легко говорить. Я последний раз бросил взгляд на свое отражение, и то, что я увидел, не особенно впечатлило меня.

— Марид Одран, Защитник Угнетенных, — с сомнением сказал я. — Да, ты прав.

Затем мы спустились по лестнице к Фридландер-Бею.

Лимузин Папы вел Тарик, и мы прибыли во дворец эмира вовремя. Нам показали путь в танцевальную залу. Мне предложили прилечь на подушки на почетном месте, по правую руку шейха Махали. Фридландер-Бей и прочие гости рассаживались поудобнее. Я был представлен многим богатым и влиятельным людям города.

— Прошу вас, освежитесь, — сказал эмир.

Слуга подал поднос, уставленный чашечками крепкого кофе с

кардамоном и корицей, и высокими стаканами с охлажденным фруктовым соком. Алкогольных напитков не было, поскольку шейх Махали был глубоко религиозным человеком.

— Да длится ваш пир вечно, — сказал я. — Ваше гостеприимство славится по всему городу, о шейх.

— Радость и празднество! — ответил он, польщенный.

Мы поговорили с полчаса, пока слуги не начали разносить блюда с овощами и жареным мясом. Эмир приказал наготовить впятеро больше еды, чем мы могли поглотить. Изящным, усыпанным драгоценными камнями ножом он отрезал мне отборнейшие куски. Всю жизнь я не доверял богатым и власть имущим, но, несмотря на это, принц мне понравился.

Он налил себе чашечку кофе, а другую предложил мне.

— Мы живем в городе полукровок, — говорил он, — и здесь так много группировок и партий, что мне все время приходится проверять свои суждения. Я изучаю методы мусульманских правителей прошлого. Только сегодня я прочел чудесную историю об Ибн Сауде, который правил объединенной Аравией, что некоторое время носила имя его семьи. Ему тоже приходилось принимать быстрые и умные решения по трудным вопросам. Однажды, когда Ибн Сауд посетил лагерь кочевого племени, к нему с воплем бросилась женщина и припала к его ногам. Она потребовала, чтобы убийца ее мужа был предан смерти.

«Как был убит твой муж?» — спросил владыка.

Женщина ответила: «Убийца забрался высоко на финиковую пальму, чтобы набрать плодов. Мой муж сидел под тем деревом и думал о своих делах. Убийца не сумел удержаться на дереве и упал на него, сломав моему мужу шею. Теперь он мертв, а я — несчастная вдова, и нет у меня средств, чтобы помочь моим осиротевшим детям!»

Ибн Сауд задумчиво потер подбородок.

«Ты считаешь, что этот человек нарочно упал на твоего мужа?» — спросил он.

«Да какая разница? Так или иначе, мой муж мертв!»

«Хорошо; что ты изберешь: честную плату за кровь или смерть этого человека?»

«Согласно Истинному Пути жизнь убийцы принадлежит мне».

Ибн Сауд пожал плечами. Он не мог противиться подобной настойчивости, но сказал женщине: «Тогда он должен умереть, причем так же, как умер твой муж. Приказываю, чтобы этого человека крепко привязали к стволу финиковой пальмы. Ты заберешься на эту пальму и спрыгнешь вниз, чтобы убить его. — Владыка помолчал и посмотрел на собравшихся вокруг родичей

этой женщины и ее соседей. — Или ты все же выберешь честную плату за кровь?» Женщина помедлила мгновение, взяла деньги и ушла.

Я громко рассмеялся над анекдотом шейха Махали, остальные гости захлопали в ладоши. На какое-то время я совершенно забыл, что он эмир города, а я — всего лишь я.

Вечер утратил свою приятность при помпезном появлении Реда Абу Адиля. Он появился с шумом, приветствуя гостей так, словно это он, а не эмир, был здесь хозяином всего. Он был одет почти так же, как я, включая кафию, которая, как я знал, скрывала его собственный имплантат. За Реда Абу Адилем тащился молодой человек, вероятно, его новый административный помощник — и любовник. У молодого человека были короткие белокурые волосы, очки в проволочной оправе и тонкие бескровные губы. Он был в белой льняной сорочке по щиколотку, поверх которой была надета шелковая спортивная куртка, сшитая у дорогого портного, на ногах — голубые войлочные шлепанцы. Абу Адиль обвел комнату взглядом и с отвращением посмотрел на каждого из гостей. Отвращение сменилось радостью, когда он увидел нас с Фридландер-Беем.

— Мои старые друзья! — воскликнул он, пройдя через зал и подняв Папу. Они обнялись, хотя Папа не сказал ни слова. Затем шейх Реда повернулся ко мне: — А вот и счастливый новобрачный!

Я не встал, что было открытым оскорблением, однако Абу Адиль сделал вид, что не заметил этого.

— Я принес тебе замечательный подарок! — сказал он, оглядываясь кругом, чтобы удостовериться в том, что все на нас смотрят. — Кеннет, передай его молодому человеку.

Белокурый парень мгновение оценивающе смотрел на меня. Затем он сунул руку в карман и вынул оттуда конверт. Он взял его двумя пальцами и протянул мне, но не подошел ближе, чтобы я мог его взять. Возможно, он счел, что таким образом бросает мне какой-то вызов.

Я не поддался. Просто подошел к нему и взял конверт. Он посмотрел на меня, слегка скривив губы и подняв брови, словно говорил: «Позже разберемся». Мне захотелось швырнуть конвертом в его глупую физиономию, но вовремя вспомнил, где я и кто на меня смотрит. Поэтому я разорвал конверт и вынул оттуда сложенный листок бумаги. Я прочел, но совершенно ничего не смог понять. Прочел снова, однако понял не больше, чем в первый раз.

— Не знаю, что и сказать, — ответил я. Шейх Реда

рассмеялся:

— Я знал, что тебе понравится!

Затем он медленно повернулся: так, чтобы его слова могли легко расслышать остальные.

— Я использовал свое влияние на чаушей, чтобы получить назначение для Марида Одрана. Теперь он офицер городской армии!

Чауши были неофициальным подразделением правого толка, а я раньше подвизался в правом движении. Они любили одеваться в серую форму и маршировать по улицам. Изначально их задачей была очистка города от чужаков. Со временем, когда большинство военизированных группировок стали жить на деньги таких людей, как Реда Абу Адиль, который сам приехал в город только в молодости, задачи чаушей изменились. Казалось, теперь их целью стало преследование врагов Абу Адиля — будь то чужаки или здешние.

— Не знаю, что и сказать, — снова повторил я.

Такой поступок был необычным для шейха Реда, и, клянусь жизнью, я не мог понять, почему он так сделал. Однако если хорошо знать шейха Реда, можно ожидать, что все это вскоре прояснится и ничего хорошего не выйдет.

— Все наши старинные разногласия улажены, — радостно сказал Абу Адиль. — Отныне мы будем друзьями и союзниками. Мы должны трудиться вместе, для того чтобы улучшить жизнь бедных феллахов, которые от нас зависят.

Гостям это понравилось, и они захлопали в ладоши. Я глянул на Фридландер-Бея, который только слегка пожал плечами мне в ответ. Нам было ясно, что у Абу Адиля зародился новый замысел, и сейчас на наших глазах он и осуществляется.

— Я хочу выпить за жениха, — сказал, вставая, шейх Махали. — И за окончание вражды между Фридландер-Беем и Реда Абу Адилем. Я известен среди своего народа как человек чести, и я пытался править этим городом мудро и справедливо. Мир между вами сделает мою задачу проще. — Он поднял свою чашечку с кофе, прочие встали и последовали его примеру. Для всех, кроме нас с Папой, это единение должно было показаться многообещающим. Но я чувствовал только, что глубоко в душе нарастает ощущение опасности.

Остаток вечера был, как я понимаю, приятным. Через некоторое время я до отвала наелся и напился кофе и на много дней вперед наговорился с богатыми иностранцами. Абу Адиль больше не вертелся у нас под ногами, но я замечал, что его белокурый дружок, Кеннет, все время смотрит на меня и качает головой.

Я сумел высидеть еще немного, затем мне стало скучно, и я ушел. Я наслаждался изысканными садами шейха Махали, глубоко вдыхал напоенный ароматом цветов воздух и потягивал ледяной шербет. В официальной резиденции эмира полным ходом шло веселье, но я устал от гостей. Они представляли собой два типа людей — тех, которых я никогда прежде не встречал и с которыми мне почти не о чем было говорить, и людей, которых я знал и с которыми встречаться не хотел бы.

На этом празднестве не было женщин, и, хоть номинально это было торжество по поводу моей женитьбы, даже Индихар не была приглашена. Я приехал с Кмузу, Фридландер-Беем, с шофером Тариком и двумя гигантами-телохранителями, Хабибом и Лябибом. Тарик, Кмузу и Говорящие Булыжники пили вместе с прочими слугами в отдельном здании, которое также служило эмирским гаражом и конюшней.

— Если ты желаешь вернуться домой, племянник, — сказал Фридландер-Бей, — то мы можем попросить у нашего хозяина разрешения откланяться.

Папа всегда называл меня племянником, хотя еше до нашей первой встречи он должен был знать о том, кем мы на самом деле приходимся друг другу.

— Я сыт развлечениями, о шейх, — ответил я.

В самом деле, я уже четверть часа следил за метеоритным дождем в безоблачном небе.

— Я тоже. И очень устал. Дай мне опереться на твою руку.

— Конечно, о шейх.

Он всегда был крепким мужчиной, но был уже стар, его возраст приближался к двухсотому дню рождения. К тому же за несколько месяцев до этого кто-то пытался его убить, и ему пришлось пережить множество сложных нейрохирургических операций, чтобы восстановить здоровье. Он еще не полностью оправился и все еще плохо держался на ногах.

Вместе мы поднялись из роскошных садов и прошли по вздымающемуся арками коридору к мягко освещенному залу. Увидев нас, эмир поднялся и выступил вперед, раскрыв объятия Фридландер-Бею.

— Вы оказали моему дому великую честь, о блистательный! — сказал он.

Я стоял в стороне, оставив Папе совершать все формальности. У меня было такое чувство, что этот прием стал чем-то вроде встречи двух влиятельных людей, а торжество в честь моей женитьбы не имело никакого отношения к их тайным переговорам.

— Пусть длится твой пир вечно, о эмир! — сказал Папа.

— Благодарю вас, о мудрый, — ответил шейх Махали. — Неужели вы нас покидаете?

— Уже за полночь, а я стар. После моего ухода вы, молодые, сможете повеселиться по-настоящему.

Эмир рассмеялся:

— Вы уносите с собой нашу любовь, о шейх. — Он наклонился и расцеловал Фридландер-Бея в обе щеки. — Идите с миром.

— Да продлит Аллах ваши дни, — ответил Папа.

Шейх Махали повернулся ко мне.

— ***Киф у басат!*** — сказал он. Это означает: «Доброго здоровья и радости», и вкратце выражает отношение города к жизни.

— Благодарим вас за гостеприимство, — сказал я, — и за честь, которую вы нам оказали.

Казалось, эмир доволен моими словами.

— Да благословит вас Аллах, молодой человек, — сказал он.

— Да будет с вами мир, о эмир.

Мы отступили на несколько шагов, затем повернулись и вышли в ночь.

Эмир и прочие гости надарили мне целую кучу подарков. Они все еще лежали для всеобщего осмотрения в зале. На следующий день их соберут и передадут Фридландер-Бею. Когда мы с Папой вышли в теплый ночной воздух, я чувствовал себя вполне сытым и довольным. Мы снова прошли по садам, и я восхищался заботливо ухоженными деревьями и их мерцающими отражениями в пруду. Над водой раздавался тихий смех, я слышал шум фонтанов, но больше ничто не тревожило ночной тишины.

Лимузин Папы стоял в гараже шейха Махали. Мы уже пересекали поросший травой двор, когда вспыхнули фары. Старинная машина — одна из немногих в городе, с двигателями внутреннего сгорания — медленно подъехала к нам. Стекло водителя медленно скользнуло вниз, и я с удивлением увидел, что за рулем сидит не Тарик, а Хаджар, нечистый на руку лейтенант полиции, заведовавший делами в Будайине.

— В машину, — сказал он. — Оба.

Я посмотрел на Фридландер-Бея. Тот лишь пожал плечами. Мы сели. Хаджар, видимо, думал, что мы у него под контролем. Папа с виду ничуть не был взволнован, хотя напротив нас на откидном сиденье устроился здоровенный тип с иглометом.

— Что все это значит, Хаджар?

— Я беру вас обоих под стражу, — сказал коп. Он нажал кнопку, и между ним и пассажирским салоном поднялось стекло.

Папа и я остались наедине с головорезом, который, видимо, не был склонен к разговорам.

— Спокойно, — сказал Папа.

— Разве это не рука Абу Адиля? — спросил я.

— Возможно. — Он пожал плечами. — Все разъяснится, если на то будет воля Аллаха.

Я не мог унять раздражения — терпеть не мог быть беспомощным. Фридландер-Бей был пленником в собственном лимузине, в руках копа, который получал деньги и от Отца, и от его главного соперника, Реда Абу Адиля! Мне свело внутренности. В течение нескольких минут я повторял, какие именно разумные и героические действия должен буду предпринять, когда Хаджар снова выпустит нас. Затем, пока машина мчалась по извилистым узким улочкам города, я попытался найти какой-нибудь ключ к происходившему.

Вскоре боль в животе стала по-настоящему сильной, и я пожалел, что не взял с собой аптечки. Папа предупредил меня, что принести в дом к эмиру аптечку будет серьезным нарушением этикета. Вот чего стоит мне респектабельность. Меня похитили, и малейшее неудобство причиняло мне страдания.

В кармане моей галабейи был небольшой набор модиков. Один из них делал великое дело — блокировал боль, но мне не хотелось бы узнать, что сделает этот бандюга, если я попытаюсь залезть в карман. И я не стал бы счастливее, если бы услышал, что дела вскоре пойдут еще хуже, прежде чем все повернется к лучшему.

Примерно через полчаса лимузин остановился. Я не знал, где мы находимся. Посмотрел на головореза Хаджара и спросил:

— Что происходит?

— Заткнись, — ответил мне бандюга.

Хаджар вышел из машины и открыл перед Папой дверь. Я выбрался наружу вслед за ним. Мы стояли рядом с какими-то строениями из гофрированного металла и смотрели на частный суборбитальный челнок, стоявший напротив нас за широкой цементной площадкой. Его габаритные огни горели, но три огромных ракетных двигателя были холодны и молчаливы. Если это было основное летное поле, то мы находились в тридцати милях к северу от города. Я никогда прежде здесь не бывал.

Я начинал беспокоиться, но лицо Папы было по-прежнему непроницаемо. Хаджар оттащил меня в сторону.

— Твой телефон с тобой, Одран? — тихо спросил он.

— Да, — ответил я. Я всегда носил его на поясе.

— Я на минутку воспользуюсь им, ладно?

Я отцепил телефон и отдал его Хаджару. Он ухмыльнулся

мне, бросил его на бетон и разбил на мелкие кусочки.

— Спасибо, — сказал он.

— Что же, черт побери, происходит? — вскричал я, хватая его за плечо.

Хаджар смотрел на меня, забавляясь. Затем его горилла сгреб меня в охапку и заломил руки за спину.

— Сейчас мы поднимемся на борт, — сказал он. — Там находится кади, и ему есть что сказать вам обоим.

Нас провели на борт и заставили сесть в пустой передней кабине, где кроме сидений ничего не было. Хаджар сел рядом со мной, его бандит — рядом с Фридландер-Беем.

— У нас есть право узнать, за что вы нас арестовали, — сказал я.

Хаджар с нарочито безразличным видом рассматривал свои ногти.

— Правду говоря, — сказал Хаджар, глядя в окно, — я не знаю, куда вас отправят. Может, кади вам скажет, когда зачитает приговор.

— Приговор? — воскликнул я. — Какой еще приговор?

— О, — сказал с недоброй ухмылкой Хаджар, — ты что, еще не понял? Вас с Папой судят. Пока вас будут депортировать, кади вынесет решение о том, что вы виновны. Это сэкономит судебному аппарату массу времени и денег. Мне следовало бы позволить тебе поцеловать землю на прощанье, Одран, потому что ты никогда больше не увидишь этого города!

Глава 2

Хони Пилар — самая желанная женщина в мире. Спросите любого. Спросите старого морщинистого имама мечети Шимааль, и он скажет вам:

— Конечно, Хони Пилар, какие могут быть сомнения.

У нее длинные светлые волосы, прозрачные зеленые глаза и самое божественное из всех известных антропологической науке тело. К счастью, она доступна. Она зарабатывает на жизнь, записывая во время сексуальных игр свои персональные модули. В секс-модди индустрии есть еще и такие звезды, как Бригитт Сталхельм и прочие, но никто из них и близко не подошел к сверхсветовому эротизму Хони Пилар.

Иногда для разнообразия я говорил Ясмин, что хотел бы вставить один из модиков Хони. Тогда Ясмин усмехалась и брала на себя активную роль, Я ложился на спину, переживая ощущения ненасытной, чудовищно чувствительной женщины.

Торговля модиками, как ничто иное, помогла множеству людей заглянуть в жизнь восьми противоположных полов.

Когда мы разомкнули объятия, я еще немного полежал с включенным модиком Хони. Ее релаксация так же феноменальна, как и ее оргазмы. Не будь у меня модика, я просто повернулся бы на бок и заснул. Но сейчас я прижался потеснее к Ясмин, закрыл глаза и погрузился в физическое и эмоциональное блаженство. С этим ощущением может сравниться только доза морфия. В смысле — ощущение после впрыскивания.

Именно так я себя и чувствовал, когда открыл глаза. Я ничего не помнил о сверхзвуковом сексе, потому решил, что между прочим глотнул одну-две таблетки. Мои веки будто склеились, и, когда я попытался стереть с них клей, рука не послушалась меня. Казалось, это не рука, а протез, сделанный из стирофома или чего там еще, и что он не желает ничего делать, только хлопать по песку рядом со мной.

«Ладно, — подумал я. — Через минуту-другую я во всем разберусь». Я забыл о глазах и вновь погрузился в сладостную летаргию. Я хотел бы когда-нибудь повстречаться с тем парнем, который изобрел летаргию, поскольку теперь я был уверен, что мир еще недостаточно отблагодарил его. Именно так я желал провести остаток дней своих, и пока не явится кто-нибудь и не докажет мне, почему этого делать нельзя, я буду лежать здесь, в темноте, и шлепать по песку рукой.

Я лежал спиной к земле, а разум мой витал где-то в небесах, и мне казалось, что граница между небом и землей проходит как

раз через мое тело. Как раз через ту его часть, которая так болит. Сквозь наркотический туман я ощущал там, внизу, тупую ноющую боль. Как только я понял, как мне будет больно, когда действие наркотика окончится, я очень испугался. К счастью, я не мог на этом сосредоточиться дольше нескольких секунд. Я снова заулыбался и забормотал что-то себе под нос.

Думаю, я уснул, хотя в таком состоянии трудно отделить сон от яви. Помню, что снова пытался открыть глаза, что сумел поднести руку к подбородку и пройтись пальцами по губам и носу к векам. Я протер глаза, но это усилие так вымотало меня, что я не смог опустить руку. Мне пришлось отдыхать примерно с минуту, причем пальцы мешали мне видеть. Наконец я попытался сосредоточиться, разглядеть, что меня окружало.

Увидел я немногое. Я по-прежнему был не в силах поднять голову, а потому видел лишь то, что находилось прямо передо мной. Там был яркий треугольник, узкое основание которого стояло на земле, а острый угол поднимался фу тов на пять. Все остальное было окутано чернотой. Я спросил себя, не угрожал ли мне когда яркий треугольник. Медленно возник ответ: нет. «Хорошо, — подумал я, — значит, можно не брать в голову». Я снова уснул.

Когда я проснулся в следующий раз, вокруг все было по-другому. И ничего приятного в этом не было. В голове моей пульсировала чудовищная боль, в горле словно ползал маленький человечек в защитных очках и посыпал вокруг песком. В груди горело, будто я вдохнул пару фунтов грязи, а затем долго выкашливал ее наружу. При малейшем движении каждый сустав моего тела вопил от боли. В особенности болели руки и ноги, и потому я решил, что больше никогда не буду ими шевелить.

Перечисление моих болячек заняло у меня несколько минут, но когда я добрался до конца списка — когда я понял, что почти вся моя кожа горит от боли, и это было похоже на то, что какой-то псих освежевал меня живьем, прежде чем принялся переламывать мне кости, — выбор у меня остался небольшой: можно по-прежнему лежать и переживать вселенские страдания, можно попытаться снова перечислить их и посмотреть, не упустил ли чего, или попытаться хоть как-то улучшить свое положение.

Я выбрал третье. Я решил достать свою аптечку, пусть даже это будет стоить мне еще больших мучений. Я вспомнил, что говорили в подобных случаях мои доктора. «Теперь, — всегда говорили они, — будет немного больно». Ох-ох.

Я осторожно вел свою правую руку вдоль живота, пока она не упала сбоку от меня. Затем я заставил свои пальцы червяками ползти по моей галабейе к карману, где я держал свои лекарства.

Я сделал три коротких вывода. Во-первых, на мне не было галабейи. Во-вторых, на мне была длинная засаленная рубаха. В-третьих, аптечки не было.

Я столкнулся с маньяками, которые в настоящий момент хотели враз покончить с моей жизнью. Даже в самые безнадежные моменты я не ощущал такой полной, холодной пустоты, как сейчас. Интересно, как меня характеризует тот факт, что я предпочел бы скорее умереть, чем выносить боль. Полагаю, так, что в глубине души я человек не храбрый. Наверное, мною всегда двигал страх того, что остальные могут узнать правду обо мне.

Не найдя аптечки, я чуть не разрыдался. Я-то рассчитывал, что она на месте, что таблетки соннеина хоть на время снимут эту ужасную боль. Попытался позвать на помощь. Мои губы запеклись, как прежде слиплись веки. Для того чтобы открыть рот, приходилось прилагать некоторые усилия, да и горло мое пересохло и слишком саднило, чтобы я мог заговорить. Наконец после больших усилий я умудрился прохрипеть:

— Помогите…

На последнем слоге в задней стенке моего горла возникло ощущение, словно мне режут глотку тупым ножом. Я сомневался, что кто-нибудь слышал меня.

Не знаю, сколько прошло времени. Я осознал, что к прочим моим страданиям прибавились голод и жажда. Чем дольше я лежал, тем больше меня беспокоила мысль о том, что я наконец-то попал в передрягу, из которой живьем не выбраться. Я даже еще и не думал о том, где это я и как сюда попал.

Через некоторое время я заметил, что яркий треугольник потускнел. Временами мне казалось, что его заслоняют, как будто кто-то или что-то проходит перед ним. Наконец треугольник исчез. Я осознал, что мне его очень не хватает. Кроме меня самого, он был единственной настоящей вещью в моем мире, пусть даже я и не понимал до конца, что он такое есть.

На месте треугольника во мраке возникло желтое пятно. Я попытался проморгаться. И увидел, что желтое пятно — это свет маленького масляного светильника, который держит кто-то не очень высокий, почти полностью закутанный в черное. Человек в черном шагнул ко мне сквозь треугольник, который оказался входом в шатер. Весьма вонючий шатер, понял я.

Мой посетитель поднял светильник, и свет упал на мое лицо.

— ***Йа Аллах!*** — пробормотала женщина, когда увидела, что я пришел в себя. Свободной рукой она быстро схватила край своего покрывала и прикрыла им лицо. Я видел ее только мельком, но понял, что это серьезная, хорошенькая, но весьма грязная девушка, лет этак до двадцати.

Я вздохнул глубоко, как мог при своем саднящем горле и легких, и снова прохрипел:

— Помогите.

Несколько секунд она стояла и, моргая, смотрела на меня. Затем опустилась на колени, поставила светильник на песок так, чтобы я не мог дотянуться, и выбежала из шатра. Иногда я влияю на женщин странным образом.

Я забеспокоился. Где я и как я сюда попал? У друзей, я или у врагов? Я понимал, что скорее всего нахожусь среди кочевников пустыни, но какой пустыни? На карте мира ислама много песчаных морей. Я мог находиться где угодно — у западной границы Сахары в Марокко или на краю Гоби в Монголии. Кроме того, я мог быть всего в нескольких милях к югу от города.

Пока эти мысли волновались в моем взбудораженном сознании, вернулась девушка в черном.

Она встала возле меня и принялась задавать вопросы. Это я понял по интонации. Беда была в том, что я понимал одно слово из десяти. Она говорила на каком-то грубом арабском, но с таким же успехом могла бы изъясняться со мною по-японски.

Я покачал головой — вправо, затем влево.

— Мне больно, — сказал я голосом умирающего.

Она только уставилась на меня. Похоже, не поняла. Она по-прежнему прикрывала лицо покрывалом, но я подумал, что оно — судя по глазам и лбу — полно доброты и тревоги. По крайней мере в ту минуту я предпочитал думать так.

Она снова попыталась заговорить со мной, но я по-прежнему ничего не мог разобрать. Я умудрился выдавить из себя:

— Кто ты?

Она кивнула и сказала:

— Нура.

По-арабски это означает «свет», но я догадался, что это ее имя. С той минуты, как она вошла в шатер со светильником в руках, она стала для меня лучом света в царстве тьмы.

Полог у входа резко откинули в сторону, вошел еще кто-то — с кожаным мешком и с другим светильником. Шатер был небольшим, футов двенадцать в диаметре и шести футов высотой, а потому в нем стало тесновато. Нура отошла к черной стене, а мужчина сел возле меня на корточки и несколько мгновений рассматривал. У него было суровое худое лицо с огромным крючковатым носом. Его обветренная кожа была вся в морщинах, и мне трудно было определить его возраст. На нем были длинная рубаха и кафия, но она не была схвачена черным шнурком акаль — просто обмотана вокруг головы, а концы ее были подоткнуты внутрь. В пляшущих тенях его лицо казалось свирепым, словно

лицо убийцы.

Дело ничуть не прояснилось, когда он задал мне несколько вопросов на том же ужасном диалекте. Я думал, что он наверняка спрашивает откуда я. Я мог только сказать, что из города. Наверное, потом он спрашивал, где этот город, но я не был в этом уверен.

— Мне больно, — прохрипел я.

Он кивнул и открыл свой кожаный мешок. Я страшно удивился, потому что он извлек оттуда одноразовый шприц старого образца и флакончик с какой-то жидкостью. Наполнил шприц и вонзил его мне в бедро. Я задохнулся от боли. Он потрепал меня по руке, прокудахтал что-то, и, не взирая на языковой барьер, я понял:

— Тихо, тихо.

Он встал и еще некоторое время в задумчивости смотрел на меня. Затем подал Нуре знак, и они ушли. Через несколько минут укол начал действовать. Я имел опыт в таких вещах и понял, что мне ввели лечебную дозу соннеина, такие инъекции действовали куда более эффективно, чем те таблетки, что я покупал в Будайине. Я был благодарен ему до слез. Если бы этот человек с обветренным лицом снова вошел в шатер, я бы дал ему все, что он пожелает.

Я отдался на волю наркотика и «поплыл», не теряя сознания того, что вскоре его действие кончится и боль вернется. В эти мгновения иллюзорного блаженства я пытался серьезно поразмыслить. Я понимал: тут что-то не так, как только я очухаюсь, мне придется все исправить. Благодаря соннеину ко мне пришла уверенность, что я могу все.

Опьяненный наркотиком разум говорил, что я в милостивом настроении. Все было прекрасно. Я достиг сепаратного мира с человечеством. Я чувствовал себя так, словно у меня появился огромный запас интеллектуальных и физических сил, из которого я могу черпать без конца. Проблемы, конечно, были, но их можно блестяще решить. Будущее рисовало мне одну золотую победную перспективу за другой: рай на Земле.

Пока я поздравлял себя с привалившей вдруг удачей, вернулся тот человек с ястребиным лицом. На сей раз без Нуры. Я был этим немного опечален. Короче, этот человек сел на пятки рядом со мной. Я никогда не мог подолгу сидеть в таком положении — вырос в городе.

Он заговорил со мной, и на этот раз я его прекрасно понял.

— Как тебя зовут, о шейх? — спросил он.

— Ма… — начал было я, но тут перехватило горло. Я показал на губы. Он понял меня и протянул мне козий бурдюк с

солоноватой водой. Бурдюк вонял. Никогда не пил воды столь отвратительной на вкус.

— ***Бисмилла***, — пробормотал я. Во имя Аллаха. Затем я стал жадно пить эту ужасную воду, пока он не положил мне руку на плечо и не остановил меня. — Марид, — сказал я, отвечая на его вопрос.

Он взял у меня бурдюк.

— Я Хассанейн. У тебя рыжая борода. Я никогда прежде не видел рыжебородых.

Это обычное дело в Мавритании, — сказал я. После того, как я напился, говорить стало немного легче.

— Мавритания? — Он покачал головой.

— Раньше она называлась Алжиром. Это в Магрибе.

Он снова покачал головой. Я подумал: как же Далеко я забрел, если встретил араба, который никогда не слышал о Магрибе, мусульманской стране на западе Африки.

— Какого ты племени? — спросил Хассанейн. Я с удивлением посмотрел на него.

— Араб, — сказал я.

— Нет, — возразил он. — Это я араб. Ты что-то другое.

В этом он был тверд, хотя в его словах, похоже, не было злобы. Просто ему было любопытно, кто я такой.

Назвав себя арабом, я, конечно, погрешил против истины, поскольку я наполовину бербер, наполовину француз. По крайней мере так мне всегда говорила мать. В городе, ставшем мне родным, каждый, кто родился в мусульманском мире и говорил по-арабски, считался арабом. Здесь, в шатре Хассанейна, это расплывчатое определение не годилось.

— Я бербер, — сказал я ему.

— Я не знаю берберов. Мы — Бани Салим.

— Бадави? — спросил я.

— Бедуины, — поправил он.

Вышло так, что слово, которое я всегда употреблял для обозначения арабских кочевников, — ***бадави*** или ***бедуины***, — было корявым множественным числом от множественного числа. Сами кочевники предпочитали называть себя ***беду***, что происходило от слова, обозначающего пустыню.

— Ты лечил меня? — спросил я.

Хассанейн кивнул. Он протянул руку. В мерцающем свете я увидел, что его кожа и волосы покрыты налетом песка, словно лимонный пирог — сахаром. Он легко коснулся моих щитковых розеток.

— Ты проклят, — сказал он.

Я не ответил. Похоже, он был правоверным мусульманином,

который считал, что я пойду в ад за то, что позволил вживить провода себе в мозги.

— Ты проклят вдвойне, — сказал он.

Даже здесь моя вторая розетка стала темой для разговоров. Интересно, где мои модики училки?

— Я голоден, — сказал я. Он кивнул.

— Завтра сможешь поесть, ***иншалла***.

«Если будет на то воля Аллаха». Мне было трудно представить, что Аллах провел меня через все эти испытания только для того, чтобы отказать мне утром в завтраке.

Бедуин взял светильник и поднес его к моему лицу. Грязным большим пальцем он отвернул мне веко и посмотрел глаз. Он заставил меня открыть рот и посмотрел язык и заднюю стенку гортани. Наклонился вперед и приложил ухо к моей груди, затем заставил меня покашлять. Он щупал и тыкал меня со знанием дела.

— Школа, — сказал я, показывая на него. — Университет.

Он рассмеялся и покачал головой. Медленно согнул мне ноги и пощекотал стопы. Затем нада вил на мои ногти и посмотрел, насколько быстро они восстанавливают свой цвет.

— Ты врач? — спросил я.

Он снова покачал головой. Затем посмотрел на меня и, решившись, сдернул с головы кафию. Я с изумлением увидел, что у него в темени торчит модик. Затем он снова тщательно обмотал голову кафией.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Проклятый, — сказал я.

— Да, — ответил он. Лицо бедуина осталось стоически спокойным. — Я шейх Бани Салим. Это моя обязанность. Я должен носить метку шайтана.

— И сколько же у тебя модиков?

Он не понял этого слова. Я задал вопрос иначе и узнал, что его череп модифицирован так, что он может использовать два модуля: модик врача и еще один, благодаря которому он становится равным высокоученому религиозному лидеру. Это все, что у него было. В безводной дикой пустыне, что была домом Бани Салим, Хассанейн считался мудрым старцем, который в своих глазах продал свою душу ради блага своего племени.

Я сообразил, что мы понимали друг друга благодаря грамматике и словарю, встроенным в модик доктора. Когда он вынул его, говорить нам стало так же трудно, как и прежде. К тому же я очень устал и мне стало тяжело отвечать и спрашивать. Остальное может подождать до утра.

Он дал мне капсулу, чтобы я мог заснуть ночью. Я запил ее

водой из козьего бурдюка.

— Да проснешься ты утром в добром здравии, о шейх, — сказал он.

— Да благословит тебя Аллах, о мудрый, — пробормотал я. Он оставил зажженный светильник на песке рядом со мной.

Бедуин вышел во тьму, и я услышал, как он опускает за собой полог. Я до сих пор не знал, где нахожусь, и ничегошеньки не знал о Бани Салим, но почему-то чувствовал себя в полной безопасности. Я быстро заснул и просыпался ночью только раз, причем увидел Нуру: она спала, сидя по-турецки, прислонившись к черной стене шатра.

Когда я проснулся утром, зрение мое стало более четким. Я чуть-чуть приподнял голову и уставился на яркий треугольник. Теперь я видел золотые пески и двух верблюдов со спутанными ногами неподалеку. Нура по-прежнему присматривала за мной. Она проснулась раньше и, когда увидела, что я пошевелился, подошла поближе. Она, как и вчера, стесняясь, закрывала лицо краем покрывала. Ей было стыдно за то, что она хорошенькая.

— Я думал, мы друзья, — сказал я. Сегодня мне было уже не так трудно говорить.

Она сдвинула брови и покачала головой. Говорить-то мне было легче, но понимали меня по-прежнему с трудом. Я попытался еще раз, произнося слова медленнее и подкрепляя их жестами.

— Мы… друзья, — сказала она. Она выговаривала слова со странным акцентом, но, будь у меня немного времени, я научился бы понимать этот диалект. — Ты… гость… Бани Салим.

О легендарное гостеприимство бедуинов!

— Хассанейн тебе отец? — спросил я.

Она покачала головой. Я не понял, отрицает ли она родство или просто не понимает моего вопроса. Я повторил вопрос помедленнее.

— Шейх… Хассанейн… брат… отца, — сказала она.

Мы оба научились говорить просто, разделяя слова. Чуть позже мы стали легко понимать друг друга и заговорили без напряжения.

— Где мы? — спросил я.

Нужно было выяснить, на каком расстоянии от города я нахожусь и как далеко от нас ближайший форпост цивилизации.

Нура снова нахмурилась, словно повторяла про себя урок географии. Она ткнула указательным пальцем в песок прямо перед собой.

— Это Бир-Балаг. Бани Салим стоят тут две недели. — Она сделала другую дырку в песке, дюймах в трех от первой. — Здесь

источник Кхаба, в трех днях езды к югу. — Она протянула руку как могла далеко и сделала еще одну дырку. — Это Мугшин. Мугшин, ***хаута***.

— Что такое ***хаута***?

— Это священное место, шейх Марид. Там Бани Салим встретятся с другими племенами и будут продавать верблюдов.

«Прекрасно, — подумал я. — Мы направляемся в Мугшин». Я никогда не слышал о Мугшине и представлял его себе чем-то вроде клочка земли с пальмами и источником посреди смертоносной пустыни. Скорее всего поблизости нет ни единой посадочной площадки для суборбиталок. Я понял, что затерялся где-то среди княжеств и безымянных племенных территорий Аравии.

— Как далеко это от Рияда? — спросил я.

— Я не знаю Рияда, — сказала Нура. Рияд был столицей ее страны, когда та была объединена властью дома Саудов. Он по-прежнему был великим городом.

— А где Мекка?

— Макках, — поправила меня она. Она поразмыслила, затем уверенно ткнула пальцем куда-то мне за спину.

— Значит, там, — сказал я. — Хорошо. Но как Далеко?

Нура только плечами пожала. Она знала не слишком много.

— Прости, — сказала она. — Старый шейх задавал те же самые вопросы. Может, дядя Хассанейн знает больше.

Старый шейх! Я так зациклился на своих страданиях, что забыл о Папе.

— Старый шейх жив?

— Да, благодаря тебе и мудрости шейха Хассанейна. Когда Хиляль и бен-Турки нашли вас в дюнах, они подумали, что вы оба мертвы. Они вернулись в лагерь и если бы вечером не рассказали шейху Хассанейну о вас, вы были бы мертвы без сомнения.

Я уставился на нее во все глаза.

— Хиляль и бен-Турки бросили нас там? Она пожала плечами.

— Они подумали, что вы умерли. Я вздрогнул.

— Я рад, что им пришло в голову вспомнить о нас, когда они уютно сидели у общего костра.

Нура не уловила моей иронии.

— Дядя Хассанейн привез вас в лагерь. Это его шатер. Старый шейх в шатре бен-Мусаида. — При этом имени она опустила глаза.

— А где же спят твой дядя и бен-Мусаид?

— Они спят с прочими, не имеющими шатров. На песке у костра.

Это, естественно, заставило меня почувствовать себя несколько виноватым, поскольку я знал, что в пустыне ночью очень холодно.

— А как старый шейх? — спросил я.

— Крепнет с каждым днем. Он очень пострадал от солнца и жажды, но не так сильно, как вы. Он выжил благодаря вашему самопожертвованию, шейх Марид.

Я не помнил никакого самопожертвования. Я не помнил ничего о том, как мы шли. Наверное, Нура заметила мое замешательство, поскольку наклонилась и коснулась моих розеток.

— Это, — сказала она. — Ты неправильно использовал их и теперь страдаешь, но это спасло жизнь старому шейху. Он хочет поговорить с тобой. Дядя Хассанейн сказал, что завтра к тебе можно будет прийти.

Мне стало легче на душе, когда я узнал, что Фридландер-Бей в лучшем состоянии, чем я. Я надеялся, что он сможет восполнить некоторые пробелы в моей памяти.

— Сколько я тут пролежал?

Она подсчитала в уме, затем ответила:

— Двенадцать дней. Бани Салим хотели пробыть в Бир-Балаг только три дня, но дядя Хассанейн решил остаться здесь до тех пор, пока ты и старый шейх не оправитесь настолько, чтобы перенести поездку. Некоторых в племени это решение рассердило, особенно бен-Мусаида.

— Ты уже упоминала его. Кто такой этот бен-Мусаид?

Нура потупила взгляд и тихо проговорила:

— Он хочет жениться на мне.

— М-м. А ты как к нему относишься?

Она посмотрела мне в глаза. Я прочел гнев в ее глазах, хотя и не мог сказать, на меня ли она гневается или на своего ухажера. Девушка встала и молча вышла из шатра.

Я не хотел, чтобы она уходила. Я намеревался попросить у нее чего-нибудь поесть и передать дяде, что мне хотелось бы еще один укол соннеина. Вместо этого я попытался улечься поудобней и стал думать о том, что рассказала мне Нура.

Мы с Папой чуть не погибли в этой пустыне, но я до сих пор не знал, кто в этом виноват. Меня не удивило бы, если бы все это оказалось связанным с Хаджаром, а через него — с Реда Абу Адилем. Последнее, что я помнил, — это то, что я сидел на борту суборбиталки и ждал, когда мы взлетим. Все, что случилось потом: полет, посадка, цель, которая привела нас в самое сердце пустыни, — выпало из моей памяти. Я надеялся, что вспомню, когда окрепну, или, может быть, у Папы будет более четкая

версия того, что с нами случилось.

Я решил сосредоточить весь свой гнев на Реда Абу Адиле. Хоть сейчас я и чувствовал себя довольно спокойно, я понимал, что все еще нахожусь в смертельной опасности. Даже если Бани Салим разрешат нам ехать с ними до Мугшина — где бы это ни было, — устроить наше возвращение в город будет чрезвычайно сложно. Мы не сможем показаться на люди без того, чтобы не попасть под арест. Нам придется избегать особняка Папы. Для меня ступить на территорию Будайина будет чрезвычайно опасно.

Однако все это в будущем. Сейчас нам хватало насущных проблем. У меня не было твердой уверенности в том, что Бани Салим долго будут дружелюбны. Я догадывался, что бедуины гостеприимны, пока мы с Папой не вылечимся. После этого ни за что нельзя будет поручиться. Когда мы станем способны заботиться о себе, племя вполне может сделать нас пленниками и выдать врагам. Ведь за это они смогут получить вознаграждение. Надо быть начеку.

Одно я знал точно: если Хаджар и Абу Адиль виноваты в том, что с нами случилось, они дорого за это заплатят. Я был готов в этом поклясться.

Мои мрачные размышления прервал Хассанейн, который бодро приветствовал меня.

— Вот, шейх, — сказал он, — поешь. — Он подал мне круглый пресный хлеб и чашку какой-то жуткой белой жидкости. Я посмотрел на него. — Верблюжье молоко, — сказал он.

Этого я и боялся.

— ***Бисмилла***, — прошептал я. Я отломил кусок хлеба и съел его, затем отпил из чашки. Верблюжье молоко на самом деле оказалось неплохим. Глотать его было гораздо проще, чем вонючую воду из козьего бурдюка.

Шейх Хассанейн присел на пятки рядом со мной.

— Некоторые из Бани Салим беспокоятся, — сказал он. — Они говорят, что если мы будем ждать слишком долго, то получим в Мугшине мало денег за наших верблюдов. Кроме того, нам нужно найти другое место для выпаса. Через два дня мы отправляемся. Вы должны быть готовы.

— Конечно, мы будем готовы.

«Ха-ха, — подумал я. — Только вот шнурки поглажу».

Он кивнул.

— Поешь еще хлеба. Попозже Нура принесет тебе фиников и чая. Вечером, если пожелаешь, сможешь поесть жареной козлятины.

Я был так голоден, что сглодал бы и сырую тушу. В хлебе и в молоке был песок, но мне было наплевать.

— Поразмыслил ли ты над тем, что с тобой приключилось? — спросил Хассанейн.

— Да, о мудрый, — ответил я. — Я не помню подробностей, но я много и упорно думал о том, отчего я настолько приблизился к смерти. Я смотрел также и вперед. И я увидел, что это принесет плоды.

Вождь Бани Салим кивнул. Я подумал: «Не знает ли он, о чем я думаю? Интересно, слышал ли он имя Реда Абу Адиля?»

— Это хорошо, — сказал он подчеркнуто безразличным тоном. Потом поднялся, чтобы уйти.

— О мудрый, — сказал я, — не дашь ли ты мне чего-нибудь против боли?

Он посмотрел на меня сузившимися глазами:

— Разве тебе по-прежнему больно?

— Да. Теперь я окреп, хвала Аллаху, но тело мое все еще страдает от перенесенных невзгод.

Он что-то пробормотал себе под нос, но открыл свой кожаный мешок и приготовил инъекцию.

— Это в последний раз, — сказал он. Затем сделал мне укол в бедро.

Мне пришло в голову, что у него, возможно, было мало лекарств. Хассанейну приходилось лечить все травмы и болезни племени, и, возможно, я уже потребил большую часть его обезболивающих препаратов. Я пожалел, что эгоистически использовал этот последний укол. Вздохнул и стал ждать, пока соннеин подействует.

Хассанейн ушел из шатра, и снова появилась Нура.

— Говорил ли кто-нибудь тебе, сестра моя, что ты прекрасна? — спросил я. Я не был бы так смел, если бы в этот момент наркотик не начал распускать свои лепестки у меня в мозгу.

Нура очень смутилась. Она закрыла лицо покрывалом и села на свое место у стены. Она не говорила со мной.

— Прости меня, Нура, — невнятно пробормотал я.

Она смотрела в сторону, и я выругал себя за тупость. Затем, как раз перед тем как погрузиться в теплый, чудесный сон, она прошептала:

— А я правда так красива?

Я криво усмехнулся, и мой разум поплыл из этого мира.

Глава 3

Память стала ко мне возвращаться. Я вспомнил, что сидел рядом с Хаджаром на борту суборбитального корабля, а напротив сидели Фридландер-Бей и Хаджаров головорез. Хаджар, этот грязный коп, с удовольствием посматривал на меня, покачивая головой и злобно хихикая. Я поймал себя на мысли о том, насколько трудно мне будет свернуть его костлявую шею и оторвать голову.

Папе удавалось сохранять спокойствие. Он не собирался доставлять Хаджару удовольствия, показывая, что тот его достал. Чуть погодя я тоже постарался сделать вид, что Хаджара и его гориллы не существует. Я убивал время, представляя всевозможные несчастные случаи и то, как они оба погибают.

Через сорок минут полета, когда челнок достиг высшей точки параболы и заскользил вниз к пункту назначения, из задней кабины, отдернув штору появился высокий человек с худым лицом и огромными черными усами. Это, как я понял, был кади, гражданский судья, который принимал решение по делу, в котором были замешаны мы с Папой, в чем бы нас ни обвиняли. Мое настроение не улучшилось, когда я увидел, что он одет в серую униформу и кожаные сапоги офицера чаушей.

Он глянул на пачку бумаг, что держал в руке.

— Фридландер-Бей? — спросил он. — Марид Одран?

— Вот и вот, — сказал лейтенант Хаджар, ткнув в нас большим пальцем.

Кади кивнул. Он по-прежнему стоял в проходе позади нас.

— Очень тяжелое обвинение, — сказал он. — Вам лучше признаться и просить о помиловании.

— Послушайте, приятель, — сказал я, — я еще ничего не слышал! Я даже не знаю, что нам приписывают! Как мы можем признаться? Нам даже не дали возможности подать жалобу!

— Можно я скажу, ваша честь? — вмешался Хаджар. — Я взял на себя смелость подать жалобу от их имени для экономии времени и городских средств.

— Это совершенно противозаконно, — пробормотал кади, шелестя бумагами. — Но поскольку вы подали обе жалобы по незнанию, то я не вижу в этом проблемы.

Я стукнул кулаком по подлокотнику кресла:

— Но вы только что сказали, что нам было бы лучше…

— Спокойно, племянник, — невозмутимо сказал Папа и повернулся к кади.

— Прошу вас, ваша честь, скажите, в чем нас обвиняют?

— О, в убийстве, — рассеянно сказал судья. — В убийстве первой степени. Теперь, если все…

В убийстве? — воскликнул я, услышал смех Хаджара, обернулся и бросил на него яростный взгляд. Тот от страха заслонил лицо руками. Головорез ударил меня по лицу. Я в ярости повернулся к нему, но он просто сунул мне под нос дуло своего игломета. Я немного поутих.

— И кого мы якобы убили? — спросил Папа.

— Минуточку, у меня где-то записано, — сказал кади. — Вот. Полицейского офицера по имени Халид Максвелл. Преступление было раскрыто помощником шейха Реда Абу Адиля.

— Я так и знал, что тут замешан Реда Абу Адиль, — прорычал я.

Халид Максвелл… — сказал Отец. — Я никогда не знал человека с таким именем.

— Я тоже, — сказал я. — Даже и не слышал об этом парне.

— Это один из моих наиболее доверенных подчиненных, — сказал Хаджар. — Город и полиция понесли тяжелую утрату.

— Мы не делали этого, Хаджар! — крикнул я. — И ты это знаешь!

Кади сурово посмотрел на меня.

— Слишком поздно отрицать, — сказал он. Казалось, вислый нос и густая растительность под ним были чересчур тяжелым грузом для его смуглого лица. — Я уже вынес вердикт.

Папа слегка забеспокоился:

— Вы уже вынесли решение, даже не позволив нам представить свою версию событий?

Кади похлопал по пачке бумаг:

— Все факты здесь. Здесь показания свидетелей и отчет лейтенанта Хаджара о расследовании. Слишком много задокументированных показаний, чтобы оставались хоть малейшие сомнения. А что вы сможете мне сказать? Что не вы совершили это грязное преступление? Конечно, ведь так вы мне и говорили. Я не намерен тратить время и слушать вас. У меня есть это! — Он снова похлопал по бумагам.

— Значит, вы вынесли вердикт, — сказал Папа, — и признали нас виновными.

— Точно, — ответил кади. — Виновны в том, в чем вас обвиняют. Виновны в глазах Аллаха и вашего приятеля. Однако смертный приговор придется отменить из-за горячей просьбы о помиловании со стороны одного из самых уважаемых граждан города.

— Шейха Реда? — спросил я. У меня снова заболел живот.

— Да, — сказал кади. — Шейх Реда подал мне апелляцию от

вашего имени. Из уважения к нему вы не будете обезглавлены во дворе мечети Шимааль, как того заслуживаете. Вместо этого вас отправят в изгнание. Вам навсегда запрещается появляться в городе под страхом ареста и немедленной казни.

— Ну, — язвительно промолвил я, — прямо камень с плеч! И куда вы нас везете?

— Этот челнок направляется в княжество Азир, — сказал кади.

Я посмотрел на Фридландер-Бея. Он снова принял безмятежный вид старого мудрого человека. Мне тоже немного полегчало. Я ничего не знал о княжестве Азир, кроме того, что оно выходит к Красному морю южнее Мекки. Азир был лучше многих мест, куда нас могли выслать. В Азире мы могли бы найти возможность подготовить возвращение в город. Это потребует много времени и денег — многим придется давать взятки, — но в конце концов мы вернемся. Я уже предвкушал свою встречу с Хаджаром.

Кади перевел взгляд с меня на Папу, затем кивнул и удалился в заднюю кабину. Хаджар подождал, пока он уйдет, и разразился громким грубым хохотом.

— Ну! — воскликнул он. — Что ты на это скажешь?

Я схватил его за глотку прежде, чем он сумел увернуться.

Головорез поднялся со стула и пригрозил мне иглометом.

— Не стреляйте! — в притворном ужасе кричал я, все сильнее стискивая горло Хаджара. — Пожалуйста, не стреляйте!

Хаджар пытался что-то сказать, но я пережал ему горло. Его лицо приобрело цвет райского вина.

— Отпусти его, племянник, — сказал, немного подождав, Фридландер-Бей.

— Прямо сейчас, о шейх? — спросил я. Я еще держал его.

— Прямо сейчас.

Я отшвырнул Хаджара. Он глухо стукнулся затылком о переборку. Раскашлялся, хватая воздух ртом, пытаясь продышаться. Головорез опустил игломет и снова сел. Мне показалось, что лично его самочувствие Хаджара не волнует. Я решил, что он ценит лейтенанта ненамного выше, чем я, и пока я не убил Хаджара совсем, могу делать с ним все, что захочу.

Хаджар с ненавистью посмотрел на меня.

— Ты еще пожалеешь об этом, — прохрипел он.

— Не думаю, Хаджар, — ответил я. — Мне кажется, что воспоминание о твоей багровой роже с выпученными глазами скрасит мне все трудности предстоящей жизни.

— Сядь на место и заткнись, Одран, — процедил Хаджар сквозь зубы. — Только шевельнись еще или пикни, и этот парень

разворотит тебе морду.

Мне это все равно начало надоедать. Я откинул голову, закрыл глаза и подумал, что по прибытии в Азир мне еще могут понадобиться силы. Я чувствовал, как заработали маневровые двигатели и пилот направил огромный челнок по длинной пологой дуге к западу. Мы снижались, выписывая спирали в ночном небе.

Челнок задрожал, затем раздались протяжный гул и пронзительный вой. Хаджаров бандюга испугался.

— Включилось посадочное устройство, — сказал я.

Он коротко кивнул. Затем корабль опустился и с визгом проехался по бетону. Снаружи, насколько я видел, не было огней, но я был уверен, что мы находимся на огромной посадочной площадке. Через некоторое время, когда пилот затормозил челнок почти до конца, я смог разглядеть очертания ангаров, гаражей и прочих сооружений. Корабль остановился, хотя до терминала мы не доехали.

— Сидеть на месте, — приказал Хаджар.

Мы сидели, прислушиваясь к завываниям кондиционера. Наконец из задней кабины снова появился кади. Он по-прежнему держал в руках бумаги. Достал одну страницу и зачитал:

— «Свидетельствую, что рассмотрел деяния взятых под стражу членов общества, опознанных как Фридландер-Бей и Марид Одран, и признал их действия явно преступными и оскорбительными для Аллаха и всех братьев во Исламе. Обвиняемые признаны виновными и в наказание будут подвергнуты изгнанию. Пусть они сочтут это благом и проведут остаток дней своих, взыскуя близости Господней и прощения людского». — Затем кади прислонился к переборке и поставил на бумаге свою подпись. Подписал и копии, чтобы мы с Папой имели по экземпляру. — Теперь идем, — сказал он.

— Иди, Одран, — сказал Хаджар.

Я встал и пошел по проходу мимо кади. Громила шел следом, за ним — Папа. Хаджар замыкал шествие. Я обернулся к нему. Его лицо было на удивление мрачным. Наверное, он думал о том, что вскоре мы окажемся вне его власти и что его, забавам приходит конец. Мы спустились по сходням на бетонную площадку, потягиваясь и зевая.

Я очень устал и проголодался, несмотря на все то, что съел на торжестве у эмира. Я окинул взглядом летное поле, пытаясь найти что-нибудь полезное в смысле информации. На стене одного из низких темных зданий я увидел большую, выведенную от руки надпись: «Наджран».

— Вам что-нибудь говорит слово «Наджран», о шейх? —

спросил я Фридландер-Бея.

— Заткнись, Одран, — сказал Хаджар. Он повернулся к своему горилле: — Следи, чтобы они не болтали и не делали глупостей. Ты за них отвечаешь.

Головорез кивнул. Хаджар и кади пошли к зданию.

— Наджран — столица Азира, — сказал Папа.

Ему было плевать на головореза. Со своей стороны, бандюге тоже было плевать на то, что мы делаем, лишь бы мы не пустились бегом через летное поле.

— У нас тут есть друзья? — спросил я.

Папа кивнул:

— У нас почти везде есть друзья. Проблема в том, как до них добраться.

Я не понял, что он имеет в виду.

— Ну, ведь Хаджар и кади через некоторое время вернутся на борт челнока, так ведь? А после этого, как я понимаю, мы будем предоставлены сами себе. Тогда мы сможем разыскать этих самых друзей и получить хорошую, мягкую постельку, чтобы провести в ней остаток ночи. Папа печально улыбнулся мне:

— Ты и в самом деле думаешь, что наши неприятности на этом кончились?

Моя уверенность уже не была такой непоколебимой.

— А разве нет? — спросил я.

И, словно подтверждая тревоги Папы, появились Хаджар и кади, а с ними — крепкий парень в униформе, вроде как у копов, с винтовкой, болтавшейся под мышкой. Вид у этого парня был не особенно умный, но при оружии он нам с Папой был не по зубам.

— Поговорим об отмщении после, — шепнул мне Папа прежде, чем Хаджар подошел к нам

— Шейху Реда? — спросил я.

— Нет. Тем, кто подписал приказ о нашей депортации, будь то эмир или имам мечети Шимааль.

Это заставило меня кое о чем задуматься. Я никогда не понимал, почему Фридландер-Бей так тщательно старается не задевать Абу Адиля, как бы тот его ни провоцировал. Любопытно, что бы я ответил, если бы Папа приказал мне убить эмира шейха Махали? Конечно, эмир не принял бы нас нынешним вечером столь радушно, если бы знал, что сразу после его приема нас похитят и отправят в ссылку. Я предпочитал думать, что шейх Махали не знал о том, что с нами происходит.

— Вот ваши подопечные, сержант, — сказал Хаджар жирному копу.

Сержант кивнул. Он осмотрел нас и нахмурился. На бляхе было выбито его имя: «Аль-Бишах». У него был огромный живот,

который выпирал между пуговиц его пропотевшей рубашки. Лицо заросло четырех- или пятидневной черной щетиной, во рту торчали сломанные почерневшие зубы. У него были набрякшие веки, и я подумал: это потому, что его разбудили посреди ночи. От его одежды несло гашишем, и я понял, что коп проводил одинокие ночные дежурства с ***наргиле***.

— Дайте-ка подумать, — сказал сержант. — Молодой парень спустил курок, а вот этот грязный старый дурак в красной феске, значит, мозг всей операции. — Он закинул голову и разразился хохотом. Веселился он явно от гашиша, раз даже Хаджар не поддержал его.

— Очень хорошо, — сказал последний. — Они ваши. — Лейтенант повернулся ко мне: — Прежде чем мы расстанемся, Одран, я скажу тебе еще кое-что. Знаешь, за что я первым делом примусь завтра?

В жизни не видел такой гнусной ухмылки.

— Нет, а что? — спросил я.

— Я собираюсь прикрыть твой клуб. А знаешь, что я сделаю потом? — Он подождал, но я не стал продолжать игру. — Ладно, я тебе скажу. Я собираюсь арестовать твою Ясмин за проституцию, а когда затащу ее в свою глубокую норку, то посмотрю, что в ней так тебе нравилось.

Я очень гордился собой. Год или два назад я дал бы ему в зубы, несмотря на присутствие головореза. Теперь я повзрослел, и потому просто стоял, бесстрастно глядя в его сумасшедшие глаза. Стоял и повторял себе: «Ты убьешь его в следующий раз. Ты убьешь его в следующий раз». Это удержало меня от глупостей, особенно под прицелом двух дул.

— Подумай об этом, Одран! — воскликнул Хаджар, когда они с кади снова взобрались по трапу на борт. Я даже не обернулся.

— Ты поступил мудро, племянник, — сказал Фридландер-Бей.

Я посмотрел на него и понял, что мое поведение произвело на него приятное впечатление.

— Я многому научился от вас, дед мой, — сказал я. Это ему тоже понравилось.

— Ладно, — сказал местный сержант, — пошли. Я не хотел бы тут оставаться, когда этот насос взлетит. — Он показал дулом винтовки в сторону темного здания, и мы с Папой двинулись впереди него через взлетную полосу.

Внутри было темно, но сержант аль-Бишах не стал включать свет.

— Идите по стеночке, — сказал он.

Я ощупью шел по узкому коридору, до поворота. За

поворотом оказалась маленькая комната с видавшим виды столом, телефоном, механическим вентилятором и маленькой сломанной голосистемой. Рядом стоял стул, и сержант тяжело плюхнулся на него. В углу оказался другой стул, и я усадил на него Папу. Я стоял, прислонившись к грязной оштукатуренной стене.

— Теперь, — сказал коп, — я скажу, что с вами сделаю. Вы сейчас в Наджране, а не в какой-нибудь захудалой деревне. В Наджране вы никто, зато я — кое-что значу. Посмотрим, сможете ли вы мне пригодиться, а если нет, пойдете в тюрьму.

— Сколько при тебе денег, племянник? — спросил Папа.

— Немного. — Я взял с собой мало денег, поскольку думал, что во дворце эмира они мне будут не нужны. Обычно я носил деньги в карманах своей галабейи, как раз на такой случай. Я пересчитал то, что было в левом кармане, получилось немногим больше ста девяноста киамов. Я не собирался показывать этой собаке, что в другом кармане у меня есть еще деньги.

— Даже настоящих денег нет? — возопил аль-Бишах. Однако он сгреб монеты в ящик стола. — А старикан?

— У меня совсем нет денег, — ответил Папа.

— Очень плохо.

Сержант вынул зажигалку и поджег гашиш в ***наргиле***. Наклонился и сунул мундштук в зубы. Я слышал, как булькает в трубке вода, и унюхал запах черного гашиша.

— Можете идти по камерам, у меня их две. Или у вас есть еще чего-нибудь, что может мне понравиться?

Я подумал о своем церемониальном кинжале.

— Как насчет этого? — спросил я, выложив его на стол.

Он покачал головой.

— Деньги, — сказал он, отпихивая кинжал.

Я подумал, что он делает большую ошибку, поскольку кинжал был украшен золотом и драгоценными камнями. Может, ему негде было спрятать такую дорогую вещь… — Или кредит, — добавил он. — У вас есть банк, в который можно позвонить?

— Да, — ответил Фридландер-Бей. — Звонок будет стоить дорого, но вы сможете через банковый компьютер перевести деньги на свой счет.

Мундштук выпал изо рта аль-Бишаха. Он выпрямился.

— Вот это мне нравится! Только за звонок платишь ты. Отправь счет на свое имя, ладно?

Жирный коп подвинул к нему телефон, и Папа перечислил длинный ряд цифр.

— Теперь, — сказал Папа сержанту, — сколько вы хотите?

— Хорошую, жирную взятку! — сказал он. — Такую, чтобы я

почувствовал. Если будет мало, пойдете за решетку. Можете засесть тут навсегда. Кто узнает, где вы? Кто заплатит за вашу свободу? Это ваш шанс, братец.

Фридландер-Бей посмотрел на него с нескрываемым отвращением.

— Пять тысяч киамов, — сказал он.

— Дай-ка подумать, сколько это в настоящих деньгах? — Он помолчал несколько секунд. — Не, лучше возьмем десять тысяч.

Я уверен, что Папа заплатил бы и сто, но коп даже и подумать не мог столько запросить. Папа помедлил, затем кивнул.

— Ладно, десять тысяч. — Он снова заговорил по телефону, затем передал его сержанту.

— Что? — спросил аль-Бишах.

— Назовите компьютеру номер вашего счета, — сказал Папа.

— А, тогда ладно. — Когда перевод денег был закончен, этот жирный дурак сделал еще один звонок. Я не расслышал, о чем шла речь. Он повесил трубку и сказал: — Я тут вызвал вам кое-какой транспорт. Вы мне тут, в Наджране, не нужны. Отпустить вас с этого летного поля я тоже не могу.

— Ладно, — сказал я. — Тогда куда?

Аль-Бишах продемонстрировал мне все свои короткие, гнилые зубы.

— Пусть это будет для вас сюрпризом.

Выбора у нас не было. Мы ждали в этом вонючем участке, пока не прибыл транспорт. Сержант встал из-за стола, взял винтовку и повесил ее на плечо, указывая нам, чтобы мы первыми шли к летному полю. Я был просто счастлив выйти из этой узкой, темной комнаты.

Оказавшись под чистым, безлунным ночным небом, я увидел, что челнок Хаджара уже улетел. На его месте стоял маленький сверхзвуковой вертолет с военными номерами. Воздух был полон визга его реактивных двигателей, а сильный ветер донес до меня кислые пары капавшего на бетонную площадку топлива. Я посмотрел на Папу, который только слегка пожал плечами. Нам ничего не оставалось делать, как только идти туда, куда указывал человек с винтовкой.

Мы прошли по пустому полю ярдов тридцать, не пытаясь оказать сопротивления. И тем не менее аль-Бишах подошел сзади и двинул меня по затылку прикладом винтовки. Я упал на колени, в глазах заплясали цветные точки. Голова раскалывалась от боли. Меня чуть не вырвало.

Рядом я услышал протяжный стон и, обернувшись, увидел Фридландер-Бея, беспомощно распростертого возле меня на

земле. То, что жирный коп ударил Папу, разозлило меня больше всего. Я шатаясь поднялся на ноги и помог Папе встать. Его лицо посерело, взгляд был невидящим. Хорошо, если у него нет сотрясения мозга. Я медленно повел старика к открытому люку вертолета.

Аль-Бишах смотрел, как мы поднимаемся на борт. Я не обернулся в его сторону, но за ревом вертолетных моторов услышал, как он прокричал:

— Еще раз покажетесь в Наджране, и вы — трупы!

Я показал на него пальцем.

— Радуйся, пока можешь, гнида! — крикнул я. — Недолго осталось!

Он только ухмыльнулся в ответ. Второй пилот вертолета захлопнул люк, и я попытался поудобнее устроиться на жесткой пластиковой скамье рядом с Фридландер-Беем.

Я сунул руку под кафию и осторожно ощупал затылок. Когда я вынул руку, на пальцах была кровь. Я повернулся к Папе и с радостью увидел, что лицо его снова обрело краски.

— Ты в порядке, о шейх? — спросил я.

— Хвала Аллаху, — ответил он, слегка поморщившись.

Больше мы ничего не сказали, поскольку наши слова потонули в реве вертолетных двигателей. Я сидел и ждал, что случится дальше. Сержанта аль-Бишаха я поставил в списке вторым после лейтенанта Хаджара.

Вертолет сделал круг над летным полем и устремился к какой-то таинственной цели. Долгое время мы летели прямо, ни на дюйм не отклоняясь от курса. Я сидел, охватив руками голову, мучительно пульсирующая боль в затылке отсчитывала секунды. Потом я вспомнил, что у меня есть набор нейтральных программ. Я вынул их, снял кафию и вставил модик, блокирующий боль. И сразу почувствовал себя в сто раз лучше, к тому же я сумел обойтись без химии и болеутоляющих препаратов. Однако долго я этим пользоваться не смогу, иначе это тяжело отразится на моей центральной нервной системе.

Я ничем не мог помочь Папе. Он молча страдал, пока я лежал, прижимаясь лицом к пластиковому окошечку в двери люка. Долгое время я не видел внизу ни огонька, ни города, ни деревни, ни даже одинокого дома. Я решил, что мы летим над водой.

Когда солнце начало подниматься впереди и справа по борту, я понял, что ошибался. Все это время мы летели на северо-восток. Согласно моей мысленной карте это означало, что мы направляемся в самое сердце Аравии. Я и не представлял, как мало населена эта часть мира.

Я решил убрать блокирующий боль чип через полчаса после того, как его вставил. Я выдернул его, ожидая, что меня вновь охватит волна боли, но был приятно удивлен. Теперь это была обычная, вполне переносимая головная боль. Я снова надел кафию. Затем встал с пластиковой скамьи и пошел к кабине пилота.

— Доброе утро, — сказал я первому и второму.

Второй пилот повернулся и посмотрел на меня.

Он долго рассматривал мое княжеское одеяние, однако удержался от вопросов.

— Сядь на место, — сказал он. — Не дергай нас, пока мы пытаемся управлять этой хреновиной.

Я пожал плечами.

— Будто мы не могли весь путь пройти на автопилоте. Вы вообще-то умеете водить?

Второму пилоту это не понравилось.

— Иди на место, — сказал он, — или я прикую тебя к скамье.

— Да я не хотел причинить вам беспокойства, — сказал я. — Никто ничего нам не сказал. Разве у нас нет права узнать, куда мы направляемся?

Второй пилот отвернулся.

— Слушай, — сказал он, — вы со стариканом убили какого-то несчастного сукиного сына. И теперь у вас больше нет никаких прав.

— Какой ужас, — пробормотал я и пошел назад к скамье.

Папа посмотрел на меня. Я лишь покачал головой. Он был небрит, лицо его прочертили дорожки грязи, он потерял свою феску, когда аль-Бишах ударил его по затылку. В полете он, однако, пришел в себя и был почти таким, как прежде. У меня было предчувствие, что нам обоим вскоре понадобится вся наша сообразительность.

Пятнадцатью минутами позже я почувствовал, что вертолет снижается. Посмотрел в окошечко и увидел, что мы уже не движемся вперед, а висим над красновато-бурыми барханами, что тянутся во все стороны до самого горизонта. Вертолет протяжно зажужжал, над люком загорелся Зеленый свет. Папа коснулся моей руки, но я не мог объяснить ему, что происходит.

Второй пилот отстегнул ремень безопасности и выбрался из кресла. Осторожно прошел через грузовое отделение к нашей скамье.

— Прилетели, — сказал он.

Что значит «прилетели»? Тут один песок. Ни деревца, ни даже кустика!

Второму пилоту было на это наплевать.

— Я знаю лишь то, что мы должны выкинуть вас здесь, в землях Байт Табити.

— Что такое Байт Табити?

Второй пилот хитро ухмыльнулся.

— Это племя бадави, — сказал он. — Остальные племена зовут их леопардами пустыни.

«Да, ты прав», — подумал я.

— И что сделают с нами эти Байт Табити?

— Ну, не думаю, что они примут вас как давно потерянных братьев. Советую установить с ними добрые отношения.

Мне все это не нравилось, но что я мог поделать?

— Значит, вы просто собираетесь посадить вертолет и выбросить нас в пустыне?

— Нет, — покачал головой второй пилот. — Мы не будем садиться. У вертолета нет песчаных фильтров. — Он потянул рычаг и открыл люк.

— Но мы же в двадцати футах над землей! — вскричал я.

— Ну, это можно исправить, — сказал второй пилот.

Он поднял ногу и выпихнул меня наружу. Я упал на теплый песок, пытаясь сгруппироваться в момент удара. К счастью, я не переломал себе ног. Вертолет поднимал сильный ветер, бросая песок мне в лицо. Я едва мог дышать. Я попытался использовать кафию по назначению — чтобы прикрыть ею нос и рот от искусственной песчаной бури. Прежде чем я успел обернуться, я увидел, как пилот выталкивает из люка Фридландер-Бея. Я сделал все, что мог, чтобы смягчить Папе падение. Он тоже ушибся не слишком сильно.

— Это убийство! — крикнул я, перекрывая шум вертолета. — Мы здесь не выживем!

Пилот развел руками.

— Байт Табити на подходе. Можете полежать здесь до их появления.

Он сбросил нам пару больших фляг. Затем захлопнул крышку люка. Мгновением позже вертолет сделал круг по восходящей и полетел назад.

Мы с Папой остались в одиночестве посреди Аравийской пустыни. Я поднял фляги и встряхнул их. Они обнадеживающе булькнули. Интересно, на сколько дней нам этого хватит? Я подошел к Фридландер-Бею. Он сидел под горячим утренним солнцем и потирал плечо.

— Я могу идти, племянник мой, — сказал он, предвосхищая мой вопрос.

— Думаю, тогда нам следует идти, о шейх, — сказал я. У меня не было ни малейшего понятия насчет того, что делать

дальше. Я не знал, где мы и куда нам направиться.

— Давай сначала помолимся Аллаху, чтобы он указал нам путь, — сказал он.

Почему бы и нет? Папа решил, что мы сейчас в чрезвычайной ситуации, потому нам не следует тратить нашу драгоценную воду для омовения перед молитвой. В такой ситуации разрешено использовать чистый песок. А его было в избытке. Он снял свои башмаки, я — сандалии, и мы были готовы приблизиться к Аллаху, как предписывает благородный Коран.

Он определил направление по восходящему солнцу и повернулся лицом к Мекке. Я расположился с ним рядом, и мы повторили привычные стихи молитвы. Когда мы закончили, Папа вдобавок прочел стих из второй суры Корана, включающий строки: «И на того, кто нападает на вас, нападайте так же, как он».

— Хвала Аллаху, владыке миров! — прошептал я.

— Велик Аллах! — ответил Папа.

Теперь пришло время подумать, как нам выжить.

— Думаю, нам нужно как следует все обмозговать.

— Размышления — не для пустыни, — сказал Папа. — Мы не сможем надумать себе ни еды, ни воды, ни защиты.

— Вода у нас есть, — сказал я, протягивая ему одну из фляг.

Он открыл ее и отхлебнул глоток, затем закрыл флягу и повесил ее через плечо.

— У нас есть немного воды. Остается подумать, хватит ли ее.

— Я слышал, под землей есть вода, даже в самых сухих пустынях.

Думаю, я говорил это только для того, чтобы поддержать его дух. Его или свой. Папа рассмеялся:

— Ты вспоминаешь сказки, которые тебе рассказывала твоя мать: о храбром принце, который заблудился в песках, и об источнике сладкой воды, которая начинает бить из подножия горы, у которой он стоит. В этой жизни такого не случается, мой дорогой. Твоя наивная вера не выведет нас из этого гиблого места.

Я понимал, что он прав. Может, в молодости он имел опыт выживания в пустыне? Папа никогда не говорил о своей молодости. Я решил, что в любом случае следует положиться на его мудрость. Я понял, что если заткнусь на некоторое время, то, может быть, останусь жив. Может, заодно и научусь чему. Это тоже не помешает.

— Что нам делать дальше, о шейх? — спросил я.

Он смахнул рукавом пот со лба и огляделся.

— Мы где-то в южной части Аравийской пустыни, — сказал

он. — В Руб-аль-Хали.

Пустая четверть. Это меня не обнадежило.

— Где тут ближайший город? — спросил я.

Папа коротко улыбнулся мне:

— В Руб-аль-Хали нет городов. Ни единого города на четверть миллиона квадратных миль песка. Здесь, конечно, есть маленькие группы кочевников, странствующих по дюнам, — они двигаются от источника к источнику, выискивая пастбища для своих верблюдов и коз. Если мы надеемся найти источник, то удача должна привести нас к одному из бедуинских кланов.

— А если нам это не удастся?

Папа провел по фляге рукой:

— Здесь по галлону воды на каждого. Если мы е станем идти днем, постараемся тщательно экономить воду и проходить, сколько сможем, в ночные холодные часы, то проживем четыре дня.

Это было хуже моих самых пессимистических предположений. Я тяжело опустился на песок. Много лет назад, когда я ребенком жил в Алжире, я читал об этих местах. Я подумал, что книги не слишком преувеличивали их ужас. Это делало название Руб-аль-Хали более страшным, чем Сахара. Сахара была нашей пустыней, и я не мог поверить, что где-нибудь на Земле может быть место более безлюдное, чем она. Похоже, я ошибался. Я также вспомнил, что некий западный путешественник в своих мемуарах назвал Руб-аль-Хали «местом Великого зла».

Глава 4

Согласно мнению отдельных географов Аравийская пустыня есть продолжение Сахары. Большая часть Аравийского полуострова безлюдна и пуста. Населенные районы расположены вдоль Средиземного, Красного и Аравийского морей, потом у Аравийского залива — другие зовут его Персидским — и в плодородном полумесяце на месте древней Месопотамии.

Сахара обширнее, но в Аравийской пустыне больше песка. Будучи мальчишкой, я представлял себе Сахару выжженной, бесконечной, полной песка, но это не слишком верно. Сахара большей частью состоит из каменистых плато, сухих, покрытых гравием равнин и гряд открытых ветрам гор. Пески занимают только десять процентов территории пустыни. Часть Аравийской пустыни, называемой Руб-аль-Хали, в этом смысле превосходит Сахару на тридцать процентов. Насколько я понимал, она представляла собой песок от края до края, и больше ничего.

А какая разница?

Я прищурил глаза, почти закрыл, и посмотрел на мучительно яркое небо. В этом смертельно опасном месте было хорошо лишь то, что оно было слишком опасно, даже для стервятников. Я был избавлен от лишающего мужества зрелища кружащих в вышине крылатых пожирателей падали, ожидающих, когда я соизволю умереть.

Я просто решил не умирать. Я не говорил об этом с Фридландер-Беем, но был уверен, что он чувствует то же самое. Мы сидели с подветренной тороны высокой, нанесенной ветром дюны. Я подумал, что температура уже достигла сотни градусов по Фаренгейту, а то и выше. Солнце вскарабкалось высоко, но полдень еще не наступил — скоро станет еще жарче.

— Пей воду, когда почувствуешь жажду, племянник мой, — сказал мне Папа. — Я видел людей, умиравших от обезвоживания, потому что они слишком тряслись над своими флягами. Пить слишком мало воды — все равно что лить ее на землю. На такой жаре тебе понадобится около галлона в день. Две-три кварты не сохранят жизни.

— У нас только по галлону на душу, о шейх, — сказал я.

— Когда эта вода кончится, найдем еще. Мы можем наткнуться на тропу, ***иншалла***. Даже в центре Руб-аль-Хали есть тропы, и они могут вести от колодца к колодцу. Если же нет, то будем молиться. Вся наша надежда на то, что дождь шел не слишком давно. Иногда в углублении у подножия дюны можно найти сырой песок.

Я не торопился воспользоваться на деле знаниями скаута пустыни. От всех этих разговоров о воде мне захотелось пить еще больше, и я отвинтил крышку фляги.

— Во имя Аллаха, благого, милосердного, — сказал я и отхлебнул хорошенько. Мне доводилось видеть голограммы арабских кочевников, сидящих на песке, используя для тени вместо шатров натянутые между жердями кафии. Однако здесь не было даже жердей.

Ветер переменился, швыряя нам в лицо мелкий песок. Я последовал примеру Фридландер-Бея и улегся на бок спиной к ветру. Через несколько минут я сел, снял кафию и отдал ее ему. Он принял одежду, не сказав ни слова, но в его покрасневших глазах светилась благодарность. Папа надел головное покрывало, прикрыл лицо и снова лег, пережидая песчаную бурю.

Никогда в жизни я не был так беззащитен перед силами природы. Я все повторял себе: «Это, наверное, сон». Может, я проснусь в собственной постели, и мой раб Кмузу будет стоять рядом с большой кружкой горячего шоколада. Но слишком уж настоящим было обжигающее солнце, да и песок, набивавшийся мне в уши, в глаза, в ноздри и рот, вовсе не был похож на сон.

От всего этого меня отвлекли кровожадные вопли небольшой группы людей, появившихся из-за гребня дюны. Они спрыгивали с верблюдов и бежали к нам, размахивая винтовками и кинжалами. Более грязных, неотесанных дикарей я в жизни не видел. По сравнению с ними самые мерзкие подонки Будайина выглядели как воспитанные Джентльмены.

Я предположил, что это и есть Байт Табити, леопарды пустыни. Их главарем был высокий тощий человек с длинными сальными волосами. Он размахивал винтовкой и орал на нас. Я видел, что у него на верхней челюсти два зуба сломаны справа, а на нижней — слева. Похоже, он годами не лечился. И не мылся годами.

Но он был одним из тех, кому мы, видимо, должны были доверить наши жизни. Я посмотрел на Фридландер-Бея и едва заметно покачал головой. На случай, если они настроены положить нас на месте, вместо того чтобы проводить к воде, я достал свой церемониальный кинжал. Я не думал, что это оружие окажется эффективным против винтовок бедуинов, но больше у меня ничего не было.

Вожак подошел ко мне и ощупал мой богатый наряд. Он повернулся к своим и сказал что-то такое, отчего все шестеро разразились смехом. Я ждал.

Вожак посмотрел мне в лицо и нахмурился. Ударил себя в грудь.

— Мухаммад Муссалим бен-Али бен ас-Султан! — заявил он. Как будто я должен был знать его имя.

Я сделал вид, что это произвело на меня впечатление. Ударил себя в грудь и сказал:

— Марид аль-Амин.

Я использовал прозвище, которое дали мне бедные феллахи города. Оно означает «надежный».

Мухаммад широко раскрыл глаза. Снова повернулся к своей шайке.

— Аль-Амин, — уважительно произнес он. За тем его снова согнуло от смеха.

Другой Байт Табити подошел к Фридландер-Бею и встал над ним, глядя на старика.

— ***Аш-шейх***, — сказал я, давая вонючим кочевикам понять, что Папа — человек важный.

Мухаммад зыркнул на Папу, затем снова на меня. Быстро сказал несколько слов на каком-то неразборчивом диалекте, после чего его соплеменник оставил Папу в покое и пошел к своему верблюду.

Мы с Мухаммадом некоторое время пытались получить ответ каждый на свои вопросы, но его корявый арабский затруднял наше общение. Однако через некоторое время мы стали понимать друг друга довольно прилично. Я узнал, что Байт Табити получили приказ найти нас от шейха своего племени. Мухаммад не знал, как его шейх узнал о нас, но мы оказались именно там, где он указал, и вдалеке они слышали шум военного вертолета.

Я смотрел, как двое грязных бродяг грубо подняли Фридландер-Бея на ноги и повели его к одному из верблюдов. Хозяин верблюда ударил живот ное погонялом под коленки и крикнул что-то вроде «хирр, хирр!». Верблюд недовольно заревел и не выказал ни малейшего желания опускаться на колени. Папа что-то сказал Байт Табити, тот схватил повод и потянул животное вниз. Папа поставил ногу на шею верблюда, вскарабкался в седло, и тот поднял его.

Папе явно приходилось проделывать все это и раньше. Я же никогда в жизни не ездил на верблюде, и мне не хотелось пробовать это сейчас.

— Я пойду пешком, — сказал я.

— Прошу вас, молодой шейх, — сказал Мухаммад, улыбаясь своим щербатым ртом. — Иначе Аллах сочтет нас негостеприимными.

Я подумал, что вряд ли у Аллаха имеются иллюзии насчет Байт Табити.

— Я пойду пешком, — повторил я.

Мухаммад пожал плечами и взобрался на своего верблюда. Все пошли прочь от дюны, включая меня и того Байт Табити, который отдал своего верблюда Папе.

— Идемте с нами! — воскликнул вожак. — У нас есть еда, есть вода! Мы отведем вас в наш лагерь!

Я не сомневался, что они направляются в свой лагерь, однако у меня были серьезные сомнения насчет того, что мы с Папой доберемся туда живыми.

Человек, что шел рядом, наверное, понял, о чем я думаю, потому что повернулся ко мне и медленно подмигнул.

— Доверься нам, — с хитрецой посмотрел он на меня. — Теперь вы в безопасности.

«Да уж!» — подумал я. Нам ничего не оставалось, как идти с ними. А то, что случится с нами после того, как мы доберемся в лагерь Байт Табити, — один Аллах знает.

Несколько часов мы шли к югу. Наконец, когда я окончательно выдохся и в моей фляге не осталось воды, Мухаммад объявил привал.

— Сегодня будем спать здесь, — сказал он, указывая рукой на узкий проход между двумя грядами песчаных холмов.

Я был счастлив, что дневные тяготы окончены. Однако, сидя рядом с Папой и наблюдая, как бедуины ухаживают за своими животными, я вдруг подумал: «Странно, что они не стремятся до темноты присоединиться к своему племени. Их шейх послал их разыскать нас, и они прибыли через несколько часов после того, как нас вышвырнули из вертолета. Конечно, главный лагерь Байт Табити не мог быть далеко».

Они занимались своими делами, перешептывались друг с другом и показывали на нас, когда думали, что мы на них не смотрим. Я подошел к ним и предложил помочь разгрузить верблюдов.

— Нет-нет! — сказал Мухаммад, отрезая мне путь к животным. — Пожалуйста, отдыхайте! Мы сами позаботимся о поклаже.

Здесь было что-то не так. И Фридландер-Бей тоже это почувствовал.

— Мне эти люди не нравятся, — тихо сказал я.

Мы смотрели, как один из бедуинов горстями раскладывает финики по деревянным мискам. Другой кипятил воду для кофе. Мухаммад и прочие спутывали верблюдов.

— Они не выказали никаких признаков враждебности, — сказал я, — по крайней мере с тех пор, как бросились к нам, вопя и размахивая оружием.

Папа невесело рассмеялся:

Не думай, что они зауважали нас. Посмотри на того, кто делит финики. Ты же понимаешь, что тюки на спинах этих верблюдов нагружены куда более хорошей едой. Эти Байт Табити слишком жадны, чтобы делиться с нами. Они делают вид, что у них нет ничего, кроме старых, твердых как камень фиников. Потом, когда нас не станет, они приготовят себе кое-что получше.

— После того, как нас не станет? — спросил я.

— Я не верю, что в дневном переходе отсюда есть большой лагерь. И я не верю, что Байт Табити будут продолжать оказывать нам гостеприимство.

По спине моей прошел озноб, хотя солнце еще не село и дневная жара не ослабла.

— Вы боитесь, о шейх?

Он поджал губы и покачал головой:

— Я не боюсь этих тварей, племянник. Я настороже. Неплохо бы все время за ними присматривать, чтобы знать, что они собираются делать. Они не слишком умны, но их больше, и они знают эти места.

Наш разговор прервался, когда бедуин, за которым мы наблюдали, поднес нам по миске прогорклых фиников и по грязной фарфоровой чашке с жиденьким кофе.

— У нас нет ничего, кроме этой жалкой пищи, — сказал он бесцветным голосом, — но вы окажете нам честь, если разделите с нами трапезу.

— Да благословит вас Аллах за вашу щедрость, — сказал Фридландер-Бей. Он взял миску с финиками и кофе.

— Не знаю, как выразить свою благодарность, — сказал я, принимая свой ужин.

Бедуин ухмыльнулся, и я увидел, что у него такие же гнилые зубы, как у Мухаммада.

— Не стоит благодарности, о шейх, — ответил он. — Гостеприимство — это наша обязанность. Вы должны пойти с нами и научиться жить по-нашему. Как гласит пословица: «кто проживет в племени сорок дней, становится его членом».

Что за кошмарная мысль!

— ***Салам алейкум***, — сказал Папа.

— ***Алейкум ас-салам***, — ответил бедуин. Затем он понес миски своим соплеменникам.

— Во имя Аллаха великого, милосердного, — пробормотал я. Затем я положил один финик в рот. Надолго он там не задержался. Во-первых, он был весь в песке. Во-вторых, он был таким твердым, что я чуть зубы об него не сломал. «Наверное, — подумал я, — это те самые финики, которые сокрушили зубы Байт Табити». В-третьих, они воняли так, словно несколько

недель пролежали под дохлым верблюдом. Я подавился и выплюнул. Мне пришлось выполаскивать его вкус кофе, полным песка.

Фридландер-Бей тоже сунул финик в рот. Я смотрел, как он пытается сохранить невозмутимое выражение лица,

— Еда всегда еда, племянник, — сказал он. — В Пустой четверти нельзя быть привередливым.

Я понимал, что он прав. Стер песок с другого финика и съел его. После нескольких штук я привык к их гнилостному вкусу. Я думал только о том, что нужно подкрепиться.

Когда солнце сползло за край западной дюны, Фридландер-Бей снял ботинки и медленно встал на ноги. Моей кафией он подмел перед собой песок. Я понял, что он готовится к молитве. Папа открыл флягу и смочил руки. Поскольку в моей фляге воды больше не было, я встал рядом с ним и протянул руки ладонями вверх.

— ***Аллах йисаллимак***, племянник, — сказал Папа. — Да благословит тебя Аллах.

Закончив омовение, я повторил ритуальную формулу:

— Омываюсь по приказу очистить себя от нечистоты и для того, чтобы стать достойным искать близости с Аллахом.

Снова Папа вел меня в молитве. Когда мы кончили, солнце уже совсем село и на пустыню пала ночь. Мне казалось, я чувствую, как песок отдает тепло. Ночью будет холодно, а одеял у нас не было.

Я решил посмотреть, насколько можно положиться на лживое гостеприимство Байт Табити, и подошел к их маленькому костру из высушенного верблюжьего помета, у которого сидели шестеро этих бандитов.

— Вы молитесь Аллаху, — сказал с насмешливой ухмылкой Мухаммад. — Вы добрые люди. Мы вообще-то молимся, но иногда забываем.

Его соплеменники загоготали. Я не обратил на это внимания.

— Нам нужна вода для завтрашнего перехода, о шейх, — сказал я.

Может, я мог бы просить его и повежливее.

Мухаммад немного подумал. Отказать мне он не мог, но и расставаться с частью собственных припасов ему не хотелось. Он наклонился вперед и что-то прошептал одному из своих. Другой бедуин встал, принес козий бурдюк с водой и отдал его мне.

— Вот, брат мой, — сказал он с бесстрастным лицом, — да будет она тебе приятна.

— Мы в долгу перед тобой, — сказал я. — Мы только наполним фляги и вернем тебе оставшуюся воду.

Бедуин кивнул, затем протянул руку и коснулся моих щитковых розеток.

— Мой двоюродный брат хочет знать, что это такое, — сказал он.

Я пожал плечами.

— Скажи своему двоюродному брату, что я люблю слушать музыку по радио.

А, — сказал Байт Табити. Не знаю, поверил ли он мне. Он подошел ко мне, когда я наполнял наши с Папой фляги. Затем забрал у меня бурдюк и вернулся к своим.

— Эти сукины дети не пригласили нас к своему костру, — сказал я, садясь рядом с Папой на песок.

Он только рукой махнул.

— Это ничего не значит, племянник, — сказал он. — Теперь мне надо поспать. Будет лучше, если ты будешь бодрствовать.

— Конечно, о шейх.

Папа устроился поудобнее на плотно утоптанном песке пустыни. Я посидел еще немного, погрузившись в размышления. Вспомнил то, что Папа говорил о мести, и вынул из кармана галабейи бумагу, которую дал нам кади. Это была копия обвинения, приговор и приказ о нашей депортации. Он был подписан доктором Садиком Абд ар-Раззаком, имамом мечети Шимааль и советником эмира по интерпретации шариата или религиозному праву. Я был рад увидеть, что шейх Махали вроде бы не был причастен к нашему похищению.

В конце концов, я решил лечь и притвориться, что сплю, поскольку понял, что Байт Табити следят за мной. Я растянулся на песке неподалеку от Фридландер-Бея, но глаза закрывать не стал. Мне хотелось спать, но я не осмеливался. Если бы я заснул, то мог бы больше никогда не проснуться. В сотне ярдов от нас я видел изящно округленную вершину дюны. Эта дюна могла быть в двести футов вышиной, и ветер выветрил ее мягкими, волнообразными изгибами. Мне казалось, что на самом гребне дюны я вижу величавый кедр. Я понял, что это только мираж, или, может, я уже сплю.

Я спросил себя, как же кедр может расти в этом безводном месте. Единственным ответом может быть то, что за ним кто-то ухаживает. Кто-то решил, что тут должен расти кедр, и очень постарался, чтобы он тут вырос.

Я открыл глаза и понял, что на дюне никакого кедра нет. Может, это было видение, посланное Аллахом. Может, Аллах говорил мне, что я должен надеяться на лучшее, трудиться и упорно добиваться своего. Сейчас не время отдыхать.

Я приподнял голову и увидел, что Байт Табити лежат на

земле у костра, который прогорел до бледных, тлеющих углей. Одному из бедуинов было приказано стоять на страже, но он прикорнул у песчаной стены, откинув голову и открыв рот. Рядом на земле валялась винтовка.

Я был уверен, что все шестеро спят, но на всякий случай не шевелился. Еще час я ничего не делал, только следил, как мелькают секунды на моих часах. Когда я уверился в том, что Байт Табити погружены в глубокий сон, я быстро сел и тронул Фридландер-Бея за плечо. Он тут же проснулся. Мы взяли наши фляги и встали как могли тихо. Несколько мгновений я терзался желанием украсть еду и винтовки, но наконец понял, что приближаться к верблюдам или спящим бедуинам равносильно самоубийству. Вместо этого мы с Папой скользнули в ночь.

Мы долго шли на запад, прежде чем заговорить.

— Они будут нас преследовать? — спросил я.

Папа нахмурился:

— Не могу сказать, племянник. Может, они просто позволят нам идти куда угодно. Они уверены, что так или иначе мы умрем в пустыне.

Что было на это сказать? С этого момента мы сосредоточились на том, чтобы уйти как можно дальше, направляясь под прямым углом относительно пути, проделанного с бедуинами за день. Я молился о том, чтобы мы заметили тропу, если наткнемся на нее в ночи. Это была наша единственная надежда найти источник.

Мы шли по звездам уже два часа, когда Папа заявил, что ему надо остановиться и передохнуть. Мы шли по дюнам, которые тянулись с запада на восток, по направлению господствующих ветров. Западный склон каждой дюны был гладким и пологим, а восточный, на который нам приходилось взбираться, — высоким и крутым. Соответственно, мы делали большие крюки, перебираясь через каждую дюну по низкому склону. Путь наш был долгим и утомительным, мы шли зигзагами и сделали не больше двух миль. Так медленно передвигаются только песчаные куропатки.

Мы, тяжело дыша, сидели рядом у подножия огромного песчаного обрыва. Я открыл флягу и выпил глоток, прежде чем осознал, что вода солоноватая и щелочная.

— Хвала Аллаху, — простонал я, — нам повезет, если мы не умрем от этой воды еще до того, как нас убьет солнце.

Папа тоже выпил немного.

— Да, это не пресная вода, но в пустыне такой очень мало. Эту воду бедуины пьют почти всю жизнь.

Мне следовало знать, что жизнь у кочевников безнадежно

тяжелая, но я начал понимать, что недооценил их умение выживать в суровых условиях.

— Почему они не переселятся куда-нибудь? — спросил я, снова завинчивая флягу.

Папа улыбнулся:

— Это гордый народ. Они находят удовлетворение в том, что могут выжить здесь, в месте, которое для чужаков означает смерть. Они презирают изнеженность и роскошь городов.

— Да, ты прав. Роскошь в виде свежей воды и настоящей пищи.

Мы встали и пошли снова. Было около полуночи. Переходить через дюны было все так же тяжело, и через некоторое время я заметил, что Папа тяжело дышит. Меня встревожило его состояние. Да и мое собственное тело, непривычное к нагрузкам, стало отказывать.

Над нашими головами медленно вращалось звездное небо. Когда я посмотрел вверх, было уже половина первого. Может, мы прошли еще милю.

По оценке Папы, Руб-аль-Хали тянулась примерно на семьсот пятьдесят миль к западу и на триста к югу. Я подумал, что военный вертолет вытряхнул нас в самой середине, так что при скорости в одну милю в час мы могли бы выйти из Пустой четверти дней эдак через сорок семь. Если, конечно, за нами шел бы огромный караван со вспомогательным снаряжением и припасами.

Мы снова отдохнули, выпили еще немного горькой воды и сделали последний рывок за эту ночь. Мы оба слишком устали для того, чтобы разговаривать. Я опустил голову, чтобы спрятать лицо от ветра, который нес песок нам в лицо. Я просто продолжал ставить одну ногу перед другой. Я говорил себе, что, если Фридландер-Бей продолжает идти, значит, я пойду тоже.

Часам к четырем мы выдохлись и упали в полном изнеможении. До восхода оставалось еще около часа, но нечего было и спрашивать, идти ли нам еще этой ночью. Мы остановились под вертикальным склоном огромной дюны, которая давала нам хоть какую-то защиту от ветра. Там мы выпили столько воды, сколько могли, и приготовились уснуть. Я снял свое прекрасное королевское голубое одеяние и укрыл Папу. Затем свернулся клубочком в своей галабейе и забылся холодным беспокойным сном.

Я то просыпался, то засыпал, меня мучили беспорядочные, тревожные сны. Я почувствовал, как взошло солнце, и понял, что лучше всего будет проспать как можно дольше. Я натянул галабейю на голову, чтобы лицо и макушка не обгорели. Затем

убедил себя в том, что все прекрасно, и закрыл глаза.

Около десяти я понял, что больше спать не могу. Я чувствовал, как обгорают незащищенные участки кожи. Затем проснулся и Фридландер-Бей. Судя по его виду, он спал ничуть не лучше, чем я.

— Теперь нам надо помолиться, — сказал он-.

Его голос звучал как-то особенно хрипло. Он взял в ладони песку и отер им лицо и руки. Мы вместе вознесли Аллаху благодарность за то, что Он оказал нам защиту, и попросили, чтобы Он, ежели на то будет Его воля, помог нам пережить это испытание.

Каждый раз, как я молился вместе с Папой, душу мою наполняли мир и надежда. То, что я сейчас оказался затерянным в этой пустыне, каким-то образом открыло для меня смысл нашей веры. Мне бы не хотелось пережить такое же жестокое испытание, чтобы понять свою связь с Аллахом.

Когда мы закончили, мы выпили столько воды, сколько могли. Во флягах оставалось совсем немного, но мы не видели смысла обсуждать этот факт.

— Племянник мой, — сказал старик, — думаю, было бы разумно зарыться до вечера в песок.

Это предложение показалось мне безумным.

— Зачем? — спросил я. — Мы же запечемся, как пирог с ягнятиной!

— Чем глубже зарываешься в песок, тем он холоднее, — сказал он. — И кожу от ожога сохраним, и обезвоживание будет меньше.

И снова я заткнулся. Еще один урок. Мы вырыли неглубокие ямки и засыпали себя песком. Я, кстати, заметил, что это уж очень напоминает могилы. К моему удивлению, телу было очень приятно. Теплый песок успокаивал ноющие мускулы, и впервые с того времени, как нас схватили после праздника у эмира, я сумел расслабиться. Спустя некоторое время я слегка задремал под жужжание насекомых.

День тянулся медленно. Мне снова пришлось натянуть на голову галабейю, и потому я ничего не видел. Делать было нечего, разве что лежать, думать, строить планы да давать волю своей фантазии.

Через несколько часов я услышал низкий вибрирующий гул и перепугался. Я не представлял себе, что бы это могло быть, и подумал, что у меня в ушах звенит. Однако гул не утихал, он даже становился все громче.

— Вы слышите, о шейх? — спросил я.

— Да, племянник мой. Это пустяки.

Теперь я был уверен, что это завывание приближающегося самолета или вертолета. Хорошая это новость или нет? Звук становился все громче, пока не дошел чуть ли не до визга. Я не мог встать, не мог ничего увидеть, потому я высунул из песка руки и стянул с головы галабейю.

Вокруг ничего не было. Жужжание было такое, что вертолет должен был бы висеть прямо у нас над головами, но голубое небо было пустым.

— Что это? — озадаченно спросил я.

— Это, о мудрый, знаменитые «поющие пески». Мало кому удается это услышать.

— Эти звуки издавал песок? Он же ревел, как двигатель!

— Говорят, эти звуки получаются, когда один слой песка скользит по другому, вот и все.

Я чувствовал себя полнейшим дураком из-за того, что всполошился из-за какого-то жужжания, которое издавала песчаная дюна. Однако Папа и не думал смеяться надо мной, и я был ему за это благодарен. Я снова зарылся в песок и сказал себе, что не следует быть таким идиотом.

Около пяти мы вылезли из наших песчаных постелей и приготовились к ночным трудам. Мы помолились, выпили солоноватой воды и снова пошли на запад. После получаса ходьбы у меня возникла блестящая идея. Я вынул свои модики и вставил тот, который блокирует чувство жажды. И сразу же почувствовал прилив бодрости. Это была опасная иллюзия, поскольку тело мое теряло воду с прежней скоростью. И все же теперь я чувствовал, что могу идти дальше без воды, и отдал свою флягу Папе.

— Я не могу принять ее от тебя, племянник, — сказал он.

— Можете, о шейх, — сказал я. — Эта штучка не даст мне страдать от жажды ровно столько, сколько вам поможет продержаться эта фляга. Сами понимаете, если мы вскоре не найдем воду, мы умрем оба.

— Это верно, мой дорогой, но…

— Идемте дальше, дедушка, — ответил я.

Солнце садилось, и воздух начал остывать. Чуть позже мы остановились передохнуть и помолиться. Папа допил воду из одной фляги. Затем мы снова двинулись в путь.

Я начал чувствовать зверский голод и осознал, что, если не считать жалких фиников Байт Табити, последний раз я ел сорок восемь часов назад во дворце у эмира. Хорошо, что у меня был еще и модик, блокирующий чувство голода. Я вставил и его, и голодные колики в моем желудке утихли. Я понимал, что Папа, наверное, умирает с голоду, но с этим я поделать ничего не мог.

Я выбросил из головы все мысли, кроме той, как пройти через всю Пустую четверть.

Раз, забравшись на гребень высокой дюны, я обернулся и посмотрел назад. В бледном свете луны мне показалось, что за дальней дюной поднимается облако пыли. Я взмолился, чтобы это не оказалось погоней. Я хотел было показать это Фридландер-Бею, но не смог снова обнаружить облака. Может быть, оно мне почудилось. Обширная пустыня — самое место для галлюцинаций.

После второго часа ходьбы нам пришлось отдохнуть. Искаженное лицо Папы осунулось. Он открыл вторую флягу и осушил ее. Больше воды у нас не было. Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга.

— Свидетельствую, что нет бога, кроме Бога, — тихо сказал Папа.

— И Мухаммед — пророк его, — добавил я. Мы встали и снова двинулись в путь.

Через некоторое время Папа упал на колени в приступе рвоты. Извергать ему было нечего, но спазмы были долгими и жестокими. Я надеялся, что он потерял не так много воды. Позывы к рвоте — первый признак сильного обезвоживания. Через несколько минут он слабо махнул рукой, показывая, что хочет идти дальше. С этого момента меня охватил страх, какого я в жизни не знал.

Теперь у меня уже не оставалось иллюзий: мы не выживем, разве что нас спасет чудо.

Мускулы начала сводить судорога, и мне в третий раз пришлось воспользоваться модиками. Я вставил тот, что блокировал боль, осознавая, что, если я доживу до избавления, состояние мое будет кошмарным. Как говаривала моя приятельница Чирига: «Расплата — сука».

Около полуночи, после того как мы еще раз отдохнули, Папа начал спотыкаться. Я подошел к нему и тронул за плечо. Он повернулся, «о взгляд его плыл.

— Что, сын мой? — спросил он. Голос его был хриплым, а слова неразборчивы.

— Как вы себя чувствуете, о шейх?

— Чувствую… странно. Я уже не голоден, и это хорошо, но у меня дико болит голова. Перед глазами яркие точки, я едва вижу то, что передо мной. И неприятное покалывание в руках и ногах. Дурные симптомы.

— Да, о шейх.

Он поднял на меня взгляд. Впервые за все время, что я его знал, у него в глазах показалась неподдельная печаль.

— Больше я не хочу идти.

— Да, о шейх, — сказал я. — Я понесу вас.

Он хотел было сопротивляться, но ничего не вышло. Я извинился, поднял его и перекинул через плечо. Без модиков, которые подавляли неприятные сигналы тела, идущие в мозг, я его и пятидесяти ярдов не протащил бы. Я шел вперед с радостным, абсолютно ложным ощущением того, что мне хорошо. Я не хотел есть, я не хотел пить, у меня даже ничего не болело. У меня был еще один модик, который я мог использовать в том случае, если бы меня начал одолевать страх.

Немного спустя я осознал, что Папа что-то возбужденно шепчет. Вытащить нас из этой переделки должен был я. Я просто стиснул зубы и пошел. Мой модифицированный мозг был до смешного уверен в том, что я выберусь живым из самой страшной пустыни в мире.

Ночь минула. Я упорно брел по волнистым пескам, словно робот. И все это время мое тело страдало от того же обезвоживания, как то, что свалило с ног Папу, и яд усталости накапливался в моих мускулах.

За моей спиной вставало солнце, я ощутил, как мне начало припекать спину и затылок. Я брел все утро. Папа больше не издавал ни звука. Один раз, около восьми, мои руки и ноги не выдержали. Я уронил Папу на песок и тяжело упал рядом с ним. Позволил себе немного отдохнуть. Я понимал, что довел себя до предела. Я подумал, что, может быть, мне станет лучше, если я немного полежу.

Наверное, я потерял сознание, поскольку, когда я в следующий раз посмотрел на часы, миновало два часа. Я встал, поднял Папу и перекинул его через плечо. Затем прошел еще немного.

Я шел, покуда снова не упал. Это уже походило на систему, и вскоре я окончательно потерял счет времени. Солнце вставало, солнце уходило. Вставало, уходило. Я понятия не имел, сколько умудрился пройти. Смутно помню, что сидел на склоне огромной дюны, поглаживал руку Фридландер-Бея и плакал. Я сидел там долго, и вдруг мне показалось, что я слышу, будто кто-то зовет меня по имени. Я поднял Папу и пошел на голос, спотыкаясь.

На сей раз я ушел недалеко. Пересек две, может, три дюны, и мышцы снова подвели меня. Я лежал, наполовину уткнувшись лицом в горячий красный песок. Уголком глаза я видел ногу Папы. Я был совершенно уверен в том, что больше не встану.

— Прибегаю к защите… — пробормотал я. Закончить не хватило слюны. «Прибегаю к защите Владыки Миров», — мысленно произнес я.

И снова отключился. Когда я очнулся в следующий раз, то увидел ночь. Видимо, я был еще жив. Надо мной склонился человек с суровым лицом, на котором выделялся крючковатый нос. Я не знал, кто он, не знал, существует ли он на самом деле. Он что-то сказал мне, но я не понимал его слов. Он смочил мне губы водой, и я попытался вырвать у него козий бурдюк, но руки не слушались меня. Он еще что-то сказал. Затем коснулся моих розеток.

Я с ужасом понял, что именно он пытается сделать.

— Нет! — прохрипел я. — Пожалуйста, во имя Аллаха, не надо!

Он убрал руку и еще несколько секунд рассматривал меня. Затем открыл кожаный мешок, вынул оттуда старинный одноразовый шприц и флакон с какой-то жидкостью и сделал мне укол.

Чего я действительно хотел, так это кварту чистой свежей воды. Но и доза соннеина — тоже хорошо.

Глава 5

Теперь я помнил все, что произошло с момента нашего похищения до того, как нас спасли Бани Салим. Однако память о нескольких днях, наверное, навсегда исчезла для меня в мареве бреда. Шейх Хассанейн успокоил меня, затем вынул все модики. Мой разум и тело поглотила волна дикой боли. Я был рад, что Хассанейн держал меня в отключке с помощью соннеина, пока я не стал выздоравливать.

Когда поутру я сел и потянулся, Нура уже бодрствовала. Несколько секунд я не мог понять, где я. Передний и задний пологи шатра из козьей шерсти были откинуты, и внутрь задувал свежий теплый ветерок. Я склонил голову и помолился: «Да будет день этот счастливым, охрани нас от зла!»

Да благословит тебя Аллах, о шейх, — сказала Нура. Она подошла ко мне поближе. В руках ее была чашка верблюжьего молока и тарелка с хлебом и хуммусом — пастой из нута и оливкового масла.

— ***Бисмилла***, — пробормотал я, отламывая кусок хлеба. — Да будет удачен день твой, Нура. — С волчьим аппетитом я набросился на завтрак.

— Я рада видеть, что у вас снова появилась охота к еде. Не принести ли вам еще?

Рот у меня был набит, потому я только кивнул. Нура вышла из шатра за второй порцией. Я несколько раз глубоко вздохнул и попробовал пошевелить конечностями. Мускулы по-прежнему ныли, но я чувствовал, что вскоре смогу встать. Я вспомнил, как Хассанейн говорил мне, что Бани Салим скоро нужно будет искать для животных Другое пастбище. Перспектива протопать с ними пару сотен миль не слишком вдохновляла меня, потому я решил, что пришло время научиться ездить на верблюде.

Нура вернулась с другой тарелкой хлеба и хум-муса, и я набросился на еду.

— Старый шейх придет к вам, когда вы поедите, — сказала она.

Я был рад это слышать. Мне хотелось посмотреть, как Фридландер-Бей перенес наше испытание. Хотя оно еще не кончилось. Нам еще нужно было пройти долгий и тяжелый путь. Единственным различием было то, что теперь мы пойдем с Бани Салим, а они знают тут все источники.

— Нам с Папой надо поговорить, — сказал я.

— Вы должны обдумать план вашей мести.

— Что ты об этом знаешь? — спросил я.

Она улыбнулась. Только тут я понял, что она больше не прикрывает лицо накидкой.

— Вы много раз говорили мне об эмире, кади, имаме и шейхе Реда. Большую часть времени вы что-то бормотали, но я достаточно много поняла из ваших речей. А старый шейх рассказал мне почти то же самое.

Я поднял брови и подобрал куском хлеба остатки хуммуса.

— И что, по-твоему, нам следует делать?

Лицо ее стало торжественным.

— Бедуины держатся мести. Это стало неотъемлемой частью нашей религии. Если вы не вернетесь в город и не убьете тех, кто умышлял против вас, то Бани Салим не будут больше вам друзьями. Я чуть было не рассмеялся:

— Даже если нам придется убить такого уважаемого человека, как имам? Даже если его любят феллахи нашего города? Даже если он славится добротой и щедростью?

— Значит, он имам с двумя лицами, — сказала Нура. — Для некоторых он, может быть, мудрый почитатель Аллаха, добрый к своим братьям во Исламе. Но вам он причинил зло, значит, у него развращенная душа. Он взял деньги от вашего врага и несправедливо осудил невинных людей на изгнание и верную смерть. Второе лицо его говорит о том, что первое лживо и что оно ненавистно Аллаху. Вы должны отплатить ему за предательство так, как того требует обычай.

Ее горячность испугала меня. Я не понимал, почему это дело, касающееся меня и Папы, с одной стороны, и доктора Абд ар-Раззака — с другой, так сильно волнует ее. Она заметила, что я рассматриваю ее, вспыхнула и прикрыла лицо покрывалом.

— Обычаи бедуинов могут оказаться незаконными в городе, — сказал я.

Глаза ее вспыхнули.

— Что такое «законный»? Есть только праведное и неправедное. Существует сказка о злом имаме в колодце, которую бедуинки рассказывают своим детям.

Нура, если на место имама поставить того, кто причинил нам зло, то эта история называлась бы «ответчик в колодце», так ведь?

— Я даже не знаю, что такое ответчик, — сказала она. — Слушай же. Может, жил на свете, а может, и нет, злой имам в Ашшаме, который вы называете Дамаском, в те времена, когда других городов на свете не было. Бедуинам не нужны имамы, потому что каждый из них молится Аллаху сам и не доверяет молиться за себя другому. Слабым горожанам нужна помощь имама, потому что они забыли, как самим находить себе воду и добывать еду, потому им приходится зависеть от людей, которые

им все это доставляют. Потому им приходится зависеть и от имама, чтобы найти путь к Аллаху.

Итак, многие из жителей Аш-шама все же думали, что злой имам мудр и добр, поскольку он наставлял всех, кто слушал его, давать деньги нуждающимся братьям. Но сам имам ни монетки не дал из своих денег, поскольку стал очень жаден. Он любил золото так, что продался одному из самых развращенных и честолюбивых людей города.

Когда проведал Аллах о том, что сердце имама стало черным, послал Он одного из ангелов Своих на землю. Ангелу дано было повеление забрать имама в пустыню и держать его там, чтобы он больше не смог никого из людей вести неправедным путем. Ангел нашел имама в его тайной сокровищнице, когда тот перебирал кучи золотых и серебряных монет. Ангел наложил на имама заклятье, и тот уснул.

Ангел взял злого имама, положил его на ладонь и унес в самое сердце Руб-аль-Хали. Имам ничего не знал об этом, потому что все еще крепко спал. Ангел сделал глубокий-глубокий колодец и опустил имама на самое дно, где не было ничего, кроме самой горькой и грязной воды на свете. И тогда ангел разбудил имама.

«***Йа Аллах!*** — вскричал злой имам. — Где я и как я сюда попал?»

«Слишком поздно взывать к Аллаху, о сын Адама», — сказал ангел. Суровый голос его прозвучал как раскат грома, и стены вокруг содрогнулись.

«Выпусти меня, — в страхе сказал имам, — и я обещаю исправиться! Сжалься надо мной!»

Ангел покачал головой, и из глаз его вырвались ужасные молнии.

«Не мне осуждать или миловать тебя. Единственный Судия уже вынес свое решение. Подумай о своих делах и исправь душу свою, поскольку тебе все же предстоит встретиться с Господином твоим в День Суда».

Затем ангел ушел и оставил злого имама одного.

Настал день, когда тот человек, кто сменил имама, по имени Салим, прародитель нашего племени, в странствиях своих набрел на этот колодец. Салим не знал злого имама и отличался от него, как луна от солнца. Молодой человек был истинно добр и щедр, и его очень любили все люди Аш-шама, которые избрали его имамом, признавая его добродетели.

Когда Салим наклонился, чтобы посмотреть в колодец, он испугался, увидев там огромное количество живых тварей, что упали туда и оказались в заточении вместе со злым имамом.

Животные взмолились к нему, чтобы он освободил их из глубокого колодца. Салим был так тронут мольбами, что снял свою кафию и опустил ее в темную дыру.

Первым животным, которое выбралось наверх по кафии, была ящерица, которую бедуины называют Абу Куруш, или Отец монет, поскольку конец хвоста ящерки плоский и круглый. Абу Куруш был так благодарен за свое спасение, что оторвал кусок своей шкуры и отдал ее Салиму со словами: «Когда ты будешь в беде и тебе понадобится помощь, подожги эту шкуру, и я приду к тебе». Он побежал было прочь по горячим пескам, но обернулся и крикнул Салиму: «Берегись того сына Адама, что сидит в колодце! Это злой человек, и ты должен его там оставить!»

Следующим созданием, которого спас Салим, была волчица. Волчица была рада так же, как и ящерица. Она вырвала два своих уса и дала их Салиму. «Если ты окажешься в таком же месте, как и то, откуда ты меня вытащил, то сожги эти усы, и я приду к тебе». Она пошла прочь и тоже крикнула ему на прощанье: «Знай, о человек, что тот сын Адама, который сидит в колодце, — самый злой на свете».

Салим вытащил всех животных и выслушал их предупреждения. Он обернул было кафию вокруг головы, но тут его соотечественник, злой имам, закричал душераздирающим голосом:

«Как ты можешь выручить всех этих тварей, а меня оставить умирать здесь, в черной яме? Разве не братья мы согласно святым словам Пророка, да будет благословение Аллаха на нем и народе его?»

Салим разрывался между желанием послушать предостережения животных и порывами своей доброй души. Он решил, что незримый узник тоже человек, как и он сам, и снова опустил кафию в колодец. Он освободил злого имама и пошел своим путем. Спустя много недель он снова вернулся в Аш-шам.

— Это прекрасная история, Нура, — позевывая, сказал я, — но, похоже, конца ей не будет, а я помню, что Бани Салим вскоре придется двинуться к следующему колодцу. И уж конечно ты не хочешь, чтобы верблюды и козы умерли от голода, пока ты будешь плести прекрасные бедуинские сказки. Нура вздохнула.

— Я быстро закончу, — сказала она.

Я понял, что она действительно любит рассказывать истории. Наверное, с моей стороны было нелюбезно прерывать ее, но мне показалось, что она пытается придать сказке особый смысл. Если она хотела изречь некую мудрую мысль, могла бы изложить ее так же полно в пятнадцати словах, как и в пяти тысячах.

Конечно, я понимал, что в этой истории под Салимом

подразумевался я, а под злым имамом — доктор Абд ар-Раззак. Мне показалось, что я могу угадать и то, что случится дальше.

Значит, с Салимом случилась какая-то беда по вине злого имама, и ему пришлось позвать на помощь волка и ящерицу.

На самом деле, — сказала она, пытаясь опередить меня, — сначала с Салимом ничего дурного не случилось. Он сжег шкурку ящерицы, и, прежде чем последний завиток серого дыма исчез в небе, Абу Куруш появился перед ним.

«Чего ты желаешь?» — спросила ящерица. «Я хочу быть богатым, как царь», — сказал Салим.

«Это просто сделать. Поступай так, как я скажу тебе. Возьми корзину, в которой твой слуга приносит хлеб, и выстави ее сегодня ночью за городские ворота. Затем ты должен встать до рассвета и забрать ее».

Салим сделал так, как ему сказали, и оставил пустую корзину перед стенами царского дворца.

Когда он утром пришел за ней, она была полна золота.

— Так Салим попал в переделку? — спросил я.

Нура нетерпеливо махнула рукой:

— Подождите, подождите! Несколько дней Салим жил спокойно. Он ел лучшую в городе еду, купил себе новую одежду, наслаждался всеми радостями Аш-шама, которые дозволяет Аллах. Однако через некоторое время царь заметил, что исчезла часть его сокровищ. Он был оскорблен и разгневан и издал приказ: «Тот, кто отыщет грабителя, получит в жены прекрасную дочь царя и полцарства в придачу!»

Когда было объявлено о награде, многие мудрые и хитрые люди пришли посмотреть на царские кладовые. Все они были озадачены, и все без исключения говорили царю, что человек не мог бы проникнуть в сокровищницу и похитить оттуда золото. Наконец самый умный сказал, что в сокровищнице надо насыпать побольше сухих пальмовых листьев. Царь не стал пускаться в расспросы, а просто сделал так, как советовал умный человек. Затем умный человек поджег листья и вывел царя и его слуг из здания. Через несколько минут все увидели черную струйку дыма, выходящую из маленькой дырки в основании дворцовой стены. Умный человек подошел, внимательно рассмотрел землю в этом месте и увидел на ней маленькие следы. «Смотрите, ваше величество! — сказал он. — Вор — не человек, а ящерица!»

Но царь, который был человеком горячим, подумал, что умник обманывает его, и приказал увести его и обезглавить. Так пришел конец умному человеку.

— Это что — мораль специально для меня? — спросил я.

Нура улыбнулась:

— Нет, история еще не окончена. И умный человек тут вовсе ни при чем. Я даже не дала ему имени. Короче, весть обо всем этом разнеслась по городу Аш-шаму, пока не достигла слуха злого имама. Злой имам понял, что может получить руку царской дочери и полцарства, поскольку тоже слышал слова Абу Куруша. Он побежал в приемную царя и вскричал: «Этот вор — твой собственный имам, Салим!»

Царь усомнился в том, что это правда, но послал солдат к дому Салима, где они и нашли остальное золото. Они схватили Салима и в цепях увели в самое глубокое, самое грязное подземелье. Салим знал, кто мог его выдать, и проклял свою глупость, что не послушал предостережений и освободил злого имама.

Салим томился в своей мрачной камере один день и одну ночь, а затем вспомнил о словах волчицы. Он достал волчий ус и поджег его. В мгновение ока она появилась перед ним.

«Чего ты желаешь?» — спросила она.

«Я хочу, чтобы ты освободила меня из этой ужасной темницы, как я освободил тебя из колодца», — сказал Салим.

«Вечером ты будешь свободен», — сказала волчица, протиснулась под дверью камеры и исчезла.

Прошло много часов, и вот настал самый темный час ночи. Внезапно из комнат юного сына и наследника царя раздались вопли ужаса. Царь вбежал в комнату и увидел, что волчица держит своими острыми, длинными клыками ребенка за голову. Как только царь, его воины или советники пытались приблизиться, волчица громко и яростно рычала. Никто не мог помочь юному царевичу.

Весть разнеслась по дворцу. Тюремные стражники громко ее обсуждали, и Салим услышал их слова.

«Отведите меня к царю, — сказал он, — и я спасу царевича».

Стражники рассмеялись в ответ, говоря, что храбрейшие из них ничего не смогли сделать, так что может сделать этот простой проповедник? Наконец Салим уговорил стражей привести его к царю. Они поспешили к комнате ребенка. Как только Салим вошел, волчица начала вилять хвостом и повизгивать, словно собака, что радуется при виде хозяина.

«Волчица уйдет, не причинив царевичу вреда, — сказал Салим, — если дать ей сердце бывшего имама Аш-шама».

Царь приказал солдатам поторопиться, и те быстро побежали в город и разыскали злого имама. Они схватили его, притащили во дворец и отрубили ему голову. Затем разрубили ему грудь, вырвали сердце и положили его в золотую чашу. Салим поставил золотую чашу перед волчицей. Та лизнула ему руку, взяла в пасть

сердце злого имама и убежала прочь из дворца. Царь был так рад, что простил Салима и дал ему в жены свою дочь!

Я немного подождал, чтобы удостовериться в том, что история, наконец, окончена.

— Значит, я должен вырвать сердце у доктора Садика Абд ар-Раззака? — спросил я.

— Да, и скормить его псам! — гневно сказала Нура.

— Даже если в городе уже давно ничего такого не делают? Во всяком случае с теологами. Не с Гитлером или Ксарди-ханом.

Нура озадаченно посмотрела на меня.

— А кто они такие? — спросила она. Я улыбнулся:

— Не бери в голову.

Она взяла пустую тарелку и чашку и вышла из шатра. Почти сразу же вошел Фридландер-Бей. Он сел на песок рядом со мной и стиснул мою руку.

— Как себя чувствуешь, дорогой мой? — спросил он.

Я был рад его видеть.

— На все воля Аллаха, о шейх, — сказал я.

Он кивнул.

— Лицо твое обгорело на солнце и обветрилось. А что стало с твоими руками и ногами после того, как ты меня нес! — Он покачал головой. — Я приходил к тебе каждый день, даже когда ты лежал без сознания. Я видел, как ты страдаешь.

Я испустил глубокий вздох:

— Это было необходимо, дедушка.

Он снова кивнул:

— Я пытаюсь выразить свою признательность. Всегда…

Я поднял свободную руку: — Пожалуйста, о шейх, не надо создавать неловкости нам обоим. Не благодарите меня. Я сделал то, что мог для спасения наших жизней. Любой сделал бы то же.

— И все же ты измотался сверх всякой меры, ты поставил под угрозу свой разум и свою жизнь ради меня. Я устроил тебе эти проклятые имплантаты, я сделал тебя моим оружием. А ты отплатил мне бесконечной отвагой. Мне стыдно.

Я закрыл глаза на несколько секунд. Если бы эта сцена продлилась еще немного, это стало бы так же невыносимо, как то путешествие по пустыне.

— Я не хочу больше об этом говорить, — сказал я. — У нас нет времени для эмоций. Единственная наша надежда выжить в этой заварухе и вернуться в город, чтобы вернуть себе положение, состоит в том, чтобы сосредоточиться на плане действий.

Папа почесал подбородок, на котором серая щетина уже превратилась в неровную бородку, и задумчиво пожевал губу. Он явно принял какое-то решение, поскольку с этой минуты снова

стал прежним Фридландер-Беем, которого мы все в Будайине знали и боялись.

— Бани Салим нам бояться нечего, — сказал он.

— Хорошо, — отозвался я. — Но я не знаю, где они стоят.

— Они взяли на себя заботу о нас, пока мы не доберемся до Мугшина. С нами будут обращаться как с почетными гостями и выказывать всяческое уважение. Мы должны постараться не слишком злоупотреблять их гостеприимством, поскольку они будут отдавать нам свою еду, даже если будут из-за этого голодать. Я не хочу, чтобы такое случилось.

— Я тоже, о шейх.

— Я никогда раньше не слышал о Мугшине и думаю, что это всего лишь кучка хижин и шатров вокруг большого источника к югу отсюда. Мы ошиблись, думая, что сержант в Наджране приказал выбросить нас в середине Пустой четверти. Вертолет залетел гораздо дальше, чем мы думали, и нас выбросили в северо-восточной части Песков. — Я нахмурился. — Так бедуины называют эту огромную пустыню, — объяснил Папа. — Они никогда не слышали названия Руб-аль-Хали.

— Не все ли равно, где нас выбросили, — сказал я. — Если бы нас не подобрали Бани Салим, мы давным-давно бы умерли.

— Нам следовало идти в другую сторону, к востоку. Мы ближе к Оману, чем к западной границе.

— Да мы и до Омана не добрались бы. Мы все еще собираемся ехать с Бани Салим на юг?

— Да, племянник мой. Мы можем им доверять. Это в нашем положении значит больше, чем время или расстояние.

Я осторожно подтянул колени: только чтобы посмотреть, работают ли ноги. Ноги слушались, и я был рад этому, хотя после двух недель усиленного отдыха они были словно ватные.

— Вы подумали, что мы будем делать, когда доберемся до Мугшина?

Он смотрел поверх моей головы, как будто издали видел Будайин и наших врагов.

— Я не знаю, где находится Мугшин, и даже шейх Хассанейн не может мне этого показать. У Бани Салим нет ни карт, ни книг. Некоторые из бедуинов уверяли меня, что от Мугшина через горы можно добраться до приморского города Салалы. — Папа коротко усмехнулся. — Они говорили о Салале так, словно это прекраснейшее место на земле, что там всяческая роскошь и удовольствия.

— Горы, — с несчастным видом сказал я.

— Да, но небольшие. К тому же Хассанейн обещал найти нам в Мугшине надежного проводника.

— А затем?

Папа пожал плечами:

— Как только мы доберемся до побережья, мы сможем отправиться кораблем до города с посадочной площадкой для суборбиталок. По дороге мы должны быть чрезвычайно осторожны, потому что за нами будут шпионить…

Вернулась Нура. На сей раз она принесла какую-то одежду.

— Это вам, шейх Марид, — сказала она. — Не соизволите ли вы надеть чистую одежду и пройти со мной?

Не хотелось заставлять работать мои ноющие мускулы, но отказаться не мог, Папа встал и вышел из шатра. Нура вышла вслед за ним и опустила передний и задний пологи, чтобы я мог спокойно одеться.

Я медленно встал, готовый отложить попытку на следующий день, если почувствую острую боль. Встряхнул чистую одежду. Во-первых, здесь была потертая набедренная повязка, и я быстро обернул ее вокруг себя. Я не знал в точности, как носят ее мужчины Бани Салим, и, похоже, мне этого не покажут. Сверху я надел длинный белый халат, который бедуины называли ***тоб***. Бедняки в городе носили что-то очень похожее, и я знал, что Фридландер-Бей часто надевал такое одеяние, демонстрируя свое происхождение. Поверх тоба я надел длинную белую распашную рубаху с широкими длинными рукавами. Здесь была и чистая хлопковая кафия для головы, но мой акаль где-то потерялся. Я обернул голову покрывалом и подоткнул концы на манер южных бедуинов. Затем натянул свое ныне потертое и выцветшее в странствиях голубое одеяние, которым так восхищались Байт Табити. Среди одежды не было сан-Далий. Я понял, что мне придется идти босиком.

Приятно было чувствовать себя снова одетым и готовым к действию. Когда я выходил из шатра, меня несколько занимало то, как я выгляжу, поскольку моя одежда делала меня похожим на богатого шейха из упадочного, хрупкого мира Руб-аль-Хали. Я сознавал, что все люди в лагере смотрят на меня. Меня ждали Фридландер-Бей, Нура и ее дядя Хассанейн. Шейх Бани Салим широко улыбнулся мне в знак приветствия.

— Вот, — сказал он, — твои вещи. Я взял их ради сохранности. Я боялся, что некоторые из молодых могут соблазниться и похитить их. — Он дал мне мои сандалии, церемониальный кинжал и коробочку с модиками и училками. Я был невероятно рад получить все это назад.

— О шейх, — сказал я Хассанейну, — ты оказал бы мне великую честь, если бы принял этот дар. Это лишь небольшое возмещение того, что мы тебе задолжали.

Я подарил ему свой прекрасный драгоценный кинжал. Он взял его и принялся рассматривать. Несколько мгновений он не мог произнести ни слова.

— Клянусь очами моими, — наконец сказал он, — такой кинжал не по мне! Этот дар достоин благородного князя или царя!

— Друг мой, — сказал Папа, — ты благороден, как любой князь в этой стране. Прими его. У этого кинжала долгая история, и он достоин тебя.

Хассанейн не стал рассыпаться в благодарностях. Он просто кивнул мне и опоясался тканым поясом. По обычаю бедуинов он носил кинжал впереди, на животе. Он больше ничего не сказал, но я видел, что подарок ему понравился.

Мы медленно шли между черных шатров из козьей шерсти. Я видел, как люди поворачивались к нам. Даже женщины, занимавшиеся повседневной работой, бросали на нас короткие взгляды, когда мы проходили мимо. Неподалеку мальчишки гнали верблюдов и коз к низким кустарникам. Это был не лучший корм для животных, но в таком заброшенном месте выбирать не приходится. Лагерь состоял из дюжины шатров. Земля вокруг Бир-Балаг была такой же, как та, по которой мы шли с Папой. Здесь не было ни тенистых деревьев, ни финиковых пальм. В низине между двумя грядами дюн всего-то и было хорошего, что широкая одинокая дыра в земле. Колодец. Когда к таким колодцам приходил путник, ему приходилось несколько часов раскапывать его, поскольку движущиеся пески быстро его забивали.

Теперь я понял, в каком беспомощном положении оказались бы мы с Папой, даже если бы наткнулись на такую грязную дыру. Вода зачастую лежала в десяти футах или глубже, и ни веревок, ни корзин тут не было. Каждый странствующий бедуин возил с собой собственную веревку для добывания жизненно необходимой воды. Даже если бы Аллах послал нам удачу и мы нашли бы один из этих солоноватых источничков, мы все равно могли бы умереть от жажды.

От этой мысли меня пробрала дрожь, и я пробормотал благодарственную молитву. Затем мы четверо продолжили путь. В одном из ближайших шатров отдыхали и пили кофе из маленьких чашечек, чуть побольше наперстка. Это было обычным времяпрепровождением мужчин в лагере. Один из них увидел меня и что-то сказал, выплеснув свой кофе на землю. Его приятели заволновались, он вскочил на ноги и бросился ко мне, бешено вопя и размахивая руками.

— В чем дело? — спросил я Хассанейна.

Шейх шатнулся вперед, чтобы остановить разъяренного юношу.

— Это наши гости, — сказал Хассанейн. — Замолчи или ты всех нас обесчестишь.

— Это он нас бесчестит! — закричал взбешенный бедуин и показал на меня длинным костлявым пальцем. — Он творит это прямо у тебя под носом! Он пытается совратить ее! Он обольщает ее грязными соблазнами! Он — не правоверный мусульманин, да будет проклята нечистая вера его отцов! Ему наплевать на нее, он погубит ее и бросит, чтобы вернуться к своему гарему, к своим развратным женщинам!

Хассанеину не удалось утихомирить молодого человека — тот продолжал вопить и потрясать кулаком. Я старался не обращать на него внимания, но вскоре вокруг нас собралось все племя. События быстро выходили из-под контроля.

Нура побледнела. Я поймал ее взгляд. Она отвернулась. Я испугался, что она сейчас расплачется.

— Ведь это Мусаид, твой тайный обожатель? — спросил я. — Так?

Она беспомощно посмотрела мне в лицо.

— Да, — тихо сказала она. — И теперь он решил убить тебя.

Я подумал, насколько лучше было бы, если бы я тогда отклонил предложение шейха Махали и вместо этого просто пошел и напился…

Глава 6

Я смотрел, как Бани Салим сворачивают лагерь. Это не заняло у них много времени. У каждого в племени было собственное дело, и каждый справлялся с ним быстро и эффективно. Даже мрачный Ибрагим бен-Мусаид, который утихомирился и больше не настаивал на том, чтобы убить меня тут же на месте, навьючивал тюки на верблюдов.

Это был смуглый, задумчивый молодой человек лет двадцати, с длинным узким лицом. Как некоторые из младших Бани Салим, он не носил кафии, и лицо его было обрамлено косматыми сальными волосами. Его верхняя челюсть выдавалась вперед, придавая лицу досадно глупое выражение, но черные глаза под клочковатыми бровями горели ярко.

Отношения между ним и Нурой были, казалось, куда сложнее, чем я думал вначале. Дело было не в безответной любви, что для замкнутого общества Бани Салим уже было тяжелым случаем. Хассанейн рассказал мне, что Мусаид был сыном одного из двух братьев шейха, а Нура — дочерью другого. По обычаю Бани Салим, девушка с колыбели считается помолвленной со своим старшим кузеном и не имеет права выйти за кого-либо другого, если тот не отпустит ее. Бен-Мусаид не собирался этого делать, хотя Нура ясно дала ему понять, что хочет выйти за другого юношу, по имени Сулейман бен-Шариф.

Я лишь усугубил дело, поскольку бен-Мусаид обратил против меня всю свою ревность. Я догадывался, что я более доступная цель, чем бен-Шариф, поскольку был чужаком, да еще и ослабленным цивилизацией. Бен-Мусаид ясно дал мне понять, что он возмущен тем, что Нура проводила со мной много часов, особенно по ночам, пока я выздоравливал. Ему было наплевать, что большую часть времени я пролежал без сознания. Он любыми способами старался намекнуть на непристойность такого поведения.

Однако этим утром не было времени на ссоры. Верблюды лежали на земле, покуда Бани Салим навьючивали на них свернутые шатры, тюки с пожитками и припасы. Воздух был полон громкого фырканья и рева верблюдов, понимавших, что творится, и выражавших свое единодушное недовольство. Некоторые животные вертели головами и толкали своих владельцев, которые пытались приладить им на спину узлы, и тогда бедуинам приходилось быстро отскакивать.

Наконец все было разделено и надлежащим образом погружено и мы были готовы к путешествию. Бен-Шариф,

приятель Нуры, подвел мне маленькую верблюдицу по имени Фатма. В стаде бедуинов было несколько дюжин верблюдов, но самцов среди них оказалось только три. Бен-Шариф объяснил мне, что они продали или съели остальных самцов, поскольку не могли кормить тех животных, что не давали взамен молока.

Я увидел, как один из бедуинов вскочил на двинувшегося верблюда. Он сделал это, взобравшись по одной из передних ног животного, стиснув ее ступнями выше колена. Подтянувшись, он перелез через шею верблюда и вскарабкался в седло.

Я не был готов совершить подобный подвиг, и потому ждал, пока бен-Шариф уложит Фатму, постукивая ее погонялом по коленям, покрикивая «хирр, хирр!». Затем я неуклюже заполз в покрытое овечьей шкурой деревянное седло. Бен-Шариф поднял животное на ноги и дал мне поводья и погоняло. Я увидел, что Фридландер-Бею помогли взобраться на другую верблюдицу.

Во имя Аллаха, благого, милосердного! — воскликнул шейх Хассанейн и повел Бани Салим к югу, прочь от Бир-Балаг.

— ***Аллаху акбар!*** Велик Аллах! — закричали его соплеменники.

И мы отправились в трехдневное путешествие к Кхабе, следующему источнику.

Папа ехал на своем верблюде слева от меня, а Хиляль, один из двух Бани Салим, что нашли нас в пустыне, ехал справа. Ехать было не слишком-то удобно, и я не мог себе представить, как проведу в седле все три дня до Кхабы, если не считать еще двух недель, что придется путешествовать до Мугшина.

— Как себя чувствуешь, племянник? — спросил Папа.

— Ненавижу езду, — простонал я.

— Эти седла не так удобны, как у северных бедуинов. Сегодня ночью мускулы у нас будут болеть.

— Смотри, — сказал Хиляль, — мы сидим не так, как городские. Мы стоим на коленях.

Действительно, он стоял на коленях на спине верблюда. Мне, втиснутому в деревянное седло и дрожавшему за свою драгоценную жизнь, было достаточно трудно держать равновесие. Если бы я попытался встать на колени, как Хиляль, я бы свалился с седла и полетел на землю с высоты десяти футов прямо под ноги следующему верблюду. И тогда вдобавок к ноющей спине я имел бы еще и сломанную шею.

— Может, мне лучше слезть и идти пешком? — сказал я.

Хиляль усмехнулся, сверкнув крепкими белыми зубами.

— Будь веселее, брат мой! — сказал он. — Ты жив, и ты среди друзей!

Мне раньше не приходилось бывать среди таких веселых

людей, как бедуины. Они пели всю дорогу от Бир-Балаг до Кхабы. Думаю, им просто нечем больше было заняться. То и дело один из молодых подъезжал к кому-нибудь из своих двоюродных братьев, и они состязались в борьбе, сидя верхом на спинах верблюдов: пытались сбросить друг друга наземь. Похоже, их не пугала возможность переломать себе кости.

Часа полтора спустя мои шея, спина и ноги начали ныть. Я не мог как следует выпрямиться и понял, что от этого будет только хуже. Тут я вспомнил о своих модиках. Сначала я не решался снова вставить блокировщик боли, но потом сказал себе, что опасно лишь злоупотребление. Я взял модик и вставил его, пообещав себе, что выну его сразу же, как только отпадет необходимость. С этой минуты езда на верблюде стала менее напряженной. Но не менее утомительной.

Остаток дня я чувствовал себя очень хорошо. Более того, я чувствовал себя непобедимым. Нас выбросили в Руб-аль-Хали — но мы выжили. С помощью Бани Салим, естественно. И теперь мы возвращались для того, чтобы отомстить Реда Абу Адилю и его ручному имаму. Я еще раз увидел, что Фридландер-Бей человек мужественный и честный. Я сомневался, что теперь он когда-нибудь решит ударить по моему болевому центру для того, чтобы заставить меня сотрудничать. Пусть сейчас в мире все стояло вверх дном, я был уверен, что все вскоре станет на свои места.

Я чувствовал себя так, словно в меня вливается поток могучей силы из какого-то волшебного источника. Неуклюже сидя верхом на Фатме, я воображал себе, как Аллах вдохновляет наших союзников и помрачает разум наших врагов. Наши цели были честны и похвальны, и я считал, что Бог на нашей стороне. Еще до похищения мне следовало серьезнее относиться к своим религиозным обязанностям. Бани Салим останавливались на молитву пять раз — как и было предписано, и я присоединялся к ним в искреннем порыве.

Когда мы въехали в долину между двумя грядами песчаных дюн, Хассанейн велел остановиться на ночевку. Люди положили верблюдов и разгрузили их. Затем мальчишки погнали животных к низким, с виду совсем сухим кустам.

— Видишь ***харам***? Вон те кустарники? — спросил Сулейман бен-Шариф. Они с Ибрагимом бен-Мусаидом разгружали Фатму и верблюда Папы.

— Да, — сказал я. У ***харама*** были вялые красно-зеленые листья, и несчастнее этого растения я в жизни не видел.

— Он не мертв, хотя похож на сухие палки, торчащие из песка. В этой части Песков почти два года не было дождя, но если бы вчера дождь пошел, то харам цвел бы неделю, а после этого

прожил бы еще два года.

— Бани Салим как этот харам, — сказал бен-Мусаид, с презрением глядя на меня. — Мы не похожи на жалких горожан, которые не могут жить без своих христианских украшений.

Казалось, слово «христианский» для него было худшим в мире ругательством.

Мне было что ответить — нечто вроде того, что бен-Мусаид действительно похож на харам, хотябы в том, что, прежде чем зацвести, ему надо вымыться. Но я решил не говорить этого вслух, потому что перед глазами у меня всплыл заголовок: «Владелец Будайинского клуба зарезан в кустарниках».

Женщины поставили на ночь шатры из козьей шерсти, и Хассанейн радушно предложил нам с Папой занять его собственный.

— Благодарю, о шейх, — сказал я, — но мне довольно будет лечь у костра.

— Ты уверен? — спросил Хассанейн. — Это дурно для моего гостеприимства, если нынешней ночью ты будешь спать под открытым небом. Я воистину сочту за честь…

— Я принимаю твое любезное предложение, шейх Хассанейн, — сказал Фридландер-Бей. — Мой внук желает попробовать жизни бедуина. Он все еще романтизирует жизнь кочевников, начитавшись Омара Хайяма. Ночь у костра будет для него хорошим испытанием.

Хассанейн рассмеялся и пошел сказать жене, чтобы та приготовила в их шатре место для Папы. Что до меня, я надеялся, что ночью будет не слишком холодно. На крайний случай, чтобы не замерзнуть, у меня было мое одеяние.

Мы скромно поужинали сушеной козлятиной с рисовой кашей, хлебом, кофе и финиками. За день я изрядно проголодался, и эта еда показалась мне не хуже любой другой. Да и общество мне нравилось. Бани Салим все как один радушно относились к нам с Папой, словно мы родились среди них.

Точнее, почти все относились к нам радушно. Оппозиционером был, естественно, Ибрагим бен-Мусаид. Двоюродный брат Нуры не имел ничего против Фридландер-Бея, но на меня он по-прежнему смотрел с подозрением и каждый раз, когда замечал мой взгляд, что-то бормотал себе под нос. Я был, однако, под защитой шейха Хассанейна и потому не боялся его племянника. А бен-Мусаид был достаточно умен, чтобы понимать, что ему следует лишь подождать, и я уберусь куда подальше.

Я покончил с едой и вынул блокировщик боли. Если не считать боли в шее и позвоночнике, я чувствовал себя сносно.

Мужчины проверили, хорошо ли мальчишки спутали верблюдов на ночь.

У костра все еще оставалось человек пять-шесть, и потому у нас начались посиделки с рассказыванием веселых историй о мужчинах, у которых были жены для того, чтобы ставить им шатры и готовить пищу. Один рассказал кое-что о бен-Шахире, который, как и многие из Бани Салим, был назван по матери, а не по отцу.

— То, что он носил имя матери, всю жизнь бесило его, — заявил рассказчик. — Когда мы были мальчишками, он все время жаловался на то, какая тиранша его мать. И на ком же он женился? На дочке старого Вадуд Али. Мы ее всегда звали Бадия-хозяйка. И теперь он — самый разнесчастный подкаблучник среди мужчин, что когда-либо ездили верхом на верблюде. Сегодня на вечерней молитве я слышал, как он просил Аллаха напустить на нас Байт Табити, чтобы те ее забрали. Только ее и больше ничего!

— ***Мин гайр шарр***, — сказал другой, которому все это не казалось забавным. Этими словами он пытался отогнать зло, которое хотел накликать бен-Шахир.

Острый язык Бани Салим не давал пощады никому, кроме тех, кто сидел у костра. Даже шейху Хассанейну досталось несколько саркастических замечаний насчет того, как он обходится со своим горячим племянником бен-Мусаидом и своей прекрасной племянницей Нурой. Было ясно, что не только бен-Мусаид и бен-Шариф положили глаз на Нуру, но поскольку бен-Мусаид был ее старшим двоюродным братом, у него было неоспоримое право на девушку.

Разговор переходил от одного предмета к другому. Один из стариков начал вспоминать было о каком-то сражении, в котором он заслужил славу. Молодежь стала жаловаться, что они уже сто раз слышали эту историю, но рассказчика это ничуть не смутило. Хиляль и бен-Турки пересели поближе ко мне.

— Ты помнишь нас, о шейх? — спросил Хиляль, который почти весь день ехал рядом со мной.

— Да, конечно, — ответил я. — Ты — тот самый разумный молодой человек, который нашел нас в пустыне.

Хиляль и бен-Турки улыбнулись друг другу.

— Мой двоюродный брат хотел бы тебя кое о чем спросить, — сказал Хиляль.

— Спрашивай, — ответил я.

Бен-Турки был красивым, застенчивым юношей. Даже в свете костра я видел, как отчаянно он покраснел.

— О шейх, — сказал он, — когда ты вернешься в город, ты

будешь далеко от Китая?

Я не понял, что он имеет в виду.

— Очень далеко, бен-Турки, — сказал я. — Но зачем тебе это?

— В десяти днях пути? — спросил он. — В двадцати?

Я замолчал, подсчитывая в уме. Верблюды делают твердых три мили в час, а Бани Салим в день проводят в пути не менее двенадцати часов. Это, скажем, будет тридцать шесть миль. Значит, от города до Китая…

— Несколько сотен дней пути, о друг мой, через пустыни, моря и горы.

Бен-Турки, моргая, уставился на меня.

— О шейх, — сказал он дрогнувшим голосом, — весь мир Аллаха не столь велик.

Он подумал, что я ему лгу, но не мог прямо обвинить гостя племени.

— Он действительно велик. Пески — только часть Аравии, а вся Аравия как… ну, как одна верблюдица в целом стаде.

— ***Уаллахи!*** — прошептал Хиляль. Это означало «клянусь Аллахом всемогущим» — одна из самых сильных клятв Бани Салим. Я редко слышал, чтобы таким образом ругались.

— На что тебе сдался Китай, бен-Турки? — спросил я. Эти люди никогда не слышали об Англии, о Нуэво-Техас, даже о западных странах мусульманского мира.

— Разве Пророк — да будет с ним мир и благословение Аллаха — не говорит: «Ищите знаний даже в Китае»? Я подумал, может, я мог бы вернуться в твой город вместе с тобой и потом отправиться оттуда в Китай?

Хиляль рассмеялся.

— Бен-Турки жаждет знаний, — с легкой насмешкой сказал он. — Он уже проглотил все знания, которые только есть в Песках.

— Тебе не нужно ехать в Китай, — сказал я. — Если ты действительно хочешь учиться, ты мог бы поехать из Мугшина вместе с нами. Как ты на это смотришь?

Я увидел, как задрожал бен-Турки.

— Хорошо, о шейх, — тихо сказал он.

— Есть ли причина, по которой ты не можешь поехать с нами? Ты нужен Бани Салим? Или шейх Хассанейн может запретить тебе отлучиться на несколько месяцев?

Я еще не говорил об этом с шейхом, — сказал бен-Турки.

— Бани Салим без тебя обойдутся, — сказал Хиляль. — Ты еще никакой пользы не принес. Только одним ртом меньше станет и нам больше воды достанется. Правда, брат мой, шейх Хассанейн отпустит тебя и благословит на дорогу.

Несколько мгновений бен-Турки обдумывал все свои «хочу». Мы слышали, как трещат в костре сухие сучья похожих на мимозу деревьев ***гаф***. Молодой человек собрался с духом.

— Если шейх Хассанейн даст мне свое позволение, — спросил он, — разрешите ли вы мне присоединиться к вам?

Я улыбнулся юноше:

— Ты знаешь дорогу от Мугшина через горы?

— К Салале? — спросил бен-Турки. — Да, я бывал там много раз. Два или три уж точно.

— Мы будем счастливы, если ты поедешь с нами. Поговори об этом с шейхом Хассанейном, и посмотрим, что скажет он. Там, за Песками, огромный и странный мир, и ты можешь пожалеть, что покинул Бани Салим.

— Если такое случится, я вернусь в Пески, ***иншалла***.

Хиляль перевел взгляд с бен-Турки на меня, осознав, что его друг вскоре покинет их крохотный мирок ради жизни за пределами пустыни, которую и представить было невозможно.

— ***Ла иллах илль-Аллах***, — изумленно сказал он. — Нет бога, кроме Бога.

Бен-Мусаид подошел к костру и несколько мгновений в упор смотрел на меня.

— Тебе не придется сегодня ночью спать на песке, — сказал он. — Прошу тебя разделить со мной мой шатер.

Кислое выражение его лица не вязалось с этим радушным предложением. Я не понимал, с чего это он пытается со мной помириться. Может, шейх Хассанейн немного поговорил с ним?

— Да воздаст тебе Аллах, бен-Мусаид, — сказал я, — но нынешнюю ночь я хочу провести под звездами.

— Хорошо, — сказал он. Он не пытался переубедить меня. Один из бедуинов протянул ему бурдюк с верблюжьим молоком, и он сел на корточки, чтобы его выпить. Бедуины считали постыдным пить стоя.

К нам подошла Нура, она и не глянула на бен-Мусаида.

— Мой дядя желает узнать, не нужно ли вам чего, — сказала она.

Не так давно я бы сдался и попросил у шейха какого-нибудь лекарства.

— Скажи шейху Хассанейну, что я прекрасно себя чувствую, — сказал я.

— Нура, — сказал Хиляль, — расскажи нам о том, как Абу Зайд был спасен Байт Табити!

— Нет такой истории об Абу Зайде и Байт Табити, — сказал один из мужчин.

— Дайте Нуре одну-две минуты, и будет, — отозвался бен-

Турки.

Бен-Мусаид хрюкнул, встал и побрел в сгущающуюся темноту.

— Лучше бы удавить его как верблюда, — сказал Хиляль, — только этим он и сможет порадовать свою жену.

Повисло неловкое молчание, все мы упорно старались не смотреть на Нуру.

— Ну, так хотите послушать об Абу Зайде? — наконец сказала она.

— Да! — откликнулись несколько голосов.

Абу Зайд был популярным героем арабского фольклора. Его легендарному племени приписывали все — от руин римских времен в Северной Африке до загадочных петроглифов в Руб-аль-Хали.

— Все вы, любящие Пророка, — начала Нура, — говорите: «Да будет Аллах им доволен и да пошлет ему спасение». Итак, однажды Абу Зайд заблудился в той части Песков, где никогда прежде не бывал. Там не было знакомых примет, и он не знал, что находится на краю ужасной известняковой равнины, называемой Абу-Хаф, или Отец страха. Он направил своего верного верблюда Вафаа в равнину, что простерлась перед ним на восемь дней пути. Через три дня Абу Зайд выпил всю свою воду. К концу следующего дня, когда он достиг середины Абу-Хаф, его начала мучить жажда, и даже Вафаа, его верблюд, начал спотыкаться.

Прошел еще день, и Абу Зайд испугался за свою жизнь. Он вознес молитву Аллаху, говоря, что, если будет на то Его воля, он предпочел бы выбраться из Абу-Хаф живым. И тут же он услышал громкий голос. К нему шел человек из Байт Табити, ведя на поводу двух верблюдов, навьюченных бурдюками с водой.

«***Салам алейкум***, брат мой! — воскликнул незнакомец. — Я Абдух бен-Абдух, и я дам тебе воды!»

«Алейкум ас-салам», — с облегчением ответил Абу Зайд. Он видел, как Байт Табити взял несколько бурдюков с водой и повесил их на спину Вафаа. Затем Абдух бен-Абдух дал ему бурдюк с верблюжьим молоком, и Абу Зайд стал с жадностью пить из него.

«Ты оказал мне великую услугу, — сказал он. — Ты не дал мне умереть на этой убогой известняковой равнине. Еще ни один человек не был так гостеприимен и щедр. Я настаиваю, чтобы ты повернул своих верблюдов и пошел вместе со мной к ближайшему оазису. Я хочу вознаградить тебя по достоинству».

«Конечно, — сказал Абдух бен-Абдух, — я вовсе и не думал о награде. Но если ты настаиваешь…»

Он повернул своих верблюдов, и они вместе прошли

оставшийся путь через Абу-Хаф — Отец страха. Двумя днями позже они добрались до Бир-Ша-гир, поселения вокруг источника, который давал лучшую во всех Песках воду. Абу Зайд сдержал свое обещание. Он накупил много муки, масла, фиников, кофе, риса и вяленого мяса и дал все это Аб-духу бен-Абдуху. Потом они поблагодарили друг друга, пожелали друг другу всяческих благ и расстались. И каждый пошел своим путем.

Через год Абу Зайд снова заблудился в Песках, но на сей раз он попал в Абу-Хаф с другой стороны. Через три дня пути он понял, что злой рок сыграл с ним ту же шутку, что и год назад. Он взмолился к Аллаху, говоря: «***Йа Аллах***, воля Твоя как шелковая паутина. Да славится Аллах!»

На пятый день, когда Абу Зайд и его верблюд Вафаа измучились без воды, навстречу им в известняковой пустыне попался тот же самый Байт Табити.

«Да благословит тебя Аллах! — вскричал Абдух бен-Абдух. — Весь год я рассказывал друзьям о твоей щедрости. Я надеялся, что мы встретимся снова и я смогу тебе поведать, что люди нашего племени рассказывают легенды о твоей благодарности!»

Абу Зайд был изумлен, но снова настоял на том, чтобы Абдух бен-Абдух повернул своего верблюда и последовал за ним в Бир-Шагир. На сей раз он накупил для Байт Табити столько муки, масла, фиников, кофе, риса и вяленого мяса, что ему пришлось купить и третьего верблюда, чтобы все это везти. Затем они поклялись друг другу в нерушимой дружбе и разошлись. Но прежде чем Абдух бен-Абдух скрылся из глаз, Абу Зайд обернулся и крикнул ему вслед:

«Да будет благополучен твой путь, брат мой! Да принесут тебе радость мои дары, ибо ты второй раз спас мне жизнь. Я никогда не забуду того, что ты сделал, и покуда будут жить мои сыновья и сыновья моих сыновей, они будут воздавать тебе хвалу. Но слушай, о счастливый: я человек небогатый. Если ты на следующий год встретишь меня в Абу-Хаф, то пройди мимо и дай мне умереть от жажды! Мне не под силу отблагодарить тебя еще раз!»

Все сидевшие у костра громко рассмеялись, и Нура встала, довольно улыбаясь.

— Доброй ночи, братья мои, — сказала она. — Да проснетесь вы утром в добром здравии.

— Воистину ты дочь благополучия, — сказал бен-Шариф. Это было бедуинское выражение, возможно, его употребляли только в этом племени. Нура подняла руку и пошла через открытую часть лагеря к шатру своего отца.

Близилось утро, и неженатые мужчины вскоре легли спать. Я

завернулся в плащ и попытался расслабиться, понимая, что завтра нам предстоит долгий путь. Прежде чем заснуть, я помечтал о том, что случится, когда я вернусь в город. Я представил, как ко мне бросятся со слезами радости на глазах Индихар, Чири и Ясмин, как они будут восхвалять Аллаха за то, что я жив и здоров. Я представил себе, как Реда Абу Адиль сидит в своем уединенном дворце и скрежещет зубами, ожидая скорого возмездия. Я представил, как Фридландер-Бей дает мне в награду кучу денег и говорит, что нанял некоего левого типа, для того, чтобы разделаться с доктором Садиком Абд-ар-Раззаком, и что мне незачем самому этим заниматься.

Утром мы позавтракали рисовой кашей, финиками и кофе. Завтрак не особо возбуждал аппетит, да и еды было не слишком много. У нас было в достатке воды, которой мы запаслись еще в Бир-Балаг, но она уже становилась солоноватой и после дня в козьем мехе отдавала козлом. Я уже нетерпеливо ждал, когда мы придем к источнику Кхаба, который, по словам Бани Салим, был последним пресным источником на долгой дороге до Мугшина.

На следующий день Фридландер-Бей снова ехал рядом со мной.

— Я думал о будущем, племянник мой, — сказал он, зевая.

Я уверен, что ему много лет не приходилось спать на земле и питаться так скудно, однако я не слышал от него жалоб.

— Будущее, — сказал он. — Сначала имам ар-Раззак, затем Абу Адиль? Или в обратном порядке?

Некоторое время Папа ничего не говорил.

— Разве я не дал тебе понять, что ни в коем случае нельзя трогать шейха Реда? — сказал он. — Ни его, ни его сыновей, если они у него есть.

Я кивнул:

— Да, я все это знаю. Но что вы имеете в виду под словом «трогать»? Физически? Тогда мы и пальцем его не тронем. Но вы, конечно, не будете против, если мы покончим с его бизнесом и лишим его влияния в городе. По крайней мере уж это он заслужил.

— Заслужил, и Аллах это знает. Но лишить его влияния в городе мы не можем. У нас на это не хватит сил.

Я невесело рассмеялся:

— Но вы разрешите мне попытаться?

Папа махнул рукой, закрывая эту тему:

— Когда я говорил о будущем, я имел в виду наше паломничество.

Он не впервые говорил о паломничестве в Мекку. Я сделал вид, что не вполне понимаю, о чем он.

— Паломничество, о шейх? — спросил я.

— Ты молод, и у тебя еще десятки лет впереди, для того чтобы выполнить этот долг. У меня же времени нет. Поборник Аллаха, да пребудет с ним мир и благословение Аллаха, обязал нас совершить паломничество в Мекку хотя бы раз в жизни. Год за годом я откладывал это святое странствие и теперь опасаюсь, что мне слишком мало осталось жить. Я планировал отправиться в путь в этом году, но когда настал назначенный месяц, я был слишком болен. Я очень хочу, чтобы мы четко решили, что совершим паломничество на следующий год.

— Конечно, о шейх. — В данный момент меня больше волновало, как нам вернуться в город и восстановить свое положение. Фридландер-Бей об этом не думал и уже строил планы на то время, когда мы вновь вернемся к нормальной жизни. Я бы хотел перенять у него такой образ мыслей.

Второй день был очень похож на первый. Мы быстро шли, перебираясь через высокие песчаные дюны, останавливаясь только для того, чтобы в должное время помолиться. Бани Салим не перекусывали. Валкая походка моей верблюдицы укачивала, и я временами забывался неверным сном. То и дело издали кто-нибудь кричал:

— Нет бога, кроме Бога!

Остальные присоединялись к нему, затем все снова замолкали, погрузившись в собственные мысли.

Племя остановилось на вторую ночевку. Лагерь наш в точности походил на тот, что мы разбили прошлым вечером. Я не понимал, как же эти люди находят путь в огромной пустыне? Я даже испугался на миг: а вдруг мы заблудились? Вдруг они только делают вид, что знают дорогу? Что случится, когда кончится вода в козьих бурдюках?

Я забыл о своей глупости, когда Сулейман бен-Шариф уложил Фатму. Я сполз с ее округлого бока и принялся разминать свои ноющие мышцы. Я гордился, что весь день ехал без модиков. Потом подошел к Папе и помог ему спешиться. Мы пошли помочь Бани Салим разбить лагерь.

Еще одна мирная, чудесная ночь в пустыне. Но спокойствие было, наконец, нарушено, когда Ибрагим бен-Мусаид подошел ко мне и, чуть не уткнувшись носом мне в лицо, закричал:

— Я слежу за тобой, горожанин! Я вижу, как ты смотришь на Нуру! Я вижу, как она бесстыдно смотрит на тебя! Клянусь жизнью и всемогущим Аллахом, я скорее убью ее, чем позволю тебе насмехаться над Бани Салим!

Бен-Мусаид меня достал. Мне очень хотелось врезать этому сукиному сыну как следует, но я знал, что Бани Салим очень

серьезно воспринимают физическую угрозу. Двинь я его хорошенько кулаком по носу, и этого бы хватило, чтобы бен-Мусаид убил меня, причем все Бани Салим были бы на его стороне. Я взялся за бороду — у бедуинов в обычае делать это, когда они клянутся, — и сказал:

— Я не обесчестил Нуру и не обесчестил Бани Салим. Сомневаюсь, что кто-нибудь нанес бесчестье и тебе, потому что у тебя чести нет.

Со всех сторон послышался громкий ропот, и я подумал, не зашел ли я слишком далеко. Иногда меня заносило. Как бы то ни было, бен-Мусаид потемнел лицом, но больше ничего не сказал. Когда он утихомирился, я понял, что нажил себе врага на всю оставшуюся жизнь. Он замолчал, снова повернулся ко мне и ткнул в меня пальцем. Его трясло от ярости.

— Я убью ее! — закричал он.

Я повернулся к Хилялю и бен-Турки, но они только пожали плечами. Бен-Мусаид — это моя проблема, им до этого дела нет.

Через некоторое время снова послышалась громкая брань, за костром, в дальнем конце лагеря. Пятеро человек кричали друг на друга, и вопли становились все громче и яростнее. Я увидел бен-Мусаида и Нуру, махавших друг на друга руками. Затем бен-Шариф, тот юноша, за которого хотела выйти замуж Нура, бросился ей на помощь, и оба юноши тут же схватили друг друга за глотку. К ним подбежала пожилая женщина, которая тоже набросилась на Нуру с обвинениями.

— Это Умм Рашид, — сказал Хиляль. — У нее нрав, как у пустынной лисицы.

— Я не могу разобрать, что они кричат.

Бен-Турки рассмеялся:

— Она обвиняет Нуру в том, что та спит с ее мужем. Ее муж слишком стар, чтобы вообще хоть с кем-то спать, все Бани Салим это знают, но Умм Рашид обвиняет Нуру в том, что муж на нее не обращает внимания.

— Не понимаю. Нура добрая, хорошенькая девочка. Она ничем не заслужила такого обращения.

— В этой жизни быть доброй и хорошенькой уже достаточно, чтобы навлечь на себя беду, — нахмурился Хиляль. — Да охранит меня Владыка Миров.

Умм Рашид орала на Нуру и всплескивала руками как сумасшедшая курица. Бен-Мусаид присоединился к ней, обвиняя Нуру в том, что она соблазнила мужа старухи. Бен-Шариф пытался вступиться за девушку, но ему едва удавалось вставить слово.

Наконец решил вмешаться отец Нуры, Нашиб. Он вышел из

шатра, зевнул и почесал живот.

— В чем дело? — спросил он.

Умм Рашид завопила ему в одно ухо, бен-Му-саид — в другое. Отец Нуры лениво улыбнулся и покачал рукой.

— Нет-нет, — сказал он. — Этого не может быть. Моя Нура честная девушка.

— Твоя Нура сука и потаскуха! — закричала Умм Рашид.

Нура, видимо, решила, что с нее хватит, и побежала в шатер, но не к своему отцу, а к дяде Хассанейну.

— Я не позволю называть ее так! — гневно сказал бен-Шариф.

— Ага, вот и ее сводник! — вскричала старуха, уперев руки в боки и наклонив голову. — Говорю тебе, если не будешь держать эту шлюху подальше от моего мужа, пожалеешь! Коран говорит, что у меня есть на это право! Истинный Путь позволяет мне убить ее, ежели она угрожает разрушить мою семью!

— Нет, не позволяет! — сказал бен-Шариф. — Нигде про это не сказано!

Умм Рашид и не взглянула на него.

— Если бы ты пекся о ее благе, — сказала она, повернувшись к Нашибу, — ты держал бы ее подальше от моего мужа!

Отец Нуры только усмехался.

— Она хорошая девушка, — сказал он. — Она чиста, она девственна.

— Это ты виноват, дядя, — сказал бен-Мусаид. — Лучше я увижу ее мертвой, чем совращенной такими, как этот неверный из города!

— Какой неверный из города? — растерянно спросил Нашиб.

— Знаешь, — задумчиво сказал Хиляль, — у таких хороших и добрых, как Нура, всегда найдется куча врагов, готовых причинить ей зло.

Я кивнул. Я вспомнил его слова следующим утром, когда нашел Нуру мертвой.

Глава 7

Бани Салим стояли полукругом вокруг тела Нуры, в выемке подковообразной дюны недалеко от лагеря. Она лежала на спине, ее правая рука, покоившаяся на холмике песка, будто бы тянулась к небу. Ее широко раскрытые глаза смотрели в безоблачную высь. Горло ее было перерезано от уха до уха, и золотой песок потемнел от ее крови.

— Прямо как животное, — прошептал бен-Турки. — Ее зарезали, словно козу или верблюда.

Бедуины разбились на несколько групп. Фридландер-Бей стоял рядом с Хилялем и бен-Турки. По одну сторону от него на коленях кричали от горя Нашиб и его жена. У Нашиба был потерянный вид, он все время повторял:

— Нет бога, кроме Бога. Нет бога, кроме Бога.

Неподалеку от них стояли Ибрагим бен-Мусаид и Сулейман бен-Шариф. Они яростно переругивались. Я увидел, как бен-Шариф резко ткнул пальцем в сторону Нуры, а бен-Мусаид поднял обе руки, словно Защищаясь от удара. Шейх Хассанейн с мрачным лицом стоял в стороне и кивал своему брату Абу Ибрагиму, который что-то говорил ему. Все прочие громко высказывали различные предположения, спорили и молились, лишь добавляя шума и суматохи. Слышны были и цитаты из Писания.

«О том, кто убит несправедливо, — процитировал Хиляль, — даем мы позволение на месть его наследнику, но да не будет он мстить слишком жестоко. Воззрите же! Да будет нам помощь!»

Хвала Аллаху, — сказал бен-Турки, — но кто же будет мстить за Нуру?

Хиляль покачал головой:

— Только Нашиб, ее отец. Но я думаю, он не слишком подходит для этого. У него духу не хватит.

— Может, ее дяди? — предположил я.

— Если они не захотят, мы возьмем это на себя, — сказал Фридландер-Бей. — Это бессмысленная трагедия. Я очень любил эту молодую женщину. Она была добра ко мне, когда ухаживала за мной.

Я кивнул. Пламя гнева загоралось в моей душе. Это было то самое, жаркое, пугающее чувство, которое всегда охватывало меня, когда я становился свидетелем сцены убийства. Но это было тогда, дома. В Будайине преступление и насильственная смерть были повседневным делом. Мои зачерствевшие душой друзья и бровью не вели при виде чьей-то смерти.

Здесь было другое дело. Убийство произошло среди крепко связанных друг с другом людей, в племени, благополучие которого зависело от каждого из его членов. Я знал, что правосудие жителей пустыни более прямое и скорое, чем правосудие городов, и это меня радовало. Месть не вернет Нуры, но она хоть немного облегчала ситуацию, поскольку все понимали, что дни ее убийцы сочтены.

Однако до сих пор не было ясно, кто ее убил. Двумя вероятными кандидатами были те, кто прошлым вечером громко и прилюдно угрожал ей, а именно бен-Мусаид и Умм Рашид.

Шейх Хассанейн воздел руки к небу и призвал всех ко вниманию.

— Девушку нужно похоронить до заката, — сказал он. — Ее убийца должен быть найден и наказан.

— И кровь должна быть оплачена! — вскричал сраженный горем Нашиб.

— Все будет сделано в соответствии с Книгой, — заверил его Хассанейн. — Абу Ибрагим, помоги мне отнести нашу племянницу в лагерь. Ты, Хиляль, и бен-Турки должны выкопать могилу.

— Да смилуется над ней Аллах! — сказал кто-то, и Хассанейн вместе со своим братом завернули Нуру в плащ и подняли ее. Медленной процессией мы пошли от подковообразной дюны по узкой долине к лагерю. Шейх выбрал место для последнего ложа Нуры, Хиляль с бен-Турки принесли две складные лопаты и начали копать твердую плоть пустыни.

Тем временем Хассанейн на несколько минут скрылся в своем шатре. Когда он вернулся, его кафия была обвязана вокруг головы более аккуратно. Я догадался, что он вставил один из своих модиков, наверное, тот, который придавал ему мудрость религиозного лидера-суннита.

Бани Салим были по-прежнему обеспокоены и разгневаны. Повсюду люди громко обсуждали убийство, пытаясь выяснить его причину. Единственным, кто не принимал в этом участия, был бен-Мусаид. Казалось, он нарочно держался в стороне. Я смотрел на него, он на меня, наконец он медленно, намеренно оскорбительно повернулся ко мне спиной.

— Шейх Марид, — сказал Хассанейн. — Я хотел бы поговорить с тобой.

— М-м? Да, конечно.

Он увел меня в свой шатер. Пригласил сесть, что я и сделал.

— Пожалуйста, прости меня, — сказал он, — но я должен задать тебе несколько вопросов. Если ты ничего не имеешь против, мы обойдемся без кофе и предварительных бесед. Сейчас

я хочу узнать, как погибла Нура. Расскажи мне, как ты ее нашел.

Я очень разволновался, хотя Хассанейн вряд ли держал меня за главного подозреваемого. Я был прямо как мальчишка, который хотя и не писал грязных слов на доске, с виноватым видом краснеет, когда учитель об этом спрашивает. «Все, что ты можешь сейчас сделать, — сказал я себе, — так только глубоко вздохнуть и рассказать шейху все, как было».

Я глубоко вздохнул.

— Я встал незадолго до рассвета, — сказал я. — Мне надо было облегчиться, и, помню, мне хотелось бы знать, скоро ли Хамад бен-Мубарак разбудит нас на молитву. Луна стояла низко над горизонтом, но небо было таким светлым, что мне было совсем не трудно идти по маленьким проходам между дюнами на восток от лагеря. Когда я оправился, я побрел назад к костру. Наверное, я пошел другим путем, потому что в первый раз я Нуру не заметил. Она лежала прямо передо мной так, как ты видел. В лунном свете ее бескровное лицо казалось призрачным. Я сразу же понял, что она мертва. Тогда я решил сразу же пойти в твой шатер. Я не хотел беспокоить других прежде, чем не расскажу все тебе.

Хассанейн просто смотрел на меня несколько мгновений. С вставленным модиком имама он говорил и вел себя гораздо осторожнее.

— Но видел ли ты кого-нибудь еще? Следы? Может, оружие?

— Да, — сказал я. — Были следы. Я не умею читать следов на песке, так же как и на грязи, о шейх. Наверное, это были следы Нуры и ее убийцы.

— Не видел ли ты длинных следов, будто бы ее волокли туда?

Я снова вызвал в памяти залитую лунным светом картину.

— Нет, — сказал я. — Таких следов точно не было. Наверное, она пришла туда и встретила того, другого человека. Или, может, он сам привел ее туда. Она была живой, когда пришла, потому что кровавого следа от лагеря не было.

— После того как ты рассказал мне о Нуре, — сказал он, — говорил ли ты с кем-нибудь еще?

— Прости мне, о шейх, но когда я вернулся к костру, проснулся бен-Турки и спросил, все ли у меня в порядке. Я рассказал ему о Нуре. Он очень разволновался, наш разговор разбудил Хиляля, и вскоре об этом узнали все.

— На все воля Аллаха, — сказал Хассанейн, поднимая руки вверх, ладонями вперед. — Благодарю тебя за правдивость. Не окажешь ли мне честь и не поможешь ли расспросить некоторых других?

— Сделаю что могу, — ответил я. Я был удивлен, что он попросил помощи у меня. Может, он думал, что городские арабы более привычны к такому. Ну, в моем случае он был очень даже прав.

— Тогда приведи моего брата Нашиба.

Я вышел наружу. Хиляль и бен-Турки все еще копали могилу, но дело продвигалось медленно. Я подошел к Нашибу и его жене, которые стояли на коленях возле завернутого в плащ тела дочери и рыдали. Я наклонился к старику и тронул его за плечо. Он поднял на меня пустой взгляд. Я испугался, что он в шоке.

— Идем, — сказал я, — шейх хочет вас видеть.

Отец Нуры кивнул и медленно поднялся на ноги.

Я помог встать и его жене. Она вопила и била себя кулаком в грудь. Я даже не мог понять, что она кричит. Я повел их в шатер Хассанейна.

— Да пошлет тебе Аллах мир, — сказал шейх. — Нашиб, брат мой, я скорблю вместе с тобой.

— Нет бога, кроме Бога, — прошептал Нашиб.

— Кто сделал это? — крикнула его жена. — Кто отнял у меня мое дитя?

При виде их горя я почувствовал себя непрошеным гостем, мне было не по себе от того, что я ничем не могу им помочь. Я просто тихо сидел около минут десять, пока Хассанейн шептал им утешения и пытался смягчить боль и успокоить супругов, чтобы они могли ответить на несколько вопросов.

— Придет день Воскресения, — сказал Хассанейн, — и в этот день Нура со светлым лицом встанет перед Аллахом. А лицо ее врага будет полно страха.

— Хвала Аллаху, Владыке Миров! — воскликнула Умм Нура. — Благому, милосердному, Владыке Судного дня!

— Нашиб, — сказал Хассанейн.

— Нет бога, кроме Бога, — сказал брат шейха, врядли понимая, где он находится.

— Нашиб, кто, по-твоему, убил твою дочь?

Нашиб моргнул раз, другой, затем выпрямился. Длинными пальцами потеребил седую бороду.

Мою дочь? — прошептал он. — Это Умм Рашид. Эта сумасшедшая старуха сказала, что убьет ее, и убила. И ты должен заставить ее заплатить за это! — Он посмотрел прямо в глаза брату. — Ты должен заставить ее заплатить, Хассанейн, клянусь могилой нашего отца!

— Нет! — воскликнула его жена. — Это не она! Это бен-Мусаид, этот ревнивый злобный убийца! Это он!

Хассанейн бросил на меня взгляд, полный боли. Я не

завидовал его положению. Еще несколько минут он утешал родителей Нуры, затем я снова вывел их из шатра.

Следующим Хассанейн пожелал выслушать Сулеймана бен-Шарифа. Молодой человек вошел в шатер шейха и сел на песчаный пол. Я видел, что он с трудом держит себя в руках. Взгляд его метался по сторонам, он то сжимал, то разжимал кулаки, лежавшие на коленях.

— ***Салам алейкум***, добрый человек, — сказал Хассанейн. Он внимательно рассматривал бен-Шарифа сузившимися глазами.

— ***Алейкум ас-салам***, — сказал юноша.

Прежде чем сказать что-нибудь еще, Хассанейн выдержал длинную паузу.

— Что ты об этом знаешь? — наконец спросил он.

Бен-Шариф резко выпрямился, словно сел на шило.

— Что я знаю? — воскликнул он. — Откуда я могу что-нибудь знать об этом ужасном поступке?

— Это я и хочу выяснить. Как ты относился к Нуре бинт-Нашиб?

Бен-Шариф перевел взгляд с Хассанейна на меня и обратно.

— Я любил ее, — прямо сказал он. — Я думаю, все Бани Салим это знали.

— Да, это все знают. А как ты думаешь, она отвечала тебе взаимностью?

— Да, — сразу же ответил он. — Я это знаю.

— Но ваша женитьба была невозможна. Ибрагим бен-Мусаид никогда бы этого не позволил.

— Да сделает Аллах лицо этого пса черным! — воскликнул бен-Шариф. — Да разрушит Аллах его дом!

Хассанейн поднял руку и подождал, пока молодой человек успокоится.

— Это ты убил ее? Ты убил Нуру бинт-Нашиб, чтобы она не досталась бен-Мусаиду?

Бен-Шариф попытался ответить, но не смог выдавить ни звука. Он глотнул воздуха и начал снова:

— Нет, о шейх, я ее не убивал. Клянусь в этом жизнью Пророка, да будет с ним благословение Аллаха и мир его!

Хассанейн встал и положил руку на плечо бен-Шарифа.

— Я верю тебе, — сказал он. — Если бы я мог утишить твое горе!

Бен-Шариф поднял на него полный муки взгляд.

— Когда ты найдешь убийцу, — тихо сказал он, — пусть я стану его погибелью!

— Прости, сын мой, но нет. Это тяжкая обязанность должна быть только моей. — Однако Хассанейна такая обязанность,

кажется, тоже не радовала.

Мы с бен-Шарифом вышли. Теперь настала очередь Умм Рашид. Я подошел к ней, но она при моем приближении спрятала лицо.

— Мир тебе, о госпожа, — сказал я. — Шейх желает говорить с тобой.

Она в ужасе уставилась на меня, словно я был ***афритом***. Она попятилась прочь.

— Не подходи ко мне! — завопила она. — Не говори со мной! Ты не из Бани Салим, ты для меня никто!

— Прошу тебя, госпожа. Шейх Хассанейн желает….

Она упала на колени и начала молиться.

— О мой Бог! Велики мои испытания и горести, глубоки мои скорби и страдания, и малочисленны мои добрые дела, и тяжко гнетут меня грехи мои! Потому, Господь мой, я и заклинаю Тебя во имя величия Твоего…

Я попытался поднять ее, но она снова начала визжать и бить меня кулаками. Я попятился, Умм Рашид снова упала на колени.

Шейх вышел из шатра и что-то прошептал ей. Я увидел, как она решительно замотала головой. Он снова заговорил с ней, показывая рукой. Лицо его было кротким, а голос слишком тих, чтобы я мог разобрать его слова. Женщина снова покачала головой. Наконец Хассанейн взял ее под локоть и помог встать. Она разрыдалась, и бедуин отвел ее в шатер мужа.

Наконец он вернулся и начал вынимать утварь для приготовления кофе.

— С кем ты еще желаешь поговорить? — спросил я.

— Сядь, шейх Марид, — сказал он. — Я приготовлю кофе.

— Единственный подозреваемый — это Ибрагим бен-Мусаид.

Хассанейн вел себя как ни в чем не бывало. Он насыпал полную горсть кофейных зерен на маленькую железную сковородку с длинной ручкой. Поставил ее на горящие угли костра, который утром развела его жена.

— Если мы вовремя тронемся в путь, — сказал он, — то доберемся до Кхабы к вечерней молитве, ***иншалла***.

Я окинул взглядом лагерь, но Фридландер-Бея не увидел. Два молодых человека по-прежнему копали девушке могилу. Некоторые из Бани Салим стояли рядом, обсуждая все подробности происшедшего, остальные уже разошлись по шатрам или присматривали за животными. Бен-Мусаид стоял один-одинешенек, спиной к нам, словно все это нисколько его не касалось.

Когда кофейные зерна поджарились так, как любил Хассанейн, он дал им остыть. Встал, достал небольшой козий

бурдюк и принес его к костру.

— Здесь, — сказал он, — ***лабан***, который жена готовит мне каждое утро, что бы ни случилось.

Это было сквашенное верблюжье молоко, напоминавшее йогурт. Я взял бурдюк и прошептал: «***Бисмилла***». Затем отпил немного, подумав: как странно, что все, начиная с моей матери и кончая шейхом Хассанейном, пичкают меня сквашенным верблюжьим молоком. Я не слишком его любил, но из уважения к хозяину сделал вид, что оно мне очень нравится.

Я вернул ему бурдюк, и он отпил немного ***лабана***. К тому времени кофейные зерна остыли, и он ссыпал их в бронзовую ступку и растер каменным пестиком. У него было две джезвы: одна из светлой бронзы, блестящая и полированная, вторая черная от сажи. Он открыл закопченную джезву с остатками утреннего кофе и ссыпал туда свежесмолотый. Долил воды из козьего бурдюка и добавил щепотку толченого кардамона. Затем поставил закопченную джезву на огонь и стал осторожно помешивать кофе, пока тот не закипел.

— Возблагодарим же Аллаха за кофе! — сказал Хассанейн.

Он перелил его из закопченной джезвы в блестящую, затем снова в закопченную и снова в блестящую. Дал осесть кофейной гуще. Наконец он забил отверстие блестящей джезвы кусочком конопляной пеньки, для того чтобы отфильтровать кофе.

— ***Иль хамду лиллах!*** — сказал он. — Хвала Аллаху. — Он вынул три чашечки.

Я взял одну.

— Пусть вечно длится твой пир, о шейх, — сказал я.

Он наполнил мою чашечку, затем поднял взгляд.

— Ибрагим бен-Мусаид! — позвал он. — Иди пить кофе!

Бен-Мусаид повернулся и посмотрел на нас. Судя по лицу, он не понимал, что делает шейх. Он медленно подошел к нам.

— О шейх, — с подозрением спросил он, — у тебя что, нет более важных дел?

Хассанейн пожал плечами:

— Всему свое время. Бани Салим не торопятся. Сейчас время пить кофе. Освежись! — Он протянул одну из чашечек молодому человеку.

Мы выпили по чашечке, затем еще по одной. Хассанейн лениво болтал о своей любимой верблюдице, которая поранила ногу и, возможно, не сможет везти его через покрытые гравием равнины на юг.

По обычаю арабы выпивают три чашечки кофе, затем, покачивая чашечкой, дают понять, что хватит. После третьей чашечки Хассанейн выпрямился и посмотрел на бен-Мусаида.

Молчание стало почти осязаемым и угрожающим. Наконец бен-Мусаид громко рассмеялся:

— Здесь какой-то подвох, о шейх. Ты надеешься устыдить меня своим кофе и своим радушием. Ты думаешь, что я обниму твои колени и буду просить прощения у Аллаха. Ты думаешь, что это я убил Нуру.

Он встал и гневно швырнул свою чашку оземь. Чашка раскололась на мелкие кусочки. Хассанейн поморщился.

— Я ничего такого не говорил, — сказал он.

— Ищи своего убийцу где-нибудь в другом месте, — с яростью сказал бен-Мусаид. — Посмотри на своего гостя, на этого неверного из города! Может, правду знают только он да Аллах!

Он отвернулся и, пройдя через лагерь, скрылся в шатре.

Я ждал, что скажет Хассанейн. Прошло несколько минут, а он все сидел с кислой миной на лице, словно съел что-то гнилое. Затем, когда мое терпение было на исходе, он тяжело вздохнул.

— Мы ничего не узнали, — печально сказал он. — Ровным счетом ничего. Нужно начать снова.

Он медленно встал, я следом. Мы пошли туда, где Хиляль и бен-Турки копали могилу.

— Чуть поглубже, о замечательные, — сказал Хассанейн. — Когда выроете могилу, не опускайте туда бедную девочку.

— Но мы должны скорее похоронить ее, — сказал, подняв взгляд и прикрыв рукой глаза от солнца, бен-Турки. — Благородный Коран…

Хассанейн кивнул:

— Мы положим ее в могилу до заката, как предписывает Мудрое Слово Аллаха. Но не опускайте ее в могилу, пока я вам не скажу.

— Да, о шейх, — сказал Хиляль. Он посмотрел на бен-Турки. Тот лишь плечами пожал. Никто из нас не понимал, что у Хассанейна на уме.

— В Хадрамауте, в шейхстве, что находится на пятке Аравийского «сапожка», — сказал Хассанейн, — убийцу порой подвергают испытанию огнем. Конечно, все это предрассудки, и смысл испытания только в том, что в его силу верят.

Я увидел, что он ведет меня из лагеря к верблюжьему стаду. Мальчишки залезали на деревья ***гаф***, что росли в узких долинах между дюнами. Они срезали верхушки деревьев, и верблюды с удовольствием жевали их.

Хассанейн продолжил свой рассказ о правосудии в Хадрамауте:

— Церемонию проводят утром, после молитвы. Руководитель испытания собирает вместе обвиняемого, свидетелей, семью

жертвы и всех заинтересованных лиц. Раскаляет на огне нож. Когда он решает, что нож достаточно горяч, он заставляет обвиняемого открыть рот и высунуть язык. Сам он оборачивает руку кафией и прикладывает нож к языку обвиняемого сначала одной стороной, затем другой.

— И в чем заключается смысл испытания? — спросил я.

Хассанейн подошел к своей любимой верблюдице и потрепал ее по шее.

— Если человек невиновен, он может сплюнуть прямо сразу и на месте. Тем не менее руководитель дает ему пару часов. Затем язык обвиняемого внимательно рассматривают. Если он выглядит обожженным, обвиняемого признают виновным. Его казнят сразу же, если только семейство жертвы не согласится на разумную плату за кровь.

Если же признаков ожога нет или есть только небольшое обесцвечивание, то человека объявляют невиновным и отпускают на свободу.

Я не понимал, чего хочет шейх. Он положил свою верблюдицу и принялся ее седлать.

— А у Бани Салим разве нет такого обычая?

Хассанейн рассмеялся:

— Мы не так суеверны, как дикари Хадрамаута.

Я думал, что у Бани Салим хватает своих предрассудков, но решил, что не стоит говорить об этом вслух.

— Ты собираешься в путь? — спросил я.

— Нет, — ответил Хассанейн.

Он положил верблюдице на спину пару набитых пальмовым волокном подушек, а поверх установил деревянное седло. Он крепко привязал седло над холкой, перед горбом. Затем положил подушку из пальмового волокна на деревянную раму седла, приладил ее позади горба и привязал веревкой. Эта подушка поднималась высоко над крупом и создавала что-то вроде неудобной спинки. Затем Хассанейн набросил на подушку одеяло, а поверх него тяжелую овчину. Все это он крепко привязал шерстяными веревками.

— Хорошо, — сказал он, отступив назад и осматривая свою работу. Он взял верблюдицу за повод, поднял ее и повел в лагерь.

— Ты знаешь, кто убийца, о шейх? — спросил я.

— Еще нет, но скоро узнаю, — ответил он. — Однажды в Салале я слышал рассказ одного человека о том, как ловят и наказывают преступников в других странах. — Он печально покачал головой. — Не думал, что нам когда-нибудь придется воспользоваться одним из этих способов.

— Ты собираешься использовать эту верблюдицу?

Он кивнул.

— Ты ведь знаешь, среди народов света не только арабы проницательны и умны. Иногда я думаю, что мы можем гордиться тем, что способны усваивать нечто полезное.

Он привел верблюдицу прямо к краю лагеря, где выбирались из ямы Хиляль и бен-Турки.

— Мне нужна помощь всех троих, — сказал шейх, снова укладывая верблюдицу. Он указал на закутанное тело Нуры.

— Ты хочешь посадить ее в седло? — спросил Хиляль.

— Да, — ответил Хассанейн.

Мы переглянулись, затем посмотрели на шейха, однако помогли ему поднять девушку. Несколькими веревками он привязал тело покрепче, так чтобы она не упала на землю, когда верблюд будет стоять. Я не понимал, что он собирается делать, но мне все это показалось чрезвычайно странным.

— Вставай, Ата Аллах, — пробормотал Хассанейн. Его верблюдицу звали Дар Аллаха. Он потянул ее, она недовольно заворчала, но медленно поднялась. Шейх потянул ее за узду и повел по широкому кругу, охватывая лагерь и все его шатры.

Мы с Хилялем и бен-Турки изумленно смотрели на него.

— Это что, обычай Бани Салим? — спросил я. — Труп возят, а родственники стоят на месте?

— Нет, — нахмурившись, сказал бен-Турки. — Я никогда раньше не видел, чтобы шейх делал такое. Может, он помешался из-за смерти племянницы?

— А что, у бедуинов часто убивают? — спросил я.

Молодые люди переглянулись и пожали плечами.

— Да наверное, как и везде, — сказал бен-Турки. — Одно племя нападает на другое, и тогда гибнут мужчины. За кровь надо мстить, и начинается вражда. Иногда вражда длится годами, десятилетиями, даже поколениями.

— Но убийство внутри племени случается редко, — сказал Хиляль. — Это противоестественно.

Хассанейн крикнул через плечо:

— Иди сюда, шейх Марид, иди со мной!

— Не понимаю, что он делает, — сказал Хиляль.

— Мне кажется, он пытается таким образом разоблачить убийцу, — сказал я. — Но как — не понимаю.

Я поспешил за Ата Аллах и ее ужасной ношей.

Теперь многие Бани Салим вышли из своих шатров и стояли, показывая на Хассанейна и его верблюдицу.

— Мое дитя! Мое дитя! — кричала мать Нуры.

Женщина вырвалась из рук мужа и, спотыкаясь, побежала вслед за верблюдом. Она выкрикивала молитвы и проклятия,

пока в слезах не упала на землю. Нашиб подошел, чтобы помочь ей встать, но она не могла утешиться. Отец Нуры тупо смотрел на жену, затем поднял глаза на привязанное, как тюк, тело своей дочери. Казалось, он не понимает, что происходит.

Сулейман бен-Шариф прошел через лагерь и остановил нас.

— Что ты делаешь? Это непристойно! — сказал он.

— Прошу, о превосходный, — сказал Хассанейн, — доверься мне.

— Скажи мне, что ты делаешь, — потребовал бен-Шариф.

— Я хочу удостовериться, что все знают о том, что произошло с Нурой, светочем дней наших.

— Но разве есть в племени хоть кто-нибудь, кто не слышал об этом? — спросил бен-Турки.

— Слышать — это одно. Видеть — другое.

Бен-Шариф вскинул руки от возмущения, затем отпустил верблюдицу шейха, и она снова пошла по кругу.

Мы подошли к шатру Умм Рашид, но старуха только трясла головой. Ее муж, действительно слишком старый, чтобы заигрывать с женщинами, высунул из шатра голову и захныкал, прося еды. Умм Рашид одними губами проговорила молитву вслед Нуре, затем ушла в шатер.

Когда мы прошли три четверти круга, я увидел Ибрагима бен-Мусаида, который смотрел на нас с выражением полнейшей ненависти. Он стоял словно вырезанная из песчаника статуя и лишь немного повернул голову, когда мы приблизились. Он ничего не сказал, когда мы прошли мимо него и снова подошли к могиле, которую выкопали Хиляль и бен-Турки.

— Не пора ли похоронить ее, о шейх? — спросил я.

— Смотри и внимай, — ответил Хассанейн.

Вместо того чтобы остановиться, он повел Ата Аллах мимо могилы и начал обходить лагерь по второму кругу. У всех Бани Салим, что смотрели на нас, вырвался громкий вздох. Они были сбиты с толку так же, как и я.

Мать Нуры встала у нас на пути. Она кричала и посылала проклятия.

— Сын собаки! — кричала она, бросая в Хассанейна песком. — Чтобы дом твой обрушился! Почему ты не даешь моей дочери упокоиться с миром?

Мне стало ее жаль, но Хассанейн шел вперед, и лицо его было бесстрастным. Яне знал, что он задумал, но мне казалось, что он поступает неоправданно жестоко. Нашиб по-прежнему молча стоял рядом с женой. Казалось, теперь он лучше понимает, что творится кругом.

Бен-Шариф успел немного пораздумывать над тем, что делает

Хассанейн. Гнев его немного улегся.

— Ты мудр, о шейх, — сказал он. — Ты доказал свою мудрость за те годы, что вел Бани Салим твердой и справедливой рукой. Полагаюсь на твои знания и опыт, но все же я думаю, что то, что ты делаешь, оскорбляет умершую.

Хассанейн остановился и подошел к бен-Шарифу. Он положил руку на плечо молодого человека.

— Может, когда-нибудь ты станешь шейхом этого племени, — сказал он. — Тогда ты поймешь, как тяжело быть предводителем. Ты прав. Я поступаю дурно по отношению к моей племяннице, но так надо. ***Хам китаб***.

Что означало: «Так записано». Это ничего не объясняло, но бен-Шариф перестал спорить. Он только посмотрел шейху в глаза и наконец потупил взгляд. Когда мы снова двинулись, я увидел, как молодой человек задумчиво шел к своему шатру. Мы с ним почти не говорили, но мне показалось, что он — умный и серьезный молодой человек. Если Хассанейн не ошибается и бен-Шариф когда-нибудь станет на его место, то Бани Салим останутся в хороших руках.

Я смотрел вперед. Оттого, что я тоже шествовал в этой странной процессии, мне было несколько неуютно. День был самым обычным для Пустой четверти, и горячий ветер бросал мне в лицо песок, а я ворчал себе под нос. Я был сыт всем этим по горло, и, что бы там ни думал Фридландер-Бей, жизнь бедуинов вовсе не казалась мне романтичной. Она была тяжелой и грязной и, насколько я видел, вовсе лишенной удовольствий. Я молился, чтобы Аллах поскорее помог мне вернуться в город. Мне стало совершенно ясно, что хорошего кочевника из меня не выйдет никогда.

Пока мы завершали круг, бен-Мусаид, набычившись, смотрел на нас. Он стоял там же, где и прежде, скрестив на груди руки. Он не сказал ни слова и не сдвинулся ни на дюйм. Я так и видел, как его трясет от усилия сдержать себя. Казалось, он вот-вот взорвется. Не хотел бы я в это время оказаться рядом с ним.

— Довольно, о шейх? — спросил бен-Турки, когда мы подошли к могиле. Ее уже начал засыпать песок, наносимый пустынным ветром.

Хассанейн покачал головой.

— Еще круг, — сказал он.

У меня упало сердце.

— Может, ты объяснишь, о шейх? — спросил я.

Хассанейн посмотрел в мою сторону, но поверх моей головы — куда-то вдаль.

— Жили-были люди на обратной стороне мира, — устало

сказал он. — Такие же бедные, как и мы. Они тоже кочевали и жили среди лишений. Когда одного из их племени убили, старейшие пять-шесть раз провезли тело вокруг лагеря. На первый раз все в племени побросали свои дела, чтобы посмотреть, и все вместе оплакивали несчастную жертву. На второй раз смотрела только половина племени. На третий раз остались несколько человек. На пятый или шестой раз остался только один, ему было все еще интересно смотреть на то, как везут тело, это и был убийца.

Я окинул взглядом лагерь и увидел, что почти все разошлись. Да, нынешним утром погибла любимая племенем молодая женщина, но все равно надо было исполнять обычную тяжелую работу, иначе не будет ни еды, ни воды для Бани Салим и их животных.

Мы медленно вели Ата Аллах по кругу, и только бен-Мусаид и еще несколько человек смотрели на нас. Отец Нуры искал взглядом жену, но та уже давно ушла в свой шатер. Нашиб опирался на туго натянутую веревку и провожал нас пустым взглядом.

Когда мы приблизились к бен-Мусаиду, он заступил нам дорогу.

— Да отравит за это ваши жизни Аллах! — прорычал он с потемневшим от гнева лицом. Затем и он ушел в шатер.

Когда мы на сей раз приблизились к двум молодым людям, Хассанейн дал им поручение:

— Вы должны разыскать орудие убийства, — сказал он. — Нож. Хиляль, ты ищи его там, где шейх Марид обнаружил тело Нуры. Бен-Турки, поищи в палатке ее родителей.

Мы прошли мимо могилы и начали последний круг. Как и предсказывал Хассанейн, теперь остался только один человек, и был это Нашиб, его брат. Отец Нуры. Прежде чем мы дошли до него, к нам с криком подбежал Хиляль.

— Я нашел его! — кричал он. — Я нашел нож!

Хассанейн взял нож и быстро осмотрел. Показал его мне.

— Видишь? — сказал он. — Это метка Нашиба.

— Ее собственный отец?

Я был поражен. Я готов был поспорить, что Нуру Убил бен-Мусаид. Хассанейн кивнул:

— Я подозревал, что он начнет беспокоиться,

не имеют ли под собой оснований все эти слухи и пересуды. Если Нура опозорена, он никогда не получит выкуп за невесту. Возможно, он убил ее, надеясь, что обвинят кого-то другого — моего племянника Ибрагима или старуху Умм Рашид — и он, по крайней мере, получит деньги за кровь.

Я взглянул на Нашиба, который все еще стоял с пустым лицом у своего шатра. Меня ужаснуло то, что человек может из-за таких пустяков убить собственную дочь.

Бедуинское правосудие просто и прямо. У шейха Хассанейна было все, чтобы указать преступника, и все же он давал Нашибу возможность опровергнуть очевидное. Когда мы остановились возле него, остальные Бани Салим поняли, что мы нашли убийцу, вышли из своих шатров и столпились поблизости, чтобы увидеть, что будет дальше.

— Нашиб, сын моего отца, — сказал Хассанейн, — ты убил собственную дочь, плоть от плоти твоей и душу души твоей. «Не убивайте детей ваших, страшась впасть в нищету, — говорит благородный Коран. — Мы прокормим и вас и их. Внемлите же! Убийство — великий грех».

Нашиб слушал его, опустив голову. Казалось, он осознает происходящее очень смутно. Его жена упала на землю, рыдая и призывая Аллаха, и несколько женщин бросились к ней. Бен-Мусаид отвернулся, плечи его вздрагивали. Бен-Шариф ошарашенно смотрел на Нашиба.

— Станешь ли ты опровергать это обвинение? — спросил Хассанейн. — Если желаешь, можешь поклясться в невиновности у великой гробницы шейха Исмаила бен-Насра. Вспомни — год назад Али бен-Сахиб дал ложную клятву у этой гробницы, и через неделю умер от укуса змеи.

И тот же самый шейх Хассанейн ранее уверял меня в том, что Бани Салим не суеверны! Мне было любопытно, насколько он верит в эти клятвы на могилах, и чем это поможет несчастному Нашибу.

Убийца, отец Нуры, заговорил так тихо, что только мы с Хассанейном расслышали его.

— Я не буду клясться, — сказал он.

Это было признание вины. Хассанейн кивнул.

— Тогда приготовим Нуру к отдыху до Судного дня, — сказал он. — Завтра на рассвете, Нашиб, ты сможешь помолиться о ее душе. А затем я сделаю то, что должен, ***иншалла***.

Нашиб только закрыл глаза. Я никогда раньше не видел такой боли на лице мужчины. Мне показалось, что он прямо здесь упадет в обморок.

Мы отнесли Нуру к могиле. Две женщины принесли белую простыню и завернули в нее Нуру, как в саван. Они оплакивали ее и молились. Хассанейн и Абу Ибрагим, дядья Нуры, опустили ее в могилу, и шейх помолился за нее. Теперь оставалось только засыпать могилу и отметить место несколькими камнями.

Мы с Хассанейном смотрели, как Хиляль и бен-Турки

заканчивают работу. Никто из нас не произнес ни слова. Я не знал, о чем думает шейх, но спрашивал себя, почему так много людей видят в убийстве способ решения проблем? Неужели в густонаселенном городе или в пустыне жизнь стала такой невыносимой, что чья-то смерть может сделать ее лучше? Или где-то в глубине души мы уверены, что ничья жизнь не стоит столько, сколько наша собственная?

Когда два молодых человека закончили свое печальное дело, к нам подошел Фридландер-Бей.

— Да будет с ней мир и благословение Аллаха, — сказал он. — Шейх Хассанейн, твой брат бежал.

Хассанейн пожал плечами, словно он предвидел, что это случится.

— Он хочет умереть в пустыне, а не от моего меча. — Он потянулся и вздохнул. — И все равно мы должны его выследить и привести назад, ежели будет на то воля Аллаха. Трагедия еще не окончена.

Глава 8

Хотя мне и не хочется этого признавать, но время, что я прожил среди Бани Салим, изменило мою жизнь. Я был почти уверен в этом. В полудреме покачиваясь в седле Фатмы, я думал о том, как все будет, когда я вернусь в город. Особенно мне нравилось воображать, как я ворвусь к Реда Абу Адилю и горячо поцелую его, так, как сицилийские отцы отмечают поцелуем жертву. Затем я непомнил себе, что Абу Адиля трогать нельзя, и стал думать о другом.

Кому мне больше всего хочется свернуть шею? Хаджару? Это вне всякого сомнения, но просто прикончить лейтенанта не доставит мне настоящего удовольствия. Я уверен, Фридландер-Бей ждет, что я буду целить выше.

Муха села мне на лицо, и я в раздражении смахнул ее. Потом открыл глаза: посмотреть, не изменилось ли чего, но все было как прежде. Мы все так же медленно, вперевалку ехали по песчаным горам, называемым Урук-аш-Шайба. Это и вправду были горы, а не просто холмы. Я представить себе не мог, что дюны могут быть такими высокими. Песчаные пики Урук-аш-Шайбы вздымались на шесть сотен футов и тянулись до восточного края горизонта, как застывшие волны солнечного света.

Нам иногда трудно было заставить верблюдов подниматься по задним склонам этих дюн. Часто приходилось спешиваться и вести животных в поводу. Верблюды постоянно жалобно ревели, иногда нам даже приходилось облегчать им ношу и самим нести припасы. Песок на склонах был мягким по сравнению с плотным, слежавшимся песком равнины, и даже верблюдам с их твердым шагом было непросто перебираться через высокие гребни. Кроме того, на подветренной стороне, которая, естественно, была куда круче, животным грозила опасность упасть и серьезно повредить ноги или спину. Если бы такое случилось, это стоило бы нам жизни.

Нас было шестеро. Я ехал вслед за Хассаней-ном, который был нашим негласным предводителем. Его брат, Абу Ибрагим, ехал вместе с бен-Мусаидом, а Сулейман бен-Шариф — с Хилялем. Когда мы в очередной раз остановились отдохнуть, шейх сел на корточки и нарисовал на песке грубую карту.

— Здесь путь от Бир-Балаг до источника Кхаба и Мугшина, — сказал он, рисуя кривую линию с юга на север. Справа, примерно в футе от нее, он нарисовал другую линию, параллельную первой. — Здесь Оман. Возможно, Нашиб думает, что сможет просить защиты у эмира Омана, но если так, он жестоко

ошибается. Эмир Омана слаб, он сидит под пятой эмира Муската, а тот — ярый сторонник исламского правосудия. Нашиб проживет там не дольше, чем если бы он просто вернулся к Бани Салим.

Я ткнул в пространство между пустынной тропой и границей Омана.

— А здесь что? — спросил я.

— Мы только что вошли сюда, — сказал Хасса-нейн. Он похлопал по песку медового цвета. — Это Урук-аш-Шайба, высокие песчаные дюны. А за ними кое-что похуже. — Он провел ногтем большого пальца по песку в сторону оманской границы. — Умм-ас-Самин.

Это означало Матерь яда.

— Что это за место?

Хассанейн поднял на меня взгляд и прищурился.

— Умм-ас-Самин, — повторил он, словно само это название все объясняло. — Нашиб мой брат, и, сдается, я угадываю его планы. Я уверен, что он направляется сюда, поскольку сам выбрал себе смерть.

Я кивнул.

— Значит, поэтому ты не слишком стараешься поймать его?

— Если он ищет смерти в пустыне, я ему это позволю. Но в то же время мы должны быть готовы отрубить ему голову, если он вместо этого попытается бежать. Мусаид, возьми своего сына и поезжай к северным пределам Умм-ас-Самин, — обратился он к своему брату. — Бен-Шариф, ты с Хилялем поедешь на юг. Мы с этим благородным

горожанином будем преследовать Нашиба до края зыбучих песков.

Так мы разделились, договорившись присоединиться к остальным Бани Салим в Мугшине. Времени у нас было немного, поскольку в Урук-аш-Шайбе не было колодцев. У нас была только та вода, которую мы везли с собой в козьих бурдюках, чтобы продержаться, пока не поймаем Нашиба.

На исходе дня я остался наедине со своими мыслями. Хассанейн не был разговорчивым человеком, да и говорить нам было почти не о чем. Я многому от него научился. Мне казалось, что в городе я иногда сам парализовал себя, раздумывая над всякими «правильно» и «неправильно» и тем серым сумраком, что лежит между ними. Это было своего рода слабостью.

Здесь, в Песках, все было проще. Слишком долгое промедление могло оказаться смертельным. Я дал себе слово, что, когда вернусь в город, буду пытаться думать по-бедуински. Я буду вознаграждать за добро и карать за зло. Жизнь слишком коротка, чтобы искать оправдания человеческим поступкам.

Фатма споткнулась и сразу же выправилась. Сбой в ее походке пробудил меня и напомнил, что у меня есть более насущные проблемы. И все равно я не мог отделаться от ощущения, что этот урок я получил по воле Аллаха. Убийство Нуры словно научило меня чему-то важному.

Но я не понимал, почему Нура доложна была умереть ради этого. Если бы я спросил об этом глубоко религиозного Фридландер-Бея, он только пожал бы плечами и сказал: «Так было угодно Аллаху».

Такой ответ меня не удовлетворял, но другого я не получил бы. Разговор на эти темы всегда скатывается к детским рассуждениям насчет того, почему Аллах допускает существование зла.

Хвала Аллаху непостижимому!

Мы с шейхом Хассанейном ехали до заката, затем остановились и разбили лагерь на маленьком плоском пятачке между двумя дюнами. Я слышал, что лучше ехать ночью, а жарким днем спать, но Бани Салим чувствовали, что вернее будет поступать вопреки общему мнению. К тому же Фатме днем изрядно досталось — верблюдице было непросто удерживать равновесие даже тогда, когда они видела, куда ступает. В темноте началась бы игра с опасностью.

Я разгрузил Фатму и привязал ее длинной цепью, которая позволила ей самой отыскать свой скудный ужин. Нам пришлось ехать налегке, поэтому наш ужин был лишь немногим лучше. Мы сжевали по три полоски вяленой козлятины, пока Хассанейн готовил на маленьком костерке мятный чай.

— И сколько нам еще ехать? — спросил я, глядя в мерцающее пламя.

Он покачал головой:

— Трудно сказать, ведь мы не знаем планов Нашиба. Если он действительно пытается пересечь Умм-ас-Самин, то завтра в полдень наш поход будет окончен. Если он надеется сбежать от нас — а этого он сделать не может, поскольку если он не найдет воду, то погибнет, — мы окружим его с трех сторон, и может статься, произойдет жестокая схватка. Но я надеюсь, что мой брат в конце концов изберет честный конец.

Чего-то я во всем этом не понимал.

— О шейх, — сказал я, — ты назвал Умм-ас-Самин зыбучими песками. Я думал, что они существуют только в голошоу да еще где-нибудь в джунглях.

Хассанейн издал короткий лающий смешок.

— Я никогда не видел голошоу.

— Ну, зыбучие пески обычно выглядят как вязкая грязь. Если

бы ты мог ходить по воде, то даже тогда у тебя под ногами было бы более плотное основание. Зыбучие пески засосали бы тебя мгновенно.

— Засосали? — спросил шейх. Он нахмурился. — В Умм-ас-Самин погибло много народу, но никого из них не засосало. Самое подходящее слово — провалились. Зыбучка — это топкое болото непригодной к питью воды, покрытое кристаллической соляной коркой. Соль намывают потоки с холмов на оманской границе. В некоторых местах эта корка может выдержать вес человека. Однако ее не видно, потому что сверху на соль наносит песок. Издали Умм-ас-Самин кажется спокойной, твердой равниной на краю пустыни.

— Но если Нашиб попытается ее пересечь…

Хассанейн покачал головой.

— Да сжалится Аллах над его душой, — сказал он.

Это напомнило всем, что мы забыли о вечерней молитве, пусть всего на несколько минут. Мы расчистили небольшой участок пустынной земли и совершили ритуальное омовение песком. Мы помолились, и я добавил еще моление о благословении для души Нуры и руководства для всех нас. Пора ложиться спать. Я был измучен.

Всю эту беспокойную ночь мне снились странные сны. Я до сих пор помню один: я видел мощную фигуру отца, который делал мне суровое внушение насчет того, что в пятницу надо ходить в мечеть. Отец не разрешил бы мне выбрать какую-нибудь старую мечеть, это должна была быть та мечеть, в которую ходил он сам. Лишь проснувшись, я понял, что это был вовсе не мой отец, это был Джирджи Шакнахьи, мой напарник в то недолгое время, когда я служил в полицейском департаменте.

Этот сон глубоко встревожил меня по двум причинам: я то и дело винил себя в гибели Шакнахьи, и мне не было понятно, почему он во сне вел себя так сурово. В жизни он был совсем другим. Почему он сейчас потревожил мой сон, а не сон, скажем, Фридландер-Бея?

Прежде чем навьючить верблюдов и тронуться в путь, мы еще поели вяленой козлятины и попили чаю. Обычно мы ели на завтрак рисовую кашу и финики.

— Ешь вволю, — говорил Хассанейн. — День будет полон событиями, и приятными они не будут. Ешь и пей досыта, мы не будем останавливаться, пока брат мой не умрет.

«Ничего себе», — подумал я. Как он может так спокойно говорить об этом? Я подумал, что мне это было бы тяжело, но этот пустынный вождь показывал мне, в чем состоит истинная сила и твердость.

Я водрузил узорчатое седло Фатме на спину, на что она ответила своим обычным полуискренним сопротивлением. Я повесил на седло половину наших припасов, затем поднял верблюдицу на ноги. Задача была нелегкой, смею вас заверить. Не раз я желал, чтобы Бани Салим были одним из тех пустынных кланов, что носятся по равнине на прекрасных конях. Вместо этого я получил это упрямое, вонючее животное. Да ладно, на все воля Аллаха.

Мы направили наших верблюдов на восток, к Умм-ас-Самин. Хассанейн был прав — день обещал одни неприятности. Но в конце его придет развязка, которая принесет облегчение душе шейха, иншалла.

Мы не разговаривали. Каждый из нас погрузился в мрачные раздумья. Мы покачивались на спинах верблюдов, медленно двигаясь вслед за Нашибом. Прошло несколько часов, прежде чем я услышал, как шейх гневно воскликнул:

— ***Аллаху Акбар!*** Вот он!

Я сразу же посмотрел вперед. Наверное, я задремал, потому что только сейчас заметил широкую, сверкающую равнину впереди. На западе ее стоял человек и разгружал верблюда, словно собирался поставить здесь лагерь.

— По крайней мере, — сказал я, — он не собирается погубить вместе с собой еще и бедное животное.

Хассанейн обернулся и гневно посмотрел на меня. Все его добродушие как рукой сняло. Лицо его было суровым и, пожалуй, мстительным.

Мы погнали верблюдов как могли быстро и вылетели из дюн, словно неслись в атаку. Когда мы были в каких-то пятидесяти ярдах от Нашиба, он обернулся. В лице его не было ни гнева, ни страха, лишь одна неизмеримая скорбь. Он поднял руку и замахал нам. Я не понял, что он хотел этим сказать. Затем он повернулся и побежал к корке Умм-ас-Самин.

— Нашиб! — в отчаянии закричал Хассанейн. — Подожди! Вернись вместе с нами к Бани Салим! Там ты, по крайней мере, сможешь получить прощение, прежде чем я должен буду казнить тебя! Разве не лучше умереть среди своего племени, чем в одиночестве, в этом пустынном месте?

Нашиб не слушал брата. Мы едва не перехватили его, когда он сделал первый нерешительный шаг по присыпанной песком корке.

— Нашиб! — закричал Хассанейн.

На сей раз убийца обернулся. Он коснулся своей груди над сердцем, приложил пальцы к губам и поцеловал их, затем коснулся лба.

Наконец после мгновения, которое показалось мне самым долгим в истории человечества, он повернулся и сделал еще несколько шагов по соляной корке.

— Может быть, он… — Мои слова оборвал полный совершенного отчаяния вопль Нашиба. Следующий шаг — и он беспомощно провалился сквозь корку в болото. На миг его голова показалась на поверхности еще раз, но боролся он напрасно. Умение плавать не числится среди навыков, необходимых Бани Салим для выживания.

— Во имя Аллаха, благого, милосердного, — простонал Хассанейн. — Да будет с ним мир и благословение Аллаха.

— Свидетельствую, что нет бога, кроме Бога, — сказал я. Я был потрясен почти так же, как мой спутник. Я закрыл глаза, хотя смотреть было не на что, разве что на маленькую дырку, которую проломил в соляной корке Нашиб. Наверное, он умер очень быстро.

Наша миссия была завершена, а суровость здешних мест торопила назад — к племени в Мугшин быстро, как только можно. Хассанейн понимал это лучше меня, и потому он без единого слова спешился, взял верблюда Нашиба за повод и через поющие пески повел его к своему верблюду. Если тут и уместно было выразить свою скорбь, то шейх сделал это молча, и мы шатаясь тронулись на юг.

Не помню, чтобы до конца этого дня мы с Хассанейном обменялись хоть парой слов. Он гнал наш маленький отряд так быстро, как только мог, и мы ехали еще пару часов после захода солнца, остановившись только для закатной молитвы.

— В южной части Песков сейчас голодно, — сказал он. — Тут мало воды и корма для верблюдов. Эта часть пустыни перенесла засуху.

Черт, я чуть не спросил его, как в таком месте, как Пустая четверть, может быть еще и засуха? В смысле, как бы вы это назвали, если годовая норма осадков здесь составляет десять унций. Но я видел, что Хассанейн не склонен к разговорам, а потому промолчал.

Еще через два часа, когда мы разбили лагерь съели наш скудный ужин и расстелили одеяла рядом с костром, к нам присоединились Хиляль и бен-Шариф. Я был рад видеть их, хотя память о последних событиях витала над нами, как страх Господень.

Двое приготовили себе места у костра.

Мы издалека увидели вас и Нашиба, — сказал Хиляль. — Как только мы увидели, что вы покидаете край Умм-ас-Самин, то поняли, что Нашиб покончил с собой. Тогда мы свернули через

Пески, чтобы перехватить вас. Мы бы и раньше вас нагнали, но вы, наверное, шли слишком быстро.

— Я не хочу торчать здесь больше, чем нужно, — мрачно сказал Хассанейн. — Наша еда и вода…

— Думаю, нам ее хватит, — сказал бен-Шариф. — Ты просто хочешь поскорее уйти от того, что произошло.

Шейх посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты осуждаешь меня, Сулейман бен-Шариф? — спросил он с яростью.

— ***Йа салам***, я не осмелился бы, — ответил лодой человек.

— Тогда стели свое одеяло и спи. Завтра нам предстоит долгий путь.

— Как скажешь, шейх, — ответил Хиляль.

Через несколько минут мы все уже спали под холодным черным небом Руб-аль-Хали.

Поутру мы собрали лагерь и двинулись через пустыню, где не было ни единой тропинки. Нас вела только память Хассанейна. Так мы ехали несколько дней — все молчали, говорил один Хассанейн, и только тогда, когда это было необходимо. «Пора молиться!», или «Остановимся здесь!», или «На сегодня хватит!». С другой стороны, у меня было достаточно времени для копания в себе, и будьте уверены, я использовал его по назначению. Я вновь пришел к выводу, что мое пребывание у Бани Салим изменило меня — когда я вернусь в город, именно «когда», а не «если», некоторые существенные изменения в моем поведении будут к месту. Я всегда был страшно независим, но сейчас мне хотелось, чтобы этот грубый клан и его молчаливый вождь одобрили мое поведение.

Под конец мы заехали так далеко, ехали так быстро, что все мысли о городе выветрились у меня из головы. Я думал только о том, как бы живым добраться до другого поселения, до бедуинской деревушки на южной окраине Песков. И потому невероятно обрадовался, когда Хассанейн остановил нас и показал на горизонт, чуть больше к югу, чем к юго-западу.

— Горы, — заявил он.

Я посмотрел. Никаких гор я не увидел.

— Это последние мили Песков. Сейчас мы в Ганиме.

Конечно, шейх, если ты так считаешь. На мой же взгляд, пока ничего не изменилось. Мы взяли немного южнее и вскоре наткнулись на столетний путь от источника Кхаба к Мугшину на дальней оконечности гор Карра. Нашей целью был Мугшин, где нам предстояло встретиться с остальным племенем. Бани Салим говорили о Мугшине так, словно он был сокровищницей чудес, Сингапуром, Эдо или Нью-Йорком. Я же решил, что подожду с

оценками, пока не смогу сам восхититься его аллеями.

В последующие два-три дня местность стала заметно выше, и я уже не сомневался, что старый шейх знает, куда ехать. У подножия гор, что отделяли нас от побережья, лежал Мугшин. Я представлял себе это место только по рассказам своих спутников, и потому настоящий его вид вызвал у меня некий шок. Мугшин представлял собой пятьдесят — шестьдесят шатров — промышленных, европейского производства, — разбросанных по широкой равнине так, чтобы каждый житель чувствовал себя достаточно уединенно. Сильный ветер нес по деревне песок, не было видно ни души.

Бен-Шариф и Хиляль были вне себя от радости, увидев деревушку. Они стояли на спинах верблюдов, размахивали винтовками и то и дело выкрикивали хвалу Аллаху.

— Идите, — сказал Хассанейн, — и посмотрите, не пришли ли наши. Наше обычное место вроде бы пусто.

— Мы вполне могли обогнать их, — сказал бен-Шариф. — Мы шли быстрее, чем караван Бани Салим.

Шейх кивнул:

— Тогда будем ждать их прихода.

Хиляль встал на колени в седле и что-то крикнул. Я не понял что. Затем он ткнул верблюдицу так, что она рванула со всей скоростью. Бен-Шариф помчался за ним.

Хассанейн показал на деревушку.

— Твой город даже больше этого? — спросил он.

Это испугало меня. Я уставился на кучку зеленых и серых шатров.

— В чем-то да, — сказал я. — А в чем-то определенно нет.

Шейх хмыкнул. Время разговоров окончилось. Он пнул верблюдицу, и я поехал за ним неспешным шагом. В сердце мое хлынуло ощущение победы — ведь я выжил в этой чрезвычайно нетехнологизированной среде. Мой модифицированный мозг мало чем помогал мне с тех пор, как Бани Салим подобрали нас. Я даже пытался не пользоваться блокировщиками боли, голода и жажды, потому что хотел доказать себе, что могу вынести все, что могут вынести немодифицированные бедуины.

Конечно, я и в малой степени не был так дисциплинирован, как они. Как только боль, голод или жажда начинали слишком донимать меня, я с благодарностью прибегал к защите моего вживленного в череп оборудования. Не было смысла переутомляться, особенно если на карту ставилась гордость. Здесь, в Песках, она ценилась слишком дорого.

Бани Салим действительно еще не прибыли. Шейх Хассанейн отвел нас к обычному месту, и мы разбили временный лагерь, без

укрытий. Каким голодным взглядом смотрел я на постоянные шатры! Я отдал бы за них кучу денег, поскольку ветер был холодным и нес с собой тучи песка. Прежний Марид Одран сказал бы: «Да пошло все к черту!» — и отправился бы отдохнуть в один из них. Теперь только гордость, моя драгоценная гордость не давала мне покинуть Хассанейна и двух молодых людей. Меня больше заботило то, что они обо мне подумают, чем мой собственный комфорт. Это было нечто новое.

На следующий день я чуть не помер от скуки. До встречи с Бани Салим делать нам было нечего. Я исследовал деревню, но это заняло мало времени. Я нашел небольшой ***сук*** там, где наиболее честолюбивые мугшинские купцы расстилали на земле одеяла, прикрывая свои товары. Там было свежее мясо и не очень свежее, овощи, финики и прочие фрукты, а также основная пища бедуинов: рис, кофе, вяленое мясо, капуста, морковь и прочие овощи.

Я был весьма удивлен, увидев старика, у которого на одеяле лежали семь предметов из пластмассы — училки, привезенные из-за гор, из Салалы, Бог весть какого производства. Я с огромным любопытством рассматривал их. Мне хотелось узнать, что именно этот шибко умный старикан надеется продать тем немногим модификантам, что слоняются по Руб-аль-Хали.

Тут были две училки на святого имама, возможно, такие же, как и та, что была у Хассанейна, две медицинские, училка с программой на различные арабские диалекты южной части Аравии, незаконная сексуальная информативка и краткий справочник по шариату, мусульманскому праву. Я подумал, что последняя училка может стать хорошим подарком шейху. Спросил старика, сколько она стоит.

— Двести пятьдесят риалов, — сказал он слабым дрожащим голосом.

— Риалов у меня нет, — ответил я, — только киамы. — У меня оставалось почти четыре сотни киамов, которые я утаил от сержанта аль-Бишаха в Наджране.

Старик бросил на меня долгий проницательный взгляд:

— Киамы? Ладно, сотня киамов.

Теперь настал мой черед сделать огромные глаза.

— Да это в десять раз дороже, чем она на самом деле стоит! — сказал я.

Он только пожал плечами:

— Когда-нибудь кто-нибудь сочтет, что она стоит сто киамов, я и продам ее за сотню. Но нет. Поскольку ты гость в нашей деревне, я отдам ее тебе за девяносто.

— Пятнадцать, — ответил я.

— Тогда отправляйся к своим спутникам. Мне не нужны твои деньги. Великий Аллах поддержит меня в моем желании, ***иншалла***. Восемьдесят киамов.

Я развел руками.

— Я не могу позволить себе заплатить столько. Я дам тебе двадцать пять, но это все. Именно потому, что я странник. Но ведь это, сам понимаешь, не означает, что я богат.

— Семьдесят пять, — сказал он не моргнув глазом. Торговля для него была скорее обычаем, чем настоящей попыткой выжать из покупателя деньги.

Это продолжалось еще несколько минут, пока я, наконец, не купил училку по законам за сорок киамов. Старик поклонился мне так, будто я был каким-нибудь великим шейхом. С его точки зрения так, конечно, и было.

Я взял училку и пошел назад, к нашему лагерю. Прежде чем я успел пройти хотя бы двадцать ярдов, меня остановил другой житель.

— ***Салам***, — сказал он.

— ***Алейкум ас-салам,*** — ответил я.

— Скажи, о блистательный, не будет ли тебе любопытно взглянуть на некоторые особенно приятные и редкие персональные модули?

— Ну, — с любопытством сказал я, — может быть.

— У нас есть такие… необычные, каких ты не найдешь нигде, ни в Наджране, ни за горами, в Салале.

Я посмотрел на него со спокойной улыбкой. Я приехал не из какого-то варварского городка вроде Наджрана или Салалы. Мне казалось, что я уже попробовал самые странные и извращенные модики в мире. И все же мне было интересно посмотреть, что сумел купить этот высокий и тощий верблюжий жокей.

— Ладно, — сказал я. — Покажи их мне.

Человек заволновался, словно опасался, что нас подслушают:

— Я могу лишиться руки, если покажу тебе, что за модики мы продаем. Но если ты пойдешь без денег, это охранит нас обоих.

Я не совсем понял:

— А что мне делать с моими деньгами?

Торговец, который продал тебе училку, имеет несколько металлических ящичков для наличных, о шейх. Отдай ему свои деньги, и он надежно их спрячет, даст тебе расписку и ключ к ящичку. Затем ты пойдешь в мой шатер и будешь пробовать наши модики сколько тебе вздумается. Когда ты решишь — покупать или нет, мы пойдем назад и заберем твои деньги. Таким образом, если кто из властей придет во время демонстрации, мы сможем доказать, что ты пришел не с целью покупки и что я не собирался

ничего продавать, потому что у твоей высокой персоны нет денег.

— И как часто прерывают ваши «демонстрации»? — спросил я.

Этот бедуинский жулик посмотрел на меня и пару раз подмигнул.

— То и дело, — сказал он. — То и дело, о шейх. Это издержки производства.

— Знаю. Это я хорошо знаю.

— Тогда, о блистательный, идем со мной, и ты отдашь деньги Али Мухаммаду, старому торговцу.

Молодой человек был что-то подозрителен, но старый торговец был мне симпатичен старомодным честным поведением.

Мы подошли к его подстилке. Молодой сказал:

— Али Мухаммад, этот господин желает посмотреть наши самые лучшие модики. Он готов оставить тебе свои деньги.

Али Мухаммад, прищурившись, посмотрел на меня:

— Он не из полиции или еще откуда?

— После разговора с этим благородным шейхом, — сказал нервный молодой человек, — я ему полностью доверяю. Клянусь тебе гробницами всех имамов, он не доставит нам неприятностей.

— Ну, ладно, посмотрим, — недовольно сказал Али Мухаммад. — Сколько у него наличных?

— Не знаю, о мудрый, — сказал мой новый приятель.

Я немного помедлил, затем выложил большую часть своих денег. Я не хотел отдавать все, но казалось, оба это знали.

— В твоих карманах не должно остаться ничего, — сказал Али Мухаммад. — Десяти риалов хватит, чтобы нас троих подвергли телесному наказанию.

Я кивнул.

— Вот, — сказал я, отдавая остальные деньги.

«Назвался груздем — полезай в кузов», — сказал я себе. Только вот кузов стоил мне четыре сотни киамов.

Старый торговец исчез в ближайшем шатре. Отсутствовал он всего две-три минуты. Вернувшись, он отдал мне ключ и расписку. Мы традиционно раскланялись, и мой дерганый провожатый повел меня к другому шатру.

Прежде чем мы прошли половину пути, он сказал:

— А ты заплатил пять киамов залога за ключ, о шейх?

— Что за залог? Ты прежде ничего о нем не говорил.

— Мне очень жаль, господин, но мы не можем пустить тебя посмотреть модики, пока ты не заплатишь залог. Всего пять киамов.

В душе у меня зашевелился неприятный страх. Я протянул этому тощему хорьку расписку.

— Вот, — сказал я.

— Но здесь ничего не говорится о залоге, о шейх, — ответил он. — Всего только пять киамов, и ты сможешь целый день играть с любыми модиками, какими только пожелаешь.

Я слишком легко купился на приманку в виде модиков класса X.

— Ладно, — сердито сказал я, — ты же видел, как я отдал все деньги до последнего киама твоему старику. У меня больше нет.

— Что же, это беспокоит меня, о мудрый. Я не могу показать тебе модики без залога.

Теперь я понимал, что, заплати я даже залог, модиков у них наверняка не оказалось бы.

— Ладно, — гневно сказал я. — Пойдем назад и заберем мои деньги.

— Как пожелаешь, о шейх.

Я повернулся и зашагал к подстилке Али Мухаммада. Его там не было. Его вообще нигде не было. Вход в шатер с ящичками для денег охранял огромный человек с темным багровым лицом. Я подошел к нему, показал расписку и попросил впустить меня, чтобы забрать свои деньги.

— Я не могу впустить тебя, пока ты не заплатишь залог в пять киамов, — сказал он.

«Человек так рычать не может», — подумал я.

Я пытался угрожать, просил, обещал большую плату, когда вернется Фридландер-Бей с остальными Бани Салим. Ничего не помогало. Наконец, сообразив, что меня облапошили, я повернулся к своему нервному провожатому. Он тоже исчез.

Итак, я остался с никчемной распиской и ключом — наверное, это был Самый Дорогой Бесполезный Ключ в мире, достойный мирового рекорда, — и с ясным сознанием того, что мне только что преподали урок гордости. Это был очень дорогой урок, но все же… Я понимал, что Али Мухаммад и его молодой поделыщик, наверное, уже на полпути к горам Карра, и как только я повернулся спиной к бедуинскому Мистеру Бицепсу, он тоже скрылся. Я расхохотался. Этот анекдот я никогда не расскажу Фридландер-Бею. Я могу сказать, что меня обокрали ночью, пока я спал. Фактически это было почти правдой.

Я просто пошел прочь, смеясь над собой и своим утраченным превосходством. Доктор Садик Абд ар-Раззак, который приговорил нас к ссылке в это ужасное место, на самом деле совершил благо. Уже не раз я разочаровывался в своих достоинствах. Я вышел из пустыни изменившимся по сравнению с тем, каким я свалился туда.

Через четыре или пять дней прибыли Бани Салим, и был

шумный праздник и много встреч. Я убедился, что с Фридландер-Беем в дороге ничего плохого не случилось и что он выглядит счастливее и здоровее, чем когда-либо. На одной из пирушек шейх Хассанейн обнял меня, как будто бы я был членом его семьи, и формально принял Фридландер-Бея и меня в свой клан. Теперь мы были полноправными Бани Салим. Я подумал: пригодится ли это нам когда-нибудь? Я подарил Хассанейну училку по шариату, и он был весьма этим доволен.

На следующий день мы приготовились к отъезду. С нами ехал бен-Турки. Он должен был провести нас через горы к приморскому городу Салале. Там мы закажем билеты на первый же корабль до города Кишна, что лежал в сотне миль к западу. Это был ближайший город, в котором имелось летное поле для суборбитальных кораблей. Мы ехали домой.

Глава 9

Суборбитальный корабль «Мухаммад аль-Бакир» был вряд ли более комфортабельным, чем тот, что доставил нас в Наджран. Мы уже не были заключенными, но еда или напитки в стоимость нашего билета не вошли.

— Вот что бывает, когда тебя заносит на край света, — сказал я. — В другой раз надо стараться попасть в более уютное местечко.

Фридландер-Бей только кивнул. Мои слова вовсе не показались ему смешными. Похоже, он предвидел еще много таких похищений и ссылок. Недостаток юмора был у него чем-то вроде фирменного знака. Именно это позволило ему превратиться из иммигранта в одного из двух самых влиятельных людей в городе. Именно поэтому он был преувеличенно осторожен. Он никому не доверял, хотя в течение многих лет вновь и вновь проверял своих людей. Я до сих пор не был уверен в том, что он мне доверяет.

Бен-Турки почти ничего не говорил. Он сидел, прилипнув к иллюминатору, временами возбужденно восклицая или сдавленно ахая. Хорошо, что он поехал с нами, поскольку он напоминал мне того юношу, которым я был до того, как пресытился современной жизнью. Для бен-Турки все было внове, он был сущим деревенщиной с нищих перекрестков Салалы. Я содрогнулся при мысли о том, что может случиться с ним, если он вернется домой. Я не знал, что лучше: совратить его как можно быстрее, чтобы он сумел защититься от волков Будайина, или защитить его очаровательную невинность.

— От Кишна до Дамаска сорок минут лету, — объявил капитан суборбитального корабля. — Пассажиры на борту могут проводить свободное время по своему усмотрению.

Это были хорошие новости. Хотя у нас не будет достаточно времени, чтобы полюбоваться Дамаском, самым старым в мире населенным городом, я был рад, что наше возвращение займет минимум времени. В Дамаске у нас была посадка примерно на тридцать пять минут. Затем мы пересаживались на другую суборбиталку прямо до города. Мы будем дома. Хоть мы и не сможем жить там совершенно свободно, но мы будем, по крайней мере, среди своих.

Фридландер-Бей уже после взлета долго смотрел в окно, и я мог лишь догадываться, о чем он думает. Наконец он сказал:

— Нам нужно решить, куда мы пойдем, когда корабль из Дамаска приземлится в городе.

— Почему бы нам просто не отправиться домой? — спросил я.

Несколько мгновений он смотрел на меня ничего не выражающими глазами.

— Потому что по закону мы до сих пор преступники. Мы сбежали от того, что здесь называют «правосудием».

Я совсем забыл об этом.

— Они даже не понимают смысла этого слова!

Папа нетерпеливо отмахнулся:

— Как только мы покажемся в городе, твой лейтенант Хаджар арестует нас и отдаст под суд за убийство.

— А в городе все говорят на таком корявом арабском? — спросил бен-Турки. — Я даже не все понимаю!

— Боюсь, что так, — сказал я ему. — Но ты быстро освоишь местный диалект.

Я снова повернулся к Папе. Его рассуждения отрезвили меня и дали понять, что наши неприятности еще отнюдь не кончились.

— И что же ты предлагаешь, о дядя? — спросил я.

Мы должны найти какого-нибудь человека, которому могли бы доверять и который мог бы нас приютить на неделю или около того.

Я не мог понять ход его мысли.

— Неделя? Что может случиться за неделю? Фридландер-Бей посмотрел на меня с ужасающе холодной улыбкой.

— За неделю, — сказал он, — мы устроим встречу с шейхом Махали. Мы заставим его понять, что нас лишили последнего законного права — подать на апелляцию, что мы настоятельно просим эмира защитить наши права, поскольку таким образом он сумеет разоблачить официальную коррупцию, что угнездилась прямо у него под носом.

Я вздрогнул и возблагодарил Аллаха за то, чтоне я стану предметом его расследования — по крайней мере не придется нервничать. Интересно, хорошо ли спят лейтенант Хаджар и доктор Абд ар-Раззак? Чувствуют ли они, что над ними сгущаются тучи? Я ощутил приятный трепет, представив себе их судьбу.

Наверное, я задремал, потому что через некоторое время меня разбудил один из стюардов, который хотел, чтобы мы с бен-Турки перед посадкой проверили пристежные ремни. Бен-Туркич смотрел на свой ремень, не зная, как его застегнуть. Я помог ему, поскольку мне показалось, что стюарду это будет приятно. Теперь ему не придется беспокоиться насчет того, что мои оторванные конечности разлетятся по кабине, если корабль кувыркнется в дюны за городскими воротами.

— Мне кажется, это блестящая возможность, о шейх, —

сказал я.

— О чем ты? — спросил Папа.

— Нас считают мертвыми, — объяснил я. — В этом состоит наше преимущество. Пройдет время, пока Хаджар, шейх Реда и доктор Абд ар-Раззак поймут, что два давно забытых трупа суют нос в дела, которые они не хотели бы выносить на свет Божий. Может быть, нам стоит действовать медленно, не дать себя сразу обнаружить. Если мы войдем в город со знаменами и под звуки труб, колодцы нашего преимущества мгновенно иссякнут.

— Очень хорошо, племянник, — сказал Фридландер-Бей. — Ты усваиваешь мудрость благоразумия. Сражение редко выигрывают, если логика не ведет атаку.

— Но еще я усвоил от Бани Салим, что промедление опасно.

— Бани Салим не стали бы сидеть в темноте и вынашивать всякие там планы, — сказал бен-Турки. — Бани Салим враз налетели бы на врагов, и тогда бы говорили винтовки. А потом мы дали бы верблюдам втоптать их тела в пыль.

— Но, — сказал я, — у нас нет верблюдов, чтобы топтать врагов. И все же мне нравится, как Бани Салим подходят к решению подобных проблем.

— Пустыня действительно изменила тебя, — сказал Папа. — Но мы не собираемся медлить. Мы пойдем вперед, неторопливо, но верно. И если надо будет убрать одну из ключевых фигур, мы сделаем это без сожаления.

— Конечно, если только это не будет фигура шейха Реда Абу Адиля, — сказал я.

— Да, конечно.

— Мне хотелось бы знать все. Почему шейх Реда должен оставаться в живых, тогда как более порядочный человек — я имею в виду его карманного имама — должен быть убит ради нашей чести?

Папа вздохнул.

— Все дело в женщине, — сказал он, отворачиваясь и снова глядя в окно.

— Не говори больше, — сказал я. — Деталей я знать не хочу. Женщина — и этим все сказано.

— Женщина и клятва. Похоже, шейх Реда забыл о нашей клятве, но я — нет. Когда я умру, ты будешь свободен. Но не раньше.

Я тоже вздохнул.

— Наверное, это была особенная женщина, — сказал я. Он никогда не рассказывал мне так много о таинственных правилах его пожизненной вражды с соперником, Абу Адилем.

Фридландер-Бей не снизошел до ответа. Он просто смотрел

на светлое небо и темную планету, навстречу которой мы мчались.

По переговорному устройству сообщили, что пассажирам следует оставаться на местах, пока суборбитальный корабль не произведет посадку и не пройдет четвертьчасовую процедуру остывания. Я испытывал некое разочарование, поскольку всегда мечтал побывать в Дамаске, а теперь, когда мы здесь, мне удастся увидеть только здания терминала.

«Мухаммад аль-Бакир» принял посадочную конфигурацию, и через несколько минут мы были на земле. Меня бросило в дрожь от облегчения. Со мной всегда так бывало. Не то чтобы я боялся, что нас собьют в полете ракетой — просто на борту я сразу же теряю веру в современную физику и суборбитальное кораблестроение. Я рассуждаю, словно перепуганный ребенок, что столько тонн стали никогда не смогут подняться в воздух, а даже если это получится, они там не удержатся. На самом деле больше всего я волнуюсь во время взлета. Если корабль не разлетается вдребезги, значит, мы взлетели, и тогда я расслабляюсь. Но до того еще несколько минут жду, что пилот скажет что-нибудь вроде:

— Наземный контроль решил прервать этот полет на полпути. Нам очень жаль…

Мы совершили мягкую посадку в Дамаске, затем пятнадцать минут смотрели в окна, пока суборбиталка приходила к утвержденному Интернациональным авиастандартом состоянию. Мы быстро сообразили, где мы сможем поймать суборбиталку, которая отвезет нас домой.

Я зашел в маленький сувенирный магазинчик, думая купить что-нибудь себе и, может быть, Индихар и Чири, но был разочарован, увидев, что все сувениры были с ярлычками типа «Сделано в Западном заповеднике» или «Сделано в оккупированной Панаме». Я удовольствовался несколькими голограммами.

Начал было надписывать одну для Индихар, но остановился. Вне всякого сомнения, все каналы связи в Папином дворце прослушиваются, и послание может попасть в чужие руки. Я мог выдать нас, послав голограмму с информацией о нашем триумфальном возвращении.

Несомненно Индихар и все мои друзья смирились с моей трагической гибелью. Что мы увидим, когда вернемся в город? Я догадывался, что узнаю много нового насчет того, как относятся ко мне люди. Возможно, Юссеф и Тарик по-прежнему заботятся об имуществе Фридландер-Бея, но для Кмузу моя смерть означала свободу, и, скорее всего, он уже давно ушел.

Поднимаясь на борт другой суборбиталки, я вновь ощутил дрожь. Сознание того, что «Нарсулла» отвезет нас назад, в наш город, наполняло меня тревожным ожиданием. И часа не пройдет, как мы будем на месте. Непрочные союзы, созданные ради попытки убить нас, рассыплются; заговорщикам придет конец, как только мы приступим к делу. Я жаждал мести. Этому научили меня Бани Салим.

Это был самый короткий полет за всю мою жизнь. Я прижался к окну, расплющив нос, словно я мог, собрав все свои силы, пришпорить «Нарсуллу» и придать ему еще большее ускорение. Мне показалось, что мы только что прошли максимум, как уже вошел стюард и сказал, чтобы мы пристегнулись для посадки. Я подумал: «А если мы врежемся в землю и выроем кратер в сотню футов глубиной? Сумеет ли ремень не дать мне покалечиться и вывести из огня?»

Мы не слишком долго мешкали на терминале, потому что Фридландер-Бей был слишком известной личностью, чтобы долго оставаться незамеченным. Могли дать знать Абу Адилю, и тогда… снова город Песчаных дюн. Или выстрел в голову.

— Что теперь, о шейх? — спросил я Папу.

— Пройдемся немного, — сказал он. Я пошел следом за ним из терминала к стоянке такси. Бен-Турки, который старался быть полезным, сам потащил чемоданы.

Папа хотел было взять первое же такси, но я остановил его.

— У этих водил чертовски хорошая память, — сказал я. — И, возможно, они клюнут на деньги. Есть тут один, как раз годится для наших целей.

— А, — сказал старик, — у тебя на него что-то есть? Какая-то давняя история, которую он не хочет поднимать на свет?

— Даже лучше, о шейх. Он физически не способен запомнить хоть что-нибудь больше чем на час.

— Не понимаю. Он что, пострадал от какой-нибудь мозговой травмы?

— Можно и так сказать, дядя. — И я рассказал ему все о Билле, об этом чокнутом американце. Он не делал косметического боди-моделирования. Внешность для Билла ничего не значила. Как и модифицирование мозга. Вместо этого он сделал совершенно безумную вещь — заплатил одному из жуликов на Улице, чтобы тот убрал у него одно легкое и вместо него вставил мешок, который выпускал в его кровь постоянную, отмеренную дозу легко усваивающегося РПМ.

РПМ по сравнению с другими галлюциногенами все равно что ложка толченого сахарина по сравнению с куском сахара. Я горько каялся несколько раз, когда пытался пробовать РПМ. Его

техническое название эл-рибопропилметионин, но сейчас люди на улицах называют его «пеклом». Когда я впервые попробовал РПМ, моя реакция была настолько ужасной, что мне пришлось принять его еще раз. Я просто не мог поверить, что мне может быть настолько плохо. Это было оскорблением моего личного титула «Победителя всех химикатов».

Теперь меня ни за какие деньги не заставишь его попробовать.

И эту дрянь Билл дни и ночи напролет закачивал в свои артерии. Нечего и говорить, что он постоянно был под кайфом. Он был похож не столько на таксиста, сколько на астролога со съехавшей крышей, который наверняка совратит целое королевское семейство и кончит тем, что его утопят в полночь в ледяной реке.

Ехать с Биллом — тоже шиза, потому что он всегда огибает все, что только видит на дороге. К тому же он убежден, что рядом с ним сидят демоны — ***ифриты*** — и сбивают его с толку, искушают его и так досаждают, что ему приходится собирать все свое внимание, чтобы уберечься от смерти и не разбиться в лепешку на шоссе. Билл и те комментарии, что он бормотал себе под нос, казались мне просто замечательными. Он был для меня примером того, как не надо жить. Я говорил себе: «Ты можешь кончить как он, если не перестанешь все время глотать таблетки».

— И ты все же рекомендуешь этого водителя? — с сомнением сказал Фридландер-Бей.

— Да, — сказал я, — поскольку все внимание Билла может пройти сквозь игольное ушко и оставить в стороне слона. Он даже не вспомнит о нас, как только мы выйдем из такси. Иногда он все забывает прежде, чем ему заплатят.

Папа подергал себя за седую бороду, которую просто необходимо было привести в порядок.

— Вижу. Значит, его в самом деле невозможно подкупить, и не потому, что он честен, а лишь потому, что ничего не помнит.

Я кивнул. Я уже искал уличный телефон. Подошел к одному, бросил монетку и назвал в трубку его код. Пришлось крутить диск пятнадцать раз, и наконец Билл ответил. Он, как обычно, сидел прямо у восточных ворот Будайина, на бульваре аль-Джамаль. Билл пару минут не мог вспомнить, кто я такой, хотя мы знали друг друга уже много лет. Он сказал, что приедет и заберет нас.

— Теперь, — сказал Фридландер-Бей, — нам надо хорошенько подумать, куда поехать.

Я сунул в рот палец и задумался:

— За «Чири», конечно, следят.

«Чири» — это ночной клуб на Улице. Папа вынудил Чиригу продать его, а затем подарил мне. Чири прежде была одной из лучших моих подруг, а после этого с трудом могла заставить себя говорить со мною. Я сумел убедить ее, что это все идея Папы, а затем продал ей половину клуба. И мы снова стали друзьями.

— Мы не можем позволить себе общаться с кем-нибудь из наших прежних друзей, — сказал он. — Похоже, я знаю решение.

Он подошел к телефону и некоторое время спокойно с кем-то разговаривал. Повесив трубку, он коротко улыбнулся мне и сказал:

— Похоже, я решил проблему. У Феррари есть пара свободных комнат над ночным клубом, и я дал ему знать, что сегодня вечером мне понадобится помощь. Также я напомнил ему о кое-каких услугах, которые много лет ему оказывал.

— Феррари? — спросил я, — «Голубой попугай»? Я там никогда не был. Слишком шикарное место.

«Голубой попугай» был одним из тех респектабельных клубов, куда ходят в шикарном костюме, где подают шампанское и где играет латиноамериканский ансамбль. Синьор Феррари скользит между столов и бормочет комплименты, пока фанаты потолка медленно поворачиваются вверху. Тут даже голых грудей не увидишь. В этом месте мне было не по себе.

— Это куда лучше. Твой водитель отвезет нас к черному ходу в клуб. Дверь будет открыта. Мы с комфортом устроимся в верхних комнатах, а после двух часов ночи, когда клуб закроется, наш хозяин присоединится к нам, ***иншалла***. Что до молодого бен-Турки, то мне кажется, будет лучше и безопаснее, если мы пошлем его к нам домой. Черкни пару строк на одной из своих голограмм, но не подписывай. Юссефу и Тарику этого хватит.

Я понял, чего он хочет. Я нацарапал короткое послание на обороте одной из голограмм с видом Дамаска: «Юссеф и Тарик, это наш друг бен-Турки. Обращайтесь с ним хорошо до нашего возвращения. Вскоре увидимся. Подпись: Магрибинец». Я отдал карточку бедуину.

— Спасибо, о шейх, — сказал он. Его все еще трясло от возбуждения. — Вы уже сделали больше, чем я смогу когда-нибудь отплатить.

Я пожал плечами.

— Не думай о благодарности, друг мой, — сказал я. — Мы найдем способ помочь тебе все отработать. — Я повернулся к Фридландер-Бею. — Я верю тебе насчет Феррари, о шейх, поскольку не знаю, насколько он честен.

Папа еще раз улыбнулся.

— Честен? Я не верю честным людям. Как ты сам знаешь,

предают всегда впервые. Синьор Феррари скорее боится меня, а на это я вполне могу положиться. Что до его честности, он не честнее, чем кто-либо другой в Будайине.

Не слишком честен, значит. Хотя в этом был свой резон. Я задумался о том, как буду убивать время в комнатах Феррари. Однако прежде чем я успел поговорить об этом с Фридландер-Беем, приехал Билл.

Он посмотрел на меня из своего такси безумными глазами — казалось, что они вот-вот зашипят.

— Ну? — спросил он.

— Во имя Аллаха, благого, милосердного, — пробормотал Папа.

— Во имя Кристи Мэтьюсона, дохлого и зарытого, — прорычал в ответ Билл.

Я посмотрел на Папу.

— Кто такой Кристи Мэтьюсон? — спросил я.

Папа едва заметно пожал плечами. Мне было любопытно, но я понимал, что сейчас не время завязывать разговоры. Таксист может разъяриться, или уехать, или начать болтать, и мы не доберемся в «Голубой попугай» до самого рассвета.

— Ну? — угрожающе спросил Билл.

— Давайте сядем в такси, — спокойно сказал Фридландер-Бей. Мы забрались внутрь. — «Голубой попугай» в Будайине. К черному ходу.

— Да? — спросил Билл. — Улица закрыта для движения автомобилей, а мы и есть автомобиль или станем им, как только я тронусь с места. Точнее, мы все стронемся, потому что…

— Не беспокойся насчет распоряжений городских властей, — сказал Папа. — Я тебе разрешаю.

— Да? Хотя мы везем огненных демонов?

— Об этом тоже не беспокойся, — сказал я. — У нас специальный пропуск, — подыграл я в свою очередь.

— Да? — проворчал Билл.

— ***Бисмилла***, — взмолился Папа.

Билл нажал на газ, и мы рванули прочь от аэропорта, словно ракета, кренясь в стороны на углах. На поворотах Билл всегда прибавлял газу, словно ему не терпелось поскорее увидеть, что там, дальше. Когда-нибудь там окажется большой грузовой фургон. И будет большой бенц.

— Йа Аллах! — в ужасе восклицал бен-Турки. — Йа Аллах! — По дороге его вопли слились в перепуганное подвывание.

На самом деле наша поездка оказалась на удивление спокойной — по крайней мере для меня. Я привык к манере Билла. Папа глубоко вжался в сиденье, закрыл глаза и то и дело

повторял: «***Бисмилла, бисмилла***». А Билл разливался в бессмысленном монологе насчет того, как бейсболисты жаловались на лысые мячи, но попробовали бы они поиграть с ***ифритом***, тогда увидели бы, как трудно отбивать огненные мячи, и даже если отобьешь, то он не уйдет к воротам, а просто рассыплется красными и желтыми искрами, вот это попробовали бы, может, тогда бы люди поняли, что… И прочее в том же духе.

Мы свернули с прекрасного будайинского бульвара аль-Джамаль и проехали через восточные ворота. Даже Билл понял, что на Улице слишком много пешеходов, и потому мы медленно подъехали к «Голубому попугаю». Затем обогнули квартал, чтобы подобраться к черному ходу. Когда мы с Папой вышли из такси, Фридландер-Бей заплатил за проезд и дал Биллу скромные чаевые.

Билл помахал загорелой рукой.

— Рад был повидать тебя, — сказал он.

— Ладно, Билл, — отозвался я. — А кто такой Кристи Мэтьюсон?

— Один из лучших игроков в истории бейсбола. Его называли Большая шестерка. Он жил лет двести, а может, сто пятьдесят назад.

— Сто пятьдесят лет? — изумился я.

— Ну? — сердито сказал Билл. — И что? Я покачал головой.

— Знаешь, где дом Фридландер-Бея?

— Конечно, — ответил Билл. — А в чем дело? Вы что, ребята, забыли, где он стоит? Не приделали же ему ноги!

Вот еще десять киамов. Отвези моего друга в дом Фридландер-Бея и удостоверься, что он добрался туда в целости и сохранности.

— Уж конечно, — сказал водитель.

Я посмотрел на заднее сиденье, где сидел бен-Турки, испуганный, что ему придется одному ехать с Биллом по огромному городу.

— Через день-два увидимся, — сказал ему я. — А пока Юссеф и Тарик позаботятся о тебе. Всего доброго!

Бен-Турки просто смотрел на меня, широко открыв глаза, но сказать ничего не мог. Я повернулся и пошел с Папой к незапертой двери «Голубого попугая». Я был уверен, что Билл забудет весь этот разговор, как только доставит бен-Тур-ки в особняк.

Мы поднялись по лестнице из твердого полированного дерева. Она описала полный круг, и мы оказались перед площадкой, на которую выходили две двери. Левая была заперта, возможно, это была личная комната Феррари. За правой дверью

оказалась большая гостиная в европейском стиле — там было много темного полированного дерева, пальмы в кадках и пианино в углу. Модерная мебель, однако, подобрана со вкусом. Из гостиной двери вели в кухню и две спальни, каждая с отдельной ванной.

— Наверное, нам тут будет удобно, — сказал я.

Папа хмыкнул и пошел в ванную. Ему было уже почти двести лет, и этот день для него был долгим и утомительным. Он захлопнул за собой дверь ванной, а я остался в гостиной, тихонько наигрывая на пианино.

Минут через пятнадцать к нам поднялся синьор Феррари.

— Я слышал, как сюда поднимались, — извиняясь, объяснил он, — и хотел увериться, что здесь именно вы. Все ли понравилось синьору бею?

— Да, и мы оба хотим поблагодарить вас за гостеприимство.

— О, не стоит!

Феррари был невероятно жирным типом, запихнутым в белую льняную сорочку. Он носил красную войлочную феску с кисточкой и все время беспокойно потирал руки, что совсем не вязалось с его учтивым, масляным голосом.

— И все же, — сказал я, — уверен, что Фридландер-Бей захочет вознаградить вас за вашу доброту.

— Если он так хочет, — ответил Феррари, прищурив свои поросячьи глазки, — я сочту за честь принять его благодарность.

— Я уверен.

— Теперь я должен вернуться к своим завсегдатаям. Если вам что-нибудь понадобится, поднимите трубку и наберите 111. Моим служащим приказано выполнять все ваши желания.

— Прекрасно, синьор Феррари. Если вы немного подождете, я бы хотел написать кое-что. Может, кто из ваших служащих передаст записку?

— Ну…

— Чириге, на Улице.

— Конечно, — сказал он.

Я написал короткую записку Чири, сообщая, что я на самом деле жив, но что она должна держать это в тайне, пока мы не очистим наши имена. Я написал, чтобы она позвонила по номеру Феррари и добавила 777, если захочет поговорить со мной, но только не по клубному телефону, поскольку его наверняка прослушивают. Я сложил записку и передал ее Феррари, который обещал, что через пятнадцать минут она будет доставлена.

— Благодарю вас за все, синьор, — зевая, сказал я.

— Теперь я покидаю вас, — сказал Феррари. — Вам, вне всякого сомнения, нужно поспать.

Я хмыкнул и закрыл дверь. Затем пошел во вторую спальню и растянулся на кровати. Я ждал телефонного звонка.

Мне не пришлось ждать долго. Через некоторое время я поднял трубку и коротко спросил:

— Где ты?

Конечно, это была Чири. Несколько секунд она несла невероятную белиберду. Постепенно я начал разбирать в этом истерическом словоизвержении отдельные слова.

— Ты правда жив? Это не шутка?

Я рассмеялся:

— Ты права, Чири. Все это я устроил перед своей смертью. Ты говоришь с записью. Черт, я на самом деле жив! Неужели ты не можешь поверить…

Хаджар принес мне известие, что вас с Папой взяли по обвинению в убийстве и что вас отправили в ссылку в такое, место, откуда вы вряд ли вернетесь.

— Но я вернулся, Чири.

— Черт, мы все тут ужасно переживали, думали, что вы погибли! Значит, мы горевали напрасно? Это ты хочешь сказать?

— Горевали? — Должен признаться, что я испытал некое извращенное удовольствие.

— Ну, я, конечно, до чертиков горевала, и еще пара девчонок, и… и Индихар. Она думала, что овдовела вторично.

Несколько секунд я молчал, покусывая губу.

— Ладно, можешь сказать Индихар, но больше — никому. Поняла? Ни Полу-Хаджу, никому из моих друзей. Они все еще под подозрением. Откуда ты звонишь?

— С платного телефона в «Пестрой еде».

Это было нечто вроде буфетной стойки. Еда там была на самом деле не слишком пестрой. А название было таким из-за ошибки художника, которую никто не удосужился исправить.

— Прекрасно, Чири. Запомни то, что я сказал.

— Как насчет того, чтобы я завтра зашла к тебе?

Я подумал, затем решил, что риск невелик. Мне хотелось снова увидеть каннибальскую ухмылку Чири.

— Ладно. Знаешь, где мы?

— Над «Голубым попугаем»?

— Ага.

Черный девушка будет очень-очень рад увидеть твоя завтра, бвана.

— Да, ты права, — сказал я, бросая трубку.

В голове моей толпились мысли и планы. Я пытался заснуть, но вместо этого около часа пролежал на кровати. Наконец я услышал, что Фридландер-Бей возится на кухне, и пошел к нему.

— Тут что, заварочного чайника нет? — ворчал Папа.

Я посмотрел на часы. Было четверть третьего ночи.

— Почему бы нам не спуститься? — спросил я. — Феррари уже должен закрыть свое заведение.

Он подумал.

— Хорошо бы, — сказал он. — Хорошо бы посидеть и отдохнуть за стаканчиком-другим чая.

Мы пошли вниз. Я тщательно проверил, все ли посетители ушли, и тогда Папа сел за столик. Один из официантов Феррари принес ему чашку чая, и после этой чашки вы никогда бы не сказали, что Папа только что вернулся из мрачной и опасной ссылки. Папа тосковал по цивилизованному чаю всякий раз, как ему приходилось заглатывать жидкий, солоноватый чай Бани Салим.

Я стоял у двери, наблюдая за дорожкой. Три или четыре полицейские машины прогрохотали по булыжной мостовой.

Наконец усталость одолела нас, и мы еще раз пожелали синьору Феррари доброй ночи. Затем поднялись по лестнице в наше убежище. Раздевшись и забравшись в роскошную гостевую постель, я в несколько минут уснул.

Проспал я часов десять. Это был самый освежающий, самый роскошный отдых, какой я только мог припомнить. Я так давно не имел удовольствия спать на чистых простынях! Меня разбудил телефонный звонок. Я протянул с кровати руку и взял трубку.

— Да? — сказал я.

— Синьор Одран, — произнес голос Феррари, — тут две молодые женщины хотят вас видеть. Отправить их к вам?

— Прошу вас, — сказал я, расчесывая пятерней свои спутанные волосы. Я повесил трубку и торопливо оделся.

С лестницы я услышал голос Чири:

— Марид? Какая дверь? Где ты, Марид?

У меня не было времени на то, чтобы умыться или побриться, но мне было наплевать. Думаю, Чири тоже. Я сказал, в какую дверь идти, и с удивлением уставился на Индихар.

— Входите, — тихо сказал я. — Придется говорить тихо, поскольку Папа спит.

— Ладно, — прошептала Чири. — Хорошенькое тут у Феррари местечко.

— О, это просто гостевые комнаты. Могу представить, каковы его собственные апартаменты.

Индихар была в черном одеянии вдовы. Она подошла ко мне и коснулась моего лица.

— Я рада, что ты жив и здоров, муж, — сказала она и, отвернувшись, расплакалась.

— Я хочу узнать одну вещь, — сказала Чири, с размаху плюхаясь в старинное кресло с изогнутой спинкой. — Вы убили полицейского или нет?

— Да не убивали, — яростно сказал я. — Нам с Папой пришили это дело, заочно осудили и забросили нас в Пустую четверть. Теперь, когда мы вернулись — можете быть уверены, кое-кто думал, что мы никогда не вернемся, — мы должны распутать это преступление, чтобы очистить свое имя. Когда мы это сделаем, вокруг полетят головы. В прямом смысле этого слова.

Я верю тебе, муж, — сказала Индихар, которая сидела рядом со мной на дорогой кушетке под стать креслу Чири. — Мой… мой прежний муж и я крепко дружили с этим убитым полицейским. Его звали Халид Максвелл, и он был добрым, благородным человеком. Я не хочу, чтобы его убийца ушел от расплаты.

— Обещаю тебе, жена моя, этого не произойдет. Он дорого заплатит.

На миг повисло неловкое молчание. Я посмотрел на Индихар, перевел взгляд на ее руки, сложенные на коленях. Чири пришла нам на помощь. Она вежливо кашлянула, затем сказала:

— Я кое-что принесла тебе, мистер Босс.

Я посмотрел на нее — она усмехалась, ее татуированное лицо пошло морщинками удовольствия. Она вынула пластиковую коробочку с модиками.

— Мои модики! — радостно сказал я. — Похоже, тут все.

— Тут достаточно психов, которые позволят тебе убить время, пока ты будешь лежать на дне, — сказала Чири.

— А вот кое-что еще, муж. — Индихар протянула мне какую-то желтовато-коричневую пластиковую штучку.

— Моя аптечка!

Я обрадовался ей больше, чем модикам. Открыл ее и увидел, что она полна «красотулями», «солнышками», паксиумом, всем, что может помочь работающему беглецу сохранить разум в нашем жестоком мире.

— Вообще-то, — сказал я, прочищая горло, — я пытаюсь завязать.

— Это хорошо, муж, — сказала Индихар. Она промолчала о том, что до сих пор обвиняет меня и мои химикаты в смерти своего первого мужа.

И то, что она дала мне аптечку, с ее стороны было широким жестом.

— Где ты это взяла? — спросил я.

— У Кмузу, — сказала Чири. — Я просто ласково поговорила с этим хорошеньким мальчиком, пока тот не понял, к чему я

клоню.

— Готов поспорить, — сказал я, — Кмузу тоже знает, что я вернулся.

— Ну, это же Кмузу, — сказала Чири. — Ты можешь ему доверять.

— Да, я действительно доверял Кмузу. Больше, чем кому другому. Я сменил тему:

— Жена, как мои приемные дети?

— В порядке. — Она впервые улыбнулась. — Они все хотят знать, куда ты подевался. Думаю, малышка Захра очень тебя любит.

Я рассмеялся, хотя это известие несколько взволновало меня.

— Ладно, — сказала Чири. — Нам надо идти. Магрибинец должен подумать о планах мести. Да, Марид?

— Да, нечто вроде этого. Спасибо, что пришли. И спасибо за модики и аптечку. Это было очень мудро.

— Не за что, муж, — ответила Индихар. — Я буду молиться Аллаху и благодарить Его за то, что он вернул тебя нам. — Она подошла ко мне и целомудренно поцеловала меня в щеку.

Я проводил их до двери.

— А как дела с клубом? — спросил я.

Чири пожала плечами:

— Старая история. Бизнес заглох, девушки все пытаются втереть нам очки, остальное ты знаешь.

Индихар рассмеялась:

— Остальное в том, что твой клуб кует деньги, как сумасшедший, и теперь тебе придется везти свою долю в банк на тракторе!

Другими словами, все было в порядке. Кроме нашей с Фридландер-Беем личной свободы. У меня были кое-какие мысли насчет того, как улучшить дела в этой области, но я должен был сделать еще пару важных звонков.

— ***Салаамтак***, — сказала Индихар, кланяясь мне.

— ***Аллах йисаллимак***, — ответил я.

Женщины ушли, и я закрыл дверь.

Я почти сразу же пошел на кухню и проглотил несколько «солнышек», запив их стаканом воды. Я пообещал себе, что не вернусь к старым привычкам, просто смогу вознаградить себя за Недавнее героическое поведение. После этого я уберу аптечку и сохраню ее на экстренный случай.

Из любопытства я просмотрел свои модики и обнаружил, что Чирига сделала мне небольшой подарок — новый секс-модик. Я рассмотрел его.

На этикетке было написано: «Ад в ночи». Это был один из

ранних модиков Хони Пилар, но записан он был с точки зрения ее партнера.

Я отправился в спальню, разделся и лег в постель. Затем прошептал «***Бисмилла***» и вставил модик.

Первое, что заметил Одран, было то, что он гораздо моложе, сильнее и что его переполняет ожидание, граничащее с отчаянием. Он чувствовал себя прекрасно и смеялся, сбрасывая с себя одежду.

С ним в комнате была женщина, и была это Хони Пилар. Одран любил ее со всепожирающей страстью с той минуты, как увидел. Это случилось два часа назад. Он думал, что удостоился высочайшей чести — смотреть на нее и слагать в ее честь корявые стихи. То, что они могут быть вместе, было сверх его ожиданий.

Она медленно разделась, затем скользнула к Одрану в постель. Она была светлой блондинкой, глаза ее были зелены, как чистые, холодные океанские волны.

— Ну? — спросила она томным музыкальным голосом. — Тебе очень больно?

«Ад в ночи» был одним из ранних секс-модиков Хони, и в нем был рудиментарный сюжет. Одран осознал, что он раненый герой, боец за независимость Каталонии, а Хони играет отважную дочь злобного валенсианского герцога.

— Я в порядке, — ответил Одран.

— Тебе нужен массаж, — прошептала она, пробежав пальчиками по его груди и остановив шись как раз там, где начинались лобковые волосы. Она смотрела на него, ожидая его позволения.

— Прошу, продолжай, — сказал Одран.

— Во имя революции, — сказала она.

— Конечно.

Она ласкала его до тех пор, пока он больше не смог выдержать. Он запустил пальцы в ее благоухающие волосы, затем схватил ее и опрокинул на спину.

— Но твои раны! — воскликнула она.

— Ты чудно исцелила меня.

— О, как хорошо, — простонала она, когда Одран вошел в нее. Сначала они двигались медленно, затем все быстрее и быстрее, пока Одран не ощутил взрыв изысканного наслаждения.

Через некоторое время Хони Пилар села.

— Я должна идти, — печально сказала она. — Есть и другие раненые.

— Понимаю, — ответил Одран. Он протянул руку и вынул модик.

— Господи! — прошептал я. Я давно уже не проводил время с Хони Пилар. Я уж начал было думать, что слишком стар для

этого. В смысле, уже не дитя. Лежа в кровати и задыхаясь, я понял, что едва не перегнул палку. Может, у них есть модики, которые записаны с пар, что уже лет двадцать женаты? Это было бы как раз по мне.

В дверь постучали.

— Племянник, — позвал Фридландер-Бей, — ты в порядке?

— Да, о шейх, — ответил я.

— Я спрашиваю только потому, что слышал, как ты кричал.

Блин!

— Да кошмар приснился, вот и все. Я сейчас приму душ и выйду к вам.

— Очень хорошо, о превосходный.

Я выбрался из кровати, быстренько принял душ и вышел в гостиную.

— Переодеться бы в чистое, — сказал я. — Я не менял одежды с тех пор, как нас похитили, и, по-моему, она окончательно того.

Папа кивнул.

— Я уже позаботился об этом. Послал записку Тарику и Юссефу, и они тотчас будут здесь с чистой одеждой и деньгами.

Я сидел в кресле с резной спинкой, Папа — на кушетке.

— Полагаю, твой бизнес шел весьма хорошо, пока они стояли у руля.

— Я доверил Тарику и Юссефу свою жизнь и даже больше — я доверил им свою собственность.

— Приятно будет увидеть их снова.

— У тебя утром были посетители. Кто?

Я сглотнул. Внезапно я осознал, что он может рассматривать визит Индихар и Чири как серьезное нарушение секретности. Еще хуже — он может счесть это глупостью, достойной наказания.

— Моя жена и моя партнерша Чирига, — сказал я. У меня вдруг пересохло во рту.

Но Папа только кивнул:

— Обе они, сохрани Аллах, в порядке?

— Да, хвала Аллаху.

— Рад это слышать. Теперь… — Его прервал стук в дверь. — Племянник, — спокойно сказал он, — посмотри, кто там. Если это не Тарик с Юссефом, не впускай. Даже если это кто-нибудь из твоих друзей.

— Я понял, о шейх.

Я подошел к двери и посмотрел в глазок. Это были Тарйк и Юссеф, Папины слуга и дворецкий, а также управляющие его собственностью.

Я открыл дверь, и они бурно приветствовали нас.

— Добро пожаловать домой! — воскликнул Юссеф. — Благодарение Аллаху за ваше благополучное возвращение! Мы ни на минуту не поверили истории о том, что вы погибли в какой-то далекой пустыне!

Тарик внес в гостиную пару жестких чемоданов и поставил их на пол.

— ***Ас-салам алейкум, йаа шейх***, — сказал он мне. Повернулся к Папе и произнес то же самое.

— ***Алейкум ас-салам***, — ответил Фридландер-Бей. — Расскажите о том, что мне стоит знать.

Они действительно держали бизнес на ходу. Того, о чем они говорили с Папой, я по большей части не понимал, однако были два предприятия, в которых я участвовал. Первое — попытка каппадокийцев получить независимость от Анатолии. Я встречался с представителями Каппадокии — как давно это было? Казалось, что прошло много месяцев, а на самом деле не могло пройти больше нескольких недель.

Слово взял Юссеф:

— Мы решили, что у каппадокийцев есть хороший шанс свергнуть анатолийское правительство в их провинции. С нашей помощью это может стать реальным. И стоить это нам будет относительно дешево, причем у власти они смогут находиться достаточно долго.

Достаточно долго? Достаточно — для чего? Я не понимал. Мне еще столько надо было узнать…

Когда все геополитические темы были обсуждены и прокомментированы, я спросил:

— А что насчет проекта цифровой связи?

— Похоже, он завис, шейх Марид, — сказал Тарик.

— Так подтолкните его, — сказал Папа.

— Нам нужен кто-нибудь со стороны на исполнительную должность, — сказал Тарик. — Конечно, исполнительная должность без настоящей власти или влияния — это останется в семье, — но нам нужен, скажем…

— Козел отпущения, — сказал я. Тарик только моргнул.

— Да, — сказал он. — Это точно.

— Ты думал об этом, не так ли, племянник? — спросил Папа.

Я кивнул:

— Да, я кое-кого присмотрел на эту должность.

— Очень хорошо, — сказал Фридландер-Бей и встал. — Вроде бы все в порядке. Я так и ожидал. И все же вы будете вознаграждены.

Юссеф и Тарик поклонились и забормотали слова благодарности. Папа положил левую руку на голову Тарика,

правую — на голову Юссефа. Точно святой, благословляющий своих последователей.

— О шейх, — сказал я, — осталось решить еще одну проблему…

— М-м? — Он посмотрел на меня.

— Шейх Махали, — сказал я.

— О да, превосходный. Спасибо, что напомнил. Юссеф, я хочу, чтобы ты устроил нам с внуком встречу с эмиром. Скажи ему, что мы понимаем — мы беглецы, но напомни ему также, что нас лишили законного права апеллировать по поводу нашего вымышленного осуждения. Мы думаем, что сможем уверить его в нашей невиновности и просить всего лишь возможности защищаться.

Да, — сказал Юссеф, — я понял. Сделаем так, как вы желаете.

— Скорее так, как желает Аллах, — сказал Папа.

— Как желает Аллах, — пробормотал Юссеф.

— А бен-Турки? — спросил Тарик. — Мы устроили его в свободных комнатах, и, похоже, он до глубины души потрясен всем тем, что увидел. Он завязал дружбу с Умм Джирджи, вашей женой.

— Прекрасно. — Мой рот дрогнул в улыбке.

— Еще одно, — сказал Фридландер-Бей, правитель половины города. — Я хочу один билет туда и обратно на суборбитальный корабль до Наджрана в княжестве Азир.

Смею вас заверить, тут у меня кровь в жилах застыла.

Глава 10

Мне казалось, что с того времени как я впервые посетил дворец принца, прошел целый год. На самом деле прошло всего несколько недель.

Однако за это время я успел несколько измениться. Я стал более четко все понимать и утратил неприятие прямого действия. Поможет ли это в моей городской жизни или помешает — поживем, увидим.

Дворец эмира при дневном свете был еще прекраснее, чем в тот вечер, когда он устроил прием в честь моей свадьбы. Воздух был чист, ветерок — свеж и прохладен. Журчание воды в фонтанах успокаивало меня, пока я шел по садам шейха Махали. Мы дошли до дворца, и слуга открыл нам двери.

— У нас назначена встреча с эмиром, — сказал Фридландер-Бей.

Слуга внимательно осмотрел нас, решил, что мы не психи и не убийцы-, и кивнул. Мы пошли вслед за ним по длинной галерее, опоясывающей внутренний двор. Он открыл дверь в маленький покой для приемов, мы вошли и сели, дожидаясь прихода шейха. Я чувствовал себя очень неуютно, словно меня поймали на мошенничестве во время тестирования, и теперь оставалось только дождаться начальника, чтобы меня наказали. Различие было только в том, что меня поймали не на мошенничестве — нас обвиняли в убийстве офицера полиции. И грозил нам не десяток ударов розгой, а смерть.

Я решил, что защиту будет вести Папа. У него на полторы сотни лет больше практики, чем у меня.

Мы около четверти часа просидели в тревожном ожидании. Затем, скорее суетливо, чем торжественно, вошел шейх Махали и с ним еще трое. Шейх очень хорошо смотрелся в своей белой джеллабе и кафии, а два его спутника были одеты в европейские тёмно-серые костюмы. Третий носил темный тюрбан человека, изучающего благородный Коран. Очевидно, это был визирь шейха Махали.

Принц сел в роскошное резное кресло и повернулся к нам.

— В чем дело? — спокойно спросил он.

— О принц, — сказал Фридландер-Бей, выступая вперед, — нас несправедливо обвинили в смерти полицейского офицера Халида Максвелла. Потом, без публичного суда лишив возможности предстать перед обвинителями и защищаться, нас похитили — прямо из поместья вашего высочества, после приема по случаю бракосочетания, который вы давали в честь моего

правнука. Нас заставили подняться на борт суборбитального корабля и сообщили, что мы уже осуждены. Когда мы сели в Наджране, нас взяли на борт вертолета и затем вышвырнули в Аравийской пустыне, в ее южной, самой опасной части — Руб-аль-Хали. Нам повезло уцелеть, и благодаря великому мужеству и самоотверженности моего любимого правнука мы дожили до того часа, как нас спасло кочевое племя бедуинов, да благословит их Аллах. Мы смогли вернуться в город только сейчас. Мы молим вас обратить внимание на это дело, поскольку верим в та, что у нас есть право на апелляцию и шанс обелить свое имя.

Эмир тихонько посовещался со своим советником. Затем снова повернулся к нам.

— Я ничего об этом не знал, — просто сказал он.

— Я тоже, — сказал визирь, — а ваше дело должно было бы перед судом попасть ко мне на стол. В любом случае такой суд и приговор не могут быть законными без согласия шейха Махали.

Фридландер-Бей вышел вперед и протянул визирю копии нашего обвинения и приговора, полученные от кади.

— Вот все, что нам показали. Здесь подписи кади и доктора Садика Абд ар-Раззака.

Визирь несколько мгновений рассматривал бумагу, затем передал ее принцу. Принц глянул на нее и сказал:

— Тут нет моей подписи или подписи моего визиря. Этот ордер не имеет силы. Вы имеете право апеллировать в течение месяца начиная с сегодняшнего дня. За это время я допрошу лейтенанта Хаджара, доктора Садика Абд ар-Раззака и этого неизвестного мне кади. Между тем я проведу расследование, почему это дело прошло мимо меня.

— Благодарим вас за ваше великодушие, о принц, — скромно сказал Фридландер-Бей.

Эмир отмахнулся:

— Не стоит благодарности, я просто выполняю свой долг. Теперь скажите мне — кто-нибудь из вас хоть как-нибудь причастен к смерти этого полицейского?

Фридландер-Бей приблизился к эмиру еще на шаг и посмотрел ему прямо в глаза:

— Клянусь головой, клянусь жизнью Пророка — да будет с ним мир и благословение Аллаха, — мы никак не причастны к смерти офицера Максвелла. Мы даже не знали этого человека.

Шейх Махали задумчиво погладил свою тщательно ухоженную бороду.

— Увидим. Теперь возвращайтесь домой, потому что ваша отсрочка уже вступила в силу.

Мы низко поклонились и вышли из приемной. Оказавшись

снаружи, я с облегчением выдохнул — я так долго сдерживался!

— Мы можем ехать домой! — сказал я.

Папа был чрезвычайно счастлив.

— Да, племянник, — сказал он. — При наших возможностях и при месячной отсрочке Хаджар с имамом вряд ли смогут одолеть нас.

Я не знал в точности, что у него на уме, но мне хотелось как можно скорее окунуться в привычную жизнь. Я изголодался по спокойствию, по маленьким привычным проблемам, и я не хотел опасностей больших, чем представляет собой мышка в женском туалете моего ночного клуба. Однако, как писал один великий поэт из рода ферinджи: «Лучшие планы мышей и людей часто летят к чертям».

Это могло случиться и в мое время, я инстинктивно это понимал.

Так бывало всегда. Именно поэтому я старался сейчас не строить никаких планов. Я мог и подождать, пока Аллах в Своем бесконечном милосердии не устремит Своих намерений в нужном мне направлении.

Однако иногда нужно потерпеть несколько дней, чтобы у Владыки Миров дошли до тебя руки. Все это время я отдыхал у Чири, с удобством устроившись на своем привычном месте в углу бара. Четыре-пять ночей спустя, сильно за полночь, я смотрел, как Чирига, моя партнерша и ночная барменша, получала скромные чаевые от клиента. Она оскалила на него свои заостренные зубы и передвинулась к моему краю стойки.

— Дешевый ублюдок, — сказала она, запихивая деньги в карман своих тугих джинсов.

Некоторое время я не говорил ни слова. Я был в меланхолическом настроении. А все потому, что было уже три часа ночи и я много выпил.

— Знаешь, — наконец сказал я, глядя на стоявшую на сцене Ясмин, — когда я был ребенком, я пытался себе представить, что значит быть взрослым. Я все представлял себе не так. Совершенно не так.

Прекрасное черное лицо Чири расплылось в одной из ее редких улыбок:

— Я тоже. Никогда не думала, что зависну в этом городе. В своих мечтах я не хотела оставаться в Будайине. Я целила более высоко.

— И все же мы здесь.

Улыбка на лице Чириги погасла.

— Я здесь, Марид, невозможно, навсегда. У тебя же есть большие надежды.

Она взяла мой пустой стакан, бросила туда несколько кубиков льда и смешала мне новую порцию «Белой смерти». Так Чирига называла мой любимый напиток, смесь джина с горьким апельсиновым соком — бингарой и глотком розового сока лайма. Мне не нужно было больше пить, но я хотел.

Она поставила передо мной старый потрепанный корковый поднос, затем снова пошла в бар в передней части клуба. Вошел посетитель и сел возле двери. Чири пожала плечами и показала ему на меня. Посетитель встал и медленно пошел по узкому проходу между баром и обеденным залом. Когда он подошел чуть поближе, я узнал Жака. Жак очень гордился тем, что он христианин, живущий в мусульманском городе, и кичился тем, что на три четверти европеец, в то время как все вокруг арабы. Из-за этого он совсем отупел и стал мишенью для насмешек. Он был одним из трех моих старых приятелей: Саид Полу-Хадж был мне другом, Махмуда я так не назвал бы, а Жак был как раз посередке. Я ни шиша бы не дал за то, что он делает или говорит, равно как и все, кого я знал.

— Тебя где носило, Марид? — спросил он, сев рядом со мной. — Ты заставил нас всех поволноваться.

— Все в порядке, Жак, — сказал я. — Выпить хочешь?

Ясмин оттанцевала уже третью песню, подобрала одежду и поспешила со сцены, чтобы выманить чаевые у последних угрюмых зрителей.

Жак нахмурился:

— У меня нынче не так много денег. Я просто хотел поговорить с тобой.

— Ох-ох-онюшки, — сказал я. За тот месяц, что я владею этим клубом, я все это выслушал уже не раз. Я дал Чири знак принести пива моему старому приятелю Жаку.

Мы смотрели, как она наполняет высокий стакан и несет его в бар. Она поставила пиво перед Жаком, но ничего ему не сказала. Чири терпеть его не могла. Жак был из тех парней, которого половина Будайина оповестила бы о ночном пожаре в его доме, бросив карточку в ящик.

К нам подошла Ясмин. Она уже была одета в короткую кожаную юбку и черный кружевной бюстгальтер.

— Ну что, подбросишь мне за мой танец, Жак? — сказала она с ласковой улыбкой. Я подумал, что она — самая сексуальная танцовщица на Улице, но поскольку Жак — жесткий гетеросексуал, а Ясмин не от рождения девушка, вряд ли ей будет с ним хорошо.

— У меня денег мало, — начал было он.

— Дай ей, — холодно сказал я.

Жак коротко глянул на меня, но все же полез в карман и выудил оттуда бумажку в один киам.

— Спасибо, — сказала Ясмин и пошла к другому одинокому посетителю.

— А меня ты не желаешь видеть, Ясмин? — сказал я.

— Как поживает твоя жена! — спросила она, не обернувшись.

— Да, — ухмыльнулся Жак, — никак, медовый месяц уже кончился? Ты проторчишь здесь всю ночь?

— Я тут хозяин, ты же знаешь.

Жак пожал плечами:

— Да, но Чири без тебя прекрасно управлялась.

— Как и прежде, если я правильно помню.

Я выжал в бокал маленькую дольку лайма и заглотил напиток одним махом.

— Значит, ты зашел сюда так поздно выпить пивка на халяву? Или как?

Жак слабо улыбнулся мне.

— Я кое о чем хотел тебя спросить, — сказал он.

— Я понял.

Я покачал пустым стаканом. Чири лишь брови подняла — ей казалось, что я и так уже изрядно выпил, и таким образом она давала мне это понять.

Но я был не склонен реагировать на ее осуждающие взгляды. Чири обычно не вмешивалась в чужие дела, считая, что у каждого психа своя программа. Я снова подал знак, на сей раз жестче, и она, кивнув наконец, смешала еще «Белой смерти». Она прошла в мой конец бара, со стуком поставила стакан передо мной и ушла прочь, не говоря ни слова. Я не понимал, что ее так разволновало.

Жак медленно потягивал свое пиво, затем поставил стакан в самую середину подноса.

— Марид, — сказал он, уставившись на миленькую сексобменку Лили; которая устало дотанцовывала на сцене, — не поможешь ли ты Фуаду?

Что я могу сказать о Фуаде? На Улице он известен как аль-Манхус, что значит «вечный лопух» или что-то вроде этого. Фуад — высокий тощий парень с гривой грязных волос, зачесанных валиком. В детстве он, наверное, перенес кучу дегенеративных заболеваний, поскольку его руки тоненькие и хрупкие, словно сухие жердинки, с огромными распухшими суставами. У него, как я знал, всегда добрые намерения, но вид жалкий, щенячий. Он так отчаянно хочет быть любимым и так старается угодить, что иногда просто достает окружающих. Некоторые из клубных танцовщиц используют его в качестве посыльного — гоняют за едой или по поручениям, за что никогда ему не платят и даже не

благодарят. Когда я о нем думал, а такое бывало не часто, мне было его немного жаль.

— Фуад не слишком-то умен, — сказал я. — Он до сих пор так и не может понять, что эти шлюхи, в которых он постоянно втюривается, обчистят его как липку при первой же возможности.

Жак кивнул:

— Я говорю не о его способностях. Я хочу спросить: ты помог бы ему, если бы дело касалось денег?

— Ну, он, конечно, зануда… Однако не могу припомнить, чтобы он когда-нибудь сделал что-нибудь такое, что повредило бы другим. Не думаю, чтобы у него хватило на это пронырливости. Да, думаю, я бы ему помог. Поживем — увидим. Жак глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

— Хорошо, слушай, — сказал он. — Он хочет, чтобы я сделал ему большое одолжение. Скажи, что ты об этом думаешь.

— Время, Марид, — сказала с того конца бара Чири.

Я посмотрел на часы. Было уже половина третьего. В баре кроме нас было еще только двое посетителей, и они сидели тут уже почти час. За это время больше никто не пришел, только Жак. Мы не планировали других дел на вечер.

— Ладно, — сказал я танцовщицам, — дамы могут одеться.

— Вау! — воскликнула Пуалани.

Она и еще четверо танцовщиц побежали в раздевалку — надевать уличную одежду. Чири занялась подсчетами. Двое посетителей, которые только мгновение назад были поглощены бессмысленным разговором с Кэнди и Винди, растерянно уставились друг на друга.

Я встал и погасил верхний свет, затем снова сел рядом с Жаком. Мне всегда казалось, что на свете нет более одинокого места, чем будайинский бар в момент закрытия.

— Чего на сей раз хочет от тебя Фуад? — устало сказал я.

— Это долгая история, — ответил Жак.

— Ужасно. Почему ты не пришел восемь часов назад, когда я был более склонен выслушивать долгие истории?

— Только послушай. Сегодня днем Фуад пришел ко мне, и вид у него был плачевный. Ты понимаешь, что я имею в виду. Можно было подумать, что намечается конец света, а он только что обнаружил, что его на это событие не пригласили. Короче, я перекусывал в «Утешении» с Полу-Хаджем и Махмудом. Явился Фуад, приволок с собой стул и сел. И к тому же стал жрать из моей тарелки.

— Ну да, это на него похоже, — сказал я. Я взмолился к Аллаху, чтобы Жак добрался до сути дела быстрее, чем Фуад.

— Я дал ему по рукам и сказал, чтобы он валил отсюда,

поскольку у нас важный разговор. На самом деле ничего серьезного не было, просто я не хотел с ним возиться. Тогда он сказал, что ему нужна помощь, чтобы вернуть свои деньги. Саид спросил его: «Что, Фуад, опять одна из этих трудениц тебя обчистила?» Но Фуад сказал — нет, совсем не то. Тут он достает официальную с виду бумажку и отдает ее Саиду, который глядит на нее и передает мне, а я смотрю и отдаю Махмуду. «Что это такое?» — говорит Махмуд. «Это чек на двадцать четыре сотни киамов», — отвечает Фуад — «Как ты его добыл?» — спрашиваю я. «Долгая история», — отвечает он.

Я закрыл глаза и приложил ледяной стакан к своей гудящей голове. Я мог бы вставить блокировщик боли, но он остался в коробочке на столе в моих апартаментах.

— Жак, — тихо и угрожающе спросил я, — ты сказал, что это долгая история, а теперь Фуад говорит, что это долгая история. Я не хочу выслушивать долгие истории. Ладно? Не мог бы ты просто пробежаться по главным моментам?

— Конечно, Марид, не беспокойся. Он сказал, что копил эти деньги несколько месяцев, чтобы купить подержанный электрофургон у какого-то типа в Расмийе. Он сказал, что жить в фургоне ему будет дешевле, чем снимать квартиру, и что у него были планы отправиться в Триполи повидаться со своими.

— Фуад оттуда родом? Я этого не знал.

Жак пожал плечами.

— Короче, он сказал, что этот тип из Расмийи назначил ему цену за фургон в двадцать четыре тысячи киамов. Фуад клялся, что он в прекрасном состоянии, и его только нужно кое-где подвинтить, и что он взял все свои деньги и выписал банковский чек на имя этого типа. А днем, когда он прошел пешком весь путь от Будайина до Расмийи, оказалось, что тот уже продал фургон кому-то другому, после того как пообещал придержать его для Фуада. Я покачал головой:

— Фуад есть Фуад. Что за безнадежный сукин сын!

— Итак, он протопал всю дорогу назад, вошел в восточные ворота, нашел нас в кафе «Солас» и рассказал нам о своем горе. Махмуд просто рассмеялся ему в лицо, а у Саида торчал Рекс, его трахательный модик для голубых, так что ему было не до Фуада. Но мне его даже жалко стало.

— Ох, — сказал я. Я забеспокоился, услышав о том, что Жак кого-то пожалел. Если бы это было правдой, то небеса разверзлись бы или еще что-нибудь такое случилось. Однако небеса вроде бы были в порядке.

Жак беспокойно завертелся на табурете.

— Ну, похоже, Фуад никогда не имел своего банковского

счета. Он держал деньги в старой коробке из-под сигар или где-то еще. Потому ему и пришлось выписывать банковский чек. Вот он и остался теперь с банковским чеком на чужое имя и никак не может вернуть свои двадцать четыре сотни киамов.

— Ага, — сказал я. Я начал понимать, в чем сложность дела.

— Он хочет, чтобы я оплатил ему чек, — сказал Жак.

— Так оплати.

— Не знаю, — сказал Жак. — Слишком большая сумма.

— Тогда не плати.

— Да, но…

Я раздраженно посмотрел на него:

— Ладно, Жак, какого черта ты от меня хочешь?

Несколько мгновений он смотрел в свой пустой стакан. Я никогда не видел его в таком замешательстве. За многие годы он не раз со злобной радостью напоминал мне, что я наполовину француз, наполовину бербер, в то время как он превосходит меня на целого европейского деда. Наверное, ему пришлось изрядно побороться с собой, прежде чем прийти просить у меня совета.

— Магрибинец, — сказал он, — за последнее время ты приобрел репутацию человека, который умеет улаживать дела. То есть решать проблемы и все такое.

Да уж конечно. С тех пор как я стал невольным мстителем у Фридландер-Бея, мне приходилось разбираться прямо и жестоко со всякого рода плохими парнями. Я представлял себе, как они перешептываются: «Берегись Марида — теперь он может всем нам кости переломать».

Я начал становиться в Будайине силой, с которой нельзя не считаться. И не только в Будайине — в остальной части города тоже. Временами у меня бывали дурные предчувствия на этот счет. Как бы ни интересовали меня задачи, которые ставил передо мной Папа, частенько бывало, что мне хотелось спокойно управлять своим маленьким клубом, несмотря на всю привлекательность той силы, которой я теперь обладал.

— Чего ты от меня хочешь, Жак? Прижать того парня, который облапошил Фуада? Взять его за глотку и трясти, пока он не продаст ему фургон?

— Нет, Марид, это глупо. У парня уже нет фургона.

Я потерял терпение:

— Так чего же, черт возьми, тебе надо?

Жак посмотрел на меня и тут же отвел глаза.

— Я взял у Фуада чек и не знаю, что с ним делать. Просто скажи что.

— Господи, Жак, я просто отложил бы дело. Я положил бы его на свой счет и подождал бы, пока по нему не выплатят деньги.

Когда двадцать четыре сотни киамов появятся на моем счету, я снял бы их и отдал Фуаду. Но не прежде. Подожди, пока оплатят чек.

Лицо Жака расплылось в неверной улыбке:

— Спасибо, Марид. Знаешь, что на Улице тебя теперь зовут аль-Амин? Верный? Теперь ты в Будайине большая фигура.

Некоторые из моих менее богатых соседей обращались ко мне как к шейху Мариду Верному лишь потому, что я ссужал им немного денег и открыл несколько бесплатных столовых. Не слишком много. В конце концов, святой Коран требует, чтобы мы заботились о ближних.

— Да уж, — кисло сказал я, — шейх Марид. Это я.

Жак пожевал губу и принял решение.

— Тогда почему ты этого не сделаешь? — спросил он. Он вынул из кармана рубашки зеленый чек и положил его передо мной. — Почему бы тебе не пойти и не положить его для Фуада? У меня просто времени нет.

— У тебя времени нет? — рассмеялся я.

— У меня других забот хватает. Кроме того, есть причины, по которым я не хочу, чтобы у меня на счету появились бы двадцать четыре сотни киамов.

Я воззрился на него. Это было так похоже на Жака.

— Это твоя проблема, Жак. Сегодня вечером ты чуть не сделал настоящее дело, но в самый ответственный момент начал тормозить. Нет, я не вижу причины, почему это должен делать я.

— Я тебя как друга прошу, Марид.

— Да сделаю я, сделаю, — сказал я. — Я заступлюсь за Фуада. Если ты так боишься попасть впросак, то я гарантирую чек. У тебя есть что-нибудь под рукой?

Жак протянул мне ручку, я перевернул чек и подписал его — сначала написал имя парня, который разбил Фуаду сердце, затем поставил собственную подпись. Потом кончиками пальцев придвинул чек Жаку.

— Я запомню это, Марид, — сказал он.

— Знаешь, Жак, в юности нужно читать побольше сказок. Ты ведешь себя прямо как какой-нибудь дурной принц, который проезжает мимо несчастной старушки. Дурные принцы, сам знаешь, всегда кончают в животе у джинна. Или ты невосприимчив к народной мудрости, европеец?

— Я не нуждаюсь в нравоучениях, — нахмурившись, сказал Жак.

— Слушай, в благодарность я кое-чего хочу от тебя.

Он вяло улыбнулся:

— Конечно, Марид. Бизнес есть бизнес.

— А дела есть дела. И делаются они именно так. Я хочу, чтобы ты оказал мне маленькую услугу, *mon ami*. Последние несколько месяцев Фридландер-Бей говорил о том, что хочет заняться индустрией цифровой связи. Он просил меня присмотреть человека живого и трудолюбивого, для того чтобы тот представлял его новое предприятие. Как ты думаешь насчет того, чтобы занять перспективную должность?

Хорошее настроение Жака враз улетучилось.

— Не думаю, чтобы у меня было на это время, — сказал он. Голос у него был весьма встревоженный.

— Тебе понравится. Ты накуешь столько денег, иншалла, что забудешь о всех своих прочих проблемах.

Это был как раз тот случай, когда воля Аллаха совпадала с волей Фридландер-Бея. У Жака глаза забегали, как у животного, угодившего в ловушку.

— Я правда не хочу…

— Я думаю, ты хочешь, Жак. Но сейчас об этом не беспокойся. Мы обсудим это за ленчем через день-два. А теперь — спасибо, что пришел ко мне со своей проблемой, Я думаю, для нас обоих это будет очень хорошо.

— Сунь его в банкомат, — сказал он.

Он встал с табурета, пробормотал что-то себе под нос и ушел. Я мог поспорить, что он глубоко сожалеет о том, что пришел нынешней ночью к Чири. Я чуть не рассмеялся, глядя на его физиономию, когда он уходил.

Немного позже в клуб вошел высокий сильный негр с обритой головой и угрюмым лицом. Это был мой раб, Кмузу. Он встал прямо у двери, дожидаясь, когда я расплачусь с Чири и танцовщицами и закрою бар. Кмузу должен был отвезти меня домой. И еще он следил за мной для Фридландер-Бея.

Чири всегда была рада его видеть.

— Кмузу, милашка, присядь и выпей! — сказала она. За последние шесть часов она впервые так обрадовалась. Хотя ей не слишком с ним везло. Чири очень нравилось тело Кмузу, но он, казалось, не отвечал ей взаимностью. Думаю, что Чири начала сожалеть о татуировке и ритуальных шрамах на своем лице, потому что они, похоже, его смущали. И все же каждый вечер она предлагала ему выпить, а он отвечал, что он верующий христианин и спиртного не пьет, и вместо этого позволял ей налить себе стакан апельсинового сока. И еще он говорил ей, что не может думать о нормальных отношениях с женщиной, пока не получит свободу.

Он понимал, что я хочу дать ему свободу, но не сейчас. С одной стороны, Папа — Фридландер-Бей — подарил его мне, но

не позволил бы объявить никого из невольников свободным. С другой стороны, как бы мне ни было противно это сознавать, мне нравилось иметь Кмузу под рукой.

— Иди сюда, мисхер Босс, — сказала Чири. Она забрала дневные счета, сунула в карман причитавшуюся ей половину выручки и теперь похлопывала по внушительной пачке киамов, что лежала передо мной на стойке. Мне не сразу удалось преодолеть чувство вины от того, что я каждый вечер отвожу в банк столько денег, ничего не делая, но под конец я победил. Больше меня это не обременяло. Я спонсировал хорошую работу бара, и стоило мне это пять процентов недельного дохода.

— Забирайте деньги, — сказал я. Дважды приглашать не пришлось. Настоящие девушки, сексобменки и дооперационные первы, что работали у Чири в ночную смену, выстроились за своей зарплатой и комиссионными за спиртное, которое они добыли. Винди, Кэнди и Пуалани забрали свои деньги и, не сказав ни слова, поспешили в ночь. Лили, которая вот уже несколько месяцев была влюблена в меня по уши, чмокнула меня в щечку и прошептала приглашение прийти выпить с ней. Я просто легонько похлопал ее по попке и повернулся к Ясмин.

— Она откинула за спину свои прекрасные черные волосы.

— Индихар ждет тебя? — спросила она. — Или ты по-прежнему спишь один?

Она взяла деньги из моей руки и вслед за Лили пошла прочь из клуба. Она никогда не простит мне женитьбы.

— Приструнить ее, Марид? — спросила Чири.

— Нет, но все равно спасибо.

Я был благодарен ей за заботу. За исключением нескольких коротких периодов недопонимания, Чири много лет была моим самым лучшим другом в городе.

— С Индихар все в порядке? — спросила она.

— В порядке. Я почти не вижу ее. У нее и детей собственные апартаменты в другом крыле дворца Папы. Ясмин была права насчет того, что я сплю один.

— Ох-ох… — сказала Чири. — Это долго не продлится. Я видела, как ты смотришь на Индихар.

— Это брак по расчету.

— Ох-ох. Ладно, я забираю деньги. Мне пора домой. Хотя я и не знаю, зачем мне это надо, меня дома никто не ждет. У меня есть все секс-модики Хони Пилар, но нет никого, с кем спать. Наверное, я вытащу свою старую шаль, наброшу ее на плечи, сяду в кресло-качалку и стану вспоминать и качаться, качаться, пока не усну. Такая трата моих сексуальных сил, да еще в самом расцвете…

Она не сводила с Кмузу своих больших круглых глаз, усердно стараясь стереть ухмылку с его лица. Однако ей это плохо удавалось. Наконец она просто взяла свою сумку на «молнии», налила себе ***тэнде*** из личных запасов и оставила нас с Кмузу в клубе одних.

— Тебе незачем сидеть тут каждую ночь, ***йа Сиди***, — сказал он. — Эта женщина, Чирига, вполне может сама держать все в порядке. Тебе лучше было бы оставаться дома и заниматься более важными делами.

— Какими такими делами, Кмузу? — спросил я, выключая свет и выходя вслед за ним на тротуар… Я закрыл клуб и пошел было по Улице к большим восточным воротам, за которыми на бульваре аль-Джамаль стояла моя машина.

— У тебя есть важная работа, которую ты должен сделать для главы дома.

Он имел в виду Папу.

— Папа перебьется без меня еще немного, — сказал я. — Я все еще не отошел от пережитых испытаний.

Я ни в коем случае не хотел быть рэкетиром. Я не хотел быть шейхом Маридом Одраном аль-Амином. Я отчаянно хотел снова драться за жизнь, может, даже недоедать, но иметь удовольствие быть самим собой, а не становиться мишенью для прочих бандитов, замешанных в игре.

Но объяснить это Фридландер-Бею было просто невозможно. У него на все был готов ответ. Временами он отвечал взятками и вознаграждениями, иногда физическим воздействием. Это все равно что жаловаться Аллаху на песчаных блох. У Него в мыслях вещи поважнее.

Теплый ветерок нес с собой совершенно не сочетающиеся запахи: жареного мяса из столовых, пролитого пива, аромат садов, вонь блевотины. В конце квартала тощий от голода человек в длинной белой рубахе и белых хлопковых брюках поливал из шланга тротуар, смывая ночной мусор в канаву. Он беззубо ухмыльнулся нам и отвел струю в сторону, чтобы мы прошли.

— Шейх Марид, — хрипло сказал он. Я кивнул ему, уверенный, что никогда прежде его не видел.

Я чувствовал себя ужасно одиноким, хотя рядом со мной шел Кмузу. Иногда, поздней ночью, Будайин вгонял меня в тоску. Даже Улица, на которой всегда кто-то был, казалась пустынной, и наши шаги по брусчатке и плитам гулко отдавались в тишине. Из другого клуба в квартале от нас доносилась музыка, хриплые голоса издали казались мягче и печальнее. У меня в закрытом пластиковом стакане были остатки последней порции «Белой смерти», и я заглотил их единым духом. На вкус это была ледяная

вода с лаймовым соком и легким привкусом джина. Я еще не был готов закончить свой вечер.

Когда мы подошли поближе к перекрытым аркой восточным воротам огражденного стеной квартала, меня вдруг охватила огромная, ждущая тишина. Я содрогнулся. Я не мог понять, что это — какой-то таинственный сигнал моего подсознания или это просто из-за того, что я слишком много выпил и сильно устал.

Я замер на месте, там, где тротуар сворачивал на Третью улицу. Кмузу тоже остановился и вопросительно посмотрел на меня. Яркие кроваво-красные неоновые зигзаги обрамляли голографическую рекламу одной из недорогих кафиристанских клиник, делающих бодимоделинг. Я бросил взгляд на голо, посмотрел на превращение пухленького, слабого сложения паренька в стройную, чувственную Девушку. Да здравствуют чудеса проекционной голографии и избирательной хирургии! Я поднял лицо к небу. Внезапно я осознал, что немногие дни отсрочки подходят к концу и что мне нужно приступать к следующей части своего плана. Конечно, я знал такое чувство и прежде. Много раз. Но сейчас дело было в другом. Нынешним вечером в моей крови не было запрещенных наркотиков.

— Господи, — пробормотал я, содрогнувшись от холода в этой пустынной ночи, и прислонился к зеркальному фасаду клиники.

— Что с тобой, ***йа Сиди!*** — спросил Кмузу.

Несколько мгновений я смотрел на него, радуясь тому, что он рядом. Я рассказал ему о том, что только что промелькнуло в моем потрясенном сознании.

— Это не было посланием звезд, ***йа Сиди***. Это то, о чем говорил тебе утром хозяин. Ты принял слишком много соннеина и потому, наверное, не помнишь. Хозяин сказал, что он решил, какой следующий шаг он предпримет для отмщения.

— Именно этого я и боялся, Кмузу. Не помнишь, что он имел в виду?

Мне бы больше понравилось, если бы эта сумасшедшая идея пришла из открытого космоса.

— Он не делится всеми своими мыслями со мной, ***йа Сиди***.

Я услышал какой-то шорох и обернулся. Это был всего лишь ветер. Пока мы прошли оставшуюся часть Улицы, ветер стал сильнее и громче, в бешеном порыве закружив клочья бумаги и опавшие листья. Ветер надул угрюмые облака, небо затянуло, звезды и толстая желтая луна погасли в темноте.

Как только мы вышли за стены Будайина, ветер улегся. Все снова стало спокойным и тихим. Небо было все еще затянуто облаками, но луна уже бледно сияла из-за серебристого покрова.

Я оглянулся на восточные ворота. Я не верил ни в предвидение, ни в предчувствие, но вспомнил эту тревогу, когда мы с Кмузу шли к моему белому «вестфаль»-седану. Что бы то ни было, я ничего не сказал Кмузу. Он всегда был рационален чуть ли не до отвращения.

— Я хочу побыстрее попасть домой, Кмузу, — сказал я, ожидая, пока он откроет мне дверь в салон.

— Да, ***йа Сиди***.

Я сел в машину и подождал, пока он обойдет и сядет на водительское место. Он нажал код зажигания и повел электрокар на север, по широкой, разделенной улице.

— Я очень странно чувствую себя сегодня, — пожаловался я, откинув голову на спинку и закрыв глаза.

— Ты так говоришь почти каждую ночь.

— На сей раз я именно это и подразумеваю. Мне становится неуютно. Все теперь кажется мне не таким. Я смотрю на эти дома и вижу большие человеческие термитники. Я слушаю обрывки музыки и слышу отчаянный крик заблудившегося в пустыне. Я не склонен к мистическим откровениям. Как мне покончить с этим?

Он рассмеялся басом:

— Протрезветь, ***йа Сиди***.

— Я же говорил тебе, что дело не в этом. Я трезв.

— Конечно, ***йа Сиди***.

Я смотрел, как за окном проносится город. Я больше не хотел спорить. Я действительно чувствовал себя трезвым и полностью проснувшимся. Я был полон энергии, что в четыре часа утра порой доводило меня до бешенства. Это не лучшее время для энтузиазма. Решить проблему было, разумеется, очень просто — вернувшись домой, я принял довольно большую дозу бутаквалида соляной кислоты. «Красотули» дадут мне несколько минут сладостного замешательства, и я засну крепким сном. Утром я даже не вспомню эту неприятную интерлюдию просветления.

Мы некоторое время ехали молча, и странное настроение постепенно покидало меня. Кмузу вел машину к дому Фридландер-Бея, который располагался как раз за христианским кварталом. Хорошо попасть домой, постоять несколько минут под горячим душем, а затем немного почитать на сон грядущий. Одной из причин, почему я засиделся у Чири до закрытия, было то, что я не желал напороться на кого-нибудь дома. В четыре часа все будут крепко спать. И я не увижу их до утра.

— ***Йа Сиди***, — сказал Кмузу, — сегодня вечером тебе был важный звонок.

Я выслушаю известие перед завтраком.

— Мне кажется, тебе надо выслушать его прямо сейчас.

Мне это не понравилось, хотя я и не мог понять, в чем тут дело. Обычно я терпеть не мог отвечать на звонки, потому что задолжал слишком много денег разным людям. Теперь, однако, слишком много людей были должны мне.

— Это, часом, не мой давно потерянный братец? Может, он явился разделить со мной удачу?

— Нет, это был не ваш брат, ***йа Сиди***. Но будь это даже он, почему бы вам не обрадоваться…

— Я пошутил, Кмузу.

Кмузу — парень умный, и я во многом от него зависел, но там, где у людей было чувство юмора, у него было огромное белое пятно.

Он свернул с улицы к воротам Папиного особняка. Довольно долго мы стояли на пропускном пункте, проходя идентификацию, затем медленно поехали по извилистой подъездной дорожке.

— Тебя пригласили на торжественный ужин, — сказал он. — В честь твоего возвращения.

— Ох, — отозвался я. За последние дни я вытерпел уже два-три таких ужина. Большинство будайинских прихвостней Фридландер-Бея считали себя обязанными устроить в нашу честь праздник, иначе они рисковали лишиться средств к существованию. Ладно, несколько раз я поел на халяву, получил пару приличных подарков, но уже решил, что все это кончилось.

— Кто на этот раз? Френчи?

Он владел клубом, в котором обычно работала Ясмин.

— Куда более важный человек. Шейх Реда Абу Адиль.

Я недоверчиво уставился на него:

— Я приглашен на ужин нашим злейшим врагом?

— Да, ***йа Сиди***.

— И когда это будет? — спросил я.

— Сегодня вечером после молитвы, ***йа Сиди***. У шейха Реда очень плотное расписание, он может только сегодня вечером.

Я глубоко вздохнул. Кмузу остановил машину у подножия широкой мраморной лестницы, ведущей к двери красного дерева.

— Любопытно, долго ли будет сегодня спать Папа? — спросил я.

— Хозяин дал мне специальное поручение позаботиться о том, чтобы ты позавтракал с ним.

— Вот уж чего я вовсе не жажду, Кмузу.

— Завтракать? Так поешь слегка, если твой желудок все еще не в порядке.

— Нет, — раздраженно сказал я, — ужинать с шейхом Реда. Ненавижу, когда меня выводят из равновесия. Я не понимаю цели этой встречи, и вряд ли Папа сочтет нужным рассказать мне об

этом.

Кмузу пожал плечами:

— Твой приговор будет преследовать тебя, ***йа Сиди***. А я буду с тобой.

— Спасибо, Кмузу, — сказал я, выбираясь из машины. Мне действительно было уютнее, когда рядом был он, а не мой приговор. Но я не мог признаться в этом ему.

Глава 11

Этот день я всегда буду вспоминать как День трех застолий.

На самом деле еда была не слишком-то интересной — я действительно не могу вспомнить, что ели в тот день. Главное — что случилось и что было сказано во время этих трех застолий.

День начался с того, что Кмузу растолкал меня на целых полчаса раньше. Мой модик-будильник был поставлен на половину седьмого, но Фридландер-Бей сдвинул время завтрака на тридцать минут вперед. Я терпеть не мог вставать — просыпался ли я бодрым и в прекрасном расположении духа, благодаря чипу, будь он неладен, или вяло и зевая, благодаря Кмузу, будь он неладен тоже. Я подумал, что, если Аллах хотел, чтобы мы вставали так рано, Он не изобрел бы полудня.

Я также терпеть не мог завтраков. В последнее время я завтракал с Фридландер-Беем раза четыре в неделю. Я подумал, что дела пойдут еще хуже, по мере того как Папа станет нагружать меня все новыми и новыми обязанностями.

Для этих встреч я всегда одевался в традиционный арабский наряд. В джеллабе я ходил чаще, чем в синих джинсах, рабочей рубахе и ботинках. Моя старая одежда висела на крючке в шкафу и была мне молчаливым укором каждый раз, как я заглядывал туда.

Джинсы постоянно напоминали мне о том, от чего я отказался с той поры, как Папа коснулся меня своими волшебными пальцами. Я продал большую часть того, что совсем недавно называл свободой. Ирония была в том, что большинство моих друзей отдали бы все ради той роскоши, которой я теперь наслаждался. Поначалу я ненавидел Папу. Сейчас, хотя по ночам еще ощущал уколы сожаления, я осознал, что Фридландер-Бей раскрыл передо мной огромные возможности. Мои горизонты теперь простирались далеко за пределы того, что я мог представить себе в прошлые дни. Тем не менее я остро чувствовал, что не смогу отказаться ни от роскоши, ни от новых назначений. В каком-то смысле я был пресловутой птичкой в позолоченной клетке.

И все же деньги — это приятно.

Поэтому я принял душ и привел в порядок свою рыжую бородку, надел свой балахон и кафию, которые подобрал мне Кмузу. Затем мы пошли вниз по лестнице в маленькую столовую.

Фридландер-Бей, естественно, уже был там. Ему прислуживал Тарик, его слуга. Кмузу усадил меня на обычное место и встал за моим креслом.

— Доброе утро тебе, племянник мой, — сказал Папа. — Надеюсь, ты сегодня проснулся в добром здравии.

— ***Иль-хамду лиллах***, — сказал я.

Благодарение Аллаху.

На завтрак были пареная пшеничная каша с апельсиновой цедрой и орехами, блюдо яиц, блюдо мяса и, конечно, кофе. Папа разрешил Тарику положить ему немного яиц и жареной ягнятины.

— Я дал тебе несколько дней отдохнуть, о превосходный, — сказал он. — Но теперь время отдыха кончилось. Я хочу знать, что ты сделал для продвижения нашего проекта цифровой связи.

— Я уверен, что заполучил блестящего агента в лице моего приятеля Жака. Я оказал ему услугу, и, думаю, в благодарность он окажет маленькую услугу мне.

Папа лучезарно улыбнулся, словно я был достойным награды учеником.

— Очень хорошо, сын мой! — сказал он. — Я рад видеть, что ты так охотно усваиваешь методы власти. Теперь разреши мне показать тебе терминал, которым ты или, точнее, твой друг будет пользоваться.

Тарик вышел из комнаты и вскоре вернулся с чем-то вроде дипломата. Он положил его на стол, щелкнул застежками и открыл крышку.

— Ого! — воскликнул я. Компактный дизайн терминала произвел на меня впечатление. — Какая прелесть.

— Действительно, — сказал Фридландер-Бей. — У него есть встроенный комлинк и удобный цифровой принтер. Для снижения стоимости эта модель не принимает голосовых команд. Все набирается вручную. Тем не менее я ожидаю, что проект оправдает организационные расходы за шесть месяцев, и тогда мы сможем начать заменять эти терминалы голосовыми моделями.

Я кивнул:

— А я должен толкнуть владельцам баров, ночных клубов и ресторанов Будайина идейку, чтобы они взяли у меня эту штуку напрокат. Не понимаю. Не понимаю, почему люди должны платить двадцать пять фиков за информацию, которая сейчас бесплатно распространяется по всему городу?

— Мы заключили с городом контракт, — объяснил Тарик. — Специальная комиссия эмира решила, что больше не может продолжать программу «Инфо». В течение недели все терминалы «Инфо» будут заменены нашими машинками, ***иншалла***.

— Знаю, — сказал я. — А что мне делать, если хозяева баров недвусмысленно пошлют меня?

Фридландер-Бей холодно улыбнулся:

— Об этом не беспокойся. У нас есть специальный персонал, который убедит этих упрямых хозяев.

«Специальный персонал». Мне понравился этот эвфемизм. Весь персонал Папы носил имена вроде Гвидо, Тайни или Игорь.

— Лучше было бы, чтобы ты и твой друг несколько дней поработали одной командой, — продолжал Папа. — Прежде чем ты отпустишь его. Когда мы охватим весь Будайин, мы сможем осуществлять даже более жесткий контроль. Мы сможем сказать, кто пользуется этой связью и какие вопросы он задает. Поскольку им приходится пользоваться официальной идентификационной картой для регистрации, мы сможем управлять распределением информации. Мы даже сможем не допускать к ней кое-кого.

— Но, конечно, мы не будем этого делать? — спросил я.

Папа помолчал пару секунд.

— Конечно нет, — сказал он наконец. — Это противоречит принципам святого Пророка.

— Да будет с ним мир и благословение Аллаха, — автоматически ответил я.

Тарик положил передо мной буклет.

— Здесь полный набор команд, — сказал он, — а в конце буклета карман со специальной идентификационной карточкой, чтобы вам не пришлось платить за звонки.

— Спасибо, — ответил я. — Я ознакомлюсь с этими командами, а завтра пойду вместе с Жаком разговаривать с владельцами клубов на Улице.

— Прекрасно, племянник, — сказал Папа. — А теперь поговорим о нашей мести. Лучше всего объединить ее с поисками настоящего убийцы Халида Максвелла, наряду с избавлением от тех, кто злоумышляет против нас. Я приму только самое изящное решение.

— А что, если доктор Садик Абд ар-Раззак на самом деле в этом не замешан? — спросил я.

Я говорил об имаме, который дал разрешение Хаджару и его головорезам похитить нас. Папа впал в ярость.

— Не говори мне об этом сыне больной верблюдицы! — воскликнул он.

Я никогда не видел, чтобы он так выказывал свои эмоции. Лицо его побагровело, в порыве ярости он потрясал кулаками. — О шейх…

— Люди Будайина с ума посходили от тревоги! — сказал он, колотя кулаком по столу. — Все они будут думать, что нас снова могут похитить, и на этот раз мы уже не вернемся! Ходят дурные слухи о том, что мы утратили власть, что союзникам наша протекция не в радость. За последние дни я сделал все, чтобы

успокоить и утешить моих обеспокоенных друзей. Клянусь жизнью моих детей, что я не выдохнусь и что меня не задвинут! У меня есть план, племянник. Подождем и посмотрим, сумеет ли этот проклятый имам снова разлучить меня с теми, кто меня любит. Если он и не замешан, мы его втянем в дело.

— Да, о шейх.

Господи… Вот так разворачивались события за этим завтраком. Наказания и награды раздавались с легкостью, по заслугам или нет — не важно. Иногда Фридландер-Бей напоминал мне капризных гомеровских богов, капризных потому, что они будоражили целые народы из-за какого-то воображаемого неуважения к ним, от скуки или вовсе не из-за чего.

Даже когда Папа говорил о проекте цифровой связи, я видел, что им правит лишь ненависть и что ненависть эта не угаснет, пока он не нанесет смертельный удар по злоумышленникам. Девиз Фридландер-Бея гласил: «Сведение счетов — лучшая месть». Ничто другое: ни прощение из морального превосходства, ни нарочито ироничное символическое действие — его не удовлетворяло.

Не только Бани Салим требовали око за око. Эта мысль была четко зафиксирована в благородном Коране и была частью мусульманского мировоззрения, нечто такое, что западный мир усвоил с таким трудом и после многочисленных уроков. Кто-то должен будет умереть — Хаджар, шейх Махали, доктор Абд ар-Раззак или же настоящий убийца Халида Максвелла, и похоже, выбирать жертву придется мне.

Фридландер-Бей нахмурился, собираясь с мыслями.

— Тут еще один гвоздь в сапоге, — наконец сказал он. — Я говорю о лейтенанте полиции Хаджаре. К счастью, от этого гвоздя избавиться очень легко.

— Разве он не работал на вас когда-то? — спросил я.

Папа повернул голову и чуть было не плюнул на пол.

— Он предатель. Он идет к тому, кто даст больше. У него нет ни чести, ни верности. Я счастлив, что сейчас он работает на шейха Реда, а не на меня. Я не мог верить ему. Сейчас я знаю, где он, и подозреваю, что могу купить его, когда захочу. Я могу это сделать, и когда я его куплю, то сразу же избавлюсь от этого гвоздя в сапоге.

Он говорил об убийстве. Когда-то меня пугало то, как Папа между прочим рассуждает, как бы прикончить кого-нибудь, но теперь уже нет. Я смотрел на это дело, как какой-нибудь бедуин, и понимал, что Папа совершенно прав. Это дело требовало планирования. Предстояло обсудить все детали, но это было нетрудно. Меня тревожило лишь то, что Папа сначала говорил о

том, что надо убрать имама, а теперь замешался еще и лейтенант Хаджар. Я не считал нужным в праведном гневе умерщвлять весь город.

Несколькими минутами позже я уже был в моем офисе и ради пробы набрал на клавиатуре несколько команд. Я понял, что с помощью этой маленькой машинки могу узнать все и обо всех в городе. С помощью специальных секретных команд я имел свободный допуск к такой информации, о существовании которой рядовой горожанин даже и не подозревал. У меня возникло головокружительное ощущение того, что я сую нос в частную жизнь своих друзей и своих врагов. Я ощущал себя высокотехнологичным любопытствующим типом, и это ощущение было изысканно приятным.

Когда я полностью освоился с терминалом цифровой связи, я смог получить список всех телефонных звонков доктора Садика Абд ар-Раззака за последние месяцы и всех звонков ему. Звонки доктору можно было идентифицировать только по комкоду. Затем я проделал то же самое с комкодом лейтенанта Хаджара в полицейском участке. Я выяснил, что Хаджар с имамом за эти восемь недель разговаривали одиннадцать раз. Возможно, они разговаривали и по другим телефонам, но мне не нужно было отслеживать все звонки. Ни один суд не признал бы эти свидетельства законными.

Где-то за полчаса до того, как я планировал пообедать, Кмузу сказал, что ко мне пришли. Это были Индихар и бен-Турки, юноша из племени Бани Салим. — Доброго вам утра, — сказал я.

— Да будет светел твой день, муж, — ответила Индихар. — Надеюсь, мы не помешали твоей реботе?

Я знаком показал им на диван.

— Нет, вовсе нет. Я рад вас видеть. Я все равно скоро собирался прерваться на обед. У вас есть ко мне дело?

— Я передаю тебе привет от твоей матери, — сказала Индихар. — Она не понимает, почему по возвращении ты только раз посетил ее.

Правда была в том, что мне от этой встречи до сих пор было не по себе. Мать приехала в город несколько месяцев назад, и была она тогда шумной и толстой. Большую часть своей жизни она занималась сводничеством, но я забрал ее в город и дал ей несколько комнат в левом крыле, и теперь она изо всех сил старалась пообтесаться, чтобы быть достойной дома Фридландер-Бея. Мы очень долго с ней говорили и, наконец, столковались, но мне до сих пор было стыдно за нее. Я понимал, что это моя проблема, и пытался игнорировать свои чувства. Мне до сих пор было неуютно, несмотря на все те добрые дела, которые моя мать

совершала в городе, организовывая и поддерживая на мои деньги бесплатные столовые и приюты. Поведение ее было, вне всякого сомнения, похвальным, но я никак не мог забыть своего потрясения, когда увидел ее после долгой разлуки.

— Скажи Умм Марид, что я был слишком занят, пытаясь разобраться в том, что произошло, пока меня не было. Скажи, что я очень скоро приду к ней. Передай ей, что я ее люблю и прошу прощения за недостаток внимания.

— Да, муж, — сказала Индихар.

— Не думаю, чтобы мой ответ ее удовлетворил, но больше она ничего не сказала. Бен-Турки прочистил горло.

— О шейх, я много за что должен поблагодарить тебя, — сказал он. — Каждый день приносит новое чудо. Я видел такое, во что мои братья не поверят, даже если я сам им об этом расскажу. Но я все же хотел бы сам посмотреть на твой мир. У меня нет денег, а потому нет и свободы. Мы, Бани Салим, не привыкли сидеть в заточении, даже в таком приятном, как здесь.

Я задумчиво пожевал губу.

— Ты действительно считаешь, что готов покинуть эти стены? Ты достаточно узнал, чтобы защититься от хорошо одетых городских волков?

Молодой человек пожал плечами:

— Возможно, я не знаю, как уберечься от неприятностей, но у меня есть право узнать все самому.

Внезапно меня осенило.

— Ты говоришь, тебе нужны деньги. Не согласишься ли ты сделать для меня кое-какую работу? Раз в неделю тебе будут платить умеренную плату. Я позабочусь об этом.

Бен-Турки выкатил на меня глаза.

— Конечно, о шейх, — сказал он дрожащим голосом. — Благодарю тебя за эту возможность.

— Но ты еще не знаешь, о чем я прошу, — мрачно сказал я. — Помнишь историю о том, как нас похитили и увезли в Руб-аль-Хали?

— Да, о шейх.

— Помнишь, как я говорил о неоправданной жестокости сержанта в городе Наджран? Как он ни за что ни про что избил старого шейха?

— Да, о шейх.

Я открыл ящик стола, вынул оттуда билет на суборбиталку и придвинул к бен-Турки.

— Так вот, — сказал я. — Сержанта зовут аль-Бишах. Утром можешь отправляться.

Вот и все.

Индихар закрыла рот рукой.

— Марид! — воскликнула она.

Она догадалась, на какое дело я посылаю молодого человека, и явно была потрясена.

Бен-Турки немного помедлил, затем взял билет.

— Хорошо, — сказал я. — Когда ты вернешься, тебя будут ждать пять тысяч киамов и недельное жалованье в две тысячи киамов. На эти деньги ты сможешь снять дом или квартиру и жить как пожелаешь, но мы с Фридландер-Беем будем всегда тебе благодарны.

— Для меня это дороже любых денег, — прошептал бен-Турки.

— Индихар, — сказал я. — Не возьмешь ли нашего юного друга под свое крыло? Помоги ему подыскать жилье и посоветуй, как сберечь деньги. — Буду счастлива, муж, — сказала она.

На лице ее была написана тревога. Она еще не видела настоящего меня.

— Благодарю вас обоих, — сказал я. — Теперь мне нужно поработать.

— Доброго тебе дня, муж, — сказала Индихар, вставая.

— Спасибо тебе, шейх, — сказал бен-Турки.

Я сделал вид, что погружен в чтение каких-то бумажек, и они тихонько ушли. Меня трясло, как новорожденного ягненка. Я ведь тоже еще не видел настоящего себя.

Я подождал пять минут, десять минут. Я ожидал вспышки праведного негодования в своей душе, но оно не приходило. Одна часть моего рассудка беспристрастно судила меня, и то, что открывалось, не приносило спокойствия. Похоже, я вовсе не испытывал угрызений совести, посылая людей выполнять жестокие поручения. Я пытался вызвать в себе хоть какое-то чувство печали, но ничего не вышло. Тут не чём было особенно гордиться, и я решил, что не буду никому об этом рассказывать. Как и Фридландер-Бей, я научился уживаться с «надо».

Я вышел из программы, и экран монитора погас. Я начал строить планы насчет обеда. Мне нужно было повидать Жака, прежде чем я вернусь домой, но я не хотел бы напороться на Махмуда или Саида. Я знал, что они, скорее всего, сидят в патио кафе «Солас», треплются и играют в карты. Внезапно я подумал, что как раз это мне и нужно. Я вызвал Кмузу и сказал ему, чтобы он отвез меня в Будайин. Он молча кивнул и пошел к «вестфаль»-седану.

Мы припарковались на бульваре аль-Джамаль и пошли к восточным воротам. Улица была забита туристами, которые вскоре пожалеют, что не вняли совету управляющего отелем

держаться подальше от квартала, огороженного стенами. Если они вскорости не уберутся отсюда, их кошельки и карманы обчистят до последнего киама.

Мы с Кмузу подошли к «Соласу». Как я и ожидал, трое моих приятелей были там. Они сидели за столом у железной ограды патио. Я вошел в маленькие ворота и подсел к ним.

— Привет, Марид, — глухо сказал Жак. — Привет, Кмузу.

— Что поделываешь, Марид? — спросил Махмуд.

— Я волновался за тебя, — сказал Саид Полу-Хадж.

Когда-то он был моим лучшим другом, но предал меня ради шейха Реда Абу Адиля, и с тех пор я присматривал за ним.

— Я в порядке, — сказал я. — Полагаю, что вы уже слышали эту историю.

— Слышали, — сказал Махмуд. — Но не из твоих уст. Тебя ведь сперли, да? Прямо из дворца эмира? Я думал, что Папа несколько умнее.

— Папа очень даже умный человек, — сказал Полу-Хадж. — Просто шейх Реда оказался шустрее, чем они думали.

— Должен признаться, что это так, — сказал я.

— Сядь, Кмузу, — сказал Жак. — При нас тебе незачем играть раба. Мы тебя любим. Выпей, что ли.

— Спасибо, — ровным голосом ответил Кмузу. — Предпочитаю постоять.

— А мы настаиваем, — прорычал Махмуд. — Это нас раздражает.

— Кмузу кивнул, взял стул от другого столика и сел позади меня.

Старый Ибрагим подошел принять у меня заказ. Я попросил тарелку хуммуса и хлеб, а также джин и бингару, чтобы запить все это.

— М-да, — сказал Махмуд.

Я повернулся было, чтобы ответить, но мне помешал человек, подошедший к нам от ограды.

— Шейх Марид, — занудил он, — вы меня помните?

Несколько мгновений я рассматривал его. Я помнил, что видел его прежде, но не мог вспомнить, где именно.

— Простите? — сказал я.

— Меня зовут Нико Куклис. Несколько месяцев назад вы ссудили мне денег, чтобы я открыл свой ресторанчик джиро-сувлаки [Д ж и р о — тонко нарезанное и спрессованное мясо ягненка, жаренное на вертикальном шампуре, употребляется для сандвичей или кладется в питу. Сувлаки — блюдо из баранины, похожее на кебаб.] на Девятой улице. С тех пор я заработал больше, чем мог мечтать. Мой ресторанчик процветает, моя жена

счастлива, мои дети сыты и одеты. Вот. Мне доставляет огромное удовольствие вернуть вам ваши деньги, а моя жена приготовила вам противень пахлавы. Прошу вас, примите их в знак моей вечной благодарности.

Он застал меня врасплох. Много кому я ссужал деньги, но впервые человек счел своим великим долгом возвратить их мне. Мне действительно стало неудобно.

— Заберите эти деньги, — сказал я. — Приберегите их для своих жены и детей.

— Прошу прощения, о шейх, — сказал Куклис, — но я настаиваю, чтобы вы приняли их.

Я понял, что этот человек горд, и взял деньги с вежливым поклоном.

— Да продлится ваш успех, — сказал я. — Да увеличится ваше состояние.

— Я всем вам обязан, — сказал хозяин греческого ресторана. — Я вечный ваш должник.

— Возможно, когда-нибудь вам предоставится случай расплатиться со мной, — заметил я.

— Все, что угодно, — сказал Куклис. — В любое время. — Он поклонился всем четверым и удалился.

— О, мистер Щедрость! — насмешливо сказал Махмуд.

— Да, — сказал я, — это правда. А ты хоть что-нибудь для кого-нибудь сделал?

— Ну… — начал было Махмуд.

Я перебил его. Я знал Махмуда с тех пор, когда он был еще длинноногой девушкой по имени Мисти, работавшей на Джо-Маму. Я знал, что могу доверять ему не больше, чем на ту длину, на которую я мог бы его отшвырнуть. Сейчас, когда он после смены пола оброс жиром, это расстояние стало равняться всего полутора футам.

Вместо этого я повернулся к Жаку и сказал:

— Ты все еще горишь желанием помочь нам?

— Конечно.

У Жака был слегка испуганный вид. Как и большинство жителей Будайина, он пользовался покровительством дома Фридландер-Бея, но предпочитал не вспоминать об этом, когда приходило время платить.

— Тогда позвони мне завтра около полудня, — сказал я. — У тебя ведь есть номер моего телефо на в доме Папы?

— Угу, — нервно ответил Жак.

— О, — сказал Махмуд, — уже и ты продался?

— Посмотрите-ка, кто это говорит! — ответил Жак. — Сам господин Лизоблюд шейха Реда изволит наводить критику!

— Я не лизоблюд! — Махмуд привстал со стула.

— О нет, конечно нет, — ответил Саид.

Я не обращал внимания на их детскую перебранку.

— Я уже получил оборудование, — сказал я. — И уже наигрался с ним. Это дело определенно выгодное — для нас и для владельцев клубов, которые дадут под это деньги. Не беспокойся насчет законности — мы получили полный комплект разрешений от городских властей. Все легально, без всяких там штучек.

— Тогда почему это так интересует Фридландер-Бея? — спросил Махмуд… — Я думал, что ему по фигу все, что не имеет хоть какой-нибудь закавыки.

Полу-Хадж откинулся на стуле и несколько секунд рассматривал Махмуда.

— Знаешь ли, приятель, — сказал он наконец, — когда-нибудь кто-нибудь захочет заткнуть тебе рот. И ты пожалеешь, что сменил пол и прибился к крутым мужикам.

Махмуд лишь презрительно рассмеялся.

— Это так, если ты считаешь мужиком себя, Саид, — ответил он.

Перебранку прервало появление Ясмин.

— Как дела? — спросила она.

— Прекрасно, — ответил Полу-Хадж. — Вот сидим тут на солнышке, пьем и едим пахлаву да рвем друг другу глотку. Хочешь попробовать?

Ясмин очень хотелось медового пирожного, но она оказалась более сдержанной, чем я думал. — Нет, — сказала она, улыбаясь, — не могу. Пять минут на языке и всю жизнь на бедрах.

— Тогда я еще одно съем, — сказал Жак. — Плохой мальчишка! — ответила Ясмин.

— Послушай, Ясмин, — сказал я.

— Какого черта тебе нужно, женатик? — резко ответила она.

— Я только хотел узнать, когда ты бросишь меня ревновать.

— Ревновать? — надменно спросила она. — Ты считаешь, что я думаю о таких мелочах, как вы с Индихар? У меня в голове есть мысли поважнее.

Я покачал головой:

— Насколько я понимаю, Ислам позволяет мне иметь четырех жен, если я смогу их содержать. Это означает, что я по-прежнему могу встречаться с девушками. Да и женат я лишь формально.

— Ха! — воскликнул Саид. — Я так и знал! Ты никогда не спал с ней, так?

Несколько секунд я гневно смотрел на него.

— Ясмин, — сказал я, — дай мне шанс, ладно? Позволь мне

когда-нибудь угостить тебя ужином. Мне кажется, нам нужно поговорить.

Она хмуро посмотрела на меня, что вовсе не обнадеживало.

— Поговорим, — сказала она. — Поговорим сегодня вечером в клубе — если Индихар позволит тебе пойти.

Она схватила кусок пахлавы, повернулась и пошла вниз по Улице.

Вскоре после ее ухода я тоже встал и пожелал своим приятелям всего доброго. Затем приказал Кмузу отвезти меня в Папин особняк. Мне еще нужно было поработать с бумагами.

Мне предстояла еще трапеза у шейха Реда. Я вернулся домой с обеденного перерыва и попытался немного поработать. Это было очень трудно. Я понимал, что Фридландер-Бей рассчитывает на мою помощь в осуществлении проекта цифровой связи и в вечном деле стабилизации или дестабилизации мусульманских наций, которые обращались к нам за помощью. Но сегодня я не мог справиться с тревогой. Что на уме у Абу Адиля? С чего это он пригласил нас на обед? Чтобы закончить то, что он начал, когда несколько недель назад похитил нас?

Вот почему я прикрепил к поясу маленький игломет, повернув пояс так, чтобы он находился у меня на спине. Я выбрал игломет потому, что он целиком был сделан из пластика, и рентген его не мог обнаружить. Он был заряжен острыми как бритва стрелками. Не отравленными. Всадить половину обоймы этих штучек в кого-нибудь, и он запомнит это надолго. Если выживет.

Лучшую свою одежду я надел на брачный прием у шейха Махали, и во время нашего тяжелого странствия по пустыне она износилась. Свой дорогой церемониальный кинжал я подарил шейху Хассанейну. Сегодня я надел свой второй лучший костюм — длинную белую джеллабу, вышитую вручную. Это был цветочный узор шелковой кремовой нитью. Это была красивая джеллаба, и я очень ею гордился. Ее мне подарила одна будайинская семья, которой я оказал небольшую помощь.

Я надел сандалии и кафию в черно-белую клетку. Прицепил кинжал в ножнах, сдвинув его на живот, — на бедуинский манер. Когда я надел пояс, то решил спросить Фридландер-Бея, нельзя ли нам взять с собой на обед бен-Турки. Мы уже решили захватить с нами Тарика и Юссефа. Не хотелось появляться в твердыне шейха Реда без собственной маленькой армии.

Папа согласился, что бен-Турки может нам пригодиться, и потому он сопровождал нас четверых в дом шейха Реда. Дом располагался в западном районе города, Хамидийе.

Абу Адиль засел, как жаба, в центре одного из худших

районов города. С его особняком могли сравниться только дома Папы и шейха Махали, но дом шейха Реда окружали сгоревшие, заброшенные, полуразрушенные дома Хамидийи. Он всегда напоминал мне Сатану, сидящего в центре своего адского царства.

Мы въехали в ворота в высокой бурой кирпичной стене, окружавшей особняк, и остановились, чтобы охрана признала нас. Затем припарковали машину и впятером пошли к парадной двери. На сей раз мы не позволим нас разделить.

С человеком, открывшим на звонок, у нас сложностей не было. Он провел нас в маленькую столовую, где был накрыт стол на десять персон. Наша компания села в одном конце стола, ожидая явления Абу Адиля.

Это было точно явление. Сначала появился здоровенный личный охранник, за ним въехал в инвалидном кресле шейх Реда. Кресло катил Кеннет. Следом за ними вошли еще двое громил. Я не сомневался, что шейх откуда-то наблюдал за нашим приездом и взял с собой народу столько же, что и у нас. Пять на пять.

— Я рад, что вы оказали мне честь, посетив мой дом, — сказал Абу Адиль. — Нам нужно бы почаще встречаться. Возможно, тогда между нами было бы меньше трений.

— Благодарим вас за приглашение, о шейх, — осторожно сказал я.

Кеннет оценивающе посмотрел на меня. Затем тихо рассмеялся и покачал головой. Он презирал меня, и я не понимал почему. Может, если бы я переломал ему пальцы на руках и ногах, он не ухмылялся бы так самодовольно. «От фантазий вреда не будет», — подумал я.

Слуги принесли блюда кускуса, кефта кабоб, жареного ягненка и овощи под соусом из кактуса.

— Во имя Аллаха, милостивого, милосердного, да будет это угощение приятно вам!

— Да продлится твой пир вечно, отец щедрости, — ответил Фридландер-Бей.

Мы с Папой ели немного, наблюдая, не проявится ли какой-нибудь намек на предательство со стороны Абу Адиля или его вышибал. Бен-Турки ел так, словно никогда раньше не видел еды. Я уверен, что ему не доводилось бывать на таком обеде.

Я шепнул юному бедуину:

— Похоже, шейх Реда пытается переманить тебя к себе.

На самом деле я так не думал. Я шутил. Бен-Турки побледнел. У него руки задрожали от возмущения.

— Разве ты думаешь, что моя верность продается?

— Это всего лишь шутка, друг мой, — сказал я.

— А, — ответил он, — тогда ладно. Ваши городские шутки иногда непостижимы. Я ведь даже не знаю, что происходит нынче вечером.

— Не ты один, — сказал ему я.

Громилы Абу Адиля, как всегда, помалкивали. Кеннет тоже, хотя он почти не сводил с меня глаз. Мы ели молча, словно ждали, что вот-вот захлопнется какая-то смертельная ловушка. Наконец, когда обед был почти закончен, шейх Реда встал и заговорил.

— Я вновь имею счастье, — сказал он, — преподнести небольшой подарок Мариду Одрану. Возблагодарим же Аллаха за то, что он и Фридландер-Бей вышли целыми и невредимыми из выпавшего им тяжкого испытания.

— Хвала Аллаху! — хором откликнулись все за столом.

Абу Адиль наклонился и вынул серую картонную коробку.

— Это, — сказал он, открывая ее, — форма, которая соответствует твоему рангу лейтенанта ***чаушей***. У тебя под командой три взвода верных патриотов. В последнее время они стали беспокоиться, не понимая, почему ты не посещаешь наши сборы и учения. Думаю, одной из причин былото, что у тебя не было подходящей формы. Ну, теперь у тебя такой отговорки нет. Шейх Марид, носи на здоровье!

Я прямо-таки онемел. Это было еще смешнее, чем прежнее мое производство. Я не знал, что сказать, поэтому, заикаясь, пробормотал несколько слов благодарности и взял коробку. На ней уже был лейтенантский значок.

Чуть позже, когда никто уже не мог больше есть, шейх Реда извинился и выехал из столовой. Кеннет и три головореза последовали за ним.

Бен-Турки наклонился ко мне и прошептал:

— Что с ним такое? Почему он в инвалидной коляске? Ведь он достаточно богат, чтобы получить любую медицинскую помощь. Даже в Руб-аль-Хали мы слышали необыкновенные истории о чудесах, которые творят врачи.

Я развел руками.

— На самом деле он не инвалид, — тихо объяснил я. — Его так называемое хобби — коллекционировать персональные модули, записанные с настоящих больных со всевозможными неизлечимыми болезнями. Это извращение называется «Ад по доверенности». Он наслаждается, если это можно так назвать, жесточайшей болью и бессилием и вынимает модик всякий раз, как они становятся невыносимыми. Полагаю, что у него выработался необычайно высокий болевой барьер.

— Это достойно презрения, — прошептал бен-Турки,

нахмурившись.

— Таков шейх Реда Абу Адиль, — сказал я.

Через две-три минуты мы пошли к машине.

— Ничего себе! — воскликнул Тарик. — Мы являемся к нему в дом вооруженными до зубов, а он просто накрывает изысканный стол и швыряет шейху Мариду униформу!

— Что это, по-вашему, значит? — спросил Юссеф.

— Думаю, мы вскоре узнаем, — сказал Папа.

Я понимал, что он прав. За этой трапезой должно было произойти что-то такое, но я не мог представить, что именно.

А не значило ли это, что мы теперь должны их пригласить к себе? Если будет так продолжаться, то раньше или позже обе семьи перестанут ходить в кино, а вместо этого будут смотреть по головизору профессиональный бокс и вместе попивать пиво. Я не мог этого вынести.

Глава 12

Я ждал Ясмин, чтобы поговорить с ней, но она так и не вышла на работу тем вечером. Я пошел домой около двух часов ночи, предоставив Чири самой закрыть бар. На следующий день завтрака с Папой не планировалось, а потому я сказал Кмузу, что хочу поспать подольше. Он разрешил.

Утро было спокойным. Я долго сидел в горячей ванне, перечитывая один из своих любимых полных тайн и убийств романов Латфи Гада. Гад был крупнейшим палестинским писателем прошлого столетия, и я то и дело ловил себя на том, что невольно подражаю его знаменитому детективу аль-Каддани. Иногда я начинал копировать его манеру речи — нахальную и ироничную. Никто из моих друзей, однако, этого не замечал, поскольку в целом они не были чересчур начитанными.

Я вылез из ванны, оделся и проглотил хорошо сбалансированный завтрак, приготовленный для меня Кмузу. Тот мрачно посмотрел на меня, но за многие месяцы он успел усвоить, что если я не склонен есть, то и не буду. Разве что этого не потребует Папа.

Кмузу молча подал мне конверт. Там было письмо Фридландер-Бея лейтенанту Хаджару с требованием восстановить меня в городской полиции, чтобы я мог продолжить расследование обстоятельств смерти Халида Максвелла. Я просмотрел его и кивнул. У Папы была сверхъестественная способность предвидеть события. Он также понимал, что может кое-что «потребовать» от полиции и что это будет сделано.

Я положил письмо в карман и присел отдохнуть в черное кожаное кресло. Я решил, что пора проконсультироваться с Мудрым Советником. Советник был персональным модулем, который оценивал мое текущее эмоциональное состояние и создавал сверхреалистичную фантазию, а также давал символическое — иногда неразборчивое — решение. «***Бисмилла***», — прошептал я и вставил модик.

Одран превратился в великого персидского поэта Хафиза. Он жил в роскоши, и в его поэмах было нечто такое, что раздражало правоверных мусульман. За долгие годы Одран нажил себе кучу врагов, и потому, когда он умер, правоверные стали говорить, что его тело должно быть лишено блага традиционной погребальной молитвы. Они обвиняли Одрана его же собственными словами.

«Разве этот поэт не писал о таких нечестивых деяниях, как питье хмельного, и о неразборчивости в связях? — спрашивали они. — Прислушайтесь к его стихам:

Подойди, подойди, виночерпий!
Пусти же по кругу чашу,
Поскольку сначала любовь свободна и легка,
Но слишком много бед от нее происходит».

Это вызвало длинные споры между почитателями Одрана и его врагами. Наконец решено было поступить так, как подскажут его же стихи. Для этого многие стихотворения Одрана были написаны на листочках бумаги и опущены в урну. Невинное дитя попросили подойти к урне и вынуть одно стихотворение. Вот какое двустишие вынул ребенок:

Рад принять я участие в похоронах Одрана,
Ибо был он греховен, но отправился на небо.

Это решение было признано обеими сторонами, и потому Одран был похоронен со всеми надлежащими церемониями. Когда эта история закончилась, Одран вынул модик.

Я вздрогнул. От фантазий, в которых я был мертв и сверху смотрел на собственные похороны, у меня всегда по спине бегали мурашки. Теперь мне предстояло решить, что это значит и каким боком это ко мне относится. Я уже пятнадцать лет не писал стихов. Я сбросил видение в файл НА ОБСУЖДЕНИЕ С КМУЗУ.

Пора было заняться раскапыванием информации по Халиду Максвеллу. Первым делом я решил отправиться в полицейское управление, которое наблюдало за деятельностью полиции в Будайине, где служил лейтенант Хаджар. Не то чтобы я ненавидел Хаджара, просто от него у меня мурашки по коже бегали. Он был не из тех, кому доставляет удовольствие отрывать мухам крылышки, — он был из таких, кто идет в другую комнату и в потайной глазок подсматривает, как этим занимается другой.

Кмузу отвез меня в кремовом «вестфаль»-седане к участку на улице Валида аль-Акбара. Как обычно, на тротуаре толклось полным-полно мальчишек, и я прорвался сквозь них, разбрасывая монетки направо и налево. Однако они все равно монотонно ныли:

— Подай нам, о щедрый!.

Мне нравились мальчишки. Не так давно и я шатался в толпе, выклянчивая деньги на пропитание. Где-то по ходу дела роли переменились, и я стал крутым богатым парнем. Верно, я теперь богат, но я никогда не забывал о своем происхождении. И я не стану жалеть для мальчишек бакшиша.

Я вошел в здание участка и направился к компьютерной комнате на третьем этаже. Пару раз меня останавливали люди в форме, но я показывал им письмо с подписью Фридландер-Бея. Копы тут же растворялись, словно призраки.

Я очень хорошо помнил, как работать на компьютере. Я даже

помнил секретное кодовое словечко — «Мирамар». У штата этого участка нравы были довольно разгильдяйские, и я был уверен, что кодового слова здесь еще несколько месяцев менять не будут. Я догадывался, что перспектива заставить все отделение запоминать новое слово для них страшнее риска, что кто-то чужой залезет в полицейские файлы.

Я сел за потрепанный старый «анамнез» и принялся шептать команды. Женщина-сержант, работавшая смотрителем базы данных, заметила меня и поспешила навстречу.

— Мне очень жаль, сэр, — сказала она отнюдь не печальным голосом, — но посетителям нельзя работать с этим терминалом.

— Разве вы меня не помните? — спросил я. Она прищурила один глаз и подумала:

— Нет. Вы должны уйти.

Я вынул Папино письмо и показал ей.

— Мне нужно поработать всего несколько минут.

— Я должна проверить, — сказала она, складывая письмо и отдавая его мне. — Никто мне ничего такого не говорил. Я вызову лейтенанта. А пока отойдите от терминала.

Я кивнул, понимая, что мне придется подождать, пока она пройдет по всей цепочке команд. Это не заняло много времени. Лейтенант Хаджар сам влетел в библиотеку.

— Что ты о себе думаешь, Одран? — заорал он. Вид у него был мрачнее некуда.

Я протянул ему Папино письмо. Я не собирался вставать или объясняться. Письмо за меня все скажет, и я чувствовал себя так, будто излучаю некое превосходство. Хаджара нужно было всякий раз ставить на место.

Он вырвал у меня бумагу и прочел ее — раз, затем другой.

— Что это такое? — прохрипел он.

— Письмо. Сам знаешь от кого, ведь ты уже прочел.

Он с яростью посмотрел на меня и смял листок в комок.

— Это со мной не пройдет, Одран! Не пройдет! И что ты делаешь на свободе? Ты же формально выслан. Я заберу тебя в каталажку прямо сейчас!

Я погрозил пальцем и улыбнулся:

— Не-а, Хаджар. Эмир дал нам отсрочку, и ты это знаешь.

— Пока дал, — сказал он.

— Пока, — ответил я, взяв смятую бумагу и прижав ему ко лбу. — Ты что, в самом деле думаешь, что это не пройдет, а?

— Нет. — Однако на сей раз голос его звучал не столь уверенно.

— Хорошо, — спокойно сказал я. — У Папы полно людей, которые сумеют поработать с тобой.

Хаджар облизнул губы.

— Ладно, так какого черта тебе надо?

Я изобразил совершенно неискреннюю дружескую улыбку.

— Я просто хочу поработать с этим терминалом пару минут.

— Думаю, это можно. И что ты пытаешься раскопать?

Я развел руками.

— Я хочу обелить наши имена, конечно же. Я хочу выяснить, что ты знаешь о Халиде Максвелле.

В глазах его промелькнул страх.

— Я не могу тебе этого позволить, — сказал он. Его голос заметно дрожал. — Это секретное полицейское расследование.

Я рассмеялся.

— Я тоже секретный полицейский, — сказал я. — По крайней мере сейчас.

— Нет, — сказал он. — Я не позволю. Дело закрыто.

— Я снова открываю его. — И я потряс у него перед носом смятой бумажкой.

— Ладно, — сказал он. — Давай. Но это тебе так не пройдет. Я предупреждаю.

— Я надеюсь, что не пройдет, Хаджар. И когда пойдет волна, советую тебе не становиться на ее пути.

Несколько минут он пялился на меня. Затем сказал:

— ***Йаллах***, наверное, твоя мать была сифилитичной верблюдицей, Одран, а твой отец был христианским ублюдком.

— Ты близок к истине, — сказал я и отвернулся, продолжая наговаривать команды. Я полагал, что теперь Хаджар уберется.

Первым делом я вызвал файл Халида Максвелла. Я мало что узнал. В файл явно уже залезали и отредактировали его так, что информации осталось совсем мало. И все же я выяснил, что Максвелл работал в полиции четыре года, что он заслужил благодарность за храбрость и был убит, когда находился не при исполнении. Согласно полицейскому компьютеру он погиб, пытаясь прекратить яростную ссору между мной и Фридландер-Беем у своего дома, на аллее Шамс, 23.

Это, конечно же, была полная чушь. Я даже не знал, где находится аллея Шамс. Я был уверен, что не в Будайине. Максвелл был вторым офицером полиции в участке Хаджара, которого убили в этом году. Для Хаджара это было не слишком хорошо, для бедного Максвелла — еще хуже.

Я еще немного посидел, заглядывая в другие файлы. В досье Хаджара информации было еще меньше, чем когда я в последний раз туда заглядывал. Все упоминания о его трудностях с Департаментом внутренних дел были изъяты. Кроме его имени, возраста и адреса там вообще мало что осталось.

Мой собственный файл характеризовал меня как убийцу Халида Максвелла (отпущенного вплоть до истечения срока апелляции). Это напомнило мне о том, что время идет и мне осталось лишь несколько недель свободы. А доказывать свою и Папы невиновность из тюремной камеры или с плахи затруднительно. Я решил поторопить события и посмотреть, что из этого выйдет.

Я вышел из участка и нашел Кмузу в машине, чуть дальше по улице Валида аль-Акбара. Я сел на заднее сиденье и сказал, чтобы он вез меня к восточным воротам Будайина. Когда мы туда подъехали, я отправил его домой, потому что я не знал, как долго здесь задержусь. Когда Кмузу воспротивился, я сказал ему, что всегда могу взять такси. Он нахмурился и ответил, что лучше подождет меня, но я был тверд.

Я взял портативное устройство цифровой связи, которое продавали мы с Фридландер-Беем. По дороге в кафе «Солас» мне позвонили. Я отцепил телефон от пояса и сказал:

— Алло.

— Одран? — произнес гнусавый голос, прямо-таки сальный до отвращения.

— Да, — сказал я. — Кто говорит?

— Кеннет. Звоню по просьбе шейха Реда Абу Адиля.

Это объясняло мое отвращение — чувство было взаимным.

— Привет, Кении. В чем дело?

На некоторое время он замолк.

— Меня зовут Кеннет, а не Кении. Я был бы очень благодарен, если бы ты это запомнил.

— Конечно, приятель. И по какому поводу ты звонишь?

— Шейх Реда только что узнал, что ты копаешься в деле Халида Максвелла. Не делай этого.

Быстро же расходятся новости.

— Не делать?

— Да, — сказал Кеннет. — Просто не делай, и все. Шейх Реда заботится о твоей безопасности, поскольку ты офицер чаушей, и он опасается того, что может произойти, если ты будешь продолжать расследование.

Я невесело рассмеялся:

— Я скажу тебе, что случится, если я не стану продолжать расследование. Наша с Папой отсрочка истечет, и мы будем казнены.

— Мы это понимаем, Одран. Если хотите спасти ваши головы, есть два пути — правильный и неправильный. Правильный путь — найти твердое алиби на ночь убийства. Неправильный — продолжать делать то, что ты делаешь.

— Прекрасно, Кен, но, честно говоря, я даже не могу вспомнить, что я делал той ночью.

— Меня зовут Кеннет, — прорычал он, прежде чем бросить трубку.

Я хмыкнул и снова прикрепил телефон к поясу.

Я нашел Жака и Махмуда в кафе «Солас» за игрой в домино. Подвинул стул к столу и немного посмотрел. Наконец подошел старик Ибрагим и спросил, не хочу ли я чего-нибудь. Я заказал «Белую смерть», и Махмуд с любопытством посмотрел на меня.

— Долго ты тут сидишь, Марид? — спросил он. — Я и не заметил, как ты подошел.

— Недолго, — отозвался я. Затем повернулся к другому своему приятелю. — Жак, — спросил я, — ты готов начать рекламировать устройства?

Он посмотрел на меня взглядом, который говорил, что он вечно будет жалеть о том, что согласился помочь мне.

— Тебе что, больше делать нечего? — спросил он. — Разве тебе не надо отмывать свое имя и репутацию?

Я кивнул:

— Не беспокойся, я уже и за это взялся.

— Слышали, — сказал Махмуд.

— На Улице говорят, что ты ищешь кого-нибудь, чтобы пришить ему убийство Максвелла, — сказал Жак.

— Вместо того чтобы объяснить, где вы были той ночью, — сказал Махмуд. — Ты все делаешь не так. Ты пытаешься сделать это… через задницу.

— Именно так нынешний подкупной Билли Абу Адиля мне и сказал, — медленно проговорил я. — Надо же, какое совпадение.

— Это Кеннет? — спросил Махмуд. — Что ж, он, наверное, прав.

У меня не было к нему каких-либо особенных вопросов, поэтому я сменил тему.

— Ну, ты готов, Жак? — спросил я.

— Честно говоря, Марид, у меня сегодня желудок побаливает. Может, завтра в полдень?

— О, завтра в полдень ты будешь делать это сам, — улыбнулся я. — Однако тебе придется пойти со мной и сегодня.

Я терпеливо подождал, пока Махмуд выиграет партию и Жак сделает ставку.

— Похоже, день плохо для меня начинается, — сказал Жак. Он был, как обычно, хорошо одет, но у него был тот надутый христианский вид, который большинство его друзей терпеть не могли. Он выглядел так, словно хотел уехать куда-нибудь и начать новую жизнь под новым именем.

Я уголком глаза посмотрел на него, сдерживая улыбку. Он был взволнован.

— В чем дело, Жак? — спросил я.

Тот надменно оттопырил верхнюю губу.

— Я скажу тебе одну вещь, Марид, — сказал он. — Эта работа недостойна меня. Я не могу действовать как… как простой торговец.

Я не мог удержаться от смеха:

— А ты не считай себя торговцем, если проблема только в этом. Честно говоря, ты и не торговец. Ты гораздо больше. Постарайся увидеть целое, о блистательный.

Это Жака не убедило.

— Я и так смотрю на все в целом. И вижу, как я захожу в бар или клуб, вынимаю свои товары и пытаюсь вытянуть у хозяина деньги. Это розничная продажа. Это унижает меня в чужих глазах. Разве я не говорил тебе, что я на три четверти европеец?

Я вздохнул. Последние семь лет он говорил мне об этом чуть ли не каждый день.

— А ты никогда не думал о том, кто занимается в Европе розничной торговлей?

— Американцы, — пожал плечами Жак.

Я потер лоб. Голова болела.

— Забудь о торговле. Ты не будешь торговцем. Ты будешь Специалистом по размещению данных. И когда ты начнешь, то продвинешься до Инженера по коррекции информации. С соответственным повышением процента комиссионных.

Жак злобно посмотрел на меня.

— Ты меня не обманешь, Марид, — сказал он.

— Так вот в чем дело! Мне не надо обманывать тебя. Сейчас у меня хватит власти на то, чтобы выкрутить тебе руки, и ты еще будешь доволен тем, что помогаешь мне.

Жак издал короткий невеселый смешок:

— Мне рук не выкрутишь, о шейх. Ты все та же уличная шпана, как и все остальные.

Я пожал плечами:

— Может, это и правда, друг мой христианин, но я уличная шпана, под началом у которой Хабиб и Лябиб.

— Кто они такие?

— Говорящие Булыжники, — спокойно ответил я. Я увидел, как у него отхлынула кровь от лица. Все в Будайине знали огромных телохранителей Папы, но я был одним из немногих избранных, кто знал их по именам. Конечно, я до сих пор не знал, кто из них кто, но это было все равно, потому что они всегда ходили вместе.

Жак плюнул мне под ноги.

— Верно говорят о коррупции, — резко сказал он.

— Ошибаешься, Жак, — спокойно сказал я. — Я не стал бы угрожать никому из своих друзей. Такая власть мне не нужна. Я просто рассчитываю на то, что ты ответишь мне услугой на услугу. Разве я не закрыл для тебя чек Фуада? Разве ты не согласился помочь мне?

Он поморщился.

— Ну да, это дело чести, хорошо, я, конечно, буду рад вернуть тебе долг.

Я похлопал его по спине.

— Я знал, что могу на тебя рассчитывать.

— Когда угодно, Марид.

Однако одного взгляда на его физиономию было достаточно, чтобы понять, что желудок у него до сих пор не в порядке.

Мы приехали в клуб Френчи, что был кварталом выше моего. Френчи был огромным, коренастым парнем, у которого был такой вид, словно он катал бочки в каком-нибудь солнечном французском порту.

— Как поживаешь, Марид? — крикнула Дейлия, барменша.

— Прекрасно, Дейлия. Френчи здесь?

— Вернулся. Пойду приведу его. — Она бросила свое полотенце и исчезла за дверью, в офисе. Посетителей было немного, но пока еще рано.

— Хочешь, поставлю тебе выпить? — спросил я Жака, пока мы ждали.

— Господь не одобряет хмельного, — сказал он. — Уж тебе ли этого не знать.

— Я знаю, — сказал я. — Я знаю, чего не одобряет Господь. Но лично мне он никогда этого не говорил.

— Да? А что такое, по-твоему, блевота? А отключка сознания? А когда тебе дают по морде из-за того, что ты напился и сказал что-то не то и не тому человеку? И не надо богохульствовать.

Я не мог воспринимать его серьезно.

— Я видел, что и ты пьешь.

Жак энергично закивал.

— Да, друг мой, но затем я и хожу к исповеди. Покаюсь, и снова все в порядке.

От дальнейших религиозных разглагольствований меня спас Френчи, который появился в самый критический момент.

— В чем дело? — спросил он, подвигая табурет и усаживаясь справа от меня.

— Френчи, — сказал я, — рад тебя видеть. Я счастлив, что меня до сих пор принимают в твоем клубе, но, честное слово, у

меня нет времени сидеть тут и болтать.

— Ты хочешь что-то продать мне, нораф, — сказал он своим хриплым голосом. — Подожди минутку. Я в трезвом виде мошенничать не умею.

— Я-то думал, что ты бросил пить, — сказал я. — Из-за своего желудка.

— Да я начал снова, — сказал Френчи. Он махнул своей барменше, и Дейлия принесла ему закупоренную бутылку «Джонни Уокера». Первый раз я видел, как этот напиток пили греческие торговые моряки в клубе Джо-Мамы и еще в двух филиппинских барах на Улице. Френчи отвинтил пробку и налил себе полстакана. — Даю тебе шанс, — сказал он, заглатывая виски одним духом и наливая себе еще.

— Мне джин с бингарой, — сказал я барменше.

— Лаймового сока выжать? — спросила Дейлия.

Я улыбнулся:

— Все-то ты помнишь.

Она надменно пожала плечами.

— Чтобы я да забыла, — пробормотала она. — А что тебе, Жак?

— У тебя есть эквадорское пиво? Я бы выпил кружечку.

Дейлия кивнула и принесла Жаку его выпивку. Френчи влил в себя второй стакан виски и рыгнул.

— *Eh bien* [Ладно (фр.)], Марид, — сказал он, почесывая свою густую бороду, — так что у тебя в чемоданчике?

Я положил его на стойку между нами и открыл замки.

— Ты просто влюбишься в него, — сказал я,

— Еще не влюбился, — сказал Френчи, — но, может быть, через несколько минут? — Он заглотил третий стакан «Джонни Уокера».

— Можно посмотреть, Марид? — спросила Дейлия, облокотившись на стойку.

Френчи сердито посмотрел на нее, слегка покачав головой.

— Иди столы вытирай, — сказал он.

Выпивка начинала на него действовать. Это было хорошо.

Я откинул крышку и дал Френчи посмотреть устройство. Это был прекрасно выполненный терминал с памятью, достаточной для того, чтобы не забывать о своем назначении. Он был бесполезен, если где-нибудь его не присоединить к основному компьютеру. Фридландер-Бей заключил контракт с одной из боснийских фирм, чтобы поставлять устройства по ценам значительно ниже самых благоприятных рыночных. Это можно было сделать благодаря тому, что боснийские корпорации владели индустриальным конгломератом со штаб-квартирой в

Бахрейне. И главный исполнительный представитель, и вице-президент по продажам своей властью, богатством и благополучием были обязаны Папиному вмешательству в политические дела каких-то десять лет тому назад.

Я налил Френчи четвертый стакан.

— *Merde alors* [Ну и дерьмо (фр.)], — пробормотал он.

— Фридландер-Бей хочет, чтобы ты стал первым в Будайине, — сказал я ему.

Огромный француз теперь уже не глотал виски, а пил понемногу.

— Первым в чем и переживу ли я это? — спросил он.

Я улыбнулся:

— Ты можешь первым на Улице получить одно из этих устройств для цифровой связи. Можешь установить его прямо сейчас в углу бара, там, где люди смогут его увидеть.

— Ох-ох, — сказал Френчи. — А на хрен оно мне сдалось?

Я посмотрел на Жака, чтобы удостовериться в том, что он внимательно слушает.

— Эти устройства дают доступ не только в городскую сеть «Инфо», — сказал я. — Твои посетители смогут входить в мировую базу данных и получать практически неограниченную информацию.

Френчи покачал головой.

— И сколько это будет стоить?

— Один киам. Всего один киам за запрос.

— *Minute, papillon!* [Минутку, мотылек! (фр.)] Городская сеть «Инфо» бесплатная! Нужно только набрать номер по телефону!

Я снова улыбнулся:

— Это ненадолго, Френчи. Этого еще никто не знает, потому особо не распространяйся! Фридландер-Бей купил «Инфо» у города.

Френчи рассмеялся:

— Он что, эмира подкупил?

Я пожал плечами:

— Он убедил эмира. А как — не имеет значения. Эмир просто поверил в то, что Папа будет управлять «Инфо» лучше, чем прежняя Комиссия по общественным службам. Конечно, Папа также объяснил ему, что для того чтобы предоставлять людям те услуги, которых они заслуживают, придется платить за каждую сделку. Френчи кивнул:

— Значит, бесплатным услугам «Инфо» приходит конец. И вместо нее будут вот эти штучки. А вы с Папой будете сидеть и распределять информацию. А что будет, если кто-нибудь пожелает копнуть личную жизни Папы?

Я отвернулся и как бы между прочим выпил половину своей «Белой смерти».

— О, — спокойно сказал я, — к несчастью, нам придется ограничить доступ определенных людей к определенным данным.

Френчи стукнул кулаком по стойке и рассмеялся. Вообще-то это было скорее похоже на рычание.

— Потрясающе! — воскликнул он. — Он держит руку на рычаге обмена информацией и к тому же решает кому помогать, а кому нет! Подожди, пока Абу Адиль не узнает об этом!

Жак наклонился поближе.

— Я ничего об этом не знал, Марид, — тихо сказал он. — Ты ничего такого мне не говорил, и мне кажется, это расторгает наше соглашение.

Я сделал ему знак, чтобы он и дальше пил свое пиво.

— Вот потому я и пошел с тобой сегодня, — сказал я. — Я хочу, чтобы ты знал все подробности. Это начало волнующего века!

— Но мне это не нравится. Во что меня втягивают?

Я развел руками.

— В одно из величайших коммерческих предприятий в истории человечества, — сказал я.

В этот миг в клуб вошел посетитель, высокий человек в европейском костюме. Его седые волосы были подстрижены и уложены в дорогой парикмахерской. На шее у него была дорогая серебряная брошь с алмазами и несколькими изумрудами в центре. В руке у него был дипломат, чуть поменьше моего. Он постоял в дверях, привыкая к темноте бара Френчи.

Одна из танцовщиц подошла к нему и пригласила войти. Я не знал этой девушки. Наверное, она была в Будайине недавно, но если она здесь задержится, то я узнаю о ней даже больше, чем мне нужно. На ней было длинное платье из очень прозрачной ткани, так что ее груди и темный треугольник волос на лобке были видны даже при тусклом свете.

— Не желаете ли выпить? — спросила она.

Элегантно одетый человек, прищурившись, посмотрел на нее.

— Это ты — Теони? — спросил он.

Плечи танцовщицы поникли.

— Нет, — ответила она, — но она здесь.

— Теони, это к тебе.

Теони была одной из самых привлекательных девушек на Улице, и в баре Френчи она была совершенно не к месту. Она никогда не работала у меня, но я был бы чрезвычайно рад, если бы она однажды вошла к Чириге и попросила места. Она была маленькой, гибкой, изящной и лишь чуточку подправлена

хирургом. Бодимоделинг только подчеркнул ее природное очарование, не превращая ее в карикатуру, что часто приходилось видеть. В отличие от большинства танцовщиц, она не моделировала мозг, и, когда у нее не было клиента, она просто сидела в заднем углу бара Френчи, попивая шербет и читая книги в мягком переплете. Я подумал, что именно чтение привлекало меня к ней.

Она вышла из темного угла бара, поздоровалась с посетителем и повела его к столику позади того, где сидели мы с Френчи и Жаком. Дейлия подошла взять у него заказ. Он заказал себе пиво и коктейль с шампанским для Теони.

Френчи налил себе еще порцию «Джонни Уокера».

— Дейлия, — сказал он, — принеси-ка мне стакан минералки. — Повернулся ко мне. — Она лучшая барменша на Улице, знаешь? Ты считаешь, что Чири хорошая барменша, но я не променял бы Дейлию на Чири, даже если бы ты в придачу дал еще и Ясмин. Господи, как ты с ней уживаешься? С Ясмин я имею в виду. Всегда опаздывает. Она хорошенькая для мальчика и приносит деньги, но нрав у нее…

— Френчи, — сказал я, перебивая его пьяные излияния, — поверь мне, я прекрасно знаю нрав Ясмин.

— Да уж. Как же она на тебя работает после того, как ты женился? — Он снова утробно рассмеялся.

— Давай лучше поговорим о терминале, Френчи, — сказал я, пытаясь вернуть разговор в прежнее русло. — Ты захочешь иметь такой, потому что такой будет у каждого на Улице. А без него ты потеряешь свой бизнес. Как если бы у тебя в ванной не было телефона.

— Ванная все равно работает только по четвергам и пятницам, — пробормотал Френчи. — А мне-то от этого что за выгода?

Я решил сказать, что ему будет, если он согласится взять терминал.

— Друг мой, мы готовы ссудить тебе немного денег, если ты окажешь нам услугу и позволишь установить первый терминал у себя в клубе. Тысячу киамов наличными прямо сейчас, и тебе для того ничего не придется делать. Просто подпиши бланк, и завтра придет монтер и установит устройство у тебя в баре.

— Тысяча киамов? — спросил он. Наклонился поближе и посмотрел мне в глаза. Он тяжело дышал мне в лицо, и это было не слишком приятно.

— Тысяча. Наличными. Сейчас. И самое главное, Френчи, что мы не будем требовать от тебя возврата этих денег. Мы поделим доход от цифровой связи следующим образом: шестьдесят пять на

тридцать пять. Плату за ссуду мы вычтем из твоих тридцати пяти. Ты даже не потеряешь денег. А когда все будет выплачено, мы ссудим тебе еще тысячу наличными.

Он еще почесал бороду и прищурился, пытаясь понять, в чем тут подвох.

— Вы будете делиться со мной доходом ежемесячно? — спросил он.

— Тридцать пять процентов твои, — ответил я.

— Значит, эта ссуда скорее…

— Это скорее подарок! — сказал Жак.

Я повернулся к нему.

Несколько мгновений в клубе висела тишина. Уголком глаза я заметил, что Теони очень близко подсела к посетителю с драгоценной брошью. Ее рука скользнула к его бедру. Ему было не по себе.

— Откуда ты, лапочка? — спросила она, потягивая свой коктейль.

— Ахайя, — сказал он. Он убрал ее руку со своих колен.

Френчи грузно повернулся и взял со стойки два стакана. Он до половины наполнил их виски и поставил один перед Жаком, а другой — передо мной. Затем взял бутылку пива, что заказал Жак, и понюхал.

— *Pipi de chat* [Кошачья моча (фр.)] — презрительно сказал он. — Выпейте со мной.

Я пожал плечами и взял стакан. Мы с Френчи чокнулись и осушили их залпом. Жаку пришлось повозиться со своим подольше. Он был невеликим питухом.

— Марид, — сказал Френчи, внезапно посерьезнев, — а что будет со мной и с моим баром, если я отклоню ваше щедрое предложение? Что, если я откажусь? Это, в конце концов, мой клуб, и мне решать, что тут будет, а что нет. Я не хочу цифровой связи. Что на это скажет Папа?

Я нахмурился и покачал головой.

— Как давно мы знакомы, Френчи? Он только посмотрел на меня.

— Возьми устройство, — тихо сказал я.

Он был настолько велик, что мог переломить меня пополам, однако он знал, что момент критический. Он понимал, что, если вышвырнет меня из клуба, это не сочтут подходящим ответом. Он встал с тяжелым вздохом.

— Ладно, Марид, — сказал он, — запиши меня. Но не думай, что я не понимаю, что это значит.

Я ухмыльнулся.

— Все не так плохо, Френчи. Вот твоя тысяча киамов. — Я

вынул из кармана джеллабы запечатанный конверт и протянул ему.

Френчи вырвал его у меня и отвернулся. Он побрел в свой офис, не сказав мне ни слова.

— Сегодня в полдень, — сказал я Жаку, — можешь предложить ту же тысячу киамов Большому Элу и прочим, но свои деньги они получат, когда установят устройство связи. Понял?

Жак кивнул. Отодвинул недопитый стакан с виски.

— И за каждый терминал я получу комиссионные?

Сто киамов, — сказал я. Я был уверен, что Жак получит большой навар, продавая устройства нашим друзьям и соседям, особенно при такой наживке, как комиссионные. Сто киамов с каждой продажи, да еще и при поддержке Фридландер-Бея.

— Сделаю, что смогу, Марид, — сказал он. Похоже, теперь он был несколько более уверен. Он медленно допил эквадорское пиво из своей бутылки.

Чуть позже ахайский посетитель встал и открыл свой портфель. Оттуда он вынул тонкий сверток.

— Это тебе, — сказал он Теони. — Не открывай, пока я не уйду. — Он наклонился, поцеловал ее в щеку и снова вышел на солнечный свет.

Теони начала разворачивать бумагу. Открыла сверток и нашла там книгу в кожаном переплете. Когда она открыла ее, у меня, на поясе зазвонил телефон. Я отцепил его и сказал:

— Алло.

— Это Марид Одран? — спросил хриплый голос.

— Да, — ответил я.

— Это доктор Садик Абд ар-Раззак.

— Это был имам, который подписал наш приговор. Я встревожился.

Теони вскочила и указала вслед джентльмену из Ахайи.

— Знаешь, кто это был? — закричала она, заливаясь слезами. — Это был мой отец!

Дейлия, Жак и я посмотрели на Теони. Такое в Будайине случается сплошь и рядом. Нечего было волноваться.

— Мне хотелось бы поговорить о том, как вы собираетесь очистить свое имя, — сказал Абд ар-Раззак. — Я не потерплю никакого нарушения мусульманских законов. Я разрешаю вам посетить меня сегодня в два.

Он бросил трубку раньше, чем я успел ответить. Я подвинул устройство цифровой связи в чемоданчике Жаку, он закрыл крышку и пошел по делам.

— Ладно, — сказал я Дейлии, — я должен поговорить со

всеми, кто, по-моему, замешан в деле Халида Максвелла. Потому отправляюсь по первому кругу.

Она посмотрела на меня и вытерла стойку тряпкой. Она понятия не имела, о чем я говорю.

Глава 13

Я пролежал в постели с другим романом Латфи Гада до трех часов ночи. В желудке у меня урчало, в ушах звенело, и через некоторое время я осознал, что потею так, что все простыни промокли. Я просто психовал на всю катушку.

Что ж, герои не должны расклеиваться. Взять хотя бы аль-Каддани, непоколебимого детектива из романов Гада. Он никогда не поддавался панике. Он никогда не бодрствовал ночь напролет оттого, что ему хотелось удрать куда-нибудь подальше и начать все сначала. После пары часов нервотрепки я решил взять себя в руки, и немедленно. Я вылез из мокрой постели и пошел за своей аптечкой, что была в другом конце спальни.

Она была набита лекарствами, и у меня несколько секунд ушло на то, чтобы сообразить, что выбрать. Наконец я решил, что приму транквилизатор. Я пытался покончить со своей старой привычкой принимать для успокоения наркотики, но сейчас была ситуация, когда мои любимые таблетки и капсулы предписываются вполне законно. Я остановился на паксиуме, приняв двенадцать таблеток лавандового цвета и четыре желтых. Это притупит остроту моего психоза, сказал себе я.

Я снова лег, шлепнулся на подушки и прочел еще пару глав. Подождал, пока паксиум подействует, и через час или около того действительно почувствовал слабые, еле заметные признаки эйфории. Она, словно сахар, застывающий на птифуре, покрыла мои страдания. Но под этой тонкой корочкой в моей душе все еще копошились мрачные опасения.

Я снова встал и босиком пошел в уборную. Открыл аптечку и откопал в ней восемь таблеток соннеина, моего любимого болеутоляющего. На самом деле я не чувствовал серьезной боли, просто подумал, что опийное тепло изгонит остатки моего беспокойства. Я проглотил белые таблетки и запил их минералкой.

К тому времени, когда аль-Каддани был захвачен израильскими злодеями и, как и положено, один разок избит, я почувствовал себя куда лучше. От беспокойства остались только абстрактные воспоминания. Меня наполняло чудесное ощущение уверенности в том, что днем я смогу низвергнуть доктора Садика Абд ар-Раззака одним своим видом.

Я чувствовал себя так хорошо, что мне захотелось поделиться своей радостью с кем-нибудь еще. Но, однако, не с Кмузу, который уж точно доложит Фридландер-Бею о моем ночном кутеже. Нет уж. Я быстренько оделся и выскользнул из своей

комнаты. Тихо прошел по темным коридорам из западного крыла дома Папы к восточному крылу. Оказавшись перед дверью Индихар, я тихонько постучал несколько раз. Я не хотел будить детей.

Я подождал минутку, затем постучал погромче. Наконец я услышал за дверью какое-то движение, и дверь отворила Сенальда, валенсианка, которую я нанял в помощь Индихар.

— Сеньор Одран, — сонно сказала она. Она протерла глаза и сердито воззрилась на меня. Ей не очень нравилось, что ее разбудили так рано.

— Прости, Сенальда, — сказал я, — но мне срочно нужно поговорить с женой.

Служанка уставилась на меня. Пару секунд она не говорила ни слова. Затем повернулась и пошла в комнаты. Я ждал у двери. Через некоторое время вышла Индихар в атласном халате. Лицо ее было мрачным.

— Муж, — сказала она.

Я зевнул.

— Мне нужно поговорить с тобой, Индихар. Прости, что пришел в такой час, но это очень важно.

Она провела рукой по волосам и кивнула.

— Хорошо, Магрибинец. Лучше сейчас. Через пару часов проснутся дети, и у меня не будет времени поспать.

Она отошла в сторону, дав мне протиснуться мимо нее в гостиную.

Сейчас я чувствовал себя ужасно. Я чувствовал себя непобедимым. Пятнадцать минут назад я хотел пойти к Индихар и услышать от нее, какой я храбрый и сильный, мне было нужно, чтобы кто-нибудь сказал мне об этом. Теперь же, когда соннеин говорил мне все, что я хотел слышать, мне всего лишь нужно было обсудить с кем-нибудь, правильно ли я избавляюсь от своих страхов. Я знал, что могу доверять Индихар. Я даже не думал о том, что она может рассердиться на меня за то, что я выдернул ее из теплой уютной постели.

Я сел на кушетку и подождал, пока она сядет напротив. Несколько секунд она массировала лицо длинными, тонкими пальцами.

— Индихар, — сказала она, — ты моя жена.

Она перестала массировать лоб и посмотрела на меня.

— Я уже говорила тебе, — сказала она сквозь зубы, — что спать с тобой я не буду. Если ты разбудил меня среди ночи в пьяном…

— Нет, дело вовсе не в этом. Мне нужно услышать твое откровенное мнение по одному вопросу.

Она молча уставилась на меня. Не было похоже, чтобы она успокоилась.

— Как ты могла заметить, — сказал я, — последнее время Папа взваливает на мои плечи все больше и больше ответственности. И потому мне приходится прибегать к некоторым его методам, даже если мне лично они не по вкусу.

Индихар покачала головой:

— Видела я, как ты отсылал бен-Турки в Наджран по… по делу. Мне не показалось, что тебе было трудно приказать убить человека. Не так давно тебя бы это ужаснуло, и ты оставил бы все на усмотрение Юссефа или Тарика.

Я пожал плечами:

— Это было необходимо. У нас сотни друзей и партнеров, которые зависят от нас, и мы не можем спускать оскорбления. Если мы это допустим, то потеряем наше влияние и власть, а друзья потеряют нашу защиту.

— Нашу. Мы. Ты подсознательно начинаешь отождествлять себя с Фридландер-Беем. Он полностью овладел тобой, так? Что же так оскорбило тебя?

Я опять почувствовал депрессию, несмотря на соннеин. Это означало, что мне нужно принять еще дозу, но я не мог этого сделать. Только не при Индихар.

— Я собираюсь выяснить, кто на самом деле убил Халида Максвелла, а затем позабочусь, чтобы с ним случилось то же, что и с сержантом в Наджране.

Индихар невесело улыбнулась:

— Как хитроумно ты стал говорить правду! С ним «случится то же самое», вместо «его убьют». Словно твое сознание записано на какой-нибудь чертовой училке и ты никогда не включал ее.

Я встал и глубоко вздохнул:

— Спасибо, Индихар. Я рад, что мы поговорили. Можешь идти спать.

Я повернулся и пошел прочь, закрыв за собой дверь. Мне было плохо.

Молча я пошел по коридору мимо комнат моей матери. Свернул в темный проход в главной части дома. Из темноты выскользнула чья-то фигура и направилась ко мне. Поначалу я испугался — всегда была возможность того, что хитрый наемный убийца обманет охрану — как людей, так и электронику, но затем я увидел, что это Юссеф, Папин дворецкий и помощник.

— Добрый вечер, шейх Марид, — сказал он.

— А, Юссеф, — устало ответил я.

— Я только что проснулся и услышал, что ты тут бродишь. Тебе что-нибудь нужно?

Мы вместе пошли в левое крыло.

— Да нет, ничего, Юссеф. Спасибо. Ты только что проснулся?

Он мрачно посмотрел на меня.

— Я очень чутко сплю, — сказал он.

— А… Ладно, я просто хотел кое о чем поговорить с женой.

— И тебя удовлетворила беседа с ней?

— Не совсем, — хмыкнул я.

— Ну, может, тогда я помогу?

Я отклонил было его предложение, но затем подумал: «А вдруг Юссеф и есть тот самый человек, с которым можно поговорить о своих чувствах?»

— Индихар заметила, что я несколько изменился за последний год.

— Она совершенно права, шейх Марид.

— И ей не нравится то, чем я, по ее мнению, стал.

Юссеф пожал плечами.

— Я и не стал бы ожидать, что она это поймет, — сказал он. — Ситуация очень сложная, в ней сможет разобраться только тот, кто стоит у власти. То есть Фридландер-Бей, ты, Тарик и я. Для всех прочих мы чудовища.

— Да я и сам себя считаю чудовищем, Юссеф, — печально сказал я. — Я хочу вернуть себе прежнюю свободу. Я не хочу быть у власти. Я хочу быть бедным, молодым и счастливым.

— Этого никогда не будет, друг мой, потому хватит дразнить себя фантазиями. Тебе выпала честь заботиться о многих, и ты обязан им своими лучшими поступками. Это и означает концентрацию, которую не в силах поколебать сомнение в себе.

Я покачал головой. Юссеф меня не совсем понял.

— Теперь у меня много власти, — медленно проговорил я. — Но откуда мне знать, правильно ли я ее использую? Например, я послал молодого человека прикончить гада, который грубо обошелся с Фридландер-Беем в Наджране. Конечно, святой Коран допускает месть, но не более жестокую, чем нанесенное тебе оскорбление. Можно было бы жестоко избить сержанта и не чувствовать за собой вины, но отнять у негожизнь…

Юссеф поднял руку и перебил меня.

— А, — сказал он, — ты путаешь Промысел Аллаха и свои собственные чувства. То, что ты говорил о мести, конечно же верно — для обычного человека, у которого есть только его жизнь и жизни членов его семьи. Но поскольку с привилегиями прибавляется и ответственности, то противное также верно. То есть чем больше ответственность, тем больше привилегий. Потому мы, живущие в этом доме, выше прямого толкования воли Аллаха. Для того чтобы в Будайине и во всем городе был порядок,

мы должны зачастую действовать быстро и точно. Если нас оскорбляют, как ты это называешь, мы не должны ждать до самой смерти, чтобы ликвидировать угрозу. Мы поддерживаем благосостояние наше и наших союзников, действуя быстро, и можем продолжать действовать в том же духе, не опасаясь того, что мы исказим смысл поучений Святого Пророка.

— Да будет с ним мир и благословение Аллаха, — сказал я. Я прилежно делал невинное лицо, хотя в душе мне хотелось выть. Таких нелепых рассуждений я не слышал с тех пор, как старый шейх, что жил в домике на нашей улочке в Алжире, пытался доказать, что вся земля плоская, потому что такова Мекка. Что на самом деле было неверно.

— Меня беспокоит, что ты до сих пор выказываешь такое упрямство, шейх Марид, — сказал Юссеф.

Я махнул рукой:

— Это пустяки. Меня всегда немного трясет перед тем, как приходится что-то делать. Но вы с Фридландер-Беем прекрасно знаете, что я всегда выполняю порученное. Разве необходимо, чтобы я еще и удовольствие от этого получал?

Юссеф издал короткий смешок:

— Нет. Даже хорошо, что тебе это не доставляет удовольствия. Если бы было так, то ты мог бы кончить как шейх Реда.

— Не приведи Аллах, — пробормотал я.

Мы дошли до моей двери, и я отпустил Юссефа. Я вошел внутрь, спать мне не хотелось. На душе у меня по-прежнему было неспокойно. Я некоторое время подождал и принял еще четыре таблетки соннеина и пару таблеток трифета, для того чтобы взбодриться. Затем я медленно приоткрыл дверь, чтобы не разбудить Кмузу, и осмотрел холл. Юссефа нигде не было видно. Я снова выскользнул из комнаты, спустился по лестнице и сел за руль своего электроседана.

Мне нужно было выпить, и чтобы вокруг было много веселого народа. Я поехал в Будайин, наслаждаясь этим особенным, приятным одиночеством раннего утра, когда на дороге никого нет. Не говорите мне о езде подшофе — я знаю, это глупо. Меня нужно было бы остановить и наказать в назидание другим. Я просто думал, что при той реальной угрозе, что нависла надо мной, дорожное происшествие просто не может со мной случиться. Это была искусственная самоуверенность, вызванная наркотиками.

Короче, я подъехал к восточным воротам безо всяких приключений и припарковался у стоянки такси на бульваре аль-Джамаль. Мой клуб был закрыт — уже час или больше, да и

большинство остальных зданий были темны. Но здесь было полно баров, что работали после часа, и круглосуточных кафе. Множество танцовщиц после работы шли в «Бриг». Можно подумать, что, после того как восемь часов в сутки они пьют с посетителями, им уже хватит, но это не так. Они любят посидеть вместе в баре, попивая шнапс и болтая об идиотах, с которыми им пришлось говорить всю ночь.

«Бриг» был темным, холодным баром у южной стены Будайина на Седьмой улице. Я пошел туда. На дне моей души шевелилась слабая надежда, что я на кого-нибудь наткнусь. На кого-нибудь вроде Ясмин.

В «Бриге» было шумно и дымно, лампы, покрытые синим гелем, придавали всем мертвецкий вид. У стойки не было ни одного свободного табурета, потому я сел в отгороженном зале у противоположной стены. Владелец бара, Камаль Ибн аш-Шаалан, который к тому же работал за стойкой, увидел меня и подошел. Он пару раз провел по столу тряпкой, вонявшей прокисшим пивом.

— Как дела, Марид? — спросил он свом хриплым голосом.

— Прекрасно, — ответил я. — Джин, бингара и немного сока розового лайма, ладно?

— А как же. Ищешь компанию на вечер?

— Сам найду, Камаль, — сказал я.

Он пожал плечами и пошел смешивать мне питье.

Минут, может, через десять передо мной села подвыпившая предоперационная перва. Она выбрала для себя имя Танси, но по работе стоило бы называть ее Нафка. Никто не говорил ей, что значит «Нафка» на идиш.

— Угостишь выпивкой, мистер? — спросила она. — Я могу посидеть с тобой и помочь начать твой день с развлечений.

Она не помнила меня. Она думала, что я просто одна из ее старых жертв.

— Не сегодня, лапочка, — сказал я. — Я жду человека.

Она криво улыбнулась, полуприкрыв глаза:

— Тебя удивит то, чем я сумею тебя поразвлечь, Пока-Ты-Ждешь.

— Не думаю, что меня это удивит. Сейчас я не в духе. Извини.

Танси встала, слегка покачнувшись. Медленно подмигнула.

— Я знаю, какая у тебя проблема, мистер.

Она хихикнула и пошла назад, к бару.

Ну нет, моей проблемы она не знала. Однако мне не пришлось долго думать об этом, потому что из темной части клуба, из женского туалета, вывалилась Ясмин. Казалось, что на

работе она перегрузилась выпивкой, а потом еще и здесь добавила. Я встал и позвал ее. Она медленно качнула головой, как апатозавр, выискивающий, где бы пожевать травы.

— Эт-кто? — спросила она и дернулась в мою сторону.

— Марид.

— Марид! — Она слезливо улыбнулась и ввалилась в мой закуток, словно мешок с луком. Протянула руку под столом и игриво сунула ее под мою джеллабу. — Я потеряла тебя, Марид. А эта штучка у тебя там все еще есть?

— Ясмин, послушай…

— Я очень устала сегодня, Марид. Не отвезешь ли меня домой? Я малость перебрала.

— Вижу. Послушай, я на самом деле хотел поговорить с тобой о…

Она снова поднялась и встала рядом со мной, наклонившись, чтобы обнять меня за шею. Начала щекотать мое ухо языком.

— Обычно тебе это нравилось, Марид. Помнишь?

— Мне это никогда не нравилось. Ты меня с кем-то путаешь.

Руки Ясмин скользнули мне на грудь.

— Пошли, Марид. Я хочу домой. Я теперь снова живу на Четырнадцатой улице.

— Ладно, — сказал я.

Если Ясмин напьется да еще вобьет себе чего-нибудь в голову, с ней никак не сладишь. Если не сделаешь так, как хочет она. Я встал, обнял ее за плечи, убедился, что ее сумочка при ней, и не то повел, не то поволок ее из «Брига». Семь кварталов мы шли полчаса. Наконец добрались до дома. Я отыскал в ее сумочке ключи, открыл парадный вход и повел Ясмин к кровати.

— Спасибо, Марид, — нараспев проговорила она. Я разул ее и собрался было уходить. — Марид?

— В чем дело? — Я снова начал засыпать. Мне хотелось добраться до дома и забраться в постель до того, как Юссеф, Тарик или Кмузу обнаружат, что меня нет, и побегут докладывать Фридландер-Бею.

Ясмин снова позвала меня:

— Помассируй мне шею. Я вздохнул:

— Ладно, только немного.

Я начал массировать ей шею, и, пока я занимался ею, Ясмин потихоньку вылезала из своей короткой черной юбки. Затем она попыталась стащить с меня через голову джеллабу.

— Ясмин, ты пьяна, — сказал я.

— Разве ты меня не хочешь? — спросила она. — С этого у меня похмелья не будет.

Не самое теплое приглашение. Она впилась в меня долгим

поцелуем, в этом искусстве она всегда была мастером. И куда девать руки, она тоже знала. Через некоторое время мы голодно и жестоко любили друг друга. Я думаю, она уснула еще до того, как мы закончили. Затем и я дошел до изматывающего оргазма и рухнул рядом с ней.

Как мне описать начало следующего дня? Я спал неверным сном, наполовину сползая с голого матраса на кровати Ясмин. Мне снились яркие, сумасшедшие сны — остатки наркотического опьянения, и кровь моя струилась в жилах все медленнее. Я проснулся сразу, около десяти утра. Во рту было погано, голова пульсировала болью. Я не мог понять, где я, и осматривал квартиру Ясмин, надеясь найти подсказку. Наконец я уставился на ее изящную спину, тонкую талию и соблазнительные бедра. Что я делаю в ее постели? Она же ненавидит меня. Наконец я вспомнил завершение прошлой ночи. Я зевнул, отвернулся от нее и почти сразу же заснул снова.

Мне снилось, что. на меня орет моя мать. Такое мне снится часто. Внешне мы с мамой уладили все наши сложности; обиды и недопонимание остались в прошлом. Но сны говорили мне, что по большей части это лишь косметический ремонт. В глубине души я по-прежнему чувствую себя неуютно и тревожно, когда дело касается ее.

Голос моей матери становился все громче и пронзительнее, но я никак не мог понять, что взбесило ее на сей раз. Лицо ее побагровело и стало уродливым, она грозила мне кулаком. Ее грубые слова болезненно отдавались у меня в голове, и, когда она начала колотить меня по голове и плечам, я нырнул.

И проснулся. Вопила и лупила меня Ясмин. Когда-то она была высоким и хорошо сложенным молодым человеком, и потому даже после сексобменной операции оставалась опасным противником. Вдобавок на ее стороне был элемент неожиданности.

— Пошел вон! Пошел! — кричала она.

Я скатился с матраса и упал на холодный пол. Бросил взгляд на часы — было около полудня. Я не понимал, какие у Ясмин проблемы.

— Ты дерьмо, Одран! — кричала она. — Ты, слизняк блевучий, воспользовался моим состоянием!

Несмотря на то что в прошлом мы много раз занимались любовью, сколько бы мы вместе ни жили, я все еще стеснялся оставаться при ней обнаженным. Я увернулся от кулаков, затем встал, сжавшись, пытаясь скрыть свою уязвимость.

— Я не пользовался твоим положением, Ясмин, — сказал я. В голове опять свербило, но на сей раз куда сильнее. — Я наткнулся

на тебя в «Бриге» несколько часов назад. Ты попросила проводить тебя домой. Я хотел уйти, но ты стала просить меня переспать с тобой. Ты прямо-таки повисла на мне. Ты не хотела, чтобы я уходил. Она схватилась за голову и сморщилась:

— Ничего такого не помню.

Я пожал плечами и сгреб свое белье и джеллабу.

— Что я могу сказать? Я же не могу отвечать за то, что ты помнишь или не помнишь.

— Откуда мне знать, может, ты привез меня домой, а потом, когда я была в твоей власти, изнасиловал?

Я надел через голову джеллабу.

— Ясмин, — печально сказал я, — разве ты так плохо меня знаешь? Неужели я хоть раз сделал что-нибудь такое, что заставило бы тебя подумать, будто я могу кого-нибудь изнасиловать?

— Ты убивал людей, — сказала она, но уже без прежнего пыла.

Я надевал сандалию, стоя на одной ноге.

— Я не насиловал тебя, Ясмин, — сказал я. Она немного успокоилась.

— Да? — сказала она. — А как все это было? Я натянул другую сандалию.

— Это было прекрасно, Ясмин. Нам всегда было хорошо вместе. Мне не хватает тебя.

— Да? Это правда, Марид?

Я встал на колени рядом с ее матрасом.

— Послушай, — сказал я, глядя в ее темные глаза, — именно потому, что я женился на Индихар…

— Я не хочу, чтобы ты говорил о ней при мне. Мы с Индихар долгое время были подругами.

Я закрыл глаза и потер их. Затем снова посмотрел на Ясмин.

— Даже Пророк Мухаммед…

Да будет с ним мир и благословение Аллаха, — пробормотала она.

— Даже у Пророка была не одна жена. Я могу иметь четырех, жен, если смогу одинаково содержать их и хорошо обходиться с ними. У Ясмин расширились глаза.

— Ты что такое мне говоришь, Марид?

Я пожал плечами:

— Не знаю, милая. Мы с Индихар женаты только на словах. Мы хорошие друзья, но мне кажется, что она немного обижена на меня. И я не лгал, когда сказал, что мне действительно тебя не хватает.

— Ты в самом деле на мне женишься? А что скажет Индихар?

И как…

Я поднял руку. — Мне очень многое надо обдумать, — сказал я. — Нам надо собраться всем вместе и поговорить. Да и Папа может этого не одобрить. Короче, у меня встреча с имамом мечети Шимааль через два часа. Я собираюсь обелить свое имя.

Ясмин кивнула, но продолжала смотреть на меня, склонив голову набок. Я проверил, на месте ли ключи и все, что мне может понадобиться — в особенности моя аптечка. Потом пошел к парадной двери.

— Марид? — позвала она.

Я обернулся к ней.

— Я не хочу быть женой номер два. Я не хочу быть служанкой Индихар и ее детей. Я хочу, чтобы со мной обходились так же, как с нею, как говорит святой Коран.

Я кивнул.

— У нас куча времени, — сказал я. Я пересек комнату и встал на колени, чтобы поцеловать ее на прощанье. Это был долгий, нежный поцелуй, и мне было жаль прерывать его. Затем я встал, вздохнул и закрыл за собой дверь.

Йа Аллах , во что эти наркотики втянули меня сейчас?

Снаружи на улице стояло серое сырое утро. Оно полностью соответствовало моему настроению, но легче мне от этого не стало. Я пошел по улице от Четырнадцатой до восточных ворот. Я опустил голову и шел близко к витринам, надеясь, что никто меня не узнает. Я сейчас был не в настроении встречаться с Саидом Полу-Хаджем или Жаком, или еще с кем из моих старых приятелей. К тому же у меня едва оставалось время на то, чтобы вернуться домой, принять душ и сменить одежду для встречи с Абд ар-Раззаком.

И конечно, как всегда, все мои желания были вселенной по фигу. Я прошел всего полтора квартала, когда пронзительный голос возопил:

— Аль-Амин! О великий!

Я вздрогнул и обернулся. Там стоял тощий мальчишка лет пятнадцати, выше меня ростом, в драной белой рубахе и белых штанах. Казалось, его грязные ноги никогда не знали сандалий. На его грязной шее узлом была завязана кафия в красно-белую клетку.

— Да будет светло твое утро, о шейх, — радостно сказал он.

— Ну, — спросил я, — сколько тебе надо? — Я полез в карман и вытащил скомканные купюры.

Он ошарашенно посмотрел на меня, затем огляделся.

— Я не из-за денег, шейх Марид, — сказал он. — Я хотел тебе кое-что сказать. За тобой следят.

— Что? — Эта новость по-настоящему напугала меня, и я почувствовал себя несчастным. Интересно, кто привесил мне хвост — Хаджар, Абд ар-Раз-зак или Абу Адиль?

— Это правда, о шейх, — сказал парень. — Пройдемся вместе. По другую сторону Улицы, где-то в полутора кварталах позади, сидит жирный кяфир в небесно-голубой джеллабе. Не смотри на него.

Я кивнул.

— Интересно. Он что, всю ночь торчал перед домом Ясмин и ждал, пока я вылезу?

Парнишка рассмеялся:

— Мой приятель сказал, что да.

Это ошеломило меня.

— Откуда вы могли знать, где я был прошлой ночью?

— Не купишь ли мне чего поесть, отец щедрости? — попросил он.

Мне это понравилось. Мы повернули и пошли назад, к более чем приличному японскому ресторанчику «Киоши» на Четырнадцатой южной улице. Я долгим взглядом окинул здоровенного типа, который безуспешно пытался не казаться подозрительным. С виду он не был опасен, но это ничего не значило.

Мы сели в закутке, глядя на голографическую рок-группу, что появилась между нами. Хозяин ресторанчика воображал себя музыкантом, и его группа развлекала гостей у каждого стола, хочешь ты этого или не хочешь. Мы с парнишкой заказали по цыпленку хибачи. Этого хватит, чтобы поговорить.

— Ты наш защитник, ***йа Амин***, — сказал мальчишка, жадно заглатывая еду. — Всякий раз, как ты появляешься в Будайине, мы наблюдаем за тобой. У нас есть система сигналов, поэтому мы всегда знаем, где ты. Если тебе понадобится помощь, мы появимся в любой момент. Я рассмеялся:

— Я ничего не знал об этом.

— Ты сделал для нас доброе дело, открыв ночлежки и бесплатные кухни. Потому этим утром мои приятели сидели и ждали, пока ты не выйдешь от этой сексобменки Ясмин. Они заметили, что и этот кяфир тоже следит. Когда я проснулся, они рассказали мне об этом. Послушай, когда услышишь вот это, — он насвистел знакомую детскую песенку, которую знали все дети в городе, — знай — мы рядом и предостерегаем тебя. Значит, за тобой следят или тебя ищет полиция. Когда услышишь эту мелодию, тебе лучше будет на время скрыться с глаз.

Я выпрямился, обдумывая его слова. Значит, детская гвардия прикрывает мне спину. У меня сразу улучшилось настроение.

— Не знаю, как и благодарить, — сказал я.

Мальчишка развел руками.

— Не стоит благодарности, — сказал он. — Мы хотели бы сделать больше. Сейчас моя семья, конечно же, нуждается сильнее других, и потому у меня не так много времени на…

Я понял сразу же. Снова вытащил купюры и вынул сотенную. Подвинул ее к нему.

— Бери, — сказал я. — На жизнь твоим благословенным родителям.

Мальчишка взял купюру и изумленно воззрился на нее.

— Ты даже благороднее, чем рассказывают, — пробормотал он и быстро убрал деньги.

Ну, уж благородным я себя никак не чувствовал. Я дал парнишке несколько баксов во имя собственных интересов, и сотня киамов не слишком облегчила мой банковский счет.

— Хорошо, — сказал я, — доедай. Мне надо идти. Я буду бдительным. Как тебя зовут?

Он посмотрел мне прямо в глаза:

— Я Гази, о шейх. Когда услышишь два коротких низких свистка, а затем один высокий и длинный, это значит, что один парень передает дежурство другому. Будь осторожен, аль-Амин. Мы, жители Будайина, зависим от тебя.

Я погладил его по длинным грязным волосам.

— Не беспокойся, Гази. Я слишком люблю себя, чтобы умереть. В мире слишком много прекрасного, чего я не успел изведать. И лишь некоторые важные дела держат меня здесь.

— Такие, как деньги, спиртное, карточная игра и Ясмин? — хмыкнув, спросил он.

— Эй, — сказал я, — ты слишком много обо мне знаешь!

— О, — весело сказал он, — все в Будайине знают об этом!

— Какой ужас, — пробормотал я.

Я снова прошел мимо жирного типа, который засел напротив японского ресторанчика, и двинулся по Улице к восточным воротам. За спиной и впереди меня кто-то насвистывал детскую песенку. Всю дорогу я шел ссутулившись, словно в любой момент мне могли всадить пулю в зад. Тем не менее я спокойно дошел до другого конца окруженного стеной квартала, и никто на меня не набросился. Я сел в машину и увидел, что у меня на хвосте повисло такси. Мне было все равно — я ехал домой.

Я крался по лестнице вверх, надеясь, что ни на кого не нарвусь, но удача снова повернулась ко мне спиной. Сначала мне попались Тарик и Юссеф. Они не сказали ни слова, но лица у них были мрачны, и ничего доброго это не предвещало. Я почувствовал себя бесполезным наследником-пьяницей,

пускающим по ветру деньги большой семьи. Когда я добрался до своей комнаты, меня в дверях встретил Кмузу.

— Хозяин дома очень, сердит, ***йа Сиди***, — сказал он.

Я кивнул. Этого я и ожидал.

— Что ты ему сказал?

— Я сказал, что ты рано встал и ушел. Я сказал хозяину дома, что не знаю куда.

Я облегченно вздохнул.

— Хорошо, когда снова будешь говорить с Папой, скажи ему, что я ушел с Жаком, чтобы посмотреть, как идут дела с нашим проектом цифровой связи.

— Но это же ложь, ***йа Сиди***. Я знаю, где ты был.

Мне стало любопытно, как он об этом узнал.

Может, жирный чернокожий, который висел у меня на хвосте, работал вовсе не на плохих парней?

— Разве ты не можешь чуть-чуть приврать? Разок? Ради меня?

Он сурово посмотрел мне в глаза.

— Я христианин, ***йа Сиди***, — только и сказал он.

— Все равно, спасибо, — сказал я и протиснулся мимо него в ванную.

Я долго стоял под горячим душем, чтобы тугие струи промассировали мою гудящую шею и плечи. Я вымыл голову, побрился, постриг бородку. Мне стало получше, хотя я и спал всего несколько часов. Я долго рылся в своем гардеробе, решая, что лучше надеть для встречи с имамом. Из некоего упрямства я выбрал консервативный деловой костюм голубого цвета. Я теперь почти не носил европейской одежды и, даже когда мне приходилось это делать, я избегал деловых костюмов. Кмузу пришлось повязать мне галстук — я не знал, как это делается, и упорно Не хотел этому учиться.

— Может, поешь, ***йа Сиди***! — спросил он.

Я посмотрел на часы.

— Спасибо, Кмузу, но у меня почти не осталось времени. Не будешь ли так любезен отвезти меня?

— Конечно, ***йа Сиди***.

Почему-то я вовсе не боялся встретиться лицом к лицу с доктором Садиком Абд ар-Раззаком, имамом самой, большой церкви в городе и одним из передовых церковных мыслителей. Это было хорошо, потому что, готовясь к встрече, мне не пришлось глотать таблетки и капсулы. Трезвый, в здравом уме, я имел шанс выйти от имама с головой на плечах.

Кмузу припарковался рядом с другой машиной на улице у западной стены мечети, а я побежал под дождем по стертым гранитным ступеням. Я сбросил ботинки и углубился в темноту

комнат, ассиметрично располагавшихся под высокими сводчатыми потолками. В одной из комнат с колоннами учителя в традиционных одеждах преподавали религиозную мудрость группе серьезных мальчиков. В других молились поодиночке или небольшими компаниями. Я прошел через длинную холодную колоннаду в заднюю часть мечети, где была приемная имама.

Сначала я поговорил с секретарем, который сказал мне, что доктор Садик Абд ар-Раззак примет меня чуть попозже. Он пригласил меня подождать в маленькой комнате для посетителей. Одно из ее окошек выходило во внутренний дворик, но стекло было таким мутным, что я едва мог видеть сквозь него. Эта комната напомнила мне о тех визитах к Фридландер-Бею, когда я еще не жил в его доме. Мне всегда приходилось просиживать штаны в приемных вроде этой. Я не понимал — может, это у богатых и сильных просто развлечение такое?

После получасового ожидания секретарь открыл дверь и сказал, что сейчас имам меня примет. Я встал, глубоко вздохнул, одернул костюм и пошел вслед за секретарем. Он открыл тяжелые, украшенные затейливой резьбой деревянные двери, и я вошел внутрь.

Доктор Садик Абд ар-Раззак поставил свой огромный стол в самом темном углу комнаты, и, когда он сидел там в мягком кожаном кресле, я почти не видел его лица. На столе у него стояла лампа под зеленым абажуром, но когда я сел по его знаку, лицо имама снова растворилось в неразличимой тьме.

Я ждал, что он заговорит первым. Немного повозился в кресле, повертел головой, глядя по сторонам, — повсюду на полках вплоть до потолка были одни только книги. В комнате стоял особенный запах старой пожелтевшей бумаги, сигарного дыма и хвойного чистящего средства.

Он некоторое время смотрел на меня. Затем наклонился вперед, и лампа осветила нижнюю часть его лица.

— Мсье Одран, — сказал он скрипучим старческим голосом.

— Да, о мудрый.

— Ты оспариваешь свидетельства, которые говорят, что вы с Фридландер-Беем убили офицера Халида Максвелла. — Он побарабанил пальцами по голубой картонной папке.

— Да, я оспариваю их, о мудрый. Я никогда не видел убитого патрульного. Ни я, ни Фридландер-Бей не имеем к этому случаю никакого отношения.

Имам вздохнул и откинулся в кресле, исчезнув из круга света.

— Ты должен знать, что против вас есть серьезные улики. У нас есть свидетель.

Этого я еще не слышал.

— Да? И кто же это? И почему вы думаете, что ему можно верить? Потому, мсье Одран, что свидетель — лейтеант полиции. Лейтенант Хаджар.

— Сын ослицы! — воскликнул я. Затем взял себя руки. — Простите, о мудрый.

Он отмахнулся.

— Дело сводится к следующему: ваше слово против слов высокопоставленного офицера полиции. Я должен вынести свое суждение в соответствии с законами Ислама, согласно надлежащей гражданской процедуре и в меру своих малых способностей отличать правду ото лжи. Должен вас предупредить, что если вы не представите решающего доказательства вашей невиновности, то суд вне всякого сомнения решит дело не в вашу пользу.

— Я понимаю, имам Абд ар-Раззак. Нам еще горы перекапывать в поисках этого. Мы надеемся представить вам доказательство, которого будет достаточно, чтобы изменить ваше мнение.

Старик несколько раз хрипло кашлянул.

— Надеюсь, что вы это сделаете — для вашего же блага. Но будьте уверены, что в первую очередь я буду заботиться о том, чтобы правосудие свершилось.

— Да, о мудрый.

— Чтобы закончить, я хочу знать, каковы ваши непосредственные планы, равно и то, как продвигается ваше расследование?

— Вот оно. Если бы имам был так шокирован моей настойчивостью, он мог бы наложить вето на расследование, и тогда я был бы, как говорится, дюной без тени.

— О мудрый, — медленно заговорил я, — мы обратили внимание на то, что не было проведено надлежащей аутопсии тела Халида Максвелла. Я бы хотел эксгумировать тело, предоставив это городскому коронеру.

Я не мог видеть выражения лица имама, но услышал его тяжелое дыхание.

— Вы же знаете, что Аллах приказывает хоронить мертвых немедленно.

Я кивнул.

— Эксгумация дозволяется только в чрезвычайных и неотложных случаях.

Я пожал плечами.

— Смею ли напомнить вам, о мудрый, что отаутопсии могут зависеть моя жизнь и жизнь Фридландер-Бея. Я уверен, что, даже

если вы не согласитесь, на эксгумацию согласится шейх Махали.

Имам ударил по столу своей морщинистой рукой.

— Попридержи язык, мальчишка! — прошипел он. — Ты собираешься действовать через мою голову? Хорошо, в этом нет нужды. Я дозволяю эксгумацию. Но взамен я требую, чтобы доказательства были представлены не позднее чем через две недели, а не через месяц, как было заявлено раньше. Люди города больше не могут терпеть проволочек.

Он склонился над столом и взял чистый лист бумаги. Написал короткую записку и поставил свою подпись.

Абд ар-Раззак сделал наше оправдание почти невозможным. Две недели! Мне это вовсе не нравилось. Нам и двенадцати не хватило бы. Я просто встал, чуть опустил голову и сказал:

— Тогда, с вашего позволения, о мудрый, я пойду прямо к коронеру Будайина. Я не хочу более отнимать у вас время.

Я не видел его, а он больше ничего мне не сказал. Просто протянул мне лист бумаги. Я посмотрел: это был официальный приказ провести аутопсию тела Халида Максвелла до истечения двухнедельного срока.

Я еще несколько минут постоял в его темном кабинете, чувствуя себя все более и более неуютно. Наконец я подумал: «Да хрен с ним», и пошел прочь. Я торопливо прошел через обширную мечеть, обулся и сел в машину позади Кмузу.

— Отвезти тебя домой, ***йа Сиди?*** — спросил он.

— Нет, — ответил я. — В Будайин.

Он кивнул и завел мотор. Я откинулся на спинку заднего сиденья и стал думать о том, что я узнал. Хаджар заявляет, что он свидетель? Что ж, я подозревал, что сумею поколебать его показания. Как бы там ни было, я чувствовал себя не так уж плохо. Даже поздравил себя с тем, что так удачно уладил дело с Абд ар-Раззаком.

Затем я получил два телефонных звонка, которые испортили мое прекрасное, свежее настроение.

Первый звонок был насчет денег.

— Мистер Марид Одран? Это Кирк Адван из банка «Дюны».

В этом банке у меня был счет.

— Ну? — осторожно спросил я.

Мы получили чек от Фарука Гуссейна на двадцать четыре сотни киамов. На оборотной стороне стоит ваша передаточная надпись. Она, так же как и имя мистера Гуссейна, написана вашей рукой.

— Ох… Чек, который бедный Фуад передал Жаку. Жак ждал оплаты чека, затем снял двадцать четыре сотни киамов и отдал их Фуаду.

— Ну? — сказал я.

Мистер Одран, мистер Хуссейн заявил, что чек краденый. Мы не хотим возбуждать дела, но если вы не внесете двадцать четыре сотни до пяти часов завтрашнего дня, то мы вынуждены будем привлечь полицию. Вы можете посетить любое наше отделение.

— Минуточку!

Поздно. Адван повесил трубку. Я закрыл глаза и молча выругался. Что это, какой-то наезд? Фуад слишком глуп, чтобы затеять что-нибудь сложное. Не замешан ли в этом Жак? А, все равно. Я доберусь до сути, и кто бы ни был в этом виноват, он сильно пожалеет. Лучше бы ему привыкнуть дышать мелким желтым песком.

Я был разъярен. Я даже начал что-то бормотать себе под нос. Примерно через час, когда мы с Кмузу собирались перекусить в кафе «Солас», снова раздался звонок.

— Ну? — нетерпеливо сказал я.

— А, это ты, Одран.

Это был лейтенант Хаджар, очевидец преступления.

— Мне кое о чем надо поговорить с тобой, Хаджар, — резко сказал я.

— Подожди своей очереди, ***нораф***. Скажи-ка мне, не было ли у тебя назначено сегодня встречи с имамом Садиком Абд ар-Раззаком?

— Откуда ты знаешь? — сузил я глаза.

Хаджар фыркнул:

— Я много чего знаю. Короче, мне интересно услышать от тебя, как случилось так, что через час после твоего ухода секретарь снова вошел к имаму и нашел святого человека мертвым, лежащим на полу с полудюжиной отравленных стрел от игломета в груди?

Я уставился на Кмузу.

— Эй? — ласково сказал Хаджар. — Мистер подозреваемый? Не заедешь ли в участок сразу, как тебе будет удобно?

Я просто прицепил телефон к поясу. Теперь у меня оставалось две недели вместо месяца, чтобы доказать свою невиновность, да и неприятностей было больше некуда. Я сунул руку в карман, чтобы достать аптечку, — в конце концов, это был один из тех случаев, когда незаконные наркотики были предписаны определенно, но они остались в моей джеллабе.

«*Что бы предпринял в такой ситуации шейх Хассанейн*?» — спросил я себя. К несчастью, ответ был только один: *удрал бы в бескрайние пески Руб-аль-Хали*.

Может, это и не такая плохая идея…

Глава 14

Я занялся обеими главными проблемами в тот же день, что еще раз подтвердило, что я сильно повзрослел. В прежние дни я просто залег бы в своей спальне, погрузился в соннеиновый дурман и на день-два забросил бы свои проблемы, пока ситуация не превратилась бы в критическую. С тех пор я усвоил, что куда проще разобраться с неприятностями, пока еще горит желтый свет.

Прежде всего мне нужно было решить, какая проблема поджимает сильнее. Что спасать в первую очередь — свою жизнь или кредитный счет? Ладно, со своим банкиром я всегда был в хороших отношениях — особенно с тех пор, как стал Папиным младшим администратором и начал получать пухлые конверты, набитые купюрами. Я решил, что банк «Дюны» сможет подождать пару часов, а вот у лейтенанта Хаджара терпения может и не хватить.

Когда Кмузу подвез меня к полицейскому участку на улице Валида аль-Акбара, все еще моосило. Как обычно, мне пришлось пробиваться через толпу чумазых мальчишек, которые сбились вокруг меня и громко требовали свой бакшиш. Я не понимал, почему мальчишки толкутся здесь, у полицейского участка, а не у отеля «Палаццо Марка Аврелия», где живут богатые туристы. Может, они думают, что у людей, выходящих из полицейского участка или входящих в него, другие мысли на уме и они окажутся более щедрыми? Не знаю. Я просто бросил на мостовую несколько киамов, и мальчишки рванулись к деньгам. Поднимаясь по лестнице, я услышал, как один из них насвистывает детскую песенку.

Я поднялся по лестнице в стеклянный кабинет лейтенанта Хаджара в самом центре детективного отдела. Он говорил по телефону, потому я просто вошел и сел на неудобный деревянный стул рядом с его столом. Я взял пачку Хаджаровой почты и стал ее просматривать, пока он с рассерженным видом не вырвал бумаги у меня из рук. Затем он пролаял в трубку несколько слов и бросил ее.

— Одран, — низко, плотоядно протянул он.

— Лейтенант, — сказал я, — в чем дело? Он встал и походил немного.

— Ты станешь на одну голову короче гораздо раньше, чем думаешь.

Я пожал плечами:

— Из-за того, что Абд ар-Раззак на две недели урезал время,

которое нам дали для того, чтобы обелить себя?

Хаджар перестал расхаживать, повернулся ко мне, и его рожа расползлась в злобной ухмылке.

— Да нет, козел тупой, — сказал он. — Из-за того, что весь город набросится на тебя за убийство святого человека. Они с зажженными факелами вытащат тебя из постельки и разорвут на кусочки. Тебя и Фридландер-Бея. Ну, и из-за времени тоже.

Я прикрыл глаза и устало вздохнул:

— Я не убивал имама, Хаджар.

Он снова сел за стол.

— Подойдем к вопросу научно. У тебя в два часа была назначена встреча с имамом. Секретарь сказал, что ты вошел к нему около четверти третьего. Ты пробыл у него в кабинете не более пятнадцати минут. До половины четвертого никаких посетителей не было. Когда секретарь вошел к нему в половине четвертого, доктор Абд ар-Раззак был мертв.

— Целый час был для того, чтобы кто-то прошел мимо секретаря и убил этого сукиного сына, — спокойно сказал я.

Хаджар покачал головой.

— Это случай закрытой комнаты, — сказал он. — Ты не успеешь раскопать что-нибудь насчет Халида Максвелла.

Это начинало меня раздражать. Не страх, не тревога — просто раздражение.

— Ты спрашивал секретаря, не уходил ли он куда в течение этого часа? Ты спрашивал его, не видел ли он кого-нибудь еще в это время?

Хаджар покачал головой.

— А зачем? — сказал он. — Случай закрытой комнаты.

Я встал.

— Значит, ты говоришь мне, что теперь мне придется доказывать свою невиновность по двум убийствам?

— И очень резво. Мы не собираемся объявлять об убийстве имама до утра, поскольку эмир хочет, чтобы мы сначала подготовились к возможным беспорядкам. А они будут, и еще какие. Сам знаешь. И ты будешь давать показания посреди взбешенной толпы, из железной клетки, это я тебе обещаю. Если Фридландер-Бей хочет отмыться от убийства Халида Максвелла, ему придется делать это в одиночку. Через несколько дней ты будешь трупом, разве только не удерешь из города. И уж поверь мне, тебе это будет чертовски сложно сделать, потому что за тобой все время следят.

— Знаю, — сказал я. — Этот жирный черномазый.

Хаджар смутился.

— Ну, — сказал он, — он, конечно, не из лучших.

Я пошел к двери. Все эти визиты к Хаджару ничего не стоили.

— Пока, — бросил я через плечо.

— Ни за что не хотел бы сейчас оказаться в твоей шкуре. Я долго ждал этого момента, Одран. Куда ты направишься?

Я обернулся.

— О, я намеревался заскочить в офис медэксперта в Будайине. Я получил от имама разрешениена эксгумацию тела Халида Максвелла.

Он побагровел и надулся как шар.

— Что? — заорал он. — Нет! Только не на моем участке! Не позволю!

Я улыбнулся.

— Жизнь — тяжелая штука, лейтенант, — сказал я, показывая ему официальное «добро», полученное от Садика Абд ар-Раззака. Я не доверял Хаджару настолько, чтобы позволить ему прикоснуться к документу. — Это все, что мне нужно. А если дойдет до худшего, я, если придется, попрошу шейха Махали придержать тебя на коротком поводке.

— Максвелл? Эксгумация? Какого черта? — завопил Хаджар.

— Говорят, что жертвы убийства сохраняют образ своего убийцы на сетчатке глаз даже после смерти. Слышал когда-нибудь такое? Возможно, я узнаю, кто убил патрульного, ***иншалла***.

Хаджар ударил кулаком по столу.

— Это все предрассудки!

Я пожал плечами:

— Не знаю. По-моему, стоит попробовать. Пока.

Я вышел из кабинета лейтенанта, оставив его курить и пыхтеть в одиночестве.

Я сел в машину. Кмузу обернулся и спросил:

— Ты в порядке, ***йа Сиди!*** — спросил он.

— Новые неприятности, — хмыкнул я. — Тут в десяти кварталах по бульвару есть отделение банка «Дюны». Мне надо кое-кого там повидать.

— Хорошо, ***йа Сиди***.

Пока мы пробирались по забитой машинами улице, я соображал, сможет ли Хаджар и в самом деле пришить мне убийство имама. По крайней мере, у меня была возможность, да и мотив был. Достаточно ли этого, чтобы на законном основании открыть дело? При том, что я, кроме настоящего убийцы, был, вероятно, последним, кто видел живым доктора Садика Абд ар-Раззака?

Следующая мысль отрезвила меня. Хаджару и не требуется законное обвинение. Завтра утром две тысячи скорбящих

мусульман будут оплакивать жестокое убийство своего религиозного лидера. Все, что нужно сделать, — это пустить слушок о том, что во всем виноват я, и я отвечу за убийство, не успев даже предстать перед исламским судом. Мне не дадут и слова сказать в свое оправдание.

Я плюнул на дождь. После заявления Хаджара мне стало наплевать даже на двадцать четыре сот-ни киамов. Я вошел в банк и огляделся. Играла тихая музыка, в воздухе витал тонкий аромат роз. В вестибюле банка все было сделано из стекла и нержавейки. Справа за стойками сидели люди, слева стояли кассовые аппараты. Напротив меня находились столы банковских служащих. Я подошел к секретарше и подождал, пока она обратит на меня внимание.

— Могу ли я чем-нибудь помочь вам, сэр? — устало спросила она.

— Сегодня утром мне звонил мистер Кирк Адван…

— У мистера Адвана сейчас посетитель. Подождите немного, он займется вами позже.

Ох, — сказал я. Я неуклюже опустился на банкетку и склонил голову на грудь. Я снова пожалел, что при мне нет аптечки или модиков. Хорошо было бы на некоторое время удрать в чье-нибудь «я».

Наконец посетитель Адвана ушел. Я встал и пошел по ковру. Адван подписывал бумаги.

— Минуточку, — сказал он. — Садитесь.

Я сел. Мне просто хотелось поскорее покончить с этим глупым делом.

Адван закончил, поднял на меня пустой взгляд, секунду смотрел, затем одарил меня своей официальной улыбкой.

— Чем могу служить? — чарующим голосом проговорил он.

— Вы звонили мне сегодня утром. Мое имя Марид Одран. Тут какие-то сложности с чеком на двадцать четыре сотни киамов.

Улыбка исчезла с лица Адвана.

— Да, помню, — сказал он чрезвычайно холодным голосом. — Мистер Фарук Хуссейн заявил, что чек краденый. Когда чек поступил в банк, на нем были только его подпись и ваша на обороте.

— Я не крал чек, мистер Адван. Я не депонировал его.

Он кивнул:

— Конечно, сэр. Если вы так говорите. Тем не менее я сказал вам по телефону, что, если вы не оплатите чек, нам придется передать дело в суд. Боюсь, что в этом городе подобное воровство карается сурово. Очень сурово.

— Я намерен оплатить чек, — сказал я. Я сунул руку в

карман и вытащил бумажник. Там было около пяти тысяч киамов наличными. Я отсчитал двадцать четыре сотни киамов и пододвинул к нему деньги.

Адван сгреб их, пересчитал и извинился. Он встал и вышел в дверь с надписью: «Посторонним вход воспрещен».

Я ждал. Интересно, что теперь будет? Может, Адван вернется с кучей вооруженных банковских охранников? Лишит меня банкомата и кредитной карточки? Или привлечет к обвинению всех остальных служащих банка? Мне все было по фигу.

Адван вернулся к своему столу и сел, сложив руки перед собой.

— Мы рады, — сказал он, — что вы правильно решили эту проблему.

На миг повисло неловкое молчание.

— Скажите, — спросил я, — откуда мне знать, что этот чек действительно краденый? Вы просто позвонили мне по телефону, сказали, что это так, я пришел сюда и передал вам двадцать четыре сотни киамов. Вы забрали их и ушли, а когда вы вернулись, денег уже нет. Откуда мне знать, что вы не положили их на свой счет?

Он несколько секунд, моргая, пялился на меня. Затем открыл ящик стола, вынул тонкую картонную папку и просмотрел бумаги. Посмотрел мне прямо в глаза и пробормотал комкод в телефонную трубку.

— Держите, — сказал он мне, — поговорите с самим мистером Гуссейном.

Я подождал, пока на том конце отозвались.

— Алло? — сказал я.

— Алло, кто говорит?

— Меня зовут… впрочем, не имеет значения. Я звоню из отделения банка «Дюны». Ко мне неким образом попал чек на ваше имя.

— Ты его спер, — хрипло ответил Гуссейн.

— Не я, — сказал я. — Один из моих партнеров по бизнесу пытался оказать услугу своему другу и попросил меня подписать этот чек и оплатить его.

— Ты даже врать как следует не умеешь, мистер.

Я снова начал злиться.

— Слушай, приятель, — терпеливо продолжал я, — у меня есть товарищ по имени Фуад. Он сказал, что хотел купить у тебя фургон, но ты продал его…

— Фуад? — с подозрением сказал Гуссейн. А затем подробно описал мне Фуада аль-Манхуса от его грязных волос до разбитых ботинок.

— Откуда ты его знаешь? — изумленно спросил я.

— Это мой шурин, — сказал Гуссейн. — Иногда он ночует у меня. Наверное, я оставил этот чек на видном месте, а Фуад решил его стянуть. Я этому тощему ублюдку руки поотрываю!

— М-да, — сказал я, все еще не понимая, как Фуад сумел сочинить такую правдоподобную историю. Я скорее бы предпочел, чтобы меня одурачили, чем поверил бы в то, что он на это способен. — Похоже, он облапошил нас обоих.

— Ладно, я-то получу свои деньги назад. Вы оплатили чек?

Я понял, к чему он клонит.

— Да, — ответил я.

Гуссейн рассмеялся:

— Тогда пусть вам повезет вытрясти эти деньги из Фуада. У него никогда и пары киамов не было. Если он уже просадил двадцать четыре сотни, то можете о них забыть. Возможно, он уже смылся из города.

— Да, вы правы. Рад, что мы все уладили.

Я повесил трубку. Позже, когда я разделаюсь с главными своими проблемами, я разберусь и с Фуадом.

Хотя я чуть ли не восхищался тем, как он все это устроил. Он использовал против меня мою же собственную предвзятость — против него и Жака. Мы поверили ему потому, что считали его слишком тупым, чтобы обвести нас вокруг пальца. Несколько недель назад меня обдурил бедуинский жулик, а теперь еще и Фуад. Гордиться нечем.

— Сэр? — спросил Адван.

Я передал ему трубку.

— Все в порядке, я во всем разобрался, — сказал я ему. — У нас с мистером Гуссейном есть один близкий друг, который попытался подставить нас обоих.

— Да, сэр, — ответил Адван. — Банк заботитлишь то, чтобы чек был оплачен надлежащим образом.

Я встал.

— Да пошел он на хрен, ваш банк, — сказал я. Я даже подумал, не забрать ли у них все свои деньги. С одной стороны, этот банк меня весьма устраивал. С другой стороны, очень хотелось дать по морде этому сопливому Кирку Адвану.

День был длинный, а в квартире Ясмин я поспал недолго. Я начал уставать. Сев в машину, сказал себе: «Вот сейчас проверну еще одно дельце, а потом поеду в свой бар и буду сидеть за стойкой и смотреть на обнаженные женские фигурки, дергающиеся под музыку».

— Домой, ***йа Сиди?*** — спросил Кмузу.

— Нет старику мне покоя, — сказал я, закинув голову и

растирая виски. — Назад, к восточным воротам Будайина. Мне надо поговорить с медэкспертом, а потом я собираюсь посидеть несколько часов в баре у Чириги. Надо немного отдохнуть.

— Да, ***йа Сиди***.

— Пойдем со мной. Ты сам знаешь — Чирига тебе будет рада.

В зеркале заднего обзора я увидел, как сузились глаза Кмузу.

— Я подожду тебя в машине, — сурово сказал он. Ему на самом деле претило внимание Чири.

Или, может быть, нравилось и одновременно тяготило.

— Я просижу там несколько часов, — сказал я. — Вероятно, до самого закрытия.

— Тогда я поеду домой. Ты можешь вызвать меня, когда тебе будет угодно.

До бара было всего несколько минут езды по бульвару. Я вышел из машины, наклонился и попрощался с Кмузу. Постоял под теплым моросящим дождем, глядя вслед кремовому седану. Честно говоря, я не слишком торопился к медэксперту. Не особо люблю покойников.

Но именно покойников я и увидел, когда вошел в морг, что был как раз за воротами на углу Первой и Главной улицы. В городе было два морга: один, обслуживавший весь город, располагался где-то в другом месте, а этот занимался исключительно Будайином. Квартал за стенами поставлял покойников дальше некуда. Единственное, чего я не мог понять, так это почему морг располагается на восточной окраине Будайина, а кладбище — у западной стены. Наверное, было бы удобнее, если бы они оказались поближе друг к другу.

Я уже несколько раз бывал в морге. Мы с приятелями называли его «комнатой ужасов», потому что все ужасы, которые только можно себе вообразить, там имелись. Морг был тускло освещен, вентиляция там была очень плохая. Сырой горячий воздух вонял нечистотами, мертвечиной и формальдегидом. В отделении медэкспертизы было двенадцать подвалов, в которых лежали трупы, однако умерших естественной смертью, жертв несчастных случаев и погибших в результате нанесенных увечий было так много, что уже до полудня эти подвалы бывали забиты. Поступившие позже лежали штабелями на разбитом и грязном кафельном полу, дожидаясь своей очереди.

Главный медицинский эксперт и два его помощника пытались как-то регулировать этот жуткий поток. Второй великой проблемой была грязь, но ни у кого из трех сотрудников не было времени на то, чтобы протереть полы. Лейтенант Хад-жар иногда посылал сюда заключенных, но никто из них сюда особенно не рвался. Поскольку строители этих подвалов для трупов не

позаботились о стоке, приходилось каждый день убирать их вручную. Подвалы были великолепным рассадником разнообразных микробов и бактерий. Несчастные заключенные возвращались в тюрьму, подцепив какую-нибудь заразу — от туберкулеза до менингита, — с которой прекрасно справлялись в любом другом месте.

Ко мне подошел один из ассистентов. Лицо у него было измученное.

— Чем могу вам помочь? — спросил он. — Вы ищете труп или что еще?

Я инстинктивно попятился. Боялся, что он коснется меня.

— У меня разрешение от имама мечети Шима-аль на эксгумацию трупа. Это жертва убийства. Труп не подвергался официальной аутопсии.

— Эксгумация, ох-ох, — проговорил ассистент, приглашая меня следовать за собой.

Я прошел в отделанное кафелем помещение. На одном из двух металлических столов лежал труп. Его освещал свет из грязного, треснувшего потолочного окна и мерцавшие флюоресцентные лампы.

От формальдегида у меня начало резать глаза и потекло из носа. Я был рад, когда увидел, что ассистент ведет меня к добротной деревянной двери в конце прозекторской.

— Сюда, — сказал он. — Док придет через несколько минут. Он обедает.

Я втиснулся в крохотный кабинетик. Он был весь заставлен полками. На столе кучей лежали всякие папки, книги, компьютерные пузырьковые платы и Аллах ведает что еще. За столом стояло кресло, окруженное еще большими горами бумаг, книг и коробок. Я сел в кресло. Подвинуть его было некуда. Я чувствовал себя в этом темном закутке как в ловушке, но здесь, по крайней мере, было лучше, чем в предыдущей комнате.

Через некоторое время вошел медэксперт. Он глянул на меня поверх очков в толстой оправе.

Купить себе новые глаза теперь настолько просто и дешево — прямо в Будайине есть пара приличных магазинов, — что людей в очках встретишь нечасто.

— Я доктор Бешарати. Это вы пришли насчет эксгумации?

— Да, сэр, — ответил я.

Он сел. За этим бардаком на его столе я едва мог его разглядеть. Он взял с пола флейту и снова выпрямился в кресле.

— Я должен провести это через офис лейтенанта Хаджара, — сказал он.

Я уже был у него. Я получил разрешение на посмертную

эксгумацию от имама Абд ар-Раззака.

— Тогда я позвоню имаму, — сказал медэксперт и взял несколько нот на флейте.

— Имам мертв, — бесцветным голосом произнес я. — Но вы можете позвонить его секретарю.

— Извините? — ошеломленно посмотрел на меня доктор Бешарати.

— Его убили сегодня днем. После того как я вышел из его кабинета.

— Да будет с ним мир и благословение Аллаха, — сказал он. Затем что-то побормотал себе под нос. Наверное, молился. — Это ужасно. Чудовищно. Убийцу схватили?

Я покачал головой:

— Нет, еще нет.

— Чтобы его в куски разорвали! — сказал доктор Бешарати.

— Это насчет аутопсии Халида Максвелла. — Я протянул ему приказ, подписанный покойным доктором Абд ар-Раззаком.

Он положил свою флейту на пол и принялся рассматривать документ.

— Да, конечно. А зачем вам это нужно?

Я выдал ему всю историю. Почти все время, пока я рассказывал, он изумленно смотрел на меня, но когда я упомянул о Фридландер-Бее, он сразу же очнулся. Папино имя часто оказывало на людей магический эффект.

Наконец доктор Бешарати встал и протянул мне руку через стол.

— Прошу вас, передайте Фридландер-Бею мое почтение, — нервно сказал он. — Я сам прослежу за эксгумацией. Ее сделают прямо сегодня, иншалла. Что касается аутопсии, то я ее сделаю завтра к семи утра. Я хотел бы закончить до полуденной жары. Понимаете?

— Конечно, — ответил я.

— Хотите присутствовать? В смысле при аутопсии.

Я задумчиво пожевал губу.

— Сколько времени это займет?

Медэксперт пожал плечами:

— Пару часов.

Судя по репутации доктора Бешарати, он был одним из тех, кому мы с Фридландер-Беем могли доверять. И все же я хотел, чтобы он сам доказал это.

— Тогда я приду около девяти, и вы сможете дать мне отчет. Если найдете что-нибудь такое, что, по вашему мнению, мне стоит увидеть, то покажете. А в остальном — не вижу смысла толкаться у вас под ногами.

Он вышел из-за стола, взял меня за руку и повел в «комнату ужасов».

— Думаю, что вы правы, — сказал он.

Я поспешил впереди него в приемную.

— Благодарю вас за то, что вы нашли время помочь мне, — сказал я.

Он махнул рукой:

— Пустяки. В прошлом Фридландер-Бей не раз помогал мне. Возможно, завтра, когда мы покончим с Максвеллом, вы позволите провести для вас маленькую экскурсию по моим владениям?

Я уставился на него.

— Посмотрим, — наконец сказал я.

Он вынул платок и вытер нос.

— Полностью вас понимаю. Я тут работаю двадцать лет, а ненавижу это место как в первый день.

Он покачал головой.

Выйдя наружу, я принялся глотать свежий воздух, словно утопающий. Теперь мне еще сильнее хотелось выпить.

Двигаясь по Улице, я слышал вокруг себя пронзительный свист. Я улыбнулся. Мои ангелы-хранители были на страже. Стоял ранний вечер, клубы и кафе начали заполняться. Среди посетителей попадались нервные туристы, не знающие, смогут ли они остаться в живых, если просто посидят где-нибудь за пивом. Вероятно, они скоро это узнают. Но это будет суровый урок.

Когда я вошел в бар Чири, ночная смена только что приступила к работе. Мне сразу же полегчало. На сцене под сикхскую агитационную песню зажигательно танцевала Кэнди. Это была музыка такого типа, от которой мне сразу же хотелось поскорее убраться куда-нибудь.

— ***Джамбо***, мистер Босс! — приветствовала меня Чири.

На лице ее вспыхнула улыбка.

— Как дела, милашка? — ответил я. Я сел у дальнего конца стойки.

Чири смешала «Белую смерть» и принесла мне.

— Готовишься к еще одной волшебной ночке на Улице? — спросила она, шлепнув передо мной корковый поднос и устанавливая сверху стакан.

Я нахмурился.

— Ничего волшебного в этом не вижу, — ответил я. — Та же самая занудная музыка, те же безликие посетители.

Чири кивнула.

— Деньги тоже всегда те же самые, но я же не выбрасываю их из-за этого.

Я обвел взглядом клуб. Трое моих приятелей: Жак, Саид Полу-Хадж и Махмуд — сидели за столом в переднем углу и играли в карты. Это было редкое явление, поскольку Полу-Хадж не особенно любил смотреть на танцовщиц, Жак был воинствующим гетеросексуалом и едва мог говорить с первами и сексобменами, а Махмуду — насколько я его знал — вообще было все равно. Вот поэтому они большую часть своего времени просиживали в кафе «Солас» или в патио «Карготье».

Я подошел к ним, дабы приветствовать их в моем скромном заведении.

— Как дела? — спросил я, пододвигая себе стул.

— Отлично, — сказал Махмуд.

— Скажи, — спросил Жак, рассматривая свои карты, — что там за шухер был у Френчи с этой девчонкой, Теони?

Я почесал голову.

— В смысле, когда она вскочила и начала вопить? Да просто клиент, которого она так обхаживала, преподнес ей подарочек, помнишь? Когда он ушел от Френчи, она открыла сверток и нашла там детский альбом. А в нем кучу очаровательных детских фотографий и нечто вроде дневника первых месяцев жизни ребенка. Оказалось, что тот тип — отец Теони. Его жена сбежала от него вместе с дочкой, когда той было восемь месяцев от роду. Ее отец потратил много времени и денег, чтобы найти девушку.

Полу-Хадж покачал головой:

— Теони, наверное, удивилась.

— Да уж, — ответил я. — Ей стало стыдно от того, что отец увидел, где она работает. Он дал ей на чай сто киамов и пообещал вскоре вернуться. Теперь она знала, почему ему было так неудобно, когда она пыталась расшевелить его.

— А мы пытались поиграть тут в карты, Магрибинец, — сказал Махмуд. Очарователен он был, прямо как ржавая бритва. — Я слышал, что ты собираешься эксгумировать этого дохлого копа?

Меня удивило, что новости уже успели разлететься повсюду.

— Ну, и что ты об этом думаешь? — спросил я.

Махмуд твердо смотрел на меня несколько секунд.

— Да мне на это больше чем наплевать.

— Во что играете?

— В буре, — ответил Саид. — Учим христианина.

— Дорогой урок, — сказал Жак.

Буре — игра спокойная, обманчиво простая. Я не знаю другой такой игры, в которую можно так быстро проиграть столько денег. Даже в американский покер.

Я еще немного посмотрел. Все трое думать не думали об

эксгумации. Меня это порадовало.

— Кто-нибудь в последнее время видел Фуада? — спросил я.

Жак поднял на меня глаза.

— По крайней мере за последние пару дней — нет. А в чем дело?

— Чек был краденый, — сказал я.

— Ха! И тебе уже за это влетело, не так ли? Извини, Марид, я ничего об этом не знал.

— Конечно, Жак, — мрачно сказал я.

— Вы о чем, ребята? — спросил Саид.

Жак рассказал ему эту историю, растянув ее донельзя, со всякими ораторскими вывертами, приукрасив правду так, что я стал выглядеть сущим дураком. Конечно, свою собственную роль он приуменьшил.

Все трое разразились неудержимым хохотом.

— Значит, ты позволил Фуаду обдурить тебя? — еле дыша, сказал Махмуд. — Фуаду? Да ты теперь никогда от этого не отмоешься! Я всем об этом расскажу!

Я не произнес ни слова. Я понимал, что мне будут напоминать об этом, пока я не поймаю Фуада и не рассчитаюсь с ним за это дурацкое преступление. Мне теперь ничего не оставалось, как встать и пойти к своему месту у стойки. Когда я уходил, Жак сказал:

— У тебя тут уже стоит устройство цифровой связи, Марид. Заметил? И еще ты должен мне за те, что я уже продал. Сотня киамов за каждый, как ты сказал.

— Приходи с подписанными свидетельствами о доставке, — холодно сказал я. Я выжал дольку лайма в стакан и отпил немного «Белой смерти».

Чири перегнулась ко мне через стойку.

— Ты собираешься эксгумировать Халида Максвелла? — сказала она.

— Может, найду что стоящее.

Она покачала головой:

— Жуткое дело. Его семья и так уже много перенесла.

— Да, верно. — Я отхлебнул еще джина с бин-гарой.

— А что с Фуадом? — спросила она.

— Не бери в голову. Но если увидишь его, сразу же дай мне знать. Он просто задолжал мне немного денег.

Чири кивнула и пошла к бару, где уже сидел новый посетитель. Я смотрел, как Кэнди дотанцовывает последнюю песню.

На плечо мне легла чья-то рука. Я обернулся и увидел Ясмин и Пуалани.

— Как денек, любовь моя? — спросила Ясмин.

— Прекрасно. — Я чувствовал, что еще ничего не кончилось.

Пуалани усмехнулась:

— Ясмин говорит, что вы на следующей неделе поженитесь. Поздравляю!

— Что? — изумленно сказал я. — Что будет на следующей неделе? Я еще даже формального предложения не делал! Мне еще много о чем надо подумать. Мне кучу дел надо уладить. А потом надо поговорить с Индихар, с Фридландер-Беем…

— Ну да! — сказала Пуалани и поспешила прочь.

— Ты что, наврал мне сегодня утром? — спросила Ясмин. — Ты просто хотел убраться из моего дома, чтобы я не набила тебе морду, как ты того заслуживал?

— Нет! — сердито сказал я. — Я просто сказал, что вместе нам было бы неплохо. Я еще не готов назначить день и все прочее.

У Ясмин был обиженный вид.

— Ладно, — сказала она, — пока ты будешь рожать, я найду, куда пройтись и с кем встретиться. Понимаешь? Позвони мне, когда покончишь со всеми своими так называемыми проблемами.

Она пошла прочь, выпрямив спину, и села рядом с новым посетителем. Положила ему руку на колени. Я выпил еще.

Я сидел там долго, поглощая выпивку и трепясь с Чири и Лили, хорошенькой сексобменкой, которая всегда сама предлагалась мне. Около одиннадцати мой телефон зазвонил.

— Алло? — сказал я.

— Одран? Это Кеннет. Ты меня помнишь.

— А, да, зеница ока Абу Адиля, так ведь? Любимчик шейха Реда. В чем дело? У вас холостяцкая вечеринка и ты хочешь, чтобы я прислал нескольких мальчиков?

— Плевал я на тебя, Одран! Я всегда на тебя плевал!

Я был уверен, что Кеннет ненавидит меня до безумия.

— Чего звонишь? — спросил я.

— В пятницу в полдень ***чауши*** будут проводить демонстрацию по поводу жестокого убийства имама доктора Садика Абд ар-Раззака. Шейх Реда хочет, чтобы ты присутствовал, причем в форме, и чтобы ты обратился к ***чаушам*** с речью, а также познакомился со своим подразделением.

— Откуда ты знаешь об Абд ар-Раззаке? — спросил я. — Хаджар сказал, что он никому ничего не сообщит до завтрашнего утра.

— Шейх Реда не «кто-то». И ты должен это знать.

— Да, ты прав.

Кеннет помолчал.

— Шейх Реда также хочет, чтобы я передал тебе, что он резко против эксгумации Халида Максвелла. Не сочти это за угрозу, я просто передаю тебе пожелания шейха. Он сказал, что если ты будешь на стаивать на аутопсии, то заслужишь его вечную ненависть. От этого так просто не отмахиваются. Я рассмеялся:

— Кении, послушай, разве мы и так уже не смертельные враги? Мы и так ненавидим друг друга дальше некуда. И разве Фридландер-Бей и Абу Адиль уже не вцепились друг другу в глотку? Одна маленькая аутопсия вряд ли что-нибудь прибавитк нашей вражде.

— Ладно, тупой сукин сын! — отрезал Кеннет. — Я свое дело сделал, послание передал. В пятницу, в форме, на бульваре аль-Джамаль у мечети Шимааль. Тебе лучше прийти. — Он повесил трубку. Я прикрепил телефон к поясу.

Так завершился мой второй круг вокруг деревни. Я посмотрел на Чири и протянул ей стакан за следующей порцией. Началась долгая ночь.

Глава 15

Той ночью я проспал добрых четыре часа. Я был измотан до предела. Когда мой модик-будильник поднял меня в семь тридцать утра, я сел в кровати и поставил ноги на ковер. Закрыл лицо руками и сделал несколько глубоких вздохов. На самом деле мне не хотелось вставать, и я не был в настроении бросаться в битву с вражескими полками. Я посмотрел на часы — до того как Кмузу повезет меня в Будайин на встречу с медэкспертом, оставался еще час. Если я приму душ, оденусь и позавтракаю за пять минут, то смогу поспать почти до половины девятого.

Я выругался себе под нос и встал. У меня хрустнула спина. Раньше я никогда не слышал, чтобы у меня хрустело в спине. Может, я становлюсь слишком старым для того, чтобы всю ночь пить и драться? Нерадостная мысль.

Слепо спотыкаясь, я побрел в ванную и включил душ. Через пять минут я осознал, что стою неподвижно под горячей струей воды с широко открытыми глазами. Я спал стоя. Я схватил мыло, намылился и встал под кусачую воду. Вытерся, оделся в чистую белую галабейю, а поверх нее надел темно-красный балахон. Насчет завтрака мне еще предстояло решить. Я ведь, в конце концов, собирался в «комнату ужасов». Может, лучше позавтракать позже?

Кмузу посмотрел на меня ничего не выражающим взглядом, одним из тех, который должен был говорить о его полной беспристрастности. На самом-то деле он явно не одобрял меня.

— Ты опять напился прошлой ночью, ***йа Сиди***, — сказал он, ставя передо мной блюдо яиц с ломтиками жареной ягнятины.

— Ты с кем-нибудь меня перепутал, Кмузу, — ответил я. Я посмотрел на еду и ощутил, как у меня забурлило в желудке. Нет уж, никакой ягнятины. Не сейчас.

Кмузу стоял за моим креслом, сложив мускулистые руки.

— Не рассердишься, если я сделаю тебе замечание, ***йа Сиди!*** — спросил он.

Что бы я ни сказал, его это не остановило бы.

— Нет. Говори, пожалуйста.

— Ты в последнее время пренебрегаешь своими религиозными обязанностями, ***йа Сиди***.

Я обернулся и посмотрел на его красивое черное лицо.

— А тебе-то что за дело? Мы разной веры, и ты сам постоянно мне об этом напоминаешь.

— Любая вера лучше, чем никакой.

Я рассмеялся:

— Не уверен. Могу назвать несколько…

— Ты понимаешь, что я имею в виду. Неужели ты настолько опустился, что не считаешь нужным молиться? ***Йа Сиди***, ты заблуждаешься, ты сам это знаешь!

Я встал.

— Не твое дело, — пробормотал я себе под нос.

Я снова пошел в спальню за модиками и училками. За завтраком я не проглотил ни крошки. Своих невралок я в спальне не нашел. Пошел в гостиную, но их и там не было. Наконец я нашел их под полотенцем на столе в моем кабинете.

Я разложил маленькие пластиковые квадратики. Надо сказать, что я собрал весьма ценную коллекцию. Но с тех пор как мне модифицировали мозг, мне нужны были специальные модики. Это были модики для моей второй розетки, те, что подавляли неприятные сигналы, посылаемые в мозг телом. Те, что спасли мне жизнь в Руб-аль-Хали.

Я вставил их. Последствия были восхитительными. Мне больше не хотелось спать, не хотелось есть. Один из модиков позаботился и о моей нарастающей тревоге.

— Все в порядке, Кмузу, — весело сказал я. — Поехали. У меня сегодня много дел.

— Прекрасно, ***йа Сиди***, но как насчет того, чтобы поесть?

Я пожал плечами:

— В Эритрее голод. Отошли еду туда.

Обычно Кмузу такой юмор не понимал, потому я просто проверил ключи и вышел в коридор. Я не стал его ждать — все равно знал, что он сразу же пойдет за мной. Спустился по лестнице и подождал, пока он заведет машину и подгонит ее к двери. До Будайина мы не сказали друг другу ни слова. Он высадил меня у восточных ворот. У меня снова была куча планов, в которые Кмузу не входил, потому я отправил его домой. Я сказал ему, что позвоню, если мне надо будет куда-нибудь поехать. Иногда хорошо иметь раба.

Когда я добрался до морга, меня ждал неприятный сюрприз. Доктор Бешарати еще даже не начинал работать с трупом Халида Максвелла. Когда я вошел, он поднял на меня тусклый взгляд:

— Мистер Одран, простите, что припозднился. Прошлой ночью и с утра у нас было мало работы. Необычно для этого времени года. Обычно в жару убивают больше.

— Ох-ох, — сказал я. Я провел тут не более двух минут, а формальдегид уже начал есть мне глаза и нос. В этом случае модики совершенно не помогали.

Я смотрел, как двое ассистентов медэксперта пошли к одному из двенадцати подвалов, открыли его и вынесли оттуда тело

Халида Максвелла. Они с трудом водрузили его на один из столов. На другом уже лежал труп на ранней стадии разложения.

Доктор Бешарати стянул пару резиновых перчаток и надел другие.

— Вы когда-нибудь раньше видели, как проводят аутопсию? — спросил он. Похоже, он был в очень хорошем настроении.

— Нет, сэр, — ответил я.

Меня пробрала дрожь.

— Если вас начнет тошнить, можете выйти. — Он взял длинный черный шланг и повернул кран. — Случай тут будет особый, — сказал он, начиная обрабатывать труп Максвелла. — Он несколько недель пролежал в земле, так что информации мы получим не так много, как если бы покойник был свежий.

Труп вонял страшно, и вода из шланга тут ничем не помогала. Я задыхался. Один из ассистентов посмотрел на меня и рассмеялся.

— Это еще цветочки, — сказал он. — То ли еще будет, когда мы вскроем тело.

Доктор Бешарати пропустил его слова мимо ушей.

— Официальный полицейский рапорт гласит, что смерть произошла в результате выстрела с близкого расстояния из пистолета среднего калибра. Если бы расстояние было больше, то функционирование его нервов и мускулов прервалось бы на краткое время, и он просто оказался бы в состоянии беспомощности. Возможно, он был застрелен в упор. А это почти всегда приводит к немедленной остановке сердца. — За разговором он достал большой скальпель. — ***Бисмилла***, — прошептал он и сделал V-образный разрез от плечевых суставов к грудине и к верхней точке паха.

Когда ассистент приподнял кожу и мышечную ткань и отсек ее от скелета, я поймал себя на том, что смотрю в сторону. Затем я услышал, как затрещала вскрываемая грудная клетка. Когда они, однако, убрали ребра, грудная полость стала похожа а иллюстрацию к элементарной книжке по биологии. Это выглядело не так уж и страшно. И все же они были правы — смрад стал почти невыносимым. И не собирался в ближайшем времени ослабеть.

Доктор Бешарати взял шланг и вымыл тело еще раз. Посмотрел на меня.

— Полицейский рапорт также говорит, что курок пистолета спустили вы.

Я яростно замотал головой:

— Я даже не…

Он поднял руку.

— Я не собираюсь ни давить на вас, ни обвинять, — сказал он. — Ваша вина или невиновность удом доказаны не были. У меня на этот счет нет воего мнения. Но мне кажется, что, будь вы виновным, вы не волновались бы так насчет результатов аутопсии.

Я немного поразмыслил над этим.

— А что, похоже, что мы получим много полезной информации? — спросил я.

— Ну, как я и сказал, если бы труп не пролежал все это время в земле, мы узнали бы больше. С одной стороны, его кровь загнила. Она теперь клейкая и черная и почти бесполезна для судебной медицины. Но, к счастью, он был человеком бедным. Семья не бальзамировала его. Может, мы сможем выяснить пару фактиков.

Он снова вернулся к столу. Один из ассистентов начал вынимать внутренности — один орган за другим — из брюшной полости. Сморщившиеся глаза Халида Максвелла смотрели на меня. У него были прямые соломенного цвета волосы, непослушные и тусклые. Его кожа тоже высохла в гробу. Я думаю, ему было немногим за тридцать, но теперь у него было лицо восьмидесятилетнего старца. На миг мне показалось, что мне все это только снится.

Другой ассистент, зевнув, глянул на меня.

— Может, музыку завести? — спросил он. Потянулся назад и включил дешевую голосистему. Она начала играть какую-то хреновую сикхскую агитку, из тех, под которые танцевала на сцене Кэнди.

— Пожалуйста, не надо, — сказал я.

Ассистент пожал плечами и выключил музыку.

Другой ассистент отсекал внутренние органы, измерял их и ждал, пока доктор Бешарати отрежет от каждого по маленькому кусочку, положит в пузырек и запечатает. Остатки внутренностей просто сваливали в растущую кучу возле трупа.

Медэксперт тем не менее с особым вниманием рассмотрел сердце.

— Я тут стал приверженцем теории, — сказал он, — что выстрел из парализатора оставляет особый след при разложении сердца. Когда-нибудь, если эта теория будет в целом принята, мы сможем идентифицировать пистолет преступника, точно так же, как баллистическая лаборатория может идентифицировать пули, выпущенные из обычного пистолета.

Он разрезал сердце на тонкие кусочки, чтобы потом исследовать их внимательнее.

Я поднял брови.

— И что вам даст эта сердечная ткань?

Доктор Бешарати не поднял взгляда.

— Особый рисунок разорванных и целых клеток. В душе я уверен, что каждый парализатор оставляет свой собственный, уникальный след.

— Но пока это все же не считается свидетельством?

— Пока нет, но вскоре, надеюсь, будет. И это очень сильно облегчит работу мне, а также полиции и юридической консультации. — Доктор Бешарати выпрямился и передернул плечами. — У меня уже спина затекла, — сказал он, нахмурившись. — Ну, что ж, я готов заняться черепом.

Ассистент сделал разрез на затылке от уха до уха, сразу под волосами. Затем другой ассистент как-то нелепо потянул скальп вперед, и тот сполз на лицо трупа. Медэксперт взял маленькую электропилу. Когда он включил ее, помещение заполнил отдававшийся эхом громкий свербящий звук, от которого у меня заныли зубы. Он стал еще противнее, когда доктор стал срезать верхнюю часть черепа.

Доктор Бешарати выключил пилу и снял крышку черепа, внимательно рассмотрел ее в поисках трещин или других признаков грязной игры. Осмотрел мозг — сначала на месте, затем осторожно вынул его и положил на стол. Он разрезал мозг на тонкие кусочки, как и сердце, и поместил один кусочек в пузырек.

Несколько мгновений спустя я осознал, что аутопсия уже окончена. Я посмотрел на часы — девяносто минут я пробыл в каком-то жутком оцепенении. Доктор Бешарати забрал свои образцы и ушел из «комнаты ужасов» в дверь под аркой.

Я смотрел, как ассистенты убирают помещение. Они взяли пластиковый мешок и сгребли в него все извлеченные органы, включая мозг. Завязали мешок веревкой, запихнули его в грудную полость Максвелла, водворили на место грудную клетку и начали сшивать его крупными неряшливыми стежками. Положили на место кусок черепа, натянули на нее скальп и пришили его на затылке.

Неужели хороший человек может кончить свое существование таким механистичным, бесчувственным образом! Да уж — механистичный и бесчувственный: трое сотрудников медицинской экспертизы до обеда проводили по двенадцать или больше аутопсий.

— Вы в порядке? — спросил один из ассистентов, хитро усмехнувшись. — Вырвать не тянет?

— Я в норме. А что будет с ним? — Я показал на тело

Максвелла.

— Назад в ящик, потом в землю до полуденной молитвы. Не беспокойтесь о нем. Он ничего не почувствовал.

— Да будет с ним мир и благословение Аллаха, — сказал я. Меня снова передернуло.

— Да, — сказал ассистент. — Именно так, как вы сказали.

— Мистер Одран? — позвал доктор Бешарати.

Я обернулся и увидел его в дверях. — Идите-ка сюда, и я покажу вам то, о чем говорил.

Я пошел вслед за ним в рабочую комнату с наполовину прозрачным потолком. Света тут было побольше, но что до запаха, он был еще хуже. Стены комнаты, от пола до потолка, были заняты полками. На каждой полке в двенадцать дюймов высотой стояло по паре тысяч белых пластиковых пробирок, набитых по четыре штуки в глубину и по четыре в высоту, так что не оставалось ни дюйма свободного места. Доктор Бешарати перехватил мой взгляд.

— Я был бы рад избавиться от них, — грустно сказал он.

— А что это? — спросил я.

— Образцы. По закону мы обязаны хранить все образцы в течение десяти лет. Как срезы сердца и мозга Максвелла. Но поскольку формальдегид опасен, город не позволяет нам сжигать их, когда приходит время. И не позволит нам зарыть их или спустить в канализацию из-за угрозы заражения. Скоро у нас тут совсем не останется места. Я обвел взглядом полки в комнате.

— И что вы собираетесь делать?

Он покачал головой:

Не знаю. Может, нам придется снимать складские помещения с морозильниками. Это дело города, но городские власти всегда отвечают, что у них нет денег, чтобы привести в порядок мое учреждение. Мне кажется, что они просто забыли, что тут, внизу, есть мы.

— Я напомню эмиру о вас, когда в следующий раз увижу его.

— Да? — с надеждой сказал он. — Как бы то ни было, посмотрите на это. — Он показал мне на старый микроскоп, который, наверное, был новым в те времена, когда доктор Бешарати впервые начал мечтать о том, чтобы поступить в медицинский колледж.

Я уставился в окуляры микроскопа. Увидел несколько помеченных клеток. Это все, что я мог различить. — Что это? — спросил я.

— Срез мускульной ткани Халида Максвелла. Видите тот рисунок разложения, о котором я говорил?

Я понятия не имел, как должны были выглядеть клетки,

потому не мог судить о том, как они изменились от выстрела парализатора.

— Боюсь, что нет, — ответил я. — Должен буду положиться на ваше слово. Но вы-то его видите, правда? И если вы увидите другой образец с тем же самым рисунком, то будете ли вы готовы подтвердить, что использовалось одно и то же оружие?

— Я-то да — медленно сказал он. — Но, как я сказал, в суде мои показания не будут иметь веса.

Я снова посмотрел на него.

— Кое-что мы тут получили, — задумчиво сказал я. — Похоже это пригодится.

— Ладно, — сказал доктор Бешарати, провожая меня из «комнаты ужасов в приемную, — я надеюсь, вы сумеете воспользоваться этим и обелите свое имя. Я уделю этой работе особое внимание, сегодня же вечером у меня будут результаты. Если я еще чем-то могу помочь, немедленно свяжитесь со мной. Я тут торчу часов по двенадцать — шестнадцать, шесть дней в неделю.

Я обернулся.

— Это чересчур много для такого места, — сказал я.

Он просто пожал плечами.

— Сейчас у меня дожидаются очереди семь жертв убийства, кроме Халида Максвелла. Даже после стольких лет работы я не перестаю спрашивать себя, кем были эти бедняги, как они жили, что за жуткая история привела их на мой стол. Они для меня люди, мистер Одран. Люди. Не жмурики. И они заслуживают лучшего, что я только могу для них сделать. Для некоторых из них я — единственная надежда на правосудие. Я — их последний шанс.

— Возможно, — сказал я. — Здесь, в самом конце, их жизнь обретает какой-то смысл. Может, если вы сумеете помочь найти убийц, город сможет защитить остальных.

— Может быть, — сказал он и печально покачал головой. — Иногда нет ничего важнее справедливости.

Я поблагодарил доктора Бешарати за помощь и покинул это учреждение. У меня создалось впечатление, что в глубине души он любит свою работу, но в то же время ненавидит условия, в которых ему приходится эту работу выполнять. По дороге из Будайина мне вдруг пришло в голову, что ведь и я могу однажды кончить как Халид Максвелл и что мои внутренности так же будут валяться на столе из нержавейки, а мозг и сердце разрежут на кусочки и будут хранить в каких-нибудь пластиковых пробирочках. Я был рад даже тому, что иду в участок Хаджара — куда угодно, только бы подальше.

Идти было недалеко — из восточных ворот через бульвар аль-Джамаль, затем на юг. Участок располагался через несколько кварталов на углу улицы Валида аль-Акбара. Но мне неожиданно пришлось сделать крюк. У кромки тротуара стоял Папин черный лимузин. На тротуаре стоял Тарик и, судя по его виду, ждал меня. Выражение его физиономии у меня радости не вызвало.

— Фридландер-Бей желает поговорить с тобой, шейх Марид, — сказал он. Он открыл заднюю дверцу, и я скользнул внутрь. Я думал, что Папа будет там, но я был совсем один.

— Почему он не послал за мной Кмузу, Тарик? — спросил я.

Он лишь захлопнул дверь и обошел вокруг машины. Он сел на переднее сиденье, и мы тронулись с места. Вместо того чтобы ехать домой, Тарик повез меня в восточную часть города, через незнакомые места.

— Куда мы едем? — спросил я. Ответа не было. Ох-ох…

Я откинулся на спинку сиденья, спрашивая себя, что творится. У меня возникло жуткое, леденящее душу подозрение. Когда-то очень давно я уже ездил этим путем. Мои подозрения усилились, когда мы повернули и поехали по извилистым улочкам бедняцких окраин города. Блокирующий страх модик делал все, что мог, но тем не менее руки у меня начали потеть.

Наконец Тарик въехал на асфальтовую дорожку за бледно-зеленым бетонным зданием мотеля. Я сразу узнал его. Узнал это от руки написанное объявление: «МЕСТ НЕТ». Тарик припарковал машину и открыл мне дверь.

— Комната 19, — сказал он.

— Знаю, — ответил я. — Я помню дорогу.

В дверях комнаты 19 стоял один из Говорящих Булыжников. Он посмотрел на меня сверху вниз. Лицо его было бесстрастным. Сдвинуть с места этого гиганта я был не в силах, потому просто стоял и ждал, пока он не сочтет нужным войти вместе со мной. Наконец он фыркнул и отступил в сторону так, что я только-только сумел протиснуться внутрь.

Комната была все такой же. Со времени моего последнего посещения убранство ее не изменилось. Тогда я впервые привлек внимание Фрид-ландер-Бея и стал частью замысловатых планов старика. Старая потертая мебель, рабочий стол и кровать в европейском стиле, пара стульев с ветхой обивкой. Папа сидел за раскладным карточным столом посередине комнаты. Рядом с ним стоял другой Булыжник.

— Племянник, — сказал Папа.

Лицо его было мрачным, и в глазах не было любви.

— ***Хамдаллах ас-саламаа, йа шейх***, — сказал я. — Хвала Аллаху, ты здоров. — Я украдкой скосил глаза, выискивая путь к

бегству. Конечно же, его не было.

— ***Аллах йисаллимак***, — резко ответил он. Он пожелал мне благословения Аллаха голосом таким же бесстрастным, как звук выпущенной пули.

Говорящие Булыжники медленно встали по обеим сторонам от меня. Я посмотрел на них, затем на Папу.

— Что я такого сделал, о шейх? — прошептал я.

Я почувствовал, как руки Булыжников сжали мои плечи, хватка их становилась все жестче. Они чуть ли не ломали мои кости. Только блокиров-щик боли удерживал меня от крика. Папа встал.

— Я молил Аллаха, чтобы ты изменил свой образ жизни, племянник, — сказал он. — Скорбь мою не выразить словами. — Глаза его утратили блеск. Они были словно осколки грязного льда. И вовсе не казались скорбными.

— Что ты хочешь сказать? — спросил я.

Я прекрасно знал что.

Булыжники еще крепче стиснули мои плечи. Тот, кто был слева — Хабиб или Лябиб, я никогда не мог их различить, — отвел мою руку в сторону. Нажал на плечо и начал выворачивать руку из сустава.

— Ему должно бы быть больнее, — задумчиво сказал Фридландер-Бей. — Ну-ка, выдерните чип из его розетки. — Второй Булыжник сделал то, что было приказано, и мне стало ужас как больнее. Я подумал, что мне вообще оторвут руку. Я застонал.

— Ты знаешь, почему ты здесь, племянник? — спросил Папа, подойдя поближе и встав надо мной. Положил руку мне на щеку, мокрую от слез. А Булыжник все продолжал откручивать мою руку.

— Нет, о шейх, — молил я. Я хрипел, выдавливая слова.

— Наркотики, — просто сказал Папа. — Ты слишком часто появлялся на людях, будучи опьяненным наркотиками. Ты знаешь, как я смотрю на это. Ты презрел святое слово пророка Мухаммеда, да будет с ним мир и благословение Аллаха. Он запрещает отравлять себя. Я это запрещаю.

— Да, — сказал я. Я прекрасно понимал, что оскорбление, нанесенное ему, злит его гораздо больше, чем оскорбление, нанесенное нашей благословенной религии.

— Тебя предупреждали и раньше. Это предупреждение — последнее. Самое последнее. Если ты не изменишь свое поведение, племянник, ты прокатишься с Тариком еще раз. Но повезет он тебя не сюда. Он увезет тебя из города. В пустыню. И вернется домой один. И на сей раз у тебя не будет надежды

вернуться живым. Тарик будет не столь беспечен, как шейх Реда, хотя ты и мой правнук. У меня есть и другие правнуки.

— Да, о шейх, — тихо ответил я. Мне было очень больно. — Пожалуйста.

Он зыркнул на Булыжников. Они точас отошли от меня. Но боль не уходила. Я еще долго не отойду. Медленно, сморщившись, я встал со стула.

— Подожди немного, племянник, — сказал Фридландер-Бей. — Мы еще не кончили.

— ***Йаллах***, — выдохнул я.

— Тарик, — позвал Папа. Водитель вошел в комнату. — Тарик, дай моему племяннику оружие.

— Тарик подошел ко мне и посмотрел мне в глаза. На этот раз мне показалось, что я вижу в них намек на сострадание. Такого раньше не бывало. Он вынул игломет и вложил его мне в руку.

— Что это за пистолет, о шейх? — спросил я.

Папа нахмурил лоб.

— Это, племянник, оружие, из которого был убит имам, доктор Садик Абд ар-Раззак. С его помощью ты сможешь найти убийцу.

Я уставился на пистолет как на какой-нибудь неземной артефакт.

— Как…

— Больше у меня нет для тебя ответов.

Я встал и посмотрел прямо в глаза седому старику:

— Как ты его добыл?

Папа махнул рукой. Этого мне знать не надо было. Я должен был только найти владельца.

Я понял, что аудиенция окончена. Чаша терпения Фридландер-Бея была переполнена. Я и то, как я вел расследование, довели его.

Внезапно мне пришло в голову, что он способен и солгать мне — игломет мог не принадлежать убийце. Но, возможно, для той обширной паутины интриг, что плелась вокруг него и шейха Реда, это и не было важно. Возможно, единственной важной вещью во всем этом было то, что это оружие просто назвали оружием убийцы.

Тарик помог мне выйти из машины. Я медленно уселся сзади, прижимая к груди игломет. Перед тем как захлопнуть двери, Тарик протянул мне блокировщик боли. Я посмотрел на него, но слова не шли на язык. С благодарностью я вставил чип.

— Куда тебя отвезти, шейх Марид? — спросил Тарик, садясь в кресло водителя и включая мотор.

У меня был короткий список из трех пунктов. Сначала я думал поехать домой, забраться в постель и принять медицинскую дозу соннеина, чтобы облегчить боль в руке и плече. Но я знал, что Кмузу никогда этого не допустит. Осознав это, я решил поехать к Чири и заглотить несколько порций «Белой смерти», но, посмотрев на часы, понял, что дневная смена еще не приступила к работе. Последним, но самым неприятным местом, оставался полицейский участок Хаджара. Мне нужно было проверить одну важную улику.

— Отвези меня на улицу Валида аль-Акбара, Тарик, — сказал я. Он кивнул. До знакомой части города мы добирались по длинному, ухабистому пути. Я сидел, запрокинув голову, закрыв глаза и прислушиваясь к смутному шуму блокировщиков в голове. Я ничего не чувствовал. И мой дискомфорт, и мои эмоции шунтовала электроника.

Я, наверное, погрузился в беспокойный сон без видений. Я даже не думал о том, что буду делать, когда доберусь до места.

Мой отдых прервал Тарик.

— Приехали, — сказал он.

Он остановил машину, выскочил наружу и открыл передо мной дверь. Я быстро вышел — блокировщики боли облегчали задачу.

— Я подожду тебя здесь, шейх Марид?

— Да, — ответил я. — Долго не задержусь. О, кстати, нет ли у тебя бумаги и чего-нибудь, чем писать? Не хочу тащить туда этот игломет. Но серийный номер записать нужно.

Тарик порылся в карманах и достал бумагу и ручку. Я нацарапал номер на обороте визитки какого-то иностранца и засунул ее в карман галабейи. Затем поспешил вверх по лестнице.

Я не желал наткнуться на лейтенанта Хаджара, и потому пошел прямо в компьютерную. На сей раз женщина-сержант кивнула мне. Похоже, я становился тут привычной фигурой. Я сел за исцарапанную, грязную клавиатуру и приступил к работе. Когда компьютер сделал запрос, я прошептал: «След оружия». Просмотрел несколько меню, и наконец компьютер запросил у меня серийный номер. Я вытащил визитку и зачитал комбинацию букв и цифр.

Несколько секунд компьютер думал, затем на экране вспыхнули строчки. Игломет был зарегистрирован на имя моего приятеля, лейтенанта Хаджара собственной персоной. Я уставился в экран. Хаджар? Зачем Хаджару убивать имама?

Да потому, что Хаджар был цепным копом шейха Реда Абу Адиля. А шейх Реда думал, что он хозяин Абд ар-Раззака. Но имам совершил смертельную ошибку — он разрешил мне сделать

эксгумацию Халида Максвелла вопреки настоятельным пожеланиям Абу Адиля. У Абд ар-Раззака, возможно, еще осталось немного честности, потускневшей приверженности правде и законности, и за это Абу Адиль приказал его прикончить. Шейх Реда беспомощно смотрел на то, как его план избавиться от меня и Фридландер-Бея медленно распадается. Теперь, чтобы спасти свою задницу, ему придется доказывать, что он никак не связан со смертью Халида Максвелла.

На экране компьютера была еще информация. Я узнал, что игломет был похищен, что законно зарегистрирован он был три года назад. В файле был и адрес Хаджара, но я знал, что он давно уже недействителен. Куда интереснее, однако, был файл, в котором содержались все наказания Хаджара, все его ошибки и проступки, которые он совершил с тех пор, как появился в городе. Это был объемистый список всех обвинений, которые против него выдвигались, включая торговлю наркотиками, шантаж и вымогательство, за которые он никогда не был осужден.

Я рассмеялся, поскольку Хаджар так старался изъять всю эту информацию из своего персонального файла и городской базы данных по преступлениям. Он забыл об этой записи, и, возможно, она поможет вздернуть этого тупого сукиного сына.

Я только-только очистил экран, как раздался голос с сильным иорданским акцентом. Голос Хаджара:

— И сколько же тебе осталось до топора, Магрибинец? Все след ищешь?

Я крутанулся на стуле и улыбнулся ему:

— Все становится на свои места, Хаджар. Не думаю, что мне вообще о чем-либо следует беспокоиться.

Хаджар наклонился ко мне и прошипел сквозь зубы:

— Не о чем? Ты что, сляпал подписанное признание? И кому же ты собираешься пришить убийство? Своей мамаше?

— Я получил все, что мне нужно, из твоего компьютера. Я хотел поблагодарить тебя за то, что ты разрешил мне им воспользоваться. Ты славный малый, Хаджар.

— Что ты такое несешь?

Я пожал плечами:

— Я много что выяснил из данных по аутопсии Максвелла, но это оказалось неубедительным.

Лейтенант хмыкнул:

— Я же предупреждал тебя!

— Потому я пришел сюда и покопался кое в чем. Я забрался в городскую полицейскую библиотеку и нашел там очень интересную статью. Похоже, что появилась новая методика определения преступников по парализатору. Знаешь что-нибудь

об этом?

— Не-а. Ты ничего не сможешь определить по следу парализатора. Он не оставляет свидетельства. Ни пуль, ни иголок, ничего.

Я решил, что немножечко приврать не помешает:

— В этой статье говорится, что каждый парализатор оставляет свой индивидуальный след в клетках тела жертвы. Ты хочешь сказать, что никогда не читал об этом? Ты плохо делаешь уроки, Хаджар.

Улыбка сползла с его лица, сменившись беспокойством.

— Ты врешь!

Я рассмеялся:

— Что я знаю обо всем этом? Как я мог наврать? Я говорю тебе — я просто прочел это в вашей собственной библиотеке. Теперь я пойду к шейху Махали и попрошу еще раз эксгумировать Халида Максвелла. Медэксперт не искал следов парализатора. Думаю, он и не знал о них.

Хаджар побелел. Он схватил меня за грудки.

— Только попробуй сделать это, — прорычал он, — и каждый добрый мусульманин в городе разорвет тебя в клочья. Я тебя предупреждаю. Оставь Максвелла в покое. У тебя был шанс. Если ты до сих пор не нашел свидетеля, значит, тебе не повезло.

Я схватил его за запястье и вывернул его. Он, наконец, отцепился.

— Даже и не мечтай, — сказал я. — Ты сейчас пойдешь позвонишь Абу Адилю и передашь все, что я сказал. Мне осталось сделать только шаг для того, чтобы очистить свое имя и положить на плаху чью-то голову.

Хаджар рванулся и ударил меня по лицу.

— Ты зашел слишком далеко, Одран, — сказал он. Он был испуган. — Убирайся отсюда и болше не возвращайся. До тех пор, пока не будешь готов признаться в обоих убийствах.

Я встал и оттолкнул его.

— Да, ты прав, Хаджар, — сказал я. За последние дни я ни разу не чувствовал себя столь же хорошо. Оставив компьютерный зал, я побежал по лестнице вниз, туда, где ждал меня Тарик.

Я приказал ему отвезти меня в Будайин. Я собирался много что сделать этим утром, но пора было позавтракать, и я подумал, что заслужил еду и небольшой отдых. Прямо за восточными воротами, на Первой улице напротив морга был ресторан «У Мелула». Мелул был, как и я, магрибинцем, у него поначалу был ресторанчик неподалеку от полицейского участка. Это было излюбленное местечко копов, и дела там шли так хорошо, что он открыл еще один ресторанчик в Будайине, которым управлял его

шурин.

Я сел за маленький столик в задней части ресторана, спиной к кухне, так, чтобы видеть, кто входит. Ко мне с улыбкой подошел шурин Мелула и подал меню. Это был приземистый, коренастый человек с огромным крючковатым носом, по-берберски смуглой кожей и, если не считать жидкой бахромы темных волос над ушами, совершенно лысый.

— Меня зовут Слиман. Как ваши дела сегодня? — спросил он.

— Прекрасно, — ответил я. — Мне приходилось бывать у Мелула. И кухня мне очень понравилась.

— Счастлив слышать это, — сказал Слиман. — Я тут добавил несколько блюд Северной Африки и Среднего Востока. Надеюсь, вы их оцените.

Я несколько минут изучал меню, затем заказал большую чашку холодного йогурта, огуречный суп и жаренного на вертеле цыпленка. Пока я ждал, Слиман принес мне стакан сладкого мятного чая.

Еду подали быстро, ее было много, и она была вкусной. Я ел медленно, оценивая вкус каждого куска. В то же время я ждал телефонного звонка. Я ждал, что мне позвонит Кеннет и скажет, что, если я собираюсь провести еще одну эксгумацию, шейх Реда призовет на мою голову все муки ада.

Я поел, заплатил по счету, дал Слиману щедрые чаевые и пошел наружу. И тут я услышал, как какой-то мальчишка насвистывает детскую песенку. Я осмотрелся. После еды, со все еще включенными модиками, я не очень волновался. Я мог сам позаботиться о себе. Мне подумалось, что я должен все время это демонстрировать. И я пошел по Улице.

Вслед за первым мальчиком засвистел второй. И в его сигнале я почувствовал предостережение. Я остановился и огляделся в тревоге. Уголком глаза я уловил движение и, посмотрев в ту сторону, увидел бегущего ко мне со всех ног Хаджара.

Он поднял руку. В ней был парализатор. Он выстрелил, но лишь зацепил меня. И все равно мне пришлось пережить этот ужасный момент дезориентации, когда мое тело охватило жаром. Я упал на тротуар, содрогаясь в конвульсиях. Тело не слушалось меня. Я не мог управлять своими мускулами.

За мной на земле лежал один из мальчиков. Он не шевелился вовсе.

Глава 16

Из меня вынули блокировщики боли и положили в постель, и я отключился часа этак на двадцать четыре. Когда на следующий день я начал собирать свои рассеянные мысли, меня все еще трясло и я не мог удержать даже стакана с водой. Кмузу все время присматривал за мной, сидя в кресле у моей постели и рассказывая мне о том, что произошло.

— Ты хорошо рассмотрел того, кто в тебя стрелял, ***йа Сиди?*** — спросил он.

— Кто стрелял в меня? — изумленно сказал я. — Да Хаджар, вот кто! Прямо стоит передо мной! Разве никто больше этого не видел?

Кмузу нахмурился:

— Никто не осмелится опознать его. Похоже, только один свидетель будет говорить. Это один из тех мальчиков, что пытались предупредить тебя. Он вкратце описал преступника, но его описание почти не будет иметь значения при опознании убийцы.

— Убийцы? Значит, второй мальчик…

— Он мертв, ***йа Сиди***.

Я кивнул. Мне было очень горько. Я откинулся на подушки и закрыл глаза. У меня было много о чем подумать. А вдруг убитым мальчиком был Гази? Я надеялся, что нет.

Несколько минут спустя у меня возникла другая мысль.

— Мне не звонили, Кмузу? — спросил я. — От шейха Реда или его прихвостня Кеннета?

Кмузу покачал головой.

— Звонили Чирига и Ясмин. Твои приятели Жак и Саид даже приходили домой, но ты был не в состоянии их принять. А от шейха Реда ничего не было.

Я глубоко задумался. Я скормил Хаджару ложь о второй эксгумации, и тот среагировал как ненормальный, даже набросился на меня с парализатором, чтобы не дать мне продолжить расследование. Полагаю, он думал, что сумеет представить дело так, будто меня хватил сердечный приступ прямо на тротуаре. Беда Хаджара была в том, что он считал себя чересчур крутым. Он не сумел довести дело до конца.

Я уверен, что он передал мои планы своему боссу, шейху Реда, но на сей раз звонков с предупреждениями от Кеннета не было. Возможно, Абу Адиль знал, что я блефую. Может, он понимал, что никакой полезной информации от повторной эксгумации Халида Максвелла я не получу. Может, он просто был

настолько самоуверен, что ему было все равно.

Так закончился третий круг вокруг деревни, и на сей раз остался только один заинтересованный участник — Хаджар. В душе я был уверен, что он был виноват в обоих убийствах. Это меня не удивляло. Он убил Халида Максвелла по приказу Абу Адиля и попытался пришить убийство мне, он убил доктора Садика Абд ар-Раззака и, возможно, непреднамеренно убил невинного мальчика. Проблема была в том, что, хотя я и знал правду, у меня все еще не было ничего, что я мог бы представить в суде и сунуть Хаджару под нос.

Я даже книгу удержать в руках не мог, и потому весь день смотрел голопрограмму. Передавали погребение убитого имама, которое состоялось днем раньше, после того как он был выставлен на всеобщее обозрение в течение двадцати четырех часов. Хаджар был прав — беспорядки начались. Улицы вокруг мечети Шимааль день и ночь были забиты сотнями тысяч людей, оплакивавших имама. Некоторых из них оттеснили, и они стояли вокруг мечети, читая молитвы, и резали бритвами себе руки и лица. Толпы людей текли то в одну, то в другую сторону, несколько десятков человек убили, других затолкали или затоптали.

Все время слышались пронзительные крики с требованием отдать убийцу под суд. Я ждал, что Хаджар назовет журналистам мое имя, но лейтенант был бессилен выполнить свою угрозу. У него даже не было оружия убийства, чтобы связать подозрение с преступником. У него было только чрезвычайно шаткое случайное свидетельство. Он не представлял для меня угрозы, по крайней мере некоторое время.

Когда мне надоело смотреть передачу, я переключил головизор и стал смотреть оперу середины шестнадцатого века хиджры «Казнь Рушди». Веселее мне от этого не стало.

Вдохновение снизошло на меня как раз в тот момент, когда Кмузу принес поднос с цыпленком и овощным кускусом.

— Сдается мне, я поймал его, — сказал я. — Кмузу, не запросишь ли «Инфо» насчет телефона медэксперта и не поднесешь ли трубку к моему уху?

— Конечно, ***йа Сиди***. — Он нашел номер и пробормотал его в трубку. Затем придержал ее так, чтобы я мог говорить и слушать.

— ***Мархаба***, — сказали на том конце. Это был один из ассистентов.

— Да будет с тобой Аллах, — сказал я. — Это Марид Одран. Пару дней назад для меня делали аутопсию Халида Максвелла.

— Да, мистер Одран. Мы выслали вам результаты. Можем ли еще чем-нибудь вам помочь?

— Да. — Сердце мое заколотилось быстрее. — Меня слегка зацепило из парализатора в Будайине…

— Да, мы слышали. При этом же нападении был убит мальчик.

— Точно. Вот об этом я и хотел с вами поговорить. Вы провели аутопсию этого мальчика?

— Да.

— Теперь слушайте. Это очень важно. Не попросите ли доктора Бешарати сравнить рисунок распада клеток сердца мальчика с тем, что было у Халида Максвелла? Мне кажется, они могут совпасть.

— Хм. Это интересно. Но, понимаете ли, даже если и окажется совпадение, вам от этого пользы не будет. В смысле юстиции. Вы не…

— Я все знаю. Я просто хочу выяснить, верны ли мои собственные подозрения. Не можете ли попросить его провести сравнение поскорее? Я не преувеличиваю, когда говорю, что это касается жизни и смерти.

— Хорошо, мистер Одран. Возможно, он позвонит вам сегодня чуть позже.

— Не знаю, как и благодарить вас, — с чувством сказал я.

— Ладно, — сказал ассистент. — Как скажете.

Он повесил трубку.

Кмузу тоже.

— Прекрасная аргументация, ***йа Сиди***, — сказал он. Он почти улыбался.

— Ну, мы еще ничего не знаем. Нам придется подождать звонка доктора.

Я немного вздремнул. Проснулся я от того, что Кмузу положил мне руку на плечо.

— К тебе гость, — сказал он.

Я повернул голову и понял, что могу немного управлять своими мускулами. В гостиной раздались шаги, и вошел мой юный бедуинский друг, бен-Турки. Он сел на стул возле постели.

— ***Ас-салаам алейкум, йа шейх***, — серьезно сказал он.

Я был очень рад видеть его.

— ***Ва-алейкум ас-салаам,*** — ответил я с улыбкой. — Когда ты вернулся?

— Меньше часа назад. Я приехал сюда прямо с поля. Что случилось с тобой? Тебе лучше?

— Кое-кто стрелял в меня, но Аллах на сей раз был на моей стороне. Моему врагу придется в следующий раз целиться получше.

— Будем молиться, чтобы следующего раза не было, о

шейх, — сказал бен-Турки.

Я просто развел руками. Следующий раз будет, почти наверняка. Если не Хаджар, то еще кто-нибудь.

— Теперь скажи мне, как твоя поездка?

Бен-Турки поджал губы.

— Удачно. — Он вынул какой-то предмет из кармана и положил его на одеяло рядом с моей рукой. Я взял его своими скрюченными пальцами и поднес поближе, чтобы рассмотреть. Это был пластиковый именной жетон с надписью «Сержант аль-Бишах». Так звали того наджранского ублюдка, который избил нас с Фридландер-Беем.

Я забыл, что приказал убить этого человека. Я спокойно обрек его на смерть, и все, что осталось теперь от полицейского — этот жетон. И как я себя чувствовал? Я подождал несколько секунд, ожидая, что холодный ужас заполнит мои мысли. Но этого не произошло. Порой мы так легко относимся к смерти кого-то другого. Мне было все равно. Я чувствовал только нетерпение заняться делами.

— Хорошо, друг мой, — сказал я. — Ты получишь награду.

Бен-Турки кивнул, забирая жетон.

— Мы говорили о месте, которое будет приносить мне постоянный доход. Я приехал сюда, что бы испробовать сложности городской жизни. Думаю, я смогу тут побыть немного прежде, чем вернусь к Бани Салим.

— Мы будем рады тебе, — сказал я. — Я хочу вознаградить твое племя за их безграничное гостеприимство и доброту к нам, когда мы были брошены в Песках. Я думал построить вам поселение, возможно, возле того оазиса…

— Нет, о шейх, — сказал он. — Шейх Хассанейн никогда не принял бы такого дара. Несколько человек покинули Бани Салим и построили себе дома из бетонных блоков, и мы видим их раз или два в год, когда проходим мимо их деревень. Но большая часть племени держится старинных обычаев. Это решение шейха Хассанейна. Мы знаем о таких роскошествах, как электричество и газовые плиты, но мы — бедуины. Мы не променяем наших верблюдов на грузовики и наши шатры из козьих шкур на дома, что привяжут нас к месту.

— Я и не думал, что Бани Салим будут жить весь год в селении, — сказал я. — Но, может быть, племя захочет иметь удобные жилища, когда закончит ежегодную кочевку.

Бен-Турки улыбнулся:

— У тебя добрые намерения, но твой дар бы бы смертельным для Бани Салим.

— Как скажешь, бен-Турки.

Он встал и пожал мне руку.

— Теперь я оставляю тебя. Отдыхай, о шейх.

— Ступай с миром, племянник, — сказал я.

— Аллах йисаллимак, — сказал он и покинул комнату.

Около семи часов вечера того же дня зазвонил телефон. Кмузу поднял трубку.

— Это доктор Бешарати, — сказал я. Потом неуклюже взял трубку и поднес ее к уху. — ***Мархаба***, — сказал я.

— Мистер Одран? Вы оказались правы в своих подозрениях. Рисунок распада клеток сердца мальчика и Халида Максвелла один и тот же. Я уверен, что они были убиты из одного и того же пистолета.

Я несколько секунд в задумчивости смотрел в пространство.

— Спасибо, доктор Бешарати, — наконец сказал я.

— Конечно, это еще не доказывает, что в обоих случаях им пользовался один и тот же человек.

— Это я понимаю. Но есть шанс, что это был один и тот же. Теперь я точно знаю, что мне делать и как.

— Ладно, — сказал медэксперт, — я не знаю, что вы имеете в виду, но всеже желаю вам удачи. Да будет с вами мир.

— И с вами, — сказал я, опуская трубку. Наказывая врагов и вознаграждая друзей, я решил подумать, что бы мне такое сделать для доктора Бешарати. Он несомненно заслуживал благодарности.

Той ночью я рано отправился спать и наутро я оправился достаточно, чтобы выбраться из постели и принять душ. Кмузу хотел, чтобы я избегал всяческих усилий, но это было невозможно. Была пятница — день Шабад, — и я был должен появиться на параде ***чаушей***.

Я съел обильный завтрак и оделся в сизую форму, подаренную мне шейхом Реда. Брюки с черными лампасами были сшиты прекрасно и скроены так, чтобы заправлять их в высокие черные сапоги. Мундир со стоячим воротничком и лейтенантскими нашивками. Здесь также была высокая фуражка с черным козырьком. Полностью одевшись, я посмотрел на себя в зеркало. Мне подумалось, что сходство этой формы с нацистской не случайно.

— Как я смотрюсь, Кмузу? — спросил я.

— Это не ты, ***йа Сиди***. Определенно, это не твой стиль.

Я рассмеялся и снял фуражку.

— Ладно, — сказал я. — Абу Адиль был достаточно добр и подарил мне эту форму. Й самое меньшее, чем я могу отплатить ему, так это ради него надеть ее разок.

— Не понимаю, почему ты должен это делать. Я пожал

плечами:

— Может, ради любопытства.

— Надеюсь, хозяин дома не увидит тебя в этой одежде, ***йа Сиди***.

— Я тоже на это надеюсь. Теперь подгони машину. Парад состоится на бульваре аль-Джамаль, рядом с мечетью Шимааль. Боюсь, нам придется где-нибудь оставить машину и пройти несколько кварталов. Возле мечети толпа по-прежнему густая.

Кмузу кивнул. Он спустился по лестнице, чтобы завести «вестфаль»-седан. Я пошел вслед за ним, решив не принимать наркотиков и не брать моди-ки с собой. Я не знал в точности, во что ввязываюсь, и мне хотелось сохранить ясность мысли.

Когда мы добрались до бульвара, я просто испугался, увидев такую толпу. Кмузу начал объезжать ее по аллеям и боковым улочкам, пытаясь подъехать поближе к месту сбора ***чаушей***.

Через некоторое время нам пришлось сдаться и пройти остаток пути пешком. Мы пробивались сквозь толпу. По-моему, то, что я был в форме, немного помогало мне, но продвигались мы все равно медленно. Я увидел высокую платформу с трибуной, покрытой флагом с эмблемой ***чаушей***. Я увидел Абу Адиля и Кеннета, обоих в форме. Шейх Реда стоял и болтал с другим офицером. Он был без своих адских модиков. Меня это порадовало — я не желал иметь дела с Абу Адилем, претерпевающим свои электронные страдания.

— Кмузу, — сказал я, — я хочу попробовать залезть на платформу и поговорить с шейхом Реда. Я хочу, чтобы ты подошел сзади. Старайся держаться поблизости. Ты можешь мне понадобиться.

— Понял, ***йа Сиди***, — озабоченно сказал он. — Будь осторожен и не лезь на рожон.

— Не полезу.

Я медленно протискивался скозь толпу, пока не добрался до задних рядов ***чаушей***, стоявших на центральной полосе бульвара. Оттуда добраться до передних рядов было легче. И всю дорогу мне кивали и отдавали честь знакомые ополченцы.

Я добрался до края платформы и поднялся по трем ступенькам. Реда Абу Адиль по-прежнему не видел меня. Я подошел к нему и отдал честь. Его форма была куда более элегантна, чем моя. По-моему, пуговицы на ней были золотые, в то время как у всех прочих — бронзовые. На его воротнике вместо бронзовых полумесяцев были искривленные золотые мечи.

— Надо же! — сказал Абу Адиль, отвечая мне таким же приветствием. Вид у него был удивленный. — Вот уж не ожидал, что ты придешь.

— Я не хотел разочаровывать вас, сэр, — сказал я с улыбкой. Повернулся к его помощнику. — Ну, как дела, Кении?

Кеннет был полковником и прямо-таки любовался собой в ботфортах.

— Я же говорил тебе, чтобы ты не называл меня так, — прорычал он.

— Говорил. — Я повернулся к нему спиной. — Шейх Реда, ведь ***чауши*** — это военизированные силы Ислама. Я помню, что некогда это была группа, которая должна была очистить город от чужаков. Теперь мы с гордостью носим Символы веры. Я только что подумал — неужели Кеннет один из нас? Могу поспорить, что он христианин. Или, может быть, даже иудаист.

Кеннет схватил меня за плечо и развернул лицом к себе.

— Свидетельствую, что нет бога, кроме Бога, — продекламировал он, — и Мухаммед пророк Его!

Я ухмыльнулся.

— Прекрасно! У тебя это действительно здорово получается. Продолжай в том же духе.

Абу Адиль нахмурился:

— Кончайте ваши детские ссоры. Нам сегодня предстоит подумать о делах более важных. Эта наша первая публичная демонстрация. Если все пойдет как надо, мы получим сотни новобранцев, и ***чаушей*** станет вдвое больше. Вот что имеет значение.

— О, — сказал я, — вижу. А что с беднягой стариком Абд ар-Раззаком? Или это только предлог?

— Зачем ты пришел? — спросил Абу Адиль. — Если ты собираешься смеяться над нами…

— Нет, сэр, вовсе нет. Конечно, между нами есть разногласия, но мне выпала честь очистить этот город. Я пришел посмотреть на те три взвода, которыми я должен командовать.

— Хорошо, хорошо, — медленно проговорил Абу Адиль. — Прекрасно.

— Я ему не верю, — сказал Кеннет.

Абу Адиль повернулся к нему.

— Я тоже, друг мой, но тем не менее мы можем вести себя как цивилизованные люди. На нас другие смотрят.

— Попытайся на некоторое время сдержать свою злобу, Кеннет, — сказал я. — Я готов простить и забыть. По крайней мере сейчас.

Он только злобно глянул на меня и отвернулся.

Абу Адиль положил мне руку на плечо и показал на подразделение, стоявшее у платформы справа.

— Вот ваши взводы, лейтенант Одран, — сказал он. — Это

отделение аль-Хашеми. Лучшие из наших людей. Почему бы тебе не спуститься к ним и не познакомиться с твоими сержантами? Мы скоро начнем марш.

— Хорошо, — сказал я. Я спустился с платформы и прошелся перед своим подразделением. Остановился и поприветствовал трех взводных сержантов, затем прошелся по рядам, словно бы инспектируя их. Большинство людей показались мне потерявшими форму. Я подумал, что ***чауши*** не слишком хорошо смотрятся по сравнению с регулярными войсками, но они и не были предназначены для сражения с настоящей армией. ***Чауши*** нужны были для того, чтобы держать в страхе владельцев магазинов и неверных интеллектуалов.

Примерно через четверть часа Абу Адиль взял микрофон и приказал начать парад. Мое подразделение в нем не участвовало — оно не давало гражданским вмешиваться в ход парада. Несколько специально вымуштрованных взводов показали свою выправку, маршируя, поворачиваясь и выделывая артикулы деревянными винтовками.

Это продолжалось около часа под палящим солнцем, и я стал подумывать, что сделал серьезную ошибку. Я начал слабеть, у меня кружилась голова и мне захотелось сесть. Наконец последний показушный взвод встал «смирно», и Абу Адиль поднялся на трибуну. Еще полчаса он разглагольствовал перед ***чаушами*** об ужасном убийстве доктора Абд ар-Раззака и о том, как мы все должны поклясться в верности Аллаху и ***чаушам*** и не предаваться отдыху, пока жестокий убийца не будет схвачен и казнен по законам Ислама. Могу сказать, что шейх Реда завел всех людей в форме так, что те едва сдерживали ярость.

Затем он вдруг позвал меня и попросил произнести речь. Я пару секунд пялился на него, затем снова взобрался на платформу. Встал у микрофона. Абу Адиль отошел в сторону. По рядам стоявших передо мной людей в форме пробежал тревожный шепот, но за ними я видел толпу в десятки тысяч мужчин и женщин, чья сдерживаемая ярость все еще искала выхода. Я не знал, что бы мне такое сказать.

— Друзья мои, воины Аллаха, — начал я, простирая руки, чтобы показать, что слова мои относятся не только к ***чаушам***, но и к толпе. — Слишком поздно что-либо делать. Остается только мстить. — Со стороны зрителей раздался громкий крик. — Как сказал шейх Реда, у нас есть священная обязанность, которую возлагает на нас благородный Коран. Мы должны найти того, кто убил нашего святого имама, и дать ему испробовать остроту кинжалов нашего правосудия. — Я содрогнулся от странного, плотоядного воя толпы. Но я продолжал: — Это наша задача. Но

честь, вера и уважение к закону требует, чтобы мы сдерживали наш гнев, чтобы месть наша не пала на невиновного. Как же тогда нам узнать истину? Друзья мои, мои братья и сестры во Исламе, эту истину знаю я!

Эти слова заставили толпу зареветь, а сзади, где стояли Абу Адиль и Кеннет, раздался возглас удивления. Я расстегнул мундир и достал игломет, высоко подняв его над головой, чтобы видно было всем.

— Вот оружие убийцы! Вот жестокое орудие убийства имама!

Теперь крики были куда страшнее и продолжительнее. Охваченная истерикой толпа хлынула вперед, и стоявшие внизу ***чауши*** пытались удержать людей от того, чтобы они не опрокинули платформу.

— Я знаю, чье это оружие! — закричал я. — Хотите ли вы узнать об этом? Хотите ли вы узнать о том, кто хладнокровно убил доктора Садика Абд ар-Раззака? — Я подождал несколько секунд, понимая, что рев не уляжется, но держал паузу ради эффекта. Я увидел, как Кеннет рванулся ко мне, но Абу Адиль схватил его за руку. Это меня удивило.

— Оно принадлежит лейтенанту полиции Хаджару, иорданскому иммигранту, человеку, у которого в прошлом множество преступлений, и он не понес за них наказания. Я не знаю, почему он так поступил. Я не знаю, почему он лишил нас нашего имама. Я знаю только то, что он совершил злодеяние и что сейчас он сидит неподалеку отсюда в полицейском участке на улице Валида аль-Акбара в своей греховной гордости, уверенный в том, что месть людская его не коснется.

Я намеревался сказать им еще кое-что, но это было невозможно. С этого момента толпа стала страшной. Казалось, что она трясется, мечется и ползет сама по себе, голоса слились в неразборчивые крики, повсюду раздавались молитвы и проклятия. Через несколько минут я с изумлением увидел, что толпа сгруппировалась так, будто у нее появились лидеры, которые и приняли решение. Зверь толпы медленно повернулся от платформы. Он пополз на юг, по прелестному бульвару аль-Джамаль. К полицейскому участку. Зверь шел за Хаджаром.

Хаджар предвидел, как поведет себя разъяренная толпа. Он предвидел ужас ее бездумного гнева. Он ошибся лишь в том, кто станет ее жертвой.

Я с интересом наблюдал за происходящим. Через некоторое время я, наконец, отошел от микрофона. Дневной парад ***чаушей*** был закончен. Многие из людей в форме покинули ряды и присоединились к взбешенной толпе.

— Прекрасно сделано, Одран, — сказал Абу Адиль. —

Отлично сыграно.

Я посмотрел на него. Мне показалось, что он говорил совершенно искренне.

— Тебе это будет стоить одного из самых полезных наемников, — сказал я. — Расплата — сука, не так ли?

Абу Адиль только пожал плечами:

— Я уже списал Хаджара со счетов. Я могу оценить хорошую работу, даже если это работа врага. Но берегись. Не думай, что, если я поздравляю тебя, я не замышляю, как бы заставить тебя расплатиться. Все это слишком опасно для меня.

Я улыбнулся:

— Ты сам на себя навлек беду.

— Запомни, что я сказал: я заставлю тебя заплатить.

— Думаю, ты попытаешься.

Я спустился вниз с задней стороны платформы. Там стоял Кмузу. Он увел меня с бульвара от мятущейся толпы, к нашей машине.

— Пожалуйста, сними эту форму, ***йа Сиди***, — сказал Кмузу.

— Что? А домой я в исподнем поеду? — рассмеялся я.

— Хотя бы мундир. Меня от него тошнит.

Я сделал, как он просил, и бросил мундир в угол заднего сиденья.

— Ну, — потянувшись, сказал я, — и как у меня вышло?

Кмузу обернулся и одарил меня улыбкой — редкое событие.

— Здорово, ***йа Сиди***, — сказал он и снова вернулся к рулю.

Я расслабился и откинулся на сиденье. Я говорил себе, что небольшой перерыв в ходе моей жизни, вызванный вмешательством Абу Адиля, лейтенанта Хаджара и имама Абд ар-Раззака, кончился, и что теперь жизнь вернется в прежнее русло. Инцидент был исчерпан. А что до самого шейха Реда, то все планы воздать этому сукиному сыну по заслугам придется отложить на время, пока в туманном будущем Аллах не призовет к себе Фридлан-дер-Бея в свой Святой рай.

А пока мы с Папой восстановили свое доброе имя. На следующий день мы встретились с эмиром и представили ему информацию и свидетельства по убийствам Халида Максвелла, Абд ар-Раззака и лейтенанта Хаджара. Я не счел нужным излагать ему подробности внезапной смерти сержанта аль-Бишаха в Наджране и некоторые другие существенные детали. Шейх Махали приказал одному из своих заместителей снять с нас ложные обвинения и изъять всякие упоминания об убийстве Халида Максвелла из наших досье.

Я был доволен тем, как легко я вернулся к прежней жизни. Вскоре я снова сидел за клавиатурой, просматривая информацию,

касающуюся революционной партии, набиравшей силу в моей родной Мавритании. Кмузу стоял рядом и ждал, пока я его замечу. Я поднял взгляд.

— В чем дело? — спросил я.

— Хозяин дома желает говорить с тобой, ***йа Сиди***, — сказал Кмузу.

Я кивнул, не зная, чего ожидать. С Папой никогда не угадаешь — зовут тебя ради наказания или ради награды. В желудке у меня забурлило — неужели я снова вызвал его недовольство? И не ждут ли меня Говорящие Булыжники, чтобы переломать мне кости?

К счастью, оказалось, что это не тот случай. Когда я вошел в кабинет, Фридландер-Бей улыбнулся мне и показал, чтобы я сел с ним рядом.

— Я приказывал тебе найти элегантное решение наших проблем, племянник, и очень доволен тем, как ты это сделал.

— Счастлив слышать это, о шейх, — с облегчением сказал я.

— Я думаю, здесь достаточно, чтобы вознаградить тебя должным образом за все, что ты претерпел, и за ту работу, которую ты выполнил для меня.

— Я не прошу награды, о шейх, — сказал я.

— Я люблю награды, как и всякий другой, но правила хорошего тона предписывали отказаться ради проформы.

Папа пропустил мои слова мимо ушей. Он протянул мне тонкий конверт и маленькую картонную коробочку. Я вопросительно посмотрел на него.

— Прими это, племянник. Мне очень приятно подарить тебе это.

В конверте, конечно же, были деньги. Не наличными, потому что сумма была слишком велика. Это был банковский чек на четверть миллиона киамов. Я несколько секунд пялился на него, затем сглотнул и положил его на стол. Затем взял коробочку и открыл ее. Там был модик. Фридландер-Бей был против модиков из религиозных соображений, так что с его стороны это было очень необычно.

Я посмотрел на ярлычок. Модик представлял собой восстановленную версию моего любимого персонажа, детектива из романов Латфи Гада аль-Каддани. Я улыбнулся.

— Спасибо, дядя, — мягко сказал я. Модик значил для меня больше, чем куча денег. В этом была какая-то теплота, которую я не мог выразить словами.

— Я приказал сделать этот модик специально для тебя, — сказал Папа. — Надеюсь, он тебе понравится. — Он еще несколько секунд смотрел на меня. — А теперь расскажи мне о

том, как поживает наш проект цифровой связи. И еще мне нужен отчет о положении дел в Каппадокии. А в дальнейшем, поскольку лейтенант Хаджар мертв, нам надо подумать о надежной замене.

За месяцы страданий я получил одну-единственную минуту хорошего настроения. Чего еще можно желать?

notes

Примечания

1

В мусульманских странах судопроизводство ведется по законам шариата, и отступление от религиозных норм преследуется как уголовное преступление.

2

Один из синонимов Корана.

Книга пишется с большой буквы, и т. д. — синонимы Корана.

4

Имеется в виду Чикаго 20-х годов времени жизни знаменитого гангстера Аль Капоне.

5

Галабийя-просторное длинное одеяние, которое носят кочевники-бедуины, крестьяне, иногда — городские жители.

6

„…не уходи покорно в добрый мрак…“ — классическое стихотворение Дилана Томаса.

7

Джоплин Дженис — легендарная рок-исполнительница 60-х годов.

8

Мэнсон Чарльз глава преступной секты, объявивший себя новым мессией и толковавший песни „Битлз“ как откровения, подтверждающие его проповеди. По его приказу в 60-х годах в Голливуде была совершена серия зверских преступлений, в частности, убита жена режиссера Романа Полянского, звезда кино Шарон Тейт. „Носферату, вампир“ — знаменитый немой фильм Мурнау, созданный в Германии, одна из первых экранизаций „Дракулы“ Брэма Стокера.

9

В пору рамадана предписано поститься Соблюдение запрета есть и пить в дневное время строго обязательно для мусульман, однако постятся лишь до наступления темноты, а с полуночи разрешается есть, причем принято готовить особо лакомые блюда. Пост рамадана отмечается как праздник.

10

В Коране и других священных текстах содержатся многочисленные оговорки, облегчающие или даже позволяющие в отдельных случаях нарушать пост.

11

Правая Стезя, или Истинный Путь, — имеется в виду Коран, сура 2 „Корова“, аяты 178, 179.

12

Сура 5 „Трапеза“, аят 45 Пер. Б.Я.Шидфар.

13

Мусульманам предписано молиться, обратившись лицом к священному городу.

14

Наряду с несколько архаичным литературным языком, употребляющимся в официальных выступлениях и т. д., существует множество разговорных диалектов (самые распространенные — сирийский и египетский) для общения в повседневной жизни; не изучив их, трудно понять речь современного араба.

15

Знаменитая фраза из классического трактата средневекового христианского философа-мистика, монаха и богослова Фомы Кемпийского „О подражании Христу“. В оригинале — совет послушникам исполнять все, что требуется в повседневной жизни, но не позволять ни внешнему миру, ни внутренним соблазнам поработить их.

16

Пятница — день отдохновения у мусульман.

17

Салахад Дин (искаж — Саладин) правитель и военачальник, нанесший серьезное поражение крестоносцам, его имя стало нарицательным.

18

Инч = 2,56 см.

19

Виллиам аль-Шейк Сабир — то есть Шекспир Пер. Е.Бируковой

20

Знаменитая английская актриса, прославившаяся исполнением главной роли в классическом фильме — экранизации книги Маргарет Митчелл.

21

Сура 34 „Саба“, аят 39 Пер. Б. Я. Шидфар.

22

„Как жизнь?“ — на суахили.

23

Ты уже готов нем.

24

Меня зовут Марид Одран, фрейлейн Не знаете ли вы, где Люц? (нем.)

25

Сура 114 „Род людской“ (Пер. Б. Я. Шидфар); самая короткая сура в Коране — 112 „Единобожие“ (4 аята).